

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
1874 г.

DK

1

~~~~~  
.R59

ТОМЪ IX.

v. 9

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

516

ЗАПИСКИ КВАКЕРА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ РОССІИ.

1818 — 1819.

Стефанъ Грелла-де-Мобилье (Etienne de Grelle de Mobillier), родился въ 1760 году во Франціи и былъ воспитанъ въ римско-католической вѣрѣ. При началѣ французской революціи онъ уѣхалъ въ Америку и тамъ вступилъ въ общество „друзей“ (Society of friends), обыкновенно называемыхъ „квакерами“. Впослѣдствіи онъ неоднократно посѣщалъ Европу съ разными филантропическими цѣлями и главнымъ образомъ для оживленія и утвержденія между людьми внутреннихъ основъ нравственно-религіозной жизни. Въ 1818 году онъ пріѣхалъ въ Россію.

Дневникъ, написанный имъ во время пребыванія его въ Россіи (вмѣстѣ съ другимъ квакеромъ Алленомъ¹⁾), представляетъ много интересныхъ подробностей о замѣчательныхъ общественныхъ нашихъ дѣятеляхъ въ тогдашней эпохѣ и проливаетъ свѣтъ на характеръ и значеніе мистическаго направленія, господствовавшаго у насъ тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Мобилье описываетъ свои впечатлѣнія и приключенія въ Россіи съ свойственнымъ квакерамъ прямодушіемъ, съ такою простотою и откровенностію, которая не оставляетъ по себѣ сомнѣнія въ истинности и справедливости его разсказовъ.

Въ моемъ переводѣ я извлекъ изъ дневника Мобилье тѣ мѣста, которыя могутъ имѣть живой историческій интересъ.

И. Осиповъ.

¹⁾ Вильямъ Алленъ (1770—1843), сначала купецъ, потомъ профессоръ химіи, ревностный педагогъ, юристъ, былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ, замѣчательныхъ филантроповъ Англіи.

Ред.

1

ДНЕВНИКЪ ГРЕЛЛЭ-ДЕ-МОБИЛЬЕ.

1818 г.

12-го ноября 1818 года. С.-Петербургъ. Нева покрыта льдомъ и намъ поэтому пришлось ѣхать сюда черезъ Выборгъ; мы чувствуемъ себя на чужбинѣ среди народа, говорящаго чуждымъ намъ языкомъ.

14-го ноября. Мы отдали бывшія у насъ рекомендательныя письма и нашли себѣ квартиру у одной англичанки—вдовы русскаго офицера. Мы нашли здѣсь г. Станфильда изъ Шеффилда: онъ живетъ въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ. Даніилъ Вилеръ живетъ съ семействомъ своимъ на Охтѣ; онъ пріѣхалъ въ Россію по слѣдующему поводу: императоръ Александръ поручалъ разнымъ лицамъ осушить болота, находящіяся внутри города; но такъ какъ работа эта производилась дурно и недобросовѣстно, то ему пришла мысль передать это дѣло членамъ нашего общества, къ которому онъ питалъ большое довѣріе. Онъ желалъ притомъ имѣть здѣсь изъ нашей среды человѣка религіознаго, примѣръ котораго могъ въ нравственномъ отношеніи быть полезенъ для его подданныхъ. Черезъ посла своего въ Лондонѣ, князя Ливена, императоръ вошелъ по этому поводу въ сношенія съ Уильямомъ Алленомъ. Въ то время Даніилъ Вилеръ, жившій въ Шеффилдѣ, чувствовалъ въ себѣ, по евангельской любви, внутреннее призваніе—отправиться къ русскому народу; и какъ только онъ узналъ, что императоръ ищетъ работниковъ изъ нашего общества, онъ немедленно уѣхалъ въ Россію. Работа его здѣсь только еще начата прошедшимъ лѣтомъ, однако, онъ уже дошелъ до изумительныхъ результатовъ. У него на дому бываютъ молитвенныя собранія два раза въ недѣлю.

17-го ноября. Мы сдѣлали визиты разнымъ лицамъ, къ которымъ у насъ были рекомендательныя письма. Графъ Ливенъ, старшій братъ русскаго посланника въ Лондонѣ, сегодня видѣлся съ нами. У него нынѣ большое горе: его благочестивая жена скончалась недѣлю тому назадъ. Вполнѣ сочувствуя его скорби, мы сегодня отправились на свиданіе съ нимъ и застали его вмѣстѣ съ его дочерью. Оба они находятся подъ вліяніемъ благодати и вполнѣ доступны для евангельскихъ утѣшеній; графъ уже

давно сдѣлался человѣкомъ благочестивымъ и знаетъ, гдѣ искать для себя утѣшенія.

19-го ноября. Сегодня мы сдѣлали визитъ первому министру—князю Голицыну¹⁾; онъ человѣкъ, проникнутый истинно христіанскимъ духомъ. Голицынъ принялъ насъ съ открытымъ сердцемъ и сообщилъ намъ, что императоръ, котораго нынѣ нѣтъ въ городѣ, прислалъ ему письмо съ увѣдомленіемъ о нашемъ прїѣздѣ въ Россію и съ просьбою — принять насъ какъ «своихъ друзей». Мы прежде еще были представлены императору въ Лондонѣ (1814 г.). Князь спросилъ насъ о нашихъ намѣреніяхъ и о томъ, чѣмъ онъ можетъ быть намъ полезенъ; мы представили ему свои программы, содержаніемъ которыхъ онъ остался очень доволенъ. Послѣ разныхъ вопросовъ о предметахъ религіозныхъ, мы предались вмѣстѣ съ княземъ безмолвному внутреннему богомыслию, и состояніе это не казалось новымъ для князя; все это происходило въ присутствіи г. Попова, благочестиваго молодаго человѣка²⁾. Одушевленные любовью къ Иисусу Христу, мы почувствовали въ себѣ, послѣ безмолвной сердечной молитвы, благотворное вѣяніе благодати. При прощаніи князь предоставилъ мнѣ свободный доступъ ко всему, что могло интересовать насъ: въ тюрьмамъ, къ исправительнымъ заведеніямъ и въ пріютамъ бѣдныхъ.

Мы сдѣлали также сегодня визитъ княгинѣ Мещерской. Это — женщина съ возвышеннымъ духомъ и весьма расположенная дѣлать добро; она служитъ здѣсь полезнымъ орудіемъ благодати Господа нашего Иисуса Христа. Такъ какъ княгиня Мещерская владѣетъ многими языками: французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и др., то она перевела разныя сочиненія и трактаты, весьма полезные, особенно въ Россіи, для распространенія въ обществѣ нравственныхъ началъ добродѣтели и духовныхъ основъ христіанской вѣры. Она была орудіемъ Божиимъ для поддержанія религіознаго настроенія въ душѣ императора, когда онъ въ пѣрвый разъ испыталъ въ себѣ могуще-

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ въ то время (1818 и 1819 гг.) министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. И. О.

²⁾ Василій Михайловичъ Поповъ былъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и близокъ къ князю А. Н. Голицыну; впоследствии онъ былъ въ отставкѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, и умеръ въ Казани. И. О.

ственное вліяніе духа истины. Въ доказательство того, что императоръ имѣеть обыкновеніе читать Св. Писаніе ежедневно, она сказала намъ, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ они дали другъ другу слово начать въ одинъ день чтеніе Библии и читать каждое утро по одной главѣ изъ Ветхаго Заваѣта, а вечеромъ — главу изъ Новаго Заваѣта, и такимъ образомъ всегда читать однѣ и тѣже главы, какое бы разстояніе ихъ ни раздѣляло. Такъ какъ они между собою переписываются, то императоръ часто сообщаетъ ей въ своихъ письмахъ, какія впечатлѣнія производитъ въ немъ чтеніе того или другаго мѣста Св. Писанія; изъ этого княгиня выводитъ заключеніе, что императоръ продолжаетъ чтеніе Св. Писанія. Онъ желаетъ, чтобы княгиня перевела прекрасное произведеніе «Безъ креста нѣтъ вѣнца» (No cross, no crown); книга эта можетъ, по его мнѣнію, быть особенно полезна для членовъ высшаго общества въ его государствѣ. Третій визитъ нашъ былъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, но онъ боленъ, также какъ и княгиня Щербатова, которая живетъ у него.

21-го ноября. Я упалъ духомъ; я сегодня чувствовалъ себя какъ бы погруженнымъ въ глубокое болото, подобно пророку во рвѣ.

22-го ноября. Сегодня мы принимали участіе въ молитвенномъ собраніи у Данила Вилера на Охтѣ; тамъ были Станфильдъ и В. Алленъ; мы совершили свою духовную молитву среди глубокаго молчанія.

23-го ноября. Мы видѣлись съ разными очень дѣльными лицами, которыя весьма удовлетворили насъ своею бесѣдою; между прочимъ, мы познакомились съ однимъ бывшимъ евреемъ Соломономъ. Это человѣкъ, который при большихъ природныхъ дарованіяхъ отличается дѣтскою простотою. Онъ говоритъ мало, но душа его украшена кротостію и смиреніемъ; онъ искренно ищетъ живой вѣры и знанія, спасающаго во Христѣ Иисусѣ.

28-го ноября. Я нахожусь подъ вліяніемъ внутреннихъ волненій. Теплы были молитвы мои за народъ, среди котораго я нахожусь. вмѣстѣ съ любезнымъ Алленомъ я посѣтилъ разныя тюремныя заведенія, называемыя «сѣзжими». Они напоминаютъ собою нѣкоторыя лондонскія тюрьмы, но заключенные находятся здѣсь въ болѣе близкомъ между собою общеніи. Молодыя женщины, заключенныя изъ-за маловажныхъ проступковъ, часто даже

по одному подозрѣнію, подвержены вліянію людей, давно загрузившихъ въ пороки. Мы выхлопотали свободу двумъ молодымъ заключеннымъ. Въ грустномъ расположеніи духа мы провели потомъ нѣсколько времени у министра внутреннихъ дѣлъ. Возвратившись домой, мы совершили сердечную молитву, прося Господа руководить и наставить насъ, дабы все, что мы предпринимаетъ, могло служить къ болѣе славѣ его святаго имени. У министра мы встрѣтили большое общество; тамъ были, между прочими, его мать, его племянникъ—князь Щербатовъ и княгиня Щербатова, княгиня Мещерская, ея двоюродная сестра—княгиня Софія, княгиня Трубецкая, г. Поповъ и секретарь библейскаго общества—Патерсонъ. Мы имѣли у министра случай говорить о религіи; сердца нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, казалось, были открыты и готовы къ принятію свидѣтельства истины, о которой мы говорили имъ съ любовію во Христу.

30-го ноября. Сегодня утромъ мы провели два часа съ княземъ Александромъ Голицынымъ и съ Поповымъ; князь раскрылъ предъ нами свое сердце въ духѣ свободы и общенія христіанскаго; мы чувствовали, что онъ крещенъ съ нами единымъ духомъ, и провели у него драгоценную часть въ безмолвіи и въ духовномъ единеніи съ нашимъ Господомъ.

5-го декабря. Въ послѣдніе дни мы видѣли много несчастныхъ и страдали вмѣстѣ съ ними, съ одними—по причинѣ ихъ пороковъ, съ другими—ради несчастія ихъ. При посѣщеніи большихъ и малыхъ тюремъ мы вообще были глубоко потрясены: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очень грязно и много насѣкомыхъ, особенно клоповъ; запахъ нестерпимъ. Я провелъ сегодня также нѣсколько часовъ у княгини Мещерской и имѣлъ пріятную бесѣду съ ея сестрою, которая посвящаетъ значительную часть времени на молитву и религіозныя размышленія.

— «Я понимаю», сказала она мнѣ прямо и просто, «что тотъ, котораго никто не можетъ ни понять, ни изобразить, долженъ быть почитаемъ въ духѣ и истинѣ».

Мы обѣдали у Веннинга; кн. Голицынъ, Поповъ и Патерсонъ были, кромѣ насъ, единственные гости. Князь разсказалъ про императора нѣкоторыя интересныя подробности, могущія служить очевиднымъ доказательствомъ его благочестія и христіанскаго сочувствія къ страждущимъ.

7-го декабря. Графъ Ливенъ испыталъ еще новое горе: его тесть сегодня скончался и мы отправились къ нему, чтобы своими утѣшеніями поддержать въ душѣ его христіанское упованіе на Господа.

9-го декабря. Вчера и сегодня мы находились подъ гнетомъ тяжелыхъ впечатлѣній. Тюрьма адмиралтейства такъ грязна и воздухъ тамъ до такой степени испорченъ, что онъ дѣйствовалъ на наши головы и легкія. Лица и худоба заключенныхъ доказываютъ, что они отъ этого сильно страдаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ были скованы по два вмѣстѣ для отправленія въ Сибирь; сколько имъ придется выстрадать среди зимы при такомъ дальнемъ пути! Да поможетъ намъ Господь найти средство быть полезными этимъ несчастнымъ. Между прочимъ, мы посѣтили и «исправительные дома» (это скорѣе дома несчастныхъ). Намъ удалось даровать утѣшеніе Евангелія нѣкоторымъ изъ несчастныхъ узниковъ и мы нашли между ними сокрушенныхъ сердцемъ, вполне готовыхъ принять отъ насъ свидѣтельство вѣры.

14-го декабря. Мы занимались посѣщеніемъ бѣдныхъ школъ. У насъ было также время для безмолвной молитвы у князя Александра Голицына; мы умоляли Господа быть нашимъ помощникомъ и руководителемъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и начинаніяхъ. Вчера посѣтилъ насъ Скочинскій ¹⁾, человекъ образованный и благочестивый; онъ воспитанъ въ ученіи Христовомъ и намъ было очень пріятно бесѣдовать съ нимъ. Сегодня я чувствовалъ въ себѣ упадокъ духа при мысли о визитѣ, который намъ послѣ обѣда нужно было сдѣлать здѣшнему митрополиту Михаилу. Князь Александръ (Голицынъ) нѣсколько пріободрилъ и приготовилъ насъ. Въ назначенный часъ мы отправились къ митрополиту, въ Александро-Невскій монастырь, въ сопровожденіи г. Попова. Чтобы принять насъ, просто одѣтыхъ квакеровъ, митрополитъ надѣлъ на себя богатое епископское облаченіе, которое напоминало намъ объ одеждѣ іудейскихъ первосвященниковъ по законамъ Моисея; подъ своею широкою фіолетовою рясою онъ надѣлъ богато-вышитый поясъ; на головѣ у него была бѣлая тиара, украшенная спереди брилліантовымъ крестомъ; на шеѣ его была золотая

¹⁾ Фамилія этого лица передана квакеромъ невѣрно. Трудно опредѣлить, кого слѣдуетъ разумѣть.

цѣпь, на которой висѣло изображеніе кого-то изъ святыхъ; плеча и спина были закрыты длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, а на руцѣ онъ имѣлъ большія четки изъ янтаря; у него широкая бѣлая борода. Митрополитъ принялъ насъ очень ласково и пригласилъ насъ сѣсть подлѣ себя; онъ предложилъ намъ нѣкоторые вопросы о нашихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и весьма одобрилъ, что мы не соображаемся съ мірскими модами и обычаями; ему также очень понравилось то, что мы сказали ему о христіанской дисциплинѣ нашего общества; онъ разспрашивалъ насъ затѣмъ объ образѣ совершенія нашего богопочтенія, объ образѣ избранія нашихъ старцевъ и о цѣли нашихъ путешествій по чужимъ краямъ. Въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ мы дали ему прочесть наши программы; тогда митрополитъ сказалъ, что онъ никогда не видалъ людей, которые дѣйствовали бы на началахъ, столь сообразныхъ со словомъ Божиимъ и съ древними обычаями апостольскихъ временъ. Мы разсуждали съ нимъ также довольно долго о необходимости божественнаго озаренія и даровъ св. Духа и объ условіяхъ для полученія этихъ послѣднихъ. Говоря о религіозныхъ предметахъ, мы не могли не сдѣлать нѣкоторыхъ намековъ на счетъ его роскошной одежды и блестящей обстановки богослуженія, сравнительно съ простотою нашего собственнаго богопочтенія. Не разъ мы хотѣли удалиться, но митрополитъ удерживалъ насъ; онъ приказалъ подать чай, проводилъ насъ потомъ до прихожей, и наконецъ, взявъ наши руки, выразилъ желаніе, чтобы мы молились другъ за друга.

Отъ митрополита мы пошли къ Филарету—епископу и викарію петербургскому. Онъ живетъ въ томъ же монастырѣ и занимаетъ очень простую квартиру, похожую на монастырскую келью; мебель соотвѣтствуетъ, по простотѣ своей, квартирѣ; одежда Филарета таже, которую издавна носятъ греческіе клирики,—черная ряса и черный клобукъ; онъ носитъ бороду и длинные волосы, которые падаютъ внизъ на плеча. Филаретъ—человѣкъ очень ученый и знакомый съ древними и восточными языками; тѣмъ не менѣе, онъ отличается большимъ смиреніемъ и считается человѣкомъ благочестивымъ и истинно духовнымъ. Судя по всему, что мы сами могли замѣтить и что намъ приходилось о немъ слышать, мы думаемъ, что онъ заслуживаетъ такого мнѣнія о себѣ. Филаретъ сказалъ намъ, что изученіе древнихъ язы-

ковъ можетъ способствовать плотскому разумѣнію слова Божія; но что только одинъ Духъ Божій можетъ даровать человѣку разумѣніе предметовъ божественныхъ, ибо они могутъ быть усвояемы только духовно. Весьма вѣжливѣмъ образомъ Филаретъ выразилъ намъ желаніе узнать, почему мы отмѣнили у себя общее обыкновеніе христіанъ—совершать причащеніе или, какъ онъ его называетъ, евхаристію. Мы объяснили ему въ отвѣтъ, что, по нашему мнѣнію, существенно нужно, дабы быть истиннымъ христіаниномъ, примѣнительно къ словамъ писанія: «аще ето во Христѣ, нова тварь»; мы раскрыли ему, что такое это новое рожденіе и это новое твореніе; затѣмъ, продолжая отвѣчать на его вопросы, мы объяснили ему, какимъ хлѣбомъ животнымъ, по нашему мнѣнію, долженъ питаться христіанинъ внутренно и дѣйствительно, а не внѣшне и образно; мы говорили ему, что жизнь во Христѣ и единеніе съ Его Духомъ составляетъ единственный животный хлѣбъ для души нашей, что это есть тотъ хлѣбъ, который питаетъ насъ для вѣчной жизни. На это Филаретъ отвѣтилъ намъ слѣдующими словами: «Мы имѣли у себя пустынниковъ, великихъ подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ, которые жили въ совершенномъ отчужденіи отъ міра и для которыхъ невозможно было участвовать во внѣшнемъ приобщеніи хлѣба и вина или въ другихъ священнодѣйствіяхъ службы Божіей; но, тѣмъ не менѣе, они въ своемъ уединеніи истинно и дѣйствительно питали себя внутренно и духовно Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ чрезъ Духа его и чрезъ живую вѣру въ Него. Они не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ богопочтенія, не имѣли и людей, которые могли совершать для нихъ священнодѣйствія; но глава святыхъ—Иисусъ Христосъ самъ былъ для нихъ первосвященникомъ, самъ внутренно питалъ ихъ животнымъ хлѣбомъ, и богопочтеніе ихъ совершалось въ духѣ и истинѣ». Филаретъ присовокупилъ: «Всѣ внѣшнія принадлежности богопочтенія, всѣ обряды и правила, узаконенныя въ церкви, учреждены подъ вліяніемъ духа истиннаго благочестія; но, въ существѣ дѣла, они суть тоже, чѣмъ для евреевъ былъ законъ, т. е., пѣстунъ, приводящій ко Христу, который Самъ есть конецъ всѣхъ ихъ и ихъ сущность».

Филаретъ былъ виновникомъ многихъ преобразованій въ духовенствѣ. Императоръ, зная его заслуги, питаетъ къ нему большую довѣренность; ему попреимуществу поручено избраніе лицъ,

наиболѣе извѣстныхъ благочестивымъ настроеніемъ духовнымъ, для замѣщенія важныхъ должностей въ русской церкви и для управления учрежденными правительствомъ духовно-учебными заведениями.

Митрополитъ Михаилъ былъ еще недавно священникомъ одной изъ церквей въ Москвѣ; онъ былъ извѣстенъ, какъ чловѣкъ благочестивый, заботился о своемъ приходѣ и проповѣдывалъ языкомъ, примѣненнымъ къ потребностямъ его прихожанъ. Спустя нѣсколько времени, жена Михаила скончалась. Тогда онъ поступилъ, по собственному желанію, въ монахи и скоро достигъ высшихъ степеней управления епархіями: сперва былъ архіереемъ черниговскимъ, а потомъ—митрополитомъ с.-петербургскимъ.

22-го декабря. У насъ было нѣсколько молитвенныхъ собраний. Скочинскій привелъ съ собою нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей. Они утомлены формами и обрядами внѣшней церковной жизни и ищутъ существеннаго и дѣйствительнаго въ предметахъ вѣры. Нѣкоторые изъ нихъ нѣмцы и мы посѣтили ихъ семейства.

23-го декабря. Мы провели нѣсколько времени у сенатора Габница, здоровье котораго весьма разстроено. Нынѣ онъ болѣе думаетъ о предметахъ духовныхъ, чѣмъ о другихъ дѣлахъ. Скочинскій также присутствовалъ; онъ принадлежитъ къ знатной и древней фамиліи и много заботится объ училищахъ и тюрьмахъ.

24-го декабря. Я провелъ нѣсколько времени съ графомъ Лейденомъ и его семействомъ; свиданіе это оставило по себѣ самое пріятное впечатлѣніе въ моей душѣ.

28-го декабря. Сегодня утромъ мы провели около двухъ часовъ у князя Александра Голицына; мы посѣщаемъ его обыкновенно чрезъ день, отъ 9-ти до 11-ти часовъ, и проводимъ время либо въ безмолвной молитвѣ и въ ожиданіи посѣщенія Господа, либо въ бесѣдахъ о религіозныхъ предметахъ. У насъ бываютъ подобныя же собранія съ княгинею Мещерскою, съ ея сестрою—княгинею Софіею и съ другими лицами изъ разныхъ классовъ общества. Господь не обращаетъ вниманія на санъ и званіе. Онъ милостивъ ко всѣмъ, кто только ищетъ Его.

1819 г.

9-го января. Въ послѣдніе дни мы занимались посѣщеніемъ приютовъ, которые болѣею частію находятся подъ покровительствомъ вдовствующей императрицы. Мы осмотрѣли также богадѣльню для бѣдныхъ вдовъ, заведеніе для глухо-нѣмыхъ и воспитательный домъ для 2,000 дѣтей. При этихъ посѣщеніяхъ намъ сопутствовалъ князь Голицынъ, дядя князя Александра. Ему ввѣренъ надзоръ надъ всеми этими заведеніями и онъ съ большою готовностію показывалъ и объяснялъ намъ все.

11-го января. Императоръ возвратился въ Петербургъ и далъ намъ знать чрезъ князя Александра (Голицына), что онъ приметъ насъ при первой возможности.

15-го января. Въ сопровожденіи Скочинскаго мы посѣтили нѣкоторыхъ бѣдныхъ и нашли у нихъ весьма замѣчательное христіанское настроеніе духа. Мы провели часъ молитвеннаго безмолвія съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который, движимый божественною любовію, чувствуетъ въ себѣ призваніе отправиться миссіонеромъ въ Сибирь; онъ тепло сочувствуетъ ссыльнымъ и нынѣ занимается изученіемъ восточныхъ нарѣчій; онъ началъ переводить Новый Заветъ на нарѣчіе одного изъ азіатскихъ племенъ. Переводъ его будетъ напечатанъ здѣсь библейскимъ обществомъ, которое имѣетъ шрифтъ для 28 разныхъ языковъ.

24-го января. Мы получили записку, которою насъ извѣстили о желаніи вдовствующей императрицы—принять насъ у себя во дворцѣ; но, отправляясь туда, мы узнали о внезапной кончинѣ ея дочери—принцессы Виртембергской¹⁾. Несчастіе это сильно подѣйствовало на императора, такъ какъ покойная была самая любимая сестра его.

Мы посѣтили сегодня одно военное училище, которое назначено для распространенія по всей Россіи системы обученія. Научные успѣхи молодыхъ людей въ этомъ училищѣ весьма быстры и удовлетворительны; но съ глубокимъ прискорбіемъ мы узнали, что многія статьи, даваемые имъ для чтенія и письма, заимствованы изъ сочиненій Вольтера и имѣютъ направленіе

¹⁾ Екатерина Павловна.

весьма пагубное для религіознаго и нравственнаго чувства. Это побудило насъ идти въ контору, издавшую такіе сборники,— и, просматривая ихъ, мы нашли въ нихъ выраженіе чувствъ нечестивыхъ и противо-религіозныхъ, также разныя сентенціи, взятая изъ древнихъ философовъ и, между прочимъ, напимъ, слѣдующее изрѣченіе Цицерона: «когда жизнь стѣняется челоуѣку въ тягость, то величіе его духа заключается въ томъ, чтобы насильственно прекратить ее». Мы живо чувствовали страшный вредъ, проистекающій для юношества изъ употребленія подобныхъ сочиненій, и насъ поэтому сильно занимаетъ теперь мысль чѣмъ-нибудь противодѣйствовать этому злу; тутъ времени терять нельзя. Чѣмъ болѣе мы думаемъ, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что чрезъ введеніе приличнаго нравственно-религіознаго чтенія въ здѣшнія училища можно будетъ распространять въ этомъ громадномъ государствѣ живую вѣру, добродѣтель и благочестіе. Но при исполненіи этого намѣренія намъ надобно имѣть въ виду недоувѣрчивость и подозрительность духовенства, и мы должны избѣгать всего, что только можетъ пробуждать эту послѣднюю. Мы рѣшились поэтому ограничиваться распространеніемъ одного слова Божія въ его простотѣ, и составили себѣ уже планъ, который постараемся скоро осуществить. Планъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ Св. Писанія тексты, наиболѣе понятныя по своему содержанію и важныя по своему приложенію къ жизни, и затѣмъ соединить ихъ въ одно цѣлое. На эту работу мы посвятимъ свои свободныя часы и когда окончимъ, представимъ ее государю императору.

1-го февраля. При одномъ изъ послѣднихъ свиданій нашихъ съ княземъ Александромъ (Голицынымъ), онъ разсказалъ намъ нѣсколько интересныхъ случаевъ, бывшихъ съ дѣтьми, которыя, озаренныя св. Духомъ, сдѣлались орудіями обращенія своихъ родителей.

10-го февраля. Графъ Милорадовичъ, съ которымъ мы часто видались, сопровождалъ насъ при посѣщеніи нѣкоторыхъ тюремныхъ заведеній; онъ выразилъ готовность произвести улучшенія, какія, по нашему мнѣнію, окажутся нужными и возможными. Мы обратили его вниманіе на страшную неопрятность, на насѣкомыхъ, на неудобство помѣщенія мужчинъ и женщинъ въ одномъ домѣ и на возможность распредѣленія ихъ по

разнымъ домамъ; мы говорили ему также о необходимости раздѣлить заключенныхъ по категоріямъ, дабы тяжкіе преступники не смѣшивались съ тѣми, которые подвергнуты тюремному заключенію изъ-за легкихъ проступковъ. На это губернаторъ отвѣтилъ намъ: «все это можетъ быть исполнено»; и нѣсколько дней спустя, онъ сказалъ намъ: «все, о чемъ вы говорили мнѣ, уже сдѣлано». Заключенныхъ снабдили метлами, щетками и мыломъ, чтобы они могли держать въ чистотѣ и порядкѣ свои помѣщенія. Мы выхлопотали также облегченіе наказаній для лицъ, подвергнутыхъ тюремному заключенію на цѣлые мѣсяцы изъ-за маловажныхъ неисправностей съ паспортами. Губернаторъ Милорадовичъ недавно уменьшилъ число мѣстъ, гдѣ производится продажа крѣпкихъ напитковъ, оставивъ лишь тѣ, въ которыхъ нѣтъ для покупателей отдѣльныхъ помѣщеній и сѣдалищъ; онъ запретилъ притомъ въ кабакахъ всякія игры и вообще все, что могло бы побудить несчастныхъ посѣтителей этихъ мѣстъ оставаться тамъ дольше, чѣмъ сколько нужно имъ, дабы проглотить свои разгорячающіе напитки. Но во время отсутствія императора министръ финансовъ дозволилъ продажу водки въ кофейняхъ и въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ, чтобы такимъ образомъ увеличить доходы казны отъ питейныхъ сборовъ. Тогда губернаторъ, немедленно по возвращеніи государя, сказалъ ему:

— «Что предпочитаете ваше величество? Увеличеніе-ли государственныхъ доходовъ въ ущербъ народной нравственности, или благоденствіе народа, основанное на улучшеніи нравственныхъ началъ?»

Государь выразилъ ему въ отвѣтъ, что нравственное успѣваніе народа гораздо важнѣе и дороже для него, чѣмъ всякіе государственные доходы.

Тогда Милорадовичъ сообщилъ ему о случившемся во время его отсутствія и попросилъ у него позволенія закрыть всѣ эти вновь открытыя мѣста водочной продажи.

— «Пусть будетъ такъ», сказалъ государь,— и въ тотъ же вечеръ Милорадовичъ исполнилъ свое желаніе.

Милорадовичъ увѣдомилъ насъ о желаніи княгини Потоцкой— видѣться съ нами и самъ сопутствовалъ намъ къ ней. Потоцкая устроила разныя училища для своихъ крестьянъ и, кажется, вообще озабочена ихъ нравственнымъ и религіознымъ развитіемъ.

Она имѣеть нѣкоторыя понятія о нашихъ религіозныхъ принципахъ и сказала намъ, что она въ теченіе послѣднихъ лѣтъ перестала молиться однимъ формальнымъ образомъ, какъ бывало прежде, и что она, вмѣсто того, приучила себя въ безмолвіи ждать призыва къ подножію престола благодати и нынѣ часто обращается съ сердечною и духовною молитвою къ Богу, на Котораго она возложила все свое упованіе.

Возвратившись домой, мы нашли у себя посланнаго отъ государя съ извѣстіемъ, что мы должны явиться къ нему въ 6 часовъ вечера. Въ назначенный часъ насъ ввели въ его частныя покои. Государь принялъ насъ наединѣ весьма привѣтливо и благосклонно, называя насъ своими «старыми друзьями»; онъ посадилъ насъ подлѣ себя на диванѣ и вспоминалъ съ внутреннимъ волненіемъ о нашемъ свиданіи съ нимъ въ Лондонѣ¹⁾, говоря, что это свиданіе доставило ему бодрость и твердость духа среди тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ тогда находился. Государь предложилъ намъ потомъ нѣсколько вопросовъ о религіозныхъ предметахъ, обнаруживая при этомъ искреннюю заботливость о своемъ преуспѣяніи въ спасительномъ познаніи истины; онъ хорошо знакомъ съ Св. Писаніемъ и имѣеть вѣрныя понятія о возрожденіи и искупленіи, которое приобрѣтается вѣрою въ Господа нашего Иисуса Христа и единственно на основаніи Его крестныхъ заслугъ. Государь любитъ въ особенности бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи и вліяніи св. Духа, которое онъ называетъ краеугольнымъ камнемъ христіанской религіи, потому что еще кто Духа Христова не имеетъ, сей нѣсть еговъ; и «если», говорилъ онъ, «предметы божественныя только могутъ быть познаваемы Духомъ Божиимъ, то какую надежду на спасеніе можетъ имѣть тотъ, кто не стремится усиленно къ принятію сего Духа!» Государь далѣе спрашивалъ насъ о томъ, что мы видѣли и сдѣлали въ Россіи. Мы воспользовались случаемъ, чтобы рассказать ему о бѣдственномъ положеніи тюремныхъ заведеній; въ особенности мы обратили его вниманіе на жалкое состояніе тюрьмы въ Або и рассказали ему объ однѣмъ несчастномъ, который тамъ страдаетъ въ оковахъ въ теченіи 19-ти лѣтъ.

Государь былъ тронутъ нашимъ разговоромъ и сказалъ:

¹⁾ Лѣтомъ 1814 года.

— «Этого не должно бы быть; оно болѣе не повторится».

Такъ какъ государь очень занятъ новымъ военнымъ училищемъ, то мы нашли случай сообщить ему, какъ глубоко мы были огорчены, видя, что въ этомъ училищѣ воспитанникамъ даютъ читать книги, пагубныя для ихъ нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы показали ему образчики сдѣланныхъ нами извлеченій изъ Св. Писанія для употребленія въ училищахъ. Государь на минуту погрузился въ размышленіе и затѣмъ, обращаясь къ намъ, замѣтилъ:

— «Вы именно исполнили то, чего я очень желалъ. Я часто думалъ, что училища могли бы служить сильнымъ орудіемъ для царствія Христова, приводя народъ къ познанію Спасителя и къ правиламъ истиннаго благочестія. Прицлите мнѣ поскорѣе все, что вы успѣли приготовить».

Съ особеннымъ уваженіемъ отзывался государь о Данилѣ Вилерѣ, и сказалъ, что онъ смотритъ на его пребываніе въ Россіи, какъ на благословеніе для народа.

— «Не осушеніе болотъ», говорилъ онъ, «и не другая какая-либо матеріальная нужда была причиною того, что я вызвалъ сюда нѣкоторыхъ изъ вашихъ «друзей»; нѣтъ, мною руководило желаніе, чтобы ихъ истинное благочестіе, ихъ честность и другія добродѣтели послужили для моего народа примѣромъ къ подражанію».

Затѣмъ государь присовокупилъ:

— «Прежде чѣмъ разстанемся на этотъ разъ, попытаемся провести нѣсколько времени въ общей духовной молитвѣ».

Мы охотно согласились, чувствуя, что Господь близъ насъ съ своею благодатною силою. Въ безмолвномъ внутреннемъ созерцаніи прошло нѣсколько времени; души наши смирились, и, немного спустя, я почувствовалъ въ себѣ небесное вѣяніе духа молитвы и сокрушенія; объятый духомъ, я преклонилъ колѣна свои предъ величіемъ Божиимъ; государь преклонилъ колѣна подлѣ меня. Среди внутренняго изліянія души, мы чувствовали, что Господь благоволилъ услышать наши молитвы. Затѣмъ мы провели еще нѣсколько времени въ безмолвіи и потомъ удалились. Прощаясь съ нами, государь выразилъ желаніе еще разъ увидѣться съ нами до нашего отъѣзда. Мы провели у него два часа.

14-го февраля. Мы посѣтили женскія учебныя заведенія вдовствующей императрицы. Молодыя питомицы этихъ крѣпостей возбудили въ насъ много сочувствія; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ сердце, вполне открытое для принятія евангельскихъ напихъ внушеній. Потомъ насъ пригласили во дворецъ къ вдовствующей императрицѣ. Графъ Скочинскій встрѣтилъ насъ и ввелъ въ частные покои государыни; свита ея держала себя въ сторонѣ. Императрица была очень тронута, видя, что мы такъ живо сочувствуемъ ея скорби по случаю кончины ея дочери — принцессы Виртембергской, съ которою мы имѣли случай познакомиться въ Лондонѣ. Узнавъ, что мы на обратномъ пути намѣрены посѣтить Штутгартъ, она просила насъ повидаться тамъ съ ея осиротѣвшими внуками. Мы выразили императрицѣ, что мы остались очень довольны состояніемъ институтовъ, находящихся подъ ея покровительствомъ, но что мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не скорбѣть, видя, какъ мало обращено вниманія въ Петербургѣ, какъ и вообще во всей Россіи, на воспитаніе дѣтей низшихъ классовъ общества. Мы говорили также императрицѣ о неудобствахъ въ существующемъ образѣ тюремнаго помѣщенія женщинъ и обратили ея вниманіе на то, сколько молодыхъ дѣвочекъ, заключенныхъ изъ-за какихъ-нибудь легкихъ проступковъ или даже изъ-за опущенія нѣкоторыхъ формальностей съ паспортами, подвергается въ тюрьмахъ вліянію нравственнаго яда, дотолѣ имъ неизвѣстнаго. Мы говорили далѣе императрицѣ и о томъ, какъ полезно было бы, если-бъ тюрьмы посѣщались женщинами, способными наставлять и утѣшать этихъ несчастныхъ. Императрица вполне соглашалась съ нашими мыслями. Разговоръ этотъ далъ намъ потомъ случай обратить вниманіе государыни на предметы, касающіеся царствія Божія и вѣчной жизни, и мы указывали ей, какъ важно и необходимо, чтобы мы, при помощи благодати Господа нашего Иисуса Христа и при собственныхъ нашихъ усиліяхъ, старались приготовить себя, какъ слѣдуетъ, предстать предъ Богомъ, когда Ему благоугодно будетъ прервать слабую нить нашей земной жизни. Императрица была тронута и, прощаясь съ нами, просила насъ не забывать ея въ нашихъ молитвахъ. Весь разговоръ нашъ съ государынею происходилъ по-французски, такъ какъ она, какъ и вообще высшіе классы въ Россіи, отлично объясняется на этомъ языкѣ.

Вечеромъ у насъ было молитвенное собраніе, которое очень утѣшило и подкрѣпило насъ. Мой дорогой Алленъ чувствуетъ, что ему слѣдуетъ быть моимъ помощникомъ, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда моего на греческіе острова.

26-го февраля. Въ числѣ разныхъ замѣчательныхъ лицъ намъ въ послѣдніе дни пришлось познакомиться съ барономъ Гаккельбергомъ; онъ эстляндецъ, родомъ изъ Ревеля, человѣкъ добрый и благочестивый. Гаккельбергъ первый даровалъ свободу крѣпостнымъ въ своихъ помѣстьяхъ; въ первое время послѣ этого ему пришлось бороться съ разными неприятностями и съ недовольствомъ своихъ сосѣдей; но примѣру его послѣдовали скоро нѣкоторые другіе, сначала также возстававшіе противъ него. Улучшеніе быта крестьянъ, по отпущеніи ихъ на волю, весьма замѣтно; первый изъ вольноотпущенныхъ сдѣлался человѣкомъ полезнымъ и благочестивымъ. Баронъ считаетъ его своею правою рукою въ дѣлѣ учрежденія сельскихъ школъ и попеченія о нихъ. Онъ устроилъ также заведеніе для приготовленія сельскихъ учителей.

4-го марта. Государь прислалъ сказать намъ, что онъ съ удовольствіемъ увидитъ насъ у себя вечеромъ; мы отправились въ назначенное имъ время — въ 8 часовъ. Онъ оная принялъ насъ въ своихъ частныхъ покояхъ, куда насъ ввели потаеннымъ ходомъ, минуя дворцовый караулъ и придворную прислугу. Никто не удивился, видя, что мы вошли съ покрытыми головами. Государь также, какъ прежде, принялъ насъ съ сердечнымъ привѣтомъ. Онъ сначала сообщилъ намъ, что съ заключенныхъ въ Або сняты цѣпи, въ которыхъ мы видѣли ихъ, что несчастный, о которомъ мы ему говорили, освобожденъ и что дано приказаніе лучше обращаться съ прочими заключенными. Онъ просилъ насъ затѣмъ откровенно рассказать ему все, что замѣчено нами въ тюрьмахъ во время нашего пребыванія въ Россіи. Военный генераль-губернаторъ доложилъ ему объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, которыя мы считали полезными въ темницахъ, и государь вполне одобрилъ произведенныя уже тамъ перемѣны. Онъ сказалъ намъ далѣе, что вдовствующая императрица съ удовольствіемъ говорила ему о сдѣланномъ нами визитѣ; что она приняла къ сердцу сказанное нами о крайнихъ опущеніяхъ по воспитанію дѣтей бѣднаго класса и что она занимается прискива-

ніемъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ возможно-скорому исправленію этого недостатка. Государь къ этому присовокупилъ, что онъ назначилъ извѣстную сумму на учрежденіе шести училищъ для бѣдныхъ дѣтей въ столицѣ, съ тѣмъ, чтобы дѣти тамъ получали религіозно-нравственное воспитаніе. Онъ увѣдомилъ насъ далѣе о томъ, что онъ со вниманіемъ прочиталъ приготовленныя нами книги для дѣтскаго чтенія и былъ отъ нихъ въ восторгѣ,—что еслибы мы для одного только этого дѣла прибыли въ Россію, мы уже совершили дѣло весьма важное, и что онъ намѣренъ ввести наши книжки въ употребленіе во всѣхъ школахъ своей имперіи.

9-го марта. Мы, по обыкновенію, провели два часа у князя Александра (Голицына). Онъ разсказалъ намъ, что государь приказалъ немедленно перевести на русскій языкъ наши книжки съ извлеченіями изъ Св. Писанія и отдать ихъ печатать. Новый Заветъ нынѣ напечатанъ здѣшнимъ библейскимъ обществомъ, но Ветхій—не весь еще переведенъ и потому не изданъ. Узнавъ, что мы намѣрены скоро оставить Петербургъ, государь велѣлъ приготовить для насъ рекомендательныя письма къ губернаторамъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя намъ придется проѣхать, и также къ посланникамъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы намѣрены остановиться, по выѣздѣ изъ Россіи. Князь сказалъ намъ, что государь въ этихъ письмахъ рекомендуетъ насъ, какъ «людей, которыхъ онъ хорошо знаетъ».

Мы сдѣлали прощальный визитъ Филарету. Наше свиданіе съ нимъ было очень трогательно и торжественно. Съ христіанскою искренностію и прямотою Филаретъ разсказалъ намъ про свои религіозныя упражненія и подвиги; потомъ мы провели съ нимъ нѣсколько времени въ безмолвной молитвѣ. Мы чувствовали свое духовное сродство съ нимъ чрезъ крещеніе отъ Духа и истины; онъ осѣнилъ насъ своимъ благословеніемъ и, будучи очень тронутъ, когда намъ нужно было разстаться, онъ принялъ насъ въ свои объятія и далъ намъ цѣлованіе любви во Христѣ Іисусѣ.

Возвратившись, мы нашли у себя нѣсколько писемъ, написанныхъ для насъ Филаретомъ къ лицамъ, извѣстнымъ ему по ихъ духовному настроенію; мы видѣлись съ этими лицами во время нашего путешествія чрезъ среднюю Россію.

13-го марта. Время нашего отъезда приближается; у насъ очень много хлопотъ. Нѣсколько разъ у насъ были общественныя и частныя молитвенныя собранія; такъ какъ намъ навсегда пришлось разстаться съ разными присутствовавшими тутъ лицами, то собранія эти имѣли характеръ торжественный. Мы вообще можемъ унести съ собою радостное сознаніе, что мы оставляемъ по себѣ здѣсь сѣмя, благословенное Богомъ. Нѣкоторые изъ прощальныхъ свиданій нашихъ были весьма трогательны и плодотворны, въ особенности свиданіе наше нынѣ вечеромъ съ государемъ. Онъ разсказалъ намъ разныя подробности о томъ, какъ его воспитывали подъ надзоромъ бабки его—императрицы Екатерины.

— «Приставленные ко мнѣ дядьки», говорилъ онъ, «имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями; сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня приучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надобѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность встать съ постели и среди ночной тишины броситься на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для бѣльшей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-по-малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностію грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ. Наконецъ, въ 1812 году Господь снова призвалъ меня, по любви и милосердію своему, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою. Въ это время одно благочестивое лице посовѣтывало мнѣ приняться за чтеніе Св. Писанія и дало мнѣ въ руки Библию, которой до тѣхъ поръ я никогда еще не видалъ» (это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ). «Я пожиралъ Библию»,

присовокупилъ Государь, «находя, что слова ея вливають новый, прежде никогда не испытанный, миръ въ мое сердце и удовлетворяють жадѣ души моей. Господь, по благодати своей, даровалъ мнѣ Духомъ своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію я обязанъ всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова,— вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ св. Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія».

Государь говорилъ намъ съ глубокимъ чувствомъ еще много другаго о томъ же предметѣ. Мало-по-малу мы перешли въ своей бесѣдѣ съ нимъ къ болѣе глубокому разбору вопроса о царствѣ Господа нашего, царствѣ мира и любви, и о томъ, куда Духъ нашего возлюбленнаго Спасителя, который самъ есть любовь, ведетъ тѣхъ, которые повинуются его заповѣдямъ. Затѣмъ Государь разсказалъ намъ, какъ сильно душа его была проникнута желаніемъ навсегда уничтожить на землѣ войны и пролитіе крови; онъ говорилъ, что много ночей проведено имъ безъ сна въ напряженныхъ размышленіяхъ о томъ, какъ бы осуществить это завѣтное желаніе, и въ глубокой скорби при мысли о безчисленныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, причиненныхъ войною. Въ то время, когда душа его, такимъ образомъ, смирилась въ пламенной молитвѣ къ Спасителю, у него возникла идея пригласить всѣ коронованныя особы къ составленію одного священнаго союза, предъ судомъ котораго можно было бы на будущее время примирять всѣ вновь возникающія разногласія, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечу и пролитію крови; эта мысль такъ заняла его, что онъ всталъ съ постели, изложилъ письменно свои чувства и стремленія въ этомъ отношеніи съ такою живостію и съ такимъ жаромъ, что намѣренія его со стороны многихъ подверглись незаслуженнымъ подозрѣніямъ и перетолкованіямъ, «хотя», прибавилъ онъ со вздохомъ, «теплая любовь къ Богу и людямъ было единственное побужденіе, руководившее мною». Мысли о составленіи священнаго союза возникли въ немъ во время пребыванія его въ Парижѣ. Послѣ того, какъ мы провели нѣсколько времени въ бесѣдѣ о такомъ важномъ предметѣ, государь сказалъ намъ:

— «Итакъ, мы расстаемся въ этомъ мірѣ; но я имѣю твер-

дое упованіе на то, что мы, будучи раздѣлены пространствомъ, останемся, однако, навсегда, по благодати Духа Божія, соединенными внутреннимъ общеніемъ въ духѣ, ибо въ царствѣ Божіемъ нѣтъ предѣловъ пространства».

Государь далѣе просилъ насъ писать къ нему, какъ другу во Христѣ, чрезъ князя Александра Голицына, и потомъ присовокупилъ:

— «Теперь же, прежде чѣмъ разстанемся, у меня еще есть одна просьба къ вамъ: соединимся безмолвною молитвою и посмотримъ, не благоволитъ-ли Господь даровать намъ проявленіе своего благодатнаго присутствія, какъ было въ прошедшій разъ».

Мы охотно согласились исполнить его желаніе, ибо мы чувствовали съ сердечною радостію, что крылья небесной любви осѣняли насъ. Наступило потомъ торжественное молчаніе, во время котораго мы чувствовали, что Господь посреди насъ; души наши съ благоговѣніемъ открылись предъ Нимъ, и самъ Онъ дѣйствовалъ въ насъ своею благодатию. Немного спустя, я чувствовалъ въ себѣ, подъ вѣяніемъ любви Христовой, живую потребность сказать нѣсколько ободрительныхъ словъ возлюбленному государю, дабы поощрить его идти твердымъ шагомъ по стезѣ Господней и до конца земнаго странствія возлагать всецѣлое упованіе на дѣйственность Божественной благодати;—я чувствовалъ вообще потребность предостеречь его отъ зла и укрѣпить его въ благомъ намѣреніи—всегда шествовать путемъ правды и добра. Слова, произнесенныя мною, произвели на государя глубокое впечатлѣніе,—онъ проливалъ горячія слезы. Затѣмъ дорогой Алленъ вознесъ Господу на колѣнахъ теплую молитву за государя и его народъ. Государь самъ бросился на колѣна подѣ него и долго оставался вмѣстѣ съ нами въ молитвенныхъ изліяніяхъ предъ Господомъ. Наконецъ, мы трогательно и торжественно разстались.

Душа моя была преисполнена смиреннымъ чувствомъ преданности волѣ Божіей при мысли о томъ, какъ самъ Господь уготовалъ намъ путь въ этой странѣ, которая прежде была для меня совершенно неизвѣстна. По истинѣ, можно было сказать, что обѣтованіе о всегдашнемъ попеченіи Божіемъ оправдалось надъ нами яснымъ и осязательнымъ образомъ.

15-го марта. Кн. Александръ (Голицынъ) далъ намъ знать, что

императрица Елисавета, супруга императора Александра, желаетъ видѣть насъ у себя сегодня утромъ, если мы можемъ удѣлить ей нѣсколько времени. Мы были очень заняты; но такъ какъ я видѣлся съ нею въ Карлсруэ пять лѣтъ тому назадъ и тогда испыталъ религиозное сродство съ нею, то мы рѣшились отправиться на предложенное намъ свиданіе. Императрица приняла насъ въ своихъ покояхъ просто и добродушно, и даже стала извиняться въ томъ, что она беспокоила насъ. Она сказала, что уже давно желала съ нами видѣться, но боялась предложить намъ это свиданіе; то, что государь разсказалъ ей про насъ, побудило ее, однако, просить насъ къ себѣ. Она присовокупила, что сердце ея смягчено и расположено Богомъ къ принятію всего, что Ему, по любви и премудрости Его, угодно будетъ внушить ей нашими устами; при этихъ словахъ глаза ея наполнились слезами. По всему сказанному ею видно, что въ ней жива любовь къ Спасителю нашему Иисусу. Характеръ у нея сдержанный, и она не любитъ показываться публично, когда только можетъ избѣгать этого. Обстановка ея обыкновенно очень проста; при выѣздахъ она употребляетъ простую коляску съ буквою Е, и запряженную только двумя лошадыми, тогда какъ вельможи здѣсь ѣздятъ съ четверней, а вдовствующая императрица даже съ шестью лошадыми. Государыня сказала намъ, что она часто завидуетъ смиренной участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя разносятъ молоко по Петербургу, и что если бы она была въ такомъ положеніи, то могла бы жить вдали отъ мірской суеты и всецѣло предаваться религіи, тогда какъ въ настоящемъ ея положеніи это для нея невозможно. Бесѣда наша съ государыней вообще оставила въ насъ самое пріятное впечатлѣніе:

Мы обѣдали сегодня у Джона Веннинга; тамъ никакихъ постороннихъ не было, кромѣ кн. Александра (Голицына), Попова, Патерсона и вдовы одного благочестиваго пастора, которая нынѣ очень близка съ императрицею Елисаветою (Mrs Pitt); она узнала отъ государя, что мы будемъ обѣдать у Веннинга, а потому просила пригласить и ее. Это—женщина благочестивая, многому научившаяся въ школѣ скорбей и страданій; императрица очень привязана къ ней¹⁾. Во время обѣда князь Голицынъ сообщилъ намъ

¹⁾ См. письма императрицы Елисаветы Алексѣвны къ г-жѣ Питтъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VII, стр. 212—227.

много интересныхъ подробностей о любезномъ государѣ; между прочимъ, онъ разсказалъ частныя обстоятельства, бывшія причиною оживленія въ императорѣ религіознаго духа, который въ послѣдніе годы такъ прочно успѣлъ укорениться въ немъ. Когда въ 1812 году до Петербурга дошла вѣсть о вступленіи Наполеона въ Москву, то многіе стали укладывать свои драгоценности съ цѣлю перевезти ихъ на другое, болѣе безопасное, мѣсто; почти всѣ были увѣрены въ томъ, что французы скоро явятся въ Петербургъ. Государь собирался самъ отправиться съ своими войсками на встрѣчу непріятелю. Князь Александръ (Голицынъ), у котораго въ это время домъ перестраивался, велѣлъ, между тѣмъ, спокойно продолжать начатую работу. Нѣкоторые завистливые люди обратили на это вниманіе государя, стараясь заподозрить его въ тайной измѣнѣ отечеству; тогда государь пріѣхалъ къ князю Александру и сказалъ ему:

— «Голицынъ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? всѣ собираются бѣжать, а ты строишься?»

— «Да» отвѣчалъ князь, «мѣсто, гдѣ я теперь, также безопасно, какъ и всякое другое, куда бы я могъ бѣжать; Господь защита моя, на Него я уповаю».

— «Съ какого времени», возразилъ государь, «у тебя такъ много надежды на помощь Божию, и на чемъ же основано твое упованіе?»

— «Сердце мое о томъ свидѣтельствуетъ», сказалъ тогда князь, и «вотъ та боговдохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія».

Съ этими словами онъ хотѣлъ подать государю Библию, но книга, по неосторожности, упала, раскрывшись, на полъ.

— «Позвольте-жъ мнѣ» сказалъ князь, «прочитать вамъ именно то мѣсто, на которомъ Библия раскрылась».

Это былъ 91-й псаломъ (у насъ 90-й псаломъ): «живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речеть Господеви: Заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на него...» и проч. Слушая чтеніе этого псалма, государь оставался неподвижнымъ и былъ проникнутъ изумленіемъ. Около этого времени войскамъ нужно было отправиться въ походъ; въ подобныхъ случаяхъ, также какъ когда государь уѣзжаетъ изъ города на болѣе продолжительное время, совершается въ его присутствіи торже-

ственное молебствіе въ одной изъ главныхъ церквей. Слѣдуя обычаю, государь отправился въ церковь,—и услышалъ при богослуженіи опять чтеніе того же псалма. Тогда государь приказалъ позвать къ себѣ служившаго священника и спросилъ его, кто подалъ ему мысль прочитать именно это мѣсто изъ Писанія?

— «Никто», отвѣтилъ священникъ, «но я молился Господу и просилъ Его внушить мнѣ, что именно избрать и прочесть изъ Его Божественнаго Слова для ободренія и утѣшенія моего государя, и мнѣ казалось потомъ, что этотъ псаломъ былъ именно гласомъ Божиимъ къ вашему величеству».

Затѣмъ во время похода государь, остановившись въ одномъ мѣстѣ, захотѣлъ, чтобъ ему прочитали что-нибудь изъ Библии. Приглашенное для этого лицо явилось и прямо стало читать 90-й псаломъ. На первыхъ же словахъ государь прервалъ его и сказалъ: — «Кто внушилъ вамъ читать мнѣ именно это мѣсто? Не Голицынъ-ли?»

Но читавшій отвѣтилъ, что онъ не видалъ Голицына и что никто не говорилъ ему, что его призываетъ къ себѣ государь для прочтенія чего-нибудь изъ Библии, но онъ просилъ Господа указать ему такое мѣсто, которое по преимуществу могло бы благотворно дѣйствовать на государя, и затѣмъ онъ избралъ этотъ псаломъ. Императоръ былъ очень изумленъ и внимательно вслушивался во все, что ему читали съ гораздо большимъ противъ прежняго усердіемъ, будучи увѣренъ, что все это совершалось по особому устроенію Божию. Съ тѣхъ поръ сердце его открылось для принятія спасительныхъ впечатлѣній вѣры и благодати и онъ причилъ себя читать Библию каждый день утромъ и вечеромъ ¹⁾. На другой день, послѣ описаннаго случая, государь засталъ въ Твери княгиню Мещерскую, и они, какъ сказано, дали другъ другу обѣщаніе начать въ одно время чтеніе Св. Писанія, такъ, чтобы имъ обоимъ пришлось всегда читать одновременно извѣстное мѣсто Писанія и затѣмъ сообщать другъ другу свои чувства и впечатлѣнія, возникшія во время чтенія.

Князь сообщилъ намъ, что государь приказалъ послать намъ

¹⁾ Точно также читалъ по главамъ изъ Библии каждодневно утромъ и вечеромъ покойный государь Николай Павловичъ;—это рассказывалъ близкій къ нему оберъ-камергеръ—графъ А. И. Рибопьеръ.

образчики перевода нашихъ извлеченій изъ Св. Писанія, чтобы мы могли видѣть, что дѣло подвигается впередъ.

16-го марта. Филаретъ прислалъ намъ письмо, проникнутое истинно-христіанскимъ чувствомъ; онъ выражаетъ въ немъ свое желаніе, чтобы «Господь сопутствовалъ намъ на пути нашемъ также, какъ нѣкогда онъ сопутствовалъ двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусь». Митрополитъ также прислалъ намъ выраженіе своихъ христіанскихъ благожеланій.

24-го марта. Тверь. Мы видѣлись съ княгиней Мещерской; она здѣсь въ гостяхъ у своего брата—тверскаго губернатора. Такъ какъ мы имѣли письмо къ нему отъ государя, то онъ далъ намъ доступъ къ тюрьмамъ, которыя также, какъ здѣшній воспитательный домъ, находятся въ весьма жалкомъ состояніи. У насъ было письмо отъ Филарета къ здѣшнему епископу Аеанасію, у котораго мы застали еще другаго архіерея; сердца ихъ открыты для религіознаго общенія въ духѣ любви; вмѣстѣ съ епископомъ мы осмотрѣли здѣшнюю семинарію. Мы имѣли также случай держать молитвенныя собранія въ домѣ прокурора, который вмѣстѣ съ своею матерью отличается духомъ благочестія; это люди, мало удовлетворяемые формализмомъ и обрядностію внѣшней церковной жизни; въ душѣ ихъ звучитъ голосъ: «что мнѣ дѣлать, чтобы спастись.»

26-го апрѣля. Москва. Мы пріѣхали въ Москву; морозъ продолжается; мы чувствуемъ въ себѣ упадокъ духа. Самуилъ Гаке филдъ молился вмѣстѣ съ нами и молитва нѣсколько подкрѣпила насъ.

31-го апрѣля. Мы подали свои письма генераль-губернатору и посѣтили здѣшнія тюрьмы и больницы. Мы надѣемся внести утѣшеніе слова Божія въ хижины бѣдняковъ также, какъ въ палаты богачей.

3-го мая. Мы были у московскаго архіепископа и отдали ему письмо отъ Филарета; онъ принялъ насъ благосклонно. Пріѣзжая къ архіепископу, мы, къ удивленію своему, увидѣли, что квартира его наполнена священниками и монахами; тамъ были также, между прочими, нѣкоторые грузинскіе князья. Нашимъ переводчикомъ былъ начальникъ почтоваго вѣдомства, человѣкъ съ религіознымъ настроеніемъ¹⁾. Общество собралось многолюд-

¹⁾ Дмитрій Павловичъ Руничъ?

ное; меня особенно привлекали грузины. Намъ предлагали разные вопросы относительно нашихъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ. Одинъ монахъ, умѣющій говорить по-французски, присѣлъ подлѣ меня и сказалъ мнѣ:

— «Всѣ внѣшніе обряды и церковные обычаи составляютъ лишь форму; Христосъ же и Духъ Его суть сущность; на нихъ мы должны опереться, а безъ нихъ все прочее не принесетъ намъ никакой пользы».

4-го мая. Мы были очень взволнованы, отправляясь къ князю Сергѣю Голицыну—дальному родственнику князя Александра, который также, какъ вдовствующая императрица, рекомендовалъ насъ ему. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Князь, подобно родственнику своему—Александру Голицыну, человѣкъ благочестивый. Мы вели съ нимъ разговоръ о предметахъ религіозныхъ и говорили больше о практическомъ благочестіи, чѣмъ о теоретическихъ вопросахъ. Молодые князь и княгиня слушали внимательно; они, кажется, воспитаны въ христіанскихъ чувствахъ.

6-го мая. Сегодня мы обѣдали у Ивана Мальцева, которому рекомендовала насъ княгиня Мещерская; это также человѣкъ благочестивый. Послѣ обѣда мы отправились къ молодой княгинѣ Орловой. У нея смиренная и преданная Богу душа и она много дѣлаетъ добра. Мы представили ей книгу: «No cross, no crown» (безъ креста нѣтъ вѣнца) и разные другія назидательныя сочиненія.

10-го мая. Мы обѣдали вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ у одной вдовы, которая употребляетъ свое значительное состояніе на дѣла благотворенія.

21-го мая. Мы еще разъ были у князя Сергѣя Голицына и видѣли нѣкоторыхъ членовъ его семейства. Онъ говорилъ съ нами о духовной сторонѣ религіозной жизни, о внутреннемъ богопочтеніи и о возрожденіи человѣка чрезъ крещеніе. Одинъ бывшій при этомъ католическій священникъ, казалось, былъ очень недоволенъ нашимъ разговоромъ. Вечеромъ мы отправились къ генералу Герарду и тамъ сошлись съ грузинскимъ княземъ и съ госпожею Тучковой. Г-жа Тучкова подробно рассказала намъ о томъ, какъ въ ней въ первый разъ началось дѣло внутренняго возрожденія; она тѣмъ доказывала дѣйствительность таинственнаго вліянія Духа Божія на человѣческое сердце. Испытанныя ею внутреннія впечатлѣнія были таковы, что не остав-

ляли мѣста сомнѣнію въ дѣйствительномъ вліяніи Духа Божія. Вотъ что она рассказала.

Въ 1812 году, за три мѣсяца до вторженія французовъ въ Россію, мужъ ея—генераль Тучковъ находился вмѣстѣ съ нею въ ихъ помѣстьи, въ Тульской губерніи. Въ это время ей разъ ночью снилось, будто она находится въ гостинницѣ въ неизвѣстномъ ей городѣ и будто отецъ ея приходитъ къ ней и говоритъ ей съ печальнымъ выраженіемъ лица: «твоя радость и твое утѣшеніе отняты у тебя; онъ (твой мужъ) убитъ подъ Бородинымъ». Она проснулась тогда въ сильномъ и тревожномъ безпокойствѣ, но зная, что мужъ ея спитъ подлѣ нея, она почла все это за обыкновенный сонъ и старалась снова заснуть; прежнее сновидѣніе, однако, повторилось и сопровождалось такимъ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ, что она долго не могла заснуть. Наконецъ, тотъ же сонъ повторился въ третій разъ,—и тогда она разбудила своего мужа, рассказала ему все и спросила, что такое Бородино, такъ какъ ей прежде никогда не приходилось слышать это названіе? Мужъ ея также никогда не слыхалъ про Бородино,—мѣстечко тогда еще совершенно неизвѣстное, но скоро затѣмъ прославившееся кровавымъ сраженіемъ, которое тамъ происходило. Вмѣстѣ съ отцемъ своимъ она напрасно искала этого названія на картѣ. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное въ душѣ г-жи Тучковой описаннымъ сномъ, было очень сильно и ее мучили постоянныя опасенія; она считала сонъ свой за предвѣстіе, данное ей Господомъ для приготовленія къ великой скорби, среди которой она лишь въ милосердіи и любви Божіей найдетъ для себя опору. Съ этого времени взгляды ея на все мірское стали совершенно измѣняться; предметы, относящіеся ко спасенію, сдѣлались главною цѣлью всѣхъ ея заботъ и стремленій. Она перестала принимать участіе въ мірскихъ развлеченіяхъ, которыя она прежде очень любила; она стала предаваться размышленію о томъ, что Господу угодно сдѣлать съ нею, ибо она видѣла въ случившемся не простой сонъ, а предвѣстіе со стороны Духа Божія объ угрожающемъ ей несчастіи.

Главное мѣсто военныхъ дѣйствій было, между тѣмъ, еще далеко; но скоро оно стало быстро приближаться. Когда французы подошли къ Москвѣ, генераль Тучковъ былъ назначенъ начальникомъ резервной арміи. Однажды утромъ отецъ ея не ожи-

данно вошелъ къ ней, держа за руку ея маленькаго сына, и совершенно также, какъ она видѣла во снѣ, воскликнула:

— «Онъ убитъ, убитъ подъ Бородинымъ!»

Взглянувъ кругомъ себя, она увидѣла, что комната, въ которой находится, и окружающіе ее предметы совершенно сходны съ тѣми, которые представились ей во снѣ. Мужъ ея былъ въ числѣ многихъ жертвъ, погибшихъ въ кровавой бородинской битвѣ. Г-жа Тучкова сообщила намъ, что испытанныя ею при всемъ этомъ впечатлѣнія убѣдили ее, что Богъ чрезъ Духа своего находится во внутреннемъ общеніи съ человѣкомъ и что человѣкъ ясно можетъ ощущать въ себѣ это вліяніе Духа Божія; она присовокупила, что прилагаетъ всѣ усилія, дабы сосредоточить свое вниманіе на этомъ вліяніи Духа, открывшемся предъ внутреннимъ взоромъ ея души, и этимъ путемъ она стала понимать, что такое «поклоненіе духомъ». Обѣ сестры ея одного съ нею настроенія; онѣ присутствовали при нашей бесѣдѣ; сердца наши были сокрушены и смирились предъ Господомъ. На другой день Тучкова пришла къ намъ въ гостиницу и привела съ собою своего сына; она стала просить насъ принять къ себѣ ея единственнаго ребенка и воспитать его, какъ своего собственнаго, «потому что», говорила она, «хотя онъ единственное оставшееся у меня сокровище и хотя я люблю его выше всего на свѣтѣ, но сама любовь моя къ нему возбуждаетъ во мнѣ желаніе видѣть его чадомъ Божиимъ и облегчаетъ для меня горечь разлуки». Она говорила такъ искренно и трогательно, слова ея были пронизаны такимъ истинно-христіанскимъ чувствомъ, что въ душѣ моей пробудилось живое и теплое сочувствіе къ ней; она напоминала мнѣ Анну, принесшую сына своего Самуила на служеніе Богу. Но тѣмъ не менѣе, я не видѣлъ для себя возможности принять на себя такую важную отвѣтственность; я объяснилъ ей поэтому, какаго рода тѣ обязанности, которыя возложилъ я на себя, странствуя по разнымъ землямъ; я указалъ ей, съ какими опасностями и трудностями мнѣ, вѣроятно, придется бороться до обратнаго моего приѣзда въ Америку, и обратилъ ея вниманіе на громадность разстоянія, которое тогда отдѣлило бы ее отъ ея сына, на трудность получать отъ него извѣстія, на высокое положеніе его въ обществѣ, на значительное состояніе, котораго онъ единственный наслѣдникъ, и на разныя другія важныя за-

трудненія¹⁾). Но эта почтенная дама не хотѣла придать вѣса всѣмъ указаннымъ мною затрудненіямъ; она продолжала желать исключительно одного: христіанскаго воспитанія сына и его преуспѣанія въ жизни духовной, которую она ставила безусловно выше всѣхъ сокровищъ и расчетовъ мірскихъ (сынъ ея впослѣдствіи умеръ въ пажескомъ корпусѣ 17-ти лѣтъ отъ рожденія).

Наше прощаніе съ нею было трогательно и торжественно. (Послѣ Стефанъ Греллэ получилъ отъ г-жи Тучковой нѣсколько писемъ, изъ которыхъ видно было, что внутреннее настроеніе ея духа не измѣнилось).

25-го мая. Мы познакомились съ нѣкоторыми благочестивыми купцами и держали съ ними молитвенное собраніе.

27-го мая. Мы отправились въ имѣніе государственнаго канцлера — графа Румянцева, съ которымъ мы познакомились въ Петербургѣ; имѣніе это находится на разстояніи десяти верстъ отъ города; цѣлью нашей поѣздки было — свиданіе съ однимъ шотландскимъ семействомъ, которое тамъ живетъ. Вечеромъ мы отправились къ генералу Герарду, гдѣ мы нашли нѣсколько молодыхъ дамъ, находившихся также подъ благотворнымъ вліяніемъ посѣтившей ихъ божественной благодати.

Мы готовимся къ отъѣзду отсюда; снѣгъ быстро таетъ и мы купили себѣ бричку.

Мы были у князя Оболенскаго и имѣли случай побесѣдовать о религіозныхъ предметахъ съ его семействомъ. Я говорилъ о важности правильнаго употребленія времени, о краткости жизни и о необходимости исправить ее; я обратилъ также ихъ вниманіе на пустоту многихъ изъ нашихъ мірскихъ заботъ и суетливыхъ развлеченій и на опасности, которымъ подвергаемся, если небрежемъ о внутреннемъ усвоеніи великаго искупленія, даннаго намъ въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ. Между тѣмъ, какъ мы говорили, князь обратился къ моему другу Уильяму Аллену и связалъ ему шнотомъ:

— «Это большая рѣдкость, чтобы кто-нибудь намъ говорилъ объ этихъ простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ истинахъ».

По окончаніи нашей бесѣды, князь повелъ насъ въ одно

¹⁾ Въ Америкѣ у Греллэ оставалась жена. Семья, впрочемъ, не могла оставить ревностнаго квакера-миссіонера отъ постоянныхъ и продолжительныхъ странствованій по новому и старому свѣту.

училище, гдѣ воспитывается до 300 молодыхъ дворянъ. Мы обратились къ нимъ съ нѣсколькими словами, поощряя ихъ неуклонно стремиться къ усвоенію истины, чтобы тѣмъ пріобрѣсти способность къ честной и благородной дѣятельности предъ Богомъ и людьми.

28-го мая. Мы отправились и, вѣроятно, въ послѣдній разъ на свиданіе съ нѣкоторыми лицами, между прочимъ, съ генералъ-губернаторомъ; наше прощаніе было пронизуемо глубокимъ чувствомъ. Мы имѣли также сегодня молитвенное собраніе съ семействомъ коменданта, съ гражданскимъ губернаторомъ и съ полиціимейстеромъ; нѣкоторые, казалось, чувствовали въ себѣ живое религиозное движеніе и даже начали трепетать при сильномъ вліяніи на нихъ внутренняго свидѣтельства Христова. Нѣкоторые лица, принадлежащія къ высшему кругу, сказали намъ:

— «Мы надѣемся услышать отъ васъ истину въ ея настоящемъ, чистомъ видѣ; мы увѣрены, что любовь Божія привела васъ къ намъ».

Полиція здѣсь такъ хорошо устроена, что самыя обыкновенныя происшествія сейчасъ доводятся до ея свѣдѣнія; мы испытали это на себѣ слѣдующимъ образомъ: когда мы отправились купить свой дорожный экипажъ, шелъ сильный снѣгъ и улицы были пусты. Между тѣмъ, на другой день полиціимейстеръ, увидѣвъ насъ, сказалъ:

— «Вы, стало быть, скоро намѣрены уѣхать отъ насъ, такъ какъ уже купили себѣ дорожную повозку?»

Мы спросили его, какъ онъ это знаетъ.

— «Я зналъ это», отвѣтилъ онъ, «не больше, какъ часъ спустя послѣ того, какъ вы ее купили, и знаю также, сколько вы заплатили; я послѣлъ разсмотрѣть ее, чтобы удостовѣриться въ томъ, что васъ не обманули».

1-го іюня. Мы уѣхали изъ Москвы вчера и нынѣ утромъ еще только прибыли въ Серпуховъ, гдѣ ждалъ насъ вѣстовой отъ графа N, живущаго въ 12-ти верстахъ отсюда. Графъ принялъ насъ весьма вѣжливо; у него прекрасныя заведенія и нѣсколько шволь; но мы чувствовали въ себѣ грустное расположеніе духа и желали скорѣе уѣхать, ибо ни истина, ни любовь Господа не нашли себѣ мѣста въ сердцѣ графа.

Въ Тулѣ мы нѣсколько разъ видѣлись съ архіепископомъ, о которомъ Филаретъ говорилъ намъ въ Петербургѣ, какъ о чело-вѣкѣ съ духовнымъ настроеніемъ. Онъ повелѣ насъ осмотрѣть семинарію и духовное училище. Съ нѣкоторыми монахами мы имѣли здѣсь бесѣды религіознаго содержанія и старались утвердить въ нихъ мысль, что одинъ только Духъ Божій можетъ руководить чело-вѣка на пути благочестія. Послѣ чая мы провели у архіепископа еще нѣсколько времени въ молитвенномъ безмолвіи. Христосъ-пастырь душъ огласилъ насъ и я чувствовалъ любовь во Христѣ къ этому архіепископу; душа его открыта для благодатнаго наитія свыше; съ сокрушеніемъ сердца онъ говорилъ о милости, которая чрезъ свиданіе съ нами оказана ему Господомъ и которой онъ никогда не забудетъ. Нѣкоторые молодые священники, тутъ же присутствовавшіе, проливали слезы. Замѣчательно, что можно встрѣчать гораздо больше живой вѣры въ духовенствѣ русской церкви, чѣмъ между папистами; притомъ образъ жизни русскихъ духовныхъ лицъ вообще проще жизни римско-католическихъ; впрочемъ, мы видѣли только тѣ лица въ русскомъ духовенствѣ, которыя рекомендованы намъ по своему благочестію. Посѣщеніе, сдѣланное нами въ здѣшнихъ темницахъ и госпиталяхъ, произвело на насъ тяжелое впечатлѣніе.

6-го іюня. Орелъ. Здѣшній гражданскій губернаторъ—чело-вѣкъ съ теплою душою и серьезнаго направленія; онъ лишился ноги на Бородинскомъ полѣ. Мы имѣли здѣсь молитвенныя собранія съ военнымъ комендантомъ, съ его семействомъ и съ нѣкоторыми офицерами; комендантъ хорошо знакомъ съ нашими религіозными принципами. Насъ восхищаетъ здѣсь одинъ старецъ-священникъ, по имени Іоаннъ. Ему 90 лѣтъ и онъ провелъ цѣлыхъ 50 лѣтъ въ постоянномъ совершеніи дѣлъ любви; самъ онъ бѣденъ, получая только 200 рублей ассигнаціями въ годъ, но тѣмъ не менѣе, онъ не только отдаетъ часть своихъ доходовъ бѣднымъ, но раздаетъ еще около 10,000 рублей, ввѣряемыхъ ему для этой цѣли лицами, которыя знаютъ силу его христіанской любви; хотя онъ не знаетъ, продолжать ли начатое дѣло добротные жертвователи, но онъ говоритъ: «я видѣлъ вѣру ихъ». Онъ устроилъ также пріютъ для бѣдныхъ, въ которомъ находится 60 чело-вѣкъ; они живутъ очень бѣдно, какъ и онъ самъ, но они преисполнены любви и признательности къ

нему и къ своему небесному Отцу. Благословеніе возлюбленнаго нашего Господа, по истинѣ, почиваетъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ бѣдныхъ.

12-го іюня. Бѣлгородъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Тулы, намъ почти вездѣ приходилось останавливаться у евреевъ; нѣкоторые изъ нихъ тайкомъ отъ прочихъ предлагаютъ намъ разные вопросы о христіанствѣ, но боятся, чтобы другіе евреи ихъ не подслушали. Иные имѣютъ у себя Новый Завѣтъ на еврейскомъ языкѣ, но тщательно скрываютъ его; мы роздали нѣсколько экземпляровъ, которые были приняты съ благодарностію. Мы имѣли письмо отъ князя Голицына къ епископу Евгенію; онъ принялъ насъ, окруженный священниками и монахами; разговоръ нашъ имѣлъ характеръ религіозный. Мы нашли, что у епископа душа впечатлительная и опытная въ дѣлахъ практическаго благочестія. Желая видѣться съ нимъ наединѣ, мы возвратились къ нему вечеромъ; тогда, при нашей бесѣдѣ съ нимъ, мы чувствовали свое духовное единеніе, и Евгеній нѣсколько разъ повторялъ намъ:

— «Это одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ дней моей жизни; вѣра моя въ Господа нашего Иисуса Христа значительно окрѣпла».

Мы видѣли нѣчто утѣшительное при посѣщеніи здѣшнихъ пріютовъ для бѣдныхъ, особенно того, который устроенъ благочестивыми купцами.

13-го іюля. Харьковъ. Губернаторъ сопутствовалъ намъ при нашихъ поѣздкахъ и предложилъ быть нашимъ переводчикомъ. Здѣсь существуетъ училище для солдатскихъ дѣтей, въ которомъ обучается около 1,400 воспитанниковъ. Есть также институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Тюрьмы находятся въ жалкомъ состояніи. Больница умалишенныхъ произвела на насъ самое тяжелое впечатлѣніе; съ несчастными больными тамъ обращаются безчеловѣчно. Мы были очень довольны тѣмъ, что губернаторъ самъ это увидѣлъ.

Екатеринославъ. Переѣздъ нашъ черезъ Днѣпръ былъ и утомителенъ, и опасенъ. Здѣсь живетъ Контеніусъ, родомъ нѣмецъ, но онъ говоритъ по-французски и по-русски; онъ начальствуетъ надъ нѣмецкими колоніями, надъ меннонитами, духовборцами и проч. въ Крыму. Это человѣкъ солидный и достойный уваженія. Мы имѣли къ нему письмо отъ сенатора Гоблица.

Контениусъ употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы обезпечить благосостояніе колоній, и князь Голицынъ сказалъ намъ разъ про него, что онъ дѣйствуетъ не по самолюбивымъ побужденіямъ, но по чистому убѣжденію. Мы застали у него херсонскаго губернатора.

19-го іюля. Въ сопровожденіи добраго Контениуса мы осмотрѣли здѣшнія тюрьмы, больницы и училища. Мы сдѣлали также пріятный визитъ у графа N, который начальствуетъ надъ всѣми этими заведеніями. Вечеромъ мы отправились къ Макарію, къ которому у насъ было письмо отъ Филарета. Это—ректоръ здѣшной семинаріи; мы застали его въ келіи, которая отличается совершенною простотою. Макарій—человѣкъ весьма смиренный и съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ; онъ раскрылъ предъ нами свое сердце и бесѣдовалъ съ нами о внутреннихъ движеніяхъ своей религіозной жизни и о пути, какимъ угодно было св. Духу вести его, — пути, неизвѣстномъ и мало понятномъ для окружающихъ его лицъ. Макарій очень тяготится многочисленностію внѣшнихъ обрядовъ, сопровождающихъ богослуженіе греческой церкви, и преувеличеннымъ почитаніемъ иконъ. Его понятія о крещеніи и причащеніи, кажется, весьма близки къ нашимъ. Онъ разсказалъ намъ, что у него сначала было обыкновеніе готовить свои проповѣди тщательно и усердно; но разъ на каедрѣ ему самому казалось, что онъ говоритъ такъ сухо и безжизненно, что языкъ отказывается продолжать, и онъ принужденъ былъ остановиться. Съ тѣхъ поръ, выходя на каедру, онъ возлагаетъ все свое упованіе на Бога и говоритъ проповѣди безъ приготовленія. Мы совершили вмѣстѣ съ нимъ безмолвную молитву, и видно было, что это духовное упражненіе не чуждо душѣ достолюбезнаго Макарія.

21-го іюля. Сегодня утромъ пришло къ намъ нѣсколько человѣкъ, принадлежащихъ къ обществу «духовныхъ христіанъ», обыкновенно здѣсь называемыхъ «молованами», по причинѣ нѣкоторыхъ отступленій ихъ отъ обрядовыхъ постановленій господствующей церкви. Мы уже не разъ слышали про эту секту и очень желали поближе познакомиться съ нею. Здѣсь находится около 20-ти семействъ молоканъ и мы собирались съ ними увидѣться. Макарій также пришелъ къ намъ; мы опасались, что его присутствіе будетъ стѣснять молоканъ, въ ихъ религіозныхъ из-

ліяніяхъ и бесѣдахъ съ нами; ибо со времени Екатерины II и Павла I молокане и духоборцы подвергались разнымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ. Оказалось, впрочемъ, что присутствіе Макарія вовсе ихъ не стѣсняло; скоро всѣ мы предались среди безмолвія внутреннему созерпанію и души наши раскрылись предъ Господомъ; такимъ образомъ, молокане совершаютъ свое богопочтеніе въ безмолвіи, пока кто-нибудь не почувствуетъ въ себѣ вѣянiя св. Духа и не начнетъ говорить, какъ пастырь. Молитвенное собраніе наше происходило торжественно; по окончаніи его, мы условились на счетъ времени новаго свиданія. Когда молокане удалились, Макарій воскликнулъ, проливая обильныя слезы:

— «Въ какомъ состоянiи мрака и невѣжества находился я донинѣ! Я прежде думалъ, что я одинъ только въ этихъ мѣстахъ шествую во свѣтѣ Господнемъ и чувствую въ себѣ вліяніе Св. Духа такъ, что могу поклоняться въ духѣ и истинѣ; но все это было самолюбивымъ отлѣпленіемъ; я не зналъ, что свѣтъ Божественнаго озаренія сіяетъ подлѣ меня среди этихъ людей, бѣдныхъ и незнатныхъ въ глазахъ міра, но богатыхъ теплою вѣрою своею въ Господа нашего Иисуса Христа».

Онъ разстался съ нами въ весьма взволнованномъ состоянiи.

22-го іюля. Прежде чѣмъ отправиться въ молитвенное собраніе «духовныхъ христіанъ» (молоканъ), мы составили себѣ программу вопросовъ, которые намъ хотѣлось предложить имъ относительно главныхъ пунктовъ ихъ вѣроученія. Молокане отвѣчали на наши вопросы, открыто выставляя основанія своихъ вѣрованій и вообще опираясь на изрѣченія Св. Писанія. Они имѣютъ весьма ясныя и чистыя понятія о главныхъ предметахъ христіанской вѣры, о грѣхопадѣніи человѣка, о его оправданіи вѣрою въ Иисуса Христа, объ искупительной смерти Спасителя, о его воскресеніи и вознесеніи и проч. Также, слушая ихъ вѣрованія о св. Духѣ, о молитвѣ и проповѣди слова Божія, о крещеніи и причащеніи, о постахъ и т. д., мы могли бы предполагать, что они вполне сродны нашему обществу (обществу квакеровъ); но они, однако, никогда прежде не слыхали про насъ и не видали никого изъ членовъ нашего духовнаго братства. Понятія ихъ о войнѣ менѣе ясны и опредѣленны; они намъ сказали: война—это предметъ, который мы не въ состоянiи были

вполнѣ объяснить себѣ и согласить съ ученіемъ слова Божія; намъ предписано Св. Писаніемъ повиноваться начальствующимъ и правительственнымъ лицамъ не изъ-за страха, а изъ-за совѣсти; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ предписано любить своихъ враговъ, не мстить за обиды и оскорбленія и платить добромъ за зло; мы поэтому не знаемъ, слѣдуетъ-ли намъ отказаться предъ правительствомъ отдавать своихъ дѣтей въ военную службу. Но во всемъ, что касается личнаго нашего поведенія, мы стараемся жить и дѣйствовать вполнѣ согласно съ евангельскими предписаніями и никогда у насъ не бываетъ тяжёлыхъ дѣлъ предъ закономъ; ибо, если кто-нибудь у насъ ударитъ своего ближняго въ одну щеку, то мы обращаемъ къ нему и другую, и если онъ отнимаетъ что-нибудь у насъ, то мы это благодарно и терпѣливо переносимъ. Просящему у насъ мы даемъ и отъ хотящаго занять у насъ не отвращаемся и не требуемъ у него обратно; а потому во всѣхъ этихъ дѣлахъ благословляетъ насъ Господь. Господь также очень милостивъ къ нашимъ молодымъ людямъ; ибо хотя многіе изъ нихъ состоятъ въ военной службѣ, но ни одинъ изъ нихъ не носилъ оружія,—наши убѣжденія извѣстны, и имъ давали разныя занятія, не относящіяся собственно къ войнѣ».

Такъ какъ мы слышали, что у молоканъ есть старцы, то мы спросили, какъ ихъ называютъ. «Они не носятъ особаго названія», отвѣчали молокане, «но кого Господь благословитъ дѣтьми, тѣхъ мы чтимъ въ данномъ имъ отъ Бога званіи». Молокане обратили также наше вниманіе на свое существенное отличіе отъ духоборцевъ. Последніе отвергаютъ авторитетъ Св. Писанія, не признаютъ божества Иисуса Христа, его искупительной жертвы и оправданія вѣрою. Есть еще третья секта, которая сходствуетъ съ молоканами, но она, подобно евреямъ, соблюдаетъ субботу, не употребляетъ въ пищу свинины или мяса какихъ-либо другихъ животныхъ, не чистыхъ по закону Моисея; число этихъ сеѣтантовъ не велико и они обыкновенно для богослуженія соединяются съ другими общинами.—Молокане распространились изъ Крыма по Сибири и Кавказской Области; они говорятъ, что число ихъ доходитъ до 100,000. Тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ читать, заставляютъ дѣтей заучивать наизусть св. тексты, цитуемые ими весьма вѣрно. Мы оставили имъ нѣкоторыя нѣмецкія книги, такъ какъ многіе изъ нихъ понимаютъ по-нѣмецки

и могутъ читать другимъ. Добрѣйшій Контепіусъ хочетъ сопровождать насъ въ Крымъ, не смотря на свою старость.

23-го іюля. Мы приѣхали въ колоніи меннонитовъ. Контепіусъ послалъ искать ихъ епископа, который самъ занимался въ это время полевыми работами и вообще держитъ себя очень просто; онъ не получаетъ ни жалованья, ни десятины, и обязанъ самъ трудиться для своего пропитанія. Вмѣстѣ съ епископомъ собралось много меннонитовъ изъ окрестныхъ деревень, и мы могли бы подумать, что находимся среди своихъ братьевъ. Затѣмъ мы отправились на одинъ островокъ на Днѣпрѣ, чтобы свидѣться съ о. Гильдебрандомъ; тамъ мы приняли участіе въ молитвенномъ собраніи и оставили меннонитамъ нѣсколько нѣмецкихъ книгъ.

29-го іюля. Сегодня послѣ обѣда мы поѣхали въ главную деревню духоборцевъ; мы зашли къ ихъ начальнику, которому 90 лѣтъ отъ роду и который почти совершенно ослѣпъ, но тѣмъ не менѣе еще очень бодръ и по душѣ, и по тѣлу; у него крѣпкое и здоровое тѣлосложеніе. 14 старцевъ окружали его, но во время нашего присутствія онъ почти только одинъ велъ бесѣду. Мы нашли, что онъ очень уклончивъ во многихъ изъ своихъ отвѣтовъ; тѣмъ не менѣе и онъ, и другіе духоборцы сознались намъ, что они не признаютъ божественнаго авторита Св. Писанія. Иисуса Христа они признаютъ только превосходнымъ человекомъ и потому отвергаютъ ученіе о его искупительныхъ заслугахъ. Духоборцы далѣе вѣруютъ, что въ человѣкѣ есть духъ, который указываетъ ему правый путь ко спасенію, и въ подтвержденіе этого, они стали ссылаться на множество изрѣченій Библии, которую, впрочемъ, они не дозволяютъ никому держать у себя на дому. Относительно ученія о бракѣ они старались избѣгать прямыхъ отвѣтовъ на наши вопросы, говоря только: «буква убиваетъ, а духъ—животворитъ». Мы узнали также, что у нихъ нѣтъ опредѣленнаго времени для богослуженія.

Отъ духоборцевъ мы отправились въ Альтонскую колонію меннонитовъ.

1-го августа. Я провелъ нѣсколько времени между духоборцами. Узнавъ, что у нихъ будетъ религіозное собраніе, я рѣшился принять въ немъ участіе и воспользоваться случаемъ поучить ихъ, если то Господу угодно будетъ. Духоборцы собра-

лись около 10-ти часовъ на обширной равнинѣ; они стали кругомъ, такъ что мужчины занимали лѣвую сторону, а старцы и женщины—правую; дѣти, чисто одѣтыя, занимали промежутокъ между мужчинами и женщинами. Богослуженіе открыла одна старца громкимъ пѣніемъ псалма, послѣ чего двое стоявшихъ противъ нея стариковъ взялись за руки, обратились лицомъ другъ къ другу и трижды глубоко поклонились; послѣ этого они обратились къ женщинамъ и сдѣлали имъ два поклона, на которые женщины отвѣтили тѣмъ же: потомъ тотъ же обрядъ былъ повторенъ, по порядку, всѣми прочими присутствовавшими мужчинами; дѣти же обнимали другъ друга. Послѣ мужчинъ жены и дѣвочки сдѣлали также поклоны; во все это время пѣніе псалмовъ продолжалось общимъ хоромъ. Наконецъ, старица, открывшая собраніе своимъ пѣніемъ, произнесла молитву и собраніе кончилось. Я воспользовался тогда случаемъ, чтобы сказать имъ поученіе о божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа и о силѣ совершеннаго имъ искупленія; нѣкоторые изъ старцевъ, казалось, были тронуты и пригласили меня къ себѣ на домъ; но вообще я вынесъ изъ этого собранія тяжелое чувство скорби и состраданія.

Симферополь, 5-го августа. Мы нашли здѣсь колонію молотковъ; они имѣютъ у себя нѣсколько Библій на восточныхъ языкахъ. Мы отдали имъ нѣкоторые экземпляры Новаго Завѣта, недавно напечатаннаго въ Россіи, за что они были намъ очень благодарны.

Въ Одессѣ мы нашли училища, находящіяся подъ надзоромъ католическаго аббата Николаи; іезуиты успѣли здѣсь сильно утвердить свое вліяніе.

7-го августа 1819 г. Отъѣздъ изъ Россіи.

(Сообщ. И. Т. Осипинъ.)

Примѣчаніе. Приведа довольно обширныя выдержки И. Т. Осипина изъ интересныхъ записокъ Этьена Грелье (Et. Grellet; по англ. Stephen Grillet. 1760—1855), считаемъ необходимымъ указать на интересную статью А. Н. Пыпина: «Императоръ Александръ I и квакеры» (В. Е. 1869 г., октябрь, стр. 751—769), составленную по поводу книги: «The Quakers from their origin till the present time: an international history. By John Cunningham. D. D. Edinburgh, 1868». По этой книгѣ г. Пыпинъ упоминаетъ о пріѣздѣ Грелье де-Мобилье съ Алленомъ въ Петербургъ, но мемуаровъ Грелье составитель статьи не имѣлъ подъ руками (стр. 759, примѣч.). См. также небольшую замѣтку Н. В. Сушкова о квакерѣ Грелье въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи» 1867 г., кн. I, смѣсь, стр. 149—153; въ другой замѣткѣ того же покойнаго Сушкова (1870 г., кн. I, стр. 235—240) рѣчь идетъ о митрополитѣ Филаретѣ по поводу упомянутой статьи г. Пыпина.

Ред.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя

Великаго Князя Константина Николаевича.

1792 ¹⁾.

Великая княгиня Марія Федоровна—Екатеринѣ II.

Гатчина, 11-го ноября 1792 г.

Дрожайшая и добрѣйшая матушка! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала я нынѣшней среды, чтобы имѣть возможность повергнуться къ стопамъ вашимъ, дрожайшая матушка,—ибо, говоря искренно, сердце мое до того преисполнено признательности къ вамъ и счастья за тѣ драгоценныя подробности, которыми вы въ послѣднихъ письмахъ вашихъ удостоиваете мужа моего о нашемъ интересномъ и любезномъ молодомъ человѣкѣ и нашей возлюбленной принцессѣ, что я должна была сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы ранѣе не обезпokoить васъ моимъ письмомъ ²⁾. Какъ счастлива я, видя нѣжныя попеченія ваши о нашемъ сынѣ! О, дрожайшая матушка, если бы было въ нашей волѣ находить выраженія чувствамъ нашимъ, вы были бы довольны тѣмъ

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649—690; 853—884.

²⁾ Дѣло идетъ о знакомствѣ великаго князя Александра Павловича съ баденскою принцессою Луизою-Марією-Августою. Въ 1793 году молодая чета соединилась бракомъ, при чемъ баденская принцесса, по мнропомазаніи, наименована Елисаветою Алексѣевною. Біографы Александра I справедливо говорили, что молодая прекрасная чета была лучшимъ украшеніемъ блестящаго двора Екатерины, лучшею надеждою на закатѣ ея царствованія. Ред.

чувствомъ, которое одушевляетъ меня. Нашъ молодой человѣкъ, судя по его письмамъ, кажется вполне счастливъ и доволенъ; онъ съ восхищеніемъ говоритъ о понедѣльникѣ и на сегодня общается сообщить дальнѣйшія подробности, такъ какъ вчера писалъ на скорую руку; онъ говоритъ въ послѣднемъ письмѣ, что вполне познакомился съ принцессами, особенно же съ принцессою Луизою, которая, по его словамъ, совершенно прелестна. Вы замѣчаете, обожаемая матушка, что ему необходимо говорить о хорошенькой принцессѣ нашей, на сіе отвѣчу: „отъ избытка сердца глаголютъ уста“. Наконецъ, добрая и дорогая маменька, ваше предсказаніе сбылось очень скоро, такъ какъ хорошенькая принцесса наша не дала промаха и, какъ кажется, серьезно нравится молодому человѣку нашему, а судя по замѣшательству молодой особы, можно угадать, что и сынъ мой также не возбуждаетъ въ ней отвращенія; и вы, нѣжнѣйшая и лучшая изъ всѣхъ бабушекъ въ мірѣ, собственными очами видите, какъ, стараніями вашими, возникаетъ то чувство, которое составитъ счастье этихъ прелестныхъ дѣтей и наше собственное. Послѣ этого судите сами, дрожайшая матушка, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ умиленіемъ читаемъ мы драгоценныя письма ваши, и до какой степени они желанны, покуда не придетъ счастливая минута, когда мнѣ возможно будетъ возвратиться къ стопамъ вашимъ, — минута, возжелѣнная для той, которая имѣетъ честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и ненарушимою привязанностью, дрожайшая матушка, вашею покорнѣйшею и послушною слугою и дочерью Марія.

Gatchina, ce 11 novembre 1792.

Ma très chère et bonne mère. Que j'ai attendu ce mercredi avec impatience pour que je puisse me mettre à Vos pieds, ma très chère mère, car, en vérité, mon coeur est si plein de reconnaissance pour Vous, et de bonheur par tous les détails précieux que Vous daignez donner dans Vos dernières lettres à mon mari sur notre intéressant et cher jeune homme, et sur notre aimable princesse, que j'ai dû me faire violence pour ne pas Vous incommoder plutôt par mon écriture. Que Vos tendres soins pour le bonheur de notre enfant me rendent heureuse. Oh, ma très chère mère, si le sentiment s'exprimait à volonté, Vous seriez contente de celui qui m'anime. Notre jeune homme paraît bien content et heureux dans ses lettres, il nous parle avec ravissement de sa journée de lundi, et nous en promet un ample détail pour aujourd'hui, n'ayant écrit hier qu'à la hâte; dernièrement il nous marque, que la connaissance avec les princesses est toute faite, surtout avec la princesse Louise qui, dit-il, est tout-à-fait charmante. Voilà ses expressions. Vous dites, mon adorable mère, qu'il a un vrai besoin de parler de notre jolie princesse, à cela je répondrai: de ce que le coeur est plein la bouche abonde. Enfin ma bonne et

Великая княгиня—императрица.

11-го ноября 1792 г. Гатчина.

Дрожайшая матушка! Въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова осмѣлюсь сказать, обожаемая, дорогая моя матушка, что письма ваши счастливаютъ насъ, проливая довольство и радость на все существо наше, какъ ихъ милыми, драгоценными подробностями, такъ и по нѣкоторому отношенію лично къ намъ, потому что мы тогда говоримъ сами себѣ: надобно же для этого, чтобы ея величество была къ намъ особенно милостива, а увѣренность въ нѣжности и любви вашей—предметъ всѣхъ нашихъ желаній. Александръ отдалъ намъ вѣрный отчетъ о томъ, что происходило за ужиномъ. Пишетъ, что имѣлъ счастье вести подъ руку и сидѣть рядомъ съ любезной принцессой Луизой и, долженъ признаться, говорилъ такъ много, что ничего не кушалъ; говорить, что очень доволенъ судьбой, и все его письмо свидѣтельствуетъ объ избыткѣ чувствъ. Тоже самое происходитъ и со мною, дрожайшая матушка, когда я имѣю честь говорить вамъ, что письма ваши—ожидаемъ, читаемъ и перечитываемъ по нѣскольку разъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и наслажденіемъ; по прочтеніи, говоримъ о ихъ содержаніи и снова читаемъ. Вотъ вѣрный разсказъ о томъ, что у насъ происходитъ: онъ служить лучшимъ доказательствомъ нашей признательности, глубокаго и нѣжнѣйшаго уваженія, съ которымъ на всю жизнь мою, дрожайшая матушка, есмь ваша всепокорная и послушная слуга и дочь—Марія.

chère maman, Votre prédiction s'est accomplie bien vite, car notre jolie princesse n'a pas manqué son coup, par ce qu'il me paraît que notre jeune homme en tient sérieusement, et l'embarras de la jeune personne fait augurer, de même, que mon fils n'a pas non plus le malheur de lui déplaire. Et Vous, comme la plus tendre et la meilleure des grand-mères, Vous voyez naître sous Vos yeux et par Vos soins le sentiment qui fera le bonheur de ces charmants enfants, et qui fera aussi le notre; après cela, jugez, ma très chère mère, avec quelle satisfaction, avec quelle sensibilité nous lisons Vos chères lettres, et combien elles sont désirées, jusqu'au moment heureux où je me retrouverai à Vos pieds; instant bien vivement désiré par celle qui a l'honneur d'être avec le plus profond respect et l'attachement le plus inviolable, ma bien chère mère. Votre très humble et bien obéissante servante et fille Marie.

Ce 11 novembre 1792. Gathina.

Ma très chère mère! C'est bien dans toute la force du terme, que j'ose Vous dire, mon adorable et chère mère, que Vos lettres nous rendent heureux et qu'elles répandent le contentement et la gaieté sur tout notre être, tant par tous les détails chers et précieux qu'elles contiennent, que par un petit retour

Великая княгиня — императрица.

Дрожайшая матушка! Осмѣливаясь препроводить къ вамъ мои отвѣты наслѣдному принцу и принцессѣ Баденскимъ, дерзаю просить васъ, дрожайшая матушка, увѣдомить меня: одобряете-ли вы ихъ? Не смѣя беспокоить васъ еще вчера вечеромъ моимъ письмомъ, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы сообщить вамъ, дрожайшая матушка, о впечатлѣннѣи, произведенномъ на меня обѣими молодыми принцессами, доставившимъ мнѣ живѣйшее, когда-либо испытанное мною удовольствіе. Старшая показалась мнѣ прелестною: она не только хороша собой, но во всей ея фигурѣ есть особенная привлекательность, которая въ состояннѣи возбудить любовь къ ней и въ самомъ равнодушномъ существѣ. Она чаруетъ своей обходительностью и тѣмъ чистосердечіемъ, которымъ дышать всѣ черты ея лица. У младшей личико веселенькое, умненькое; но она еще дитя. Старшая принцесса, увидя Александра, поблѣднѣла и задрожала; что-же касается до него, онъ былъ очень молчаливъ и ограничился только тѣмъ, что смотрѣлъ на нее, но ничего ей не сказалъ, хотя разговоръ былъ общій. Когда принцессы распростились съ нами, я стала хвалить ихъ, то-есть, высказалась о впечатлѣннѣи, которое онѣ на меня произвели и говорила отъ чистаго сердца. Извините за всѣ эти подробности, обожаемая матушка; извините ту, всѣ мысли которой заняты ея предметомъ; для которой вчерашній день былъ пріятнѣйшимъ въ жизни и драгоцѣннѣйшимъ по истинно материнскимъ милостямъ, вами оказаннымъ. Богъ вѣдаетъ, какъ цѣнить ихъ мое сердце и до какой степени все существо мое проникнуто уваженіемъ и привязанностью къ возлюбленнѣйшей изъ матерей, къ стопамъ ко-

sur nous-mêmes, parce que nous nous disons alors, que, pour nous les donner, il faut que Sa Majesté ait de la bonté pour nous, et la persuasion de Votre tendresse, de Votre affection est l'objet de tous, tous nos désirs. Alexandre nous a rendu un compte fidèle du souper; il nous a marqué, qu'il avait eu le bonheur de donner le bras et d'être placé auprès de l'aimable princesse Louise, et, qu'il devait nous avouer, qu'il avait tant parlé, qu'il n'avait pas mangé un morceau. Enfin, il nous dit, qu'il se trouve très heureux et toute sa lettre prouve qu'il par l'abondance du cœur. Il en est bien de même quand j'ai l'honneur de Vous dire, ma très chère mère, que les Votres sont attendues, lues et relues à différentes reprises avec un plaisir et une satisfaction bien vifs: et après les avoir lues nous parlons de leur contenu et on les relit de nouveau. Voilà le fidèle récit de ce qui se passe chez nous: il Vous sera la meilleure assurance de notre reconnaissance et du profond et tendre respect avec lequel je vivrai et mourrai, ma très chère mère, Votre très humble et bien obéissante servante et fille — Marie.

торой мысленно повергаюсь, осмѣливаясь именоваться, дрожайшая матушка, вашей покорнѣйшей и послушной слугою и дочерью—Марія.

Великая княгиня — императрицѣ.

17-го ноября 1792 г. Гатчина.

Дрожайшая матушка! Возобновляя, дрожайшая матушка, увѣренія въ моемъ уваженіи и въ совершенной привязанности къ вамъ, дерзаю думать, что доставляю вамъ нѣкоторое удовольствіе, увѣдомляя васъ, что Александръ, во вчерашнемъ своемъ письмѣ, пишетъ намъ, что „съ каждымъ днемъ прелестная принцесса Луиза все болѣе и болѣе ему нравится; въ ней есть особенная кротость и скромность, которыя чаруютъ, и что надобно быть каменнымъ, чтобы не любить ея“. Такovy подлинныя выраженія моего сына и потому осмѣлюсь признаться вамъ, дрожайшая матушка, что я сузу объ удовольствіи, которое доставить вамъ это признаніе, по тому удовольствію, которое оно мнѣ доставило. Подарокъ собачки, выборъ ея имени, радость при обмѣнѣ билетовъ за ужиномъ въ Эрмитажѣ ¹⁾, о чемъ говорилъ намъ графъ Эстергази,—все это, повидимому, доказываетъ положительно, что нашъ молодой человекъ начинаетъ чувствовать истинную привязанность и сознаетъ всю цѣну того дара, который вы ему предназначаете. Не можете себѣ вообразить, дрожайшая матушка, какъ дорога намъ малѣйшая подробность: изъ нихъ каждая увеличиваетъ нашу радость, такъ какъ и всякая бездѣлица предвѣщаетъ намъ счастье нашего сына, тѣмъ болѣе при сознаніи нашемъ, что это счастье—ваше дѣяніе. И потому, одушевляемые чувствомъ живѣйшей признательности, мужъ мой и я—мы оба повер-

Ma bien chère mère! En osant Vous envoyer mes réponses au prince et à la princesse héréditaires de Bade, j'ose Vous supplier, ma très chère mère, de daigner me marquer, si Vous les approuvez. N'ayant osé Vous incommoder, encore hier au soir, de mon écriture, je saisis cette occasion pour Vous rendre, ma très chère mère, l'impression que m'ont faite les deux jeunes princesses et qui, je Vous l'avoue, m'a causé un des plaisirs les plus vifs, que j'ai encore éprouvé. L'ainée m'a paru charmante; je la trouve non seulement jolie, mais elle a un attrait dans toute sa figure, qui engagerait l'être le plus indifférent à l'aimer; elle Vous captive par son aménité et par cette candeur, qui est répandue sur toute sa figure. La cadette a une physionomie espiègle, spirituelle mais c'est une enfant. La princesse ainée, en voyant Alexandre a pâli et a

¹⁾ За столъ сѣдѣлись по билетамъ. Великому князю Александру Павловичу перемѣнили билетъ, чтобы онъ помѣстился рядомъ со своею невѣстою.

Ред.

гаемся къ стопамъ вашимъ и у нихъ осмѣливаюсь повторить, дрожайшая матушка, увѣреніе въ моемъ уваженіи и моей преданности, съ коими дерзаю именоваться, дрожайшая матушка, вашей всепокорнѣйшей и послушной слугой и дочерью—Марія.

1793.

Императрица—великой княгинѣ.

Трудно, любезная дочь моя, вырѣзывать медали лучше васъ. Вы, такимъ образомъ—чего добраго—отобьете хлѣбъ у работниковъ монетнаго двора! Чувствительно благодарю васъ за чувства, которыя вы мнѣ свидѣльствуете. На этотъ разъ мнѣ было извѣстно о секретѣ подарка, который вы мнѣ готовили, потому что монетный дворъ не могъ безъ моего разрѣшенія выдать вамъ чеканы. Прощайте, обнимаю васъ, равно какъ и моего любезнаго сына.

Императрица—великой княгинѣ.

29-го октября 1793 г.

У меня сжимается сердце, любезная дочь, въ виду новаго злодѣянія, совершившагося во Франціи¹⁾, и я раздѣляю ваши чувстваванія по сему случаю. Кланяюсь вамъ, равно какъ и вашему супругу.

commencé à trembler; pour Alexandre il était très silencieux et s'est borné à la regarder, mais il ne lui a pas parlé, quoique la conversation a été générale. Après que les princesses nous eurent quitté, j'en ai fait l'éloge, c'est-à-dire que j'ai dit l'impression qu'elles m'ont faite, et cela d'abondance du cœur. Pardonnez ces détails, mon adorable mère, à quelqu'un qui est plein de son objet et pour qui la journée d'hier a été une des plus chères par les bontés maternelles que Vous nous avez témoignées. Dieu sait combien mon cœur les apprécie et combien tout mon être est rempli de respect et d'attachement pour la plus aimée de mères, aux pieds de laquelle je suis en idée en osant me nommer, ma bien chère mère, Votre très humble et bien obéissante servante et fille — Marie.

ce 17 novembre 1792. Gatchina.

Ma très chère mère! En Vous renouvelant, ma très chère mere, les hommages de tout mon respect, de tout mon attachement, j'ose croire Vous faire quelque plaisir en ayant l'honneur de Vous marquer que Monsieur Alexandre nous dit dans sa lettre d'hier, qu'il nous avouait, que, de jour en jour: «l'aimable princesse Louise lui plaisait d'avantage; qu'elle avait une certaine douceur, une certaine modestie qui enchantaient et qu'il faudrait être de pierre pour ne pas l'aimer». Ce sont les expressions mêmes de mon fils; aussi j'ose Vous avouer, ma très chère mère, que je juge de la satisfaction que cet aveu Vous

¹⁾ Казнь королевы французской Маріи-Антуанеты.

Императрица—великой княгинѣ.

Только бѣдствія Стюартовѣ превосходятъ тѣ, которымъ подвергаются Бурбоны: первыя длились сотни лѣтъ. Письмо принцессы Пиемонтской доказываетъ всю чувствительность ея души. Надо молить Бога, чтобъ онъ ихъ поддержалъ и утѣшилъ. Обнимаю васъ, любезная дочь моя, отъ всего сердца.

1794.

Императрица—великой княгинѣ.

19-го апрѣля 1794 г.

Увѣдомляю васъ, любезная дочь, о полученіи вашего сегодняшняго письма. Обнимая васъ и кланаясь моему любезному сыну, посылаю вамъ прекрасный ониксъ, поднесенный мнѣ графомъ Шуазелемъ. Желаю, чтобъ этотъ камень удовлетворилъ вашему вкусу къ рѣзьбѣ на камняхъ.

Императрица—великой княгинѣ.

6-го мая 1794 г.

Я думаю, любезная дочь моя, не бывало примѣра, чтобъ у старыхъ дубовъ, 4-го мая, были листья—длиною въ вѣсть руки. Я въ восторгѣ.

donnera, par celui qu'il m'a causé. Le don du chien, le choix du nom donné à ce chien, le plaisir que l'on a eu de troquer de billet au souper de l'Ermitage, dont le comte Esterhasi nous a parlé, tout cela paraît prouver bien affirmativement, que notre jeune homme s'attache véritablement et qu'il commence à sentir tout le prix du don que Vous lui destinez. Vous n'avez pas d'idée, ma très chère mère, combien chaque détail nous est précieux; chacun augmente notre contentement, parce que chacun nous présage le bonheur de notre fils et que nous nous disons, qu'il sera Votre ouvrage. Aussi le sentiment de la plus vive reconnaissance anime-t-il mon mari et moi, nous sommes tous deux à Vos pieds et j'ose Vous y réitérer, ma très chère mère, l'assurance de tout mon respect et de toute ma soumission, avec laquelle j'ose me nommer, ma très chère mère. Votre très humble et bien obéissante servante et fille — Marie.

Il est difficile, ma chère fille, de mieux graver que vous ne le faites. Vous oterez, de cette manière-là, le pain aux ouvriers de la maison de monnaie! Je vous remercie bien tendrement pour les sentiments que vous me témoignez. Cette fois-ci j'étais du secret du cadeau que vous me faisiez, car la maison de monnaie ne pouvait donner de poinçons sans ma permission. Adieu, je vous embrasse, de même que mon cher fils.

Ce 29 octobre 1793.

J'ai le cœur serré, ma chère fille, du nouveau forfait qui s'est commis en France et partage vos sentiments à cet égard. Je vous salue de même que votre époux.

что воздухъ такъ освѣжился, потому что приходилось буквально задышаться. Прощайте; вѣлаяюсь вамъ обоимъ и благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете о растительности. Мнѣ говорятъ, будто трава ежедневно вырастаетъ на вершокъ.

Императрица—великой княгинѣ

25-го мая 1794 г.

Благодарю васъ, любезная дочь моя, и васъ, любезный сынъ, за ваши поздравленія съ праздникомъ, равно какъ и за рисунокъ, который вы мнѣ общаете, любезная дочь. Вырѣзанная вами печатка очень часто мнѣ служитъ и всегда находится на моемъ столѣ. Прощайте; обнимаю васъ обоимъ.

Императрица—великой княгинѣ.

14-го октября 1794 г.

Изъ вашего письма отъ сего числа я вижу, любезная дочь моя, что мой посоль, которому я поручила поздравить васъ съ днемъ вашего рожденія, еще не прибылъ къ вамъ. Вѣроятно, его задержали дурныя дороги, но онѣ не помѣшали взятію въ плѣвъ Костюшки съ четырьмя другими изъ его значительныхъ собратьевъ или кумовьевъ, со 170-ю офицерами, нѣсколькими тысячами поляковъ и 21-й пушкой. Генералъ-лейтенантъ баронъ Ферзенъ, перейдя 23-го числа

Il n'y a que les malheurs des Stuarts qui soient plus grands que celui des Bourbons; les premiers ont duré des centaines d'années. Cette lettre de la Princesse de Piémont montre toute la sensibilité de son âme. Il faut prier Dieu qu'il les soutienne et les console. Je vous embrasse ma chère fille de tout mon cœur.

Ce 25 mars 1794.

Je vous remercie, ma chère fille de même que mon cher fils, pour les félicitations que vous me faites au sujet de la fête; de même que pour le dessin que vous me promettez, ma chère fille. Le cachet que vous avez gravé me sert très-souvent, il est toujours sur ma table. Adieu, je vous salue tous les deux.

Ce 19 avril 1794.

En vous accusant, ma chère fille, le reçu de votre lettre d'aujourd'hui, en vous embrassant et saluant mon cher fils, je vous envoie une belle onix que le C-te de Choiseuil m'a donnée: je souhaite qu'elle puisse servir à votre goût pour la gravure.

Ce 6 de mai 1794.

Je pense, ma chère fille, qu'il est sans exemple que les vieux chênes aient eu des feuilles longues comme la main, le 4 mai. Je suis enchantée que l'air se soit rafraîchi car l'on étouffait à la lettre. Adieu, je vous salue tous les deux

черезъ Вислу, возвращаясь изъ Варшавы, нанесъ имъ это поражение 29-го сентября близъ Мечёвиць—помѣстья графа Велепольскаго. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

Императрица—великой княгинѣ.

11-го ноября 1794 г.

Сю минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь, съ приложеніемъ, изъ котораго вижу безпокойство принцессы Пиемонтской на счетъ судьбы г-жи де-Марзанъ. Я не имѣю ни малѣйшаго указанія, гдѣ пребываетъ эта дама и, кромѣ перваго письма принцессы Пиемонтской, никогда и ничего о ней не слыхала. Не думаю, чтобъ, не смотря на совѣты принцессы, г-жа де-Марзанъ направилась въ нашу сторону. Ей за восемьдесятъ лѣтъ, а вы знаете, какъ французскія дамы боятся сѣверныхъ морозовъ. Впрочемъ, если она пріѣдетъ, вы можете увѣрить принцессу Пиемонтскую, что я, какъ уже и общала, окажу ей всевозможныя услуги гостеприимства. Прага—предмѣстіе Варшавы—была взята 24-го октября. Говорятъ, будто Варшава сда-лась на волю побѣдителя, но до сей поры я еще не имѣю о томъ официального извѣстія. Прощайте; кланяюсь вамъ обоимъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Я немедленно соберу свѣдѣнія на счетъ г-жи де-Марзанъ, а

et vous remercie des détails que vous me donnez sur la végétation: l'herbe croît près d'un verschock par jour à ce qu'on m'a dit.

Ce 14 octobre 1794.

Par votre lettre, ma chère fille, de cette date je vois que mon ambassadeur chargé de vous féliciter au sujet de votre fête n'était point encore parvenu près de vous. Apparemment que les mauvais chemins l'avaient retardé, mais ils n'ont pas empêché Kostuschko d'être pris, de même que quatre autres notables de ses confrères ou compères, 170 officiers et quelque milliers des polonais et 21 canons. C'est le lieutenant-général baron de Fersen qui, ayant passé le 23 la Wistule en revenant de Warsovie, leur a porté ce coup le 29 septembre près Meczewici (sic) terre appartenante au C-te Welepolŝky. Je vous salue de même que mon cher fils.

Ce 11 novembre 1794.

Je viens de recevoir, ma chère fille, votre lettre de ce jour et son incluse par laquelle je vois les alarmes de la princesse de Piémont sur le sort de M-me Marzan. Je n'ai pas le moindre indice où cette dame fait son séjour et hormis la première lettre de la princesse de Piémont je n'en ai point entendu parler du tout. Je ne pense pas que malgré les conseils de la princesse M-me de Marzan prenne la route de ce côté-ci; elle a plus de quatre-vingts ans et

вы потрудитесь, любезная дочь, передать принцессѣ Пьемонтской, что если ея бывшая гувернантка заблагоразсудитъ удалиться въ Россію (въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь), то найдетъ здѣсь гостепріимство, соотвѣтственное ея происхожденію, ея достоинствамъ и рекомендаціи Пьемонтской принцессы. Обнимаю васъ обоихъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Посылаю вамъ, любезная дочь моя, письмо принцессы Пьемонтской. Она выказываетъ много мужества; въ эту ужасную минуту ихъ Богъ поддерживаетъ. Я сама напишу ей отвѣтъ и обнимаю васъ.

1795.

Императрица—великому князю съ супругою.

Сего 14-го апрѣля, день воскресный, между шестью и семью часами вечера ¹⁾).

Если кто-либо изъ васъ,—мужъ жена или дѣти, уже родившіяся, или которымъ еще родиться предстоитъ,—искусится тѣмъ, что въ себѣ заключаетъ прилагаемый катологъ, да увѣдомитъ меня о томъ изустно.

Надпись собственной руки великой княгини Маріи Теодоровны: „Рѣестръ дорожной библіотеки покойной императрицы, ея рукою писанный“.

Сочиненія Вольтера — не выключая и малѣйшихъ бездѣлюекъ, потому что онѣ избавляютъ отъ рода скучнаго; въ этихъ же сочиненіяхъ отыщется все, кромѣ сего рода—изъ всѣхъ самаго худшаго.

vous savez la peur que les dames françaises ont des frimas du nord. Au reste si elle y vient vous pouvez assurer la princesse de Piémont que je lui rendrai tous les services de l'hospitalité possibles, comme je l'ai déjà promis. Prague. faubourg de Warsovie, a été pris le 24 d'octobre. On dit que Warsovie s'est rendue à discrétion, mais je n'en ai pas la nouvelle officielle jusqu'à cette heure encore. Adieu, je vous salue tous les deux.

Je m'en vais prendre des informations sur le compte de M-me de Marzan et vous voudrez bien dire, ma chère fille à M-me la princesse de Piémont que si son ancienne gouvernante trouve à-propos de se retirer en Russie (ce dont je doute cependant), elle y trouvera l'hospitalité due à sa naissance, à ses vertus et la recommandation de Mad. la princesse de Piémont. Je vous embrasse tous les deux.

Je vous envoie, ma chère fille, la lettre de la princesse de Piémont. Elle

¹⁾ Это письмо, причислено къ 1795 году великою княгинею Маріею Теодоровною, по видимому случайно. Она должно относится—въ годамъ предъидущимъ (1779—84 или 90). Въ 1795 г. 14-е апрѣля было въ субботу. Фед.

Исторія Цицерона (Миддльтона) ¹⁾.

Духъ Законовъ.

Причины величія и упадка Римской республики ²⁾.

Трагедіи Корнелія ³⁾. Онѣ возвышаютъ и укрѣпляютъ душу, въ особенности: Цинна.

Лѣтописи аббата Сен-Пьера ⁴⁾, два небольшихъ тома, — прекрасная книжечка.

Письма г-жи Севинье.

„Принцесса Клевская“ ⁵⁾.

„Крестьянка-барыня“ — Мариво.

„Джозефъ Эндрьюсъ и другъ его Абрамъ Адамсъ“.

„Разговоры о торговлѣ хлѣбомъ“ — аббата Галіани.

„Записки Сюлли“.

„Записки о Китаѣ“: противодіе отъ излишняго пристрастія въ пользу идей европейскихъ.

„Отчетъ“ — Неккера.

„Словарь“ — Баиля.

Локкь: „О разумѣ человѣческомъ“.

Локкь: „О воспитаніи дѣтей“.

„Толкованіе на законы Англии“ — Блэкстона.

„Разсужденіе о полиціи“ — комиссара Ла-Мара.

„Исторія Карла Пятаго“ — Робертсона.

„Исторія Маріи Шотландской“ — его-же.

„Исторія Англии“ — Юма.

montre bien du courage; dans ce moment aussi affreux Dieu la soutient. Je me réserve de lui répondre et je Vous embrasse.

Ce 14 d'avril, jour de Dimanche entre six et sept heures du soir.

Si quelqu'un de vous autres, mari, femme ou enfants: nés ou à naître, serez tentés de ce que contient le catalogue ci-joint, on m'en avertira de bouche.

Note d'une bibliothèque portative de feu l'Impératrice et écrite de sa main.

Les oeuvres de Voltaire — sans en excepter le moindre brinborion, parce que cela apprend à exclure le genre ennuyeux et qu'on y trouve tout, excepté ce genre — le pire de tous.

L'histoire de Cicéron — par Middleton.

¹⁾ Знаменитый англійскій ученый и теологъ (1683—1750).

²⁾ Оба сочиненія Монтеस्कьё (1689—1755).

³⁾ Пьеръ Корнелъ (великій) (1606—1684).

⁴⁾ Капель аббата Сен-Пьеръ (1658—1743).

⁵⁾ Романъ г-жи де-Лафайэтъ (1633—1693).

„Краткая исторія Франціи“—президента Гэно.
Вегецій ¹⁾.

Тацитъ.

„Англійскія ночи“ ²⁾.

Авлъ-Геллій ³⁾.

„О множествѣ міровъ“—Фонтенелля.

„Міръ“—переводъ съ англійскаго.

„Эпохи природы“ ⁴⁾.

„Мечтанія“—Морица Саксонскаго.

„Записки кардинала Ретца“.

„Велисарій“—Мармонтелля.

„Искусство разводить сады въ новѣйшемъ вкусѣ“, переводъ съ англійскаго.

Императрица — великой княгинѣ.

1795 г.

Благодарю васъ, любезная дочь моя, за камень, посланный вами въ глиптотеку ⁵⁾. Вы его тамъ найдете, когда сочтете нужнымъ его употребить. Я чрезвычайно тронута тѣмъ, что вы говорите по поводу моего выздоровленія и обнимаю васъ отъ всего сердца.

Императрица—великой княгинѣ.

18-го августа 1795 г.

Я только что получила ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Радуюсь вмѣстѣ съ вами добрымъ вѣстямъ, полученнымъ вами о

L'Esprit des lois.

Les causes de la grandeur et de la décadence de la république Romaine.

Les tragédies de Corneille: elles élèvent l'âme et la fortifient: surtout «Cinna».

Les Annales de l'abbé de St. Pierre: deux petits tomes—c'est un excellent petit livre.

Les lettres de Madame de Sévigné.

La princesse de Clèves.

La paysanne-parvenue—de Marivaux.

Joseph Andrews et son ami Abraham Adams.

Dialogues sur le commerce des grains par l'abbé Galiani.

¹⁾ Латинскій писатель IV вѣка.

²⁾ Сочиненіе Юнга (1631—1765).

³⁾ Историкъ II вѣка

⁴⁾ Сочиненіе Бюффона.

⁵⁾ Во французскомъ подлинникѣ вмѣсто этого слова употреблено другое: gouffre—пучина—неимѣющее никакого переноснаго значенія. Глиптотека—кабинетъ или хранилище рѣзныхъ камней.

выздоровленіи герцога—вашего родителя. Я чрезвычайно тронута воспоминаніемъ обо мнѣ его и герцогини—вашей любезной матушки. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему милому сыну.

Императрица—великой княгинѣ.

25-го августа 1795 г.

Я только что получила ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Генеральша Ливенъ сказала мнѣ то, что вы поручили ей сообщить мнѣ. Я отвѣчала ей, что не имѣю ничего противъ вступленія въ бракъ особы, которой я вовсе не знаю, и не только ея самой, но и никого изъ близкихъ или дальнихъ ея родственниковъ. Но такъ какъ вы, любезная дочь, заботились о ея дѣтствѣ, то я и не сомнѣваюсь, что вы ее отлично пристроите. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

Посылаю вамъ новую книгу, которая, кажется мнѣ, очень забавна. Покуда напечатанъ одинъ только первый томъ.

Императрица—великому князю съ супругою.

Приключеніе марокскаго купца Али-Османа, конечно, весьма забавно. Я приказала сказать ему, что сегодня въ шесть часовъ вечера приму его и съ финиками, и скажу, что онъ пріятный гость и что синьора Катарина очень рада его видѣть. Благодарю васъ, любезныя дѣти, за то, что вы мнѣ его прислали, и за прекрасные цвѣты изъ

Les mémoires de Sully.

Les mémoires sur la Chine: c'est un antidote contre la trop forte prévention sur les idées d'Europe.

Le compte-rendu par M-r Necker.

Le Dictionnaire de Bayle.

Locke: de l'entendement humain.

Locke: de l'éducation des enfants.

Les commentaires sur les lois d'Angleterre par Blackstone.

Le traité de la police—du commissaire la Mare.

L'histoire de Charles-Quint par Robertson.

L'histoire de Marie-d'Ecosse — par le même.

L'histoire d'Angleterre — par Hume.

Abrégé de l'histoire de France — par le président de Hainault.

Végèce.

Tacite.

Les nuits anglaises.

Aulugèle.

La pluralité des mondes — par Fontenelle.

Le Monde — traduit de l'anglais.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. IX, 1874 Г. ЯНВАРЬ.

Павловска и Гатчины. Прощайте; обнимаю васъ. Monsieur Александръ можетъ вамъ поразсказать, какъ онъ сегодня утромъ гулялъ со мной.

Императрица—великой княгинѣ.

1-го сентября 1795 г.

Мнѣ было доставлено ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Очень рада, что г. Фламини позабавилъ васъ. По моему, это золотой человѣкъ. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

Императрица—великому князю съ супругою.

Вопросы.

Есть-ли мѣсто, въ которомъ ихъ, императорскимъ, высочествамъ было бы пріятно или необходимо имѣть загородное жилище посреди садовъ, прудовъ, прогулокъ и пр., пр., пр.?

Если-бъ мѣстоположеніе этого пріюта, приблизительно, равнялось прилагаемому четырехугольнику, начертанному карандашемъ, если-бъ

Les époques de la nature.

Les rêveries du maréchal de Saxe.

Les mémoires du cardinal de Retz.

Le Bélisaire de Marmontel.

L'art de former les jardins modernes — traduit de l'anglais.

Je vous remercie, ma chère fille, de la pierre que vous envoyez dans le gouffre. Vous la retrouverez quand vous jugerez à propos de l'employer. Je suis très-sensible à ce que vous me dites sur ma guérison et je vous embrasse de bon coeur.

Ce 18 d'Août 1795.

Je viens, ma chère fille, de recevoir votre lettre de ce jour. Je me rejouis avec vous des bonnes nouvelles que vous avez reçues de la convalescence du Duc votre cher père. Je suis très sensible à son souvenir et à celui de la Duchesse, votre chère mère. Je vous salue de même que mon cher fils.

Je viens de recevoir, ma chère fille, votre lettre de ce jour. La générale Lieven m'a dit ce que vous l'aviez chargée de me communiquer et je lui ai répondu que je n'avais aucune opposition à faire au mariage d'une personne que je ne connais pas, ni aucun de ses parents ni de loin ni de près, mais puisque vous avez pris soin, ma chère fille, de sa jeunesse je ne doute pas que vous l'établissiez solidement. Je vous salue de même que mon cher fils.

Je vous envoie un livre nouveau qui paraît être assez drôle. Il n'y a encore que le premier tome d'imprimé.

L'aventure du marchand Maroquin Ali-Osman est assurément très-plaisante. Je lui ai fait dire qu'à six heures ce soir je le verrais lui et les dattes

даже пришлось прибавить нѣсколько саженой для двухъ, трехъ или четырехъ оконъ—это не составило бы затрудненій?

Слѣдуетъ вопросъ изъ вопросовъ.

Какъ расположили-бы они свое помѣщеніе въ этомъ четырехугольникѣ и въ сколькихъ этажахъ оказалась бы надобность—въ одномъ, въ двухъ, или въ трехъ?

НВ. Службы и кухни должны быть вынесены за черту двора, равно какъ и конюшни, во избѣжаніе благовопія, происходящаго отъ подобнаго сосѣдства.

Особая статья.

Срокъ для наполненія этого четырехугольника — одинъ мѣсяць. Если не будетъ наполненъ, сами наполнимъ.

Не называть ни мѣста, ни положенія.

Императрица—великому князю.

11-го сентября въ 4^{1/2} ч.

Письмо ваше, любезный мой сынъ, увѣдомляетъ меня, что прислан-

et je lui dirai qu'il est le bien venu et que la signora Catharina est bien aise de le voir. Je vous remercie, mes chers enfants, de me l'avoir envoyé de même que des belles fleurs de Pawlovskoé et de Gatchina. Adieu, je vous embrasse. M-r Alexandre pourra vous conter comment il s'est promené ce matin avec moi.

Ce 1-er Septembre 1795.

Votre lettre de ce jour, ma chère fille, m'a été rendue. Je suis bien aise que M-r Flamin y vous ait amusée. Selon moi c'est un précieux personnage Je vous salue de même que mon cher fils..

Questions.

S'il y avait un endroit où il fût agréable ou nécessaire que les Altesses Impériales eussent un appartement de campagne au milieu de jardins, d'étang, de promenades etc., etc., etc?

Que l'emplacement de cet endroit fût à peu près comme le carré tracé en crayon ci-joint; s'il fallait même y ajouter quelques toises comme deux, trois ou quatre fenêtres, cela ne ferait difficulté?

Suit la question des questions:

Comment distribueraient-ils cet appartement dans pareil carré et faudrait-il un, deux ou trois étages?

NB. Offices et cuisines hors de cour et de procès de même que l'écurie—vu le parfum résultant de pareilles proximités.

Article séparé.

Un mois de temps pour remplir ce carré. Si non est rempli, remplirons nous mêmes.

Sans nommer lieu ni site. (Sic).

ный мною планъ дома вамъ нравится. Я немедленно прикажу, чтобъ поспѣшили его опростать, очистить и вамъ передать. Я на дняхъ видѣла ваши комнаты; желаю, чтобъ онѣ не были сыры и чтобъ въ нихъ не было запаха. Карусель шведскаго короля оказался чрезвычайно неудачнымъ. Герцогъ Зюдерманландскій чуть не сломилъ себѣ шею; ему пускали кровь и были не безъ опасеній на его счетъ. Пажъ, подававшій королю заряженный пулею пистолеть, былъ смертельно раненъ преждевременнымъ выстрѣломъ; онъ умеръ на слѣдующій день. Принцесса—сестра короля, кажется, Армида, упала изъ колесницы, лошади которой понесли, и получила нѣсколько ушибовъ. Первый судья карусели умеръ отъ апоплексическаго удара. Герцогиня Зюдерманландская, по случаю траура, не могла присутствовать на карусели, но явилась туда въ видѣ неизвѣстнаго рыцаря. Мнѣ кажется, что я отсюда слышу ваши сужденія обо всемъ этомъ. Такъ какъ погода вамъ обоимъ мѣшаетъ гулять, любезныя дѣти, то я вамъ доставляю на четверть часа предметъ для разговора. Прощайте; обнимаю васъ обоихъ.

Императрица — великому князю съ супругою.

12-го сентября въ 4^{1/2} ч.

Я получила ваши письма, любезныя дѣти. Нисколько не сомнѣвалась на счетъ впечатлѣнйя, произведеннаго на васъ новостями изъ

Ce 11 Septembre à 4^{1/2}.

Votre lettre, mon cher fils, m'apprend que le plan de la maison que je vous ai envoyé vous convient. Je m'en vais ordonner tout-de-suite qu'on se hâte de la vider qu'on la nettoie et qu'on vous la remette. J'ai vu ces jours-ci vos chambres; je souhaite qu'elles ne soient pas humides et qu'il n'y ait point d'odeur. Le caroussel du Roi de Suède a été fort désastreux. Le Duc de Sudermanie a pensé se casser le cou; on l'a saigné et on n'a pas été sans appréhensions à son égard. Un page qui présentait un pistolet chargé à balle au roi a été mortellement blessé de ce pistolet, qui s'est déchargé trop tôt; il est mort le lendemain. La princesse, soeur du roi, qui était, je crois, Armide, est tombée hors de son char dont les chevaux ont pris le mors aux dents, et a reçu plusieurs contusions; le premier juge du caroussel est mort d'apoplexie. La duchesse de Sudermanie n'ayant pu y assister à cause de son deuil, y a paru en chevalier inconnu. Il me semble que j'entends d'ici vos reflexions sur tout ceci. Comme le temps vous empêche tous les deux, mes chers enfants, de vous promener, je vous ai fourni pour un quart d'heure de conversation. Adieu, je vous embrasse tous les deux.

Ce 12 Septembre à 4^{1/2}.

Je viens de recevoir vos lettres, mes chers enfants; je ne doutais pas de l'effet qu'ont produit en vous les nouvelles de Suède. Puisqu'on ne dit rien de

Швеции. Такъ какъ ничего не говорится о здоровьѣ вашего зятя, любезная дочь моя, то я принимаю это за знакъ того, что оно въ хорошемъ состояніи. Впрочемъ, совершенно справедливо, чтобъ въ отношеніи императора были соблюдены всѣ формальности. На слѣдующей недѣлѣ будетъ окончена записка, которую я приказала составить о поведеніи шведскаго короля. Прощайте, будьте здоровы; обнимаю васъ.

Императрица—великой княгинѣ.

13-го октября 1795 г.

Мнѣ было пріятно узнать изъ вашего сегодняшняго письма, любезная дочь, объ удовольствіи, доставленномъ вамъ знакомствомъ съ Саксонскими принцессами. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну, и посылаю вамъ non plus ultra моей работы. Это мое образцовое произведение.

Императрица—великой княгинѣ.

20-го октября 1795 г.

Сію минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Изъ предыдущаго я уже знала объ удовольствіи, которое вамъ доставило non plus ultra моей работы. Прощайте; кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

de la santé de votre beau frère, ma chère fille, je prends cela pour une marque qu'il se porte bien. Au reste, il n'est que juste que les formalités vis-à-vis de l'Empereur se remplissent. La semaine qui vient, l'extrait, que j'ai ordonné de faire au sujet de la conduite du roi de Suède, sera achevé. Adieu, portez Vous bien, je vous embrasse.

Ce 13 Octobre 1795.

Par votre lettre de ce jour, ma chère fille, j'apprend avec satisfaction le plaisir que vous avez eu de faire connaissance des princesses de Saxe. Je vous salue de même que mon cher fils et je vous envoie le non-plus-ultra de mon ouvrage. C'est mon chef-d'oeuvre.

Ce 20 d'Octobre 1795.

Je viens de recevoir, ma chère fille, votre lettre de ce jour; j'ai vu par celle qui la devançait le plaisir que vous a fait le non-plus-ultra de mon ouvrage. Adieu, je vous salue de même que mon cher fils.

Nous soussignés recourrons aux bontés de notre chère et bonne mère pour La supplier de recevoir avec indulgence la confiance que nous osons Vous faire du grand besoin d'argent dans lequel nous nous trouvons, occasionné, il est vrai, par l'entretien de nos campagnes et par la nécessité de finir ce qui est commencé. Nous faisons l'aveu du besoin dans lequel nous nous trouvons à Celle

Великій князь и великая княгиня—императрицѣ.

Мы, нижеподписавшіеся, прибѣгаемъ въ милостямъ нашей любезной и доброй матушки, съ мольбой—снисходительно принять наше откровенное признаніе въ большой денежной нуждѣ, въ которой мы находимся, причиненной впрочемъ содержаніемъ нашихъ загородныхъ жилищъ и необходимостью оканчивать начатая работы. Мы дѣлаемъ признаніе въ нуждѣ, въ какой находимся, Той, которой извѣстны всѣ наши чувства и въ особенности наше уваженіе и довѣріе.

Вполнѣ уповая на ваши милости, мы съ покорностью примемъ и отказъ, довольные тѣмъ, что въ отношеніи васъ поступили съ довѣріемъ. Остаемся съ почтеніемъ и покорностью.

Императрица—великому князю съ супругою.

Любезныя дѣти. Вы, конечно, можете судить о томъ, пріятно-ли мнѣ видѣть васъ въ нуждѣ. Должно полагать, что васъ постоянно обрадываютъ, вслѣдствіе чего вы терпите нужду, хотя у васъ и нѣтъ недостатка ни въ чемъ. Прощайте; обнимаю васъ.

Письма императрицы къ великой княгинѣ о семействѣ герцога Виртембергскаго.

Шесть слѣдующихъ писемъ относятся къ годамъ предъидущимъ. Въ библиотекѣ дворца города Павловска онѣ сохраняются въ связкѣ, означенной 1796 г. Мы не помѣстили ихъ выше, въ хронологическомъ порядкѣ (сообразуясь съ событиями), такъ какъ письма 1796 года составляютъ совершенно отдѣльное собраніе, пересмотрѣнное и приведенное въ порядокъ императрицею Маріею Теодоровною.

Ред.

à qui tous nos sentiments sont connus et surtout particulièrement notre respect et notre confiance.

Nous remettant absolument à Vos bontés, nous recévrans un refus avec résignation, contents d'avoir agi avec confiance vis-à-vis d'Elle. Nous sommes avec respect et soumission....

Mes chers enfants, vous pouvez bien juger que je n'ai pas de plaisir à vous voir nécessaireux; il est à supposer que vous êtes continuellement pillés et par là dans le besoin, quoique vous ne manquez de rien. Adieu, je vous embrasse.

On voit, ma chère fille, que le papa a vraiment pris feu en lisant la note incomparable de Falstaph comme on l'appèle à Paris. Vous savez que c'est un personnage de Shakespeare. Adieu, ma chère fille, je vous embrasse et vous

Императрица—великой княгинѣ.

Видно, любезная дочь, что папенька, дѣйствительно, воспламенился, читая несравненную записку Фальстафа, какъ его называютъ въ Парижѣ. Вамъ извѣстно, что это—одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Шекспира. Прощайте, любезная дочь; обнимаю васъ и прошу васъ поклониться вашимъ дорогимъ родителямъ и поблагодарить ихъ за чувства, которыя они мнѣ свидѣтельствуютъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Я нахожу, любезная дочь, что невозможно быть наглѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пронирыливѣе этого барона Шварцера—епископа Басоницы. Не спросясь ни вашихъ родителей, ни кого бы то ни было, безъ всякаго уполномочія, онъ осмѣливается приступать къ подобнаго рода переговорамъ. Совѣтую вамъ предостеречь вашихъ родителей, дабы они могли оградиться отъ происковъ этого человѣка, который можетъ быть для нихъ неприятенъ. Я лично обниму васъ сегодня послѣ обѣда за чувства, которыя вы мнѣ выражаете.

Императрица—великой княгинѣ.

У меня здѣсь нѣтъ ордена св. Еватерины, но изъ города я пришлю его принцессѣ Гольштинской. Не просите его у меня для вашей малютки, потому что Австрійскій домъ не позволяетъ его носить. Великая герцогиня Тосканская не смѣла его принять во время послѣдней войны.

Императрица—великой княгинѣ.

Любезная дочь. Завтра поговорю съ вами о просьбѣ, съ которой вы ко мнѣ обращаетесь. Вы знаете, что я уже не разъ принимала

prie de saluer vos chers parents et de les remercier des sentiments qu'ils me témoignent.

Je trouve, ma chère fille, qu'il est impossible d'être plus impertinent et plus intrigant en même temps que ne l'est ce baron Schwartz, évêque de Bassano. Sans consulter ni vos parents, ni personne et sans être autorisé il ose entreprendre une négociation pareille. Je vous conseille d'en avertir vos parents afin qu'ils puissent se garantir des intrigues de cet homme qui pourra ne pas leur convenir. Je vous embrasserai moi-même cet après-dîner pour les sentiments que vous me marquez.

Je n'ai point d'ordre de S^{te}. Catherine ici, mais de la ville j'en enverrai un à la princesse d'Holstein; ne me le demandez pas pour notre petite, parce que

участіе и въ принцѣ—вашемъ отцѣ, и въ Виртембергскихъ владѣніяхъ. Мое расположеніе къ нимъ нисколько не уменьшилось съ вашимъ прїѣздомъ сюда, въ чемъ и прошу васъ быть увѣренной.

Императрица — великой княгинѣ.

Я въ восторгѣ, любезная дочь моя, отъ того, что вы мнѣ говорите о положеніи, въ которомъ находятся ваши достопочтенные родители, и отъ того, что мнѣ удалось этому содѣйствовать. Оставляю у себя письма, которыя вы мнѣ прислали, чтобъ перечестъ ихъ, когда въ моей комнатѣ будетъ поменьше шуму. Добрый вечеръ; обнимаю васъ обоихъ. Оба ваши сына и съ ними еще четырнадцать персонъ разговариваютъ и играютъ вокругъ меня.

Императрица — великой княгинѣ.

Любезная дочь. Прошу васъ сказать принцу—брату вашему, что я съ величайшимъ удовольствіемъ прочла въ его письмѣ о чувствахъ, которыя онъ мнѣ выражаетъ, и о довѣріи, которое онъ мнѣ оказываетъ. При первомъ же свиданіи я обстоятельно переговорю съ вами объ этомъ дѣлѣ, чтобъ быть въ состояніи отвѣчать принцу согласно его ожиданіямъ. Мнѣ необходимо съ глазу на глазъ побесѣдовать съ вами, чтобы сдѣлать вамъ нѣсколько предварительныхъ вопросовъ. Прощайте, любезная дочь; обнимаю васъ отъ всего сердца; я чрезвычайно тронута тѣмъ, что вы мнѣ говорите. Поцѣлуйте вашего мужа

la maison d'Autriche ne permet point de les porter; la grande duchesse de Toscane n'a osé l'accepter pendant la dernière guerre.

Ma chère fille, je m'entretiendrai demain avec vous sur la prière que vous me faites. Vous savez que je me suis intéressée plus d'une fois pour le prince votre père et pour les états de Wurtemberg. Ces dispositions ne sont point diminuées depuis votre arrivée, c'est de quoi je vous prie d'être persuadée.

Je suis enchantée, ma chère. fille, de ce que vous me dites de l'état dans lequel se trouvent vos très-estimables parents et d'avoir pu y contribuer. Je garde les lettres que vous m'avez envoyées pour les lire lorsqu'il y aura moins de tintamare dans ma chambre. Bonsoir, je vous embrasse tous les deux. Vos deux fils et quatorze personnes parlent et jouent autour de moi.

Ma chère fille, je vous prie de dire au prince, votre frère, que c'est avec bien du plaisir que j'ai vu dans la lettre et les sentiments qu'il me témoigne et la confiance qu'il me marque, et à la première occasion où je vous verrai je m'entretiendrai avec vous sur cette affaire à fond, afin de pouvoir répondre au prince selon son attente, car il faut que je sois assise vis-à-vis de vous pour pouvoir vous faire quelques questions préparatoires. Adieu, ma chère fille, je vous embrasse de tout mon cœur et suis très-sensible à ce que vous me dites. Donnez un baiser à votre mari.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Секретно-вскрытая переписка.

1790—1795.

Самою темною и необъясненною эпохою въ исторіи, такъ-называемыхъ, московскихъ мартинистовъ остается доннѣ время отъ назначенія въ Москву главнокомандующимъ князя Прозоровскаго (февраль 1790 г.) до ареста Новикова (апрѣль 1792 г.).

Это была эпоха усиленнаго за ними надзора, окончательнаго раззоренія „Типографической компаніи“, разрушенія новиковскаго кружка и безгласности относительно послѣднихъ его дѣйствій.

Пробѣлъ, о которомъ здѣсь говорится, въ значительной степени восполняется слѣдующими за симъ копіями съ писемъ, которыя снималъ московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель для московскаго главнокомандующаго кн. Александра Александровича Прозоровскаго. (1790—1795 гг.)

Главный центръ, къ которому тяготѣютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ письмахъ, составляетъ майоръ Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, Розенкрейцеръ (Veloх, по прозванію), отправленный орденомъ въ Берлинъ еще въ началѣ 1787 года для изученія алхиміи, причемъ съ нимъ отправился мекленбуржецъ—баронъ Шредеръ (по прозвищу Sacerdos), прибывшій въ 1783 году въ Россію и сдѣлавшійся въ Москвѣ вліятельнымъ лицомъ между масонами. Письма, писанныя Кутузовымъ къ московскимъ друзьямъ и получавшіяся имъ отъ нихъ, составляютъ обширнѣйшую часть печатаемой нынѣ корреспонденціи. Въ нихъ рисуются сами собою портреты дѣйствовавшихъ въ розенкрейцерствѣ лицъ, коллекція которыхъ пополняется и нѣкоторыми другими письмами.

Передъ нами теперь, какъ живые, встаютъ эти давнишніе покойники. Вотъ сангвиническій Лопухинъ (Philus), всегда готовый на

помощь ближнему, пылкій, „съ засученными рукавами“ шагающій безъ усталости по московскимъ улицамъ и закоулкамъ, готовый иногда и „подпить“, но измышляющій всякія средства, чтобы достать денегъ, когда дѣло идетъ о подачѣ милостыни, о посылкѣ денегъ другу Кутузову, или учившимся на его счетъ за границей—Невзорову и Колокольникову. Вотъ робкій князь Н. Н. Трубецкой, котораго письма похожи часто на молитвы, принимающій смиренно дерзкія выходки барона Шредера, знающаго, къ кому можно писать такимъ тономъ, склонный отмалчиваться въ затрудненіяхъ или обходить ихъ какъ-нибудь, но добрый и довѣрчивый до конца, не смотря на явные поводы къ разочарованію. Вотъ легкій абрисъ И. П. Тургенева, рисующійся самимъ отсутствіемъ его писемъ, которыхъ отъ него и не ждутъ, зная его лѣнь, какъ корреспондента, столько же какъ и его неумѣлость, какъ сельскаго хозяина. Самъ благородный, слишкомъ довѣрчивый и слабохарактерный Кутузовъ выливается наружу съ прекраснодошіемъ, какового лишь можно ожидать отъ переводчика и обожателя „Мессиады“. Всѣхъ ихъ обманываетъ до конца плуть, хотя и жалкій своей нищетою, баронъ Шредеръ, ненавистникъ Новикова (Collovion), открывшаго еще въ Москвѣ продѣлки этого прищельца. Черты характера Шварца, князя Энгальчева и другихъ розенкрейцеровъ и ихъ друзей также не могутъ не обратить на себя вниманія.

Что поражаетъ болѣе всего въ письмахъ этихъ людей, которыхъ такъ скоро ожидало преслѣдованіе, какъ бы какихъ-либо преступниковъ? Не будемъ говорить о чувствахъ христіанскихъ, бывшихъ всегдашнимъ и всѣмъ извѣстнымъ достояніемъ ихъ. Но посмотрите на то, что ихъ волнуетъ, радуетъ, огорчаетъ прежде всего въ дѣлахъ мірскихъ. Люди эти на столько проникательны и безпристрастны, что, жалуясь на притѣсненія нѣкоторыхъ вельможъ, они не смѣшиваютъ съ ними монархію, до которой не всегда можетъ доходить истина. Но они благоговѣютъ передъ Екатериной, которой царствованіе было первымъ кроткимъ у насъ и отдѣляется цѣлою бездною отъ всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ. Люди эти, обремененные на родинѣ горемъ и заботами, страждущіе на чужбинѣ отъ бѣдности и униженій (какъ Кутузовъ), слезно горюютъ о всякомъ обстоятельстве, кажущемся вреднымъ для блага Россіи; лиюютъ и забываютъ невзгоды, утѣшаясь добрыми вѣстями объ ея успѣхахъ. Килия, Измаиль, Мачинъ — заставляютъ радостно биться ихъ сердца. Потемкинъ, Репнинъ, будущій спаситель отчизны Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ — вотъ имена, которыя восхищаютъ ихъ! Все это искренно и живо, — и, читая ихъ имена, вы, ради таинныхъ чувствъ, прощаете имъ ихъ простодушіе, ихъ довѣрчивость, съ которою они, не смотря на часто

испытанные обманы, ожидаютъ успѣховъ алхимическихъ работъ, сочувствуютъ какому-нибудь уличенному шарлатану Шредеру, толкуютъ о путешествующихъ важныхъ масонахъ, говорятъ о собраніи въ Персіи высокихъ и таинственныхъ начальниковъ ордена и т. п. Прочтите эти письма—и вы полюбите тѣхъ, кто писалъ ихъ, не смотря на эти простодушныя увлеченія и заблужденія.

Въ ряду этихъ писемъ мелькаютъ образы женскіе, любезныя и оригинальныя. Въ нѣсколькихъ изъ нихъ вся на лицо, какъ живая, эта любезная, добродѣтельная Е. В. Хераскова—жена автора „Россіады“, этого „мужа добра“, мало знакомаго позднѣйшему потомству; Хераскова, о которой сами мы слышали отъ стариковъ, говорившихъ о ней не иначе, какъ съ умиленіемъ. А вотъ для противоположности—графиня Анна Борисовна Апраксина, рожденная княжна Голицына, тоже добрая, умѣющая утѣшить и развлечь страдальцевъ, но „веселаго нрава“, какъ сама о себѣ говоритъ, не смотря на свой седьмой десятокъ. Эта беззаботная и беззавѣтная женщина, истинное дитя своего времени, была другомъ молодости знаменитой тогдашней красавицы княгини Елены Степановны Куракиной, благодаря кредиту которой и графа П. И. Шувалова, она еще при Елисаветѣ Петровнѣ получила разводную отъ мужа, съ правомъ даже называться, буде пожелаетъ, по прежнему, дѣвичьимъ именемъ княжны Голицыной. Не имѣвши дѣтей, будучи одна на свѣтѣ, Анна Борисовна шутя провела жизнь; но немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ нея строкъ довольно, чтобы видѣть, что сердце ея осталось открытымъ для добра, для друзей и внушало ей, что говорить и что дѣлать, когда ихъ постигали жизненныя невзгоды,—и многое да простится ей за это.

Едва-ли не въ первый разъ еще представляются намъ въ этой обширной корреспонденціи черты, довольно рельефно изображающія Настасью Ивановну Плещееву—предметъ первой привязанности юноши-Карамзина, нѣжно любившую его и близъ которой онъ иногда проводилъ дни въ литературныхъ работахъ и въ бесѣдахъ. Страстная натура ея высказывается на всякомъ шагѣ: она и любитъ беззавѣтно, и ненавидитъ безгранично. Явная холодность къ ней Карамзина, по возвращеніи его изъ-за границы, не измѣняетъ нисколько ея чувствъ къ нему,—и всякое вниманіе его, хотя бы случайное, принимается ею чуть не съ умиленіемъ. Письма ея и отчасти ея мужа, играющаго роль не болѣе какъ статиста, отерываютъ намъ прелюбопытныя вещи. Оказывается, что Н. И. Плещеева, когда-то вдохновлявшая Карамзину стихи и которой, вмѣстѣ съ ея мужемъ, онъ посвятилъ свои „Письма Русскаго Путешественника“, всѣми силами старалась отклонить его отъ заграничной поѣздки, проявляла „злѣдѣвъ“, подго-

варивавшихъ его ѣхать въ чужіе края, — и, по возвращеніи его въ Москву, всячески противилась тому, чтобы онъ издавалъ „Московский Журналъ“; наконецъ возненавидѣла окончательно „мартинистовъ“ за то, что они оказывали ему, по прежнему, будто бы лицемерныя ласки, не смотря на то, что начали не терпѣть его. Враждебное расположеніе къ Карамзину окончательно утвердилось въ мартинистахъ вслѣдствіе напечатанія имъ объявленія о „Московскомъ Журналѣ“, провозгласившаго, что издатель не будетъ помѣщать въ немъ статей теологическаго и мистическаго содержанія, въ чемъ высказался явный разрывъ его съ ними, принявшими эти выраженія, не безъ основанія, прямо на свой счетъ. Вообще вѣсть объ изданіи Карамзинимъ журнала была встрѣчена неблагоклонно. Мартинисты просто считали его незрѣлымъ и неспособнымъ для такого дѣла и - видѣли въ его рѣшимости только упрямство въ исполненіи предвзятой, наперекоръ всему, мысли сдѣлаться немедленно авторомъ, съ которою онъ и ѣздилъ за границу, чтобы приготовиться скорѣе къ дѣятельности, для которой не было у него ни жизненной опытности, ни познаній. А. М. Кутузовъ, огорченный объявленіемъ о журналѣ, но не переставшій любить сердечно Карамзина, прислалъ Плещевой изъ Берлина особое письмо, иронически выражающее самонадѣянныя упованія неизвѣстнаго юноши, выступающаго на журнальное поприще, причѣмъ ясно намекалъ на своего молодого друга. Онъ даже удивлялся, что солидный Херасковъ обѣщалъ свое сотрудничество легкомысленному его предпріятію. Плещеева и другіе друзья Карамзина боялись неуспѣха его, насмѣшекъ и проч. Немногія письма самого Карамзина, нынѣ печатаемыя, носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то сдержанности и недовольства, не смотря на дружескія увѣренія, и выражаютъ то, что онъ понималъ неестественность и натянутость новыхъ своихъ отношеній къ старымъ друзьямъ. Въ нихъ есть что-то такое, что французы называютъ „guindé“ и „compassé“, свойственное юношѣ, побывавшему даже въ Лондонѣ (что было рѣдкостью) и входящему въ роль писателя (тоже въ то время рѣдкость). Но, слава Богу! Карамзинъ не поддался ни на что; ему что-то говорило: „son anch'io pittore“, и творенія его прославили его имя.

Таковы черты, съ которыми не лишнимъ будетъ познакомиться читателю, приступающему къ чтенію обнародуемыхъ нынѣ писемъ.

Копія секретно-вскрытыхъ писемъ, вмѣстѣ съ подлинными рапортами Пестеля и реэстрами, писанными его же рукою, расположены имъ въ подлинномъ дѣлѣ по мѣсяцамъ (не совсѣмъ исправно) и, та-

кимъ образомъ, всѣ бумаги составляютъ сборникъ изъ 415 перенумерованныхъ листовъ, начиная съ 19-го іюля 1790 по 1800 г. Каждая тетрадь озаглавлена годомъ (1790, 1791 и т. д.). Донесенія Пестеля пина листахъ почтовой бумаги (въ четвертушку); копіи—четквмъ почерсаны комъ сняты на листахъ сѣровой, золотообрѣзной бумаги съ водянымъ знакомъ, изображающимъ льва и рыцаря, съ надписью рго patria (за отечество). Замѣтимъ, что этотъ же самый сортъ бумаги употреблялся и при дворѣ Екатерины II—при докладахъ императрицѣ. О характерѣ и значеніи секретнаго вскрытія писемъ въ царствованіе Екатерины II мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ объ этомъ въ „Русской Старинѣ“ была уже подробная статья профессора А. Брикнера: „Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II“ (перелюстрація). „Рус. Ст.“ 1873 г., т. VII, стр. 75—84.

Собраніе нынѣ печатаемыхъ писемъ редація „Русской Старины“ получила еще въ 1871 г. отъ А. А. Бородулина, жителя одной изъ за-Московныхъ губерній. Г. Бородулинъ увѣдомилъ насъ, что эти документы были имъ куплены лѣтъ восемь предъ тѣмъ, послѣ смерти одного умершаго купца вмѣстѣ съ конторскими старыми бумагами, которыя были употребляемы для завертки разныхъ товаровъ въ лавкѣ; только благодаря тому обстоятельству, что письма 1790—1800-хъ годовъ были переплетены, купецъ не успѣлъ ихъ расстрепать и уничтожить, но уничтоженіе уже началось: изъ сборника вырвано довольно много листовъ.

Ред.

1790.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. У сего имѣю честь представить извѣстную вашему сіятельству копію, съ покорною просьбою о возвращеніи мнѣ вчерашней таковой же на поясненіе только. Считаая, что ваше сіятельство, по прочтеніи, оную ко мнѣ обратитъ изволите для сохраненія, не оставилъ у себя копію, которую непременно мнѣ должно имѣть; по сличеніи оной, не премину вашему сіятельству вторично представить.

Важнымъ себѣ долгомъ поставлю употребленіе всевозможнаго старанія по сей корреспонденціи.

Съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ и таковою-жъ преданностью пребыть счастье имѣю, сіятельнѣйшій князь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Пестель.

19-го іюля 1790 ¹⁾).

¹⁾ При подобныхъ отношеніяхъ препровождаемы были почтъ-директоромъ Пестелемъ и послѣдующія копіи съ секретно вскрываемыхъ имъ писемъ. Это—тотъ самый Иванъ Борисовичъ Пестель, который впоследствии, въ 1806 г., былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири и о которомъ недобрая па-

Реестръ копіямъ съ писемъ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову, въ Берлинѣ. № 1-й—отъ Настасьи Плещеевой, № 2-й—Алексѣя Александровича Плещеева, оба отъ 22-го іюля 1790 г. изъ села Знаменскаго. Оригиналы съ первою почтою, по ихъ надписямъ, отправлены быть имѣютъ. Иванъ Пестель.

Москва, 31-го іюля 1790.

1.

**Настасья Плещеева — Алексѣю Михайловичу Кутузову,
въ Берлинѣ.**

22-го іюля 1790 г. Знаменское.

Ежели-бъ вы знали, сколько ваше письмо меня разогорчило, вы бы вѣрно лучше желали обмануть меня, нежели сказать, что вы долго не будете. Я какъ радовалась, дѣлала планы въ головѣ своей, какъ бы васъ уговорить сюда въ деревню погостить. Вы бы здѣсь были такъ уединены, какъ вамъ угодно. Но всѣ сіи воображенія вашимъ письмомъ разрушились — и я горько заплакала. Право, вы такъ не можете меня любить, какъ я васъ люблю. Ежели бы вы столько-жъ любили, все бы вы оставили. Кто три года чего не могъ сдѣлать, то уже хотя десять живи, такъ все то-жъ будетъ. Я вамъ сіе пророчествую и, истинную правду сказать, я никакого успѣха вамъ не желаю, потому что пользы никому быть не можетъ. Вольно вамъ мучиться и жить въ чужой землѣ ни почто, и никто не скажетъ спасибо. Я сколько-нибудь всѣхъ вашихъ друзей знаю и лучше хочу для нихъ остаться при моемъ недовѣрчивомъ нравѣ, нежели съ вашею легковѣрностію.

Вы очень хорошо разсуждаете и совѣтъ вашъ полезенъ, ежели бы я его уже сто разъ не употребляла. Какая была польза тѣмъ людямъ, которые прежде васъ увѣряли меня въ дружбѣ, обманывать меня, однако-жъ, очень долгое время они сіе продолжали и нынѣ есть нѣкоторые—также продолжаютъ, да я уже знаю, какъ мнѣ съ ними вести себя, то что-жъ вы на сіе скажете? Я вамъ точно докажу это, что сіе со мною было, есть и будетъ. Я не хочу тѣхъ людей именовать. Ежели бы я говорила съ вами, не было бы у меня тайнаго отъ васъ ничего, а то я пишу и осуждена на долгое время писать. А мнѣ тысячу вещей желается вамъ сообщить, но писать ни-

мать живетъ въ этомъ краѣ и по сіе время. Помощникъ его, по дѣятельности въ московскомъ почтамтѣ, Трескинъ былъ переведенъ имъ въ Иркутскъ губернаторомъ. Въ 1809 году Пестель уѣхалъ въ Петербургъ и отсюда-то съ помощью такихъ сподвижниковъ, какимъ былъ Трескинъ, правилъ Сибирью.

Сынъ Пестеля — полковникъ П. И. Пестель, декабристъ, умеръ 13-го іюля 1826 г. Извѣстно, что онъ презиралъ своего родителя.

Ред.

какъ не могу рѣшиться. Первое для того, что письмо можетъ пропасть; второе и для того, какъ вы не захотите отвѣчать, то кто васъ принудитъ, а я только разсержусь,—и опять выйдетъ ссора, которая и такъ мнѣ очень дорого стоила.

А что вы пишете про нашего общаго друга—милорда Рамзея ¹⁾, то, къ несчастію, я почти всего того-жъ ожидаю. Вы такъ написали, какъ бы вы читали въ моемъ сердцѣ; но, къ счастью, что не всё, на-примѣръ, вы знаете причины, которыя побудили его ѣхать. Повѣрите-ль, что я изъ первыхъ, плакавъ предъ нимъ, просила его ѣхать; другъ вашъ Алексѣй Александровичъ—второй. Знать, что сіе было нужно и надобно. Я, которая была вѣчно противъ онаго вояжа, и дорого, дорого мнѣ стоила оная разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сіе непремѣнно было должно сдѣлать. Послѣ этого скажите, возможно-ли мнѣ было и будетъ любить злодѣя, который всему почти сему главная причина? Каково разставаться съ сыномъ и другомъ, и тогда, когда я не думала уже увидѣться въ здѣшнемъ мірѣ. У меня тогда такъ сильно шла горломъ кровь, что я почитала себя очень близкою къ чаоткѣ. Послѣ сего скажите, что онъ изъ упрямства поѣхалъ. Я все бы вамъ порядочно описала, но, право, силъ нѣтъ писать въ страхѣ, что письмо пропадетъ.

Вы пишете, что онъ будетъ навсегда презирать свое отечество, и сама сего смертельно боюсь. А какъ я составляю часть того-жъ, то и меня, стало, будетъ ненавидѣть. Горько мнѣ сіе думать. Вы говорите, чтобы я ему простила сію слабость. Это уже не слабость, а болѣе; чувствую, къ стыду моему, что я на него буду сердиться и мучить себя стану. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить безъ ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюфъ ²⁾!

Что еще болѣе вамъ скажу, что я въ себѣ и за добродѣтель не почитаю, но сіе родилось со мною, что я отъ роду моего никому зла не желала, знать, что мнѣ больно! Полно мнѣ о семъ писать; а скажу вамъ только то, что я, увидѣвъ Рамзея, не стану съ нимъ говорить о его вояжахъ. Вотъ моя сатисфакція за его рѣдкія письма; и ежели онъ начнетъ, то я слушать не стану. Ежели будетъ писать—читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній.

Прости, мой любезный Алексѣй Михайловичъ! Бросьте свои гужи и не стыдитесь, что дужи. Я вашими словами говорю. Право, тяжело съ вами такъ долго быть розно. Я же столько вамъ сказать хочу.

¹⁾ Н. М. Карамзина.

²⁾ Гамалѣя?

Прощайте, любите; я хотя и мало достойна по моимъ всѣмъ недостаткамъ, но по любви моей, право, я стою вашей дружбы. Будьте увѣрены, что вы имѣете всегда вѣрнѣйшаго друга въ Настасьѣ Плещеевой.

А жена ваша иначе никакъ не подписывается, какъ Кутузова, а теперь было не захотѣла; однако, отдавъ письмо, вздумала непременно подписаться, и послѣшила. Прощайте еще. У насъ два уже письма впереди этого къ вамъ, и теперь, не получа отвѣта, къ вамъ писать не буду.

Mon cher ami. Je vous aime et vous aime beaucoup, beaucoup. Je souhaite vous voir bientôt. Je vous suis toujours fidèle, votre fidèle ami Alexandre (sic) de Pleschejeff-Coutousoff.

[(Переводъ). Мой милый другъ, я васъ люблю и люблю много, много. Желая скорѣ свидѣться съ вами. Я вамъ всегда вѣрна, вашъ вѣрный другъ Александра Плещеева-Кутузова].

2.

Плещеевъ — А. М. Кутузову.

22-го іюля 1790 г. Знаменское.

Письмо, любезный другъ, мы отъ тебя получили, которое насъ обрадовало и огорчило. Обрадовало тѣмъ, что мы давно отъ тебя не получали писемъ, а огорчило, что нѣтъ по письму твоему ни малой надежды скоро тебя видѣть въ Россіи. Ты справедливо, любезный другъ, завидуешь моему состоянію, особливо, когда я въ деревнѣ. Здѣсь подлинно я имѣю время помышлять о самомъ себѣ, если бы только имѣлъ на то истинное желаніе; та бѣда, что не мѣсто и не уединеніе побуждаютъ быть съ самимъ собою, но твердое и неослабѣвающее намѣреніе, которымъ я не достачествую; однако-жъ, любезный другъ, не закраснѣвшись могу сказать, что я болѣе провождаю полезныхъ часовъ въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Думаю, уже тебѣ извѣстно, что мы въ началѣ нынѣшняго мѣсяца на морѣ одержали надъ шведами совершенную побѣду, какъ надъ большимъ, такъ и надъ галернымъ ихъ флотомъ, ибо взяли болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ. Дай Боже, чтобъ эта побѣда намъ принесла миръ. Нашъ Николай Михайловичъ ¹⁾ уже, надѣюсь, возвращается отъ англичанъ къ русскимъ. Нетерпѣніе мое велико видѣть этого любезнаго мнѣ человѣка.

Ты меня въ письмѣ твоемъ обрадовалъ, что надѣнешся на пользу

¹⁾ Карамзинъ.

его путешествія. Дай Боже, чтобы онъ, пріѣхавъ сюда, сказалъ намъ, что люди вездѣ люди, а ученые его мужи ни на одну минуту не сдѣлали его счастливѣе прежняго.

Прощай, любезный другъ! люби меня. Дѣти мои тебя помнятъ и цѣлуютъ, а жена моя сама къ тебѣ пишетъ.

Рѣестръ. Копія съ письма Марьи Вилемсоновой къ Алексію Михайловичу Кутузову въ Берлинъ. По обстоятельнѣйшимъ выправкамъ оное письмо прислано на почту отъ Семена Ивановича Гамалѣя и запечатано его печатью, также и надпись его руки.

Оригиналъ съ первою почтою отправленъ быть имѣеть. Иванъ Пестель.
Москва, 14-го августа 1790.

3.

Марья Вилемсонова—А. М. Кутузову.

22-го іюля 1790 г. 35 верстъ отъ Москвы.

Милый и любезный другъ Алексій Михайловичъ. Не зная вашего пребыванія, что вы находитесь въ Берлинѣ, писала къ вамъ въ Москву; но, по несчастію, пріѣхавъ сюда, узнала отъ Карла Христофоровича Недергофа, что васъ здѣсь нѣтъ. Жалѣла сердечно, что не могла васъ видѣть, — того человѣка, котораго мужъ мой покойный такъ страстно любилъ. Я привезла копію его сюда и хотѣла вамъ показать и оставляю его у крестнаго его отца—Карла Христофоровича Недергофа, который столь великодушенъ, что намѣренъ его самъ въ корпусъ отдать и у себя оставить до весны. Я симъ поступкомъ столь чувствительно тронута, что по гробъ мой благодарностію ему обязана буду, а прочіе покойнаго друзья всѣ замолчали, будто ихъ не было никогда. Но вы, любезный другъ, знаю, что изъ числа не тѣхъ молчаливыхъ. Вы, конечно, вспомните, что вы имѣете сына, который точная копія ваша, т. е., мой Петруша, и вы его, знаю, что возьмете къ себѣ и будете его воспитывать себѣ подобнымъ, любя свою старую и, въ теперешнее время, несчастную Пургу. Вы слово дали вотчиму его, т. е., любезному моему Вилемсону, когда сынъ вашъ только родился, такъ я въ той надеждѣ только остаюсь, что вы слово свое сдержите.

Желаю вамъ всякаго благополучія, наипаче здравія, и остаюсь, любезный мой другъ, ваша по гробъ мой несчастная пріятельница—
Марья Вилемсонова.

Копія съ письма изъ Москвы отъ 15-го августа къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ. Оное письмо писалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой. Иванъ Пестель.

Москва, 19-го августа 1790.

4.

Князь Николай Никитичъ Трубецкой—А. М. Кутузову.

15-го августа 1790 г. Москва.

№ 23. Письмо твое, мой другъ, подъ № 18-мъ я получилъ; теперь жду съ нетерпѣніемъ Лихаса; удивляетъ меня Зенкбейль, видно онъ раздумалъ ѣхать въ Россію и нашель себѣ мѣсто. Теперь скажу о себѣ, что я здоровъ и что мы всѣ въ величайшей радости о заключенномъ мирѣ со Швеціею. Богъ, спаситель нашъ, да благословитъ любезное наше отечество примиреніемъ и съ турками. Ты знаешь, мой другъ, мой энтузіазмъ во всемъ; касающемся до отечества нашего, и слѣдовательно, не дивися, что я плакалъ, какъ баба, отъ радости, узнавъ, что мы со Швеціею примирились; колико-жъ я обрадуюсь, когда и турки принуждены будутъ примириться,—а мнѣ что-то сердце говорить, что и сіе не уедлится. Соединимъ, мой другъ, молитвы наши и воззовемъ къ Богу, который самъ о себѣ сказалъ, что Онъ есть любовь, да изліетъ Онъ любовь въ сердца человѣческія и да изліетъ на всѣхъ насъ миръ, который Онъ обѣщалъ даровать всѣмъ. Прости, писать мнѣ нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю, твой другъ Р.

Сіятельвѣйшій князь, милостивый государь. Благодарственное писаніе отъ 22-го сего мѣсяца, коимъ вашему сіятельству меня почестъ угодно было, имѣлъ я счастье вчерашняго числа получить. Упоминаемое письмо, въ копію, которую я доставить имѣлъ честь, уповательно дошло поль чьимъ-либо курьеромъ, ибо не чрезъ Петербургъ, не чрезъ Ригу, писемъ изъ Берлина на имя замѣчаемыхъ особъ получено не было. Важнымъ себѣ долгомъ представляю я имѣть неослабное смотрѣніе за сею перенскою и совершенно удостоверити могу, что ничего замѣчанія достойнаго, чрезъ вѣранный моей дирекціи почтамы, безъ уваженія пройти не можетъ.

Позвольте, сіятельвѣйшій князь, мнѣ воспользоваться сямъ случаемъ, поручить себя продолженію милостиваго вашего сіятельства ко мнѣ расположенію, коимъ вѣще удостоится важнымъ себѣ долгомъ почитаеетъ пребывающій съ глубокимъ почтеніемъ, сіятельвѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства, всепокорнѣйшій слуга—Иванъ Пестель.

Москва, 24-го августа 1790.

Рѣестръ. Переведенныя выписки изъ двухъ писемъ на нѣмецкомъ діалектѣ, полученныхъ изъ Лейпцига, на имя подмастерья книгопродавца Зандмарка Ивана Миллера.

1-я—отъ шурина его Карла Тирбаха.

2-я—отъ брата его Августа Миллера.

Оригиналы доставлены по ихъ надписамъ сего же числа. Иванъ Пестель.

Москва, 2-го сентября 1790.

5.

Карлъ Тирбахъ—книгопродавца подмастерью Ивану Миллеру.

14-го августа 1790 г. Лейпцигъ.

Любезный шуринъ. Не намѣренъ я болѣе беспокоить тебя моими укоризнами, а скажу тебѣ только, что родительница твоя весьма о томъ сожалѣетъ, что ты предпочелъ, лучше жить въ столь отдаленной странѣ, нежели между друзьями, тебя любящими и которые поставили-бъ себѣ въ удовольствіе всѣми силами споспѣшествовать къ содѣланію твоего счастья. Но какъ ты уже въ такихъ лѣтахъ находишься, въ которыхъ тебѣ лучше знать должно, что для тебя теперь и въ предбудущее время полезно быть можетъ, то, кажется, все было-бъ уговаривать тебя къ оставленію твоего намѣренія; однако-жъ, прошу тебя, какъ другъ, ради собственной твоей пользы, разсуди, какой ты шагъ намѣренъ сдѣлать. Ты чрезъ то основываешь свое счастье или несчастье на всю твою жизнь, и что ты считаешь счастьемъ теперь, можетъ подать тебѣ послѣ поводъ къ чувствительнѣйшему раскаянію. Великихъ сокровищъ ты тамъ не соберешь, чтобы съ ними, какъ ты пишешь, въ отечествѣ твоёмъ прожить можно было. Но ежели ты намѣренъ послѣ нѣкотораго времени возвратиться, то здравый разумъ велитъ лучше теперь возвратиться, нежели по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда тѣлесныя и душевныя силы начнутъ ослабѣвать. Еще разъ тебя прошу обо всемъ прилежно разсудить и сравнить настоящее съ будущимъ. Еще руки наши для принятія тебя готовы. Избери, что ты считаешь полезнѣе для всей твоей жизни, и напиши ко мнѣ съ первою почтою, на чемъ ты рѣшился. Между тѣмъ, постараюсь я закупить всего того, въ чемъ ты можешь имѣть нужду въ Москвѣ въ самомъ началѣ. Твой бывшій учитель, г. Дитрихъ, все уже себѣ написалъ и постарается тебѣ доставить; однако-жъ, говорилъ онъ, большей части надобныхъ тебѣ вещей не прежде закупить можетъ, какъ на будущей ярмаркѣ. Тогда все уже будетъ готово и отвѣтъ твой рѣшить, здѣсь-ли или въ Москвѣ тебѣ въ томъ будетъ настоять надобность.

Прощай, любезный шуринъ. Остаюсь твой искренній другъ и зять—
Карлъ Тирбахъ.

6.

Августъ Миллеръ—Ивану Миллеру.

17-го августа. Берлинъ.

Любезный нашъ зять прислалъ ко мнѣ послѣднее письмо твое съ тѣмъ, чтобы я изъ онаго могъ узнать о твоихъ обстоятельствахъ. По истинѣ, любезный братецъ, ты находишься въ худомъ положеніи; но когда получишь требуемыя тобою вещи для поселенія твоего въ Москвѣ, можешь-ли себѣ тѣмъ помочь? Любезный братецъ, я хочу откровенно и по-братски съ тобою говорить. Нашъ зять Тирбахъ и я самъ думаю (можетъ быть, безъ всякаго основанія), что ты имѣешь долги и дѣлаешь сей отчаянный шагъ въ надеждѣ полученія себѣ помощи; но ты, можетъ быть, будешь о томъ послѣ сожалѣть, для того, что долженъ будешь съ нами разстаться навсегда и что въ таковыхъ случаяхъ въ Россіи очень опасно. Буде же догадка моя справедлива, что ты находишься въ долгахъ и себѣ чрезъ то пособить желаешь, равномерно и усматриваешь мало для себя тамъ пользы, то лучше признайся мнѣ чистосердечно въ томъ и ничего не скрывай. Мы постараемся, въ таковомъ случаѣ, тебя освободить. Не лучше-ли тебѣ возвратиться къ своимъ друзьямъ, нежели быть во всю жизнь несчастнымъ и лишеннымъ помощи всѣхъ твоихъ родственниковъ. Я самъ хочу тебѣ пособить и избавить тебя отъ долговъ.

Я бы тебѣ того не говорилъ, еслибъ друзья твои не въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ Москвы находились. Россія вообще въ таковомъ случаѣ, уповательно, весьма опасное государство; ежели кто придетъ въ упадокъ, то уже не можетъ опять себѣ пособить, по причинѣ господствующихъ тамъ строгихъ законовъ, и съ трудностію можетъ выйти изъ Россіи.

Итакъ, еще тебя прошу, любезный братецъ, подумай обо всемъ прилежно, прими во уваженіе твое будущее счастье и несчастье, — и когда надѣешься ты снискать себѣ тамъ честное пропитаніе, то останься. Все отдаю на твое благоразсужденіе, усердный твой братъ Августъ.

Три копіи съ писемъ въ Берлинъ: 1-я—къ Алексѣю Михайловичу Кутузову. 2-я—включенная въ первой къ г. Кутузову, адресованная къ Сасердосу съ векселемъ на 100 лундоровъ; 3-я—къ Алексѣю Михайловичу Кутузову. Оныя всѣ три слѣдуютъ отъ князя Николая Никитича Трубецкаго. Оригиналы отправлены по ихъ надписямъ. Иванъ Пестель.

Москва, 19-го сентября 1790.

7.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

12-го сентября. Москва.

Тебѣ уже извѣстно, мой другъ, изъ послѣдняго моего письма, что Поректусъ ѣдетъ въ Петербургъ, и я столь много занятъ его отпращиваніемъ, что почти не имѣю для себя ничего времени, чего ради и не жди отъ меня, безъ особенной нужды, длинныхъ писемъ до самаго возвращенія Поректуса, который будетъ, коли Богу угодно, въ январѣ. Я здоровъ; Лихасъ пріѣхалъ и я получилъ твою посылку, за которую благодарю. Прости. Приложенное письмо отдай Сасердосу. Я тебя въ мысляхъ обнимаю. *P.*

8.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Cher ami! Je me dépêche de vous envoyer une lettre de change pour 100 louis d'or, et puis vous assurer que si j'étais en état, ainsi mon amitié pour vous ferait l'impossible pour vous envoyer les 1,000 louis d'or, qui vous sont nécessaires, mais je ne le puis pas. Cependant pour ce qui concerne les 100 louis d'or, ainsi vous les recevrez tous les ans. Adieu, mon ami, je vous embrasse et suis pour toujours votre ami. P.

[(Переводъ). Любезный другъ! Спѣшу послать вамъ вексель въ 100 луйдоровъ и затѣмъ увѣрить васъ, что если бы только я былъ въ состояніи, то дружба къ вамъ совершила бы невозможное, и я бы прислалъ необходимые вамъ 1,000 луйдоровъ, но сдѣлать этого не могу. Что же касается до 100 луйдоровъ, то вы будете получать ихъ ежегодно. Прощайте, другъ мой; обнимаю васъ и емь навсегда другъ вашъ *P.*]

9.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

1-го сентября. Москва.

№ 25. Любезный другъ! Поректусъ далъ мнѣ комиссію къ тебѣ написать, что онъ, по причинѣ той, что его сынъ надѣется вступить въ службу, ѣдетъ съ нимъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, почему и проситъ тебя, чтобы ты, до возвращенія его, къ нему писалъ на имя Филуса, который уже будетъ къ нему доставлять твои письма. О себѣ скажу, что я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы.

Новаго у насъ нѣтъ ничего къ твоему свѣдѣнію; итакъ, объемя тебя мысленно, есмь твой другъ *P.*

Три копія съ писемъ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову. Первая отъ князя Николая Никитича Трубецкаго и другія двѣ, включенныя въ первой, неизвѣстно отъ кого. Оригиналы отправлены по ихъ подписямъ. Иванъ Пестель.
Москва. 19-го сентября.

10.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва.

№ 26. Любезный другъ! Письмо твое подъ № 22 я получилъ и на оно скажу, что участь твоего бывшаго пріятеля еще никому неизвѣстна. Я здоровъ, слава Богу, и пишу теперь только для того, чтобы тебя предупредить, чтобы ты не беспокоился, ежели долго отъ меня не будетъ писемъ, ибо сему будетъ причиною вояжъ Поректусовъ, который послѣ завтра ѣдетъ. Прости мой другъ; будь здоровъ и пиши чрезъ Филуса чаще. Твой другъ *P.*

11.

Неизвѣстный—А. М. Кутузову.

23-го сентября.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Поректусъ, объ отъѣздѣ котораго другъ нашъ здѣсь пишетъ, уже уѣхалъ. Недѣли двѣ назадъ я къ тебѣ писалъ; теперь много писать не имѣю времени и новаго ничего нѣтъ. Всѣ твои друзья живутъ спокойно и здорово; у меня только очень теперь голова болить. Насморкъ сильный, однако-жь, дѣло нестрашное. Приложенное письмо, по комиссіи отъ Поректуса, отдай по надписи. О Радищевѣ сказываютъ, что онъ, лишенный чиновъ и дворянства, отправленъ на 10 лѣтъ въ ссылку. Указа о семъ я еще не читалъ. О семействѣ его государыня, сказываютъ, взяла попеченіе, свойственное ея милосердію. Книгу его, по сіе время, не могу достать прочесть для любопытства.

Копія со включенія, находившагося въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову, изъ Москвы отъ 23-го сентября.

12.

Неизвѣстный—А. М. Кутузову.

Vous témoignant, très cher frère, mon amitié inviolable, je vous envoie la 2 de la lettre de change du Prince Troubetzky et que

Porrectus en partant d'ici m'a donné la commission de vous envoyer. Tous ceux des frères, qui vous ont toujours chéri, se feront plaisir de vous rendre service, et je m'en fais un d'être toujours de leur nombre. Que la recherche du Royaume de Dieu et de sa justice soit l'unique fondement de notre amitié, avec la quelle je suis et serai sans cesse votre très dévoué frère et très humble serviteur. Philus.

P. S. Quoique, mon cher ami, vous ne vous êtes jamais souvenu de moi dans vos lettres à Porrectus, mais j'espère que vous ne m'avez pas oublié.

[(Переводъ). Свидѣтельствую вамъ, любезнѣйшій братъ, ненарушимую къ вамъ дружбу, посылаю вамъ второй вексель князя Трубецкого, порученный мнѣ для пересылки вамъ Порректусомъ (Porrectus) предъ его отъѣздомъ отсюда. Всѣ изъ братьевъ, которымъ вы всегда были дороги, за удовольствіе себѣ поставятъ услужить вамъ; къ числу ихъ и я себя причисляю. Да будетъ исканіе царствія Божія и правосудіе Божіе единымъ основаніемъ дружбы нашей, съ которою есмь и непрестанно буду вашимъ преданнѣйшимъ братомъ и покорнѣйшимъ слугою. Филусъ.]

P. S. Хотя, дорогой другъ, вы никогда и не воспоминали обо мнѣ въ вашихъ письмахъ къ Порректусу, но я надѣюсь, что вы не забыли меня].

13.

Неизвѣстный — А. М. Кутузову.

30-го сентября. Москва.

И тебѣ желая сдѣлать удовольствіе дружескими извѣстіями, и себѣ доставить оное въ бесѣдѣ съ тобою, хотя чрезъ письма, пишу къ тебѣ, любезнѣйшій другъ! Друзья твои здѣшніе, сколько мнѣ извѣстно, живутъ спокойно и здорово. Я ожидаю отъ тебя писемъ ко мнѣ и для доставленія къ князю Николаю Никитичу¹⁾. Ты, мой другъ любезный, скучаешь, сказываютъ, и весьма желаешь уединенія, что я и изъ писемъ твоихъ знаю. Часто и во мнѣ рождаются чувства такого-жъ желанія. Но я думаю, что для безвреднаго и достойнаго наслажденія уединеніемъ, нужно прежде гораздо устроить сердечную пустыню и утвердить въ Единомъ. Что-жъ тебѣ сказать новаго? Ничего интереснаго не знаю. Радищевъ, подлинно, сосланъ на 10 лѣтъ въ одно отдаленное мѣсто въ Сибири, слишкомъ за 5,000 верстъ отъ Москвы, чрезъ которую уже онъ и провезенъ. Онъ, сказываютъ, въ раскаяніи и многіе видѣли его. Я, совсѣмъ не

¹⁾ Трубецкому.

зная его и даже лица его никогда не видавъ, по челоуѣволюбін жалѣю о его судьбѣ и о заблужденіяхъ его, и не знаю, то или другое заслуживаетъ большаго сожалѣнія въ разсужденіи истиннаго его блага. Камердинеръ его, сказываютъ, желать неотмѣнно слѣдовать за нимъ въ ссылку и сіе позволено ему къ чести для него. Приключеніе сего несчастнаго, конечно, болѣзненно сердцу твоему, привыкшему отъ самой юности любить его. Жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности. Впрочемъ, сіе мучительное, конечно, для тѣла состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится, можетъ быть полезно будетъ душѣ его, яко могущее ему поспособствовать увидѣть свои заблужденія, обратиться на путь христіанскій, на которомъ стоя, не можно дѣлать такихъ дѣлъ, за какое онъ теперь страждетъ. Да, конечно, и думаю, не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ. О пріязни твоей съ нимъ здѣсь всѣ знаютъ. Но также знаютъ, кажется, и о разности твоихъ принципій съ нимъ. Книги его я никакъ не могъ достать прочесть по сіе время. Прости, любезнѣйшій другъ. Спѣшу застать почту. *Рл.*

Пожалуй, пиши ко мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКАЗАНІЯ ИНОЗЕМЦЕВЪ О РОССІИ XVIII ВѢКА.

Записки фельдмаршала Миниха ¹⁾.

Въ 1871 году собраніе историческихъ матеріаловъ редакціи «Русской Старины» умножилось «Записками Миниха», въ полномъ переводѣ Е. А. Харитоновой. По примѣру помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи извлеченій изъ переводовъ «Записокъ герцога де-Лирія» и «Писемъ леди Рондо» ²⁾, нынѣ печатаемъ выдержки изъ «Записокъ Миниха», служившихъ неоднократно источникомъ, которымъ, еще въ недавнее время, пользовались многіе авторы русскихъ историческихъ монографій ³⁾. Говоря о сочиненіи, нельзя обойти молчаніемъ сочинителя, — и потому напоминаемъ читателямъ нѣкоторыя главнѣйшія черты жизни и характера знаменитаго историческаго дѣятеля.

Минихъ — представитель многочисленнаго сословія «искателей фортуны», которыми изобиловало XVIII столѣтіе. Эти наемники, скитаясь изъ края въ край, продавали свои услуги государямъ, мѣняя убѣжденія, мундиры и знамена сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Онъ родился 9-го мая 1683 года, въ графствѣ Ольденбургскомъ. Отецъ Миниха, отличный инженеръ, былъ самъ его учителемъ. Въ 1701 году молодой Минихъ служилъ подъ знаменами принца Евгенія и участвовалъ въ походахъ въ Италію и Нидерландахъ; былъ произведенъ въ полковника (1712 г.); раненый въ сраженіи при Дененѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Парижъ. По возвращеніи въ Германію, поступилъ на службу по инженерной части къ ландграфу гессенскому; отъ него, въ 1716 году, перешелъ къ королю польскому Августу II; отсюда, не поладивъ съ его любимъ-

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ»: Записки придворнаго брильянщика Іеремія Позье 1729 — 1764 гг. (изд. 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 11, 77, 197, 493); Петербургъ въ 1781 г.—письма Пикара (изд. 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 297); Записки герцога де-Лирія о Россіи 1727 — 1731 гг.) («Русск. Ст.», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 286); Письма леди Рондо, супруги англійскаго министра при русскомъ дворѣ, 1730—1740 гг. (т. VIII, стр. 40). Ред.

²⁾ См. «Русская Старина», томъ VIII, стр. 28 — 50. Интересныя замѣчанія на письма леди Рондо, написанныя ея современникомъ и дошедшія къ намъ въ рукописи, будутъ напечатаны на страницахъ «Русской Старины». Ред.

³⁾ Печатать «Записки Миниха» вполне не видимъ надобности тѣмъ богѣ, что онѣ, какъ объявилъ издатель русскаго перевода «Писемъ леди Рондо» — г. Исаковъ, въ скоромъ времени появятся въ свѣтъ. Ред.

цемъ, графомъ Флеммингомъ—намѣревался поступить на службу или къ Карлу XII или Петру I. Русская служба показалаея выгоднѣе и Минихъ, по приглашенію нашего посла князя Василя Владиміровича Долгорукаго, нанялся въ инженеры къ императору Петру Великому. Это выраженіе вполне умѣстно, потому что Минихъ, вступая въ русскую службу, 31-го октября 1721 года, заключилъ контрактъ на шесть лѣтъ, въ которомъ, по пунктамъ (въ числѣ 16), ъговорилъ себѣ число помощниковъ, содержаніе, награды, отпуски и т. п. Инженерныя и гидравлическія работы Миниха были не маловажны. Онъ начерталъ планы новыхъ укрѣпленій Кронштадта и Риги, Балтійскаго порта; значительно содѣйствовалъ проведенію Ладожскаго канала. Особенная призывательность Петра и чинъ генераль-лейтенанта были наградами усерднаго Миниха.

Воцарилась Екатерина I. Князь Меншиковъ не благоволилъ Миниху, но зато онъ пользовался расположеніемъ и покровительствомъ вице-канцлера графа Остермана. Его ходатайству Минихъ былъ обязанъ полученіемъ ордена св. Александра Невскаго и чина генераль-аншефа (1726 г.), а въ царствованіе Петра II—графскаго достоинства и должности генераль-губернатора С.-Петербургга, Ингрии, Карелии и Финляндіи. Императрица Анна Іоанновна осыпала Миниха своими милостями: въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ пожалованъ генераль-фельдцейхмейстеромъ ¹⁾, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, членомъ Кабинета, генераль-полціймейстеромъ, наконецъ, генераль-фельдмаршаломъ (25-го февраля 1732 года). На этотъ разъ всѣми повышеніями Минихъ былъ обязанъ новому своему покровителю, герцогу Бирону. Въ царствованіе Анны Іоанновны Минихъ начерталъ новое учрежденіе для гвардіи и арміи ²⁾; сравнялъ въ окладахъ жалованье иностранныхъ офицеровъ нашей службы съ русскими, получавшими до этого времени менѣе иноземцевъ; основалъ въ Петербургѣ первый кадетскій корпусъ; привелъ къ окончанію Ладожскій каналъ, судоходство по которому было открыто 1-го мая 1734 года; построилъ въ Петербургѣ многія зданія и въ томъ числѣ Преображенскія казармы, обширный пупечный дворъ ³⁾; содѣйствовалъ окончательному перенесенію столицы изъ Москвы въ Петербургъ.

Происки Остермана и Левенвольда на-время охладили расположеніе Бирона къ Миниху. Недовольный медленностью и вообще распоряженіями генерала (впослѣдствіи фельдмаршала) Леси при осадѣ Данцига, герцогъ Курляндскій обратился къ содѣйствію Миниха. Фельдмаршалъ поспѣшилъ къ стѣнамъ Данцига, въ которыхъ укрывался Станиславъ Лещинскій, претендентъ на польскій престолъ, занятый, съ помощію русскихъ, Августомъ III. Послѣ двухъ мѣсяцевъ осады, Данцигъ сдался на канитуляцію ⁴⁾.

¹⁾ Хотя при заключеніи контракта съ Петромъ Великимъ Минихъ сознавался въ слабыхъ свѣдѣніяхъ по артиллерійской части. Ред.

²⁾ Онъ ввелъ въ нашу армію корпусъ тяжелой кавалеріи (кирасирскіе полки). Ред.

³⁾ Въ началѣ пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія это зданіе было снесено. Оно находилось на мѣстѣ вѣзда на нынѣшней Литейной мостъ, со стороны Литейнаго (Екатерининскаго) проспекта. Ред.

⁴⁾ О военныхъ дѣйствіяхъ подъ Данцигомъ (Гданскомъ) были напечатаны любопытныя письма маркиза Монти и бригадiera ла-Монть-ла-Перуза—въ 3-й книгѣ «Чтеній въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ» за 1867 годъ.

Ред.

Слѣдовавшая затѣмъ турецкая, кампанія прославила Миниха. Онъ обложилъ Азовъ и, поручивъ продолженіе осады генералу Левашову, двинулся къ Перекопу, защищаемому 180,000 татаръ¹⁾. обратилъ ихъ въ бѣгство и овладѣлъ городомъ. Затѣмъ русскими войсками были заняты и выжжены: Козловъ, Бахчисарай, Акмечеть и Кивбурнъ. Взорвавъ стѣны и укрѣпленія всей перекоской линіи, Минихъ удалился въ русскіе предѣлы. Въ слѣдующемъ году онъ овладѣлъ Очаковомъ; 28-го августа 1739 года одержалъ надъ турками знаменитую побѣду при Ставучанахъ, отдавшую во власть русскихъ Хотинъ и почти всю Молдавію. Фельдмаршалъ двинулся къ Бендерамъ, но мирные переговоры Россіи съ Портою Оттоманскою (7-го сентября 1739 года) положили предѣлы его подвигамъ. Война кончилась. Званіе подполковника Преображенскаго полка, пенсія въ 5,000 рублей, золотая шпaga и знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, украшенные брильянтами, были наградами Миниху. Недовольствуясь ими, фельдмаршалъ домогался титула герцога украинскаго. Кому не извѣстенъ отвѣтъ Анны Иоанновны: «графъ слишкомъ скромнень; для чего не жаелаетъ онъ лучше великаго княжества московскаго».

Началось регентство Бирона. Участіе Миниха въ сверженіи временника слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ распространяться. Паденіе Бирона вознесло Миниха на высшую степень могущества. Облеченный званіемъ перваго министра, онъ былъ страшенъ самой правительницѣ и Анна Леопольдовна поспѣшила отдѣлаться отъ опаснаго помощника: Минихъ былъ принужденъ подать въ отставку. При воцареніи Елисаветы Петровны, русская партія возвысилась, нѣмецкая—пала. Представители ея: Минихъ и Остерманъ были отданы подъ уголовный судъ. Перваго обвиняли въ государственной измѣнѣ, въ содѣйствіи бѣгству Станислава Лещинскаго изъ Данцига; въ происканіи противъ императрицы Елисаветы въ бытность ея цесаревною: въ подсыланіи къ ней шпионовъ, въ потворствѣ Бирону; въ хищеніяхъ казны и т. д. Каждое изъ обвиненій было ступенькою той лѣстницы, которая привела Миниха на эшафотъ. Сенатъ приговорилъ его къ четвертованію, Остермана—къ колесованію. 18-го января 1742 года на эшафотѣ, сооруженномъ на Васильевскомъ островѣ, противъ зданія двѣнадцати коллегій, подъ топоромъ палача осужденнымъ объявлены были: помилованіе жизни и ссылка—Миниха—въ Пелымъ, Остермана—въ Березовъ. Супруга Миниха и другъ его, пасторъ Мартенсъ, сопровождали его въ ссылку, въ которой онъ провелъ двадцать лѣтъ (1742—1762). Немедленно по восшествіи своемъ на престолъ, Петръ III вызвалъ Миниха изъ Пелыма въ Петербургъ, возратилъ ему всѣ чины, ордена, званія и права. До послѣдней минуты императора Минихъ оставался ему вѣренъ.

Уважаая прежнія заслуги Миниха, Екатерина II пожаловала его директоромъ гаваней Ревеля, Нарвы, каналовъ Ладожскаго и Кронштадскаго; поручила ему достроить гавань Рогервикскую. Такимъ образомъ, Минихъ окончилъ службу свою въ Россіи на томъ же самомъ поприщѣ, на которомъ ее началъ, т. е., въ должности инженера и начальника гидравлическихъ сооружений. Скончался отъ старческаго истощенія силъ, 16-го октября 1767 года; погребенъ въ своемъ помѣстьѣ Лунія, близъ Дерпта.

Характеристика Миниха на столько разработана въ наше время, что о ней

¹⁾ По показанію самого Миниха въ его замѣткахъ; Бантышъ-Каменскій («Біографіи генералиссимусовъ», Спб., 1840 г. Часть I, стр. 187) упоминаетъ только о 80,000.

нечего распространяться. Превосходный инженеръ, искусный военачальникъ, лукавый царедворецъ—Минихъ выше государственныхъ выгодъ ставилъ всегда свои собственные, жертвуя всѣмъ, что только могло имъ способствовать. Какъ полководецъ, онъ не дорожилъ солдатами; какъ строитель—не дорожилъ древностями, дохода въ иныхъ случаяхъ до вандализма. Въ 1732 году, обнося валомъ старый Кіевъ, онъ засыпалъ и частію взорвалъ порохоми «Златныя врата», сооруженныя великимъ княземъ Ярославомъ въ началѣ XI вѣка.

Кромѣ «Очерка», составляющаго предметъ нашей статьи, Минихомъ было составлено много проектовъ по инженерной части. Изъ послѣднихъ: «Собраніе плюзовъ и описаніе работъ по большому Ладожскому каналу ¹⁾» составляетъ важный матеріалъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Изъ прочихъ его трудовъ и писемъ см. Диспозицію боеваго порядка и маневровъ въ генеральной баталіи съ турками, поданную гр. Минихомъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ въ 1737 г. («Русск. Инв.» 1856, № 12); проектъ гр. Миниха о предохраненіи С.-Петербурга отъ наводненія («Журн. Гл. Упр. Пут. Сообш.» 1859, т. 30, сообщ. Н. П. Дуровъ); рапортъ Миниха о кадетскомъ корпусѣ, 1733 г. («Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1862 г., кн. 1); письмо гр. Миниха императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ 1736 г. (тамъ-же, кн. IV) и проч., и проч. Вообще подлинныхъ матеріаловъ о гр. Минихѣ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ издано довольно много и издатель полнаго перевода его записокъ, конечно, озаботится либо перепечаткою главнѣйшихъ изъ нихъ, либо приведеніемъ полнаго ихъ перечня.

«Очеркъ» Миниха—въ сущности докладная записка, составленная имъ, вѣроятно, по желанію Екатерины II. Императрица, при восшествіи своемъ на престолъ, не отдала отъ себя государственныхъ дѣятелей прежнихъ царствованій, какъ по свойственному ей чувству деликатности, такъ и въ признаніи ихъ заслугъ и дарованій. Минихъ—представитель стараго поколѣнія—не могъ быть сотрудникомъ Екатерины II въ преобразованіяхъ, ею предпринятыхъ; но, уважая въ немъ сподвижника Петра Великаго, Екатерина не только благосклонно выслушивала мнѣнія престарѣлаго фельдмаршала, но и сама совѣщалась съ нимъ. Она не обошла Миниха, обдумывая планъ преобразованія государственнаго строя, и фельдмаршалъ подалъ голосъ въ своемъ «Очеркѣ». Отъ вниманія читателей, конечно, не укроется, что старикъ-Минихъ въ этомъ сочиненіи опередилъ свое время и почти за полвѣка до учрежденія министерствъ (8-го сентября 1802 года) и государственнаго совѣта (1-го января 1810 года) указалъ на несомнѣнную пользу этихъ государственныхъ учрежденій. Книгу Миниха можно назвать его предсмертнымъ завѣтомъ, выраженіемъ искренняго убѣжденія, къ которому на порогѣ смерти пришелъ очевидецъ и участникъ той государственной неурядицы въ Россіи, которая длилась тридцать семь лѣтъ—отъ кончины Петра I до восшествія на престолъ Екатерины II (1725—1762 гг.).

Очеркъ, дающій понятіе объ образѣ правленія въ имперіи російской ²⁾, былъ напечатанъ въ Копенгагенѣ въ 1774 году (въ малую восьмую долю листа, 190 стр.), спустя семь лѣтъ послѣ смерти Миниха. Книга, раздѣ-

¹⁾ Recueil des écluses et des travaux du grand canal de Ladoga.

²⁾ Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie.

ленная на параграфы (въ числѣ 61), снабжена примѣчаніями какого-то Г. В***¹⁾ и нѣкоторыя изъ нихъ проникнуты духомъ неприязни къ автору. На первыхъ страницахъ, вмѣсто вступленія, напечатаны: замѣтка о личномъ составѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода и именной списокъ губернаторовъ имперіи въ 1773 году,— то и другое мы опускаемъ. Въ первыхъ двадцати четырехъ параграфахъ, также нами опущенныхъ, Минихъ кратко излагаетъ событія, предшествовавшія воцаренію Петра Великаго; затѣмъ переходитъ къ обзору его царствованія. Сказанія Миниха о Петрѣ не имѣютъ въ наше время особенно важнаго значенія, такъ какъ исторія его царствованія—по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ—нынѣ разработана по архивнымъ и подлиннымъ документамъ. Изъ 24 § мы заимствуемъ только рассказъ Миниха объ отношеніяхъ къ нему Петра Великаго; затѣмъ, перейдемъ къ послѣдующимъ.

«Очеркъ» Миниха, во всякомъ случаѣ, можно причислить къ первичнымъ историческимъ матеріаламъ, на ряду съ Записками Манштейна, кн. Шаховскаго, кн. Щербатова и др.

Ред.

§ 24.

За три мѣсяца до своей кончины, онъ опять ѣздилъ изъ Старой-Русы на озеро Ильмень, чтобы привязать устроить бассейнъ при тамошнихъ соляныхъ источникахъ, для сохраненія въ ономъ дубоваго лѣса, предназначеннаго къ кораблестроенію, впредь до востребованія таковаго адмиралтействомъ. Ъдучи изъ Старой-Русы, на возвратномъ пути онъ заѣхалъ на Ладожскій каналъ, прорытіе котораго довѣрилъ моему наблюденію и который былъ любимѣйшимъ его предпріятіемъ, потому что, по словамъ государя: „этотъ каналъ будетъ кормильцемъ Петербурга и Кронштадта и снабдитъ эти города матеріалами для ихъ постройки; по немъ откроется путь всѣмъ товарамъ и богатствамъ для торговли Россіи съ остальною Европою; наконецъ, и всѣмъ матеріаламъ, потребнымъ для сооруженія и для поддержанія флота“.

Никогда сей государь не выражалъ болѣе удовольствія, какъ при видѣ успѣшнаго хода моихъ работъ по каналу; по этому случаю онъ собственноручно написалъ мнѣ очень милостивое и лестное письмо и самъ мнѣ оное передалъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Старую-Русу, онъ уже чувствовалъ признаки той болѣзни, отъ которой скончался; а по возвращеніи сказалъ императрицѣ:

— „Работы моего Миниха меня исцѣлили; надѣюсь когда-нибудь выѣхать съ нимъ каналомъ изъ Петербурга и пристать къ Головинскому саду—въ Москвѣ“.

¹⁾ Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что онъ принадлежитъ извѣстному Бюшингу (1724—1793 гг.), сборникъ котораго донныя составляетъ драгоценный матеріалъ для исторіи Россіи XVIII вѣка.

Ред.

На другой день онъ повелъ меня въ сенатъ и сказалъ сенаторамъ: — „Я нашелъ человѣка, который скоро окончитъ Ладожскій каналъ; никогда ни одинъ иностранецъ на службѣ моей не умѣлъ, подобно ему, предпринять и исполнить столь великія работы; исполняйте все, что онъ отъ васъ потребуетъ“.

Выходя изъ сената, генераль-прокуроръ Ягужинскій сказалъ мнѣ: — „Теперь, г. генераль, мы зависимъ отъ приказаній вашихъ“.

Императоръ приказалъ отрядить двадцать пять тысячъ армейскихъ солдатъ на работы по каналу, что доказываетъ, какъ близко монархъ этотъ принималъ къ сердцу все, что клонилось къ выгодамъ его государства и подданныхъ. Но сей истинный отецъ отечества скончался чрезъ нѣсколько недѣль — 28 января 1725 года.

§§ 25—30. Царствованіе Екатерины I; могущество Меншикова.

Разсказываетъ авторъ факты общезвѣстные, поэтому мы ихъ опускаемъ.

Ред.

§ 31.

..... Императрица Екатерина скончалась отъ жестокаго колотья, 6 мая 1727 года¹⁾),— и великій князь Петръ Алексѣевичъ былъ на другой день объявленъ императоромъ единогласно и ко всеобщей радости.

§ 32.

Образъ правленія при императрицѣ Екатерины I.

Правительство имперіи въ это время состояло единственно въ деспотическомъ своеволіи князя Меншикова.

Но онъ вскорѣ сталъ злоупотреблять своей властью и, между прочимъ, убѣдилъ императрицу подписать приговоръ генераль-полицеймейстера Девіера²⁾), человѣка заслуженаго, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ императора и даже императрицы; вслѣдствіе ихъ довѣрія онъ былъ назначенъ наставникомъ царевнѣ Анны и Елисаветы. Девіеръ былъ женатъ на сестрѣ князя Меншикова, который, однако, приказалъ заключить его въ крѣпость, истязать немилосердно, а потомъ отправилъ его въ ссылку.

Меншиковъ надменно обходился со всѣми вельможами, постоянно мечталъ только объ удаленіи герцога Гольштинскаго и его супруги. Противился окончанію Ладожскаго канала и другаго при устьи Невы, прорытіе котораго было мнѣ поручено Петромъ Великимъ. Онъ возстановилъ украинское гетманство въ лицѣ казацкаго полковника

¹⁾ Утверждаютъ, будто она скончалась отъ яду въ обсакаренной группѣ, поднесенной ей генераломъ Девіеромъ. Примѣч. 1774 г. Г. В***.

²⁾ Девіеръ былъ осужденъ только послѣ смерти Екатерины I. Ред.

Апостола и вообще дѣйствовалъ только въ видахъ личныхъ своихъ выгодъ.

§§ 33—36. Царстваніе Петра II. Возвышеніе Долгорукихъ; паденіе и ссылка Меншикова. Кончина императора.

§ 37.

Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ тотчасъ (послѣ смерти Петра II, 1730 г.) начертали планъ къ отиѣнѣ и совершенному упраздненію самодержавія, опредѣляя государево довольствованіе пенсією, власть же его ограничивая до такой степени, что не только лишали его права располагать государственными доходами, наградами и должностями, но даже производить въ прапорщики гвардіи. Все должно было зависѣть отъ верховнаго совѣта. Однако же члены верховнаго совѣта, по нѣкоторомъ совѣщаніи, съ общаго согласія рѣшили призвать на императорскій престолъ Анну Іоанновну, вдовствующую герцогиню Курляндскую—вторую дочь царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго. У Анны Іоанновны была старшая сестра Екатерина, но такъ какъ она была замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, человѣкомъ безпокойнаго и страннаго характера, то она и была устранена отъ наслѣдія престола.

§ 38.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

Этотъ верховный или, можно сказать, самодержавный совѣтъ отправилъ депутатовъ для сопровожденія герцогини Курляндской Анны Іоанновны изъ Митавы въ Москву; депутатами были: отъ сената—заслуженный вельможа Василій Лукичъ Долгорукій, отъ войска—генераль-лейтенантъ Леонтьевъ, отъ двора—камергеръ князь Черкасскій. По прибытіи въ Митаву, депутация предложила на подпись герцогинѣ Аннѣ условія, въ силу которыхъ она отказывалась отъ самодержавія, предоставляя полномочіе правительства членамъ верховнаго тайнаго совѣта; затѣмъ она была признана императрицей. По прибытіи императрицы въ Москву, 13-го февраля 1730 г., до ея величества никого не допускали иначе, какъ въ присутствіи и съ разрѣшенія Василя Лукича Долгорукова, или только въ его присутствіи, и она рѣшительно ничѣмъ не могла располагать. Такъ какъ эта великая государыня сознавала свою силу и не могла быть довольна дѣйствіями верховнаго совѣта, то она вскорѣ и нашла приверженцевъ, во главѣ которыхъ были князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генераль князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, хотя и подписавшій актъ отреченія отъ самодержавія. Вслѣдствіе

того, что гвардія и армія была на сторонѣ противной партіи, подъ начальствомъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, Черкасскій и Трубецкой, подвергая опасности свою жизнь, поднесли императрицѣ меморію, въ которой изображено было: „депутаты верховнаго совѣта, представляя въ Митавѣ къ подписи ея величества актъ отреченія отъ самодержавія, въ тоже время завѣрили государыню, что это совершается съ единодушнаго согласія дворянства, но что они (Черкасскій и Трубецкой), повергаясь къ стопамъ ея императорскаго величества, свидѣтельствуютъ, что они съ членами совѣта согласны не были и что вообще дворянство, духовенство и весь народъ желаютъ и умоляютъ ея величество царствовать самодержавно и неограниченно, какъ всѣ ея предшественники“.

Императрица приняла необходимыя предосторожности къ безопасности своей особы, приказавъ вездѣ удвоить стражу и избравъ надежныхъ офицеровъ; этотъ случай вывелъ въ люди находившагося тогда въ караулѣ капитана Альбрехта. Затѣмъ, ея величество пригласила ко двору членовъ верховнаго совѣта, повелѣвъ имъ возвратити ей актъ отреченія, ею подписанный въ Митавѣ.

Когда всѣ прибыли во дворецъ, императрица объявила имъ съ одинаковыми ласковостію и твердостію, что въ Митавѣ депутаты представили ей къ подписанію актъ объ отреченіи отъ самодержавія, опираясь яко-бы на единодушное желаніе дворянства и всѣхъ ея вѣрнопопавшихъ; но, извѣстясь о противномъ, она считаетъ себя обязанною актъ сей уничтожить; что она, прощая всѣхъ его допустившихъ, начнетъ царствовать самодержавно и правосудно по примѣру своихъ предшественниковъ. Послѣ этого она разорвала упомянутый актъ въ присутствіи членовъ верховнаго совѣта, министровъ и генераловъ, которые разошлись и все осталось спокойно.

Императрица короновалась въ Москвѣ 28-го апрѣля 1730 года. Я убѣдилъ ее учредить резиденцію въ Петербургѣ, куда она пришла 15-го января 1732 года.

Остерманъ, со времени возвращенія Петра Великаго изъ Персіи въ Москву въ 1723 году, послѣ паденія вице-канцлера барона Шафрова занявшій мѣсто этого министра и при Петрѣ Великомъ завѣдывавшій важнѣйшими государственными дѣлами, имѣлъ заклатаго врага въ лицѣ генераль-прокурора Ягужинскаго; а такъ какъ къ примиренію ихъ не было никакой надежды, то императрица и спросила мнѣнія у графа Левенвольда—оберъ-гофмаршала, у его брата—впослѣдствіи оберъ-штальмейстера, у оберъ-камергера Бирона и у меня: котораго изъ двухъ—Ягужинскаго или Остермана оставить въ совѣтѣ? Такъ какъ первый отъ природы былъ человекъ крутой,

а Остерманъ его трудолюбивѣе, то мы и предложили оставить послѣдняго и, такимъ образомъ, Ягужинскій, въ качествѣ министра, былъ посланъ въ Берлинъ.

§ 39.

Вслѣдствіе этого, Остерманъ во главѣ государственныхъ дѣлъ вполне созналъ, что вышеупомянутую вакансію слѣдуетъ замѣстить; а такъ какъ ея величество императрица имѣла ко мнѣ величайшее довѣріе, то Остерманъ и просилъ меня предложить ея величеству образовать Кабинетъ для завѣдыванія важнѣйшими государственными дѣлами, который объявлялъ бы указы или повелѣнія ея величества сенату и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, помѣстивъ въ оный Кабинетъ съ Остерманомъ, одного только князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, которымъ Остерманъ надѣялся управлять. Я исполнилъ это порученіе; императрица согласилась, — „но съ условіемъ“, сказала она, чтобы и ты былъ членомъ Кабинета“. Такъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ императрицы Анны, въ Москвѣ былъ учрежденъ этотъ Кабинетъ въ 1730 году и существовалъ до 1741 года—до ея кончины.

Вскорѣ послѣ того, императрица, назначивъ меня генераль-фельдцейхмейстеромъ и президентомъ военной коллегіи (должность, которую я исправлялъ уже нѣсколько лѣтъ), кромѣ того, возложила на меня важное порученіе—составить проэктъ новаго положенія для войскъ, какъ для гвардіи, такъ и для полевыхъ полковъ, для гарнизоновъ и для украинскаго ополченія. Вскорѣ сія великая государыня, въ видахъ поощренія, пожаловала меня въ генераль-фельдмаршалы ея войскъ и поручила мнѣ главное начальство надъ войсками въ Петербургѣ и въ Ингріи. Въ это же время, по ея приказанію, я устроилъ первый кадетскій корпусъ, образовалъ первый кирасирскій полкъ и корпусъ инженерный.

Я до такой степени былъ занятъ всѣми этими порученіями, что долженъ былъ прибыть въ Петербургъ, гдѣ находилась военная коллегія, канцелярія артиллерійская и инженерная и мое мѣстопробываніе, какъ командующаго войсками. Такимъ образомъ, Остерманъ и Черкасскій засѣдали въ Кабинетѣ одни, а я этимъ былъ особенно доволенъ потому, что не былъ хорошо знакомъ ни съ иностранными, ни съ внутренними дѣлами имперіи.

По прибытіи въ Петербургъ, 15-го января 1732 года, императрица призывала меня, однако, каждый разъ, когда обсуждались дѣла особенной важности, какъ напримѣръ, война въ Польшѣ съ королемъ Станиславомъ, которая началась въ 1733 году.

Это учрежденіе Кабинета—для Россіи вещь совершенно новая и не всѣмъ нравилась, тѣмъ болѣе, что Остерманъ слылъ за человѣка двуличнаго, а Черкасскій—за великаго празднолюбца, и потому говорили, что „Черкасскій былъ тѣломъ этого Кабинета, а Остерманъ—душою, не слишкомъ прямою“. Сенатъ былъ доведенъ почти до ничтожества; старые сенаторы, какъ напримѣръ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ и другіе, недовольные Кабинетомъ, перестали являться въ сенатъ, извиняясь болѣзнью; а графъ Головкинъ, во все продолженіе царствованія императрицы Анны, т. е., лѣтъ девять или десять, вылежалъ въ постели, сказываясь больнымъ, покуда я не нашель средства поднять его на ноги.

§ 40.

Война съ Польшей и съ Турціей.

Въ 1734 году я былъ командированъ осадить городъ Данцигъ и вытѣснить оттуда короля Станислава, который въ 1733 году удался туда изъ Варшавы, гдѣ генераль Леси, командующій русскими войсками, объявилъ королежъ польскимъ курфирста Саксонскаго подъ именемъ Августа III.

Вмѣстѣ съ королежъ Станиславомъ въ Данцигъ находились еще: примасъ королевства—Потоцкій, князь Чарторижскій, каштелянъ виленскій и палатинъ російскій, съ ихъ семействами; графъ Понатовскій, палатинъ Мазовецкій съ супругою (сестрою русскаго палатина) и тремя сыновьями, Залускій—епископъ Плоцкій, государственный казначей—графъ Оссолинскій, многіе сенаторы, французскій посланникъ—маркизь де-Монти и три французскихъ баталіона, расположенныхъ въ Вейхсельмюнде.

Всѣмъ извѣстно, какъ я принудилъ короля Станислава, въ крестьянскомъ платьѣ, удалиться въ Кёнигсбергъ и, такимъ образомъ, покинуть Польшу. Затѣмъ, послѣ сдачи города, примасъ, всѣ сенаторы—приверженцы Станислава, маркизь де-Монти и драгунскій полкъ, имъ набранный, коронная гвардія, множество офицеровъ, шведскихъ канонировъ и бомбардировъ и три французскихъ баталіона были взяты въ плѣнъ, а городъ Данцигъ заплатилъ милліонъ рублей за сопротивленіе русскимъ войскамъ и отправилъ въ Петербургъ депутацію отъ магистрата, чтобы испросить прощеніе у подножія престола ея величества императрицы всеросійской за то, что Данцигъ дерзнулъ поднять оружіе противъ русскихъ силъ. Замѣчательно, что Данцигъ сдался до прибытія осадной артиллеріи изъ Петербурга и что я взялъ этотъ городъ, Вейхсельмюнде, укрѣпленіе Орскаго предмѣстья и вѣ-

сколько другихъ редутовъ, имѣя три восемнадцати-фунтовя орудія и пять мортирѣ въ двѣсти фунтовъ (русскаго вѣса), изъ которыхъ одну разорвало; а противъ двадцати нашихъ выстрѣловъ изъ крѣпости отвѣчали по двѣсти, а на двадцать бомбъ, пущенныхъ съ нашихъ батарей, жители Данцига бросали до четырехъ сотъ — каждыя двадцать четыре часа. Въ городѣ находилось до 30,000 войска, а у меня не было и 20,000 для осады крѣпости, окружность (циркумвалационная линія) которой простиралась на девять нѣмецкихъ миль.

Послѣ взятія города, король Августъ прибылъ изъ Дрездена въ монастырь Оливскій, куда я привезъ польскихъ сенаторовъ — моихъ плѣнныхъ, которые покорились и признали Августа III своимъ королемъ, и за тѣмъ онъ возвратился въ Дрезденъ.

§ 41.

Въ 1735 году король прибылъ въ Варшаву, куда отправился и я, по повелѣнію императрицы, для принятія начальства надъ арміей, разсыянной по всей Польшѣ и Литвѣ, въ числѣ 90,000 человекъ, съ иррегулярными войсками включительно.

Такимъ образомъ, партія Станислава была уничтожена; республика признала своимъ королемъ Августа III и все успокоилось въ Польшѣ. Я надѣялся возвратиться въ Петербургъ, но въ Варшавѣ получилъ повелѣніе отъ ея величества императрицы — немедленно отправиться въ Павловскъ, что на Дону, для необходимыхъ приготовленій къ осадѣ Азова и для начатія войны съ Турціей и съ татарами. Послѣ прощальной аудіенціи у короля и королевы польскихъ, я отправился въ Кіевъ, сдать главное начальство надъ войсками, расположенными въ Польшѣ, принцу Гессенъ-Гомбургскому. Изъ Кіева проѣхалъ по Украинской линіи, которую осматривалъ съ большимъ тщаніемъ отъ Орлика-на-Днѣпрѣ до Изюма, откуда былъ отправленъ провіантъ для войскъ, предназначенныхъ для осады Азова; оттуда поѣхалъ въ Павловскъ, куда отправилъ водою артиллерію и боевые снаряды, для осады необходимые. Генераль графъ Вейсбахъ получилъ приказаніе отъ двора — двинуться со своимъ корпусомъ къ Перекопу и вступить въ Крымъ; но генераль этотъ, возвратившійся изъ Польши, гдѣ онъ командовалъ частью арміи, умеръ близъ Перевотца (?) отъ воспаленія въ желудкѣ. Вслѣдствіе этого Крымская экспедиція была поручена генераль-лейтенанту Леонтьеву, который выступилъ въ походъ въ прекрасные осенніе дни, но, не достигнувъ Перекопа, дошелъ только до Мертвыхъ водъ, гдѣ былъ застигнутъ гололедицей, покрывшей всѣ дуга, такъ что лошадямъ его корпуса

не достало корму: большая ихъ часть пала и почти всѣ офицеры и драгуны вернулись пѣшкомъ.

12-го марта 1736 года я прибылъ въ крѣпость св. Анны и оттуда послалъ лазутчиковъ тайно осмотрѣть азовскія каланчи; 16-го марта я перешелъ Донъ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты, отрядомъ донскихъ казаковъ и осадилъ крѣпость Азовъ съ горстью людей; не потерявъ ни одного человѣка, я захватилъ въ распахъ каланчи, служившія оградю Азова со стороны моря, и въ то же время отрядилъ генераль-маіора Шпаррейтера съ 1,200 человѣкъ на челнокахъ для нападенія на Лютиѣ. Испуганные янычары безъ выстрѣла покинули эту крѣпость и этимъ путемъ городъ Азовъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ; я скрылъ мой небольшой отрядъ пѣхоты за окопами, отерылъ траншею и бросилъ на городъ нѣсколько бомбъ, — такимъ образомъ осада началась.

Генераль Леси вернулся съ Рейна, гдѣ онъ начальствовалъ однимъ корпусомъ, я передалъ ему веденіе осады; но такъ какъ у него не было хорошихъ инженеровъ, то онъ и овладѣлъ Азовомъ послѣ многихъ трудовъ, причемъ этотъ храбрый генераль былъ даже раненъ въ ногу.

Я самъ велъ одинъ корпусъ въ Крымъ; извѣстно, съ какимъ счастливымъ успѣхомъ я окончилъ этотъ походъ, подобно и всѣмъ прочимъ во все продолженіе этой войны, распространяться о которой нахожу здѣсь неумѣстнымъ. Русскій народъ далъ мнѣ два прозвища: „Столпъ Россійской Имперіи“ и „Соколъ“¹⁾, у котораго глазъ зорокъ и всюду посмѣиваетъ. Во время походовъ я углублялся далеко въ турецкія владѣнія и ежегодно зимовалъ въ Петербургѣ. Эта война окончилась битвою и чудною побѣдою при Ставучанахъ, взятіемъ Хотива и покореніемъ Молдавіи. Когда я шелъ къ Бендерамъ, чтобы овладѣть этимъ городомъ, бѣлградскіе татары присоединились ко мнѣ; моя армія возростала день ото дня, умножаясь войсками Молдавіи и Валахіи, такъ что мои отряды достигли до Браилова-на-Дунаѣ и проникли въ Валахію.

Несчастный бѣлградскій миръ, заключенный внезапно австрійцами, остановилъ славныя побѣды русскихъ войскъ, предводимыхъ фельдмаршаломъ Леси и мною.

§ 42.

Въ 1739 году генераль Нейпергъ, начальствовавшій австрійскою арміею въ Венгріи, былъ въ то же время назначенъ полномочнымъ министромъ, для веденія съ великимъ визиремъ переговоровъ о мирѣ, — и онъ заключилъ этотъ миръ, позорно и безъ всякой на-

¹⁾ Оба слова напечатаны и въ подлинникѣ по русскп.

добности сдатьъ туркамъ городъ Бѣлградъ съ его крѣпостью, служившею оплотомъ христіанскихъ государствъ противъ невѣрныхъ. Это было тѣмъ болѣе постыдно, что турецкая армія, нуждаясь въ жизненныхъ припасахъ, готова была сама снять и сняла бы осаду этого важнаго мѣста, если бы Нейпергъ сзумѣлъ продлить переговоры еще 5 или 6 дней; но его очень торопили маркизъ де-Вильневъ и самый вѣнскій кабинетъ. По поводу покоренія Бѣлграда турки говорили, что не они его взяли, а самъ Магометъ имъ его отдалъ. Вильневъ хвалился тѣмъ, что, содѣйствуя заключенію этого мира, онъ оказалъ Франціи важнѣйшую услугу, нежели выигрышемъ сраженія. Но такъ какъ Нейпергъ заключилъ миръ, не приобщивъ къ нему Россію, то полковникъ Браунъ, командированный; по повелѣнію императрицы Анны для присутствія при переговорахъ и для донесенія обо всемъ, что происходило въ австрійской арміи,—принудивъ Нейперга сказать: „было-ли что выговорено въ пользу Россіи?“ На что Нейпергъ отвѣчалъ, что для Россіи и безъ того слишкомъ много сдѣлали, принявъ участіе въ этой алополучной войнѣ — обыкновенный языкъ министра вѣнскаго двора. Самъ императоръ Карлъ VI написалъ императрицѣ Аннѣ, что „со слезами на глазахъ сообщаетъ ея величеству о заключеніи его министерствомъ съ великимъ визиремъ мира невыгоднаго, отдавъ ему Бѣлградъ, но, что, тѣмъ не менѣе, слѣдовало держать слово, данное туркамъ“. У Нейперга были тайныя инструкціи отъ герцога Лотарингскаго, впослѣдствіи императора, и отъ Цинцендорфа. Послѣ заключенія этого печальнаго мира, онъ говорилъ:

— „Думаютъ, что по возвращеніи въ Вѣну я лишусь головы, но мнѣ нечего бояться!“

Мирный договоръ съ Австрійскимъ домошъ былъ заключенъ 1-го (12-го) сентября, а съ Россією — 7-го (18-го) того же мѣсяца 1739 года. Этотъ миръ былъ тѣмъ постыднѣе для Австріи, что императоръ, въ это же самое время, получилъ чрезъ курьера извѣстіе о побѣдѣ при Ставучанахъ, о взятіи Хотина и объ успѣхахъ русскаго оружія въ Молдавіи. Императоръ сказалъ громогласно, „что и онъ могъ бы продолжать войну, еслибы въ главной арміи находился фельдмаршалъ Минихъ“. Должно замѣтить, что Вильневъ былъ въ одно и то же время полномочнымъ и акредитованнымъ министромъ французскаго двора при вѣнскомъ и петербургскомъ и давно пользовался большимъ довѣріемъ Оттоманской Порты, такъ что въ этомъ случаѣ онъ всѣмъ управлялъ.

Остерманъ не могъ воспрепятствовать императрицѣ Аннѣ, чтобы она не уполномочивала Вильнева, не смотря на то, что Франція относилась тогда недружелюбно къ Россіи, за изгнаніе короля Станислава

изъ Польши, потому что императрицу настойчиво убѣждалъ вѣнскій дворъ. Нашли средство задобрить Вильнева, пославъ ему скрытно, чрезъ совѣтника комерцъ-коллегіи Канджіони, знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, украшеннаго дорогими брилліантами, а супругъ его — различныя драгоцѣнности съ векселемъ на значительную сумму, который, впрочемъ, Вильневъ отослалъ обратно. Когда же Канджіони уговаривалъ его поскорѣе уладить съ великимъ визиремъ статью мирнаго договора съ Россією, Вильневъ отвѣчалъ: „дѣло ваше лежитъ на бархатной подушкѣ“.

§ 43.

Въ этомъ § фельдмаршалъ Минихъ приводитъ статьи мирнаго договора Россіи съ Турціей; въ нашемъ переводѣ мы ихъ опускаемъ, такъ какъ они извѣстны изъ многихъ сочиненій.

§ 44.

Война 1736—1739 гг., одна изъ славнѣйшихъ для русскаго оружія, далеко проникнуваго во владѣнія Порты, нисколько не разстроила финансовъ императрицы Анны.

Сія монархія скончалась 17-го октября 1740 года отъ нефритиса, или отъ камня въ почкахъ, признаки котораго она чувствовала еще десять лѣтъ тому назадъ, но ни одинъ изъ врачей, не подозрѣвая о его существованіи, не пользовалъ ея отъ этой болѣзни.

Императрица скончалась въ полной памяти, не подозрѣвая опасности своего положенія. Ея послѣднія слова были: „Прости, фельдмаршалъ!“

Она придала пышности своему двору, соорудила императорскій дворецъ, умножила гвардію полками Измайловскимъ и Конногвардейскимъ, значительно увеличила артиллерію, поддерживала въ цвѣтущемъ состояніи армію и флотъ, основала кадетскіе корпуса и послѣ своей кончины оставила до двухъ милліоновъ звонкою монетою въ государственной казнѣ.

Герцогъ Курляндскій, графъ Остерманъ и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій составили духовное завѣщаніе отъ имени императрицы.

Остерманъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ невыходившій изъ дому, подъ тѣмъ предлогомъ, что подагра препятствуетъ ему двигать ногами, велѣлъ принести себя въ креслахъ во дворецъ къ изголовью императрицы за нѣсколько часовъ до ея кончины. — и здѣсь, вынувъ изъ кармана бумагу, спросилъ государыню, не угодно-ли ей будетъ выслушать свое духовное завѣщаніе? Императрица спросила,

кто писалъ завѣщаніе? (доказательство, что она не приказывала писать его и что оно было составлено безъ ея вѣдома). Остерманъ всталъ со стула и, кланаясь, сказалъ ей:

— „Вашъ низжайшій рабъ ¹⁾“.

Затѣмъ онъ читалъ завѣщаніе, и когда дошелъ до статьи, что герцогъ Курляндскій будетъ регентомъ въ продолженіе 16-ти лѣтъ отрочества молодаго императора Іоанна Антоновича, императрица спросила герцога Бирона:

— „Надобно-ли это тебѣ? ²⁾“

(Доказательство, что государыня не готовила этой участи герцогу). Полагаютъ, что императрица, при всей своей слабости, подписала эту духовную, а герцогиня Курляндская спрятала эту бумагу въ шкафъ, въ которомъ хранились драгоценности императрицы.

Когда Остерманъ приказалъ перенести себя изъ спальни императрицы въ антикамеру дворца, гдѣ уже собрались всѣ сановники и придворные, извѣщенные докторами, что императрица при смерти,— адмиралъ графъ Головинъ и оберъ-штальмейстеръ князь Куракинъ спросили Остермана:

— „Мы желали бы знать, кто будетъ преемникомъ государыни?“

Остерманъ отвѣчалъ:

— „Молодой великій князь Іоаннъ Антоновичъ!“

Но онъ не сказалъ ни слова ни о завѣщаніи, ни о назначеніи герцога Курляндскаго регентомъ имперіи—и всѣ ожидали, что императрица назначила своею преемницею принцессу Анну Мекленбургскую—свою племянницу. Но это было дѣломъ неподходящимъ для Бирона, который, не довольствуясь герцогствомъ Курляндскимъ, хотѣлъ управлять еще Россійской имперіей; а Остерманъ и Черкасскій надѣялись тѣмъ составить себѣ счастье ³⁾.

¹⁾ По-русски въ подлинникѣ.

Ред.

²⁾ По-русски въ подлинникѣ.

Ред.

³⁾ Необходимо, чтобы его превосходительство генералъ-фельдмаршалъ потрудился отвѣтить на рассказъ герцога Курляндскаго объ этомъ важномъ переворотѣ въ изложеніи о причинахъ его паденія, потому что этотъ рассказъ, по своимъ подробностямъ, весьма правдоподобенъ и ни подъ какимъ видомъ не согласуется съ рассказомъ его превосходительства г. генералъ-фельдмаршала. Главнѣйшія данныя въ рассказѣ герцога суть слѣдующія:

1) Императрица Анна, въ началѣ своей болѣзни, послала графа Левенвольда къ графу Остерману, чтобы спросить его мнѣнія о томъ, что дѣлать.

2) Графъ Остерманъ считалъ всего необходимѣе объявить царевича Іоанна наследникомъ престола.

3) Но императрица и министры опасались, чтобы дѣдъ царевича—герцогъ Мекленбургскій не причинилъ въ имперіи Россійской великихъ безпорядковъ.

4) Что по этой причинѣ г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ и многіе

§ 45.

На другой день, 18-го октября 1740 года, когда всѣ сановники собрались во дворецъ, Остерманъ, сказавъ имъ, по своему, рѣчь, объявилъ о смерти императрицы; тутъ же было прочитано вышеупомянутое завѣщаніе. Гвардейскіе полки стояли подъ ружьемъ; герцогъ Курляндскій былъ признанъ регентомъ Россіи, а принцъ Іоаннъ Антоновичъ—императоромъ. Потомъ всѣ вельможи подписали присягу; за ними присягнули гвардейцы, войска, коллегіи и пр., по общепринятому обычаю въ Россіи.

другіе вельможи пришли къ герцогу Курляндскому и объявили ему, что, по ихъ мнѣнію, ничего не можетъ быть благопріятнѣе для имперіи, какъ если самъ герцогъ, во время малолѣтства императора, приметъ бразды правленія. И всѣ они отстаивали свое мнѣніе противъ возраженій и отрицаній герцога.

5) Что чрезъ нѣсколько дней графъ Минихъ и нѣкоторые другіе вельможи, отправясь къ императрицѣ, уговаривали ее подписать не только прозектъ присяги, которую намѣревались привести царевичу Іоанну, но, въ то же время, просили императрицу объявить герцога Курляндскаго регентомъ имперіи.

6) Что императрица дѣйствительно не дала никакого отвѣта на это послѣднее предложеніе графу Миниху, но она говорила объ этомъ съ герцогомъ.

7) Что чрезъ два дня Остерманъ и многіе другіе вельможи явились въ покои императрицы и убѣдительно просили герцога принять регентство и читали ему ихъ прошеніе императрицѣ касательно этого предмета. Что онъ, герцогъ, согласился наконецъ, но съ условіемъ, что можетъ, когда ему вздумается, сложить съ себя это званіе.

8) Что затѣмъ бумага (въроятно, духовное завѣщаніе) была представлена императрицѣ, которая хотѣла ее тотчасъ же подписать, но ей въ томъ препятствовалъ самъ герцогъ. Что, послѣ того, императрица сама положила эту бумагу неподписанную подъ изголовье.

9) Что дѣло это оставалось въ такомъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ дней; что въ это время сановники имперіи рѣшили признать герцога правителемъ, хотя даже императрица скончалась, не подписавъ упомянутой бумаги. Что тѣ-же сановники созвали ко двору всѣхъ чиновныхъ особъ и написали прозектъ прошенія императрицѣ, въ которомъ просили ее объявить герцога регентомъ на время малолѣтства принца. Что прошеніе это было подписано г. генераль-фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ и 12-ю другими сановниками.

10) Что императрица призвала Остермана и, подписавъ бумагу, сказала ему, чтобы онъ пошелъ и успокоилъ всѣхъ упомянутыхъ сановниковъ, объявивъ имъ, что она согласилась на ихъ просьбу.

11) Что графъ Остерманъ тотчасъ же запечаталъ эту бумагу, императрицею подписанную, а императрица передала ее генераль-лейтенанту Юшкову, который положилъ бумагу въ ларчикъ съ драгоценностями императрицы.

12) Что императрица жила послѣ того еще нѣсколько дней, а послѣ ея кончины завѣщаніе было вскрыто и торжественно читано княземъ Трубецкимъ, и пр., и пр.

Прим. 1774 г. Г. В***.

§ 46.

Характеръ императрицы Анны.

Эта великая монархиня была одарена великими качествами: у нея былъ свѣтлый, пронизательный умъ; она хорошо знала нравъ всѣхъ лицъ, ее окружавшихъ; любила порядокъ и пышность и никогда русскій дворъ не былъ въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ въ ея царствованіе. Она была чрезвычайно щедра, находила удовольствіе въ благотвореніяхъ и въ сугубомъ награжденіи заслугъ; но у нея былъ тотъ порокъ, что она была безпечна, мало занималась государственными дѣлами, предоставляя министрамъ творить все, что имъ заблагоразсудится; этому слѣдуетъ приписать бѣдствія, постигшія семейства Долгорукихъ и Голицыныхъ—жертвъ Остермана и Черкаскаго, которые ихъ боялись, потому что они были, умнѣе и достойнѣе ихъ.

Волинскій, Еропкинь и друзья ихъ пали жертвами Бирона, потому что Волинскій поднесъ императрицѣ записку, имѣвшую цѣлю низверженіе Бирона. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица заливалась горькими слезами, когда взбѣшенный Биронъ грозилъ ей, что перестанетъ служить, если она не пожертвуетъ ему Волинскимъ и другими.

§ 47.

Образъ правленія при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Мы видѣли, что большой промежутокъ между самодержавной властью императрицы и сенатомъ былъ замѣщенъ Кабинетомъ, состоявшимъ изъ министровъ Остермана и князя Черкаскаго; но это замѣщеніе было не совсѣмъ удачно, потому что кабинетъ-министры были въ совершенной подчиненности оберъ-камергеру герцогу Бирону и дѣйствовали постоянно въ угоду этому временщику. Вслѣдствіе этого, изъ государственной казны въ чужіе края утекли несмѣтныя суммы на покупку земель въ Курляндіи и на постройку тамъ двухъ дворцовъ—не герцогскихъ, а королевскихъ, и на прибрѣтеніе герцогу друзей-приспѣшниковъ въ Польшѣ. Кромѣ того, истрачены были многіе миліоны на драгоценности и жемчуги для семейства Бирона: ни у одной королевы въ Европѣ не было брилліантовъ въ такомъ изобиліи, какъ у герцогини Курляндской. И одна только безпечность императрицы допускала, чтобы министры дѣлали все, что согласовалось съ видами ихъ честолюбія и выгодъ. Вслѣдствіе безпечности, отнюдь-же не жестокосердія этой великой государыни, пролилась кровь Долго-

рукихъ и Волынскаго,—чѣмъ поданъ былъ поводъ иностраннымъ дворянамъ сказать, что императрица Анна велѣла отрубить головы тѣмъ, которые возвели ее на престолъ.

Во все продолженіе ея царствованія въ сенатѣ были только два лица: военный комиссаръ Новосильцевъ и Сукинъ, который былъ обвиненъ въ лихоимствѣ за то, что взялъ 10,000 р. съ поставщиковъ припасовъ во время персидской компаніи. Если фельдмаршалъ Трубецкой изрѣдка заѣзжалъ въ сенатъ, то это случалось — или по собственнымъ его дѣламъ, или затѣмъ, чтобы явить въ своей особѣ совершенный нуль. Прочіе сенаторы, недовольные Кабинетомъ, никогда и не показывались въ сенатѣ. Остерману и Черкасскому было съ руки, чтобы въ сенатѣ находились люди, ничего незначащіе.

Послѣ этого можно судить, до какой степени Кабинетъ и вообще весь образъ правленія при Аннѣ Іоанновнѣ были несовершенны и даже вредны для государства.

§ 48.

Регентство герцога Курляндскаго.

Выше мы видѣли, что этотъ вельможа былъ признанъ и объявленъ регентомъ російской имперіи въ силу духовнаго завѣщанія императрицы Анны, 18-го октября 1740 года. Онъ присягнулъ, какъ правитель, въ присутствіи фельдмаршала графа Миниха.

Онъ былъ предсѣдателемъ въ Кабинетѣ, въ которомъ находились тогда графъ Остерманъ, князь Черкасскій и Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, усердствовавшій герцогу, по рекомендаціи котораго былъ назначенъ въ Кабинетъ императрицею Анною, для ослабленія власти Остермана, о которомъ ея величество всегда отзывалась, что онъ лживъ, „лукавъ“ и который не могъ допускать или терпѣть совмѣстниковъ.

Въ завѣщаніи императрицы была одна статья, гласившая, что герцогъ-регентъ будетъ обходиться съ должнымъ почтеніемъ съ племянницею ея величества—принцессою Анною и съ ея супругомъ; но герцогъ поступалъ совершенно наоборотъ: высокомеріе и угрозы съ его стороны были постоянны и я самъ видѣлъ, какъ принцесса трепетала, когда къ ней являлся Биронъ. Такъ какъ герцогъ, будучи еще оберъ-камергеромъ, стоилъ Россіи нѣсколько милліоновъ, то вельможи и внушили принцессѣ, что, по всей вѣроятности, онъ, въ теченіе шестнадцати лѣтъ регентства, будучи единовластнымъ правителемъ имперіи, переберетъ у казны еще милліоновъ шестнадцать и болѣе. Такъ какъ, по силѣ другой статьи того же завѣщанія, герцогу и го-

сударственнымъ министрамъ предоставлялось испытать способности принца по достиженіи имъ семнадцатилѣтняго возраста, рѣшить, въ состояніи-ли онъ управлять государствомъ,—никто не сомнѣвался, что герцогъ изыщетъ способъ объявить молодаго принца слабоумнымъ и, пользуясь своею властью, возведетъ на престолъ сына своего принца Петра, о которомъ, два года тому назадъ, поговаривали, будто онъ долженъ былъ жениться на принцессѣ Аннѣ. Такимъ образомъ убѣдили принцессу, что для блага государства слѣдовало бы арестовать регента Бирона и отправить его, вмѣстѣ съ семействомъ, въ ссылку; на его же мѣсто, герцогомъ Курляндскимъ наименовать принца Лудвига Брауншвейгскаго. И такъ, регентъ былъ арестованъ въ ночь съ 7-го на 8-е ноября, какъ мы это увидимъ далѣе.

§ 49.

Характеръ регента-герцога Курляндскаго Бирона.

Человѣкъ этотъ, взысканный удивительнымъ счастьемъ, былъ безъ всякаго образованія, говорилъ только по-нѣмецки и на своемъ родномъ курляндскомъ нарѣчій; даже довольно плохо читалъ нѣмецкія письма, особенно если въ нихъ встрѣчались латинскія или французскія слова; не стыдился говорить гласно, при жизни покойной императрицы Анны, „что не хочетъ учиться ни читать, ни писать по-русски, дабы не быть вынужденнымъ читать и докладывать ея величеству прошенія, донесенія и иныя бумаги“, которыя ему ежедневно передавали.

У него было двѣ страсти: первая, весьма благородная, любовь къ лошадямъ и къ верховой ѣздѣ. Будучи оберъ-камергеромъ, онъ отлично выѣздилъ себѣ коня въ Петербургѣ и почти каждый день упражнялся въ верховой ѣздѣ въ манежѣ, куда очень часто приходила императрица, приглашая туда и министровъ съ докладами о государственныхъ дѣлахъ, рѣшенныхъ въ Кабинетѣ. По настояніямъ герцога, императрица была введена въ великія издержки по устройству конскихъ заводовъ, а такъ какъ въ Россіи было мало лошадей, то жеребцовъ выписывали изъ Испаніи, Англіи, Неаполя, Германіи, Персіи, Турціи и Аравіи. Желательно было бы, чтобы и послѣ него поддерживались эти превосходные заводы.

Другой его страстью была игра: онъ не могъ иначе проводить послѣобѣденное время, какъ играя въ карты, и даже на большіе куши. Ему это доставляло большія выгоды, но весьма часто ставило въ затруднительное положеніе лицъ, избранныхъ имъ въ свои партнеры.

Онъ былъ довольно красивъ собой, вкрадчивъ и очень привязанъ къ императрицѣ, отъ которой иначе никогда не уходилъ, какъ оставляя при ней свою жену. Эта государыня не имѣла у себя стола, но кушала обѣдъ и ужинъ единственно въ семействѣ Бирона и даже въ покояхъ своего любимца.

Онъ былъ щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расчетливъ; чрезвычайно проницателенъ, но и чрезмѣрно мстителенъ, доказательствомъ чему служитъ лютая казнь кабинетъ-министра Волинскаго и его приверженцевъ, намѣревавшихся только удалить его отъ двора.

§ 50.

Образъ правленія при регентѣ-герцогѣ Биронѣ.

Регентъ ежедневно присутствовалъ въ Кабинетѣ. При немъ министры были тѣже самые, что и при императрицѣ Аннѣ: графъ Остерманъ, Черкасскій и Бестужевъ.

Онъ повидимому вполне полагался на гвардію; я командовалъ Преображенскимъ полкомъ; первымъ по мнѣ былъ майоръ Альбрехтъ—креатура и шпионъ Бирона; Семеновскимъ полкомъ командовалъ генералъ Ушаковъ,—также очень преданный Бирону; Измайловскимъ—Густавъ Биронъ, братъ герцога; Конной гвардіей—сынъ его принцъ Петръ, а такъ какъ принцъ этотъ былъ очень молодъ, то должность его по полку исправлялъ молодой курляндецъ Ливенъ, впоследствии фельдмаршалъ (?).

При началѣ правленія герцога, противъ него составилъ заговоръ, въ которомъ былъ замѣшанъ Граматинъ—секретарь принца Брауншвейгскаго, что было причиною дурнаго обращенія герцога съ принцомъ и принцессой Анной. Граматинъ и его сообщники были подвергнуты пыткѣ и сознались въ своихъ замыслахъ; этимъ началось регентство Бирона.

Врагъ короля прусскаго, Биронъ вошелъ въ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ; но союзъ этотъ не имѣлъ важныхъ послѣдствій, потому что регентство его продолжалось всего двадцать дней, съ 18-го октября по 7-е ноября. Онъ былъ арестованъ и на другой день сосланъ въ Шлиссельбургъ, а оттуда въ Сибирь, въ городъ Пелымъ;—мѣсто, которое выбралъ ему князь Черкасскій, называвшій себя его другомъ; онъ былъ прежде тобольскимъ губернаторомъ и потому хорошо зналъ мѣстности, въ которыхъ можно содержать лицъ, подвергшихся опалѣ.

§ 51.

Правленіе герцогини Анны Мекленбургской.

И такъ мы видѣли, что поведеніе регента-герцога Бирона заставило нѣсколькихъ благомыслящихъ людей представить принцессѣ Аннѣ — матери молодого императора, что для блага отечества слѣдуетъ удалить Бирона и его семейство. Принцесса, оскорбленная дерзкимъ обращеніемъ Бирона съ ней и съ ея супругомъ, охотно согласилась на это предложеніе. Регентъ жилъ тогда въ Лѣтнемъ дворцѣ, въ которомъ въ тотъ день стоялъ караулъ отъ Преображенскаго полка, которымъ я командовалъ; принцесса приказала мнѣ арестовать его въ ночь 7-го ноября, что я исполнилъ въ 12 часовъ ночи; онъ былъ привезенъ въ Зимній дворецъ, гдѣ жила принцесса, а на другой день отправленъ въ Шлиссельбургъ ¹⁾.

Въ тотъ же день, 8-го ноября, всѣ сановники и министры собрались во дворцѣ, — и принцесса Анна, племянница императрицы Анны, объявлена была великой княгиней и правительницей имперіи. Всѣ вельможи и войска присягнули маленькому императору Іоанну Антоновичу; по окончаніи присяги, всему войску показанъ былъ изъ окна маленькій императоръ Іоаннъ.

Великая герцогиня и правительница принцесса Анна начала свое правленіе великими милостями:

Принцъ Брауншвейгскій, ея супругъ, былъ возведенъ въ званіе генералиссимуса русскихъ войскъ.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Минихъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ совѣта и первымъ министромъ.

Графъ Остерманъ пожалованъ былъ генераль-адмираломъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и членомъ Кабинета; графъ Головкинъ — вице-камергеромъ и членомъ Кабинета.

Адмиралъ графъ Головинъ — оберштадтмейстеромъ; князь Курякинъ, генераль Ушаковъ, подполковникъ Семеновскаго полка, получили орденъ св. Андрея Первозваннаго. Гофмаршалъ Шепелевъ и майоръ Семеновскаго полка, генераль-майоръ Апраксинъ получили богатые помѣстья; затѣмъ слѣдовали еще многія другія награды.

¹⁾ Разсказъ объ арестѣ Бирона помѣщенъ въ исторіи прусскаго генераль-майора Манштейна, написанной профессоромъ Паули, который слышалъ ее изъ устъ самого Манштейна; Гёршельманъ списалъ его изъ книги Паули, и я прочелъ этотъ разсказъ въ его жалкой книгѣ, называемой: Прагматическая исторія Россійской Имперіи. Примѣч. Миниха.

Всѣ были чрезвычайно довольны удаленіемъ Бирона и избраніемъ въ правительницы великой княгини Анны.

Принцъ Людовикъ Брауншвейгскій вызванъ былъ въ Петербургъ; проѣздомъ черезъ Курляндію, онъ всѣми министрами и дворянствомъ былъ признанъ герцогомъ Курляндскимъ и Семигальскимъ.

По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ; ему дали помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ и пожаловали орденъ св. Андрея Первозваннаго.

§ 52.

Характеръ великой княгини и правительницы Анны.

Съ самаго дѣтства принцесса эта имѣла дурныя наклонности, потому что воспитывалась подъ вліяніемъ своей матери — царицы Екатерины Иоанновны.

Императрица Анна, любя свою племянницу, взяла ее къ себѣ, помѣстила во дворцѣ, назначила ей небольшой штатъ и приставила воспитательницею къ принцессѣ г-жу Адеркасъ, которая очень дурно исполняла свою обязанность, и потому вскорѣ была выслана изъ Россіи, съ воспрещеніемъ когда-либо возвращаться, и не была допущена откланяться императрицѣ.

Характеръ принцессы вполне развился, когда уже она была правительницей. Главный ея недостатокъ была безпечность, а потому она никогда не показывалась въ кабинетѣ; когда я являлся къ ней съ докладомъ о дѣлахъ кабинета и испрашивалъ ея разрѣшенія, она, сознавая свою неспособность, говорила мнѣ:

— „Какъ бы я желала, чтобы мой сынъ поскорѣ выросъ, чтобы могъ самъ управлять государствомъ!“

На это я отвѣчалъ ей, что она — самая великая государыня въ Европѣ и ей стоитъ только приказать, чтобы все было исполнено безъ всякихъ для нея затрудненій.

Она была очень невнимательна къ своему наряду: поназывала голову бѣлымъ платкомъ, не надѣвала фижмъ, и такъ приходила къ обѣднѣ, показывалась въ народъ, за обѣдомъ. Вечера проводила за карточной игрою съ избранными особами, которыми были обыкновенно: принцъ — ея супругъ; графъ Линаръ — министръ короля польскаго, любимецъ принцессы; австрійскій министръ маркизъ Ботта, его доврѣнный — оба заклятые враги Пруссіи; англійскій министръ Финчъ и мой сынъ; прочіе министры и придворные не приглашались на эти вечера, которые устраивались въ комнатахъ фрейлины Юліи Менг-

день, повѣренной великой княгини и графа Линара, которому правительница собственноручно пожаловала орденъ св. Андрея Первозваннаго вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, находясь еще въ постелѣ, хотя была совершенно здорова.

Она дурно жила со своимъ супругомъ, имѣла отдѣльную спальню, и когда онъ иногда желалъ войти къ ней утромъ, то находилъ двери запертыми на замокъ. Она имѣла частныя свиданія со своимъ любимцемъ—графомъ Линаромъ въ третьемъ дворцовомъ саду, всегда въ сопровожденіи фрейлины Менгденъ, которая пила минеральныя воды когда же принцъ Брауншвейгскій желалъ войти въ садъ, онъ находилъ двери замкнутыми, а часовымъ приказано было никого не впускать. Такъ какъ Линаръ жилъ у воротъ этого сада, въ домѣ Румянцова, принцесса приказала выстроить тамъ въ сосѣдствѣ небольшую дачу, нынѣ (1760-ыя года) называемую Лѣтнимъ дворцомъ¹⁾.

Лѣтомъ она приказывала ставить свою постель на балконѣ Зимняго дворца, со стороны набережной; кругомъ кровати хотя и ставили ширму, но, тѣмъ не менѣе, изъ втораго этажа сосѣднихъ домовъ было все видно.

Въ то время я заболѣлъ жестокимъ колотьемъ, о которомъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія, такъ и думалъ, что умру въ тотъ же день; доктора и всѣ вмѣстѣ съ ними полагали, что я былъ отравленъ, однако-же, я выздоровѣлъ послѣ трехнедѣльной болѣзни, и въ это время въ Кабинетѣ ничего не дѣлали.

Прежде всего я позаботился возобновить оборонительный союзъ съ королемъ прусскимъ, и вмѣсто шести тысячъ человѣкъ вспомогательнаго войска, которыхъ, въ силу договора, обѣ державы обязывались обоудно выставить въ случаѣ войны, моими стараніями выговорено было двѣнадцать тысячъ.

Этотъ договоръ, хотя и ратификованный и размѣненный между министрами обонхъ дворовъ, существовалъ недолго. Вскорѣ составилъ новый договоръ въ Дрезденѣ, въ силу котораго Австрія и Саксонія обязывались вести войну съ королемъ прусскимъ, лишить его владѣній, отнять Силезію; маркграфство Бранденбургское должно было достаться саксонскому королевскому принцу католическаго вѣроисповѣданія и т. д.

Этотъ договоръ былъ подписанъ въ Дрезденѣ графомъ Вратиславомъ—министромъ вѣнскаго двора и оберъ-гофмаршаломъ королевы польской, іезуитомъ и большимъ пройдохомъ, уполномоченнымъ

¹⁾ На мѣстѣ этого Лѣтняго дворца—нынѣ Инженерный замокъ. Ред.

отъ австрійскаго, двора для этихъ переговоровъ, и графомъ Брюлемъ—министромъ короля польскаго.

Копія съ этого договора послана была барономъ Кейзерлингомъ, русскимъ министромъ при польскомъ дворѣ, великой княгинѣ, съ предложеніемъ присоединиться къ нему и объявить войну королю прусскому, своему союзнику. Принцъ Брауншвейгскій, графъ Остерманъ, канцлеръ князь Черкасскій, вице-канцлеръ графъ Головкинъ поддались вліянію маркиза Ботта и графа Линара и не только ничего не возражали, но убѣдили великую княгиню—правительницу принять участіе въ войнѣ. Русскія войска двинулись къ Ригѣ, чтобы вторгнуться въ Пруссію со стороны Бранденбургіи.

Когда мнѣ сообщили объ этомъ договорѣ, который въ продолженіе двухъ дней былъ у меня въ рукахъ, я объявилъ великой княгинѣ, что мнѣ ненавистенъ этотъ договоръ, клонящійся къ низверженію и къ лишенію владѣній государя, который, какъ и его предшественники, съ начала нынѣшняго столѣтія были вѣрными союзниками Россіи и въ особенности Петра Великаго. Русская имперія, говорилъ я, въ продолженіе 40 лѣтъ ведетъ войны невыгодныя,—ей необходимъ миръ, для водворенія порядка внутри государства; что на мнѣ и на министерствѣ ея императорскаго высочества будетъ лежать отвѣтственность предъ юнымъ монархомъ, ея сыномъ, когда онъ вступитъ на престолъ, за то, что начали новую войну съ Германіей въ то время, когда не окончена еще война со Швеціей, и что, наконецъ, ея императорское высочество только что заключила союзъ съ королемъ прусскимъ.

Великая княгиня, подчиняясь графу Линару и маркизу Ботта и не встрѣтивъ противорѣчій ни въ одномъ изъ министровъ, кромѣ меня, рассердилась и сказала мнѣ запальчиво:

— „Вы всегда за короля прусскаго; я увѣрена, что какъ только наши войска выступятъ въ походъ, прусскій король отзоветъ свои войска изъ Силезіи“.

Съ этого дня великая княгиня стала холодно принимать меня,—и такъ какъ я не могъ воспрепятствовать движенію нашихъ войскъ со стороны Риги, то и подалъ просьбу объ увольненіи. Сначала правительница уволила меня съ немилостью, и я удалился въ Гостилицы. Однако же, чрезъ нѣсколько дней гнѣвъ ея прошелъ: она пожаловала мнѣ пенсію въ пятнадцать тысячъ рублей въ годъ, и назначила мнѣ караулъ отъ Преображенскаго полка.

Доказательствомъ непростительной безпечности великой княгини служить то обстоятельство, что за нѣсколько дней до своего низложенія, ее предупреждалъ англійскій министръ Финчъ, что она будетъ

свергнута, если не остережется; но принцесса не приняла никаких мѣръ къ отклоненію удара, и даже имѣла слабость сказать о томъ цесаревнѣ Елисаветѣ. Это ускорило осуществленіе великаго замысла княжны собственными своими средствами взойти на престолъ.

§ 53.

Образъ правленія при великой княгинѣ - правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Этотъ § опускаемъ, такъ какъ онъ составляетъ повтореніе почти изъ слова въ слово — предъидущаго параграфа.

§ 54.

Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.

Эта великая государыня сознавала, что она — дочь и единственная наслѣдница Петра Великаго и императрицы Екатерины, а потому съ величайшимъ прискорбіемъ взидала, какъ, по устраненіи ея отъ престола, назначили императорскую корону малолѣтнему принцу Іоанну, бывшему еще въ колыбели, а правленіе имперіи, во время его несовершеннолѣтія, ввѣрено было сперва герцогу Курляндскому Бирону — иноземцу, ни поданному Россіи, ни состоящему въ родствѣ съ императорской фамиліей, ни даже съ какимъ-либо знатнымъ семействомъ въ государствѣ. Затѣмъ правительство перешло къ принцессѣ Аннѣ Мекленбургской.

Елисавета Петровна была воспитана въ кругу офицеровъ и солдатъ гвардіи, и во время регентства Бирона, а также и при принцессѣ Аннѣ, она чрезвычайно покровительствовала всякому, принадлежавшему къ гвардіи: не проходило дня, чтобы цесаревна у кого-нибудь изъ гвардейцевъ не крестила ребенка, не угощала его родителей, или не оказывала какой-нибудь милости гвардейскимъ солдатамъ, называвшимъ ее постоянно матушкой.

Такимъ образомъ, у нея была сильная партія въ гвардіи и ей не трудно было воспользоваться ею, чтобы взойти на престолъ. Гвардейцы помѣщались въ казармахъ, мною построенныхъ. У цесаревны Елисаветы былъ домъ близъ преображенскихъ казармъ, извѣстный подъ именемъ: „Смольнаго дома“. Въ немъ она проводила ночи; тамъ же часто видѣлась съ офицерами и солдатами Преображенскаго полка.

Правительницѣ Аннѣ донесли объ этомъ; но она сочла все это бездѣлицею, не заслуживающею вниманія, и въ ея дворцѣ говорили

съ насмѣшкой: „цесаревна Елисавета водить компанію съ преображенскими гренадерами“.

Но эта великая государыня, въ ночь съ 24-го по 25-е ноября 1741 года, сама приѣхала въ казармы Преображенскаго полка и, собравъ преданныхъ ей солдатъ, сказала имъ:

— „Робята, вы знаете чья я дочь, подите со мною ¹⁾“.

Дѣло было рѣшено. Офицеры и солдаты, узнавъ, чего отъ нихъ требуютъ, отвѣчали ей:

— „Матушка, мы готовы, мы ихъ всѣхъ убьемъ!“

Цесаревна на это весьма великодушно возразила:

— „Если вы хотите такъ дѣйствовать, то я не пойду съ вами“.

Она повела этотъ отрядъ прямо въ Зимній дворецъ; вошла въ покои великой княгини, которая была въ постели, и сказала ей:

— „Сестрица, пора вставать ²⁾“.

Къ великой княгинѣ, къ ея супругу, герцогу Брауншвейгскому, и къ сыну ихъ былъ приставленъ караулъ, а цесаревна вернулась въ свой домъ, который былъ возлѣ сада Лѣтнаго дворца. Въ эту же ночь она приказала арестовать меня, моего сына, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, президента комерцъ-коллегіи барона Менгдена, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Темирязева и еще нѣсколько другихъ лицъ,—и всѣ мы были отправлены въ крѣпость.

Въ эту же ночь цесаревна Елисавета признана была императрицей и самодержицей российской всѣми сановниками, собравшимися въ ея домъ, передъ которымъ столпилось множество народа по другую сторону канала, такъ какъ улицу заняла гвардія; солдаты кричали „вивать!“

На другой день, утромъ, Елисавета отправилась, въ открытомъ экипажѣ, въ Зимній дворецъ, гдѣ провозглашена была императрицей, и всѣ ей присягнули въ вѣрности ³⁾.

Все обошлось спокойно, не было пролито ни единой капли крови; только профессоръ академіи господинъ Гросъ, служившій въ канцеляріи у графа Остермана, будучи арестованъ, застрѣлился изъ пистолета.

Подробное описаніе царствованія этой императрицы здѣсь неумѣстно; всѣмъ извѣстны славныя его событія.

¹⁾ Въ подлинникѣ (стр. 156) эти слова напечатаны по-русски. Ред.

²⁾ Въ подлинникѣ (стр. 157) слова эти напечатаны по-русски. Ред.

³⁾ Въ выноскѣ Минихъ рассказываетъ нѣкоторыя подробности восшествія на престолъ Елисаветы Петровны, но такъ какъ онѣ общеизвѣстны изъ многихъ статей, то здѣсь опущены. Ред.

§ 55.

Характеръ императрицы Елисаветы Петровны.

Она родилась 5-го сентября 1709 года ¹⁾, достопамятнаго — полтавской битвою, поражениемъ Карла XII и въ то же время совершеннымъ ослаблениемъ шведскаго королевства.

Такъ какъ въ это военное время императоръ Петръ I часто былъ въ разъѣздахъ, а императрица Екатерина всюду за нимъ слѣдовала въ чужіе края, то обѣ царевны Анна и Елисавета не имѣли двора и находились на попеченіи двухъ женщинъ, одной — русской, называвшейся Ильиничной, другой — Елисаветы Андреевны, корельской уроженки. Такимъ образомъ воспитаніе не соответствовало ихъ происхожденію и только послѣ смерти Петра Великаго въ нимъ приставлена была французженка — госпожа Лонуа; но она не жила при дворѣ и видѣла княженъ только въ часы учебныхъ занятій.

Оберъ-полиціймейстеръ генеральъ Девіеръ, какъ мы уже сказали выше, исправлялъ должность воспитателя обѣихъ княженъ до тѣхъ поръ, пока не былъ арестованъ и сосланъ княземъ Меншиковымъ въ 1725 г. ²⁾.

Въ томъ же самомъ году, т. е., въ первомъ — царствованія императрицы Екатерины, цесаревна Анна Петровна была выдана за герцога Гольштинскаго и, вслѣдствіе честолюбія и самовластиа князя Меншикова, была отправлена въ 1727 г. въ Киль, гдѣ она скончалась.

Такимъ образомъ цесаревна Елисавета осталась одна; императрица Екатерина назначила ей въ воспитательницы мою жену, тогда еще вдову Михаила Алексѣевича Салтыкова, родственника матери императрицы Анны, Прасковьи Ѳедоровны; наши старшія двѣ дочери Ульяна Салтыкова и Софія Минихъ и дѣвица Мавра Шепелева (вышедшая потомъ за Петра Ивановича Шувалова), были ея фрейлинами. Мавра была фрейлиной еще прежде и давно была посвящена въ сокровеннѣйшія ея тайны.

Императрица Елисавета отъ природы была одарена самыми блестящими качествами, какъ внѣшними, такъ и душевными. Въ нѣжнѣйшей юности, въ двѣнадцать лѣтъ, когда я имѣлъ честь ее видѣть, она была отлично сложена, прелестна собою, но очень дородна; дышала здоровьемъ и живостью, и была такъ быстра въ по-

¹⁾ 5-е сентября — день ея ангела, родилась же Елисавета Петровна 18-го декабря 1709 г.

²⁾ Ошибка: въ 1727 году.

ходеѣ, что никто, а особенно дамы, едва могли за ней слѣдовать; отличалась смѣлостью на конѣ и на лошади. Была живаго, пронзительнаго ума; весела, весьма вкрадчива и обладала большими способностями. Кромѣ русскаго языка, она превосходно знала языки: французскій, нѣмецкій, финскій и шведскій. Почеркъ ея былъ очень красивъ. Любила пышность и порядокъ, имѣла врожденную страсть къ постройкамъ великолѣпныхъ дворцовъ и церквей. Любила военныхъ, и, благодаря этой склонности, ея войска со славою сражались и побѣждали прусскія, столь прославленныя въ то время; а русскій дворъ, вслѣдствіе введенія при немъ французскаго языка и изящныхъ обычаевъ, сдѣлался самымъ блестящимъ дворомъ въ Европѣ. Она была очень граціозна, умѣла быть скрытною, чуждалась жестокости и была до такой степени человѣколюбива, что, не желая проливать крови, не наказывала смертію ни убійць, ни разбойниковъ, ни другихъ преступниковъ. Такимъ образомъ, избытокъ доброты въ государяхъ обращается въ слабость.

Впрочемъ Елисавета была злопамятна, но не столько по врожденной склонности, сколько вслѣдствіе навѣтовъ людей, ея окружавшихъ; поэтому она никогда не хотѣла простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольда, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, который, однако, нисколько не былъ причастенъ моимъ проступкамъ, если только можно назвать проступками повинованіе волѣ императрицы Анны — моей государыни.

Елисавета была чрезмѣрно сластолюбива; дитя страсти, она часто говорила своимъ приближеннымъ, что только тогда счастлива, когда влюблена; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была чрезвычайно непостоянна и часто мѣняла своихъ фаворитовъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего было своеволие любимцевъ; такимъ образомъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ сильно разстроилъ финансы; многія частныя лица обогатились въ то время, когда казна нуждалась въ деньгахъ; это же было источникомъ разорительныхъ монополій и ужасныхъ таможенныхъ пошлинъ; дурнаго состоянія флота и совершеннаго уничтоженія флотилій Брянской и Воронежской, о которыхъ такъ заботился Петръ Великій; запущенія Ладожскаго канала, разрушенія Кронштадта, вредныхъ безпорядковъ по управленію сибирскими рудниками, непомѣрныхъ цѣнъ на водку, на соль и на табакъ, безъ которыхъ народъ не можетъ обойтись, — за (недоимки) цѣлыя тысячи подверглись истязаніямъ и были доведены до нищенской сумы; жестокой, губительной войны съ Пруссіей, во время которой были пролиты цѣлыя потоки христіанской крови; разграблены и разорены цѣлыя области и потрачены громадныя капиталы безъ всякой существенной пользы для

Россіи. Эта великая государыня умерла отъ скорби и едва-ли превеличено то, что говорили о ней, будто бы каждый разъ, при вѣсти о побѣдѣ, она заливалась горячими слезами, если оказывалось, что при этомъ было много убитыхъ и раненыхъ.

§ 56.

Образъ правленія при императрицѣ Елисаветѣ.

Въ началѣ своего царствованія, она желала вести дѣла тѣмъ же самымъ путемъ, какъ то было во времена Петра Великаго—ея несравненнаго родителя. Она уничтожила Кабинетъ и всѣ его дѣла передала сенатѣ.

Но такъ какъ съ 1756 года она чувствовала, что ея здоровье, душевныя и тѣлесныя силы ослабѣваютъ, то въ этомъ же году она учредила совѣтъ, названный Конференціею,—учрежденіе, которое, по своимъ постановленіямъ и предписаніямъ, стояло выше сената; что, повидимому, снова пополняло пробѣлъ, существующій, во вредъ государству, между верховной властью и сенатомъ.

Но это новое учрежденіе, т. е., Конференція, было недостаточно и обсужденіе большей части важныхъ дѣлъ, какъ-то: заключенія союзовъ, военныхъ и финансовыхъ вопросовъ, зависѣло отъ способностей и ума лицъ, бывшихъ въ милости, и такимъ образомъ императрица болѣе не царствовала, а произволь фаворитовъ замѣнялъ правительство въ царствованіе императрицы Елисаветы.

Она скончалась отъ мучительной и тяжелой болѣзни 25-го декабря 1761 года.

§ 57.

Царствованіе императора Петра III.

Петръ Фёдоровичъ, съ 1741 года признанный и чтимый подъ именемъ внука Петра Великаго, объявленъ былъ императоромъ тотчасъ послѣ смерти Елисаветы, 26-го декабря 1761 года.

Всего прежде онъ освободилъ государственныхъ преступниковъ, а именно: герцога курляндскаго Бирона съ его семействомъ, меня и моего сына съ семействомъ; графа и графиню Лестока. Другія лица, посланные во время предыдущихъ царствованій, графы: Остерманъ, Головкинъ, Левенвольдъ и баронъ Менгденъ, умерли въ мѣстахъ ихъ заточенія.

Императоръ имѣлъ сердечное желаніе возвратить герцогство Шлезвигъ-Гольштинское и, вѣроятно съ этой цѣлію, успѣшилъ заключить миръ съ королемъ прусскимъ, чтобы имѣть возможность употребить

свои войска противъ Дани; но прежде нежели успѣлъ онъ предпринять эту экспедицію, скончался 6-го іюля 1762 года.

§ 58.

Характеръ императора Петра III.

Государь этотъ, отъ природы, былъ характера живаго, дѣятельнъ, пылокъ, неутомимъ, вспыльчивъ, заносчивъ, неукротимъ.

Питая особенную склонность къ военной службѣ, инаго платья, кромѣ мундира, не носилъ; но вслѣдствіе какой-то восторженности подражалъ во всемъ прусскому королю, какъ въ осанкѣ, такъ и въ его пристрастіи ко всему военному. Числился полковникомъ прусскаго пѣхотнаго полка и носилъ его мундиръ, что было несовсѣмъ сообразно съ его достоинствомъ; впрочемъ, и король прусскій былъ полковникомъ 2-го московскаго полка русской пѣхоты.

Императоръ снялъ съ себя орденъ св. Андрея Первозваннаго и нѣкоторое время носилъ прусскій орденъ Чернаго Орла.

Никому невѣдомо, каковы были внутреннія религіозныя убѣжденія императора; но извѣстно всѣмъ, что во время богослуженія онъ былъ обыкновенно очень невнимателенъ, и, ко всеобщему соблазну, подходилъ то къ одной дамѣ, то къ другой, чтобы поговорить съ ними.

Точно также, вслѣдствіе какаго-то обаянія, онъ спѣшилъ двинуть русскія войска, чтобы взять обратно герцогство Шлезвигъ-Гольштинское, и вести войну съ королемъ датскимъ, о которомъ говорилъ, что его слѣдуетъ низложить и сослать на Малабаръ ¹⁾.

Какъ ни доказывали государю, что война эта можетъ быть опасна для Россіи, потому что ее слѣдовало вести при многочисленномъ войскѣ, въ чужой странѣ, гдѣ нѣтъ ни продовольствія, ни фуража, ни магазиновъ; что король датскій опустошитъ Мекленбургъ, чрезъ который должны будутъ проходить наши войска, и займетъ выгодную позицію; что датскія войска, обезопасивъ себя съ тылу, не будутъ ни въ чемъ терпѣть недостатка, русская же армія будетъ нуждаться во всемъ; что императоръ въ этомъ походѣ можетъ потерпѣть неудачу и въ самомъ началѣ царствованія потерять армію,—императоръ приказалъ объявить совѣту, чрезъ Волкова, что онъ не хочетъ слышать никакихъ возраженій. Принцъ Георгъ уже готовился выѣхать, чтобы принять начальство надъ арміей, авангардъ которой выступилъ въ походъ въ герцогство Мекленбургское, а императоръ готовъ былъ за нимъ слѣдовать, чтобы переговорить съ королемъ прусскимъ и стать самому во главѣ арміи.

¹⁾ Въ Остъ-Индіи.

Петръ III былъ вспыльчивъ и необузданъ до того, что бивалъ своихъ любимцевъ; но ему не могли простить разгѣла, которому онъ предавался, и неуваженія къ ея величеству императрицѣ, которая лишь одна могла бы сдѣлать его царствованіе счастливымъ и славнымъ.

§ 59.

Образъ правленія при императорѣ Петрѣ III.

Вмѣсто Кабинета онъ учредилъ Коммиссію, членами которой были: оба герцога Гольштинскіе—Георгъ и Петръ-Августъ, я, канцлеръ графъ Воронцовъ, генералъ отъ кавалеріи князь Волконскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ и наконецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Волковъ.

Коммиссія эта, въ которой предсѣдателемъ былъ самъ государь, рѣшала сначала только военныя дѣла и выданъ былъ новый регламентъ его величества, названный „Строевой Уставъ“; но потомъ и всѣ государственныя дѣла внутреннія и внѣшнія были препровождаемы въ эту же коммиссію. Казалось, что она, будучи выше сената, замѣститъ столь часто упоминаемый промежутокъ между верховною властью и сенатомъ; при всемъ томъ любимцы—Мельгуновъ, Гудовичъ и въ обенности Волковъ, который исправлялъ должность тайнаго секретаря, водившій перомъ и бывшій ближайшимъ совѣтникомъ государя, и потому стоялъ гораздо выше всѣхъ членовъ коммиссіи, такъ что рѣшенія Волкова составляли правительство при императорѣ Петрѣ III ¹⁾.

§ 60.

Изъ всего, нами въ немногихъ словахъ сказаннаго, явствуетъ, что образъ правленія русской имперіи не былъ вполнѣ установленъ въ предъидущія царствованія и что пробѣлъ между верховной властью и сенатомъ ошибочно замѣщался лицами, главная заслуга которыхъ заключалась въ милости къ нимъ государей,—лицами, злоупотреблявшими своимъ значеніемъ въ ущербъ государству.

Великій трудъ правительственнаго преобразованія предстоить ея величеству всемилостивѣйшей государынѣ нашей, мудрѣйшей и дѣятельнѣйшей изъ монархинь, которую можно назвать истиннымъ об-

¹⁾ Приводимъ это мѣсто словами подлинника: «*Mais les personnes en faveur, Melgounow, Goudowitz et surtout Wolkow qui faisait la fonction de Secretaire privé, qui maniait la plume et avait l'oreille du maître, était fort au dessus à l'égard des suffrages de tous ceux, qui étaient membres de la commission, de sorte que ce que Wolkow trouvait convenir faisait la forme du gouvernement sous l'empereur Pierre III*» (стр. 182—183).

разцомъ, избраннымъ самимъ Провидѣніемъ, чтобы властвовать надъ народами.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ министровъ ея величества изволилъ сказать однажды: „между верховной властью и сенатомъ существуетъ слишкомъ большое разстояніе“.

Это разстояніе я называю пробѣломъ, который слѣдуетъ пополнить.

Въ тоже время онъ сказалъ: „существуетъ мнѣніе, будто блаженной памяти императоръ Петръ Великій устроилъ и установилъ все для блага государства и что стоять только слѣдовать по его стопамъ“.

Я же тѣхъ мыслей, что если бы даже монархъ этотъ и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ думаютъ, сдѣлалъ же онъ такъ много, что невозможно и постигнуть, чтобы одинъ человѣкъ могъ совершить все созданное Петромъ Великимъ,—все же остается привести въ порядокъ еще многое, прежде нежели оно достигнетъ совершенства, и что слѣдуетъ докончить многія весьма важныя дѣла, которыя этимъ великимъ государемъ были оставлены лишь въ наброскѣ, вслѣдствіе его преждевременной кончины.

§ 61.

Очевидно, что для блага Россіи необходимо замѣстить этотъ великій промежутокъ между верховною властью и сенатомъ, замѣстить совѣтомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ особъ, которыя, держа въ рукахъ своихъ кормило, управляли бы государствомъ, какъ ходомъ корабля, т. е., завѣдывали бы всѣми государственными дѣлами, для облегченія ея величества императрицы и избавленія ея отъ тягости входить въ мельчайшія подробности дѣлъ не послѣдней важности; материнскія заботы, ко всѣмъ дѣламъ прилагаемыя, могутъ повредить ея драгоцѣнному здоровью.

Слѣдуетъ еще распредѣлить государственныя дѣла на нѣсколько департаментовъ, какъ-то: иностранныхъ, военныхъ и морскихъ дѣлъ; финансовъ, торговли, внутреннихъ дѣлъ и другіе.

Главное искусство государя состоитъ въ умѣннѣ удачно выбирать лицъ, способныхъ хорошо исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности,—людей прилежныхъ, испытанной честности, ума и добросовѣстности. Благодаря Бога, въ Россіи нынѣ нѣтъ недостатка въ достойныхъ людяхъ, а въ императрицѣ — прозорливости и умѣннѣ выбирать людей.

Потому необходимо одному изъ подобныхъ людей довѣрить управление департаментомъ иностранныхъ дѣлъ; второму—военнаго; третьему—морскаго; четвертому — финансовъ и торговли; пятому — внутреннихъ дѣлъ государства и проч.

Изъ этихъ пяти особъ долженъ состоять совѣтъ ея величества. Они должны въ сокращеніи докладывать ей дѣла и рѣшать сообразно мудрымъ резолюціямъ государыни; выдавать указы сенату и другимъ второстепеннымъ инстанціямъ, отъ нихъ непосредственно независящимъ.

При каждомъ департаментѣ должна быть канцелярія, секретари и писцы, люди честные и способные.

Такой образъ правленія, однажды установленный, избавилъ бы государыню отъ многихъ трудовъ и сохранилъ бы драгоценнѣйшее здоровье нашей несравненной монархини, которая однажды изволила сказать мнѣ:

— „Было время, когда я работала 15 часовъ въ сутки“.

На что я имѣлъ смѣлость отвѣчать, что не должно трудиться до утомленія, и напомнилъ ей при этомъ слова Граціана: *Quis tot sustineat, quis tanta negotia solus*,—чьихъ силъ можетъ быть достаточно на такое множество дѣлъ?

Такой образъ правленія, говорю я, подъ благодатной сѣнію державы ея величества, водворилъ бы въ управленіи государственными дѣлами порядокъ, достойный удивленія, и даровалъ бы златой вѣкъ ея народамъ.

Перев. Е. А. Харитонова.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КРАСОВСКІЙ.

1776—1857.

Читателямъ «Русской Старины» извѣстно, съ какимъ чувствомъ глубокаго уваженія почтили мы память Федора Ивановича Тютчева, помѣстивъ на страницахъ нашего изданія задушевные строки академика А. В. Никитенко («Русск. Стар.» 1873 г., т VIII, августъ).

Мы воздали должное заслугамъ Федора Ивановича въ области русской словесности и признали въ немъ благороднѣйшаго, просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля.

Извѣстно, что послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни Ф. И. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры. Занимая столь трудный, можно сказать, крайне шаткій постъ онъ,—благодаря своему высокопросвѣщенному взгляду на науку и литературу, ясному пониманію духовныхъ потребностей своего отечества,—умѣлъ стяжать всеобщее уваженіе и ни одинъ голосъ ни изъ какихъ кружковъ, на которые дробится наше общество, не осмѣлился осудить Федора Ивановича ни при жизни, ни по его кончинѣ.

Въ чемъ состояла тайна этой дѣятельности, какимъ образомъ человекъ, стоявшій столь многіе годы во главѣ цензурнаго учрежденія, сумѣлъ удовлетворять нерѣдко взаимно противоположнымъ требованіямъ, — разъяснить, конечно, будущій биографъ этого вполне достойнаго человека и гражданина. Въ настоящее же время, чтобы вполне оцѣнить благородную, просвѣщенную дѣятельность Федора Ивановича въ званіи предсѣдателя комитета иностранной цензуры, необходимо напомнить о его предшественникѣ. Впрочемъ, забыть пресопамятнаго Александра Ивановича Красовскаго едва-ли кто могъ изъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, кто только интересовался, гдѣ тридцать—сорокъ тому назадъ, привозимо въ Россію иностранную литературу, процѣженною учрежденіемъ, во главѣ котораго стоялъ предшественникъ Ф. И. Тютчева—тайный совѣтникъ А. И. Красовскій.

Случайно попалъ Александръ Ивановичъ на дорогу русскаго цензора, не менѣе случайно занялъ онъ кресло предсѣдателя комитета цензуры иностранной и, только благодаря этимъ обстоятельствамъ, какъ своего рода «общественный дѣятель», долженъ подлежать суду потомства.

Для этого суда предлагаемъ матеріалы. Собраны они гдѣ десять тому назадъ, нынѣ также покойнымъ лицомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Рижо-

вымъ (убить въ 1872 г.), довольно долго служившимъ при Красовскомъ секретаремъ комитета иностранной цензуры.

Воздавая должное доблестнымъ согражданамъ и честнымъ подвижникамъ науки, «Русская Старина» не вправѣ умалчивать и о дѣятеляхъ, давно пережитаго времени, совершенно противоположныхъ имъ, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, такъ по цѣли и существу своей дѣятельности.

Ред.

I.

Пишущій эти строки былъ сослуживецъ Красовскаго и свидѣтель того, о чемъ рассказываетъ.

Имѣвъ съ нимъ дѣло чуть ни каждый день, мы можемъ сообщить о немъ свѣдѣнія, которыя вполне обрисуютъ какъ его дѣятельность, такъ и то значеніе, которое онъ имѣлъ въ кругу людей своего времени.

Вотъ, прежде всего, его послужной *Currículum vitae*.

Александръ Ивановичъ былъ сынъ протоіерея Петропавловскаго собора и члена Россійской Академіи. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ бывшей гимназіи Императорской Академіи Наукъ и затѣмъ поступилъ, въ 1796 г., переводчикомъ въ канцелярію этой академіи; въ 1800 г. опредѣленъ бібліотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а въ 1810 г. занялъ должность секретаря въ ней. Въ 1821 г. назначенъ въ бывшій цензурный комитетъ цензоромъ, а въ 1826 г. цензоромъ—въ главный цензурный комитетъ, по закрытіи котораго, отъ званія цензора уволенъ въ 1828 г. По предписанію министра народнаго просвѣщенія—князя К. А. Ливена, откомандированъ былъ въ Варшаву въ 1832 г., для принятія книгъ и рукописей изъ двухъ тамошнихъ бібліотекъ—прежней университетской, называемой потомъ казенной, и бывшей варшавскаго общества любителей наукъ, для отправленія книгъ и рукописей въ Петербургъ.

11-го мая 1832 г. Красовскій назначенъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной. Въ 1838 г. избранъ Императорскою Академіею Наукъ въ дѣйствительные члены. Въ 1841 г. сдѣланъ почетнымъ членомъ отдѣленія русскаго языка и словесности при Императорской Академіи Наукъ. 19-го ноября 1857 г. Александръ Ивановичъ умеръ, прослуживъ на государственной службѣ 61 годъ, а предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной—слишкомъ 25 лѣтъ.

II.

А. И. Красовскій—дѣтище своего времени, сшитый изъ матеріала, на который, какъ ему казалось, былъ спросъ; это былъ цѣльнымъ ка-

зненный человекъ, какъ понимали казеннаго человека въ старину, и онъ шелъ къ своей служебной добычѣ всегда верхнимъ чутьемъ, которое никогда его не обманывало. Въ немъ все было на показъ; тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба—все форменнаго покроя. Водотолочное усердіе, принизительное смиреніе, угодливость предъ высшими, рассчитанное ханженство—все это служило ему ходулями въ продолженіе всей его дѣятельности по комитету цензуры иностранной.

Онъ посѣщаль домовыя церкви высокопоставленныхъ лицъ обоаго пола. Пишущій эти строки не разъ слышалъ о томъ, какъ Красовскій, внѣшне, усердно молился въ домовой церкви министра народнаго просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына, на виду у его сіятельства и другихъ государственныхъ сановниковъ, которые послѣ обѣдни собирались въ гостинной князя вокругъ умнаго и благодушнаго хозяина. Александръ Ивановичъ Красовскій тоже втирался туда за многочисленными посѣтителями и, усѣвшись въ почтительномъ отдаленіи, старался, тѣмъ болѣе, быть на виду.

Разсказываютъ, что въ бытность свою цензоромъ внутренней цензуры, онъ не пропустилъ статьи о вредности грибовъ, потому что грибы—постная пища православныхъ и что писать о вредности ихъ—значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе. Такой же внѣшней религіозности онъ требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ ¹⁾. Они должны были говѣть великимъ постомъ ех officio. Болѣе усерднѣйшимъ, по своему усмотрѣнію, Красовскій дарилъ грошовыя религіозно-назидательныя для народнаго чтенія книжечки, съ собственноручными надписями на нихъ, на примѣръ: такому-то въ знакъ христіанской любви, А. Красовскій; или въ знакъ чего-нибудь другаго, свидѣтельствующаго о его личномъ благорасположеніи къ одаряемому. Другіе же, слышшіе у него не усердными чиновниками и не православными, не удостоивались такихъ милостивыхъ наградъ. По его мнѣнію, религія и казенная служба были двѣ однородныя, взаимно другъ друга поддерживающія, а розно немислимыя величины. Нравственность тоже въ его понятіи имѣла свой казовый конецъ, какъ и все прочее.

Однажды дошли до него слухи, что въ томъ же домѣ Фребелюса, на Средней Мѣщанской, въ которомъ помѣщался и комитетъ цензуры иностранной, одинъ чиновникъ, занимавшій казенную квартиру, имѣеть прислугой молодую женщину. Въ среду на страстной, передъ

¹⁾ Цензора умѣли держать себя въ приличномъ отдаленіи отъ начальника, не подчиняясь всѣмъ его фантазіямъ; но чиновники канцелярскіе не смѣли ему противорѣчить, за то потѣшались же надъ нимъ. *Аст.*

исповѣдью, потребовалъ его Красовскій къ себѣ. Когда тотъ пришелъ, онъ, не говоря ни слова, даетъ ему тоненькую книжку, призывая прочесть ее, а самъ удаляется, заперевъ за собою дверь на ключъ. Чиновникъ, развернувъ книжку, увидалъ, что это знакомая ему молитва о покаяніи, а потому и закрылъ ее. Привывши къ причудамъ Красовскаго, заключенный не доумѣвалъ, однако, къ чему все это клонится. Арестъ былъ продолжителенъ. Наконецъ, Красовскій возвращается и спрашиваетъ:

— „Прочли вы молитву?“

— „Прочелъ“.

— „Видите-ли вы, къ какому таинству готовитесь?“

— „Вижу“.

— „И вы сверните себя прелюбодѣяніемъ, да еще гдѣ? — на казенной квартирѣ!“

— „Какимъ прелюбодѣяніемъ?“ спрашиваетъ изумленный чиновникъ.

— „Какъ какимъ? Вы живете въ незаконномъ сожителствѣ съ молодою женщиною! Я видѣлъ ея шляпку въ вашей комнатѣ, а сейчасъ былъ у васъ“.

— „Да это моя прислуга, рекомендованная мнѣ моими знакомыми; другихъ отношеній между нами никакихъ нѣтъ“.

— „Не правда-съ, вы съ ней живете, на вашей кровати можно двумъ спать“.

— „Да эта кровать куплена прежде, чѣмъ она поступила ко мнѣ“.

— „Пустыя оправданія, ничего не доказывающія! Приказываю вамъ немедленно выслать ее изъ казенной квартиры, сегодня же. Это не можетъ быть терпимо. Самъ князь Платонъ Александровичъ ¹⁾ строго смотритъ за тѣмъ, чтобы чиновники министерства, живущіе на казенныхъ квартирахъ ²⁾, вели себя благоправно, а не то — они лишаются этой милости и даже мѣста. Предостерегаю и васъ! и на вашу службу это можетъ повліять дурно. Совѣтую вамъ взять женщину для прислуги не моложе 40 лѣтъ. Да! вотъ еще. На окнѣ у васъ я нашелъ книгу, на оберткѣ ея написано карандашемъ, что она позволена съ исключеніями ³⁾. Развѣ вы не знаете, что по уставу канцелярскіе чиновники не вправѣ читать другихъ книгъ, какъ только исполнѣ позволительныхъ?“

¹⁾ Ширинскій-Шихматовъ, бывший министръ народнаго просвѣщенія. *Авт.*

²⁾ Въ здавіи министерства народнаго просвѣщенія. *Авт.*

³⁾ Иностранныя книги, разсмотрѣнныя цензурой, дѣлятся на три категоріи: на запрещенныя въ цѣлости, на позволенныя съ исключеніемъ предосудительныхъ мѣстъ и на позволенныя въ цѣлости. *Авт.*

— „Знаю“, отвѣчаетъ чиновникъ, „запрещенныхъ вовсе не читаю, а съ исключеніями не прежде, какъ вырѣзавъ изъ нихъ недозволенные цензурою мѣста“¹⁾.

— „Ну, если такъ, то это ничего.“

Красовскаго легко было провести, какъ бы ни была очевидна нелѣпная ложь (своими нелѣпостями, конечно, онъ самъ вызывалъ на нее), но только не въ дѣлѣ цѣломудрія и прелюбодѣянія. Чтобы хоть косвенно исполнить предсѣдательскія приказанія, чиновникъ выписалъ свою заподозрѣнную прислугу изъ казенной квартиры въ другую, частную, въ томъ же домѣ. Александръ Ивановичъ пронюхалъ, что гонимая имъ женщина продолжаетъ жить все тамъ же, только числится на другой квартирѣ. Въ этотъ разъ онъ уже даетъ этому важному, не предусмотрѣнному закономъ случаю, официальный ходъ: предписываетъ секретарю комитета, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, выслать эту женщину (ее звали Анной Кузьминишной) не только изъ казенной квартиры, но даже изъ самаго дома. Въ силу таковаго строгаго предписанія его превосходительства, она была выслана изъ дома административнымъ порядкомъ.

Долго хранилось въ архивѣ комитета цензуры иностранной „Дѣло объ Аннѣ Кузьминишнѣ“.

Всѣми, зависящими отъ него, средствами Красовскій старался поддерживать безбрачіе между чиновниками, которому самъ обрекъ себя въ интересахъ службы.

— „Женатый человѣкъ“, говорилъ онъ, „совершенно не благонадежный чиновникъ, потому что долженъ двоиться между службой и семьей, вмѣсто того, чтобы всецѣло принадлежать первой.“

Какихъ неимоверныхъ усилій стоило, чтобы получить отъ него разрѣшеніе жениться, какихъ нелѣпныхъ надувательствъ не придумывалось для этого! Если Красовскій, въ видахъ охраны семейнаго счастья, которое допускалось имъ, какъ необходимое зло, чтобы между бракосочетающимися не было минутнаго, свойственнаго мелко-чиновничьей молодости, увлеченія преступныхъ плотскихъ страстей любви, какъ-то: похищенія и иныхъ посягательствъ на бракъ помимо родительскаго благословенія, или согласія старѣйшихъ родственниковъ, или опекуновъ, или другихъ, семейный надзоръ имѣющихъ лицъ, — требовалъ гарантій, то затѣмъ дѣло не стояло: находили подставныхъ авторитетовъ, когда, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не оказывалось настоящихъ. Какъ это обыкновенно дѣлалось, видно изъ слѣдующаго случая.

¹⁾ У этого чиновника было на храненіи тысячъ до шести книгъ первыхъ двухъ категорій и можно-ли думать, чтобы онъ не читалъ ихъ. *Авт.*

Въ комитетѣ служилъ молодой писецъ, нѣмецкаго происхожденія, малый продувной, кутила безъ средствъ, кромѣ руеъ, молодости, крошечнаго жалованья и способности въ неудачахъ „ваньки-встанки“, котораго какъ ни клади, а онъ все встанетъ: вотъ весь его оборотный капиталъ. Пускался онъ въ разныя аферы— не везло. Въ лихо-радошной погонѣ за мягкимъ кускомъ хлѣба, наткнулся онъ на комитетъ и поступилъ писцомъ. Какъ писецъ, онъ былъ золото: красивый почеркъ, работалъ какъ паровая машина, переписывая все, что ни давали и сколько бы ни давали. Александръ Ивановичъ обрадовался такой драгоценной находкѣ и похвалъ на немъ, какъ ломовой извозчикъ. Къ сожалѣнью, при такихъ капитальныхъ достоинствахъ писецъ страдалъ припадками кутежа, во время которыхъ пропадалъ на три-четыре дня безслѣдно. Въ такіе моменты иногда спрашивалъ его предсѣдатель. Сторожа съ ногъ сбивались за поисками, но на слѣдъ не нападали. На квартирѣ говорили, что уже нѣсколько ночей дома не почуветь.

Придя въ надлежащее состояніе, онъ являлся къ Красовскому, котораго изучилъ, какъ свои пять пальцевъ, съ повинною. Прикидывался кающимся грѣшникомъ съ поникшею головою, опущенными глазами и съ пробивающимися слезами; съ терпѣніемъ обреченнаго на казнь мученика выслушивалъ его, до одуренія многогрѣшныя и пусторѣшныя выговоры, частью начальничьи, частью наставничьи, такъ что прирожденныя его способности—угремъ выскальзывать изъ всякихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ—измѣняли ему. Онъ глубоко вздыхалъ и, конечно, непритворно, потому что слушать болтовню предсѣдателя было истинное мученіе. Красовскій, принимая вздохи за угрызенія совѣсти и за раскаяніе, умилялся, прощалъ, но въ послѣдній разъ. Все-таки, чтобы впредь тоже не повторилось, въ наказаніе задавалъ провинившемуся цѣлую главу изъ Библии, для выучки наизусть. Тотъ готовъ былъ выучить наизусть всю Библию, лишь бы только отъ него избавиться.

На другой день прощенный грѣшникъ являлся къ нему, и, благодаря своей памяти, проговаривалъ заданный урокъ, какъ по писанному. А чтобы вчерашнее испытаніе не пропадало даромъ, выманивалъ у Красовскаго деньги на ближайшій угрожающій припадокъ.

Захотѣлось однажды юношѣ попробовать счастья въ супружествѣ. Подвернулась къ нему, вѣроятно, во время припадка, хорошенькая женщина—мемельская уроженка изъ дома терпимости, продувнѣе, какъ видно, чѣмъ онъ; она сумѣла замаскировать свою профессию и представить себя съ избыткомъ обеспеченною. Ей нужно было имя—хотя и дешевенькое, однако, все же лучше, чѣмъ никакое. Онъ же, съ своей

стороны, болѣе цѣннаго обезпеченія дать не могъ. Дѣло было слажено. Оставалось только перелѣзть черезъ заборъ брачныхъ гарантій—*sine qua* по по Красовскаго. Вслѣдствіе чего молодой человекъ поставилъ предсѣдательскій вопросъ невѣстѣ о родителяхъ, который, впрочемъ, легко былъ разрѣшенъ ею. Изъ Ревеля выписанъ былъ какой-то нѣмецъ, прекрасно разыгравшій роль подставнаго отца, засвидѣтельствовавшій *seiner Excellenz*, положивъ руку на сердце, что дочь его изъ благочестиваго семейства, что она никогда не посмѣла бы выдти замужъ безъ родительскаго благословенія. Такимъ образомъ, Александръ Ивановичъ, считая нравственными гарантіи вполнѣ обезпеченными и удостоивъ даже жениха быть у него посаженнымъ отцемъ на свадьбѣ (въ домѣ терпимости), пональ, конечно, помимо своей воли, въ духовное родство съ проституткой.

Но, увы! счастье обманчиво. Новобрачный даже не воспользовался полнымъ медовымъ мѣсяцемъ. Однажды, когда онъ былъ на службѣ, прекрасная его половина вывезла свою мебель, всѣ свои пожитки и ушла изъ дому, оставя его пустымъ. Злосчастный, застигнутый такою внезапною семейною катастрофой, очутился безъ жены и безъ обѣда. Но, умудренный опытомъ и превратностями своей судьбы, закусилъ выпитую имъ горькую чашу сугубымъ, на очереди стоявшимъ, припадкомъ и зажилъ по прежнему, считая свой бракъ *comme поп аvenu*.

Объ этой катастрофѣ не доводили до свѣдѣнія его превосходительства изъ опасенія подать поводъ къ преумноженію брачныхъ гарантій.

III.

Вся дѣятельность Красовскаго, какъ предсѣдателя комитета цензуры иностранной, проходила на заднемъ дворѣ комитета, гдѣ онъ рылся, какъ кротъ, между вѣдомостями, списками, каталогами книгъ, рэестрами и разными другими предметами чернорабочаго чиновника. Всю эту канцелярскую страпню Александръ Ивановичъ приурочилъ къ непосредственному своему вѣдѣнію и вязнулъ въ ней, какъ въ болотѣ. Писанію, переписыванію, расплодившемуся при немъ до немовѣрныхъ размѣровъ, не было конца. Бѣдные чиновники надъ этою сизифскою работою денно и ночью мозолили себѣ пальцы. Къ вящей вѣрности подаваемыхъ на его просмотръ вѣдомостей, рэестровъ и прочаго, Александръ Ивановичъ ввелъ разноцвѣтные чернила (красныя, синія и черныя), которыми они разцвѣчивались, въ томъ предположеніи, что если писецъ употребилъ такую аккуратность на внѣшнюю отдѣлку, то тѣмъ паче онъ приложилъ стараніе, чтобы и содержаніе ей соотвѣтствовало. Но тутъ-то и ошибался непогрѣшимый

Александръ Ивановичъ: содержаніе-то и хромало, на этомъ-то и выѣзжали чиновники, чтобы избавиться отъ докучливыхъ его справокъ и провѣрокъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, трудъ и бумага тратились понапрасну. Весь этотъ хламъ самъ предсѣдатель пересчитывалъ и держалъ ему корректуру. Разъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ, секретарей комитета, въ шутку, написалъ на пакетѣ къ нему его адресъ всѣми тремя чернилами. Красовскій промолчалъ.

Онъ былъ одержимъ еще алфавитоманіей. Нельзя бывало написать двухъ, трехъ заглавій книгъ, или именъ, или фамилій, или какихъ бы то ни было вещей не въ алфавитномъ порядкѣ, за не соблюденіе котораго онъ очень гнѣвался.

Вмѣсто словесныхъ приказаній онъ переписывался съ чиновниками потѣшными посланіями, не въ нѣсколько строчекъ, а на цѣлыхъ листахъ. Такая переписка забавляла и вызывалась нарочно чиновниками. Когда всѣ были утромъ въ сборѣ, то по обыкновенію, спрашивали: „а что пишетъ Сашенька Красовскій?“ и во всеуслышаніе читалась его грамотка при гомерическомъ смѣхѣ. Но и чиновники не оставались у него въ долгу, отвѣчали еще растажиствѣ, что, конечно, ему весьма нравилось.

Какъ-то сторожъ, не отличавшійся трезвостію, неся къ Александру Ивановичу въ незапечатанномъ большомъ пакетѣ бумаги для его просмотра и подписи, зашелъ, по пути, въ вабакъ, купилъ дрянныхъ, червивыхъ яблокъ и дорогой закусывалъ ими свою выпивку. Тоже, конечно, и прежде случалось, но вотъ что случилось необычайное: онъ не всѣ ихъ съѣлъ, а такъ съ недоѣдками и передалъ свою ношу камердинеру Александра Ивановича.

На другой день получается отъ его превосходительства предлинный запросъ: „отчего между принесенными вчера бумагами оказалось приложеніе изъ трехъ яблокъ, и тѣ не перваго сорта, но бумаги объ нихъ нѣтъ?“

Завязалась переписка, наведены справки, и только когда изведено было бумаги довольно, недоумѣніе предсѣдателя удовлетворительно разъяснено самимъ виновникомъ вазуснаго дѣла.

Этого же сторожа разъ грозно спрашиваетъ Александръ Ивановичъ:

— „Ты пьянъ?“

— „Нивакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство“.

— „Какъ нивакъ нѣтъ, отъ тебя несетъ виномъ, какъ изъ бочки“.

— „Это вчерашнее, ваше превосходительство“.

Вопросъ покрытъ былъ отвѣтомъ.

IV.

Въ одно время вышло правительственное распоряженіе о сокращеніи канцелярскаго дѣлопроизводства. Это ошеломило Красовскаго: какъ революція сверху! И онъ, который не дерзалъ даже вознестись мысленно надъ всякимъ, на вершокъ выше его стоящимъ, вдругъ возропталъ! Дабы отвратить государственный переворотъ, сталъ въ оппозицію, явче приумноживъ и переписку, и дѣлопроизводство.

Одинъ молодой человѣкъ, сынъ умершаго цензора комитета, пришелъ просить копию съ формулярнаго списка отца, для помѣщенія сестры въ одно воспитательное учрежденіе. Кажется, дѣло просто: стоило только приказать, чтобы удовлетворить желаніе просящаго. Нѣтъ, Александръ Ивановичъ наговорилъ ему съ три короба, какъ-де это важно, что для этого-де нужно прежде съ его стороны сдѣлать то-то и то-то и пошелъ, и пошелъ говорить. Молодой человѣкъ, выслушавъ его, обращается къ стоявшему тутъ чиновнику и спрашиваетъ: „что онъ у васъ здоровъ?“

На случай, чтобы смерть или отставка кого-нибудь изъ цензоровъ не застала его въ распλοхъ, Красовскій держалъ, про запасъ, значительное число кандидатовъ на цензорскую должность, которые ходили къ нему предварительно на испытаніе въ удостовѣреніе способности ихъ разсматривать книги. Для этого онъ давалъ читать имъ такія, которыя уже были разсмотрѣны комитетскими цензорами. Въ его квартирѣ съ утра до вечера сидѣло по нѣскольку человѣкъ экзаменующихся, преимущественно изъ нѣмцевъ, какъ въ читальнѣ, въ которую открыты были двери всякому охотнику въ цензора. Онъ никому не отказывалъ, хотя вакансій не было и не предвидѣлось ни въ близкомъ, ни въ далекомъ будущемъ. Во все двадцати-пяти-лѣтнее его предсѣдательство изъ комитета вышло только два цензора, одинъ—за смертію, а другой—вышедшій въ отставку. И эти двѣ вакансіи были замѣщены не имъ, а министромъ, пока Александръ Ивановичъ, по нерѣшимости, копотливости и дробливости своего характера, какъ Диогенъ съ фонаремъ, все еще искалъ и искалъ изъ своихъ кандидатовъ способнѣйшаго, достойнѣйшаго замѣстителя и медлилъ въ выборѣ.

Въ одно время онъ искалъ секретаря. Перебывало, т. е., переиспытывалось у него, что-то очень много желавшихъ занять это мѣсто, и испытывались они не только въ способностяхъ, но и въ доброкачественности своего здоровья. Разъ мы были свидѣтелями слѣдующей сцены: ходилъ къ нему уже недѣль шесть прекрасный, преспособный молодой человѣкъ. Красовскій былъ имъ очень доволенъ.

Однажды приходит молодой человек и садится за работу. Выбъжалъ Красовскій.

— „А! это вы! пожалуйста-ка сюда“, и ведетъ его къ песочницѣ: „посмотрите сюда. Что это такое?“

Молодой человекъ смотритъ.

— „Ничего-съ“, отвѣчаетъ онъ, „песокъ и наплевано“.

— „Какъ ничего!“ Кричитъ Красовскій, „посмотрите хорошенько“.

— „Ничего не вижу“.

— „Тутъ кровь“, выходя со всѣмъ изъ себя, кричитъ Александръ Ивановичъ. „Это вы плюнули?“

— „Можетъ быть и я—для того, вѣдь, и песочница“.

— „Не въ томъ дѣло, отчего же кровь?“

— „Да у меня зубы болѣли, я вѣрно отсосалъ“.

— „Не отсосали вы! у васъ, милостивый государь, чихотка, вы скоро умрете, и смѣете являться ко мнѣ просить мѣсто секретаря! Я васъ опредѣлю, вы умрете, а я опять долженъ буду искать!...“.

— „Вашъ превосходительство....“.

— „Полноте! Я не позволю вамъ обманывать ни меня, ни высшее начальство. Прощайте!“

Молодому человеку ничего не оставалось, какъ уйти.

V.

Красовскій вообразилъ о себѣ и о своемъ комитетѣ, что это чуть не центръ вселенной.

Разъ одинъ секретарь, въ сороковыхъ годахъ, просился у Красовскаго съѣздить въ Кронштадтъ и поэтому не явиться въ засѣданіе комитета, въ среду.

— „Будетъ смотръ флоту, братъ мой командуетъ фрегатомъ, государь будетъ.....“.

Красовскій готовъ былъ отпустить, но услыжавъ, что государь будетъ, взволновался и закричалъ:

— „Какъ же вы смѣете проситься, когда знаете, что государь будетъ въ Кронштадтъ? Ну, государь васъ увидитъ, скажетъ: „сегодня среда, у Красовскаго засѣданіе, а секретарь въ Кронштадтъ“, — и не пустилъ.“

Красовскій любилъ разговаривать съ чиновниками о практичности своихъ вѣдомостей, рѣзстровъ, списковъ и о другихъ канцелярскихъ подѣлкахъ, какъ о предметахъ первой важности.

Говорилъ всегда очень долго и наводилъ тоску и одуреніе на того, кто имѣлъ несчастіе невзначай попасться ему на глаза. Но это случалось, какъ мы сказали, „невзначай“; обыкновенно прини-

мались своего рода предупредительныя мѣры во избѣжаніе назойливыхъ его бесѣдъ, и вотъ въ чемъ состояли эти мѣры. Когда его превосходительство изволилъ выходить изъ присутственной залы, всѣ чиновники сидѣли по мѣстамъ и при появленіи его вставали. Онъ шелъ сперва по направленію къ секретарю; говорильня его съ недѣльнымъ ходомъ начинаетъ уже жевать жвачку, — значитъ машина заведена, онъ хочетъ говорить и премного говорить. Секретарь, не допуская его близко къ себѣ, препочтительнѣйше кланяется: прощайте-де, ваше превосходительство, и все кланяется и кланяется, пока онъ не повернется отъ него къ другому; тотъ, повторяя приемы своего предшественника, препровождаетъ Александра Ивановича по этапу къ близстоящимъ; эти подхватываютъ его такими же поклонами, какъ первые, и препочтительнѣйше выкачиваютъ въ другую комнату. Тамъ прибѣгали къ инымъ предосторожностямъ: обкладывали себя поступавшими на цензурное разсмотрѣніе картинками голыхъ женщинъ: увидавъ ихъ, Красовскій отворачивался, морщась, какъ отъ дьявольскаго соблазна, проходилъ мимо, молча, въ сторожевую и удалялся изъ комитета.

VI.

Въ 1838 году одинъ молодой человекъ, нынѣ занимающій важный постъ, пришелъ къ Красовскому жаловаться на цензора, что тотъ вырѣзалъ изъ привезенной имъ изъ-за границы книги, собранія сочиненій Байрона, одну небольшую поэму.

— „Принесите вашу книгу“, кротко замѣтилъ Красовскій.

Книга принесена. Ласково встрѣтилъ Александръ Ивановичъ г. З*** (владѣльца книги), попросилъ дать ее въ руки; но лишь Байронъ очутился у Красовского, лиць и голосъ послѣдняго мгновенно измѣнились.

— „А! такъ вы принесли... вы принесли книгу... а знаете, что цензоръ ошибся... что не только одну поэму, но и эту, и эту, и слѣдующія, и эту... всѣ надо вырѣзать и сжечь! И еслибы вы не принесли книгу, я бы вытребовалъ ее отъ васъ чрезъ полицію!“

Долго еще металъ грома Александръ Ивановичъ, но г. З*** предпочелъ предать на закланіе всего Байрона и, оставя его у Красовскаго, удалился.

По распоряженію Александра Ивановича, по его увѣренію, будто бы опиравшемся на высшую волю его сіятельства князя Платона Александровича, только такія картинки съ изображеніемъ женщинъ пропускались въ продажу, у которыхъ волѣна прикрывались платьемъ; если же сколько-нибудь обнажались ихъ пластическія формы или

бросались въ глаза, по его мнѣнію, чувственныя позы, такія картинки, какъ безнравственныя, конфисковались.

Было задержано иностранной цензурой новое изданіе общезвѣстнаго лексикона Рейфа за нѣкоторыя слова, оскорблявшія цѣломудренный слухъ Александра Ивановича. Такія слова приказано было исключить. Издатель, съ большимъ ущербомъ для себя, вынужденъ былъ все изданіе, во многихъ тысячахъ экземпляровъ, отправить обратно за границу для перепечатанія, хотя осужденныя слова допускались въ прежнихъ изданіяхъ того же лексикона и печатаются во всѣхъ другихъ словаряхъ. И это мѣропріятіе Александръ Ивановичъ тоже относилъ къ тому же высшему внушенію.

До Красовскаго дошли слухи, что польская эмиграція высылаетъ въ Россію изъ-за границы возмутительныя прокламаціи въ видѣ музыкальныхъ нотъ безъ текста. Онъ строго предписываетъ наблюдать за такими нотами, и если въ нихъ окажутся прокламаціи, то онны задерживать и ему представлять, другими словами: предписать отыскать ключъ къ этому, такъ сказать, шифрованному письму. Прежде чѣмъ давать такое предписаніе, ему, кажется, слѣдовало бы сперва спросить: „да знаютъ-ли чиновники, завѣдывающіе разсмотрѣаемъ нотъ, музыку“, а они въ ней ни въ зубъ толконуть. Ихъ обязанность состояла въ прочитываніи текста подъ нотами, а ноты безъ текста просто выдавались предъявителямъ ихъ; но знаютъ-ли они или не знаютъ музыку — до этого Александру Ивановичу и дѣла не было.

Онъ думалъ: „я-де сдѣлалъ свое“: формальность соблюлъ, предписаніе далъ, а тамъ—дѣлайте, какъ знаете, вѣдь будете вы отвѣчать, а не я“.

Что же вышло изъ всего этого?

А вотъ что: предписаніе осталось само по себѣ, а исполненіе—тоже само по себѣ: музыкальныя ноты выдавались, какъ *ab antiquo*, ихъ владѣльцамъ безъ задней мысли Александра Ивановича, а дошедшіе слухи сдали въ архивъ и все прошло благополучно.

Тоже случилось и съ привозной изъ-за границы для продажи почтовой чистой бумагой, заподозрѣнной Красовскимъ (а можетъ быть, и кѣмъ-нибудь другимъ изъ выше его стоявшихъ чиновниковъ), что будто бы на ней написаны химическими чернилами польскія возмутительныя прокламаціи, воспроизводимыя потомъ такимъ же химическимъ способомъ. Въ силу этого, Красовскій настраивалъ предписываетъ задерживать такую бумагу и доносить ему о томъ. Въ комитетъ тоже не оказалось ни экспертовъ, ни химическихъ снарядовъ для анализа. Но все-таки чиновники, изъ любопытства, просили одного знакомаго аптекаря изслѣдовать заграничную почтовую

бумагу и послали къ нему большую кипу ея; тотъ возвратилъ ее, не найдя ничего злоумышленного. И здѣсь, такимъ же образомъ, все пошло по старому, а предписаніе предсѣдателя приняли къ свѣдѣнію, другими словами: къ неисполненію онаго.

Предусмотрительность Красовскаго росла и росла съ каждымъ днемъ вмѣстѣ съ усердіемъ на пользу службъ. Извѣщенный о контрабандномъ провозѣ изъ-за границы запрещенныхъ цензурою книгъ, скрываемыхъ подъ двойными днами ящичковъ, Александръ Ивановичъ, всегда благовременно предупреждающій опасность, даетъ предлинное, съ подобающими инструкціями и внушеніями, предписаніе, чтобы тщательно осматривать ящики съ книгами, въ комитетъ поступающими, не окажется-ли въ нихъ двойнаго дна. Такъ какъ подобный подлогъ не мыслимъ, потому что, по опороженіи ящика, только развѣ слѣпой не увидитъ, что у него одно или два дна, то и это предписаніе, по примѣру прежнихъ, оставлено безъ послѣдствій.

Разъ вздумалось, достопочтенному Александру Ивановичу произвести внезапную ревизію и удостовѣриться самому на дѣлѣ, не полагаясь на голословныя увѣренія чиновниковъ, что они строго выполняютъ его предписанія. Это былъ первый и послѣдній случай возродившагося въ немъ сомнѣнія. Съ такимъ умысломъ явился онъ однажды нечаянно въ комнату, гдѣ разбирались книги, поступающія на цензурное разсмотрѣніе. Нѣсколько ящичковъ стояли опорожненными. Александръ Ивановичъ, не говоря ни слова, сталъ прохаживаться между ними, заглядывать то во внутрь ихъ, то осматривалъ снаружи, и, недовѣряя глазомъ, дѣлалъ промѣры своею палкою, какъ дна морскаго. Послѣ тщательнаго осмотра вещественныхъ доказательствъ, предсѣдатель удалился, убѣжденный, что строгій наказъ его усугубилъ бдительность чиновниковъ, которые, впрочемъ, ни до, ни послѣ предписанія его никогда искомаго подлога не встрѣчали.

Опять набѣжало облачко на цензурномъ горизонтѣ: опять прошелъ слухъ о польскихъ зажигательныхъ прокламаціяхъ, высылаемыхъ въ распятыхъ печатныхъ листахъ, которыми, будто-бы, обертывались книги и другіе заграничные товары. Потанулись съ такими обертеями, напичканными въ большіе, громоздкіе рогожныя тюки, возы изъ здѣшной таможни, и танулись, если не ошибаемся, цѣлое лѣто. Какого тутъ не было клама, на всевозможныхъ языкахъ, трудно себя представить! Тутъ были и цѣльные листы, и полулисты, изорванные въ клочки,—все перепачкано, измято, словомъ—матеріаль, годный не для цензурнаго разсмотрѣнія, а для мелочныхъ лавочекъ и колбасныхъ.

Вспокоился нашъ Александръ Ивановичъ и поспѣшно опустилъ

свой шлагбаумъ, чтобы ни одно печатное слово не прокралось черезъ цензурную заставу безъ оклика: „кто идетъ?“ Вслѣдствіе этого, присоединилъ къ прежнимъ своимъ строгимъ предписаніямъ-выкидываю такое же новое, пространное, но классическое, а именно предписалъ: весь этотъ навозъ недочищенныхъ авгіевыхъ конюшенъ внимательно перечитывать, нѣтъ ли чего вреднаго, опаснаго и противнаго правиламъ цензуры, заносить въ списки, приводить въ систематическій порядокъ и хранить въ шкафахъ, вмѣстѣ съ книгами. Кромѣ таможеннаго, въ комитетѣ каждодневно оставался еще свой хламъ отъ выпороженныхъ ящичковъ съ книгами, которыя обертывались въ такую же мавулатуру, и съ нимъ приказано обращаться согласно предписанію. Съ такимъ матеріаломъ могъ только совладать одинъ Александръ Ивановичъ, которому все ни почемъ, когда дѣло касалось интересовъ по-своему имъ понимаемой службы и государственной безопасности. Но и это облачко, какъ и прежнія, прошло безъ грозы, благодаря предусмотрительности предсѣдателя иностранной цензуры, умѣвшаго во-время отвести ее. Чиновники не заблагодарсудили, однако, состязаться съ героемъ классической древности, а разомъ порѣшили и, кажется, съ большою предусмотрительностію, чѣмъ Александръ Ивановичъ, отдавъ весь свой и таможенный хламъ на просмотръ сторожей, а тѣ распорядились съ нимъ по достоинству. Затѣмъ, по прежнимъ примѣрамъ, и это дѣло заглохло, оставивъ только одно воспоминаніе по себѣ.

VII.

Между многими секретарями комитета былъ также покойный П. С. Савельевъ, извѣстный археологъ и ученый. Ему разъ замѣтилъ Красовскій, что онъ очень честолюбивъ.

— „Одно уже то“, отвѣчалъ Савельевъ, „что я у вашего превосходительства секретаремъ, доказываетъ противное“.

Въ комитетѣ служилъ канцелярскій чиновникъ, пользовавшійся казенной квартирой, который не могъ ходить отъ пораженія въ ногахъ, постигнаго его на службѣ, и занимался дома. Такъ какъ прежде, до болѣзни своей, онъ былъ усердный и исправный чиновникъ, то его и не увольняли изъ комитета, тѣмъ болѣе, что должностныя обязанности его нисколько отъ того не страдали,—онъ также исправно и усердно исполнялъ ихъ, какъ и прежде, здоровый. Александръ Ивановичъ очень благоволялъ къ нему; но благоволеніе его доставалось ему не дешево,—онъ шелъ у него всегда въ корню. Предсѣдатель напѣ, по обыкновенію, хищнически эксплуатировалъ всякое трудолюбивое усердіе.

Соболѣзную объ этомъ больномъ чиновникѣ, Красовскій, однажды, заговорилъ съ пришедшимъ къ нему писцомъ для переписки канцелярскихъ бумагъ примѣрно такъ:

— „Мнѣ очень жаль бѣднаго Петра Петровича¹⁾. Вчера, уже лежа въ постелѣ, долго думалъ я, отчего болѣзнь его такъ упорствуетъ. Вотъ уже сколько лѣтъ прошло, какъ онъ лѣчится, а ноги его все еще не укрѣпляются, онъ все еще ходить не можетъ. И знаете-ли, что пришло мнѣ въ голову? Онъ, вѣдь, женатъ, какъ вамъ извѣстно?

— „Точно такъ; ваше превосходительство!“ отвѣчалъ писецъ.

— „Ну да, слѣдовательно, истощаетъ свои силы, а тутъ главное: надо беречь ихъ. Самому мнѣ говорить объ этомъ съ Петромъ Петровичемъ какъ-то неловко; скажите-ка ему отъ меня, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ своего врача, я съ нимъ переговорю,—онъ навѣрно согласится съ моими догадками, я не сомнѣваюсь.

Врачъ былъ у Александра Ивановича; заѣхавъ отъ него къ больному, передалъ ему свой разговоръ и оба поохотали.

Разъ Красовскій, разговаривая о комитетскихъ дѣлахъ, завелъ рѣчь о спасеніи души, и, разсуждая на эту тему, поучалъ, что всѣ земныя блага—прахъ передъ вѣнцомъ праведника, стяжать который можно только умерщвленіемъ плотскихъ похотей.

— „Вотъ, напримѣръ“, прибавилъ Александръ Ивановичъ, обращаясь уже къ факту, „не далеко сказать, князь Платонъ Александровичъ. Ужъ онъ-ли, кажется, не святой человекъ и по жизни, и по набожности! А что же? Вѣнца праведника все-таки ему стяжать нельзя“.

— „Почему же нельзя?“ спрашиваютъ его.

— „Какъ почему? извѣстно почему: онъ женатъ — плотское сожителство препятствуетъ“.

Противъ квартиры, цензурнаго комитета, въ Средней Мѣщанской, въ домѣ Фробеліуса, въ одно время поселились женщины легкаго поведенія. Это было лѣтомъ. Канцелярскіе чиновники—все молодежь, въ свободныя минуты выходили на балконъ поглазѣть на улицу и на своихъ чересуличныхъ сосѣдкахъ. Тѣ не могли, конечно, не догадаться, что привлекаютъ на себя вниманіе; и въ такіе моменты то рѣзвились въ своей комнатѣ, то гурьбою, лежа на подоконникахъ, смотрѣли изъ оконъ. Разъ Александръ Ивановичъ стоялъ на балконѣ. Одинъ чиновникъ, завидѣвъ его тамъ, вынулъ ассигнацію изъ кармана и сталъ трепать ею изъ окна, тыкая на него пальцами, что-де богатый старикъ. Одна изъ этихъ женщинъ,

¹⁾ Владимірова (фамилія больнаго чиновника).

обидѣвшись поступкомъ озорника, отскочила отъ окна и за нанесенную обиду отплатила ему непечатнымъ образомъ. Чиновникъ покотился со смѣху. Александру Ивановичу показалось, что она мѣтила на него, ринулся въ дверь балкона, какъ ошеломленный, хлопнулъ ею, позвалъ сторожа и приказываетъ ему сію же минуту бѣжать къ квартальному надзирателю и заявить ему о случившемся, съ требованіемъ удаленія этихъ женщинъ отъ сосѣдства съ казеннымъ мѣстомъ,—въ противномъ случаѣ, его превосходительство будетъ-де жаловаться г. оберъ-полиціймейстеру.

VIII.

Красовскій питалъ омерзеніе къ иностранной литературѣ, въ этому, по выраженію его, „смердящему гноющу, распространяющему душегубительное зловоніе“, и въ особенности къ Парижу, какъ „любимому мѣстопребыванію дьявола“ (тоже его изрѣченіе). Задавшись такою благочестивою мыслью, предсѣдатель цензуры иностранной, во спасеніе своей души, самъ ничего не читалъ и старался всѣми, зависящими отъ него, средствами, чтобы и другіе, тоже во спасеніе души, ничего не читали. Ему чужды были и исторія западной литературы, и современное ея движеніе. Его не интересовало ни появленіе какого-нибудь замѣчательнаго сочиненія, ни политическія событія. Словомъ, онъ игнорировалъ все, что происходило въ Европѣ. Иностранныя газеты, которыя выписывались комитетомъ, читались всѣми, кромѣ предсѣдателя. Онъ довольствовался одною „Сѣвѣрною Пчелою“, изъ которой почерпалъ всѣ политическія свѣдѣнія—отечественныя и заграничныя, и которую давалъ переписывать, Богъ вѣсть для чего, комитетскимъ писцамъ. На иностранныя книги, проходившія черезъ комитетъ, почтенный Александръ Ивановичъ смотрѣлъ, какъ на товаръ заграничнаго издѣлія, дѣлящійся по цензурному тарифу на три категоріи:

Запрещенныя,
дозволенныя съ исключеніемъ, и
позволенныя;

другаго значенія книги для него не имѣли. Онъ только и заботился о томъ, чтобы въ спискахъ и каталогахъ эти категоріи не были перемѣшаны. И, сохрани Богъ, если случалось, что одной категоріи книги попадали, по ошибкѣ, въ другую; впрочемъ, и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ провинившемуся приходилось выносить тяжкую пытку. Александръ Ивановичъ заговаривалъ его до упаду; отъ изнеможенія у виновнаго смыкались глаза, надо было протирать ихъ, чтобы не захрапѣть.

Одному чиновнику Красовскій не могъ простить никогда того, что разъ, переписывая списокъ нѣмецкихъ книгъ, онъ въ трехъ словахъ надъ нѣмецкимъ „у“ не поставилъ кавычекъ сверху.

Въ день засѣданія комитета, когда цензора читали свои рапорты о разсмотрѣнныхъ ими книгахъ, т. е., краткія извлеченія о содержаніи ихъ, Александръ Ивановичъ внимательно прислушивался, безъ всякаго другаго интереса, какъ бы только не пропустить какаго-нибудь слова, къ которому можно прицѣпиться, и гонялся за нимъ, какъ за мухой съ обухомъ. Въ журналахъ засѣданій почти подъ каждымъ сочиненіемъ, позволеннымъ другими членами комитета, стояло его стереотипное veto: „а г. предсѣдатель полагаетъ безопаснѣе запретить“. Иногда, и то очень и очень рѣдко, случались книги, пользовавшіяся его одобреніемъ; но такія книги можно было заподозрить: ужъ не самъ-ли Александръ Ивановичъ ихъ сочинялъ?

Благодаря цензорамъ и главному управленію цензуры, умѣрившія его огульное „безопаснѣе запретить“ книги еще проходили въ публику, не смотря на него и противъ него. Изъ устава о цензурѣ 1828 г., довольно либеральнаго для того времени, не стѣснявшаго просвѣщеннаго его исполнителя примѣнять цензурныя правила, по своему усмотрѣнію, въ болѣе широкомъ, чѣмъ въ букввальномъ смыслѣ, Красовскій съумѣлъ, однако, сплести себѣ изъ него паутину и, какъ паукъ изъ своей засады, навидывался на всякую попадавшуюся въ нее свѣтлую идею, потрясавшую его западню.

Какъ предсѣдатель цензуры иностранной, Красовскій трудился слишкомъ 25 лѣтъ, въ теченіи которыхъ ни разу не былъ болѣнъ, развѣ только прихварывалъ иногда, и то очень рѣдко, и всегда ко дню засѣданій, которыхъ никогда не пропускалъ, былъ совершенно здоровъ. Въ теченіе 60-ти лѣтней службы не былъ въ отпуску, и не выходилъ за черту города, исключая одной поѣздки передъ смертью въ Царское Село, по случаю какой-то награды.

Министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ говаривалъ, что „Красовскій у меня, какъ цѣпная собака, за которую я сплю покойно“. Министръ совершенно ошибался: эта собака лаяла на вѣтеръ. Порядокъ въ комитетѣ цензуры иностранной держался не имъ, а его подчиненными; они, помимо своего начальника, исполняли съ точностію требованія закона, хотя и суроваго, но не вѣлѣпостей, присоединенныхъ къ нему Красовскимъ.

IX.

Смерть постигла Александра Ивановича внезапно. Она изумила всѣхъ его подчиненныхъ: зачѣмъ онъ понадобился тамъ? говорили они.

При описи полиціей имущества Красовскаго, особенно обратилъ на себя вниманіе музей стараго изношеннаго его платья, хранившася многіе десятки лѣтъ изъ разныхъ эпохъ его жизни до послѣднихъ его дней. Всему имѣлась опись, все каждаго лѣтно провѣтривалось, выколачивалось, чистилось, имъ самимъ провѣрялось по описи и потомъ, въ присутствіи его, укладывалось бережно въ хламо-хранилище камердинеромъ его — директоромъ музея, впаваго отъ непосредственнаго нравственнаго давленія господива въ идиотизмъ.

Въ неопрятной спальнѣ покойнаго лежалъ на полкѣ рядъ помочей въ какомъ-то систематическомъ порядкѣ, какъ будто въ хронологическомъ. Подъ кроватью набиты были употребленные банные вѣники, между которыми найденъ завернутый въ грязныя тряпки новенькій серебрянный самоваръ.

Нашлись бумажныя мѣрочки, служившія для повѣрки бутылокъ съ виномъ и банокъ съ вареньемъ, на которыхъ отмѣчено: „такого-то года, мѣсяца и числа выпито или съѣдено столько-то и столько-то еще осталось“, — и горе прислугѣ, если бывали недомѣрки: онъ пидилъ ее своею говорильней съ недѣльнымъ ходомъ также, какъ чиновниковъ. Такая же хламо-музейная и погребная система удачно примѣнена была имъ къ управленію комитетомъ цензуры иностранной и оказалась пригодною.

Сторожа, обмывавшіе бранные его останки, знавшіе его набожность и цѣломудренное житіе, рассказывали потомъ, съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, что генераль (такъ они называли его) былъ еще дѣвственникъ.....

Послѣ себя покойный оставилъ денежный капиталъ во 100,000 рублей, нароспій изъ процентовъ по двумъ вкладамъ въ ломбардъ, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, суммою около 20 тысячъ. Духовнаго завѣщанія послѣ него не оказалось, — и это не удивительно ни для кого, кто близко стоялъ къ покойному: его мелочность и копотливость, проявившіяся по дѣламъ службы, отразились и на домашней его жизни, и наоборотъ. Пока онъ додумывался, гадалъ и недоумѣвалъ, какъ лучше распорядиться своимъ капиталомъ, накопленнымъ имъ трудами, государственными заслугами, умерщвленіемъ похотей своей плоти и своего духа ¹⁾, чтобы скороспѣш-

¹⁾ Александръ Ивановичъ велъ великопостную жизнь, соблюдалъ всѣ посты, никогда не посѣщалъ театровъ и увеселительныхъ общественныхъ заведеній, дѣлая исключенія только для Строгоновскаго сада, куда онъ ходилъ лѣтомъ прогуливаться, и клубнаго сада въ домѣ Тарасова, гдѣ его въ лѣтнее время иногда видѣли, потому вѣроятно, что онъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ его квартирой.

ностью не упустить чего-нибудь из виду важнаго, смерть неожиданно-негаданно, на восьмомъ его десяткѣ, подвернулась къ нему—и разомъ порѣшила со всѣми его недоумѣніями....

За наслѣдіемъ покойнаго явилась почти вся его родня съ его родины,—люди простые, которымъ и во снѣ не снилось такое богатство; завязалась между ними тяжба, длившаяся слишкомъ одинадцать лѣтъ. Во все это время квартира его съ пожитками стояла опечатанною, а капиталъ весь ушелъ на тяжбу.

Все рассказанное нами касалось складки нрава Александра Ивановича, слышанаго между его сослуживцами за нравственнаго скопца и уroda. Теперь, въ заключеніе, было-бы не лишнимъ, цѣлостности ради, дополнить характеристику его физическою, своего рода, типическою особью. Но не вдаваясь въ описаніе наружности Красовскаго, хорошо памятной знавшимъ его современникамъ, упомянемъ объ одной только его особенности: у Александра Ивановича были замѣчательной величины расплюснутыя уши совершенно безъ завитковъ¹⁾, онѣ взбѣгали вверхъ до макушки и тянулись до затылка.....

X.

Завершаемъ наши воспоминанія объ Александрѣ Ивановичѣ Красовскомъ его дневникомъ, имъ собственноручно писаннымъ въ теченіи продолжительнаго періода времени, отдѣльными тетрадками. Завѣтныя тетрадки разошлись, послѣ его смерти, по рукамъ на расхватъ, какъ драгоценная рѣдкость, между заинтересованными въ незабвенной памяти покойнаго. Если судить по тетрадкѣ за цѣлый 1848 годъ, подлинникъ которой хранится нынѣ въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библиотеки, и о прочихъ, что и тѣ тоже годичныя, то дневникъ веденъ былъ Красовскимъ лѣтъ сорокъ, такъ какъ мы знаемъ, что тетрадокъ было именно такое число; мы хорошо помнимъ, что онѣ и по формѣ, и по содержанію наблюдаемыхъ предметовъ—всѣ на одинъ ладъ. Этимъ именно однообразіемъ и еще тѣмъ, что презираемая Красовскимъ и умерщвляемая имъ плоть была предметомъ постоянной его заботливости, настоящий дневникъ и представляетъ нѣкоторый своеобразный интересъ. Во всякомъ случаѣ лѣтопись эта вполне дорисовываетъ предъ нами обликъ характера, складъ ума и настроеніе мыслей покойнаго Александра Ивановича.

Каждодневно, и ни о чемъ болѣе другомъ, записывалось имъ: о дурной или хорошей погодѣ, сколько градусовъ тепла или холода;

¹⁾ Дарвинъ упоминаетъ о такихъ безъ завитковъ и шевелящихся, какъ у животныхъ, ушахъ, которыя случалось ему видѣть у нѣкоторыхъ людей.

о снѣ и сновидѣніяхъ; объ исправности или неисправности отправления желудка; объ обѣдѣ—дома или въ гостяхъ и у кого; о послѣобѣденномъ и ночномъ снѣ, о сновидѣніяхъ; о вечернемъ чаѣ—тоже дома или въ гостяхъ и у кого; и наконецъ о томъ, въ которомъ часу легъ спать на ночь, т. е., не послѣ обѣда. Этимъ физическимъ наблюденіямъ предпосылается благодареніе Господу или святымъ угодникамъ за все, что затѣмъ въ дневникѣ слѣдуетъ.

На оберткѣ тетрадки за 1848 г. значится:

„Записка наблюденій за здоровьемъ, сномъ, погодой и тому подобными предметами въ 1848 году“¹⁾.

Далѣе слѣдуютъ наблюденія съ 1-го января по 31-е декабря, изо дня въ день; мы приводимъ изъ нихъ на выдержку нѣсколько дней.

¹⁾ Тетрадка въ 4-ю д., 92 стр. мельчайшаго письма собственной руки Александра Ивановича Красовскаго.

ДНЕВНИКЪ А. И. КРАСОВСКАГО.

1848.

Благослови Господи, Творче вѣковъ, наступившій 1848 годъ и не отними отъ меня твоей помощи. Продолжи милость твою, Долготерпѣливе!

Января 1-го. Пасмурно. Утро -11° . ночь -11° .

Благодареніе Создателю и Промыслителю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го часа. Во снѣ видѣлъ протоіерея Михайловскаго двorca Семена Александровича, желавшаго дослужить нѣкоторое время съ отставки, и еще что-то. Отправленіе желудка ¹⁾ было обыкновенное въ 10 ч. Ужиналъ въ 9 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Января 2-го. Пасмурно, потомъ ясно. У. -11° . П. -10° .
Н. -14° .

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го ч. (во снѣ видѣлось что-то). Отправленіе желудка было обыкновенное — въ 11 ч. Обѣдалъ немного въ 3 ч. Заѣзжалъ къ Ирину, Иліодору, Иннокентію и Гедсону, которыхъ дома не засталъ, какъ и Андрея Николаевича Муравьева; но былъ еще у больной М. И. Капгеръ и у А. А. Логинова, отъ которыхъ возвратился въ 12 часамъ, и на ночь легъ спать скоро.

Января 3-го. Пасмурно, ясно. У. -16° . П. -11° . Н. -11° .

Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлось что-то забытое). Отправленіе желудка было въ 10 ч. обыкновенное. Не обѣдалъ, а довольствовался чашкою кофе и двумя чашками чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ. Посѣтилъ Софью Лаврентьевну Гибнеръ, для дня рожденія ея; потомъ Софью и Марью Ефимовенъ Бухмейеръ, для поздравленія съ Новымъ годомъ. Возвратился домой въ 9 ч. Занимался два часа и на ночь легъ спать въ 2.

¹⁾ Въ подлинникѣ — выраженіе, совершенно неудобное къ печати. Замѣтки объ отправленіяхъ желудка, съ разными перемѣнами, повторяется въ дневникѣ А. И. Красовскаго ежедневно.

Ред.

Недѣля предъ просвѣщеніемъ.

Января 4-го. Ясно. У. —13°. П. —12°. Н. —17°.

Помани, Господи, душу преставившейся въ сей день 179 года рабы твоя Пелагіи: даруй ей вѣчный покой вѣрующимъ въ Твое милосердіе!

Сонъ былъ хорошъ отъ 12 до 6 ч. (во снѣ видѣлъ что-то). Отправленіе желудка было въ 3 ч. пополудни обыкновенное. Обѣдалъ у Ариста Ивановича Безе. Потомъ былъ у А. А. Блажневской и Ан. Мат. Зегеръ. Возвратился домой въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Января 5-го. Ясно. У. —17°. У. —18°. П. —15°. В. —14°.

Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го или 6-го ч. (во снѣ видѣлось что-то забывшееся). Отправленіе желудка было въ 2 ч. малое. Обѣдалъ дома, послѣ уснулъ съ часъ; потомъ былъ за всенощной и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Января 6-го. Ясно. У. —18¹/₂°. У. —19°. Н. —14°.

Благодареніе живодавцу Христу, насъ ради крестившемуся отъ Іоанна въ водахъ Іорданскихъ. Сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 3-го и потомъ до 6-го ч. (во снѣ видѣлось что-то въ дорогѣ, на какомъ-то постояломъ дворѣ, и послѣ завтрака изъ молочнаго кушанья увидѣлъ Неву и выпадающую въ нее рѣчку; потомъ Е. И. Ильмеръ, уходящую отъ меня, потомъ остановившуюся съ какою-то старушкою, закрылась вмѣстѣ съ нею, и потомъ оборотившуюся ко мнѣ и подавшую мнѣ свою руку правую). Отправленіе желудка было порядочно въ 11 ч. Обѣдалъ у А. Е. Матисена, потомъ былъ у Д. П. Попова; возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Января 7-го. Пасмурно. У. —10°. П. —10°. Н. —10°.

Благодареніе крестившемуся Спасителю и Его Крестителю. Сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го ч. (во снѣ видѣлось что-то). Отправленіе желудка было въ 11 ч. почти обыкновенное, еще въ 2 ч. Не обѣдалъ, а выпилъ двѣ чашки кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ у А. Г. Протопопова и чашку чаю у преосвященнаго Иннокентія; послѣ ужиналъ и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Января 9-го. Пасмурно. У. —8°. В. —8°.

Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 6-го ч. (во снѣ видѣлся какой-то большой кругъ синяго цвѣта съ цѣтью радіусами, изъ которыхъ на каждомъ по пяти же ростковъ или травяныхъ стебельковъ; еще дочери А. Н. Олевина и какая-то лежавшая и встававшая дѣвица). Обѣдалъ дома поздно. Послѣ обѣда и усталости легъ спать рано, въ 10 ч.

Января 12-го. Пасмурно и туманъ. У. —12°. П. —10°. В. —11°. Н. —13°.

Помани, Господи, вртеую душу рабы твоя княгини Татьяны; даруй ей покой чистыхъ сердцемъ въ Твоемъ лицезрѣніи! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 2-го до 4-го и потомъ до 7-го ч., хотя и не перерывался (во снѣ видѣлись ценсурныя дѣла и В. Д. Комовскій) и проч.

Января 13-го. Ясно. У. —11°. П. —8°. Н. —11½°.

Помяни, Господи, кроткую душу рабы твоея, благочестивѣйшія императрицы Елисаветы Алексѣевны; даруй ей вѣчное блаженство въ Твоемъ царствіи! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись два министра: графъ С. С. Уваровъ и А. А. Перовскій, разсуждающіе о ценсурныхъ дѣлахъ и еще что-то). Отправленіе желудка было порядочное въ 10 ч. и проч.

Января 16-го. Пасмурно и снѣгъ. У. —3°. П. —3°. Н. —2°. Н. —1°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 4-го или до 5-го ч. (Во снѣ видѣлся гор. Ревель и въ немъ небольшое возвышеніе, съ котораго и опускался въ воду и пскаль башмаковъ или обуви, чтобы перейти по водѣ на другую сторону; мнѣ далъ какой-то мужикъ, съ краснымъ наростомъ на носу, башмаки деревянные, большіе, съ соломой, и за нихъ требовалъ 2 к. серебромъ). Отправленіе желудка было въ 10 ч. обыкновенное. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда я уснулъ часа четыре, въ которые видѣлись, между прочимъ, покойная Е. Й. Ильмеръ съ сыномъ ея К. К., собравшіеся въ Старую деревню. на похороны ихъ мужа и отца, куда и нанимали карету, но опоздали до 12 часа.

Января 17-го. Пасмурно. У. —1°. В. —2°. Н. —2°.

Помяни, Господи, душу раба твоего митрополита Серафима. Благодареніе Спасителю и его святому Антонію великому, сонъ былъ хорошъ отъ половины перваго до четвертаго или пятаго ч. (Во снѣ видѣлось, что я на Каменномъ острову, въ мундирѣ и лентѣ; потомъ собираюсь въ Новую или Старую деревню на похороны, снимаю мундиръ и ленту, надѣваю черный фракъ и, не зная, гдѣ взять круглую шляпу, просыпаюсь). Отправленіе желудка было порядочное и обыкновенное въ 10 часовъ; въ 12 часовъ ночи необыкновенное и проч.

Января 19-го. Пасмурно. У. —4°. В. —3°. Н. —5°.

Благодареніе Долготерпѣливому, сонъ былъ крѣпкій отъ 12-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлся Зимній дворецъ, въ которомъ я надѣлъ на себя одежду съ орлами ливрейными, ожидалъ фельдмаршала князя И. Ѳ. Варшавскаго, бывшаго внизу у своей супруги. Еще видѣлъ верхній этажъ дома графа Строганова, деревянный, круглый; еще какія-то слова духовнаго содержанія, писанныя мною на стѣнѣ). Отправленіе желудка было въ 11 ч. порядочное. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ съ часъ, потомъ занимался и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Января 23-го. Пасмурно, снѣгъ и оттепель. У. 0. В. +2°. Н. +2°.

Богу благодареніе, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись дѣла по Публичной Библіотекѣ, дѣла по Цензурному комитету, квартира моя въ беспорядкѣ, Д. П. Поповъ; какой-то священникъ напомнилъ мнѣ объ архимандритѣ Аввакумѣ и про говѣніе католиковъ). Отправленіе желудка было порядочное въ 10 ч., еще въ 10 ч. вечера слабло. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа два; потомъ ходилъ въ баню, возвратился въ 12 ч. и на ночь легъ спать скоро.

Января 24-го. Пасмурно. У. +2°. П. +2°. Н. —6°. Н. —7°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 8-го ч., хотя и прерывался раза два. (Во снѣ видѣлась большая зала, въ которую пришла какая-то царица съ великимъ княземъ, спрашивала у меня, гдѣ ей сѣсть, а заняла мѣсто по своему выбору; говорила со мною милостиво и, замѣтивъ въ моихъ словахъ о надобности ученія польскому языку, для лучшаго знанія французскаго, неправильную рѣчь, переговорила мои слова при великомъ князѣ, котораго я не узнавалъ по имени, а видѣлъ въ сѣромъ сюртукѣ, — замѣчательный сонъ по совершенной нечаянности). Отправленіе желудка было въ 11 ч. утра порядочное. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа три, въ которые видѣлся какой-то ребенокъ, просившій конфетъ со слезами, и еще Ф. И. Прляшниковъ. Потомъ занимался и на ночь легъ спать въ 1/2 перваго часа.

Января 28-го. Пасмурно и вѣтрено. У. —11°. У. —8°. Н. —8°.

Помяни, Господи, душу раба твоего благочестивѣйшаго государя императора Петра I-го, преставившагося въ вѣчность въ сей день 1725 г. Даруй ему покой отъ земныхъ трудовъ въ Твоемъ безконечномъ царствованіи съ праведными царями. Еще благодарю тебя, Господи, за явленныя мнѣ тобою милости отъ сего дня 1832 года донныѣ. Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ. (Во снѣ видѣлись: чей-то гробъ съ тѣломъ, уже попортившимся и закрытымъ; еще какой-то огородъ, еще кто-то въ платьѣ сѣромъ, и темный сюртукъ, и еще что-то). Отправленіе желудка было въ 5 и 10 ч. не такъ порядочно, и въ 11 ч., и въ 12 вечера хуже, можетъ быть отъ того, что я утромъ принималъ магнезію. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа три и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Января 31-го. Пасмурно и снѣгъ. У. —4°. П. —2°. Н. —2°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлось богослуженіе крещенское, сперва въ какой-то горницѣ, а потомъ при Иорданѣ, хотя пѣли тропарь крещенія: «Во Иорданѣ крещающуся тебѣ, Господи, тройческое явися поклоненіе», причеиъ я вспоминала, что этотъ праздникъ въ 1810 г. былъ передъ копчиной матушки). Отправленіе желудка было порядочное въ 11 ч. Не обѣдалъ, а вмѣсто обѣда довольствовался двумя ломтиками чернаго хлѣба, тремя булками и пятью сухарями, потомъ двумя чашками чаю у Бухмейеръ, отъ которыхъ возвратился въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Февраля 3-го. Пасмурно, оттепель. У. +3°. П. +3°. Н. —1 1/2°.

Упокой, Господи, души рабъ твоихъ Анны и новопреставившейся Маріи. Благодареніе Спасителю и его праведнымъ Симеону и Аннѣ, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлась какая-то жепщина съ требованіемъ денегъ на поддержаніе домашнихъ и собственное, и еще что-то). Не обѣдалъ, а довольствовался чашкою кофе, чашкою чаю у В. Т. Шишова, потомъ дома двумя яйцами въ сметану, и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Февраля 4-го. Пасмурно. У. —3 1/2°. У. —1 1/2°. П. +2°. Н. +1 1/2°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го или 6-го ч. (Во снѣ видѣлись предъ алтаремъ три животныя, обреченныя на жертву). Отправ-

леніе желудка было въ 11 ч. почти обыкновенное, но въ меньшемъ количествѣ. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа три, въ которые видѣлся покойный князь А. Н. Голицынъ, критикующій какое-то рукописное сочиненіе. На ночь легъ спать въ 1 ч.

Февраля 9-го. Пасмурно. У. —2¹/₂°. У. 0. П. 0. Н. —1°.

Благодареніе Долготерпѣливому, сонъ былъ крѣпкій отъ 12-го до 5-го или 6-го ч. (Во снѣ видѣлся какой-то цензурный рапортъ о какой-то итальянской книгѣ и еще что-то). Отправленіе желудка было въ 12 ч. почти обыкновенное. Обѣдалъ дома поздно. Послѣ уснулъ отъ вчерашней усталости часа четыре, въ которые видѣлось что-то забытое, Вольтеръ, 7-ми лѣтняя война и имя Суздалець. На ночь легъ спать въ 1 ч.

Февраля 10-го. Пасмурно и снѣгъ. У. —1°. У. —1°. Н. 0.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ, хотя и краткій, отъ 3-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлась церковь и въ ней старый простой и молодой ученый священникъ; еще домъ митрополита Автонія, его спальня и преосвященнаго викарія Новгородскаго, съ собраніемъ духовенства въ его домѣ; еще моя сѣрая шляпа, которая была очень тяжела; еще просфоры на лѣстницѣ и засыпанная снѣгомъ). Отправленіе желудка было въ 9 ч. обыкновенное и свободное, еще въ 1 ч. Обѣдалъ у О. К. Лобановой; послѣ заѣзжалъ къ фельдмаршалу князю И. Ѳ. Варшавскому. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать скоро.

Февраля 12-го. Пасмурно. У. —1°. П. —0. В. +2°.

Помяни, Господи, душу раба твоего протоіерея Іоанна, которому ты даровалъ жизнь въ сей день 1746 года; упокой его въ блаженной вѣчности! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го часа. (Во снѣ видѣлась церковь, въ которой служилъ какой-то иновѣрный священникъ и молился о томъ, о чемъ молиться не слѣдовало; еще какой-то покой и низкія комнаты) и проч.

Февраля 14-го. Ясно, потомъ пасмурно. У. —2°. В. 0. Н. —2°.

Помяни, Господи, души рабовъ твоихъ, родителей моихъ, братій, сестеръ и всѣхъ сродниковъ и даруй имъ вѣчный покой Твой! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлся Каменный островъ, кто-то пріѣхавшій изъ Кіева, городской отъ Галяхова, митрополитъ Филаретъ и еще кто-то). Отправленіе желудка было порядочное въ 10 ч. Ужиналъ въ 9 ч., послѣ всенощной, и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Недѣля 35-я масопустная.

Февраля 15-го. Пасмурно. У. —4°. В. —4°. Н. —5°.

Благодареніе напоминающему о Себѣ праведному Судіи живыхъ и мертвыхъ, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го и 7-го ч. (Во снѣ видѣлся чужой домъ, въ которомъ я искалъ мѣста для известной необходимости, указаннаго мнѣ какимъ-то знакомымъ лакеемъ, и еще богѣзнь на тѣлѣ). Отправленіе желудка было въ 5 ч., не хорошо; въ 8 ч. обыкновенное, но въ маломъ количествѣ. Обѣдалъ у Вл. Ив. Панаева. Возвратился домой въ 8 ч. Потомъ ѣздили, по приглашенію, въ Зимній дворецъ на балъ, гдѣ пробылъ съ 9 до 12 ч., и возвратился домой въ ¹/₄ двѣнадцатаго; легъ спать скоро.

Февраля 18-го. Пасмурно. У. —5°. П. —5°. В. —5°. Н. —7°.

Благодарение Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись преосвященные Илюдоръ и Иннокентій, послѣдній подающій мнѣ книгу въ переплетѣ, и митрополитъ Антоній, отказывающій мнѣ дать для цѣлованія крестъ, чѣмъ я былъ смущенъ). Отправленіе желудка было поздно, въ 4 ч. пополудни, нѣсколько трудное и въ маломъ количествѣ. Обѣдалъ дома, читая; послѣ обѣда уснулъ отъ слабости часа три; потомъ занимался чтеніемъ и на ночь легъ спать въ 2-мъ часу слѣдующаго дня.

Февраля 20-го. Пасмурно и ясно. У. —5°. П. —4°. В. —4°. Н. —4°.

Благодарение Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 2-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись дочери покойной М. И. Капгеръ и особенно Антонія, которая представилась овдовѣвшею и сватаемою за меня со страннымъ лицомъ). Отправленіе желудка было почти обыкновенное въ 11 ч. Обѣдалъ дома поздно; уснулъ часа два, въ которые видѣлъ чужой домъ, и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Недѣля 36-я сыропустная.

Февраля 22-го. Пасмурно. У. —2°. П. —2°. В. —2°. Н. —4°.

Благодарение небесному Примирителю, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись сенаторъ П. С. Горголи, фельдмаршалъ князь И. Ѳ. Варшавскій, министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ и бумаги о въ сверткахъ; также М. Е. Лобановъ, сидящій въ углу, когда я говорилъ о своемъ трудѣ: «Опытъ исторіи Россійской Академіи»). Отправленіе желудка было въ 11 ч. обыкновенное. Обѣдалъ у Ник. Самойл. Шамшева; потомъ былъ у Ник. Петр. Кублицваго. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Святая четырехдесятница.

Февраля 23-го. Пасмурно. У. —3°. П. 0. В. —1°.

Даруй, Господи, доброе начало, благое продолженіе и душеполезное совершеніе св. четырехдесятницъ! Благодарение Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 7-ю ч., хотя во снѣ и было сатанинское искушеніе. Отправленіе желудка было свободное въ 11 ч. Не обѣдалъ, а ужиналъ, послѣ церковной службы, въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Февраля 27-го. Ясно. У. +2°. Н. —1/2°.

Благодарение Пострадавшему за спасеніе міра, сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлись: черный надгробный камень надъ могилою брата моего В. И.; еще дьяконъ, котораго я приглашалъ къ обѣду; еще какая-то пѣза на англійскомъ языкѣ, съ изображеніями государя, которая запрещалась по представленію цензора Роде). Отправленіе желудка было свободное въ 10 ч. Обѣдалъ дома поздно, въ 7 ч., уснулъ часа четыре и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Марта 1-го. Пасмурно. У. +2 1/2°. П. +4°. Н. +2°.

Благодарение Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлось, что я обратилъ вниманіе на сочиненіе глагола «напа-

дать» съ вѣнчательнымъ падежемъ на домъ и на человѣка, и что по Невѣ и по льду у дворца ѣхалъ въ зимнемъ экипажѣ императоръ Александръ I, стоя и обращаясь къ протоіерею Г. П. Павскому). Отправление желудка было въ 10 ч. обыкновенное. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа три. Потомъ занимался часа два и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Марта 4-го. Ясно. У. +2°. У. +4°. Н. +1°.

Благодарю тебя, Создатель и Хранитель моей жизни, даровавшей мнѣ провести 67 лѣтъ на семь свѣтъ и долготерпѣвшій беззаконіямъ моимъ; даруй мнѣ силу служить тебѣ въ правдѣ и отойти отъ сей временной жизни къ вѣчной путемъ, благоудобнымъ тебѣ; даруй кончину житія христіанскую, не плотоядную и мирную! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлось мнѣ кое-чего, что я одѣвался идти куда-то и слышалъ какое-то дѣтское ученіе). Отправление желудка было порядочное въ 10 ч. Не обѣдалъ, а послѣ посѣщенія имянника—придворнаго протоіерея Герасима П. Павскаго, ужиналъ въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Марта 6-го. Ясно. У. +3°. Н. +2°.

Благодареніе Господу, сонъ подкрѣпилъ вчерашнюю слабость, продолжавшійся отъ 11-го до 6-го часа. (Во снѣ привидѣлась вдова Софья Петровна Апраксина, урожденная графиня Толстая, предавшаяся мистицизму—странное воспоминаніе нечаянности!) Отправление желудка было въ 10 ч. обыкновенное. Послѣ всеобщей ужиналъ въ 9 ч. и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Марта 11-го. Ясно, потомъ облачно. У. 0. У. +3¹/₂°. П. +2°. Н. +1°.

Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлся А. С. Танѣевъ, показывающій мнѣ указъ объ учрежденіи комитета для повѣрки дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія относительно цензуры). Отправление желудка было въ 11 ч. почти обыкновенное. Ужиналъ въ 9 ч. и на ночь легъ спать въ 11 ч., послѣ большой усталости.

Недѣля 4-я поста, т. е., 5-я седмица св. четыредесятницы (40-я по пятидесятницѣ).

(Тяжелая недѣля, т. е. седмица, по срочнымъ служебнымъ занятіямъ).

Марта 21-го. Дождь и насурно. У. +1°. П. +2°. В. +2°.

Въ этотъ день вскрылась Нева.

Благодареніе Воскресшему и Его св. Іоанну Лѣтвичнику, сонъ былъ хотя и краткій, отъ 2-го до 5-го, но собою подкрѣпившій силы. (Во снѣ видѣлось что-то). Отправление желудка было въ 5 ч. ночи и 4 пополудни изрядное. Обѣдалъ поздно, уснулъ часа два и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Марта 22-го. Ясно, а въ вечеру дождь. У. +1°. У. +10°. У. +9°. П. +10°. В. +7°. В. +5°. Н. +2°.

Помяни, Господи, душу раба твоего Василія и упокой ее въ селеніяхъ праведныхъ! Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлось много кое-чего и Алекс. Ефим. Измайловъ, говорящій со мною о созданіи Адама и Евы—странный сонъ!). Отправление желудка было свободное въ 8 ч. Обѣдалъ дома поздно. Послѣ обѣда уснулъ часа полтора и на ночь легъ спать въ 11 ч. Печься болѣе о нищихъ.

Марта 24-го. Пасмурно, туманно, дождь. У. $+1\frac{1}{2}^{\circ}$. У. $+5^{\circ}$.
П. $+4^{\circ}$. В. $+3^{\circ}$. Н. $+1\frac{1}{2}^{\circ}$.

Благодарение Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 2-го до 6-го часа. (Во снѣ видѣлся Я. А. Чемадуровъ, показывавшій мнѣ какую-го картину, работы его дочерей, и сказывавшій о помолвкѣ младшей дочери, трудности пристроить дѣвницъ и какой-то безнравственной книгѣ о подагрѣ, продающейся у Смирдина). Отправление желудка было обыкновенное въ 10 ч.; обѣдалъ дома въ 5 ч.; потомъ былъ за всенощной; возвратился домой въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Марта 27-го. Пасмурно. У. $+3^{\circ}$. В. $+2^{\circ}$.

Благодарение Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 6-го часа. (Во снѣ видѣлось что-то). Отправление желудка было свободное въ 7 ч. По большимъ занятіямъ не обѣдалъ, а ужиналъ въ 10 ч., и на ночь легъ спать въ 12 ч. Тяжелый трудъ, съ помощью Божіею, конченъ.

Апрѣля 1-го. Пасмурно, ясно. У. $+1^{\circ}$. У. $+3^{\circ}$. У. $+8^{\circ}$ на с.
У. $+9^{\circ}$ на с. П. $+9^{\circ}$ въ т. Н. $+3^{\circ}$.

Благодарение Творцу вѣковъ, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлся фельдмаршалъ князь И. Ѳ. Варшавскій съ генералитетомъ; еще какой-то обѣдъ; еще В. И. Панаевъ, просящій у меня прошенія къ исповѣди, и я поклонился въ ноги, и еще что-то многое и многое). Отправление желудка было порядочное въ 10 ч., еще во 2-мъ ч. Обѣдалъ дома въ 6 ч. Послѣ обѣда уснулъ часа три и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Апрѣля 2-го. Ясно во весь день. У. $+1^{\circ}$. У. $+11^{\circ}$ на с.
У. $+14^{\circ}$ на с. У. $+13^{\circ}$. У. $+8^{\circ}$ въ т. П. $+10^{\circ}$.
В. $+10^{\circ}$. Н. $+5^{\circ}$.

Благодарение Господу Иисусу, дарующему скончать четыредесятницу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-ти до 5-го ч. (Во снѣ видѣлись: В. И. Панаевъ, его племянникъ И. И. Панаевъ, цензоры и цензурскія дѣла, да еще что-то; Г. И. Спасскій, котораго я принималъ къ себѣ ночевать; еще часы; еще достатая дорога, на которой меня остановили отъ паденія внизъ женщины). Отправление желудка было изрядное въ 10 ч. Обѣдалъ у Ю. О. Шимковой. Послѣ обѣда занимался чтеніемъ духовныхъ словъ. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Апрѣля 7-го. Ясно, пасмурно и дождь. У. $+1\frac{1}{2}^{\circ}$. У. $+8^{\circ}$ на с.
У. $+15^{\circ}$. У. $+11^{\circ}$ въ т. П. $+11^{\circ}$. Н. $+7^{\circ}$.

Благодарение Спасителю, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлись цензурныя бумаги и Н. П. Новосильцевъ, говорившій со мною о назначенія его статсъ-секретаремъ при покойной императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, о своей родительницѣ, любившей постъ, и своемъ родителѣ, котораго будто бы онъ приблизилъ къ сношеніямъ со дворомъ). Отправление желудка было въ 10 ч. обыкновенное. Ужиналъ въ 9 ч. и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Недѣля о Ѳомѣ или анти-пасхи (1-я по пасхѣ).

Апрѣля 18-го. Нѣсколько облачно и пасмурно, дождь.
У. $+4^{\circ}$. У. $+7^{\circ}$. У. $+9^{\circ}$. В. $+6^{\circ}$. Н. $+5^{\circ}$.

Благодарение Воскресшему и Увѣрившему о своемъ воскресеніи апостола Ѳому, сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 3-го и потомъ отъ 5-го до 8-го ч. (Во

снѣ видѣлось что-то о цензурныхъ дѣлахъ и т. п.). Отправленіе желудка было въ 10 ч., почти обыкновенное, въ 1 ч. слабо. Обѣдалъ дома въ 5-мъ часу. Отъ слабости спалъ часа полтора передъ обѣдомъ и около четырехъ часовъ послѣ обѣда и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Апрѣля 20-го. Пасмурно и дождь, ясно и опять дождь.
У. +5°. У. +9¹/₂°. П. +9°. Н. +2°.

Радоница. Даруй, Господи, отраду душамъ, сошедшихъ въ вѣчность родителей, родственниковъ, друзей и враговъ, знаемыхъ и незнаемыхъ. (Въ эту ночь привидѣлись во снѣ матушка моя, братъ Вас. Ив., въ разныхъ видахъ и желающими исповѣдываться; также видѣлъ княгиню Нат. Петр. Голицыну). Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 7-го ч. Отправленіе желудка было порядочное, еще въ 2 ч. Не обѣдалъ, а съѣлъ булокъ на 20 коп. и выпилъ чашку кофе и чашку чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ; поѣтилъ владбища Смоленскія—русское и нѣмецкое, А. Е. Протопопова и госпожъ Бухмейеръ. Возвратился домой въ ¹/₂ одиннадцатаго часа и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Апрѣля 26-го. Пасмурно, ясно. У. +5°. У. +9°. Н. +4°.

Благодареніе Творцу и Благодѣтелю, сонъ былъ хорошъ отъ 11-го до 5-го ч. и до 7¹/₂. (Во снѣ видѣлся государь, говорившій о лекарствахъ и удостоившій меня киваніемъ головы на мой низкій поклонъ. Еще снилось приготовленіе какими-то двумя аптекарскими учениками при дворѣ порошковъ и хожденіе мое по доскамъ строющагося зданія въ верхнемъ этажѣ, съ которыхъ я чуть-чуть не упалъ. Еще видѣлся И. П. Бочаровъ). Желудокъ былъ разстроены. Не обѣдалъ, а довольствовался двумя стаканами кофе и чашкою чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, а потомъ 3 яйцами въ сметку въ 11 ч. вечера и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Апрѣля 29-го. Пасмурно. У. +5°. У. +11°. П. +11°. В. +12°. Н. +6°.

Благодареніе Промыслителю, сонъ былъ хорошъ отъ 2-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлось, что я уѣхалъ куда-то; потомъ возвратился въ Петербургъ. Еще видѣлись попечитель с.-петербургскаго округа и профессора, и еще О. К. Л. въ черномъ платьѣ по новой модѣ). Отправленіе желудка было въ 12 ч. обыкновенное. Обѣдалъ дома; послѣ обѣда уснулъ часа полтора. Послѣ принятія гостей—В. Т. Шишова и господина Петровскаго, легъ на ночь спать въ 1 ч.

Мая 1-го. Дождь, пасмурно и ясно. У. +8°. У. +9°. П. +10°. Н. +7°.

Благодареніе Творцу времени, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 7-го ч. (Во снѣ видѣлся какія-то книги; Д. П. Познякъ, желавшій содѣйствовать къ отправленію меня въ Варшаву для разбора какой-то библиотеки съ молодымъ человѣкомъ Осиповичемъ; еще П. Н. Фуссъ, Ст. Яков. Румовскій, и еще судукъ, въ которомъ я при послѣднемъ клалъ какія-то дорогія вещи и деньги). Отправленіе желудка было обыкновенное въ 10 ч. Не обѣдалъ, а довольствовался чашкою кофе съ сухарями, двумя чашками чаю съ сахарными сухарями и двумя сладкими булками. Возвратился отъ Германа Капгеръ въ 12 ч. и на ночь легъ спать скоро,

Недѣля о расслабленномъ (3-я по пасхѣ).

Мая 2-го. Пасмурно. У. $+7\frac{1}{2}^{\circ}$. П. $+8^{\circ}$. Н. $+6^{\circ}$.

Благодареніе Всемогущему цѣлителю душевныхъ и тѣлесныхъ расслабленій, сонъ былъ хорошъ отъ $\frac{1}{2}$ перваго до 7-го ч. (Во снѣ видѣлось черновое представленіе о наградахъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ С. С. Уваровъ сдѣлалъ измѣненія противъ статьи обо мнѣ не въ мою пользу). Отправленіе желудка было въ 11 ч. малое, еще въ 4 ч. болѣе. Обѣдалъ у генерала О. Х. Штегмана. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 1 ч.

Мая 3-го. Дождь, потомъ ясно. У. $+5^{\circ}$. У. $+6^{\circ}$. У. $+9^{\circ}$.
П. $+10^{\circ}$. В. $+8^{\circ}$. Н. $+7^{\circ}$.

Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлась графиня Клейнмихель, приведшая меня за руку къ обѣденному столу, и ея мужъ, графъ Петръ Андреевичъ, принявшій меня благосклонно и спрашивавшій о моей службѣ и проч.; еще простой деревянный домъ, потомъ каменное жилище, внутри обложенное израспами, отъ которыхъ было тепло; еще какіе-то знакомые, кажется, дѣти Я. А. Чемадунова и слово «бѣдность», связанное мною по какому-то случаю). Отправленіе желудка было въ 12 ч. обыкновенное; въ 2 ч. еще было. Обѣдалъ дома; послѣ уснулъ съ часъ; потомъ былъ у пресов. Иннокентія для прощанія передъ его отъѣздомъ въ свою епархію. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Мая 4-го. Ясно. У. $+6^{\circ}$. У. $+9^{\circ}$. У. $+11^{\circ}$. П. $+10^{\circ}$. Н. $+7^{\circ}$.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлся императоръ Павелъ I, приказавшій мнѣ не являться въ высочайшемъ присутствіи его; еще дворъ; еще что-то другое и выпадающій изъ верхней правой десны зубъ мой; еще графъ С. С. Уваровъ, ласковый ко мнѣ). Отправленіе желудка было въ 12 ч. обыкновенное, еще въ 2 ч. Обѣдалъ у Н. П. Новосильцева. Отъ него ѣздилъ къ Луговиковымъ напрасно; потомъ къ вдовѣ М. Х. Сведерусъ. Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Преположеніе праздника пятидесятницы.

Мая 5-го. Дождь, пасмурно, ясно. У. $+6^{\circ}$. У. $+13^{\circ}$. В. $+12\frac{1}{2}^{\circ}$.
Н. $+11^{\circ}$.

Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлись порядочные и хорошо одѣтые люди, ходившіе въ баню, изъ которыхъ одни мужчины и женщины были впущены, а я съ другими остался за неимѣніемъ мѣста. Еще видѣлъ идущаго по Обуховскому проспекту частнаго пристава, хорошо одѣтаго). Отправленіе желудка было въ 12 ч. обыкновенное, а въ 8 ч. и 12 ч. вечера слабило. Обѣдалъ у коменданта Петропавловской крѣпости Ив. Ник. Скобелева. Возвратился домой въ 6 ч.; уснулъ часа полтора; потомъ занимался чтеніемъ и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Мая 8-го. Ясно. У. $+12^{\circ}$. У. $+14\frac{1}{2}^{\circ}$. У. $+28^{\circ}$ на с. П. $+22^{\circ}$.
въ т. В. $+22^{\circ}$. Н. $+15^{\circ}$.

Благодареніе Иисусу Христу и Его возлюбленному ученику Іоанну, сонъ былъ хорошъ съ 12-го до 5-го ч. (Во снѣ видѣлась какая-то женщина, кото-

рюю, по желанію, бросали вверхъ и которая, сдѣлавъ кругъ, обращалась на дно какого-то судна невредима; еще иглы съ большими ушами, въ которыя мнѣ доставалось вдѣвать проволочную нитку; еще семейство А. И. Зечеръ). Обѣдалъ у имянинника Ив. Фом. Самбургскаго. Потомъ былъ за всеюнощій въ Сергіевскомъ соборѣ. Оттуда заходилъ къ завтрешнему имяниннику, Ник. Фед. Кудрявцеву, Возвратился домой въ 11 час. и на ночь легъ спать въ 12 часовъ.

Мая 11-го. Дождь, пасмурно, сильный вѣтръ. У. +10°. У. +9°.
Н. +4°.

Памятный для меня день вступленія моего въ службу въ 1798 году, которую, по милости Божіей, я продолжаю непрерывно и безъ одного отпуска пятьдесятъ лѣтъ. Благодареніе Творцу времени, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 3-го, и потомъ отъ 5-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлось что-то). Обѣдалъ у О. К. Л... Возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 1 часу.

Мая 14-го. Ясно. У. +1¹/₂°. У. +2°. У. +10°. В. +7¹/₂°.
Н. +3¹/₂°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 3-го и потомъ отъ 5-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлся Д. П. Бугурлинъ, пріѣхавшій въ Публичную Библіотеку и увидѣвшій меня тамъ съ газетами и другими бумагами, но не сказавшій мнѣ ни слова). Отправленіе желудка было въ 12 или 1-мъ ч. малое. Обѣдалъ дома въ 5 ч. Послѣ обѣда вздремнулъ; потомъ ѣздилъ къ князю П. А. Шихматову; послѣ—въ садъ 2-го танцевальнаго Общества. Возвратился домой въ 12 ч. и на ночь легъ спать въ 1-мъ часу.

Мая 17-го. Ясно, дождь. У. +5°. У. +11°. П. +9°. П. +8¹/₂°.

Благодареніе Господу Вседержителю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го ч. и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлись: штабъ-докторъ дѣйствующей арміи д. с. с. Четверкинъ и покойный преосв. митрополитъ Гавріилъ въ архіерейской мантии, вызывавшій меня по имени и давшій мнѣ поцѣловать свою правую руку). Отправленіе желудка было обыкновенное въ 11 или 12 ч. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ часа два, въ которые видѣлся покойный министръ народнаго просвѣщенія князь К. А. Ливень, слушавшій дѣла о цензурѣ и замѣтившій мнѣ, что я чему-то не кстати улыбаюсь. На ночь легъ спать въ 12 ч.

Мая 18-го. Дождь, потомъ ясно. У. +7°. У. +9°. П. +10°.
Н. +6°.

Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 5-го ч. (Во снѣ видѣлись: покойный Ив. Андр. Крыловъ, котораго я подчивалъ въ своей столовой, у комода, нижней сладкой корочкой бѣлаго хлѣба; еще Ел. Евс. Васильевская; еще какое-то приглашеніе въ гости, отъ котораго я отказывалась, и еще что-то забытое). Страдалъ желудкомъ. Еще уснулъ отъ 8-ми до 10-го ч. Во снѣ видѣлись какіе-то молодые люди, говорившіе о наградахъ орденами и не заслужившіе знаковъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ; еще какія-то чужія квартиры, изъ которыхъ въ одной я поздравлялъ 50-ти-лѣтнаго юбиляра В. Шебуева, который хвалился милостивымъ къ нему расположеніемъ президента Академіи Художествъ. — Обѣдалъ у С. Л. Гибнеръ; потомъ ходилъ на Смоленское кладбище нѣмецкое и русское. Возвратился домой въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Мая 25-го. Пасмурно, ясно. У. +8¹/₂°. У. +11°. У. +13°.
В. +9°. Н. +8°.

Благодареніе Создателю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 8-го ч. (Во снѣ видѣлся Н. П. Новосильцевъ и его семейство. Цензоръ Г. Р. Духшинскій, секретничавшій къ оскорбленію меня; преосвященный Иннокентій херсонскій и таврическій, показывающій мнѣ разныя бумаги и образа и говорящій о какомъ-то іероманахѣ, котораго хотѣли нарекать въ епископа прямо, потому что онъ долго служилъ). Отправление желудка обыкновенное, только поздно, въ 6 ч. вечера. Обѣдалъ также поздно, не отдыхалъ нисколько, а занимался во весь вечеръ и на ночь легъ спать въ 1-мъ ч.

Мая 24-го. Дождь, послѣ обѣда ясно. У. +7°. У. +16°. П. +17°.
В. +12°. Н. +10°.

Благодареніе Вседержителю, сонъ былъ довольно покойный отъ 2-го до 6-го и потомъ до 9-го ч. (Во снѣ видѣлись огорчительныя ощущенія отъ несправедливостей министра народнаго просвѣщенія, въ которыхъ принималъ участіе С. Ѳ. Гаевскій; потомъ молебень, служимый въ какой-то молебень въ чужой праздникъ, который я слушалъ лежа въ постелѣ и послѣ котораго я поцѣловалъ усердно евангеліе. Потомъ обѣдъ за двумя столами, изъ которыхъ за однимъ сидѣли мои родители и нѣсколько гостей и были два пустыя мѣста, а за другимъ—сидѣлъ я съ кѣмъ-то, несмѣвшимъ сѣсть за первый столъ; потомъ чтеніе изъ Златоуста о тѣлности богатства при видѣ огромнаго камня, изъ котораго видѣнъ былъ сѣрый гладкій камень, который я назначалъ на украшеніе церковнаго зданія, и объ этомъ говорилъ при семействѣ А. Е. Матисена). Отправление желудка было въ 11 ч. обыкновенное, еще малое въ 1-мъ ч. Обѣдалъ дома въ 6 ч. Уснулъ часа полтора, въ которые видѣлась нечаянная встрѣча съ лишившимся престола французскимъ королемъ, котораго я хотѣлъ угостить въ трактирѣ на свой счетъ и представилъ ему моего батюшку, какъ протоіерея и члена Русской Академіи, и еще что-то. На ночь легъ спать въ 1-мъ ч.

Мая 29-го. Пасмурно. У. +16°. В. +13°. Н. +12°.

Троицкая Родительская суббота. Помяни и упокой, Господи, души рабовъ твоихъ, родителей моихъ, братьевъ, сестеръ, сродниковъ, друзей, благодѣтелей и всѣхъ православныхъ христіанъ, отшедшихъ отъ сей временной жизни къ вѣчной, и даруй имъ вѣчное блаженство! Благодареніе Богу, сонъ былъ хорошъ отъ 12 до 3-го и потомъ до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись: князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и его книги и ландкарты, ценсурованіемъ которыхъ я долженъ былъ заняться; еще Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ; еще Василій Ивановичъ Копыловъ, говорящій о дешевизнѣ въ Сибири, и проч.). Отправленій желудка почти не было; въ 7 ч. вечера малое. Обѣдалъ дома въ 6 часу. Былъ за всенощной, потомъ въ саду М. О.; возвратился домой въ 11 ч. и на ночь легъ спать въ 1-мъ ч.

Іюня 3-го. Пасмурно, маленькій дождь и ясно. У. +17°. У. +14°. У. +19°. В. +19°. П. +14°.

Благодареніе Благодѣтелю всѣхъ, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлись А. И. Войцеховичъ и В. И. Пашковъ; еще обѣденный столъ, за которымъ я показывалъ огорченіе мое на холодность къ моимъ трудамъ по бывшей Россійской Академіи и заботился о приготовленіи

докладной записки по цензурнымъ дѣламъ). Отправленіе желудка было порядочное въ 11 ч. Обѣдалъ дома поздно. Съ полчаса дремалъ, потомъ занимался цензурными дѣлами и на ночь легъ спать въ 12-мъ ч.

Іюня 10-го. Ясно, дождь. У. +17° на с. П. +13°. Н. +5°.
Н. +4°.

Благодареніе Промыслителю о всѣхъ, сонъ былъ хорошъ отъ половины 1-го до 3-го и 7-го ч. (Во снѣ привидѣлся преосв. Иннокентій архіеп. херсонскій въ рясахъ и съ распущенными волосами; потомъ приглашавшимъ меня съѣсть съ собою въ одной повозкѣ, везенной одною лошадей; еще въ служеніи въ церкви; далѣе какіе-то портреты царей и другихъ особъ). Отправленіе желудка было въ 11 ч. почти обыкновенное, но въ маломъ количествѣ. Обѣдалъ дома поздно съ придворнымъ протоіереемъ В. Т. Шишовымъ. Послѣ обѣда уснулъ съ часъ. Потомъ занимался и на ночь легъ спать въ 1-мъ часу.

Іюня 11-го. Ясно, дождь и маленькій снѣгъ. У. +14° на с.
П. +9°. В. +5°. Н. +6°.

Благодареніе Искупителю, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го и потомъ до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись служебныя дѣла и князь П. А. Шикматовъ въ неудовольствіи на министра народнаго просвѣщенія и готовый подать просьбу объ отставкѣ). Отправленіе желудка было въ 11-мъ ч. малое, во 2-мъ—болѣе и порядочнѣе. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда уснулъ съ часъ; потомъ занимался и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Іюня 12-го. Дождь, ясно и опять дождь. У. +6°. У. +13°
на с. У. +15°. В. +10°. Н. +7°.

День памятный съ 1812 года вторженіемъ Наполеона въ любезное отечество православныхъ россіянъ,— день сѣянія великихъ бѣдствій, терпѣнія и надежды, прославившихъ Александра и его сподвижниковъ въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ. — Благодареніе Подающему представившимся въ вѣрѣ упокоеніе, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го ч. (Во снѣ видѣлись преосв. митрополитъ Антоній и его викарій Нафанайя, обозрѣвающіе колокольню Благовѣщенской церкви на Васильевскомъ Острову. Первый грозился отдать меня подъ судъ, и еще что-то). Отправленіе желудка было въ 8 ч. свободное. Обѣдалъ у Пандопуло. Возвратился домой въ 10 ч. и на ночь легъ спать въ 12-мъ ч.

Недѣля вторая по пятидесятницѣ.

Іюня 13-го. Ясно. У. +13°. В. +11°. Н. +9°.

Благодареніе Воскрешему и Воскрешающему, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 6-го ч., потѣлъ. (Во снѣ видѣлъ В. И. Панаева, который принималъ участіе въ моихъ непріятностяхъ по ценсурѣ и меня цѣловалъ). Отправленіе желудка было въ 10 ч. порядочное. Ужиналъ въ 9 ч. и на ночь легъ спать въ 11-мъ ч.

Іюня 15-го. Ясно. У. +20°. В. +13°. Н. +10°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го ч. (Во снѣ видѣлся графъ С. С. Уваровъ, разговаривающій со мною благосклонно о новомъ цензурномъ уставѣ и еще какихъ-то дѣлахъ, упоминалъ еще о Швеціи; видѣлась еще слѣпая старуха, ищущая свободы, и проч.). Отправленіе желудка было малое часу въ 11-мъ Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда заснулъ часа полтора; по-

томъ сидѣлъ съ А. К. Груйсомъ, приносявшемъ извѣстiе о кончинѣ матушки его, и на ночь легъ спать въ 12 ч.

Іюня 17-го. Ясно, пасмурно и дождь. У. +23°. У. +13°.

В. +12¹/₂°. Н. +11°.

Благодареніе Благопримслителю о всѣхъ, сонъ былъ крѣпкій отъ 1-го до 4-го и потомъ до 7-го ч. (Во снѣ видѣлось, что я за обѣдней въ какой-то домашней церкви въ обыкновенное воскресенье и что тамъ, противъ обыкновенія, пѣли Христосъ воскресе. Казалось, что эта церковь была преосв. Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, который также являлся благословляющимъ меня, обращающимся со мною дружески (въ Петербургѣ) и собиравшимся опять въ свою епархію съ желаніемъ не оставаться долѣе въ Петербургѣ для присутствія въ синодѣ; потомъ вели преосвященнаго зимою по гористой сторонѣ и онъ за то прогнѣвался). Отправленіе желудка было въ 10 ч. обыкновенное, порядочное. Обѣдалъ на Смоленскомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, по случаю погребенія Марьи Григорьевны Груйсъ. Возвратился домой въ 6 ч., занимался; посѣтилъ вдову Алекс. Ав. Блажievскую, возвратился домой въ 11-мъ часу, опять занимался и на ночь легъ спать въ 1-мъ ч.

Іюня 19-го. Ясно, дождь. У. +30°. Н. +11°.

Благодареніе Подающему преставившимся упокоеніе (которое особенно нужно въ эти страшные дни, когда на нашъ городъ и многіе другіе посланъ ангелъ смерти въ губительной болѣзни—холерѣ), сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 6-го и 7-го ч. (Во снѣ видѣлись Варшава, княгиня Варшавская и вѣсколько привѣтливыхъ поляковъ). Отправленій желудка не было. Обѣдалъ дома въ 6 ч.; потомъ ходилъ ко всенощной и на ночь легъ спать въ ¹/₂ одинадцатаго.

Іюня 23-го. Ясно во весь день. У. +19°. П. +19°. Н. +11°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 1-го до 5-го и потомъ до 8-го ч. (Во снѣ видѣлись: графъ С. С. Уваровъ, одѣтый въ бѣлое и показывающій себя мнѣ богѣ благосклоннымъ; еще какая-то дама и съ нею художникъ). Желудокъ былъ разстроены. Обѣдалъ у О. К. Л.; потомъ былъ за всенощной въ каменно-островской церкви. Возвратился домой въ 12 ч. и на ночь легъ спать въ 1-мъ ч.

Іюня 26-го. Пасмурно и дождь, ясно. У. +12°. У. +22° на с.

Помяни, Господи, во царствіи твоемъ служителя Твоего, священноіерея Евсевія, скончавшагося 24-го сего іюня отъ губительной болѣзни. Мой сонъ былъ, благодареніе Дающему преставившимся упокоеніе, хорошъ отъ 12-го до 5-го ч. (Видѣлось во снѣ, что я о какихъ-то англійскихъ книгахъ, купленныхъ мною, говорилъ Василю Алек. Подѣнову, и вижу больнаго князя П. А. Шихматова; еще какого-то квакера, которому я заплатилъ за что-то богѣ денегъ, нежели слѣдовало; еще распутицу отъ льда по Невѣ и продажу разныхъ сластей). Отправленіе желудка было порядочное въ 10 часу. Обѣдалъ на похоронахъ новодеревенскаго священника Евсевія Теокистовича Соколова, въ домѣ его вдовы, съ отпѣвавшими тѣло его—придворнымъ протоіереемъ В. Т. Шишовымъ, его духовнымъ отцомъ, колпинскимъ священникомъ, каменно-островскимъ молодымъ священникомъ, двумя дьяконами и родственниками и родственницами покойнаго. Потомъ былъ на кладбищѣ, посѣтилъ могилы бабушки и сестеръ моихъ, также недавно умершаго Якова Андреевича Чемаду-

рова. Послѣ заходилъ ко вдовѣ его, моей кумѣ, Натальѣ Ивановнѣ Чемаду-ровой. Возвратился домой въ 12 ч. и на ночь легъ спать скоро.

Іюня 28-го. Пасмурно, дождь большой. У. +12°. У. +14°.
П. +19°. В. +18°. Н. +13°.

Благодареніе Творцу міра, сонъ былъ крѣпкій отъ 1-го до 6-го ч. (Во снѣ видѣлось, что я въ какой-то перекв на хорахъ, съ которыхъ хотѣлось мнѣ посмотрѣть на присутствіе высочайшихъ особъ, и что я слышу проповѣдь ка-кой-то проповѣдницы, ошибавшейся въ правильномъ употребленіи грамматики и проч.). Отправленіе желудка было въ 10 ч. порядочное; еще такое же въ 5 ч. вечера и 11 ночи. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда ѣздилъ на Петербургскую Сторону ко вдовѣ Ек. Виттъ, на выносъ тѣла Христіана Яковлевича, ея супруга. Оттуда на нѣмецкое кладбище. Возвратился домой въ 9 ч. Ходилъ было въ церковь, но службы уже не засталъ; занимался и на ночь легъ спать въ 11 ч.

Іюня 30-го. Ясно и пасмурно. У. +26° на с. П. +16° въ т.
В. +17°. Н. +13°.

Благодареніе Господу, сонъ былъ хорошъ отъ 12-го до 3-го и потомъ до 7-го ч. (Во снѣ видѣлись дѣла Ю. О. Шишковой, по ея Тверскому имѣнію, и ея управляющій, или его помощникъ, рассказывающій о доходахъ). Отправленіе желудка было въ 7-мъ часу, слабило; и ночью, такъ какъ и во вчерашній день, было бурчаніе въ животѣ, но въ 11 часу почти, какъ обыкновенное; еще въ 6 ч. малое и слабило въ 7. Обѣдалъ дома; послѣ обѣда уснулъ съ часъ; потомъ занимался. Послѣ былъ въ банѣ, откуда возвратился въ исходѣ 12 ч.; легъ спать въ 1-мъ часу.

Примѣчаніе. На первомъ полугодіи мы прерываемъ дневникъ А. И. Красовскаго; мы возвратимся ко второму полугодію и представимъ изъ него характерныя выдержки въ одной изъ слѣдующихъ книгъ нашего изданія.

Ред.

Письмо Т. Н. Грановскаго къ Е. А. Рыжовой.

1844. Сентября 1-го.

Милостивая государыня Екатерина Алексѣевна! Отъ всей души сожалѣю о томъ, что мнѣ не удалось видѣть васъ въ бытность мою въ Малороссіи. Обстоятельства разрушили всѣ мои планы: я пріѣхалъ въ Бѣевъ позже тѣмъ предполагалъ по причинѣ болѣзни моей, а пробылъ-было весьма не долго по причинѣ болѣзни папеньки, который звалъ меня назадъ въ Орель.

Здоровье Алеши ¹⁾ поправилось. Сегодня онъ переѣзжаетъ въ институтъ. Понимаю, какъ долженъ былъ васъ огорчить бывший съ нимъ несчастный случай, но не судите его слишкомъ строго. Его увлекъ дурный примѣръ, а не собственная склонность. Вина его достаточно наказана. Частыя посѣщенія къ Скалонамъ не принесли ему пользы. Онъ уходилъ оттуда безъ человѣка, куда угодно и съ кѣмъ угодно. Сверхъ того, онъ бралъ тамъ всякаго рода книги, которыхъ чтеніе не только отнимало у него безъ пользы время, но въ нѣкоторомъ отношеніи было даже вредно. Урокъ, полученный теперь, пойдетъ ему въ прокъ. Повѣрьте мнѣ въ этомъ и не предавайтесь излишней печали и опасеніямъ. Главный недостатокъ Алеши заключается въ его самолюбіи, которое поддерживается въ немъ богатыми способностями, полученными отъ природы, и сознаніемъ истиннаго превосходства надъ бѣльшею частію товарищей. Остальные его недостатки—вздоръ и проступокъ его не долженъ вамъ внушать дурнаго мнѣнія о его нравственности. Это ничто иное, какъ минутное, несчастное увлеченіе неопытнаго молодаго человѣка.

Витя и Степа ²⁾ выдержали прекрасно экзаменъ и перешли въ высшій классъ.

Благодарю васъ за предложеніе посѣтить мое имѣніе и обратить вниманіе на хозяйство; отъ всей души благодарю васъ, добрая и многоуважаемая Екатерина Алексѣевна, но не смѣю безпокоить васъ моею просьбою, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ, поправить малороссійское имѣніе трудно. Прежде всего его надобно перезаложить и уплатить лежащую на немъ недоимку, вслѣдствіе которой Марченко назначенъ опекуномъ. Но у меня есть къ вамъ

¹⁾ Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ. † 1872 г.

²⁾ Викторъ и Степанъ Алексѣевичи Рыжовы.

и Ивану Ивановичу просьба другаго рода: главный кредиторъ нашъ Равичъ живетъ попеременно то въ Сумскомъ уѣздѣ, въ Бѣлосельѣ, то въ Ахтырскомъ. Нѣтъ ли у васъ тамъ надежнаго человѣка, который бы предложилъ Равичу (не отъ моего имени) купить у него заемное письмо его на меня. Онъ отдавалъ его прежде за третью часть суммы. Я готовъ дать и болѣе. Мнѣ лично онъ не сдѣлаетъ уступки. Если можно мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, то вы сдѣлаете для меня чрезвычайно много. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашъ покорнѣйшій слуга Т. Грановскій.

Примѣчаніе. Это подлинное письмо знаменитаго Московскаго профессора и ученаго — Т. Н. Грановскаго (1813 — 1886) сообщено въ наше обширное собраніе автографовъ Алексѣемъ Ивановичемъ Рыжовымъ. Во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ, А. И. Рыжовъ воспитывался въ Москвѣ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ своего земляка Т. Н. Грановскаго и довершилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, изъ котораго выпущенъ кандидатомъ. Онъ былъ любитель литературы и самъ не мало для нея потрудился (см. рядъ критическихъ статей его въ журн. «Библіотека для Чтенія» 1850-хъ годовъ, переводы Шекспира и пр.). Рыжовъ убитъ своимъ шуриномъ 27-го января 1872 г. въ С.-Петербургѣ. Въ нашемъ альбомѣ автографовъ «знакомыхъ», А. И. Рыжовъ, между прочимъ, оставилъ слѣдующую шутиливую замѣтку:

«Изъ Лессинга:

Здѣсь Нитулъ спитъ,—и смерть изъ ничего
Хоть прахомъ сдѣлала его.

Какъ разъ годится для Вашего посмертнаго альбома и для Вашего друга А. Рыжова».

Ред.

Письмо В. Г. Бѣлинскаго.

Москва. 1833 года, декабря 7-го дня.

Милостивая государыня Александра Михайловна! Тысячу и тысячу разъ виновать передъ вами!—Не стыдно-ли вамъ?—Очень, очень стыдно—все знаю, чувствую; но недосуги, дѣла, дѣлишки, посѣщенія, а болѣе всего лѣнь не дозволили мнѣ имѣть пріятнаго удовольствія писать къ Вамъ. По крайнѣй мѣрѣ, хоть за откровенность мою извините и простите за недержанное обѣщаніе.

Благодарю Васъ за извѣстіе о малюткѣ. Вы пишете, что онъ очень милъ, уменъ и смышленъ: дай Богъ! Это главное. Судьба этого невиннаго существа очень занимаетъ меня; мнѣ кажется, что оно мнѣ родное, я вижу его, говорю съ нимъ; оно не выходитъ изъ мо-

ихъ мыслей и такъ вольно хозяйничаетъ въ моемъ сердце, какъ-будто у себя дома à son aise. Горю нетерпѣніемъ увидѣть, обнять и раздѣловать это дитя моей души и моего сердца, а болѣе всего дать ему въ своемъ лицѣ отца, друга, брата, руководителя, наставника. Эта минута будетъ для меня сладостною и священною.

О себѣ скажу Вамъ, что я продолжаю брать уроки, но очень плохо подвигаюсь впередъ. О лѣны! для чего, проклятая, родилась она прежде меня!...

Почему вы такъ долго не ѣдете въ Москву. Я пересталъ и ждать Васъ: мнѣ кажется, что я уже и не увижусь съ Вами болѣе. Бога ради не будьте такъ жестоки къ людямъ, которыхъ расположеніе и уваженіе къ Вамъ безпредѣльны. Не примите этого за комплиментъ: я лгу безсовѣстно (иногда), но только барышнямъ,—и этотъ народъ не грѣхъ обманывать, потому что онѣ сами любятъ это дѣлать съ нами. Но Вы—для меня другое дѣло; мнѣ кажется, что я понялъ, разгадалъ Васъ—дай Богъ, чтобы я не обманулся! Я ошибался въ Васъ, когда мѣрялъ васъ общимъ аршиномъ, но вскорѣ увидѣлъ, что Вы не подходите подъ общую мѣру обыкновенныхъ женщинъ—повторяю, дай Богъ, чтобы я не обманулся въ этой сладостной для меня увѣренности! О, много, много желалъ бы я вамъ высказать; но я оставляю это удовольствіе до свиданія съ Вами. Бога ради, поскорѣ пріѣзжайте: я горю нетерпѣніемъ видѣть Васъ. Прощайте! Будьте здоровы и счастливы и не забывайте искренно преданнаго Вамъ и глубоко уважающаго васъ Виссаріона Бѣлинскаго.

Извините, что такъ худо и на такой дурной бумаги писано: въ послѣднемъ виноватъ Вашъ любимецъ Яковъ Іоновичъ. Пишу на скорую руку. Свидѣтельствую мое почтеніе Мазепѣ—адъ и проклятіе! да здравствуетъ онъ и да процвѣтаетъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ его адская удалъ!...

Сообщ. Д. И. Калугинъ.

Примѣчаніе. Приведенное выше письмо написано Бѣлинскимъ (р. 1811, ум. 1848 г.) лишь годъ спустя по оставленіи имъ Московскаго университета (1832 г.) и нѣсколько мѣсяцевъ до появленія первой его статьи въ печати (сент. 1834 г.). Подлинникъ письма В. Г. Бѣлинскаго сообщенъ намъ Д. И. Калугинимъ изъ г. Тюмени; г. Калугинъ получилъ его, въ свою очередь, отъ одного знакомаго, изъ Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,—но къ кому оно писано и кто тѣ лица, о которыхъ говорится въ письмѣ, г. Калугину не удалось дознаться. А. Н. Пыпинъ весьма обязательно сообщилъ намъ, что «къ концу тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Сибири жила одна родственница и хорошая пріятельница Бѣлинскаго, Екат. Петр. Иванова, по мужѣ Лопатина: быть можетъ, черезъ эту семью и очутилось въ Сибири это письмо Бѣлинскаго».

Во всякомъ случаѣ, долгомъ считаемъ поблагодарить г. Калугина за сохраненіе и присылку автографа Бѣлинскаго и усерднѣе просимъ читателей «Русской Старины», если у кого, или ихъ знакомыхъ, окажутся какія-либо письма и замѣтки гениальнаго В. Г. Вѣлинскаго, непременно сберечь эти документы, какъ бы они, повидимому, малозначительны ни были по своему содержанію, и сообщить ред. «Русской Старины». Русская словесность, столь много обязанная Бѣлинскому, не имѣетъ еще подробной, обстоятельной его биографіи. Весьма многія событія въ жизни этого знаменитаго труженика не разслѣдованы, не объяснены, не раскрыты... Отъ сочувствія и содѣйствія родныхъ, знакомыхъ и людей, даже случайно встрѣчавшихся съ Бѣлинскимъ, зависитъ помочь и ускорить обнародованію такихъ бумагъ, которыя пролили бы свѣтъ на эту прекрасную личность.

Ред.

ХОЛЕРНЫЙ БУНТЪ ВЪ СТАРОЙ-РУСѢ

1831.

(Разсказъ очевидца).

I.

Лѣтомъ 1831 года холера свирѣпствовала въ Россіи повсемѣстно. Въ новгородскомъ военномъ поселеніи гренадерскаго корпуса смертность была ужасная; въ одной Старой-Русѣ, гдѣ считалось жителей, вмѣстѣ съ приходящимъ изъ разныхъ мѣстъ рабочимъ народомъ, свыше 20-ти тысячъ обоего пола, ежедневно умирало отъ 50 до 80 человекъ. Съ наступленіемъ жаровъ, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, эпидемія еще того болѣе ожесточилась.

Извѣстно, что бунту, происходившему въ эту печальную эпоху, предшествовали нелѣпныя толки и слухи, распускаемые злонамѣренными людьми для волненія народа. Говорили, будто всѣ карантинныя подѣланы съ цѣлю отравлять людей; что окуриваніе, въ нихъ производимое, ядовито, что отъ него-то и гибнетъ такое множество народу... Объ этомъ явно говорилъ въ присутствіи военнаго полиціймейстера самъ градской голова Старой-Русы—купецъ Шубинъ. Когда же карантинныя велѣно было снять, тѣ же злоумышленники стали говорить, что народъ начинаютъ отравлять и на свободѣ; что-де ядъ сыплютъ въ рѣки, въ колодцы, въ огородахъ на зелень и овощи и даже на хлѣба въ поляхъ; по улицамъ ловили мнимыхъ отравителей; наконецъ, разнеслась молва, что сами начальники военнаго поселенія и всѣ офицеры разсыпаютъ ядъ по разнымъ мѣстамъ... Мѣщане Старой-Русы схватили принца Оранскаго гренадерскаго полка поручика Ашенбреннера, ѣхавшаго верхомъ по берегу рѣки,—увѣряли, будто видѣли, какъ онъ что-то изъ кармана сыпалъ въ воду; отвели его къ полиціймейстеру, который, освободивъ офицера, одного изъ мѣщанъ посадилъ подъ арестъ.

Въ это тревожное время въ самомъ городѣ Старой-Руси войскъ не было; всѣ дѣйствующіе баталіоны 2-й гренадерской дивизіи, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1830 г., ушли въ походъ въ Польшу, а резервные баталіоны находились въ лагеряхъ въ 56-ти верстахъ отъ города. Было очень замѣтно, что мѣщане и купцы сходились между собою на городскомъ мосту, на площадяхъ и улицахъ и о чемъ-то горячо разсуждали; но на все это мѣстное начальство не обращало никакого вниманія.

Въ началѣ лѣта я находился съ резервнымъ баталіономъ гренадерскаго принца Евгенія Виртембергскаго полка, въ которомъ служилъ, въ общемъ лагерѣ гренадерскаго корпуса подъ Княжимъ дворомъ; но вслѣдствіе моего назначенія отправиться въ походъ въ Польшу съ ротою для пополненія полка, я былъ отпущенъ въ городъ на нѣсколько дней, чтобы проститься съ домашними и устроить мои семейныя дѣла. Въ городъ я прибылъ 9-го іюля 1831 года.

Въ субботу, 11-го іюля, возвратясь домой отъ всеобщей, я довольно поздно легъ спать,—и только что сталъ засыпать, слышу на площади звонъ въ небольшой колоколь, что у тауптвахтъ; затѣмъ ударили въ набатъ въ одной церкви, а тамъ и во многихъ другихъ. Я всталъ, подошелъ къ окну (квартира моя выходила окнами на главную большую улицу); вижу необыкновенное волненіе народа, а ночь—темная, глухая. Послалъ я своего денщика на площадь узнать, что такое? Онъ скоро прибѣжалъ и, дрожа отъ страха, объявилъ, что бунтуютъ солдаты военно-рабочаго баталіона и жители города; что при его глазахъ на площади убили полиціймейстера маіора Манджоса, котораго мѣщане вытащили со двора дома генеральши Гербель¹⁾, гдѣ онъ намѣревался спрятаться въ огородѣ. Городскаго лекаря Вагнера убили въ квартирѣ на кровати... Артиллерійскій генераль Мевесъ, предсѣдатель строительной комисіи, ходилъ по площади и уговаривалъ мятежниковъ прекратить буйство и расходиться по домамъ.

Услыхавъ эти вѣсти, я тотчасъ же одѣлся въ полную форму и пошелъ на площадь въ той надеждѣ, что, вѣроятно, кромѣ стараго генерала Мевеса, найду тамъ еще кого-либо изъ офицеровъ, и тогда общими силами прекратимъ буйства и беспорядки. Когда я приблизился къ мосту, меня остановили купецъ Лебедевъ и слуга частнаго пристава Свенцова и оба стали убѣдительно упрашивать меня, чтобы я непременно возвратился домой, если только мнѣ жизнь до-

¹⁾ По уходѣ офицеровъ въ походъ, семейства ихъ большею частью оставались въ городѣ.

рога: увѣрили, что тамъ всѣхъ бьютъ и что уже самаго генерала убили, а теперь принялись грабить дома частнаго пристава Диршга, лекаря Вагнера и полиціймейстера Манджоса, и что на площади рѣшительно изъ „благородныхъ“ никого нѣтъ. Принявъ въ соображеніе, что я одинъ, безъ военной команды, ничего не могу сдѣлать къ усмиренію бунта, я, съ грустію, воротился домой и, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, всю ночь скрывался въ домѣ священника, духовнаго отца моего Вареоламея.

Между тѣмъ изверги, убивъ своихъ начальниковъ, устремились на вольную городскую аптеку, подѣ тѣмъ предлогомъ, что въ ней продаются и оттуда разносятъ по всѣмъ мѣстамъ ядъ; ворвались туда: захватили аптекаря съ женою на постелѣ, били ихъ немилосердно и полумертвыхъ выбросили изъ окна втораго этажа на каменную мостовую ¹⁾; разграбили все, что только можно было унести, а остальное разбили, переломали и повывидали на улицу. Провизоръ, мальчикъ лѣтъ 18-ти, вылѣзъ на крышу съ заряженнымъ ружьемъ и пистолетомъ; одинъ мѣщанинъ полѣзъ за нимъ, но былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ и съ раздробленною грудью свалился на мостовую. Тогда одинъ изъ рабочихъ солдатъ схватилъ юношу и, хотя тотъ успѣлъ сдѣлать по немъ выстрѣлъ, но былъ сброшенъ на мостовую; несчастный еще былъ живъ: мастеровые засѣкли его до смерти.

До разсвѣта я съ семействомъ скрывался въ домѣ у священника. На зарѣ жену и дѣтей моихъ я отправилъ съ генеральшою Эмме и мужемъ ея въ лагери; самъ остался въ полной увѣренности, что войска придутъ въ городъ; вспомнивъ затѣмъ, что генеральша Леонтьева, жена нашего отряднаго командира, съ большимъ семействомъ находится въ крайней опасности, я поспѣшилъ къ ней и предложилъ свои посильныя услуги. На мосту мнѣ на встрѣчу попалась большая толпа пьяныхъ мятежниковъ, обрызганныхъ грязью и кровью, вооруженныхъ вольями и полѣвьями. Удивительно, что они не только пропустили меня безпрепятственно, но еще нѣкоторые изъ нихъ, помня дисциплину, сняли передо мной фуражки. Генеральшу Леонтьеву я засталъ совершенно потерявшеюся отъ страха. По ея желанію, я велѣлъ ямщикамъ заложить почтовыхъ лошадей въ карету и воляску; ямщики-было заупрямились, говоря, что мятежники не приказали везти генеральшу, — она-де имъ будетъ нужна „для спросу“... Однако же, я поставилъ на своемъ и усадилъ генеральшу въ экипажи, вмѣстѣ съ семействомъ и съ ея сестрою, капитаншею Синельниковою ²⁾.

¹⁾ По счастливой случайности обѣ жертвы остались живы. А. У.

²⁾ Мужъ ея въ то время былъ адъютантомъ корпуснаго командира князя

Во время пути черезъ городъ бунтовщики грозились сбросить экипажи съ мосту въ рѣку,—эти угрозы они кричали подъ самыми окнами кареты; но я отъ самаго дома чрезъ мостъ и до самой заставы проводилъ семейства Леонтьева и Синельникова, идя пѣшкомъ подлѣ кареты, сквозь толпы убійць, и провелъ ихъ такъ счастливо, что ни одинъ изъ злодѣевъ не осмѣлился остановить насъ. Богъ явно спасъ своимъ милосердіемъ.

Возвратясь домой, я нашелъ тамъ старшаго сына моего Виктора, о которомъ мать забыла въ попыткахъ; часовъ въ 9 утра, во время обѣдни, пошелъ я въ квартиру маіора Исакова, сослуживца моего, и, проходя мимо площади въ близкомъ разстояніи, увидалъ на ней множество народу. Потомъ узналъ, что въ это самое время бунтовщики заставили архимандрита изъ монастыря идти крестнымъ ходомъ на площадь; и здѣсь онъ, съ прочимъ духовенствомъ, служилъ молебень на мѣстѣ, окропленномъ невинною кровію... Тутъ же валялся голый обезображенный трупъ несчастнаго Манджоса. Въ это же время были пойманы и приведены на площадь: частный приставъ Диринъ со своими сестрами (онъ былъ переодѣтъ въ мужицкій армякъ); суворовскаго полка маіоръ Ларадзи, штабъ-лекаръ Богородской, гренадерскаго принца Оранскаго полка капитаны Шаховской и Ходотъ, инженеръ-полковникъ Андреевъ и еще нѣкоторые офицеры, какіе именно не упомяну, и инженерный маіоръ Шахординъ. Во время молебствія всѣхъ приведенныхъ на площадь безъ милосердія сѣкли розгами и били палками, допрашивая: кто изъ нихъ и сколько взялъ съ поляковъ за намѣреніе отравлять своихъ подчиненныхъ. Тутъ же стоялъ столъ, взятый изъ градской думы, покрытый краснымъ сукномъ; были разставлены кресла и стулья, на которыхъ засѣдали рабочаго баталіона фельдфебеля и унтеръ-офицеры—люди грамотные: судъ въ полномъ составѣ и презусъ, и ассесоры. Когда кто-либо изъ несчастныхъ допрашиваемыхъ, будучи не въ силахъ болѣе переносить ужасныя истязанія, ничего не помня отъ боли, плелъ на себя нелѣпицу, т. е., „сознавался въ отравленіи людей“, того переставали мучить и приказывали снятый съ него допросъ свѣрочно подписывать. Нѣсколько купцовъ и грамотныхъ мѣщанъ должны были подписями засвидѣтельствовать истину показанія, которое затѣмъ уже скрѣплялъ своею рукою самъ архимандритъ... По окончаніи этой процедуры, каждый изъ присутствующихъ—купецъли, мѣщанинъ, дѣвка или баба, имѣлъ право подойти и бить допрошен-

Шаховскаго, ушедшаго въ походъ въ Польшу; нынѣ г. Синельниковъ уже генераль-лейтенантъ и въ мартѣ прошедшаго 1873 года праздновалъ пятидесятилѣтіе служебнаго своего поприща.

А. У.

ныхъ по лицу и плевать на нихъ, что многіе изъ присутствовавшихъ и дѣлали... Въ самыя вечерни арестованныхъ повели подъ конвоемъ въ кузницы заковывать въ кандалы и затѣмъ привели обратно въ городъ, на гауптвахту.

Маіора Исакова и жену его я нашелъ въ большомъ страхѣ. Когда военно-работіе, послѣ молебна, пезепились мертвецки пьяными (откупщикъ, по доброй волѣ, выкатилъ имъ бочку вина) и разсыпались по городу отыскивать инженернаго капитана Кроля, подполковника Кашперова, полковника Сергѣева, капитана Ушакова и вообще всѣхъ господъ; то, проходя мимо квартиры Исакова, нѣкоторые изъ мятежниковъ стали спрашивать: дома-ли маіоръ? На отвѣтъ его жены, что онъ пошелъ къ нимъ на площадь, они прошли мимо.

Исаковъ принудилъ меня снять мундиръ и надѣть его халатъ; потомъ мы пошли внизъ къ хозяйкѣ. Она заперла насъ въ темный чуланъ; но дочь ея кричала, чтобы мы непременно вышли вонъ, такъ какъ если бунтовщики насъ отыщутъ, то и хозяевамъ будетъ бѣда. Легко себѣ представить весь ужасъ нашего положенія!.. Слышимъ, что изверги всюду рыщутъ и съ дикими воплями и проклятьями требуютъ выдачи имъ господъ!

Богъ послалъ намъ спасеніе въ лицѣ виннаго пристава Папахристова. Онъ квартировалъ въ томъ же домѣ и предложилъ намъ перейти къ нему въ комнаты и вмѣстѣ съ нимъ дѣлать страхъ и надежду. Самъ онъ, жена его и дочь всячески старались занять и разсѣять общій страхъ; словомъ, мы были приняты ими, какъ родные, съ прямымъ участіемъ и добродушіемъ. Пробыли мы у нихъ до самаго вечера. Въ теченіе дня три раза приходили къ намъ мятежники; но хозяинъ каждый разъ старался не допускать ихъ въ заднія комнаты, гдѣ мы были, а всегда встрѣчалъ ихъ въ сѣняхъ или передней, съ бутылкою въ рукахъ, и поилъ водкою, чѣмъ они и оставались весьма довольны; впрочемъ, военно-работіе еще до нашего прихода обыскивали квартиру виннаго пристава, повыбрали изъ нея много серебряныхъ вещей, а потому въ другіе раза уже не входили, а только спрашивали: „нѣтъ-ли кого спрятаннаго изъ господъ?“ Въ послѣдній разъ злодѣи требовали ключей отъ винныхъ магазиновъ; приставъ долженъ былъ удовлетворить ихъ и повелъ всю орду, отперъ магазинъ и принужденъ былъ самъ пробовать почти изъ каждой бочки вино, потомъ уже подносить имъ по доброму ставану пѣнника. Благодаря Бога и смѣлости нашего хозяина, мы довольно дешево отдѣлались.

Изъ оконъ мы видѣли, какъ мятежники разгуливали по городу, хватали и влекли господъ на площадь въ допросу. Вскорѣ появи-

лось множество поселянъ верхами; я никакъ не подозрѣвалъ, что и они участвуютъ въ бунтѣ, но сутки спустя, какъ порохъ, вспыхнулъ бунтъ всего поселенія 1-й и 2-й гренадерскихъ дивизій. Въ часы нашего пребыванія у виннаго пристава, къ нему безпрестанно приходили разныя торговки и солдатки рабочаго баталіона съ извѣстіями: такого-то ищутъ, а того-то поймали; на мосту захватили проѣзжаго поляка: у него-де нашли три воза яду! Мнимымъ полякомъ оказался торопецкій помѣщикъ, отставной маіоръ съ нѣмецкой фамиліей; проѣздомъ онъ наткнулся на толпу пьяныхъ злодѣевъ. Они, навѣрное, не пощадили бы его, если бы его не спасъ мой квартирный хозяинъ, купецъ Щадровъ, который вырвалъ помѣщика, уже полуживаго, изъ рукъ убійцъ. По обыску, у него ничего не нашли, кромѣ мебели, которую онъ везъ домой изъ Петербурга на трехъ подводахъ...

Толпа повалила на площадь въ гауптвахтѣ, гдѣ у нихъ находились подъ карауломъ всѣ ихъ жертвы, закованныя въ желѣзо,— чиновники и офицеры, человѣкъ до 15-ти. Въ 9 часовъ вечера, по пробитіи зари, толпа общимъ мнѣніемъ рѣшила всѣхъ заключенныхъ казнить смертью. Выискался и палачъ, нѣкій мѣщанинъ Хахинъ, который охотно взялся рубить головы господамъ. Несчастные, видя близкій и позорный свой конецъ, не имѣя никакой надежды на спасеніе, умоляли на колѣняхъ послѣдней милости, чтобъ имъ дали священника. Съ большимъ трудомъ отыскали его, такъ какъ всѣ спрятались; послали въ церковь за Св. Дарами. Между тѣмъ время длилось. Капитанъ Ходотъ, по жребію, первый принялъ исповѣдь и Святое Причастіе и просилъ позволеніе написать духовную. Отъ ужаса приближающейся смерти несчастный лишился разсудка.

II.

Покуда шли приготовленія къ казнямъ, наступила полночь. Внезапно на самой площади раздался барабанный бой и звукъ рожковъ: баталіонъ карабинеровъ прибылъ на подводахъ изъ лагерей въ городъ. Опоздай онъ получасомъ—и многимъ офицерамъ и чиновникамъ не существовать бы болѣе: всѣ они погибли бы отъ руки презрѣннаго палача...

Въ лагерь дано было извѣстіе аудиторомъ дивизионнаго штаба Коноваловымъ: еще въ самомъ началѣ бунта, въ ночь, онъ спасся и счастливо добрался до лагерей; немедленно наряженъ былъ сводный баталіонъ карабинеровъ, который и отправили въ городъ на подводахъ. Приближаясь къ заставѣ, солдаты зарядили ружья боевыми патронами, и, держа ихъ на изготовкѣ, вошли въ городъ въ ожида-

нѣн враждебной встрѣчи. Въ совершенной тишинѣ они вступили на площадь и здѣсь ударили въ барабаны и затрубили въ рожки. Выстроивъ изъ отдѣленій взводы и дивизионы, въ суматохѣ забыли снять съ огнивь чахлы. Когда первый дивизионъ поровнялся съ гауптвахтою, командиръ скомандовалъ: „правое плечо впередъ!“ тогда несчастные плѣнники мятежниковъ, находившіеся на гауптвахтѣ, обрадованные прибытіемъ баталіона, закричали: „караулъ! спасите!“ Нѣкоторые изъ нихъ, въ кандалахъ, прямо выскочили въ окно; бунтовщики за ними—на плацформу. Ночь была темная; командиру передняго дивизиона показалось, что мятежники лѣзутъ прямо на солдатъ, и въ этой суматохѣ, забывъ, что впередъ идутъ горнисты, барабанщики, баталіонный командиръ и адъютантъ, онъ скомандовалъ: „дивизионъ владсь, пли!“ Курки щелкнули, но порохъ на затравкахъ не вспыхнулъ: чахлы на огнивахъ спасли многихъ невинныхъ...¹⁾

Между тѣмъ, проведя цѣлый день у виннаго пристава, я и Исаковъ остались у него и почевать; ночью самъ хозяинъ проводилъ насъ въ сарай на сѣно, и здѣсь мы очень спокойно и крѣпко заснули. Въ 3 часу утра хозяинъ разбудилъ меня и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ баталіона.

Пошли мы на площадь, гдѣ былъ расположенъ баталіонъ; вскорѣ по нашемъ приходѣ, раздалась команда: „становись въ ружье!“ и тотчасъ же выдвинули на мостъ, въ дорогѣ съ поля, взводъ карабинеровъ, а по ту сторону моста показалась толпа поселянъ принца Евгенія Виртембергскаго полка, вооруженныхъ охотничьими ружьями, пиками и колыями. Увидѣвъ солдатъ, поселяне смѣшались и попятились; а по требованію командующаго баталіономъ майора Ясинскаго, чтобъ они немедленно бросили свое оружіе, мятежники бросили его и разбѣжались въ разсыпную, оставивъ своихъ начальниковъ-офицеровъ, которыхъ вели съ собою, жестоко избитыхъ и изуродованныхъ. Оказалось, что военно-работіе пригласили-было поселянъ всѣхъ округовъ въ Русу на грабежъ,— для чего были разсланы ими люди сзывать поселянъ съ мѣшками въ городъ.

Въ Старой-Русѣ бунтъ былъ съ субботы на воскресенье; а во всѣхъ округахъ поселяне взбунтовались въ понедѣльникъ, 13-го іюля. Въ нашемъ поселенномъ баталіонѣ, въ штабѣ, въ Великомъ Селѣ, въ 29-ти верстахъ отъ города, рано поутру злодѣи бросились на офицеровъ. Командиръ поселеннаго баталіона, подполковникъ Посиетъ, хотѣлъ-было ускорать, но лошадь его споткнулась, онъ упалъ,

¹⁾ Эти подробности слышалъ я на другой день отъ многихъ офицеровъ.

и настигнувшіе его поселяне напали на него съ кольями, розгами и палками, и въ виду его семейства, били его... но невозможно описать всего, что тамъ было!... До смерти убили капитановъ: Буйбухтина, Булашевича и Камараша; прочіе же: подполковникъ Посіеть, маіоръ Затурскій, лекарь Троицкій, аудиторъ Ануфриевъ, штабъ-капитанъ Шамаловъ, поручикъ Новиковъ, Ачкасовъ и проч. были всѣ, болѣе или менѣе, избиты и изуродованы!... потомъ ихъ всѣхъ—и живыхъ, и мертвыхъ, сложили въ коляску и повозки и за конвоемъ повезли въ городъ, говоря имъ: „что ихъ всѣхъ въ Русь рабочіе допросятъ, а потомъ казнятъ!..“. Изъ города прибыли въ нашъ штабъ командиръ рабочаго баталіона маіоръ Розенмейеръ и многіе другіе, съ семействами своими, въ надеждѣ на спасеніе... но вмѣсто того онъ погибъ; жену его и мать до-чиста ограбили... Если бы онъ не отлучился отъ своего мѣста, то навѣрное остался бы живъ, ибо солдаты рабочаго баталіона своихъ офицеровъ всѣхъ пощадили—потому, какъ я думаю, что всѣ эти офицеры были выслужившіеся изъ рядовыхъ... Въ 3-мъ карабинскомъ округѣ убили баталіоннаго командира маіора Кривоблоцкаго, 5 офицеровъ и священника; другихъ же всѣхъ безъ пощады избili и ограбили. Въ 4-мъ карабинерномъ поселяне поступили челоѡлюбивѣе всѣхъ прочихъ; они начальниковъ своихъ перевязали и въ цѣлости доставили въ городъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ всѣхъ сдать на руки военно-рабочимъ, которые ихъ будутъ судить. За то въ артиллерійскомъ округѣ рѣдкій изъ офицеровъ остался живъ: почти всѣ перебиты ужаснѣйшимъ образомъ... Нѣкоторымъ несчастнымъ распарывали животъ и сматывали кишки; другимъ вколачивали за ногти деревянные гвоздики и потомъ выдергивали; инымъ выкалывали глаза; изъ спины ремни вырѣзывали!... Начальникъ округа, артиллерійскій полковникъ Малѣевъ, спасся въ 8-й кадровый Егерскій баталіонъ, содержащій, по близости, линію карантинную,—и съ этимъ баталіономъ, челоѡкъ въ 300 не болѣе, пошелъ на встрѣчу мятежниковъ, въ числѣ до 3,000 пѣшихъ и конныхъ, при нѣсколькихъ резервныхъ пушкахъ съ зарядными ящиками, вывезенными изъ цейхгауза. Должно замѣтить, что поселяне артиллерійскаго округа при графѣ Аракчеевѣ всѣ хорошо знали артиллерійское дѣло, которому были обучены въ школахъ кантонистовъ.... Егеря, не смотря на то, смѣло встрѣтили мятежниковъ ружейными выстрѣлами. Щадя ихъ, начальники приказывали цѣлить болѣе по ногамъ... но егерямъ отвѣчали огнемъ изъ пушекъ, палили ядрами и сдѣлали болѣе ста выстрѣловъ, но такъ не удачно, что ядра или перелетали, или не долетали до баталіона. Только однимъ несчастнымъ выстрѣломъ убило и ранило 5 челоѡвъ солдатъ.

Наконецъ злодѣи, видя, что имъ не устоять противъ горсти храбрыхъ солдатъ, свято исполняющихъ долгъ свой, начали отступать къ артиллерійскому штабу поселеннаго корпуса, въ село Залучье, а потомъ разбѣжались. Такимъ образомъ Малѣевъ овладѣлъ своимъ штабомъ, гдѣ у него оставались жена и дѣти. Жену его бунтовщики намѣревались убить, сѣкли ее, вырвали у нея косу съ кожею и кровью,— и несчастная кинулась на гауптвахту, гдѣ содержалось нѣсколько человѣкъ арестантовъ, которые не выдали ея злодѣямъ, не смотря на то, что тѣ имъ предлагали свободу отъ суда и ареста. Эти благородной души люди были непоколебимы и, будучи сами въ кандалахъ, рѣшились защищать, чѣмъ возможно и что было у ихъ подъ рукою, свою полковницу... Этимъ временемъ баталіонъ вступилъ въ Залучье... Семейство Малѣева было спасено...

Въ округѣ принца Оранскаго полка повуда было спокойно; хотя нѣсколько деревень и волновались, но ничего важнаго не произошло до 21-го іюля. Тоже было въ округахъ Мекленбургскаго и Екатеринославскаго полковъ.

Въ Новгородскомъ отрядѣ, въ 1-й гренадерской дивизіи, какъ я слышалъ въ тоже самое время, кажется чрезъ сутки, произошелъ бунтъ, точно съ такими же послѣдствіями, ужасами и разнаго рода неистовствами, какъ и у насъ...

Въ понедѣльникъ, 13-го іюля, прибылъ въ городъ самъ отрядный командиръ генераль Леонтьевъ, съ баталіонами: Екатеринославскимъ и Мекленбургскимъ и 4-мя орудіями артиллеріи. Мнѣ приказано было явиться въ Екатеринославскій полубаталіонъ къ маіору Ч.... Немедленно я былъ имъ назначенъ съ ротой въ караулъ къ провіантскимъ магазинамъ, гдѣ и простоялъ безсмѣнно трое сутокъ; потомъ меня перевели къ Ивановской заставѣ, что близъ кладбища, за чертой города, ибо полагали, что поселяне нашего Виртембергскаго округа ночью нападутъ на городъ, какъ они и дѣйствительно намѣревались, но прибытіе къ нимъ нашего баталіона тому воспрепятствовало. Здѣсь мы провели двое сутокъ на сторожѣ. Особенно по ночамъ были осторожны: люди по-шереножно изъ-подъ ружья не выходили, офицеры не смыкали глазъ. Отсюда насъ послали въ караулъ во дворецъ, на царскую гауптвахту; и здѣсь случилась тревога въ самую глухую ночь. Часовой, стоявшій на Духовской площади для наблюденія за казармой, гдѣ жила часть мастеровыхъ военно-рабочаго баталіона, далъ мнѣ знать, что очень ясно видѣлъ, какъ эти рабочіе собираются подлѣ церкви, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ!... Я сейчасъ же послалъ туда сильный патруль съ унтеръ-офицеромъ и далъ знать о семъ отрядному генералу; половину караула, изъ 60-ти человѣкъ, въ

двѣ шеренги поставилъ лицомъ къ переулку, по которому должны были идти рабочіе, а остальныхъ перевелъ поперекъ улицы; осмотрѣлъ у всѣхъ ружья и приказалъ насыпать пороху на полки. При этомъ замѣчу, что въ промежутокъ времени отъ перваго бунта до втораго, случалось весьма часто, что у заряженныхъ ружей, неизвѣстно почему, порохъ на полкахъ постоянно осыпался. Сдѣлавъ эти распоряженія, я спокойно ожидалъ развязки. Изъ-за моста, съ генераломъ и съ прикрытіемъ, отправилось одно орудіе прямо на Духовскую площадь; но злоумышленники, видя, что ихъ замѣтили, скрылись въ казармѣ,—и стало все спокойно по прежнему.

Въ теченіе этого времени, съ 12-го по 21-е роковое число іюля, хотя и забирали какъ въ городѣ, такъ и въ округахъ главныхъ бунтовщиковъ и убійцъ, но все это дѣлалось не такъ, какъ бы слѣдовало, т. е., слишкомъ медленно,—это, кажется, и было главною причиною втораго бунта... И сами преступники, и войска, видя медленность начальства къ отысканію виновныхъ, дѣлали предположенія въ ихъ пользу. Кромѣ того, почти явно допускалось свободное сообщеніе поселянъ и жителей города, большею частію раскольниковъ (вержаковъ), съ войсками... Кантонисты, въ особенности принца Оранскаго резервнаго баталіона, какъ ближайшіе къ городу, ежедневно и по нѣскольку разъ видались со своими отцами и братьями и имѣли довольно времени склонить и товарищей своего баталіона 7-го Егерскаго и своднаго 3-го и 4-го Карабинернаго къ общему заговору и мятежу. Страшное, неслыханное происшествіе 21-го іюля не могло быть дѣломъ случайнымъ: тутъ крылся обширный заговоръ... къ несчастію, кажется, и доннѣ неоткрытый... Мѣщане и купцы города, подъ предлогомъ жалости къ войскамъ, послали въ баталіоны елочки, булки и даже вино, причемъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли возможность внушать солдатамъ противное ихъ долгу и присягѣ... Когда генераль Леонтьевъ приказалъ принца Оранскаго резервному баталіону съ площади перейти въ манежъ, гдѣ были приготовлены для солдатъ сѣно, солома и рогожи, люди вслухъ загорили: „что туда не пойдутъ; что-де тамъ хотятъ весь баталіонъ переморить, а заготовленные въ манежъ сѣно и рогожи отравлены ядами“... Къ этому прибавляли солдаты, что они дѣлали опытъ: заперли въ манежъ кошку и собаку—и тѣ тотчасъ же подошли...

20-го іюля генераль послалъ этотъ баталіонъ въ Виртембергскій округъ; но солдаты явно не хотѣли повиноваться: ни просьбы, ни угрозы не могли склонить вышедшихъ изъ всякаго повиновенія солдатъ исполнить волю начальства... Потомъ генераль хотѣлъ перевести ихъ отъ мосту на площадь, съ цѣлію удалить ихъ отъ сего

весьма важнаго пункта и поставить сюда болѣе надежныхъ солдатъ,— но они и тутъ не повиновались! Когда же самъ генералъ подошелъ къ нимъ съ маіоромъ Ясинскимъ и съ адъютантомъ гвардіи капитаномъ Кривенковымъ и началъ уговаривать ихъ, напоминать имъ обязанность и долгъ солдата, а Кривенковъ, за какую-то грубость, ударилъ кантониста,—тогда весь баталіонъ, какъ бы по командѣ, вдругъ взялъ ружья на руку и закричалъ: „ура!“... въ явномъ намѣреніи переколоть начальниковъ штыками... Маіоръ Ясинскій, бывшій подлѣ генерала Леонтьева, выхватилъ изъ ноженъ саблю, махнулъ ею надъ головами противъ него стоявшихъ кантонистовъ—и тѣ, невольно раздвинувшись, пропустили генерала и его спутниковъ.

На другой день, 21-го іюля, маіоръ Ч. отпустилъ меня отъ баталіона домой пообѣдать. Но я еще не успѣлъ сѣсть за столъ, какъ увидѣлъ на улицѣ необыкновенное движеніе и услыхалъ крики мѣщанъ и бабъ: „вотъ идутъ въ городъ всѣ поселяне принца Оранскаго округа!..“. Дѣйствительно, у самаго шлагбаума собралась большая толпа народа... Одѣвшись на скорую руку, схвативъ киверъ, саблю и шарфъ, я бросился бѣжать къ своему полу-баталіону. Жена и дѣти отправились къ женѣ маіора Исакова. На улицѣ вижу: рота Мекленбургскаго полка, содержавшая караулъ въ Дубовицахъ при штабѣ принца Оранскаго полка, ретируется оттуда въ каре, имѣя въ срединѣ всѣхъ офицеровъ, ихъ женъ съ дѣтьми, деньщиковъ и прочихъ; и всѣ они съ крикомъ и воемъ проходили мимо моей квартиры. Потомъ я узналъ, что когда поутру поселяне того округа собрались въ Дубовицы и приступили къ этой маршевой ротѣ, требуя выдачи всѣхъ офицеровъ, говоря, что есть царскій указъ, которымъ велѣно всѣхъ господъ бить... то командиръ ея капитанъ N (?) просилъ позволенія у маіора Емельянова, начальника повѣреннаго баталіона того округа, начать стрѣлять въ бунтовщиковъ; но Емельяновъ на это не согласился, а рѣшился отступить въ городъ, забравъ всѣхъ, кто только при штабѣ находился. Во время этого движенія поселяне, вооруженные кольями, ружьями, рогатинами, вилами, окружили на дорогѣ это каре и потребовали отъ маіора Емельянова выдачи: маіора Заруцкаго и капитана Карпова,—кажется ротныхъ командировъ поселенныхъ ротъ,—и Емельяновъ ихъ обомъ своеручно вытолкнулъ на жертву и вѣрную смерть. Несчастныхъ тутъ же разорвали въ клочки; потомъ, не довольствуясь двумя жертвами, изверги приступили вновь и съ необыкновенною дерзостію и проклятіями требовали и всѣхъ остальныхъ офицеровъ... Къ счастью, въ это время каре уже подошло къ городу, а мятежники начали отставать; когда

же каре вошло чрезъ шлагбаумъ, злодѣи остановились у заставы, выжидая благоприятную минуту, чтобы вторгнуться въ городъ.

Когда я бѣжалъ къ моему полубаталіону, то увидѣлъ у мосту ужаснѣйшую суету и страшный безпорядокъ... потомъ выдвинули два орудія, заряженныя картечью; роту, которая уже подошла къ мосту, раздѣлили на двѣ части и поставили по сторонамъ моста. Для прикрытія пушекъ генераль Леонтьевъ самъ находился при этомъ. Артиллерійскій капитанъ Грезновъ при мнѣ просилъ генерала позволить хоть разъ пустить ядрами въ злодѣевъ, скучившихся въ концѣ улицы у шлагбаума; но генераль не согласился, надѣясь все успокоить мѣрами кротости... Перейдя мостъ и идучи по городу, я былъ пораженъ необыкновенной тишиной, предвѣстницей ужаснѣйшей, страшной бури... Люди, какъ привидѣнія, мелькали изъ дома въ домъ, а изъ воротъ и оконъ выглядывали съ трепетомъ и ужасомъ, ожидая чего-то таинственнаго, страшнаго... Въ самой природѣ было что-то зловѣщее: былъ страшный зной, тяжело дышалось, потъ градомъ катился съ лица, во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то особенная слабость и изнеможеніе, мысли были разстроены... Солнце было какъ бы въ затмѣніи: сѣвось мглу и туманъ оно казалось раскаленнымъ ядромъ съ двумя кольцеобразными каймами.

Придя къ полубаталіону, я засталъ маіора и прочихъ офицеровъ, обѣдающими; но когда предупредилъ ихъ о томъ, что дѣлалось въ городѣ, они, бросивши все, кинулись къ баталіону, отдохвавшему въ сараяхъ, и сейчасъ же вывели всѣхъ людей на дорогу, построились въ каре и ожидали, чѣмъ все это кончится; но не видя ничего, послали въ городъ къ мосту, въ разстояніи отъ насъ болѣе 2-хъ верстъ, унтеръ-офицера узнать, что тамъ дѣлается? Спустя добрый часъ, унтеръ-офицеръ воротился и сказалъ, что поселяне прорвались чрезъ мостъ и бьютъ наповалъ всѣхъ господъ и что уже генералы Леонтьевъ и Эмме убиты... На спросъ нашъ, что же дѣлаютъ тамъ баталіоны принца Оранскаго, 7-й Егерской и 4-й Карабинерный? онъ отвѣчалъ:

— „Да ничего, стоятъ и смотрять, какъ господъ бьютъ“.

И затѣмъ прибавилъ съ злорадной усмѣшкой, что тамъ спрашиваются маіора Ч. и капитана Ушакова...

Вѣсти, сообщенныя намъ, оказались справедливыми: среди принца Оранскаго баталіона подъ знаменами въ городѣ были убиты: отрядный генераль Леонтьевъ, штабъ-лекаръ Богородской, маіоръ того полка и многіе другіе. Генераль Эмме, за долго до бунта, былъ назначенъ комендантомъ въ крѣпость Бендеры, но неизвѣстно почему не ѣхалъ къ своему новому мѣсту, точно судьба берегла его,

чтобы онъ испыталъ послѣдствія бунта. Эмме былъ жестокой чело-
вѣкъ, по общему отзыву всѣхъ, хорошо его знавшихъ. Прежде онъ
командовалъ Московскимъ гренадерскимъ принца Мекленбургскаго
полкомъ и здѣсь звѣрски обращался съ подчиненными. Въ день своей
смерти, видя невозможность защищаться отъ убійцъ, онъ бросился
въ домъ дивизионнаго начальника подлѣ самаго моста и заперся тамъ
съ нѣсколькими офицерами; но что они могли сдѣлать противъ со-
тенъ разсвирѣпшихъ кровопійцъ и притомъ безоружные? Нѣкоторые
хотѣли взять у солдатъ ружья для собственной обороны, но эти из-
мѣнники и въ этомъ имъ отказали. Матежники бросились за офи-
церами въ самый домъ, разбили двери, напали на генерала Эмме,
который защищался отъ нихъ своей золотой шпагой и многихъ изра-
нилъ; но его сбили съ ногъ и страшно изранили. Въ это время ин-
женеръ-подполковникъ баронъ Розенъ и артиллерійскій адъютантъ
Яковлевъ бросились въ тотъ же домъ въ мезонинъ и, избѣгая
дальнихъ истязаній, выскочили изъ 3-го этажа въ окно на каме-
ную мостовую но остались живы. Года черезъ три, я случайно въ
Петербургѣ встрѣтился съ Яковлевымъ: здоровье его было потря-
сено — онъ кашлялъ кровью. Злодѣи, видя, что жертвы ускользнули,
бросились внизъ и тамъ лежачихъ, облитыхъ кровью приводили въ
чувства дубинами и вольями. Къ счастью, для этихъ истинныхъ му-
чениковъ нѣкоторые изъ артиллерійскихъ солдатъ, лично знавши
адъютанта Яковлева, вырвали его и Розена изъ рукъ злодѣевъ и
спрятали подъ зарядные ящики.

III.

Мы съ Екатеринославскимъ полубаталіономъ до самыхъ вече-
рень простояли въ каре, и мой командиръ маіоръ Ч..., ради собствен-
ной безопасности, вздумалъ переодѣтыя въ солдатскую шинель и въ
киверѣ съ ружьемъ явился къ намъ. Я, какъ старшій, и прочіе
офицеры представили ему всю несообразность положенія его, въ от-
ношеніи солдатъ, и уговорили перерядиться. Вечеромъ присланъ
былъ изъ города нарочный отъ занимающаго должность военного
полиціймейстера маіора Ясинскаго, съ приглашеніемъ идти въ го-
родъ; куда мы тотчасъ же прибыли и остановились подлѣ гаупт-
вахты и градской думы, въ пространныя комнаты которой приказано
было собирать и сносить всѣ жертвы того несчастнаго дня. Тамъ
были: генералы Леонтьевъ и Эмме, полковники Андреевъ, баронъ
Розенъ, Яковлевъ, маіоръ инженерный Шахординъ, подполков-
никъ Кашперовъ, Емельяновъ, Затурскій, Ларадзи и мно-
жество другихъ офицеровъ, которыхъ я не упомяну, избитыхъ и изу-

вѣченныя ужаснѣйшимъ образомъ. Леонтьевъ и многіе другіе, частью въ ту же ночь, иныя на другой или на третій день—скончались; я къ нимъ, для прикрытія съ моею ротою, былъ поставленъ въ караулъ. Здѣсь мы простояли до 26-го числа іюля, ожидая по минутно и для себя той же участи!..

26-го іюля вечеромъ, неожиданно, будто небомъ посланный, на спасеніе наше прибылъ въ городъ, командированный самимъ государемъ, генераль Мивулинъ съ 50-ю гвардейскими уланами, а вслѣдъ за нимъ, на другой день передъ утромъ, подоспѣлъ цѣлый эскадронъ подъ командою полковника князя Багратіона. Генераль Мивулинъ въ тотъ же вечеръ объѣхалъ всѣ войска, стоявшія подъ ружьемъ; говорилъ имъ рѣчь объ обязанностяхъ солдата, о вѣрности присягѣ царю и отечеству и, потомъ объявилъ, въ особенности главнымъ бунтовавшимъ баталіонамъ принца Оранскаго и военно-рабочему, что онъ поведетъ ихъ самъ прямо къ Царю, гдѣ они могутъ объяснить свои неудовольствія и претензіи. Потомъ я водилъ его по командамъ, гдѣ лежало человѣкъ до 50-ти несчастныхъ умирающихъ и изувѣченныхъ, и онъ, со слезами на глазахъ, спрашивалъ ихъ и меня въ подробности. На другой день, 27-го числа, оба вышесказанные баталіона выступили въ походъ, подъ конвоемъ эскадрона уланъ; а на дорогѣ къ нимъ присоединилось шесть орудій конно-гвардейской артиллеріи, съ которыми тѣ бунтовщики шли до самаго Петергофа и Ораніенбаума. Орудія находились въ нѣкоторомъ разстояніи, такъ что измѣнники не видали и не замѣтили ихъ. Съ приходомъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ они надѣялись встрѣтить государя, ихъ провели къ каналу, въ который уже заранѣе присланы были изъ Кронштадта баркасы, катера и шлюпки, и тутъ же имъ приказано было немедленно садиться на суда. Солдаты зашумѣли, едва не утопили въ каналѣ командовавшаго баталіономъ, но въ это самое время, весьма кстати, раздался звучный повелительный голосъ: „смирно!“ и въ тылу солдатъ показался сильный отрядъ кавалеріи съ 6-ю конными орудіями, снятыми съ передковъ, при зажженныхъ фитиляхъ и готовыми грянуть въ непокорныхъ картечью. Эта рѣшительная мѣра принудила мятежниковъ садиться на гребни суда, которыя при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ мигомъ доставили ихъ всѣхъ (свыше 2,000 человѣкъ) въ Кронштадтъ. Здѣсь на пристани ожидалъ ихъ генераль-адъютантъ Клейнмихель, съ особымъ сильнымъ конвоемъ; по мѣрѣ приближенія къ пристани каждаго судна съ бунтовщиками, тотчасъ ихъ забирали, заковывали въ кандалы и отправляли въ крѣпостныя казематы. Въ теченіе одной недѣли дѣло было кончено: всѣхъ ихъ раздѣлили на три раз-

ряда, и каждый изъ нихъ не избѣгъ заслуженнаго болѣе или менѣе жестокаго наказанія.

Между тѣмъ у насъ, въ Русѣ, по уводѣ главныхъ злодѣевъ, водворилась нѣкоторая тишина и каждый изъ насъ, уцѣлѣвшихъ отъ избіенія, вздохнулъ свободнѣе; потомъ на 3-й или на 4-й день прибылъ къ намъ отъ государя генераль-адъютантъ графъ Орловъ съ нѣсколькими кадровыми баталіонами и казачьими полками и при немъ были открыты слѣдственные и военно-судныя комиссіи, и тутъ началась разборка. Всѣхъ поселанъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, кромѣ оставленныхъ дома наказанныхъ, сослано въ каторжную работу, на поселеніе въ Сибирь, въ арестантскія и крѣпостныя роты, съ одной нашей 2-й гренадерской дивизіи, какъ я слышалъ, болѣе шести тысячъ человѣкъ.

Въ округъ полка принца Павла Мекленбургскаго, въ самый разгаръ бунта, прибылъ изъ лагеря свой резервный баталіонъ; къ нему успѣли присоединиться уцѣлѣвшіе отъ перваго избіенія офицеры, съ своими семействами, но не надолго. На другой же или на третій день на баталіонъ этотъ напали поселане того же округа, въ числѣ болѣе 3 тысячъ, и такъ какъ солдаты или, вѣрнѣе сказать, кантонисты, дѣти тѣхъ поселанъ, не хотѣли защищать своихъ начальниковъ, то бунтовщики и ворвались въ средину каре, и въ виду цѣлаго баталіона, стоявшаго со знаменемъ, перебили всѣхъ офицеровъ на повалъ: поселеннаго баталіона командира, подполковника Воеводскаго, командира резервнаго баталіона маіора Христофовича и 12 человѣкъ офицеровъ. Одинъ только поручикъ (забылъ его фамилію) былъ спасенъ, и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ просьбамъ и слезамъ старыхъ солдатъ своей роты, которые вымолили пощаду своему любимцу. Старыхъ солдатъ въ каждой ротѣ находилось только по 60 человѣкъ; прочіе всѣ состояли изъ кантонистовъ мѣстныхъ и малаго числа поступившихъ изъ другихъ дальнихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ военныхъ кантонистовъ; резервные баталіоны въ то время состояли болѣе, чѣмъ изъ 1,400 человѣкъ, подъ ружьемъ.

Резервный полубаталіонъ Екатеринбургскаго гренадерскаго полка также былъ посланъ въ свой округъ, а другая половина его, какъ я уже говорилъ, оставалась въ городѣ, и, по прибытіи его, поступили подъ команду поселеннаго баталіоннаго командира маіора Роцинскаго. Когда бунтовщики напали на него, онъ распорядился какъ нельзя лучше: построилъ небольшую колону; болѣе половины рассыпалъ въ стрѣлки, составивъ 1-ю цѣпь изъ кантонистовъ мѣстныхъ, а 2-ю изъ кантонистовъ пришлецовъ, какъ ихъ называли. Съ пер-

выми у послѣднихъ всегда были распри. Кромѣ того, во 2-ю цѣпь пошли старыя солдаты, унтеръ-офицеры, юнкера и многіе изъ офицеровъ, взявшіе ружья съ сумами; причемъ приказано было, ежели при нападеніи бунтовщиковъ 1-я цѣпь по тревогѣ не будетъ стрѣлять, то 2-я цѣпь будетъ уже бить ихъ самихъ, какъ слушниковъ и соучастниковъ мятежа, а потому стоявшіе въ первой хорошо поняли, что вторая цѣпь въ разстояніи 30 или 40 шаговъ сзади не пощадитъ ихъ. Поселяне, не подозрѣвая, чтобы свои родные стали въ нихъ стрѣлять, смѣло пошли впередъ. Но, къ крайнему ихъ изумленію, когда они устремились на цѣпь стрѣлковъ и на колону, ихъ, по сигналу, встрѣтили батальнымъ огнемъ. Въ 1-й цѣпи одинъ кантонистъ убилъ наповалъ своего роднаго дядю. Разумѣется, эта стая, не смотря на свое многолюдство (конныхъ и пѣшихъ было, какъ мнѣ говорилъ маіоръ Роцинской, болѣе 4 тысячъ), не выдержавъ и 5-ти выстрѣловъ изъ каждаго ружья, бросилась бѣжать, давя и валя другъ друга; солдаты до того разсвирѣпили, что Роцинскому стоило большаго труда остановить бесполезное кровопролитіе.

Погибшихъ въ мятежѣ по нашему округу было: 2 генерала и 58 человекъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, не считая избитыхъ и раненыхъ. Послѣдніе, по высочайшей волѣ, воспользовались потомъ правами раненыхъ въ сраженіи противъ непріятеля по разрядамъ.

1-я гренадерская дивизія также потеряла много своихъ начальниковъ, если не ошибаюсь, еще болѣе нашего.

При семъ печальномъ разсказѣ отраднo вспомнить о множествѣ случаевъ, доказывающихъ, что и между звѣрями являлись люди, одаренные возвышеннымъ и благороднымъ чувствомъ состраданія. Многіе изъ поселянъ, движимые духомъ челоуѣколюбія, съ опасностію собственной жизни, спасали своихъ начальниковъ... За это самоотверженіе они были представлены къ наградѣ и получили по пяти и по десяти руб. асс. Кантонистъ, застрѣлившій своего дядю, по высочайшему повѣленію, произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и получилъ значительную денежную награду. Не были забыты и арестанты артиллерійскаго округа, спасшіе полковницу Малѣву: они получили денежное награжденіе и приговоръ надъ ними, за сдѣланныя прежде преступленія, былъ значительно смягченъ.

Мекленбургскій баталіонъ, такъ гнусно предавшій всѣхъ своихъ начальниковъ на позорную и ужасную смерть, при чемъ солдаты были хладнокровными зрителями ихъ избіенія, съ орудіемъ и знаменемъ въ рукахъ, былъ въ самый день прибытія графа Орлова обезоруженъ, лишенъ знамени и куда-то отправленъ изъ города—разумѣется на наказаніе.

Среди военнаго-поселенія старорусскаго отряда имѣли свои большія помѣстья отставные генералы-поляки: Буткевичъ и варшавскаго сената сенаторъ графъ Стройновскій, состоявшіе между собою въ близкомъ родствѣ. Они одни не уступили казнѣ своихъ крестьянъ, тогда какъ у всѣхъ прочихъ помѣщиковъ почти все было скуплено подъ военное поселеніе. Во время бунта, на помѣстья Буткевича и Стройновскаго также было дѣлано нападеніе поселянами; но молодая графиня, какъ новая амазонка, храбро вступила въ бой и верхомъ на конѣ хладнокровно командовала и распоряжалась своими людьми противъ нападающихъ. Не смѣю сказать утвердительно, но слышалъ я тогда, будто бы фельдъегерь отвезъ Буткевича и Стройновскаго въ Петербургъ, откуда они черезъ нѣсколько времени возвратились и, по прежнему, жили въ своихъ помѣстьяхъ, хотя въ Польшѣ у нихъ были большія имѣнія. Зачѣмъ они тутъ жили почти въ совершенной глуши? Поговаривали, будто у нихъ было нѣсколько пушекъ и много разнаго оружія и потому поселяне ничего съ ними не могли сдѣлать и были отбиты. За нѣсколько дней до бунта, въ Старую-Русу прибылъ, Богъ знаетъ откуда и за чѣмъ, отставной польской службы поручикъ Сверчковскій и остановился въ городѣ у тамошняго виннаго откупщика. Между первымъ и вторымъ возмущеніями, онъ поѣхалъ въ 1-ю гренадерскую дивизію; но проѣздомъ чрезъ округъ карабинернаго фельдмаршала Барклай-де-Толли полка, верстъ за пять до с. Коростина, повстрѣчался съ моею женою и генеральшами Леонтьевой ¹⁾ и Эмме, только что выѣхавшими оттуда. Сверчковскій въ пьяномъ видѣ остановилъ ихъ и съ дерзостію спрашивалъ:

— „Вы изъ Коростина? что тамъ дѣлается?“

Они отвѣчали: „Ничего!“

— „Не правда!“ закричалъ онъ, „тамъ уже бунтъ и бьютъ всѣхъ!“ Потомъ поскакалъ въ село. Послѣ отъ тамошнихъ офицеровъ я слышалъ, что когда Сверчковскій вѣхалъ въ село Коростино, улицы и вся площадь были запружены бунтующимъ народомъ; онъ пробирался шагомъ, стоя въ своей тележкѣ, и кричалъ:

— „Бейте всѣхъ!“ и поѣхалъ далѣе. Поселяне послѣ одумались

¹⁾ Какъ я слышалъ, Леонтьевы между собою жили въ примѣрномъ согласіи и любви, не смотря на неравенство лѣтъ. Овдовѣвъ, генеральша Леонтьева, вторично вышла замужъ за бывшаго командира гренадерскаго императора австрійскаго Франца 1-го полка генерала Обрадовича; но и съ нимъ прожила не болѣе 2-хъ лѣтъ: онъ, по неизвѣстной причинѣ, застрѣлился. Жалкая судьба молодой, милой, доброй и умной женщины, вполне заслуживавшей лучшей участи..

и послали за нимъ въ погоню нѣсколькихъ верховыхъ, которые его нагнали и воротили въ село. Здѣсь поселяне сначала присудили его повѣсить, но потомъ, съ общаго согласія, рѣшили оставить ему жизнь: обыскавъ, нашли приметъ болѣе 20 тысячъ руб. и списки всего военнаго поселенія, генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ, составленные съ невѣроятною точностію, и какія то письма. Со всѣмъ этимъ, Сверчковскаго тотчасъ же подъ карауломъ и съ депутатами отправили прямо въ Петербургъ къ государю императору. Послѣ я слышалъ отъ одного новгородскаго помѣщика, г. Александра, что онъ съ тѣмъ Сверчковскимъ встрѣтился въ городѣ Тихвинѣ: его куда-то везли подъ конвоемъ жандармовъ, но тамъ-же въ Тихвинѣ Сверчковскій зарѣзался.

Къ числу фактовъ, свидѣтельствующихъ о нераспорядительности начальства, нельзя умолчать о томъ, что послѣ перваго возмущенія, за нѣсколько дней до втораго, самъ корпусный командиръ изъ Новгорода приходилъ къ намъ въ Русу съ 2-мя баталіонами и съ 4-мя пушками; но, не входя въ самый городъ, остановился въ штабѣ гренадерскаго принца Оранскаго полка, въ с. Дубовицахъ, а на другой день ушелъ въ Новгородъ, даже не показавшись намъ. Прибывши туда, корпусный командиръ, какъ я слышалъ отъ многихъ, удалился въ свой штабъ, окруживъ его двумя баталіонами и 4 орудіями. Наконецъ губернское и военное начальство, составивъ общій журналъ или протоколъ, взяли тѣ два баталіона съ орудіями и ими защитили городскіе въѣзды отъ возможнаго вторженія мятежниковъ.

Графъ Аракчеевъ, не управлявшій болѣе въ это время военными поселеніями, жилъ спокойно въ своемъ великолѣпномъ Грузинѣ; когда начался бунтъ, поселяне полка его имени ночью стремительно бросились къ нему въ Грузино, но приближенные Аракчеева извѣстили его объ угрожавшей опасности, и онъ, какъ говорятъ, верхомъ въ халатѣ успѣлъ ускакать въ городъ, гдѣ скрывался нѣсколько дней у тамошняго предводителя дворянства....

Слышалъ я еще отъ многихъ лицъ, будто въ 1-й гренадерской дивизіи во время бунта, начавшагося въ Старой-Русѣ, погибло: штабъ-и оберъ-офицеровъ болѣе 60 или 70-ти человекъ... Такимъ образомъ этотъ бунтъ, по числу убитыхъ офицеровъ, стоилъ нашей арміи болѣе, нежели варшавскій штурмъ.

Екатеринбургъ.
Январь 1872 года.

А. О. Ушаковъ,
отставной подполковникъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ.

1718—1785.

I.

Д. В. Волковъ принадлежитъ къ числу наиболѣ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей въ русской исторіи XVIII вѣка, а между тѣмъ, едва-ли о вомъ изъ нихъ такъ мало обнародовано до сихъ поръ біографическихъ данныхъ, какъ о Волковѣ. Кромѣ небольшой замѣтки въ извѣстномъ словарѣ Бантыша-Каменскаго ¹⁾, да нѣсколькихъ упоминаній въ историческихъ монографіяхъ позднѣйшаго времени, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ ничего о Д. В. Волковѣ не было. Что же касается до его замѣчательныхъ «прожекторовъ», мнѣній и представлений, то изъ нихъ едва-ли не одна лишь записка объ Оренбургскомъ краѣ, 1763 г., была помѣщена въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» ²⁾.

Но былъ иноземецъ, современникъ Волкова, человекъ умный, наблюдательный и любознательный, который, собирая данныя о весьма многихъ достопамятныхъ русскихъ людяхъ XVIII вѣка, преимущественно о любимцахъ и баловняхъ счастія, съ любовью остановился на замѣчательной личности Волкова: это саксонецъ, тайный совѣтникъ фонъ-Гельбигъ, акредитованный при петербургскомъ дворѣ въ 1787 году, лишь два года спустя послѣ смерти Волкова прибывшій въ Россію. По живымъ свидѣтельствамъ людей, лично знавшихъ Волкова, Гельбигъ собралъ нѣкоторыя біогра-

¹⁾ «Словарь достопам. людей русской земли», изд. 1836 г., ч. I, стр. 322—324.

²⁾ 1859 г., изд. подъ ред. Е. И. Ламанскаго, ч. XXVII, отд. I, стр. 49—60.

фическія о немъ данныя и хотя не безъ ошибокъ (довольно впрочемъ крупныхъ) передалъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Russische Gunstlinge». (Tübingen, 1809, in 8°, 502 стр.)¹⁾

Помѣстивъ въ своемъ трудѣ біографіи ста десяти русскихъ и иноземныхъ историческихъ и придворныхъ дѣятелей въ Россіи (начиная съ Лефорта и кончая Кутайсовымъ), Гельбигъ съ особеннымъ сочувствіемъ, останавливается (стр. 253 — 257) предъ Д. В. Волковымъ. Вотъ небольшая статейка о немъ Гельбига, помѣщаемъ ее здѣсь, въ переводѣ, цѣликомъ.

«Для друга исторіи ничто, конечно, не можетъ быть пріятнѣе, какъ то, когда онъ, утомясь чтеніемъ обстоятельствъ жизни множества ни то ничтожныхъ, ни то злобныхъ временщиковъ, встрѣчается вдругъ съ человѣкомъ, который выдвигается (изъ толпы) при помощи (своихъ) способностей, является необходимымъ и для правителя, и для его министровъ, полезенъ народу и недостатки котораго, имѣющіе по большей части отношеніе лишь въ образу (его) жизни, какъ бы для того только и существуютъ, чтобъ еще болѣе возвысить совершенство его достоинствъ. Въ этомъ случаѣ историкъ-ислѣдователь похожъ на странника, который долго-долго бродитъ по печальнымъ и страшнымъ дорогамъ, въ суровыхъ и необитаемыхъ странахъ, или даже въ пустынныхъ песчаныхъ степяхъ, и наконецъ вступаетъ на тропинку, по которой можетъ съ удобствомъ и удовольствіемъ продолжать свое странствованіе, и находится въ такихъ окрестностяхъ, которыя небольшими уклоненіями отъ красотъ природы только еще рѣзче выказываютъ свою прелесть.

«Дмитрій Волковъ²⁾, русскій простаго происхожденія, случайнымъ образомъ былъ такъ счастливъ, что получилъ весьма рачительное воспитаніе.

¹⁾ Книга эта составляетъ большую біографическую рѣдкость. Нѣкоторыя статьи изъ нея переведены и обставлены примѣчаніями М. Н. Лонгинова («Р. А.» 1865 г.). Изъ этой же книги Гельбига нѣрѣдко дѣлали какъ мы, такъ и другіе изслѣдователи русской исторіи XVIII вѣка, извлеченія и приводили отрывки въ разныхъ монографіяхъ. Такъ, между прочимъ, см. въ статьѣ нашей: «Наталя Ѳеодоровна Лопухина» («Русск. Вѣстн.» 1860 г., кн. XVII), и друг.

Ред.

²⁾ Есть и дворянское семейство съ этой же фамиліей, и актеръ, который прозывается точно также и о которомъ будетъ еще сказано больше. Тотъ Волковъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не состоялъ въ родствѣ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

Примѣч. Гельбига.

«Занимавшись въ нѣсколькихъ Приказахъ (Canzleyen) и вездѣ оказавшись человѣкомъ весьма дѣльнымъ, онъ въ царствованіе императрицы Елисаветы поступилъ, въ качествѣ секретаря, въ такъ-называемую тогда Конференцію¹⁾. Здѣсь онъ служилъ съ большою пользою. Не было политической тайны при русскомъ дворѣ, о которой не сообщалось бы ему. Онъ долженъ былъ всѣ доклады въ Конференцію и всѣ входящія туда бумаги, прежде чѣмъ онѣ представлялись императрицѣ, переправлять такимъ образомъ, чтобъ онѣ въ состояніи были поддерживать въ Елисаветѣ ненависть къ Пруссіи. Въ эпоху Семилѣтней войны (т. е., въ концѣ 1750-хъ годовъ) онъ, предавшись карточной игрѣ, низвергнулся въ такое стѣсненное положеніе, изъ котораго не могъ его спасти даже его обширный умъ. Волковъ внезапно исчезъ и покинулъ очень достойнымъ порицанія образомъ жену, дѣтей и карьеру, безъ сомнѣнія, весьма блестящую. Такъ какъ онъ завѣдывалъ выдачей паспортовъ, то полагали, что онъ самъ написалъ себѣ таковой, чтобы уѣхать въ Берлинъ и открыть государственныя тайны русскаго двора. Стали сильно беспокоиться и обратились къ посланникамъ дружественныхъ дворовъ въ Берлинъ, чтобы тамъ провѣдать его. Какъ только Волковъ, который тайно скрывался въ своемъ убѣжищѣ, узналъ этотъ невыгодный слухъ, онъ вышелъ изъ него (убѣжища), чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть съ этой стороны спасти свою честь. При дворѣ были рады имѣть его опять и его возвращеніе (къ дѣламъ) купили уплатой его долговъ.

«Недолгое время спустя послѣ этого, Волковъ поссорился съ графомъ Бестужевымъ и открылъ его проэктъ—отстранить великаго князя Петра Ѳеодоровича отъ престолонаслѣдія, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ причиною отступленія русскихъ (въ 1757 г.) изъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого обстоятельства, Бестужевъ былъ низвергнутъ; Волковъ же, не занявъ лично никакого важнаго, почетнаго мѣста, въ сущности остался главнымъ лицомъ въ русскомъ кабинетѣ.

«Петръ III, благодарный за услугу, оказанную ему Волковымъ въ прежніе годы, питалъ къ нему величайшее довѣріе и употреб-

¹⁾ Конференція эта была тѣмъ, что называется теперь (при Екатеринѣ II) Совѣтомъ. Петръ III отмѣнилъ ее (но только) по имени.

лялъ его для самыхъ важныхъ занятій. По воцареніи своемъ, императоръ Петръ Ѳедоровичъ ничего не предпринималъ безъ совѣта и мнѣнія Волкова,—и этотъ человекъ, можно сказать, принималъ очень дѣятельное участіе въ похвальныхъ и благодѣтельныхъ поступкахъ этого монарха¹⁾. Онъ былъ на столько честенъ, что увѣдомилъ своего государя о возмущеніи, которое намѣревались произвести противъ него. Проницательный умъ Волкова почти вполнѣ разгадалъ (*durchsprähct*) это возмущеніе. Но несчастный государь пренебрегъ, по слишкомъ сильной увѣренности, предостереженіе друга, надежному руководству котораго онъ долженъ былъ слѣдовать.

Екатерина II знала предпримчивый характеръ Волкова и привязанность его къ ея супругу. Поэтому она приказала взять его подъ стражу и только тогда выпустила снова на свободу, когда уже находилась въ совершенной безопасности. Она знала его большую способность къ дѣламъ, но ни за что не хотѣла имѣть его при себѣ. Говорятъ, эта государыня часто удалала отъ себя людей съ большимъ умомъ, чтобы не показатъ виду, что она управляетъ при помощи ихъ. Какъ бы то ни было, только достовѣрно извѣстно, что Волковъ удаленъ отъ двора и получилъ мѣсто въ Оренбургѣ. Впрочемъ, по ходатайству своихъ друзей, онъ вскорѣ вызванъ былъ обратно. Его произвели въ полиціймейстеры и, наконецъ, въ дѣйствительные тайные совѣтники и петербургскіе губернаторы,—мѣсто, которымъ онъ завѣдывалъ, съ большимъ благоразуміемъ, по смерть свою. Когда свирѣпствовала въ Москвѣ чума (*Pest*), онъ былъ посланъ туда, и его благоразумными распоряженіями и неутомимыми стараніями это ужасное зло было остановлено и ослаблено. Вездѣ употребляли его, такъ какъ онъ во всѣхъ случаяхъ принималъ самыя мудрыя мѣры. Такъ, въ 1772 году Волковъ долженъ былъ отправиться съ Орловымъ на конгрессъ въ Фокшаны, но ему привелось еще остаться въ Москвѣ, гдѣ присутствіе его было необходимо.

¹⁾ См. выше записки фельдмаршала Миниха, стр. 103. Отзывъ Гельбига объ умѣ и способностяхъ Д. В. Волкова вполнѣ подтверждается и другими современниками, между прочими, англійскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ Гонрихомъ Шерлеемъ. См. «Сборн. Русск. Ист. Общ.» т. XII, стр. 341.

• Годъ смерти его столь же мало намъ извѣстенъ, какъ и подробныя обстоятельства объ его семействѣ.

• Волковъ былъ человѣкъ съ весьма просвѣщеннымъ умомъ; говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ съ величайшимъ совершенствомъ, хотя никогда не выѣзжалъ изъ Россіи; зналъ свое отечество въ точности, обладалъ необыкновеннымъ знаніемъ людей и вообще былъ однимъ изъ величайшихъ умовъ, какіе только произвела когда-либо Россія. Онъ постоянно занимался по части политики и потому могъ, на сколько это возможно для иностранца, знать выгоды и недостатки и прочихъ европейскихъ государствъ и судить о ихъ естественныхъ и политическихъ отношеніяхъ между собою. Правила его, какъ мужа, какъ отца, какъ друга, хвалились всѣми, кто его зналъ.

II.

Въ 1867 году, въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III¹⁾, мы, остановясь на характеристикѣ Волкова, отнесли къ нему нѣсколько строже, нежели отнесся къ нему Гельбигъ. Имѣя предъ собою два большія письма Дмитрія Васильевича (въ весьма точныхъ спискахъ), писанныя имъ отъ 10-го и 11-го іюля 1762 г. къ Григорію Григорьевичу Орлову изъ-подъ ареста, мы, на основаніи этихъ документовъ, указали на неблагодарность Волкова къ Петру III, осыпавшему его милостями, и котораго онъ, тѣмъ не менѣе, чернить четыре, пять дней спустя, по его кончинѣ. Отдавая полную справедливость замѣчательному уму и необыкновеннымъ дарованіямъ Волкова, какъ человѣка государственнаго, въ нравственномъ отношеніи Дмитрій Васильевичъ является, по нашему мнѣнію, совершеннѣйшимъ продутомъ той среды, въ которой онъ жилъ: слуга силы и власти, ловко отступающій отъ своихъ патронъ и даже способный предать ихъ, коль скоро въ этомъ замѣшана его личная выгода,—вотъ какимъ представляется намъ Д. В. Волковъ по отзывамъ саксонско-польскаго посла при русскомъ дворѣ Брюля²⁾. Любя карточную игру и иногда до страсти ею увлекаясь, Волковъ входилъ въ долги и для покрытія ихъ

¹⁾ «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи. очеркъ царствованія Петра III». 1762. См. въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 г., кн. VII, VIII и IX.

Ред.

²⁾ Neumann. T. V, стр. 261—269.

не чуждался и взятокъ; на этотъ грѣхъ, присущій многимъ государственнымъ дѣтелямъ его времени, указываетъ тотъ же Брюль, а равно жалуется на взяточничество Волкова московскій купецъ Михаилъ Евреинновъ въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ II въ августѣ 1762 года.

Изъ біографическихъ источниковъ, довольно впрочемъ скудныхъ, вслѣдъ за Брюлемъ, Гельбигомъ и Германомъ мы повторили, что Волковъ былъ безвѣстнаго происхожденія.

Не находя въ автобіографическихъ письмахъ Волкова за 1762 г. къ Орлову, въ подробномъ перечнѣ его трудовъ за время царствованія Петра III, ни малѣйшаго намека на участіе Дмитрія Васильевича въ составленіи знаменитаго манифеста о вольности дворянства (18-го февраля 1762 г.), мы привели нѣкоторыя замѣтки въ опроверженіе извѣстнаго разсказа кн. М. М. Щербатова о томъ, будто Волковъ написалъ этотъ актъ, и, основываясь на запискахъ Штелина, привели нѣкоторыя соображенія въ пользу той мысли, что составленіе этого манифеста принадлежитъ перу другаго дѣльца того времени—генераль-прокурору Александру Ивановичу Глѣбову («Отеч. Зап.» 1867 г., августъ, стр. 767—770).

Печатающаго очеркъ въ 1867 г., мы крайне сожалѣли, что всѣ розыски наши о потомкахъ Д. В. Волкова (мужское колѣно котораго пресѣклось) и о томъ, гдѣ находятся его бумаги и его портретъ, никогда неизданный, въ то время какъ извѣстны портреты далеко не столь замѣчательныхъ дѣтелей его времени,—крайне сожалѣли, повторяемъ, что всѣ эти розыски не привели ни къ чему.

Прошло шесть лѣтъ. Въ 1873 году мы получили отъ супруги генераль-маіора П. Д. Рудакова, Софіи Александровны Рудаковой, слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Недавно прочла я въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1867 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Шесть мѣсяцевъ изъ Русской Исторіи», біографическую замѣтку вашу о прадѣдѣ моемъ, тайномъ секретарѣ императора Петра III, Дмитріѣ Васильевичѣ Волковѣ. Тетка моя, Е. А. П. К., прочитавъ указанную мною статью, снабдила меня точными свѣдѣніями касательно семейной жизни своего роднаго дѣда, Д. В. Волкова, и пожелала, чтобы я непременно исправила неточности, вкравшіяся въ составленную вами біографическую замѣтку, а вмѣстѣ съ тѣмъ передала

мнѣ подлинныя письма императрицы Еватерины II въ Д. В. Волкову, его собственную рукопись и портретъ, снятый съ него за границей. Всѣ вышепомянутые предметы хранились у нее, какъ святыня, и разстаться съ ними, при жизни, рѣшилась она лишь для того, чтобы возстановить истину и снять нѣкоторую тѣнь со славнаго имени ея роднаго дѣда.

«Письма и портретъ предоставляю вамъ съ удовольствіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу помѣстить это заявленіе въ почтенномъ вашемъ журналѣ «Русская Старина» и тѣмъ исправить неточности и пополнить составленную вами замѣтку о Волковѣ.

«Дмитрій Васильевичъ Волковъ былъ не простаго званія человѣкъ и не безвѣстнаго рода; онъ былъ сынъ Василя Онуфріевича Волкова, столбоваго дворянина, древняго рода, помѣщика Московской губерніи, Рузскаго и Московскаго уѣздовъ. Родители его были зажиточные люди и имѣли только двухъ сыновей, Дмитрія и Онуфрія; у отца Д. В. Волкова было 800 душъ. Изъ его имѣній, между прочими, извѣстны: Колчугино съ деревнями, Московскаго уѣзда, и село Воскресенское, Рузскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее сестрѣ моей Любви Александровнѣ Ланской.

«Дмитрій Васильевичъ родился и крещенъ въ селѣ Воскресенскомъ и тамъ погребены его отецъ и мать. Старикъ Василій Онуфріевичъ былъ другъ А. П. Бестужева-Рюмина и въ нему опредѣлилъ сына Дмитрія. Другой его сынъ, Онуфрій, служилъ въ Москвѣ, гдѣ впослѣдствіи и построилъ себѣ домъ. Образованіе дѣтямъ своимъ Василій Онуфріевичъ далъ хорошее, обучивъ ихъ и нѣсколькимъ иностраннымъ языкамъ, которыми Дмитрій Васильевичъ прекрасно владѣлъ. Послѣднее обстоятельство, именно знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, упоминается и въ составленной вами біографіи и ясно доказываетъ всю несообразность вывода, предполагавшаго Волкова изъ простаго званія, такъ какъ въ то время для людей простаго званія, какъ бы умны они ни были, обученіе иностраннымъ языкамъ — было дѣломъ невысказаннымъ.

«Служебную дѣятельность свою Волковъ дѣйствительно началъ у гр. Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, къ которому поступилъ на службу, какъ замѣчено выше, по семейнымъ связямъ, и разошелся съ нимъ не изъ предательства, какъ сказано въ ва-

шей статьѣ, а по различію убѣжденій. Далѣе въ біографіи нигдѣ не упоминается, что Дмитрій Васильевичъ находился на службѣ и при императрицѣ Екатеринѣ II, исполнялъ важныя порученія, былъ оренбургскимъ губернаторомъ, с.-петербургскимъ генералъ-полиціймейстеромъ, сенаторомъ, занимался устройствомъ уѣздовъ въ Смоленской губерніи и пользовался особеннымъ довѣріемъ государыни, что доказываютъ собственноручныя ея письма къ нему ¹⁾.

«Главная мысль и честь дарованія свободы и вольности всему російскому дворянству, безспорно, принадлежитъ императору Петру III; но составителемъ замѣчательнаго о томъ манифеста, 18-го февраля 1762 г., былъ несомнѣнно Волковъ, о чемъ гласитъ преданіе, а также и о томъ, что въ бумагахъ Д. В. Волкова имѣется черновой экземпляръ, исправленный и помаранный его рукой ²⁾. Трудно даже понять, почему вы такъ упорно отказываете Волкову въ чести составленія знаменитаго манифеста 18-го февраля 1762 г., не приводя, между тѣмъ, ни одного положительнаго историческаго опроверженія ³⁾, — тогда какъ въ вашей статьѣ: стр. 746, вы сами сознаете, что безъ участія Волкова (только Волкова) не обходилось въ это кратковременное царствование почти ни одно дѣло. Конечно, Петръ III, которому вы не отказываете въ добросердечіи, великодушіи и даже умѣ, хорошо сознавалъ, что даруя вольность дворянству и дѣлая громадный

¹⁾ Обо всемъ этомъ въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III не было надобности гонорить. Въ статьѣ нашей 1867 г. приведены свѣдѣнія о Волковѣ лишь за время до воцаренія Екатерины II. Ред.

²⁾ Я надѣюсь быть на столько счастливою, что розыщу у себя въ деревнѣ заветный сундукъ съ бумагами Д. В. Волкова и съ документомъ въ рукахъ докажу всю справедливость этого факта. О существованіи вышесказаннаго сундука я недавно узнала; не сомнѣваюсь, что тамъ найдутся важные документы и бумаги. Достоинно замѣчанія, что нашлись люди, — няня Федосья, недавно умершая почти ста лѣтъ отъ роду, а также попадья въ селѣ Крестѣ, въ которомъ умеръ Д. В. Волковъ, которыя даже помнили, сколь дорожилъ этими бумагами Волковъ — этотъ слуга трехъ государей: Елисаветы, Петра III и, наконецъ, Екатерины Великой. С. А. Рудакова.

³⁾ У насъ приведены ссылки на записки Штелина, прямо указывающаго на Глѣбова, какъ на составителя этого манифеста; и указано, какъ казалось намъ, на весьма знаменательное обстоятельство: на полное молчаніе самаго Волкова въ его обстоятельномъ обзорѣни собственныхъ трудовъ за время Петра III. Отсылаемъ къ указанной выше нашей монографіи о царствованіи Петра III. Ред.

шагъ «къ освобожденію Россійскихъ рабовъ» онъ совершалъ дѣло безсмертное и отмѣчалъ себѣ мѣсто въ исторіи, а потому, согласитесь, что составленіе подобнаго документа могъ-ли онъ поручить иному, какъ не самому способному приближенному къ себѣ лицу? А кто былъ ближе къ нему, какъ не его тайный секретарь?... Одно званіе тайный секретарь доказываетъ, насколько императоръ довѣрялся Волкову, и что никто другой изъ приближенныхъ не удостоивался подобной привилегіи. Впрочемъ, вы сами свидѣтельствуете въ той же статьѣ, стр. 596, что Волковъ управлялъ умами всѣхъ членовъ совѣта, дѣлалъ, что хотѣлъ, и что на имя его адресовались, по силѣ указа Петра III, всѣ донесенія и дѣла. Какими же судьбами манифестъ 18-го февраля могъ миновать его рукъ? Ваши собственные слова доказываютъ противное, а вмѣстѣ и насколько вы впадаете въ погрѣшность, почерпая свои свѣдѣнія изъ враждебныхъ для Дмитрія Васильевича Волкова источниковъ.

«Ничего также не доказываетъ предположеніе ваше, что Волковъ въ своихъ письмахъ (1762 г.) къ графу Григорію Григорьевичу Орлову, пересчитывая, что вышло изъ-подъ его, Волкова, пера за время царствованія Петра III и хвалясь нѣкоторыми изъ своихъ произведеній, не упоминаетъ о манифестѣ 18-го февраля; и что если-бъ онъ былъ его творцомъ, то не преминулъ бы выставить это на видъ. Скорѣе слѣдуетъ предположить, что Волковъ находилъ лишнимъ упоминать о столь извѣстномъ событіи, не желая впасть въ хвастовство.

«Ваша ссылка на «Петербургскія Вѣдомости» 1762 г. (выноска въ той же статьѣ, стр. 770), какъ на доказательство, что не Волковъ, а Глѣбовъ былъ составителемъ манифеста 18-го февраля 1762 г., почему послѣдній и не былъ напечатанъ въ «Вѣдомостяхъ», все же де сочиненное Волковымъ постоянно печаталось въ нихъ, такъ какъ вы предполагаете, что Волковъ поставилъ себя въ Академіи Наукъ, издававшей «Вѣдомости», въ особенныя отношенія, въ которыя не поставилъ себя Глѣбовъ,—но все это ваше предположеніе и осталось однимъ предположеніемъ, не подтверждаемымъ никакимъ историческимъ источникомъ; вѣрнымъ же остается лишь то, что никому другому, кромѣ тайнаго секретаря Волкова, не могло быть поручено составленіе знаменитаго манифеста 18-го февраля, — иначе, пришлось бы остаться

при той мысли, чего вы не допускаете, что Петръ III былъ совершенно неповиненъ въ изданіи столь важнаго закона, сочиненнаго помимо его воли и случайно лишь скрѣпленнаго его подписью (стр. 766).

«Наконецъ, неизвѣстно почему, вы не вѣрите указаніямъ князя М. М. Щербатова и князя П. В. Долгорукова, а вѣрите лишь свидѣтельству одного Штелина, впрочемъ, ничѣмъ имъ не подтвержденнаго.

«Въ биографіи тоже нигдѣ не говорится, что императрица Екатерина II пожаловала Волкову въ 1763 году значительное имѣніе въ Лифляндіи, и что въ 1772 году пожаловала ему 1,500 душъ и 21 т. десятинъ земли въ Витебской губерніи, въ Велижскомъ уѣздѣ.

«Въ биографіи говорится, что Волковъ былъ азартный игрокъ въ карты, обремененъ долгами и, чтобы вести разгульный образъ жизни, бралъ взятки!!.. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ враждебныхъ источниковъ, такъ какъ завистниковъ и противниковъ у Д. В. Волкова было много, благодаря которымъ онъ, подъ конецъ, даже вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, не желая подчиниться произволу бывшаго тогда въ случаѣ фаворита ¹⁾. Будучи осыпанъ милостями двухъ государей, Волковъ могъ вести какой угодно образъ жизни, не прибѣгая къ взяткамъ болѣе, чѣмъ другіе дѣятели той эпохи; наконецъ, если-бъ онъ былъ такой азартный игрокъ и такъ обремененъ долгами, то не сохранилъ бы своего родоваго и жалованнаго имѣнія и не оставилъ бы значительнаго состоянія своему семейству.

«Дмитрій Васильевичъ Волковъ былъ женатъ на Прасковѣ Борисовнѣ Никитиной. У нихъ было три сына и три дочери, выданныя замужъ: Надежда—за князя Романа Николаевича Ухтомскаго, Вѣра—за статскаго совѣтника Булычева, Любовь—за надворнаго совѣтника Петра Яковлевича Гедеонова. Одинъ изъ сыновей Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ и бывший губернаторъ въ западномъ краѣ, умеръ бездѣтнымъ; Алексѣй, служившій въ гвардіи секундъ-маіоромъ, оставилъ послѣ себя одну дочь, вышепомянутую Е..... Алексѣевну, въ супружествѣ за полковникомъ П—хъ К.....мъ. У Сергія, умершаго въ 1835 г.,

¹⁾ Волковъ вышелъ въ отставку въ 1780 году, умеръ въ 1785 году.

камеръ-юнкера, была тоже только единственная дочь, покойная моя матушка, р. 1812, ум. 1853 г., Надежда Сергѣевна, въ супружествѣ за гвардіи капитаномъ Балкашинымъ и единственная наслѣдница всего Волковского рода, такъ какъ двоюродная ея сестра Е..... Алексѣевна П—хъ К.....ая, будучи бездѣтна, отказалась отъ участія въ наслѣдствѣ.

«У брата Дмитрія Васильевича Волкова, статскаго совѣтника Онуфрія Волкова, не было сыновей, но было пять дочерей: Вѣра, Любовь, Елисавета, Марія и Александра, оставшіяся всѣ въ дѣвцахъ, прожившія всю жизнь свою въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ на Тверской, противъ церкви Благовѣщенія, и погребенныя всѣ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ находится могила и моей покойной матушки. Имѣніе и домъ послѣ дѣвицъ Волковыхъ перешли, въ 1845 году, въ семейство Балкашиныхъ.

«Родовое и жалованное имѣніе Дмитрія Васильевича Волкова поступило въ раздѣлъ всѣмъ его дѣтямъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ помѣстій, проданныхъ его наслѣдниками, все перешло по наслѣдству, къ Балкашинымъ, какъ единственнымъ нынѣ представителямъ потомства Д. В. Волкова послѣ вышепомянутой Е..... Алексѣевны П—хъ К.....ой. Затѣмъ, предполагаемый вами прямой потомокъ, какой-то Ѳ. Ѳ. Волковъ, положительно невозможенъ,—въпротивномъ случаѣ, всѣ документы, бумаги, вещи, родовыя и жалованныя имѣнія, конечно, находились бы въ его рукахъ, а не у Балкашиныхъ. Что же касается до современнаго, будто бы, портрета Дмитрія Васильевича Волкова, имѣвшагося по увѣренію Ѳ. Ѳ. Волкова у него, то есть у Ѳ. Ѳ., и о которомъ вы тоже упоминаете, то прошу его считать подложнымъ, если онъ не окажется тождественнымъ съ переданнымъ вамъ мною (къ этой книгѣ «Рус. Старины» приложеннымъ въ гравюрѣ), подлиннымъ портретомъ моего прадѣда.

«Въ настоящее время жалованное имѣніе Витебской губерніи, село Крестъ, гдѣ покойный Дмитрій Васильевичъ Волковъ провелъ послѣдніе два года жизни своей и гдѣ онъ погребенъ въ 1785 г., а въ 1807—1808 гг. и жена его,—находится въ моемъ владѣніи.

«Печатаю настоящее заявленіе на страницахъ «Русской Старины», я отдаю послѣдній долгъ праху челоуѣка, плодами заслугъ котораго пользуюсь и по сей день.

«Примите, и проч.

С. А. Рудакова, рожденная Балкашина.

Отъ Редаціи. Мы съ большимъ удовольствіемъ напечатали за-
явленіе С. А. Рудаковой, такъ какъ въ немъ много фактовъ, быв-
шихъ до сихъ поръ неизвѣстными для біографовъ знаменитаго го-
сударственнаго дѣятеля. Независимо отъ приведенной записки, Софья
Александровна сообщила намъ: подлинный портретъ своего прадѣда,
Д. В. Волкова, и семнадцать подлинныхъ же документовъ, именно
писемъ къ нему Екатерины II за время съ 1762 по 1779 годъ
включительно. Эти историческіе матеріалы въ общемъ очеркъ съ нѣ-
которыми другими, весьма замѣчательными подлинными бумагами
Д. В. Волкова, мы представимъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ
„Русской Старины“¹⁾; что же касается до портрета, то онъ прила-
гается при настоящемъ выпускѣ нашего изданія²⁾.

Подлинный портретъ Д. В. Волкова, сообщенный С. А. Рудако-
вой — есть миниатюра ($1\frac{3}{16}$ вершка высота и $1\frac{2}{16}$ вершка ширина,
съ оправкою); писанъ на эмали, красками, и вдѣланъ въ золотую
брошку, съ булавкою. Волковъ изображенъ лѣтъ 30—35-ти, въ пудрен-
номъ парикѣ, съ косою; мундиръ на немъ синій, съ воротникомъ чер-
наго бархата, жилетъ красный, видно жабо и орденъ на груди крас-
наго цвѣта.

Извѣстный фотографъ нашъ С. Л. Левицкій сдѣлалъ для „Рус-
ской Старины“ самый точный снимокъ съ этого портрета Д. В. Вол-
кова, увеличивъ лишь его на столько, на сколько то было нужно для
гравюры, которая исполнена Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ и
приложена къ этой книгѣ.

Ред.

¹⁾ Нельзя не пожалѣть, что надежда С. А. Рудаковой — найти черно-
вой экземпляръ манифеста 18-го февраля 1762 г. о вольности дворянству, пи-
санный рукою ея прадѣда, не оправдалась. Она извѣстила насъ, что отпра-
ваясь лѣтомъ 1873 г. въ родовое имѣніе свое с. Крестъ, гдѣ еще вполнѣ
цѣль домъ Д. В. Волкова, она не нашла во всей усадьбѣ ни клочка его бу-
магъ; въ теченіе двадцатилѣтняго отсутствія владѣльцевъ этого имѣнія, невѣ-
жественный прикащикъ извелъ всю писанную старинную бумагу, какую до-
велось ему найти въ домѣ. Такова судьба бумагъ Д. В. Волкова; при этомъ
погибли и его записки, о существованіи которыхъ также слышала его пра-
внучка.

Ред.

²⁾ Просимъ исправить: надъ гравюрою напечатано: «Приложеніе къ
«Русской Старинѣ» 1873 г., г. VII»; читай: «Приложеніе къ «Русской Ста-
ринѣ» 1874 г., т. IX».

Ред.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

25-го ноября 1873 г.

Въ воскресенье, 25-го ноября минувшаго года, происходило въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, чрезвычайное Собраніе Русскаго Историческаго Общества.

По открытіи засѣданія, въ 3 часа, секретарь Общества г. Половцовъ прочелъ Высочайшій рескриптъ на Имя Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича нижеслѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Высочество. Состоящее подъ предсѣдательствомъ Вашимъ Русское Историческое Общество, въ теченіе семилѣтняго существованія своего, оказало немаловажныя услуги русской исторіи разысканіемъ и обнародованіемъ многихъ важныхъ документовъ, относящихся до XVIII столѣтія.

„Въ нынѣшній день, посвященный памяти императрицы Екатерины II, Мнѣ пріятно вспомнить, что труды Общества обращены были преимущественно на сохраненіе актовъ достохвальныя ея дѣяній, клонившихся къ благосостоянію и славѣ Россіи.

„Желая явить Обществу знакъ Моего благоволенія къ трудамъ его, повелѣваю ему именоваться впредь Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно Васъ любящій

АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
24-го ноября 1873 года.

Послѣ прочтенія этого рескрипта, содержащаго въ себѣ драгоценное поощреніе для дѣятельности Общества по разработкѣ отечественной исторіи XVIII в., произнесены были рѣчи: секретаремъ Общества и членами его совѣта, академиками Бычковымъ и Гротомъ.

А. А. Половцовъ, указавъ на изданный нынѣ XII томъ „Сборника Историческаго Общества“, содержащій донесенія англійскихъ пословъ при дворѣ Екатерины II, привелъ изъ переписки нѣсколько замѣчательныхъ ихъ сужденій, какъ о самой государынѣ, такъ и о графѣ Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ, который съ самаго начала ея царствованія завѣдывалъ сношеніями съ иностранными державами.

„По словамъ англійскихъ дипломатовъ, Панинъ отличался своею прямою и твердостью; мысли свои выражаетъ ясно, опредѣленно; эти мысли не прикрываютъ какихъ-либо себялюбивыхъ происковъ, не суть произведенія случайнаго впечатлѣнія или желанія блеснуть, понравиться,—онѣ составляютъ части одного цѣлаго, построеннаго просвѣщеннымъ трудолюбіемъ, дѣловою жизнью. Свои убѣжденія онъ высказываетъ императрицѣ не обманувъ и, какъ упоминаетъ однажды Макартней, цѣлый часъ отстаиваетъ свой взглядъ, нераздѣляемый государынею; онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, опасавшихся для себя обезпечить или огорчить государыню; въ дѣловыхъ сношеніяхъ Панинъ не прикрывается таинственнымъ молчаніемъ, плохо скрывающимъ бездарность: онъ всегда готовъ говорить о дѣлѣ, не тяготится имъ, не смотря на множество порученныхъ ему обязанностей; онъ любить дѣла, потому что любить свое отечество“.

Вообще, „авторы этихъ депешъ почти всегда лестно отзываются о Панинѣ и благоговѣютъ предъ дарованіемъ, характеромъ, неутомимостью императрицы. Такое свидѣтельство постороннихъ иноземныхъ очевидцевъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманіе современнаго русскаго общества, вниманіе того потомства, на пользу коего трудилась Екатерина II“.

Весьма интересная рѣчь академика А. Θ. Бычкова была главнымъ образомъ посвящена разсмотрѣнію заслугъ Екатерины II русской исторіи. Показавъ, что эта наука, собственно, только и началась съ ея царствованія, онъ обозрѣлъ труды Шлепера, Щербатова, Новикова, Стриттера, Болтина, Голикова, Миллера, коснулся изданія исторіи Татищева и потомъ перешелъ къ однороднымъ занятіямъ самой императрицы, плодомъ которыхъ были ея „Записки касательно россійской исторіи“. „Такимъ образомъ, по свидѣтельству г. Бычкова, императрица Екатерина II является средоточіемъ, изъ котораго исходить все, совершенное во второй половинѣ XVIII столѣтія въ области русской исторической науки, сдѣлавшей, благодаря ея покрови-

тельству, вниманію и ободренію, замѣчательные успѣхи не только между записными учеными, но и въ средѣ полуобразованной, вдали отъ центровъ умственнаго движенія. Такъ, въ Архангельскѣ, въ началѣ ея царствованія, возникло общество съ цѣлью собирать древніе рукописи, акты и лѣтописи и отсылать все это для напечатанія въ Академію Наукъ. Но это Общество, родоначальникъ всѣхъ историческихъ Обществъ, нынѣ существующихъ, должно было въ 1768 году прекратить свою дѣятельность вслѣдствіе отказа архангелогородскаго губернатора Головцына допустить его членовъ къ осмотру древнихъ актовъ, хранящихся въ архивахъ“.

Упомянувъ далѣе о трудахъ по русской исторіи, явившихся „внѣ непосредственнаго вліянія государыни, благодаря движенію, возбужденному въ обществѣ къ изученію прошлаго своего отечества“, г. Бычковъ въ заключеніе замѣтилъ:

„Высочайшая милость, дарованная Обществу, и поощрительное вниманіе, которое его труды постоянно встрѣчаютъ въ Августѣйшей Семѣ, безъ всякаго сомнѣнія, усугубя въ его членахъ рвеніе къ скорѣйшему, по возможности, обнародованію всего, что было писано объ императрицѣ и ея самою. А она въ своихъ замѣткахъ не разъ высказывала задушевные желанія о томъ, чтобы Россія процвѣла промышленностью, искусствами и наукою, и чтобы она, идя постоянно впередъ по пути развитія, заняла почетное мѣсто среди европейскихъ державъ. Эти желанія Екатерины II священно исполняются ея державнымъ правнукомъ“.

Предметомъ рѣчи академика Я. К. Грота было изображеніе личности Екатерины II на основаніи того, что сама она писала, и преимущественно ея литературной переписки. Послѣ краткаго очерка безчисленныхъ и разнообразныхъ письменныхъ трудовъ государыни, Я. К. Гротъ продолжалъ:

„Главный источникъ такой производительности пера Екатерины заключался, конечно, въ свойствахъ ея характера и ума, въ ея неутомимомъ трудолюбіи; но къ тому присоединялось также, въ сильной степени, вліяніе духа времени, который одну изъ высшихъ заслугъ ставилъ въ занятіяхъ философа и писателя, въ дѣятельности, доставившей многимъ первостепеннымъ умамъ вѣка и новую славу, и новое значеніе. Къ сближенію съ ними, къ подражанію этимъ умамъ, которые считались и сами себя считали просвѣтителями челоуѣчества, въ одно время съ Екатериною стремились также другіе два монарха: Фридрихъ II и король шведскій Густавъ III. Оттуда возникла и та обширная переписка, которую императрица вела сперва съ д'Аламберомъ, Дидро и Вольтеромъ, потомъ съ полунѣмцемъ, полу-

французомъ Гриммомъ и наконецъ съ ганOVERскимъ ученымъ Циммерманомъ. Орудіемъ переписки со всѣми ими служилъ, почти исключительно, французскій языкъ. Эти сношенія имѣли многообразную цѣль: съ одной стороны, Екатерина желала такимъ способомъ быть постоянно въ извѣстности обо всемъ, что происходило на западѣ и что о ней говорили; съ другой, зная обширныя связи этихъ лицъ, а также ихъ авторитетъ и вліяніе на общественное мнѣніе, она желала своими письмами къ нимъ распространять за границею вѣрныя, или по крайней мѣрѣ, согласныя съ ея видами, свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ, опровергать клеветы и живые толки, которые безпрестанно были распускаемы врагами Россіи. Къ этимъ соображеніямъ примѣшивалось, конечно, и славолубіе, сильно возбуждавшее вообще дѣятельность Екатерины; но то было славолубіе благородное, проистекавшее изъ уваженія къ умственному господству, изъ стремленія заслужить одобреніе просвѣщеннаго міра. Кромѣ того естественно, что государынѣ, чувствовавшей потребность въ простомъ, задушевномъ обмѣнѣ мыслей съ умными и свѣдущими людьми, отрадно было порою сбрасывать съ себя всѣ узы придворнаго этикета, забывать стѣснительныя требованія своего сана въ сношеніяхъ съ другими и вести непринужденную бесѣду съ иностранцами, которыхъ она искренно уважала, къ которымъ могла обращаться просто, какъ къ чело-
вѣкъ къ челоуѣку“.

Затѣмъ г. Гротъ охарактеризовалъ переписку Екатерины II съ M-me Geoffrin, жившей въ Парижѣ, и г-жею Бьельке — въ Гамбургѣ, съ Вольтеромъ, съ энциклопедистами, съ Циммерманомъ и съ пріѣхавшимъ въ Россію французскимъ эмигрантомъ Сенакъ-де-Мельяномъ. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру выставленъ былъ особенно ихъ патріотическій характеръ и показано, что на эту сторону ихъ ссылалась сама императрица для оправданія себя противъ обвиненій, которымъ подверглись со стороны одного духовнаго лица ея сношенія съ этимъ писателемъ. Разсмотрѣвъ также общій взглядъ ея на философовъ XVIII вѣка, согласный съ мнѣніемъ современнаго намъ англійскаго историка Маколея, о ихъ благородномъ стремленіи приносить пользу челоуѣчеству, противодѣйствовать злоупотребленіямъ и несправедливости. Относительно обширной переписки Екатерины II съ Гриммомъ мы узнали изъ рѣчи Я. К. Грота, что письма императрицы къ этому лицу будутъ въ первый разъ напечатаны въ слѣдующихъ томахъ „Сборника Историческаго Общества“.

Далѣе приведенъ былъ весьма интересный отрывокъ, въ которомъ императрица изображаетъ самую себя, изъ неизвѣстной доселѣ переписки ея съ Сенакъ-де-Мельяномъ, имѣющей также войти въ Сбор-

никъ. „Не смотря на мою природную гибкость“, писала ему, между прочимъ, Екатерина, „я умѣла быть упрямою или твердою (какъ угодно), когда это было нужно. Я никогда не стѣсняла ничего мнѣнія, но, въ случаѣ надобности, имѣла свое собственное. Я не люблю споровъ, убѣдившись, что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи; при томъ же я не умѣю говорить особенно громко. Я никогда не была злопамятна, потому что такъ поставлена Провидѣніемъ, что не могла питать этого чувства къ частнымъ лицамъ и находила обоюдныя отношенія слишкомъ неравными, если смотрѣть на дѣло справедливо. Вообще я люблю правосудіе (la justice), но нахожу, что вполне строгое правосудіе не есть правосудіе, и что одна только справедливость (l'équité) соразмѣрна съ слабостію чловѣка. Но во всѣхъ случаяхъ чловѣколюбіе и снисхожденіе къ чловѣческой природѣ предпочитала я правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное мое сердце, которое я считала кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости, и случалось, что иные изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный, но на своемъ долгомъ вѣку я не могла не узнать, что есть желчныя умы, которые не любятъ веселости, и не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность“.

Наконецъ, академикъ Гротъ, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, изобразилъ въ характеристическихъ чертахъ гениальную личность Екатерины, и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: „Екатерина любила увѣковѣчивать заслуги своихъ сподвижниковъ памятниками. Она почтила такимъ же образомъ память Петра Великаго. Теперь Россія, подъ славнымъ скипетромъ Александра II, воздастъ дань правосудія Екатеринѣ и ставитъ ей монументъ, сооруженный русскимъ художникомъ и превосходящій по громадности размѣровъ все, что до сихъ поръ существуетъ въ этомъ родѣ. Не служить-ли это торжественнымъ заявленіемъ признанія благихъ началъ и великихъ основъ царствованія Екатерины? Не служить-ли памятникъ ея священнымъ залогомъ, что тѣже начала мудрости, чловѣколюбія и просвѣщенія твердо положены въ основаніе всего будущаго развитія Россіи?“.

„Памятникъ Екатеринѣ, въ обстановкѣ главныхъ ея сподвижниковъ, становится памятникомъ всего ея царствованія. Россія гордится ихъ именами; они составляютъ украшеніе вѣка Екатерины и не будутъ забыты исторіею... Среди первостепенныхъ сановниковъ и славныхъ полководцевъ мы видимъ здѣсь и писателя, изображеніемъ

котораго на монументѣ великой императрицы воздана честь таланту и литературной заслугѣ. Державинъ всего блистательнѣе выполнитъ ту сторону своего призванія, на которую ему указывало глубокое пониманіе духа Екатерины и восторженное сочувствіе къ славнымъ событіямъ ея царствованія. Величавые образы, въ которыхъ онъ начерталъ ее и главныхъ ея пособниковъ, также безсмертны, какъ и самыя дѣла ихъ. Изображая Екатерину во всѣхъ проявленіяхъ ея личности, Державинъ сказалъ, между прочимъ:

«Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ изливаешь».

„Предметомъ бесѣды моей о Екатеринѣ II и было именно воспоминаніе нѣкоторыхъ чертъ этой стороны ея дѣятельности, особенно занимающей наше Историческое Общество. Мы имѣемъ счастье видѣть здѣсь сегодня Августѣйшаго предсѣдателя его. Ваше императорское высочество! Провидѣніе даровало вамъ неоцѣненное счастье видѣть на дѣлѣ многія изъ обширныхъ предначертаній Екатерины уже осуществленными Августѣйшимъ родителемъ вашимъ. Духъ великой прабабки обновился въ славныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ нынѣшняго благословеннаго царствованія. Но пути развитія въ области бытія народовъ безконечны. Еще обильная жатва ждетъ дѣлателей и въ жизни, и въ наукѣ. Много еще трудовъ предстоитъ намъ, русскимъ, по исторіи—этой отрасли знанія, успѣхами которой измѣряется степень просвѣщенія націй. Мудростію Государя Императора намъ уже дарована возможность прилежно извлекать изъ праха архивовъ живыя основы для такого изученія, а Вашему Императорскому Высочеству русская историческая наука уже обязана богатымъ приращеніемъ своихъ источниковъ. Да продолжаетъ она, подъ благотворнымъ покровительствомъ Вашимъ, обогащаться на освѣщеніе нашего прошлаго, на преуспѣваніе истины въ бытописаніяхъ, какъ и въ жизни, чтобы, при помощи собираемыхъ сокровищъ, при могущественномъ содѣйствіи Вашемъ, создалась, наконецъ, правдивая, вполне достойная своего предмета, исторія Екатерины Великой“.

XXXV ЛѢТЬ

ученой и литературной дѣятельности

Н. И. КОСТОМАРОВА

1838—1873.

9-го мая 1873 года исполнилось 35 лѣтъ ученой и литературной дѣятельности бывшего профессора въ двухъ университетахъ Н. И. Костомарова. По этому случаю почитателямъ нашего заслуженнаго историка пришло на мысль поднести ему альбомъ.

Серебряная чеканка альбома, по рисунку профессора Академика Н. Н. Ге, исполнена придворнымъ мастеромъ серебряныхъ и бронзовыхъ издѣлій г. Верховцевымъ. Рисунокъ изображаетъ, съ правой стороны: Богдана Хмельницкаго, Виговскаго, Разина, Рѣчь посполитую. Самозванца, Московскаго боярина, царя Ивана IV, Александра Невскаго, Удѣльнаго князя, Владиміра Мономаха, Владиміра Сватаго, Ольгу и Варяговъ. Съ лѣвой стороны: кобзаря и на переднемъ планѣ чернильницу, лѣтописи и развернутый свитокъ съ надписью: 1838—1873. Сверху: надписи „Харьковъ, Кіевъ, Петербургъ“, — означаютъ университеты, гдѣ слушалъ и читалъ лекціи Николай Ивановичъ. Снизу: „Н. И. Костомарову“ и „девятое мая“, время—когда вышло въ свѣтъ первое его сочиненіе въ 1838 году.

Беличина альбома нѣсколько болѣе почтоваго листа, въ 4-ю долю, для помѣщенія значительнаго числа фотографическихъ карточекъ. Заказъ и исполненіе альбома произведено при посредничествѣ и подъ наблюденіемъ Николая Ивановича Катенина.

Лицъ, пожелавшихъ этимъ подаркомъ почтить тридцати-пятилѣтнія заслуги Н. И. Костомарова въ области наукъ русской исторіи, археографіи, археологіи и этнографіи, оказалось столь много, что взносовъ съ каждаго по раскладкѣ оказался незначителенъ. Въ собраніи владчиковъ избраны депутатами профессора С.-Петербургскаго университета гг. Савичъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и бывший профессоръ А. Н. Пылинъ, которые вмѣстѣ съ Н. И. Катенинымъ, 16-го декабря 1873 г., поднесли альбомъ Н. И. Костомарову.

Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Изъ записной книги собирателя памятниковъ Русской исторической старины.

I.

Въ народной памяти, отъ времени Петра Великаго, сохраняется славное имя князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, какъ праведнаго судьи, чуждаго всякой корысти, смѣлаго на противорѣчія царю, хоть и чуждому лести и доступному правдѣ, но подъ часъ грозному, — удѣль немногихъ изъ современныхъ ему дѣятелей и сподвижниковъ Петра I! «И тому судѣе угодить на нашъ народъ было невозможно¹⁾», писалъ о покойномъ Долгорукомъ († 24-го іюля 1720 года) графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, какъ бы въ оправданіе юстицъ-коллегии, которая не успѣвала всѣмъ угодить: но когда «въ прошлыхъ годѣхъ, князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукой сидѣлъ въ судномъ приказѣ²⁾, то въ одинъ годъ съ полтора ста дѣлъ по челобитьямъ на его вершеніе было перенесено въ расправную палату». Судя по рассказамъ, Долгорукой представлялся современникамъ, какъ олицетвореніе честнаго, въ полномъ смыслѣ слова, слуги царя и отечества.

Казалось бы, что ближайшее знакомство съ княземъ Яковымъ Ѳеодоровичемъ Долгорукимъ, должно бы раскрыть передъ нами и тотъ идеаль государственный дѣятели, который, въ началѣ XVIII вѣка, носился въ понятіяхъ русскаго общества.

Если бы дѣйствительность эта и не выдержала современной критики, то все же за Долгорукимъ осталась бы слава одного изъ лучшихъ представителей петровскаго общества.

Въ видахъ таковаго ближайшаго изученія официальной дѣятельности знаменитаго сенатора, — насколько возможно высмотрѣть ее въ коллегіальныхъ

¹⁾ См. «Исторію Россіи» Соловьева, т. XVI, стр. 192.

Н. С.

²⁾ Кн. Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ сидѣлъ въ Судномъ московскомъ приказѣ судьей въ 198 году и вторично въ 205 году (см. Голякова, т. XVII, стр. 229).

Н. С.

постановленіяхъ сената, за время присутствованія кн. Я. Ѳ. Долгорукова съ 1712 по 1720 гг.—всякое достовѣрное о ней извѣстіе должно быть тщательно отиѣчено, сохранено и передано, какъ матеріалъ для будущаго его біографа.

«Увѣдомились мы»,— писали (12-го іюня 1717 г.) князю Меншикову сенаторы князь Яковъ Долгорукой, гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ и Т. Н. Стрешневъ, — «что нарвскаго гарнизона капитанъ Андрей Михайловъ, сынъ Наумовъ ¹⁾, по крѣпекху осужденъ на смерть, а онъ желаетъ привести послѣднее себѣ оправданіе и просить, дабы взять его къ вашей свѣтлости въ С.-Петербургъ; того ради прикажи ваша свѣтлость онаго афицера въ С.-Петербургъ привести и въ томъ его разспросить передъ собою. А ежели онъ оправданіе себѣ не принесетъ, потому приметъ себѣ достойную смерть». На другой же день Александръ Меншиковъ отвѣчалъ сенаторамъ, — что «по оному писанію ихъ, отъ него писано въ Нарву, дабы капитана Наумова, впредь до присланнаго указа, ежели оной застанетъ, не вершили. А каѳое его оправданіе, которое онъ желаетъ здѣсь объявить вашимъ сіятельствамъ и превосходительствамъ, онъ-ли, Наумовъ, или кто другой объявилъ письменно или словесно: о томъ извольте приказать меня обо всемъ обстоятельно увѣдомить немедленно, понеже я о томъ вершеніи, по прошествіи трехъ дней, пакы указъ пошлю; такожь ежели сюда его взять, то извольте приказать принять его и другихъ, которые есть съ нимъ по тому дѣлу въ Нарвѣ, за свой караулъ, и когда оное учинить изволите, то я совсѣмъ дѣломъ и съ помянутыми по тому дѣлу коюдники отсылкою къ вашимъ сіятельствамъ и превосходительствамъ надлежащее исполненіе учинить не оставлю».

Запросъ этотъ сдѣланъ былъ не безъ нѣкоторой хитрости со стороны князя Меншикова, который очень хорошо зналъ, кто изъ сенаторовъ принималъ сердечное участіе въ судьбѣ приговореннаго капитана, и что въ сенатъ не поступало челобитной ни отъ самаго осужденнаго, ни отъ родныхъ его! И вотъ въ тотъ же день жилецъ Иванъ Андреевъ, сынъ Наумовъ, подаетъ въ канцелярію совѣта челобитную:

«Увѣдался я, низжайшій рабъ вашъ, что брата моего роднаго, сына Нарвскаго гарнизона капитана Андрея Наумова, повелѣно казнить смертью; того ради я поѣхалъ къ нему, чтобъ мнѣ при смерти его быть, и какъ его, пріѣхавъ, увидѣлъ и онъ мнѣ говорилъ, что-де въ томъ дѣлѣ, по которому онъ осужденъ, имѣетъ оправданіе принести, которое на письмѣ желаетъ со мною послать, токмо, государь, ему чернилъ и бумаги не дають и писать ничего не велятъ и у меня, низжайшаго раба вашего, какъ къ нему ходилъ, на дорогѣ, писемъ, и чернилъ, и бумаги осматривали и за такую крѣпостью ему оправданія своего написать было и со мною послать невозможно, а просилъ меня о томъ въ той своей смертной горести слезно, чтобы мнѣ о взятѣ его въ Петербургъ, по выслушаніи у него его оправданія, просить милости у вашего царскаго величества.

¹⁾ Капитанъ Наумовъ съ нѣкоторыми другими служащими обвинялся и повинился въ кражѣ государева хлѣба съ житнаго двора. Розыскное объ этомъ дѣлѣ производилось въ нарвскомъ гарнизонѣ 715 и 716 гг., а выпись изъ онаго (25-го февраля 716 г.) послана была къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, который, 2-го марта того же года, предписывалъ: «дабы по тому розыскному дѣлу винные всѣ были въ крѣпкомъ содержаны караулѣ и закованы въ кандалы».

«Всемилюстивѣйшій государь! прошу вашего величества, вели, государь, вышереченнаго моего роднаго племянника, Андрея Наумова, въ Нарвы взять въ Петербургъ, и которое онъ въ твоемъ дѣлѣ оправданіе имѣеть у него принять и его великаго государя милостивой указъ учинить».

Съ необычною скоростію, по крайней мѣрѣ, для тогдашняго дѣлопроизводства въ сенатѣ, письмомъ отъ 14-го іюня 1717 года сенаторы (тѣже, съ присоединеніемъ гр. П. Апраксина и М. Самарина) увѣдомляютъ Меншикова, что «объ Наумовѣ подавъ въ канцелярію сената челобитную дядя его Иванъ Наумовъ, въ которой написанъ, что какъ поѣхалъ къ нему, чтобы быть при смерти его, и онъ ему говорилъ, что-де въ томъ дѣлѣ, по которому онъ осужденъ, имѣеть оправданіе принести, которое на письмѣ желаетъ съ нимъ послать, токмо чернилъ и бумаги ему не даютъ и писать ничего не велать и затѣмъ оправданія своего написать ему было и съ нимъ послать невозможно, а просилъ его, чтобы о взятіи его въ С.-Петербургъ и о выслушаніи у него оправданія просить милости у царскаго величества ему. И когда ваша свѣтлость изволишь приказать привезть сюда, то для пріему онаго посланъ изъ канцеляріи сената поручикъ Макуловъ и десять человѣкъ драгунъ, которыми, дабы ваша свѣтлость объ отдачѣ его благоволил, къ кому наддежить дать письменный указъ, а прогнаны ему и на конвой даны».

Іюня въ 22-й день, поручикъ Макуловъ въ канцелярію сената явился и объявилъ: «капитана Наумова, поручика Обернибесова и солдатъ 7 человѣкъ». Ихъ содержатъ подъ карауломъ; но не требуютъ отъ Наумова принесенія общаго оправданія въ своихъ винахъ.

Наступаетъ торжественный день празднованія тезоименитства государя, который, какъ извѣстно, въ то время былъ «въ европейскихъ государствахъ», а царевичъ Алексѣй — въ бѣгахъ. «1717 года іюня въ 29-й день, въ тезоименитство великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, въ домѣ его величества при столѣ правительствующей сенатъ и прочіе будучи, просили у дѣтей его, государевыхъ, благороднаго великаго государя царевича и великаго князя Петра Петровича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и великихъ государынь, благородныхъ царевенъ и великихъ княженъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны о свободѣ отъ смерти виновныхъ: Нарвскаго гарнизоннаго полку капитана Андрея Наумова и поручика Петра Обернибесова и семи человѣкъ солдатъ; на которое прошеніе благородныя великія государыни царевны и великія княжны Анна Петровна и Елисавета Петровна и за брата своего великаго государя благороднаго царевича и великаго князя Петра Петровича указали тѣхъ виновныхъ, для многолѣтнаго здравія и тезоименитства отца своего великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и его государя царевича, отъ смертной казни освободить; а о низложеніи чиновъ отослать ихъ генералу-фельдмаршалу и тайному совѣтнику, кавалеру, свѣтлѣйшему князю и учинить ему по своему разсмотрѣнію»¹⁾.

¹⁾ Протоколъ этотъ, за подписью сенаторовъ: князя Якова Долгорукова, графа Ивана Мусия-Пушвина, Тихона Стрешнева и Михайлы Самарина. О помилованіи Наумова и пр. сообщено было кв. Меншикову изъ сената письмомъ отъ 18-го іюля 1717 г. за общимъ приписаніемъ.

II.

Помилованіемъ отъ смертной казни Андрей Наумовъ, очевидно, обязанъ былъ всеявленному заступничеству князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, которій, по первой женѣ своей (Ульянѣ Ивановнѣ Наумовой), состоялъ въ свойствѣ съ Наумовымъ, а подвигнуть былъ къ тому близкимъ родственникомъ приговореннаго и въ тоже время весьма близкимъ человѣкомъ при генералъ-пленипотенціарѣ-кригсъ-коммисарѣ—князѣ Долгорукомъ, Ѳеодоромъ Васильевичемъ Наумовымъ, въ то время ревизоръ-кригсъ-коммиссаромъ, а, послѣдствіи, до самой смерти въ 1762 году, занимавшимъ важныя государственныя посты ¹⁾ Помилованный Андрей Михайловъ Наумовъ, за ходатайство о себѣ, щедро отблагодарилъ Ѳ. В. Наумова, завѣщавъ ему въ 1721 году все свое недвижимое имѣніе.

Эта услуга, оказанная сенаторомъ Долгорукинымъ семейству Наумовыхъ, была, кажется, не первою: въ одномъ подметномъ письмѣ, 29-го декабря 1713 года, Долгорукихъ обвиняли, что они «вора Наумова отписныя деревни отдали по свойству сыну его».

Послѣдствіи, когда именнымъ указомъ отъ 15-го декабря 1717 года, кн. Я. Ѳ. Долгорукой назначенъ былъ президентомъ въ ревизіонъ-коллегію, то по старческой привычкѣ къ прежнимъ своимъ подчиненнымъ въ военной коллегіи, онъ потребовалъ къ дѣламъ въ ревизіонъ-коллегію, въ числѣ другихъ, и Федора Наумова.

Случившіеся при этомъ представленіи его въ сенатъ сенаторы адмиралъ Апраксинъ и Александръ Меншиковъ, хотя и не благоволившіе къ Долгорукому, изъявили-было свое согласіе на этотъ переводъ. Но въ тотъ же самый день (5-го іюня 1718 года) противъ этого опредѣленія подаетъ протестъ ревизоръ при сенатѣ, Василій Зотовъ: «Прошедшаго декабря 11-го дня 1717 г., указомъ его царскаго величества предложено выбирать въ коллегіи совѣтниковъ и ассесоровъ президентамъ, чтобъ не были его сродники или собственныя клеотуры, и представля въ собраніи всѣхъ коллегій выбирать балотиромъ; а прошедшаго апрѣля 9-го дня генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-коммиссаръ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ просилъ ваше величество, чтобъ въ коллегію къ нему опредѣлить Ѳеодора Васильева сына Наумова, о которомъ и позволено, а оной, Наумовъ, ему, генералу-пленипотенціару, свойственникъ и всегда бываетъ при домѣ его».

Вслѣдствіе этого протеста и подъ тѣмъ предлогомъ, что «протчіе сенаторы при томъ не были, по приговору 5-го іюня, за подписью Апраксина и Меншикова, ничего не произведено», какъ гласитъ отмѣтка въ дѣлѣ.

Но, не смотря на то и безъ вѣдома сената, которій въ 1720 году, послѣ уже смерти кн. Долгорукова, отзывался, что «въ сенатѣ невѣдомо, по какому его великаго государя указу и съ котораго году, мѣсяца и числа» свойственникъ его Ѳ. В. Наумовъ попалъ въ совѣтники ревизіонъ-коллегіи.

Изъ числа дѣяковъ, тѣмъ же докладомъ сенату, князь Долгорукой требо-

¹⁾ Ѳ. В. Наумовъ отъ брака съ младшею дочерью сенатора М. Самарина, Марьею Михайловною, имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, которыя безъ помѣства померли при жизни отца; одна только дочь, княгиня Анна Ѳеодоровна Бѣвосельская, пережила отца, получивъ отъ него значительное наслѣдство, котораго не умѣла сберечь.

валъ присылки къ дѣламъ въ ревизіонъ-коллегію: Ивана Молчанова, Аннсіма Маслова и Артемія Навротцкаго. Въ свое время это были дѣльцы, безъ которыхъ Долгорукой обойтись не могъ: Аннсимъ Масловъ, впоследствии оберъ-секретарь сената, а до того служившій дьякомъ въ военной канцеляріи, пользовался особенно его милостію; дьякъ Артемій Навротцкій, замѣнившій правителя суконнаго дѣла въ Москвѣ Илью Исаева, который 7-го апрѣля 1712 года назначенъ былъ въ Ригу, тоже служилъ подъ начальствомъ князя Я. Ѳ. Долгорукова, такъ какъ суконные двory вѣдались военною же канцеляріею. Въ переводѣ этихъ дьяковъ въ ревизіонъ-коллегію препятствія не встрѣтилось и имъ въ этой коллегіи, при президентѣ кн. Долгорукомъ, пришлось играть не послѣднюю роль.

Когда, подпавшему подъ царскій гнѣвъ, сенатору Василию Андреевичу Опухтину (ему жгли языкъ), жившему въ опалѣ въ Москвѣ и принявшему въ 1718 г., какъ милость, имянный указъ, повелѣвавшій «ему вѣдать домъ и вотчины Миритинской царицы», когда — говоримъ — приходилось ему требовать съ князя Я. Ѳ. Долгорукова какія-то деньги по прежнимъ съ нимъ счетамъ, то Опухтинъ обратился къ оберъ-фискалу Алексѣю Нестерову, прося его, «чтобы онъ поговорилъ Федору Наумову и другу своему оберъ-секретарю Аннсиму Маслову, чтобы они (Федоръ Наумовъ по свойству съ княземъ Яковомъ Федоровичемъ, а Аннсимъ Масловъ былъ у него-жъ въ великой милости) попросили у дочери его, чтобы она, очищая душу покойнаго отца своего, велѣла ему, Опухтину, отдать, что отецъ ея взялъ у него въ займы—200 червонныхъ, да вдобавокъ кубковъ серебряныхъ, золоченыхъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, цѣною слишкомъ въ 100 рублей, да карету, которую князь Яковъ Федоровичъ взялъ у него-жъ, Опухтина, въ цѣну слишкомъ во 100 рублей, и съ собою взялъ въ С.-Петербургъ и хотѣлъ-было за ту карету и за кубки отдать ему въ Петербургѣ деньги, также и червонные заплатить; а то все, по смерти его, осталось дочери его, о чемъ онъ, Опухтинъ, и самъ у Наумова и Маслова просилъ, также и отцу ея духовному (что нынѣ въ С.-Петербургѣ въ Петропавловскомъ соборѣ протоиеръ) просилъ многожды, дабы онъ, по духовенству, дочери его поговорилъ о томъ.

«А о двухъ пудахъ серебра и о стеклахъ, ни о какихъ ему, Нестерову, онъ, Опухтинъ, не говаривалъ и князь Яковъ Федоровичъ дву пудъ серебра и ковровъ у него не бировалъ, только-де князь Яковъ Федоровичъ у Сидора Томилина два полоза съ протычкою золотою не дорогіе, поминтся, цѣною по 18 рублей за полозъ, а за тѣ-де полозы и донныя на немъ, Опухтинъ, Сидоръ Томилинь денегъ взыскиваетъ».

Такъ, оправдывая себя, Опухтинъ очищалъ и память кн. Я. Ѳед. Долгорукаго противъ изведеннаго на него подозрѣнія оберъ-фискаломъ Нестеровымъ, который, въ концѣ 1722 года, чтобы затянуть производившееся о немъ слѣдствіе, вскрывалъ многія мнимыя злоупотребленія живыхъ и покойниковъ. «Князь Яковъ Федоровичъ Долгорукой» — объяснял Нестеровъ въ одномъ изъ своихъ показаній, — «въ бытность свою въ Москвѣ, какъ Опухтинъ былъ на денежномъ дворѣ, взялъ съ него напрасно пуда съ два серебряной посуды, да карету, да ковры съ золотомъ, да стекла большія, а поминтся-де и про нѣсколько денегъ говорилъ мнѣ, Нестерову, онъ, Опухтинъ; однако-жъ, того за подлинникъ написать не могу». Когда же предъявили Нестерову возраженія Опухтина, то онъ, обличая его во лжи, въ явномъ несогласіи съ тѣмъ, что самъ прежде говорилъ ему, замѣчалъ, что «если-бъ подлинно въ займы, а не

такъ, какъ ему Опухтинъ сказывалъ, въ столькіе годы для чего-бъ ему по смерти Долгорукова молчать и у самаго у него о томъ уже не просить, чтобъ онъ ему и самъ заемное и въ цѣну могъ заплатить и отдать безъ всякаго себѣ зазрѣнія?»

Въ надеждѣ вновь поднять старое дѣло о расхищеніи царской казны на московскихъ денежныхъ дворахъ при сенаторѣ Опухтинѣ, который уже безъ того жестоко заплатился за нихъ, не оставляя въ покоѣ и фельдмаршала гр. Бориса Петровича Шереметьева, и князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго, подсудимый Нестеровъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ своими оговорами.

«Василій Опухтинъ (показывалъ онъ, между прочимъ), будучи на денежномъ дворѣ, укралъ явно съ того двора казенныя государевы большія стекла, и какъ-де у него описывали домъ его московскій и онъ, Опухтинъ, тѣ стекла назвалъ, скрывая, Михайловыми Самарина, а они-де подлинно государевы и онъ, по тѣмъ его словамъ, ни въ Петербургѣ, ни здѣсь описныхъ книгъ не могъ отыскать, развѣ онъ, Опухтинъ, гдѣ ихъ покажетъ». Иванъ Томилинь, на котораго ссылался въ этомъ Нестеровъ, объяснилъ, что «въ бытность-де его, Томилива, на Кадашевскомъ денежномъ дворѣ въ бурмистрахъ, по словесному Опухтина приказу, съ того денежнаго двора свезено въ домъ къ князю Якову Ѳеодоровичу Долгорукому 30 стеколъ, мѣрою на 3 четверти аршина, которыя были на томъ дворѣ описныя изъ адмиралтейства, и въ домѣ-де князя Якова Ѳеодоровича тѣ стекла лежали съ полгода, а послѣ-де того, какъ домъ его, Опухтина, былъ описыванъ, и по той-де описи тѣ стекла, невѣдомо какимъ случаемъ, явились въ домѣ у него».—«То-де все Томилинь сказалъ ва него напрасно»—возражалъ Опухтинъ.—«А стекла на денежномъ дворѣ какія были-ль—того онъ, Опухтинъ, за прешедшими годами сказать не упомянуть, а отвозить ихъ къ князю Долгорукому не приказывалъ и въ домѣ у него, Опухтина, тѣ стекла не бывали и не описываны. А какъ-де въ прошломъ 714 году былъ его императорскаго величества гнѣвъ на него и присланъ былъ изъ Санктпетербурга въ Москву князь Григорій Урусовъ и домъ его, и пожитки переписать и освидѣтельствовать: не дѣлалъ-ли онъ, Опухтинъ, кому какихъ обидъ (и онъ-де, князь Урусовъ, прибывалъ о томъ письма къ градскимъ воротамъ и къ его двору, чтобъ приходили всѣ и сказывали, кому какія обиды или интересу великаго государя что противное учинилъ) и какъ-де домъ его описывали, краденыхъ стеколъ въ домѣ его не бывало и такихъ стеколъ, якобы скрывая, Михайловыми Самарина онъ, Опухтинъ, не называлъ и при той-де описи его, Опухтина, и въ Москвѣ не было, а былъ въ С.-Петербургѣ, а Михайлы-де Самарина стекла, которыя онъ, Опухтинъ, еще до описи двора своего купилъ и при описи тѣ стекла въ домѣ его были-ль и Самариными-ль написаны, или нѣтъ, про то онъ, Опухтинъ, не вѣдаетъ для того, что при той описи не былъ, а тѣ-де купенныя у Самарина стекла и вынѣ у него есть».

Всѣ эти сплетни Нестерова сплетнями и остались для насъ, потому что слѣдственная коммиссія, которая должна была выслушивать ихъ, удовольствовалась, повидному, опроверженіями Опухтина, преслѣдуя главную свою задачу—обнаруженіе злоупотребленій оберъ-фискала Нестерова.

III.

Доносъ «въ безчесть сената».

Ростовской провинціи фискаль Савва Попцовъ, въ 1714 году, со словъ начальника своего оберъ-фискала Алексѣя Нестерова, доносилъ на ландрихтера Карпа Евтифѣева сына Сытина, что Сытинъ весною 713 года, на обѣдѣ у стольника Василя Данилова Исленьева, сказалъ Алексѣю Нестерову: «пораде за Спасскими воротами съ колья головы перемѣнить», — и тотъ-де часъ бывшій при томъ Александръ Савинъ сынъ Сергѣевъ сталъ Сытину говорить: «какими-де головами перемѣнить?», а онъ-де, Сытинъ, выслушавъ того слова, сказалъ: «сенатскими», и при тѣхъ его, Карпа, словахъ были: Василій Исленьевъ, дядкѣ Иванъ Хрипуновъ, стольники: Василій Дмитріевъ сынъ Сабуровъ, Василій Васильевъ сынъ Даниловъ, и другіе.

Доносъ этотъ «въ безчесть сената» лейбъ-гвардіи майоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ возилъ съ собою въ Петербургъ, когда ѣздилъ туда изъ Москвы съ нужными дѣлами для доклада его императорскому величеству; но тогда же, по именному указу, то дѣло велѣно было уничтожить «для того: свидѣтели Василій Васильевъ Даниловъ и Василій Даниловъ Исленьевъ сказали, что отъ Карпа Сытина такихъ словъ, что въ доношеніи Попцова написано, не слышали». Почему Ушаковъ, какъ возвратился въ Москву, отдалъ «поминутое дѣло за печатью по прежнему». Только въ 722 году, когда начался розыскъ о злоупотребленіяхъ оберъ-фискала Нестерова, дѣло то было распечатано, но уже какъ улика противъ самаго Нестерова.

Въ настоящемъ случаѣ интересуется насъ не самое дѣло и не исходъ его, а достовѣрное свидѣтельство «о головахъ, казненныхъ (не стрѣльцовъ-ли?), воткнутыхъ на колья за Спасскими воротами», которыя еще въ 1713 году москвичи, проходя съ обнаженными головами черезъ Спасскіе ворота, должны были, къ своему назиданію, видѣть. Тогда же висѣлъ еще «въ Кремлѣ, на Городовой стѣнѣ, у Спасскихъ воротъ» набатный колоколъ, который, въ морозную ночь на 4-е ноября 713 года, разсѣлся и (по распоряженію сената отъ 8-го декабря того года) принятъ былъ въ артиллерію, а вмѣсто того изъ приказа артиллерія отпущена въ Московскую губернію колоколъ иной, цѣлый и въсомъ противъ того-жъ съ роспискою».

IV.

Жена дурака Тараса.

Извѣстный секретарь Петра Великаго Алексѣй Макаровъ, письмомъ отъ 14-го сентября 1713 года, извѣщая сенатскаго оберъ-секретаря Анисима Щукина «о нечаянномъ прибытіи того числа его царскаго величества въ С.-Петербургъ», сообщалъ ему приказаніе: «смскать въ Москвѣ дурака Тараса (что прежде жывалъ въ домѣ Ивана Ивановича Бутурлина), жену съ дѣтьми и немедленно отправить въ С.-Петербургъ на ямскихъ подводахъ, отъ яму до яму до Новгорода, а отъ Новгорода до Ладоги водою, съ симъ посланнымъ его царскаго величества курьеромъ, Ѳедоромъ Юшковымъ, а для проѣзду до сего мѣста оной бабѣ дать денегъ, по рассмотрѣнію, на пропитаніе».

Стали искать по Москвѣ и нашли: жену дурака Тараса—въ домѣ у Ивана Кашаева (который у князь Бориса Алексѣевича Голицына жилъ), а дочь—у

Андрея Петровича Измайлова. Тарасова жена сказала: «Наталиею-де ее зовутъ, Ерофѣева дочь, а мужъ-де ея Тарасъ Филиповъ, сынъ Бѣлянкинъ, дворянской снѣтъ, а котораго города уроженецъ — того не знаетъ, а сродниковъ у него, Тараса, никого нѣтъ. А у нея-де, Натальи, только одинъ братъ родной: Суздальской вотчины, стольника Ивана Ивановича Бутурлина, деревни Агреновой, Никифоръ Ерофѣевъ сынъ и отданъ въ солдаты и нынѣ на службѣ, а жена его, а ея невѣстка, Варвара, нынѣ на Москвѣ живетъ въ домѣ Андрея Петровича Измайлова, съ дочерью ея, Натальи, Аксиныею, которая нынѣ по 4-му году,—и ежели-де ей, Натальѣ, ѣхать съ дочерью своею въ С.-Петербургъ и дочь-де съ нею, Натальею, не поѣдетъ безъ помянутой невѣстки ея, потому что дочь ея взята у ней съ мала въ домъ Андрея Петровича и сноха ея за нею ходитъ, а она-де, дочь ея, и не знаетъ ея, Натальи».

Рѣшено правительствующимъ сенатомъ (октября 17-го дня 713 года): выслать въ С.-Петербургъ Тарасову жену Наталью и бабу Варвару съ дѣвкою Аксиныею. Снабженныхъ, на казенный счетъ (56 р.), приличною одеждою, бабъ этихъ сдали изъ канцеляріи сената царскому курьеру Юшкову, который «въ двухъ коляскахъ съ крышками на дрогахъ съ двумя солдатами Преображенскаго полку (при еурьерѣ), да двумя провожатыми (за бабами), на 10-ти подводкахъ» и помчался съ ними въ Петербургъ, гдѣ, вѣроятно, они еще встрѣтятся намъ въ неоткрытыхъ пока шуговскихъ письмахъ одного изъ Бутурлиныхъ: Петра Васильевича или Ивана Петровича ¹⁾.

V.

Вымогательство денегъ.

«Батюшка государь Анисимъ Яковлевичъ, здравствуй съ семьею своею и съ дѣтками на множество лѣтъ.

«А про меня изволишь напаматовать и я при милости царскаго величества и государыни царицы и брата князя Александра Даниловича въ добромъ здоровьи.

«По приказу государеву, повелѣно быть князь Авраму Ростовскому въ Санктъ-Петербурхъ и авитца у меня. Пожалуй, буде боленъ онъ, о томъ ко мнѣ отпиши немедленно, да побей челомъ у него, батюшка, мнѣ на строеніе с.-питер-бургское денегъ Ф (500), за чтѣ я буду служить его милости. А естли не пожалуетъ, о томъ ко мнѣ отпиши не мешкавъ по почтѣ».

Государевъ свать. Князь Александра Даниловича братъ и? въ секретѣ канцеляристъ Дацкаго флота маршалъ? (трудно разобрать).....

Сынъ твой Прокофей Ушаковъ».

Ноабря 19-го дня 1713 г.

Санктъ-Патер-бурхъ.

Письмо это, адресованное оберъ-секретарю сената Шукину, помѣчено имъ 26-го ноабря 1713 года.

¹⁾ Въ статьѣ: «Шутки и потѣхи Петра Великаго» («Петровскій Сборникъ», изданный «Русскою Стариною» 1872 г.), оба эти Бутурлины ошибочно приняты за одно и то же лицо. Петербургскимъ владыкою съ 1706 до 1717 года (по самую смерть) былъ окобничій Петръ Васильевичъ Бутурлинъ, а князь-папою былъ бояринъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ.

По письму этому, сохранившемуся въ одномъ частномъ архивѣ, собираемо подобныя курьезовъ посчастливилось отыскать и подлинное производство. Вотъ оно:

«И декабря въ 1-й день, по приказу правительствующаго сената, посылавъ къ капитану князь Авраму князь Никитину сыну Примкову-Ростовскому на дворъ канцеляріи правительствующаго сената подъячій Алексѣй Красовской и велѣно ему письмо думнаго дворянина Прокофія Аванасьевича Ушакова ему, князь Авраму, объявить.

«И оной подъячей, пришедъ къ нему, князь Авраму, вышеписанное письмо объявилъ и онъ, князь Аврамъ, выслушавъ вышеписанное письмо, сказалъ: лежить-де онъ, князь Аврамъ, болель тягостною домашною болѣзнію чрезъ многое время, отъ которой болѣзни сталъ быть и увѣченъ и о болѣзни его, по многимъ досмотрамъ и дохтурскимъ свидѣтельствамъ за ихъ руками, явно, и чтобъ о той его болѣзни справиться съ главною военныхъ дѣлъ канцелярією. А о даче денегъ, будетъ великій государь указать, и онъ-де, князь Аврамъ, воли своего государя не противень, а нынѣ-де за пожарными разореніями и за своею болѣзнію по просьбѣ его на строеніе пятьдесятъ рублей. Князь Аврама Никитича Ростовскаго человекъ его Дмитрей Фодоровъ, по приказу государя своего, руку приложитъ.

«1713 года декабря въ 4-й день. По указу великаго государя, правительствующій сенатъ приговорилъ: капитану князь Авраму князь Никитину сыну Примкову-Ростовскому сказать его государевъ указъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Санктъ-Питер-бурхъ немедленно и всемѣрно сталъ въ Санктъ-Питер-бурхъ къ празднику Рождества Христова нынѣшняго 713 года и явился-бъ думному дворянину Прокофію Аванасьевичу Ушакову; а буде онъ, князь Аврамъ, въ Санктъ-Питер-бурхъ къ тому сроку не станетъ и за то у него помѣстья его и вотчины отписаны будутъ на великаго государя безповоротно. И сей его, великаго государя, указъ сказать ему съ запискою.

«И по вышеписанному его, великаго государя, указу и по приговору правительствующаго сената изъ канцеляріи правительствующаго сената, декабря 4-го дня, посыланъ подъячей Левъ Бокинъ на дворъ къ князь Авраму Примкову-Ростовскому о объявленіи ему его великаго государя указу. И оной Примковъ-Ростовской, выслушавъ о томъ указъ, ему, подъячему, сказалъ: за болѣзнію ему ѣхать въ Санктъ-Питер-бурхъ невозможно никоими дѣлами. А о деньгахъ-де, что писалъ думной дворянинъ Прокофей Аванасьевичъ о присылкѣ на строеніе дому 500 рублей, о томъ, что великій государь указать, только-де нынѣ за пожарнымъ разореніемъ и за болѣзнію въ скорости взять не гдѣ, а и въ письмѣ-де его, думнаго дворянина, къ оберъ-секретарю Анисиму Яковлевичу Щукину писано, буде за болѣзнію ѣхать невозможно, и денегъ давать не будетъ, чтобъ о томъ его, думнаго дворянина, увѣдомить чрезъ письмо. А руки-де приложить за болѣзнію онъ, Примковъ-Ростовской, не сможетъ, а другимъ приложить не кому. Левъ Бокинъ руку приложитъ».

Сообщ. Н. Э. Самаринъ.

Къ біографіи А. Д. Меншикова.

(Изъ столбцовъ Воскресенскаго монастыря).

СЗ (1699) году іюня въ 6 день Преображенскаго полку сержантъ Александръ Даниловъ, сынъ Меншиковъ, принялъ я Воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ, у стряпчего у Саввы Кудрявцова, по выданнымъ заемнымъ крѣпостямъ въ уплату триста рублевъ денегъ, что заимовали тѣ деньги ниянитаго человѣка Григорья Дмитрѣевича Строганова Орла городва у крестьянъ ево у Игнашки Окулова, да у Мишки Иванова, сына Яковлева, во 190 (1682) и во 195 (1687) и во 196 (1688) годѣхъ того Воскресенскаго монастыря, Зырянскихъ ихъ соляннхъ промысловъ промышленника, іеродіаконъ Ниваноръ, да монахъ Павелъ, да соборной старецъ Марко Щербаковъ съ товарищи, и въ тѣхъ деньгахъ по тѣмъ выданнымъ крѣпостямъ я, Александръ, билъ челомъ великому государю Воскресенскаго монастыря на властей въ преображенскомъ привазѣ въ нынѣшнемъ же 207 году и въ тѣхъ деньгахъ и отписъ сію дасть.

Сп году ноября въ 11 день (1699 г.). Я-жь, Александръ Меншиковъ, принялъ въ уплату по вышениписаннымъ заемнымъ крепостямъ Воскресенскаго монастыря у стряпчего у Саввы Кудрявцова сто семь десять пять рублевъ, а росписался по ево велѣнью Сергѣй Вяземниковъ.

(Писано на столбцѣ. Позади надпись: по сей отписи Преображенскаго полку сержантъ Александръ Меншиковъ денегъ триста рублевъ принялъ, а вмѣсто его росписался земскаго приказу подъячей Сергѣй Вяземниковъ).

Презентальныя деньги.

Лѣта 1711 (1716) ноября въ 3-й день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, взято въ его, великаго государя, казну въ монастырской приказѣ, по отпискѣ Воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ, архимандрита Антонія з братією, для радости о рожденіи благороднаго государя царевича и великаго князя Петра Петровича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, въ положенное указное число презентальныхъ Борису Ивановичу Неронову съ него, архимандрита Антонія, десять рублевъ съ полтиною, платилъ тѣ деньги того монастыря слуга Александръ Торопцовъ. Діакъ Прокофей Булыга.

Сообщ. арх. Л—дъ.

Разказы изъ прежней судебной практики ¹⁾.

I.

Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ былъ дворникомъ крестьянинъ Морозовъ. Однажды пришли къ нему въ

¹⁾ Помѣщаемые здѣсь разказы переданы намъ Николаемъ Павловичемъ Позняковымъ, бывшимъ сперва столоначальникомъ с.-петербургской уголовной палаты, а потомъ секретаремъ надворнаго уголовного суда. Г. Позняковъ самъ производилъ дѣла и ручается за вѣрность фактовъ. Г. С.

гости землякъ и незнакомый дворнику товарищъ земляка. Морозовъ принялъ гостей, какъ слѣдуетъ: поставилъ водку и закуску. Гости и хозяинъ выпили порядочно, но показалось имъ этого мало; и вотъ всѣ трое отправились они въ кабакъ, гдѣ пили опять-таки на счетъ Морозова. Кутежъ шелъ своимъ порядкомъ; начавшись пожеланіемъ другъ другу всего хорошаго, онъ кончился ссорю. Гости повздорили между собою изъ-за какихъ-то грошевыхъ расчетовъ и начали крупно ругаться, продолжая ругань и по выходѣ изъ кабака. Тотъ изъ гостей, который былъ незнакомъ съ Морозовымъ, раздраженный словами своего товарища, ударилъ оскорбителя и ударилъ такъ, что послѣдній свалился съ ногъ, а самъ убѣжалъ. Дворникъ остался съ побитымъ; дѣло было около ночи. Желая помочь земляку встать на ноги, Морозовъ принялся поднимать его, но попытка оказалась напрасною: землякъ былъ мертвый. Пока Морозовъ возился около тѣла, подошелъ полицейскій обходъ и забралъ какъ убитаго, такъ и его. Началось слѣдствіе. Морозовъ рассказалъ, какъ было дѣло; и хотя показаніе его о происшедшей въ кабакѣ между убитымъ и его товарищемъ ссорѣ подтвердилось свидѣтельствомъ нѣсколькихъ лицъ, но какъ онъ не могъ указать убійцы, котораго до этого дня и не зналъ, а находженіе его при мертвомъ тѣлѣ, во время полицейскаго обхода, составляло фактъ. то Морозовъ былъ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ. Палата уголовного суда оставила его въ этомъ дѣлѣ въ сильномъ подозрѣніи.

Хозяинъ того дома, гдѣ Морозовъ былъ дворникомъ, поручилъ ему задавить дворовую собаку, которая на всѣхъ бросалась и изъ-за которой ему приходилось имѣть дѣло съ полиціей и нерѣдко платить штрафъ за испугъ или наносимыя собакою раны. Для этого онъ снабдилъ дворника крѣпкою голландскою веревкою. Какъ только затѣмъ собака бросилась на кого-то изъ проходящихъ, Морозовъ въ точности исполнилъ приказаніе хозяина; а какъ веревка была очень хороша и понравилась ему, то онъ взялъ ее себѣ и положилъ въ свой сундукъ, въ дворницкой, предполагая смыть съ нея кровь послѣ. Казнь собаки и судимость, по обвиненію въ убійствѣ земляка, предшествовали слѣдующему дѣлу.

Въ этомъ же домѣ жила баронесса Розенъ. Барыня эта, пожилыхъ уже лѣтъ, была богомолка и часто отлучалась изъ своей квартиры на нѣсколько дней и въ разныя мѣста, не предупреждая никого о намѣреніи своемъ. Послѣдняя отлучка ея, послѣдовавшая вслѣдъ за расправою съ собакою, продолжалась уже нѣсколько дней, почему управлявшій домою, за отсутствіемъ хозяина за границу, счелъ долгомъ объявить объ этомъ полиціи чрезъ того-же Морозова. Чрезъ нѣсколько времени послѣ объявленія объ исчезновеніи баронессы Розенъ, на смоленскомъ полѣ найдено было полуразложившееся; съ признаками удавленія веревкою, тѣло женщины, которое приняла за трупъ баронессы. Допущенная къ осмотру тѣла горничная Розенъ показала утвердительно, что хотя лица распознать нельзя, но она признаетъ въ убитой свою барыню по капоту и по туфлямъ, которыхъ у ней было двѣ пары. На вопросъ: кого она подозрѣваетъ въ убійствѣ? горничная указала на Морозова, такъ какъ онъ, когда баронесса однажды сдѣлала ему выговоръ за неосторожную носку воды, которую онъ разливалъ, «сказалъ горничной, что «эту бранчивую старуху не грѣхъ и повѣсить». Одинъ изъ родственниковъ баронессы, не утверждая, чтобы трупъ былъ его родственницы, полагалъ, однако, что убитая нивто иная, какъ она. Морозова арестовали.

По произведенному въ квартирѣ пропавшей и въ дворницкой обыску ока-

записъ туфли такого же вида, какія были на убитой, и та злополучная съ кровью веревка, которою Морозовъ удавилъ собаку. Обвиняемый ссылаясь на принадлежность веревки хозяину дома, на то, для какой надобности она была дана ему и какимъ образомъ попала въ его сундукъ; но домовладѣлецъ, какъ сказано, былъ за границей, и повѣрить показаніе Морозова не представлялось возможности. Уголовная палата опредѣлила: оставить Морозова въ сильнѣйшемъ подозрѣніи и выслать на мѣсто родины, съ воспрещеніемъ появленія въ обѣ столицы. Опредѣленіе было уже подписано, какъ поступилъ указъ о представленіи дѣла на вмсочайшее усмотрѣніе. Черезъ нѣсколько дней палата получила дѣло обратно съ резолюціею: «дать Морозову въ тюремномъ замкѣ четыре тысячи шпиритеновъ и сослать его на четыре года въ арестантскія роты, а потомъ на поселеніе».

Приговоръ былъ исполненъ, и Морозовъ отбывалъ въ ротѣ уже послѣдній годъ. Однажды въ надворный уголовный судъ является по какому-то дѣлу та самая баронесса Розенъ, которую считали убитою и за которую Морозовъ пострадалъ. Въ судѣ немедленно составили объ этомъ постановленіе и переслали въ палату, куда явилась и баронесса Розенъ. Здѣсь она показала, что, слава Богу, жива; но, имѣя давно намѣреніе побывать въ Иерусалимѣ и не желая дѣлать извѣстнымъ это намѣреніе родственникамъ и знакомымъ, она раньше еще запаслась заграничнымъ паспортомъ и, въ одинъ прекрасный день, не говоря никому, отправилась на богомолье, побывала въ Иерусалимѣ, откуда теперь и возвратилась.

Невинность Морозова въ дѣлѣ убійства баронессы Розенъ стала очевидною. Поэтому палата представила о помилованіи его и вознагражденіи за напрасно понесенное имъ тѣлесное наказаніе. По словамъ рассказчика, рѣшеніе послѣдовало въ такомъ смыслѣ: «для Морозова сдѣлать не могу ничего, потому что здѣсь видна рука Провидѣнія. Если онъ не виновенъ въ убійствѣ баронессы Розенъ, то, по всей вѣроятности, виновенъ въ убійствѣ своего товарища. Отъ арестантскихъ ротъ немедленно освободить и выслать на казенный счетъ на родину».

II.

Отставной солдатъ, фамилію котораго рассказчикъ забылъ, гдѣтъ пятидесяти, хворой, занималъ уголъ. По болѣзненному состоянію, онъ не могъ найти работы, а поэтому не въ состояніи былъ платить за свое помѣщеніе. Когда квартирный хозяинъ очень поналегъ на солдатика, требуя платы за уголъ, то послѣдній, т. е. солдатикъ, въ ожиданіи небесной помощи его безвыходному положенію, отправился въ Казанскій соборъ, купилъ на послѣдніе гроши самую маленькую свѣчку и принялся ставить ее на мѣсто. Въ это время у него явилась мысль воспользоваться стоявшею у образа фарфоровою свѣчою и такимъ же ячюкомъ, которое онъ думалъ продать, и вырученными деньгами заплатить хозяину за уголъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, и видитъ, что народа въ церкви нѣтъ, а сторожа дѣлаютъ каждый свое дѣло въ разныхъ углахъ. Солдатикъ вынулъ свѣчу и отвязалъ ячюк; первую спряталъ подъ шинель, а второе—опустилъ въ карманъ штановъ. Но ячюкъ выдало бѣднаго солдатика: чрезъ дыру въ карманѣ оно выпало и покатылось по полу. Виновнаго оставили, обыскали, нашли и свѣчу, и вмѣстѣ съ похищеннымъ, по оцѣнкѣ на два рубля, арестовали. Въ полиціи онъ рассказалъ поводъ къ преступленію. Палата присудила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьюми

двадцатью ударами и къ ссылкѣ. Несчастный вынесъ только два удара: третій нашелъ его уже мертвымъ.

III.

Молодая и красивая собою дѣвица Клеменсъ жила у старшей своей сестры, которая имѣла любезнаго и верѣдко ревновала его къ сестрѣ. Однажды чета, воспользовавшись хорошимъ днемъ, вздумала отлучиться изъ квартиры и погулять; въ отсутствіе ея, и младшая К. ушла со двора и по дорогѣ завернула къ теткѣ. Эта отлично знала, что житье молодой ея племянницы у старшей сестры не блистательное, что она исполняетъ часто роль служанки и живетъ съ ней потому лишь, что некуда дѣваться. При прощаніи она дала ей 40 копѣекъ на какія-то надобности, которыя К. завернула въ одинъ изъ угловъ платка. Возвратясь домой, старшая К. не нашла ночнаго капота и придра-лась къ сестрѣ; та ударилась въ слезы. Понадобилось ей вытереть глаза; доставая изъ кармана платокъ, она выронила данныя теткою 40 копѣекъ. Эти несчастныя деньги были причиною, что старшая К. заподозрила младшую въ кражѣ капота, за который она, будто бы, выручила 40 копѣекъ. Напрасно послѣдняя ссылагалась на тетку — ее не слушали; показаніе ее объ этомъ въ послѣдствіи на судѣ не послужило въ пользу, такъ какъ тетки въ столицѣ не оказалось: она отправилась на богомолье, сперва въ Колодино, а потомъ во внутреннія губерніи. Заподозрѣвая въ кражѣ, К. не знала ни того, откуда она родомъ, ни къ какому состоянію принадлежитъ по рожденію, почему уголовная палата и присудила ее къ нѣсколькимъ десяткамъ ударовъ розгами. По исполненіи надъ К. наказанія, въ управу благочинія присланы были документы, удостовѣрившіе дворянское происхожденіе К. Несчастливая покорилась своей участи и не искала за безчестье, но чиновники палаты, движимые состраданіемъ къ молодой и красивой особѣ, пострадавшей изъ-за ревности сестры, сложились и вручили ей 150 рублей.

IV.

Вдова титулярнаго совѣтника Селявина и еще другая женщина нанимали вдвоемъ небольшую комнатку. Понадобилось какъ-то обѣимъ идти со двора; товарка ушла раньше, а за нею отправилась и Селявина. Но прежде она обратила вниманіе на свой костюмъ, — нашла его не особенно хорошимъ, сняла съ гвоздя ситцевое платье товарки и облеклась въ него, рассчитывая вернуться домой послѣдней и повѣсить платье на прежнее мѣсто. Случилось не такъ. Знакомые, къ которымъ Селявина зашла, уговорили ее остаться погостить; она согласилась и прожила у нихъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, товарка вернулась домой въ тотъ же день и, не найдя своего платья, подняла шумъ, пригласила квартирную хозяйку, а потомъ и полицію, изъявляя подозрѣніе въ кражѣ платья на Селявину. Когда послѣдняя вернулась чрезъ нѣсколько дней домой, ее въ этомъ самомъ платьѣ отправили въ кварталъ; тамъ составили актъ, сняли платье, произведя съ тѣмъ вмѣстѣ ему оцѣнку... въ 5 копѣекъ, а Селявиной отвели казенное помѣщеніе. По рѣшенію уголовной палаты виновная присуждена была къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ отдаленныя губерніи.

V.

Командиръ военного судна капитанъ Л. чаще былъ въ морѣ, нежели на берегу. Въ отсутствіе его г-жа Л.; жена капитана, — по словамъ рассказчика, рѣдкая красавица и женщина образованная, — влюбилась въ своего дворового человѣка, по фамиліи Никитина, виднаго изъ себя мужчины. Слѣдствіемъ любви капитанши было то, что Никитинъ постарался обогатить ее, а когда у возлюбленной осталось немного, то онъ принялся за разные промыслы и дожил до того, что, по совокупности всѣхъ преступленій, лишень былъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу. При отправкѣ его по назначенію, г-жа Л. обратила въ деньги все цѣнное и снабдила ими любезнаго. Пока Никитинъ шелъ по Владимірѣ, Л., остававшаяся въ Петербургѣ, предавалась сильной по немъ грусти; единственной ея мечтой было — соединиться съ любезнымъ, къ чему она не предвидѣла невозможности. Прочитавъ публикацію въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», что на Сѣнной площади, между ларями, найденъ новорожденный задушенный младенецъ, барыня явилась, богато одѣтая, но блѣдная, въ уголовную палату, выпила большими глотками стаканъ воды и просила доложить о себѣ присутствующимъ, которымъ она намѣрена повѣдать большую тайну. Въ присутствіи она объявила себя преступницею, говоря, что ночью, незамѣтно отъ сторожей, подкинула на Сѣнную своего незаконнорожденного ребенка, котораго предварительно задушила, и просила себѣ достойнаго наказанія. Въ виду собственного сознанія, Л. присуждена была къ ссылкѣ въ одну изъ Сибирскихъ губерній съ заключеніемъ въ тюрьмѣ на три года и съ преданіемъ церковному покаянію. По объявленіи судебного приговора, Л., ожидавшая соединенія съ Никитинимъ, предалась отчаянію; по словамъ рассказчика она изорвала въ клочья свой головной уборъ, рвала на себѣ волосы и одежду и, какъ безумная, кричала, что невинна въ преступленіи и оклеветала себя. Сторожа силою взяли ее и снесли въ арестантскую карету.

VI.

На Петербургской Сторонѣ жили старичьи супруги, по фамиліи Дезе. У нихъ было двое сыновей: старшій, нелюбимый ни отцомъ, ни матерью, служилъ въ приказѣ общественного призрѣнія и находился на отличномъ счету у своего начальства, какъ дѣльный и честный молодой человѣкъ; младшій, числившійся по департаменту утаптыванія дорогъ, былъ любимцемъ стариковъ, которые въ немъ души не слышали, баловали и даже, зная ропотъ сосѣдей, что баловень ихъ не чистъ на руку, часто оплачивались за любовь къ нему своимъ карманомъ. Случилось однажды такъ, что украсть у сосѣдей не представлялось возможности, потому что всѣ зорко берегли отъ него свое добро. Вотъ онъ объявляетъ родителямъ, что намѣренъ идти къ Крестовскому мосту ловить рыбу и дорогою срываетъ у прохожаго часы съ цѣпочкою; но ограбленный догналъ Д., схватилъ за шиворотъ и передалъ полиціи. Старики, между тѣмъ, ждутъ своего любимца день, ждутъ другой, — подумываютъ, не утонулъ-ли онъ и, наконецъ, расхварываются. Старшій Д. уже зналъ, въ чемъ дѣло, но ему не хотѣлось еще болѣе разстраивать стариковъ; онъ утѣшал ихъ скорымъ возвращеніемъ пестуна, который, по его словамъ, запропастился у кого-либо изъ своихъ пріятелей. Наконецъ, когда никакія утѣшенія не дѣй-

ствоваши и старики окончательно разбогѣлись, старшему Д... стало жаль ихъ. Онъ пообѣщавъ отыскать брата, пришелъ въ часть, гдѣ тотъ содержался и, по знакомству съ полицейскимъ офицеромъ, добился свиданія съ арестантомъ. Упрекнувъ брата въ поведеніи его, которое сводитъ отца и мать въ могилу, старшій Д..., ради спасенія его и родителей, рѣшился принять вину баловни на себя. Братья сговорились, какъ имъ дѣйствовать, послѣ чего невинность вора и виновность невиннаго были оформлены. Старшій Д... остался арестованнымъ и на отсутствіе его старики особенно не обратили вниманія, радуясь, что любимый сыночекъ съ ними. Когда началось слѣдствіе и принявшій на себя вину сознался въ преступленіи, его исключили изъ службы, а судъ приговорилъ виновнаго къ лишенію правъ состоянія и къ ссылке. Зная напередъ сущность рѣшенія, старшій Д... просилъ брата повидаться съ нимъ въ послѣдній разъ и проститься. Осужденнаго привезли въ судъ въ фургоны; пришелъ и младшій Д... Когда первому объявили рѣшеніе, то онъ обратился къ брату съ словами: «не говори обо мнѣ ни слова отцу и матери, а я за тебя страдаю». Младшій Д... отвѣчалъ ему на это, что «напрасно онъ хлопоталъ за него и принималъ его вину; а тоже съ провожатыми, продолжалъ онъ и показавъ на полицейскаго солдата съ книжкой; вотъ уже двѣ недѣли отсиживаю въ части, не знаю только когда перешлютъ въ тюрьму. А о родителяхъ тебѣ беспокоиться нечего, они уже успокоились: Господь ихъ призрѣлъ». По словамъ рассказчика, нужно было видѣть, что сдѣлалось съ осужденнымъ: онъ зашатался, заскрежеталъ зубами, и когда ему подали стаканъ воды, онъ съ такою жадностью схватилъ его, что раздавилъ стаканъ. Придя въ себя, осужденный бодро вошелъ въ присутствіе и объявилъ, что онъ на себя взвелъ клевету искупленіемъ брата, ради спасенія жизни отца и матери. Тѣмъ не менѣе, молодой человекъ не избѣгъ наказанія: за ложное предъ судомъ показаніе его приговорили къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Тюремная жизнь и этотъ случай съ нимъ вредно повліяли на его нравственность, такъ что, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ пошелъ по стопамъ брата.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

VII.

Странствуя въ прежнее время по многимъ захолустьямъ Южной и Западной Россіи для этнографическихъ изысканій, я при удобномъ случаѣ собиралъ и разные курьезы. На дняхъ какъ-то мнѣ попался на глаза листокъ моихъ дорожныхъ замѣтокъ, въ которыхъ я описывалъ полтавское побережье Днѣпра. Я нашелъ въ немъ любопытный образецъ изъ малорусской судебной практики прежнихъ временъ, который не лишень интереса для читателей «Русской Старины». При этомъ обязаннымъ считаю оговориться, что предлагаемая выписка изъ дѣла была, гдѣтъ пятнадцать назадъ, прислана мною изъ глубины провинціи въ Петербургъ и напечатана въ чрезвычайно мало распространенной газетѣ въ искаженномъ видѣ, съ невѣрной малорусскою орфографіею и даже съ перепутанною моею подписью.

Въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Полтавской губ. проживалъ, много гдѣтъ тому назадъ, мелкопомѣстный дворянинъ Г—ма. Онъ служилъ едва-ли не всю жизнь, кажется, попечителемъ хлѣбнаго магазина и имѣлъ орденъ, съ которымъ никогда не разставался и носилъ его всегда на своемъ нанковомъ сюртукѣ. Будучи большимъ скрагою, Г—ма, отправляясь по утрамъ на базаръ, имѣлъ

обыкновеніе надѣвать сверху мѣщанскую одежду, для ббльшаго удобства торговаться.

Въ одно зимнее, снѣжное утро вышелъ онъ на базаръ съ цѣлью купить рыбы и остановился на великолѣпной щукѣ, которую, впрочемъ, торговалъ уже какой-то еврей. Завязался родъ аукціона. Г—ма сразу надбавилъ нѣсколько копѣекъ, еврей не отставалъ; Г—ма снова пошелъ выше, еврей надбавилъ въ свою очередь. Наконецъ, конкуренція со стороны еврея оказалась невозможною, и онъ съ досады схватилъ щуку и ударилъ ею соперника. Г—ма, разгнавъ балахонъ, показалъ крестъ, кликнулъ свидѣтелей и завязалъ дѣло. Какъ оно кончилось и кончилось-ли — не умѣю сказать; но по поводу его есть интересный документъ. Одинъ изъ сосѣдей Г—мы, имѣя съ послѣднимъ тяжбу, писалъ, между прочимъ, въ своемъ прошеніи, пунктъ 6, желая выставить своего противника въ неблагопріятномъ свѣтѣ: «да, кромѣ того, онныи, вышереченный Г—ма, былъ битъ публично и многократно жидомъ на базарѣ».

Г—ма отписывался весьма ловко, а на 6-й пунктъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

«По исторіи извѣсно, що Генрихъ четвертый не токмо що бувъ битъ, но и вбитъ и Семирамыда также. Да и самъ Господь Спаситель онныи злокачественными жидами не токмо що бувъ битъ, но и распять. Мені жъ еврей Лейба нависъ оскорбленіе не инныи чымъ, яъ рыбоу, и не по лангты, а по голові, и не инныи чымъ, яъ хвостомъ; слѣдовательно, я не есмь обзещенъ: ибо ні въ однімъ законі, начыная отъ Правды Ярослава и до дне сего, не упоминаетца о побояхъ рыбныи хвостомъ, могущахъ уронить честь дворянина и тымъ паче служащаго чыновныка».

Сообщ. Чжб.

Горе съ „Горемъ отъ ума“.

1831.

Въ «Русской Старинѣ» за прошлый годъ (т. VIII, стр. 994—997), напечатана выписка изъ дѣла, возникшаго въ Пермской Межевой Конторѣ по поводу «Горе отъ ума»,—при чемъ заявлено сомнѣніе о подлинности этого дѣла и редакция проситъ читателей разъяснить происхождение и степень достоверности этого любопытнаго документа.

Съ моей стороны, я могу сообщить, что полный списокъ этого дѣла (въ напечатанной «Р. С.» копіи не достаеъ начала—съ указаніемъ года, мѣсяца и числа происшествія, а также въ концѣ не выставлены подписи членовъ присутствія, со скрѣпою секретаря и подписью прокурора) сообщенъ былъ мнѣ,—помнится, въ 1862 г., — кн. Влад. Фед. Одоевскимъ, который нисколько не сомнѣвался въ его подлинности, и получалъ его съ ручательствомъ за точность списка. Самая ветхость бумаги и почеркъ руки на ней свидѣльствуютъ, что эта копія снята очень давно, и кн. Одоевскій, вѣроятно, успѣлъ познакомиться съ нею многихъ своихъ пріятелей прежде, чѣмъ уступилъ ее въ мое окончательное владѣніе.

Обращаясь къ содержанію этого интереснаго документа, я позволяю себѣ думать, что и оно подтверждаетъ подлинность исторіи, случившейся въ Пермской Межевой Конторѣ. Землемѣръ Кудрявцевъ, быть можетъ, подозрѣваемый въ «вольномудствѣ» (подозрѣніе, какъ извѣстно, весьма тягучаго и неопредѣленнаго свойства!), а можетъ быть, и просто занимавшійся перепиской въ чу-

жя руки «Горя отъ ума», которое привлекало тогда вниманіе всей образованной Россіи,—былъ обвиненъ своимъ начальствомъ въ сочиненіи «пасквильныхъ стиховъ», да притомъ еще «въ законопротивномъ духѣ». Чтѣ мудренаго, что подобная исторія разыгралась въ 1831 году въ отдаленномъ — какъ говорится — «медвѣжьемъ углу» нашего отечества, на почвѣ должностныхъ отношеній, въ то время, когда въ Пермской Межевой Конторѣ сидѣлъ, какъ на грѣхъ, въ качествѣ «перваго члена» присутствія, бывшій студентъ Педагогическаго Института, принявшій лично на свой счетъ замѣчаніе «посредника» землемѣра Кудрявцева — «наименованной» княгини Тугоуховской? Обидѣвшись за себя, первый членъ межеваго присутствія, естественно, могъ найти въ приведенномъ отрывкѣ и поруганіе «государственныхъ учреждений», и неприличное для должностнаго лица занятіе, и злостное намѣреніе Кудрявцева — «внушить» вольнодумныя мысли своимъ сослуживцамъ, — словомъ, все то, чтѣ многіе и до сихъ поръ, по старой привычкѣ, склонны находить въ самыхъ невинныхъ дѣланіяхъ ближняго. Нужно прибавить, что характеръ произведенія Грибоѣдова, — перваго русскаго произведенія, въ которомъ горячо и страстно изображалась умственная борьба двухъ поколѣній, — и самъ по себѣ былъ причиною поздняго появленія «Горе отъ ума» въ печати. Такимъ образомъ, забавная нынѣ сторона этого документа не исключается, въ нашихъ глазахъ, его историческаго значенія и, если справедлива пословица: «отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ», то отъ смѣшнаго до серьезнаго не нужно дѣлать даже и этого единственнаго шага... Конечно — скажу въ заключеніе — съ одними копіями въ рукахъ, не имѣя подлиннаго журнала Межевой Конторы, не возможно устранить всякое сомнѣніе въ достовѣрности рассказаннаго случая; — поддѣлки бывають иногда очень искусны и обнаруживаються скорпризомъ; — но, допустивъ даже такую поддѣлку, нужно признать на этотъ разъ, что она весьма вѣрно передаетъ типическія черты русскаго общества тридцатыхъ годовъ, и что ея фабула изложена съ замѣчательнымъ литературнымъ искусствомъ.

Чѣмъ кончилось это интересное дѣло — въ моей копіи на это нѣтъ отвѣта; но всего вѣроятнѣе, что ничѣмъ, такъ какъ землемѣру Кудрявцеву стоило только показать ту рукопись, съ которой онъ снималъ свою копію, чтобы снять съ себя упрекъ въ сочиненіи «при должности» стиховъ.

А. П. Пятковскій.

1831 года сентября 27-го дня Пермской Межевой Конторы въ журналѣ записано:

Сего числа прикомандированный къ присутствію за третьяго члена старшій землемѣръ Мельниковъ объявилъ, что онъ вчерашняго числа пополудни, въ половинѣ втораго часа, выходя изъ присутствія сей конторы, встрѣтивши въ сѣняхъ землемѣра Иванова, спросилъ: «есть-ли кто, кромѣ его, изъ служащихъ чиновъ въ чертежной при должности?» на каковое Ивановъ отвѣтствовалъ, что изъ чертежной всѣ вышли; но какъ они должны были сидѣть до 2-хъ часовъ, то онъ въ семь усумнившись, желая удостовѣриться лично, зашелъ обще съ землемѣромъ Ивановымъ въ чертежную и, подошедши къ столу директорскому, усмотрѣли на столѣ лежащія на двухъ листахъ написанные, собственной землемѣра Кудрявцова руки, какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почестъ даже и за пасквиль, а если и не таковыми, то по крайней мѣрѣ, сіи партикулярныя безполезныя бумаги при должности писать, или ихъ въ при-

существенномъ мѣстѣ оставлять законами воспрещено. Вслѣдствіе онаго, означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Лвовлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ конторѣ представилъ, и просилъ взять какъ поступокъ землемѣра Кудрявцова, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, въ разсмотрѣніе, ибо они, по мнѣнію его, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя заведенія и составляютъ упрекъ Педагогическому Институту. Изъ листовъ же, взятыхъ имъ, Мельниковымъ, въ чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно: Фамусовъ. Ну, вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина, ученое — вотъ чума! ученость — вотъ причина, что нынѣе пуце, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній. Хлестова. И впрямь съ ума сойдѣшь отъ этихъ отъ однихъ отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... — какъ бишь ихъ? да, отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій. Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ, педагогическій, такъ, кажется, зовутъ: тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣры профессоры! У нихъ учился нашъ родня, и вышелъ хоть сей часъ въ аптеку, въ подмастерья, отъ женщинъ бѣгаетъ — и даже отъ меня; чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ — князь Федоръ, мой племянникъ! Скалосубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва, что есть прокъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій: тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два! а книги сохранять такъ, для большихъ оказій. Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, коли ужъ зло при-сѣчь, забрать всѣ книги бы, да сжечь. Загорѣцкій. Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если-бъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я — на басни бы налегъ, — охъ, басни, — смерть моя, насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами! кто что ни говори — хотя животныя, а все-таки цари. Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроены, такъ все равно, отъ книгъ-ли, отъ пята-ль; а Чацкого мнѣ жалъ! по-христіански, такъ онъ жалости достоинъ — былъ острый человекъ, имѣлъ душъ сотни три. Фамусовъ. Четыре! Хлестова. Три, сударь. Фамусовъ. Четыреста! Хлестова. Нѣтъ, триста. Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ... Хлестова. Всѣ врутъ календари. — Приказали предписать землемѣру Кудрявцову указомъ и велѣть подать въ сію контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе: 1) Въ какомъ смыслѣ опредѣляется онъ, будто бы ученіе есть чума и причина, что «нынѣе пуце, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній», и изъ какихъ именно событій, дѣлъ и мнѣній онъ то заключаетъ. 2) Почему онъ себя дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, увѣрять, что якобы «и впрямь съ ума сойдѣшь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ»; ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія, ума и нравственности, какъ и ланкарточное обученіе, благодѣтельное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастью благоустроеннаго государства. 3) Кто его увѣрилъ, или съ какого повода онъ дерзнулъ написать, что въ Педагогическомъ С.-Петербургскомъ Институтѣ «упражняются въ расколахъ и безвѣры профессора», и говорить это тогда, когда не безызвѣстно ему, что въ Педагогическомъ Институтѣ воспитывались начальники его: первый членъ Прутковскій и второй — Корбелецкій, и какую онъ родню указываетъ, что будто бы вышелъ изъ онаго, можетъ быть подмастерьемъ въ аптеку; ибо въ оный институтъ поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ, и слѣдовательно, таковымъ его выраженіямъ на чье лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе. 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и даль-

нѣйшее его описаніе, чего ради, обязанъ онъ неоспоримымъ объяснить доводами: а) гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о такомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, «что есть прозвѣтъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій; тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ два»; «а книги сохранять такъ, для большихъ оказій». При томъ объяснить, какой въ себѣ заключаетъ смыслъ выраженіе: «по нашему: разъ, два»; какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно: «забрать всѣ книги бы, да сжечь». в) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нареченнаго имъ Загоредкаго, что если-бъ: «былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни бы налегъ», будто бы «басни смерть его», ибо яко бы: «насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, какъ что ни говори, они хоть и животныя, а все-таки царя»,—и прочее, изражаемое чрезъ посредницу его, наименованную имъ Хлестову. б) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тѣмъ, ибо они еще не окончены, и для чего онъ то все сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить прочимъ его сослуживцамъ.

(Подлинная статья, за подписаніемъ гг. присутствующихъ: перваго члена коллежскаго совѣтника и кавалера Прутковскаго; прикомандированныхъ къ присутствію старшихъ землемѣровъ, титулярныхъ совѣтниковъ—Козлова и Мельникова; заскрѣпою въ должности секретаря-протоколита Силенскаго. Подъ тою же статью, правящимъ должность прокурора, г. третьимъ членомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Азбукинымъ написано такъ: читалъ 2-го октября 1831 г.).

Пѣсня про Дмитрія царевича.

Въ шестымъ году въ восьмой тысячѣ
 Въ нонѣшнемъ народѣ правда вывелась,
 Вселилось въ народѣ лукавство великое.
 Не лютая змѣя возвивалася,
 Возвивалось лукавство великое.
 Упало лукавство не на воду и не на землю,—
 Упало лукавство царю Дмитрію на бѣлу грудь.
 Убили же царя Дмитрія въ гуляньѣ, на игрицахъ;
 Убилъ же его Гришка Розстриженный,
 Убимши его—самъ на царство сѣлъ,
 И не скдолько царилъ—только семь годовъ.

Примѣчаніе. Записана 19-го іюля 1872 г. Саратовской губерніи въ городѣ Хвалынскѣ, отъ крестьянина Чернощечекова.

Сообщ. П. В. Шейнъ.

Эпиграммы на Аракчеева.

Изъ рукописнаго сборника 1820-хъ годовъ.

I.

Девизъ твой говорить,
 Что *предашь ты безъ лести.*
 Повѣрю.— Но чему?—
 Коварству, Злобѣ, Мести.

II.

Не имѣвъ ни благородства, ни чести,
Можешь-ли быть *преданъ* безъ лести?

Сообщ. И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ.

Примѣчаніе. Между этими эпиграммами, въ сборникѣ, перомъ сдѣлана виньетка, изображающая змѣю съ высунутымъ жаломъ. Эти же эпиграммы попадаютъ въ весьма многихъ рукописныхъ сборникахъ Аракчеевскаго времени. Нѣкоторыя другія, также на Аракчеева, были приведены уже въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. VI, стр. 589—596 и друг. По поводу разсказа Ушакова, см. «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г., разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб., 1870 г., изд. «Русской Старины». Разсказъ А. Ф. Ушакова (см. выше, стр. 144—162) служить дополненіемъ къ названной книгѣ. Ред.

Библиографамъ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ корреспонденціямъ отъ разныхъ лицъ на просьбу, заявленную мною въ «Русской Старинѣ» за 1873 годъ (кн. IV, стр. 582, кн. V, стр. 733 и кн. VIII, стр. 241), я имѣлъ честь получить еще слѣдующія сообщенія:

1) Отъ Евгенія Ивановича Якушкина (изъ Ярославля) два письма, съ сообщеніемъ библиографическихъ замѣтокъ по періодической литературѣ и большую рукопись, «Библиографическій указатель къ журналамъ XVIII вѣка», составленную г. Абросимовымъ; но, къ сожалѣнію, я не могъ ею воспользоваться по причинѣ разности отъ взятой нами программы при составленіи описанія оныхъ. При семъ убѣдительноше прошу Евгенія Ивановича имѣющійся въ его библиотекѣ экземпляръ «Историческія, Физическія и Нравоучительныя сочиненія», служившія прибавленіемъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» (1783—1784), за 1784 годъ, одолжить мнѣ на короткое время. Еслибы у кого оказались таковыя же на 1783 годъ, то покорнѣйше прошу снабдить меня оными на короткій срокъ.

2) Отъ Александра Фелиціановича Рудзскаго (изъ Муромъ), высланъ мнѣ съяцъ ноябрь первой части журнала «Утренній Свѣтъ» за 1777 годъ.

3) Отъ Г. Л. Соболева (въ С.-Петербургѣ) указаніе на библиотеку покойнаго Бобарыкина, находящуюся въ Калужской губерніи, Мещовскаго или Массальскаго уѣзда, богатую періодическими изданіями.

4) Отъ Александра Васильевича Игнатовича (изъ Уфы) нѣсколько библиографическихъ указаній.

5) Отъ Дмитрія Фомича Кобека (въ С.-Петербургѣ) библиографическія замѣтки и предложеніе—для моего труда пользоваться собственною его библиотекою, съ приложеніемъ списка находящихся въ ней періодическихъ изданій съ 1755 по 1799 г., въ количествѣ 59 названій.

6) Отъ Петра Александровича Ефремова (въ С.-Петербургѣ) письмо съ предложеніемъ—пользоваться всеми необходимыми журналами (богатаго и рѣдкаго собранія) его библиотеки; впрочемъ, нужныхъ мнѣ книгъ и изданій въ ней также не оказалось.

7) Дополненіе къ стр. 242 («Русской Старины» за 1873 г., кн. VIII): при-

сланная IV часть «Городской и Деревенской Библиотеки», какъ оказалось, была прислана отъ г. Леонова (изъ Смоленска).

Всѣмъ лицамъ, принявшимъ на себя трудъ какъ присылкой мнѣ книгъ, такъ и снабдившимъ меня библиографическими замѣтками, приносімъ искреннюю нашу признательность; при этомъ покорнѣе просимъ читателей «Русской Старины» и владѣльцевъ библиотекъ не оставить нашей просьбы и по другимъ вопросамъ, заявленнымъ на страницахъ сего журнала.

Трудъ нашъ мы уже начали печатать; между прочимъ перепечатавъ я въ небольшомъ числѣ очень рѣдкій журналъ Новикова «Ученныя Вѣдомости» на 1777 годъ, который можно получить отъ меня по 1 р. 50 коп. за экземпляръ.

Адресъ мой помѣщенъ въ VII томѣ, на стр. 583 «Русской Старины» за 1873 годъ,— или адресовать: въ книжный магазинъ А. Ѳ. Базунова, у Казанскаго моста.

А. Н. Неустровъ.

Опечатки.

Въ ноябрьской книгѣ въ пѣснѣ о Пугачѣ, стр. 817, 12 строка снизу:	
Напеч.: людей.	Чит.: судей.
Стр. 820, стр. 22 сверху:	
Напеч.: никакого	Чит.: нпвакою.
Въ декабрьской книжкѣ стр. 1000, строка 19 сверху:	
Напеч.: въ 1783	Чит.: 1873.

Поправка.

Въ указателѣ личныхъ именъ къ «Русской Старинѣ» 1873 г. напечатано: 1) «Кочетовъ, протоіерей смоленско-владбищенской церкви», и 2) «Кочетовъ, Іоакимъ Семеновъ, протоіерей Петропавловскаго собора, докторъ богословія членъ Академіи Наукъ, род. 1790 г.». Это одно лицо; онъ сперва былъ протоіереемъ смоленско-владбищенской церкви, а оттуда переведенъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ и скончался, и погребенъ въ придѣлѣ церкви Смоленскаго владбища; другаго этой фамиліи не было.

Николай Сажинъ.

Памятникъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Извѣстно, что всѣ образованные народы, движимые чувствомъ признательности къ тѣмъ изъ своихъ согражданъ, дѣла которыхъ служили къ славѣ отечества, либо на пользу ближнихъ, сохраняли память о нихъ, воздвигая имъ памятники. Россія, въ этомъ отношеніи, не отстала отъ прочихъ государствъ: въ нашемъ отечествѣ до 159 памятниковъ. Сооружены они царямъ, воинамъ, поэтамъ, ученымъ, художникамъ, и проч.; но нѣтъ до сихъ поръ памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Между тѣмъ, вся жизнь ея ознаменовалась дѣлами благотворительности и всецѣло была посвящена на пользу страждущаго человѣчества.

Вотъ списокъ учрежденій учебныхъ и богоугодныхъ, основанныхъ императрицею Марією Ѳеодоровною съ 1797 по 1828 годъ.

1. Женскія учебныя заведенія.

Въ С.-Петербургѣ:

	Годъ основанія.
1) Училище ордена св. Екатерины	1798
2) Маринскій институтъ	1800
3) Повивальный институтъ	1800
4) Дѣвичье училище военно-сиротскаго дома, переименованное, въ 1829 году, въ Павловскій институтъ	1807
5) Повивальное училище воспитательнаго дома	1797
6) Училище солдатскихъ дочерей полковъ л.-г. № 1	1819
7) Училище солдатскихъ дочерей полковъ л.-г. № 2	1823

Въ Москвѣ:

8) Училище ордена св. Екатерины	1803
9) Александровское училище	1805
10) Повивальный институтъ	1811

Губерскія:

11) Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ	1817
12) Николаевское училище для дочерей нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота	1826
13) Севастопольское училище для дочерей нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота (упразднено въ 1855 году)	1826

2. Мужскія учебныя заведенія и для обоого пола.

Въ С.-Петербургѣ:

14) Училище глухонѣмыхъ	1806
15) Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ	1828

Въ Москвѣ:

16) Коммерческое училище	1804
------------------------------------	------

3. Богоугодныя и благотворительныя заведенія.

Въ С.-Петербургѣ:

- 17) Маріинская больница для бѣдныхъ 1803
18) Вдовій домъ 1803

Въ Москвѣ:

- 19) Маріинская больница для бѣдныхъ 1803
20) Вдовій домъ 1803

Губерніи:

- 21) Странопріимный домъ Таранова-Белозерова—въ Симферополѣ. 1821
22) Странопріимный домъ Делальто — въ Таганрогѣ 1824

Списокъ этотъ не требуетъ объясненій; но чтобы показать всю теплоту души и чувства состраданія императрицы къ страждущимъ, напомнимъ хотя одинъ случай, подавшій ей мысль основать Институтъ Глухо-нѣмыхъ.

Императрица Марія Феодоровна, гуляя однажды по тѣнистымъ аллеямъ Павловска, встрѣтила жену генераль-лейтенанта Ахвердова ¹⁾, шедшею съ своимъ племянникомъ А. Меллеромъ, рожденнымъ глухо-нѣмымъ.

Императрица, узнавъ изъ разговора съ нею, что въ семействѣ ген.-майора Меллера, въ числѣ шести дѣтей, два сына и дочь родились глухо-нѣмыми, задумалась и, принявъ положеніе семейства Меллеръ близко къ сердцу, съ свойственнымъ ей состраданіемъ сказала:

— «За границею на участь подобныхъ дѣтей давно уже обращено вниманіе правительства: тамъ для образованія ихъ учреждены спеціальныя институты, а у насъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано».

На другой день, встрѣтя опять г-жу Ахвердову, императрица подозвала ее къ себѣ и сказала слѣдующія замѣчательныя слова:—«Вашъ племянникъ не далъ мнѣ цѣлую ночь уснуть: я до утра думала объ участи его и подобныхъ ему дѣтей и сегодня, лишь только одѣлась, послала за секретаремъ Вилямовымъ и поручила ему выписать изъ-за границы одного изъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ, чтобы учредить въ Петербургѣ училище глухо-нѣмыхъ, въ которое первыми будутъ помѣщены племянники ваши».

Воля ея величества была необыкновенно скоро исполнена. Патеръ Сиккаръ-Сигмундъ не замедлилъ прибыть изъ Польши и первоначальное училище глухо-нѣмыхъ было имъ устроено въ Павловской вѣрности.

А. Меллеръ, съ братомъ своимъ, первые вступили въ это заведеніе, въ 1806 году; вскорѣ къ нимъ присоединились еще два мальчика и пять дѣвочекъ.

Починъ къ организаціи этого учрежденія принадлежитъ патеру Сигмунду, который трудами своими, знаніемъ дѣла и педагогическою опытностью сумѣлъ вполне оправдать ожиданія императрицы, постоянно слѣдившей за успѣхами воспитанниковъ.

Впослѣдствіи, въ 1810 году, училище глухо-нѣмыхъ переведено въ С.-Петербургъ и помѣщено на Выборгской сторонѣ въ бывшемъ вдовьемъ домѣ, гдѣ нынѣ артиллерійское училище.

¹⁾ Генераль-лейтенантъ Ахвердовъ состоялъ воспитателемъ при в. к. Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. И. Ж.

Въ томъ же году патеръ Сигмундъ, по болѣзни, оставилъ службу и уѣхалъ въ Польшу; на мѣсто его былъ вызванъ изъ Парижа профессоръ Жофре.

Вышедши въ 1812 году изъ училища, А. Меллеръ жилъ у своей тетки Ахвердовой, въ Михайловскомъ замкѣ, и однажды, прогуливаясь съ теткой въ Лѣтнемъ саду, встрѣтился съ императрицею, которая, узнавъ его, подозвала къ себѣ и сказала:

— «Ты забылъ меня, Александръ; я давно тебя не видала и не получала отъ тебя, какъ прежде, рисунковъ».

На что онъ, указавъ на небо, чрезъ свою тетку старался выразить своей августѣйшей благодѣтельница, что если онъ ее забудетъ, то и Богъ его забудетъ, причемъ просилъ ея величество опредѣлить его на службу; императрица отвѣтила:

— «Я съ радостью исполню твое желаніе; я помѣщу тебя въ свою канцелярію».

Вскорѣ онъ былъ опредѣленъ въ собственную ея величества канцелярію и, по истеченіи тридцати-девятилѣтней службы (1817—1839), вышелъ въ отставку съ полною пенсіею.

Многіе изъ несчастныхъ, лишенныхъ употребленія языка и слуха, сдѣлались, подобно Меллеру, полезными членами общества, только благодаря благотворной мысли императрицы Маріи Феодоровны основать училище глухонѣмыхъ.

Почти 50 лѣтъ прошло со дня кончины императрицы Маріи Феодоровны и безчисленнымъ питомцамъ ею основанныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній пора воздать должное ея службѣ Россіи, пора воздвигнуть памятникъ, будетъ-ли то новое благотворительное учрежденіе, посвященное ея имени, или же художественное произведеніе, которое бы украсило столицу Россіи⁴⁾.

Что же касается до средствъ къ осуществленію памятника, то нѣтъ сомнѣнія, что вся Россія откликнется на призывъ къ пожертвованіямъ, такъ какъ во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества существуютъ основанныя императрицею учебныя и благотворительныя заведенія, въ коихъ тысячи призрѣнныхъ и обучаемыхъ страждущихъ находятъ пріютъ и успокоеніе.

И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ.

⁴⁾ Лучшее мѣсто въ Петербургѣ для сооруженія на немъ художественнаго памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, безъ сомнѣнія, садикъ на Михайловской площади, предъ дворцомъ покойной великой княгини Елены Павловны, столь много сдѣлавшей на поприщѣ благотворительности и на просвѣщеніе Россіи: ею, какъ извѣстно, основаны Маріинскій Институтъ, училище св. Елены, С.-Петербургская Консерваторія, община сестеръ милосердія, Елисаветинская дѣтская больница, дешевые столы для учащихся и проч.

МОДЫ ВЪ РОССИИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

1779.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (т. VII, стр. 583—586) мы помѣстили извѣстіе А. Н. Неустроева о первомъ, по времени, модномъ журналѣ, выходившемъ въ Россіи. Онъ издавался подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Модное ежемѣсячное сочиненіе или библіотека для дамскаго туалета» 1779 года, въ 8-ю долю, двѣнадцать книжекъ въ годъ, составившихъ четыре части. Изъ нихъ первыя двѣ части вышли въ Петербургѣ, послѣднія — въ Москвѣ.

Издателемъ этого любопытнаго, какъ библиографической нынѣ рѣдкости, журнала былъ, какъ полагаетъ г. Неустроевъ, знаменитый Н. И. Новиковъ. При журналѣ приложено десять гравированныхъ картинокъ, изображающихъ современныя моды (1779 г.); подъ каждой краткая подпись, но подробныхъ описаній дамскаго туалета не имѣется. Изъ этихъ картинокъ пять передано нами въ гравюрѣ академика Л. А. Сѣрякова, приложенной въ прошломъ году въ VII-му тому «Русской Старины».

Нынѣ мы сочили не безынтереснымъ для читателей нашего изданія также исполнѣ вѣрно воспроизвести и остальные пять рисунковъ, помѣстивъ ихъ на одной гравюрѣ, къ настоящей книгѣ приложенной. Подписи буквально взяты изъ того же «Моднаго ежемѣсячнаго сочиненія» 1779 г.; онѣ помѣщены подъ соответствующей каждой изъ нихъ картинкой. Относительно одного изъ главныхъ уборовъ (наиболѣе оригинальнаго), переданнаго въ гравюрѣ, именно убора а ла белль пуль¹⁾, мы можемъ передать слѣдующее, не лишнее интереса, объясненіе, весьма обязательно сообщенное однимъ изъ читателей «Русской Старины».

«Адмиралъ Кеппелъ, которому было поручено наблюдать за брестскимъ флотомъ, вышелъ со своею эскадрою изъ Портсмута и сталъ требовать у французскихъ фрегатовъ, которые намѣревался опрашивать, чтобы тѣ сдались и слѣдовали за кормой его корабля (это было въ началѣ войны съ Англіей 17-го іюня 1778 г.). Шадо де-ла Клошеттри (Chateau de la Clohette) — капитанъ корабля la belle poule (красивая курочка) отказался повиноваться и отвѣчалъ пушечной пальбой со всѣхъ бортовъ; онъ сразился съ фрегатомъ «Аретуза» въ виду двухъ англійскихъ кораблей, которые за противнымъ вѣтромъ не могли на него напасть, и непріятельскій фрегатъ отступилъ: мачты его были почти всѣ перебиты. Моряки, такъ блистательно начавшіе войну подвигомъ, благопріятнымъ французскому оружію, были всѣ награждены, а версальскія патриотки выдумали головной уборъ, изображающій корабль (см. Droz, Histoire de Louis XVI, tome I, p. 311).

¹⁾ Въ «Рус. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 585 опечатка: «а ла белль нуль», читай: «а ла белль пуль». Тамъ же — число картинокъ обозначено цифрою девяти, при девяти книжкахъ «Модн. ежем. сочиненія»: читай десять, при десяти книжкахъ.

Ред.

THE HISTORY OF THE

... of the ...

... of the ...

... of the ...

Уборъ а на белъ пудъ.

Раздѣлающая пріятность.

Очастливый щеголь.

МОДЫ ВЪ РОССІИ

въ 1779 г.

Раскрытыя прелести.

Прелестная простота.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

Авторъ Записокъ—отставной генераль-маіоръ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, сынъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ смоленскихъ дворянъ, родился въ 1789 г., въ Смоленскѣ, и на 5-мъ году отъ рожденія отданъ на воспитаніе въ сухопутный шляхетный корпусъ, находившійся тогда еще подъ начальствомъ графа Ангальта, гдѣ былъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе. Окончивъ тамъ свое воспитаніе, Жиркевичъ, по 16-му году, былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ и прямо со школьной скамейки попалъ въ аустерлицкое сраженіе. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Жиркевичъ, по званію баталіоннаго адъютанта, имѣлъ ежедневный докладъ у графа Аракчеева (который въ то время былъ инспекторомъ всей артиллеріи) и въ короткое время на столько снискалъ довѣрія у суроваго начальника, что графъ, не смотря на молодость Жиркевича, началъ давать ему довольно важныя порученія. Не скрывая въ своихъ Запискахъ тяжесть характера Аракчеева въ домашнемъ и служебномъ быту, Жиркевичъ не умаляетъ въ немъ достоинствъ, какъ въ человѣкѣ трудившемся и въ особенности отдаетъ ему справедливость въ томъ, что единственно его заботами русская артиллерія была доведена до той степени совершенства, въ какой она себя показала во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ. До сего времени съ именемъ Аракчеева у читателя связано было понятіе какъ о существѣ гнусномъ, отталкивающемъ; въ настоящихъ же Запискахъ авторъ, напротивъ, вездѣ, гдѣ тому представляется случай, выставляетъ Аракчеева съ болѣе выгодной стороны, описывая его, правда, брюзгой и ворчливымъ, но вообще довольно снисходительнымъ и справедливымъ начальникомъ.

Въ должности адъютанта при Аракчеевѣ Жиркевичъ находился до самаго назначенія графа военнымъ министромъ; затѣмъ вернулся во фронтъ и первое время далеко не пользовался расположеніемъ Ал. Петр. Ермолова, принявшаго въ свое командованіе гвардейскую артиллерию; Ермоловъ подозрѣвалъ въ немъ клеветы Аракчеева, а можетъ быть даже и наушника, такъ какъ расположеніе сего послѣдняго къ Ивану Степановичу ни для кого въ гвардейской артиллеріи не составляло тайны; но впоследствии Ермоловъ, при содѣйствіи Вельяминова, съ которымъ Жиркевичъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, узнавъ его хорошо, не только отдалъ ему полную справедливость, но почтилъ своей дружбой, продолжавшейся до самой его смерти.

Жиркевичъ участвовалъ въ достопамятной отечественной войнѣ отъ самаго ея начала до вступленія русскихъ въ Парижъ, въ 1814 г. Неприятное столкновеніе между офицерами гвардейской артиллеріи со вновь назначеннымъ къ нимъ начальникомъ, полковникомъ Таубе, побудило Жиркевича заблаговременно оставить службу въ гвардіи и перечислиться въ полевую артиллерию, гдѣ онъ получилъ въ командованіе роту, т. е., батарею.

Получивъ въ Парижѣ отпускъ, по болѣзни, авторъ Записокъ возвратился на родину, въ Смоленскъ, и вскорѣ женился на Александрѣ Ивановнѣ Лаптевой.

Во время стоянки съ своей ротой въ губернскомъ городѣ Орлѣ, Жиркевичъ познакомился съ проживавшимъ тамъ, подъ опалой, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ, братомъ главнокомандующаго русской арміи на Дунаѣ и сыномъ фельдмаршала.

Вслѣдствіе разныхъ неприятныхъ обстоятельствъ, будучи вынужденнымъ оставить строевую службу, Жиркевичъ, по желанію великаго князя Михаила Павловича, поступилъ въ артиллерійскій департаментъ начальникомъ отдѣленія. Здѣсь не замедлили возникнуть у него столкновенія съ директоромъ и другими членами, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій, которымъ тѣ, какъ рассказываетъ Жиркевичъ, потворствовали. Не смотря на нравственную поддержку, оказанную ему великимъ княземъ, врагамъ Жиркевича удалось его очернить въ мнѣніи великаго князя и, удаливъ изъ департамента, запятнать его формуляръ отмѣткой: „къ повышенію, по строптивости характера, не достоинъ“. Жиркевичъ обратился съ энергическимъ письмомъ къ великому князю и просилъ назначить строжайшее слѣдствіе надъ всѣми его дѣйствіями, относящимися до его департаментской службы. Вполнѣ оправданный, онъ вновь былъ приглашенъ на службу въ

тотъ же департаментъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Съ этой должности онъ поступилъ въ Тульскій оружейный заводъ помощникомъ командира, гдѣ пробылъ около 2-хъ лѣтъ.

Не поладивъ съ заводскимъ начальствомъ и опять принужденный выдти въ отставку во избѣжаніе чего-нибудь худшаго, Иванъ Степановичъ остался съ одними долгами безъ всякихъ средствъ къ жизни, что и побудило его нѣсколько разъ обращаться съ просьбами о полученіи какого-нибудь мѣста, могущаго прокормить его съ семействомъ, къ нѣкоторымъ изъ своихъ прежнихъ товарищей, которые уже занимали высокія должности и достигли извѣстныхъ степеней отличія; на просьбы являлись уклончивые отвѣты или прямые отказы. Вдругъ совершенно неожиданно получилъ онъ письмо отъ А. А. Вельяминова, который предложилъ ему свои услуги, увѣдомляя, что онъ писалъ къ морскому министру, князю Меншикову, ходатайствуя у него, чтобы онъ предоставилъ Жиркевичу приличную должность, такъ какъ „нахожденіе его въ отставкѣ есть, какъ выразился Вельяминовъ, великая потеря для пользы службы“.

Прибывъ въ Петербургъ, Жиркевичъ, противъ всякаго чаянія, встрѣтилъ у кн. Меншикова самый радушный, пріятливый пріемъ и, чрезъ его посредство, сдѣлался извѣстнымъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, бывшему въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ краткаго причисленія къ министерству, авторъ Записокъ получилъ мѣсто симбирскаго губернатора.

Назначеніе это въ то время считалось весьма важнымъ и обращало на себя особое вниманіе правительства вслѣдствіе перевода нѣсколькихъ сотъ тысячъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльное вѣдомство. По новизнѣ дѣла и порядковъ, вводимыхъ тогда въ управленіи крестьянъ, опасались волненій въ народѣ и потому на этой должности желали видѣть лицо, которое, при умѣнн и твердости, избѣгло бы: во-первыхъ, всякаго столкновенія съ мѣстнымъ удѣльнымъ начальствомъ; во-вторыхъ, предупредило, а если нужно, то строгими и рѣшительными мѣрами усмирило бы всякую народную вспышку.

Послѣ аудіенціи у императора Николая Павловича, снабженный всякаго рода инструкціями, свѣдѣніями и т. п., наслушавшись вучу любезностей и всевозможныхъ себѣ похвалъ отъ сильныхъ міра сего, къ которымъ онъ, по обязанности своей службы, являлся,—Жиркевичъ выѣхалъ изъ Петербурга прямо къ новому мѣсту своего назначенія, гдѣ въ самый день пріѣзда, по горячности и неуверенности своего характера, взбѣшенный дерзкимъ выраженіемъ помощника управляющаго удѣльной конторою Бестужева, имѣлъ съ нимъ сильное столкновеніе. Это послужило основаніемъ всѣмъ дальнѣйшимъ

непріятностямъ, испытаннымъ Жиркевичемъ какъ на службѣ въ Симбирскѣ, такъ равно и впоследствии преслѣдовавшимъ его почти до самой смерти.

Обласканный государемъ, посѣтившимъ Симбирскъ, и възвысанный его милостями за успѣшное и благоразумное распоряженіе при успокоеніи раздраженныхъ лапманъ (казенныхъ крестьянъ изъ татаръ, переведенныхъ въ удѣльные), Жиркевичъ получилъ другое назначеніе, именно на должность витебскаго губернатора.

То время было для каждаго начальника Западныхъ губерній самое критическое. Присоединеніе униатовъ къ православной церкви было только что начато. Православное духовенство, занимая въ этомъ политическомъ событіи одно изъ самыхъ видныхъ и главныхъ мѣстъ, въ сознаніи своей силы и необходимости, пользовалось и, какъ увѣряетъ Жиркевичъ, иногда злоупотребляло своею властью и значеніемъ. Витебскій и смоленскій генераль-губернаторъ — князь Хованскій, витебскій губернаторъ Шредеръ и др., хотѣвшіе положить нѣкоторую законную преграду непомернымъ требованіямъ духовенства, принуждены были оставить свои должности. Причина паденія такихъ лицъ ни для кого не составляла тайны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служила урокомъ для всего остальнаго чиновничьяго люда въ губерніи, а потому всѣ единогласно вторили духовенству и рабски ему повиновались.

Каедру полоцкой епархіи занималъ тогда не безъызвѣстный въ лѣтописяхъ уничтоженія Уни епископъ Смарагдъ Крыжановскій ¹⁾. Не старыи годами, видный мужчина, довольно образованный, деспотъ и жестокий въ обращеніи съ своими подчиненными, высокомерный, страстно любящій подарки, Смарагдъ въ короткое время подчинилъ своему вліянію всю витебскую администрацію. Ни мало не стѣсняясь, онъ вездѣ выставлялъ, будто бы дѣйствуетъ по высочайшей волѣ, высочайшимъ именованъ, и всѣ были такъ напуганы предшествовавшими обстоятельствами, что безпрекословно исполняли всѣ его желанія.

Вновь назначенный генераль-губернаторъ — генераль-адъютантъ Дьячковъ, честный, доброжелательный человекъ, но совершенно не свѣдущій въ дѣлахъ, своей деликатностью и даже отчасти ро-

¹⁾ О происхожденіи своемъ онъ никогда не говорилъ и избѣгалъ этого разговора. Но разъ, будучи въ обществѣ литовскаго митрополита Іосифа, тогда еще архіерея, который былъ изъ дворянъ Симашко, когда тотъ упомянулъ что-то о своемъ благородномъ происхожденіи, Смарагдъ рѣзко сказалъ:

— «Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что вы, владыка, изъ дворянъ, да попали въ архіереи; а вотъ мой дѣдъ былъ еврей, бабка съ голоду жевала пирей, отецъ іерей, а я — архіерей!..».

бостью, происходящей отъ незнанія дѣлъ, дѣлая видъ, будто бы не желаетъ раздражать духовенство, потворствовалъ ему и тѣмъ самымъ предавалъ ему еще болѣе смѣлости заявлять разныя неподлежащія притязанія.

Въ такомъ положеніи нашелъ Жиркевичъ, по прїѣздѣ своемъ, Витебскую губернію,—и не прошло двухъ мѣсяцевъ, по вступленіи его въ должность, какъ у него уже начались непріятности съ архіереемъ. Въ высшей степени честный, самостоятельный, ревниво оберегая достоинство своего званія отъ малѣйшаго посягательства, не отступавшій ни на шагъ отъ буквы закона, губернаторъ не могъ соглашаться на всѣ дѣлаемые ему заявленія и слѣпо исполнять чужія желанія, а потому вскорѣ неудовольствія перешли въ явную вражду. Кромѣ того, новый губернаторъ, не будучи свѣтскимъ, салоннымъ человекомъ, имѣлъ несчастіе заслужить нерасположеніе супруги генераль-губернатора. Начались мелкія придирки, колкости, которыхъ Жиркевичъ не умѣлъ и не могъ, по вспыльчивости своего характера, перенести молча, а всякій разъ съ лѣхвой возвращалъ таковыя, такъ что, наконецъ, отношенія между обѣими властями сдѣлались до того непріязно-натянуты, что Жиркевичъ, какъ младшій и лишенный всякой протекціи и поддержекъ, принужденъ былъ покинуть службу и выйти въ отставку.

По выходѣ своемъ изъ службы, онъ поселился съ семействомъ въ Полодкѣ, гдѣ до кончины жилъ самымъ скромнымъ образомъ, за немнѣнимъ средствъ. Умеръ онъ отъ холеры въ 1848 году. Жена его, Александра Ивановна, неразлучная его спутница, не могла его пережить, и не прошло шести недѣль, какъ она, въ свою очередь, сошла въ могилу. Иванъ Степановичъ оставилъ послѣ себя двухъ дочерей Н. И. Глушкову и Зин. Ив. Ганъ, и сына Владиміра Ивановича, просвѣщенному вниманію котораго мы обязаны сообщеніемъ нынѣ печатаемыхъ Записокъ.

Послужной списокъ чиновника не можетъ служить руководствомъ для нравственной оцѣнки человѣка. Если судить о покойномъ И. С. Жиркевичѣ по его формуляру, можно сдѣлать выводы далеко не въ его пользу. „Безпокойный, строптивый, неуживчивый человѣкъ“... вотъ что могутъ сказать о немъ люди, которымъ неизвѣстно, что неуживчивость и строптивость Жиркевича вытекали изъ чистѣйшаго источника, именно—изъ неподкупной, фанатической честности, изъ преданности и любви къ царю и отечеству. Этими свойствами характера покойнаго запечатлѣны его „Записки“. Впрочемъ, при изданіи ихъ, сохраняя страницы, лично до автора относящіяся, мы имѣли, въ виду лишь характеристику нравовъ и быта русскаго

общества его времени; затѣмъ все, что не имѣетъ этого значенія, нами опущено.

Записки Жиркевича, какъ читатель увидитъ, при совершенной безыскусственности, даже небрежности разсказа, вносятъ нѣсколько характерныхъ подробностей въ исторію достопамятныхъ войнъ 1805—1814 гг., ярко рисуютъ военный бытъ въ послѣдующіе годы, вскрываютъ язвы канцелярій и департаментовъ минувшаго времени, наконецъ, останавливаютъ вниманіе на эпохѣ, очень еще мало изслѣдованной, начала воссоединенія униатовъ.....

Записки А. Т. Болотова прерываются на 1795 годѣ. И. С. Жиркевичъ въ своихъ Запискахъ какъ-бы продолжаетъ это повѣствованіе; но въ немъ является уже не мирный дворянинъ-помѣщикъ, а дворянинъ-воинъ, дворянинъ-чиновникъ, дворянинъ-администраторъ..... Любопытно, что разсказъ Жиркевича именно начинается съ тѣхъ годовъ, на которыхъ остановилось сказаніе Болотова. При разности достоинствъ литературныхъ, прямодушіе, честность и искренность обоихъ разсказчиковъ одинаковы...¹⁾

С. Д. Карповъ.

Городъ Дисва.

I.

Дѣтство.—Шляхетный корпусъ.—Милорадовичъ.—Генераль Клингеръ.—Малолѣтнее отдѣленіе.—Посѣщеніе корпуса императоромъ Павломъ и великими князьями.—Начальники гренадерской роты.—Учителя.—Товарищи.—Выпускъ изъ корпуса.—Аустерлицъ.—Подвигъ Демидова.

1789—1805.

Одинъ изъ пріятелей моихъ, слушая разсказъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ моей жизни, сказалъ:

— «Я бы на мѣстѣ вашемъ написалъ что-нибудь, такъ много любопытнаго видѣли вы и испытали въ жизни вашей. — и эта мысль нѣсколько разъ невольно забѣгала въ мою голову; но съ одной стороны, лѣнь, а болѣе затрудненіе почерка до сего дня останавливали меня. А теперь пришла благая мысль взяться за перо. Вотъ повѣсть моего настоящаго маранія.

При всѣхъ превратностяхъ моей кочевой жизни, справедли-

¹⁾ Записки И. С. Жиркевича состоятъ изъ четырехъ частей; онѣ занимаютъ объемистыя рукописи въ листъ, писанныя крайне связною, дурною скорописью, видимо, на-черно. Изъ помѣтки автора видно, что начаты Записки 14-го января 1841 года.

вость словъ Св. Писанія: «не надѣтейся на князи, на сыны человѣческія»—сбывались со мною въ самомъ строгомъ и буквальномъ смыслѣ. Всегда и вездѣ видѣлъ я на себѣ слѣды лишь одной благодати Божей, а не суетныхъ домогательствъ и заботъ человѣчества.

Я родился въ Смоленскѣ 1789 года, мая 9-го дня, по утру, въ половинѣ 6-го часа, въ тотъ самый моментъ, когда князь Потемкинъ имѣлъ въѣздъ въ сей городъ и былъ привѣтствованъ, какъ фелдмаршалъ, пушечными выстрѣлами; бабушка, принимавшая меня, тогда же изрѣкла пророчество матери моей, что я буду губернаторомъ, — и эта идея, съ самаго юнаго возраста моего, была для матери моей постоянною, такъ что я болѣе ста разъ слышалъ отъ нея слова сіи, и, такъ сказать, надежду, что оное пророчество сбудется тогда, какъ самъ я вовсе и помышленія о себѣ не имѣлъ.

Едва исполнилось мнѣ пять лѣтъ, въ 1795 г., безъ малѣйшаго, особаго ходатайства, по одному прошенію отца моего, записанъ былъ я въ Сухопутный Шляхетный кадетскій корпусъ и, какъ рассказывали мнѣ, былъ послѣдній недоросль, помѣщенный въ корпусъ распоряженіемъ добродѣтельнаго графа Ангальта, — чему я очень вѣрю, ибо зачисленіе мое значитъ въ актахъ 12-го іюля, а смерть графа послѣдовала въ томъ же мѣсяцѣ. Въ сентябрѣ сего года привезли меня въ Петербургъ и съ этого дня я началъ жить, такъ сказать, самъ собою.

Память я имѣлъ всегда северную, а объемъ умственный достаточно быстрый, такъ что, безъ особеннаго усилія, слылъ умнымъ и хорошимъ ученикомъ; но при этомъ, страннѣе всего было, что я слылъ хорошимъ ученикомъ и по классу черченія, и рисованія, тогда какъ рука моя не провела никогда ни одинъ прямой штрихъ, не нарисовала ни одной правильной головы или даже уха, или глаза, — по другимъ же предметамъ я шель хорошо и былъ изъ первыхъ учениковъ. Въ 1805 году покойный Милорадовичъ, передъ началомъ кампаніи противъ французовъ, пріѣхалъ въ корпусъ и въ классахъ хотѣлъ выбрать нѣсколько кадетъ для своего штата. Я помню, какъ онъ обратился къ полковнику Арсеньеву (инспектору корпуса) и сказалъ:

— «Ну, этого вы, вѣрно, мнѣ также не дадите» (указывая на меня), а тотъ отвѣчалъ:

— «Это у нас лучший ученикъ, котораго мы готовимъ въ артиллерію, а вѣрнѣе въ гвардію»; и въ сентябрѣ того же года я былъ произведенъ въ подпоручики лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій баталіонъ, вмѣстѣ съ другимъ кадетомъ Поторенемъ, который и былъ, по кончину свою (1813 г.), моимъ постояннымъ другомъ.

Наканунѣ выпуска нашего, директоръ корпуса, генераль Клингеръ, при собраніи всего корпуса, вызвалъ меня впередъ, погладилъ по головѣ и сказалъ:

— «Вотъ вамъ примѣръ, господа: ему не болѣе 12-ти лѣтъ отъ роду, а завтра онъ будетъ гвардіи офицеромъ!»

На что я отозвался, что я 11 лѣтъ уже какъ въ корпусѣ... Но обстоятельство это показываетъ, какъ я былъ малъ ростомъ и моложавъ при выпускѣ, и слѣдствіемъ того было, что первая пара моей гвардейской обмундировки, а именно: гвардейскій мундиръ, съ бархатнымъ воротникомъ и золотымъ шитьемъ, казимировое исподнее платье, съ золотомъ, обошлось мнѣ 28 руб. на ассигнаціи; остальная часть обмундировки въ таковой же пропорціи, такъ что вся экипировка стоила 47 руб. на ассигнаціи.

Обращаясь въ малолѣтству моему, я не могу безъ признательности вспомнить первыхъ моихъ попечителей. Поступилъ я въ отдѣленіе малолѣтнихъ, въ камеру къ madame Савье, а по увольненіи ея, къ mademoiselle Эйлеръ; какъ въ первой, такъ и въ другой, и особенно въ послѣдней, я нашелъ истинную материнскую заботу и нѣжность, и, по малому возрасту, пробылъ у нея годы болѣе положенныхъ.

Два случая этого времени вѣзались въ мою память; первый изъ нихъ—пріѣздъ въ корпусъ государя Павла Петровича. Мы всѣ были въ классахъ и насъ учили, когда пріѣдетъ государь, привѣтствовать его: «Ваше императорское величество, припадаемъ къ стопамъ вашимъ!» но этотъ возгласъ приказано было дѣлать только тогда, когда государь будетъ въ залѣ, а не въ классахъ. Павелъ I пріѣхалъ во время классовъ и, войдя въ намъ въ классъ, съ самой послѣдней скамейки взялъ на руки одного кадета (Яниша, теперь, въ 1841 году, служащаго въ артиллеріи подполковникомъ), взнесъ его самъ на каеэдру и, посадивъ на столъ, своими руками снялъ съ него обувь; увидя на ногахъ совершенную чистоту и опрятность, обратился къ главной

начальницѣ съ привѣтомъ благодарности. Теперь еще не могу забыть минутой блѣдности и страха, а потомъ душевнаго успокоенія и слезъ на лицѣ этой начальницы, г-жи Бугсгевденъ, и какъ она, упавъ на одно колѣно, цѣловала руку монарха. По окончаніи класса, когда государь прибылъ въ залу, мы его встрѣтили, какъ научены были, а онъ, не разслышавъ, что мы кричали, спрашивалъ:

— «Что такое они кричатъ?» и былъ весьма доволенъ и съ нами раздѣлилъ полдникъ нашъ, скушавъ двѣ булки, такъ что двоимъ не достало оныхъ, и затѣмъ приказалъ всѣмъ дать конфетъ.

Другой случай—пріѣздъ поутру наслѣдника престола Александра Павловича и великаго князя Константина Павловича вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ. Константинъ былъ назначенъ шефомъ корпуса. Когда они обходили наши камеры, генералъ-майоръ Адамовичъ, мой внучатный братъ, командовавшій тогда павловскимъ гренадерскимъ полкомъ, сопровождалъ ихъ и, поровнявшись противъ меня, остановилъ наслѣдника словами:

— «Ваше высочество, вотъ это мой братъ!»

Великій князь Александръ Павловичъ уцепилъ меня за щеку и сказалъ:

— «Купидонъ!»

А я закричалъ: больно, ваше высочество!

Потомъ, когда мы прошли въ столовую для утренняго завтрака, гдѣ обыкновенно я читалъ на каедрѣ вслухъ предстольную молитву, наслѣдникъ, узнавъ меня, обратился къ Адамовичу и сказалъ:

— «Изъ него славный будетъ попь!»

Въ томъ же (1800) году я былъ переведенъ изъ малолѣтнаго возраста въ гренадерскую роту, которой командовалъ майоръ баронъ Черкасцовъ. Послѣ него были моими начальниками: подполковникъ Пурпуръ, майоръ Желѣзняковъ и майоръ Ралестинъ,—въ командованіе ротою послѣднимъ, я выпущенъ изъ корпуса. Не смотря на то, что я, можно сказать, былъ крошкою, и необыкновенно молодежь, еще въ самомъ корпусѣ я пользовался расположеніемъ и дружбою капитана Черкасова,—онъ же былъ моимъ учителемъ фортификаціи,—и у другихъ офицеровъ, а именно: Рйля, Ореуса, Эллемана и др.; я пользовался

уваженіемъ не сообразно вовсе моему возрасту. Припоминая со всею строгостью о штрафахъ, неизбѣжныхъ съ малолѣтствомъ и юностью, я только одинъ разъ былъ наказанъ розгами подполковникомъ Пурпуромъ за то, что былъ записанъ въ классъ географіи учителемъ Спирокимъ за лѣдность; но и этотъ разъ несправедливо, въ чемъ и самъ Спирокъ въ послѣдствіи сознался, оправдываясь лишь тѣмъ, что онъ это сдѣлалъ, получивъ выговоръ отъ директора, что онъ ничего не пишетъ въ лѣтнемъ спискѣ и что, такимъ образомъ, одинъ только жребій, павъ на меня, былъ виною моего наказанія.

Моими законоучителями въ корпусъ были: Феофилактъ, Михаилъ и Евгеній — пастыри, въ послѣдствіи извѣстные въ Россіи; изъ нихъ первые два были потомъ митрополитами.

Въ мое время начальники корпуса, одинъ за другимъ, такъ слѣдовали: Кутузовъ, Ферзенъ, Андреевскій и Клигеръ. Перваго я и теперь очень помню, и живо себя представляю въ голубомъ плащѣ, три звѣзды — двѣ на лѣвой, одна на правой сторонѣ, и шляпа на головѣ. Видъ грозный, но не пугающій юности, а болѣе привлекательный. Съ кадетами обходился ласково и такого же обхожденія требовалъ и отъ офицеровъ. Часто являлся между нами во время нашихъ игръ, въ свободные наши часы отъ занятій, и тогда мы всѣ окружали его толпой и добились какой-нибудь его ласки, на которыя онъ не былъ скупъ. Второ́й, Ферзенъ, былъ въ общемъ смыслѣ нѣмецъ; третій, Андреевскій, просто солдатъ, а послѣдній, Клигеръ, суровостью вида и непривѣтливостью характера навлекъ на себя общую нелюбовь воспитанниковъ и слылъ не только строгимъ, но даже жестокимъ человѣкомъ. Изъ офицеровъ того времени живы въ моей памяти: Арсеньевъ — большой крикунъ, но любимый кадетами; Перскаго — іезуитъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ одаренъ необыкновенною памятью, такъ что, увидѣвъ въ первый разъ новое лицо воспитанника, онъ спрашивалъ всегда имя его и отчество, а потомъ уже никогда не забывалъ, — и когда чрезъ 25 лѣтъ, во время бытности Перскаго уже директоромъ корпуса, я привезъ для отдачи туда своего племянника, при вступленіи моемъ въ комнату, онъ меня встрѣтилъ словами: «Не ошибаюсь, Иванъ Степановичъ Жиркевичъ». Хорошо былъ образованъ, но никогда не былъ любимъ кадетами. Желѣзняковъ, учитель русскаго

слова и душею русскій, къ несчастію, держался ерѣпкихъ напитковъ, но кадетами былъ любимъ за необыкновенную доброту свою. Ралгертъ — нѣмецкій драгунъ, добрѣйшей души человѣкъ, но никѣмъ не уважаемый. Готовцевъ — буффонъ, но души необыкновенной, былъ любимъ вообще. Чужинъ — страшный взыскательностью и хлопотливый, надъ которымъ кадеты издѣвались безпрестанно. Гераковы — два брата: одинъ — писатель и учитель исторіи, шутъ въ обществѣ, но держалъ кадета въ уваженіи и слылъ ученымъ; другой — простой офицеръ, безъ вычуровъ. Кадеты, съ которыми я былъ болѣе друженъ и въ связи: Ахшарумовъ, Поморскій, баронъ Пирхъ, Глинка, Милорадовичъ, два брата Берхмановы и два брата Краснокутскіе.

Во все время нахождения въ корпусѣ, благодѣтелемъ и отцемъ мнѣ былъ Степанъ Павловичъ Краснопольскій, служившій при дворѣ оберъ-келлермейстеромъ, а семейство его и старшіе сыновья были для меня первыми примѣрами быта житейскаго; младшій же сынъ его, Петръ Степановичъ, совоспитанникъ со мною, былъ не только отцемъ, но и братьями любимъ менѣ моего въ своемъ семействѣ.

Здѣсь я ознакомился съ семействами Фигнеровыхъ и Шестаковыхъ. Первыхъ второй сынъ, впоследствии извѣстный партизанъ 1812 года, былъ мнѣ еще тогда другомъ, а младшій братъ его оставилъ на головѣ моей всегдашнюю память, разсѣкши мнѣ шаромъ съ билліарда голову, — ему было 3 года, а мнѣ 8 лѣтъ. Александръ Антоновичъ Шестаковъ и по сіе время (1841 г.) дружбою своей оцѣняетъ меня, ибо такихъ людей, какъ онъ, надо поискать въ мірѣ; онъ былъ судьей въ Красненскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, и живетъ теперь (1841 г.) въ своемъ помѣстьѣ того же уѣзда.

По выпускѣ¹⁾ изъ корпуса, въ 1805 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, отправился я къ батальону своему, бывшему тогда уже на походѣ противъ французовъ. Сопутниками моими были, выпущенные въ одно со мною время изъ пажей: Дохтуровъ и Козловъ. Батальонъ нашъ нагнали мы въ Слонимѣ.

Когда я прибылъ къ батальону, командиромъ былъ генералъ-маіоръ Иванъ Ѳедоровичъ Касперскій, обласкавшій меня и

¹⁾ Все что дагѣ — писано «15-го декабря 1842 г.».

принявшій, какъ сына; онъ помѣстилъ меня для квартированья съ адъютантомъ Саблинымъ, съ которымъ всегда располагался вмѣстѣ другъ его лекаръ Флѣровъ,—и хотя я былъ зачисленъ во 2-ю легкую роту, которою командовалъ полковникъ Роселемъ, но я всегда оставался при генеральной штабъ-квартирѣ и пользовался столомъ генерала. По молодости моей, по непривычкѣ къ походу и по ненастному осеннему времени, на третій или на четвертый день, послѣ приѣзда моего къ баталіону, оказался у меня отекъ въ ногахъ и я съ трудомъ могъ, съ посторонней помощью, ходить къ генералу, что продолжалось со мной все время похода даже до Ольмюца, въ Австріи, гдѣ я въ первый разъ вблизи увидѣлъ государя. Здѣсь же увидалъ и австрійскаго императора Франца, бывшаго тогда еще римскимъ.

Трудно представить, какою духъ одушевлялъ тогда всѣхъ насъ, русскихъ воиновъ, и какая странная и смѣшная самонадѣянность была спутницей такого благороднаго чувства. Намъ казалось, что мы идемъ прямо въ Парижъ! Тогда и было только разговоръ о генераль-адъютантѣ князѣ Долгорукомъ, юношѣ лѣтъ 25-ти, который ѣздилъ отъ государя съ отвѣтнымъ письмомъ къ Наполеону, приславшему Дюрока поздравить государя съ прибытіемъ его къ арміи,—и всѣ дивились остроумію адреса на письмѣ, гдѣ будто, избѣгая титула царскаго, называли его: «*Chef de la nation française!*» Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалось въ войскѣ, съ добавкой, что когда кн. Долгорукій представилъ письмо и Наполеонъ остался въ шляпѣ предъ нимъ, то и онъ тоже надѣлъ свою. Прошло нѣсколько дней и, увы! измѣнился тонъ нашихъ сужденій!.. Черезъ три дня послѣ того, мы подошли къ Аустерлицу и расположились на бивуакахъ по сую сторону города, воображая французовъ еще, по крайней мѣрѣ, версты за 100 отъ насъ. На другой день, поутру, 20-го ноября, объявлено намъ, что во время марша, чрезъ городъ, будетъ смотрѣть насъ государь. Обозы приказано оставить на мѣстѣ. Прекрасная погода. Цѣль смотра обманула наши ожиданія,—мы всѣ были только въ однихъ мундирахъ. Пройдя до города не болѣе, какъ версты полторы, насъ свернули съ дороги въ сторону, вправо, и объявили намъ, что мы идемъ занимать позицію. Вдругъ говорятъ намъ: «Французы! Заряжайте пушки!» Этого сюрприза мы вовсе не ждали. Я былъ прикомандированъ съ двумя легкими

орудіями въ батареинной ротѣ его высочества, которою командовалъ полковникъ Ралль—единственное лицо между нами, бывавшее въ огнѣ противъ непріятеля; я же, съ своей стороны, отъ роду не слыхалъ пушечнаго выстрѣла вблизи, а въ бытность мою въ корпусѣ во время парадовъ и пальбы съ крѣпости затыкалъ уши, едва не падая отъ страха: такъ былъ пугливъ! А теперь пришлось вдругъ быть въ настоящемъ дѣлѣ!.. Легкими орудіями командовалъ старше меня—подпоручикъ Сукинъ, а я былъ безъ орудій и потому, чтобы дать мнѣ особое занятіе, генералъ приказалъ мнѣ быть при вторыхъ зарядныхъ ящикахъ и стоять внѣ выстрѣловъ. Къ нашей батареѣ присоединились 10 австрійскихъ орудій. Полки гвардіи расположились въ двѣ линіи на правомъ флангѣ; въ первой линіи стоялъ Семеновскій полкъ, а во второй—Преображенскій; на лѣвомъ флангѣ въ первой линіи—Егерскій, а во второй—Измайловскій. Между баталіонами, по флангамъ, поставлены были легкія орудія. Пѣхота сняла ранцы, положила ихъ передъ собою на землю и стала заряжать ружья. Внезапно раздались крики: «Гвардія на лѣвый флангъ!» и баталіоны, по отдѣленіямъ, на лѣво, сейчасъ построились заднимъ строемъ, т. е., на заднюю шеренгу, позади батареи, отошли, оставя всѣ свои ранцы на мѣстѣ и батарею нашу одну въ полѣ. Вдругъ видимъ въ отдаленіи, впереди насъ, на разстояніи, навѣрно, менѣе двухъ верстъ, тянется войско. Намъ говорятъ, что это — французы и мы открыли по нимъ огонь! Я отъ ящиковъ изъ любопытства ушелъ впередъ къ орудіямъ. Здѣсь-то въ моихъ ушахъ раздались первые пушечные выстрѣлы и на нихъ французскіе отзывы и здѣсь впервые увидѣлъ я кровь и смерть, но страха во мнѣ какъ-будто вовсе не бывало! Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ замѣтили мы, что отъ французскаго войска отдѣлилась небольшая толпа и подвинулась впередъ, какъ бы для наблюденія насъ. Ихъ, конечно, озадачивала линія ранцевъ, манѣрами обращенныхъ вверхъ, и отъ солнечныхъ лучей отражавшійся блескъ по линіи: казалось, что лежатъ, скрываясь, цѣлыя батальоны, и толпа французовъ видимо колебалась—двигаться-ли впередъ, или нѣтъ. Спусти же нѣсколько минутъ, съ лѣва отъ нее начала показываться конница. Тогда полковникъ Ралль, вызвавъ офицеровъ предъ фронтъ, сталъ совѣтываться, что намъ дѣлать, и какъ у насъ не оставалось вовсе прикрытія, положили: «Отсту-

пять через орудіе». Къ батарееѣ подъѣхалъ генералъ Касперскій и, не найдя меня при ящикахъ, сталъ шумѣть на меня; но, испугавшись начавшагося наступленія французовъ, приказалъ отступать, а самъ уѣхалъ выбирать сзади новую позицію. Одна половина батареи, по принятому предположенію, через одно орудіе отошла, а другая стала отстрѣливаться; но французская кавалерія тронулась на рысяхъ и полковникъ тотчасъ же командовалъ: «назадъ, на передки!» Въ это время взорвало одинъ ящикъ, пошла суматоха, но кое-какъ успокоились и собрались. Отойдя саженой сто или болѣе, потянулись по гати къ мельницѣ въ одну струну лѣвѣмъ флангомъ. Передними орудіями командовалъ подпоручикъ Базилевичъ; вдругъ слышимъ его команду: «стой! стой! съ передковъ долой! передки кругомъ! назадъ поѣзжай!» Сдѣлалась ужасная суматоха. Въ это время проѣзжаетъ верхомъ государь, при немъ были: князя Волконскій и Долгорукой и баронъ Винценгероде; всѣ они пробираются между орудіями, а государь говоритъ солдатамъ:

— «Не годится, ребята, не годится идти назадъ: впередъ — опять впередъ! Не хорошо!..» и съ этими словами поѣхалъ далѣе; но, доѣхавъ до середины батареи, государь поскакалъ назадъ, сказавъ: «Поворотить опять назадъ!.. Ступай, куда шли!..».

Въ концѣ батареи были австрійцы и они уже находились подъ палашиами французской конницы. Мы же, протянувшись чрезъ гать, на правомъ возвышенномъ берегу начали выстраиваться. Въ это время на встрѣчу къ намъ показались два баталіона лейбъ-гренадеръ; вытянулись въ линію съ распущенными знаменами, стрѣлки впереди, и стали выравниваться съ нами, подходя все ближе и ближе къ мельничному ручью, протекавшему подъ плотину. Здѣсь собственно кончилось для насъ сраженіе. Два орудія наши сдѣлали по одному выстрѣлу, французская конница отошла; неизвѣстно только, куда дѣвались австрійскія орудія. Говорили, будто бы два изъ оныхъ, головныхъ, отбили французы; но остальные, шедшія за нами, скрылись незамѣтно для всѣхъ насъ. По ту сторону ручья, гдѣ были французы, появились казаки въ разсыпную, и мы видѣли только изрѣдка, какъ мелькали пистолетныя выстрѣлы. Часа въ четыре начало смеркаться. Я выше сказалъ, что всѣ мы были въ однихъ мундирахъ, безъ куска хлѣба. Продрогли мы и проголодались. Къ совершенному моему благополучію, у

одного изъ товарищей оказался сыръ и на мою долю достался кусочекъ. Вдругъ начался шепотъ: «Сраженіе проиграно; мы будемъ отступать!» Затѣмъ получено и привязаніе. Тихо, безъ шума снимаемся съ мѣста и идемъ черезъ городъ назадъ. Въ городѣ — тѣснота, давка, стонъ отъ раненыхъ, разбитые погреба!.. Вино изъ бочекъ рѣкой течетъ по улицамъ; сыро, снѣгъ съ вѣтромъ и мятелю..... Вотъ все, что у меня осталось въ памяти отъ аустерлицкаго сраженія.

Пошли мы къ Галичу. На ночномъ привалѣ сонъ одолѣлъ меня; но прежде чѣмъ я уснулъ, фейерверкеръ, старый, лѣтъ около 50, подошелъ ко мнѣ и, сожалья о моей молодости, подаль мнѣ булку ржаного хлѣба. Ъль-ли я ее — того не помню, но товарищи въ минуту уничтожили всю порцію; я же хлѣбнулъ глотка два или три распушенной въ кипяткѣ муки, безъ соли и масла, въ манереѣ, и зарылся въ сѣно. Ночью, слышу, кричатъ: «Стой! держи! Раздавите подпоручика, стервецы!» и тотъ же Ивановъ держитъ въ рукахъ правую ящичью лошадь, а то едва не переѣхали меня, соннаго, ящикомъ.

Въ Галичѣ попалъ я на теплую квартиру вмѣстѣ съ Саблинымъ и Флёровымъ, кажется, что на генеральскую; рота же наша была на бивуакахъ. Я легъ около печи... и уже что было далѣе, ничего не помню болѣе. Открылась у меня жестокая нервная съ желчью горячка. Послѣ узналъ я, что меня уложили въ коляску генерала и везли двое сутокъ до Тренчина, гдѣ въ квартирѣ генерала Малутина, съ которымъ вмѣстѣ стоялъ и Касперскій, передали меня на попеченіе помѣщика мѣстечка Тренчинъ, графа Елещани, который поручилъ меня хозяину моей квартиры — портному, объявивъ ему, что всѣ лекарства и содержаніе мое будетъ на его счетъ, а для похоронъ моихъ, на случай моей смерти, оставлено было моимъ командиромъ 10 червонцевъ.

Пришелъ я въ память около 15-го декабря, весьма скоро началъ поправляться и 26-го декабря 1805 г., получивъ отъ графа, котораго отъ души поблагодарилъ, оставленные имъ 10 червонцевъ, по дорожной, въ тамошней фурѣ покатылъ обратно въ Россію ¹⁾).

¹⁾ «Въ этомъ Аустерлицкомъ сраженіи русскіе въ послѣдній разъ употребили одинъ довольно странный приемъ, которому до того времени постоянно слѣдовали: прежде чѣмъ ударить въ атаку противъ непріятеля и

Здѣсь, встати, приведу анекдотъ о подпоручикѣ нашей батареи Николаѣ Петровичѣ Демидовѣ. Въ сраженіи онъ былъ съ орудіями при Семеновскомъ полку, подъ командой капитана Эйлера. Орудія, какъ выше сказалъ, стали по флангамъ баталіоновъ такъ, что пришлось быть при одномъ орудіи Эйлеру, а при другомъ—Демидову. Когда приказано было отступать баталіону (я говорилъ уже, какой духъ одушевлялъ насъ, едва-ли не всѣхъ, въ это время, а Демидовъ въ этомъ смыслѣ былъ фанатикъ), видя, что баталіонъ его отступаетъ, онъ сталъ горячиться, бранить всѣхъ трусами и рѣшительно отвѣчалъ, что, не сдѣлавъ выстрѣла, не пойдетъ назадъ. Эйлеръ началъ уговаривать его къ отступленію, но онъ и его не послушался. Въ сумятицѣ, съ орудіями Эйлера отъѣхали и передки орудій Демидова и, такимъ образомъ, онъ остался одинъ въ полѣ! Видя уже, что ему дѣлать нечего, онъ приказалъ всѣмъ солдатамъ отъ орудій своихъ идти за другими, но не могъ убѣдить къ тому двухъ солдатъ—одного артиллериста, а другаго—семеновца, которые сказали, что умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Батарея отошла уже далеко, когда подскакали французскіе драгуны. Демидовъ приложилъ фитиль—раздался выстрѣлъ и Демидовъ со шпагой бросился на перваго подска-

произвести ее съ большею стремительностью и силой, отдано было приказаніе—снять всѣмъ ранцы, сложить ихъ на землю, гдѣ они и оставались во все время битвы. Всякому военному извѣстно, до какой степени важно солдату сохранить свое маленькое хозяйство. Обувь, бѣлье, сложенные въ ранцѣ, патроны, тамъ сохраняемые и т. д.,—все это тѣсно связано съ сохраненіемъ здоровья и съ возможностью сражаться, двигаться и, наконецъ, съ благосостояніемъ солдата. Какъ понять этотъ русскій обычай?

«Одно изъ двухъ: или остаешься побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, всѣ ранцы потеряны и армія разстроена; даже въ случаѣ побѣды, то и тогда,—какъ весьма часто случается въ большихъ сраженіяхъ, если ей предшествуютъ отступательныя движенія, — результатъ выходитъ одинаковый; а если непріятель сбить и его преслѣдуютъ, отдаляются, то волею или неволею необходимо остановиться, оставить бѣгущаго въ покоѣ, и даже придется отступить, чтобы взять оставленные ранцы, теряя на это драгоцѣнное время. Французская армія подъ Аустерлицомъ нашла и захватила болѣе 10 т. ранцевъ, сложенныхъ въ порядкѣ и на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли русскіе корпусы. Этотъ обычай,—за исключеніемъ штурма крѣпости или атаки какого-нибудь укрѣпленнаго поста, послѣ коихъ войска возвращаются обратно въ лагерь,—есть самый безразсудный, и русскіе отъ него уже отказались».

Записки маршала Мармона, герцога Рагузскаго, т. II, кн. VIII, стр. 205—306 (парижское изданіе 1867 г.).

С. К.

кавшаго драгуна, ранилъ его; но, конечно, тутъ же былъ окруженъ и съ двумя находившимися при немъ солдатами взятъ въ плѣнъ и чрезъ полчаса представленъ лично Наполеону. О подвигѣ этомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ я читалъ самъ во французскихъ бюллетеняхъ объ аустерлицкомъ сраженіи и, какъ слышалъ, онъ изображенъ на картинѣ аустерлицкаго сраженія, въ Тюльерійскомъ дворцѣ, написанной во славу побѣдителя и побѣжденнаго!

II.

Краковъ.—Брестъ-Литовскъ.—Михельсонъ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Первый проступокъ.—Аракчеевъ.—Его заслуги и строгость.—Эйлеръ.—Тѣлесное наказаніе георгиевскихъ кавалеровъ.—Походъ.—Гейльсбергъ.—Фридландъ.—Подполковникъ Штаденъ.—Женитьба Аракчеева.—Его приближенные.—Размолвка съ женою.—Настасья Минина.—Корсаковъ и Шумской.—Балъ императору Александру, данный гвардію.—Король и королева прусскіе въ Петербургѣ.—Новая кампанія.

1806 — 1809.

Изъ Тренчина отправился я въ Краковъ, куда прибылъ на Новый годъ. У меня въ кошелькѣ оставалось еще 4 червонца. Спросивъ, кто здѣсь остался изъ русскихъ начальниковъ, я явился къ нему. Это былъ главный смотритель госпиталей — Карловскій. На просьбу мою о совѣтѣ и пособіи для проѣзда далѣе, онъ предложилъ переѣхать къ нему на квартиру и списаться съ моимъ начальствомъ о высылкѣ мнѣ жалованья моего, — что я и сдѣлалъ весьма охотно, желая здѣсь пожить подолѣе, ибо изъ рассказовъ моего хозяина я зналъ, что въ Краковѣ русскихъ принимаютъ хорошо. Съ Карловскимъ жилъ другъ его, коммиссіонеръ Кенчѣвъ, считавшійся побочнымъ сыномъ Орлова, чело- вѣкъ весьма образованія. Здѣсь началась первая моя общественная жизнь, юношеское чувство любви.... Здѣсь вообще русскихъ, а въ особенности Кенчѣва, плѣняла собою красавица графиня Пазисъ. Мужъ ея игралъ съ русскими въ карты и обыгрывалъ ихъ, а они отыгрывались въ волокитствахъ за его супругой. У нихъ была дочь 14-ти лѣтъ, Эмилія, и это былъ первый предметъ моей страсти. Мать смотрѣла и любовалась на насъ, какъ на дѣтей, и полагала меня значительнымъ и богатымъ, ибо я служилъ въ гвардіи!.. Здѣсь я получилъ еще 50 червонцевъ моего жалованья и прожилъ ихъ еще прежде, чѣмъ они дошли до меня, такъ что въ февралѣ, когда стали требовать меня, я очутился опять безъ гроша денегъ,

да въ прибавку кое съ какими должнствами. Занялъ у Кентѣва 30 червонцевъ, съ которыми едва доѣхалъ до Бреста. Отъ графини Пазисъ и ея дочери уже въ Петербургъ получилъ два письма и на одно изъ нихъ я отвѣтилъ. Послѣ узналъ я, что графиня Эмилиа, чрезъ два года, вышла въ Варшавѣ замужъ за французскаго генерала графа Моранда, а потомъ случилось мнѣ читать въ «Запискахъ Жуи» о примѣрной ея семейной и добродѣтельной жизни съ дѣтьми во Франціи.

Приѣхавъ въ Брестъ-Литовскъ, я заглянулъ въ кошелекъ свой (отъ Кракова я поѣхалъ на почтовыхъ, не рассчитывая кармана своего) и нашелъ всего два червонца! За границую квартира, подводы и обѣды—все даромъ, а тутъ долженъ былъ или голодать и идти пѣшкомъ, или искать новыя средства и извороту! Узналъ я, что въ Брестѣ находится новый главнокомандующій арміею Михельсонъ. Отправился къ нему и, являсь въ полуформѣ, откровенно объяснилъ свое положеніе. Онъ тотчасъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе—взять команду выздоровѣвшихъ гвардейцевъ и идти съ ними вслѣдъ за гвардіею до Петербурга. На отзывъ мой, что я молодъ еще и неопытенъ, похвалили меня за смысленность мою и велѣли тотчасъ выдать мнѣ прогоны на счетъ моего жалованья. Молодость впередъ не смотритъ и, такимъ образомъ, я нагналъ баталіонъ недалеко отъ Порхова, еще на пути въ Петербургъ.

Въ Петербургъ мы пришли въ апрѣлѣ 1806 г. Здѣсь, вовсе неожиданно, въ числѣ прочихъ, я получилъ орденъ св. Анны на шпагу—за что и самъ не знаю. Еще на походѣ умеръ казначей нашъ; вмѣсто его, въ казначей назначенъ былъ адъютантъ Саблинъ; я занялъ временно его должность, а потомъ въ Петербургѣ, съ одобренія графа Аракчеева, утвержденъ адъютантомъ.

Въ Петербургѣ квартиру я имѣлъ надъ квартирой генерала, а подъ нимъ жилъ поручикъ Наумъ Ивановичъ Салдинъ—человѣкъ, слышій степеннымъ и холоднымъ, и къ которому я ходилъ иногда обѣдать, а чаще на чай, и между тѣмъ иногда понтировать помаленьку. Пробывши 3 или 4 мѣсяца адъютантомъ, я поѣхалъ принимать разныя солдатскіе наградныя деньги,—пришлось получить 600 и нѣсколько болѣе рублей. Въ тотъ же день случилась вечеромъ у Салдина игра, и я рубль за рубль спустилъ всѣ 600 р. и еще съ излишкомъ. Что дѣлать?.. Явился

къ генералу, объявляю о проигрышѣ, а на вопросъ: «кому?» не знаю отвѣта. Получаю угрозу: «Арестъ и подь судъ!» Отвѣчаю: «Не вѣрю, ибо знаю благородство души генерала!» Наконецъ, получаю обѣщаніе пособія и прощенія, ежели объявлю имя обывавшаго меня,— не поддаюсь и на это; наконецъ, разбранивъ меня за упрямство, генераль даетъ записку казначею выдать мнѣ проигранную сумму въ счетъ жалованья. Благодарность одна заставила меня тому, чему не вынудили угрозы; слезы на глазахъ свидѣтельствовали мое чистое раскаяніе!. Генераль оцѣнилъ и отдалъ мнѣ всю справедливость за сіе. Съ того времени одарилъ меня своимъ полнымъ расположеніемъ и даже дружбою. Но, увы! проигранные 600 р. разстроили меня до того, что до послѣдняго времени я былъ въ безпрестанной нуждѣ и часто даже не находилъ средства показаться въ люди.

1806-й годъ познакомилъ меня съ графомъ Аракчеевымъ. Слышалъ я много дурнаго на счетъ его и вообще весьма мало доброжелательнаго; но, пробывъ три года моего служенія подъ ближайшимъ его начальствомъ, могу безъ пристрастія говорить о немъ. Честная и пламенная преданность къ престолу и отечеству, пронизательный природный умъ и смысленность, безъ малѣйшаго, однако же, образованія, честность и правота—вотъ главныя черты его характера. Но безконечное самолюбіе, самонадѣянность и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ порождали въ немъ часто злопамятность и мстительность; въ отношеніи же тѣхъ лицъ, которыя одинъ разъ заслужили его довѣренность, онъ всегда былъ ласковъ, обходителенъ и даже снисходителенъ къ нимъ.

Меня всегда ласкалъ онъ и каждый разъ, когда я былъ у него поутру съ рапортомъ, отпускалъ не иначе, какъ благословляя крестомъ, сопровождая словами: «Съ Богомъ, я тебя не держу!». Ставилъ меня примѣромъ для адъютантовъ своихъ, какъ дѣятельнаго, такъ и памятливаго служаку,—и въ сентябрѣ 1806 г., когда я былъ у него на дежурствѣ, пригласилъ меня къ себѣ въ инспекторскіе адъютанты и на отказъ мой на меня не осердился за это. Чтобы дополнить чергу о немъ, прибавлю, что въ семь или восемь лѣтъ его инспекторства надъ артиллеріею, при всѣхъ разказахъ о злобѣ и мучительности его, изъ офицеровъ разжалованъ только одинъ Нелединскій, за сдѣланіе фальшивой ассигнаціи, за что обыкновенно ссылаютъ въ Сибирь. На

гауптвахту сажали ежедневно; многих оставляли съ тѣмъ, чтобы послѣ не опредѣлять на службу, и по его же представленію принимали. А при преемникѣ его, добрейшей души Меллерѣ, въ первый годъ надѣлано было несчастныхъ десятѣро болѣе, нежели во все время управленія Аракчеева. Обь усовершенствованіяхъ артиллерійской части я не буду распространяться: каждый въ Россіи знаетъ, что она, въ настоящемъ видѣ создана Аракчеевымъ, и ежели образовалась до совершенства настоящаго, то онъ же всему положилъ прочное начало.

Кстати объ артиллеріи... Мы возвратились изъ аустерлицкаго похода въ апрѣлѣ 1806 года и въ концѣ того же мѣсяца было первое ученіе съ пальбою на Артиллерійскомъ плацѣ. Въ ротѣ генерала Касперскаго, которою командовалъ Эйлеръ, во время ученія сдѣланъ былъ выстрѣлъ ядромъ, попавшимъ въ госпиталь Преображенскаго полка. Орудіе оставалось не разраженнымъ и не осмотрѣннымъ, вѣроятно, съ Аустерлица! Разумѣется, пошли толки, предположенія и даже мысль, что хотѣли ядромъ убить командира. Всякое неприятное событіе по гвардейской артиллеріи доходило до Аракчеева не иначе, какъ чрезъ меня; послали отыскивать меня по городу и, чрезъ мое посредство, обошлось все мирно и безъ тревоги. Наказали, и то не строго, одного канонира, прибавившаго будто бы зарядъ въ пушку. Добрая старина!... А теперь?...

Вотъ другая черта въискательности Аракчеева. Мнѣ, какъ адъютанту гвардейскаго баталіона, приказано было отъ него показывать ему въ рапортѣ обо всѣхъ артиллерійскихъ офицерахъ, которые не являлись въ разводѣ. Для исполненія чего, я всегда узнавалъ напередъ, кто имѣлъ законную причину манкировать своей обязанностью, и таковыхъ, всѣхъ безъ изыятія, вписывалъ въ мой рапортъ, присовокупляя, однако же, всякій разъ къ общему списку и извѣстнаго шурина Аракчеева — Хомутова. Но число внесенныхъ никогда не превышало пяти или шести человекъ. Въ одинъ день случилось, что у развода не было болѣе двадцати офицеровъ; я внесъ въ рапортъ четырехъ, и когда ожидалъ времени моего доклада, генераль Касперскій, заглянувъ въ рапортъ, сказалъ:

— «Хорошо! Ты обманываешь графа, я скажу ему!»

Дѣлать было нечего,—я присѣлъ къ столу и вписалъ остальныхъ. Едва успѣлъ это сдѣлать, позванъ былъ къ графу, который, взглянувъ на рапортчку, тотчасъ встрѣтилъ меня словами:

— «Это что значитъ? Сей же часъ напиши выговоръ своему генералу, что онъ худо смотритъ за порядкомъ!»

Я, выйдя въ залу опять, съ торжествующимъ лицомъ принялся тотчасъ исполнять сіе приказаніе. Подошелъ ко мнѣ Касперскій, спрашивая меня:

— «Что, графъ веселъ?»

Я отвѣчалъ:

— «Очень! а мнѣ велѣлъ написать вамъ выговоръ по вашимъ же хлопотамъ!»

— «Ну, братъ», сказалъ онъ, «что дѣлать! Теперь и я вижу, что не за свое дѣло взялся учить тебя».

И, не дожидаясь выхода графа, уѣхалъ совсѣмъ....

Въ 1809 г., когда графъ былъ уже (съ 1808 г.) сдѣланъ военнымъ министромъ и прославился строгостью, вотъ какой былъ случай. Во время представленія въ Михайловскомъ манежѣ прусскому королю 4-хъ легкихъ орудій,—артиллерія съ упряжью отъ роты Касперскаго, а люди и лошади были отъ его высочества,—отъ сильнаго мороза, при первыхъ движеніяхъ, одно колесо застыло къ оси, осталось безъ движенія; разумѣется, графъ вышелъ изъ себя и послѣ смотра, Эйлера, командовавшаго роткою, посадили подъ арестъ—на гауптвахту! А фельдфебелей Никитина и Худякова графъ приказалъ мнѣ наказать палками при разводѣ. Не остававшаяся гнѣвомъ его, я доложилъ, что оба фельдфебеля имѣютъ георгіевскіе кресты и не могутъ быть наказываемы тѣлесно. Замѣчаніе мое взбѣсило его еще болѣе, и съ сильной запальчивостью онъ отвѣчалъ мнѣ:

— «Хорошо, сударь! Если вы не хотите выполнять моихъ словесныхъ приказаній, напишите приказъ объ этомъ, я подпишу!»

За мной тоже не стало: присѣлъ къ столу, занесъ приказъ въ книгу и на замѣчаніе приближенныхъ графа и моихъ начальниковъ, что я отвѣтомъ своимъ еще болѣе его разсердилъ, хладнокровно отвѣчалъ:

— «Не ваше дѣло, я знаю, что вздоръ!»

Пошелъ къ нему въ кабинетъ и подалъ книгу для подписи.

Графъ въ совершенномъ бѣшенствѣ бинулся ко мнѣ, закричавъ:

— «Неужели вы думаете, что у меня другаго дѣла нѣтъ, какъ ваша привазная книга,—успѣете еще, сударь! Я васъ не держу, идите съ Богомъ!»

На другой день, когда, по обыкновенію, я пришелъ съ рапортомъ въ 6 часовъ утра, дежурный адъютантъ, поручикъ Чихачевъ, встрѣтилъ меня словами, что «графъ не велѣлъ мнѣ дожидаться, а приказалъ принять отъ меня только рапортъ». Я подалъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подалъ и привазную книгу, прибавивъ, что тутъ приказъ, который долженъ быть подписанъ графомъ. Чихачевъ понесъ книгу, но въ ту же минуту возвратился, говоря:

— «Что ты надѣлалъ? Графъ разругалъ меня, объявля, что онъ пошлетъ меня и тебя на ординарцы—для посылокъ!»

Два дня графъ не допускалъ меня къ себѣ; между тѣмъ, Эйлера чрезъ 6 часовъ ареста выпустилъ съ гауптвахты, а на 4-й день послѣ того назначено было практическое ученіе ротѣ его высочества на Волковомъ полѣ.

Въ день ученія, при морозѣ въ 28 градусовъ, людямъ при орудіяхъ велѣно быть въ шинеляхъ, а офицерамъ—въ сюртукахъ; когда я пришелъ поутру къ графу, онъ тотчасъ принялъ меня, но приказалъ немедленно ѣхать на мѣсто и озаботиться, чтобы были приняты всѣ мѣры для сбереженія людей по случаю необыкновенной стужи. Государь и король прусскій приѣхали на ученіе и все время были въ медвѣжьихъ шубахъ. Ученіе производилось съ полчаса и съ отличною удачею. По окончаніи онаго, графъ былъ удостоенъ посѣщенія монарховъ и принятіемъ ими завтрака въ балаганѣ, устроенномъ нарочно въ большой кучи снѣга, такъ что даже о существованіи чего-либо подъ снѣжною массою предполагать было невозможно. Завтракъ былъ совершенно русскій и артиллерійскій. Кушали: блины, щи, рыбу, икру и подобные предметы, плоды и фрукты, а равно и другіе припасы на лоткахъ въ видѣ платформы, на обращенныхъ кверху дулами пушекъ, мортирахъ и пр. Обоиимъ государямъ служить лично самъ графъ, а другимъ родственнымъ имъ лицамъ—адъютанты. На мою долю достался принцъ Ольденбургскій, старшій братъ того, который былъ женатъ на великой княгинѣ Екате-

ринъ Павловнѣ. Графъ предложилъ тостъ за здоровье короля. Но тотъ, обратясь къ государю, просилъ обратить оное на лицо графа, что и было сдѣлано. Графъ бросился на колѣна, поцѣловалъ руки у обоихъ вѣнценосцевъ, а затѣмъ все шло обыкновеннымъ порядкомъ. За столомъ сидѣло человѣкъ 60. Тутъ я впервые увидѣлъ, въ концѣ стола, молодаго графа Каменскаго, лѣтъ 30-ти, полнаго генерала и украшеннаго уже тремя звѣздами на лѣвой груди.

По окончаніи стола, графъ, выходя, сказалъ мнѣ:

— «Собери свѣдѣнія о числѣ обморозившихся во время ученія и тотчасъ пріѣзжай ко мнѣ!»

Случаевъ обмороженія, къ счастью, не оказалось, и, по пріѣздѣ моемъ, графъ встрѣтилъ меня самымъ ласковымъ образомъ, потребовалъ приказную тетрадь, собственноручно написалъ преогромную благодарность всѣмъ и каждому, относя успѣхъ къ рвенію дорогихъ своихъ сослуживцевъ—гвардейскихъ артиллеристовъ, и, по обычаю, перекрестивъ меня, съ привѣтствіемъ, сказалъ:

— «Съ Богомъ! я тебя не держу! Оставь меня отдохнуть!»

А я, перевернувъ въ книгѣ нѣсколько листовъ назадъ, сказалъ:

— А этотъ приказъ угодно вашему сіятельству подписать?

— «Да ты не исполнилъ еще его?»

— Нѣтъ! Не смѣлъ до подписи!

Графъ взялъ перо и подписалъ:

«Прощаются! во уваженіе бывшаго сего числа ученія», мѣсяцъ и число, и, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— «На тебя я не сержусь никогда, да и сердиться не буду!»

Никитинъ и Худяковъ, въ жизни не наказанные тѣлесно, служатъ теперъ (въ 1842 г.) одинъ—полковникомъ, а другой—подполковникомъ по артиллеріи.

Всѣ приказанія графа ту же минуту я заносилъ лично въ книгу своею рукою,—въ торопливости иногда испорчу, вычеркну и продолжаю писать, что слѣдуетъ далѣе; также и въ рапортахъ помарки и поправки очень часто дѣлалъ своею рукою, графъ никогда за это не сердился, а хвалилъ меня, и одинъ разъ, когда его любимецъ и родственникъ, адъютантъ Мякининъ, которому онъ отдавалъ довольно длинное приказаніе, сталъ просить

позволенія записать оное и вышелъ, чтобы взять карандашъ, онъ сказалъ:

— «Ты, братъ, не Журкевичъ (такъ звалъ меня): ты карандашъ всегда долженъ носить съ собой!»

Въ томъ же 1809 году я вышелъ изъ адъютантовъ; потомъ чрезъ 14 лѣтъ, когда я, за отсутствіемъ бригаднаго командира 15-й артиллерійской бригады, оною командовалъ, Аракчеевъ, проѣзжая Тульскою губернію, остановился на три дня въ деревнѣ помѣщика Арапетова, гдѣ квартировала часть бригадной роты. По долгу службы, я отправился къ нему съ рапортомъ и едва подалъ ему оный, онъ сталъ спрашивать о служебномъ порядкѣ. Бывшій при немъ Эйлеръ спросилъ его:

— Графъ! Вы вѣрно не узнали полковника?

— «Виновать! Ваша фамилія?»

— Журкевичъ.

— «Видно, что совсѣмъ потерялъ глаза, не узнавъ лучшаго, однимъ словомъ, единственнаго своего хорошаго адъютанта», и, обратясь къ Клейнмихелю, велѣлъ позвать флигель-адъютанта Шумскаго, котораго считалъ своимъ побочнымъ сыномъ. При входѣ его, онъ взялъ его за руку и, подведя ко мнѣ, сказалъ ему:

— «Познакомься съ этимъ человѣкомъ, братецъ, — вотъ тебѣ лучший образецъ, какъ должно служить и какъ можно любить меня!..»

Пригласилъ меня остаться на все время, что тутъ пробылъ.

Прошло много времени, но и теперь вспоминаю съ благодарностью къ человѣку строгому, но, по моему мнѣнію, справедливому и особенно благосклонному ко мнѣ начальнику ¹⁾.

Въ концѣ 1806 года генералъ Касперскій уѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, а въ началѣ 1807 г. мы выступили вторично въ походъ противъ французовъ, въ февралѣ мѣсяцѣ. До возвращенія Касперскаго, баталіономъ командовалъ полковникъ Эйлеръ; отъ Гатчины начались для насъ усиленные переходы и подъ артиллерию давали на каждой станціи до тысячи подводъ, такъ что орудія, переставленные на сани, двѣ трети дороги везлись на обывательскихъ лошадяхъ, а офицеры всѣ ѣхали на подводахъ. Со всѣмъ тѣмъ, большихъ особенно переходовъ мы не дѣлали, но

¹⁾ Помѣты въ рукописи: «16-го декабря 1842 г.» Продолженіе затѣмъ писано: «Полодѣе. Декабря 27-го дня 1845 г.»

только дневки или разстахи были чрезъ 3 или 4 дня. Около Шавли нагналъ насъ Касперскій и я опять попалъ на его хлѣбъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ мы перешли границу Пруссіи и тутъ узнали, какъ мы называли «пятую стихію», грязь! Дороги отъ весенней ростепели до такой степени распустились, что артиллерія въ сутки не могла идти, въ иной день, болѣе 2 или 3 версты переходомъ,—и одинъ изъ офицеровъ нашихъ—Глуховъ, на большой дорогѣ, съ лошадыю едва не утонулъ, но лично самъ былъ спасенъ, а конь его совсѣмъ пошелъ..... въ землю! Такимъ образомъ тянулись мы до Инстербурга. Въ апрѣлѣ подались мы впередъ до Бартсонстельна; оттуда генераль мнѣ далъ комиссію—отправиться въ Кенигсбергъ для приему на бригаду овса. Собственная же цѣль моего туда отправленія была въ томъ, что я узналъ, что братъ мой Александръ тяжело раненъ въ январѣ мѣсяцѣ подъ Берффридомъ, лежитъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ я и отыскалъ его, проживъ съ нимъ болѣе 2-хъ недѣль, а гвардію нагналъ уже послѣ сраженія подъ Губрштатомъ (при Гутштатѣ, 27-го мая).

Два брата мои Николай и Александръ служили въ Углицкомъ мушкетерскомъ полку, гдѣ былъ шефомъ генераль-маіоръ баронъ Герсдорфъ. Онъ любилъ обоихъ братьевъ, какъ сыновей своихъ. Николай былъ маіоромъ, Александръ—штабсъ-капитаномъ. За два или за три дня до сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау, полкъ ихъ былъ расположенъ около деревни Берффридъ и въ расплохъ былъ атакованъ французами. Братъ Николай первый собралъ баталіонъ, бросился съ нимъ на плотину, опрокинулъ французовъ и далъ время собраться и опомниться всему полку,—однимъ словомъ, спасъ честь, а можетъ быть, и жизнь своему начальнику, но самъ получилъ рану въ животъ пулею. Другой братъ, Александръ, пробить пулею въ грудь на вылетъ. На послѣднемъ была шинель на овчинномъ мѣху, мундиръ, по тогдашнему, въ груди подложенный ватю, теплая шерстяная фуфайка,—и выстрѣлъ по немъ былъ сдѣланъ весьма близко, потому что пуля пробила шинель, мундиръ и проч., прошла подъ правые сосуды груди, вышла назадъ подъ правую лопатку, пробивъ опять рубашку, фуфайку, стаметовую подкладку, остановилась между оною и сукномъ мундира. Сочли его за мертваго и оставили на мѣстѣ сраженія, Николаю же положили на подводку и отправили въ обозу.

Считая свою рану легкою, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ разсвѣта, чтобы освободили его животъ отъ пули; о ранѣ, или, какъ полагали, о смерти брата отъ него скрывали. Баталіонъ же, прогнавъ французовъ, подался нѣсколько впередъ; но къ ночи ему приказано было возвратиться назадъ къ полку, а полку тоже ретироваться далѣе прежней ихъ позиціи; брата Николая положили опять на подводу и чрезъ два часа его не стало. Братъ же Александръ въ полѣ, на 20-ти градусномъ морозѣ, пролежалъ часовъ 6 на землѣ, истекая кровью. Но какъ неисповѣдимы судьбы Божіи! Онъ только за нѣсколько дней до сраженія поступилъ во фронтъ, а до того времени былъ полковымъ казначеемъ. Когда сочли его убитымъ, то оставили въ полѣ и накрыли его шинелью; мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, было саженой въ 40 отъ дороги. Когда баталіонъ ретировался къ полку, унтеръ-офицеръ, бывший когда-то писаремъ при братѣ, шелъ стороною, не по дорогѣ, а полемъ, и набрелъ на убитаго офицера. Ночь была лунная; онъ снимаетъ шинель и начинаетъ шарить въ боковомъ карманѣ мундира брата, находитъ тамъ золотыя часы и узнаетъ оные! Наклонившись въ лицу убитаго, дабы разсмотрѣть хорошенько, — слышитъ слабое дыханіе, тотчасъ же бѣжитъ на большую дорогу и проситъ помощи подобрать раненаго. Между тѣмъ, баталіонъ его уже прошелъ, а шелъ баталіонъ другаго полка, — не помню какого, — но только поручикъ этого баталіона, князь Абамелекъ, идетъ съ нѣсколькими солдатами къ раненому, берутъ его на руки и почти волокомъ тащатъ до большой дороги, гдѣ, увидя идущую артиллерію, упрашиваютъ артиллеристовъ положить раненаго на лафетъ, и такимъ образомъ везли брата слишкомъ 15 верстъ до первой перевязки его раны.

Братъ умеръ въ 1842 году, страдая, конечно, во всю свою жизнь слабостью груди.

При этомъ не могу безъ признательности вспомнить добрымъ и теплымъ словомъ поступокъ генерала барона Герсдорфа. Въ память покойнаго брата, пожертвовавшаго жизнью за спасеніе его и чести полка, онъ назначилъ его семейству, по свою смерть, производить лично отъ себя по 500 р. асс. ежегодно, а по смерти своей приказалъ выдать единовременно 10 т. р., что и было выполнено въ точности. Николай похороненъ въ Пруссіи, не далеко отъ того мѣста, при которомъ былъ раненъ.

Прибывъ въ бригадѣ послѣ Гупштатскаго сраженія, послѣ одного перехода еще впередъ, мы пошли опять обратно къ Гейльсбергу, гдѣ еще предварительно были устроены сильныя укрѣпленія; тутъ 27-го мая (28-го мая) произошло небольшое сраженіе, въ которомъ и я тоже участвовалъ въ званіи адъютанта. Отъ Гейльсберга пошли мы въ Фридланду; погода въ это время была прекраснѣйшая. Къ Фридланду мы подошли вечеромъ 1-го іюня. Тутъ слышалъ я разговоръ генерала, что наши набрели на небольшой отрядъ французовъ въ городѣ, и какъ тотъ отрядъ ретировался, то вслѣдъ онаго отправлена часть гвардейской кавалеріи, а для поддержанія начали посылать, чрезъ городъ, полкъ за полкомъ и пѣхоту. Кавалерія, пройдя городъ, тотчасъ же расположилась въ позиціи подъ стѣнами города. За пѣхотою пошла и наша артиллерія. Послѣ полудня всѣ наши роты выдвинуты были впередъ и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ,—равно и по нимъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ со стороны французовъ и подбитъ одинъ лафетъ въ ротѣ графа Аракчеева. Генераль, къ которому подѣхалъ командиръ роты, объявивъ объ этомъ, послалъ меня за рѣку, обратно, привезти запасный лафетъ, съ подтвержденіемъ, чтобы остальные артиллерійскіе запасы оставались на томъ же берегу. Я выполнилъ сіе приказаніе, и когда пріѣхалъ къ батарее, моего генерала уже не засталъ,—мнѣ сказали, что онъ только-что отѣхалъ за рѣку. Это было уже около 5-ти или 6-ти часовъ пополудни. Я вернулся и отыскалъ генерала, который мнѣ сказалъ, что ему приказано на этомъ берегу отыскать позицію для батареи и что гвардія вся придетъ на эту дорогу.

Возвращаясь къ генералу, я видѣлъ множество гвардейскихъ офицеровъ въ городѣ сидящими подъ окнами въ домахъ; солдаты же были, какъ я сказалъ, у самыхъ стѣнъ города. Изъ всего должно было полагать, что до серьезнаго дѣла не дойдетъ, и беззаботные офицеры ожидали только прохожденія своихъ полковъ чрезъ городъ. Часовъ въ 7 вечера вокругъ города открылась канонада. Совершенный адъ!.. Изъ трехъ мостовъ на рѣкѣ, лѣвѣе передъ городомъ, изъ которыхъ нижній былъ постоянный, а два—пontonные, послѣдніе два тотчасъ запылали. Поднялась кутерьма и всѣ улицы наполнились солдатами безъ начальниковъ. Офицеры бросились къ мѣстамъ своимъ, но тамъ уже солдатъ не было, а пред-

ставлялся невообразимый хаосъ. Все перемѣшалось: пѣхота, артиллерія, кавалерія—другъ друга топчетъ, зарядные ящики взрываетъ, непріятель такъ и насѣдаетъ на насъ; мы столпились въ улицахъ такъ, что нѣтъ возможности двинуться куда-нибудь; наконецъ, часть кавалеріи кинулась въ рѣку вплавь, а пѣхота вытянулась въ нитеу, человѣкъ за человѣкомъ: вотъ картина, которую я видѣлъ и которую называютъ «сраженіе подъ Фридландомъ». А къ довершенію всего — флегма-главнокомандующій, (Бенингсенъ), ѣдущій съ небольшою свитой, но, какъ-будто не его дѣло, не обращаетъ никакого вниманія.

Въ эту же ночь мы пошли къ Ваму, берегомъ рѣки, а оттуда потянулись на Тильзитъ.

Послѣдствія и происшествія, приведшія къ Тильзитскому миру, всѣхъ печалили; а какъ я пишу то, что лично видѣлъ и гдѣ самъ участвовалъ, то скажу, что мой генераль мнѣ предлагалъ отправиться въ Тильзитъ, съ полуротою при первомъ баталіонѣ Преображенскаго полка, отряженнаго въ главную квартиру Наполеона, для содержанія тамъ карауловъ при государѣ; но я изъ патріотизма отъ сего отказался.

Въ Петербургъ мы возвратились въ октябрѣ мѣсяцѣ и, за дѣла при Гейльсбергѣ и подъ Фридландомъ, я награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «за храбрость».

По моемъ возвращеніи, я нашелъ въ графѣ къ себѣ тоже самое расположеніе, какъ и прежде; но когда я сталъ у него проситься въ отпускъ, то онъ шуткой мнѣ отказалъ, говоря: «еще рано тебѣ ѣздить, надо прежде послужить», а потомъ согласился вмѣсто 4-хъ мѣсяцевъ отпустить меня только на 28 дней, но я предварилъ его, что буду просить отсрочки; онъ отвѣчалъ, что не дастъ мнѣ ее. Когда я пріѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ, такъ сказать, познакомился съ моею матерью,—ибо, будучи отданъ въ корпусъ 5-ти лѣтъ, я совершенно не зналъ и не помнилъ ее,—нашелъ тамъ сестру, бывшую замужемъ за комиссіонеромъ Фроловымъ, назначеннымъ въ турецкую армію казначеемъ, и брата Александра, только что возвратившагося изъ-за границы и вышедшаго въ отставку.

Я прібылъ въ Смоленскъ наканунѣ 1808-го года и тотчасъ же подавъ рапортъ, что я болѣнъ, и взявъ свидѣтельство о томъ изъ врачебной управы, отъ тестя покойнаго моего брата,

служившаго членомъ оной. Гр. Аракчеевъ, сдѣлавшійся въ это время (13-го янв.) военнымъ министромъ, предписалъ немедленно выслать меня изъ Смоленска, — что, однако же, не исполнилось и я дѣйствительно пробылъ въ отпуску 4 мѣсяца, а когда возвратился, то Аракчеевъ замѣтилъ мнѣ: «ты упряме меня — поставилъ на своемъ!...»

Еще до отбытія моего въ отпускъ, онъ приказалъ мнѣ, по бытности въ Смоленскѣ, обратить вниманіе на двѣ артиллерійскія роты, тамъ квартировавшія, предваривъ, что, по возвращеніи моемъ, онъ подробно меня на счетъ ихъ распроситъ. Принявъ это порученіе въ нѣкоторомъ родѣ за секретное полицейское, я душевно оскорбился, но ослушаться Аракчеева не смѣлъ и не рѣшился; а какъ на мое счастье въ Смоленскѣ былъ командированъ нашей же бригады подпоручикъ Козловъ для показанія въ упомянутыхъ ротѣхъ порядка строеваго, то я тотчасъ же, по прибытіи моемъ, объявилъ ему о сдѣланномъ мнѣ порученіи и просилъ его познакомить меня съ обоими ротными командирами, съ подполковникомъ Штаденемъ и майоромъ Залдекомъ-Пиковскимъ. Перваго въ городѣ не случилось, а послѣдній очень понялъ мою должность и принялъ меня съ большимъ радушіемъ. Когда же возвратился Штаденъ, то я, почитая обязанностью моею представиться ему, какъ старшему въ городѣ артиллерійскому начальнику, немедленно поѣхалъ къ нему. Онъ предваренъ былъ Залдекомъ обо мнѣ, и когда я явился, то онъ очень сухо встрѣтилъ меня словами: «мнѣ связывали, что вы имѣете порученіе отъ Аракчеева — осмотрѣть вѣрныя мнѣ роты; не прикажите-ли, я ихъ обѣ выведу въ строй и представлю вамъ, какъ инспектору!»

Обиженный такимъ пріемомъ, я отвѣчалъ, что «графъ не давалъ мнѣ порученія инспекторскаго, но частно приказалъ мнѣ озаботиться о свѣдѣніяхъ, относящихся къ положенію ротъ, и я частью уже сіе исполнилъ. Но, по благородству чувствъ, не желалъ, чтобы меня принимали за шпиона, и потому просилъ товарища моего, Козлова, предупредить его, Штадена, и Залдека, чтобы они не рисковали своею репутаціею, ибо я начальника моего обманывать не хочу и не стану! Но ежели онъ принимаетъ это въ другомъ видѣ, а соглашается показать мнѣ роту свою по

формѣ, то я и отъ этого не откажусь и, по осмотрѣ, форменно донесу обо всемъ графу!»

Строптивый Штаденъ, видя мою рѣшимость, съ шуткою подзававъ своего сына, лѣтъ 5-ти мальчижа, скомандовалъ ему: «Сми-рно! На пра-во! Во-фронтъ! На лѣ-во! Во-фронтъ! На лѣво кру-гомъ! Скорымъ шагомъ—маршъ!»—обратился ко мнѣ: «вотъ видите, какъ я учу собственнаго своего рекрута, то мнѣ нечего бояться за свою роту»,— и мы разстались очень холодно.

Первое мое знакомство въ Смоленскѣ было съ домомъ Лаптевыхъ и я почти ежедневно бывалъ тамъ и только тамъ встрѣчался со Штаденемъ. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Смоленска, обѣимъ ротамъ дано приказаніе выступить въ С.-Петербургъ и я въ пути обогналъ ихъ на второй станціи. Штаденъ, узнавъ, что я проѣзжаю, пріѣхалъ самъ на станцію и просилъ меня отобѣдать у него. Тутъ онъ перемѣнилъ совершенно свой тонъ—хлопоталъ о моемъ спокойствіи въ вояжѣ и просилъ, когда они придутъ въ Петербургъ, о болѣе короткомъ съ нимъ знакомствѣ. По прибытіи моемъ въ столицу, явился я къ Аракчееву, бывшему уже военнымъ министромъ, который подробно меня разспрашивалъ о положеніи ротъ, находившихся въ наружномъ отношеніи вовсе не въ завидномъ видѣ. Я, расхваля обоихъ командировъ, откровенно сказалъ все, что зналъ на счетъ лошадей и обученія солдатъ. Недѣли чрезъ двѣ, изъ Гатчино тайно пріѣхалъ ко мнѣ Задекъ-Пивовскій и просилъ меня объявить, что разспрашивалъ графъ и какъ я ихъ описалъ,—я и ему отвѣчалъ со всею откровенностью. Обѣ роты вступили въ Петербургъ во вторникъ, на Оминой недѣлѣ.

Аракчеевъ велѣлъ имъ парадировать мимо себя, и когда рота Штадена прошла, а Задека начала проходить, то, при обоихъ ротныхъ командирахъ, онъ подзавалъ меня въ себѣ и сказалъ вслухъ:

— «Благодарю тебя, «Журкевичъ», что ты не сдѣлалъ привычки обманывать меня; роты нахожу, какъ ты описалъ мнѣ ихъ. Жаль, что онѣ опоздали дня три, а то я приказалъ бы имъ маршировать прямо подъ качели. Тамъ было бы для нихъ приличное мѣсто».

Штадену особенно привазалъ заботиться лучше о строѣ и въ этомъ отношеніи руководствоваться моими совѣтами, что Шта-

день охотно и усердно принялся выполнять. Этотъ случай описанъ мною подробно, съ цѣлью ознакомить Штадена, бывшаго послѣ непосредственнымъ моимъ начальникомъ.

Весь 1808-й годъ прошелъ для меня въ усиленныхъ занятіяхъ; Аракчеевъ, бывши военнымъ министромъ, хотѣлъ сему званію придать особенное уваженіе. Всѣхъ вообще, даже лицъ близкихъ по родству къ государю, принималъ какъ начальникъ, съ прочими генералами обращался, какъ съ далекими подчиненными; ѣздилъ по городу и во дворецъ всегда съ особымъ конвоемъ. Одинъ разъ, сдѣлавшись нездоровъ, цѣлую недѣлю никуда не выѣзжалъ изъ дома и государь былъ столь внимателенъ къ слугамъ сего государственнаго человѣка, что каждый день приѣзжалъ къ нему разсуждать о дѣлахъ. Въ одинъ изъ таковыхъ дней, за болѣзнию двухъ адъютантовъ графа, я былъ имъ приглашенъ дежурить у него и долженъ былъ стоять у дверей кабинета, когда онъ читалъ свой докладъ государю. Въ подобныхъ случаяхъ, стоящій обыкновенно у дверей, камердинеръ всегда былъ удаляемъ изъ покоя, дабы не могъ слышать, о чемъ говорилось въ кабинетѣ,—что было весьма благоразумно, такъ какъ государь на слухъ былъ нѣсколько крѣпокъ, то графъ долженъ былъ докладывать весьма громогласно, такъ что на томъ дежурствѣ я слышалъ вполне читанное донесеніе изъ турецкой арміи фельдмаршала князя Прозоровскаго, представлявшаго армію въ весьма жалкомъ отношеніи.

Когда Аракчеевъ переѣхалъ на дачу, на Выборгскую сторону, то государь, щадя его здоровье, и туда продолжалъ ѣздить ежедневно.

Кстати, здѣсь разскажу нѣсколько о домашнемъ бытѣ графа. Въ началѣ 1806 года онъ женился на дворянѣ Ярославской губерніи, Настасѣ Васильевнѣ Хомутовой, двѣдцѣ лѣтъ 18-ти, очень недурной собой и весьма слабого и деликатнаго сложенія. Графу въ то время было лѣтъ 50, а можетъ быть и болѣе; собою былъ безобразенъ и въ рѣчахъ произношенія гнусливаго, что еще болѣе придавало ему лично неприятности,—и съ самыхъ первыхъ дней его женитьбы замѣчено было, что онъ жену свою ревнуетъ. Еще до женитьбы, ведя жизнь отдаленную отъ общества, онъ еще болѣе послѣ того отдалился отъ него. Обыкновенно вставалъ поутру около 5-ти часовъ; до развода онъ занимался въ кабинетѣ

дѣлами съ неумѣренною дѣятельностью; читалъ все самъ и на оныя владѣ собственноручныя резолюціи. Весьма часто выходилъ къ разводу и всегда бывалъ при этомъ взыскателемъ, такъ что ни одинъ разводъ не оканчивался безъ того, чтобы одинъ или нѣсколько офицеровъ не были бы арестованы. Въ 12 часовъ или въ первомъ — ѣздилъ во дворецъ съ докладомъ, и проѣздъ его мимо карауловъ и вообще всѣхъ военныхъ былъ всегда грозою. Около половины 3-го возвращался домой и въ 3 часа акуратно садился за столъ; кромѣ жены, брата ея, — графскаго шурина Хомутова, служившаго у насъ подпоручикомъ, — почти всегда обѣдывали графскіе адъютанты, Твороговъ и Мякининъ, и кто бывалъ дежурными, въ томъ числѣ и мнѣ приводилось нѣсколько разъ обѣдать у него. Изъ постороннихъ гостей, что бывало, впрочемъ, весьма рѣдко, чаще другихъ бывали у него: Сергѣй Михайловичъ Танѣевъ, павловскій отставной генераль-маіоръ, вѣчно носившій длиннополый скюртукъ, смазные сапоги и голову обстриженную въ кружокъ; генераль-маіоръ Ѳедоръ Ивановичъ Апрѣлевъ и Петръ Ивановичъ Римской-Корсаковъ — надворный совѣтникъ и совѣтникъ ассигнаціоннаго банка; оба они были сосѣдями графа по его имѣнію, въ Новгородской губерніи; иногда обѣдывали генераль Касперскій и полковникъ Ляпуновъ, командовавшій ротой графа. Обѣдъ былъ всегда умѣренный, много изъ 5-ти блюдъ, приготовленный просто, но очень вкусно; вина подавалось мало. За столомъ сидѣли не болѣе полчаса и графъ всегда былъ разговорчивъ и шутивъ, иногда даже весьма колео, на счетъ жены. Такъ, однажды при мнѣ онъ сказалъ ей:

— «Вотъ, матушка, ты все хочешь ѣздить, кататься, гулять, — рекомендую тебѣ въ кавалеры адъютанта моего «Жиркевича».

— «Что же», отвѣчала графиня, «я совершенно увѣрена, что г. Жиркевичъ не отказалъ бы мнѣ въ этомъ, если бы я его попросила».

— «Хорошо, если ты будешь просить», возразилъ графъ; «онъ еще самъ не просить, ребеновъ еще, а впрочемъ, и теперь не владѣ палець ему въ зубы — отвусить!..»

Графиня видимо сконфузилась и покраснѣла.

Другой разъ, тоже за обѣдомъ, — не знаю именно, по какому случаю, обѣдали я и бывшій наванунѣ дежурнымъ адъютантомъ

Козляиновъ,—графъ въ продолженіе обѣда былъ необыкновенно веселъ, а въ концѣ подозвалъ камердинера и на ухо отдалъ ему какое-то приказаніе; тотъ немедленно вышелъ и тотчасъ же подалъ графу какую-то записку.

— «Послушайте, господа», сказали графъ, обращаясь къ присутствующимъ, которыхъ было человѣкъ съ 10. «Высочайшій приказъ. Такого-то числа и мѣсяца. Пароль такой-то. Завтрашняго числа разводъ въ 11 часовъ. Подписано: баталіонный адъютантъ Жиркевичъ (при этомъ онъ взглянулъ на меня). Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, вѣжтесь», продолжалъ графъ, «а вотъ гдѣ начинается рѣдкость, такъ рѣдкость! Слушайте! «Любезный Синица! (это былъ первый камердинеръ графа). Если нѣтъ графа дома, то положи ему приказъ на столъ, а если онъ дома, то увѣдомь меня немедленно, но отнюдь не говори, что уходилъ съ дежурства!»— «Тутъ не достааетъ нѣсколькихъ словъ», продолжалъ графъ, «твой вѣрный другъ», или «вашъ покорнѣйшій слуга», а подписано, посмотрите сами, «М. Козляиновъ!» и передалъ записку, чтобы она обошла кругомъ стола. «Вотъ, господа, какіе окружаютъ меня люди, что собственный адъютантъ учить плутаслугу моего меня обманывать и подписываетъ свое имя. Впрочемъ, это замѣчаніе я не обращаю къ вамъ, г. Козляиновъ, вы болѣе не адъютантъ мой!...».

Въ другой разъ, по ежедневной службѣ моей, прибывъ въ предкабинетный покой, гдѣ обыкновенно ожидали приѣма графа генералы и другія важнѣйшія лица, я увидѣлъ на дверяхъ кабинета прибитый листъ, въ видѣ объявленія. Я поллюбопытствовалъ взглянуть на оный; что же оказалось? Крупными литерами написано: «Я, Власъ Васильевъ, камердинеръ графа Алексѣя Андреевича, симъ сознаюсь, что въ день Новѣго года ходилъ съ поздравленіемъ къ многимъ господамъ и они мнѣ пожаловали въ видѣ подарковъ...» (тутъ по-имянно значилось, кто и сколько ему далъ денегъ) и далѣе Васильевъ изъясняетъ свое раскаяніе и обѣщается впередъ не отлучаться за милостынею.

Изъ министровъ, кажется, никто съ графомъ не былъ лично близокъ, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который иногда тоже у него обѣдывалъ.

Вотъ какъ разсказывали мнѣ разводъ графа Аракчеева съ его женою. Въ 1807 году, отъѣзжая въ армію, Аракчеевъ отдалъ

приказаніе своимъ людямъ, чтобы графиня отнюдь не выѣзжала въ нѣкоторые дома, а самъ, вѣроятно, ее не предварилъ, — и одинъ разъ, когда та сѣла въ карету, на отданный ею приказъ куда-то ѣхать, лакей доложилъ ей, что «графомъ сдѣлано запрещеніе туда ѣздить!» Графиня хладнокровно приказала ѣхать на Васильевскій Островъ къ своей матери и оттуда уже домой не возвращалась. Когда же, по окончаніи кампаніи, графъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно побѣжалъ къ женѣ и потомъ, недѣли съ двѣ, ежедневно туда ѣздилъ раза по два въ день. Наконецъ, однажды графиня сѣла съ нимъ въ карету и, проѣхавъ съ нимъ Исаіевскій мостъ, графъ оставилъ экипажъ, вышелъ изъ него и пошелъ домой пѣшкомъ, а графиня возвратилась къ матери и болѣе не сѣзжалась съ нимъ.

До женитьбы Аракчеева, въ домѣ у него хозяйничала крѣпостная, но имъ отпущенная на волю, женщина Настасья. Достоверно никто не знаетъ, были-ли у него отъ нея дѣти, но два приемыша, воспитанные въ Пажескомъ корпусѣ, а потомъ служившіе въ артиллеріи и дошедшіе до чиновъ генераль-маіора — Корсаковъ и до поручичьяго чина и флигель-адъютантскаго званія — Шумской, почитаемы были за его сыновей, а послѣдняго онъ почти самъ выдавалъ за такового. Но этотъ ему заплатилъ особой неблагодарностью: бывъ за границею, въ нетрезвомъ видѣ, наговорилъ ему лично много дерзостей, за что лишень былъ флигель-адъютантскаго званія и переведенъ въ гарнизонъ. Когда графиня Аракчеева отказалась жить съ мужемъ, то Настасья, по прежнему, вступила къ нему въ права хозяйки, въ деревню его Грузино, и тамъ имѣла жестокой конецъ. Одинъ изъ комнатныхъ лакеевъ ее зарѣзалъ, а графъ, изъ привязанности къ ней и подъ видомъ благодарности, приказалъ похоронить ее въ грузинской церкви, возлѣ того мѣста, гдѣ подъ особымъ монументомъ, воздвигнутымъ въ память государя Павла Петровича, онъ заблаговременно приготовилъ для своего праха склепъ, и гдѣ дѣйствительно и положенъ. Сіе происшествіе случилось не задолго предъ кончиной государя Александра Павловича и надѣлало много шуму въ столицѣ¹⁾.

¹⁾ См. рассказъ объ убійствѣ Настасьи, по подлинному дѣлу, въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. IV, стр. 262—294.

Въ 1808 году государь ѣздилъ въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Предъ возвращеніемъ его, пришла мысль гвардіи дать ему балъ, для чего съ каждаго офицера было взято 50 р. Балъ былъ въ домѣ графа Кушелева, гдѣ теперь Главный штабъ, противъ Зимняго дворца. Народу было множество, но, по обширности дома и по раздѣленію предметовъ празднества, т. е., танцы, театры, акробатическія представленія, ужинъ и т. п., все разбивалось въ разныя отдѣленія и заблю, ибо на дворѣ стужа была необыкновенная, а покоевъ, сколь ни силились топить, согрѣть не могли. Во время танцевъ на канатѣ у акробатовъ начали коченѣть ноги, главный танцоръ упалъ и сломалъ себѣ ногу; въ залѣ было такъ холодно, что мѣстахъ въ десяти горѣлъ спиртъ, а дамы всѣ были закутаны въ шали и мѣха.

Изъ благодарности за этотъ балъ, государыня императрица Марія Ѳеодоровна дала особый балъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ которому были приглашены безъ изъятія всѣ офицеры гвардейскихъ полковъ (чего прежде не случалось, ибо приглашали извѣстное число таковыхъ) и по гвардейскому корпусу было отдано особое приказаніе отъ великаго князя Константина Павловича, чтобы, кромѣ дежурныхъ, непременно быть всѣмъ на балѣ къ 8-ми часамъ вечера; за небытіе или опозданіе будетъ взыскано, какъ за безпорядокъ по службѣ.

Около новаго 1809 года прибыли въ Петербургъ прусскіе король и королева, и въ продолженіе 4-хъ недѣль мы были даже измучены веселостями и приглашеніями ко двору. Я, какъ адъютантъ, долженъ былъ всегда сопровождать генерала своего, Касперскаго. При одномъ парадѣ, когда гвардейская артиллерія была представляема королю, я былъ верхомъ на лошади моего генерала; но парадъ какъ-то не удался. Отъ Аракчеева отданъ былъ приказъ по артиллеріи съ замѣчаніями, гдѣ и на мой счетъ досталась выходка: «Адъютантъ былъ на такой лошади, на каковой офицеру вовсе не прилично быть въ строю!»

Я сказалъ выше, что зять мой, Фроловъ, находился въ турецкой арміи казначеемъ при комиссіонерствѣ. Онъ пріѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ какимъ-то донесеніемъ къ графу; это подало мнѣ мысль просить о переводѣ его изъ арміи на мѣстную службу въ Смоленскъ, и когда я сдѣлалъ это, то графъ отвѣчалъ мнѣ:

— «Не было еще примѣра, чтобы изъ турецкой арміи выпустили комиссіонера иначе, какъ со штрафомъ, и этого нельзя сдѣлать и для Фролова».

Но вслѣдъ за тѣмъ, не предвара меня, приказаль немедленно перевести его въ Смоленскъ, гдѣ онъ и получилъ мѣсто главнаго смотрителя госпиталя. Когда онъ подалъ графу привезенныя бумаги, тотъ спросилъ его:

— «По дорогѣ заѣзжали вы къ женѣ вашей?»

Тотъ испугался, ибо дѣйствительно свернулъ съ прямого пути и пробылъ въ Смоленскѣ нѣсколько часовъ, однако же, отвѣчалъ:

— «Точно, заѣзжалъ.»

— «Когда поѣдете назадъ», прибавилъ графъ, «я дозволяю вамъ пробыть дома съ женою, а далѣе, что будетъ, посмотримъ. Я знаю, что вы женаты на сестрѣ адъютанта моего Журкевича, кланяйтесь ей отъ меня!»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стали носиться слухи о новой кампаніи противъ австрійцевъ въ совокупности съ французами. Мнѣ пришло въ голову проситься въ армію и едва я сказалъ о томъ графу, какъ онъ съ ласкою одобрилъ мое намѣреніе и передъ отъѣздомъ приказаль мнѣ явиться за письмомъ отъ него въ главнокомандующему армію генералу, князю Сергѣю Федоровичу Голицыну. Но когда я пріѣхаль откланиваться передъ отъѣздомъ и объявилъ ему, что имѣю намѣреніе, въ проѣздъ мой чрезъ Смоленскъ, пробыть нѣсколько дней у моей матери, онъ сказалъ, что теперь писать со мной не будетъ, но напишетъ особо, что въ точности исполнилъ.

Я пріѣхаль въ Бѣлостокъ, гдѣ была еще главная квартира, въ послѣднихъ числахъ мая, явился къ князю Голицыну и къ графу Кутайсову — начальнику артиллеріи. Послѣдній тотчасъ же предложилъ мнѣ занять должность его адъютанта и я благодарилъ его за это предложеніе. Кутайсовъ поѣхаль къ Голицыну просить его разрѣшенія на этотъ предметъ, а тотъ отвѣчалъ:

— «Я вамъ не совѣтую этого дѣлать! Этотъ офицеръ присланъ въ армію отъ Аракчеева съ какою-то особенною рекомендаціею, а можетъ быть, имѣетъ порученіе присматривать за нами, — я слышалъ, что онъ будетъ вести переписку съ графомъ».

И точно. Графъ, отпуская меня отъ себя, вслухъ, при нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, сказалъ мнѣ:

— «Я буду писать къ Голицыну о тебѣ, а ты не забывай самъ писать ко мнѣ,—я съ удовольствіемъ буду получать твои письма!»

Когда, передавая мнѣ слова князя Голицына, Кутайсовъ напомнилъ это обстоятельство,—я рѣшился вовсе не пользоваться дозволеніемъ графа, дабы не прослыть шпиономъ, да и графъ, вѣроятно, позабылъ самъ объ этомъ, ибо послѣ никогда уже не вспоминалъ объ этомъ.

Я былъ назначенъ въ 10-ю артиллерійскую бригаду въ батареиную роту, которою командовалъ маіоръ Данненбергъ. Мы двинулись съ мѣста и перешли границу въ іюнь. Начальникъ 10-й дивизіи, генераль-лейтенантъ Левизъ, и шефъ Фанаторійскаго гренадерскаго полка, генераль-маіоръ Инзовъ, приласкали и приглашали меня всегда съ привѣтливостью. Всѣ наши дѣйствія ограничились одними передвиженіями и, наконецъ, стоянкою въ Галиціи. Наша рота расположилась въ Ярославль, между Кравовымъ и Лембергомъ. Лично я проводилъ время довольно пріятно, находясь часто въ кругу генераловъ, гдѣ много слыхалъ политическихъ разговоровъ; между прочимъ, приведу нѣсколько фактовъ.

Вся кавалерія у насъ состояла изъ 9-ти дивизій, которою командовалъ князь Аркадій Александровичъ Суворовъ. Онъ былъ обожаемъ офицерами и солдатами, сколько въ память незабвеннаго отца своего, столько по личнымъ своимъ качествамъ ¹⁾. Дивизія его одна, которая встрѣчалась съ непріателемъ, т. е., австрійцами, но другъ по другу никогда не стрѣляли, а всегда оканчивалось переговорами: «Если вы не уступите намъ позицію, которую вы занимаете», объявлялъ имъ князь, «и не отойдете далѣе, мы начнемъ дѣйствовать»; и австрійцы за этимъ снимали свой лагерь, а наши занимали мѣсто, гдѣ прежде стояла австрійская армія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ польскіе офицеры изъ войска, находившигоса подъ командою князя Понятовскаго, дѣлали наборъ резерутовъ изъ поляковъ. Суворовъ,

¹⁾ См. самый добрый отзывъ о князѣ Аркадіѣ Суворовѣ — Мих. Ил. Голенищева-Кутузова въ письмѣ его къ женѣ изъ Бухареста, отъ 13-го апрѣля 1811 г. «Русская Старина», 1872 г. т. V, стр. 262.

проходя города, гдѣ дѣлался наборъ, распускалъ конскриптовъ, утверждая, что они, какъ подданные австрійскаго императора, не могутъ искренно служить противъ него. Но за то поляки принимали другія мѣры: они подкупали лучшихъ солдатъ нашихъ и уговаривали ихъ къ побѣгамъ, — и это было такъ часто, что въ той ротѣ, гдѣ я служилъ, дезертировали изъ Ярославля болѣе 10-ти человекъ лучшихъ рядовыхъ и даже два съ георгиевскими крестами, чего прежде никогда не случалось.

При Левизѣ былъ адъютантомъ драгунскій капитанъ Прендель. Физіономія совершенно еврейская и о немъ носились слухи, что онъ, точно, изъ евреевъ и бываетъ употребляемъ отъ насъ, какъ шпионъ во французской арміи. Не знаю, до какой степени было это справедливо, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые мы провели въ Ярославлѣ, онъ исчезалъ раза три изъ круга нашего, и когда возвращался, то мы имѣли самыя свѣжія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ какъ въ главной нашей квартирѣ, такъ равно и у французовъ. Даже утверждали, что, съ воли главнокомандующаго, онъ будто представлялъ подобную же роль во французской арміи при маршалѣ Неѣ, передавая ему то, что было приказано на счетъ нашихъ войскъ.

Здѣсь же я познакомился съ маіоромъ Ховеномъ, впоследствии сдѣлавшимся моимъ непосредственнымъ начальникомъ и желавшимъ мнѣ причинить большія неприятели и даже несчастіе. Онъ былъ назначенъ командиромъ конной роты при 10-й дивизіи; прибывъ въ Ярославль для принятія роты, приласкалъ меня и почти всякій день проводили мы вмѣстѣ. Онъ отличался особенною дѣятельностью, какъ строевою, такъ и хозяйственною, и завелъ примѣрное щегольство въ ротѣ. Офицеры его вѣрнѣе любили и уважали, ибо внѣ службы онъ со всѣми былъ необыкновенно привѣтливъ и обходителенъ, къ тому же большой хлѣбосоль. Но я тотчасъ примѣтилъ, что все это было въ немъ не натуральное, но натянутое и съ расчетомъ, ибо предъ нашимъ ротнымъ командиромъ Данненбергомъ, какъ предъ старшимъ себя, онъ вытягивался въ струнку и даже унижался излишними вниманіями, а за глаза безпрестанно смѣялся на его счетъ и критиковалъ всѣ его поступки. Здѣсь же я былъ произведенъ на вакансію поручика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ УМЕНЬШЕНИИ СРОКА СЛУЖБЫ НИЖНИМЪ ЧИНАМЪ.

(Проектъ тайнаго совѣтника Обрескова, 1808 года, найденный въ кабинетѣ императора Александра Павловича, по его кончинѣ).

1808.

Благосостояніе малыхъ державъ, будучи ограждено попеченіемъ большихъ и сильныхъ государствъ, не имѣютъ они надобности держать въ готовности, для защиты своей, многочисленныя войска; знатнѣйшія же монархіи противное тому дѣлать вынуждены. Россія, сверхъ неусыпнаго вниманія на внутреннее свое изобиліе, благоденствіе и торговлю, обязана главнѣйшее свое обращать стараніе на военное свое ополченіе, ибо она страхомъ своихъ армій должна обуздывать зависть и поирать всякіе замыслы, на ея цѣлость быть могущіе; Россія благоразумною политикою должна предписывать законы всему свѣту,—но политикѣ ея, чтобы имѣть желаемый успѣхъ, должна неминуемо опираться на знаменитыя военныя силы.

Поставивъ сіе основаніемъ, беру смѣлость представить мое мнѣніе на составленіе російской арміи и о способахъ, коими, (по) понятію моему, можно сію часть улучшить, соединяя оную съ казенною выгодною. Я не говорю здѣсь о сословіи дворянскомъ; всякъ знаетъ, до какой степени оно предано отечеству и государю и что російскіе дворяне всегда готовы стать вокругъ трона, не щадя ни собственности своихъ, ни самихъ себя; свѣжіе примѣры такой преданности сіе подтверждаютъ.

На составленіи арміи основываю я спокойствіе всѣхъ вообще состояній въ государствѣ, но что можетъ быть ужаснѣе рекрутскаго набора: государство покрывается траурною завѣсою, все встревожено, все стонетъ, все ропщетъ, врата угнетеній и всякихъ злоупотребленій отверсты; коликъ смерть, всегда бдительная, пожираетъ отцовъ, матерей, женъ, сиротъ и самихъ часто чувствительныхъ и благодѣтельныхъ рекрутъ, привязанныхъ къ своимъ семействамъ; сколько побѣговъ, сколько дѣлъ и строжайшія силою законовъ осужденія по-

портывшимъ себя; отбывая отъ рекрутства, и напоследокъ, какое отчаянное пьянство.

Какое-же можно принести облегченіе сему болѣзненному, но вынужденному положенію?

На таковой вопросъ я готовъ объяснить мои мысли; онѣ мнѣ кажутся не безъ основанія, но если они неудобноисполнительны, прошу всенижайше приказать возвратить мнѣ мою бумагу и въ моемъ подвигѣ видѣть не иное что, какъ стремленіе живѣйшаго моего усердія къ государству и преданности къ монарху моему.

Блаженъ, кто слезы отираетъ; стократъ блаженъ, кто случаи проливать ихъ отнимаетъ.

Императору Александру I принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ поставить себѣ въ городахъ, селахъ, деревняхъ и, однимъ словомъ, во всѣхъ сердцахъ своихъ подданныхъ новый и незабвенный памятникъ признательности, и сіе тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что всѣ выгоды короны и подданныхъ сохранены будутъ.

Не угодно-ли, взявъ предварительно за нѣсколько лѣтъ вѣдомости о наборахъ рекрутскихъ, сообразить число рекрутъ, собранныхъ съ наличнымъ числомъ солдатъ, нынѣ служащихъ и въ отставку вышедшихъ,—тогда можно будетъ видѣть, что, въ общей сложности, солдатъ живетъ въ Россіи отъ 5-ти до 6-ти лѣтъ только, ибо новое существованіе и климатъ, походы, сраженія, а болѣе всего грусть и отчаяніе, прекращаютъ безвременно ихъ существованіе, слѣдовательно, въ 6 лѣтъ армія возобновляется смертію и отставкою; го сему-то и осмѣливаюсь представить я высочайшему и чуждому всякихъ предубѣжденій проицанію мои мысли.

1) Держаться указа блаженной памяти императора Павла I о ежегодномъ наборѣ по одному рекруту съ 500 душъ, исключая крайности вынужденныхъ обстоятельствъ.

Примѣчаніе. Такимъ постановленіемъ отвращаются въ государствѣ неожиданныя тревоги и злоупотребленія и селенія имѣютъ способъ себя приготовить заблаговременно на рекрутскую повинность; если же по расчету будетъ мало рекрутъ на армію, можно сдѣлать другой.

2) Принимать рекрутъ въ зачетъ во всякое время и квитанціи непременно зачитать въ первый наборъ.

Примѣчаніе. Селенія или помѣщики, бывъ увѣрены, что отдаваемые ими будутъ зачтены, не держа таковыхъ подъ нѣкоторымъ присмотромъ, до набора оныхъ представлять будутъ на службу, съ полученіемъ квитанціи, въ коей будетъ точно сказано, что отданнаго

служба начинается съ 1-го января наступающаго года, для исчисленія годовъ службы его, о коихъ будетъ говорено ниже сего.

3) Рекрутамъ оставить мѣру, узаконенную до сего времени, безъ всякаго уменьшенія.

Примѣчаніе. Я полагаю, что при новомъ распоряженіи поступать будетъ бѣльшее число людей плотныхъ, рослыхъ и сильныхъ.

4) Облегчить, сколько возможно, свидѣтельство болѣзней и вообще всякихъ изнеможеній, дабы отнять поводъ къ злоупотребленіямъ и многимъ притѣсненіямъ, коими какъ помѣщики, такъ и крестьяне безмѣрно огорчаются.

Примѣчаніе. Можно ручаться, что владѣльцы и селенія, если моя мысль удостоится высочайшаго вниманія, будутъ стараться отдавать людей, въ ихъ здоровьи надежнѣйшихъ, имѣя надежду ихъ получить паки по истеченіи положенныхъ годовъ службы; собственная выгода будетъ то повелѣвать.

5) Принимать рекрутъ на СЕМЬ лѣтъ службы только, по прошествіи каковаго времени, обращать, по прежнему, казенныхъ въ ихъ жилища, а владѣльческихъ—въ зависимость ихъ помѣщиковъ, во владѣніи коихъ оставаться должны жены и дѣти поступившихъ на службу.

Примѣчаніе. Въ теченіе 7-ми лѣтъ службы нельзя отвыкнуть отъ упражненій, крестьянскому состоянію свойственныхъ; и мы видимъ, что возвратившіеся, по отставкѣ, въ селенія свои часто занимаютъ земледѣліемъ наравнѣ съ крестьянами. Возвращеніемъ рекрутъ помѣщикамъ не токмо остающіяся дѣти, но жены и вновь рождаемыя будутъ въ лучшемъ призорѣ; дома ихъ и хозяйства будутъ поддерживаемы; служба сдѣлается повинность единственно временная и необходимая; отецъ будетъ представлять сына, поощряя его и наказывая ему быть столь усердну, сколь добраго поведенія; жена, разставаясь съ мужемъ, не будетъ мнить, что она ему чинитъ погребеніе, а потому и хозяйство ея не увянетъ, дѣти избѣгнуть сиротства; надежда будетъ всѣхъ подкрѣплять; любовь къ государю удвоится, усердіе къ отечеству усилится,—никто не будетъ отбывать отъ службы бѣгствомъ или порченіемъ себя; печаль не будетъ сѣдять сердца и, безъ сомнѣнія, пороки, а особливо пьянство, удалятся отъ вступающихъ въ службу; челоуѣчество будетъ сбережено; число жителей въ Россіи почувствуетъ непремѣнно въ малые годы сильное приращеніе; государь, государство, армія, владѣльцы и всѣ поселяне почувствуютъ благотѣльное спокойствіе, облегченіе и отраду.

6) Помѣщикамъ дать вторично право отдавать чрезъ годъ одного и того же челоуѣка на другія семь лѣтъ, если онъ, будучи на службѣ, не сдѣлался неспособнымъ къ оной.

Примѣчаніе. Если таковой, пробывъ одинъ годъ дома, можетъ продолжать службу, кажется, польза службы требуетъ, чтобъ не былъ стѣсненъ помѣщикъ въ отдачѣ его вторично. Будучи между служащими опытный, онъ можетъ быть полезенъ, наставляя и сберегая молодыхъ солдатъ какъ въ строю, такъ и въ жилищахъ ихъ.

7) Изъ числа выслужившихъ два срока найдутся такіе, кои, сдѣлавъ навыкъ въ службѣ, зная ее и любя, не имѣя, можетъ быть, притомъ въ селеніяхъ своихъ ближнихъ, пожелаютъ оставаться на третій срокъ,—таковымъ право сіе предоставить, которые и не будутъ уже почитаться на третій срокъ отданными помѣщиками или селеніями, коихъ право ограничивается въ двухъ срокахъ; жены и дѣти добровольно въ службѣ оставшихся дѣлаются совершенно вольными,—дѣти, разумѣется рожденныя съ поступленія отцовъ на третій срокъ службы, равномѣрно какъ и самъ выслужившій три срока.

Примѣчаніе. Сомнѣнія нѣтъ, что найдутся таковыя, и сіи опытные охотники большую принесутъ пользу службѣ.

8) Производить въ унтеръ-офицеры съ большимъ разборомъ службы, усердія и поведенія, и таковымъ, по выслуженіи перваго и втораго сроковъ, можно опредѣлить отъ казны пенсіи.

Примѣчаніе. Полагая, что чины получаютъ будутъ по точной заслугѣ, возвращающіеся въ селенія, казенныя или владѣльческія, будутъ вѣрно избираемы къ мѣстамъ, довѣренность требующимъ, какъ-то: въ должности головъ, старостъ, управителей, смотрителей и тому подобныя, да и вообще они быть должны полезны въ селеніяхъ.

9) Чрезъ таковое распоряженіе инвалидовъ не будетъ въ российской службѣ, потому что служить вездѣ будутъ люди молодые и здоровые.

Примѣчаніе. Мнѣ кажется, что и сія статья заслуживаетъ уваженія, ибо старые солдаты не будутъ на попеченіи казны, но въ разныхъ селеніяхъ или-же въ мѣстахъ, къ водворенію ихъ опредѣленныхъ, какъ будетъ сказано ниже сего.

10) Исключая поступающихъ въ зачетъ, принимать рекрутъ съ 1-го января по 1-е апрѣля.

Примѣчаніе. Если до сего времени принимались рекруты въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, отчасти для того, чтобъ тѣмъ отвратить побѣги, по причинѣ невозможности укрыться въ лѣсахъ, мнѣ кажется, сія причина уничтожается предположеніемъ, что дезерціи (побѣговъ) не будетъ болѣе; и такъ, не лучше-ли всего приеъмъ назначить наиболѣе въ февралѣ и мартѣ, какъ въ разсужденіи промысловъ вообще, такъ и того уваженія, что рекрутъ не можетъ имѣть тогда случая быть изувѣченъ въ переходахъ большими морозами.

11) Обыкновенную рекрутскую отдачу, положенную въ одеждѣ, ограничить въ самомъ нужномъ одѣяніи; но въ замѣну того распоряженія, коимъ рекрутъ послѣ перваго и втораго сроковъ службы возвращается, по прежнему, въ свои селенія на прежнему основаніи, какъ выше сказано, — постановить закономъ, чтобъ вмѣстѣ съ рекрутомъ вносимы были въ казну, на годовую полную его аммуницію, деньги, что, полагаю, составитъ рублей до 25-ти; на полугодовой провіантъ и на полугодовое жалованье, что также составитъ рублей отъ 25-ти до 35-ти, а всего съ каждымъ рекрутомъ поступить въ казну до 60-ти рублей.

Примѣчаніе. Такимъ распоряженіемъ, при приемѣ ста тысячъ рекрутъ, въ одинъ, два или три года собранныхъ, казна выиграетъ до шести милліоновъ на усиленіе комиссаріатскаго и провіантнаго департаментовъ, и я смѣю удостовѣрить, что селенія и владѣльцы не токмо охотно, но съ благодареніемъ деньги сіи вносить будутъ, лишь только требованія казны и воля монаршая были-бъ объяснены съ такою точностію, чтобъ не было отъ недоразумѣнія какаго поводу къ притѣсненіямъ.

12) Отданные въ солдаты по приговорамъ присутственныхъ мѣстъ не должны никогда возвращаться на прежнія жилища и во власть помѣщиковъ своихъ, хотя бы и поступили они въ зачетъ; они, выслуга безъ перемежки три срока, то есть 21 годъ, должны быть поселены, какъ ниже будетъ сказано.

Примѣчаніе. О таковыхъ людяхъ, кажется, селенія и помѣщики жалѣть не могутъ, ибо имъ самимъ примѣры нужны для прочихъ; что же касается до виновныхъ, кажется, службою 21 года они вину свою заслужать достаточно; жены таковыхъ, коль скоро приговоры о нихъ подписаны, принадлежать казнѣ и обращаются къ поселенію мѣста, опредѣленнаго имъ.

13) Многіе помѣщики, отдавшіе крестьянъ своихъ или дворовыхъ людей по какому-либо неудовольствіямъ, какъ-то: за дерзость, ослушаніе, мотовство, кражи, пьянства, драки и проч., не пожелаютъ, можетъ быть, таковыхъ принять обратно даже и на одинъ годъ до новой отдачи; таковымъ, за ихъ право, казна заплатитъ за выслужившихъ одинъ срокъ 100 руб., а за выслужившихъ два срока 50 руб., и если они женаты, обращаетъ женъ ихъ въ свое вѣдомство и отправляетъ ихъ, какъ выше сказано, къ поселенію; за тѣхъ же, кои окажутся изувѣченными, и именно лишенными рукъ или ногъ, или части оныхъ, а на рукъ пальцевъ, казна не будетъ платить ничего въ удовлетвореніе помѣщикамъ.

Примѣчаніе. Нельзя полагать, чтобы сіи денежныя удовлетво-

ренія составили большія суммы; подобные случаи, вѣрно, рѣдки будутъ; впрочемъ, жены таковыхъ стоятъ сихъ денегъ и сіе нѣкоторымъ образомъ полагается удовлетвореніемъ за всѣ тѣ суммы, которыя ежегодно съ рекрутами въ казну поступать будутъ.

14) Выслужившихъ три срока, въ наказаніе или по непринятію помѣщиками обратно, остающихся за деньги въ казенномъ вѣдомствѣ, или за увѣченіе и безъ платежа денегъ, водворятъ на тѣхъ земляхъ по рѣкѣ Бердѣ, которыя были назначены блаженной памяти государемъ для колонистовъ, ожидаемыхъ тогда; земли сіи, сколько мнѣ извѣстно, изобилуютъ водами, лѣсами, хорошимъ грунтомъ и добрыми угодыями; сіе поселеніе, подъ названіемъ военныхъ поселанъ, составитъ весьма скоро знатную милицію, которую и должно держать въ томъ духѣ, что они, будучи призрѣны казною, должны быть всегда готовы на защиту отечества; у нихъ можно будетъ лѣтъ черезъ шесть завести школы, а лѣтъ черезъ 15 и нѣкоторый родъ экзерциціи по волѣ государя.

Примѣчаніе. Впрочемъ, мнѣ неизвѣстно, земли сіи существуютъ ли еще въ празности; но если онѣ и были розданы, его величеству не будетъ затруднительно назначить другія.

15) Отставные солдаты, будучи нынѣ часто въ тягость селеніямъ ихъ поведеніемъ, сіе неудобство также исправится исподоволь.

16) Всякъ знаетъ, какою сначала произвела въ умахъ крестьянъ тревогу временная милиція, учрежденная въ государствѣ вынужденными обстоятельствами, и что, не взирая на самыя кроткія и ясныя высочайшія повелѣнія, встрѣчались недоразумѣнія въ видѣ услуги, можетъ быть, и въ намѣреніи уловить благоволеніе прозорливаго императора.

17) Если устроится такимъ образомъ рекрутскій наборъ, не будетъ-ли всегда и во всѣхъ селеніяхъ милиція, то есть, люди, службою на то готовые, способные служить и другихъ учить, и не явственны ли и ощутительно, что всѣ состоянія и казна выиграютъ.

18) Если мысли, всеподданнѣйше здѣсь объясненныя моему государю на его благоусмотрѣніе, удостоены будутъ высочайшаго вниманія въ ихъ основаніи хотя частію, и если приведеніе сего въ дѣйствіе представитъ затрудненіе, не угодно-ли будетъ, чрезъ губернскихъ предводителей, узнать мысли дворянскихъ сословій. —

19) Такимъ образомъ, высочайшій указъ, запрещающій покупать людей для отдачи въ рекруты, равно какъ и квитанціи на служащихъ уже въ счетъ послѣдующихъ наборовъ, не бывъ отмѣненъ новымъ указомъ, потеряетъ свою силу. Онъ останется тогда только актомъ, доказывающимъ неутомимое попеченіе государя о благѣ че-

ловѣчества. Указъ сей, въ исполненіи своемъ исправляя частицу злоупотребленій, сдѣлался тягостенъ всѣмъ, а наипаче крестьянамъ казеннаго вѣдомства. До изданія онаго, старшій въ домѣ и отецъ въ семействѣ старался всемирно трудами своими, какъ-то: земледѣлемъ, руководѣліями и промыслами, доставать имущество, коимъ могъ онъ спасать чадъ своихъ отъ военной службы, столь страшной крестьянину. Теперь число людей, семейство его составляющее, и очередь губять его; дѣти же суть богатство крестьянина, и весь предметъ трудовъ его есть избавленіе ихъ отъ службы. Нынѣ, коль скоро наборъ объявленъ, лучшіе дома въ отчаяніи; имущество, доброе поведение, умъ, благонравіе и всякіе промыслы не могутъ спасти сына, особаго вниманія достойнаго отца. Не придетъ-ли крестьянамъ въ таковомъ горѣ слѣдующая мысль: для чего быть добрымъ, старательнымъ, бережливымъ и трезвымъ, если не можно спасти своимъ имѣніемъ тѣхъ, кои всего на свѣтѣ милѣе; не представится-ли тогда имъ лѣнь, праздность и развратность жизни во всей заманчивой прелести, а множество питейныхъ домовъ и выставокъ не поможетъ-ли и прежде нажитое спустить въ горѣ и отчаяніи.

20) Въ заключеніе сего, осмѣлюсь сказать, что мнѣ весьма часто приходитъ слѣдующая мысль: тотъ, коего помѣщикъ, безъ уваженія въ чловѣчеству, продалъ въ рекруты, спасая другаго, въ счастливой долѣ живущаго, гораздо благополучнѣе, служа государю, нежели онъ былъ, принадлежа своему владѣльцу; а сверхъ сего, и то, что встрѣчаются иногда люди столь ожесточенныхъ и непокорливыхъ свойствъ противъ своихъ помѣщиковъ, которые сами желаютъ быть отданы на службу и коихъ должно бы владѣльцу потому продать въ рекруты, что не имѣеть онъ, можетъ быть, помѣстья или достаточнаго числа людей, за которыхъ могъ бы рекрута поставить самъ.

Сообщ. М. И. Богдановичъ.

СОЧИНЕНІЕ В. К. НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О МАРКЪ-АВРЕЛИИ.

(Письмо къ профессору морали Аделунгу).

1813 г.

Ученическое произведеніе покойнаго государя, написанное въ бытность его великимъ княземъ, въ 1813 г. и нынѣ печатаемое въ «Русской Старинѣ», составляетъ только одинъ образчикъ изъ цѣлой серіи подобныхъ упражненій, оригиналы которыхъ мнѣ довелось видѣть и читать въ архивѣ IV Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ они составляютъ папку значительнаго объема подъ общимъ названіемъ: «Les études du grand duc Nicolas».

Существованіе этой папки вмѣстѣ съ другою, такого же содержанія и характера: «Les études du grand duc Michel», мнѣ пришлось открыть по слѣдующему поводу.

Приглашенный къ составленію исторіи с.-петербургскаго Воспитательнаго Дома по архивнымъ источникамъ, я узналъ случайно, въ 1871 г., что въ архивѣ IV Отдѣленія находится особый шкафъ съ бумагами, никакъ еще не разобранными, которыя, по смерти императрицы Маріи Феодоровны (въ 1828 г.), были опечатаны въ ея кабинетѣ статсъ-секретаремъ Вилламовымъ и, безъ описи, сданы въ архивъ IV Отдѣленія. Такъ и оставались онѣ тамъ въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ. Поработавъ нѣсколько недѣль въ неожиданно-открывшихся мнѣ сокровищахъ, — гдѣ было много матеріаловъ и для исторіи Воспитательныхъ Домовъ, — я сдѣлалъ имъ краткую опись, которую, помнится, и передалъ одному изъ лицъ, служащихъ въ IV Отдѣленіи.

Изъ этой описи видно, что въ помянутомъ собраніи бумагъ сохранилось множество въ высшей степени важныхъ документовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, вмѣстѣ съ огромною, занявшею нѣсколько коробокъ, собственноручною перепискою знаменитой государыни. Такъ напримѣръ, здѣсь нашель я письма къ императрицѣ: Вязмитинова, Кутузова-Смоленскаго, Оленина, барона Николая, Уварова и другихъ значительныхъ лицъ той эпохи. Помнится, тамъ же есть и краткій отчетъ Уварова объ осмотрѣ имъ, по порученію императрицы, московскихъ институтовъ. Встрѣчаются и собственноручныя записки императора Александра Павловича, также какъ и письма къ императрицѣ отъ нѣкоторыхъ европейскихъ дворовъ. Словомъ, всѣ эти бумаги на столько любопытны и такъ живо знакомятъ насъ съ личностью императрицы, съ ея обществен-

ными заботами и семейными интересами, что было бы вполне необходимо издать ихъ особымъ сборникомъ, хоть напримѣръ, подъ названіемъ: «Кабинетъ императрицы Маріи Ѳеодоровны». Русская исторія была бы отъ этого въ явномъ выигрышѣ, а личность Маріи Ѳеодоровны, — столь памятная въ развитіи филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій въ Россіи, — освѣтилась бы совершенно новымъ и вполне благоприятнымъ для нея свѣтомъ.

Возвращаясь къ сочиненію Николая Павловича о «Маркѣ-Авреліи», я долженъ замѣтить, что оно написано было по вызову профессора Аделунга, который, состоя преподавателемъ морали при великомъ князѣ (предметъ этотъ заключался въ чтеніи и разборѣ нравоучительныхъ статей, преимущественно историческаго содержанія), воспользовался съ моральною цѣлью «Похвальнымъ Словомъ Марку-Аврелію», прочтя его въ подлинникѣ великому князю. Сочиненіе это носитъ слѣды стилистическихъ поправокъ (надъ строками) профессора Аделунга и, какъ всѣ учебныя упражненія Николая Павловича, не избѣжало вниманія заботливой матери, слѣдившей изо дня въ день за ходомъ занятій своихъ сыновей.

Не лишнимъ будетъ прибавить, что «Похвальное Слово Марку-Аврелію» было переведено Фонъ-Визинемъ, и нѣкоторыя мысли, заимствованныя отсюда, вложены авторомъ «Недоросля» въ уста Стародума, на что есть указанія въ статьѣ моей и примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ (1866 г.) изданіи «Сочиненій Фонъ-Визина».

А. П. Пятковский.

24-го января 1813 г.

(Переводъ). Милостивый государь! Вы доставили мнѣ удовольствіе прочесть, на одномъ изъ вашихъ дополнительныхъ уроковъ, похвальное слово Марку-Аврелію, соч. Тома; этотъ образчикъ возвышеннаго краснорѣчія принесъ мнѣ величайшее наслажденіе, раскрывъ предо мною всѣ добродѣтели великаго человѣка и показавъ мнѣ въ тоже время, сколько блага можетъ сотворить добродѣтельный государь съ твердымъ характеромъ. Позвольте мнѣ, милостивый государь, возобновить передъ вами увѣренія въ моей благодарности за то что вы пожелали познакомить меня съ этимъ интереснымъ и прекраснымъ произведеніемъ французскаго краснорѣчія. Вы были такъ добры, что предложили мнѣ написать сочиненіе по поводу прекраснаго произве-

Ce 24 Janvier 1813.

(Подлинникъ). Vous m'avez fait le plaisir de me lire, dans une des leçons extraordinaires que j'ai eues avec Vous, l'éloge de Marc-Aurèle par Thomas; ce morceau sublime d'éloquence m'a fait un plaisir bien grand, en m'exposant en même temps toutes les vertus de ce grand homme et en me faisant voir combien de bien un Prince vertueux et ferme peut faire. Permettez moi, Monsieur, de Vous réitérer mes remerciements de ce que Vous avez bien voulu me faire connaître cet intéressant et beau passage (morceau) de l'éloquence française. Vous avez eu la bonté de me proposer de faire une composition sur cette belle pro-

денія Тома; я чувствую всю трудность этой работы, но буду вполне счастливъ, если мнѣ удастся преодолѣть ее.

Томъ изображаетъ намъ тотъ моментъ, когда пышная и торжественная похоронная процессія со смертными останками Марка-Аврелія, умершаго въ Виеннѣ, приближается къ Риму въ невозмутимой тишинѣ и мертвомъ молчаніи. Коммодъ, во главѣ населенія всемирной столицы, выходитъ на встрѣчу тѣла—своего отца и отца народа. Въ этой толпѣ находился и воспитатель Марка-Аврелія, Аполлоній,—человѣкъ рѣдкой добродѣтели, безупречный по своей жизни. Остановивъ погребальное шествіе, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, почтенный старецъ, обладавшій величественной наружностью, произнесъ рѣчь въ честь Марка-Аврелія, въ которой онъ, чтобы дать сильнѣе почувствовать всю горечь утраты, только что причиненной смертью необыкновеннаго государя, указалъ въ бѣглому обзорѣ главнѣйшія черты его общественной и частной жизни. Самымъ замѣчательнымъ въ этой рѣчи мнѣ кажется то мѣсто, гдѣ Аполлоній, описывая физическое и нравственное воспитаніе Марка-Аврелія, говоритъ: „онъ былъ дѣятеленъ и ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, что дало ему возможность впоследствии выносить всѣ тягости войны; учился онъ также весьма старательно, такъ какъ понималъ всю пользу этихъ занятій для своего будущаго“. Далѣе Аполлоній повѣствуетъ о мудрости Марка-Аврелія, какъ частнаго человѣка, и, въ доказатель-

duction de Mr Thomas; je (j'en) sens toute la difficulté de cette composition mais si j'ai le bonheur d'y réussir je ne m'en sentirai que plus heureux.

M-r Thomas nous représente le moment où le convoi funèbre de Marc-Aurèle mort à Vienne avec une pompe majestueuse s'approche de Rome un morne silence, une tranquillité absolue l'accompagnent. Commode, à la tête du peuple de la capitale du monde, viennent (sic) à la rencontre du corps de leur père commun. Parmi la foule se trouvait l'instituteur de Marc-Aurèle, Apollonius, homme d'une vertu rare et d'une vie irréprochable; ce respectable vieillard d'un extérieur imposant arrêta le convoi, à l'étonnement de tout le public et prononça le discours panégyrique de Marc-Aurèle, où, pour faire sentir au peuple toute la perte qu'il fit dans la mort de ce prince rare, il parcourut rapidement les principaux traits de sa vie publique et particulière. Entre autres ce qui me paraît de (bien) plus remarquable, c'est le passage où il dépeint son éducation tant physique que morale, il dit: Marc-Aurèle était actif et adroit dans les exercices du corps ce qui le rendit dans la suite capable de soutenir les fatigues de tant de guerres. Il donnait un soin particulier aux études à cause qu'il sentait combien elles pouvaient lui être utiles dans la suite; après il raconte la sagesse de sa conduite encore comme particulier; et ce qui prouve combien ce prince sentait toutes les difficultés qui accompagnent l'état d'administrateur d'un grand état (empire) comme le sien, c'est qu'au moment où on vint lui annoncer qu'il

ство того, что этотъ государь чувствовалъ всю трудность управления своей обширной имперіей, сообщаетъ, что въ ту минуту, когда онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи на престоль,— онъ впалъ въ задумчивость, а потомъ, бросившись на шею къ своему учителю, просилъ у него совѣтовъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ выбора римлянъ. Затѣмъ авторъ, приводитъ размышленія Марка-Аврелія объ его двоякихъ обязанностяхъ, какъ человѣка и какъ члена общества, влагаетъ въ уста его слѣдующую рѣчь:

„Я пришелъ къ мысли, что люди сгибаются въ общества по велѣнію самой природы. Съ этой минуты я смотрѣлъ на себя съ двухъ точекъ зрѣнія: прежде всего я видѣлъ, что составляю лишь ничтожную частицу вселенной, поглощенную цѣлымъ, увлеченную общимъ движеніемъ, которое охватываетъ собой все живущее; затѣмъ я представлялъ себя какъ бы отдѣленнымъ отъ этого безмѣрнаго цѣлаго и соединеннымъ съ человѣчествомъ посредствомъ особаго союза. Какъ частица вселенной, ты обязанъ, Маркъ-Аврелій, принимать безропотно все, что предписываетъ міровой порядокъ; отсюда рождается твердость въ перенесеніи золь и мужество, которое есть ничто иное, какъ покорность сильной души. Какъ членъ общества, ты долженъ приносить пользу человѣчеству: отсюда возникаютъ обязанности друга, мужа, отца, гражданина. Переносить то, что предписывается законами естества, исполнять то, что требуется отъ человѣка по суще-

était appelé à monter sur (le) trône il tomba dans une profonde rêverie et ensuite se jettant au cou de son maître Apollonius il le pria de le secourir de ses conseils. et par là de le rendre (encore plus) digne du choix des Romains. Ensuite faisant des réflexions sur ses doubles devoirs comme homme et comme membre de la société l'auteur lui fait dire:

«J'étais parvenu à voir que par l'ordre même de la Nature, il y a société entre tous les hommes. Dès ce moment je me considérais sous un double rapport. Je me vis comme une faible partie de l'Univers, engloutie dans le tout, entraînée par le mouvement général qui entraîne tous les êtres; je me regardais ensuite comme détaché de ce tout immense et lié par un rapport particulier avec les hommes. Comme partie de tout, Marc-Aurèle, tu dois recevoir sans murmure ce qui est une suite de l'ordre général; de là naît la constance dans les maux et le courage qui n'est que la soumission d'une âme forte. Comme partie de la société, tu dois faire tout ce qui est utile à l'homme: de là tous les devoirs d'ami, d'époux, de père, de citoyen. Souffrir ce que la nature de l'univers t'impose, faire ce que la nature d'homme exige, voilà tes deux règles. Je conçus alors ce que c'était que la vertu et je ne craignis plus de m'égarer».

Puis se considérant comme prince et effrayé du poids des devoirs que lui impose sa condition il se dit:

«Epuvanté de mes devoirs je voulus connaître les moyens que j'avais pour

ству его природы: вотъ два руководящія правила въ твоей жизни. Тогда я уразумѣлъ, что называется добродѣтелью, и уже не боялся болѣе сбиться съ прямого пути“.

Далѣе, сообразивъ свои обязанности, какъ государя, и изумившись тяжести ихъ, Маркъ-Аврелій говоритъ о себѣ:

„Испуганный моими обязанностями, я захотѣлъ познать средства къ ихъ выполнению,— и мой ужасъ удвоился. Я видѣлъ, что мой долгъ превышалъ силы одного человѣка, а мои способности не выходили изъ размѣра этихъ силъ.

„Для выполненія такихъ обязанностей нужно было бы, чтобы взоръ государя могъ обнять все, что совершается на огромнѣйшихъ разстоянiяхъ отъ него, чтобы все его государство было сосредоточено въ одномъ пунктѣ предъ его мысленнымъ окомъ. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали всѣ стоны, всѣ жалобы и вопли его подданныхъ; чтобы его сила дѣйствовала такъ же быстро, какъ и его воля, для подавленiя и истребленiя всѣхъ враговъ общественнаго блага. Но государь такъ же слабъ въ своей человѣческой природѣ, какъ и послѣднiй изъ его подданныхъ. Между правдою и тобою, Маркъ-Аврелій, воздвигнутся горы, создадутся моря и рѣки; часто отъ этой правды ты будешь отдѣленъ только стѣнами твоего дворца,—и она все-таки не пробьется сквозь нихъ. Помощь, тебѣ оказанная, не слишкомъ пособитъ твоей слабости. Дѣло, довѣренное чужимъ рукамъ, или идетъ медленно, или уторопляется, или извра-

les remplir; et mon effroi redoubla. Je vis que mes obligations étaient au dessus d'un homme et que mes facultés étaient celles d'un homme. Il faudrait que l'oeil du prince pût embrasser ce qui est à des distances immenses de lui et que tous les lieux de son empire fussent rassemblés en un seul point, sous son regard. Il faudrait que son oreille pût être frappée à la fois de tous les gémissements, de toutes les plaintes, de tous les cris de ses sujets. Il faudrait que sa force fut aussi prompte que sa volonté pour détruire et combattre sans cesse toutes les forces qui luttent contre le bien général. Mais le prince a des organes aussi faibles que le dernier de ses sujets. Marc-Aurèle, entre la vérité et toi, il y aura continuellement des fleuves, des montagnes, des mers; souvent tu n'en sera séparé que par les murs de ton palais, et elle ne parviendra pas jusqu'à toi. Tu emprunteras des secours; mais ces secours ne seront qu'un remède imparfait à ta faiblesse. L'action confiée à des bras étrangers, ou se ralentit, ou se précipite, ou change d'objet. Rien ne s'exécute comme le prince l'a conçu; rien ne (se présente à) lui est comme il l'aurait vu lui-même. On exagère le bien, on diminue le mal, on justifie le crime, et le prince toujours faible ou trompé, exposé à l'infidélité ou à l'erreur de tous ceux qu'il a chargé de voir où d'entendre, se trouve continuellement placé entre l'impuissance de connaître et la nécessité d'agir».

Le règne de ce prince prouva bien que ce n'était pas de vaines paroles,

щается въ самой своей задачѣ. Ничто не исполняется согласно съ замысломъ государя; ничто не доходитъ до него въ надлежащемъ видѣ: добро преувеличивается, зло — прикрывается, преступленіе — оправдывается, и государь, всегда слабый или обманутый, всегда подверженный вліянію заблужденій или измѣны тѣхъ лицъ, которые поставлены имъ затѣмъ, чтобы все видѣть и слышать, — постоянно колеблется между невозможностью знать и необходимостью дѣйствовать“.

Правленіе этого государя вполне подтверждаетъ, что онъ не говорилъ пустыхъ фразъ, но дѣйствовалъ по плану, глубоко и мудро обдуманному, никогда не отступая отъ принятаго пути. Я предполагалъ было, милостивый государь, поговорить объ ораторской отдѣлкѣ этой рѣчи; но опасаясь растянутаго и думая, что для моей цѣли достаточно двухъ приведенныхъ отрывковъ, — скажу, въ заключеніе этого сочиненія, что я писалъ его съ величайшимъ сочувствіемъ къ личности государя, вполне достойнаго удивленія и подражанія.

Свидѣтельствуя вамъ еще разъ мою признательность, остаюсь, милостивый государь, съ особеннымъ къ вамъ почтеніемъ и пр.

Замѣтна Аделунга. Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія я узнаю въ этомъ сочиненіи и силу впечатлѣнія, произведеннаго на великаго князя «Похвальнымъ словомъ Марку-Аврелію», и стараніе, которое приложилъ онъ, чтобы достойнымъ образомъ передать свое впечатлѣніе.

Перев. А. П. П.

mais qu'il a agi d'après un chemin qu'il a reconnu par de sages et profondes réflexions pour bon et il ne s'en écarta jamais. Je m'étais proposé, Monsieur, de Vous parler encore de l'exécution de ce beau discours, mais craignant de devenir trop long et croyant que les deux morceaux que je viens de citer suffisent, je termine cette composition en vous disant que je l'ai faite avec le plus grand intérêt, surtout parceque j'y trouve le portrait d'un grand (Prince) qui est bien digne d'être admiré et imité. En vous témoignant encore une fois ma reconnaissance, Monsieur, j'ai l'honneur d'être avec la plus grande estime. etc.

Note d'Adelung. C'est avec une satisfaction bien vive que je reconnais dans cette composition l'impression que la lecture de l'éloge de Marc-Aurèle a faite sur Monseigneur et l'effort qu'il a mis à en parler dignement.

Сообщ. А. П. Пятковскій.

— * * —

РУССКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Секретно-вокрытая переписка.

1790 — 1795 ¹⁾.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. На сегодняшнюю почту принесенныя въ иностранныя города письма конча принимать, нашелъ я, при осматриваніи оныхъ, одно только копированія достойнымъ по причинѣ страннаго его содержанія. Включеніе онаго адресомъ слѣдующимъ надписано: à notre cher frère Sacérdos (дорогому брату нашему Сацердосу). Сказываютъ, что новиковская секта называетъ своихъ братьевъ frères sacerdos (братьями сацердосами). Въ концѣ сего письма пишутъ поклоны отъ Филуса, Репертуса и Вегетуса (Philus, Repertus et Vegetus). Сіи три слова неотгѣнно должны имѣть какое-либо означеніе, ибо по-латынѣ Philus значитъ любезный, Repertus — найденный, а Vegetus — цвѣтущій. Я подозреваю, что сіи слова не означаютъ-ли первыхъ трехъ градусовъ новиковскаго собратства. Наконецъ, подозрительнѣе всего то, что письма вовсе не имѣютъ подписаны. Письма отданы на почту мужикомъ, а отъ кого онъ посланъ — неизвѣстно, потому что осторожность мнѣ не позволила его спросить. Я буду всячески стараться вывѣдывать и доходить до нужной цѣли. Оригиналъ сихъ двухъ писемъ отправлю я съ сегодняшнею почтою по ихъ надписямъ. Рука въ письмѣ и на кувертѣ, также и печать, вовсе не похожи на тѣ, кои я вашему сіятельству имѣлъ честь представлять третьяго дня, хотя письмо и адресовано къ тому же Кутузову.

О Сандмаркѣ не премину я имѣть примѣчаніе. Ни къ нему, ни отъ него писемъ не было на сей почтѣ, о чемъ донеся, съ отгѣннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью пребыть счастье имѣю, сіятельнѣйшій князь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ив. Пестель.

18-го іюля 1790 г.

Примѣчаніе. Это донесеніе вшито въ сборникъ перелюстраціи (стр. 41—42) во копій при немъ нѣтъ.

Ред.

¹⁾ См. «Русск. Стар.» 1874 г., т. IX, стр. 57—72.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Книгу, упоминаемую въ письмѣ, которое сегодня вашему сіятельству представитъ честь имѣть, у сего препровождаю ¹⁾, пребывая съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ив. Пестель.

16-го октября 1790 г.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее писаніе, коимъ ваше сіятельство меня сегодня почтить изволили, имѣю честь донести, что книга, мною вчерашняго числа представленная, взята въ книжной лавкѣ книгопродавца Бибера. Я послалъ туда челоуѣка чужаго, дабы не знали, что ее надобно было мнѣ, опасаясь въ такомъ случаѣ ее не получить.

Копія съ писемъ, извѣстныхъ вашему сіятельству, сегодня буду имѣть честь представить, о чемъ донеся, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и нелицемѣрною преданностью пребыть счастье имѣю, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ив. Пестель.

17-го октября 1790 г.

Копія съ письма къ Алексію Михайловичу Кутузову въ Берлинъ отъ отставнаго бригадира Ивана Владиміровича Лопухина. Оригиналъ съ первою почтою отправленъ быть имѣеть. Ив. Пестель.

Москва. 19-го октября 1790 г.

14.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ—А. М. Кутузову.

17-го октября. Москва.

Здравствуй, братъ и другъ любезнѣйшій! Я беспокоюсь о твоёмъ здоровьи, давно не читавъ дружескихъ твоихъ писемъ и не имѣя отвѣтовъ на мои. Я ожидалъ на послѣдней почтѣ. Я, слава Богу, здоровъ. Князь Николай Никитичъ (Трубецкой) пишетъ ко мнѣ изъ Петербурга, что они пріѣхали благополучно.

Не можешь-ли ты прислать еще сочиненій того-жъ автора, котораго ты прислалъ пьесу: „О силѣ вѣры“. Между дерзкими и мерзкими сочиненіями, которыми нынѣ міръ наполняется, какъ-то: „Жизнь Маріи-Антуанеты, королевы французской“ (La vie de Marie-Antoinette reine de France) и проч. французскими произведеніями мнимой вольности, или, лучше сказать, бѣшенства, видно, выходятъ и хорошія книги. Кромѣ той, о которой я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, брошюрѣ: „Кто можетъ быть хорошимъ гражданиномъ“ (Qui peut être un bon citoyen), получилъ я еще нѣмецкую: „Georg Nemi-nis von Langenheim—Naturgesetzmässige Untersuchung des Physischen

¹⁾ Соч. Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Спб. 1790 г.

Nichts“, (Георга Неминисъ фонъ Лангенгейма: „На естественныхъ законахъ основанное изысканіе о физическомъ ничто“) нынѣшняго года и, кажется, книга хорошая и не маленькая. Читаль-ли ты сіи книги? На нихъ нѣтъ мѣста изданія, но они идутъ изъ Германіи, изъ Гамбурга или Франкфорта-на-Мейнѣ, такъ, кажется, сказывалъ книгопродавецъ, почему, думаю, есть и въ Берлинѣ. И первая хотя французская, но или нѣмцомъ (написана), или переводъ.

Прости, сердечный братъ. Я хотѣлъ имѣть удовольствіе хотя немножко съ тобою поговорить. Опоздалъ, слѣшу застать почту. Прости. *И. Л.*

Сіятељнѣйшій князь, милостивый государь. Вчерашняго же числа принялъ я нужныя мѣры къ отысканію книги, о которой въ письмѣ послѣднемъ упоминалось, ее зовуть: «Georg Neminis von Langenheim—Naturgeschichte oder mässige Untersushung des phisichen Nichts».

Получа оную, непременно съ примѣчаніемъ прочту и вашему сіятельству о содержаніи донесу. Если-жъ вамъ, милостивый князь, удастся оную получить, то низайше прошу ко мнѣ приказать для размотра и доклада объ оной вашему сіятельству доставить. Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребыть счастье имѣю, сіятељнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепочинѣйшій слуга *Ив. Пестель*.

20-го октября 1790 г.

(Далѣе слѣдуетъ вторично снятая копія съ письма *И. В. Лопухина* къ *А. М. Кутузову*, отъ 17-го октября 1790 г., въ Берлинъ изъ Москвы, см. выше).

Копія съ письма къ *Алексѣю Михайловичу Кутузову* въ Берлинъ отъ отставнаго бригадира *Ивана Владиміровича Лопухина*. Оригиналъ по надписи отправленъ. *Ив. Пестель*.

Москва. 23-го октября 1790 г.

15.

И. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову.

21-го октября. Москва.

Еще пришла почта, а писемъ отъ тебя, любезнѣйшій другъ, нѣтъ. Я нетерпѣливо ожидаю оныхъ. Пожалуй, пиши ко мнѣ и прямо, а не черезъ кн. *Николая Никитича (Трубецкаго)*, который теперь въ *С.-Петербургѣ*. Все здорово; новаго ничего, развѣ то, что сегодня впервые выпалъ здѣсь снѣгъ. Войска наши въ *Молдавіи*, слышно, въ движеніи и ожидаемъ побѣды. Говорятъ здѣсь, что и пруссаки на насъ поднимаются; видно, они забыли, какова русская лапа. Я увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ, алтыннаго за грошь никто у насъ не возьметъ. Вотъ, братецъ, не говори, что я лѣнился писать. Нѣсколько

почтъ сряду пишу къ тебѣ; но теперь думаю почту или двѣ подождать твоихъ писемъ, чтобъ уже отвѣчать, и для того не безпокойся, ежели отъ меня не получишь. Прости, сердечный братъ и другъ. *И. Л.*

О Радищевѣ ничего болѣе не слыхать.

На послѣдней почтѣ просилъ я отъ тебя еще сочиненій того-жъ пера, коимъ писана пьеса: „О силѣ вѣры“; пожалуй, пришли, ежели есть и можно будетъ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Угодно было вашему сіятельству возложить на меня комиссію о выправѣ, какъ о поведеніи, равно-жъ и о знаніяхъ пѣкотораго г. Лангера, котораго угодно было принять въ переводчики. Донесу вашему сіятельству, что онъ поведенія изряднаго, но надеженъ-ли онъ или нѣтъ—утвердительно сказать того не могу, потому что говорить, что, будучи въ арміи, онъ нѣсколько задолжалъ и отецъ принужденъ былъ заллатить его долги. О способностяхъ его доложу, что онъ въ переводчики вовсе неспособенъ, ибо онъ не одинъ языкъ хорошо не умѣетъ писать, и для того къ переводамъ неспособенъ. Я поставлю себѣ долгомъ вашему сіятельству открывать всю истину, дабы тѣмъ вяще и вяще удостоиться милостивой довѣренности, кою меня почестъ угодно было, которую заслуживать первѣйшимъ себѣ долгомъ поставляетъ пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга *Ив. Пестель*.

24-го октября 1790 г.

(Переводъ съ французскаго). Князь, съ чувствами живѣйшей признательности имѣю честь передать вашему сіятельству прилагаемую книгу. Довѣріе, которое вы благоволили оказать мнѣ одолженіемъ этой книги, есть для меня новое доказательство лестной для меня благосклонности вашей, которую я все болѣе и болѣе буду стараться заслужить.

Я узналъ, что авторъ книги этой—камергеръ прусской службы Лукезини. Самъ онъ былъ посланъ въ Польшу по поводу послѣднихъ тамъ происходившихъ волненій. Покойный прусскій король удостоивалъ его своей благосклонности и онъ былъ даже кавалеромъ его свиты.

Вчера я узналъ, что тотъ же молодой Туссенъ, о которомъ ваше сіятельство упоминали въ одномъ изъ вашихъ писемъ ко мнѣ, прибылъ на дняхъ изъ Петербурга, откуда вывезъ различные товары для продажи ихъ здѣсь. Между прочимъ, привезены великолѣпные стѣнные часы. Я счелъ долгомъ своимъ предупредить о томъ ваше сіятельство, будучи съ глубочайшимъ уваженіемъ и откровенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Ив. Пестель*.

26-го октября 1790 г.

Копія съ письма къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ, отъ отставнаго бригадира *Ивана Владиміровича Лопухина*. *Ив. Пестель*.

Москва. 3-го ноября 1790 г.

16.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

31-го октября. Москва.

Братъ мой! Наконецъ, любезнѣйшій другъ, получилъ я письмо твое съ великимъ удовольствіемъ. Приложенныя къ моему по надписямъ отправлены.

Не знаю, почему ты сомнѣваешься о Екатеринѣ Ильиничнѣ ¹⁾. Я не слыхалъ, чтобъ она и нездорова была, и недавно отправлено къ тебѣ ея письмо, которое теперь уже должно быть въ твоихъ рукахъ.

Ты желаешь отъ меня подробнаго описанія объ участи Радищева. Я писалъ къ тебѣ все, что могъ узнать, въ прежнихъ письмахъ моихъ, которыя теперь всѣ почти должны быть у тебя. Что-жъ впредь узнаю, не оставлю сообщить. Нынѣ одни говорятъ, что уже не вѣлно его провозить въ Сибирь; а къ отцу; другіе — что онъ на дорогѣ умеръ. Первое можетъ быть правда въ разсужденіи милостиваго и соболѣзновательнаго сердца императрицына, не смотря на то, что онъ ее, сказываютъ, весьма оскорбилъ въ своей книгѣ, которую я еще и по сіе время не читалъ. Другое также могло случиться, особливо потому, что онъ на дорогѣ, между Петербургомъ и Москвою, былъ боленъ и здѣсь, сказываютъ, слабъ-же былъ. Вотъ, мой другъ, все, что могу сказать и впредь ничего отъ тебя не сокрою. Я знаю, что сердце твое должно интересоваться симъ несчастнымъ, и очень бы дурно рекомендовало себя въ глаза добродѣтельныхъ, ежели бы по двадцатилѣтнему знакомству и навыку любить его, холодно было къ нему во время его несчастія. Онъ самъ себя повергъ въ несчастіе—это правда, но тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Мнѣ никогда не случалось его въ лицо видѣть; но слыхалъ, что много имѣлъ достоинствъ. Что принадлежитъ до того, что, не взирая на дружбу вашу, сентименты ваши, въ разсужденіи религіи и политики, совсемъ не сходятъ, въ томъ я думаю теперь всѣ здѣсь увѣрены, кромѣ развѣ малаго числа несчастныхъ, которые не хотятъ себя лишать адскаго удовольствія—зло мыслить о людяхъ. Но есть, однако-жъ, такіе, и сіи-то, ежели у нихъ попросятъ помощи бѣдному или что подобное отъ нихъ потребуютъ, отвѣчаютъ: „вѣтъ я не мартинистъ“. Сіи-то не хотятъ допускать, чтобъ нѣкоторые друзья твои масоны, и ты въ томъ числѣ, не были бездѣльники, изверги, дураки. Ты скажешь, можетъ быть, что или то, или другое—дичь: не прогнѣвайся, сіи го-

¹⁾ Шварцъ.

спода не очень искусны въ различеніи свойствъ. Они говорятъ, что дѣла наши хороши, да можетъ-де намѣренія вредны!

И такъ, кто на улицѣ грабитъ, тотъ разбойникъ, а кто и милостыню подаетъ, тотъ подозрителенъ, не имѣеть-ли намѣренія къ грабежу. Но должно только жалѣть о сихъ бѣдныхъ разсужденіяхъ и быть спокойными. Богъ милосердъ, всевѣдущъ и правосуденъ. Государыню ничего, конечно, не можетъ подвигнуть губить невинныхъ.

И. Л.

И бумага вся, и спѣшу въ гости.

Реестръ копійамъ съ писемъ. № I—къ Ивану Владиміровичу Лопухину, въ Москву; № II—къ князю Николаю Никитичу Трубецкому, въ С.-Петербургъ. Сии два письма отъ Алексѣя Михайловича Кутузова изъ Берлина. № III—отъ Ивана Владиміровича Лопухина изъ Москвы къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ. Оригиналы по надписямъ доставлены быть имѣютъ. Ив. Пестель.

Москва. 9-го ноября 1790 г.

17.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

12-го (23-го) октября. Берлинъ.

№ I. Любезнѣйшій другъ! Два письма, одно—отъ 17-го, другое—отъ 21-го октября, получилъ я исправно; удивляюсь только тому, что получилъ ихъ въ одно время, хотя и въ разныхъ пакетахъ,—видно, что одно изъ нихъ задержано было внутри или внѣ предѣловъ російскихъ. Удивляюсь и тому, что ты не получаешь моихъ писемъ, которыя я отправляю прямо на твое имя, влагая въ твои пакеты письма къ князю Николаю Никитичу (Трубецкому), отъ котораго, по приѣздѣ его въ Петербургъ, получилъ я одно письмо.

Въ предшедшемъ твоемъ письмѣ жаловался ты на притѣсненіи и придирки со стороны намѣстника. Что сіе дѣлается, я сему не удивляюсь, привыкнувъ къ такимъ поступкамъ; но что сіе дѣлаетъ Прозоровскій, сему я дивлюсь,—и всегда почиталъ его чуждымъ таковыхъ низкихъ поступковъ¹⁾. Онъ казался мнѣ хотя угрюмымъ, но чловѣкомъ, любящимъ правду и правосудіе.

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій (р. 1732 † 9-го августа 1809 г.). Главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ съ 19-го декабря 1790 по 21-е марта 1795 г. Отзывъ Кутузова о князѣ совершенно ошибочный: Прозоровскій былъ чловѣкъ мелочной, придиричивый, способный на происки, а въ гоненіяхъ мнимыхъ республиканцевъ доходившій до инквизиторской жестокости. Потемкинъ, узнавъ о его назначеніи въ Москву, писалъ Екате-

Но, имѣя сіи свойства, можно-ли быть гонителемъ тебя и тебѣ подобныхъ?

Извѣстно мнѣ, что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за дозволенное отнимать у насъ podporу законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны-ли таковыя поступки въ благоустроенномъ государствѣ? Согласуются-ли оныя съ начертаніями нашей монархини? Все сіе заставляеть меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами! Всякій изъ нихъ почитаетъ себя мудрецомъ высшей степени; и кто же не ласкается симъ названіемъ, всякій приноситъ свое умствование, и отъ сего происходитъ исполненіе російской старинной пословицы: у семи нянекъ дитя безъ глазу. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползашему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою, попирая все своими мерзскими ногами, истребляя всѣ добродѣтели, все похвальное и великое, которое человѣка дѣлаеть человѣкомъ; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія. Да и какъ сему быть иначе? Всякое твореніе имѣетъ свои предѣлы пребыванія въ нихъ; всѣ силы находятся въ дѣйствіи, ибо суть сообразны, сосродны окружающему сіе творенію; но, выступая изъ сихъ предѣловъ, все встрѣчающееся ему есть противородно и всѣ силы его суть недѣйствительны или дѣйствуютъ развратно. Отгадывать мысли человѣческія есть присвоеніе правъ Божіихъ, ибо Ему единому открыты сердца наши и помышленія.

О, мой другъ, сердце мое содрогается при начертаніи сей легко

ринѣ II: «Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непременно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобъ она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества». Князь Прозоровскій, дѣйствительно, запятналъ послѣднія страницы исторіи царствованія Екатерины. Ему принадлежала мысль — секретнаго вскрытія въ Москвѣ чужихъ писемъ — мѣры правительства Великой Екатерины недостойной. Кн. Прозоровскій въ теченіе пяти лѣтъ невозбранно осуществлялъ эту мѣру при усердномъ содѣйствіи своего клеветы Пестеля. (См. «Новиковъ и Московскіе Мартинисты» — М. Н. Лонгинова. Москва, 1867 г., стр. 301; также «Русскій Вѣстникъ» 1858 г., № 15, стр. 457).

Ред.

только начертанной картины. Ежели-бъ наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлають, вострепетало бы ея нѣжное челоуѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечелоуѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность; я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что частію сами мы причиною сего. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ; для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престоль. Она челоуѣколюбива, она правосудна, безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи; собственная ея польза требуетъ сего, ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ.

Пьеса „О силѣ вѣры“ вышла совершенно изъ моей памяти; отпиши, пожалуйста, пообстоятельнѣе, и тогда постараюсь удовлетворить твоему желанію.

Книга „Georg Neminis“ мнѣ извѣстна, въ ней много хорошаго и истиннаго. Пріятели мои удивляются ея появленію и радуются, что въ нынѣшнее время есть еще люди, идущіе симъ путемъ.

Прости, мой сердечный другъ, разцѣлуй Петра Владиміровича (Лопухина) и всѣхъ нашихъ.

Въ заключеніе скажу, ежели бы знали истинныя наши расположенія, престоли бы насъ гнать и наши бы насъ послушнѣйшими и вѣрнѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наущаютъ. Что дѣлать! Оградимся терпѣніемъ, предався въ волю Всевышняго, управляющаго все на благо. Смѣло можно сказать, что изъ среди насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленная, есть совершенное противорѣчіе. Прости, сердечный другъ.

18.

А. М. Кутузовъ—Н. Н. Трубецкому.

12-го (23-го) ноября 1790 г. Берлинъ.

№ II. Любезнѣйшій другъ! Письмо ваше отъ 1-го ноября, подъ № 28, я вчерась получилъ исправно. Не удивляюсь вашему разсѣянію. Сему и быть нельзя иначе, увидѣвшись со сродниками и друзьями послѣ столь долговременной разлуки, наипаче въ такомъ городѣ, каковъ Петербургъ. Желая, однако-жь, чтобъ сіе разсѣяніе не продлилось на долго и не имѣло вліянія на вашу внутренность. Наружность зависитъ часто отъ постороннихъ предметовъ, но внутренность бываетъ всегда во власти нашей. Я разумѣю тутъ истиннаго челоуѣка, а не

того, котораго называютъ симъ именемъ. Можно и посреди шумнаго, многочисленнаго собранія быть наединѣ, равно какъ отшельнику, сидя въ своей хижинѣ, находиться въ толпѣ людей веселящихся. Чистому все чисто, и такъ, дай Боже, вамъ сію чистоту; не сомнѣваюсь о прочемъ.

Вы не пишете ничего, какъ вы были приняты императрицею и не удостоены-ли вы были ея разговоровъ. Признаюсь, что я весьма симъ интересуюсь.

Странное дѣло, вы не отвѣчаете ничего на мое письмо касательно моей особы, что для меня весьма важно, то-есть: не увѣдомляете меня о дѣйствиі Радищева книги, которая, какъ я слышу, приписана мнѣ; пожалуйста, увѣдомьте меня, я весьма симъ беспокоюсь.

На сихъ дняхъ читалъ я мое письмо, писанное въ отвѣтъ на первую его книгу. Противу моего обыкновенія осталось у меня черное: я разсматривалъ его строго, но признаюсь, не нашелъ ничего, что бы могло повредить мнѣ въ глазахъ безпристрастнаго человѣка. Ежели-бъ сіе письмо не было довольно длинное, я бы сообщилъ вамъ оно, дабы и вы могли судить о немъ. Я увѣренъ, что сіе письмо взято купно съ прочими бумагами несчастнаго моего друга.

Мой другъ! Я, слава Богу, здоровъ и, не взирая на мою скверность, вижу явные знаки милосердующаго мнѣ всевышняго существа. Оно не перестаетъ изливать на меня неизреченныя свои щедроты. Благодѣяніе его приходитъ съ такой стороны, откуда бы и не могъ ожидать сего. Я могу сказать, что не я ищю, но бываю взыскаемуъ. Сколько же я гнусенъ долженъ казаться при такомъ размышленіи! Прости, мой другъ; дай, Боже, вамъ всѣмъ благополучія.

19.

И. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову.

5-го декабря 1790 г. Москва.

№ III. Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего. Сей Богъ и Творецъ нашъ, спасенія нашего ради воплотившійся, да дастъ тебѣ въ душевномъ и тѣлесномъ здравіи проводить новое лѣто и впредь многія при возрастаніи благополучія вѣще и вѣще.

У насъ все здорово. Тургеневъ нашъ поѣхалъ въ Петербургъ для деревенскаго дѣла въ сенатѣ и для прогулки. Хотѣлось мнѣ очень послать сегодня къ тебѣ вексель, но еще никакъ не могъ.

Прощай, сердечный братъ! Болѣе писать недосугъ. Mille complimens au Baron, que je vous prie d'embrasser de ma part (тысячи любезностей барону, коего прошу васъ обнять за меня).

На сиду получилъ письмо отъ Колокольникова и Невзорова. Они отправились для практики въ медицину въ Швейцарію, куда проѣдутъ, не захватывая Франціи и даже Брабанта, гдѣ, они пишутъ, еще болѣе мятежный духъ царствуетъ. Изъ послѣдняго письма сего вижу я, что они, кромѣ моего совѣта, сами собою мерзя онимъ мятежничествомъ, удаляются подверженныхъ тому мѣстъ. Какой это démenti (опроверженіе) здѣсь клеветущимъ насъ, какъ я прежде тебѣ писалъ, пакостнымъ язычкамъ!

Копія съ письма къ Алексію Михайловичу (Кутузову) въ Берлинъ отъ отставнаго брегадпра Ивана Владиміровича Лопухина. Оригиналъ, во исполненіе воли вашего сіятельства, удержанъ. Ив. Пестель.

Москва. 10-го ноября 1790 г.

20.

И. В. Лопухинъ — А. М. Бутузову.

7-го ноября 1790 г. Москва.

Здравствуй, другъ любезный! Я довольно здоровъ, слава Богу! Здѣсь настала зима и Москва-рѣка замерзла, И такъ, теперь, точно, то время, въ которое ты знаешь, что другъ твой, засуча рукава, гораздо охотнѣе и больше обыкновеннаго шагаетъ по улицамъ. Вить и это господа примѣчатели, неизмѣющіе привѣтливости, кладутъ мнѣ на счетъ мартинизма. Однако-жь, разсужденія ихъ, право, не стоятъ того, чтобъ я для нихъ лишилъ себя лучшаго средства къ сохраненію моего здоровья.

Очень беспокоюсь я тѣмъ, что очень давно не имѣю писемъ отъ Колокольникова и Невзорова. Они въ Лейденѣ окончивъ курсъ ученія, получили довторство и намѣрены были для экзерциціи ѣхать въ Парижъ, какъ обыкновенно всѣ учащіеся медицину. Требовали на то моего совѣта и денегъ на путешествіе. Я къ нимъ писалъ, чтобъ они въ Парижъ не ѣздили и потому, что я, въ разсужденіи царствующей тамъ нынѣ мятежности, почитаю за полезное избѣгать тамошняго житія, и что, сверхъ того, я слышалъ, что всѣхъ русскихъ велѣно отъ двора нашего выслать оттуда. И, правда, нечего тамъ добра учиться. Отдалъ на ихъ разсужденіе, съ совѣта профессоровъ ихъ Лейденскихъ, ѣхать, куда они заблагоразсудятъ, кромѣ Франціи; послалъ къ нимъ денегъ уже тому болѣе двухъ мѣсяцевъ, но по сіе время отвѣту не имѣю, не зная, что имъ приключилось.

Подумай, братецъ, что нашлись такіе злоязычники, которые утверждали, будто они во Франціи и посланы отъ насъ воспитываться въ

духъ анархическомъ. И за чѣмъ то? Ну, этого пересказать нельзя, потому что очень безтолково говорено. Да и можно-ли толковито говорить негѣлости такія. Собирая всѣ черныя стороны, не могу я себѣ вообразить, что можно подумать на счетъ послышки бѣдныхъ студентовъ, кромѣ того намѣренія, которое въ самомъ дѣлѣ есть, си-рѣчь: помочь имъ—сдѣлать состояніе честное и отечеству полезное.

Я не знаю, почему оные господа вздумали, что мы охотники до безначалія, котораго мы напротивъ больше, думаю, знаемъ вредъ, нежели они и по чистѣйшимъ причинамъ отвращеніе къ нему имѣемъ. Они воспѣвають власть тогда, когда, пользуясь частичкой ея, услаждаются и величаются надъ другими; а какъ скоро хотя немножко имъ не по шорстки, то уши прожужжать жалобами на несправедливости и проч. Кричатъ: вѣрность, любовь къ общему благу! Полноте — хуторишки свои, чины да жалованье на умѣ. А кабы спросить этихъ молодцовъ хорошенько, что такое вѣрность, любовь, благо, такъ бы въ пень стали.

Я слыву очень мартинистомъ (хотя не знаю, ни вѣдаю, что есть мартиниство), отъ природы очень не любостыжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостнаго. Но притомъ молю и желаю, чтобъ никогда въ отечество наше не проникъ тотъ духъ ложнаго свѣбодолюбія, который сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и который, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ. При сказанномъ же расположеніи моемъ, смѣю вѣрить, что мнѣніе мое безпристрастно.

Другое о насъ говорятъ, или, лучше сказать, говорили, теперь, кажется, перестали. Что же? Вить, право, такая мѣшанина, что трудно растолковать. Говорятъ, что насъ обманываетъ и грабитъ Новиковъ. Говорятъ для того, что это говорить хочется, и не хотятъ принимать челоуѣколюбиваго труда лучше узнать обстоятельства. Челоуѣколюбиваго труда говорю, по резону тому, чтобы, узнавши вѣрнѣе, освободили себя отъ весьма непохвальнаго упражненія—ругать по городу людей честныхъ и чернить ихъ въ публикѣ, чего наилучшій успѣхъ, вѣдь, можетъ быть тотъ одинъ, чтобъ и подлинно очернить или, лучше сказать, однихъ гражданъ обратить ненавистію на другихъ, то-есть, въ прямомъ смыслѣ, заводить вражду. А кабы лучше узнали, такъ бы увидѣли первое: что никто изъ насъ, коихъ, считаютъ обманутыми, не почитаетъ Новикова за оракула, слѣдовательно, онъ и обманывать не можетъ; второе: что есть изъ того-жъ числа такіе, у которыхъ ни въ чемъ алтыннаго за грошъ не выторгуютъ сами тѣ господа, которые прозорливо думаютъ на насъ смотрѣть.

Мы, говорятъ они, разоряемся на наши заведенія типографическія и прочія, которыя, по ихъ же словамъ, хороши, да для чего

то-де дѣлается? Ну, на это послѣднее можно имъ коротко отвѣчать съ однимъ, не помню какимъ авторомъ: „Tes rougquoi ne finira jamais“ (Твоимъ „почему“ конца не будетъ). Въ разсужденіи же перваго, то я не знаю, для чего они не жалѣютъ и не заботятся больше о тѣхъ, которые разоряются, проигрываясь, желая обыгрывать, пропиваютъ, проѣдаютъ, простраиваютъ и на разныя проказы издерживаются. И, вдобавокъ, говорятъ это такіе, которые сами въ долгахъ и разорились. Я бы не хотѣлъ промѣняться съ ними.

Нѣкоторые мнѣ говорили: какъ не стыдно торговать дворянамъ книгами и аптекою. Я краснѣлся отъ ихъ безстыдства. Какъ можно ставить оное въ стыдъ имъ, не считающимъ за стыдное торговать винными откупамъ и продажей въ рекруты. Я говорилъ имъ, что, я думаю, нѣтъ торговли, которая бы въ строжайшемъ смыслѣ была честнѣе книжной и аптечной; ибо они одну пользу людямъ приносятъ. Могутъ быть, правда, книги очень вредныя, но у насъ они не могутъ быть, ибо безъ цензуры нельзя печатать; а ежели бы это хотѣлъ нецензорованныя книги распускать, то никто сего, кромѣ безумнаго и отчаяннаго, сдѣлать не можетъ, понеже нельзя здѣсь ни одной книги выпустить такъ, чтобъ не провѣдали, отъ кого вышла. Третье: что упражненіе въ масонствѣ отводитъ отъ службы и мѣшаетъ ей и что мы странны. На сіе говорилъ я такъ заключающимъ, что хотя теперь я не бываю въ ложахъ, коихъ нынѣ у насъ и нѣтъ, но навсегда привязанъ къ истинному масонству, которое не можетъ мнѣ ни въ чемъ добромъ помѣшать, будучи наукою добра. Ибо, что есть истинное масонство? Христіанская нравственность и дѣятельность есть въ немъ основаніе къ ученію о Богѣ, о натурѣ и человѣкѣ. Наука наилучшая! и можетъ-ли помѣшать чему, кромѣ какъ злему? Можетъ-де человѣкъ, для упражненія въ ней, оставить всѣ прочія упражненія. Ну, ежели бы это съ нѣкоторыми и случилось, что за бѣда? Поэтому вредны обществу и христіанство, и философія, и физика, и всѣ науки, которымъ иные совершенно посвящаются. Иной скажетъ, что, можетъ быть, Макарій, Невтонъ, Лейбницъ лучшіе бы стряпчіе были, ежели бы не были отведены своими упражненіями. Не пожалѣть-ли и о нихъ? Я увѣренъ, что какъ бы масонство не распространялось, но пока стряпчіе, напимѣръ, нужны въ мірѣ семъ, найдутся въ нихъ всегда и не изъ масоновъ, ежели бы сіи и подлинно не годились.

Но какъ не мѣшаетъ масонство въ службѣ всякаго рода, сему можно видѣть примѣръ и здѣсь на тѣхъ, которыхъ почитаютъ мартинистами и которые служили или служатъ, не нарушая скромности, довольно сказать, что ни чѣмъ не хуже другихъ и, конечно, никакою безчестностію въ службѣ опорочены быть не могутъ, развѣ та-

кіе, кои одно только имя масоновъ носятъ, а по существу давно отчислены отъ добрыхъ.

Я самъ долго здѣсь былъ, какъ тебѣ извѣстно, въ уголовной палатѣ, но во все время (не смотря на то, что послѣдній главнокомандующій, Брюсъ¹⁾, былъ противъ меня) ни одно дѣло не опорочено, а я отставленъ милостиво и съ награжденіемъ. А генераль-прокуроръ, въ бытность его въ Москвѣ, послѣ того, по крайней мѣрѣ, при 50-ти человѣкахъ изъявлялъ мнѣ отъ сената благодарность за отлично-добрую службу и сожалѣніе о томъ, что я взялъ отставку. И я взялъ ее не для масонства, а для того, чтобъ не убить девятый десятокъ живущаго отца, который бы не перенесъ отрѣшенія меня отъ службы, что мнѣ письменно послано было за то, ежели я въ двѣ недѣли не рѣшу такого дѣла, изъ котораго надобно было, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ одинъ экстрактъ слушать. И сему въ основаніи причиною былъ предразсудокъ противъ масонства, и я въ объясненіи моемъ наединѣ съ Брюсомъ, который хотя очень былъ противъ меня, но скажу, что имѣетъ много благородства въ сентиментахъ, сказалъ ему то-жъ, что масонство не мѣшаетъ, а пособляетъ доброму отправленію должности, вѣрности въ подданствѣ и любви къ отечеству, и что я не могъ бы быть тамъ, гдѣ бы хотя мало было что противнаго симъ священнымъ для меня должностямъ, что, впрочемъ, я за безчестное почитаю вещь, одобряемую сердцемъ и разумомъ моимъ, оставлять въ угожденіе предразсудкамъ. А что, ежели бы я по сей матеріи какъ-нибудь обнесенъ былъ и самой государынѣ моей, къ которой преданность и точно сыновнюю любовь мою самъ Богъ видитъ, то долгъ чести требуетъ, чтобъ онъ, яко начальникъ, оправдалъ меня предъ нею, и что я увѣренъ въ разсужденіи мудрости и благодушія, что она, узнавъ, съ какой стороны и къ какому масонству я привязанъ, не поставитъ мнѣ сего въ преступленіе.

Вотъ, мой другъ, какъ я иногда говорю съ атакующими нашу братью.

Что-жъ принадлежитъ до странности, то я, право, не знаю, съ чего мы имъ странны кажемся, развѣ у нихъ мальчики въ глазахъ? Не ходя далеко, посмотрю на себя, вспомню тебя: молодцы, право, предъ тѣми, которые насъ странными называютъ. Полно, для здѣшней публики немного надобно, чтобъ разжаловать изъ умныхъ въ дураки и сему подобное. Репнина пожаловали въ мартинисты и

¹⁾ Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 4-го сентября 1784 по 28-е іюня 1786 г. Скончался въ 1791 г.

страннѣ потому, что онъ почувствовалъ гнусность гордости, да провѣдали о немъ, что онъ молится Богу и вѣрить во Христа ¹⁾).

Какая же вывѣска, что не мартинистъ? Это я собою испыталъ. Прошлаго году случилось мнѣ въ одной веселыхъ пріятелей бесѣдѣ много пить и нѣсколько подпить; такъ одинъ изъ нихъ (люди же были не безъ знати въ публикѣ) говорить съ великою радостію, какъ бы городъ взялъ: „какой ты мартинистъ, ты нашъ!“ Я и согласился. Правда, говорю, вздохнувъ про себя, особливо на сейчасъ.

Довольно, кажется, *caracteristique*.

Впрочемъ, надобно во многомъ извинить невѣжество, заключающее дурно о масонствѣ, вообще по причинѣ многихъ злоупотребленій отъ носящихъ имя онаго и незнающихъ и немогущихъ знать истиннаго. Правда, изъ чего не можно сдѣлать злоупотребленія, нѣтъ такого установленія въ мірѣ. Но такъ смотрять на вещи только одни благоразумнѣйшіе; бѣлая же часть, что видять, то и бредять. Вавилонская работа въ масонствѣ такъ нынѣ распространилась въ Европѣ, что очень кстати говорить Falck: „*wer nimmt nicht auf und wer ist nicht aufgenommen?*“ (кто ни принимаетъ, и кого только ни принимаютъ?) И такъ, диковинка-ли, что много бездѣльниковъ изъ такого множества людей. Но сіе, конечно, не относится на вещь, которую они во зло употребляютъ, особливо сіи новопоявившіеся въ мірѣ иллюминаты, сколько я видѣлъ изъ журналовъ и книгъ. Здѣсь, однако-жъ, кажется, ихъ нѣтъ, слава Богу! Въ Москвѣ же, кажется, можно сказать увѣрительно, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ. Дай Богъ, чтобъ они здѣсь и не заводились. Они скорѣе полюбятся.

¹⁾ Кн. Николай Васильевичъ Репнинъ род. 1734 г.; участникъ въ войнѣ Россіи съ Пруссіей, полномочный министр—сначала при дворѣ Фридриха Великаго (1762 г.), потомъ въ Польшѣ; онъ ознаменовалъ себя какъ дипломатическими, такъ и ратными подвигами, именно въ войнѣ съ Турціею (1769—1774 гг.). Имъ подписанъ славный договоръ Кучукъ-Кайнарджискій. Въ 1777 г. генераль-губернаторъ Смоленскій, намѣстникъ Орловскій, потомъ опять воинъ-дипломатъ (конгрессъ Тешенскій, 1779 г.), Репнинъ получая почестъ за почестью, въ 1784 г. сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Андрея. Въ 1790-мъ году, т. е., въ то время, когда И. В. Лопухинъ писалъ о немъ своему другу А. М. Кутузову, Репнинъ командовалъ русскими войсками въ Молдавіи. Репнинъ умеръ 12-го мая 1801 г.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ писалъ къ нему чувства восторженнаго поклоненія: «кн. Николай Васильевичъ Репнинъ» писалъ Лопухинъ въ своихъ Запискахъ, «былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, истинныхъ героевъ, любителей высочайшей добродѣтели, которыхъ дѣянія читаютъ въ исторіи съ восторгомъ удивленія и коихъ величію не понимающіе совершенства добродѣтели не имѣютъ силы вѣрить».

Ред.

Вѣтъ они своимъ знакомымъ не будутъ рекомендовать греческихъ отцовъ, да Кемписовъ (Тома Кемпійскій), Арндтовъ и проч.

А ргоровъ объ Арндтѣ. Еще господа, не жалующіе насъ, выводятъ какъ-то изъ него, что мы отвергаемъ чудеса. Вотъ тутъ играютъ защитниковъ религіи, только такъ не впадай, что, право, съ ними и грѣхъ, и смѣхъ.

Вотъ тебѣ, мой другъ, полная реляція и не только реляція, но и диссертация. Можетъ быть, она на нѣсколько минутъ тебя повеселитъ и полегчитъ твою ипохондрію. Не прибавила бы она ея, мой другъ, и не подумалъ бы ты, что здѣсь беспокоютъ друзей твоихъ. Нѣту, право, ничего и мы живемъ очень спокойно, *grace au Regne de Cathérine II* (благодаря царствованію Екатерины II). А я рассказываю тебѣ рассказы, которые рассказываютъ здѣсь люди на досугѣ, думая дѣлать дѣло.

Я нынче много ходилъ, мнѣ легко, такъ я и расписался. Но ужъ пора кончить; уже по всѣмъ церквамъ завринуя (заутрена). Знаю, что ты меня побранишь за позднее сидѣніе. Правда, оно мнѣ много повредило здоровью. Нынче перестаю и очень рѣдко это случается. Теперь гораздо отпустили мнѣ геморроиды, которые и во всякое время не позволяютъ мнѣ долго сряду сидѣть за дѣломъ, особливо послѣ тяжелой прошлогодней болѣзни моей. Одинъ докторъ тогда мнѣ сказалъ напрямикъ:

— „Когда начнутся жары, тогда вы начнете разрушаться“.

Многіе изъ нихъ думали, что злая чахотка; однако-жъ, слава милосердому Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу, удивительно, какъ скоро я выдоровѣлъ и потолстѣлъ-было.

Вотъ еще вывѣска немартиниста: чтобъ брюхо было большое; однако-жъ, я его не хочу, пусть слыу мартинистомъ. Прости, сердечный другъ и братъ мой. Заочно обнимаю тебя, когда-то, въ самомъ дѣлѣ, будетъ имѣть сіе удовольствіе *И. Л.*

О Радищевѣ ничего не знаю, не будучи знакомъ съ его знакомыми или интересующимися о немъ. Послѣ письма послѣдняго моего къ тебѣ, ничего не слышалъ. Отпишу къ тебѣ, ежели узнаю, что онъ умеръ или живъ. Въ послѣднемъ случаѣ желаю, чтобъ онъ воспользовался своимъ несчастіемъ на переиѣну своихъ мыслей.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Во исполненіе воли вашего сіятельства, не премину я оригиналъ извѣстнаго, слѣдующаго въ Берлинъ, письма оставить здѣсь. Я уже принялъ осторожнѣйшія мѣры узнать, чрезъ кого они деньги отправляютъ къ извѣстнымъ студентамъ¹⁾, находящимся нынѣ въ Па-

¹⁾ Колокольниковъ и Невзоровъ.

рижѣ. Чувствительно мнѣ жаль, что все мое стараніе по сіе время было бесполезно въ открытіи какого-либо еще корреспондента, кромѣ Кутузова, съ сею сектою.

Имѣя честь представить у сего копию съ вышереченнаго письма, съ глубокимъ почтеніемъ пребыть счастіе имѣю, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ив. Пестель.

Москва. 10-го ноября 1790 г.

21.

Николай Михайловичъ Карамзинъ—А. М. Кутузову.

№ 3¹⁾. Я пріѣхалъ, когда-то вы пріѣдете, любезнѣйшій братъ. О себѣ могу сказать только то, что мнѣ скоро минеть 25 лѣтъ, а въ то время, когда мы съ вами разстались (1787 г.), не было мнѣ и двадцати двухъ. Если я перемѣнился то, по крайней мѣрѣ, не въ любви моей къ вамъ. Въ другое время поговоримъ болѣе, а теперь простите, любезнѣйшій братъ. Будьте здоровы и веселы и пріѣзжайте скорѣе къ намъ. Вашъ вѣчный братъ—Н. Карамзинъ.

Люблю тебя, другъ мой, и хочу, чтобъ ты меня также любилъ. Вѣрная Кутузова, Алексаша.

Копія съ письма къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ отъ оставнаго бригадира Ивана Владиміровича Лопухина.

Г. Лопухинъ начинаетъ свое письмо извѣщеніемъ о полученіи съ послѣднею почтою письма отъ г. Кутузова; но сіе не можетъ быть справедливо, потому что съ послѣднею почтою вовсе изъ Берлина въ полученіи писемъ не было. Ив. Пестель.

Москва. 20-го ноября 1790 г.

22.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

18-го ноября. Москва.

Любезнѣйшій другъ! На послѣдней почтѣ получилъ я, къ великому моему удовольствію, любезное письмо твое. Приложенное къ оному по надписи отправилъ. Милосердый Богъ да врачуетъ душу твою и да благословляетъ средства, употребляемыя тобою къ изцѣленію тѣла. Гораздо-ли убыла шишка твоя и совсѣмъ-ли прошли вертжи?

Здѣсь послѣ сильныхъ морозовъ, такъ что Москва-рѣка стала, сдѣлалась теперь оттепель и претяжелая погода, а особливо для

¹⁾ Первые двухъ не имѣется въ нашемъ собраніи переюстрацій. Ред.

геморроидальныхъ. Я страдаю, лишень лучшаго моего лекарства, т. е., прогулки пѣшкомъ. Хожу по двору и около, да этого для меня, ты знаешь, не довольно. Только-было я дождался погоды по себѣ и началъ разгуливаться,—собирался уже пѣшкомъ идти обѣдать къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому, подѣ Донской и оттуда пѣшкомъ же, что я и понынѣ еще безъ большой усталости дѣлаю,—какъ проснувшись увидѣлъ дождь и грязь по мѣстамъ. Хорошая погода, особливо морозы, для меня не изъ послѣднихъ благъ.

Согласенъ я, сердечный другъ, со мнѣніемъ твоимъ объ уединеніи и деревенской жизни; самъ имѣю великую наклонность къ обѣимъ. Часто скучаю столь давно продолжающимся безъѣзднымъ житьемъ моимъ въ Москвѣ; но при томъ желаю, чтобъ скука сія, сколько можно больше, продолжалась, ибо мы живемъ здѣсь такъ для батюшки, котораго состояніе глубокой старости не позволяетъ отсюда уѣзжать и котораго жизнь мнѣ очень драгоценна. Боже, продолжи ее!

Что-жъ принадлежитъ до того, что гдѣ больше удобностей достигать до высочайшей добродѣтели,—посреди-ли многолюдства или въ уединеніи, то я думаю, что это разное по разнымъ свойствамъ людей, по мѣрѣ моральнаго возраста и по различнымъ отношеніямъ къ жизни. Часто занятія мірскія и самыя пустыя могутъ, думаю, съ пользою отводить отъ безвременнаго упражненія въ умствованіи, которое, при не очищенномъ умѣ, можетъ иногда быть вреднѣе, нежели оныя. Часто при шумѣ многолюдства не являются тѣ враги, и самыя опасныя, которые при внѣшней тишинѣ нападаютъ на неочищенное-жъ сердце, носимое волнами внутренняго моря. Ежели не истребится въ человѣкѣ матерія, воспаляемая соблазнами людскими, то и въ самой пустынѣ даже можетъ она зажигаться тварями, обитающими въ его воображеніи. А ежели родится въ немъ любовь къ совершенному добру, то онъ вездѣ, во всемъ и чрезъ все будетъ имѣть въ виду оное, такъ какъ гордый—почестей, сладострастный—плотоугодія, скупой—прибытка во всемъ ищутъ и видятъ, и такому всякой предметъ, всякое дѣло могутъ быть стезями къ достиженію высочайшей добродѣтели. Впрочемъ, я думаю, что безвинно можетъ удалиться отъ общества тотъ токмо, кто сіе можетъ сдѣлать, не наруша ни единого обязательства съ онымъ. И я весьма согласенъ, мой другъ, съ тобою, что знахореть, по собственному своему плану таковымъ сдѣлавшись, есть тунеядецъ. Ну, ежели бы слышали меня здѣсь, такъ разсуждающа, вѣрно сказали-бъ, что разговариваю съ духами, или, по крайней мѣрѣ, теперь только отор-

вался отъ чтенія „Des Erreurs et de la Vérité“ (о заблужденіяхъ и истинѣ), хотя я ее уже болѣе осьми лѣтъ не читалъ; духъ же одинъ табачный теперь часто мнѣ въ носъ попадаетъ. Да не стану я этакъ разговаривать въ бесѣдѣ насмѣшниковъ надъ нашею братіею и гонителями, хотящихъ, ища, насъ поглотити.

Всѣ твои друзья, сколько я знаю, здоровы. Николай Ивановичъ (Новиковъ) съ іюня живетъ въ деревнѣ своей и весьма закономился. Жена его здѣсь, теперь брюхата; скоро должна родить и онъ къ тому времени пріѣдетъ.

Что-жъ сказать тебѣ новаго? Килія взята; скоро ожидаемъ взятія Измаила, и, не смотря на всѣ нѣмецкія штуки, любезное наше отечество торжествуетъ, остается побѣдоноснымъ и симъ исполнится давнее гаданіе твое.

А проросъ, еще я не писалъ къ тебѣ, что бѣдный Энгалычевъ лишенъ своего мѣста, слѣдовательно и пропитанія, котораго онъ, конечно, не запасъ, сидя въ ономъ судѣ, отъ котораго отрѣшенъ. Всѣ они, надворные судьи сего департамента, отрѣшены и отданы въ уголовную палату. Еще при Петрѣ Дмитріевичѣ (Еропкинѣ) ихъ туда тянули и главная цѣль была на Энгалычева, но не натянули; а отданы уже при нынѣшнемъ главнокомандующемъ. Съ начала учрежденія суда всѣ ошибки выписаны, за кои они разнымъ образомъ и штрафованы были въ свое время, и мнѣ нѣсколько разъ случалось пощунать изъ палаты, да это и во всѣхъ судахъ водилось и водится. Какъ безъ ошибокъ? на то и ревизія разныхъ мѣстъ учреждена очень мудро, чтобъ поправлять оныя. Изъ послѣднихъ же ихъ проступковъ первая такая, въ которое самое губернское правленіе столько-жъ виновато, какъ и она, и еще болѣе можетъ быть, ибо оно—дирекціонное мѣсто. Впрочемъ, мы знаемъ, что Энгалычевъ ничѣмъ не корыстовался, что онъ человекъ очень неглупый и существенное въ уголовномъ судопроизводствѣ знаетъ никого не хуже, а лучше многихъ. Мнѣ очень знакомо сужденіе здѣшней губерніи, бывъ долго у меня подъ главною ревизіею. Весьма много къ чести его служить то, что онъ держалъ сторону бѣдныхъ противъ богатѣй, что ему сдѣлало много непріятелей.

Въ отсылкѣ его къ суду не можно обвинять Прозоровскаго, которому трудно было тутъ остеречься, особливо потому, что это было еще почти при началѣ вступленія его въ главнокомандованіе. Надобно сказать правду о семъ князѣ. Въ немъ очень много попечительности, стремленія къ правосудію и благоустройству. Недавно читалъ я предписаніе его палатѣ о порядкѣ въ судѣ и ревизіи уголовныхъ дѣлъ, которое мнѣ очень полюбилось и показываетъ его искусство и вниманіе. Любви бы побольше, любви, да не тѣхъ только слушать, ко-

торые бранять мнимый мартинизмъ и все бранить готовы, лишь-бы поправиться. Противъ насъ, это правда, что онъ преисполненъ предубѣжденій и несправедливости. Теперь ничего, кажется, не дѣлаетъ.

Да и что-жь дѣлать? Ложь (масонскихъ) нѣтъ, книги печатаются только такія..., и не могу сказать какія, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь нынѣ знать о типографской работѣ. Сказки да побаски, только для выручки денегъ на содержаніе. Впрочемъ, со мною лично, когда мнѣ случалось пріѣзжать къ нему и быть звану на праздники, онъ ласковъ и учтивъ. Не оказывалъ, правда, никогда желанія имѣть меня часто въ своемъ домѣ, но я сего и не ишу, и для того, что я не бригирую (не домогаюсь) ничего знакомства, и для того, что имѣю нѣкоторую нѣжность менажировать (щадить) и самыя въ людяхъ слабости, изъ коихъ въ немъ, кажется, не послѣдняя та, чтобъ не прослыть знакомымъ съ тѣми, кои слывуть мартинистами.

Что онъ сего избѣгаетъ и какъ бы боится и для очистки иногда излишнее на счетъ таковыхъ скажетъ, сіе очень ясно изъ поступка его съ Иваномъ Петровичемъ (Тургеневымъ), который и очень былъ коротокъ съ нимъ, какъ ты знаешь, и который нынче и не беспокоитъ его своими пріѣздами, оставаясь всегда ему благодарнымъ за его одолженія и всегда любя его. Какъ же быть! Кто бабѣ не внукъ.

Какъ странно можно предубѣдиться этому, я недавно видѣлъ опытъ въ смѣшномъ и бездѣльномъ со мною приключеніи. У насъ въ сѣняхъ желѣзныя двери; возвращаясь съ прогулки домой, въ шагахъ 10-ти отъ оныхъ дверей, видя ихъ затворенными, вздумайся мнѣ, что они заперты. Подошедъ къ нимъ, стучусь, чтобъ отперли,—малый бѣжить, отворяетъ и говоритъ: „они, сударь, не заперты были, а только отъ вѣтру притворены, чтобъ не хлопали“. Такъ-то и о мнимомъ у насъ мартиниствѣ. Вздумайся людямъ, что тутъ есть что-то худое, котораго нѣтъ и не бывало. Еслибъ они попробовали разумно и безпристрастно разсудить, такъ бы по пустому не шумѣли: и я бы тогда не стучалъ по напрасну, попробувавъ прежде отворить.

Вотъ какъ я въ другой разъ сряду расписываюсь къ тебѣ, любезный другъ и братъ! Прости! Напоминаемое тобою исполню, какъ скоро найду.

Отъ Колокольниковова и Невзорова все не имѣю писемъ.

И. Л.

Здравствуй, мой другъ!

О Радищевѣ слышу теперь, что онъ живъ: вотъ все, что могу о немъ сказать, а гдѣ—не знаю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

1796 ¹⁾.

Шведскій король въ Петербургѣ.

Послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II былъ ознаменованъ въ ея семействѣ событіемъ печальнымъ, которое имѣло, какъ полагаютъ, гибельное вліяніе на здоровье государыни и, можетъ быть, способствовало ея кончинѣ. То было сватовство короля шведскаго Густава IV Адольфа за великую княжну Александру Павловну, старшую дочь великаго князя Павла Петровича, любимую внучку Екатерины II. Хотя отличительною чертою русской политики, со временъ Петра Великаго, всегда была незлопамятливость въ отношеніи иностранныхъ державъ, заключавшихъ миръ съ имперією, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, родственныи союзъ Россіи со Швецією возбудилъ удивленіе во всей Европѣ. Онъ былъ задуманъ Екатериною II и Густавомъ III тотчасъ по окончаніи войны, столь безславной для короля шведскаго, когда, одновременно съ пораженіемъ шведскихъ войскъ на сушѣ и на морѣ, Екатерина II, осыпая короля насмѣшками въ своихъ письмахъ къ приближеннымъ ²⁾, предавала Густава осмѣянію даже на театральныхъ под-

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г. т. VIII, стр. 649—690; 853—884; изд. 1874 г. т. IX, стр. 37—56.

²⁾ См. «Русская Старина», томъ IX, стр. 873, 879. Письма Екатерины II къ римскому императору и къ великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ. Ред.

моствахъ ¹⁾). Причины этого рѣзкаго перехода отъ недавней ненависти къ пріязни заключались въ неурядицѣ, порожденной французскою революціею въ политической системѣ Европы. „Злое существо милѣе злѣйшаго“, сказалъ Шекспиръ, и въ сознаніи этой истины, для противодѣйствія революціи французской, Екатерина II дружески протянула руку недавнему врагу Россіи, но еще того злѣйшему противнику Франціи ²⁾. Не прошло и году со времени заключенія мира Швеціи съ Россіею (въ Варелѣ, 14-го августа 1790), какъ въ Дротнинггольмѣ былъ между ними подписанъ новый трактатъ, обезпечившій Густаву III со стороны с.-петербургскаго кабинета денежную помощь, съ условіемъ, чтобы она была употреблена для дѣйствій противъ французской революціи. На сеймѣ, созванномъ въ Гефле (23-го января 1792 г.), король обсуждалъ способы къ приведенію въ порядокъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, съ цѣлію посвятить себя отважному, но непосильному предпріятію, раздавить революціонную гидру. Ослѣпленный этой мыслию, Густавъ III упустилъ изъ виду, что духъ революціи проникъ и въ Швецію; что фанатики и приверженцы революціи находились въ кругу его приближенныхъ. Въ ночь съ 15-го на 16-е марта 1792 года, смертельно раненный въ маскарадѣ Анкарстремомъ, Густавъ III скончался черезъ двѣ недѣли, завѣщая престолъ малолѣтнему своему сыну Густаву-Адольфу, а регентство, во время его несовершеннолѣтія, брату своему герцогу Карлу Зюдерманландскому ³⁾.

Вѣстникомъ о кончинѣ Густава III былъ въ Петербургѣ шведскій генералъ Клингспорръ: онъ первый сообщилъ императрицѣ о намѣреніи покойнаго короля породниться съ російскимъ царствующимъ домомъ посредствомъ бракосочетанія своего сына со внучкою Екатерины II. Это сообщеніе вовсе не имѣло характера официальнаго; однако же, императрица отнеслась къ нему съ живѣйшимъ со-

¹⁾ Сцена ариматажнаго театра неоднократно служила Екатеринѣ II, какъ бы альбомомъ для каррикатурныхъ изображеній личностей или событій, ей непріятныхъ. Здѣсь представлена была, между прочимъ, комедія: «Обманщикъ», сочиненная императрицею для осмѣянія графа Калиостро (выведеннаго подъ именемъ Калифалькжерстона) и здѣсь же, во время войны со Швеціею, играна была оперетка «Горе-богатырь Косометовичъ», написанная императрицею въ насмѣшку надъ Густавомъ III. Ред.

²⁾ См. «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 484 и 605—628, собственноручныя письма Екатерины II къ гр. Ставельбергу.

³⁾ По сверженіи Густава IV съ престола, герцогъ, подъ именемъ Карла XIII, былъ провозглашенъ королемъ и царствовалъ съ 1-го марта 1809 по 14-е января 1818 года. Ему наследовалъ имъ усыновленный Карлъ XIV (Бернадотъ), родоначальникъ нынѣ царствующей въ Швеціи королевской фамиліи. Ред.

чувствіемъ; предвидя отъ родственнаго союза со Швеціею многія выгоды для Россіи и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Этотъ союзъ обезпечивалъ, во-первыхъ, владычество русскаго флота на Балтійскомъ морѣ; во-вторыхъ, уничтожалъ вліяніе Порты Оттоманской на отношенія стокгольмскаго кабинета къ петербургскому. Послѣдняя война доказала, на сколько Швеція можетъ вредить Россіи непріязненными своими дѣйствіями при частыхъ столкновеніяхъ имперіи съ Турціею. Наконецъ, въ третьихъ, бракъ короля шведскаго съ великою княжною руссійскаго императорскаго дома прочнѣй всего могъ скрѣпить союзъ обоихъ государствъ при ихъ борьбѣ съ французскою революціею. Прозорливость Екатерины могла служить порукою за безошибочность этихъ возрѣній, — хотя, въ то время королю-женуху было только четырнадцать, а великой княжнѣ-невѣстѣ — девять лѣтъ. Кромѣ того (что было еще важнѣе вопроса о возрастѣ), было извѣстно, что наслѣдникъ Густава III — сынъ графа Монка.

Король и королева шведскіе, чада своего вѣка, платили дань духу времени, относясь къ супружеской вѣрности съ той легкостью, къ которой приучили Европу Версаль и Трианонъ. Густавъ III былъ вѣтренъ, непостояненъ; супруга его платила ему за невѣрность тою же монетою. Однако же, ея сына Густавъ III призналъ за своего роднаго, оказывалъ ему знаки отеческой нѣжности, восхищался самъ и другихъ заставлялъ восхищаться его, будто бы, богатѣйшими способностями.

Густавъ-Адольфъ родился 1-го ноября 1778 года, а черезъ семь лѣтъ (въ исходѣ 1785) получилъ званіе почетнаго члена упсальскаго университета. Съ младенчества его увѣрили, что онъ — чудо своего времени по уму и способностямъ, чѣмъ содѣйствовали развитію въ немъ высокоумія, чванства и неукротимаго своенравія. Въ дѣтствѣ и въ отрочествѣ ни въ комъ не встрѣчая себѣ противорѣчій, Густавъ-Адольфъ считалъ себя непогрѣшимымъ. Красивая наружность не мало способствовала также развитію въ немъ непоумѣрнаго самолюбія, располагая въ пользу юнаго принца большинство людей, привывшихъ судить по наружности и подчиняться первому впечатлѣнію. Время доказало, какъ ошибочно было мнѣніе людей объ умѣ мнимаго сына Густава III.

До восемнадцати лѣтъ Густавъ-Адольфъ, въ рукахъ герцога Зюдерманландскаго, былъ автоматомъ; въ немъ главную пружину замѣняло самолюбіе, затрогивая которое, регентъ умѣлъ подчинить державнаго питомца своей волѣ. Въ умственномъ отношеніи дядя и племянникъ были одинаково ограничены; но герцогъ, будучи старше, былъ хитрѣе короля: хитрость замѣняла регенту и умъ, и характеръ, такъ какъ ни

тотъ, ни другой не отличались въ немъ твердостью. Поставленный во главѣ правительства, Карлъ Зюдерманландскій созналъ необходимость существенныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ и эти преобразованія, по его мнѣнiю, заключались въ крутомъ переворотѣ и въ постановкѣ Швеціи въ положеніе, діаметрально-противуположное тому, въ которомъ она находилась при Густавѣ III. Покойный король былъ ненавистникомъ революціонныхъ идей и мистическихъ бредней; регентъ вызвалъ изъ изгнанія барона Рейтергольма—мистика, шведенборгиста и чуть не яacobинца, сдѣлавъ его ближайшимъ своимъ совѣтникомъ. Рейтергольмъ, другъ Франціи, отвлекая регента отъ союза съ Россіею, побуждалъ его возобновить дружескія сношенія съ Диваномъ и чуть-ли не съ конвентомъ... И это криводушіе въ отношеніи къ Россіи герцогъ Зюдерманландскій надѣялся прикрыть личиною пріязни и уваженія къ Екатеринѣ II, выражая ихъ въ письмахъ, присланныхъ съ генераломъ Клингспорромъ и въ намекахъ послѣдняго на бракъ молодого короля съ великою княжною Александрою Павловною.

Проникая тайные замыслы регента, императрица поручила графу Стакельбергу, русскому посланнику въ Стокгольмѣ, выразить шведскому кабинету ея воззрѣнія на несообразность дѣйствій шведскаго правительства съ увѣреніями герцога Зюдерманландскаго. Дальнѣйшія недоразумѣнія между Россіею и Швеціею могли повлечь за собою отказъ въ субсидіяхъ, бывшихъ для шведской государственной казны важнымъ пособіемъ,—и регентъ, надѣясь разсѣять основательныя подозрѣнія императрицы, съ особенною энергіею принялся заботиться о бракѣ короля съ внучкою императрицы. Желая въ сущности только выиграть время, чтобы успѣть склонить Порту къ разрыву съ Россіею, герцогъ повелъ переговоры о сватовствѣ, какъ бы подъ рукою, въ тайнѣ, отправивъ для этого въ Петербургъ Барона Виталія, родомъ еврея, даже не принадлежащаго къ дипломатическому корпусу. Этого „фактора“ Екатерина II не приняла, поручивъ объясниться съ нимъ князю Платону Александровичу Зубову. На секретное предложеніе регента императрица отвѣчала официальнымъ выраженіемъ удовольствія. Этимъ дѣйствіемъ Екатерина II одновременно обличила лукавство регента и ускорила рѣшеніе вопроса, умышленно затагиваемое правителемъ Швеціи и его клеветомъ—Рейтергольмомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, государыня поручила графу Стакельбергу сдѣлать шведскому кабинету представленія о двусмысленныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ кабинету петербургскому. Регентъ, оскорбленный рѣзкимъ тономъ русскаго посланника, просилъ императрицу объ отозваніи Стакельберга... Желаніе герцога Зюдерманландскаго было исполнено (въ маѣ 1793 года); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина II приказала

остановить выдачу субсидіи Швеціи отъ петербургскаго кабинета. Отвѣтомъ на протѣсть Штедингга, шведскаго посланника въ Петербургъ, было указаніе на дѣйствія Швеціи въ Константинополѣ и на ея пріязненныя отношенія къ Франціи... Только благоразуміе Екатерины II и малодушіе регента не допустили войны между Швеціею и Россіею.

Взаимныя отношенія обѣихъ державъ были натянуты; постъ русскаго посла въ Стокгольмѣ оставался не замѣщеннымъ.

Въ октябрѣ 1793 года, по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, прибылъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ регента графъ Штенбокъ. Онъ же оффиціально возобновилъ переговоры о бракѣ короля шведскаго. И на этотъ разъ императрица преноручила веденіе ихъ князю Зубову. Нельзя сказать, чтобы они увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. На требованіе императрицы, чтобы король вмѣстѣ съ дядею прибылъ въ Петербургъ, графъ Штенбокъ отвѣчалъ, что это противно основнымъ законамъ Швеціи. Вопросъ о свободномъ исповѣданіи будущею королевою той религіи, въ которой она родилась и возрастала, не былъ рѣшенъ положительно: отвѣтъ Штенбока былъ только успокоительный. Наконецъ, онъ же объявилъ, что не уполномоченъ на заключеніе брачнаго договора, для чего долженъ былъ прибыть въ Петербургъ Рейтергольмъ. Не смотря на то, что дѣло не было рѣшено окончательно, по всей столицѣ разнеслась молва о помолвкѣ великой княжны. Дружественныя сношенія со Швеціею возобновились; ихъ скрѣпило назначеніе графа Сергія Петровича Румянцева посломъ въ Стокгольмѣ.. Это было затишье передъ бурей: новый разрывъ незамедлилъ.

Любимецъ покойнаго Густава III, баронъ Армфельдъ, составилъ въ Стокгольмѣ обширный заговоръ для устраненія герцога Зюдерманландскаго отъ регентства. Армфельдъ велъ переписку съ Екатериною II, всегда отличался приверженностью къ Россіи и ненавистью къ регенту и Рейтергольму. Когда заговоръ былъ открытъ, Армфельдъ бѣжалъ сперва въ Неаполь, потомъ—въ Австрію; отсюда переехалъ въ Россію. Принявъ его весьма благосклонно, Екатерина II назначила Армфельду значительную пенсію и, согласно собственному его желанію, дозволила поселиться въ Калугѣ. Это покровительство, оказанное Россіею шведскому государственному преступнику, имущество котораго было конфисковано, а имя прибито къ позорному столбу, омончательно озлобило регента противъ императрицы. Неловкость положенія петербургскаго кабинета увеличивали письма Екатерины II къ Армфельду, отданныя имъ на сохраненіе лорду Гарвею,

англійскому министру во Флоренціи, и проданныя (въ копіяхъ, или въ подлинникахъ) его секретаремъ за 4,000 червонцевъ агенту шведскаго правительства. Въ письмѣ своемъ, по этому случаю написанномъ къ Екатеринѣ II, регентъ указывалъ на нарушеніе ею правъ международныхъ, прибавляя къ тому, что не предастъ гласности ея писемъ къ Армфельду, единственно не желая компрометировать государыню. Чтобы примирить регента съ императрицею и въ то же время исторгнуть Армфельда изъ-подъ покровительства Россіи, Рейтергольмъ далъ совѣтъ герцогу въ четвертый разъ поднять вопросъ о бракѣ короля, на этотъ разъ чрезъ посредство Штедингга.

Первоначально поставлены были три пункта: 1) о приданомъ великой княжны; 2) о переходѣ ея въ лютеранизмъ; 3) о выдачѣ Армфельда. Первые два пункта были на-время отстранены, на третій императрица отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Дѣло усложнилось и, къ довершенію затрудненій, въ то самое время, какъ въ Петербургѣ Штедингъ велъ переговоры о бракѣ Густава-Адольфа съ великой княжной, регентъ объявилъ въ Стокгольмѣ о помолвкѣ короля съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою. 1-го ноября 1795 года было отпраздновано обрученіе и во всѣхъ стокгольмскихъ церквахъ совершены были молебствія о здравіи будущей королевы... На этотъ разъ въ это дѣло вмѣшался самъ король и объявилъ регенту, что не имѣетъ желанія жениться на принцессѣ Мекленбургъ-Шверинской. На отвращеніи короля къ этой невѣстѣ Екатерина II основала надежду сочетать его бракомъ со своею внучкою. Въ предупрежденіе разрыва со Швеціею императрица, отозвавъ Румянцева, послала въ Стокгольмъ повѣреннаго въ дѣлахъ барона Будберга ¹⁾, а для переговоровъ о бракѣ—его однофамильца Андрея Яковлевича Будберга ²⁾. Не смотря на происки Рейтергольма, дѣйствія генерала были на столько успѣшны, что чрезъ полгода послѣ его прибытія въ Стокгольмъ (въ февралѣ), именно 3-го (14-го) августа 1796 года, король шведскій, подъ именемъ графа Гага, и регентъ, подъ именемъ графа Ваза, прибыли въ Петербургъ для испрошенія руки великой княжны Александры Павловны. Въ свитѣ короля находились: баронъ Эссенъ, адмиралъ Штедингъ,

¹⁾ Баронъ Будбергъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1833 году, въ должности эстляндскаго генераль-губернатора. Ред.

²⁾ Генералъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ (родился въ 1750, скончался въ 1812 году), незадолго до назначенія своего въ Швецію, сопровождалъ въ Кобургъ возвращавшуюся изъ Россіи принцессу Саксенъ-Кобургскую, родительницу избранной для цесаревича Константина Павловича невѣсты—принцессы Юліаны-Генріетты-Ульрики, въ святомъ миропомазаніи Анны Θεодоровны (родилась 23-го сентября 1781). Цесаревичъ, какъ извѣстно, развелся съ супругою 20-го марта 1820 года. Ред.

графъ Стенбокъ; бароны: Шверинъ, Флеммингъ, Раламсъ; графы: Ферзенъ, Розенъ, генераль Стромфельдъ ¹⁾.

Приглашая короля шведскаго въ Петербургъ, Екатерина II надѣялась, что личное его свиданіе съ предназначенною ему невѣстою произведетъ на Густава сильное впечатлѣніе и въ его сердце запдетъ чувство любви къ той, которая, по своимъ внѣшнимъ и душевнымъ качествамъ, дѣйствительно была вполне достойна самой пылкой любви.

Великая княжна Александра Павловна родилась 29-го іюля 1783 г. Въ годъ прибытія въ Петербургъ шведскаго короля ей было только тринадцать лѣтъ; но въ этомъ полутроческомъ возрастѣ она уже отличалась свѣтлымъ умомъ, рѣдкими душевными качествами, нѣжностью чувствъ и прелестною наружностью. Зная своего жениха по слухамъ (которые почти всѣ были въ его пользу), ознакомясь съ его наружностью по портретамъ (тоже и польщеннымъ, и прикрашеннымъ), великая княжна чувствовала къ королю глубокую симпатію, заочно его полюбила первую любовью. Политическія соображенія, которыми руководствовалась Екатерина II при сватовствѣ короля, казались великой княжнѣ предопредѣленіемъ свыше; въ волѣ державной своей бабки она видѣла волю Провидѣнія и съ дѣтской довѣрчивостью покорилась ей.

Переговоры о бракѣ длились четыре года. Въ этотъ періодъ времени и король шведскій изъ красиваго мальчика сдѣлался статнымъ юношей; вполне развился физически и почти нисколько въ отношеніи умственномъ. Обхожденіе его отличалось то холодностью, то рѣзкостью; плохо воспитанный, онъ позволялъ себѣ иногда грубыя солдатскія выходки и ухватки, подражая Карлу XII, котораго онъ взялъ себѣ за образецъ. Желая подражать, онъ только передразнивалъ. Такъ, покойный Густавъ III воображалъ, что онъ подражаетъ Густаву-Адольфу, наряжаясь въ его доспѣхи. Нѣкоторыя странности и причуды молодаго короля обличали въ немъ, кромѣ сумасброднаго характера, и черствое сердце. Но могли-ли эти недостатки быть замѣчены великой княжною, когда сама Екатерина II относилась къ нимъ съ величайшей снисходительностью.

Первое впечатлѣніе, произведенное шведскимъ королемъ при пе-

¹⁾ Любопытныя подробности о пребываніи генерала Будберга въ Стокгольмѣ находятся въ его письмахъ къ Екатеринѣ II, напечатанныхъ вмѣстѣ съ ея отвѣтами въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» 1872 г., томъ IX: Переписка относительно несостоявшагося брака Густава IV-Адольфа съ великою княжною Александрою Павловною (изъ семейнаго архива барона Андрея Ѳедоровича Будберга), стр. 195—398.

тербургскомъ дворѣ, расположило всѣхъ въ его пользу. Чествуя високаго гостя празднествами, парадами, балами, императорская фамилія, до времени, не приступала къ вопросу о главной цѣли его путешествія въ сѣверную столицу, въ которой Густавъ IV-Адольфъ пробылъ болѣе мѣсяца...

Прежде, нежели мы приступимъ къ письмамъ императрицы и августѣйшихъ ея дѣтей, считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ бумаги, относящіяся до этого дѣла, были приведены въ порядокъ въ библіотекѣ дворца города Павловска заботливостью императрицы Маріи Ѳеодоровны и затѣмъ свято сохранены для исторіи преемниками ея, Августѣйшими владѣльцами города Павловска.

Императрица хранила малѣйшій лоскутъ бумаги и самую ничтожную бездѣлицу, если только съ ними сопрягались воспоминанія, какъ отрадныя, такъ и печальныя; такимъ образомъ, въ библіотекѣ дворца города Павловска, кромѣ рисунковъ, трудовъ августѣйшихъ дѣтей императрицы Маріи Ѳеодоровны, кромѣ учебныхъ ихъ тетрадей, сохраняются даже ея учебныя книги и выписки. Что касается до писемъ и бумагъ, относящихся до сватовства короля шведскаго, то они хранятся въ особомъ пакетѣ съ надписью собственной руки императрицы Маріи Ѳеодоровны:

„Копіи съ моихъ записокъ и писемъ къ императрицѣ о шведскомъ дѣлѣ, писанныхъ императрицею къ императору, ея подлинныя письма и записки, а также и одно письмо регента и мой отвѣтъ“¹⁾.

Всѣ копіи сняты императрицею Маріею Ѳеодоровною собственноручно. Между подлинными записками многія набросаны карандашемъ на небольшихъ отрывкахъ бумаги. Къ этому пакету приложенъ другой, заключающій въ себѣ письма императрицы къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, съ надписью ея руки:

„Письма бабушки изъ Россіи“²⁾.

Всѣхъ писемъ восемь; ихъ писала Екатерина II своей любимой внучкѣ большею частію во время своего путешествія по Россіи въ 1787 году (когда великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ было четыре года). Въ каждомъ изъ нихъ немногими словами императрица выражала малюткѣ такъ много нѣжности и ласки, что мы считаемъ не лишнимъ привести эти письма въ подлинникѣ.

Рсд.

¹⁾ «Copies de mes billets et lettres à l'Impératrice sur l'affaire de Suède; de ceux que l'Impératrice a écrit à l'Empereur et des lettres et billets en original, de même qu'une lettre du Régent et ma réponse».

²⁾ «Lettres de grand Maman de Russie».

Изъ Кіева, 20-го февраля 1787 г.

Спасибо тебѣ, Александра Павловна, за то, что ты не позабываешь меня, я сама часто мысленно съ вами. Екатерина.

Изъ Кіева, 26-го февраля 1787 г.

Александра Павловна, я-бъ прислала тебѣ мой портретъ, но не знаю, какой тебѣ хочется—большой или маленькій? Спасибо тебѣ за то, что ты меня любишь, я сама васъ люблю. Екатерина.

Изъ Кіева, 12-го марта 1787 г.

Александра Павловна, пріятно мнѣ весьма, что ты умна, не плачешь, но весела; будешь умна, тобою будутъ довольны. Спасибо, что ты меня любишь, я сама тебя люблю. Екатерина.

Кіевъ. 19-го марта 1787 г.

Александра Павловна, портретъ мой маленькій я къ вамъ приплю, буде здѣсь подобный отыщу. Я васъ мысленно цѣлую. Екатерина.

Изъ Тулы, іюня 21-го 1787 г.

Александра Павловна, что вы меня любите и помните, о томъ не сомнѣваюся; я сама васъ люблю и помню. Екатерина.

11-го августа 1787 г.

Александра Павловна, я здорова и васъ люблю и помню. Екатерина.

Сентября 12-го числа 1789 г.

Любезная внучка! По выздоровленіи сестрицы вашей, надѣюсь васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ. Мнѣ пріятно слышать, что вы учитесь хорошо. Заочно обнимаю васъ всѣхъ. Прощайте, Богъ съ вами. Екатерина.

Александра Павловна, спасибо за то, что ты меня любишь, я сама тебя люблю; радуюсь, что ты здорова, живучи близъ паленьки, надѣюсь, что ты умница. Прощай, Богъ съ тобою. Екатерина.

Обращаемся къ перепискѣ императрицы съ ея сыномъ и невѣсткою за время съ апрѣля по ноябрь 1796-го года; вся эта переписка, какъ сказано выше, относится до шведскаго дѣла. Ред.

Императрица—великому князю съ супругою.

Сію минуту получила я, любезныя дѣти, и ваши письма, и вашихъ глухарей. Благодарю васъ за тѣхъ и за другихъ, и радуюсь вмѣстѣ съ вами, что вы позабавились на охотѣ. Письмо моеи милой дочери

выражаетъ полное счастье; будьте увѣрены, что мое содѣйствіе въ этомъ случаѣ доставляетъ мнѣ тѣмъ большее удовольствіе. Что же касается до моего намѣренія—совершить путешествіе въ Царское Село, то я подожду, пока исправятся дороги. Вижу, что милый мой сынъ сильно старается подстрекнуть меня на это. На сегодня, баста! обнимаю васъ обоихъ отъ всего сердца. Ваши дѣти здоровы; кланяюсь принцу.

Императрица—великой княгинѣ.

30-го апрѣля 1796 г.

Сію минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Прошу васъ, передайте моему любезному сыну, что я получила отъ архитекторовъ подписанный ими отчетъ о поврежденіяхъ въ зданіи гатчинскаго дворца. Я приказала, чтобъ они составили подробную вѣдомость о томъ, что требуетъ безотлагательной починки. Прощайте; кланяюсь вамъ обоимъ.

Императрица — великой княгинѣ.

23-го мая 1796 г.

Возвращая вамъ письма, которыя вы мнѣ сообщили, любезная дочь, я васъ за нихъ благодарю. Какъ то, такъ и другое не заключаетъ въ себѣ ничего успокоительнаго на счетъ положенія вещей. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

Императрица—великому князю съ супругою.

Я только что возвратилась къ себѣ. Хотѣла посмотрѣть, какъ пус-

Je viens de recevoir, mes chers enfans, vos lettres et vos coqs de bruyère; je vous remercie des unes et des autres et je me réjouis de ce que vous avez eu de l'amusement à votre chasse. Le bonheur est peint dans la lettre de ma chère fille; soyez assurés que mon contentement ne peut être que grand d'y avoir contribué. Pour ce qui regarde de mon projet de voyage pour Czarskoé Selo, j'attendrai que le chemin soit meilleur, et je vois que mon cher fils a grande envie de me faire venir l'eau à la bouche. Pour aujourd'hui basta, je vous embrasse tous les deux de tout mon coeur. Vos enfans se portent bien, je salue le Prince.

Ce 30 Avril 1796.

Je viens, ma chère fille, de recevoir votre lettre d'aujourd'hui. Je vous prie de dire à mon cher fils que je j'ai reçu des architectes leur rapport signé d'eux sur les déchees de Gatchina et j'ai ordonné qu'ils fassent en détail le décri de ce qu'il y a de plus pressé à faire. Adieu, je vous salue tous les deux.

Ce 23 Mai 1796.

En vous renvoyant, ma chère fille, les lettres que vous m'avez communiquées,

каютъ осетра въ прудъ, но его еще не привезли. Ваши письма, любезныя дѣти, меня весьма пріятно удивили; я получила ихъ по моему возвращенію. Сохраните ко мнѣ чувства, которыя вы мнѣ выражаете, и будьте точно также увѣрены и въ удовольствіи, которое они мнѣ доставляютъ, и въ искренности моей любви къ вамъ. Добрый вечеръ. Я подумаю о дѣлѣ, которое вамъ такъ близко: надѣюсь уладить его по вашему желанію. Другой разъ поговорю съ вами побольше, теперь же спѣшу, чтобъ не помѣшать вашему сну, желая его вамъ спокойнаго и пріятнаго. Обнимаю васъ обоихъ отъ всего сердца.

Императрица—великой княгинѣ.

Вы совершенно правы, любезная дочь, говоря, что я въ настоящее время и особенно въ настоящіе часы не имѣю ни минуты свободной. Но я, въ теченіе дня, постараюсь улучшить минуту для свиданія съ вами. Обнимаю васъ, любезная дочь.

Великая княгиня—императрицѣ.

Они ¹⁾ на минуту ушли въ кабинетъ великаго князя. Пользуюсь этимъ временемъ, чтобъ сказать, дорогая и добрая матушка, вамъ, что все идетъ, какъ нельзя лучше. Онъ невыразимо доволенъ, никогда ничего подобнаго не испытывалъ; въ восторгѣ отъ чувствъ малютки. Говоря о ней, онъ плакалъ. Когда регентъ и Штедингкъ удалились, онъ все останавливался, какъ бы желая что-то сказать, и

je vous en remercie. Elles ne sont ni l'une, ni l'autre fort rassurantes sur l'état des choses. Je vous salue de même que mon cher fils.

Je ne fais que rentrer chez moi. J'ai voulu voir lacher un esturgeon dans l'étang et il est encore à venir. Vos lettres, mes chers enfants, m'ont très-agréablement surprise; en rentrant on me les a rendues. Conservez moi les sentiments que vous me marquez et soyez également assurés du plaisir qu'ils me font et de la sincérité de ma tendresse pour vous. Bonsoir, je penserai à votre affaire que vous avez à coeur et j'espère de l'arranger à votre goût. Une autre fois je vous parlerai plus au long, je me hâte, afin de ne point retarder votre sommeil que je vous souhaite doux et benin en vous embrassant tous les deux de tout mon coeur.

Vous avez bien raison, ma chère fille, de dire que je n'ai pas un moment dans ce temps-ci et surtout dans ces heures-ci. Mais je tâcherai de choisir un moment pour vous voir dans la journée. Je Vous embrasse, ma chère fille.

¹⁾ Король шведскій и его дядя.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. IX, 1874 Г. ФЕВРАЛЬ.

все это окончилось нѣжнымъ объясненіемъ, которое началось съ дочери и покончилось маменькою.

Разговоръ великой княгини Маріи Теодоровны съ королемъ шведскимъ ¹⁾.

(Переводъ). Король говорилъ о трудностяхъ, какія встрѣтились бы при совершеніи бракосочетанія зимой. Трудности эти относятся какъ къ морскому переѣзду, такъ и къ приготовленію апартаментовъ для новобрачныхъ, для чего пришлось бы тревожить королеву-мать.

Мой отвѣтъ: касательно морскаго переѣзда, адмиралы считаютъ его весьма возможнымъ до ноября. Затѣмъ, надобно полагать, что материнская нѣжность не станетъ дѣлать затрудненій и уступить нѣсколько комнатъ. Потомъ говорили о характерѣ королевы-матери, о ея боязливомъ нравѣ и ханжествѣ, о Выборгской кампаніи и объ опасномъ положеніи флота, спасагося, благодаря Чичагову...

Регентъ выразилъ сожалѣніе, что они еще не пришли къ соглашенію съ нами. „Чья вина?“ спросила я со смѣхомъ. Онъ повторилъ свою фразу. Тогда я продолжала, все смѣясь:

— „Ваша, любезный кузенъ“.

— „Какъ моя?“ возразилъ онъ.

— „Что у васъ была за мысль“, продолжала я, „начинать дѣло о бракѣ съ Мекленбургомъ?“

— „Но“, сказалъ онъ, „вы намъ отказали и г. Марковъ даже сказалъ Штединггу, чтобы болѣе объ этомъ не говорить“.

— „Но“, возразила я, „вы вѣроятно сопровождали ваше предложеніе невозможными условіями“.

Онъ отвѣчалъ: „Были затрудненія на счетъ вѣроисповѣданія, какъ теперь на счетъ другихъ предметовъ, но они могли быть устранены. Вмѣсто того, я получилъ отказъ, а въ завѣщаніи ясно сказано, что король долженъ быть обрученъ непремѣнно до своего совершенно-“

Ils viennent de passer un instant dans le cabinet du Grand Duc. Je saisis ce moment pour Vous dire, chère et bonne mère, que tout va le mieux du monde. Il est content au delà de l'expression, il n'a jamais éprouvé un sentiment pareil, il est enchanté des sentiments de la petite; en m'en parlant il a pleuré à grosses larmes; le Régent et Steding s'étant en allés, lui s'est toujours arrêté comme désirant quelque chose, ce qui a fini par un tendre embrassement qui a commencé par la fille et fini par la maman.

¹⁾ Черновой набросокъ, по-французски, написавъ чрезвычайно неразборчиво, поэтому оставленъ нами въ рукописи.

дѣтѣя. Я обратился къ Мекленбургу и думаю, что вы сдѣлали бы тоже самое на моемъ мѣстѣ“.

Я отвѣчала, не переставая смѣяться:

— „Нѣтъ, любезный кузень, я бы такъ не поступила“.

— „Я на вашемъ мѣстѣ думала бы тоже самое“, сказалъ онъ; „но вы на моемъ сдѣлали бы тоже, что и я“.

Я отвѣчала, все смѣясь:

— „Видите-ли, любезный кузень, я на столько самоувѣрена, что, полагаю, вы на моемъ мѣстѣ думали бы, какъ я, но я на вашемъ не поступила бы такъ, какъ вы....“.

Все это сопровождалось смѣхомъ; онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Онъ еще прибавилъ, что никто сильнѣе его не желаетъ наступленія минуты брака короля,—что эта минута увѣнчала бы его дѣло. Кромѣ того, онъ сказалъ, что предложить королевѣ-матери свои комнаты.

Король мнѣ тоже говорилъ о трудностяхъ, какія онъ предвидѣлъ для совершенія брака въ ноябрѣ. Я ему возражала тоже, что и регенту, прибавивъ: „что такъ какъ онъ—король и такъ какъ императрица изъявила свое согласіе, то все должно устроиться“.

— „Но“, замѣтилъ онъ, „необходимо сдѣлать нѣкоторыя приготовления, и если мы потеряемъ октябрь мѣсяцъ, то въ ноябрѣ уже свадьба невозможна“.

— „Въ такомъ случаѣ“, возразила я, „не теряйте октября мѣсяца“.

— „Это не отъ меня зависитъ“, сказалъ онъ.

— „Какъ“, воскликнула я, „вы наканунѣ того дня, когда вся власть перейдетъ въ ваши руки, и вы не можете теперь ускорить необходимыхъ приготовленій!“...

Онъ окончилъ увѣреніемъ, что будетъ очень счастливъ, если это удастся...

Великая княжна Александра Павловна — великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ.

(Въ отвѣтъ на письмо, которое я писала ей въ день пребыванія у насъ въ Гатчинѣ короля и подъ его диктовку ¹⁾).

Любезнѣйшая маменька, сію минуту получила я ваше дорогое письмо, наполненное интересными извѣстіями и цѣлую ручку моею дорогой маменьки и изъ глубины сердца благодарю ее за все, что

¹⁾ Эта и послѣдующія надъ письмами помѣты принадлежать императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

она дѣлаетъ для своей дочери. Еслибъ графъ Гага былъ еще въ Гатчинѣ, я просила бы маменьку сказать ему отъ меня все, что она сама сочтетъ нужнымъ, потому что маменькѣ извѣстны сердце и чувстваванія ея дочери. Бабушка меня сегодня благословила. Жду съ нетерпѣніемъ счастья—видѣть моихъ дорогихъ родителей; я смѣю надѣяться, что они мнѣ не откажутъ въ той же милости. Покуда цѣлую имъ руки и прошу ихъ допустить въ ихъ столамъ ту, которая съ нѣжной почительностью остается дорогихъ родителей моихъ покорнѣйшею и послушнѣйшею дочерью... Александра.

Императрица — великому князю и его сунругѣ.

(На другой день послѣ праздника у Самойлова).

17-го августа.

Мнѣ передали во время обѣда ваши сегодняшнія письма, любезныя дѣти. Вчерашній день прошелъ не безъ затрудненій: я это сама замѣтила также, какъ и вы. Король вошелъ въ круглую комнату, въ которой я сидѣла. Такъ какъ я обѣщала ему дать отвѣтъ черезъ три дня, а вчера насталь сробъ, то и сказала ему, лишь только онъ освободится отъ своихъ обязательствъ съ герцогомъ Мекленбургскимъ, я готова выслушать его предложеніе. Мнѣ уже было извѣстно о затрудненіяхъ, возникшихъ по поводу вѣроисповѣданія. Онъ пробормоталъ нѣсколько фразъ благодарности и увѣреній въ дружбѣ. Затѣмъ мы долго говорили о вещахъ постороннихъ; потомъ я встала,

Lettre d'Alexandrine à moi en réponse à la lettre que je lui ai écrite le jour que le Roi était chez nous à Gatchina et qu'il m'a dictée.

Ma très chère Maman! Je viens de recevoir Votre chère lettre toute remplie de nouvelles intéressantes, et je baise la main de ma bien bonne Maman, en la remerciant du fond de mon coeur de tout ce qu'elle fait pour son enfant. Si le comte de Haga était encore à Gatchina, je prierais Maman de lui dire de ma part, ce qu'elle—même jugerait à propos; car Maman connaît le coeur de sa fille et ses sentiments. Grand-Maman m'a bénie aujourd'hui, j'attends avec impatience le bonheur de voir mes chers parents et j'ose espérer qu'ils m'accorderont la même grâce. En attendant je leurs baise les mains, en les priant de recevoir à leurs pieds celle qui est avec un tendre respect, de mes chers Parents la très soumise et très obéissante fille Alexandrine.

Copie de la lettre de l'Impératrice à nous du 17 Août le lendemain de la fête de Samoïloff.

Ce 17 Août.

On m'a rendu Vos lettres de ce jour, mes chers enfants, pendant mon diner. La journée d'hier n'était pas sans embarras, je l'ai remarqué comme Vous.

чтобы вернуться въ бальную залу. Тогда онъ, стоя, заговорилъ о томъ, какъ, по долгу честнаго человѣка, онъ обязанъ объявить мнѣ, что основные законы Швеціи требуютъ, чтобы королева исповѣдала одну религію съ королемъ: таковъ былъ до сихъ поръ порядокъ вещей.

Я отвѣчала: „мнѣ извѣстно, что законы были чужды вѣротерпимости въ началѣ протестантства; но покойный король, его отецъ, издалъ, чрезъ самихъ епископовъ, новый законъ, который позволялъ всѣмъ, не исключая и короля, вступать въ бракъ съ супругой, исповѣдующей ту религію, которую онъ сочтетъ подходящею“.

Онъ отвѣтилъ мнѣ опасеніями, чтобы умы подданныхъ не взволновались противъ него.

Я возразила, что ему лучше знать, какъ слѣдуетъ поступить, и приняла весьма серьезный видъ. Тогда онъ началъ-было повторять уже прежде сказанное, но я, молча, медленно приближалась къ двери. У него были слезы на глазахъ.

Это — вопросъ партій. Каждая желаетъ, чтобы бракъ былъ признанъ ея дѣломъ и, повидимому, каждая считаетъ дѣломъ чести помѣшать успѣху другой; но въ сущности, полагаю, что они не посмѣютъ вернуться домой, не заключивъ брака, такъ какъ¹⁾ очень обозначено. Что герцогъ сказалъ моему любезному сыну, будто онъ не имѣлъ отвѣта отсюда, это правда, потому что онъ никогда объ этомъ иначе не говорилъ, какъ чуть не требуя головы Армфельда, или прибѣгая къ какимъ-либо другимъ дерзостямъ, на которыя, какъ

Le Roi est entré dans cette chambre ronde dans laquelle je me suis assise: Lui ayant promis réponse dans trois jours, hier échéance du terme, je lui ai dit: que dès qu'il serait dégagé de ses engagements avec le Duc de Mecklembourg, j'écouterai ce qu'il aurait à me proposer. Je savais déjà les embarras qu'on jetait en avant au sujet de la religion. Il me balbutia quelques phrases de remerciement et d'assurance d'amitié. Après quoi nous parlâmes très-longtemps de choses tout-à-fait indifférentes, à la suite de quoi je me levais pour retourner dans la salle du bal. Alors, debout, il commença à me dire qu'il était obligé en honnête homme de me dire que les lois fondamentales de Suède exigeaient que la Reine fût de la religion du Roi, que les choses étaient telles jusqu'ici. Je répondis que je savais qu'elles avaient été intolérantes au commencement du Protestantisme, mais que le feu Roi, son père, en avait fait sortir par les évêques mêmes une, qui permettait à tout le monde et au Roi même de contracter mariage avec épouse de telle religion qu'il aurait trouvé convenable. Il répondit qu'il serait à craindre que l'esprit de ses sujets ne lui devint contraire; je lui repartis que c'était à lui à savoir ce qu'il avait à faire et je pris un visage très-sérieux. Alors il voulut répéter ce qu'il avait déjà dit et je me

¹⁾ Слово написано не разборчиво.

онъ зналъ и какъ ему это объявили, нечего было и отвѣчать. Къ тому же замѣтите — я въ первый разъ слышу, что мекленбургскій братъ былъ по договору. Но какимъ же образомъ это могло быть, когда за невѣсту, со всѣми ея именами и прозвищами, молились во всѣхъ церквахъ, какъ за будущую королеву, а обрученіе праздновалось передъ лицомъ всей Швеціи? Эти господа ежеминутно запутываются въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, потому что плутни свои принимаютъ за ловкость. У молодого Кемда ¹⁾, какъ мнѣ кажется, доброе и чувствительное сердце, но ему еще всего только семнадцать лѣтъ. Прощайте, кланяюсь вамъ.

Императрица — великому князю.

25-го августа 1796 г.

Мнѣ было весьма досадно, любезный сынъ мой, что нездоровье помѣшало вамъ вчера у меня обѣдать. Посылаю моего камердинера освѣдомиться о состояніи вашего здоровья, и вотъ что я имѣю вамъ сообщить. Вчера послѣ обѣда я вышла въ садъ и сѣла на скамью, подъ деревьями, противъ лѣстницы. Молодой король пришелъ туда же и сѣлъ возлѣ меня. Остальное общество пило кофе на лужайкѣ цвѣтника. Увидя себя наединѣ со мной, онъ сказалъ, что пользуется этой минутой, чтобы открыть мнѣ свое сердце. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій и небольшого замѣшательства, онъ очень ясно высказалъ мнѣ свою склонность къ вашей старшей дочери и свое желаніе получить ее въ супруги, если она не окажется къ тому сопротивленія.

Я отвѣчала, что моя дружба къ нему побуждаетъ меня снисходи-

tus m'approchant tout doucement de la porte; il avait la larme à l'oeil. C'est un choix de parti. Chacun voudrait que ce mariage fût reconnu pour son ouvrage et il parait qu'ils se piquent d'honneur à qui empêchera l'autre de réussir, mais au fond je crois qu'ils n'oseraient revenir à la maison sans l'avoir fait, le..... étant très-prononcé. Ce que le Duc a dit à mon cher fils qu'il n'avait pas eu de réponse d'ici est vrai, parce qu'il n'en faisait jamais parler sans y ajouter ou la tête d'Armfeldt près, ou quelques autres impertinences, auxquelles, il savait et on lui avait dit, qu'il n'y avait pas de réponse à faire. Or, notez encore que c'est la première fois que j'entends dire que le mariage de Mecklembourg était conditionnel et comment le pouvait-il être? Lorsqu'on priait dans toutes les églises pour elle avec nom et prénom comme future Reine et qu'on a fêté à la face de toute la Suède les fiançailles. Ces gens là s'embarassent à tout moment dans leurs propres filets parcequ'ils prennent leurs finoteries pour de l'habileté. Le jeune Kemd me parait avoir le coeur bon et sensible, mais il n'a que dix sept ans.

Adieu, je Vous salue.

¹⁾ То-есть, шведскаго короля.

тельно его слушать; но я должна представить ему, что несчастныя обязательства, которыя онъ заключилъ, не дозволяютъ ему затѣвать но выхъ до тѣхъ поръ, пока первыя не будутъ окончательно расторгнуты.

Онъ возразилъ, что таково же точно и его намѣреніе; просилъ вѣрить его слову и дать ему мое согласіе, но, однако, выразилъ желаніе хранить все дѣло въ тайнѣ, пока оно не будетъ окончательно рѣшено.

Я потребовала нѣсколько дней на размышленіе. Знаю, что ни вы, ни моя любезная дочь не будете этому противиться, но что вы, однако, за одно со мной, желаете, чтобъ все совершилось прилично. Вы видите, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я сочла за лучшее васъ о томъ увѣдомить, для того, чтобъ вы, когда поправитесь, пріѣхали въ городъ, такъ какъ гораздо легче говорить, чѣмъ писать, а дѣло приближается къ развязкѣ. Въ случаѣ же (чего, Боже, сохрани) вы не въ состояніи будете пріѣхать въ городъ до послѣзавтра, то пришлите мнѣ открытое письмо отъ васъ обоихъ съ вашимъ согласіемъ и благословеніемъ вашей старшей дочери. Я ей передамъ его сама, когда сочту нужнымъ, а повуда не настанетъ время, она ничего о томъ не будетъ знать. Прощайте, обнимаю васъ.

Великая княгиня — императрицѣ.

(Копія моего письма).

Павловскѣ. Среда, 27-го августа (послѣ бала у Самойлова).

Дрожайшая матушка, хотя у меня и нѣтъ ничего интереснаго

Copie de la lettre de l'Impératrice au Grand Duc. 25 Aout 1796.

J'ai été, mon cher fils, bien fâchée de ce qu'une incommodité Vous ait empêché de venir dîner chez moi hier. J'envoie mon valet de chambre pour savoir l'état de votre santé, et voici ce que j'ai à vous communiquer: hier en sortant du dîner j'entrais au jardin et j'allais m'asseoir sur le banc sous les arbres vis-à-vis de l'escalier. Là le jeune Roi vint s'asseoir auprès de moi, le reste de la compagnie prenait le café sur la pelouse du parterre. Se voyant seul avec moi, il me dit qu'il saisissait ce moment pour m'ouvrir son coeur, et après quelques compliments et un peu d'embarras, il m'articula très-distinctement le penchant qu'il se sentait pour votre fille aînée et le désir qu'il avait de l'obtenir pour épouse en cas qu'elle n'eût pas de la répugnance pour lui. Je lui répondis que mon amitié pour lui me faisait écouter son discours avec complaisance, mais que je devais lui représenter que les malheureux liens qu'il avait contractés ne lui permettaient pas d'en former d'autres, avant qu'ils ne fussent totalement rompus, et que, de mon côté, je ne devais y entendre avant ce terme. Il me dit que c'était bien son intention aussi et qu'il me priait de prendre confiance en sa parole, et de lui donner mon consentement, me priant

для сообщенія вашему императорскому величеству, однако, долгомъ считаю, дрожайшая матушка, рассказать вамъ о томъ, какъ мы провели вечеръ. Наша малютка сѣла возлѣ меня и сказала, что она сейчасъ говорила съ папашей, который далъ ей свое благословеніе, и просила меня сдѣлать тоже. Въ теченіе нашей бесѣды, я съ ней говорила въ томъ смыслѣ, какъ мнѣ было сказано вашимъ императорскимъ величествомъ. Регентъ помѣстился близъ меня, гдѣ и оставался очень долго, но былъ чрезвычайно молчаливъ. Разговоръ нашъ шель о Стокгольмѣ и объ обществѣ этого города. Онъ, въ теченіе всего вечера, былъ очень смущенъ, точно также, какъ и король; который за ужиномъ говорилъ односложными словами; сидѣлъ между Александриной и мною. Лишь только ваше величество удалились, регентъ ушелъ къ королю въ кабинетъ, гдѣ у нихъ было продолжительное совѣщаніе. Немного погодя, регентъ опять удалился въ кабинетъ съ Рейтергольмомъ. Король очень мало танцевалъ съ Александриной. Въ его обхожденіи замѣтно было смущеніе: онъ рѣже обыкновеннаго подходилъ къ намъ и былъ менѣе обыкновеннаго разговорчивъ.

toutefois de tenir la chose secrète jusqu'à ce que le tout fût arrangé définitivement. J'ai pris quelques jours pour y penser. Je sais que ni vous, ni ma chère fille ne sont point contraires à la chose, mais que vous souhaitez tout comme moi qu'elle se fasse décemment. Vous voyez où elles en sont; j'ai crû mieux faire de vous en avertir afin que dès que vous vous porterez mieux, vous veniez en ville parce que c'est plus aisé de parler que d'écrire, et que le dénouement approche. Mais en cas (ce qu'à Dieu ne plaise) vous ne fussiez pas en état de venir en ville d'ici à après demain, envoyez moi une lettre ouverte de tous les deux avec Votre consentement et bénédiction pour votre fille ainée, que je lui remettrai moi-même quand je le jugerai nécessaire et elle n'en saura rien jusqu'à ce qu'il en soit temps. Adieu, je vous embrasse.

Copie de ma lettre du mercredi 27 Aout, après le bal de Samoiloff 1796.

Pawlovsk. 27 Aout 1796.

Ma très chère mère. Quoique je n'aie rien d'intéressant à marquer à V. M. I. je crois de mon devoir de Vous faire, ma bien chère mère, le narré de la soirée: notre petite est venue s'asseoir à côté de moi, et m'a dit qu'elle venait de parler à papa qui lui avait donné sa bénédiction et qu'elle me demandait la mienne: dans notre conversation je lui ai bien parlé dans le sens de ce que V. M. I. m'avait dit. Le Régent s'est placé à côté de moi, et y est resté très-longuement, mais très silencieusement. Toute notre conversation a roulé sur Stockholm, sur la société de cette ville; il était très embarrassé pendant toute la soirée, de même que le Roi qui même pendant le souper ne disait que des monosyllabes et était placé entre Alexandrine et moi; dès que V. M. s'est retirée le Régent est allé rejoindre le Roi dans le cabinet où ils ont eu une longue conférence;

Вотъ вѣрный рассказъ о томъ, какъ былъ проведенъ вечеръ. Ваша материнская доброта, ваши старанія, ваши безконечныя заботы побѣдятъ всѣ трудности, любезнѣйшая матушка, — таково предчувствіе моего сердца. Повергаю себя къ стопамъ вашимъ и съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, любезнѣйшая матушка, ваша покорнѣйшая и послушнѣйшая слуга и дочь Марія.

Великая княгиня—великому князю Павлу Петровичу.

(Писано ночью, по прїѣздѣ въ Павловскъ, затѣмъ, чтобъ записка была вручена великому князю на слѣдующее утро при пробужденіи, такъ какъ я боялась проспать, возвратясь очень поздно).

28-го августа 1796 г.

Вотъ, любезный другъ, записка, которую Салтыковъ передалъ мнѣ для васъ. Дѣла Александрины, повидимому, идутъ, какъ нельзя лучше. Король много съ ней танцевалъ и говорилъ, вслѣдствіе чего балъ продлился до двухъ часовъ утра. Онъ и регентъ были чрезвычайно веселы. Завтра я вамъ расскажу всѣ подробности, теперь же,

quelques temps après le Régent est de nouveau passé dans ce cabinet avec Reuterholm; le Roi a bien peu dansé avec Alexandrine, il y avait de l'embarras dans son fait, il s'est moins approché de nous toutes et a été moins parlant que de coutume. Voilà le récit fidel de la soirée. Vos bontés maternelles, Vos peines, Vos soins infinis vaincront toutes les difficultés, ma bien chère mère, telle est l'augure de mon coeur. Je me mets à Vos pieds et suis avec le plus profond respect, ma bien chère mère, Votre très humble et très obéissante servante et fille Marie.

(Billet que j'ai écrit au Grand-Duc le 28 pendant la nuit, en arrivant à Pawlovsk pour lui être remis à son réveil le lendemain, craignant de dormir trop longtemps étant revenue bien tard).

Voici, mon cher ami, un billet que Saltikoff m'a remis pour Vous. Les choses paraissent aller au mieux avec Alexandrine, le roi a beaucoup dansé et causé avec elle, ce qui a fait que le bal a duré jusqu'à deux heures du matin. Lui et le Régent étaient extrêmement gais; je Vous dirai demain les détails, mais pour ce soir j'avoue que j'ai bien envie de dormir. Markoff m'a dit que ce devait être le jour décisif. Bonsoir, mon cher ami.

Copie de ma lettre à l'Impératrice du 29 Août, après la journée de Besborodko.

Pawlovsk. Ce 29 Août 1796.

Ma bien chère mère. Je me fais un devoir de rendre compte à V. M. I. de la soirée d'hier, qui me parait d'une bon augure, car l'empressement du roi pour Alexandrine a été très marqué; il n'a presque dansé qu'avec elle, même

признаюсь, мнѣ очень хочется спать. Марковъ сказалъ мнѣ, что этотъ день долженъ рѣшить все. Доброй ночи, любезный другъ.

Великая княгиня — императрица.

(Послѣ праздника у Безбородко).

29-го августа 1796 г. Павловскъ.

Любезнѣйшая матушка, долгомъ себѣ поставлю отдать вашему императорскому величеству отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ, въ которомъ я вижу добрыя предзнаменованія, ибо внимательность короля къ Александринѣ была очень замѣтна.

Онъ танцовалъ почти только съ ней одной и даже послѣ минутовъ, видя, что дѣти просили у меня позволенія протанцовать еще одинъ контръ-дансъ, подошелъ къ регенту и сказалъ ему что-то на ухо, послѣ чего тотъ принялся отъ всей души смѣяться. Я освѣдомилась о причинѣ его смѣха. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „король спросилъ у меня: получили-ли молодыя княжны позволеніе еще танцовать? Я отвѣчалъ ему: „да“, на что онъ сказалъ: „въ такомъ случаѣ, я тоже долженъ танцовать“.

И дѣйствительно, онъ опять ангажировалъ Александрину. Они часто и по долгу сидѣли вмѣстѣ, во все время разговаривая и свободно, и весело. Король въ теченіе вечера рассказывалъ мнѣ о своемъ образѣ жизни, о ежедневныхъ своихъ занятіяхъ, повторяя часто, что очень скучаетъ въ Стокгольмѣ, и что, удѣливъ работѣ опредѣленные часы, онъ остается одинъ, сложа руки, что чрезвычайно скучно.

déjà après minuit, voyant que les petites me demandaient si elles pouvaient encore danser une contredanse, il s'approche du Régent et lui dit quelque chose à l'oreille après quoi le Régent se mit à rire de bon cœur, je lui en demandai la raison, il me répondit: c'est qu'il me demande si les jeunes Princesses avaient la permission de danser encore, lui ayant répondu que oui, il me dit: oh, alors il faut que je danse aussi. Et effectivement il alla prendre encore Alexandrine. Ils ont été longtemps et souvent assis l'un à côté de l'autre et se parlant toujours et avec gaieté et aisance. Le Roi m'a fait dans la soirée le récit de tout son train de vie, de l'emploi de chaque journée; me répétant souvent qu'il s'ennuyait beaucoup à Stockholm, et qu'après avoir donné les heures nécessaires au travail, il était seul, les bras croisés, ce qui était très ennuyant. Il m'a dit que quoiqu'il ait éprouvé déjà beaucoup de peine dans sa vie, il en avait eu surtout de très-vives depuis deux ans, qui même l'avaient empêché de s'occuper d'avantage; il m'a répété ceci plusieurs fois et appuyant sur cette phrase et sur l'époque de deux années comme quelqu'un qui avait l'air de désirer qu'on le questionna sur l'objet de ses peines, ce que, cependant, j'ai cru devoir faire semblant de ne pas remarquer. Le Régent a été d'une gaieté singulière, disant qu'il pouvait m'assurer n'avoir jamais vu le Roi aussi gai à Stockholm, qu'il, était

Сказаль, что хотя уже испыталъ не мало горя въ жизни, но видѣлъ его особенно много въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, такъ что оно даже отвлекало его отъ занятій. Повторилъ мнѣ это нѣсколько разъ, съ особеннымъ удареніемъ на этой фразѣ и на продолженіи времени двухъ лѣтъ, какъ бы вызывая на разспросы о причинѣ его горя.

Я, однако, сочла обязанностью сдѣлать видъ, будто этого не замѣчаю. Регентъ былъ необыкновенно веселъ и увѣрялъ, что въ Стокгольмѣ никогда не видѣлъ короля такимъ веселымъ, какъ здѣсь. Онъ мнѣ до безконечности расхваливалъ дѣтей, и дѣйствительно, постоянно ухаживалъ за малютками, даже танцовалъ съ ними контрѣдансы. Еще сдѣлала я одну замѣтку, которую считаю долгомъ сообщить вашему величеству. Регентъ каждый разъ кланяется Александринѣ съ замѣтнымъ уваженіемъ, дѣлая поклоны передъ ней ниже, чѣмъ передъ другими.

Г. Рейтергольмъ, говоря мнѣ объ ихъ пребываніи здѣсь и объ ихъ удовольствіи, сказаль, что взоры всей Европы устремлены на это свиданіе и что отъ короля зависитъ упрочить свое счастье.

Отдавъ вамъ отчетъ, любезнѣйшая матушка, обо всемъ, что касается нашей малютки, считаю нужнымъ передать вамъ еще анекдотъ, рассказанный мнѣ регентомъ о покойномъ королѣ. Мы говорили о Берлинѣ, гдѣ, по его словамъ, образъ жизни совершенно измѣнился, и о моей кузинѣ. Она замѣтила: „Вамъ, можетъ быть, не извѣстно, что въ бытность принцессы Луизы съ ея родителями въ Спа, тамъ ее видѣлъ покойный король и такъ ею плѣнился, и она про-

ici; il m'a infiniment loué les enfants, et effectivement il était toujours autour des petites, même il a dansé des contredanses avec elles. J'ai fait une remarque que je crois devoir communiquer à Votre Majesté: c'est que le Régent salue chaque fois Alexandrine avec un respect marqué lui faisant une révérence plus profonde qu'aux autres. M-r de Reuterholm en me parlant de leur séjour ici et de leur contentement, me dit que toute l'Europe avait les yeux ouverts sur cette entrevue et qu'il ne dépendait que du Roi de consolider et de fixer son bonheur. Après Vous avoir rendu compte, ma très chère mère, de tout ce qui regarde notre petite, je crois lui devoir marquer encore une singulière anecdote que le Régent m'a conté sur feu le Roi. Nous parlâmes de Berlin, dont il dit le train de vie totalement changé, et du mariage singulier de ma cousine; il me dit: «Vous ignorez peut-être que la princesse Louise étant avec ses parents à Spa, où feu le Roi l'a vue, il en a été si épris, et elle a fait une si grande impression sur lui, qu'il en conservait le portrait qui ne l'a pas quitté jusqu'à sa mort et que même il a eu des idées de divorce». Voilà, ma bonne mère, le résumé fidèle de la soirée qui m'a paru faire grand plaisir à nos jeunes intéressés qui se sont véritablement amusés ayant montré beaucoup d'aisance et de gaieté. Mon mari se met aux pieds de Votre Majesté. Je suis avec lui

извела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ постоянно хранилъ ее портретъ, не покидалъ его до самой смерти, и даже помышлялъ о разводѣ“.

Вотъ, милая матушка, вѣрное въ короткихъ словахъ описаніе вечера, который, мнѣ кажется, доставилъ большое удовольствіе нашимъ заинтересованнымъ этимъ дѣломъ молодымъ людямъ. Они дѣйствительно веселились, показывая много оживленія и непринужденности. Мой мужъ повергаетъ себя къ стопамъ вашего величества. Я, слѣдуя его примѣру, приношу увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ остаюсь, любезнѣйшая матушка, ваша покорнѣйшая и послушнѣйшая слуга и дочь Марія.

Императрица—великой княгинѣ.

29-го августа 1796 г.

Благодарю васъ, любезная дочь моя, за вашъ рассказъ. Надѣюсь, что, съ Божьей помощью, все пойдетъ хорошо. Сегодня рѣшительно нѣтъ ничего новаго. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну.

Великая княгиня—великому князю Павлу Петровичу.

(Въ день св. Александра Невскаго).

30-го августа 1796 г., въ половинѣ втораго часа пополудни.

Добрый и дорогой другъ мой, первый актъ оконченъ и я спѣшу отдать въ немъ отчетъ тому, о комъ мое сердце непрестанно думаетъ. Угадайте, о комъ идетъ рѣчь.

et y porte l'assurance du profond respect avec lequel je suis, ma très-chère mère. Votre très humble et bien obéissante servante et fille. Marie.

Ce 28 d'Août 1796.

Je Vous remercie, ma chère fille, du récit que Vous me faites; j'espère que tout ira bien avec l'aide de Dieu, aujourd'hui il n'y a rien de nouveau du tout. Je Vous salue de même que mon cher fils.

Copie de ma lettre au Grand-Duc du jour de St. Alexandre
30 Août 1796, à une heure et demie après diner.

Mon bon et cher ami, comme le premier acte est passé je m'empresse d'en rendre compte à celui auquel mon cœur pense sans cesse. Vous n'avez qu'à deviner de quoi il s'agit. Je suis arrivée à $\frac{3}{4}$ passé 10 heures; pendant que je me coiffais encore, Baratinski est venu me dire que l'Impératrice me faisait dire de commencer le bal par une polonaise avec le Roi; tout a été de très bonne heure et j'ai dû me presser comme une pauvre malheureuse. Avant

Я пріѣхала въ 10 часовъ и $\frac{3}{4}$. Мнѣ еще убрали голову, какъ пришелъ Барятинскій и сказалъ мнѣ отъ имени императрицы, чтобъ я открыла балъ полонезомъ съ королемъ. Было еще такъ рано, что я должна была торопиться, какъ безумная. Не было еще и 11 $\frac{1}{2}$, какъ императрица уже одѣвалась. Еще у Александра были гости и пришли къ намъ; но я уходила, мнѣ надобно было явиться къ императрицѣ. Короля и регента я застала въ кавалерской залѣ и, поздоровавшись съ ними, прошла въ брильянтовую комнату. Вышла императрица посмотреть въ зеркало. Весьма милостиво спрашивала меня о васъ; потомъ освѣдомилась, получила-ли я ея вчерашнее письмо и сказала:

— „Пойдите, прошу васъ, въ комнату, гдѣ находится король, и займите его, пока я не выйду“.

Я повиновалась этому приказанію. Дѣти вовсе не входили къ ней въ комнату и сначала оставались съ королемъ, потомъ она на минуту позвала къ себѣ младшихъ.

Король и регентъ много спрашивали меня о васъ, любезный другъ, до моего ухода къ императрицѣ, и когда я отъ нея возвратилась, послѣ четверти часа ожиданія, появилась императрица; произошла минутная остановка, потому что король и регентъ не знали, чтò имъ дѣлать. Кажется, имъ подали знакъ и король немедленно вышелъ на средину, на встрѣчу императрицѣ.

За обѣдней (куда мы явились до прихода священниковъ), императрица помѣстилась на дѣтскомъ коврѣ и пригласила короля стать рядомъ съ нею. Былъ съ нами и регентъ; императрица по временамъ подзывала его. Не было ни проповѣди, ни цѣлованія руки архіерею,

les 11 $\frac{1}{2}$: l'Impératrice passait déjà son habit; le monde était encore chez Alexandre et entré chez nous lorsque je suis sortie, mais il fallait aller chez l'Impératrice. J'ai trouvé le Roi et le Régent dans la chambre des Cavaliers: après le bonjour, j'ai passé dans la chambre des diamants, l'Impératrice sortait pour se mettre devant le miroir. Elle m'a demandé de vos nouvelles avec un air très gracieux, ensuite elle me parla si j'avais reçu sa lettre d'hier et puis elle me dit: «allez, je Vous en prie, dans la chambre où se trouve le Roi et entretenez le jusqu'à ce que je sorte», elle ajouta. Je me soumis à cet ordre. Les enfans ne sont pas du tout entrés dans sa chambre et sont d'abord restés avec le Roi, après cela elle fit appeler pour une minute les petites. Le Roi et le Régent m'ont beaucoup questionné sur Vous, mon cher ami, avant que je suis entrée encore chez l'Impératrice, et ensuite encore de même. Après un quart d'heure d'attente l'Impératrice a paru; il y a eu un moment d'arrêt, parce que le Roi et le Régent ne savaient pas que faire; je crois qu'on leur a fait un signe et ils se sont mis à marcher, le Roi immédiatement au milieu devant l'Impératrice. A la messe (où nous sommes venus avant le prêtre) l'Impé-

ни представленія александровскихъ кавалеровъ; императрица прошла прямо въ брильянтовую комнату, куда велѣла потомъ попросить короля и регента; мы, по обыкновенію, пошли на свою половину. Дворъ былъ не особенно многочисленъ.

Вотъ, мой добрый другъ, вѣрное описаніе всего, что и какъ происходило. Прибавьте къ этому, что я усердно молилась Богу о васъ и что мысленно я гораздо чаще съ вами, нежели въ дѣйствительности. Дѣти у вашихъ ногъ; Николай здоровъ и находится здѣсь, въ своихъ покояхъ. Когда я его видѣла, онъ былъ у груди. Александръ получилъ отъ императрицы великолѣпный подарокъ. Прощайте, мой добрый и дорогой другъ, обнимаю васъ отъ всего сердца.

ratrice s'est placée sur le tapis des enfants et a appelé le Roi pour se placer à côté d'elle. Le Régent était avec nous; l'Impératrice l'appelait quelquefois. Nous n'avons pas eu de sermon, ni de baise-main d'Evêque, ni des Chevaliers; l'Impératrice est passée droit dans la chambre des diamants, elle a fait appeler ensuite le Roi et le Régent, et nous sommes allés comme de coutume chez nous. La cour n'était pas extraordinairement nombreuse. Voilà, mon bon ami, le récit fidèle de tout ce qui s'est passé. Ajoutez à cela que j'ai prié bien Dieu pour vous et que je suis en pensée avec vous plus qu'en réalité ici. Les enfants sont à vos pieds, Nicolas se porte bien, est ici dans ses appartements; il tétait lorsque je l'ai vu. Alexandre a reçu un cadeau superbe de l'Impératrice. Adieu, mon bon et cher ami, je vous embrasse de tout mon cœur.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ИНСАРСКАГО.

Изъ быта нашихъ помѣщиковъ

1840 — 1850.

Любителямъ историческаго чтенія давно извѣстны „Воспоминанія В. А. Инсарскаго“; довольно значительные и интересные отрывки изъ нихъ были помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“. Таковы статьи: „Поѣздка въ Баку“, „Кавказскія прогулки“, „Походъ 1859 г.“, „Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ“, „Учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ...“.

Записки В. А. Инсарскаго занимаютъ много тетрадей; авторъ писалъ ихъ отнюдь не для печати и безъ малѣйшихъ притязаній на какія-либо литературныя достоинства. Тѣмъ не менѣе, живость разсказа, полная искренность и обиліе чертъ и подробностей, характеризующихъ и лица, и время нашей недавней старины, составляютъ ихъ неотъемлемыя достоинства и даютъ имъ право, еще при жизни почтеннаго автора, занять мѣсто на страницахъ изданій, посвященныхъ изученію роднаго прошлаго. Къ сожалѣнію, Василій Антоновичъ не охотно передаетъ тисненію свои „Воспоминанія“, — и въ настоящемъ случаѣ, уступая лишь нашей просьбѣ, представляетъ только нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ, довольно обширныхъ, главъ; большую часть ихъ, и притомъ интереснѣйшую, онъ не считаетъ еще возможнымъ печатать.

Ред.

I.

Покойный князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій (отецъ фельд-маршала кн. А. И. Барятинскаго) женатъ былъ два раза: въ первый разъ на дочери англійскаго лорда Шернборна и во второй — на графинѣ Маріи Федоровнѣ Келлеръ. Послѣ отца

своего, знаменитаго князя Ивана Сергѣевича, и матери, рожденной принцессы Голштейнъ-Бекской, кн. Иванъ Ивановичъ наследовалъ громадное и великолѣпное имѣніе въ Курской и Харьковской губерніяхъ.

Третью часть этого имѣнія, сколько извѣстно, онъ отдѣлилъ сестрѣ своей, княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ, вышедшей въ замужество за оберъ-гофмаршала графа Толстаго. Послѣдняя часть эта, подъ названіемъ: «Деревеньки», перешла сыну ея, извѣстному графу Александру Николаевичу Толстому, который, такимъ образомъ, приходился двоюроднымъ братомъ нынѣшнимъ князьямъ Барятинскимъ.

Я не знаю положительно, какія именно причины свели князя Ивана Ивановича Барятинскаго съ служебнаго поприща: любовь ли къ красавицѣ-женѣ, на которой онъ женился во второй разъ, или какія-нибудь политическія столкновенія; но онъ оставилъ рано службу и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ и построилъ великолѣпный дворецъ, назвавъ его по имени жены: «Марьино». Дворецъ этотъ пользовался большою извѣстностію въ Россіи. И дѣйствительно, трудно представить себѣ изъ частныхъ владѣній что-нибудь болѣе роскошное и грандіозное. Я засталъ его уже далеко не въ прежнемъ великолѣпнн, когда никто изъ князей Барятинскихъ тамъ не жилъ и всѣ разнообразныя части хотя и поддерживались, но уже не такъ тщательно и отчетливо. Я не помню числа комнатъ въ этомъ дворцѣ, но помню, что онѣ считались сотнями. Въ этой массѣ покоевъ сосредоточено было все, что громадное богатство, соединенное съ утонченнымъ вкусомъ, могло придумать, начиная съ оригинальныхъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ живописи и скульптуры. При дворцѣ состояли сотни обойщиковъ, слесарей, каретниковъ, штукатуровъ, лѣщниковъ, живописцевъ, позолотчиковъ, рѣзчиковъ, столяровъ и т. п. мастеровъ, независимо отъ управителей, дворецкихъ, кастеляншихъ и прочихъ чиновныхъ людей. Тамъ были лица, завѣдующія егермейстерскою частію; лица, завѣдующія рѣчною частію, т. е., лодками и всѣмъ, что сюда относится. Садовниковъ было бездна, потому что въ необъятномъ и роскошномъ паркѣ было множество оранжерей и другихъ садовыхъ затѣй. Тамъ былъ звѣринецъ со стадами оленей и козъ. Тамъ были поэтическія «Кашары», носящія имена дочерей князя, изъ которыхъ каждая имѣла

въ своемъ завѣдываніи отдѣльный роскошный садъ и среди его поэтической домикъ, гдѣ находилось нѣсколько коровъ самой возвышенной породы и всѣ принадлежности молочнаго хозяйства.

И въ мое время село Ивановское, столица владѣній князей Бяратинскихъ, съ церквами, училищами, больницами, богадѣльнями, фабриками, гдѣ было возведено и Марьино, было еще благодатнымъ центромъ для всей Курской губерніи. Каждый, кому нужно было заказать хорошій экипажъ, прочную мебель; кто, отдѣлывая домъ, имѣлъ надобность въ слесаряхъ, обойщикахъ, малярахъ и другихъ мастерахъ; каждый, кто желалъ украсить свои комнаты цѣнными деревьями или кому нужно было приобрести какаго-нибудь теленка или барана возвышенной породы, — ѣхалъ въ Ивановское съ увѣренностію найти тамъ все желаемое.

Я чувствую, впрочемъ, что мои усилія изобразить роскошь и великолѣпіе Марьино не могутъ имѣть успѣха и потому спѣшу заключить ихъ слѣдующимъ фактомъ: когда, впоследствии, при предварительныхъ соображеніяхъ о раздѣлѣ имѣній князей Бяратинскихъ между братьями, предназначено было, собственно для поддержанія Марьино, отдѣлить 1,000 душъ со всѣми доходами и матеріальными средствами, то мѣра эта оказалась тотчасъ неудобноисполнимою и недостаточною, и надо было поддерживать его роскошное устройство всѣми средствами всего богатаго и обширнаго имѣнія. Наконецъ, Марьино знаменито тѣмъ, что удостоилось посѣщенія императора Александра Павловича.

Покойный князь И. И. Бяратинскій былъ вообще человѣкъ замѣчательнаго ума и дарованій. Лично управляя имѣніемъ, онъ ввелъ въ немъ устройство, доходившее до совершенства и составившее ему славу знаменитаго агронома. Я самъ видѣлъ прекрасныя поля тамъ, гдѣ были болота, и лѣса—тамъ, гдѣ лѣсовъ прежде не было. Я самъ видѣлъ медали, полученныя имъ отъ разныхъ агрономическихъ обществъ за разные сельско-хозяйственныя улучшенія, въ которыхъ осушеніе болотъ и вообще обращеніе мѣстъ бесплодныхъ въ плодородныя занимали первое мѣсто. Отношенія крестьянъ къ владѣльцу установлены были на самыхъ разумныхъ началахъ, которыхъ дальнѣйшіе распорядители не дерзали касаться, не будучи въ состояніи придумать ничего лучшаго.

Имѣніе князей Бяратинскихъ, въ административномъ отноше-

ніи, было раздѣлено на четыре удѣла: Ивановскій, Снаготскій, Крупецкій и Ковенскій. Каждый удѣлъ образованъ былъ изъ нѣсколькихъ селеній и деревень, въ центрѣ котораго находилось большое село, которое и давало названіе удѣлу. Каждымъ удѣломъ управлялъ особый частный управитель. Ивановскій управитель, кромѣ обязанностей частнаго управителя, былъ въ тоже время и главнымъ мѣстнымъ управителемъ на томъ основаніи, что Ивановское, какъ я сказалъ уже, было столицею имѣній, гдѣ и сосредоточивалось все центральное управленіе.

II.

Въ прекрасный лѣтній день я прибылъ въ Ивановское и проѣхалъ прямо на Марьино, гдѣ, по желанію князя Александра Ивановича, приготовлено было мнѣ великолѣпное помѣщеніе. Мнѣ, петербургскому чиновнику, вовсе не знакомому съ сельскимъ бытомъ, надо было имѣть не мало такта, чтобъ при первомъ столкновеніи съ этимъ бытомъ, съ толпами крестьянъ, ожидавшихъ меня, съ коварными управителями изъ дворовыхъ, съ корыстолюбивыми и низкопоклонными попами и причетниками и тому подобнымъ людомъ, найти точку, на которой можно было бы прилично удержаться и не пересолить, такъ сказать, въ ту или другую сторону. Но если я сильно смущался рѣшительнымъ незнаніемъ міра, въ которомъ я долженъ былъ вращаться, то въ тоже время я, по предыдущимъ опытамъ, крѣпко уже надѣялся на собственныя силы.

Сказавъ собравшимся предо мною толпамъ приличное слово, передавъ имъ поклонъ князя, я заключилъ объявленіемъ, что начну съ подробнаго обозрѣнія имѣнія и что порядковъ этого обозрѣнія будетъ сообщенъ заблаговременно всѣмъ управителямъ. Черезъ нѣсколько дней я началъ это обозрѣніе, при которомъ особенно затрудняли меня два предмета: толпы народа, сосредоточенныя всегда на господскихъ гумнахъ и встрѣчавшія меня съ хлѣбомъ и солью,—толпы, съ которыми я не зналъ, что говорить,—и огромныя свирды разнородныхъ хлѣбовъ, которые я не умѣлъ различить. Но не слишкомъ вдаваясь въ хозяйственныя подробности, я заботился преимущественно о томъ, чтобы не сдѣлать или не сказать, на первыхъ же порахъ, какой-нибудь

достославной глупости, но произвести только выгодное впечатлѣніе своею личностію.

Окончивъ это первоначальное обозрѣніе, я углубился въ конторскія дѣла и счета и былъ здѣсь въ болѣе знакомой сферѣ. Подобно тому, какъ было нѣкогда при поступленіи моемъ въ 3-й департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, я старался изучить исторически и во всѣхъ подробностяхъ каждую часть администраціи и хозяйства. Эти занятія не только не обременяли меня, но были главнымъ моимъ развлеченіемъ, потому что никакихъ другихъ развлеченій въ Ивановскомъ не было, а если бы они и были, то я не могъ бы ими пользоваться, получивъ извѣстіе о кончинѣ моей матери, долго страдавшей въ глубоко-болѣзненномъ положеніи. Къ великому счастью, одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, почтенный отецъ Григорій, былъ большой любитель и знатокъ пѣнія и, образовавъ стройный хоръ, самъ управлялъ имъ. Такимъ образомъ, панихиды по моей матери, исправляемыя самымъ торжественнымъ образомъ, доставляли душѣ моей и утѣшеніе, и наслажденіе, а посѣщеніе церкви было почти единственною причиною оставленія моего кабинета.

Ознакомившись, посредствомъ конторскихъ книгъ и счетовъ, а равно и объясненій съ управителями, съ положеніемъ имѣнія, я почувствовалъ подъ собою почву и сдѣлалъ вторичное обозрѣніе имѣнія, при которомъ уже говорилъ и дѣйствовалъ болѣе самостоятельнымъ и увѣреннымъ образомъ. Я выше уже говорилъ, что административныя и хозяйственныя начала имѣнія представлялись самыми удовлетворительными, но въ примѣненіи и исполненіи этихъ началъ я не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ. Облеченіе этихъ началъ, существовавшихъ только въ преданіяхъ и привычкахъ, въ строгую систему и установленіе строгаго контроля за точнымъ исполненіемъ ихъ сдѣлалось предметомъ моихъ письменныхъ трудовъ. Затѣмъ на практикѣ, идя по слѣдамъ покойнаго князя, я старался увеличить, сколь можно, экономическія поля посредствомъ осушенія болотистыхъ мѣстъ, разчистки кустарниковъ и т. п. Въ тоже время, посредствомъ особо приглашенныхъ изъ Финляндіи землемѣровъ, я произвелъ хозяйственное измѣреніе земель имѣнія, причемъ произведена была новая нарѣзка полей съ наибольшими выгодами какъ для крестьянъ, такъ и для имѣнія; поселилъ много

новыхъ деревень, составивъ ихъ изъ наиболѣе многолюдныхъ селеній, съ цѣлью ближайшаго сопоставленія полей къ рабочимъ силамъ; ввелъ правильное лѣсное хозяйство; въ отношеніяхъ крестьянъ къ экономіи учредилъ какъ по части повинностей, такъ и по части внутренняго ихъ быта, строгую опредѣлительность, назначивъ, что должна вѣдать экономія и что подлежить вѣдѣнію самихъ крестьянскихъ обществъ,—однимъ словомъ, дѣлалъ и сдѣлалъ то, что мои умственные силы и сознание принятаго мною долга мнѣ указывали.

Впрочемъ, хозяйственная дѣятельность у меня стояла далеко не на первомъ планѣ. Главною моею задачею, какъ и князь Александръ Ивановичъ находилъ, было устройство фамилныхъ его дѣлъ. На этомъ основаніи я постоянно жилъ въ С.-Петербургѣ, и только изрѣдка навѣщалъ имѣніе. Такъ точно, когда я пріѣхалъ туда въ первый разъ, я никакъ не рассчитывалъ оставаться тамъ долго и въ этомъ убѣжденіи рѣшился вовсе не заводить никакихъ знакомствъ съ сосѣдними помѣщиками. Но расчетъ этотъ поволебался страшнымъ образомъ, и вотъ по какому случаю.

Въ имѣніи, именно въ селѣ Ивановскомъ, существовала большая больница, устроенная роскошнымъ образомъ. Высшее завѣдываніе этою больницею поручено было уѣздному врачу Вильчинскому, который получалъ за это отъ экономіи значительное жалованье и долженъ былъ, по существу своихъ обязанностей, являться во мнѣ. Вильчинскій былъ замѣчательною личностью. Уроженецъ западныхъ губерній, онъ кончилъ курсъ въ виленскомъ университетѣ и потомъ попалъ въ уѣздные лекаря Льговскаго уѣзда, Курской губерніи, гдѣ было имѣніе графа Александра Николаевича Толстаго, о которомъ я говорилъ выше, и часть имѣній князей Барятинскихъ. У графа Толстаго была какая-то молодая и чахоточная родственница, или воспитанница, которая и пользовалась у молодого врача. Какъ шло леченіе—не извѣстно, но эта дѣвушка влюбилась въ него, и кажется, сама и открылась въ любви. Вильчинскій женился на ней и взялъ въ приданое порядочное имѣніе. Жена скоро умерла, оставивъ ему ребенка; Вильчинскій зажилъ бариномъ. Жилъ онъ въ имѣніи Толстаго въ «Деревенькахъ», въ 20-ти верстахъ отъ Ивановскаго, гдѣ занималъ хорошенькій деревянный домикъ, прекрасно

устроенный и меблированный. Вильчинскій, большой хлѣбосоль, былъ другъ и пріятель всѣхъ помѣщиковъ губерніи. Все это я узналъ впоследствии, а въ началѣ моего пріѣзда я имѣлъ съ нимъ, одни только дѣловыя отношенія.

Какъ-то разъ, предъ наступленіемъ Пасхи, Вильчинскій остался у меня обѣдать и, между прочимъ, замѣтилъ, что мнѣ должно быть скучно одному въ такомъ большомъ помѣщеніи. Я передалъ ему свой взглядъ на неудобство завязывать, при моемъ кратковременномъ пребываніи, туземныя знакомства.

— «Все это прекрасно», сказалъ Вильчинскій, «но я не понимаю, почему бы вамъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, не пріѣхать отобѣдать,—самая поѣздка доставила бы вамъ удовольствіе. Пріѣзжайте», заключилъ онъ, «на первый день».

Но на первый день предстояло много торжествъ въ Ивановскомъ, въ которыхъ я лично долженъ былъ участвовать.

— «Народу не понравится, если васъ не будетъ», сказалъ мнѣ одинъ изъ заслуженныхъ людей, находившихся при мнѣ въ Марьинѣ, и я далъ слово въ Вильчинскому на другой день Пасхи.

Отправившись къ нему, я до такой степени оказался вѣрнымъ своему намѣренію, что возвратился въ Марьино только въ концѣ Оминой недѣли, разъѣзжая все это время отъ одного помѣщика къ другому, въ видѣ плѣнника, котораго они пологительно не выпускали изъ рукъ и удерживали постоянно на своихъ нескончаемыхъ праздникахъ.

Когда я пріѣхалъ къ Вильчинскому, я совершенно неожиданно нашелъ у него большое собраніе окрестныхъ помѣщиковъ. Тамъ былъ Н. А. Волжинъ, львовскій предводитель дворянства, старый кавалергардъ и порядочный кутила, съ его милою женою, на которой онъ былъ женатъ во второй разъ. Тамъ былъ Н. А. Стремоуховъ, впоследствии бывшій курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Н. С. Денисьевъ, тогда еще молодой человекъ съ сѣдыми волосами, М. С. Деменковъ, братъ того Деменкова, который нѣкогда дивилъ міръ роскошью и величіемъ своей Подмосковной и многіе другіе. Все это были люди богатые, радушные и хлѣбосольные, такъ что еще не кончился обѣдъ, за которымъ мы всѣ усѣлись, какъ я буквально былъ осыпанъ приглашеніями: къ одному—на именины, къ другому—на храмовой праздникъ, къ третьему—на рожденіе и т. п. Отъ

этихъ, во всякомъ случаѣ, любезныхъ приглашеній отказаться я не могъ или, лучше сказать, не умѣлъ, и подъ опекой Вильчинскаго, разъѣзжая изъ имѣнія въ имѣніе, убѣдился въ томъ «несказанномъ благополучіи», въ какомъ пребывали наши достаточные помѣщики.

III.

Быть помѣщичій былъ много разъ описанъ и я не надѣюсь прибавить отъ себя что-нибудь новое; но меня не могло не поражать это, можно сказать, царское изобиліе, которое я видѣлъ во всемъ. Васъ обыменовенно приглашали не на нѣсколько часовъ, но на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ васъ кормятъ, забавляютъ, укладываютъ спать, пробуждаютъ и опять кормятъ и забавляютъ. Довольство во всемъ безпримѣрное, прислуги бездна, экипажей и лошадей сколько угодно. У однихъ есть оркестры музыки, у другихъ—хоры пѣвчихъ, у третьихъ—псовыя охоты.

По своей натурѣ, чисто русской и значительно способной къ разгулу, я очень пришелся по вкусу туземнымъ помѣщикамъ и скоро сдѣлался закадычнымъ ихъ другомъ и пріятелемъ. Эта связь особенно укрѣпилась во время Коренной ярмарки, куда чрезъ мѣсяцъ или два отправился я по общему и единодушному ихъ настоянію.

Не знаю почему, но время этой ярмарки было всегда періодомъ самыхъ сильныхъ и разорительныхъ кутежей для курскихъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ старался сколотить сколько можно болѣе денегъ въ этому времени и отправлялся на ярмарку съ тугонабитыми карманами, для того, чтобъ тамъ опустошить ихъ и возвратиться домой безъ гроша. Мнѣ суждено было быть не только свидѣтелемъ этихъ явленій, но и дѣятельнымъ ихъ участникомъ. Я самъ, снабженный для дѣловыхъ расходовъ и своихъ потребностей значительнымъ запасомъ денегъ, на ярмаркѣ вынужденъ былъ растратить ихъ совершенно, и когда хотѣлъ въ кругу моихъ пріятелей сдѣлать какой-нибудь заемъ, оказалось, что и всѣ были въ такомъ же точно, какъ и я, положеніи. Цыгане въ особенности составляли разорительную статью. Съ наступленіемъ вечера всѣ сходились къ нимъ для того, чтобы сыпать деньгами. Кромѣ того, устраивались непрерывно особые разорительные пиры.

Я помню, нашъ кружокъ, между прочимъ, затѣялъ дать ве-

ликопѣнный обѣдъ по подпискѣ въ 100 р. асс. съ каждаго, что въ то время составляло вовсе не маловажную сумму. На этотъ обѣдъ мы пригласили и губернатора, который далъ свое обѣщаніе. Разумѣется, цыгане составляли главную статью и были предметомъ много-различныхъ соображеній. Надобно сказать, что не задолго предъ тѣмъ, знаменитый хоръ знаменитаго Ильи, по какимъ-то внутреннимъ раздорамъ, распался на двое: лучшая часть, подъ командою извѣстнаго Ивана Васильева, отдѣлилась и составила особый и лучший хоръ. Другая часть, руководимая Ильєю, образовала другой хоръ, значительно слабѣйшій. Наши распорядители недоумѣвали, который изъ нихъ пригласить на нашъ обѣдъ. Одни находили невозможнымъ измѣнить старому другу Ильѣ, который потѣшалъ коренное общество многіе года. Другіе полагали, что существенная цѣль ихъ состоитъ въ устройствѣ хорошаго праздника, а не въ воздаяніи заслугъ чьихъ бы то ни было. Эта послѣдняя партія восторжествовала: приглашенъ былъ хоръ Ивана Васильева, а Илья долженъ былъ потерпѣть измѣну, тѣмъ болѣе для него чувствительную, что въ этотъ самый день съ нимъ случилось другое и, конечно, болѣе важное несчастіе. Утромъ онъ давалъ, съ своимъ хоромъ, концертъ въ зданіи ярмарки. Въ половинѣ концерта входитъ губернаторъ, которымъ тогда былъ Устимовичъ, чловѣкъ, относительно говоря, довольно крогкій и обходительный. При входѣ губернатора рѣшительно всѣ мѣста оказались занятыми и онъ, не найдя мѣста, для него приготовленнаго, тотчасъ вышелъ и приказалъ объявить Ильѣ, чтобъ онъ въ тотъ же день выѣхалъ съ ярмарки. Конечно, тутъ была вина скорѣе полиціи, чѣмъ Ильи, но со стороны полицейскихъ не было никакого расчета оправдывать въ этомъ смыслѣ Илью, который, такимъ образомъ, долженъ былъ пострадать невинно и котораго всѣ сожалѣли.

Съ наступленіемъ обѣда, все вниманіе присутствующихъ сосредоточилось на ожидаемомъ пріѣздѣ его превосходительства. Ожиданіе этого пріѣзда было чрезвычайно продолжительно и все-таки кончилось тѣмъ, что сѣли обѣдать безъ губернатора. Обѣдъ, разумѣется, былъ роскошный и веселый; вино лилось рѣкою, такъ что во второй половинѣ пошла шумная и веселая бесѣда, которую поджигали и которую сопровождали неистовыя

пѣсни цыганъ. Вдругъ, входитъ губернаторъ. Шумъ и разгулъ мгновенно стихъ и наступила не столько торжественная, сколько комическая тишина. Каждый старался принять сколь можно серьезное выраженіе, что стоило многимъ, едва-ли не каждому, большихъ усилій. Губернаторъ, въ короткихъ словахъ, извинился, что опоздалъ. Одинъ изъ главныхъ распорядителей нашихъ, Студзинскій,—тотъ самый Студзинскій, который потомъ учредилъ и содержалъ вольныя почты на московско-харьковскомъ трактѣ,—предпринялъ трудъ привѣтствовать губернатора рѣчью: «Ваше превосходительство», началъ онъ, «позвольте... мы такъ счастливы... словъ не нахожу».... Покамѣстъ онъ путался въ вступительныхъ словахъ своего привѣтствія, Волжина устранилъ его рукою, сказавъ: «постой, ты, братъ, не умѣешь; дай я скажу». Потомъ онъ началъ: «Ваше превосходительство! Мы васъ ждали... наши чувства... не сомнѣвайтесь»... и остановился. Въ эту минуту кто-то третій столкнулъ Волжина съ позиціи, сказавъ: «куда тебѣ» и едва только началъ «Ваше превосходительство», какъ губернаторъ, поставленный этою ораторскою борьбою въ самое комическое положеніе, прервалъ это положеніе словами: «Господа! Я не сомнѣваюсь въ вашихъ чувствахъ и благодарю за нихъ. Будемъ продолжать обѣдъ». Крики «ура!» завершили дѣло и обѣдъ, не смотря на неудачи нашихъ ораторовъ, которыми они сами и не думали огорчаться, пошелъ самымъ разгульнымъ и разорительнымъ образомъ. Разорительнымъ потому, что Студзинскій непрерывно производилъ съ насъ поборы въ пользу цыганъ или, лучше сказать, въ пользу одной цыганки.

Въ то время особенно славилась и, дѣйствительно, восхищала публику цыганка Любаша. Дѣвушка эта, немножко косоглазая, имѣла въ себѣ много какаго-то благородства и была симпатична въ высшей степени. Недостатокъ въ ея глазахъ не только не портилъ ее, но, напротивъ, придавалъ ей особую прелесть. Пѣла она превосходно и приводила въ неистовый восторгъ любителей. Какъ только бывало кончить она какую-нибудь пѣсню, то среди восторженной толпы, выражавшей свое восхищеніе криками, хлопаньемъ, появлялся Студзинскій и голосомъ, которымъ старался перекрычать всѣхъ, возвѣщаль: «Любашѣ по 100 р.». Волею или неволею, надо было раскошелиться, потому что спрятаться было некуда, а выказать при всѣхъ свою скупость или бѣдность

равно было тяжело для самолюбія. Впрочемъ, въ эту минуту общаго одурѣнія едва-ли кто-нибудь и могъ имѣть какіе-либо расчеты и соображенія.

Съ постепеннымъ усиленіемъ общаго веселья и одушевленія, явилась мысль выпросить у губернатора прощеніе Ильѣ, вытребовать его хоръ немедленно на нашъ праздникъ и слить его, если не навсегда, то на этотъ моментъ, съ враждебнымъ хоромъ и заслушаться цыганскихъ пѣсенъ во всемъ ихъ великолѣпіи. Таеъ и сдѣлалось. Губернаторъ не затруднился дать свое прощеніе, и наши кареты, посланныя за Ильею съ его компаніею, тотчасъ привезли его хоръ.

Трудно изобразить мѣру того восторга, который объялъ всѣхъ, когда эти два хора соединились и, подъ командою историческаго Ильи, грянули пѣсню... Я помню, какъ у самихъ цыганъ глаза горѣли какимъ-то особеннымъ блескомъ. Многіе изъ цыганъ увѣряли меня, что они чувствовали невыразимую радость, видя предъ собою Илью, этого идеала всѣхъ цыганъ. Нечего говорить, что обѣдомъ не кончился нашъ праздникъ и что обѣдъ былъ только началомъ нашего пиршества, которое могло кончиться единственно общимъ и полнымъ опьяненіемъ. Послѣ обѣда образовалось множество группъ, но самая шумная и многочисленная группа окружала прелестную Любашу, которая, помѣстившись въ уголку, съ гитарою въ рукахъ, была предметомъ общаго обожанія и общихъ просьбъ. Одинъ просилъ поцѣлуя, другой—пѣсни. Она во всѣмъ была мила и благосклонна. Я помню, что гитара ея, наполняясь золотомъ и ассигнаціями, нѣсколько разъ была опоражниваема и потомъ снова наполнялась. Эти приношенія, подъ наименованіемъ «уголковыхъ», у многихъ рѣшительно опустошили карманы и долго жили въ памяти курскихъ помѣщиковъ. Что касается до Любаши, то она великолѣпно заключила свою цыганскую карьеру, выйдя замужъ за кирасирскаго полковника, не то Огарева, не то Офросимова. Спустя много лѣтъ, я видѣлъ ее въ ложѣ московскаго театра барыней, оруженной двумя или тремя дѣтьми.....

IV.

Радужный кружокъ знакомыхъ образовался у меня между курскими помѣщиками—людьми, болѣею частію, порядочными и состоятельными—весьма значительный. Когда потомъ я еще нѣсколько

разъ прїѣзжалъ въ Ивановское, я находилъ тамъ такую же толпу друзей и прїятелей, какая у меня была и въ Петербургѣ. Приглашеніямъ не было конца и лѣто, которое я всегда избиралъ для моихъ поѣздокъ туда, пролетало быстро и великолѣпно. Но изъ всѣхъ праздниковъ, которые задавали тамошніе бояре, наибольшее впечатлѣніе оставили во мнѣ праздники М. С. Деменкова, и особенно ежегодный храмовой праздникъ 1-го октября. Праздникъ этотъ, независимо отъ барской роскоши, которою сопровождался всѣ его части, замѣчательнѣе былъ еще тѣмъ, что съ этого дня Деменковъ открывалъ свою великолѣпную охоту, для чего съѣзжались къ нему не только окрестные охотники, но и охотники сосѣднихъ губерній съ своими людьми, лошадьми и собаками. Первый день, т. е., 1-е октября, отдавался обѣду и слѣдовавшему за нимъ балу. На другой день совершалась охота.

Я помню то неизяснимое впечатлѣніе, которое производило на меня первое знакомство съ этою потѣхою, занимавшею столь видное мѣсто въ быту мирнаго благополучія нашихъ помѣщиковъ. У подъѣзда стояло множество приготовленныхъ экипажей, разнаго вида, которые должны были отвезти дамъ на мѣсто дѣйствія. Съ ними же помѣщались нѣкоторые пожилые люди, которые не желали принимать въ охотѣ болѣе дѣятельнаго участія. Съ другой стороны стояли осѣдланная лошади, приготовленные для мужчинъ въ такомъ числѣ, которое было бы достаточно для укомплектованія эскадрона кавалеріи. Послѣ роскошнаго завтрака все общество разсаживалось въ экипажи и на верховыхъ лошадяхъ и двигалось къ избранному мѣсту. Затѣмъ двигались полки псарей, доѣзжачихъ и другихъ должностныхъ лицъ, окруженныхъ положительно стадами собакъ—гончихъ и борзыхъ. Для меня все это составляло сплошную и безразличную массу, но потомъ я узналъ, что все это раздѣлялось на партіи, изъ которыхъ каждая принадлежала тому или другому помѣщику, и что между этими партіями существовало стародавнее соперничество.

Когда прибывали на мѣсто, на избранномъ возвышеніи растлали ковры и усаживали дамъ, а охотники, съ борзыми собаками, оцѣпляли сбереженный для этого праздника островъ. Тутъ впервые я узналъ, что островомъ назывался не островъ дѣйствительно, а болѣе или менѣе обширная котловина, заросшая кустарниками. «Сберечь островъ» значило не охотиться въ немъ

до извѣстнаго дня, въ который и предполагалось найти тамъ болѣе обильную жатву. Когда островъ былъ оцѣпленъ, т. е., окруженъ охотниками, разставленными одинъ отъ другаго на извѣстномъ разстояніи, тогда давался знакъ «бросить гончихъ въ островъ». «Бросить гончихъ въ островъ»—значило спустить ихъ со сворь, вслѣдствіе чего, онѣ, какъ сумасшедшіе, бросались въ котловину, поощряемые многообразными восклицаніями спустившихся туда вслѣдъ за ними людей и хлопаньемъ бичей. Вскорѣ послѣ того, какъ гончія разсыпались по котловинѣ, раздавалось тавканье одной, потомъ—другой, третьей, и затѣмъ мгновенно вся котловина заливалась ихъ остервененнымъ лаемъ. Это значило, что гончія напали на слѣдъ звѣря и ринулись по этому слѣду, чтобъ, исполняя прямую свою обязанность, выгнать его изъ котловины и передать для дальнѣйшихъ распоряженій окружающимъ ее борзымъ собакамъ. Для многихъ охотниковъ это завыванье гончихъ доставляло не только наслажденіе, но и вѣрныя свѣдѣнія о томъ, какаго звѣря они преслѣдуютъ и гдѣ именно этотъ звѣрь выбѣжитъ изъ котловины.

Въ первый разъ я присоединился къ дамамъ, чтобъ видѣть общность охоты, и страшно удивлялся, когда при первыхъ тавканьяхъ гончихъ, раздавшихся въ чрезвычайно отдаленномъ разстояніи, одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, старый помѣщикъ и охотникъ, утвердительно сказалъ: «Гонять волка; онъ выбѣжитъ на насъ». И дѣйствительно, едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на опушкѣ кустарника, вблизи насъ, показалась огромная стая собакъ и впереди ея волкъ, удерживавшій ее въ почтительномъ положеніи. Волкъ тотчасъ скрылся опять въ кустарникахъ и, вѣроятно, и теперь здравствуетъ, къ великому посрамленію одного изъ записныхъ охотниковъ, Л. Н. Львова, милѣйшаго господина. Дѣло въ томъ, что Львовъ имѣлъ при себѣ двухъ собакъ, большихъ и длинношерстныхъ, которыхъ называлъ «володавами». Когда показался волкъ, я видѣлъ, какъ Львовъ спустил своихъ собакъ со своры, и они яростно кинулись къ промчавшейся предъ ними стаѣ, но мгновенно возвратились. Обстоятельство это для меня, какъ не специалиста, совершенно непонятное, возродило страшный споръ между охотниками. Всѣ безъ исключенія смѣялись надъ володавами Львова и утверждали, что они дали уйти волку; Львовъ горячо защищалъ своихъ собакъ и, между про-

чимъ, объяснялъ ихъ недѣятельность тѣмъ предположеніемъ, что это, по всей вѣроятности, былъ не волкъ, а какая-нибудь собака изъ непомнящихъ рода, и что не страхъ, но единственно прерѣніе руководило его волкодавами.

Впослѣдствіи я принималъ уже дѣятельное участіе въ самой охотѣ и быстро поддавался тому одурѣнію, которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыя минуты овладѣваетъ настоящими охотниками. Я садился на коня и бралъ свору борзыхъ собакъ. Меня становили на извѣстное мѣсто и я съ трепетомъ ожидалъ, что вотъ, вотъ подлѣ меня выскочитъ изъ котловины заяцъ. Сначала я спускалъ собакъ тогда, когда это было вовсе не нужно, т. е., когда заяцъ вылеталъ на отдаленномъ и недостижимомъ для моихъ собакъ разстояніи и подлежалъ попеченію другихъ охотниковъ, за что, разумѣется, наши старшины и начальники распевали меня порядочно. Но я скоро сталъ привыкать къ этому, въ существѣ не хитростному, дѣлу и впослѣдствіи лично былъ причиною гибели многихъ зайцевъ.

Впрочемъ, охота въ островахъ никогда не доставляла мнѣ такого наслажденія, какъ охота «въ наѣзду», которая производилась слѣдующимъ образомъ. Избиралось обширное засѣянное поле. Съ одной стороны этого поля вся толпа охотниковъ выравнивалась съ своими собаками въ нѣкоторомъ одинѣ отъ другаго разстояніи, что походило на стѣну съ большими просвѣтами. Стѣна эта двигается медленно и каждый охотникъ внимательно долженъ смотрѣть впередъ, чтобы не прозввать зайца, спрятавшегося въ кочкахъ, что составляетъ употребительный способъ спасенія у этихъ звѣрьковъ. Когда кому-нибудь изъ охотниковъ удавалось запримѣтить зайца, уерывшагося за кочкой, онъ оставался и кричалъ знаменитое «ату его!», что служило для всѣхъ сигналомъ приготовленія къ травлѣ. Вотъ этотъ-то моментъ и былъ для меня особенно хорошъ. Когда всѣ люди, лошади, собаки насторожатъ уши и будутъ готовы, чтобы неистово и мгновенно броситься на несчастную жертву, тогда одинъ изъ охотниковъ приближается къ зайцу, чтобы спугнуть его. Одного приближенія охотника мало для этого, часто надо хлопать арапникомъ надъ самымъ зайцемъ, чтобы заставить его растаться съ своимъ ложемъ. Едва заяцъ выскочитъ въ поле, какъ въ тотъ же мигъ ринется за нимъ вся толпа охотниковъ и собакъ и нач-

нется самая безумная и самая отчаянная скачка, сопровождаемая самыми неистовыми криками. Часто случалось, что во время этой скачки выскакивало много другихъ зайцевъ, до которыхъ дѣло вовсе не касалось, и поле усѣивалось ими. Собаки разбрасывались въ разныя стороны, за ними летѣли охотники и все это, хотя и не имѣло блистательнаго результата, но представляло нѣчто въ родѣ хаоса, въ высшей степени оригинальнаго и увлекательнаго... Говоря объ этихъ охотахъ, я самъ сознаю, что, въ глазахъ опытныхъ охотниковъ, все это ничто иное, какъ дѣтскій лепетъ; но я и не думаю претендовать сказать что-нибудь новое собственно по этой части; моя цѣль заключается въ томъ, чтобъ выяснитъ мои личныя впечатлѣнія, связанныя съ этою забавою богатыхъ владѣльцевъ,— забавою, которая въ настоящее время почти повсюду и совершенно уничтожилась.

Само собою разумѣется, что послѣ охоты все общество возвращалось въ хлѣбосольному ховяину, снова обѣдало, танцовало, засыпало и просыпалось, чтобъ снова ѣсть, пить и веселиться... При такихъ обычаяхъ продолжительнаго пированья гости съѣзжались съ значительными запасами домашняго скарба. Мужчины имѣли при себѣ камердинеровъ со всѣми потребностями, въ которыхъ они привыкли дома. Дамы привозили съ собой своихъ горничныхъ съ большимъ запасомъ гардероба, рассчитаннымъ на извѣстное число дней, которое каждый хотѣлъ тутъ провести. Людямъ женатымъ отводились особыя комнаты, приготовленныя самымъ комфортабельнымъ образомъ; холостые соединялись по два и по три въ одной комнатѣ, снабженной также всѣмъ нужнымъ. Три дня былъ самый вратчайшій срокъ, въ теченіе котораго каждый долженъ былъ оставаться и прежде котораго весьма трудно было выбраться, разумѣется, за исключеніемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Любители жили по недѣлѣ, по двѣ, въ ожиданіи другаго праздника у другаго помѣщика, куда и переѣзжали прямо.

У простаго народа образовалось особое мѣрило подобныхъ праздниковъ и именно по числу лошадей, на которыхъ пріѣхали гости.

— «У насъ, братъ, гости были на 600-хъ лошадяхъ», говорилъ крестьянинъ своему пріятелю изъ другаго имѣнія.

— «А у насъ, лѣтомъ, на Вознесенье, была безъ малаго цѣлая тысяча», отвѣчаетъ тотъ съ чувствомъ превосходства...

Весьма естественно, что, пируя на другихъ праздникахъ, я долженъ былъ дѣлать и свои праздники. Марьино представляло къ тому обильнѣйшія средства. Нѣтъ такой затѣи, которой нельзя было бы тамъ исполнить. Поэтическая мѣстность, роскошнѣйшее помѣщеніе, богатство матеріальныхъ средствъ всякаго рода, искусство мастеровыхъ по всѣмъ отраслямъ, — все это вмѣстѣ представляло обширное поле для самой затѣйливой фантазіи.

V.

Не должно, однако же, думать, что во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ туземнымъ міромъ я имѣлъ въ виду одну собственно веселую сторону. Напротивъ, тутъ была весьма серьезная и дѣловая сторона. Совершенно неопытный ни въ сельскомъ быту вообще, ни въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами мѣстной администраціи, я долженъ былъ искать сильныхъ связей, которыя бы поддѣрпывали меня и восполняли мою неопытность. Я видѣлъ, какъ на всѣхъ этихъ праздникахъ судьи, исправники, становые и другіе должностные люди имѣли замѣтную роль и какъ эти тароватые владѣльцы заигрывали съ ними и старались держаться съ ними на самой короткой и пріятельской ногѣ. Я знаю самыя невѣроятныя дѣла, которыя совершались этими господами. Я видѣлъ страшное могущество этихъ господъ, и потому, во слѣдъ другимъ, находилъ выгоднымъ брататься съ ними.

Я тутъ же могъ бы привести тысячи примѣровъ и доказательствъ, что мой расчетъ былъ вѣренъ; но это завлекло бы меня такъ далеко впередъ, что мнѣ было бы еще труднѣе, чѣмъ теперь, возвратиться назадъ и возстановить сколько-нибудь послѣдовательность въ моихъ разсказахъ. Здѣсь замѣчу только, что одни укоры, которыми осыпали этихъ господъ, при всей ихъ справедливости, никогда не могли приносить существенной пользы. У насъ на Кавказѣ существовало такое убѣжденіе, что если переселить туземныхъ горцевъ на плоскость, они скоро сдѣлаются мирными, и наоборотъ, если водворить крестьянъ какой-нибудь Тамбовской губерніи въ горахъ, они обратятся въ хищниковъ и разбойниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что условія, въ которыхъ совершается дѣятельность каждаго человѣка, имѣютъ огромное влія-

ніе на свойство этой дѣятельности. Сфера, въ которой дѣйствуютъ или, по крайней мѣрѣ, въ мое время дѣйствовали всѣ эти исправники и становые, была виновата въ томъ, что эти господа дѣлали все, что хотѣли. Праздность, лѣнь, незнакомство съ дѣломъ, которымъ отличались, большею частію, наши помѣщики, открывали полный просторъ произволу полицейскихъ чиновниковъ. Можно-ли представить взяточника среди людей честныхъ, дѣловыхъ и развитыхъ? Но наши помѣщики, если и были честны, то ужъ нѣсколько не были дѣловиты. Одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, Вячеславъ Стремоуховъ, старый гвардеецъ и милѣйшій господинъ, былъ избранъ однажды попечителемъ сельскихъ магазиновъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Должность—вовсе не головоломная. Тѣмъ не менѣе, онъ скоро былъ смѣненъ за неумѣніе исполнить и эту должность. Относя это въ интригамъ, направленнымъ противъ него, онъ говорилъ мнѣ, что съ трудомъ развязался съ этимъ мѣстомъ.

— «Вообразите», говорилъ Стремоуховъ самымъ искреннимъ образомъ, «когда новый попечитель сталъ требовать сдачи дѣла, я и отдалъ ему всѣ дѣла, какія самъ принялъ, вмѣстѣ съ описью».

— «Не всѣ» — говорить.

Я говорю: «какъ не всѣ? у меня больше нѣтъ». Стали поворачивать, представьте: оказалось еще одно дѣло лишнее, а онъ говоритъ: «не всѣ!»

Конечно, такой оригинальный взглядъ, быть можетъ, составлялъ исключеніе, тѣмъ болѣе невозможное въ настоящее время, когда переворотъ крестьянскаго дѣла и міровыя учрежденія вызываютъ среди тѣхъ же владѣльцевъ отличныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Но въ то время, я говорю по опыту, всѣ или боялись дѣла, или не понимали его, или, наконецъ, не хотѣли тревожить свою барскую лѣнь и потому давали полный просторъ исправникамъ, становымъ и пр., выплачивая имъ постоянные оклады деньгами, хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями. По имѣнію князей Барятинскихъ также существовали оклады, и въ извѣстномъ праздникамъ экономія отправляла возы съ пшеницей, овсомъ, крупой и т. п., назначенные въ приношеніе.

Говоря о моихъ поѣздкахъ въ имѣніе князей Барятинскихъ, я считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующее обстоятельство. Однажды, на переѣздѣ въ это имѣніе, мы съ женой пріѣхали въ

Курскъ и остановились въ лучшей гостинницѣ. Изъ сосѣднаго номера до насъ доходили звуки скрипки и шумъ танцевъ. Когда мы спросили: «кто занимаетъ этотъ номеръ?» Намъ отвѣчали: «Богдановъ съ дѣтьми изъ Москвы». Мы оставались въ Курскѣ нѣсколько дней и каждый вечеръ проводили у кого-нибудь изъ тамошнихъ нашихъ знакомыхъ. Почти на всѣхъ этихъ вечерахъ постоянно присутствовалъ Богдановъ съ дѣтьми, приглашенный за самую дешевую цѣну, чуть-ли не по пяти руб. асс. за вечеръ. Сынъ игралъ на скрипкѣ, а отецъ танцевалъ съ дочерью модную тогда польку. Дочь эта была тогда дѣвочкой лѣтъ 14-ти, и, конечно, ни ей самой, а тѣмъ менѣе курскимъ господамъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на бѣдную фиглярку, и въ голову не приходило, что впослѣдствіи эта дѣвочка будетъ знаменитой танцовщицей....

Сознаю, что мнѣ давно пора возвратиться назадъ и съ проселочныхъ дорогъ, по которымъ я такъ долго блуждалъ, выбраться на главную.... Во время перваго пребыванія моего въ Ивановскомъ, я велъ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ самую дѣятельную переписку. Въ маѣ 1843 года, прежде нежели я успѣлъ окончить предназначенные мною разные труды, которыми я хотѣлъ привести въ систему и упрочить хозяйственныя и административныя начала по внутреннему устройству и управленію имѣніемъ, я получилъ отъ князя письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: «Я перемѣнилъ намѣреніе отдать херсонское имѣніе князю Анатолю Ивановичу; устройство сего удѣла возьметъ много времени, а раздѣлъ брата не терпитъ отлагательства. Я рѣшился на покупку имѣнія, которое соотвѣтствуетъ моимъ и его видамъ, и для сего предмета посылаю вамъ довѣренность на исходатайствованіе свидѣтельства на залогъ 8 т. душъ, которое прошу, какъ можно скорѣе, мнѣ przeprowadить. Вамъ, я надѣюсь, поможетъ въ этомъ курскій губернаторъ, къ которому прилагаю письмо. Что касается до анатоліевскаго имѣнія, то князь Викторъ Ивановичъ проситъ меня уступить ему....».

Само собою разумѣется, что на этомъ порученіи я долженъ былъ сосредоточить всѣ мои заботы и старанія. Ознакомившись со всѣми узаконеніями по части свидѣтельствъ, заключающимися въ Сводѣ Законовъ, и взявъ съ собою одного изъ такъ назы-

ваемыхъ экономическихъ повѣренныхъ, наиболѣе опытнаго въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, я въ тотъ же день отправился въ Курскъ, отстоящій отъ Ивановскаго въ ста верстахъ. Дорога лежала чрезъ имѣніе Волжина, льговскаго предводителя, и я не могъ не заѣхать къ нему. По обыкновенію, я нашелъ у него толпу гостей. Когда я объявилъ имъ, куда и зачѣмъ ѣду, на меня посыпались со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и самыя зловѣщія предсказанія. Они утверждали, что изъ всѣхъ дѣлъ, которыя ставятъ помѣщиковъ въ сношенія съ мѣстной администраціей, нѣтъ ужаснѣе и разорительнѣе взятія свидѣтельства. Они утверждали, что расходъ по рублю съ души есть самая обычная и умѣренная подать, которую надо дать; что годовой срокъ есть обычный и умѣренный срокъ, въ теченіе котораго можно, навонецъ, получить въ руки свидѣтельство. На мое замѣчаніе объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору, къ которому я имѣлъ письмо отъ князя Бяратинскаго, и къ предсѣдателю гражданской палаты, котораго я встрѣчалъ постоянно на всѣхъ дворянскихъ пирахъ, гдѣ съ нимъ и познакомился, они утверждали, что это ровно ничего не значить.

Предвѣщанія эти хотя и не могли произвести на меня благопріятнаго впечатлѣнія, но все-таки казались мнѣ черезъ-чуръ преувеличенными. Увы! по пріѣздѣ моемъ въ Курскъ, я скоро убѣдился, что въ нихъ много справедливаго. Губернаторъ и предводитель приняли меня отлично, вѣжливо, изъявили готовность сдѣлать все къ полному моему удовольствію и дали соотвѣтственныя приказанія подчиненнымъ. Но когда я обратился къ этимъ подчиненнымъ, меня буквально обдало холодомъ. Я мгновенно убѣдился въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что дѣло совершенно въ ихъ рукахъ, и, во-вторыхъ, что тутъ безъ денегъ ничего не сдѣлаешь, не смотря ни на какія отношенія.... Я не имѣлъ ни охоты, ни умѣнія спуститься въ это грязное болото и, предоставивъ моему довѣренному заключать тамъ всевозможныя торги, условія и сдѣлки, оставилъ за собою, такъ сказать, высшее покровительство и право утвержденія. Когда сдѣлки были сдѣланы, задатки даны — дѣло закипѣло и тотчасъ были посланы вопросы едва-ли не во всѣ концы земнаго шара. Намъ вручили кучу бумагъ съ такими же вопросами уѣзднымъ мѣстамъ и лицамъ.

Здѣсь я не могу не привести, руководствуясь опытомъ, паралели между закономъ и его исполненіемъ. Законъ требуетъ, чтобы при выдачѣ свидѣтельства обнаружено было положительно, въ чемъ именно состоитъ имѣніе, на которое испрашивается это свидѣтельство; для этого требуется удостовѣреніе сосѣднихъ помѣщиковъ, какъ лучшее обезпеченіе дѣйствительности дѣла. Это самая главная и существенная часть дѣла, и о ней-то именно я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Другія части, какъ напримѣръ, собраніе свѣдѣній о долгахъ, казенныхъ недоимкахъ, тяжбахъ, не представляютъ особеннаго интереса, за исключеніемъ того, что всѣ отвѣты на сдѣланные, въ этомъ отношеніи, вопросы должны быть непременно оплачиваемы, иначе они не будутъ сдѣланы до втораго пришествія. Изслѣдованіе въ чемъ именно состоитъ имѣніе и собраніе всѣхъ относящихся сюда свѣдѣній и удостовѣреній возложено было на исправниковъ, а отъ нихъ, разумѣется, перешло къ становымъ.

По разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ и особенно для того, чтобы не препятствовать переселенію курскихъ крестьянъ въ херсонское имѣніе, я нашелъ полезнымъ, не закладывая селеній и деревень въ полномъ ихъ составѣ, подвергнуть, изъ каждаго селенія или каждой деревни, залогу извѣстную часть крестьянъ, а другую — оставить свободною. Такимъ образомъ, пришлось брать свидѣтельство на селенія и деревни, расположенныя въ трехъ уѣздахъ: Львовскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ и, слѣдовательно, попасть въ лапы тремъ исправникамъ и цѣлой толпѣ становыхъ. Тутъ-то я и убѣдился, съ одной стороны, въ вѣрности разчета, по которому я сдѣлался пріятелемъ всѣхъ этихъ господъ, а съ другой — въ страшномъ ихъ могуществѣ. Въ два уѣзда, Львовскій и Путивльскій, я послалъ моихъ экономическихъ повѣренныхъ съ любезными письмами, къ кому слѣдовало, а въ Рыльскомъ, изъ котораго закладывалась наибольшая часть крестьянъ, самъ наблюдалъ за ходомъ этого дѣла. Ходъ этотъ начался съ того, что сама экономія составила подробное и, разумѣется, сколь можно, блестящее описаніе закладываемаго имѣнія. Можно было полагать, что для удостовѣренія этого описанія нужно было обращаться съ просьбами къ дѣйствительнымъ и состоятельнымъ окрестнымъ помѣщикамъ. Ни чуть не бывало. Становой призналъ это совершенно ненужнымъ

и при мнѣ далъ сотскому приказъ, чтобы на другой день собрано было извѣстное число дворянъ. Я страшно удивился и не понималъ, въ чемъ дѣло.

На слѣдующее утро, когда я вышелъ съ своимъ бурмистромъ и крестьянамъ, я замѣтилъ между ними нѣсколько лицъ, мнѣ вовсе неизвѣстныхъ. На мой вопросъ: кто они и что имъ надо? они отвѣчали, что они—дворяне и пришли по требованію становаго. Когда становой вышелъ вслѣдъ за мной, они, стоя безъ шапокъ, выслушали его приказаніе и затѣмъ удостовѣрили, своими безобразными подписями, правительство, что у ихъ сосѣда, князя Барятинскаго, дѣйствительно все то есть, что въ описаніи изложено. Этимъ добрымъ сосѣдамъ поднесли по чаркѣ водки и отпустили ихъ, а подписанная ими бумага, которой они не читали и, быть можетъ, не въ состояніи были бы прочесть при соединенныхъ усиліяхъ въ теченіе цѣлой недѣли, сдѣлалась автомъ, обезпечивающимъ миллионную ссуду. Такъ было и по другимъ уѣздамъ.

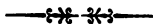
Чтобы объяснить, какую силу находили полицейскіе чины въ этихъ дворянахъ и вообще въ такъ-называемыхъ окрестныхъ жителяхъ, приведу слѣдующій фактъ. По сосѣдству съ имѣніемъ Барятинскихъ, водворился гдѣ-то въ Путивльскомъ уѣздѣ какой-то выгнанный землемѣръ Z*** и скоро стяжалъ громадную славу своимъ сутяжничествомъ. Много ходило разсказовъ о томъ, какъ онъ у того оттягалъ повесы, у этого—лѣсъ, а у этого—и все имѣніе. Большая и могущественная экономія Барятинскихъ равнодушно выслушивала эти разсказы и съ презрѣніемъ смотрѣла на ничтожнаго сутягу. Этотъ ничтожный сутяга подалъ однажды въ путивльскій земскій судъ жалобу на то, что крестьяне Барятинскихъ залахали у него полдесятины. Экономія не обратила на эту придирку никакого вниманія. Между тѣмъ, для разрѣшенія спорнаго вопроса потребованы отъ нея планы. Плановъ не оказалось, что, вѣроятно, и пропюхалъ Z***. Земскому суду оставалось поручить одному изъ становыхъ разрѣшить вопросъ на основаніи показаній окрестныхъ жителей. Z*** того только и нужно было. Когда становой пріѣхалъ на мѣсто и собраны были толпы окрестныхъ жителей, началось всеобщее и страшное пьянство, разумѣется, на счетъ Z***. Пьяному народу давали подписывать, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, все, что хотѣли. Кончилось

тѣмъ, что, на основаніи этихъ пресловутыхъ показаній окрестныхъ жителей, пьяный становой отдавъ Z*** не полдесятины только, которыхъ тотъ первоначально требовалъ, а всю дачу, въ которой эта полдесятина принадлежала и которая заключала въ себѣ отъ 2-хъ до 3-хъ т. десятинъ. Тогда только экономія увидѣла, что это дѣло вовсе не шуточное и начала дѣйствовать. Но дѣйствія ея не могли уже уничтожить злохитростной продѣлки Z***. Разумѣется, по ходатайству экономіи, земскій судъ уничтожилъ незаконное распоряженіе своего становаго, осыпавъ его выговорами и замѣчаніями; но Z*** перенесъ дѣло въ уѣздный судъ, гдѣ и выигралъ его. Экономія жаловалась гражданской палатѣ, которая рѣшила снова въ пользу Барятинскихъ. Z***, сѣвъ въ допотопную одноколку и одѣвшись нищимъ, поѣхалъ въ Москву и принесъ сенату жалобу, что онъ разоренъ Барятинскими, въ чемъ увѣрялъ и сенаторовъ, обивая у нихъ пороги. Въ этомъ положеніи дѣло перешло на мое попеченіе и я долженъ былъ употребить и много хлопотъ, и много расходовъ, чтобъ затушить его и отбиться отъ этого врючковворца.

Впрочемъ, это не единственный примѣръ. Въ то время эти примѣры были и въ другихъ губерніяхъ. Какой-нибудь выгнанный изъ службы сутяга покупалъ гдѣ-нибудь нѣсколько десятинъ, и, водворяясь на нихъ, какъ гнусный паукъ, раскидывалъ сѣти, въ которыхъ онъ и запутывалъ неопытныхъ сосѣдей. При отсутствіи всякихъ дѣловыхъ знаній въ средѣ сельскихъ владѣльцевъ, при темнотѣ межевыхъ узаконеній и, наконецъ, при неясности поземельныхъ владѣній, подобный промыселъ былъ въ то время весьма выгоднымъ.

Къ счастью, все это было, да прошло, и подобныя явленія въ настоящее время невозможны.....

В. А. Инсарскій.

„ЖЕНИТЬБА“, КОМЕДИЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Разнорѣчія по черновой его рукописи.

Между бумагами, принесенными въ даръ Императорской Публичной Библиотекѣ извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, находится нѣсколько рукописей Н. В. Гоголя. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ рукописей, оказалось, что одну ихъ часть составляютъ черновые отпуски писемъ къ разнымъ лицамъ автора „Мертвыхъ Душъ“, до того перемаранные и связно написанные, что надобно къ ихъ разбору приложить очень много труда, который едва-ли во всѣхъ случаяхъ увѣнчается успѣхомъ. Другая часть рукописей содержитъ отрывки драматическихъ произведеній Гоголя. Здѣсь находятся: „Женитьба“, „Игроки“, „Отрывокъ“ и „Театральный разъѣздъ“.

Слививъ съ печатнымъ изданіемъ прежде всего „Женитьбу“, я нашелъ, что эта пьеса, за исключеніемъ нѣсколькихъ явленій, которыми поспѣшаю подѣлиться съ почитателями таланта Гоголя, весьма мало отстаетъ отъ печатнаго текста. Печатаемая же нынѣ явленія при всей, повидимому, незначительной разности противъ позднѣйшей ихъ редакціи, тѣмъ не менѣе, весьма любопытны какъ живыя указанія процесса творчества автора.

А. Вычговъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Предшествующія явленія не представляютъ замѣчательныхъ разнорѣчій).

ЯВЛЕНИЕ VI ¹⁾.

Подколесникъ, потомъ Степанъ.

Подкол. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь женитьба! То, да сѣ, да это. Эй, Степанъ! (*Степанъ входитъ*). Я тебѣ еще хотѣлъ сказать....

¹⁾ Въ печатномъ изданіи настоящее явленіе есть 7-е; разница произошла отъ того, что въ черновой рукописи 2-е и 3-е явленія помѣчены одною и тою

Степ. Старуха пришла.

Подкол. А, пришла! зови ее сюда. (*Степанъ уходитъ*). Услышимъ, услышимъ, что скажетъ старуха. Она мнѣ, правда, наговорила съ три короба про всякихъ невѣсть. Кажется хороши, а впрочемъ чортъ его знаетъ. Самъ-то я не знатоеъ; никакъ не разберешь, которая выгладитъ какъ слѣдуетъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Подколесинъ и Оекла Ивановна.

Подкол. Здравствуй, Оекла Ивановна! Что скажешь хорошаго?

Оекла. А что сказать хорошаго? Все хорошо.

Подкол. Новостей, новостей-то.

Оекла. Э, коли молодой человѣкъ, то ему новость, а старому то—все старое.

Подкол. Степанъ! Набей мнѣ трубку трех-рублевымъ табакомъ. (*Оекл.*) Такъ что-жь она? какъ бишь ее? Меланья?

Оекла. Агафья Тихоновна ¹⁾.

Подкол. Да, да, Агафья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорока-лѣтняя дѣва?

Оекла. Ужь вотъ нѣтъ, такъ, ей Богу, нѣтъ; то есть, какъ женитесь, каждой день будете похвалять да благодарить.

Подкол. Да ты врешь, Оекла Ивановна.

Оекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песь вретъ.

Подкол. Вотъ ужъ и обидѣлась! Что-жь за нею приданаго?

Оекла. Каменной [домъ въ] ²⁾ Московской части о двухъ этажахъ, ужъ таковой прибыточной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазинъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ флигера—одинъ флигеръ совсѣмъ деревянный, другой—на каменномъ фундаментѣ, каждый рублеъ по триста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и таковой купецъ трезвый; совсѣмъ не беретъ

же цифрою (2). Вслѣдствіе этого и всѣ послѣдующія явленія имѣютъ другую нумерацію противъ печатнаго изданія.

А. В.

¹⁾ Въ рукописи: «Петровна».

А. В.

²⁾ Въ рукописи нѣтъ словъ: «домъ въ».

А. В.

хмѣльнаго въ ротъ, и трехъ сыновей имѣть: двухъ уже поже-
нилъ, «а третій», говорить, «еще молодой, пусть посидитъ въ
лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ», гово-
рить, «старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы шла
торговля получше».

Подкол. Да хороша-ли собой?

Оекла. Какъ рефинать! Бѣлая, какъ кровь съ молокомъ,
сладость такая, что и рассказать нельзя. Ужъ будете вотъ по
этихъ поръ довольны (*показываетъ на горло*), то есть, и прия-
телю и неприятелю скажете: «Ай да Оекла Ивановна, спасибо!»

Подкол. Да что она, званія какого? штабъ-офицерскаго или
мѣщанскаго?

Оекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и
генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ.
«Мнѣ», говорить, «какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то не-
взраченъ, да былъ бы дворянинъ». Такой величаться! къ вос-
кресному дню, какъ наденетъ шелковое платье—фу ты! такъ и
шумить.

Подкол. Видишь, я потому и спрашиваю; я, вѣдь, тоже на-
дворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Оекла. Да ужъ одинаково, какъ не знать. Былъ у насъ
и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ
у него нравъ-то странной былъ; что ни скажетъ слово, то и со-
вреть, а такой на взглядъ видной. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ
ему Богъ далъ; онъ и то и самъ-то не радъ, да ужъ не можетъ,
чтобы не прилыгнуть: такая ужъ на то воля Божія.

Подкол. А еромѣ Агафьи Тихоновны¹⁾, нѣтъ-ли еще какой?

Оекла. Да какой же тебѣ еще хочется? Ужъ всѣхъ пере-
брала, подъ конецъ что ни есть лучшую оставила.

Подкол. Будто это ужъ самая лучшая?

Оекла. По всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подкол. Подумаемъ, подумаемъ, матушка; рассудимъ. При-
ходи послѣ завтра. Мы съ тобой еще потолкуемъ.

Оекла. Да, помилуй, отецъ мой! вотъ скоро ужъ мѣсяць,
какъ я тебѣ каждый день толкую и что утро прихожу къ тебѣ,

¹⁾ Въ рукописи: «Петровны».

да все что-то мало проку: все сидишь въ халатѣ, да трубку знай себѣ, покуриваешь¹⁾.

Подкол. Да ты-то что такъ разхорохорилась! Ты думаешь, что женитьба все равно, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» натянулъ на ноги, да и пошелъ? Эхъ, ты! Нужно поразсудить да поразсмотрѣть.

ӨЕВЛА. Ну, такъ что-жъ? Коли смотрѣть, то и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажитъ-ва подать кафтанъ, да теперъ же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подкол. Куда-жъ теперъ ѣхать? Видишь, какъ пасмурно. Выйду, а тутъ вдругъ дождь,— да притомъ какъ-то сегодня нездоровится.

ӨЕВЛА. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ-то ужъ сѣдой волосъ сталъ выглядывать, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго долга. Невидадь какая, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подкол. Ну, ври, ври! Гдѣ же у меня сѣдой волосъ? Что ты городишь!²⁾ (*берется за голову*).

ӨЕВЛА. Какъ не быть сѣдому волосу, на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь; а говорить-то, какъ труба, по министеріи служить.

Подкол. Да врешь ты, дура, чтобы у меня былъ сѣдой волосъ; стой, я посмотрю нарочно въ зеркало. Эй, Степанъ! принеси сюда зеркало, или стой, я самъ пойду. Вотъ еще, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ³⁾.

¹⁾ Въ рукописи: «покуриваетъ».

А. В.

²⁾ Въ рукописи эта рѣчь написана вмѣсто слѣдующей, надъ ней: «Вотъ ужъ опять понесла свое! Послушай, гдѣ-жъ тышла у меня сѣдой-то волосъ, а?» (*берется за голову*).

А. В.

³⁾ Въ рукописи первоначально было написано, а потомъ зачеркнуто, слѣдующее: «Да, послушай, гдѣ-жъ сѣдой волосъ? Вѣдь ты врешь! Эй, Степанъ! Степанъ! (*продолжая рыться въ голову*). Принеси-ка ко мнѣ маленькое зеркало. Пойду-ка я въ спальню; разсмотрю хорошенько. Это—чортъ возьми, если сѣдой волосъ».

А. В.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

[Оебла и ¹⁾ Кочваревъ (объял).

Кочв. Что Подколесинъ, дома? Ба, старая ящерица! ты какъ сюда пролѣзла?

Оебла. Богъ далъ ноги, башмаки купила на Щувиномъ, по милости добрыхъ людей, потому и пришла.

Кочв. Послушай, скажи пожалуйста, ну, зачѣмъ ты меня женила, на кой чортъ?

Оебла. Э, вѣдь самъ же ты напрашивался: «жени, бабушка», да и полно. Ужъ я не знаю, вѣрно тебѣ было такъ нужно.

Кочв. И врешь, совсѣмъ не было нужно; такъ вдругъ, сдуру, схватила и женила.

Оебла. Чѣмъ же худо? Законъ исполнилъ.

Кочв. (смотря на нее презрительно). Ахъ, ты, корга! Ну, а куда зачѣмъ притащилась?

Оебла. Навѣститъ, погостить, про здоровье спросить.

Кочв. Врешь, врешь, ты за этимъ не придешь. Ну, признайся: свадьбу затѣваешь. А?

Оебла. Не потоаю, Богъ благодать послалъ.

Кочв. Нѣтъ? Каковъ же Подколесинъ! Мнѣ, небось, объ этомъ ни слова... Ну, послушай, что-жъ она, изъ какихъ? богата? а?

Оебла. Да, богата.

Кочв. Нѣтъ! смотри ты мнѣ небось такой не выбрала! Это, однако-жъ, чортъ возьми, любопытно. Ай да Подколесинъ! Ну, послушай, гдѣ-жъ она живетъ?

Оебла. А тебѣ-то что знать?

Кочв. А тебѣ что? языка лѣнь поворотить, чтобы связать что-ли? Или, думаешь, перебью. Эхъ, ты! жены-то одной съ меня развѣ мало.

Оебла. Да на что-жъ вамъ по пустому знать.

Кочв. Мнѣ-то зачѣмъ знать? Ахъ, ты, крыса! Да я развѣ допущу тебя безъ меня женить. Ты, пожалуй, еще такъ его поддѣнешь, женишь на такой королевѣ, что морозъ по кожѣ поде-

¹⁾ Слово: «Оебла и» въ рукописи нѣтъ.

реть. Вѣдь я знаю, гдѣ она живетъ. Вѣдь это въ Коломнѣ, или то бишь въ Фонарномъ переулкѣ?

ОБЕЛА. Анъ нѣтъ, неподалече отъ Пяти угловъ, въ Владимірской.

Кочъ. Ну, да, тотчасъ за лавочкой.

ОБЕЛА. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочъ. Какъ же это за лавочкой? Вотъ этого я что-то не возьму въ толкъ.

ОБЕЛА. А вотъ какъ поворотить въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка, и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ такъ прямо въ глаза, такъ совсѣмъ прямо деревянной-то домъ. Тутъ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секретаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменной. Вотъ этотъ-то домъ и есть ее, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агафья Петровна (Тихоновна).

Кочъ. Найду, найду. Теперь, послушай, ты ужъ ни во что не вмѣшивайся. Я ужъ самъ, я ужъ самъ все это обдѣлаю. Сегодня же его свезу. А тебѣ, матушка, нечего здѣсь больше дѣлать; ты себѣ убирайся.

ОБЕЛА. Да что вы, батюшка! Не ужъ-то вправду хотите-то этимъ заняться?

Кочъ. Да, да. Это ужъ мое дѣло.

ОБЕЛА. Да вѣдь, батюшка, сами-то посудите: мужская-ли это забота? Отступитесь, батюшка; ей Богу, отступитесь. Вѣдь, право, не съумѣете повести дѣло.

Кочъ. Знаю, знаю. Пожалуста, не суйся ты только: перегадишь и перепортишь. Ты не имѣешь никакого понятія, а это—моя главная часть.

ОБЕЛА. Ахъ, безстыдникъ какой! *(всплеснувши руками)*.

Кочъ. Да, да, матушка, дѣла не смыслишь, такъ не совайся. Знай сверчою свой шестокъ. Убирайся!

ОБЕЛА. Стыдно, батюшка, у людей-то хлѣбъ отнимать. Какъ бы я-то была на твоёмъ мѣстѣ, стала бы я въ такую дрянъ мѣшаться! Безбожникъ таковой! Кабы знала, не сказывала бы, гдѣ живетъ *(уходитъ въ сердцахъ)*.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Подколесинъ, Бочкаревъ.

Подкол. (*выходитъ съ зеркаломъ въ рукахъ*). И солгала старуха! вовсе нѣтъ сѣдаго волоса. Одинъ только немножко побѣлѣлъ. Вѣрно какъ-нибудь сидѣлъ противъ солнца — его и припекло (*продолжаетъ глядѣться въ зеркало*). А, вѣдь, рожица-то смазливая, ей Богу, смазливая! Чортъ возьми, никакъ не заведу, чтобы бакенбарды съѣхали немного пониже со щеки, какъ теперь носятъ (*надуваетъ щеки, глядя въ зеркало, и сталкивается съ Кочкаревымъ*). Ба! (*смутившись*).

Кочк. Здравствуй, братъ!

Подкол. Здравствуй!... а я смотрѣлъ въ зеркало.... брился, такъ немного обрѣзалъ щеку.

Кочк. Да полно, братецъ, тебѣ привидываться! что за бритье! Задумалъ жениться! будто я не знаю; вѣдь я встрѣтилъ старуху.

Подкол. Ну, да, старуха приходила, приносила всякой вздоръ, перочинные ножички, да сказала: не нужно.

Кочк. Ну, ну, еще! эхъ ты, министръ внутреннихъ дѣлъ! Какъ-будто я не знаю, что такое перочинные ножички. Приносила она и ко мнѣ перочинные ножички, да не прошло двухъ дней, какъ женила, чортъ бы ее побралъ! Впрочемъ здѣсь ничего дурнаго нѣтъ. Тутъ, братъ, не зачѣмъ стыдиться. Это — доброе дѣло. Изволь, изволь, я съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ берусь хлопотать о тебѣ. Ты никакъ не воображай, что этимъ меня побезпокоишь; ничуть: для друга нѣтъ круга.

Подкол. Да вѣдь я только подумалъ; я еще ничего не рѣшился.

Кочк. Это вздоръ; за этимъ дѣло не станетъ.

Подкол. Да, вѣдь, какъ же? вѣдь это дѣло замысловатое.

Кочк. Пустяки, пустяки! Положись на меня; я тебя женю, такъ что и не услышишь, ей Богу, не услышишь. Мы съ тобою сейчасъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и ты увидишь какъ дѣло пойдетъ.

Подкол. Какъ же ѣхать сейчасъ?

Кочк. Да такъ-же, взять да и ѣхать. Зачѣмъ же откладывать дѣло? Ну, разсмотри самъ: ну что изъ того, что ты не женатый? Смотри на свою комнату: ну, что въ ней? Невычищенный сапогъ стоитъ,

вонъ лаханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ и ты вотъ самъ лежишь какъ байбакъ весь день на боку.

Подкол. Это правда. Порядка-то у меня, я самъ знаю, что нѣтъ.

Кочк. Ну, а какъ будетъ жена у тебя, да просто не узнаешь себя: тутъ у тебя будетъ диванъ, столъ, собаченка, или птичка въ влѣткѣ, или руководѣлье. Вообрази себѣ, ты сидишь на диванѣ, и вдругъ къ тебѣ подсядетъ жена ¹⁾ и положитъ на тебя ручку, и сама такая хорошенькая, и такъ это все.... а?

Подкол. А, чортъ, какъ подумаешь, какія въ самомъ дѣлѣ ручки бываютъ.

Кочк. Куда тебѣ! Какъ будто только всего ручка! У нихъ, братецъ, чортъ знаетъ что такое у нихъ есть. Ну да что и толковать объ этомъ ²⁾.

Подкол. А я люблю, если возлѣ меня сядѣтъ хорошенькая.

Кочк. Ну, видишь, самъ раскусиль. Теперь нужно распорядить все какъ слѣдуетъ. Ты ужь ни о чемъ не заботься. Нужно подумать только о свадебномъ обѣдѣ. Я уже все самъ—это мое дѣло.... Шампанскаго нужно взять дюжину. Этихъ маркбруновъ, фронтиньяковъ и тому подобныхъ гадостей не нужно. Бургонскаго — вотъ это такъ, какъ ты себѣ хочешь, шесть бутылокъ непременно. А что до рейнвейна, то Богъ съ нимъ, а? Не правда-ли? кисель, чортъ возьми. На щетъ же обѣда, у меня есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: то есть такъ, собака, готовить, что не встанешь изъ-за стола.

Подкол. Помилуй, ты такъ горячо взялся, какъ-будто сегоднѣ свадьба.

Кочк. А что-жъ? зачѣмъ откладывать? Вѣдь ты согласенъ.

¹⁾ Два слова въ этомъ мѣстѣ рукописи не разобраны. А. В.

²⁾ Первоначальная редакція этой рѣчи и двухъ предыдущихъ была слѣдующая:

Кочк. Ну, а какъ будетъ жена у тебя, ты самъ не узнаешь ни себя, ни своей комнаты. Здѣсь у тебя будетъ стоять диванъ, тамъ прекрасной столъ; собаченка, или птичка въ влѣткѣ, или что-нибудь этокое разное рабочее, прочее. Вообрази себѣ, ты сидишь на диванѣ, и вдругъ къ тебѣ подсядетъ жена, и положитъ на тебя ручку, и сама такая хорошенькая, и такъ это все.... а?

Подкол. А ручка такая бѣленькая, мявинькая.

Кочк. Куда тебѣ! Какъ будто только всего ручка! У нихъ, братецъ, есть и то, и то.... чортъ знаетъ, что такое у нихъ есть. Ну да что и толковать объ этомъ.

Подкол. Я? ну, нѣтъ... я не согласенъ.

Кочь. Какъ не согласенъ? вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подкол. Я говорилъ только, что не дурно бы...

Кочь. Ну, отъ чего-жъ.... ну отъ чего-жъ ты не хочешь? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь?

Подкол. Нѣтъ, нравится.

Кочь. Ну да что-жъ такое, другое?

Подкол. Что-жъ другое? другаго нѣтъ, а странно какъ-то.

Кочь. Что-жъ странно? Что-жъ странно?

Подкол. Да какъ же: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочь. Ну! вотъ! чортъ знаетъ что такое! Послушай! я буду говорить съ тобою откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну посмотри, посмотри на себя внимательно, такъ вотъ какъ напри- мѣрь ты теперь смотришь на меня. Ну что же ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь? Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало, что ты видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребята, вѣдь не двое или трое, а можетъ быть цѣлыхъ шестеро. Всѣ на тебя будутъ какъ двѣ капли похожи. Ты теперь одинъ, надворный совѣтникъ, а тогда, вообрази себѣ, около тебя будутъ все маленькіе канальчонки, надворные совѣтничонки, и какой-нибудь постреленокъ, протянувши рученки, будетъ тебя теревить за бакенбарды, а ты только будешь говорить: авъ, авъ, авъ! Ну, есть-ли что-нибудь этого лучше, скажи самъ.

Подкол. Да вѣдь они только шалуны большіе; будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочь. Пусть шалятъ; да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука!

Подкол. Оно конечно пріятно, когда воекругъ тебя соберутся сверчонки.

Кочь. Натурально. Ну, такъ ѣдемъ!

Подкол. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочь. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подкол. *(схватив халатъ и подходя къ зеркалу)*. Я думаю, нужно въ бѣломъ жилетѣ?

Кочь. Пустяки, все равно!

Подкол. (*надъвая воротнички*). Проклятая прачка, такъ съверно наврахмалила воротнички—никакъ не стоятъ. Ты скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найду другую. Она вѣрно съ любовниками проводить время, а не гладить. (*Кочареву*). Послушай, Алексѣй Ѡмичъ, какъ же мы поѣдемъ? Вѣдь я не знаю гдѣ невѣста живетъ.

Кочк. Все равно, я знаю. Старуха мнѣ все рассказала. Только одѣвайся поскорѣе.

Подкол. Сейчасъ, сейчасъ. (*Надъваетъ фракъ и садится*). Послушай, Алексѣй ¹⁾ Ѡмичъ, поѣзжай-ка ты самъ.

Кочк. Ну, вотъ еще: съума сошелъ! мнѣ ѣхать? Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подкол. Право что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочк. Ну, есть-ли въ тебѣ капля ума? Ну не олухъ-ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи пожалуйста, не свинья-ли ты, не подлецъ-ли ты послѣ всего этого?

Подкол. Ну, что-жъ ты бранишься, съ какою стати, что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочк. Дуракъ, дуракъ набитый! это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и чиновникъ. Вѣдь о чемъ стараюсь? О твоей пользѣ: изо рта выманять кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ. Ну, скажи пожалуйста ну, что ты себѣ думаешь? ну, ну... дрянъ, волпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба глупая! хуже бабы!

Подкол. И ты въ самомъ дѣлѣ! (*Почти шопотомъ*). Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человекъ, а онъ при немъ бранится, да еще эдакими словами; не нашелъ другаго мѣста.

Кочк. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духа тебя не бранить? Вѣдь вотъ какъ порядочный человекъ задумалъ жениться, и вдругъ — просто съ дуру, бѣлены обѣлся, деревянный чурбанъ...

Подкол. Ну, полно, я ѣду—чего-жъ ты раскричался?

Кочк. Ёду! Конечно, что-жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать. (*Степану*). Давай ему шляпу и шинель!

¹⁾ Въ рукописи: «Иванъ».

Подкол. (*въ дверяхъ*). Такой, право, странной человекъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбрать вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочк. Ну, вѣдь конечно, теперь уже не баню. (*Оба уходятъ*).

Примѣчаніе. Послѣдующія явленія до конца вполне сходны съ позднѣйшею редакціею, въ какой извѣстна «Женитьба» въ печати. Для болѣе же нагляднаго представленія разнорѣчій въ явленіяхъ, извлеченныхъ А. Ф. Бычковымъ изъ черновой подлинной рукописи Гоголя, помѣщаемъ соотвѣтственные имъ явленія по изд. собранія сочиненій Гоголя 1857 года (т. II, стр. 382—390). Вотъ онѣ:

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесникъ, Степанъ.

Ст. Чего изволите?

Подк. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Ст. Говорилъ.

Подк. Чтѣ-жъ онъ говорить?

Ст. Говорить, хорошо.

Степанъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесникъ, потомъ Степанъ.

А вѣдь хлопотлива, чортъ возьми, вещь женитьба! То, да се, да это. Чтобы то, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побори, это не такъ легко, какъ говорить. Эй, Степанъ! (*Степанъ входитъ*) Я хотѣлъ тебѣ еще сказать....

Ст. Старуха пришла.

Подк. А, пришла! зови ее сюда. (*Степанъ уходитъ*) Да, это вещь.... вещь... не того.... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесникъ и Фекла.

Подк. А, здравствуй, Фекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и рассказывай. Ну такъ какъ же? какъ-бышь ее? Меланья!...

Фекла. Агафья Тихоновна.

Подк. Да, да, Агафья Тихоновна. И вѣрно, какая-нибудь сороколѣтняя дѣва?

Фекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подк. Да ты врешь, Фекла Ивановна!

Фекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; несь врать.

Подк. А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Фекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ этажахъ, ужъ такой прибыльный, что, истинно, удовольствіе: одинъ лобазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигера—одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой—на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по чотыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльнаго въ ротъ

и трехъ сыновей пмѣть: двухъ ужъ поженилъ, «а третій», говорить, «еще молодой, пусть посидитъ въ лавѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ», говорить, «старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавѣ, чтобы торговля шла полегче».

Подк. Да собой-то, какова собой?

Өекла. Какъ рефинадъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ, сладость такая, что и рассказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этимъ поръ довольны, (*показывая на юрло*) то есть, и приятелю и неприятелю скажете: «Ай да Өекла Ивановна, спасибо!»

Подк. Да, вѣдь она, однако-жь, не штабъ-офицерка?

Өекла. Купца третьей гильдін дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ», говорить, «какой бы ни былъ мужъ, хотъ и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ». Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то, какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ, вотъ-те Христось, такъ и шумитъ. Благиня просто!

Подк. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Өекла. Да ужъ обнаковенно, какъ понимать. Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совреть, а такой на взглядъ видный. Что-жь дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можеть, чтобы не пригнуть: такая ужъ на то воля Божія.

Подк. Ну, а кромя этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Өекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что есть лучшая.

Подк. Будто ужъ самая лучшая?

Өекла. Хотъ по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подк. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка постѣ завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты расскажешь....

Өекла. Да, помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то нисколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подк. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: «ай, Степанъ, подай сапоги!» натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Өекла. Ну, такъ что-жь? Коля смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо, утреннее время, и поѣзжай.

Подк. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватить дождемъ.

Өекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидалъ, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подк. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ-жь сѣдой волосъ? (*Щупаетъ свои волосы*).

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу, на то живетъ человекъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть напрімѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говорить-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служить.

Подк. Да врешь, я посмотрю въ зеркало, гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ.

Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа.

(Уходитъ въ другую комнату).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Оекла и Кочваревъ (обтѣя).

Кочк. Что Подволесинъ?... *(Увидѣвъ Оеклу)* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Оекла. А что-жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочк. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Оекла. Да вѣдь ты-жъ самъ пристае: жени, бабушка, да и только.

Кочк. Ахъ ты крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подволесинъ хочеть...

Оекла. А что-жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочк. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Какое? прощу покорно: изъ подтишка, а?

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Подволесинъ (съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).

Кочк. *(подкрадываясь сзади, пугаетъ его)*. Пуфы!

Подк. *(вскрикнувъ и роняя зеркало)*. Сумасшедшій! Ну зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глухости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочк. Ну, ничего, пошутить.

Подк. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ Англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочк. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подк. Да, сыщешь; знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ старѣе и рожа выходитъ косякомъ.

Кочк. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вишь вздумалъ?

Подк. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочк. Да, вѣдь, улыка на лицо. *(Указываетъ на Оеклу)* Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица ужъ. Ну, что-жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. *(Къ Оеклѣ)* Ну, говори: какъ, что и прочее — двоюродна, чиновница, или въ купечествѣ, что-ли, и какъ зовуть?

Оекла. Агафья Тихоновна.

Кочк. Агафья Тихоновна Брандахлыстова?

Оекла. Авъ нѣтъ — Купердягина.

Кочк. Въ Шестилавочной, что-ли, живетъ?

Оекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочк. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

Оекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочк. Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-то я не знаю.

Оекла. А вотъ какъ поворотншь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка, и какъ будку минешь, свороти налѣво и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея. Ты къ швей-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный, — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агафья Тихоновна-то, невѣста.

Кочк. Хорошо, хорошо, теперь я все это обдѣлаю; а ты, ступай — въ тебѣ больше вѣтъ нужды.

Оекла. Какъ такъ! Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочк. Самъ, самъ; ты ужь не мѣшайся только.

Оекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

Кочк. Поди, поди! Не смыслишь ничего; не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ, — убирайся!

Оекла. У людей только чтобъ хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянъ вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказала. *(Уходитъ съ досадою).*

ЯВЛЕНИЕ XI.

Подколесинъ и Кочшаревъ.

Кочк. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать, ѣдемъ.

Подк. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только, подумаю.

Кочк. Пустяки, пустяки! Только не конфузся: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ еще вдругъ.

Подк. Вотъ еще, сейчасъ бы и ѣхать!

Кочк. Да зачѣмъ же, помилуй, зачѣмъ дѣло?... Ну размотри самъ, ну что изъ того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату: ну что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванья, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ: весь день на боку.

Подк. Это правда. Порядку-то у меня, я знаю самъ, что вѣтъ.

Кочк. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь; тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье.... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка хорошенькая этакая.... и ручкой тебя....

Подк. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, просто, братъ, какъ молоко.

Кочк. Куда тебѣ! Будто у нихъ только что ручки!... У нихъ братъ.... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего вѣтъ.

Подк. А вѣдь сказать тебѣ правду: я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочк. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только надо распорядиться. Ты ужь не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужь я.... шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя.... Ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже подложны бутылкою непермѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ—эти шутить не любятъ. А ренвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда-ли? а? А что же касается до обѣда—у меня, братъ, у меня есть напримѣтъ одинъ офицантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

Подк. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ свадьба.

Кочк. А почему-жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подк. Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочк. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подк. Я говорю только, что не худо бы.

Кочк. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ-было все дѣло... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что-ли?

Подк. Нѣтъ, нравится.

Кочк. Ну, такъ что-жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подк. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...

Кочк. А что-жъ странно?

Подк. Какъ же не странно: все былъ неженатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочк. Ну, ну... ну не стыдно-ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой надо говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало, что ты тамъ видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣкъ не то, что двое или трое, а можетъ быть, пѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькіе этакіе канальчонки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ терѣбить тебя за баккенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, авъ! Ну, есть-ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подк. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбрасаютъ бумаги.

Кочк. Пусть шалить, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука!

Подк. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой — ужъ на тебя похожъ.

Кочк. Какъ не смѣшно, конечно смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подк. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочк. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барнну одѣваться.

Подк. (*Одѣваясь, передъ зеркаломъ*). Я думаю, однако-жъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочк. Пустяки, все равно!

Подк. (*Надѣвая воротнички*). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если ова, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найду другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладить.

Кочк. Да ну, братъ, поскорѣе! какъ ты копаешься!

Подк. Сейчасъ, сейчасъ. (*Надѣваетъ фракъ и садится*) Послушай, Илья Омичъ, знаешь-ли что? Поѣзжай-ко ты одинъ.

Кочк. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подк. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочк. Ну, есть-ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ-ли ты? Собрался со-

вершенно, и вдруг не надо! Ну, скажи пожалуйста, не свинья-ли ты, не подлец-ли ты послѣ этого?

Подк. Ну, что-жъ бранишься, съ какой стати, что я тебѣ сдѣлалъ?

Бочк. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь? О твоей пользѣ: вѣдь изо рта выманать кусъ. Лежить, проклятый холостякъ! Ну, скажи пожалуйста, ну, на что ты похожъ? Ну, ну, дрянъ, кознакъ, сказалъ бы такое слово... да не прилично только. Баба! хуже бабы!

Подк. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (*Въ полмолоса*) Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человекъ, а онъ при немъ бранится, да еще гадкими словами; не нашелъ другаго мѣста!

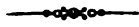
Бочк. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человекъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто съ дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ....

Подк. Ну, полно, я ѣду — что-жъ ты расеричался?

Бочк. Ёду! Конечно, что-жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать. (*Степану*) Давай ему шляпу и шинель.

Подк. (*въ дверяхъ*). Такой, право, странный человекъ, съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбрать вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Бочк. Да, ужъ конечно, теперь не браню. (*Оба уходятъ*).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ

1820 — 1871.

Воспоминанія Ѳ. М. Толстаго.

I.

Въ отрывкѣ изъ „Воспоминаній“, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“, 1871 г. (т. III, стр. 421—456) говоря о М. И. Глинкѣ и его эпохѣ, я выразилъ, между прочимъ, опасеніе, чтобы меня не упрекнули за то, что я вывелъ преждевременно на показъ свою личность и заговорилъ о себѣ, какъ о мертвомъ,— опасенія мои, повидимому, были напрасны, такъ какъ отъ многихъ современниковъ описанной мною эпохи получилъ письменные сочувственные отзывы. Вотъ что писалъ мнѣ, на примѣръ, князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, нынѣ вице-президентъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества:

«Сейчасъ прочелъ я вашу статью въ «Русской Старинѣ». Очень радъ ея появленію. Она вѣрно возстановляетъ истину. Я очень хорошо помню эпоху, о которой идетъ рѣчь. Все это происходило именно такъ, какъ вы пишете. Мнѣ тяжело было читать въ Запискахъ Глинки тѣ мѣста, въ которыхъ онъ отзывался о васъ не вполне дружески».

«До появленія «Жизни за Царя», мы знали только романы: Варламова, Алябьева, Верстовскаго, Гурилева и Ваши, и вся Россія ихъ пѣла. Печальный исходъ съ вашимъ «Birichino» (опера на итальянскомъ текстѣ) мнѣ очень памятенъ.....»

«Музыкальный разборъ вашъ «Жизни за Царя» могъ казаться Глинкѣ не довольно строгимъ и глубокимъ, но на массу дилетантовъ онъ подѣйствовалъ сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ разноглагольствованія другихъ рецензентовъ. Все это считаю долгомъ справедливости высказать вамъ и кончить словами: «Да не смущается сердце ваше». Вы въ свое время дѣлали дѣло и продолжаете его дѣлать. Это несомнѣнно».

Я печатаю это письмо для того, чтобы доказать, что въ артистическихъ нашихъ кружкахъ, въ сожалѣнію, существовали и еще существуютъ антагонизмъ и рознь, сильно вредящіе развитію искусства.....

Съ невниманіемъ, почти съ пренебреженіемъ, относятся у насъ къ памяти умершихъ нашихъ художниковъ; такъ напримѣръ, объ артистической дѣятельности А. С. Даргомыжскаго не сказано почти ничего путнаго.

Я все выжидалъ, не появится-ли хотя краткій біографическій очеркъ покойнаго А. Н. Сѣрова. У него было много враговъ, но были также и усердные поклонники, которымъ, конечно, извѣстна и критическая, и артистическая дѣятельность покойнаго; но до сихъ поръ нѣтъ еще ничего, за исключеніемъ краткаго некролога, напечатаннаго въ календарѣ г. Суворина (за 1872 г.) и небольшой статьи, напечатанной въ № 40 „Голоса“, въ 1871 г., подъ заглавіемъ: „Послѣдніе три часа жизни А. Н. Сѣрова“¹⁾.

Вотъ почему я рѣшился сдѣлать новую выписку изъ „Замогильныхъ моихъ записокъ“. Чистосердечное, откровенное описаніе долготѣльныхъ моихъ столкновеній и, подъ конецъ его жизни, почти дружескихъ сношеній съ покойнымъ Сѣровымъ, могутъ послужить матеріаломъ для будущей его біографіи.

II.

А. Н. Сѣровъ родился 11-го января 1820 г. и скончался 20-го января 1871 г.²⁾ Слѣдственно, всей жизни его было только 51-нѣ годъ и 9 дней.

Мало, очень мало для широкихъ замысловъ, наполнявшихъ его голову!

До 1851 г. въ артистическомъ мірѣ имя Сѣрова вовсе не было извѣстно. Покойный самъ сознавался, что онъ былъ самоучка, что наука музыкальнаго искусства, т. е., теорія и исторія музыки, давались ему туго. Вслѣдствіе этого, не смотря на громадный запасъ познаній и на сознаніе способности творчества, наполнявшаго его душу, А. Н. Сѣровъ не рѣшался до тридцати перваго года своей жизни выступить на артистическое поприще. Какой поучительный примѣръ для скороспѣлыхъ, юныхъ писателей!.....

Съ 1851 г. начали появляться въ различныхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ какъ-то, въ „Современникѣ“, въ „Библіотекѣ для чте-

¹⁾ Эта, въ высшей степени интересная, статья принадлежитъ перу г. Славинскаго—одного изъ приближенныхъ къ покойному А. Н. Сѣрову. Ѳ. Т.

²⁾ Сѣровъ воспитывался въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ полный курсъ.

нія“, въ „Пантеонѣ“ и „Сынѣ Отечества“ — музыкальныя рецензіи, подписанныя неизвѣстнымъ именемъ Сѣрова. Въ то время большинство читателей мало интересовалось спеціально-музыкальными вопросами, и потому на статьи Сѣрова не многіе обратили вниманіе; но мнѣ, какъ спеціалисту по части музыки и музыкальной критики, статьи эти были, конечно, извѣстны и я долго ломалъ себѣ голову, допытываясь: кто это изъ нашихъ музыкальныхъ, повидимому опытныхъ, дѣятелей скрывается подъ псевдонимомъ (какъ я полагалъ) Сѣрова. Однажды я даже выразилъ печатно мое недоумѣніе и это послужило первымъ поводомъ къ неудовольствію противъ меня со стороны Сѣрова; онъ долго не могъ мнѣ простить, что я принялъ его настоящую фамилію за псевдонимъ. Впослѣдствіи я понялъ, какъ непріятно должно было отозваться это предположеніе въ гордой душѣ Сѣрова, сознававшего уже, что со временемъ онъ прославитъ это имя. Вскорѣ я узналъ, что Сѣровъ озлобленъ противъ меня за эту выходку и грозитъ разгромить меня въ пухъ и прахъ. Дѣйствительно, нѣсколько времени спустя, появилась въ „Москвитянинѣ“ 1854 г. ядовитая статья, подписанная Сѣровымъ, въ которой, говоря о моей рецензіи оперы Глинки „Жизнь за Царя“, Александръ Николаевичъ вопрошаетъ: „Для кого пишутся подобныя вещи? Это просто-на-просто сугубая галиматья, т. е., такого рода галиматья, въ которой ни самъ авторъ, ни читатель ничего не понимаютъ“. Тѣмъ не менѣе, смѣло могу похвалиться, что я много помогъ покойному Александру Николаевичу стать твердою ногою на музыкально-критическомъ попріщѣ, предоставивъ ему возможность сосредоточить свою практическую дѣятельность въ спеціальной, по этому предмету, газетѣ.

Вотъ какъ было дѣло. Въ началѣ 1855 г., г. Раппопортъ, тогда еще весьма молодой человѣкъ, задумалъ издавать еженедѣльную газету подъ названіемъ „Музыкальный и Театральный Вѣстникъ“. Въ то время разрѣшеніе на изданіе газеты или журнала давалось не легко, и вотъ почему, вѣроятно, г. Раппопортъ обратился ко мнѣ съ просьбою — помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ удалось исходатайствовать требуемое дозволеніе; но отъ участія въ редакціи газеты я отказался, по недостатку свободнаго времени, указавъ г. Раппопорту на А. Н. Сѣрова, какъ на музыкальнаго критика, обладающаго и бойкимъ перомъ, и значительнымъ запасомъ требуемыхъ свѣдѣній и познаній.

Г. Раппопортъ послушался моего совѣта и пригласилъ Сѣрова въ качествѣ постояннаго и главнаго сотрудника. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ весь нашъ музыкальный міръ заговорилъ о статьяхъ Сѣрова. Титаническая гордость и самонадѣянность, сознаніе собственной силы и отрицаніе всѣхъ существующихъ до него русскихъ кри-

тивовъ—проглядывали въ каждой строкѣ А. Н. Сѣрова. Это съ первыхъ же статей придало въ глазахъ тогдашней публики большой авторитетъ Сѣрову.

Вотъ что сказано, между прочимъ, въ статьѣ, озаглавленной: „Музыка и толки о ней“, помѣщенной въ 1-мъ № „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“, вышедшаго въ свѣтъ 1-го января 1856 года.

„У музыкальнаго критика главная цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы всѣми доступными средствами дѣйствовать на воспитаніе музыкальнаго вкуса публики. Средства для этой благой цѣли очень разнообразны, напримѣръ, не исключаются даже и сатира, насмѣшки надъ нелѣпостями, надъ заблужденіями ложнаго вкуса; не исключается и жаркая, но благородная полемика съ лицами убѣжденій противоположныхъ“.

Программѣ на счетъ „сатиры, насмѣшки и жаркой полемики“ Сѣровъ остался вѣренъ до конца; но иногда онъ увлекался и выходилъ изъ предѣловъ спокойной, безпристрастной критики. Желая сразу заявить предъ читателями, что онъ превыше всѣхъ существовавшихъ до него русскихъ музыкальныхъ критиковъ, Александръ Николаевичъ говорилъ, между прочимъ, въ первой же своей статьѣ, что „о музыкѣ у насъ судятъ или совершенные профаны, ничего не смыслищіе въ этомъ дѣлѣ, или музыкальные фельетонисты, которые слегка, на лету успѣли понахватать кое-какихъ свѣдѣній о музыкѣ, самыхъ поверхностныхъ, слышали и о контрапунктѣ, и о ритмѣ, и о каденціяхъ, и о прочихъ музыкальныхъ премудростяхъ; ни сколько не понимая, для чего пишутся музыкальныя статьи, не догадываясь о серьезной цѣли критики, принимаютъ эти господа щеголять передъ публикою своими глубокими познаніями, и, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ прослыть знатокомъ передъ незнаатоками“.

„Какой же результатъ подобныхъ музыкальныхъ рецензій? “воскликаетъ авторъ. А вотъ какой: „Въ числѣ моихъ знакомыхъ“, говоритъ онъ“, есть много людей, которые искренно любятъ музыку, хорошо ее знаютъ и по этому самому положили себѣ за правило: никогда не читать ничего, что о музыкѣ пишется, считая все это праздною болтовнею, ни для кого не полезною, и вообще рѣшительными пустяками“.

Эта грозная выходка направлена была прямо противъ меня, т. е., противъ Ростислава, потому что въ то время, кромѣ меня, никто не прибѣгалъ къ ученой терминологіи, говоря о музыкѣ. Первую свою статью Александръ Николаевичъ обанчиваетъ слѣдующими словами и пожеланіемъ: „Поле музыкальной критики у насъ въ Россіи

почти не начинали воздѣлывать, а поле широкое, богатое... Между тѣмъ, въ русской читающей публикѣ несравненно болѣе истиннаго критическаго смысла, чѣмъ во многихъ другихъ народахъ (напр., во французскомъ); это служитъ доказательствомъ блистательнаго состоянія русской литературной критики, которая во многихъ отношеніяхъ опередила всѣ иностранныя. Почему же не позволить себѣ думать, восклицаетъ авторъ, „что постоянныя, дружныя, добросовѣстныя усилія могутъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, поставить и музыкальную критику въ Россіи на такое же видное и почетное мѣсто?“

Дѣйствительно, отчего же и не пожелать, но для этого необходимы, какъ сказано, дружныя, добросовѣстныя усиленія, а ихъ-то у насъ и не оказывалось, да и не оказывается понинѣ. Каждый кружокъ тянетъ въ свою сторону и каждый готовъ утопить своего неединомышленника въ стаканѣ воды ¹⁾.

Поставивъ себя особнякомъ и порѣшивъ, что въ Россіи музыкальной критики до него не существовало, Александръ Николаевичъ приступилъ къ развѣнчанію европейскихъ знаменитостей. Громы его обрушились первоначально на Мейербера, какъ на композитора наиболѣе извѣстнаго и наиболѣе любимаго въ Россіи.

Въ 6-мъ № „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“ (1856 г.) Александръ Николаевичъ прямо объявляетъ, что онъ не принадлежитъ къ числу жаркихъ поклонниковъ Мейерберовой музыки. „Есть люди,—говоритъ онъ,—которые нисколько не задумавшись, ставятъ Мейербера не только что выше всѣхъ современныхъ композиторовъ, но даже ставятъ просто на ряду съ первѣйшими гениями, на ряду съ Моцартомъ, Бетховеномъ! Такихъ отъявленныхъ мейерберовцевъ,—пишетъ онъ,—еще очень, очень много, и, къ сожалѣнію, даже между людьми, искренно любящими и понимающими музыку. Рѣшившись прямо высказать убѣжденія, совершенно противоположныя; рѣшившись постоянно, при каждомъ случаѣ, „доказывать“ мейерберистамъ, до какой степени они заблуждаются, придавая своему полу-богу слишкомъ много значенія въ искусствѣ, придавая ему качества, которыхъ въ немъ нѣтъ и въ поминѣ; рѣшившись доказать, что пора,

¹⁾ Вскорѣ послѣ появленія «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника», въ юморестическихъ листкахъ того времени стали появляться каррикатуры, изображающія Сѣрова съ длинными волосами, а Ростислава съ длиннымъ носомъ. За каждымъ изъ нихъ толпились многочисленныя ихъ сторонники. При каждомъ новомъ воспроизведеніи этой каррикатуры число послѣдователей Сѣрова увеличивалось, а Ростислава—уменьшалось. Каррикатуристъ хотѣлъ выразить этимъ увеличивающійся съ каждою недѣлею авторитетъ Сѣрова.

наконецъ, разжаловать Мейербера изъ безсмертныхъ гениевъ въ замѣчательные, но преходящіе, эфемерные таланты, — я знаю, что подниму противъ себя цѣлый ураганъ негодованія; тѣмъ не менѣе, я, какъ всегда, буду высказывать свои убѣжденія прямо на чистоту, не стѣсняясь какими-нибудь внѣшними условіями и въ полной увѣренности, что правда возьметъ свое“.

Далѣе Сѣровъ говоритъ, что тотъ, кто искренно, въ самомъ дѣлѣ, любитъ музыку, положимъ, Бетховена, тотъ рѣшительно не можетъ восхищаться Мейерберомъ, а если встрѣчается еще много любителей музыки, въ которыхъ горячая любовь къ Бетховену (даже къ послѣднимъ его произведеніямъ) преспокойно помѣщается рядомъ съ фанатическимъ поклоненіемъ къ Мейерберу, то это значитъ только, что музыкальный вкусъ этихъ господъ еще не развитъ, что имъ не угодно отличать мишуру отъ золота, разноцвѣтный камешекъ — отъ брилліантовъ...

„Надо хорошенько вникнуть въ стиль, въ манеру Мейербера“, — говоритъ Сѣровъ въ 7-мъ № „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“, — „тогда легко убѣдиться, что весь этотъ стиль не больше, какъ декорачія. Ученый контрапунктъ Мейербера не въ самомъ дѣлѣ контрапунктъ, а только будто бы контрапунктъ; строгость формы тоже только будто бы строгость; серьезность мысли тоже только для виду. Вообще можно сказать, что онъ морочитъ людей“.

Въ заключеніе этого строгаго приговора Сѣровъ утверждаетъ, что у Мейербера все основано на расчетѣ, что онъ ловкій дипломатъ и что не даромъ же остроумный Гейне постоянно величаетъ его — синьоромъ Джакомо Макиавелли!

Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ даровитѣйшій нашъ соотечественникъ, покойный А. Н. Сѣровъ, поступалъ также макиавелически. Онъ очень хорошо зналъ, что ничто такъ не увлекаетъ читателей (по крайней мѣрѣ, читателей той эпохи), какъ смѣлое, задорное порицаніе признанныхъ авторитетовъ. Онъ зналъ, что только этимъ способомъ онъ можетъ сразу озадачить, такъ сказать, публику, — и не погнушался прибѣгнуть къ этому средству. Расчетъ Александра Николаевича оказался вѣрнымъ. О смѣлыхъ выходкахъ его противъ Мейербера всѣ заговорили, а между тѣмъ, я не только убѣжденъ, но и имѣю доказательство, что даровитый авторъ „Рогатки“ не только не гнушался музыкою Мейербера, но и глубоко ей сочувствовалъ.

Однажды мы присутствовали съ нимъ на представленіи „Роберта“. Это было уже въ то время, когда полемическія наши препирательства были въ полномъ разгарѣ; вслѣдствіе этого мы перестали

клянутся другъ другу и тщательно избѣгали всякаго сближенія. Въ представленіи, о которомъ идетъ рѣчь, въ партерѣ было довольно пусто; Александръ Ивановичъ сидѣлъ на одномъ изъ боковыхъ кресель третьяго ряда, а я нѣсколько позади, въ четвертомъ ряду. При исполненіи великолѣпнаго хора пилигримовъ въ 5-мъ дѣйствіи, Сѣровъ вдругъ повернулся въ мою сторону и выразительнымъ жестомъ показалъ, что у него выступила слеза на глазахъ; я укоризненно покачалъ головой. Этимъ и кончилось мимическое наше изліаніе чувствъ. Не подтверждаетъ-ли это справедливость сказанныхъ мною словъ, а именно, что въ данномъ случаѣ покойный Сѣровъ поступалъ макиавеллически? Печатно онъ называлъ Мейербера интриганомъ, виртуозомъ, акробатомъ, а въ глубинѣ души сочувствовалъ его музыкѣ.

Я не берусь, конечно, прослѣдить шагъ за шагомъ за дѣятельность покойнаго Александра Николаевича на поприщѣ музыкальной критики; но для полнѣйшей характеристики критическихъ колебаній даровитаго нашего соотечественника, я приведу высказанное имъ мнѣніе въ 1856 году о Вагнерѣ.

Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Ф. Листа о „Робертѣ“, А. Н. Сѣровъ говоритъ, между прочимъ: „Публика наша ничего еще не знаетъ о вопросѣ, который волнуетъ всю учено-музыкальную Германію: о вагнеровскомъ вопросѣ. Вагнеръ задумалъ коренную реформу драматической музыки; онъ хочетъ ее сблизить съ текстомъ до-нельзя, еще гораздо больше, чѣмъ, на примѣръ, въ операхъ Глюка, т. е., чтобы въ оперѣ никакъ не слушали музыку, а слушали драму, музыкально выраженную. Идеаломъ для него мелькаетъ древне-греческая трагедія, гдѣ сливались всѣ искусства..... Но такъ какъ для осуществленія этого идеала, и, по мнѣнію самаго Вагнера, еще „долга пѣсня“, то онъ „ad interem“ стремится, по возможности, исправить недостаточность существующей оперной музыки, самъ сочиняя оперы (текстъ и музыку), во многомъ, будто бы, подходящія къ окончательному сліянію искусствъ. Въ теоріяхъ его, конечно, несбыточныхъ въ существѣ, проглядываетъ много и правды, по крайней мѣрѣ, стремленія его проникнуть восторженною любовью къ искусству и къ человечеству до самыхъ чудовищныхъ, размѣровъ увлеченій фанатизма. Что же касается до его оперъ, то въ нихъ видно несомнѣнное дарованіе, но (hear! hear!!) вездѣ огромность намѣренія, претензіи, въ постоянной борьбѣ съ безсиліемъ автора, какъ художника, съ неодолимѣемъ технической стороны дѣла. Вотъ почему часто эти оперы, вмѣсто образцовыхъ твореній, какими они кажутся на глаза Листа и другихъ вагнеристовъ, представляются насильственнымъ, вымученнымъ произведеніемъ очень дарови-

таго, но не доучившагося диллетанта. Общее впечатлѣніе его музыки—несносная скука и какое-то мучительное чувство и неудовлетвореніе“¹⁾.

Далѣ авторъ говоритъ о Вагнеровой мелодіи: „Листъ часто толкуеть о Вагнеровской мелодіи, какъ о чемъ-то новомъ, оригинальномъ, неслыханно превосходномъ. На дѣлѣ это, увы! не такъ... мелодическая часть въ операхъ Вагнера очень слаба. Бѣлая часть его музыки, болѣе или менѣе драматически вѣрно продекламированная, но, тѣмъ не менѣе, скучная, утомительная мелопея (psalmodie), на грунтѣ вычурной, изысканной, неприятно-оригинальной гармоніи и не менѣе вычурной оркестровки (à la Meyerbeer и à la Berlioz)“ и пр., и пр.

Впослѣдствіи—и весьма даже скоро—почтенный Александръ Николаевичъ сдѣлался горячимъ, отъявленнымъ вагнеристомъ и даже многихъ изъ насъ втянулъ въ вагнеризмъ. Извѣстно также, что „Юдиѣ“, первая его опера, написана подъ влияніемъ Вагнерава стили. Дорого бы далъ, я думаю, покойный, чтобы вышеприведенный его отзывъ о Вагнерѣ не срывался бы у него съ языка; но, по моему мнѣнію, это нисколько не умаляетъ ни таланта, ни значенія въ дѣлѣ музыки покойнаго Александра Николаевича.

Какъ композиторъ, Сѣровъ былъ несравненно выше Сѣрова-критика. Онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, натура у него была слишкомъ страстная, чтобы удержаться отъ увлеченія, а при такихъ условіяхъ, спокойная, безпристрастная критика не мыслима. Вотъ почему я нисколько не удивляюсь, что, два года спустя, въ той же газетѣ, изъ которой сдѣланы предъидущія выписки, Сѣровъ отзывается уже о Вагнерѣ, какъ о композиторѣ, одаренномъ громаднымъ талантомъ,—и въ томъ же году отправляется въ Германію, чтобы познакомиться именно съ Вагнеромъ и его твореніями, и возвращается оттуда вагнеристомъ съ головы до ногъ, чему служитъ доказательствомъ какъ первая его опера „Юдиѣ“, такъ и послѣдующая его критическая дѣятельность²⁾.

Въ этомъ случаѣ высказалась во всей силѣ воспріимчивость и впечатлительность артистической его природы. Повторяю еще разъ, что

¹⁾ № 5-й «Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника», 29-го января 1856 г.

²⁾ Въ письмѣ изъ Веймара, отъ 30-го іюля 1858 г., сказано, между прочимъ: «Изъ извѣстныхъ оперъ мнѣ на дѣлѣ, т. е., на сценѣ, не исключая ни Моцартовыхъ, ни Вебера и пр., ни одна и сравниться не можетъ съ «Тангейзеромъ» въ цѣлости впечатлѣнія». Далѣе авторъ укоряетъ Ростислава за выраженіе «цукувфтистовъ», придуманное будто бы имъ; говорить, что уличать Вагнерову музыку въ недостаткѣ мелодичности не возможно, что это сущая клевета,

этотъ быстрый переходъ отъ совершеннаго отрицанія таланта Вагнера къ фанатическому восхваленію, со стороны покойнаго Александра Николаевича нисколько меня не удивляетъ; но сближеніе этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній весьма интересно въ психическомъ отношеніи. Какъ силенъ долженъ былъ быть напоръ художественныхъ впечатлѣній на душу покойнаго Сѣрова, чтобы измѣнить столь радикально возрѣнія его на талантъ Вагнера.

III.

Въ началѣ этой выписки изъ „Воспоминаній“ была выражена мною мысль, что рознь и антагонизмъ, существующіе въ нашихъ артистическихъ кружкахъ, тормозятъ дѣло. Дѣйствительно, при большемъ общеніи между людьми, посвятившими свою жизнь искусству, многіе вопросы, которые теперь разрываются, такъ сказать, на клочки, могли бы быть обсуждены и порѣшены сообща. Но между словомъ и дѣломъ большая разница, и я долженъ признаться, что въ 1856 г. я поступилъ совершенно противоположно тому принципу, о которомъ проповѣдывалъ. При появленіи „новой силы“ на поприщѣ музыкальной критики, мнѣ слѣдовало бы постараться сблизиться съ А. Н. Сѣровымъ для обмѣна мыслей и для совмѣстнаго, по возможности, служенія искусству; но я этого не сдѣлалъ по слѣдующимъ причинамъ. Я зналъ, во-первыхъ, что Александръ Николаевичъ питаетъ ко мнѣ сильное неудовольствіе за вышеупомянутое предположеніе на счетъ псевдонима; а во-вторыхъ, къ стыду моему, я долженъ сознаться, что самолюбіе мое было задѣто за живое, не столько собственно статьею Сѣрова, помѣщенной, два года предъ тѣмъ, въ „Москвитянинѣ“, сколько высокомернымъ, докторальнымъ тономъ писателя, выступающаго впервые на поприще музыкальнаго критика. Въ то время мнѣнія мои на счетъ музыки пользовались большимъ авторитетомъ и признаюсь, что мнѣ досадно было, что новобранный критикъ говоритъ такъ смѣло, такъ самонадѣянно и такъ громко! Сознаюсь, что это — мелочное самолюбіе, которое, какъ и слѣдовало ожидать, привело только къ пустой полемикѣ.

Съ 1-го января 1856 года съ каждымъ новымъ номеромъ „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“ появлялась новая статья А. Н. Сѣрова, въ которой, съ свойственною ему самоувѣренностью, онъ гро-

и послѣ восторженныхъ восхваленій осмысленности и гениальности твореній Вагнера, восклицаетъ: «Дѣйствительно, надо быть идиотомъ въ отношеніи искусства, чтобы не чувствовать дыханіе жизни и красоты, которое льется въ этой музыкѣ такою полною струей. Да замолчить же кретинизмъ, который осмѣливается еще шипѣть противъ музыки Вагнера».

Е. Т.

миль Мейербера и провозглашалъ приговоры, менѣе или болѣе несправедливыя и подлежащія, какъ видно изъ предъидущихъ выписокъ, апелляціи и измѣненію.

Я это очень хорошо понималъ и тогда уже, но высокоумный тонъ Александра Николаевича раздражилъ меня и, вмѣсто спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія предмета, я отзывался о критикахъ Сѣрова съ пренебреженіемъ, удивляясь смѣлости и самонадѣянности,—писалъ я,—новаго пришельца, ничѣмъ еще о себѣ не заявившаго на поприщѣ музыкальной композиціи. Справедливость требуетъ сказать, что Александръ Николаевичъ сначала довольно терпѣливо переносилъ мои колкости, потому что только въ мартѣ мѣсяцѣ рѣшился написать въ 11 № „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“ длинную статью, озаглавленную „Отвѣтъ Ростиславу“.

Въ этой статьѣ, занявшей восемь столбцовъ газеты, онъ возражаетъ на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ мною замѣчаній въ довольно приличномъ и умѣренномъ тонѣ, объясняя читателямъ, почему Ростиславъ стоитъ, какъ-будто бы на сторожѣ, въ отношеніи всего, что онъ печатаетъ.

„Чѣмъ же это объяснить себѣ“, восклицаетъ онъ, „что, по случаю меня, г. Ростиславъ гоняется, какъ говорятъ, за каждой мухой съ обухомъ?“—„А вотъ чѣмъ,—отвѣчаетъ Сѣровъ,—одинъ французскій писатель замѣтилъ очень справедливо: „ничто не читается нами съ такимъ вниманіемъ, какъ то, что пишутъ наши враги, наши литературные противники“. „Значитъ главный сотрудникъ „Вѣстника“ по части музыкальной (т. е., самъ Сѣровъ) не совсѣмъ въ ладахъ съ музыкальнымъ фельетонистомъ „Сѣверной Пчелы“? Г. Ростиславъ этого самъ не скрываетъ, намекая на „непріязненность“ нашихъ столкновеній. Поводомъ этого столкновенія послужила брошюрка „Разборъ оперы Жизнь за Царя“. Въ свое время я написалъ противъ этой брошюрки критическую статью, въ которой, какъ самъ г. Ростиславъ выражается, я доказывалъ весьма серьезно, что онъ не имѣетъ никакого понятія о теоріи музыки. Мой тогдашній тезисъ приведенъ г. Ростиславомъ не совсѣмъ точно, но г. Ростиславъ однажды навсегда можетъ быть увѣренъ, что если я доказываю что-нибудь печатно, то навѣрное не иначе, какъ съ искреннимъ убѣжденіемъ и всегда весьма серьезно, иначе и писать не сталъ бы. Писать несерьезныя, легенькіе фельетоны, мотылькомъ порхающіе съ предмета на предметъ, лишеныя всякаго внутренняго содержанія, всего, сколько-нибудь похожаго на дѣльную мысль, нѣчто въ родѣ „не

causerie de salon“, и такъ нравиться многимъ читателямъ,— все это, къ сожалѣнiю, не по моей части“¹⁾).

Вся статья написана въ этомъ тонѣ, т. е., не безъ иронiи, но прилично и умѣренно; притомъ же редакторъ „Вѣстника“ присовокупилъ отъ себя замѣтку, въ которой, поблагодаривъ Ростислава за оказанное къ издаваемой имъ газетѣ вниманiе, говоритъ, между прочимъ: „Что же касается до полемики г. Ростислава съ г. Сѣровымъ, то это ихъ дѣло; познанiя ихъ въ трудномъ дѣлѣ критики я вполне цѣню и уважаю, но въ полемикѣ двухъ музыкальныхъ рецензентовъ не принимаю рѣшительно никакого участiя. Г. Сѣровъ, какъ постоянный и дѣятельный мой сотрудникъ, имѣлъ полное право требовать отъ меня мѣста въ столбцахъ моего журнала и я счелъ долгомъ напечатать его отвѣтъ г. Ростиславу безъ всякихъ измѣненiй. Притомъ, самъ же г. Ростиславъ въ своей статьѣ говоритъ о необходимости полемики въ критикѣ. Я совершенно съ нимъ согласенъ и съ удовольствiемъ готовъ буду помѣстить въ „Музыкальномъ же Вѣстникѣ“ возраженiя г. Ростислава, если онъ признаетъ это нужнымъ“.

Но, не смотря на умѣренный и приличный тонъ статьи Сѣрова и учтвое предложенiе редактора г. Раппопорта, возраженiе въ „Музыкальный Вѣстникъ“ я не посыдалъ, а продолжалъ писать въ „Сѣверной Пчелѣ“²⁾, что послужило поводомъ къ бесполезной критической полемикѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Впрочемъ, одно время между воюющими, т. е., между Сѣровымъ и Ростиславомъ, заключено было перемирие, которое, однако же, недолго продолжалось.

3-го февраля 1857 года русскiй музыкальный мiръ и вся мыслящая Россiя потерпѣла горькую утрату. Въ этотъ день Михаилъ Ивановичъ Глинка, незабвенный авторъ двухъ образцовыхъ русскихъ оперъ: „Жизнь за Царя“ и „Русланъ“, скончался въ Берлинѣ. Бренныя останки покойнаго привезены были въ Петербургъ и на отиѣванiи, въ Александро-Невской Лаврѣ, собрались, конечно, всѣ почитатели великаго композитора. Тутъ я встрѣтился съ А. Н. Сѣро-

¹⁾ Все это направлено, конечно, противъ Ростислава, но въ глубинѣ души покойный Александръ Николаевичъ былъ совершенно другаго мнѣнiя о критической дѣятельности литературнаго своего противника, какъ показано будетъ ниже. Е. Т.

²⁾ Достоиню замѣчанiя, что покойный Александръ Николаевичъ счелъ почему-то полезнымъ перепечатать in extenso одну изъ моихъ музыкальныхъ бесѣдъ (изъ «Сѣверной Пчелы» отъ 31-го мая 1856 г.), подъ названiемъ: «Неудачная мѣсть». Оказывается, что въ этой «бесѣдѣ» уже предвидится, такъ сказать, шаткость критическихъ воззрѣнiй даровитаго автора «Юденъ».

вымъ и, съ свойственною намъ обоимъ впечатлительностью, подали другъ другу руку и поклялись надъ прахомъ великаго художника прекратить на-вѣкъ личныя препирательства и посвятить критическую нашу дѣятельность исключительно на обсужденіе вопросовъ, касающихся до развитія у насъ музыкальнаго искусства. Къ сожалѣнію, пылкій Александръ Николаевичъ не вытерпѣлъ: не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Ѳома Діафореусъ и Ростиславъ“, въ которой послѣдній выведенъ въ комическомъ видѣ. Не довольствуясь этимъ, авторъ влагаетъ въ уста Ростислава сознаніе, что онъ будто бы пишетъ критику на современныя композиціи не по убѣжденію, а соображаясь съ салонными требованіями. За симъ послѣдоваль, разумѣется, вторичный разрывъ и ожесточенная полемика, продолжавшаяся вплоть до 1863 года, т. е., до появленія на сценѣ оперы „Юдиѳъ“.

Обоюдному нашему раздраженію не мало способствовалъ прїѣздъ Вагнера въ Петербургъ. Въ то время А. Н. Сѣровъ отрекся уже отъ прежнихъ заблужденій (см. выписку изъ 5 № „Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника“) и называлъ тупоумными идиотами всѣхъ, которые не приходили въ неописанный восторгъ, слушая музыку Вагнера. Я, съ своей стороны, не слыхавъ еще оперъ Вагнера на сценѣ, относился къ его музыкѣ довольно равнодушно и даже позволялъ себѣ сомнѣваться въ рациональности и необходимости коренной реформы, проповѣдываемой нѣмецкимъ музыкальнымъ реформаторомъ. Въ началѣ 1856 года и А. Н. Сѣровъ былъ того же мнѣнія, но теперь онъ выходилъ изъ себя и металъ грома (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“) противъ невѣжественнаго, по выраженію его, Ростислава.

IV.

Предавая забвенію всѣ эти горестныя столкновенія и бесполезную полемику, перейду прямо къ 1863 году, т. е., къ той эпохѣ, когда покойный А. Н. Сѣровъ вдругъ воспрянулъ и предсталъ предъ публикою во всеоружіи знающаго, опытнаго и въ высшей степени замѣчательнаго композитора. Но предварительно приведу здѣсь два письма, писанныя, если не ошибаюсь, въ концѣ 1861 года. Въ одномъ изъ нихъ М. А. Балакиревъ, тогда еще молодой человѣкъ, но принадлежавшій уже къ кружку будущихъ нашихъ новаторовъ, сгруппировавшихся послѣ смерти М. И. Глинки вокругъ А. С. Даргомыжскаго, излагаетъ вкратцѣ мнѣніе свое на счетъ 1-го акта оперы „Юдиѳъ“, препровожденной къ нему на разсмотрѣніе, а въ другомъ А. Н. Сѣровъ задаетъ ему, т. е., г. Балакиреву, заслуженный отпоръ. И то, и другое письмо представляютъ интересный матеріалъ

для характеристики тогдашней эпохи относительно музыкальных возрѣній. Въ то время вышелепманутый кружокъ превозносилъ до небесъ молодаго Балакирева, возлагая на него самыя свѣтлыя надежды, и самъ А. Н. Сѣровъ неоднократно отзывался о немъ въ „Вѣстникѣ“ съ большою похвалою.

Вотъ почему, вѣроятно, Александръ Николаевичъ, не смотря на свою гордыню и полное сознание собственныхъ художественныхъ силъ, рѣшился препроводить къ г. Балакиреву — 1-й актъ партитуры неоконченной еще оперы. Горько же былъ наказанъ покойный Александръ Николаевичъ за оказанное имъ довѣрiе къ художественной зрѣлости молодаго Балакирева. Вотъ какъ отзывался Милiй Алексѣевичъ о замѣчательномъ произведенiи Сѣрова ¹⁾:

„Посылаю вамъ „Юдиѣ“, о которой еще ничего не могу сказать вамъ, во-первыхъ, потому, что я просмотрѣлъ не все, и то кое-какъ, а во вторыхъ, потому, что можно сказать что-нибудь дѣльное только тогда, когда узнаешь всю оперу, — а то это было бы похоже на то, что по Интродукциiи судить обо всей Симфонiи.

„Одно можно сказать, что въ оркестрѣ много художественныхъ претензiй, но бѣольшая часть ихъ не выдѣтъ. Массой авторъ владѣтъ плохо, наклоненъ болѣе къ легкой оркестровкѣ. Еще одно могу сказать (замѣчанiе диллетанское, добавляетъ г. Балакиревъ), окончанiе очень красиво, начиная съ такта, гдѣ басы поютъ на с..., къ нимъ прикладываются аккорды другихъ голосовъ *la mineur* (съ задержкою квинты 9—цедурнаго аккорда), и, наконецъ, къ этому всему басы— *d* и *a*. Это очень красиво. Этими замѣчанiями я и долженъ ограничиться на первый разъ ²⁾. Весь вашъ М. Балакиревъ“.

На этомъ же письмѣ, т. е., на томъ же листкѣ бумаги, Александръ Николаевичъ отвѣтилъ (обращаясь къ М. П. М.) съ слѣдующимъ вазиданiемъ:

„На сообщенныя вами, М. П., строчки М. А. Балакирева, по случаю 1-го акта моей „Юдиѣ“, я долженъ бы ограничиться, по настоящему, молчанiемъ, такъ какъ самъ Балакиревъ въ первыхъ же словахъ объяснилъ, что не успѣлъ хорошенько, какъ слѣдуетъ, просмотрѣть доставленную ему партитуру, а познакомился съ нею кое-какъ, слѣдовательно, и мнѣнiе свое составилъ „кое-какъ“. Тако-

¹⁾ Письмо это адресовано одному изъ прiателей А. Н. Сѣрова—М. П. М., которому поручено было композиторомъ доставить партитуру г. Балакиреву.

О. Т.

²⁾ Это ничто иное, какъ антисипацiя въ басахъ и задержка въ верхнихъ голосахъ; это случается сплошь да рядомъ въ многоголосномъ контрапунктѣ.

О. Т.

вѣя же мнѣнія, какъ извѣстно, не имѣютъ и не должны имѣть ни малѣйшей цѣны. Но, признавая въ М. А. замѣчательную техническую способность къ музыкѣ, я считаю своимъ долгомъ пояснить вамъ, насколько и почему именно, на основаніи его кое-какихъ строчекъ о моемъ 1-мъ актѣ, я отрицаю въ немъ высокое пониманіе сущности музыкальнаго дѣла, т. е., эстетической, художественной стороны музыки.

„Я давно уже доказывалъ вамъ что (по моимъ практическимъ замѣчаніямъ), чѣмъ сильнѣе въ комъ техническое знаніе музыки, тѣмъ, къ сожалѣнію, слабѣе разумѣніе самой сущности дѣла. Шуманъ сказалъ горькую правду: „Нѣтъ на свѣтѣ людей дальше отъ музыки и ея цѣлей, какъ музыканы ех professo“. Никогда никому изъ нихъ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ — кто поетъ, о чемъ поетъ, въ чемъ положеніе сценическое, въ чемъ драматическая задача; они видятъ только свои флейточки, кларнетики, фаготики, свои аккордики, а тамъ, гдѣ по сюжету и его осуществленію должны выступить слезы, они видятъ, „въ счастливомъ случаѣ“, только красивый звукъ, красивое сочетаніе нотъ!!!. Объ Миліѣ Алексѣевичѣ, признаюсь, до сихъ поръ я былъ гораздо лучшаго мнѣнія, но теперь убѣдился, что и онъ принадлежитъ вполне къ отряду музыкановъ ех professo, готовыхъ омузицировать, при случаѣ, и басни Крылова, и руководство ко Всеобщей Исторіи Кайданова, лишь бы были ноты и аккорды.

„Эти люди могутъ быть порядочными музыкантами въ оркестрѣ, порядочными капельмейстерами (но не á la Wagner, конечно), порядочными педагогами платныхъ и бесплатныхъ шкѳлъ, но никогда не будутъ истинными цѣнителями художественныхъ произведеній!

„Можно-ли, оглянувъ серьезную партитуру вскользь, не вникнуть въ содержаніе текста, воспроизведеннаго въ музыкѣ, высмотрѣвъ тамъ аккорды духовыхъ, а тамъ аккорды смычковыхъ, — отвѣтиться на такое мнѣніе, на такой приговоръ, что „авторъ массою владѣетъ плохо и больше наклоненъ къ легкой оркестровкѣ“ (хороша легкая оркестровка въ 1-мъ актѣ Юдиои! а главное, къ мѣсту, á propos, точно, въ „Наташѣ“ — Вильбоа).

„Критикъ или критикующій „хотя бы по случаю“ долженъ или дать себѣ полный отчетъ въ каждомъ словѣ, или безъ этого не произносить никакого слова (особенно, когда его объ этомъ не спрашивали). Кто же иначе поступаетъ, этимъ самымъ доказываетъ свою неспособность къ истинной критикѣ, свою incompetenceъ въ дѣлѣ искусства, свое чисто ремесленное направленіе. Все это я прилагаю къ сужденію М. А. Балакирева, въ полномъ убѣжденіи, что

его приговоръ—чистосердеченъ, иначе и упоминать объ этомъ приговорѣ не подобало. А. Сѣровъ⁴⁾.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что покойный Александръ Николаевичъ, собираясь выступить на судъ публики съ пяти-актной оперой, не пользовался никакой извѣстностью по части композиціи и находился въ разладѣ и съ преобладающею въ то время музыкальною критикою, и съ тѣми музыкальными силами, которыя сгруппировались вокругъ А. С. Даргомыжскаго. Вотъ почему о новой оперѣ, подлежащей скорой постановкѣ на нашей сценѣ, ходили самыя разнорѣчивыя толки. Иные говорили, что это просто-на-просто сугубая галиматья, а другіе отзывались о ней съ похвалой.

Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я тогда не питалъ никакого довѣрія къ композиторскому дарованію самоучки, ничѣмъ себя не ознаменовавшему по части композицій до 43-хъ лѣтнаго возраста. По этой причинѣ я долго не искалъ случая ознакомиться съ новымъ произведеніемъ, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и отправился на одну изъ послѣднихъ репетицій. Съ перваго же нумера я понялъ и почувствовалъ, что это произведеніе не новичка, а опытнаго, знающаго и глубокомыслящаго композитора.

Пользуясь темнотою мало освѣщенной залы театра, я избѣгалъ показаться на глаза композитору, не желая никакого съ нимъ сближенія. Я прослушалъ всю оперу до конца съ напряженнымъ вниманіемъ и вернулся домой, по истинѣ, какъ бы въ чадѣ. Я чувствовалъ, что злоба, накипѣвшая въ душѣ моей противъ задорнаго и часто несправедливаго критика, таяла и исчезала подъ влияніемъ глубокаго сочувствія, внезапно овладѣвшаго мною къ композитору. Съ горяча я тотчасъ послалъ въ „Сѣверную Пчелу“ восторженную замѣтку, не мало озадачившую какъ самого композитора, такъ и весь нашъ музыкальный міръ, слѣдившій за нашими многолѣтними препирательствами.

V.

На другой день послѣ появленія „Юдионъ“ на сценѣ, я приступилъ къ подробному обзору новой оперы. Въ душѣ моей бушевали не совсѣмъ еще улегшіяся страсти—остатки озлобленія противъ долголѣтнаго литературнаго противника и какое-то недоумѣніе: я никакъ не могъ понять, какимъ это чудомъ сорока-трехъ-лѣтній самоучка, не испробовавъ предварительно своей силы въ менѣе обширныхъ композиціяхъ, вдругъ воспрянулъ, какъ сказано выше, во

⁴⁾ Эти два письма (на одномъ и томъ же листѣ) сообщены мнѣ г. Славинскимъ съ разрѣшеніемъ включить ихъ въ біографическій очеръ з. Е. Т.

всеоружіи опытнаго композитора. Первую статью о „Юдиѣи“ я началъ слѣдующею напыщенною фразою: „Выпью до дна горько-сладкую чашу; до конца исполню тяжко-пріятный долгъ и погружусь въ самую глубь новой оперы“.

Дѣйствительно, положеніе мое было довольно затруднительно; во мнѣ боролись два совершенно противоположныя чувства: съ одной стороны, враждебное расположеніе къ личности композитора, а съ другою — непреодолимое влеченіе къ его музыкѣ.

„Чтобы дать окончательно точное понятіе о трудности предстоящей намъ задачи, — писалъ я, — мы приведемъ здѣсь небольшую выписку изъ послѣдней статьи г. Сѣрова, написанной не по убѣжденію, — нѣтъ! потому что онъ очень хорошо зналъ, что мы не совсѣмъ сочувствуемъ Вагнеру, не по недостатку пониманія, или, такъ сказать, музыкальнаго чутья, а написанной единственно съ цѣлью уязвить и сокрушить до основанія всѣхъ своихъ противниковъ.

„Почему, — пишетъ онъ, говоря лично обо мнѣ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1863 г., № 52-й), — почему не предположить, что у насъ какой-нибудь борзописецъ изъ самыхъ неопасныхъ, способный довольно вѣрно оцѣнить, напримѣръ, оперу К. П. Вильбоа (забывая съ намѣреніемъ сотни подробнѣйшихъ разборовъ, сдѣланныхъ мною), наговоривъ о вагнеровской музыкѣ бездну диковинокъ (менѣе ядовитыхъ, чѣмъ тѣ, которыя высказывалъ Сѣровъ въ 5-мъ № „Вѣстника“), назоветъ, напримѣръ, прелюдію къ „Лоэнгрина“ балетной музыкой, а прелюдію къ „Тристану“ — кошмаромъ. Бумага все терпитъ! Не полемизировать съ подобными господами хотѣлъ я, — это была бы профанация, когда рѣчь идетъ о Вагнерѣ, — а только заявить публикѣ мнѣ желалось, что тупоумію и пустословію музыкальныхъ нашихъ фельетонистовъ широкое раздолье по случаю концертовъ Вагнера“ и проч., и проч.

„Какъ видите, что ни слово — то ругательство, ничѣмъ не заслуженный шипокъ и преднамѣренное искаженіе истины. Скажите: можетъ-ли столько злобы и неправды совмѣститься въ одной и той же душѣ, съ чистою идеею о художествѣ? Къ несчастью, можетъ, и мы докажемъ это сколько возможно осязательно, не смотря на аттестатъ тупоумія и совершенной неспособности въ дѣлѣ музыкальной критики, выданный намъ г. Сѣровымъ“.

Засимъ я приступилъ къ подробному разбору „Юдиѣи“. Прослѣдивъ шагъ за шагомъ съ искреннимъ сочувствіемъ каждое проявленіе музыкально-поэтической мысли автора, я не скрылъ, что новое произведеніе написано подъ вліяніемъ реформы, произведенной Вагнеромъ, но указалъ, почему именно я болѣе сочувствую нововведе-

нiямъ Сѣрова въ лирической драмѣ, чѣмъ нѣкоторымъ изъ реформъ Вагнера.

Въ заключенiе подробной рецензiи (въ пяти обширныхъ статьяхъ), я представилъ общiй выводъ сдѣланныхъ мною изысканiй въ слѣдующихъ словахъ:

„Не предаваясь преувеличеннымъ похваламъ, мы скажемъ, однако-жь, что г. Сѣровъ—замѣчательный мыслитель въ дѣлѣ композицiи, строго обдумывающiй колоритъ и характеръ сочиняемой имъ музыки. Намъ кажется даже, что въ этомъ произведенiи достоинство это рельефнѣе всего выступаетъ впередъ. Г. Сѣровъ точно такъ, какъ и Вагнеръ, отвергаетъ содѣйствiе такъ-называемой виртуозности въ пѣвцахъ; онъ требуетъ отъ исполнителей драматическаго искусства превосходной декламацiи и выраженiя, и въ этомъ отношенiи и Вагнеръ, и Сѣровъ совершенно правы. Сѣровъ, какъ и Вагнеръ, избѣгаетъ плавной, хорошо развитой мелодiи¹⁾, изъ опасенiя напасть на избытки формы, и поэтому (часто) предпочитаетъ въ пѣнiи декламацiю и нѣчто въ родѣ мелопеи или кадансированной рѣчи. Въ этомъ отношенiи и тотъ, и другой рѣшительно не правы. Нѣтъ никакой надобности писать кабалеты на итальянскiй манеръ, разнаго рода польки, рондо или вставлять какой-нибудь галонадъ (какъ это случалось въ старину въ итальянскихъ операхъ) въ минуту драматическую. Но мелодiя ясная, чистая, твердаго очертанiя есть положительно дочь вдохновенiя; одна она придаетъ жизнь, т. е., плоть и кровь, такъ сказать, музыкальному произведенiю, точно такъ же, какъ только мысль можетъ одушевить литературное произведенiе“ и проч. Оркестровку Сѣрова я призналъ тогда интересною, т. е., живописною и разнообразною, но доказывалъ, что она не всегда достигаетъ того эффекта, на который рассчитывалъ композиторъ. О гармонической постройкѣ „Юдiи“ и о нѣкоторыхъ гармоническихъ вольностяхъ или лисенцiяхъ я не говорилъ, по нежеланiю утруждать читателей музыкальною терминологiею, въ чемъ меня неоднократно уже упрекали“.

Въ заключенiе обзора я написалъ слѣдующее:

„Я кончилъ; удалось-ли мнѣ дать менѣе или болѣе точное понятiе о трудѣ г. Сѣрова — рѣшать не мнѣ; но во всякомъ случаѣ, могу сказать, что я отнесся къ нему съ подобающимъ уваженiемъ—радушно и безпристрастно. Смѣло могу сказать, что я исполнилъ принятую на себя обязанность сколь возможно добросовѣстно, имѣя

¹⁾ Впрочемъ, не всегда, какъ видно изъ разбора, что и составляетъ преимущество Сѣрова, какъ напримѣръ, прелестный хоръ одалисокъ во 2-мъ дѣйствiи и мелодiя танцевъ.

въ виду одно лишь искусство и пользу, которую может доставить нашимъ молодымъ отечественнымъ композиторамъ обстоятельное и добросовѣстное обсужденіе новаго произведенія“.

VI.

На другой день послѣ появленія послѣдней статьи о „Юдиѣ“, А. Н. Сѣровъ прислалъ мнѣ длинное письмо, которое я привожу здѣсь цѣликомъ, такъ какъ въ немъ рельефно обрисовывается характеристическая личность покойнаго композитора ¹⁾.

7-го іюня 1863 года.

„Милостивый государь, Теофиль Матвѣевич!

„Искреннее, горячее сочувствіе къ моей оперѣ, выраженное вами публично и съ особеннымъ благородствомъ, несмотря на извѣстныя музыкальному свѣту въ Россіи непріязненныя наши отношенія, заставляютъ меня высказать вамъ нѣсколько мыслей по этому поводу. Но, считая не ловкимъ дѣлать изъ самого себя предметъ публичной полемики, по случаю моего же художественнаго труда, беру съ васъ слово, что нынѣшнія строки мои къ вамъ напечатаны не будутъ ²⁾.

„Въ прежнихъ нашихъ расприхъ, гдѣ мы порядочно посчитались и старались иногда „à qui mieux mieux“ уязвить другъ друга, я постоянно протестовалъ противъ желанія вашего — выставлать меня преднамѣреннымъ искажителемъ или извратителемъ истины на пользу какихъ-то темныхъ цѣлей (?) и закулисныхъ замысловъ (?). Мнѣ крайне жаль и обидно, что въ столь долгое время вы не пришли къ совершенно-противоположному убѣжденію. Удивляюсь даже, какъ это вы могли не замѣтить, что и въ дѣлѣ критики и полемики я — чистѣйшій фанатикъ своего идеала, служу этому идеалу вѣрой и правдой, не смотря ни на что прочее, бью на право и на лѣво, не соображаясь ни съ какою дипломатикою, а просто для того, чтобы, сколько силы мнѣ позволяютъ, опрокидывать тѣ убѣжденія, которыя не согласны съ моими, и, слѣдовательно, по моимъ понятіямъ, вредны для искусства. Вотъ цѣль, которую я преслѣдую, помимо всякой мысли о матеріальныхъ выгодахъ, о личномъ положеніи въ свѣтѣ и въ публикѣ.

¹⁾ Документъ этотъ (равно и вышеприведенный) напечатаны и проверены съ подлинниковъ. Всѣ слова въ скобкахъ и подчеркнутыя (Сѣровъ любилъ подчеркивать) принадлежать подлиннику. Ред.

²⁾ Слова этого я не давалъ, но при жизни Александра Николаевича хранилъ письмо въ портфель; нынѣ же считаю себя въ правѣ, на пользу будущаго біографа Сѣрова, напечатать этотъ замѣчательный документъ. О. Т.

„Во всемъ многолѣтнемъ единоборствѣ нашемъ вы не найдете положительно ни одного случая, гдѣ бы вы могли доказать фактически, что я что-нибудь написалъ противъ васъ и вмѣстѣ противъ моего собственнаго убѣжденія. Писать противъ „убѣжденія“ я считаю высшимъ въ интеллектуальной области преступленіемъ, „грѣхомъ противъ Духа Святаго“ (какъ говорится въ катехизисѣ), и твердо увѣренъ, что человѣкъ, который въ состояніи такъ согрѣшить, рѣшительно не способенъ быть истиннымъ художникомъ, свято и честно служить своему дѣлу въ искусствѣ. Выставленная вами въ статьѣ, 5-го іюня, аномалія („скажите, можетъ-ли столько злобы и неправды совмѣститься въ одной и той же душѣ съ чистою идеею о художествѣ“),—аномалія только кажаяся, фантастическая (*une anomalie illusoire*), на дѣлѣ ея вовсе нѣтъ. Злобы и неправды во мнѣ ни въ отношеніи васъ, ни въ отношеніи кого-бы-то ни было на свѣтѣ никогда не было. Я грѣшенъ противъ васъ (и многихъ другихъ) только въ томъ, что въ пылу своего фанатическаго увлеченія самимъ дѣломъ, т. е., мыслю, я не слишкомъ-то разборчивъ на оружіе своей полемики (*mes armes ne sont pas toujours des armes courtoises*). Эта запальчивость въ бою, всегда честномъ, имѣла иногда видъ и личной злобы, и зорльства, и пристрастія, и какихъ-то заднихъ мыслей, такъ какъ на общій взглядъ совсѣмъ не понятно, чтобы человѣкъ такимъ образомъ выпятился и дико бушевалъ изъ-за пустяковъ, изъ-за какихъ-то музыкальныхъ и эстетическихъ убѣжденій. (Вы и сами въ нынѣшней статьѣ намекнули на эту непонятность нашего съ вами фанатизма къ искусству передъ глазами равнодушныхъ „*viveurs*“). Въ дѣлѣ искусства вы сознаете во мнѣ стремленіе къ цѣли, т. е., къ драматической правдѣ, помимо мишуры эффектовъ и презрительныхъ, на мой взглядъ, уступокъ вульгарному вкусу толпы. Вы сознаете во мнѣ это „идеально-честное служеніе своему дѣлу“ и, конечно, вполне этому сочувствуете. Отчего же вы не хотите сознать, что и въ критикѣ, и въ полемикѣ я—все тотъ же, т. е., стремлю къ правдѣ, безо всякой *aggrège pensée*¹⁾. Если бы во мнѣ была хоть искра дипломатии (*la grande science des aggrèges pensées*), неужели бы я допустилъ, чтобы въ Петербургѣ, на глазахъ моихъ, основалась какалто фортепианная синагога подъ громкимъ названіемъ „русской консерваторіи“, и чтобы непросвѣщенному піанисту, бездарному композитору и профану по части музыкальной педагогики официально ввѣ-

¹⁾ По очень простой причинѣ,—и это я не ставлю Сѣрову въ упрекъ,—потому что онъ измѣняетъ свое мнѣніе. Вспомните, какъ отзывался Сѣровъ о Вагнерѣ въ 1856 г. и что говорилъ потомъ.

рено было музыкальное образованіе русскаго юношества ¹⁾? Я ограничился, какъ всегда, прямымъ высказываніемъ своихъ убѣжденій и въ этомъ случаѣ и тѣмъ, конечно, не угадилъ себѣ дорожку. Не смотря на все, однако, „Юдиѳъ“—на сценѣ, тоже прямо изъ портфеля, безъ протекціи и безъ всякихъ *aggrèges pensées*, мой девизъ всегдашній и вамъ достаточно памятный „правда возьметъ свое“. Пусть меня осудятъ на аутодафе; погибая на кострѣ, сквозь его дымъ и пламя, я громко повторялъ бы: „правда возьметъ свое“. Опера моя вамъ говорить, что я смотрю на свое дѣло достаточно серьезно. Сами же вы замѣчаете: „тѣшить себя или публику авторъ „Юдиѳъ“ не любитъ“. Обидно мнѣ, повторяю, что на поприщѣ критики вы не проникли до настоящаго характера моей дѣятельности и поняли меня совершенно превратно (слава Богу, что этой „превратности“ нѣтъ въ вашихъ мысляхъ объ моей оперѣ!). Натуры своей я перемѣнить не могу. Горбатаго могила исправить. Такъ и теперь, вмѣсто того, чтобы мнѣ поблагодарить васъ, Теофиль Матвѣевичъ, за сдѣланное вами надъ собою усиліе, чтобы, глубоко оцѣня вашу откровенность и высокое добродушіе, которыми дышать всѣ ваши хвалебные отзывы о моей „Юдиѳъ“, да на этомъ бы и остановиться,—нѣтъ, я вотъ хочу здѣсь опять,—подъ рискомъ раздражить ваше самолюбіе,—повести рѣчь о кое-какихъ промахахъ вашихъ по случаю моей оперы (и даже очень жалѣю, что не могу сдѣлать этого печатно). Замѣчаніями своими я желаю достигъ двухъ цѣлей:

„1) Доказать вамъ, что въ обдуманномъ, художественномъ трудѣ все, даже до самыхъ мелочей, органически связано между собою, одно вытекаетъ изъ другаго, и что, слѣдовательно, надо быть въ критикѣ крайне осторожнымъ, чтобы не принять опрометчиво за ошибку то, что, при болѣе внимательномъ взглядѣ, можетъ превратиться въ достоинство;

„2) Убѣдить васъ, что люди, всю жизнь свою посвятившіе искусству (какъ Рихардъ Вагнеръ, напримѣръ, и его русскій послѣдователь), непременно сами прошли всѣ элементарныя свѣдѣнія: техническія, теоретическія и эстетическія, которыми критика любитъ про-

¹⁾ И это говорится о комъ же? о Рубинштейнѣ! и когда же? когда польза учрежденія консерваторіи выказалась уже вполне. Спрашивается, какими же средствами покойный А. Н. Сѣровъ могъ допустить или не допустить учрежденіе консерваторіи, задуманной по инициативѣ А. А. Рубинштейна? Желчная и злобная эта выходка явно и еще разъ доказываетъ, что Сѣровъ не могъ и не долженъ былъ быть критикомъ, отъ котораго прежде всего требуется спокойное обсужденіе и безпристрастіе.

тивъ насъ вооружаться, думая подмѣтить незнаніе, или недосмотръ, или недочетъ какой-нибудь тамъ, гдѣ есть, напротивъ, кое-что одной ступенькой выше обыкновеннаго знанія, выше рутинныхъ приемовъ, выше какого-нибудь школьнаго правила (или предразсудка), съ честью отслужившаго свой вѣкъ, и подлежащаго теперь давно уже къ сдачѣ въ архивъ.

„Начну съ того, съ чего вы и сами начали: съ нападеній вашихъ на мое либретто.

„Чѣмъ оно, бѣдняжка, провинилось предъ вами? А только тѣмъ, что, наперекоръ требованіямъ самаго дѣла, вы рассматривали и обсуждали текстъ моей оперы совершенно отдѣльно отъ музыки, будто литературную драму, тогда какъ все мое (и Вагнерово) стремленіе въ томъ, чтобы въ музыкальной драмѣ ни музыку безъ сценическаго дѣйствія и безъ текста, ни текстъ безъ музыки и ея воплощенія въ пѣвцахъ, оркестрѣ и на сценѣ, рассматривать было невозможно! Положа руку на сердце, расхаете-ли вы мой текстъ теперь, когда вы знакомы съ музыкою и съ эффектомъ всего вмѣстѣ въ театрѣ? Думаю, что нѣтъ. „Mon роème lui aussi, peut-être, a trouvé quelque grâce devant vous“¹⁾. Зачѣмъ же было обижать мое либретто, да еще за два дня до представленія! Если бы вамъ, напримѣръ, декорацию шатра Олоферна въ III дѣйствіи принесли въ вашъ кабинетъ, вы бы ужаснулись этой пестротѣ и грубому безвкусию. На сценѣ, на своемъ мѣстѣ, эта пестрота имѣетъ свой надлежащій эффектъ; точно такъ съ убійствомъ Асфанеза. Ужъ не упоминаю о томъ, что вы отъ восточнаго деспота до-исторической эпохи, опьянѣвшаго отъ вина, отъ любви и ревности, захотѣли требовать..... логики!!

„Вторую статью свою (19-го мая) вы начинаете возгласомъ, что моя музыка неизмѣримо выше моихъ стиховъ. (!) Да, Боже мой! развѣ я когда-нибудь записывался въ стиходѣи и рѣмоплеты? Развѣ найдете вы въ продажѣ какую-нибудь книжечку моихъ стихотвореній (*mes loisirs recueil de madrigaux et de poésies légères*)?. Предисловіе мое къ тексту вамъ ясно высказало, что и какъ происходило въ отношеніи моего литературнаго дѣла по оперѣ. А что вамъ самый принципъ соединенія автора музыки и автора текста въ одномъ лицѣ не нравится,

¹⁾ Кладу руку на сердце, какъ требуетъ Александръ Николаевичъ, и отвѣчаю: «Не смотря на обаяніе музыки и сцены, я все-таки утверждаю, что въ либретто есть множество несообразностей, доходящихъ до абсурда,—и вотъ почему композиторъ весьма разумно поступилъ, по моему мнѣнію, предоставивъ сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, редакцію текста въ послѣдующихъ своихъ операхъ лицамъ, болѣе его опытнымъ въ литературно-драматическомъ дѣлѣ.

чѣмъ же я виноватъ? Уронить законность этого стремленія (которому служить, кромѣ Вагнера, и Берліозъ, ни мало не желающій подражать ненавистному для него автору Тангейзера ¹⁾), опрокинуть, говорю, этотъ принципъ (одинъ изъ самоважнѣйшихъ въ исторіи современнаго искусства)—врядъ-ли можно тѣмъ доводомъ, что вотъ, мольтъ, Моцартъ и Херубини, и Веберъ, и Мейерберъ, и Глинка писали свои оперы на чужой, а не на свой текстъ. Отвѣтъ нашъ очень простъ: тогда было время, а теперь—другое. *Tempora mutantur*²⁾! Моцартъ и современники его—это были все цеховые професіонисты, которымъ недостатокъ литературнаго просвѣщенія не позволялъ и подумать о плотнѣйшемъ соединеніи текста и музыки. Имъ было не до литературы, когда сама музыка еще едва высвобождалась изъ пеленокъ. Веберъ, Мейерберъ, Глинка ушли, разумѣется, подальше прежнихъ, но гдѣ же геркулесовы столбы прогресса въ искусствѣ? Кто ихъ поставитъ? Нѣтъ, Теофілъ Матвѣевичъ, уронить нашъ принципъ вы можете однимъ только аргументомъ, вотъ какимъ: не угодно-ли вамъ доказать обстоятельно и по пунктамъ, что текстъ „Тангейзера“, „Лоэнгринъ“, „Тристана“ и „Изольты“ (Вагнера), „Троянцевъ“ (Берліоза) и „Юднѣнъ“ положительно слабѣе, бездарнѣе, нелѣпѣе, хуже во всѣхъ отношеніяхъ текста „Жизни за Царя“, „Руслана и Людмилы“, „Волшебной флейты“, „Роберта“—„*Forza del destino*“ и т. д. Если докажете, вамъ и книги въ руки. Покоримся ³⁾!

„Еще одно замѣчаніе, касательно моего либретто. Вы называете его прямо сколкомъ съ драмы Джакометти. Возьмите на себя трудъ сличить попристальнѣе обѣ книжки: итальянскую и мою—русскую. Разница очень чувствительная! Вы убѣдитесь, что только общій складъ, прямо зависѣвшій отъ сюжета, похожъ (дѣленіе на акты, главные лица и т. д.); въ поворотѣ каждаго акта, почти каж-

¹⁾ Грустное сознаніе, что и тамъ, на западѣ, существуетъ, какъ и у насъ, завистливый антагонизмъ между людьми, служащими одному и тому же искусству!
О. Т.

²⁾ Тѣмъ не менѣе, Александръ Николаевичъ счелъ нужнымъ, какъ видно, измѣнить этому «одному изъ самоважнѣйшихъ принциповъ», какъ онъ выражается, современнаго искусства, такъ какъ извѣстно, что въ послѣдующихъ операхъ онъ прибѣгалъ къ содѣйствию болѣе опытнаго литературнаго пера... Я не отвергаю, что для цѣлости художественной лирической драмы необходимо имѣть голову для написанія текста, когда человѣкъ никогда стиховъ не писалъ.
О. Т.

³⁾ Я и старался доказать обстоятельно и по пунктамъ, что въ либреттахъ и «Юднѣнъ» и «Лоэнгринъ» есть множество нелѣпостей и несообразностей; но какъ же доказать человѣку, когда онъ отвергаетъ всѣ логическіе выводы!
О. Т.

дой сцены есть существенная разница. У итальянца Юдиень выходит на сцену уже въ I актѣ; библейское лицо Ахiorъ пропущенъ вовсе; первосвященникъ попадаетъ въ плѣнъ (!) къ Олоферну; есть какой-то юноша, влюбленный въ Юдиень (итальянскій primo tenore); есть одалиска ревнующая еврейку (раздолье для опернаго текста); Юдиень возвращается въ городъ съ мечемъ Олоферна (любопытно знать какъ бы она его пронесла черезъ весь лагерь ассирійскій, подъ платьемъ что-ли?). Характеръ Олоферна задуманъ у меня похоже на Джакомогевскій, но и нѣмецъ Геббель, отъ котораго итальянецъ, конечно, не заимствовался, придавъ ассирійскому воеводѣ тотъ-же характеръ—смягчаго величія и тигровой свирѣпости, деспотизма и сластолюбія. Это все уже въ самой основѣ сюжета лежитъ. Иначе, значить, нельзя. (Прочитайте, встати, № 12 газеты Стелловскаго: „Якорь“). Однимъ словомъ, чтобы убѣдить меня въ слабости моего либретто, сдѣлайте такъ, какъ я поступилъ, въ 1859 году, съ „Мазепой“—барона Фитингофа. Начертите мнѣ планъ другаго, лучшаго либретто на сюжетъ „Юдиенъ“ и я положу оружіе.

„Выпускъ въ свѣтъ моего текста за недѣлю до 1-го представленія (дѣло самое простое и обычное) вы назвали рекламой (?). Статью мою о предстоящемъ первомъ концертѣ Вагнера также—рекламой (?). Вы все хотѣли набросить на меня тѣнь какого-то шарлатанства. Теперь вы убѣдились, вѣроятно, что никакихъ вспомогательныхъ средствъ мнѣ не нужно. А самъ я зналъ это и прежде, и дѣйствовалъ всегда прямо, все бралъ съ бою.

„Обращаюсь теперь къ начатому вами подробному разбору моей оперы ¹⁾. На первыхъ порахъ, вы, на мой взглядъ, обнаруживаете, что приступили къ этому разбору еще до просмотра партитуры или, по крайней мѣрѣ, не просмотрѣвши съ равнымъ вниманіемъ всѣ пять актовъ до конца. Иначе бы вы никакъ не упрекнули меня въ помѣщеніи свѣтлаго гимна въ прелюдію къ мрачному 1-му акту. Каждая изъ пяти моихъ прелюдій, какъ вы справедливо замѣчаете, служитъ введеніемъ въ характеръ того, что явится на сценѣ, когда занавѣсъ поднимется. Но..... весь первый актъ цѣликомъ служитъ только преддверіемъ, интродукціею къ слѣдующимъ четыремъ. Прелюдія къ интродукціи, одного съ нею содержанія, была бы—прологомъ къ прологу, un réopasme, un double emploi. Во избѣжаніе этого, я показавъ въ видѣ отдаленной еще „будущности“, въ родѣ предчувствія или сновидѣнія самой „Юдиенъ“ (Abühing, какъ выражаются германцы), раз-

¹⁾ Изъ этихъ словъ видно, что письмо свое Сѣровъ сталъ писать еще до окончанія моей рецензіи «Юдиенъ».

вязку всей драмы (примѣромъ для меня въ этомъ смыслѣ служили первое анданте въ увертюрѣ къ „Донъ-Жуану“, сцена статуи за ужинномъ, вступительное анданте къ увертюрѣ „Оберона“, гдѣ звуки марша *pp* — взяты изъ марша *ff* въ послѣдней сценѣ послѣдняго акта ¹⁾).

„Всмотритесь или вслушайтесь въ мою 1-ю прелюдію и вы найдете, что это *Vorspiel* ко всей оперѣ состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й цѣлкомъ повторено начало пятаго акта (послѣдняя страшная—народнаго отчаянія); во 2-й—слезныя жалобы и молитвы „Юдион“ и самый подвигъ ея (изъ послѣдней сцены 4-го акта); затѣмъ третья часть — спасеніе народа чудомъ и благодарственный гимнъ. Повторяю, все въ видѣ предчувствія только, которое тотчасъ же и подавляется тяжелою реальностью, т. е., страданіемъ народа и жалобами старшинъ при открытіи занавѣса ²⁾).

„И теперь вы имѣете полное право раскритиковать мою 1-ю прелюдію со стороны ея настоящей программы, но, по крайней мѣрѣ, вы убѣдитесь, что меня руководила мысль, вытекающая изъ организма всей пьесы, а не простое желаніе кончить прелюдію чѣмъ-нибудь по эффектище, хотя бы и не во время, и не кстати. Промаховъ противъ мысли я сдѣлать не въ состояніи. Эффектность некстати для меня также омерзительна, какъ рутинна и сухой схоластизмъ. Въ объясненіи программой музыки надо быть крайне осторожнымъ, когда идетъ дѣло о художникахъ „мыслящихъ“. Вотъ, по случаю меня, въ сторонкой задѣли и Вагнера за его „*Cavalcade aeriennne*“. Ошибка и тутъ не на Вагнеровой, а на вашей сторонѣ. Этотъ отрывокъ изъ „Валкиріи“, слышанный нами въ концертахъ, вовсе не „*Vorspiel*“, какъ вы полагаете къ оперѣ, къ цѣлой пьесѣ,—напротивъ, это начало одного изъ ея актовъ и занавѣсъ поднимается тотчасъ послѣ первыхъ звуковъ прелюдіи. „Гора, облака, молніи, валкиріи, трупы воиновъ“, — все о чемъ гласить объяснительная программа кон-

¹⁾ Это доказываетъ, что покойный Александръ Николаевичъ не отвергалъ, однакоже, абсолютно, какъ онъ утверждалъ, авторитетовъ, и хорошо дѣлалъ: но указанія на увертюры къ «Донъ-Жуану» и «Оберону» не доказываютъ еще несправедливости сдѣланнаго мною замѣчанія на счетъ неумѣстнаго свѣтлаго, торжественнаго гимна въ прелюдіи къ 1-му акту. Въ пространной, широко-развитой увертюрѣ представляется какъ-бы концептъ всей оперы, но въ короткой прелюдіи, предъ каждымъ актомъ, не слѣдовало бы, по моему мнѣнію, забѣгать впередъ и намекать о благополучной развязкѣ драмы, это вредитъ впечатлѣнію.

²⁾ Такъ зачѣмъ же было, повторяю, еще разъ намекать на благополучный исходъ, когда въ 1-мъ актѣ, кромѣ унынія и казалось бы безысходнаго горя, дѣтъ ничего.

црта, въ представленіи оперы будетъ передъ глазами публики. Положимъ, напримѣръ, что я захотѣлъ бы исполнить въ концертѣ прелюдію къ 4-му акту „Юдинъ“, гдѣ я старался выразить шумный пиръ Олоферна, разгаръ оргіи. Въ программу концерта, я, разумѣется, включилъ бы все, что теперь стоитъ въ текстѣ оперы: Ночь въ шатрѣ Олоферна. Богатое пиршенственное убранство. Олофернъ и его гости возлежать на барсовыхъ кожахъ и проч.; а вы тотчасъ бы поднали меня на смѣхъ: „какимъ же акордомъ выражены барсовыя кожи?“ Резонно-ли съ вашей стороны? Одно только можно и слѣдуетъ замѣтить противъ такого рода музыкальных картинъ (изъ которыхъ составлена почти вся „Юдинъ“): имъ ни съ программами, ни безъ оныхъ въ концертахъ рѣшительно не мѣсто. Намъ „сцену“ подавайте, и только по эффекту въ театрѣ судите и рядите объ нашихъ драматургическихъ и музыкальных намѣреніяхъ. Замѣчу здѣсь кстати: компетентность насъ обоихъ съ вами въ отношеніи къ Вагнеровымъ произведеніямъ не совсѣмъ одинакова. Изучивъ партитуру „Тангейзера“, я прослушалъ эту оперу на двухъ репетиціяхъ и на 8 представленіяхъ (въ Дрезденѣ и Веймарѣ); изучивъ партитуру „Лоэнгрина“ я прослушалъ эту оперу на девяти пробахъ (въ Дрезденѣ, гдѣ ее въ 1859 году ставили еще въ 1-й разъ) и на одиннадцати представленіяхъ (въ Дрезденѣ, въ Веймарѣ и въ Вѣнѣ), могу сказать, значить, что я знаю эти произведенія. Вы же судите о нихъ по отрывкамъ въ концертахъ! Разница огромнѣйшая!

„Доказавъ вамъ неточность вашей замѣтки касательно гимна въ первой прелюдіи, я не долженъ пощадить васъ и касательно нѣкоторыхъ другихъ, болѣе техническихъ замѣчаній. Скажу вамъ прежде всего вообще, что я съ великою жадностью выслушиваю и принимаю къ соображенію все, что мнѣ замѣчаютъ люди, одаренные, какъ вы, музыкальнымъ и эстетическимъ чутьемъ, если дѣло идетъ о слабости такой-то сцены, напр. сравнительно съ какою-нибудь другою и т. д. Не менѣе жадно пользуюсь замѣчаніями специалистовъ и практиковъ (пѣвцовъ и музыкантовъ оркестра), касательно того или другаго интервала, той или другой протянутой ноты и т. д.; но я возмущаюсь духомъ и прихожу даже въ азартъ, когда мнѣ говорятъ, что я пренебрегаю такою-то или такою частью технического дѣла; или когда меня учатъ гармоніи и контрапункту, или когда мнѣ выставляютъ на видъ, что я будто бы не знаю „просодіи“ своего роднаго языка! Русской просодіи можетъ не знать г. директоръ русской консерваторіи, болтающій и пишущій на трехъ или четырехъ языкахъ равно безграмотно (такъ какъ всѣ эти языки

ему чужіе), но композиторъ русскій, самъ себѣ написавшій текстъ оперы, по меньшей мѣрѣ просодіей-то владѣть долженъ. Вѣдь не станете же вы, О. М., пресерьезно преподавать мнѣ съ кафедры, что, молъ, въ тонѣ *mi bemol* три бемоля въ ключѣ и т. п. Безъ особенной смѣлости въ гипотезѣ, вы можете предположить, что эти азбучныя свѣдѣнія автору „Юдиои“ извѣстны. Точно такъ и на счетъ просодіи. Не только съ вами, съ цѣлымъ легиономъ критиковъ и знатоковъ (если-бъ нашелся такой легионъ въ Россіи), я готовъ спорить, что ошибокъ, промаховъ противъ русской просодіи во всей моей партитурѣ нѣтъ вовсе; точно также какъ нѣтъ въ ней, и быть не можетъ, ошибокъ противъ гармоніи, хотя бы мою гармонію въ тысячѣ случаевъ забраковали тысячи Зарембъ и Фетисовъ. Еслибъ я чувствовалъ, что не знаю своего дѣла, никогда не рѣшился бы выступить композиторомъ на публичную арену. Je suis aiglé de pied en car, aiglé de toutes piéces! Имѣете полное право обсуживать и порицать меня, при случаѣ во всемъ, что касается вдохновенія, творческой силы, вкуса, взгляда на искусство, принципа, стиля — *c'est toujours discutable*. Но въ положительномъ знаніи дѣла я ни отъ кого уроковъ принять не могу. Искусство и знаніе, конечно, неисчерпаемо. Многого я еще не знаю, но учиться буду только самъ у себя (какъ учился и до сей поры) наблюденіемъ, опытомъ и размышленіемъ. Профессоровъ не имѣлъ и ихъ не признаю. Авторитетъ ничей въ свѣтѣ для меня не существуетъ, ибо вѣрую только въ одно — въ организмъ творческой мысли, въ художественную логику. Внимните въ мои слова поглубже и убѣдитесь, что въ нихъ нѣтъ и гѣни самохвальства.

„Касательно текста и музыки въ фугѣ „Вась заклинаемъ“, вы въ заблужденіи ¹⁾: эти слова написаны ни раньше музыки, ни послѣ музыки. Эти слова родились вмѣстѣ съ музыкою въ одинъ моментъ зачатія и рожденія; моментъ быстрый, какъ импровизація. Это не совсѣмъ понятно для композиторовъ, неписавшихъ музыку на свой собственный текстъ, но фактъ весьма возможный и даже частный, когда драматургъ и музыкантъ работаютъ въ стѣнкахъ одного и того же черепа

„Въ своихъ замѣткахъ о „мнимыхъ“ моихъ погрѣшностяхъ противъ просодіи, вы сами не различаете двухъ совершенно разныхъ понятій: протяженіе ноты (*la valeur*) и удареніе (*l'accent, l'accentuation*). Языкъ нашъ требуетъ, чтобы удареніе было такъ:

¹⁾ Я говорилъ, что музыка написана была послѣ словъ.

Васъ закли́наемъ
 Не - бомъ все - сѣльнѣмъ¹⁾.

„Это удареніе во всей точности соблюдено у меня и въ музыкѣ; но для музыкальной мысли (для выраженія отчаянныхъ возгласовъ, похожихъ на стоны и рыданія) мнѣ понадобились синкопы въ ритмѣ, которыя отчасти увлекаютъ за собою и удареніе, придавая и ему „синкопизмъ“, не нарушающій ни мало самой просодии. Вслушайтесь, отбросивъ свою *velleités de professorat*, и вы согласитесь со мною.

„Удареніе въ музыкѣ, какъ и въ стихѣ, приходится (*als guter Taktheil*) первому потоку на „Васъ“, на „на“ — на „силь“, слогъ же „за“ — приходится „синкопою“, какъ въ слѣдующемъ тактѣ протяженіе слога „на — а“ и пр.

Васъ за - кли - на - емъ не - бомъ все - сѣль - нѣмъ.

„Гдѣ же тутъ отысканная вами неправильность просодии, отъ уничтоженія которой будто бы выиграла (?) бы и самая fuga? Не спорю, что тутъ есть просодическая особенность, на первый разъ немножко странная, но развѣ каждое нововведеніе есть ошибка²⁾? Entre nous, мнѣ сдается, что вы сдѣлали мнѣ тутъ замѣчанье, такъ „*roug critiquer un tout petit peu*“. Не все же хвалить, дай, дескать, и пожури маленько. Будьте, однако, въ такихъ случаяхъ по-осмотрительнѣе. Мнѣ-то ничего (еже писахъ—писахъ), но вы можете съ толку сбить людей „незнающихъ“ или „полузнающихъ“.

„Въ другой просодической замѣткѣ опять сбиты у васъ понятія протяженія (*la valeur*) и ударенія (*l'accent*).

Та - ин - ствен - нѣмъ щѣ - томъ хра - нѣмъ.

¹⁾ «А не такъ какъ въ вашей статьѣ напечатано, вѣрно по ошибкѣ: «на первомъ и на послѣднемъ (?) слогѣ».

А. С.

²⁾ Это ужъ такая казуистика, что и понять нельзя. Авторъ самъ сознается, что удареніе слѣдуетъ на «Васъ», а по нотному примѣру видно, что удареніе приходится на слово за; но, по словамъ Александра Николаевича, это только просодическая особенность, кажущееся удареніе, однимъ словомъ, акцентъ (*accent*), но акцентомъ именно и опредѣляется правильность или неправильность просодии. Вотъ почему иностранцы, говоря по-русски, впадаютъ часто въ просодическія особенности или ошибки.

Е. Т.

„Съ чего вы взяли, что это звучитъ будто бы такъ:

Та-инственнымъ ¹⁾?

„Ничуть! Требуемое стихомъ удареніе на *и* и въ музыкѣ приходится на первую четверть втораго такта, слѣдовательно на своемъ мѣстѣ (*guter tacttheil*), музыкальное же протяженіе слога „та“ въ первомъ тактѣ ни мало не нарушаетъ просодическаго акцента.

„Извините, Теофілъ Матвѣевичъ, за такія микроскопическія мелочи. Но вы сами въ этомъ виноваты. Уступокъ именно вамъ я не могу сдѣлать послѣ того, что вы мнѣ выказали такъ много художественнаго чутья и даже глубокаго вниканія въ художественныя намѣренія. Я хочу только „защититься“ отъ незаслуженныхъ упрековъ и вмѣстѣ показать вамъ на дѣлѣ, что даже въ мелочахъ положительное знаніе за мной.

„Вотъ почему не пропущу вамъ и еще одного маленькаго промаха по технической терминологіи. Вы называете мою фугу „реальною“ (*réelle*), такъ какъ она вращается съ тоникѣ на доминанту. Хотя вся эта терминологія, такъ усердно преподаваемая профессорами, собственно говоря, рѣшительно ни къ чему не ведетъ (не все ли равно какая фуга, какъ ей кличка, лишь была бы она хороша, музыкальна и драматична); но замѣчу вамъ, что понятіе о двухъ породахъ фугъ: о фугѣ реальной и фугѣ тональной, между самими учеными музыкантами довольно сбиты. Въ Петербургѣ я знавалъ только одного человѣка, который имѣлъ объ этомъ предметѣ совѣзмъ ясное понятіе. Это былъ графъ Михаилъ Юрьичъ Віельгорскій. Какъ ученикъ Керубини, онъ твердо помнилъ, что фугою реальною называется та, въ которой „отвѣтъ“ есть буквально вѣрная транспозиція сюжета въ тонъ доминанты (напримѣръ, въ фугѣ изъ 1-й части „Сотворенія міра“— Гайдна.

„А фугою тональною (*fugue du ton*) называется та, гдѣ именно стѣ „перекачиванья тоникѣ на доминанту“ или обратн., въ самой темѣ потребовалось въ сочиненіи отвѣта сближеніе интерваловъ, слѣдовательно нѣкоторое видоизмѣненіе самого мотива (напримѣръ, въ увертюрѣ къ „Волшебной Флейты“ ²⁾).

„На такомъ основаніи фуга „Васъ заклиная“, гдѣ, вслѣдствіе тональной необходимости, интервалы въ отвѣтѣ сближены, принадлежитъ не къ реальнымъ, а къ тональнымъ. (Но что-жъ изъ этого?).

¹⁾ Стоитъ только взглянуть на нотные примѣры, чтобы убѣдиться въ томъ.

Е. Т.

²⁾ Какъ здѣсь, такъ и выше, приведены въ подлинникѣ два нотныхъ примѣра, каждый по три такта.

Ред.

„Эффектомъ педали въ фугѣ (желательнымъ для васъ и для каждаго музыкально-развитаго уха) я не преминулъ самъ воспользоваться отнюдь не потому, что такой эффектъ дозволенъ Фуксомъ и Кирнбергеромъ, Марпургомъ и Керубини (очень намъ нужно ихъ дозволеніе или ихъ запрещеніе!), а потому, что это лежитъ въ характерѣ стilia фугованнаго, лежитъ въ организмѣ фуги и составляетъ одну изъ главныхъ красотъ хоральнаго развитія вообще, и всякой массивной, полифонической музыки. Къ сожалѣнію (какъ вы сами могли замѣтить изъ партитуры), многими эффектами, собственно музыкальной обработки, я долженъ былъ пожертвовать въ пользу сценическихъ условій; долженъ былъ согласиться на многія купюры. Въ числѣ ихъ отрѣзана и тридцати-актная педаль фуги (хоръ и безъ того весьма длиненъ).

„Еще разъ извиняюсь передъ вами, Теофиль Матвѣевичъ, въ безмѣрной длинѣ моей эпистолы. Вышла цѣлая диссертація! Но вы сами знаете, что объ этихъ предметахъ, „вызывающихъ на размышленіе“, говорить въ двухъ словахъ невозможно, лучше и не начинать. Многое мнѣ было крайне необходимо вамъ высказать: *sine ira et studio*. Счелъ бы себѣ великою честью и обрадовался бы глубоко и искренно, еслибъ вы, окончательно забывъ все прошлое и навсегда возобновивъ наши пріятельскія отношенія, захотѣли пожать мнѣ руку (которая теперь уже никогда болѣе не подниметъ пера противъ васъ, для публики). Можетъ быть, и вздумаете артистически побесѣдовать со мною вдоволь, на свободѣ. Я теперь ничѣмъ особеннымъ не занятъ. Дома каждый день—до вечера. Жительствоваю близъ Большаго Театра, въ Офицерской, въ домѣ Хилькевича (что на углу Прачешнаго переулка, кв. № 23). Въ устной бесѣдѣ многое можетъ лучше уясниться, чѣмъ на бумагѣ. Буду ждать во всякомъ случаѣ вашего отвѣта. Преданный вамъ А. Сѣровъ“.

VII.

На длинное письмо Сѣрова, которое, конечно, нельзя назвать благодарственнымъ, а болѣе похожее на анти-критику и притомъ довольно задорную, я отвѣчалъ столь же пространно, отвергая пунктъ за пунктомъ казуистическія оправданія автора „Юдией“. Письмо свое я кончилъ слѣдующими словами:

„... Съ тѣмъ же вниманіемъ и съ тѣмъ же сочувствіемъ я буду и впредь слѣдить и отзываться о послѣдующихъ вашихъ операхъ; но я не вижу никакой пользы отъ личнаго нашего сближенія.

„Я знаю по долготѣнному опыту, что мы никогда не сойдемся въ воззрѣніяхъ нашихъ на счетъ обязанностей добросовѣстнаго

критика, и послѣднее письмо ваше еще болѣе меня въ этомъ убѣждаетъ. Слѣдовательно, лучше намъ и не сближаться. Пусть каждый будетъ самъ по себѣ. Продолжайте съ успѣхомъ подвигаться на широкомъ поприщѣ композиціи, а я буду слѣдить за вашими успѣхами“ и проч..

Не прошло трехъ часовъ послѣ отправки моего письма, какъ Александръ Николаевичъ былъ уже у меня.

— Я не рѣшился, сказалъ я ему, отказать автору „Юднѣ“, но повторяю еще разъ, что не вижу пользы во временномъ нашемъ сближеніи. При первомъ случаѣ вы опять будете утверждать, что я ничего не смыслю въ музыкѣ и при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній руководствуюсь лишь личными или салонными соображеніями.

— „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!“ прервалъ меня довольно развязно Александръ Николаевичъ. „Я написалъ вамъ, что отнынѣ рука моя не подыметъ противъ васъ для публики — и довольно“.

За симъ Александръ Николаевичъ сѣлъ и два часа пролетѣли, какъ мигъ, въ увлекательной его бесѣдѣ. Онъ объяснилъ мнѣ, между прочимъ, по какой причинѣ онъ предпочелъ избрать для перваго своего произведенія сюжетъ библейскій изъ древняго міра, а не изъ русской жизни.

— „Я не хотѣлъ идти по стопамъ Глинки“...

— А пошли по стопамъ Вагнера, прервалъ я не безъ нѣкотораго ехидства.

— „Это другое дѣло“, возразилъ Сѣровъ. „Вагнера здѣсь еще все не знаютъ,—пусть познакомятся съ его стилемъ и манерами хоть по „Юднѣ“. Наша публика можетъ быть и не пойметъ сразу, но, по крайней мѣрѣ, будетъ лишена возможности сравнивать и примѣрять на свой аршинъ; подобная музыка для нея — совершенная новинка, а приемы Глинки она знаетъ наизусть. Впрочемъ, слѣдующую оперу я напишу на русской сюжетъ, когда придумаю, какой особенный оборотъ дать музыкальной рѣчи, дабы не попасть въ прихвостни Глинки“.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я, какъ же это вы писали въ 1856 году, что оперы Вагнера наводятъ непроходимую скуку, а въ 1858 году пришли въ неописанный восторгъ, слушая тѣже оперы?

Александръ Николаевичъ вспыхнулъ:

— „Только тупоумные идіоты упорно придерживаются одного и того же мнѣнія“, возразилъ онъ, возвышая голосъ, „мыслящіе же люди изучаютъ, глубоко вникаютъ въ предметъ и рѣшаютъ, не стѣсняясь, прежними отзывами“.

— Согласитесь, однако же, что довольно странно читать въ одной и той же газетѣ, въ статьяхъ, подписанныхъ однимъ и тѣмъ же именемъ, хотя и въ двухъ-лѣтній промежутокъ времени, два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Въ 1856 г. вы говорите, что оперы Вагнера наводятъ непроходимую скуку и что въ нихъ нѣтъ и признака мелодичности, а чрезъ два года, отъ тѣхъ же оперъ вы приходите въ восторгъ и восклицаете, что только кретинизмъ можетъ еще шипѣть противъ твореній великаго Вагнера, въ которыхъ вдохновеніе и мелодія бьютъ ключомъ. За исключеніемъ „Лоэнгринъ“, я не видѣлъ ни одной оперы Вагнера на сценѣ, а потому и не могу судить о его твореніяхъ вообще; но „Лоэнгринъ“ удовлетворяетъ вполне художественному моему чувству, кромѣ развѣ длинной мелопеи (какъ вы нѣкогда выразились) въ первой половинѣ перваго акта; тѣмъ не менѣе, восторгъ вашъ, мнѣ кажется, уже слишкомъ преувеличенъ. Ужъ не вскружилъ-ли вамъ голову Францъ Листъ, усерднѣйшій изъ поклонниковъ Вагнера?

Александръ Николаевичъ еще пуще вспылить! Онъ даже вскочилъ со стула и заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— „Никто не можетъ вскружить мнѣ голову! Нѣтъ человѣка въ мірѣ, вліянію котораго я могъ бы подчиниться; но вотъ что я вамъ скажу. Случалось-ли вамъ видѣть, какъ подпаиваютъ человѣка противъ его воли: сначала онъ отпиваетъ, по глотку не хотя, потомъ войдетъ во вкусъ и хватить черезъ край. Почти тоже случилось со мною касательно музыки Вагнера: сначала я, не смотря на восхваленія Листа, упирался бычкомъ противъ новыхъ для меня впечатлѣній; но мало-по-малу вошелъ во вкусъ и съ головою окунулся въ безпредѣльное море звуковъ! Да-съ! оперы Вагнера—цѣлый океанъ и благо тому композитору, который погрузится въ него по горло, — онъ очистится и просвѣтлѣетъ!“

Не желая раздражать посѣтившаго меня пылкаго автора „Юдионъ“, содѣлавшагося отъявленнымъ вагнеристомъ, я переѣмилъ разговоръ и мы долго еще бесѣдовали о судьбахъ русской лирической сцены.

Съ тѣхъ поръ мы стали посѣщать другъ друга, и между Александромъ Николаевичемъ и мною заключено было перемиріе въ отношеніи полемики, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. Однажды, мѣсяца три послѣ перваго нашего свиданія, Сѣровъ взошелъ ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— „Придумалъ“, — сказалъ онъ безъ предисловія, высоко поднимая голову и встряхивая львиною гривой (онъ самъ такъ называлъ длинные свои волоса), — „придумалъ русскій сюжетъ для лирической драмы! это ужъ не чета будетъ „Русланамъ“ и „Русалкамъ“! Я избираю Русь

древнюю, грубую, языческую. Тут нельзя будет миндальничать, у поклонниковъ Перуна и мелодіи должны быть топорныя! Все это будетъ освѣщено зарею возраждающагося у насъ христіанства и величаяя фигура Владиміра выйдеть отлично! А какъ вы думаете“, — обратился онъ вдругъ ко мнѣ, „какіе были напѣвы у первыхъ провозвѣстниковъ христіанства, появившихся на Руси?“

— Право, не знаю! отвѣчалъ я, озадаченный этимъ вопросомъ.

— „Да! это рѣшить трудно! Такъ вотъ что я придумалъ: сотворить смѣшеніе между палестриновскимъ стилемъ и нашими церковными гласами..... Какъ вы полагаете? Вѣдь это будетъ хорошо!“

— И этого рѣшить не могу, отвѣчалъ я.

Сѣровъ подробно объяснилъ мнѣ планъ „Рогнѣды“ съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ и мы дружески разстались, предвкушая, такъ сказать, художественное наслажденіе, которое доставить намъ обоимъ произведеніе, находящееся еще только въ зародышѣ.

За симъ Александръ Николаевичъ углубился въ сочиненіе задуманной имъ оперы и мы рѣдко видѣлись.

VIII.

Въ началѣ 1865 года, Сѣровъ пригласилъ меня къ себѣ для выслушанія или, вѣрнѣе сказать, для просмотра оконченной уже, но еще не инструментованной, новой оперы. Я былъ пораженъ глубиной музыкальныхъ мыслей новаго этого произведенія и, при появленіи его на сценѣ (27-го октября 1865 года), написалъ о „Рогнѣдѣ“ цѣлый рядъ восторженныхъ статей.

По этому случаю появилась, во всей силѣ, та горестная рознь и тотъ антагонизмъ, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ этихъ строкъ, сокрушаясь, что подобное явленіе въ нашихъ музыкальныхъ кружкахъ тормозить дѣло. Нѣкоторые рецензенты напали не только на автора „Рогнѣды“, но и на меня за мое пристрастное, такъ увѣряли они, одобреніе.

„Рогнѣда“ выдержала, какъ извѣстно, болѣе 60-ти представленій, а упомянутые рецензенты смѣло утверждали, что опера эта не имѣла никакого успѣха!.....

Горячее сочувствіе, выказанное мною къ новой оперѣ, еще болѣе сблизило насъ съ покойнымъ Сѣровымъ. Мы часто видѣлись и часто бесѣдовали о музыкѣ по цѣлымъ часамъ.

Въ началѣ 1867 года, Сѣровъ объявилъ мнѣ однажды, что онъ намѣренъ предпринять изданіе специально-критической газеты подъ названіемъ „Музыка и Театръ“. Я ужаснулся!

— Ради Бога, не дѣлайте этого, воскликнулъ я. Ваше дѣло —

композиція, а не критика; у васъ натура слишкомъ страстная, увлекающаяся; для критики у васъ не достаетъ ни надлежащаго спокойствія, ни должнаго безпристрастія. Вспомните, какъ вы ошиблись на счетъ Вагнера.

— „Нельзя“—отвѣчалъ Александръ Николаевичъ, „если я буду молчать по части критики музыкальной, то ревуны восторжествуютъ“.

Подъ именемъ ревуновъ онъ подразумѣвалъ своихъ противниковъ.

— Предоставьте другимъ, возразилъ я, отстаивать чистоту и интересы искусства; хоть мнѣ, напримѣръ.

Александръ Николаевичъ взглянулъ на меня свысока и вымолвилъ слѣдующія слова:

— „Вамъ это не по силамъ! Я—дубъ, а вы—извините за выраженіе,—тростникъ“.

Я не могъ воздержаться отъ смѣха. Самъ Александръ Николаевичъ также улыбнулся, чувствуя, что хватилъ черезъ край.

— Но какая же вамъ радость,—продолжалъ я, смѣясь,—если вы дѣйствительно дубъ, что вашими желудями будутъ питаться извѣстнаго рода четвероногія, тогда какъ цвѣтами вашихъ композицій можетъ наслаждаться весь образованный міръ.

Эта напыщенная фраза понравилась, повидимому, Сърову, потому что онъ началъ объяснять мнѣ, что я слишкомъ мягокъ и остороженъ, а что съ ревунами нужно быть самому ревуномъ и проч., и проч.

Въ заключеніе онъ объявилъ мнѣ, что композиція—сама по себѣ, а критика—настоящее, будто бы, его призваніе, и повторилъ еще разъ, что отъ предположенія своего издавать специально-критическую газету, онъ ни за что не откажется.

И дѣйствительно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1867 года появилась газета подъ названіемъ: „Музыка и Театръ“, подъ редакцію А. Н. Сърова.

Вообразите же себѣ мое удивленіе, когда я прочелъ въ 1-мъ же номерѣ слѣдующую выходку:

„Статьи по театру и по музыкѣ—вещь въ журнальномъ нашемъ мірѣ до крайности обыкновенная. У насъ очень много пишутъ именно объ этихъ предметахъ; рѣдкій № рѣдкой газеты обходится безъ фельетона о спектакляхъ или концертахъ; къ тысячамъ такого рода фельетонновъ въ годъ прибавить еще десятокъ-другой было бы бездѣльно. Нѣтъ! именно „въ фельетонномъ“ характерѣ статей объ искусствѣ и главная бѣда.

„Загляните въ еженедѣльные газеты—вы найдете, или что *фем-*

стопишь въ сотый разъ повторяетъ вѣсьмъ давно извѣстное, даже въ формѣ вѣсьмъ наскучившей, и все это такъ вяло, такъ безцѣлтно, что становится непривлекательнымъ даже для самаго терпѣливаго читателя; или же другаго сорта ярый борзописецъ бойко рекламируетъ въ пользу своего кружка“ и проч., и проч.

Далѣе авторъ говоритъ: „Неужели наша публика должна довольствоваться или безцвѣтными, вялыми бюллетенями „о пѣніи таковой-то“, или номенклатурой аккордовъ, или обидными для здраваго смысла „родомонта да-ми“ какаго-нибудь музыкально-критическаго писателя. Исторія искусства—дѣло серьезное, въ этомъ врядъ-ли кто усомнится; но развѣ „текущая критика“—искусства не составляетъ? Въ свою очередь, она—страница его исторіи. За что же на Россію, 60-хъ годовъ нашего вѣка, ляжетъ такая тѣнь по музыкальнымъ дѣламъ, что у насъ терпѣливо переносили полное отсутствіе истинной критики“ и проч., и проч.

Понятно, что подобное вступленіе меня возмутило. Я тотчасъ же написалъ Сѣрову, умоляя его, образумиться и припомнить, что онъ говорилъ мнѣ и даже писалъ по поводу критическихъ моихъ статей о „Юдиѣ“ и „Рогвѣдѣ“.

Письмо это осталось безъ отвѣта.

Выждавъ цѣлую недѣлю, я написалъ другое, болѣе обстоятельное.

И это письмо осталось безъ отвѣта.

Это меня взорвало и я написалъ (въ „Сѣверной Пчелѣ“) статью, въ которой укорялъ Сѣрова въ забывчивости и совѣтывалъ ему ограничиться композиторскими лаврами.

На это въ № 5 своей газеты Александръ Николаевичъ возразилъ слѣдующими словами: „Что критическое перо, въ рубрахъ не безъизвѣстнаго композитора—орудіе, не совѣсьмъ базопасное... для него самаго, противъ этого даже спорить нельзя. Но... волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить... На Руси лѣсовъ еще много, и волковъ по лѣсамъ также много; только не больно они страшны.... Нападаютъ всегда съ тылу, а отъ одного прямаго взгляда въ упоръ разбѣгаются.

„Напраслина, на меня вслепанная, а теперь печатно выведенная на чистую воду („Голосъ“ № 122, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 7-го мая), для меня служить только доказательствомъ: 1) что у насъ вообще къ критической мысли, честно проводимой, еще не выучились честно относиться; 2) что нѣкоторые изъ людей, занимающихъ въ нашихъ журналахъ роль музыкальныхъ рецензентовъ, къ настоящему

дѣлу черезъ-чуръ мало пригодны за отсутствіемъ главнѣйшаго качества — стремленія къ правдѣ“.

Предоставляю будущему біографу выяснить эту эпоху критической дѣятельности покойнаго Сѣрова. Скажу только, по чистой совѣсти, что въ вышедшихъ въ свѣтъ 12-ти №№ газеты „Музыка и Театръ“ было нѣсколько замѣчательныхъ статей. Газета эта, однако-жъ, скоро прекратилась за недостаткомъ подписчиковъ, — это фактъ также довольно замѣчательный! У Сѣрова было множество восторженныхъ приверженцевъ, пока онъ разбивалъ въ пухъ и прахъ существовавшіе до него музыкальные авторитеты, не заявивъ еще ничѣмъ о себѣ въ качествѣ композитора; а когда, послѣ успѣха „Юдиин“ и „Рогнѣды“, онъ задумалъ издавать собственную газету, то не нашлось охотниковъ поддержать его предпріятіе.

Послѣ появленія вышеуказанныхъ статей въ газетѣ Сѣрова и оказаннаго имъ пренебреженія къ моимъ письмамъ, неудостоившимся отвѣта, я, разумѣется, вновь прекратилъ всякія съ нимъ сношенія. Судьбѣ, однако, угодно было еще разъ сблизить насъ.

IX.

Въ концѣ 1869 г. дирекція Русскаго Музыкальнаго Общества, вслѣдствіе сдѣланнаго мною предложенія, постановила учредить комитетъ для обсужденія специальныхъ музыкальныхъ вопросовъ, какъ то: составленіе программъ для концертовъ общества, разсмотрѣніе новыхъ композицій, представленныхъ для исполненія и на преміи, и проч., и проч. Въ составъ этого комитета предполагалось пригласить всѣхъ, наиболѣе извѣстныхъ, здѣшнихъ музыкальныхъ дѣятелей. При обсужденіи этого вопроса я выразилъ мысль, что, по моему мнѣнію, необходимо пригласить А. Н. Сѣрова, не смотря на задорность и неуживчивость его характера. Бывшій въ то время директоръ А. А. Кирѣевъ и Н. Зарембо (директоръ консерваторіи) поддержали мое мнѣніе и Сѣровъ былъ приглашенъ. Александръ Николаевичъ, къ удивленію моему, согласился и вслѣдствіе этого между нами вновь совершилось замиреніе.

Не знаю, какъ это вышло, но при первомъ выборѣ комитета, не смотря на присутствіе А. Н. Сѣрова, предсѣдателемъ былъ выбранъ я, а не онъ. Слѣдуетъ отдать справедливость высокоумному автору „Рогнѣды“: при этомъ случаѣ, онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не обнаружилъ своего неудовольствія; вообще, въ теченіе трѣхмѣсячнаго моего предсѣдательства, Александръ Николаевичъ держалъ себя со всѣми членами комитета не только сдержанно, но даже привѣтливо.

На нашъ комитетъ ревунны (по выраженію Сѣрова) возстали съ озлобленіемъ; въ особенности отличался одинъ изъ нихъ, нисколько, впрочемъ, не принадлежащій къ числу музыкальныхъ дѣятелей. Издѣваясь надъ комическимъ, по его словамъ, комитетомъ, этотъ писатель говоритъ между прочимъ: „Передъ глазами возникаютъ двѣнадцать боговъ Греціи (первоначальное число членовъ), героевъ Карла Великаго, двѣнадцать знаковъ зодіака. Любопытно, однако, знать, кто изъ нихъ въ комитетѣ Юпитеръ и кто Минерва, кто Овенъ, кто Телець и кто Козерогъ? Впрочемъ, кажется, всего болѣе тутъ Раковъ“.

Заключеніе это онъ выводитъ изъ того, что предсѣдателемъ избранъ былъ я и что при открытіи комитета я имѣлъ неосторожность выразить слѣдующія мысли:

„Позвольте, гг.“, сказалъ я, обращаясь къ членамъ послѣ краткаго изложенія предстоящей комитету дѣятельности, „пожелать всѣмъ намъ стойкости, твердости и терпѣнія для отпора зловреднаго наплыва людей, отрицающихъ пользу музыкальной науки, и да будетъ нашимъ девизомъ: наука, согласіе, безпристрастное и честное служеніе искусству“.

„А, такъ вотъ въ чемъ дѣло состоитъ“, восклицаетъ тотъ же вышеупомянутый критикъ, „граматика впередъ! Тутъ все дѣло въ томъ и заключается, чтобы уничтожить зловредный наплывъ тѣхъ новыхъ людей и вещей (sic!), которыхъ значеніе и достоинство они (т. е., члены комитета) еще и не понимаютъ“.

Вотъ какъ понимаютъ у насъ нѣкоторые люди общественное дѣло. Если бы нашъ противникъ не увлекался чувствомъ непонятной и ничѣмъ не оправданной злобы, то онъ обратилъ бы вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что программы концертовъ русскаго музыкальнаго общества должны составляться при возможно-широкомъ электическомъ возрѣніи на искусство и, слѣдовательно, въ нихъ должны были войти, вѣроятно, и тѣ вещи (т. е., произведенія), пониманіе которыхъ присвоиваетъ себѣ, какъ монополію, помянутый писатель; а во-вторыхъ, что въ первомъ же засѣданіи комитета выражено было мнѣніе о необходимости пополнить составъ комитета приглашеніемъ еще нѣсколькихъ лицъ, чтобы сосредоточить въ немъ участіе специалистовъ всѣхъ существующихъ здѣсь музыкальныхъ возрѣній.

Вслѣдствіе этого, въ первомъ же засѣданіи приступлено было къ закрытой баллотировкѣ еще трехъ членовъ и постановлено было пригласить гг. Балакирева, Римскаго-Корсакова и Ломакина.

Слѣдовательно, доступъ въ комитетъ не былъ закрытъ новымъ

людямъ; напротивъ, приглашая нѣкоторыхъ изъ нихъ принять участие въ трудахъ комитета и внести въ него и свои воззрѣнія на искусство, и свои новыя произведенія, если только они не грѣшатъ противъ правилъ изящнаго вкуса и противъ правилъ музыкальной науки.

Несправедливыя эти нападки пылкій Сѣровъ сносилъ терпѣливо; но я счелъ долгомъ отказаться отъ чести предсѣдателя, потому что вышеупомянутое постановленіе комитета утверждено не было высшею дирекціею „Русскаго Музыкальнаго Общества“.

На мѣсто меня предсѣдателемъ былъ избранъ Сѣровъ и 3-го мая 1870 г. комитетъ удостоилъ меня оффиціальнымъ изъявленіемъ сочувствія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сожалѣнія по случаю моего устраненія отъ дѣлъ комитета. Александръ Николаевичъ, съ своей стороны, обратился ко мнѣ, 3-го мая 1870 г., съ частнымъ письмомъ, которое привожу здѣсь, какъ новое доказательство, что покойный Сѣровъ нерѣдко думалъ одно, а писалъ другое.

„Многоуважаемый Теофилъ Матвеевичъ. Кромѣ прилагаемаго у сего „оффиціального“ листика, позвольте засвидѣтельствовать вамъ частнымъ образомъ, отъ меня лично, искреннее сожалѣніе, что вы устранили себя отъ насъ и дѣлъ нашихъ вовсе!

„На Руси такъ мало людей, преданныхъ искусству душою, какъ вы, и обладающихъ, какъ вы, опытностію и знаніемъ, и чутьемъ, и вкусомъ по музыкальнымъ дѣламъ, а вы „дезертируете“ изъ того лагеря, въ которомъ, авось! заложится, наконецъ, истинное служеніе музыкѣ въ Россіи и музыкѣ русской, со всѣхъ возможныхъ сторонъ! Глубоко сожалѣю! Преданнѣйшій вамъ А. Сѣровъ“.

О дѣятельности Александра Николаевича во время его предсѣдательства въ комитетѣ, продолжавшагося до конца его жизни, я ничего не знаю; но я слышалъ, что ему было разрѣшено пригласить къ участию въ трудахъ комитета вышеупомянутыя лица, но было уже поздно! Непримирая вражда между такъ-называемыми новаторами и представителями музыкальной науки пустила уже слишкомъ глубокіе корни.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ возобновились наши сношенія съ покойнымъ Сѣровымъ; я, впрочемъ, держалъ себя поодаль, зная по горькому опыту, что на интимныя заявленія Александра Николаевича нельзя полагаться. Однако же, въ концѣ 1870 г., самъ Александръ Николаевичъ пригласилъ меня къ себѣ для прослушанія въ чернѣ оконченной имъ новой оперы „Вражья сила“.

Не суждено было Сѣрову услышать на сценѣ новое свое произведеніе, смерть уже носилась надъ головою его... ..

Извѣстно, что эта опера исполнена была послѣ кончины даровитаго ея автора; извѣстно также, съ какою злобою противники Сѣрова напали на это посмертное произведеніе, утверждая, что „оно написано наукомъ, обмакнувшимъ лапки въ чернила и расхаживающимъ по нотной бумагѣ“.

О „Вражьей силѣ“ я также написалъ подробный разборъ. Публика наша не вполне еще оцѣнила это послѣднее произведеніе автора „Юдиин“ и „Рогнѣды“, такъ какъ, по какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, опера эта до сихъ поръ исполнена была не болѣе десяти разъ. То одинъ, то другой артистъ выбывали изъ состава труппы, а главныя партіи представляютъ столько особенностей и трудностей, что наскоро замѣнить одного артиста другимъ невозможно. Вотъ почему общественное мнѣніе на счетъ посмертнаго произведенія покойнаго Сѣрова еще не вполне выразилось; но я всегда утверждалъ и утверждаю, что тѣ, которые понимаютъ и цѣнятъ заслуги народнаго нашего драматурга А. Н. Островскаго, — тѣ не могутъ не оцѣнить „Вражьей силы“—А. Н. Сѣрова, написанной на сюжетъ и подъ вдохновеніемъ народной драмы: „Не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ“.

Х.

Въ заключеніе этого отрывка изъ замогильныхъ моихъ, можно сказать, Записокъ,—выписки, сдѣланной въ пользу будущаго біографа автора трехъ капитальныхъ оперъ,—я считаю себя въ правѣ воспроизвести здѣсь описаніе „послѣднихъ трехъ часовъ жизни А. Н. Сѣрова“, составленное М. Е. Славинскимъ.

Живое это описаніе предсмертныхъ минутъ человѣка, въ высшей степени замѣчательнаго, слѣдуетъ сохранить на страницахъ „Русской Старины“, дабы оградить его отъ забвенія, которому подвергается большая часть статей, помѣщаемыхъ на летучихъ листахъ ежедневной газеты. Препровождая этотъ интересный рассказъ, написанный очевидцемъ въ редакцію „Голоса“, я писалъ, между прочимъ:

„Избитое сравненіе угасающей жизни съ пламенемъ потухающей лампы, какъ нельзя болѣе подходитъ къ настоящему печальному случаю. Дѣйствительно, душевная искра оплакиваемого нами композитора вспыхнула, можно сказать, яркимъ пламенемъ въ предсмертныя минуты его жизни. Грустно и больно, читая скорбное это описаніе, сознавать, какой громадный запасъ жизни и духовныхъ силъ находились еще въ душѣ разстроенаго въ конецъ организма незабвеннаго Александра Николаевича Сѣрова. Для тѣхъ, которые знали лично покойнаго, рассказъ этотъ воспроизводитъ всецѣло не только

личность знаменитаго композитора и музыкальнаго критика, но и складъ его ума и даже свойственныя ему одному обороты рѣчи“.

20-го января 1871 г.,—пишетъ г. Славянскій,—въ среду, въ половинѣ втораго часа пополудни, я засталъ Александра Николаевича Сѣрова одного, на диванѣ, одѣтымъ въ свой обыкновенный сѣренскій костюмъ, совершенно бодрымъ и (на вопросъ мой) вполне здоровымъ. Недавно онъ оправился отъ болѣзни (желудочнаго катара), полученной имъ еще въ Вѣнѣ, въ послѣднюю его поѣздку на столѣтній юбилей Бетховена. На мои разспросы объ его „angina pectoris“ (капитальная болѣзнь, которою Александръ Николаевичъ началъ страдать съ зимы 1867 года) и вообще о болѣзненномъ его состояніи, я помню слѣдующія слова и возраженія Сѣрова, которыя передаю почти буквально вѣрно, равно какъ и обо всемъ; что Александръ Николаевичъ говорилъ о музыкѣ, о своихъ (по этой части) планахъ и предположеніяхъ.

— „Мнѣ-то! Пожить, à la Nabuco“, какъ вы говорите, да еще цѣлый мѣсяць! Развѣ это возможно хоть на одинъ часъ? и докторъ Эйхвальдъ съ недѣлю тому говорилъ, если я позволю себѣ малѣйшую душевную невоздержность, мнѣ будетъ немедленная смерть... Вы хотите, чтобъ я добровольно парализовалъ все, что толчется у меня тутъ и тутъ (голова и сердце); это невозможно ни на одну секунду; вы предлагаете удалить отъ меня книги, ноты, карандаши, бумагу... всѣхъ знакомыхъ... Попробуйте!... Да „одному“ мнѣ будетъ гораздо хуже; сдержанная, безысходная сосредоточенность... ухъ, какъ тяжела для моей натуры! Желаніе вылиться, подѣлиться всѣмъ, что налегло и накупѣло въ душѣ моей—лучшее лекарство при моей „angina“. Конечно, я теперь не буду уже такъ волноваться, какъ позволялъ себѣ это всегда, напримѣръ, на четверкахъ и въ частыхъ бесѣдахъ съ вами, а говорить и думать, думать и говорить—мнѣ положительно необходимо... Оставимъ медицинскій разговоръ.. Вы меня застали за очень интересною книгой Наумана ¹⁾... Когда-то мы допишемся до такихъ книгъ, какъ исторія музыки Фетиса, какъ эти брошюры о Бетховенѣ, что я привезъ изъ Вѣны, какъ сія штука (Наумана). И какъ они (нѣмцы) ихъ пекутъ! ежегодно десятками; и все—дѣло, всё—интересъ наиглубочайшій!“

Говоря о книгѣ Наумана, Александръ Николаевичъ, между прочимъ, показалъ изъ нея то, что открылось; это были страницы о Мейерберѣ, гдѣ доказывалось, что главная характеристика мотивовъ мейерберовой музыки, почти во всѣхъ его сочиненіяхъ, основана на форшлагахъ...

¹⁾ Die Tonkunst der Culturgeschichte. Von Emil Naumann. 1-ter, Band 2-te Hälfte. Berlin. 1870.

Затѣмъ, закрывши книгу, Александръ Николаевичъ продолжалъ:

— „Науманъ затрогиваетъ въ своей книгѣ и нашу музыку, выставляя представителями ея Львова, Бортнянскаго и Глинку (Львовъ и Глинка, а Даргомыжскаго нѣтъ!)... Я вамъ не говорилъ, кажется, что въ послѣднюю бытность свою за границей я получилъ предложеніе писать для „Augsburger Allgemeine Zeitung“. Какой мнѣ предстоитъ интересный дебютъ! По поводу хоть этой книги (Наумана)... Фетисъ Науманъ, да и всѣ они ничего не знаютъ о нашей музыкѣ; они искренно не подозрѣваютъ обо всемъ, что у насъ уже сдѣлано по этой части, и какъ серьезно, какъ роскошно идетъ наше музыкальное дѣло. Я могу выступить въ первой статьѣ и какъ русскій артистъ (нужно протереть имъ очки, чтобъ почували, какъ свѣжо, какъ искренно и глубоко дышется нашей музыкѣ, въ особенности теперь), и какъ горячій вагнеристъ (они мало знаютъ, какъ мы понимаемъ Р. Вагнера)... Мнѣ претятъ тѣ мѣста изъ книги Наумана о Вагнерѣ, гдѣ онъ отзывается о немъ съ какимъ-то натянутымъ, какъ будто вынужденнымъ, респектомъ, пожалуй, называетъ его и гениальнымъ, но съ какою-то сдержанною досадой... Вотъ я и докажу ему, какъ нужно себя чувствовать и держать относительно этого барина... Ухъ, какая у меня выйдетъ статья! Задамъ я Науману и за насъ, и за Рихарда. Конечно, теперь и тамъ придется не такъ ворочать перомъ, какъ я себѣ это позволялъ у насъ: имъ нуженъ „молотъ стальной и ударъ на-вѣрняка“. Газета „Augsburger Allgemeine Zeitung“—не нашимъ чета: ее читаютъ во всей Европѣ.....“

Послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья...

— „Подумайте, С., какъ много мнѣ дѣла! и какого! и чѣмъ дальше, тѣмъ больше... До „Гуситовъ“ — „Вакула“; до „Вакулы“ — „Вражья сила“; а до ея постановки у меня должны быть готовы три статьи: въ „Вѣстникъ Европы“ (о Берліозѣ — давно общалъ), въ „Бесѣду“ и въ „Музыкальный Сезонъ“... А „9-я симфонія“! А „фритійская секунда“! А отвѣтъ на письмо Козимы Вагнеръ (вы знаете какое!); на дняхъ жду письмо и отъ Рихарда,—а отвѣтъ ему! Вѣдь, писать имъ—въ своемъ родѣ капитальная работа (по качеству); съ такими господами нужно говорить очень тонко и глубоко, очень интересно и остроумно; на волосокъ не попадешь въ „тактъ“, такъ опшарять (конечно, мысленно), что не скоро опомнишься; я ихъ знаю, хотя по опытамъ на другихъ... (Кое-что о приемахъ разныхъ посѣтителей Вагнеромъ и Листомъ)... Впрочемъ, на счетъ Рихарда я покоенъ: онъ меня знаетъ очень хорошо.“

На мои просьбы говорить тише и на предложеніе оставить его, Александра Николаевича, одного хоть на $\frac{1}{4}$ часа:

— „Что вы? Развѣ не видите, что я далеко не такъ позволяю себѣ, какъ прежде? Я себя чувствую сегодня особенно хорошо и легко. Въ доказательство прочту вамъ самолично часть либретто Полонскаго для моего „Вакулы“. Пальчики будете облизывать!“

На мое предложеніе — прочесть самому, дома:

— „Нѣтъ, нѣтъ, я самъ и сейчасъ же... Я шопотомъ, буду остороженъ — увидите“.

Прочелъ въ полголоса, спокойно, хотя, мѣстами, не безъ легвихъ порывовъ въ голосѣ и жестахъ, причемъ за грудь и сердце, какъ бывало прежде, не схватывался ни разу; два раза останавливался, рисуя обстановку, представляя, какъ будутъ хороши нѣкоторыя артисты въ такихъ словахъ:

— „А какія тамъ чертовщины будутъ совсѣмъ особенныя! Леонова и Сарриоти — какой дуэтъ! А полѣтъ вѣдьмы изъ трубы на вочергѣ? а черевички, а сразу Петербургъ? Странно, да ново... На сценѣ впервые будутъ Екатерина, Потемкинъ et c-*nie*. Такъ какъ *au naturel* не позволять, назову Фелица, Орлы и т. п.“

По окончаніи чтенія:

— „Ну-съ какова будетъ опера? А какъ легко, съ какимъ смакомъ я буду ее писать! Это будетъ славное, веселое, артистическое *far niente* послѣ „Юдиои“ и „Вражьей силы“; тяжелыхъ минутъ, душныхъ, нетерпѣливыхъ выжиданій — не будетъ; работаться будетъ быстро, весело, легко... Какую я тутъ фантастику подпущу! чисто нашу! И какіе новые звуки уже теперь копошатся у меня для оркестра „Вакулы“! Не знаю до сихъ поръ, какъ назвать эту оперу. Волшебно-комическая? фантастическая?... Рутинно... и не то. „Просто—„Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ“ и баста! а тамъ — какая выйдетъ! Пусть чуютъ... Да ужъ и почувютъ..., я это чую“.

Приходъ Валентины Семеновны (супруги А. Н. Сѣрова). 3 часа. Обѣдъ.

Послѣ обѣда, въ 4 часа, Александръ Николаевичъ сидѣлъ на диванѣ, очень спокойно разговаривалъ съ Валентиною Семеновной о сынѣ, о *m-me* Вiардо (дочери Полины Вiардо-Гарсиа); съ восторгомъ припоминалъ, какъ эта пѣвица исполняетъ музыку Глюка и баллады Ф. Шуберта; какъ о музыкантшѣ говорилъ, что „такихъ серьезныхъ артистовъ въ полномъ смыслѣ очень мало“; удивлялся, между прочимъ, замѣчательной „нервничности“ г-жи Вiардо: „такимъ нервнымъ можетъ быть только глубокой артистъ“.

Потомъ Александръ Николаевичъ шутилъ съ сыномъ, рассказывалъ ему разные курьезные анекдоты. Въ 4½ часа Валентина Семеновна вышла въ сосѣдную комнату пить чай; я тоже взялъ оттуда

свой стаканъ и воротился къ Александру Николаевичу, сѣлъ у окна, гдѣ лежало большое собраніе (почти всѣхъ) сочиненій Р. Шумана, между которыми случайно попала увертюра къ ораторіи Мендельсона „Paulus“. Я отобралъ неизвѣстныя мнѣ вещи Шумана и положилъ эту увертюру наверхъ. Александръ Николаевичъ ходилъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, увидалъ ее:

— „Вы и это берете съ собою?... А кстати, посмотрите, какъ Науманъ ловко подмѣтилъ причину монотонности музыки Мендельсона; онъ основываетъ ее на однообразіи ритма; какъ удачно онъ сгруппировалъ около 30 темъ изъ его разныхъ сочиненій, гдѣ господствующій ритмъ у Мендельсона — все одинъ и тотъ же“.

Взявши книгу Науманна, Александръ Николаевичъ опять подошелъ ко мнѣ, открылъ упомянутые примѣры, стр. 471, и стоя пропѣлъ одинъ изъ нихъ, изъ „Athalia“:

указалъ на другіе два изъ „Paulus“ и „Walgurgisnacht“, перевернулъ 3 листа, указалъ на примѣръ на стр. 476..... Но тутъ лицо его внезапно вытянулось съ какою-то необыкновенною улыбкой; за этимъ быстро исказилось и также быстро приняло свое обыкновенное выраженіе; глаза были закрыты; ноги подкосились; онъ медленно, дугою, опустился на землю; я не успѣлъ поддержать и не могъ поднять... Валентина Семеновна, находившись въ двухъ шагахъ, въ сосѣдней комнатѣ, на мой крикъ, бросилась къ мужу, сказала: „Скорѣе къ...“ Я поѣхалъ и сообщилъ доктору, что зналъ (получилъ, между прочимъ, замѣчательный отвѣтъ: приѣду завтра!). Вслѣдъ за этимъ, я немедленно же съ другимъ докторомъ (И. М. Барчемъ) отправился на квартиру Сѣровыхъ...

Александръ Николаевичъ не былъ уже въ живыхъ.

Смерть постигла его отъ разрыва сердца; онъ умеръ моментально; предсмертной агоніи не было ни секунды.

Умереть такою смертью — иногда, въ разговорахъ — было желаніемъ Сѣрова.

Оно исполнилось“.

О. М. Толстой.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Записки и проч. труды фельдмаршала Миниха.

Въ дополнение біографическаго очерка фельдмаршала Миниха (см. „Русская Старина“, т., IX, 1874 г., стр. 76—77) считаемъ не лишнимъ представить слѣдующія примѣчанія въ его „Очерку“ и привести перечень нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Миниха:

1) Первый переводъ Записокъ (съ большими пропусками болѣе интересныхъ мѣстъ) былъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1842 г., т. V, стр. 77—134.

2) Въ томъ-же журналѣ, подъ редакцію Полеваго (1841 г., книжка 1, стр. 135—139), была напечатана Записка, поданная Минихомъ, предъ его вступленіемъ въ русскую службу, въ мартѣ 1721 года.

3) Bericht an die Kaiserin Anna Iwanowna über die Eigenschaften und den Character der Generale die sich bei der ihm anvertrauten Armee befinden (St. Petersburg. Zeitschrift von Oldekor. 1822, II Band).

Въ русскомъ переводѣ: Записка, поданная генераль-фельдмаршаломъ Минихомъ Аннѣ Іоанновнѣ 1737 г., декабря 22-го, о свойствахъ и характерѣ генераловъ вѣрнной ему арміи („Сѣверный Архивъ“ 1822 г. Часть I, № 3, стр. 205).

4) Россійская армія въ 1732 г. („Сѣверный Архивъ“ 1825 г., т. XVIII, № 22, стр. 202). Табелъ о числѣ людей въ регулярныхъ армейскихъ, инженерныхъ, гарнизонныхъ и артиллерійскихъ полкахъ, за подписью Миниха.

5) Дневникъ похода въ Крымъ въ 1735 — 1736 годахъ. Этотъ дневникъ, хранящійся въ бібліотетѣ королевско-саксонскаго архива, изданъ Германомъ (Beiträge zur Geschichte des Russischen Reichs v. Dr. Ernst Hermann. Leipzig. 1843. S.S. 187 — 229). Въ рукописи

этого важнаго для Россіи дневника нѣтъ имени Миниха, но Германъ въ подробномъ введеніи (стр. XV — XXVI) основательно доказываетъ, что дневникъ былъ веденъ самимъ Минихомъ и служить объясненіямъ и дополненіемъ къ его официальнымъ реляціямъ.

6) Реляціи Миниха о войнѣ съ Турціей въ 1736—1739 гг. служатъ важнымъ матеріаломъ какъ для біографіи Миниха, такъ и для исторіи царствованія Анны Іоанновны. Пынь эти донесенія составляютъ библиографическую рѣдкость. Въ моемъ собраніи старинныхъ книгъ, донесенія Миниха находятся въ двухъ экземплярахъ. Одинъ составленъ изъ прибавленій къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ 1736 — 1739 года. Другой экземпляръ состоитъ собственно изъ реляцій, печатанныхъ гражданскимъ, а нѣкоторыхъ и славянскимъ шрифтомъ.

7) Докладъ о собраніи и изданіи всѣхъ російскихъ указовъ и регламентовъ, поданный въ 1735 году, 14-го мая („Отечественныя Записки“ П. Свиньина, т. V, 1821 г., стр. 270—277).

8) Письма Миниха къ Бирону во время турецкой кампаніи (136 — 1379 гг.) содержатъ много любопытныхъ подробностей объ этой войнѣ (были напечатаны въ русскомъ переводѣ Записокъ Манштейна, — Н. Н. Глинки; Дерптъ, 1810 г., ч. II, стр. 53 — 56; въ „Жизни Миниха“ соч. Галема, изданной въ 1809 г. и въ „Обзорѣ главнѣйшихъ произшествій въ Россіи“ — Вейдемейера, 1831 г., ч. II, стр. 37 — 39).

9) Письмо къ Лобковичу по поводу Бѣлградскаго міра (у Вейдемейера, ч. II, стр. 42—52).

10) Докладъ Миниха Екаторинѣ II, отъ 7-го іюня 1764 г., о ввѣренныхъ ему работахъ по части водяныхъ сообщеній.

11) Письмо къ Екаторинѣ II съ приложеніемъ прошенія объ отставкѣ, въ которомъ Минихъ, упоминая о своей службѣ, описываетъ погодно свои занятія (см. „Раутъ“, литературный и историческій сборникъ, изд. Н. В. Сушковымъ, 1842 г., стр. 263—268, и тоже изданіе на 1854 годъ).

12) Записки по артиллеріи, посвященныя императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (русскій переводъ напечатанъ въ 1732 г., 2 тома, 8°).

13) Дневникъ генерала Бургарда Христофора фонъ-Миниха, начиная съ 1683 г. по 6-е мая 1727 г.; съ приложеніемъ къ русскому переводу нѣмецкаго подлинника и родословія автора, составленнаго самимъ Минихомъ. Родословіе начинается съ генерала Бургарда Христофора фонъ-Миниха, родившагося 9-го (20-го) мая 1683 г., т.-е., съ самаго-же автора. (См. „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. IV, Одесса, 1860 г., стр. 423—449). Эта автобіогра-

фія въ формѣ дневника, съ 1683 г. по 6-е мая 1727 г., обнимаетъ періодъ времени до поступленія Миниха въ русскую службу въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ 14-го марта 1721 г. Подлинникъ былъ полученъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей г. Соколовымъ отъ А. И. Вегелина; переводъ г. Орбинскаго.

14) Миниховы кондиціи съ русскимъ правительствомъ („Р. А.“ 1867 г., стр. 321—332).

15) Допросы графу Миниху, гр. Головкину, гр. Остерману 1742 г. („Р. А.“ 1864 г., стр. 235—272).

16) Фельдмаршалъ Минихъ въ Сибири. Письма его къ императрицѣ Елисаветѣ („Р. А.“ 1865 г., стр. 353—382).

17) Еще письмо гр. Миниха изъ Сибири („Р. А.“ 1866 г., стр. 171—185).

18) Для біографіи графа Іоанна-Эрнста Миниха („Р. А.“ 1866 г. стр. 1544—1567).

Сообщ. Н. П. Дуровъ.

Княгиня Александра Владиміровна Козловская.

1799 г.

Имя этой особы, современницы екатерининскаго царствованія, едва-ли не впервые появилось передъ читателями „Русской Старины“ въ біографическихъ спискахъ придворныхъ дамъ, П. Θ. Карабанова („Р. С.“ 1871 г., т. IV, стр. 401). Оно упоминается въ краткой замѣткѣ о княжнѣ Варварѣ Юрьевнѣ Долгоруковой, которую, будто-бы, тетка ея, княгиня Козловская, выдавала за свою родную дочь, до синодальнаго утвержденія брака ея родителей, считавшагося противузаконнымъ потому, что отецъ княжны, кн. Юрій Владиміровичъ, и братъ его, Василій Владиміровичъ, были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, графиняхъ Екатеринѣ и Варварѣ Бутурлиныхъ.

Родственную услугу, оказанную въ этомъ случаѣ князю Юрію Владиміровичу, авторъ „Сказаній о родѣ князей Долгоруковыхъ“ (Спб., 1839 г.) приписываетъ не сестрѣ его, Александрѣ Владиміровнѣ Козловской, а женѣ его брата Василя Владиміровича, Варварѣ Александровнѣ,—что, по нашему мнѣнію, правдоподобіе, если принять въ соображеніе, что этотъ послѣдній способъ усыновленія давалъ возможность новорожденной дѣвочкѣ сохранить родовой титулъ и фамилію отца, т. е., именоваться княжной Долгоруковой. Но случилось-ли это такъ, или иначе, мы не остановимся надъ этимъ постороннимъ обстоятельствомъ и не будемъ входить въ оцѣнку достовѣрности того и другаго показанія: говоримъ только мимоходомъ объ этихъ свѣдѣ-

нихъ, такъ какъ, по поводу ихъ, можетъ вспомниться читателямъ безъ-извѣстное имя княгини Козловской. Цѣль настоящей замѣтки—представить ея личность съ той стороны, съ которой она была видна современникамъ и съ коею она приходится роднею, въ нравственномъ смыслѣ, извѣстной „Салтычихѣ“, чья права на нелестную славу она раздѣляетъ вполне, если вѣрить свидѣтельству очевидца.

Тогдашняя пора выдѣляла много характеровъ съ крупными чертами и въ доблестяхъ, и въ порокахъ. Эти типическія черты, свойственныя всякому обществу, едва воспрянувшему для цивилизаціи, совершенно вѣрно отражали въ себѣ нравственный уровень несложныхъ его понятій, но казались поразительными чужому глазу иноземнаго наблюдателя. Громкая эпоха Екатерины Второй, завѣщавшая потомству богатое наслѣдство блестящихъ и признательныхъ воспоминаній, отмѣчена и темными своими пятнами—слѣдами духовныхъ немощей вѣка. Рядомъ съ либеральными начинаніями, навѣянными извнѣ, устанавливались тугія мѣры домашняго издѣлія; вмѣстѣ съ составленіемъ знаменитаго „Наказа“ и созваніемъ сословныхъ представителей для начертанія новаго уложенія, совершалось закрѣпощеніе нѣсколькихъ милліоновъ однихъ подданныхъ во власть немногимъ десяткамъ другихъ.... Такія странныя противорѣчія переполняли и правительственную дѣятельность, и бытовую жизнь полудиваго общества, оправдываясь не только духомъ времени, но и давленіемъ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, которыми окружена была Екатерина со дня своего воцаренія. Многое, чуждое ея личнымъ убѣжденіямъ, она вынуждена была допускать и на многое смотрѣть сквозь пальцы. Отсюда происходила та терпимость къ злоупотребленіямъ крѣпостнаго права, которая столь замѣтно отражалась въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ правительства и выдержала свое направленіе даже и послѣ смуть „пугачевщины“.

Растлѣвающее вліяніе крѣпостнаго права въ особенно возмутительныхъ проявленіяхъ сказалось тогда на характерѣ русской женщины-помѣщицы, въ подтвержденіе извѣстнаго психологическаго замѣчанія, что впечатлительность и восприимчивость женской натуры приводятъ ее къ одинаково-рѣзкимъ крайностямъ и въ добрѣ, и въ злѣ. Однимъ словомъ, въ екатерининскій вѣкъ „Салтычихи“ были во все не рѣдки. Особа, приобрѣвшая подъ этимъ именемъ свою позорную извѣстность, не избѣгнула кары за преступленія, впрочемъ, едва ли равносильной имъ; но этотъ примѣръ преслѣдованія за тиранство и жестокость съ беззащитными рабами выдается явленіемъ почти одиначнымъ въ ту пору. А сколько барынь, подобныхъ Салтычихѣ, под-

визалось на томъ же поприщѣ безнаказанно и благополучно! Сколько изъ нихъ принадлежало къ знати, окружавшей дворъ!

Указанія на эти факты мы находимъ въ современныхъ запискахъ и воспоминаніяхъ, особенно иностранцевъ, жившихъ въ Россіи; между прочими, въ извѣстномъ сочиненіи Массона ¹⁾: „Mémoires secrets sur la Russie“, — сочиненіи, которое, не смотря на его желчный и непріязненный тонъ, допускающій преувеличенія и угличенія во взглядахъ на событія и личности, ни разу не обличено новѣйшими изслѣдованіями въ фактической невѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Впрочемъ, мы ограничимся точною передачей нѣкоторыхъ изъ нихъ, не задаваясь теперь критическимъ вопросомъ: каково значеніе можетъ имѣть книга Массона въ числѣ историческихъ матеріаловъ данной эпохи.

По отзыву автора, служившаго въ Россіи болѣе десяти лѣтъ (съ 1786 по 1797 г.) при особѣ воспитателя великихъ князей, графа Николая Ивановича Салтыкова, сестра жены этого вельможи, княгиня Козловская, была одною изъ женщинъ, ужасающихъ своею нечеловѣческою жестокостію. Первоначально Массонъ въ своихъ запискахъ не назвалъ ее полнымъ именемъ, а разоблачилъ его уже впоследствии, благодаря полемикѣ съ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Августомъ ф. Коцебу, какъ будетъ объяснено ниже.

Прежде, чѣмъ приведемъ выписку изъ книги, о коей идетъ рѣчь, обратимся къ нѣкоторымъ справочнымъ свѣдѣніямъ о происхожденіи и общественномъ положеніи этой женщины.

Княгиня Александра Владиміровна Козловская была младшая изъ четырехъ дочерей генераль-поручика князя Владиміра Петровича Долгорукова ²⁾, родная сестра одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей екатерининскаго царствованія, генераль-ашефа князя Юрія Владиміровича ³⁾ и генераль-поручика князя Василя Владиміровича ⁴⁾ Долгоруковыхъ. Мужъ ея, бригадиръ князь Яковъ Алексѣевичъ Козловскій ⁵⁾, не занималъ высокаго мѣста въ служебной или придворной іерархіи, но, по происхожденію и родственнымъ связямъ, принадлежалъ къ средѣ

¹⁾ Masson de-Blamont. Старшій его братъ назывался, по мѣсту рожденія Masson de-Chanvilliers. Д. Р.

²⁾ Былъ, при императрицѣ Елисаветѣ, генераль-губернаторомъ рижскимъ и ревельскимъ и умеръ въ Ригѣ въ 1761 г. Д. Р.

³⁾ 1740 — 1830 г.

⁴⁾ 1738 — 1784 г.

⁵⁾ Сынъ генераль-поручика князя Алексѣя Семеновича и старшій братъ одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени, князя Федора Алексѣевича, убитаго подъ Чесмой, при взрывѣ корабля «Евстафій» 24-го іюля 1770 г.

Д. Р.

аристократической. Семейныя же отношенія самой княгини Александры Владиміровны были обставлены еще виднѣе и значительнѣе. Не говоря уже о собственномъ происхожденіи, о кровной близости къ братьямъ, людямъ весьма вліятельнымъ и пользовавшимся довѣріемъ государыни, Козловская породнилась съ первостепенною царедворскою знатію черезъ сестру свою Наталью Владиміровну, которая была въ замужествѣ за могущественнымъ вельможей, графомъ (впослѣдствіи княземъ и фельдмаршаломъ) Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ, достигнувъ званія статсъ-дамы и ордена св. Екатерины 1-й степени. Другая сестра ихъ, Прасковья Владиміровна, была въ супружествѣ сперва съ тайнымъ совѣтникомъ Ив. Ив. Мелиссино, а потомъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ; самая-же старшая изъ этихъ четырехъ сестеръ, Екатерина Владиміровна—съ адмираломъ Иваномъ Яковлевичемъ Варшемъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, княгиня Козловская, благодаря этимъ сильнымъ связямъ, стояла на столько высоко, что могла не стѣсняться въ своемъ образѣ дѣйствій. И вотъ что рассказываетъ о нихъ Массонъ, въ главѣ „о господствѣ женщинъ въ Россіи“ (Gynécocratie).

„Княгиня К.....я ²⁾ олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія, бить больнѣе; видали—какъ она, въ припадкахъ бѣшеннаго изступленія, заставляетъ слуганокъ привязывать къ столбу кого-нибудь изъ своихъ слугъ-мужчинъ, совершенно обнаженнаго, и натравливаетъ собакъ грызть несчастнаго; или-же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, при чемъ, зачастую, вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по.....самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла, либо зажженною свѣчей опаливаетъ волосы на тѣлѣ.... соединяя, такимъ образомъ, чудовищныя наслажденія звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства.... Но перо падаетъ у меня изъ рукъ.... кровь бросается въ голову отъ стыда и омерзѣнія.... я не въ состояніи продолжать этихъ отвратительныхъ подробностей.

„Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались muži для подвластныхъ женщинъ: но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію на-голо; затѣмъ свирѣпая госпожа, нерѣдко для утоленія своей лютости или даже личной мести, заставляла страдалицъ класть трепещущія груди

¹⁾ Участвовала въ Морейской экспедиціи 1769—1774 г.

²⁾ Писано въ 1799 г.

на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, сбѣла розгами эти нѣжныя части. Я самъ видѣлъ одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала такимъ образомъ и, въ добавокъ, еще изуродовала: вложивъ ей пальцы въ ротъ, она разодрала ей губы до ушей. Я видѣлъ, говорю, эту злополучную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ состраданіе прочихъ слугъ давало ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣднѣжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ.

„Вопіющіе поступки, которые эта фурія совершала въ Москвѣ, принудили роднаго ея брата выпроводить ее въ Петербургъ, чтобы укрыть отъ озлобленія народа. Она и тамъ вела адскую жизнь, подъ крыломъ всеяльнаго родственника, котораго имѣла въ средѣ придворныхъ. Но и тотъ, наконецъ, долженъ былъ запретить ей держатъ при себѣ прислугу изъ крѣпостныхъ людей, и она принуждена была пользоваться наемною, изъ коей никто не могъ ужиться у ней долѣе одного дня. Впослѣдствіи, пришлось замѣнить и наемныхъ людей солдатами, наряжавшимися къ ней по очереди, какъ на барщину, исполнять обязанности слугъ и удовлетворять яростнымъ ея порывамъ во всякомъ родѣ.

„Я далъ этому чудовищу принадлежащій ему титулъ княгини, не смѣя назвать его женщиной, изъ боязни осквернить это имя. Оно сорока лѣтъ отъ роду, громаднхъ размѣровъ по росту и тучности и похоже на одного изъ сфинксовъ, находимыхъ среди гигантскихъ памятниковъ Египта. Оно еще въ живыхъ, и я, пожалуй, готовъ дать его адресъ всякому, кто пожелаетъ его видѣть“¹⁾.

¹⁾ Далѣе, авторъ «Записокъ» приводитъ другой, не менѣе интересный, экземпляръ рабовладѣлицы, имя которой онъ, впрочемъ, не огласилъ:

«Зналъ я и другую придворную даму, которая держала у себя въ спальнѣ нарочно устроенную темную кѣтку, куда запирала своего крѣпостнаго парикмахера. Она сама выпускала его оттуда ежедневно, въ урочное время, совершенно такъ, какъ вынимаютъ свой гребень изъ футляра, для прически; а потомъ тотчасъ-же замыкала его опять, невѣдомо послѣ многочисленныхъ пощечинъ, достававшихся ему за туалетомъ. Несчастному узнику ставились въ ящикъ: кусокъ хлѣба, кружка воды, маленькая скамейка и необходимая посуда. Ему приходилось видѣть дневной свѣтъ только тогда, когда слѣдовало убирать парикъ на плѣшистой головѣ своей старой тюремщицы. Она ставила эту подвижную темницу у изголовья своей кровати и брала ее съ собою при поѣздкахъ въ имѣніе. И мужъ этой безчеловѣчной женщины допускалъ такіе ужасы! Какъ не тревожили его сонъ вздохи несчастнаго, томившагося близъ него въ четырехъ стѣнахъ своей кѣтки! Три года сряду онъ прожилъ въ этомъ заточеніи и когда, наконецъ, вышелъ оттуда на свѣтъ, то страшно

Быть можетъ, имя этого существа средняго рода такъ и оставлось бы навсегда недосказаннымъ, еслибъ не поусердствовалъ естатн возражатель Массону, явившійся въ лицѣ Августа Коцебу.

Въ извѣстной своей книгѣ: „L'année la plus mémorable de ma vie“, описывающей внезапную ссылку его въ Сибирь, при императорѣ Павлѣ, и столь-же неожиданное возвращеніе въ Петербургъ, Коцебу выступилъ защитникомъ Россіи отъ рѣзкихъ и запальчивыхъ сужденій, содержащихся въ „Секретныхъ Запискахъ“; старался обличить это сочиненіе въ пристрастномъ направленіи, заподозрить въ злостныхъ клеветахъ, и, между прочимъ, возставая противъ мнѣній, опредѣляющихъ съ темной стороны характеристику русскихъ дамъ, вызывалъ автора произнести цѣлкомъ имя той изъ нихъ, которая обозначена только титуломъ княгини и начальной буквой фамиліи: „К.“

Шилей французъ отвѣтилъ недоувѣрчивому нѣмцу довольно объемистой книгой, подъ заглавіемъ: „Lettres d'un français à un allemand, servant de réponse à M-r de Kotzebue, et de supplément aux mémoires secrets sur la Russie, suivies d'un précis historique de la déportation et de l'exil de l'auteur. Par C. F. Ph. Masson, ci-devant major-enchef au service de Russie et secrétaire des commandements du Grand-Duc. Alexandre Paulovitch Coblence. Chez Las-saulx. An XI. 1802. In-pt. 8°, pp. IX — 328“.

Въ этой книгѣ, дѣйствительно могущей служить существеннымъ дополненіемъ къ „Секретнымъ Запискамъ“, авторъ разразился противъ Коцебу ¹⁾ цѣлымъ потокомъ язвительныхъ опроверженій, имѣющихъ, однако-жъ, не одинъ лишь характеръ личныхъ пререканій, но и положительной аргументаціи въ защиту „Записокъ“. На страницахъ 232—233-й этого полемическаго сочиненія названа своимъ полнымъ именемъ „La princesse Alexandra Wladimirowna Kozlowsky“.

было глядѣть не него: до такой степени онъ былъ блѣденъ, изнуренъ, спорленъ и хилъ, какъ драхмный старпѣзъ. Вся причина этого необыкновеннаго варварства была въ томъ, что престарѣлая мегера хотѣла скрыть отъ всѣхъ свое безволосье и ношеніе парика, — и вотъ ради чего она отчуждила осмнадцатилѣтняго молодаго человѣка отъ всякаго общества людскаго, чтобы втайнѣ поновлять руками его свои обветшалыя прелести. Побой же и голодное содержаніе, сверхъ заточенія, онъ терпѣлъ, во-первыхъ, за попытку къ побѣгу, а во-вторыхъ, за то, что, не смотря на все искусство и старанія бѣдняка, старуха становилась съ каждымъ днемъ все старѣе и отвратительнѣе. Д. Р.

¹⁾ Книга Коцебу есть и въ русскомъ переводѣ, разумѣется, весьма неполномъ, подъ заглавіемъ: «Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу; или заточеніе его въ Сибирь и возвращеніе оттуда, описанное имъ самимъ». Перев. съ нѣмецъ. В. Кражева. Изд. 2-е. М., 1816 г., двѣ части. Въ м. 8°. Д. Р.

Довольно любопытенъ взглядъ обличителя столь уродливыхъ явленій на тѣ общія причины, отъ коихъ онѣ могли происходить тогда въ нашемъ отечествѣ. Массонъ относитъ эти причины къ умственной отсталости и неразвитости русскихъ дамъ, а прежде всего, къ ожесточающему вліанію крѣпостнаго права. Въ этомъ отзывѣ слышится голосъ глубокаго убѣжденія.

„Мужеобразіе женщинъ, встрѣчаемыхъ въ высшемъ классѣ общества (говоритъ авторъ въ видѣ вступленія къ переданнымъ уже здѣсь разсказамъ) замѣчается обыкновенно во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ люди находятся въ рабствѣ. Тамъ часто приходится женщинамъ, въ случаѣ вдовства или безбрачнаго совершеннолѣтія, самимъ распоряжаться своими имѣніями и населяющими ихъ жителями, которые составляютъ также собственность владѣлицъ... Тогда онѣ, по необходимости, входятъ въ дѣла, наименѣе свойственныя ихъ полу. Покупать, продавать, мѣнять рабовъ, задавать имъ урочныя работы, велѣть раздѣвать ихъ при себѣ для сѣченія розгами,—всѣ подобныя дѣйствія несомнѣстими съ чувствительностью и стыдливостью женщины во всякой иной странѣ, гдѣ люди не приравнены къ стаду животныхъ; а въ Россіи многія дамы находятъ въ такихъ занятіяхъ не только потребность, но даже и удовольствіе... (съ чѣмъ осваиваются съ дѣтства примѣрами родителей и старшихъ).....

„Я не первый замѣтилъ, что въ Россіи женщины вообще злѣе, жесточе, кровожаднѣе, нежели мужчины: это потому, что онѣ гораздо невѣжественнѣе и предрасудочнѣе мужчинъ. Онѣ почти не путешествуютъ, мало учатся, мало читаютъ и ведутъ жизнь праздную. Вѣчно окруженныя рабами, готовыми исполнять или предупредить малѣйшее ихъ желаніе, русскія дамы проводятъ свое время, лежа на диванѣ или сидя за игорнымъ столомъ. Никогда ихъ не увидишь за книгой или за работой... Между ними вы можете на каждомъ шагу встрѣчать живыя подобія тѣхъ римлянокъ, изображенныхъ Ювеналомъ, которыя, посылая раба на казнь, отвѣчаютъ тому, кто проситъ о пощадѣ этого человѣка: *O demens! ita servus homo est!* (О, сумасшедшій! да развѣ рабъ—человѣкъ?),—или, показывая пріятельницамъ свои драгоценности и бездѣлушки въ то время, когда слышны вопли истязуемаго, говорятъ смутившимся гостьямъ: „это ничего: это кричитъ рабъ, котораго я велѣла сѣчь“.

Далѣе Массонъ приводитъ скандальныя подробности о необычайной распущенности нравовъ и крайней незастѣнчивости въ средѣ русскихъ дамъ высшаго общества. Подробности эти мы опускаемъ.

Мы должны согласиться, что набросанный иностраннымъ пришельцемъ очеркъ нравовъ и быта русскихъ женщинъ отжившаго

вѣва не грѣшитъ ни противъ вѣроятности, ни противъ дѣйствительности, такъ какъ съ этою характеристикой вполне сходятся и дошедшія до насъ воспоминанія природныхъ русскихъ очевидцевъ; соображенія же Массона о причинахъ, обусловившихъ возможность подобныхъ явленій, опираются на здравыхъ началахъ. Сопоставимъ его наблюденіямъ свидѣтельства собственныхъ нашихъ соотчичей: вспомнимъ, напримѣръ, сатирическіе листки Новикова, комедіи фонъ-Визина, записки маіора Данилова, — и признаемъ, что въ тогдашнемъ состояніи общества хранились всѣ задатки для выдѣлки дикихъ характеровъ. Несомнѣнно поэтому, что сфера крѣпостнаго барства, непотизма между сильными міра сего да умственной праздности — этихъ трехъ вѣрныхъ проводниковъ нравственной разнузданности и безответственности, сформировали извращенныя личности, въ родѣ той, именовъ которой озаглавлена эта замѣтка.

Д. Д. Рабинякъ.

АКРОСТИХЪ ИЗЪ СПИСКА ФРАНЦУЗСКИХЪ МАРШАЛОВЪ 1812 Г.

Въ достопамятную эпоху войны 1812 года, наша отечественная литература, стараясь, по мѣрѣ силъ, распалить народныя страсти, превратилась въ „поле брани“ въ буквальномъ смыслѣ слова. Въ какомъ духѣ писались патриотическія статьи, тому образцами могутъ служить афишки графа Ростопчина съ хвастливыми возгласами: „шапками закидаемъ“, статьи С. Н. Глинки въ „Русскомъ Вѣстникѣ“¹⁾ и т. п. Подражая писателямъ даровитымъ, не клали оулки на руку и мелкіе борзописцы, ругая французовъ не на животь, а на смерть. Изъ памфлетовъ и стихотвореній того времени можно было бы составить весьма порядочную коллекцію и легко можетъ быть, что таковая существуетъ гдѣ-нибудь и у кого-нибудь въ Россіи. Къ числу нѣсколькихъ тысячъ таковыхъ произведеній принадлежитъ мало извѣстный списокъ французскихъ маршаловъ, нами извлеченный изъ одного рукописнаго сборника, и, въ свое время, ходившій по рукамъ во множествѣ списковъ.

Неизвѣстный авторъ составилъ изъ именъ разныхъ сподвижниковъ Наполеона I²⁾ такого рода акrostихъ:

¹⁾ Въ одной изъ нихъ почтенный патриотъ описывая семейство Бонапарта, позволилъ себѣ такіа выраженія о его матери и сестрахъ, которыя едва-ли могутъ быть допускаемы въ печати. См. «Русскій Вѣстникъ» 1812 г. Ред.

²⁾ Включивъ въ ихъ число и Талейрана, хотя знаменитый дипломатъ не принималъ личнаго участія въ походѣ 1812 года. Ред.

Сегюръ
Талейранъ
Абрантесъ (Жюно)
Даву
Ожеро.

Серрюрье
Викторъ
"
Н Е Й.

Какъ ни плоско остроуміе этого и многихъ другихъ акростиховъ, эниграммъ и разныхъ сатирическихъ выходовъ русскаго люда въ 1812 г., но все это рисуетъ возбужденіе умовъ противъ врага, ворвавшагося въ достопамятный годъ въ предѣлы Россіи, а потому и не можетъ быть оставлено безъ вниманія изслѣдователемъ. В.

Письмо французскаго генерала къ русскому.

1805 г.

(Переводъ съ французскаго). Г. генералу командирующему русскими аванпостами.

Вы только отдаете намъ справедливость, генераль, выражая въ вашемъ письмѣ, что полагаетесь на челоувѣколюбіе французской націи: благородное и великодушное обхожденіе съ русскими плѣнными во Франціи, во время послѣднихъ войнъ, служитъ надежною порукою за тѣ попеченія, которыя будутъ нами оказаны вашимъ раненымъ и больнымъ.

Такова воля августѣйшаго нашего императора и французскаго народа; но зачѣмъ двумъ величайшимъ націямъ Европы, которымъ слѣдовало бы уважать — и которыя уважаютъ другъ друга, не всегда быть въ дружбѣ между собою?

Отъ имперіи россійской и имперіи французской зависить спокойствіе всего свѣта.

Честь имѣю кланяться съ глубочайшимъ уваженіемъ. Командующій летучими отрядами авангарда арміи его высочества принца Мюрата — генераль Мильжо (Milljaud).

На аванпостахъ французской арміи подъ Мельтцемъ ¹⁾ 16-го бримера 14-го года (первыя числа ноября 1805 года).

Примѣчаніе. Это письмо переведено съ подлинника, имѣющагося въ собраніи автографовъ Ф. К. Опочинина, и имѣ сообщеннаго «Русской Старицѣ».

Ред.

¹⁾ Мельтценъ или Обен-Мельтценъ, городъ въ южной Саксоніи, на границѣ Богеміи.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

21-го и 23-го апрѣля 1828 г.

Авторъ статьи, Андрей Андреевичъ Ивановскій, родился въ 1791 году. Службу свою началъ въ 1803 г. въ смоленской казенной палатѣ; черезъ пять лѣтъ былъ перемѣщенъ къ дѣламъ канцеляріи гражданскаго губернатора, а въ 1821 году, по прошенію, уволенъ отъ службы въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Въ слѣдующемъ году онъ вновь поступилъ на службу въ штатъ комиссаріатскаго департамента, съ прикомандированіемъ къ канцеляріи военнаго министра, для занятія по рассмотрѣнію военно-судныхъ дѣлъ. Черезъ три года (въ декабрѣ 1825 года), Ивановскій, произведенный въ надворные совѣтники, былъ, по высочайшему повелѣнію, откомандированъ дѣлопроизводителемъ въ «слѣдственную комиссію о злоумышленникахъ 14-го декабря». За «отличные труды въ комиссіи», какъ сказано въ формулярѣ, Ивановскій всемілостивѣйше пожалованъ пожизненною пенсіею въ двѣ тысячи рублей. Продолжалъ затѣмъ службу до 1829 г., Ивановскій производилъ разныя секретныя слѣдствія, какъ по высочайшему повелѣнію, такъ и по порученію ближайшихъ своихъ начальниковъ, въ особенности же гр. Бенкендорфа, который оказывалъ этому слѣдователю по секретнымъ дѣламъ свое особенное расположеніе.

Награжденный при увольненіи отъ службы чиномъ статскаго совѣтника, Ивановскій посвятилъ свои досуги литературѣ, помѣщая свои статьи въ разныхъ новременныхъ изданіяхъ тридцатыхъ годовъ: въ «Сѣверной Пчелѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и друг. А. А. Ивановскій скончался въ Спа, 22-го мая 1848 года.

Несомѣнно, что если бы Ивановскій, при его склонности къ авторству, велъ дневникъ, въ которомъ изложилъ бы чистосердечно подробности своихъ отношеній къ разнымъ лицамъ въ періодъ своего служебнаго поприща съ 1825 по 1829 г., подобное произведеніе было бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи. Къ сожалѣнію, Ивановскій унесъ съ собою въ могилу многія тайны, которыя, можетъ быть, и никогда не будутъ разоблачены исторіею. Литературную свою дѣятельность онъ ограничилъ повѣстями и рассказами наивнаго нравочительнаго содержанія во вкусѣ тридцатыхъ годовъ, написанными тѣмъ пестрымъ и вычурнымъ слогомъ, образецъ котораго находимъ въ сочиненіяхъ второстепенныхъ подражателей Марлинскаго (А. А. Бестужева). Фактъ любопытный: слѣдователь по дѣлу декабристовъ подражалъ слогу одного изъ бывшихъ своихъ подсудимыхъ. Впрочемъ, къ отечественной литературѣ Ивановскій питалъ боль-

ную склонность; умѣлъ цѣнить произведенія нашихъ писателей и не только ихъ уважалъ, но даже благоговѣлъ предъ нѣкоторыми изъ нихъ. Изъ печатаемаго нами разсказа о Пушкинѣ читатели увидятъ, какими глазами смотрѣлъ на него Ивановскій. Прибавимъ къ этому, что точно такъ же, съ тѣмъ же непритворнымъ сочувствіемъ, онъ относился и къ Грибоѣдову, во все время нахождения его подъ слѣдствіемъ по дѣлу 14-го декабря, что видно изъ имѣющихся въ редакціи «Русской Старины» подлинныхъ писемъ Грибоѣдова, — и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Ивановскому Грибоѣдовъ не мало былъ обязанъ полнымъ своимъ оправданіемъ.

Ред.

Вѣсть, что самъ государь императоръ (въ 1828 г.) изволилъ отправиться въ Турцію и что его величество будетъ управлять планомъ войны, повсюду разнеслась съ быстротою молніи и, какъ ударъ волшебнаго жезла, проникла всѣ сердца и произвела всеобщее одушевленіе. Отставные и служащіе — всѣ воспылали нетерпѣливымъ желаніемъ имѣть счастье участвовать въ войнѣ подъ главнымъ начальствомъ обожаемаго монарха; всѣ желали показать свои способности, свое мужество и свою готовность жертвовать собою. Со всѣхъ мѣстъ, такъ сказать, градомъ посыпались просьбы о принятіи въ армию, назначенную въ походъ противъ Турціи; всѣ средства, всѣ пружины были приведены въ движеніе для достиженія этой цѣли. Только объ этомъ просили и хлопотали вездѣ, гдѣ могли; только о походѣ государя въ Турцію говорили и разсуждали какъ въ собраніяхъ роскошныхъ салоновъ, такъ равно въ семейныхъ кружкахъ скромныхъ убѣжищъ, въ рядахъ гвардіи, въ правительственныхъ мѣстахъ, на Невскомъ проспектѣ, на бульварахъ.. вездѣ! одни — съ твердою увѣренностью въ блистательномъ успѣхѣ, другіе — съ трепетнымъ опасеніемъ за безопасность особы монарха отъ климата, порождающаго губительныя лихорадки и отъ чумы — всегдашней спутницы невѣжественнаго образа жизни мусульманъ. Много было весьма примѣчательныхъ чертъ; на примѣръ, не одна изъ прекрасныхъ съ глубокимъ вздохомъ громко выражала свое соболѣзнованіе, что въ наше время не въ ходу амазонки и что нѣтъ возможности летѣть вслѣдъ за русскими орлами и биться съ гордыми чалмоносцами, наравнѣ съ храбрыми счастливыми войны; многіе израненные, посѣдѣлые и дряхлые воины, со слезами на глазахъ, болѣзненно высказывали сожалѣніе объ уtratѣ своихъ силъ, содѣлавшей ихъ неспособными къ принятію участія въ предстоящей славной войнѣ. Смѣло можно сказать, что, кромѣ роковаго 1812 года, ни одна эпоха не представляла подобнаго общаго движенія, подобной всеобщей горячки летѣть на бранное поле этой войны ¹⁾).

¹⁾ Это наипыщенное, фразистое вступленіе было приложено авторомъ въ черновомъ наброскѣ.

Среди всеобщаго и энергическаго энтузіазма, вполне обличавшаго чисто народный характеръ, Пушкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ. Онъ заплатилъ дань этому общему увлеченію болѣе, чѣмъ кто-либо. Со всею силою поэтической, восторженной души своей, онъ запылалъ нетерпѣливою жаждою стать подъ знамена ратныхъ братьевъ, предводимыхъ царемъ-героемъ. Пылкое, огненное воображеніе Пушкина уже рисовало предъ нимъ обольстительныя картины предстоящихъ событій: онъ видѣлъ быстрый полетъ русскихъ орловъ надъ Балканами и отчаянныя взмахи лунообразныхъ мусульманскихъ сабель; онъ слышалъ взрывы побѣдоноснаго „ура!“ и изступленные крики „Алла!“ Онъ уже весело внималъ оглушительному шуму паденія ветхаго Стамбула и радостно привѣтствовалъ яркое зарево величаво восходящаго солнца—благовторнаго просвѣщенія надъ этою, нѣкогда святою, классическою, всегда роскошною страню, давно подавленною, задушенною всею тяжестью невѣжества и варварства.

Въ половинѣ апрѣля 1828 года Пушкинъ обратился къ А. Х. Бенкендорфу съ убѣдительною просьбою объ исходатайствованіи у государя императора милости къ опредѣленію его въ турецкую армію. Когда генераль Бенкендорфъ объявилъ Пушкину, что его величество не изъявилъ на это соизволенія, Пушкинъ впалъ въ болѣзненное отчаяніе.... сонъ и аппетитъ оставили его, желчь сильно разлилась въ немъ и онъ опасно занемогъ. Однако же, наканунѣ этого болѣзненнаго пораженія, именно 21-го апрѣля, онъ написалъ къ генералу слѣдующее письмо:

„Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои немогли быть исполнены, съ благоговѣніемъ приѣмлю рѣшеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству заснисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство.

„Такъ какъ слѣдующія 6 или 7 мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, впоследствии мнѣ уже неудастся. Если Ваше Превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоценное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

„Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ дабы испросить отъ Вашего Превосходительства подтвержденія даннаго мнѣ Вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

„Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной

благодарностию, честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ“¹⁾.

Спб., 1828 г. 21-го апрѣля.

На другой день по полученіи этого письма, А. Х. Бенкендорфъ узналъ о положеніи Пушкина. 23-го числа, утромъ въ 12-мъ часу, генераль, готовясь отправиться въ Зимній дворецъ и отдавая мнѣ это письмо Пушкина, сказалъ:

— „Вѣдь ты, mon cher, хорошо знакомъ съ Пушкинымъ? Онъ заболѣлъ отъ отказа въ опредѣленіи его въ армію, и вотъ чего теперь захотѣлъ... Пожалуйста, повидайся съ нимъ; постарайся успокоить его и скажи, что онъ самъ, размысливъ получше, не одобритъ своего желанія, о которомъ я не хочу доводить до свѣдѣнія государя. Впрочемъ, пусть онъ повидается со мною, когда здоровье его позволитъ“.

Не безъ удивленія прочелъ я письмо Пушкина и, тронутый вѣстію о его болѣзни, о чемъ въ первый разъ узналъ отъ генерала, я поспѣшилъ къ поэту. Въ этотъ часъ обыкновенно заѣзжалъ ко мнѣ (въ квартиру генерала, въ домѣ барона Аша, въ Малой Морской) пріятель мой, А. П. Б.²⁾, съ которымъ мы нерѣдко дѣлали прогулки до возвращенія А. Х. Бенкендорфа домой, до 2-хъ часовъ.

¹⁾ Письмо это приведено здѣсь безъ малѣйшаго измѣненія въ грамматикѣ и орѳографіи. А. И.

²⁾ Нельзя не сказать нѣсколько словъ о г. Б., во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательномъ молодомъ человѣкѣ, уже несуществующемъ для свѣта. Лучшая образованность и всѣ возможные таланты: музыка, живопись, глубокій и многосторонній взглядъ, увлекательный даръ слова, рѣдкая способность легко владѣть возвышеннымъ перомъ и въ прозѣ, и въ стихахъ; добрая, строгая и высокая душа, лучший другъ и родной, прекрасная наружность, умное, кроткое и привлекательное выраженіе глазъ и лица; изящный тонъ и манеры и вмѣстѣ всегда щегольская одежда, радушное гостепрѣимство, независимое состояніе, — все, все такъ щедро было соединено въ немъ природою и фортуною. Съ его свѣтлымъ, возвышеннымъ умомъ, съ его чистою и теплою душою, онъ не могъ не быть христіанномъ: онъ былъ имъ въ полномъ смыслѣ слова съ 23-хъ лѣтъ. Прочитавъ все, что можно прочесть на французскомъ языкѣ, онъ охладѣлъ ко многимъ системамъ и умствованіямъ человѣческимъ. Мастерски обличая ихъ невѣжество и заблужденія, онъ всегда съ восторгомъ и любовію переходилъ къ доказательствамъ истинной мудрости, къ неземной кротости и любви, къ евангельскому ученію. Надо было видѣть, слышать, съ какимъ вдохновеніемъ, съ какою neodолжимою увлекательностью объяснялъ онъ св. факты (?) и выражалъ свое задушевное въ нихъ убѣжденіе. Многія просвѣщенные дамы и мужчины искали случая видѣть и слышать его, и, видя и слушая, не могли отказать ему въ удивленіи и достойномъ, благоговѣйномъ уваженіи своемъ. Глубоко проникнутый и просвѣтленный божествен-

— Ёдемъ вмѣстѣ къ Пушкину.

— „Очень радъ“, отвѣчалъ мой пріятель, и мы отправились.

Пушкинъ квартировалъ въ трактирѣ Демута, по канавѣ на право, въ той части нумеровъ, которые обращены были окнами на дворъ, къ сѣверо-западу. (Теперь эти нумера уже не существуютъ).

Человѣкъ поэта встрѣтилъ насъ въ передней словами, что Александръ Сергѣевичъ очень боленъ и никого не принимаетъ.

— Кромѣ сожалѣнія о его положеніи, мнѣ необходимо сказать ему нѣсколько словъ, отвѣчалъ я. Доложи Александру Сергѣевичу, что Ивановскій хочетъ видѣть его.

Лишь только выговорилъ я эти слова, Пушкинъ произнесъ изъ своей комнаты:

— „Андрей Андреевичъ, милости прошу!“

Мы нашли его въ постелѣ худаго, съ лицомъ и глазами, совершенно пожелтѣвшими. Нельзя было видѣть его безъ душевнаго волненія и соболѣзнованія.

— Правда-ли, что вы заболѣли отъ отказа въ опредѣленіи васъ въ турецкую армію?

— „Да, этотъ отказъ имѣетъ для меня обширный и тяжкій смыслъ“ отвѣчалъ Пушкинъ.

— А именно?

— „Въ отказѣ я вижу то, что видѣть должно — немилость ко мнѣ государя“.

— Но справедливо-ли это?... И не должно-ли видѣть здѣсь совер-

нимъ ученіемъ, умъ его съ грустію оглядывался вокругъ себя, съ грустію видѣлъ и слышалъ не то, чего искалъ, чего желалъ, не то, что намъ заповѣдано... И онъ рѣшился навсегда разстаться съ свѣтомъ, съ родными, съ друзьями, пламенно его любившими. Никакія убѣжденія — остаться на порогѣ этого волшебнаго міра, гдѣ такъ тѣсно и неразрывно соединены всѣ роковыя крайности — чаръ и яда, возвышенія и паденія людей, — ни на минуту не поколебали его рѣшимости. Въ началѣ 1837 года онъ поступилъ въ монашеское званіе, въ Сергіевскій монастырь, имѣя едва 30 лѣтъ отъ роду. Теперь (1846 г.) онъ іеромонахомъ въ монастырѣ Старой-Ладогѣ. Онъ былъ женатъ на меньшей дочери извѣстнаго патріота и благотворителя, П. И. Пономарева, на прелестной дѣвицѣ, которую каждый невольно называлъ сестрою музъ. Не долго была она украшеніемъ и счастіемъ своего семейства: на 21-мъ году жизни ее не стало отъ простудной чахотки.... До 1832 года г. Б* много писалъ — и мало печаталъ. Нѣсколько статей его, въ стихахъ и прозѣ, были помѣщены въ «Альманахъ» покойнаго А. Измайлова, «Календарь Музъ» (особенно хороша поѣсть: «Красный Яхонтъ»), въ «Благонамѣренномъ» и «Сѣверной Пчелѣ».

А. И.

Фамилія этого лица — въ статьѣ А. А. Ивановскаго скрыта подъ буквами А. П. В.

Ред.

шенно противнаго? Вы просили объ опредѣленіи васъ въ турецкую армію, замѣтите—въ армію. Чѣмъ же можно опредѣлить васъ? Не иначе какъ юнкеромъ. Нарушить коренное и положительное правило, т. е. переименовать васъ въ офицеры, согласитесь, это дѣло невозможное. Здѣсь встаетъ привести весьма примѣчательныя слова покойнаго императора: „если государь будетъ нарушать законы, кто же послѣ сего будетъ уважать и исполнять ихъ?“. Но тутъ еще не все. Еслибъ и удовлетворили ваше желаніе, къ чему повело бы оно? Строевая и адъютанская служба — не ваше назначеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, при докладѣ государю о вашей просьбѣ, его величество видѣлъ дѣло яспѣе и вѣрнѣе, чѣмъ мы, теперь его разлагающіе. Притомъ, можно-ли сомнѣваться, чтобы нашъ великій монархъ не зналъ цѣны вашему гению, если только можно въ глаза говорить по убѣжденію; можно-ли сомнѣваться, чтобы сердцу государя не было пріятнѣе сблечь васъ, какъ царя скуднаго царства родной поэзіи и литературы, для пользы и славы этого царства, чѣмъ бросить васъ въ дремучій лѣсъ русской рати и предать на произволъ случайностей войны, незнающихъ различія между исполнителями и пигмеями. Мнѣ кажется, что все это стоить вашего вниманія и даже рѣшительно имѣть право на особенное утѣшеніе вамъ, какъ и на глубокую, такъ вамъ свойственную, благодарность къ царю-отцу, уже много дѣломъ высказавшему свое лестное къ вамъ благоволеніе. Подумайте объ этомъ и скажите свое мнѣніе: я готовъ слушать ваши опроверженія.

При этихъ словахъ Пушкинъ живо поднялся на постели, глаза и улыбка его заблестали жизнью и удовольствіемъ; но онъ молчалъ, погруженный во глубину отрадной мысли. Я продолжалъ:

— Еслибъ вы просили о присоединеніи васъ къ одной изъ походныхъ канцелярій: Александра Христофоровича, или графа К. В. Нессельроде или И. И. Дибича — это иное дѣло, весьма сбѣточное, вовсе чуждое неодолимымъ препятствіямъ.

— „Ничего лучшаго я не желалъ бы!... И вы думаете, что это еще можно сдѣлать?“ воскликнулъ онъ съ обычнымъ своимъ одушевленіемъ.

— Конечно, можно.

— „До отъѣзда вашего въ армію?“

— Вамъ извѣстно, что день отъѣзда его величества назначенъ послѣ завтра; стало-быть разстояніе отъ сегодняшняго числа до 25-го слишкомъ коротко. Мнѣ кажется, что Александру Христофоровичу удобнѣе будетъ доложить объ этомъ государю въ дорогѣ.

— „Вы не только вылечили и оживили меня, вы примирили съ самимъ собою, со всѣмъ... и раскрыли предо мною очаровательное буду-

щее! Я уже вижу, сколько прекрасныхъ вещей написали-бы мы съ вами, подъ вліяніемъ бусурманскаго неба для второй книжки вашего „Альбома Сѣверныхъ музъ!“

— Благодарю за послѣднее и увѣренъ, что мусульманская муза послужила бы вамъ не хуже бессарабской и бахчисарайской. Но знаете-ли, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ? Я предпочелъ бы поѣзду въ армію графа Эриванскаго—въ колыбель человѣческаго рода, въ землю св. Ноя, въ отчизну Зороастровъ, Кировъ и Даріевъ, гдѣ еще звучитъ эхо библейскихъ, міеологическихъ и древне-историческихъ преданій... Одинъ переѣздъ чрезъ кавказскія поднебесныя выси—эти живыя развалины природы, сколько раскрылъ бы предъ вами радужныхъ красокъ, неуловимыхъ тѣней и высокихъ идей!... Вѣдь и братъ вашъ тамъ? Но когда зоркій глазъ вашъ, ваша пытливая мысль исчерпали бы и истощили до дна поэтическія и историческія сокровища этой романтической земли, тогда отъ васъ зависѣло бы испросить позволеніе перешагнуть къ намъ—въ Европейскую Турцію.

— „Превосходная мысль! объ этомъ надо подумать“, воскликнулъ Пушкинъ, очевидно ожившій.

— И такъ, теперь можно быть увѣрену, что вы рѣшительно отказались отъ намѣренія своего—ѣхать въ Парижъ?

Здѣсь печально-угрюмое облако пробѣжало по его челу.

— „Да, послѣ неудачи моея“, сказалъ Пушкинъ, „я не зналъ, что дѣлать мнѣ съ своею особою, и рѣшился на просьбу о поѣздѣ въ Парижъ“.

Замѣтивъ мою улыбку, онъ спросилъ: „А вы что думаете объ этомъ намѣреніи?“

— Александръ Христофоровичъ увѣренъ, что вы сами не одобрите этого намѣренія. Что же касается до меня, я думаю, что оно, выраженное прежде просьбы вашей объ опредѣленіи въ армію, не имѣло-бы ничего особеннаго и, такъ сказать, не бросалось-бы въ глаза; но послѣ... Впрочемъ, зачѣмъ теперь заводить рѣчь о томъ, что уже не существуетъ. Завтра, часовъ въ семь утра, пріѣзжайте къ Александру Христофоровичу: онъ самъ хочетъ говорить съ вами. Можетъ быть, и теперь вы съ нимъ уладите ваше дѣло. Между тѣмъ, я обрадую его вѣстью—объ улучшеніи вашего здоровья и расскажу ему о нашей съ вами басѣдѣ. Прощайте! Да хранить васъ богъ любви и вдохновенія! Отъ всей души желаю, чтобъ къ завтраму вы были совершенно здоровы и чтобъ судьба свела насъ съ вами по ту сторону сторожевыхъ Балкановъ! Будемъ вѣрны золотымъ надеждамъ! Что впереди, то не потеряно!

Мы обнялись.

— „Постойте, еще на минуту! Мнѣ отрадно повторить вамъ, что вы воскресили и тѣло, и душу мою! Въ память этихъ незабвенныхъ для меня минутъ позвольте передать вамъ то, что на этотъ разъ я имѣю, съ братскою моею надписью“.

Тутъ Пушкинъ взялъ экземпляръ его поэмы: „Цыгане“, лежавшій возле его постели, и написалъ на заглавномъ листѣ:

„23-го апрѣля 1828 г. Спб. Такому-то отъ Пушкина“.

Товарищъ мой, въ первый разъ увидѣвшій Пушкина и зорко, въ эти минуты, наблюдавшій его, былъ пораженъ удивленіемъ при очевидности столь раздражительной чувствительности поэта, такъ тяжело заболѣваго отъ отказа въ удовлетвореніи его желанія и такъ мгновенно воскресшаго отъ вѣрныхъ, гармонировавшихъ съ его воспріимчивою душою представленийъ.

— „Вотъ гдѣ надо изучать сердце поэта и вообще человѣка и вотъ какъ должно дѣйствовать на уврачеваніе его нравственныхъ недуговъ“, сказалъ мой спутникъ. „Эти минуты никогда не изгладятся изъ моей памяти“, заключилъ онъ.

Примѣчаніе. Авторъ имѣлъ намѣреніе напечатать эту статью въ «Северной Пчелѣ» и предварительно отдалъ ее на разсмотрѣніе шефа жандармовъ, графа А. Ѳ. Орлова... Но это было въ 1846 году, когда о поэтѣ Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, вспоминать не дозволялось,—и статья была возвращена автору съ нижеслѣдующею помѣткою собственной руки Л. В. Дубельта:

«Г-нъ Г. А. (генералъ-адъютантъ) графъ Орловъ не изъявилъ согласія на напечатаніе этой статьи. 25-го апрѣля 1846 г. Г. Л. (генералъ-лейтенантъ) Дубельтъ».

Ред.

Предложеніе о разсылкѣ біографіи князя В. Г. Мадатова.

«Многоуважаемый г. редакторъ. Въ 1863 году послѣдовало второе изданіе біографіи покойнаго моего мужа, съ портретомъ его и весьма отчетливо составленною картою Кавказа того времени. Отъ этого изданія у меня осталось 208 экземпляровъ, которые я охотно отдала бы безвозмездно нѣкоторымъ, по вашему выбору, подписчикамъ журнала вашего «Русская Старина», съ тѣмъ, чтобы дать имъ возможность ближе ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью покойнаго моего мужа и убѣдиться, на сколько были несправедливы нападки и секретныя донесенія на него Паскевича¹⁾.

«Съ этою дѣлю я обращаюсь къ вамъ, г. редакторъ, съ просьбою, не приmete-ли на себя трудъ экземпляры біографіи мужа моего разослать подписчикамъ «Русской Старины», при особой запискѣ, въ которой можетъ быть выражено, что біографія покойнаго князя Мадатова препровождается, по моему желанію, въ подтвержденіе той статьи моей въ «Русской Старинѣ»²⁾, въ которой было невозможно представить дѣятельность мужа моего въ такой степени полно, какъ это сдѣлано въ его біографіи.

«Разсчитываю вполнѣ на ваше любезное вниманіе къ моей просьбѣ.

«Искренно васъ уважающая княгиня Софья Мадатова».

Отъ Редакціи. Съ большимъ удовольствіемъ исполняя желаніе кн. С. А. Мадатовой, мы приняли 208 экзмп. біографіи ея покойнаго супруга, этого доблестнаго воина († 1828 г.), имя котораго столь славно въ лѣтописяхъ военной исторіи Россіи. Нынѣ же предлагаемъ всѣмъ полковымъ, батарейнымъ, городскимъ, сельскимъ, а также вообще общественнымъ и учебнымъ заведеніямъ бібліотекамъ, равно нашимъ читателямъ (преимущественно г. военнымъ), увѣдомить насъ о желаніи получить біографію кн. Мадатова.

Книга эта, по полученіи таковаго заявленія, будетъ немедленно выслана желающему лицу, бесплатно, съ тѣмъ лишь, чтобы на пересылку и укуорку ея было бы доставлено 50 копѣекъ или пять почтовыхъ марокъ.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что помянутая «Жизнь генераль-лейтенанта Мадатова» издана въ С.-Петербургѣ, въ 1863 году, въ большую 8-ю долю, 250 стр., съ отлично гравированнымъ портретомъ князя и съ раскрашенною картою восточной части Закавказскаго края. Въ приложеніяхъ къ книгѣ напечатано большое собраніе подлинныхъ писемъ Алексѣя Петровича Ермолова, генерала Вельямина и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ дѣятелей царствованія Александра I.

Въ составленіи жизнеописанія кн. Мадатова принимали участіе его сослуживцы: М. Р. Кодебу, А. С. Хомяковъ (знаменитый поэтъ и славянистъ) и И. М. Бакунинъ.

Ред.

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1872 г., т. V, стр. 706, 707, 716, 718, 721, 723, 724—726; т. VI, стр. 699.

²⁾ Изд. 1873 г., т. VII, стр. 85—102.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Истинная и послѣдняя эмансипація рода человѣческаго отъ злѣйшихъ враговъ его.

Книгопечатаніе, открытіе Новаго Свѣта, желѣзныя дороги и пароходы сдѣлали все, что только можно было, для безпокойства рода человѣческаго. Пора что-нибудь сдѣлать для спокойствія людей, пора ихъ приблизить къ величавому отдохновенію на лаврахъ.

Но можно-ли при современномъ состояніи цивилизаціи отдыхать на лаврахъ или на миртахъ—все равно?

Цѣлый міръ небольшихъ враговъ вездѣ ждетъ человѣка и дѣлаетъ ему большія непріятности, отравляетъ его существованіе, наводитъ на меланхолическія мысли, мѣшаетъ философствовать и смотрѣть сновидѣнія до конца; эти ожесточенные враги обрекли себя съ постоянствомъ, достойнѣйшимъ лучшей цѣли, на непрерывное, многостороннее огорченіе человѣка.

Доселѣ историки мало цѣнили важное вліяніе тайныхъ враговъ на событія; многое казалось необъяснимымъ въ біографіяхъ великихъ людей отъ опущенія такого важнаго элемента.

Цицеронъ, послѣ своего знаменитаго „Они жили“, сталъ жаловаться непрерывно на блохъ, которыя мѣшали ему спать, и бранился съ своей женой и дочерью, къ которымъ писалъ такія скучныя письма изъ Брундузіума. Вотъ причина, отчего онъ такъ валю разсуждалъ о натурѣ боговъ и такъ сквозь сонъ разбиралъ академиковъ.

Но оставимъ исторію и обратимся къ частной жизни нашей.

Сколько скрежета зубовъ, сколько взглядовъ отчаянія, сколько стона вызываютъ свирѣпыя враги! Этотъ скрежетъ, эти вопли никто не слыхалъ: они раздавались во тьмѣ ночной и неизвѣстно было на другой день, отчего рушились браки, брались рѣшительныя мѣры противъ другихъ,—словомъ, перемѣнялась жизнь.

Кто не былъ самъ униженъ среди гордыхъ помысловъ сильными, жгучими страданіями отъ сихъ враговъ? гдѣ средство спасенія? „Коня мнѣ, коня! полъ царства за коня“, но гдѣ этотъ конь?

Осмѣлюсь-ли я дерзкимъ перомъ дотронуться еще до свѣжихъ ранъ вашего сердца и напомнить грозное явленіе маленькихъ враговъ?

Вы, котораго я такъ уважаю,—вы пишете стихи „Къ ней“. Восторгъ въ вашихъ очахъ, стихъ льется плавно, огонь и запахъ розы; но, вотъ, вамъ съла на носъ муха и прогуливается по немъ; вы ее согнали, она на лбу—вы ее согнали, она въ ухѣ—вы ее согнали, она опять на носу и сучить ногами..... И вотъ вы бросаете перо и у васъ завязывается упорный и отчаянный бой; можетъ быть, вы и побѣдите, но, увы! гдѣ вашъ восторгъ, гдѣ вѣчное слово любви, о которомъ вы писали? Все вяло, не клеится; вы въ апатіи, оттого, что всѣ силы души употребили на борьбу..... съ мухой.

Вы смертельно устали съ дороги, вы десять верстъ мечтали, подъ дождемъ, о ночлегѣ. Добрались. Слава Богу тепло и, кажется, довольно чисто,—вы бросаетесь на постель, сонъ уже смыкаетъ глаза... а тутъ маленькая компанія черныхъ акробатовъ дѣлаетъ уже въ тиши *salti mortale* и торопится обидѣть васъ; а что хуже обиды—лишить покоя и—что хуже безпокойства и обиды—уничтожить ваше челоуѣческое достоинство, не смотря на дворянскую грамоту, которую вы, вѣроятно, имѣете. Извините, эти акробаты принимаютъ васъ за стѣстной припасъ: для нихъ вы—огромное блюдо, въ превосходствѣ котораго они не сомнѣваются, но все же блюдо. Счастье ваше, ежели въ это время ваша память такъ занята, что вы забыли микроскопическое изображеніе блохи, выставленное для поученія дѣтей въ книжной лавкѣ, этотъ страшный хоботъ, выходящій изъ-подъ чернаго шлема, лоснящагося, какъ сапогъ. Можетъ быть, вы и поймаете одну, двѣ *et ils crèveront comme des hérétiques*; но что значить двѣ, три, когда ихъ сотни... и вотъ, вмѣсто восстановительнаго сна, вы вертитесь со стороны на сторону,—а на той сторонѣ встрѣчается смиренный и не скачущій товарищъ акробатовъ, съ задумчивымъ и благочестивымъ видомъ квакера и съ небольшой семьей, которую онъ любитъ отъ души и которую привелъ изъ-подъ подушки поподчивать вами; если вы прибавите духъ, въ которомъ воспитаны эти квакеры, то картина готова. Данте не зналъ этого мученія, а то не могъ бы пропустить его. Вы въ досадѣ, въ бѣшенствѣ зажигаете свѣчу..... только-того и не доставало: тараканы вообразили, что вы имъ даете иллюминацію, и пошли изъ щелей по столу, а черезъ столъ къ вамъ на подушку; русскіе тараканы—капитальные, основательные

мѣрно и тихо идутъ, а за ними и жалкіе прусаки, рыженькіе, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. Конечно, они не такъ вредны, какъ *boa constrictor*, но та только практически вредна, а тараканы обижаютъ взглядъ, наводятъ уныніе. Наконецъ, разсвѣтъ подтверждаетъ вамъ горестную истину, что ночь прошла, что черезъ часъ придетъ вашъ слуга будить, на заспанные глаза котораго вы бросите взглядъ шакала; но, можетъ быть, вы еще уснете,—я, ей Богу, буду очень радъ: при разсвѣтѣ тараканы пойдутъ по щелямъ; они, какъ ночные извозчики въ Петербургѣ, тогда только и видны, когда ничего не видать. Будьте увѣрены, они уйдутъ въ самое то время, какъ баталіонъ мухъ, отдыхавшій всю ночь, отправится по всѣмъ направленіямъ, а между ними есть съ какими-то шилами между глазъ Я не оканчиваю страшную картину.....

А послѣ ваши друзья удивляются на досугѣ, отчего вы возвратились грустны, исчезли свѣтлыя надежды, привѣтливость etc....

Но, утѣшьте, великое совершено!

На высотахъ Кавказа, возлѣ самой Персіи, растетъ одинъ цвѣтокъ, происхожденіе котораго никому неизвѣстно, кромѣ меня,—а я вамъ расскажу его.

Однажды въ Персіи было очень много блохъ. Камбизъ не могъ спать, да и только. Много переказнилъ онъ людей, призванныхъ въ совѣтъ о предохраненіи сына солнца отъ дочерей блохъ, ни что не помогало,—онъ разсердился и пошелъ разорять Египетъ. Счастіе ему улыбалось. Однажды онъ, довольный, наѣвшисъ крокодиловыхъ яицъ въ смятку, курилъ пахитось въ Мемфисскомъ храмѣ; вдругъ его укусила блоха.

— „Какъ“, вскричалъ уязвленный Камбизъ, „и здѣсь таже непокорность! нѣтъ, этого не потерплю, клянусь Ормуздомъ и Зендавестой!“

Онъ тутъ же отдалъ приказъ сломать до основанія храмъ, потому весь Мемфисъ; но, справедливо полагая, что этого будетъ недостаточно, онъ велѣлъ кстати предать огню и мечу весь Египетъ по ту и по другую сторону Нила, даже, если найдется третья сторона и ее разорить. Но передъ нимъ предсталъ мудрый жрецъ, его всѣ уважали; онъ до того былъ уменъ, что сорокъ лѣтъ молчалъ. Старецъ бросился къ ногамъ Камбиза и сказалъ:

— „Сынъ солнца, гармонія міра, представитель Ормузда, братъ быка Апписа, близкій родственникъ Фараоновой мыши, нарѣченный супругъ Ибиса, etc., etc.“ Коротко сказать, онъ ему открылъ тайну, плодъ всей его жизни—растеніе, уничтожающее блохъ и всѣхъ ихъ пріятелей, и тутъ же поднесъ ему фунтъ порошка. Камбизъ сомнѣвался и

при себѣ велѣлъ сдѣлать опытъ надъ тремя любимцами: собакой и двумя сатрапами. Сатрапы накрали поскорѣе у собаки блохъ, чтобъ оправдать довѣріе Ормуздова представителя, и о, восторгъ! опытъ удался. Камбизъ, пораженный, велѣлъ старика сковать и отослать въ Персію, чтобы онъ посѣялъ Ругеѳрумъ. Тогда въ „Персидскихъ Вѣдомостяхъ“ были помѣщены прекрасные стихи, воспѣвшіе Ормуздову попечительность Камбиза.

Вся Персія плакала отъ умиленія и, освободившись отъ блохъ—никогда не хотѣла никакого другаго освобожденія. Ей казалось—этого довольно.

Вотъ какъ успокоительно дѣйствіе порошка!

Недавно второй Камбизъ—изъ Ревеля, Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, нашелъ потерянное сокровище.

Лѣтъ десять онъ усиливался взойти на утесы Кавказа, нѣсколько разъ срывался, падалъ съ высоты 2,800 футовъ, тонулъ, замерзалъ, таялъ отъ жара,—но любовь къ ближнему и высокая мысль эмансипаціи все превозмогла: онъ набралъ Ругеѳрумъ, и когда онъ сорвалъ первый цвѣтокъ, тѣнь молчаливаго старца явилась на небѣ и благоговѣла его.

Спѣшите къ кандитеру Перу, тамъ есть еще нѣсколько картузовъ этой травы,—посѣйте ее вездѣ и скажите:

„Теперь я свободенъ, и отнынѣ да поблѣднѣють враги мои“.

NB. Нѣкоторыя предосторожности необходимы однако при употребленіи этого порошка. Одинъ нашъ знакомый насыпалъ его по стѣнамъ и окнамъ и заперъ комнату; на другой день, представьте его удивленіе: онъ не могъ найти № „Москвитянина“, оставленнаго имъ, по небрежности, въ той комнатѣ.

Примѣчаніе. Эта реклама была написана въ началѣ сороковыхъ годовъ однимъ моимъ близкимъ родственникомъ, съ которымъ читатели моихъ Записокъ: «Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней» довольно знакомы ¹⁾. Составлена она имъ по просьбѣ Карла Ивановича Зонненберга, и тогда же напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», а потомъ перепечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, окончивши карьеру педагога при Никѣ (другой мой родственникъ), занялъ около помѣщенія своего бывшаго воспитанника въ Москвѣ, въ домѣ П. Б. О—ва, двѣ комнаты, выходившія изъ сѣней и открылъ въ нихъ магазинъ, накупивши на небольшія, скопленія имъ, деньги разнороднаго товара—для дешевизны—изъ брака. Торговля ему не давалась; покушничковъ, кромѣ Яковлевыхъ да Ника съ товарищами, которымъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., т. VI, стр. 607—648; изд. 1873 г., т. VII, стр. 181—211; 291—335.

онъ поставлялъ курительный табакъ, перья и писчую бумагу, почти никакихъ не было, — вслѣдствіе чего онъ прекратилъ торговлю съ почетнымъ титуломъ ревельскаго негодіанта, не имѣя угла, куда приклонить голову.

Въ это-то время дѣдъ мой, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, купилъ, по соудству, большой домъ съ тѣнистымъ садомъ, принадлежавшій знаменитому Федору Васильевичу Растопчину, и еще смежный съ нимъ небольшой домъ, почти вдвинувшійся во дворъ Растопчинскаго дома. Не смотря на то, что оба дома были застрахованы, Иванъ Алексѣевичъ, опасаясь пожара, не отдавалъ ихъ въ наймы, а заперъ и три года оставлялъ безъ всякой поддержки. Когда же они стали приходить въ упадокъ, онъ переселился изъ своего прежняго жилища въ домъ, бывшій Растопчина; въ нижнемъ же этажѣ стараго дома позволилъ жить безпріютному Карлу Ивановичу въ силу того, что онъ былъ дядкою при сынѣ Платона Богдановича, родственника Яковлевыхъ, и приобрѣлъ толкъ въ покупкахъ, съ условіемъ: дрова покупать, — онъ и покупалъ ихъ у дворника, находившагося при домѣ, — ворота послѣ десяти часовъ вечера заперъ и исправлять должность чиновника особыхъ порученій при Иванѣ Алексѣевичѣ, т. е., каждое утро являться къ нему съ вопросомъ, нѣтъ-ли какихъ порученій, приходитъ къ обѣду, а вечеромъ развлекать разказами.

Когда Карлъ Ивановичъ являлся къ Ивану Алексѣевичу за порученіями, тотъ обыкновенно дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, и вдругъ, какъ бы случайно увидавши своего «чиновника особыхъ порученій», начиналъ противъ него колкія выходки. Вдоволь натѣшившись, поручалъ ему купить какой-нибудь вздоръ: крымскихъ яблоковъ, англійской магнезін, или посмотрѣть что-нибудь, совсѣмъ не нужное, по газетамъ. Довольный, что отдѣлался, Карлъ Ивановичъ, пріятно раскланявшись, уходилъ до обѣда.

Какъ ни проста, кажется, была должность Карла Ивановича, но Иванъ Алексѣевичъ умѣлъ придать ей столько горечи, такъ часто и глубоко оскорблялъ его, что тотъ не могъ постоянно выносить ее; потерявъ терпѣніе, Карлъ Ивановичъ, съ раздраженіемъ говаривалъ: «это вовсе несносно», и начиналъ укладываться въ путь, накупалъ разныхъ, сомнительнаго достоинства, вещицъ, лошадей, двухколесную таратайку и отправлялся торговать то на Кавказъ, то на Донъ. Повсюду неудачи преслѣдовали его: то лошадь его падала близъ Редуть-Кале, то крали у него половину груза, то двухколесная таратайка ломалась у подошвы Эльбруса и французскія духи лились на сломанное колесо, то онъ терялъ что-нибудь, а когда нечего было терять, терялъ свой паспортъ; и, мѣсяцевъ черезъ девять, снова смиренно являлся къ Ивану Алексѣевичу на прежнюю должность, по-старше, по-измятѣ, по-бѣднѣе, съ запасомъ персидскаго порошка, ливной термаламы, жваыми черкесскими книжаами и снова водворялся въ нижнемъ этажѣ пустаго стараго дома на прежнихъ условіяхъ.

Однажды фортуна обернулась къ Карлу Ивановичу лицомъ. Удачно распродавши на Кавказѣ: духи, перчатки, ленты, помаду, онъ накупилъ живыхъ фазановъ и персидскаго порошка. Все это привезъ въ Москву, въ старыи домъ Ивана Алексѣевича, гдѣ и поселился вмѣстѣ съ фазанами. Фазановъ онъ распродалъ очень выгодно; пиретрумъ же шелъ съ рукъ плохо, не смотря на то, что онъ раздалъ его по москательнымъ лавкамъ, а большую часть помѣстилъ въ кондитерской Пера (сколько помню, на Тверской), надѣясь на многочисленность посѣтителей, но и это дѣлу не помогало. При такой неудачѣ у Карла

Ивановича родилась мысль попросить дядю моего Сашу (такъ я его называла) написать позанимательнѣе объявленіе въ газеты о продажѣ его порошка.

— «Вотъ» сказалъ онъ однажды вечеромъ Сашѣ, «вы Александръ Ивановичъ, все пишете разныя статейки въ журналы, а нѣтъ того, чтобы написать объявленіе о продажѣ моего порошка».

— «Помилуйте», отвѣчала Саша, ошеломленный такимъ неожиданнымъ упрекомъ, «мнѣ и въ голову не приходило писать объявленія о продажахъ».

— «То-то и есть», продолжалъ упрекать Карлъ Ивановичъ, «вамъ ни разу не издумалось, чтобы помочь мнѣ».

— «Да, вѣдь, объявленія писать не штука», сказалъ Саша, «любой грамотный мальчикъ напишетъ, что тамъ-то то-то продается».

— «Въ томъ-то и дѣло», настаивалъ Карлъ Ивановичъ, «что сказанное «тамъ-то, то-то», ни къ чему не поведетъ, а вы сочините объявленіе какъ-нибудь такъ, чтобы заманить покупателей. Вѣдь, писать вамъ ничего не стоитъ».

— «Я готовъ, право, только не знаю, съ какой стороны и какъ взяться, никогда не предполагалъ, что придется писать объявленія о продажѣ чего-бы то ни было». «Впрочемъ, я не отказываюсь, я только изумленъ, — такая неожиданность, согласитесь сами, хоть кого поставить въ тупикъ».

Сказавши это, Саша задумался, и вдругъ, лукаво улыбнувшись, весело продолжалъ:

— «Извольте, Карлъ Ивановичъ, я готовъ исполнить ваше желаніе». Взялъ бумагу, перо и въ тотъ же вечеръ объявленіе о продажѣ персидскаго порошка было готово.

Эта реклама приклеила въ кондитерскую Пера множество покупателей. Тамъ, при порошокѣ, показывался и самъ Карлъ Ивановичъ, граціозно рисуясь, шутилъ, отвѣшивалъ фунтами ругетгум и въ короткое время распродалъ весь находившійся у него запасъ «эмансипирующаго растенія».

Т. П. Пассежъ. (Изъ моихъ «Воспоминаній»).

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

1743—1810.

Княгиня Е. Р. Дашкова является однимъ изъ весьма видныхъ дѣятелей въ царствованіе императрицы Екатерины. Участіе въ переворотѣ 28-го іюня 1762 г., а затѣмъ долговременное управление Академію Наукъ и Россійскою Академію обращали на нее вниманіе не только соотечественниковъ, но и иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе продолжительной жизни за границею, она близко познакомилась со многими знаменитыми писателями и учеными. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще ея обстоятельной и безпристрастной біографіи и до сихъ поръ главнымъ источникомъ для изученія ея личности служатъ мемуары, написанные ею по-англійски и изданные въ 1840 г. Многія, однако, показанія Дашковой нельзя признать искренними, и вообще эти мемуары переполнены чрезмѣрнымъ самовосхваленіемъ; поэтому мы нашли необходимымъ сдѣлать предварительно краткую характеристику княгини Екатерины Романовны, а съ послѣдовательной исторіею ея жизни читатели ознакомятся изъ ея собственнаго разсказа.

Одна изъ самыхъ выдающихся чертъ княгини Дашковой—необыкновенное самолюбіе. Сабатье де-Кабръ писалъ о ней въ 1772 г.: „Княгиню Дашкову гложутъ самолюбіе и гордость, скрытня, вслѣдствіе немилости къ ней, подъ видомъ дружелюбія и простоты въ обращеніи“¹⁾. Она отличалась также особенною неуживчивостію; это видно прежде всего изъ ея отношеній къ роднѣ. Дидро въ своей характеристикѣ княгини Дашковой пишетъ: „Вслѣдствіе участія, которое она принимала въ переворотѣ (28-го іюня 1762 г.), она поссорилась со всей своей родней, такъ какъ ихъ надежды, основываемыя на привязанно-

¹⁾ «Catherine II, sa cour et la Russie en 1772». Berlin, 1862, 51 p.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. IX, 1874 г. МАРТЬ.

сти Петра III къ ея сестрѣ, доброй толстухѣ, некрасивой и не особенно умной, были разрушены: отецъ и братья отказывались видѣть ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“. Несомнѣнно, что это извѣстіе основано на разсказѣ самой Екатерины Романовны. Въ настоящее время мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ изъ другихъ источниковъ и изъ нихъ мы видимъ, что причиною неудовольствія родныхъ было далеко не одно участіе въ государственномъ переворотѣ.

Гр. А. Р. Воронцовъ, братъ княгини Дашковой, бывшій въ то время посланникомъ въ Лондонѣ, писалъ сестрѣ въ 1762 г.: „По всѣмъ свѣдѣніямъ, доходящимъ до меня изъ Петербурга, ея императорское величество очень добра къ вамъ; поэтому я не могу оправдать то, что вы такъ мало позаботились о судьбѣ нашей сестры Елисаветы. Мнѣ кажется, что если она даже провинилась въ чемъ-либо передъ императрицей, о чемъ, я, впрочемъ, не слыхалъ, вы должны были бы, вмѣсто всякой награды для себя, испросить ей помилованіе и предпочесть его екатерининской лентѣ; вы не нарушили бы, въ такомъ случаѣ, тѣхъ философскихъ правилъ, которыя вы мнѣ проповѣдывали и которыя заставили меня думать, что вы придаете мало значенія суетнымъ отличіямъ. Но я ошибся: онѣ важны для васъ также, какъ и для другихъ“. („Арх. кн. Воронц.“, т. V, 159—160). Къ сожалѣнію, отвѣтовъ кн. Дашковой на первыя письма Александра Романовича не сохранилось, а въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ она, оправдываясь передъ братомъ, говорить, что ничего не просила для себя; указываетъ на то, что ихъ сестра Елисавета живетъ въ отцовской деревнѣ, „гдѣ она должна, мнѣ кажется, лучше чувствовать себя, чѣмъ въ большомъ свѣтѣ, откуда, по крайней мѣрѣ на время, ее исключаетъ приличіе“, и т. д. Но письмо это не удовлетворило Александра Романовича; онъ указываетъ на то, что ея дядя, Михаилъ Ларионовичъ, ея отецъ и онъ самъ не нуждались въ ея защитѣ, а для сестры Елисаветы она не сдѣлала ничего. Замѣтимъ, съ своей стороны, что едва-ли можно обвинять княгиню Дашкову въ томъ, что она не хлопотала предъ императрицею за свою сестру Елисавету. Если вспомнить тѣ отношенія, въ которыхъ состояла Елисавета Романовна къ Петру III и намѣреніе Петра—возвести ее на престолъ, заключивъ Екатерину II въ монастырь, то всякое заступничество княгини Дашковой за свою сестру предъ императрицею было бы слишкомъ неделикатно. Впрочемъ, императрица и безъ того отнеслась къ Елисаветѣ Воронцовой весьма гуманно, она только держала ее вдали отъ двора. „Перфильичъ“,— писала она, вскорѣ по восшествіи на престолъ, И. Елагину:—„сказывалъ-ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворецъ не размахнулась,

а то, боюсь, къ общему соблазну, завтра прилетитъ". Потомъ она приказала ей жить въ Москвѣ, въ домѣ отца, а отцу велѣла непременно отдѣлать ее, чтобы ей было чѣмъ жить, „а онъ (замѣтила императрица) не такъ бѣденъ, какъ притворяется". Она приказала намекнуть только Елисаветѣ Воронцовой, чтобы она на Москвѣ жила въ тишинѣ, не подавая людямъ „много причинъ о себѣ говорить". („Сбор. Рус. Ист. Общ.", VII, 149).

Но вотъ въ томъ же письмѣ Александръ Романовичъ бросаетъ въ сестру слѣдующее важное обвиненіе: „Не безъ большой горести я долженъ вамъ высказать, милостивая государыня, что здѣсь распространились слухи, не дѣлающіе вамъ чести.... Говорятъ, что вы завладѣли всѣмъ, что имѣла моя сестра, и что вы отказали ей даже въ необходимомъ для ея отправленія въ деревню. Я не вхожу въ подробности о томъ, какъ вы приобрѣли все это. Конечно, ея императорское величество можетъ располагать этимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, тѣмъ болѣе, что все, что имѣла эта несчастная, какъ извѣстно, она получила отъ двора. Но не лучше-ли было бы для васъ не принимать этого? Если вы подумаете, то поймете, что этотъ поступокъ не увеличитъ къ вамъ ничего уваженія. Я посоветился бы воспользоваться чѣмъ бы то ни было несчастіемъ, а тѣмъ болѣе сестры или кого-либо изъ близкихъ". Екатерина Романовна энергически протестовала противъ этого обвиненія и возражала, что она не могла воспользоваться сестринимъ имуществомъ, такъ какъ оно хранилось вовсе не у нея: „все, что она оставила въ комнатахъ Лѣтняго дворца, и всѣ брилліанты находятся у императрицы, а остальной гардеробъ опечатанъ Рославлевымъ и я даже не знаю, что тамъ было". Письмо это не показалось Александру Романовичу вполнѣ убѣдительнымъ, онъ отвѣчаетъ ей въ ироническомъ тонѣ. Дѣйствительно, Рюльеръ въ своемъ разказѣ о переворотѣ 28-го іюня говоритъ, что императрица пожаловала княгинѣ Дашковой ленту и драгоцѣнные камни ея сестры („Oeuvres posthumes", IV, 362). На основаніи этого извѣстія и намековъ Александра Романовича, можно думать, что Екатерина Романовна не захватила силою, но получила въ подарокъ отъ императрицы драгоцѣнности, пожалованныя прежде ея сестрѣ. Александръ Романовичъ полагалъ, что она должна была отказаться отъ такого подарка. Во всякомъ случаѣ, одна возможность обвиненія княгини въ насильственномъ захватѣ имущества сестры не говоритъ въ пользу ея характера. Мы увидимъ ниже, что въ обществѣ о ней сложилось такое мнѣніе, что ее считали способною даже на присвоеніе казенной собственности.

Какъ бы то ни было, эти недоразумѣнія между братомъ и се-

строю должны были разясниться, такъ какъ въ письмѣ, отъ 19-го октября, изъ своего имѣнія Михалкова, она извиняетъ брата въ томъ, что онъ несправедливо сердился на нее. Къ сожалѣнiю, то письмо Александра Романовича, на которое она отвѣчала, не дошло до насъ, и потому мы не знаемъ, что именно изъ своихъ прежнихъ обвиненiй онъ нашелъ несправедливымъ. Во всякомъ случаѣ, въ послѣдствiи отношенiя княгини Дашковой къ брату Александру Романовичу были постоянно дружественны. Съ отцомъ же она была въ дурныхъ отношенiяхъ еще въ 1766 и 1767 годахъ (см. „Арх. Воронцова“, V, 175—176, 177—178). Но во время перваго путешествiя за границу, она уже часто пишетъ къ нему, хотя и не получаетъ отвѣта (*Ibid.*, 181). Впрочемъ, за дурныя отношенiя къ отцу, едва-ли можно обвинять княгиню Дашкову. Онъ былъ человѣкъ совершенно необразованный. Такъ, изъ письма гр. Ив. Григ. Чернышева къ И. И. Шувалову, по поводу смерти Рихмана, мы видимъ, что онъ чувствовалъ какую-то суевѣрную ненависть къ электрической машинѣ. Чернышевъ пишетъ: „Любопытенъ я знать теперь, что говоритъ объ электрической машинѣ Романъ Ларионовичъ: онъ и прежде, когда мы еще не знали, что она смертоносна, ненавидѣлъ ее“. („Рус. Арх.“, 1869 г., стр. 1781). Онъ не отличался также и честностью. Извѣстно, что когда онъ былъ владимирскимъ и ярославскимъ генераль-губернаторомъ, Екатерина, узнавъ о его лихоимствѣ, прислала ему въ подарокъ длинный пустой кошелекъ, который онъ и получилъ въ день своихъ именинъ во время торжественнаго обѣда. Это произвело на Воронцова чрезвычайно сильное впечатлѣнiе¹⁾. Понятно, что съ такимъ отцемъ, который, къ тому же, самъ ничего не сдѣлалъ для ея воспитанiя и предоставилъ всѣ заботы о ней брату, Михаилу Ларионовичу, Дашкова не могла ладить; какъ образованная женщина, знакомая съ произведенiями лучшихъ современныхъ французскихъ писателей, она уже вышла изъ родоваго быта, гдѣ выше всего для человѣка стоятъ узы крови. Для людей, на столько, какъ она, развитыхъ, люди, совершенно чужiе, но одинаковыхъ убѣжденiй, могутъ быть ближе кровныхъ родныхъ, если послѣднiе принадлежатъ къ совершенно отжившему поколѣнiю, не понимающему новаго времени. Даже и Михаилъ Ларионовичъ не понималъ любви Екатерины Романовны къ наукѣ и не сочувствовалъ ея стремленiямъ. Въ письмѣ, отъ 21-го августа 1762 г., къ племяннику А. Р. Воронцову, онъ пишетъ про Екатерину Романовну: „Она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ раз-

¹⁾ См. «Русск. Стар.», изд. 1871 г., т. III, стр. 682—683; Зап. Болотова, III, 892—893; «Дневн. Храп.», 320.

вращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ, высомомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ время свое проводить („Арх. вн. Воронцова“, V, 105).

Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ неуживчивости княгини Дашковой служатъ ея отношенія къ дѣтямъ. Съ дочерью она была въ ссорѣ. Императрица Екатерина высказывала, въ 1789 г., удивленіе, что „никто ее не любитъ, даже дочь въ нынѣшнихъ недостаткахъ и, бывъ подъ опекою, не соглашается жить съ матерью“¹⁾. Когда княгиня жила съ нею въ своей деревнѣ Коротовѣ, во время ссылки при Павлѣ Петровичѣ, то дочь ея, Настасья Михайловна, жила въ особой избѣ, довольно далеко; сначала ходила къ матери обѣдать, а потомъ княгиня и не звала ее („Русск. Арх.“ 1864 г., 585)²⁾. Что касается сына, то княгиня, чрезвычайно гордившаяся своимъ натынымъ происхожденіемъ и княжескимъ достоинствомъ, не могла простить ему брака съ незнатною дѣвушкою, дочерью купца Алферова. Неожиданное извѣстіе объ этомъ бракѣ такъ поразило мать, что она занемогла нервною горячкою. Есть извѣстіе, сообщенное издателю записокъ Храповицкаго, г. Барсукову, что кн. Павелъ Михайловичъ разошелся съ женою по настоянію матери, а по смерти сына, княгиня примирилась со своею невѣсткою. Извѣстно, что, по смерти сына, кн. Дашкова дѣйствительно примирилась съ невѣсткою, хотя и продолжала относиться къ ней весьма холодно и свысока; извѣстно также, что въ послѣдніе годы жизни Павелъ Михайловичъ не жилъ съ женою, но формальнаго развода не было и мы даже не знаемъ, когда именно онъ разошелся съ нею. Въ письмѣ отъ 5-го октября (1798 г.) княгиня Дашкова пишетъ брату Александру Романовичу изъ Петербурга: „Я писала сыну, чтобъ онъ прѣѣхалъ сюда въ декабрѣ мѣсяцѣ, но только одинъ; я надѣюсь, что онъ не привезетъ съ собою жены, и такъ какъ онъ прѣѣдетъ сюда всего на 19 дней, то жертва, которую я отъ него требую, не велика“. („Арх. Вор.“, V, 202). Тутъ нѣтъ еще и рѣчи о разводѣ Павла Михайловича съ женою.

Во всякомъ случаѣ, между матерью и сыномъ должно было состояться нѣкоторое примиреніе, такъ какъ въ письмѣ, написанномъ около этого же времени, Дашкова пишетъ брату, что она потому желаетъ видѣть сына, что собирается уѣхать изъ Петербурга и не

¹⁾ «Записки Храповицкаго», изд. подъ редакцію Н. Барсукова. Спб., 1874 г., стр. 278.

²⁾ А по словамъ Дашковой, въ письмѣ къ брату («Арх. Вор.», V, 257, 258), дочь притворилась больной и сама не приходила къ ней. 20-го февраля она писала, что уже 13 дней не видала дочь. Въ этомъ письмѣ княгиня упоминаетъ о дочери, что та «виѣла сцены со своимъ нѣмцемъ» (?). В. С.

желаетъ, чтобы въ обществѣ подумали, что она еще не помирилась съ нимъ, если онъ прійдетъ тогда, когда ея уже не будетъ („Арх. Вор.“, V, 201). Во время ссылки княгини, Павелъ Михайловичъ переписывался съ матерью; въ 1805 г. онъ былъ самъ у нея. Но вскорѣ за этимъ случилось что-то такое, окончательно поссорившее съ нимъ мать, и никакія убѣжденія миссъ Уильмотъ не могли заставить княгиню примириться съ дѣтьми. Княгиня была на столько неумолима въ своемъ гнѣвѣ, что не присутствовала даже при смерти сына, хотя была въ это время въ одномъ городѣ съ нимъ. Единственная человѣческая привязанность, жившая въ этомъ суровомъ старческомъ существѣ, была любовь къ миссъ Уильмотъ.

Чтобы объяснить недружелюбныя отношенія кн. Дашковой къ дѣтямъ, слѣдуетъ замѣтить, что они дѣйствительно оказались людьми дурными. О сынѣ мы имѣемъ извѣстіе въ „Запискахъ Энгельгардта“, что онъ былъ беспечнымъ и нерадивымъ полковникомъ (онъ командовалъ тогда сибирскимъ армейскимъ полкомъ)¹⁾, любилъ выпить и не могъ похвалиться особенною храбростію. Императрица Екатерина говорила о немъ, что онъ „простъ и пьяница“. („Дневн. Храп.“, 278). Дочь была очень расточительна, надѣлала много долговъ и, желая, въ 1792 г., уѣхать за границу, просила императрицу, чтобы не останавливали ея отъѣзда изъ-за долговъ. Екатерина назначила ея мать опекуницею для расчета съ займодавцами и при этомъ выразилась такимъ образомъ о дѣтяхъ княгини Дашковой: „Съ хваленнымъ матерью воспитаніемъ и дочь, и сынъ вышли негодны: сынъ и военнаго ордена не могъ заслужить“. („Дневн. Храповицкаго“, изд. 1874 г., 400). И такъ, мы видимъ, что дѣти княгини Дашковой были людьми дурными и могли быть основательныя причины для охлажденія ея къ нимъ; но дѣло въ томъ, что она сама въ этомъ виновата, такъ какъ они воспитывались подъ ея непосредственнымъ надзоромъ. Нужно думать, что въ этомъ „хваленомъ воспитаніи“, какъ въ высшей степени мѣтко назвала его императрица Екатерина, была значительная доза фальши. Въ письмѣ къ извѣстному шотландскому уче-

¹⁾ «При командованіи полкомъ княземъ Дашковымъ, солдаты во многомъ претерпѣвали нужды; для продовольствія провіанта и фуража онъ принималъ деньгами и задерживалъ ихъ; тоже случалось и съ жалованьемъ, хотя чрезъ нѣкоторое время оно и отдавалось, но не въ свое время; лошади были худо накормлены, отчего въ переходахъ въ Польшѣ бросилось множество подводъ, почему безпрестанно на поляхъ были жалобы, а во время кампаніи къ полковому обозу наряжались солдаты, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ пособлять взвезить на горы. Чтобы нижніе чины не роптали, князь далъ позволеніе къ воровству, чѣмъ по времени Сибирскій полкъ и получалъ дурную славу». («Зап. Энгельгардта»; 73).

ному Робертсону, она писала, что ее сын, которому было тогда 13 лѣтъ, зналъ слѣдующіе предметы: „Въ латинскомъ языкѣ трудности уже преодолены. По-англійски князь хорошо понимаетъ прозаическихъ писателей и порядочно поэтовъ. По-нѣмецки онъ понимаетъ все, что читаетъ. Французскій знаетъ какъ родной. Изъ литературы онъ ознакомился съ большинствомъ лучшихъ трудовъ и его вкусъ уже болѣе развитъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ.... По математикѣ онъ уже сдѣлалъ успѣхи и можетъ рѣшать нѣкоторыя сложныя задачи, но я желала бы, чтобы онъ продолжалъ заниматься ею, начиная съ алгебры. Я желала бы, чтобы онъ совершенно понималъ гражданскую и военную архитектуру. Изъ исторіи и государственнаго права (Constitutions of Government), онъ знаетъ всеобщую исторію и частныя исторіи Германіи, Франціи и Англии“. Вотъ что въ 13 лѣтъ, будто бы, уже зналъ, по словамъ княгини Дашковой, ее сынъ. Она желала бы затѣмъ, чтобы онъ занимался: 1) логикою и психологіею; 2) опытною физикою; 3) нѣкоторыми данными изъ химіи; 4) философіею и естественною исторіею; 5) естественнымъ правомъ, публичнымъ и общимъ правами и правомъ отдѣльныхъ лицъ; все это въ приложеніи къ законамъ и обычаямъ европейскихъ народовъ; 6) этикою, и 7) политикою. Она желала, чтобы онъ усвоилъ,— все это въ два съ половиною года, продолжая при томъ заниматься тѣми предметами, которые онъ изучалъ уже прежде. Очевидно, что сынъ княгини Дашковой былъ подавленъ этою многопредметностію и вмѣсто того, чтобы знать все, не зналъ ничего. Онъ, быть можетъ, и выдержалъ хорошо экзаменъ въ эдинбургскомъ университетѣ на степень магистра искусствъ (master of Arts), если справедливо то, что объ этомъ рассказываетъ сама княгиня; но знанія, наскоро прибрѣтенныя лишь для экзамена, скоро испарились, не оставивъ прочнаго слѣда въ душѣ юноши. Судя по тѣмъ огромнымъ знаніямъ, которыми онъ будто бы обладалъ уже въ 13 лѣтъ, можно было бы надѣяться, что это будетъ со временемъ нѣчто въ родѣ русскаго Юма или Адама Смита, а изъ него не вышло даже и хорошаго полеовника Сибирскаго армейскаго полка. Вся бѣда тутъ въ томъ, что княгиня Дашкова при воспитаніи сына заботилась не столько о томъ, чтобы онъ прибрѣлъ хотя не черезъ-чуръ обширныя, но основательныя знанія, а о томъ, чтобы удовлетворить своему тщеславію и блеснуть не только предъ Россіею, но и предъ Европою прекраснымъ образованіемъ, которое она даетъ дѣтямъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ мальчикъ получилъ отвращеніе къ наукѣ и, достигнувъ совершеннолѣтія и самостоятельности, поспѣшилъ неумѣренно воспользоваться всѣми земными благами.

Неуживчивость княгини Дашковой ставила ее иной разъ въ весьма комическое положеніе, какъ, напримѣръ, въ ея знаменитомъ процессѣ съ А. Нарышкинымъ изъ-за его свиней, которыя забрались на ея дачу и которыхъ она приказала перебить (28-го октября 1788 г.).

Императрица Екатерина, смѣясь надъ этимъ происшествіемъ, приказала поскорѣе кончить дѣло въ судѣ, „чтобы не дошло до смертоубійства“, а на слѣдующій день у Храповицкаго отмѣчено: „отдана, поданная Брюсомъ, записка о побитыхъ Дашковою свиньяхъ (стр. 183). Дѣйствительно, 3-го ноября 1788 г., въ софійскомъ нижнемъ земскомъ судѣ происходило слѣдственное дѣло о зарубленіи минувшаго октября 28-го числа на дачѣ ея сіятельства, двора ея императорскаго величества статсъ-дамы, Академіи Наукъ директора, Императорской Академіи Наукъ президента и кавалера княгини Е. Р. Дашковой, принадлежавшихъ его высокопревосходительству, ея императорскаго величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру А. А. Нарышкину голандскихъ борова и свиньи“. На судѣ оказалось, что княгиня Дашкова, замѣтивъ двухъ свиней на потравѣ, приказала людямъ загнать ихъ въ конюшню и убить, что и было немедленно исполнено. Судъ постановилъ взыскать за нихъ съ Дашковой въ пользу Нарышкина 80 рублей. Садовники княгини Дашковой показали на судѣ, что эти свиньи потравили различные цвѣты, посаженные въ шести горшкахъ, стоящіе 6 рублей. Но посторонніе люди не засвидѣтельствовали этой потравы и земскій исправникъ, бывшій для слѣдствія на мѣстѣ, не нашелъ въ саду и оранжереяхъ никакой потравы. Кромѣ того, судъ постановилъ: „По отзыву-жъ ея сіятельства, учиненному г. исправнику, въ бою свиней незнаніемъ закона, и что впредь зашедшихъ коровъ и свиней, тако-жъ убить приказеть и отошлетъ въ госпиталь, то въ предупрежденіе и отвращеніе таковаго предпринятаго законами противнаго намѣренія, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управления собою (т. е., самоуправства) изволила воздержаться и незнаніемъ закона не отзывалась, въ чемъ ея сіятельство обязать подпискою“. („Зап. Храповицкаго“, 471—473). Послѣ этого происшества, Нарышкинъ, показывая на красное лицо княгини, говорилъ при дворѣ: „она еще въ крови послѣ убійства моихъ свиней“ (Masson, Mémoires secrets sur la Russie. P., 1859 г., p. 211). А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ смѣялся, что также невозможно помириться Дашковой съ Нарышкинымъ, какъ найти квадратуру круга. („Дневн. Храп.“, 243). Это курьезное побитіе свиней было результатомъ давней вражды между кн. Дашковою съ А. А. Нарышкинымъ и тяжбы

изъ-за какого-то клочка земли. По крайней мѣрѣ въ „Запискахъ Храповицкаго“ отмѣчены слѣдующія слова императрицы Екатерины еще въ ноябрѣ 1787 г.: „Дашкова съ А. А. Нарышкинымъ въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла. Ссора за 5 сажень земли“ (стр. 56). Поэтому поводу императрица Екатерина написала даже пословицу подъ заглавіемъ: „За мухой съ обухомъ“. Тутъ, подъ именами Пострѣловой и Дуриндина, описана эта тяжба. Когда пьеса была написана, то императрица призналась, что надобно смягчить суровость именъ и выкинуть „хвастовство Пострѣловой о вояжахъ“. („Днев. Храп.“, 178—179).

Дашкова въ своихъ мемуарахъ очень много говоритъ о своемъ безкорыстіи; между тѣмъ, какъ изъ тѣхъ же мемуаровъ, такъ изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ видно, что она далеко не отличалась этимъ достоинствомъ. Приведемъ два примѣра. Вотъ что писала кн. Дашкова послѣ смерти своего мужа, изъ деревни къ императрицѣ Екатеринѣ: „Вашему императорскому величеству прежде извѣство было мое состояніе, я съ собою замужь принесла только 10,000 руб., которые въ первые годы мужемъ моимъ прожиты были; отъ щедрой руки вашего величества всемиловѣйшее награжденіе (24,000 руб.) бѣльшею частію тогда же пошло въ уплату его долговъ, а на оставшее, съ присовокупленіемъ отъ дневныхъ моихъ расходовъ, купила я въ Петербургѣ деревянный домъ, который безъ найма и безъ корпуса отъ гнилости совсѣмъ пропадаетъ..... за сиротами моими отцовскаго имѣнія и съ моею частію послѣ замужества ихъ тетки, а моею золовки, осталось съ 3,000 душъ, да долгу, который я съ того же выплачиваю, слишкомъ шестнадцать тысячъ. При такомъ состояніи, отъ недорода во всѣхъ деревняхъ хлѣба, я два года лишаясь съ нихъ доходовъ по половинѣ и, опредѣляя себя жить болѣе здѣсь для способнѣйшаго надзираія надъ малымъ нашимъ имѣніемъ, не имѣю еще построеннаго дому. Я себя и съ моими младенцами повергаю къ монаршимъ вашимъ стопамъ: воззрите, всемиловѣйшая государыня, милосердымъ окомъ на плачущую вдову съ двумя сиротами, прострите щедрю свою руку и спасите насъ несчастныхъ отъ паденія въ бѣдность“¹⁾... Незвѣстно, послѣдоваль-ли какой-либо отвѣтъ отъ императрицы на это слезное моленіе; но нужно думать, что просьба княгини не была уважена и она не получила на этотъ разъ никакого вспомошествованія, такъ какъ она ничего не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ. Да и дѣйствительно, подобная просьба, года черезъ два послѣ полученія 24,000 руб., была, по

¹⁾ Пекарскій: «Мат. для ист. журнальн. дѣят. Екатерины», стр. 84.

меньшей мѣрѣ, безцеремонна. При отъѣздѣ же княгини въ первый разъ за границу, императрица прислала ей 4,000 руб., но безкорыстная княгиня была такъ недовольна этимъ ничтожнымъ, по ея мнѣнiю, подаркомъ, что, если вѣрять ея мемуарамъ, взяла себѣ только часть этой суммы, а остальное подарила тому лицу, черезъ которое были переданы ей эти деньги. Приведемъ теперь примѣръ изъ болѣе поздняго времени, именно 1782 года.

Она подробно рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ о пожалованiи ей бывшаго имѣнiя графа Огинскаго, „Круглое“, и, между прочимъ, говоритъ: „Принявъ во вниманiе, что число крестьянъ было меньше, нежели говорилось въ указѣ, я могла бы обратиться за удовлетворенiемъ въ сенатъ, не утруждая ея величество; но я предпочла хранить молчанiе, и въ продолженiе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ ввода во владѣнiе употребляла все, чѣмъ могла располагать, для улучшенiя моихъ земель“ (I, 278—279). Между тѣмъ оказывается, что Дашкова вовсе не молчала. Вотъ что писала она, 14-го августа 1782 г., Григ. Ал. Потемкину: „...я ничего такъ не желаю, какъ то, чтобы Круглое вамъ полюбилось, и вы бы его, какъ еще не пожалованное мнѣ у ея величества, выпросили, а мнѣ бы достали тоже въ указѣ упомянутое число 2,565 душъ, гдѣ-нибудь въ Россiи доставили. Село Авчинино, кое было пожаловано Орловымъ и потомъ отъ нихъ вымѣнено, для чего бы не могло быть еще промѣнено, и по примѣру, съ другими сдѣланному, за излишнее въ немъ число душъ, съ меня деньгами получить. Постарайся, мой милостивецъ, а то я, не зная вашей польской экономiи и проживаясь въ Петербургѣ, совсѣмъ банкротъ скоро буду и спокойнаго духа, съ умножающимся ежегодно долгомъ, имѣть не могу. Дѣтское же имѣнiе я не иначе, какъ чужое, вѣренное мнѣ на время, почитаю, а какъ мнѣ скоро 40 лѣтъ минетъ, то пора бы мнѣ, кажется, умѣренный, но собственный свой кусокъ хлѣба имѣть и отъ прикащика сыновнихъ деревень, коихъ я уже ни силы, ни времени управлять не имѣю, отказаться также время“¹⁾. Дашкова ссылается въ этомъ письмѣ на незнанiе „польской экономiи“; но дѣло было совсѣмъ не въ этомъ: она просто очень хорошо понимала, что крестьяне въ Бѣлоруссiи крайне бѣдны и разорены, и ей хотѣлось получить имѣнiе въ другомъ мѣстѣ. Жалобы на бѣдность и грозящее банкротство также не основательны. По крайней мѣрѣ, черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, въ 1792 г., императрица Екатерина говорила о Дашковой, что у нея „деньги лежатъ въ ломбардѣ и она скупяга“ („Дневи.

¹⁾ П. Лебедевъ: «Графъ Никита и Петръ Панины». Спб., 1863 г., стр. 282.

Храповицкаго", 400). Массонъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ о Россіи, говоритъ о Дашковой: „Княгиня уже давно внушила къ себѣ ненависть и презрѣніе своею грязною скупостью“. Затѣмъ онъ рассказываетъ, что она просила у всѣхъ своихъ знакомыхъ старыхъ галуновъ и аксельбантовъ, разсучивала ихъ и продавала. Ту же скупость находимъ у нея и въ старости. Рассказываютъ, что она почти требовала отъ многочисленныхъ своихъ родственниковъ, знакомыхъ и почитателей, чтобы они доставляли ей разные предметы и вещи, чего у нихъ было много. И мы видимъ изъ разсказа миссъ Уильмотъ, что у нея дѣйствительно хранилась масса стараго хлама. Когда на дачу, подъ Петербургомъ, къ ней пріѣзжали знакомые въ каретахъ шестернею, то, по пріѣздѣ гостей, княгиня приказывала дать лошадямъ отдохнуть, накормить, напоить ихъ и затѣмъ, чтобы онѣ не оставались безъ дѣла, на нихъ работали въ саду и огородахъ. („Рус. Арх.“ 1873 г., стр. 1909).

Въ письмѣ къ мистриссъ Гамильтонъ сама Дашкова упоминаетъ, что ее обвиняли въ упрямой неуступчивости въ своихъ мнѣніяхъ, тщеславіи и самолюбіи, и называли также неукротимою и жадною. Она старается защитить себя отъ этихъ обвиненій („Мем. Дашковой“, II, 148—156).

Въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ Дашкова была весьма сурова и собирала съ нихъ огромные оброки. Когда княгиня была за границею, дочь ея продала изъ новгородскаго имѣнія, Коротова, 100 душъ какому-то поляку. Узнавъ объ этомъ, княгиня разсердилась на дочь, выслала поляку 4,000 руб., да съ крестьянъ собрала съ этою цѣлью столько же и взяла все Коротово въ свое владѣніе. Послѣ этого она дала слѣдующій приказъ: „Деньги 4,000 руб., кои вы для выкупа внесли, разложите на всѣхъ коротовскихъ крестьянъ по ровну, а за то на четыре года вамъ даю льготы — ни копѣйки не платить оброку, а послѣ четырехъ лѣтъ, только по два рубля съ души мнѣ платить будете“. Такъ какъ послѣ внесенія 4,000 рублей крестьянамъ дана была льгота отъ оброка на 4 года, то мы можемъ считать, что они въ теченіе 4-хъ лѣтъ ежегодно вносили по 1,000 рублей; а такъ какъ въ то время въ Коротовѣ было 145 душъ, то выходитъ, что крестьяне въ теченіе 4-хъ лѣтъ ежегодно вносили по 7 рублей, — оброкъ громадный для того времени! За выводовыхъ изъ своей вотчины дѣвокъ (т. е., выходящихъ замужъ за крестьянъ другаго помѣщика) она приказывала присылать по 100 руб. съ каждой. За всякую провинность она предписывала строго наказывать; такъ, въ письмѣ отъ 13-го марта 1799 г. она велитъ старостѣ наказать одного крестьянина при мірскомъ сходѣ „за озорничество“.

Въ другомъ письмѣ 1807 года она приказываетъ: „выбрать вамъ въ старосты такового всѣмъ міромъ, чтобъ могъ вести строго, и богатымъ не мирволилъ, и за непорядокъ всякаго жестоко наказывалъ; притомъ объявить на сходеѣ, если богатые съ семействами пожелаютъ откупиться навѣкъ на волю, чтобъ записаться въ мѣщане или купечество, то на всякое то семейство прислать мнѣ реестръ, сколько мужскаго и женскаго полу душъ въ немъ находится, и почему за семейство въ откупъ кто что станетъ давать“. („Р. А.“ 1864 г., 582—586). Понятно, что при такомъ управленіи своими крестьянами, Дашкова была вполне пропитана крѣпостническими взглядами. Извѣстенъ ея разговоръ по этому предмету съ Дидро, въ которомъ она проводитъ мысль, что нужно сначала освободить души, а потомъ уже тѣла, т. е., нужно сначала образовать крестьянъ, а потомъ уже дать имъ свободу, какъ-будто возможно какое-нибудь образованіе при крѣпостномъ правѣ. Подобную мысль высказывали тогда очень многіе крѣпостники, такъ какъ въ либеральной, повидимому, формѣ она выражала ихъ завѣтное убѣжденіе о вредѣ отмѣны крѣпостнаго права.

Таковъ несимпатическій образъ княгини Дашковой, возникающій передъ нами при безпристрастномъ изученіи многихъ источниковъ для ея біографіи. Справедливость заставляетъ насъ упомянуть и о свѣтлыхъ сторонахъ этой личности.

Княгиня Дашкова была, безспорно, женщина очень умная, образованная и весьма энергичная. Англійскій посланникъ Макартней пишетъ о ней: „Эта женщина обладаетъ рѣдкой силой ума, смѣлостью, превосходящей храбрость любаго мужчины, и энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя, для удовлетворенія преобладающей ея страсти. („Сбор. Историч. Общ.“, т. XII, 199—200). Старшая миссъ Уильмотъ писала о ней въ 1806 г.: „Мнѣ кажется, что она была бы всего болѣе на мѣстѣ у кормила правленія или главнокомандующимъ арміею, или главнымъ администраторомъ имперіи“. („Мем.“, II, 356). Сама Елизавета не могла отказать ей въ большомъ умѣ, хотя и прибавляла при этомъ, что она тщеславна и склонна къ интригамъ. („La Cour de Russie“, 3-me edit., 214). Княгиня Дашкова умѣла производить благоприятное впечатлѣніе и располагать людей въ свою пользу. Доказательствомъ этого служитъ та статья, которую о ней написалъ Дидро послѣ того, какъ она познакомилась съ нимъ въ Парижѣ. Приведемъ нѣкоторыя черты изъ этой характеристики. „Она вполне, русская великая почитательница императрицы, о которой она всегда говоритъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ и истиннымъ почтеніемъ. Ей очень нравится англійская

нація; и я боюсь, чтобы пристрастіе къ этому антимонархическому народу не помѣшало ей справедливо оцѣнить хорошія стороны нашей націи“..... „Она не требовала отъ императрицы ни величія, ни богатства, а только сохраненія ея уваженія, которое, какъ она думаетъ, ею заслужено, и ея дружбы, которою, по ея мнѣнію, она обладаетъ“... „Она серьезна по характеру... Обыкновенно она не высказываетъ того, что думаетъ, но если говорить, то говорить просто и съ истиннымъ убѣжденіемъ; душа ея потрясена несчастіемъ; ея убѣжденія основательны и кругозоръ обширенъ; она смѣла, горда и я нахожу въ ней величайшую честность и умѣніе держать себя съ достоинствомъ. Она любитъ искусство; знаетъ людей и потребности своего народа; проникнута отвращеніемъ къ деспотизму и тому, что болѣе или менѣе походитъ на тираннію; она хорошо знаетъ русскихъ государственныхъ людей и откровенно высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, хвала ихъ достоинства и въ тоже время рѣзко отзываясь о недостаткахъ; она весьма справедливо оцѣнила выгоды и недостатки новыхъ учрежденій; если какое-либо дѣйствіе заслуживаетъ удивленіе, она не потерпитъ, чтобы его унижали изъ какихъ-либо политическихъ расчетовъ“... „Она также рѣшительна въ своей ненависти, такъ и въ дружбѣ“... „У нея есть проникательность, хладнокровіе, вѣрныя сужденія. Она почти всегда находитъ истинную причину вещей: она терпѣть не можетъ, чтобы ей удивлялись, потому-ли, что мало придаетъ значенія своей дѣятельности, или по врожденной скромности...“

Въ этой характеристикѣ многое подмѣчено весьма вѣрно; но нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, то, что кн. Дашкова не выносила удивленія къ себѣ, невольно вызываютъ улыбку послѣ всего, что намъ извѣстно о ея чрезмѣрномъ тщеславіи. Между тѣмъ, какъ иностранныя знаменитости расхваливали такимъ образомъ княгиню Дашкову, въ русскомъ обществѣ о ней сложилось весьма невыгодное мнѣніе. Добрынинъ, авторъ замѣчательныхъ записокъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1871 г., т. III и IV), во время посѣщенія, въ 1787—1788 годахъ, Москвы, остановился во вновь отстраивавшемся тогда домѣ княгини и говорить по этому случаю: „Ежели празднословіе—грѣхъ не слишкомъ смертный, то позабавлюся я имъ нѣсколько; княгиня Дашкова, по ея дарованіямъ и заслугамъ престолу императорскому, почтена достоинствомъ „директора Россійской Академіи Наукъ“. Домъ, въ которомъ я остановился по знакомству мнѣ ея управителя, завистники подозрѣвали, что онъ выстроенъ изъ суммы академической. Неизвѣстный какой-то насмѣшникъ, безъ сомнѣнія, не любящій

злоупотребленія, если съ нимъ не дѣлятся, написалъ слѣдующіе стихи:

-Французскій лексиконъ два тома составляетъ
И сорокъ человекъ трудились полвѣка.
Россійской лексиконъ въ два года посигнаетъ
И трудятся надъ нимъ два только человекъ.
Россіянка одна и польской жидовинъ
Два тома каменны создали въ годъ одинъ.
Теперь стараются ихъ только переплестъ,
Чтобъ пользу тѣмъ себѣ сугубу приобрѣсть».

(стр. 275—276).

Это обвиненіе въ безцеремонномъ обхожденіи съ казною едва-ли имѣетъ какое-либо основаніе, такъ какъ княгиня въ теченіе 7-милѣтняго управленія скопила для академіи экономическую сумму въ 40,000 рублей (П. С. З., XXII, № 16,841); но мы приводимъ это извѣстіе только потому, что оно рисуетъ намъ взглядъ русскаго общества на княгиню Дашкову. Безкорыстіе, впрочемъ, какъ мы уже замѣтили выше, не принадлежало къ числу ея достоинствъ.

Къ симпатичнымъ сторонамъ княгини Дашковой должно отнести также ея любовь къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ она собрала богатый кабинетъ естественно-историческихъ предметовъ и различныхъ рѣдкостей и въ послѣдніе годы жизни подарила его московскому университету. Извѣстно, что она участвовала во многихъ русскихъ журналахъ екатерининскаго и нѣкоторыхъ александровскаго времени. Но такъ какъ наша замѣтка и безъ того приняла уже весьма значительные размѣры, то мы не касаемся здѣсь ея литературной дѣятельности. На сколько справедливы рассказы княгини Дашковой о тѣхъ заслугахъ, какія она оказала при управленіи Академіею Наукъ, мы не можемъ судить, не имѣя для того въ рукахъ неизданныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Академіи; что же касается ея управленія Россійскою Академіею, то, по словамъ М. И. Сухомлинова,—въ рѣчи о княгинѣ Дашковой, прочитанной въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1873 г.,—время ея управленія было лучшимъ временемъ въ исторіи Россійской Академіи.

Подводя итоги фактамъ и отзывамъ, приведеннымъ нами за и противъ княгини Дашковой, мы должны сознаться, что указанныя нами хорошія стороны этой личности далеко не покрываютъ того неблагоприятнаго впечатлѣнія, какое производятъ противоположныя данныя.

Въ заключеніе мы бросимъ взглядъ на отношенія императрицы Екатерины къ кн. Дашковой.

Императрица, которую такъ обожала Екатерина Романовна, когда

та была еще великою княгиней, и о возведеніи которой на престолъ она такъ много хлопотала, была во многихъ отношеніяхъ не справедлива къ ней. Она одѣляла ее деньгами и имѣніями, но въ теченіе многихъ лѣтъ держала вдали отъ двора, подозрѣвая, что она участвуетъ въ заговорахъ противъ нея, и особенно старалась всячески умалить ея заслуги въ дѣлѣ переворота 28-го іюня 1762 г. Такъ, въ письмѣ къ Понятовскому государыня пишетъ: „Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя она хочетъ приписать себѣ всю честь этого переворота, была на весьма худомъ счету, благодаря своей роднѣ, а ея девятнадцатилѣтній возрастъ не вызывалъ къ ней большаго довѣрія. Она думала, что все доходить до меня не иначе, какъ черезъ нее. Между тѣмъ, какъ я уже 6 мѣсяцевъ сносила со всѣми главными лицами, прежде чѣмъ она услышала первое имя... Иванъ Шуваловъ, самый низкій и подлый человѣкъ, написалъ, говорить, Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина произвела государственный переворотъ въ этой имперіи; выведите изъ заблужденія, я васъ прошу, этого великаго писателя. Нужно было скрывать отъ княгини Дашковой сношенія другихъ со мною въ теченіи шести мѣсяцевъ, а въ четыре послѣднія недѣли ей старалась говорить, какъ можно менѣе“. („La Cour de Russie“, 214)¹⁾.

Нельзя, конечно, безусловно принять разсказъ самой Дашковой объ ея участіи въ переворотѣ. По ея словамъ, она оказывается главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ. Очень вѣроятно, что Екатерина начала организовать заговоръ задолго до того, какъ объ этомъ узнала княгиня; но несомнѣнно также и то, что Екатерина Романовна много поработала для этого дѣла. Это видно, между прочимъ, и изъ депешъ англійскихъ посланниковъ. Такъ, Кейтъ, въ депешѣ отъ 1-го іюля 1762 г., пишетъ: „Всего удивительнѣе то обстоятельство, что сборнымъ пунктомъ для заговорщиковъ былъ избранъ домъ княгини Дашковой, молодой женщины, лѣтъ двадцати.... Достоверно извѣстно, что она принимала самое ревностное участіе въ заговорѣ и отъ начала до конца много содѣйствовала его успѣху“. („Сб. Ист. Общ.“, XII, 7). Ширлей писалъ въ 1768 г.: „Н. Панинъ слишкомъ нерѣшителенъ и недовольно

¹⁾ По поводу этого мѣста кн. Дашкова въ письмѣ къ мистриссъ Гамильтонъ замѣчаетъ: «Императрица увѣряетъ, что я мало участвовала въ этомъ дѣлѣ и была ни что иное, какъ честолюбивая простофиля.... Я не могу себѣ представить, чтобы такое возвышенное существо, какъ императрица, могла говорить такимъ образомъ о бѣдной своей подданной, такъ скоро послѣ того, какъ эта самая личность обнаружила безконечную къ ней преданность и рисковала, служа ей, потерять голову на плахѣ. («Мем. Дашк.», II, 148—149).

дѣятеленъ.... Когда кн. Дашкова въ первый разъ заговорила съ нимъ о предположенномъ намѣреніи—свергнуть съ престола бывшаго императора, она сочла за лучшее сказать ему, что все уже готово и что ему предстоитъ рѣшиться или на низкій доносъ, или пожертвовать тѣмъ довѣріемъ, которое императрица расположена была ему оказывать, что, конечно, случилось бы, если бы онъ усомнился на одну минуту“ (стр. 336—337). Можно заподозрить, что послѣднее свидѣніе идетъ отъ самой Дашковой, такъ какъ Ширлей въ другой депешѣ (стр. 322) говоритъ: „Я не имѣю ни одного друга, кромѣ кн. Дашковой, пользующейся величайшею милостію гр. Панина“; но показаніе Кейта во всякомъ случаѣ остается непоколебленнымъ. Кромѣ того, мы можемъ по этому вопросу привести еще свидѣтельство одного лица, близко знающаго кн. Екатерину Романовну и въ то время весьма враждебно къ ней настроеннаго, именно ея роднаго дяди, канцлера М. Л. Воронцова. Въ письмѣ къ А. Р. Воронцову, отъ 21-го августа 1762 г., гдѣ онъ весьма рѣзко отзывается объ Екатеринѣ Романовнѣ: онъ говоритъ: „Правда, она имѣла большое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государини, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать....“ („Арх. Вор.“, V, 105). Рюльеръ рассказываетъ, что главными дѣятели въ переворотѣ были Орловъ и Дашкова, первый—между войсками, вторая—въ высшемъ сословіи, и что они не знали другъ друга. („Oeuvres posthumes“, IV, 30).

И такъ, мы должны признать весьма дѣятельное участіе кн. Дашковой въ переворотѣ 28-го іюня 1762 г.—несомнѣннымъ.

Въ маѣ 1763 г. началось дѣло камеръ-юнкера Фелора Хитрова, обвинявшагося въ намѣреніи убить графовъ Орловыхъ, въ томъ случаѣ, если императрица, согласно предложенію А. П. Бестужева, вступить въ бракъ съ гр. Г. Орловымъ. Въ запискѣ объ этомъ дѣлѣ, поданной императрицѣ Григоріемъ Орловымъ, гдѣ мы находимъ показанія замѣшанныхъ въ это дѣло лицъ, есть извѣстіе, что „Хитрова въ оный заговоръ привела княгиня Дашкова“; но самъ Хитровъ на допросѣ показалъ, что онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ только съ Рославлевыми и Ласунскимъ. („Сб. Ист. Общ.“, VII, 291, 294). Тѣмъ не менѣе, гнѣвъ императрицы обрушился на княгиню. Не имѣя прямыхъ доказательствъ противъ кн. Дашковой, императрица сдѣлала видъ, что желаетъ ее помиловать, если она откроетъ все, что слышала по этому дѣлу. Беранже, французскій повѣренный въ дѣлахъ, въ депешѣ отъ 15-го іюля 1763 г. сохранилъ слѣдующій отвѣтъ княгини: „Государыня, я ничего не слышала: но если бы я и слышала что-нибудь,

я остереглась бы открыть это. Чего вы хотите от меня? Чтобы я умерла на эшафотъ? Я готова". („La Cour de Russie", 231—232').

Екатерина удалила Дашкову изъ Москвы. Графъ Букингамъ, въ депешѣ отъ 28-го іюня (нов. ст.) 1763 г., писалъ: „Княгиня Дашкова, отличившаяся во время революціи, получила приказаніе отправиться, вмѣстѣ съ мужемъ, въ Ригу, гдѣ стоитъ ей полкъ. Гордость этой дамы значительно ослабила уваженіе къ ней императрицы еще до моего пріѣзда въ Москву. Характеръ ея былъ слишкомъ непреклоненъ для того, чтобы стараться умиловать государыню или покорно подчиниться ея немилости, и вслѣдствіе того подозрѣваютъ, что она возбуждала и поощряла всѣхъ недовольныхъ правительствомъ". („Сб. Ист. Общ.", XII, 113).

Въ іюлѣ 1764 г. началось дѣло Мировича и Дашкову стали подозрѣвать въ сношеніяхъ съ нимъ. („La Cour de Russie", 236, изъ депеши Букингама; извѣстіе объ этомъ пропущено въ XII т. „Сб. Ист. Общ."; см. также „Записки кн. Дашковой"). Мы имѣемъ основаніе думать, что такое подозрѣніе поддерживали въ Екатеринѣ Орловы и ихъ партія. По крайней мѣрѣ, близкій другъ Орловыхъ, бар. А. И. Черкасовъ намекалъ на возможность участія въ заговорѣ княгини Дашковой и при этомъ, не смотря на то, что онъ былъ человѣкъ весьма образованный, подалъ мнѣніе, въ которомъ хотя и выражалъ свое отвращеніе къ пыткѣ, но требовалъ примѣненія ея къ заговорщикамъ въ настоящемъ случаѣ. (Ст. бар. Вюлера, „Русскій Вѣстн." 1870 г., № 3, стр. 185). Понятно, что послѣ этого опала княгини продолжалась.

Макартней писалъ 1-го марта 1765 г.: „Княгиня Дашкова, которая со времени смерти своего мужа вела здѣсь самый уединенный образъ жизни, теперь рѣшилась выѣхать изъ этой столицы и поселиться въ Москвѣ; она уѣхала вчера, но передъ отъѣздомъ имѣла честь цѣловать руку императрицы и проститься съ нею; ей давно уже былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору; но въ виду того обстоятельства, что она уѣзжаетъ, быть можетъ, навсегда, ея величество, по ходатайству Панина, согласилась видѣться съ ней передъ ея отъѣздомъ. Пріемъ, оказанный ей, былъ таковъ, какъ ей и слѣдовало ожидать, т. е., холоденъ и непривѣтливъ". Затѣмъ, повторяя ходячіе слухи объ участіи Дашковой въ различныхъ заговорахъ, онъ продолжаетъ: „Кажется, всѣ рады ея отъѣзду. Будучи лишь 22-хъ лѣтъ отъ роду, она уже участвовала въ полдюжинѣ заговоровъ; первый изъ нихъ удался,

1) Дидро рассказываетъ, что только болѣзнь спасла Дашкову отъ ареста.

но, не получивъ заслуженной, по ея мнѣнію, награды, она принялась за новыя заговоры, которые оказались неуспѣшными“. („Сб. Ист. Общ.“, XII, 199). Нужно думать, что извѣстіе объ участіи Дашковой въ заговорахъ совершенно неосновательно. Императрица Екатерина, быть можетъ, и потому подозрительно смотрѣла на княгиню, что она была въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ къ Н. И. Панину, отъ котораго императрица ожидала всевозможныхъ интригъ противъ нея.

Дидро въ своей статьѣ выставляетъ цѣлый рядъ предположеній о причинахъ немилости, въ которую впала кн. Дашкова: „Можетъ быть“, говоритъ онъ „она считала, что недостаточно вознаграждена за свои услуги; можетъ быть, она рассчитывала, возведя на престолъ Екатерину, управлять императрицею; можетъ быть, къ ней охладило императрицу подозрѣніе, что она участвовала въ народномъ волненіи, во время котораго бичевали портретъ императрицы ¹⁾; быть можетъ, императрица изъ того, что Дашкова сдѣлала для нея, увидѣла, на что она способна рѣшиться противъ нея; быть можетъ, Дашкова претендовала на мѣсто министра, даже перваго министра, или, по крайней мѣрѣ, на мѣсто въ совѣтѣ; можетъ быть, она была неприятно поражена тѣмъ, что ея другъ (т. е., Екатерина II), которому она предназначала званіе регента, имѣлъ на столько ловкости, чтобы сдѣлаться императрицею безъ ея вѣдома и вопреки ея намѣреніямъ“.....

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ предположеній имѣютъ основаніе; но едва-ли не главнымъ внутреннимъ мотивомъ охлажденія Екатерины къ Дашковой было то, что Екатерина въ началѣ царствованія не пожелала терпѣть возлѣ себя умную и энергичную женщину,—тутъ, быть можетъ, была извѣстная доля женскаго сопернованія. Въ началѣ царствованія Екатерины близкое участіе въ управленіи государственными дѣлами такой самолюбивой личности, какъ княгиня Дашкова, когда еще сама императрица не успѣла приобрести большой извѣстности во всей Европѣ, могло казаться опаснымъ для ея собственной популярности (ср. „Rulhière, Oeuvres posthumes“, IV, 363); извѣстно, что Екатерина въ теченіи всего своего царствованія всячески старалась показать различнымъ европейскимъ знаменитостямъ, что она сама и почти она одна завѣдуетъ всѣми государственными дѣлами. Очень можетъ быть, что въ примѣненіи къ княгинѣ Дашковой оказались справедливыми слова, сказанныя ей Петромъ III еще до восшествія его на престолъ и которыя княгиня приводитъ

¹⁾ Дидро рассказываетъ, вѣроятно со словъ Дашковой, что во время волненій, вызванныхъ слухомъ о бракѣ Екатерины съ гр. Орловымъ, народъ ваташилъ портретъ императрицы, бичевалъ его и разорвалъ въ клочки. Впрочемъ, другихъ извѣстій объ этомъ нѣтъ.

въ своихъ запискахъ: „Дитя мое“, сказалъ онъ, „вамъ не мѣшало бы помнить, что гораздо безопаснѣе имѣть дѣло съ честными ту-пицами, подобными вашей сестрѣ и мнѣ, чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина и потомъ бросятъ корку“.

Но вотъ прошло около двадцати лѣтъ царствованія императрицы; она сдумѣла прочно утвердиться на престолѣ и снискать себѣ извѣстность во всей Европѣ; первостепенные французскіе писатели, какъ Вольтеръ, уже давно надѣлили ее льстивыми титулами „Сѣверной Семирамиды“ и т. п. Съ другой стороны, кн. Дашкова, во время свиданія за границею съ Дидро, Вольтеромъ и др., старалась всячески превозносить Екатерину, о чемъ той немедленно дано было знать, — и вотъ между этими женщинами, столь долго враждовавшими, происходитъ сближеніе. По возвращеніи Дашковой изъ втораго заграничнаго путешествія, Екатерина назначаетъ ее директоромъ Академіи Наукъ, надѣляетъ ее деревнями и деньгами и дѣлаетъ, наконецъ, президентомъ вновь основанной Россійской Академіи. Согласіе длится, однако, не долго. Самолюбіе и тщеславіе обѣихъ этихъ женщинъ было такъ велико, что онѣ не могли долго ужиться вмѣстѣ. Во многомъ тутъ, конечно, виноватъ неуживчивый характеръ княгини; но едва-ли виновата одна она. Поводомъ къ новому охлажденію послужили насмѣшки Льва Алексан. Нарышкина надъ вновь основанною Россійскою Академіею и рѣчью, произнесенною при ея открытіи Дашковой. Въ этихъ шуткахъ принимала участіе и Екатерина. Дашкова обидѣлась этимъ и зато, по словамъ Державина (въ объясненіяхъ на его сочиненія), лишилась права быть членомъ шутиваго общества („незнающихъ“), но зато получила отъ Екатерины въ утѣшеніе 25,000 рублей для постройки дачи. Вслѣдствіе этой размовки, Екатерина потребовала отъ Дашковой рукописи своихъ шутивныхъ статей, отданныхъ для помѣщенія въ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“, и, не смотря на ея просьбы, несогласилась напечатать ихъ¹⁾.

Размовка, должно быть, продолжалась и въ 1787 г. По крайней мѣрѣ, при отъѣздѣ императрицы въ Крымъ, Дашкова не попрощалась съ нею лично, а только прислала письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорить: „Я убѣждена, что вы господствуете надъ сердцами всѣхъ вашихъ подданныхъ, и что моя приверженность къ вашей особѣ есть чувство всеобщее и вполне естественное; но или

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе: Пекарскій «Матер. для ист. журналн. и литературн. дѣят. Екатерины II», стр. 21—28. Замѣтимъ только, что тутъ авторъ смѣшалъ двѣ личности: А. А. Нарышкина, съ которымъ Дашкова имѣла тяжбу изъ-за свиней, и Д. А. Нарышкина.

нервы мои хуже и слабѣе, нежели у другихъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не идетъ лично обо мнѣ, я не могу совладать со своею чувствительностью,— только я не имѣю силъ явиться на прощаніе съ вашимъ величествомъ“. (Пекарскій, 83; срав. черновое письмо „Р. А.“ 1864 г., 571 — 573). Императрица отвѣчала на это небольшой запиской, начинающейся слѣдующими словами: „Вы поступили въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, умно и разсудительно. Письменное „прости“, конечно, лучше. Тотъ, кто обладаетъ истинною чувствительностію, не имѣетъ нужды выставлять ее на показъ“ и т. д. („Мем. Дашковой“, II, 85).

Въ эти годы, какъ видно изъ „Записокъ Храповицкаго“, Екатерина постоянно неблагопріятно отзывалась о Дашковой. Мы уже ознакомились выше съ этими отзывами и здѣсь прибавимъ только, что Екатерина, въ 1789 г., изображала ее въ какой-то написанной ею комедіи (Храповицкій, стр. 304), а въ 1788 г. приказано было такъ расположить комнаты во дворцѣ, чтобы для Дашковой не было помѣщенія, такъ какъ Екатерина „не хотѣла жить подъ одною кровлею съ нею“ (Храпов., стр. 83), полагая, что отъ Дашковой „хорошо быть подалѣе“. (Ibid., 66).

Прежде чѣмъ разстаться съ княгинею Дашковою, скажемъ нѣсколько словъ о ея наружности. Вотъ какъ ее описываетъ Дидро: „Княгиня Дашкова вовсе не хороша; она мала ростомъ; лобъ у нея большой и высокій; щеки толстыя и вздутыя; глаза ни большіе, ни малые, нѣсколько углубленные въ орбитахъ; брови и волосы черные; носъ приплюснутый; ротъ большой; губы толстыя; зубы испорченные; шея круглая и прямая; грудь выпуклая; талии вовсе нѣтъ; движенія ея быстры; въ ней нѣтъ никакой граціи, никакого благородства (noblesse), но много привѣтливости; всѣ черты, взятыя вмѣстѣ, составляютъ характерную фізіономію“... „Горе чрезвычайно состарило ее и совершенно разстроило ея здоровье“... „Въ нынѣшнемъ году, въ декабрѣ 1770 г., ей было 27 лѣтъ, а на видъ ей можно было дать 40“.

Изъ этого очерка видно, что въ портретѣ княгини Дашковой, приложенномъ къ лондонскому изданію ея записокъ, гдѣ она представлена еще весьма молодою, наружность ея, кажется, черезъ-чуръ польщена. Извѣстно, что въ ея Запискамъ приложенъ еще и другой портретъ, на которомъ она изображена уже въ старости, во время пребыванія въ ссылкѣ въ селѣ Коротовѣ, въ Череповецкомъ уѣздѣ Нов-

городской губернии. Она сидитъ тутъ въ избѣ, въ халатѣ со звѣздой, на головѣ колпаекъ, на полкѣ стоятъ книги ¹⁾).

Мемуары княгини Дашковой были изданы въ первый разъ по-английски (какъ они и были ею написаны) подъ слѣдующимъ заглавiемъ: *Memoirs of the Princess Daschkow, lady of honour to Catharine II. Written by herself, comprizing letters of the empress and other correspondance. Edited by W. Bradford. 2 v. London. 1840.*

Нѣмецкiй переводъ:

Memoiren der Fürstin Daschkoff. Zur Geschichte der Kaizerin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen. 2 Bd.

Французскiй переводъ въ *la Bibliothèque russe et polonaise. Paris 1859, vol. IX — XII.*

Русскiй переводъ, изданный въ Лондонѣ въ 1859 г., крайне неудовлетворителенъ, онъ наполненъ множествомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, искажающихъ смыслъ подлинника.

Въ русской периодической печати появлялись слѣдующiе отрывки изъ мемуаровъ кн. Дашковой:

Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., № 1, стр. 97—116 (первые годы жизни до организации заговора въ пользу Екатерины), и № 2, стр. 505—521. (Путешествiе за границей, съ пропусками).

Въ „Современникѣ“ 1845 г., № 1, стр. 5—32. Въ переводѣ Я. К. Грота (Академическая дѣятельность).

Въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., № 11 (восшествiе на престолъ Екатерины II).

Не касаясь литературныхъ произведенiй кн. Дашковой, мы приведемъ теперь лишь списокъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненiй о ней, а также и материаловъ для ея биографiй, появившихся въ различныхъ изданiяхъ.

Новиковъ. „Опытъ историческаго словаря о русскiихъ писателяхъ“. Спб., 1772 г. Новое изданiе П. А. Ефремова, въ *Материалахъ для исторiи русской литературы.* Спб., 1867 г., стр. 31.

Diderot. „Sur la princesse d'Ashkow“: *Oeuvres, édit. 1821, t. III, p. 93—105.* Въ переводѣ на англiйскiй языкъ эта характеристика Дашковой помѣщена въ изданiи ея Записокъ, сдѣланномъ г-жею Брайфордъ. т. II, стр. 177—192, а оттуда перешла и во всѣ переводы ея записокъ.

¹⁾ Кроме того, извѣстно десять портретовъ княгини Дашковой. См. списокъ ихъ въ книгѣ г. Ровинскаго: «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ». (Спб., 1872 г.)

- „Другъ Просвѣщенія“ 1806 г., № 3, стр. 271—273.
- Некрологъ въ „Вѣсти. Евр.“ 1810 г., № 2, январь, ч. 49, стр. 149—151.
- Биографическій очеркъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1823 г., ч. I, стр. 147.
- Статья Макарова въ его словарь женщинъ-писательницъ. „Дамскій Журналъ“ 1830 г., ч. 29, стр. 35—36, и ч. 31, стр. 195—201.
- „Словарь свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія, изд. 1845 г., I, 157—159.
- „Словарь достопам. людей рус. земли“ — Бантыша-Каменскаго. Энциклопедическіе Лексиконы — Плюшара и Старчевскаго.
- Переписка Дашковой съ императрицею Еваториною и другими лицами, а также письма миссъ Уильмотъ, помѣщены въ изданіяхъ записокъ Дашковой.
- Письмо императрицы Еваторины къ Дашковой (28-го апрѣля 1774 г.) въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., № 11, стр. 143—144.
- Я. К. Гротъ „О Фелицѣ и Собесѣдникѣ“. „Соврем.“ 1845 г., № 11.
- Письмо кн. Дашковой къ митрополиту Платону съ просьбою о доставленіи старинныхъ драматическихъ сочиненій. „Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи“, Смирнова. М. 1856 г., стр. 331—332. Кромѣ того, два ненапечатанныхъ письма кн. Дашковой къ Платону находятся при дѣлахъ архив. москов. синод. правленія 1783. Впрочемъ, содержаніе этихъ писемъ извѣстно. (См. кн. Смирнова, стр. 379).
- Статья о Дашковой V. R. въ XIII томѣ изданія: „Nouvelle Biographie générale, publié par F. Didot, sous la direction de Hoefer. 20 v. Paris. 1852—1857 г. Дашковой тутъ посвященъ цѣлый столбецъ.
- Н. А. Добролюбовъ. „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“. „Современникъ“ 1856 г., №№ 7 и 8, и въ „Собр. Сочин.“ т. I.
- Д. И. Иловайскій. „Е. Р. Дашкова“. „Отеч. Зап.“ 1859 г., №№ 9—12, тт. 126 и 127.
- А. Н. Афанасьевъ. „Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой“. „Отеч. Зап.“ 1860 г., т. 129.
- Edm. Taigny. Catherine II et la princesse Daschkoff. Paris. 1860.
- П. Фирсовъ. „Кн. Е. Р. Дашкова“. „Разсвѣтъ“ 1860 г., т. V и VI №№ 2, 3 и 4.
- Письмо Дашковой къ Николаю Петровичу Николеву (объ одѣ Ни-

колева, поправившейся императрицѣ Екатеринѣ). „Русская Правда“, Альманахъ на 1860 г., стр. 72—73.

„Замѣчательные случаи и черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой“. „Часть Досуга“ 1861 г., № 1, стр. 10—30. (Извлеченія изъ статей Иловайскаго, Фирсова и „Энциклопедическаго Лексикона“).

„Е. Р. Дашкова“. Изъ записокъ С. Н. Глинки. „Рус. Слово“ 1861 г., № 4, стр. 1—10.

Два письма кн. Дашковой къ императрицѣ Екатеринѣ „Ч. О. И. Д. Р.“ 1862 г., т. I. Смѣсь, стр. 171 (напечатаны также въ ниже-слѣдующей брошюрѣ П. Пекарскаго).

П. Пекарскій. „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“. Приложение къ III тому записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 6. Спб., 1863. Тутъ мы видимъ отношенія Дашковой къ императрицѣ Екатеринѣ по изданію „Собесѣдника“. Въ приложеніи есть нѣсколько писемъ Дашковой къ Екатеринѣ II.

Письма Дашковой къ Г. А. Потемкину, см. въ книгѣ г. Лебедева: „Графы Никита и Петръ Панины“. Спб., 1863 г., стр. 177—179 и 282—284.

„Черты изъ жизни Е. Р. Дашковой“. „Р. А.“ 1864 г., стр. 571—586. Два письма къ Екатеринѣ, дѣло о приобрѣтеніи мѣста для дома въ Москвѣ, хозяйственныя распоряженія и нѣсколько чертъ о пребываніи ея въ Коротовѣ.

„Директоръ Академіи Наукъ Е. Р. Дашкова“. „Ч. О. И. Д. Р.“ 1867 г., 9—53. Доклады Екатеринѣ, переписка съ Безбородко, проектъ устава Россійской Академіи.

Письмо княгини Дашковой къ миссъ Уильмотъ помѣщено въ числѣ „Матеріаловъ для Исторіи Россіи, извлеченныхъ изъ рукописей британскаго музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ“. „Ч. О. И. Д. Р.“ 1870 г., № 3.

Переписка княгини Дашковой съ братомъ А. Р. Воронцовымъ, напечатанная въ „Архивѣ князя Воронцова“, т. V, стр. 157—283. Хотя надъ многими письмами нѣтъ никакой помѣты, но, по содержанію, ихъ должно во многихъ случаяхъ расположить въ иномъ порядкѣ, чѣмъ это сдѣлалъ издатель.

Письмо Дашковой изъ ссылки къ императору Павлу (весной 1797 г., „Р. А.“ 1871 г., стр. 1486).

Отпусеная, данная Дашковою своей крѣпостной. „Русск. Стар.“ 1873 г., т. VII, 808.

Записка Дашковой къ графу Безбородко. „Р. А.“ 1872 г., стр. 1182.

Письмо Дашковой къ графу Никитѣ Петровичу Шереметеву (1807 г.). „Р. А.“ 1873 г., № 10, стр. 1908—1909.

Письма миссъ Уильмотъ (1805—1807 гг.), отрывки изъ нихъ переведены въ „Р. А.“ 1873 г., № 10, стр. 1825—1908.

В. С.

Отъ Редакціи. Подробная характеристика Дашковой, представленная выше на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, находившихся къ ней въ близкихъ отношеніяхъ, вполне уясняетъ взглядъ, какой, по нашему мнѣнію, необходимо имѣть на ея Записки: это матеріалъ не маловажный для исторіи Екатерины II, но на каждой его страницѣ видѣнъ рѣзкій отпечатокъ характера и ума автора. Къ показаніямъ Дашковой надо относиться очень осторожно и отнюдь не принимать на вѣру всё ея рассказы какъ о себѣ самой, такъ и о тѣхъ лицахъ, съ которыми ей доводилось встрѣчаться въ жизни. Безпристрастіе не было въ числѣ достоинствъ кн. Екатерины Романовны. Поэтому читателя не должны удивлять ни высренныя ея похвалы Екатерины II, ни грубыя, рѣзкія и едва-ли всегда справедливыя черты, приводимыя ею къ характеристикѣ злополучнаго Петра III.

Просимъ не забывать, что «Русская Старина», помѣщая на своихъ страницахъ рассказы кн. Дашковой о ней самой и о ея времени, представляетъ ихъ исключительно какъ матеріалъ, хотя весьма пригодный для исторіи XVIII вѣка и мѣстами очень интересный, но только какъ матеріалъ, подлежащій строгой исторической критикѣ изслѣдователя той эпохи, которой принадлежитъ эта, во всякомъ случаѣ, замѣчательная сподвижница Великой Екатерины.

Настоящій переводъ Записокъ Дашковой сдѣланъ Д. Л. Михалонскимъ непосредственно съ англійскаго подлинника, изданнаго въ Лондонѣ въ 1840 г.

Ред.

Предисловіе англійской издательницы Записокъ Дашковой.

Являясь передъ публикой въ качествѣ издательницы записокъ княгини Дашковой, съ которою я не связана узами родства и, даже, соплеменности, я чувствую себя обязанною объяснить случай и способъ, какимъ образомъ онѣ перешли въ мое владѣніе. Чтобы сдѣлать это и оправдать ожиданіе людей, интересующихся всѣмъ, что касается этой замѣчательной женщины, а равно удовлетворить справедливыя требованія каждаго читателя этой исторіи ея жизни, я принуждена сказать нѣсколько словъ о такой незначительной личности, какъ я. Впрочемъ, я надѣюсь, что мнѣ извинять, если въ настоящее время я буду говорить объ этомъ предметѣ какъ можно менѣе. Для людей, которые пожелали бы знать болѣе обширныя подробности, чѣмъ какія можно вмѣстить на нѣсколькихъ вступительныхъ страницахъ, я рѣшилась, хотя весьма неохотно и съ большимъ колебаніемъ, присоединить къ Запискамъ княгини Дашковой свой собственный рассказъ о моемъ пребываніи въ Россіи, написанный много лѣтъ тому назадъ.

Онѣ былъ посланъ мною покойному Сильвестру Дугласу, первому лорду Гленберви, который сильно заинтересовался этимъ рассказомъ, какъ имѣющимъ связь съ рукописью княгини Дашковой. Я отдала ему эту рукопись для прочтенія, и Дугласъ принадлежалъ къ числу лицъ, въ особенности настаивавшихъ на немедленномъ изданіи ея въ свѣтъ.

Онѣ полагають, что мой рассказъ о пребываніи въ Россіи и выѣздѣ оттуда составилъ бы подходящее дополненіе къ Запискамъ Дашковой. Ободренная такимъ отзывомъ со стороны челоуѣка, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ области вкуса и литературы, и поощренная просьбами еще другой личности, мнѣніе которой имѣло для меня еще болѣе большій вѣсъ, я преодолѣла свою нерѣшимость отно-

сительно этого предмета, главнымъ образомъ подѣ влияніемъ внушенной мнѣ мысли, что мой собственный рассказъ, въ связи съ обстоятельствами, касающимися Дашковой въ преклонной порѣ ея жизни, можетъ представить нѣсколько замѣтокъ относительно позднѣйшей исторіи княгини, по удаленіи ея отъ тѣхъ волнующихъ сценъ, которыя составляютъ главную часть ея собственныхъ Записокъ. Съ этою цѣлю я прибавила кое-какія подробности, излишнія при первоначальной формѣ рассказа, написаннаго въ видѣ письма. Но когда я говорю о княгинѣ, мнѣ трудно остановиться, хотя бы мнѣ угрожалъ рискъ, — сказать слишкомъ много такихъ вещей, по поводу которыхъ я по необходимости должна примѣшивать свое имя къ обстоятельствамъ своего рассказа.

Если бы я считала себя въ правѣ, то могла бы распространить рукопись княгини, включивъ въ эту рукопись, по мѣстамъ, разговоры и анекдоты, которые слышала отъ нея самой и которые княгиня не считала достойными упоминенія. Впрочемъ, къ моему великому сожалѣнію, она въ послѣднее время устала и снѣшила окончить свой трудъ. Я спрашивала ее нѣсколько разъ, почему она не записываетъ тѣхъ занимательныхъ вещей, которыя она рассказываетъ, и получала всегда одинъ отвѣтъ: „Дорогая моя, во мнѣ нѣтъ авторской гордости, и потому вы можете вставить и написать обо мнѣ, — или въ своемъ предисловіи, или въ концѣ своего англійскаго текста, — все, что вамъ угодно сказать о вашей русской матери“.

Замѣчу мимоходомъ, что княгиня была такъ безхитростна, искренна и прямодушна, такъ чужда всякаго притворства въ своихъ поступкахъ, что всѣ ея слова и дѣйствія были ясны и открыты для всѣхъ ее окружавшихъ, какъ-будто всѣ движенія ея ума были видны черезъ оконное стекло и каждый имѣлъ право смотрѣть въ самую глубину ея честнаго сердца.

Для цѣлей этого вступительнаго примѣчанія довольно сказать, что въ 1803 г., будучи тогда еще молодою особой, и, съ согласія моихъ родителей, отправилась на нѣкоторое время въ Россію съ княгиней Дашковой, которая была знакома съ моимъ семействомъ во время своего пребыванія въ Англии и Ирландіи. Они весьма неохотно отпустили меня на два или на три года, уступая моимъ убѣдительнымъ просьбамъ, вызваннымъ моею юношескою любовью къ путешествіямъ, а равно и другимъ побужденіемъ, которое объяснено въ моемъ рассказѣ. Кромѣ того, меня поддерживала мистриссъ Гамильтонъ, дочь архіепископа Райдера, близкая родственница моего отца и задушевный другъ княгини Дашковой. Часто упоминая объ этой необыкновенной женщинѣ съ величайшимъ уваженіемъ и восторгомъ,

она съ моихъ раннихъ лѣтъ возбудила въ моей душѣ живое и пламенное чувство въ пользу княгини.

Когда я пріѣхала въ Россію, княгиня вела уединенную жизнь въ Троицкомъ, своемъ помѣстьѣ въ Московской губерніи, давно уже отъказавшись отъ большаго свѣта и преданная тѣмъ заботамъ объ улучшеніи своихъ помѣстій и благосостояніи крестьянъ, о которыхъ она упоминаетъ въ послѣдней части своихъ Записокъ. Я прожила съ нею пять лѣтъ, и въ теченіе этого времени мы обыкновенно проводили лѣто въ ея имѣніи, а зиму — въ Москвѣ.

Во время продолжительнаго моего пребыванія въ ея домѣ, — гдѣ съ самаго перваго вступленія моего я была окружена такимъ добрымъ вниманіемъ и такою лаской, какія можетъ оказать нѣжный родитель своему любимому ребенку, — моя привязанность къ ней ежедневно усиливалась. Выбстѣ съ тѣмъ, возрастало мое глубокое удивленіе къ ней, когда я видѣла, какимъ уваженіемъ пользовалась она у всѣхъ, находившихся въ сферѣ ея обширнаго вліянія.

Она казалась мнѣ существомъ высшаго разряда и я ловила каждое слово ея, которое бросало какой-нибудь свѣтъ на раннія лѣта ея жизни, и томилась желаніемъ узнать ихъ подробнѣе. Я думала также, что познакомить другихъ со своею личностію есть ея долгъ передъ собою и передъ людьми, которые ее любятъ. Такое вѣрное сердце, такой игривый и воспріимчивый къ веселости нравъ, столь теплыя чувства въ шестидесяти-трехлѣтнемъ возрастѣ, — думала я, — должны быть результатомъ невинной и доброй жизни. Проживъ не болѣе года подъ ея кровлей, я уже рѣшилась высказать мои желанія и съ жаромъ просила ее описать событія ея жизни.

Осенью 1804 года, послѣ нѣкоторой нерѣшимости, она согласилась, и начатый трудъ быстро подвигался впередъ. Она писала по памяти, не прибѣгая ни къ какимъ прежнимъ замѣткамъ; поэтому въ ея Запискахъ, можетъ быть, найдутся нѣкоторые хронологическія неточности. Относительно фактовъ или взгляда на нихъ княгини читатель можетъ быть вполне убѣжденъ, что она была рѣшительно неспособна передавать ихъ пристрастно, подрашивать или другимъ какимъ-нибудь способомъ добровольно представлять въ ложномъ свѣтѣ¹⁾. Истина, простая истина была главнымъ качествомъ ея во всемъ, что она говорила, писала или думала.

Чтобы люди, знающіе Дашкову только по нѣкоторымъ распространеннымъ книгамъ, гдѣ она упоминается или описывается, какъ суетная, хитрая, честолюбивая и даже развратная женщина, могли испра-

¹⁾ Мы будемъ имѣть случаи показать, что это не совсѣмъ такъ. В. С.

вить свои ложныя понятія о ней, для этого имъ будетъ довольно прочесть слѣдующія страницы. Правда, представляемый здѣсь портретъ написанъ ея собственною рукою; это есть ея собственное истолкованіе своихъ побужденій и дѣйствій. Но такова непреодолимая сила его внутренней очевидности, что никакое сомнѣніе относительно его правдивости и добросовѣстности не можетъ существовать ни минуты.

Она была окружена толпою враговъ, созданныхъ единственно ея добродѣтелями въ средѣ развращеннаго и эгоистичнаго двора, гдѣ чистыя качества возвышенной души не могли быть хорошо поняты и гдѣ безкорыстный поступокъ считался личнымъ оскорбленіемъ. Послѣ этого не удивительно, что подобный характеръ сдѣлался предметомъ ложнаго истолкованія и даже клеветы. Далѣе, она была извѣстна почти безграничною любовью и восторженнымъ уваженіемъ къ Екатеринѣ II, которая юному воображенію ея и даже мыслямъ болѣе зрѣлаго ея возраста казалась осуществленіемъ прекраснаго идеала великой и исполненной патріотизма государыни; и изъ этого тоже могло быть выведено заключеніе, что слабости, пятнавшія частную жизнь императрицы, были умышленно не замѣчаемы или раздѣляемы ея преданнымъ другомъ. Если бы княгиня дѣйствительно сочувствовала этимъ слабостямъ, — а для нея часто ставили западню, — то она могла бы избѣгнуть многихъ горестей и пользовалась бы гораздо болѣшимъ и не такъ часто прерываемымъ благоволеніемъ. Но таковъ былъ возвышенный тонъ ея чувствъ, такова была твердость ея правилъ, такъ ея совѣсть была чужда всякихъ сдѣлокъ, что пороки, какимъ бы онъ ни былъ окруженъ почетомъ, всегда возбуждали въ ней честное негодованіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ являлся въ своей оскорбительной наглости, рѣдко избѣгалъ строгаго и презрительнаго отпора съ ея стороны.

Здѣсь нѣтъ надобности распространяться о необыкновенномъ самопожертвованіи и самоотверженіи, которыми запечатлѣны привычки и многія событія ея жизни, упоминаемыя въ этихъ Запискахъ. Однако же, я постараюсь предупредить одно замѣчаніе. Можетъ быть, удивленные или разочарованные читатели скажутъ, что княгиня Дашковой въ своихъ Запискахъ слѣдовало бы войти въ болѣе многочисленныя и точныя подробности относительно обстоятельствъ, которыя повели къ перевороту, впервые выдвинувшему княгиню на сцену и давшему тонъ и цвѣтъ ея послѣдующему существованію. Для нѣкоторыхъ разсказъ ея въ этомъ отношеніи можетъ показаться блѣднымъ и неудовлетворительнымъ. Возможна мысль, что великая перемѣна, произведенная безъ пролитія крови и заключающаяся въ

сверженіи могущественнаго монарха, могла быть совершена только посредствомъ хорошо обдуманнаго и хорошо организованнаго заговора, но никакого слѣда его не видно въ Запискахъ Дашковой. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что успѣхъ въ этомъ отношеніи княгиня приписываетъ скорѣе случаю, нѣмъ какому-нибудь заранѣе составленному плану или проекту; и такъ какъ оказалось, что заговорщики въ своихъ цѣляхъ не руководились никакою комбинаціей, свойственною сложному предпріятію или заговору, то ей почти нечего было рассказывать, кромѣ причинъ, вызвавшихъ такой результатъ, и подробностей, непосредственно ему предшествовавшихъ.

Княгиня Дашкова, какъ это увидятъ читатели, никогда не имѣла привычки преувеличивать свое значеніе. Хотя, говоря о переворотѣ, который возвелъ ея друга и кумира на тронъ, она считаетъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ самымъ блистательнымъ обстоятельствомъ своей жизни,—но и здѣсь она выражается съ обычною безыскусственною простотою, краткостью и чистосердечіемъ личности, которой можно вѣрить на слово и которая никогда не преувеличиваетъ и не приращиваетъ факта, съ цѣлью усилить его эффектъ.

Перехода отъ этого предмета, имѣвшаго высокое политическое значеніе, къ предмету весьма скромному и маловажному, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что, повидимому, противорѣчитъ только что сдѣланному мною замѣчанію. Я говорю о слишкомъ лестныхъ выраженіяхъ, которыми осыпаетъ меня добрая княгиня въ посвященномъ письмѣ и въ послѣднихъ строкахъ ея исторіи. Исполняя свою обязанность въ качествѣ издательницы, я не считаю себя въ правѣ исключить эти похвалы. Не стану также и притворяться, что я сожалею объ этомъ. Сознавая вполнѣ, какъ мало онѣ заслужены, я могу теперь, по прошествіи болѣе тридцати лѣтъ, изъ мотивовъ, чуждыхъ чувства личнаго тщеславія, признаться, что эти изъясненія княгини Дашковой все еще дороги, въ высшей степени дороги моему сердцу. Поэтому умоляю читателей смотрѣть на нихъ снисходительно, единственно какъ на доказательства теплой привязанности и слишкомъ большаго пристрастія княгини Дашковой къ тѣмъ, которыхъ она любила, какъ на выраженія той, которая называла себя моею русскою матерью. Признать съ глубочайшею благодарностью и публично заявить это нѣжное имя уполномочиваетъ меня безграничная доброта, которую княгиня выказала относительно меня во многихъ важныхъ милостяхъ и одолженіяхъ.

Въ числѣ писемъ императрицы Екаторины, относительно которыхъ княгиня выразила желаніе, чтобы они были изданы вмѣстѣ съ ея книгой, нѣкоторыя написаны въ то время, когда она была еще ве-

ликой княгиней, до и около періода переворота. Правда, всѣ письма, которыми Екатерина и Дашкова обмѣнивались другъ съ другомъ относительно этого событія, были изъ предосторожности уничтожаемы обѣими сторонами немедленно по прочтеніи. Но письма, написанныя нѣсколько раньше, и послѣдующія записки и отрывки, составляющіе этотъ сборникъ, были тщательно берегаемы княгиней, какъ воспоминанія объ ея знаменитомъ другѣ. Хотя они едва заслуживаютъ даннаго имъ здѣсь названія писемъ, но все-таки они исполнены интереса, давая живое понятіе объ игривости воображенія и о граціозной веселости Екатерины, а также объ ея склонности къ литературѣ, побуждавшей ее посвящать часы досуга небольшимъ критическимъ статьямъ и сочиненіямъ.

Нѣсколько писемъ и бумагъ княгини, а также нѣкоторыхъ изъ ея знаменитыхъ современниковъ, переданныя мнѣ ею для изданія, тоже будутъ помѣщены во второмъ томѣ.

Въ то время, какъ эта книга приготовлялась къ печати, мнѣ подана была мысль, съ которою я тотчасъ же согласилась, именно, что выборъ изъ писемъ моей старшей сестры могъ бы дать нѣкоторый матеріалъ для лучшаго и очень живаго разъясненія по предмету этихъ мемуаровъ. (Вслѣдствіе радушнаго и настоятельнаго приглашенія княгини, она отправилась въ Россію и прожила съ нами около двухъ лѣтъ,—и здѣсь дѣло идетъ о письмахъ, которыя она посылала къ нашимъ друзьямъ въ Англію въ этотъ періодъ времени).

Дорогая сестра, о которой я говорю (увы! ея уже нѣтъ на свѣтѣ), все еще живетъ въ воспоминаніи многихъ ея друзей и знакомыхъ, которые въ игривыхъ брызгахъ ея пера, помѣщенныхъ въ концѣ этихъ томовъ, узнаютъ слѣды того живаго воображенія и той оригинальности мысли и юмора, которыя придавали жизнь и какой-то особенный характеръ наглядности всему, что она говорила или писала. Эти способности, въ соединеніи съ другими серьезными и милыми качествами и талантами, заставляли искать ея общества и высоко цѣнить его.

Много лѣтъ прошло со времени смерти Дашковой; скончавшейся въ 1810 году; и на вопросъ, почему изданіе Записокъ ея было такъ долго откладываемо, мнѣ трудно было бы дать отвѣтъ, удовлетворительный для себя самой или для публики.

Я должна откровенно признаться, что, по смерти княгини, я думала сперва, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, исполнить ея желаніе и немедленно приступить къ изданію ея Записокъ; но меня удержало то обстоятельство, что одинъ близкій родственникъ княгини не желалъ этого. Не понимая причины его возраженій, я, однако

же, приняла ихъ во вниманіе и отложила рукопись въ сторону. Эти возраженія были для меня тѣмъ болѣе неожиданными, что старшій братъ и самый давнишній другъ княгини, графъ Александръ Воронцовъ, прочелъ и одобрилъ первый томъ, оконченный до его смерти.

Однако же, наконецъ, я вспомнила о своей обязанности относительно покойной княгини. Годы чувствительно напоминаютъ мнѣ, что все, что мнѣ предстоитъ еще сдѣлать въ жизни, не должно быть откладываемо безъ необходимости и что покажѣсть я еще живу, мнѣ слѣдуетъ исполнить долгъ, столь священный для моихъ чувствованій. Завѣщать исполненіе этого долга другимъ—значило бы внушить подозрѣніе въ недостатокъ нравственной бодрости и энергіи съ моей стороны, котораго я, благодаря Бога, не чувствую, или же въ нѣкоторомъ недоувѣрїи въ интересу этого разсказа, или, наконецъ, въ сомнѣнїи на счетъ умѣстности изданія его. Но никакихъ мотивовъ подобнаго рода не существуетъ.

Правда, не мое дѣло объявлять войну писателямъ, которые, говоря о ранней порѣ жизни Екатерины II, злословили княгиню Дашкову. Не обвиняя ихъ въ умышленной клеветѣ, я, тѣмъ не менѣе, считаю справедливымъ замѣтить, что ихъ отзывы о княгинѣ, можетъ быть, необдуманны, но во всякомъ случаѣ показываютъ совершенное незнакомство съ предметомъ. Вслѣдствіе видной роли, которую она играла въ произведенїи переворота 1762 г., имя ея по необходимости было связано съ этимъ событіемъ. Такимъ образомъ, она сдѣлалась историческою личностію; но исторія въ нѣкоторыхъ подробностяхъ неосновательно опозорила ее и ни въ одной не оказала ей справедливости.

Не подлежу ли и я порицанію за то, что раньше не издала оправданія характера княгини Дашковой, которое заключается въ ея простой и безъискусственной автобіографіи,—оправданія, столь полнаго, именно вслѣдствіе того, что она рѣшительно не имѣла намѣренія оправдываться,—это вопросъ, на который я не совсѣмъ готова отвѣчать, хотя мои намѣренія были безупречны.

Но я утѣшаю себя тѣмъ, что безъ меня мемуары, представляемые нынѣ читателю, никогда не были бы написаны; и питаю пламенную надежду, что публика встрѣтитъ одобреніемъ мое пожертвованіе въ пользу дѣла, которое всегда для нея дорого, именно, дѣла истины, и что изъ нижеслѣдующихъ страницъ она познакомится съ личностію Дашковой и отдастъ справедливость той, которая всегда была неизмѣнною поклонницею этого дѣла.

Домъ Ректората. Стортингтонъ.
Февраль 1840 г.

Посвятительное письмо княгини Дашковой къ миссъ М. Уильмотъ.

И такъ, вы желаете, мой юный и дорогой другъ, чтобы я набросала картину моей жизни,— бурной и тревожной или, точнѣе, исполненной горя, отягченнаго моими усиліями скрыть отъ свѣта тѣ сердечныя скорби, жало которыхъ не можетъ быть притулено ни гордостью, ни твердостью духа. Въ этомъ смыслѣ я могу назвать себя мученицей принужденія. Я говорю: мученицей, потому что маскировать свои чувства и казаться не тѣмъ, что я на самомъ дѣлѣ, было всегда къ высшей степени противно и ненавистно моей природѣ.

Мои друзья и родственники уже много лѣтъ тому назадъ побуждали меня къ труду, котораго вы теперь отъ меня требуете. Я противилась всѣмъ ихъ настоятельнымъ просьбамъ, но нахожу себя неспособною отказать вамъ. И вотъ я представляю вамъ исторію моей жизни, эту грустную повѣсть, которую я могла бы превратить въ трогательный романъ. Я посвящаю ее вамъ. Я написала ее такъ, какъ я говорю: безъ приготвленія и съ откровенностью, не подавленною даже предостереженіями горькаго опыта. Правда, я прошла мимо или только слегка коснулась нѣкоторыхъ случаевъ душевной муки, причиненной мнѣ неблагодарностью людей, которыхъ я желала бы оправдать, если бы это было возможно, цѣною собственной жизни. Это суть единственные пункты, гдѣ мое перо отказывалось мнѣ служить, и пробужденное воспоминаніе о нихъ заставляетъ меня содрогаться даже въ настоящую минуту.

Изъ моего разсказа будетъ видно, что садиться въ одинъ корабль съ великими міра есть предпріятіе, исполненное опасности, и что придворная атмосфера гибельна для развитія прямой души. Изъ него будетъ видно также, что безупречная совѣсть можетъ внушить довольно твердости и мужества, чтобы превратить въ ничто злобу тирана, и сдѣлать человѣка, находящагося въ мирѣ съ самимъ собою, способнымъ переносить въ высшей степени незаслуженныя преслѣдованія. Наконецъ, мы можемъ найти здѣсь примѣръ того, какъ рѣдко, при известной степени знаменитости, человѣкъ избѣгаетъ зависти и ея вѣрнаго спутника—клеветы.

Въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, послѣ болѣзней, несчастій и суровой ссылки, живя въ уединеніи и занимаясь единственно благосостояніемъ крестьянъ, я въ первый разъ окинула взглядомъ ткань ложныхъ вымысловъ и гнусныхъ обвиненій, сочиненныхъ и распространенныхъ нѣкоторыми французскими писателями противъ Екате-

терины. Тѣже писатели, какъ-будто считая это необходимымъ довершеніемъ своихъ злостныхъ цѣлей, или же поощряемые распущенностью своего времени, старались также очернить и оклеветать ея безобиднаго друга, Екатерину ¹⁾ маленькую. Въ такихъ сочиненіяхъ я нашла вашу Дашкову, снабженную всѣми пороками, наиболѣе чуждыми ея характеру; она изображается то какъ личность, зараженная самымъ преступнымъ честолюбіемъ, то какъ особа, преданная самому грубому разврату.

Изъ этого легко замѣтить, что жизнь строго нравственная и проведенная большею частію вдали отъ свѣта, которую немногіе умѣютъ цѣнить и которая еще въ меньшемъ числѣ людей способна возбудить зависть, не служитъ защитою противъ напоеннаго желчью пера павильянта, употребляющаго это перо на то, чтобы излить свое ревнивое недоброжелательство или удовлетворить еще болѣе неукротимымъ порывамъ безпричинной злобы. Хотя Екатерина II, какъ извѣстно, оплакивала бѣдствія, навлеченныя иллюминатами и мнимыми философами на Францію, и искала средства противъ этого зла; хотя они боялись могущества этой истинно великой и грозной государыни, — но можно-ли повѣрить, что они хотѣли отомстить за себя, нападая на женщину безъ вліянія въ государственномъ управленіи и стараясь отнять у ней то, что она цѣнила болѣе всего на свѣтѣ: незапятнанную репутацію?

Но такова была жестокость моей судьбы, что послѣ того, какъ небо въ своемъ гнѣвѣ лишило насъ матери, нашей великой и просвѣщенной императрицы; въ то время, когда я уже не могла наслаждаться ея добрымъ расположеніемъ лично ко мнѣ, ни торжествовать по поводу благодарній, которыми она осыпала мою родину, — я сдѣлалась жертвою бѣшеной злобы ея враговъ.

Однако же, мы можемъ надѣяться, что это, какъ и все другое въ здѣшнемъ мірѣ, пройдетъ. И такъ, мой дорогой юный другъ, позвольте мнѣ поговорить съ вами лучше о томъ, что гораздо ближе касается насъ, именно о нашей взаимной дружбѣ. Позвольте мнѣ выразить, если это возможно, какъ глубоко я чувствую и съ какою благодарностію принимаю ваше довѣріе ко мнѣ. Вы представили мнѣ самое трогательное доказательство этого довѣрія, оставивъ свое семейство и отечество и пріѣхавши сюда, чтобы усладить преклонные годы старухи, которая, впрочемъ, можетъ похвалиться тѣмъ, что не прожила ни одного дня исключительно для себя самой.

Должна-ли я говорить вамъ, какъ драгоценно для меня ваше

¹⁾ Имя Дашковой.

общество, какое уваженіе и какой восторгъ внушаютъ мнѣ ваши дарованія, скромность, сердечная веселость въ соединеніи съ тѣми чистыми правилами, которыя руководятъ всѣми вашими поступками? Должна-ли я говорить, какъ много способствовали вы къ успокоенію и услажденію моего существованія? Но гдѣ тотъ языкъ, которымъ было бы возможно выразить вполне эти чувства? Поэтому, ограничусь простымъ увѣреніемъ, что я уважаю, цѣню и люблю васъ со всею силою того любящаго сердца, которое вы научились понимать, и что эти чувства угаснутъ только съ послѣднимъ вздохомъ вашего искренняго друга княгини Дашковой.

Троицкое.

27-го октября 1806 г.

I.

Рожденіе графини Екатерины Воронцовой (впослѣдствіи княгини Дашковой).— Потеря ею своей матери въ дѣтскихъ лѣтахъ.— Ея сестры назначаются во Фрейлины.— Страсть ея къ чтенію.— Направленіе занятій ея.— Мнѣніе ея о Гельвеціѣ.— Ея ранняя любовь къ политикѣ.— Шуваловъ.— Переписка ея съ братомъ, графомъ Александромъ.— Первая встрѣча съ княземъ Дашковымъ.— Ихъ взаимная привязанность.— Посѣщеніе императрицы Елисаветы.— Ея доброты.— Первая встрѣча съ великою княгиней (впослѣдствіи Екатериной II).— Произведенное этою встрѣчею впечатлѣніе.— Бракъ съ княземъ Дашковымъ.— Отъѣздъ въ Москву.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 г.¹⁾ около времени возвращенія императрицы Елисаветы изъ Москвы послѣ ея коронаціи. Ея величество была моею воспріемницей, а ея племянникъ, великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Я могла удостоиться такой чести вслѣдствіе того, что мой дядя, канцлеръ²⁾, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ ея величества; но приписываю ее скорѣе дружбѣ императрицы къ моей матери, которая въ прежнее царствованіе съ великою щедростью и — могу прибавить — съ такою же деликатностью очень часто снабжала ее деньгами, необходимыми при расточи-

¹⁾ Это показаніе кн. Дашковой ошибочно: она родилась 17-го марта 1743 г. См. «Родосл. Кн.», изд. кн. Долгоруковымъ. Ошибочность ея показанія видна и изъ автобіографіи ея брата, Александра Романовича, гдѣ онъ говоритъ, что когда, въ 1745 г., умерла ихъ мать, Екатеринѣ Романовнѣ было два года. «Арх. Воронц.», V, 11.

В. С.

²⁾ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ

тельности Елисаветы и при скудномъ содержаніи, которое она получала, будучи великой княжной.

Я имѣла несчастіе лишиться матери, когда мнѣ было только два года отъ роду, и о многихъ привлекательныхъ качествахъ ея узнала только отъ друзей и отъ лицъ, сохранившихъ о ней благодарное воспоминаніе.

Во время этого событія я жила у своей бабушки въ одномъ изъ ея прекрасныхъ имѣній, и даже тогда, когда мнѣ было уже четыре года, ее съ трудомъ убѣдили разстаться со мною и отдать меня для воспитанія въ другія, менѣе снисходительныя, руки. Канцлеръ, старшій братъ моего отца, лишилъ меня, въ этомъ возрастѣ, любящихъ попеченій доброй бабушки и взялъ меня къ себѣ для воспитанія вмѣстѣ съ единственною своею дочерью¹⁾, впоследствии графиней Строгоновой. Мы жили въ однихъ съ нею комнатахъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, были одинаково одѣты; вся внѣшняя обстановка наша клонилась къ тому, чтобы сдѣлать насъ совершенно сходными другъ съ другомъ. Однако же, во всѣ періоды и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашей жизни не бывало существъ, болѣе несходныхъ между собою. Сказать мимоходомъ, это можетъ служить урокомъ для тѣхъ теоретиковъ, которые обобщаютъ системы воспитанія и методически предписываютъ правила относительно предмета столь важнаго, но столь мало понятаго, который, вслѣдствіе его обширности и разнообразія данныхъ случаевъ, такъ трудно включить въ предѣлы какого бы то ни было общаго плана.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить о фамиліи моего отца. Древность ея и многія блистательныя заслуги моихъ предковъ сдѣлали родъ Воронцовыхъ столь знаменитымъ, какъ только могъ бы желать кто-нибудь другой, болѣе меня способный гордиться происхожденіемъ. Графъ Романъ, мой отецъ, второй братъ послѣ канцлера, былъ молодъ, когда умерла моя мать. Онъ былъ преданъ удовольствіямъ, мало заботился о воспитаніи своихъ дѣтей и передалъ меня дядѣ также охотно, какъ этотъ добрый родственникъ былъ радъ принять меня, изъ благодарности къ моей матери и изъ любви къ нему.

Мои двѣ сестры, старшая — графиня Марія, впоследствии

¹⁾ Анной Михайловной.

графиня Бутурлина, и средняя — графиня Елисавета, впоследствии Полянская, в раннемъ возрастѣ были удостоены благоклонности императрицы. Онѣ еще дѣтми были назначены во фрейлины и жили при дворѣ. Съ моимъ отцомъ жилъ только графъ Александръ, старшій мой братъ, и только его одного я знала съ самаго моего дѣтства¹⁾. Мы часто имѣли случай видѣться другъ съ другомъ и, такимъ образомъ, между нами образовалась ранняя привязанность, превратившаяся потомъ во взаимное довѣріе и въ дружбу, не измѣнившуюся до настоящаго дня²⁾. Мой младшій братъ, графъ Семень, жилъ въ деревнѣ у моего дѣда и я рѣдко видала его даже по возвращеніи его въ городъ. Со своими сестрами я видалась, если возможно, еще рѣже. Я упоминаю объ этихъ частностяхъ, какъ объ обстоятельствахъ, имѣвшихъ въ нѣкоторомъ отношеніи вліяніе на складъ моего характера.

Мой дядя не щадилъ издержекъ, чтобы доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей, и, по понятіямъ того времени, мы получили превосходное воспитаніе. Насъ учили четыремъ языкамъ; по-французски мы говорили свободно; одинъ государственный совѣтникъ (а counsillor of state) давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а Бехтѣевъ (Bechtieff) — русскаго, когда намъ было угодно слушать эти послѣдніе. Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи и имѣли нѣкоторое понятіе о рисованіи.

При подобныхъ свѣдѣніяхъ и непринужденной свѣтской манерѣ, кому бы пришло въ голову считать мое воспитаніе не полнымъ? Но что было сдѣлано для образованія характера или для развитія ума? Рѣшительно ничего. У дяди не было времени,

¹⁾ Въ 1761 г. онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при вѣнскомъ дворѣ; въ концѣ того же года назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Голландію. Въ началѣ 1762 г., вмѣсто Голландіи, опредѣленъ полномочнымъ министромъ въ Англію, гдѣ и находился до 1764 г. Отсюда переведенъ въ Голландію, гдѣ и служилъ до 1768 г. Затѣмъ служилъ при дворѣ и въ 1773 г. пожалованъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и тайнымъ совѣтникомъ, а въ 1779 г. сенаторомъ. Въ 1784 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1794 г. уволенъ отъ службы по прошенію (род. 1741, † 1805 г.). См. его собственныя автобіографическія показанія, «Арх. кн. Воронц.», V, 1—87. Переписка съ нимъ его дяди, Михаила Ларионовича, напечатана тамъ же, стр. 88—156. В. С.

²⁾ Это дѣйствительно видно изъ обширной переписки княгини съ братомъ, напечатанной въ «Арх. кн. Воронц.», V, 157—282. В. С.

а у тетки — ни способности, ни желанія заняться этими предметами.

Въ моей натурѣ было довольно много гордости, смѣшанной, непонятнымъ для меня образомъ, съ необыкновенною нѣжностью и чувствительностью, которыя внушали мнѣ пламенное желаніе быть любимою всѣми окружающими меня людьми съ тою же искренностью, съ какою я сама готова была любить ихъ. Къ тому времени, какъ я достигла тринадцатилѣтняго возраста, эти чувства до того усилились во мнѣ, что, желая приобрести любовь тѣхъ, на которыхъ я сосредоточила чувства своего юнаго и восторженнаго сердца, я вообразила, что не могу найти въ нихъ ни симпатіи, ни привязанности ко мнѣ, и такимъ образомъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, считала себя одиновимъ существомъ.

При такомъ странномъ настроеніи моей души, болѣзнь подошла очень встати для моего воспитанія, по крайней мѣрѣ, относительно моего умственнаго развитія. Я заболѣла около этого времени корью; а какъ тогда, въ видахъ предохраненія великаго князя Павла отъ заразы, указомъ были запрещены всякія сношенія двора съ семействами, зараженными кожными болѣзнями въ родѣ кори и оспы, то едва показались на мнѣ первые болѣзненные признаки, я немедленно была отправлена въ деревню за семнадцать верстъ отъ Петербурга.

Во время этого изгнанія меня отдали на попеченіе одной нѣмки, жены русскаго маіора; оба они были личности, одинаково непривлекательныя и лишеныя всякихъ качествъ, которыя могли бы вызвать къ нимъ какою-нибудь привязанность съ моей стороны. Я не чувствовала къ нимъ ни малѣйшей симпатіи; между тѣмъ болѣзнь, ослабивъ мое зрѣніе, лишила меня послѣдняго прибѣжища и утѣшенія — возможности читать книги. Моя прежняя веселость и рѣзвость смѣнились меланхоліей и мрачными размышленіями обо всей окружающей меня обстановкѣ. Я сдѣлалась серьезною и задумчивою; говорила рѣдко и всегда съ обдуманною цѣлью узнать что-нибудь.

Какъ только я получила возможность читать, я съ жаромъ погрузилась въ книги. Бэйль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были моими любимыми писателями. Я начинала сознавать, что проведенное въ одиночествѣ время не всегда бываетъ самымъ тягост-

нымъ; что та самая чувствительность, которая до сихъ поръ заставляла меня искать одобренія другихъ, теперь побудила меня сосредоточиться въ себѣ самой и развить тѣ умственныя средства, которыя только и могутъ поставить человѣка выше обстоятельствъ. Прежде, чѣмъ я возвратилась въ Петербургъ, мой братъ Александръ уѣхалъ въ Парижъ, и такимъ образомъ я лишилась его теплаго вниманія, съ которымъ равнодушіе большинства окружающихъ меня людей составляло такой печальный контрастъ. Однако же, будучи спокойна и довольна въ обществѣ своихъ книгъ, развлечена или растрогана среди своихъ музыкальныхъ занятій, я чувствовала себя несчастною только внѣ своей комнаты. Я поздно ложилась спать, читая иногда цѣлую ночь, и это обстоятельство, а также мое душевное настроеніе, бывшее причиною его, произвели во мнѣ такую слабость и дали мнѣ такой болѣзненный видъ, что мой почтенный дядя серьезно встревожился, и даже императрица Елисавета обратила на это вниманіе. По приказанію ея величества, меня нѣсколько разъ посѣтилъ главный медикъ ея Бѣргавъ (Bourghave). Послѣ внимательнаго изслѣдованія моей болѣзни, онъ объявилъ, что мой организмъ еще не поврежденъ и что симптомы, испугавшіе моихъ друзей, происходятъ скорѣе отъ душевнаго, чѣмъ отъ физическаго разстройства. Вслѣдствіе такого мнѣнія, меня закидали множествомъ разспросовъ, но не могли заставить меня признаться въ истинѣ, которую, впрочемъ, едва-ли я сознавала сама и которая, если бы сдѣлалась извѣстною, вызвала бы скорѣе упреки, чѣмъ сочувствіе. Описывая состояніе своей души, мнѣ пришлось бы описать и тѣ признаки гордости и чувствительности, которые, не найдя осуществленія для романтическихъ грезъ моей фантазіи, внушили мнѣ заносчивую рѣшимость — искать счастья единственно въ себѣ самой. Поэтому я рѣшилась затаять эти чувства, преобладавшія во мнѣ надъ всѣми другими, приписывая свою блѣдность и вялость моимъ слабымъ нервамъ. Между тѣмъ, мой умъ, вслѣдствіе постоянныхъ упражненій, пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ болѣе силы и энергіи. Читая въ слѣдующемъ году во второй разъ сочиненіе Гельвеція «О разумѣ», я была поражена одною мыслью, которую приведу здѣсь, такъ какъ я осталась при ней и впослѣдствіи, когда обладала уже болѣе зрѣлымъ сужденіемъ. «Если бы», думала я, «это сочиненіе не со-

проводилось вторымъ тономъ, заключающимъ въ себѣ теорію, болѣе согласную съ общепринятыми мнѣніями и существующимъ порядкомъ вещей, то изложенные въ немъ принципы только разстроили бы гармонію и, можетъ быть, расторгли бы узлы, которыя связываютъ разныя части цивилизованнаго общества».

Политика въ особенности интересовала меня съ дѣтскихъ лѣтъ¹⁾. Всѣхъ иностранцевъ, какъ посланника, такъ и художниковъ, и литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ моего дяди, я мучила своимъ ненасытнымъ любопытствомъ. Я спрашивала ихъ о чужихъ странахъ, существующихъ тамъ формахъ правленія и законахъ, и сравненія, вызываемыя ихъ отвѣтами въ моемъ умѣ, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать. Правда, въ то время я не обладала—и не думала, что буду когда-нибудь обладать—мужествомъ для подобнаго предпріятія. Осаждаемая мрачными предчувствіями горя и разочарованія, этими весьма обык-

¹⁾ Княгиня говорила мнѣ, что когда она была еще ребенкомъ, дядя иногда позволялъ ей читать старыя бумаги, относящіяся къ дипломатическимъ переговорамъ и трактатамъ, и что это чтеніе доставляло ей чрезвычайное удовольствіе. Въ числѣ этихъ бумагъ было много любопытныхъ и интересныхъ документовъ; но въ памяти княгини въ особенности сохранилось два изъ нихъ, способные поразить воображеніе ребенка и даже возбудить размышленіе болѣе взрослыхъ людей. Первый изъ нихъ—письмо персидскаго шаха къ Евкратеру I по поводу вступленія ея на престолъ. Послѣ вступительныхъ привѣтствій, шахъ продолжаетъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: «Я надѣюсь, возлюбленная сестра моя, что Богъ не создалъ тебя любительницею крѣпкихъ напитковъ. Я, пишущій къ тебѣ, имѣю глаза, подобные рубинамъ; носъ, похожій на карбункулъ, и щеки, воспламененныя жгучимъ огнемъ; и, благодаря этой несчастной склонности, принужденъ тратить свои дни и ночи на ложѣ злуподучія». Извѣстная любовь императрицы къ водкѣ дѣлаетъ это письмо въ особенности пикантнымъ. Другой документъ рассказываетъ о слѣдующемъ обстоятельстве, которое я передаю собственными словами княгини Дашковой. Однажды (не помню въ чье царствованіе) русскій дворъ отправилъ посольство въ Китай для поздравленія государя этой страны, тоже со вступленіемъ на престолъ; но, не найдя тамъ благосклоннаго приѣма, наши соотечественники возвратились, весьма недовольные результатомъ своего посольства. Однако же, русское правительство, считая не политичнымъ признать подобное неуваженіе, отправило другое посольство въ Китай съ порученіемъ—благодарить за лестный, будто бы, приѣмъ, оказанный первому, и вступить въ переговоры о заключеніи торговаго трактата. На благодарность этихъ пословъ китайскій императоръ отвѣчалъ:

— «Вы очень смѣшны, такъ непомерно гордясь приѣмомъ, который мы оказали вашимъ посламъ. Развѣ вы никогда не слыхали, что когда мы ѣздимъ верхомъ по улицамъ, то не позволяемъ даже послѣднему нищему смотрѣть на насъ?»

Прямъч. мистриссъ Вредфордъ.

новенными спутниками чрезмѣрной воспримчивости, я думала, что всегда останусь такою, какою была въ ту минуту, и содрогалась при мысли о бѣдствіяхъ, для борьбы съ которыми считала себя неспособною. Шуваловъ, фаворитъ императрицы Елисаветы, имѣвшій претензію прослыть за мецената своего времени, узнавъ отъ многихъ бывшихъ у моего дяди литераторовъ, — за которыми самъ онъ ухаживалъ для поддержанія своей репутаціи, — что я страстно люблю чтеніе, предложилъ снабжать меня всѣми литературными новинками, которыя онъ постоянно получалъ изъ Франціи. Это было для меня источникомъ безконечнаго удовольствія, въ особенности въ слѣдующемъ году, когда я, вышедши замужъ, жила въ Москвѣ, гдѣ въ книжныхъ лавкахъ было мало книгъ, которыхъ бы я уже не прочитала прежде; нѣкоторыя изъ этихъ книгъ я уже имѣла въ своей библіотекѣ, состоявшей почти изъ 900 томовъ. Исключительно на эту коллекцію я употребляла всѣ мои карманныя деньги. Въ этомъ году я присоединила къ ней «Энциклопедію» и «Лексиконъ» — Морери; и никогда самыя дорогія бездѣлки не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, какое я чувствовала по поводу этого пріобрѣтенія. Вслѣдствіе привязанности къ моему брату Александру, я, во время пребыванія его за границей, вела регулярную съ нимъ переписку и по два раза въ мѣсяцъ сообщала ему всѣ новости, какія слышала, придворныя, городскія и военныя. Хорошъ или дуренъ былъ мой слогъ впоследствии, но свойствами его я обязана этому журналу, который я вела для своего любимаго брата¹⁾.

Въ іюль и августъ 1759 г.²⁾, о которомъ я теперь говорю, дядя, тетка и кузина жили въ Царскомъ Селѣ, посѣщая императрицу; а я оставалась въ городѣ одна, по случаю легкаго нездоровья, а также вслѣдствіе своей страсти къ занятіямъ и уединенію. Исключая итальянской оперы, посѣщенной мною одинъ или два раза, я никогда не показывалась въ большихъ собраніяхъ; я

¹⁾ Изъ всѣхъ этихъ писемъ Екатерины Романовны до замужества сохранилось только одно, но на немъ стоитъ пометка: «№ 32», что подтверждаетъ извѣстіе княгини о дѣятельной перепискѣ ея съ братомъ. В. С.

²⁾ Это было въ 1758 году; ошибка, вѣроятно, произошла вслѣдствіе невѣрнаго показанія о годѣ рожденія. Это свиданіе должно было происходить въ началѣ іюля или даже, быть можетъ, въ концѣ іюня, такъ какъ 20-го іюля Екатерина Романовна уже писала брату Александру въ Парижъ, что князь Дашковъ просилъ ея руки. В. С.

бывала только у княгини Голицыной,— она и мужъ ея, весьма почтенный и умный старикъ, очень любили меня,— и у г-жи Самариной, жены одного изъ домашнихъ людей моего дяди. Однажды вечеромъ, зайдя къ Самариной, которая была нездорова, я осталась у ней ужинать и отослала свой экипажъ, съ привязаніемъ, чтобы онъ пріѣхалъ за мною въ одиннадцать часовъ и привезъ мою горничную, которая проводила бы меня домой. Это былъ прекрасный лѣтній вечеръ; и когда экипажъ вернулся, сестра Самариной предложила проводить меня до конца спокойной и безлюдной улицы, гдѣ стоялъ ихъ домъ. Я охотно приняла это предложеніе и велѣла кучеру ѣхать впередъ и ожидать насъ тамъ. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, къ намъ приблизилась какая-то высокая фигура, вышедшая изъ другой улицы. При полусвѣтѣ лѣтней ночи, эта фигура представилась моему воображенію исполинскою. Невольно вздрогнувъ, я спросила у моей спутницы, кто это, и въ первый разъ въ жизни услышала имя князя Дашкова. Повидимому, онъ былъ коротко знакомъ съ семействомъ Самариныхъ; вступивъ съ нами въ разговоръ, онъ проводилъ насъ, обращаясь по временамъ ко мнѣ съ тономъ скромной вѣжливости, который сильно расположилъ меня въ его пользу. Эту странную встрѣчу и болѣе чѣмъ благоприятное впечатлѣніе, которое мы произвели тогда одинъ на другаго, я приписывала впоследствии Провидѣнію, предназначившему насъ другъ для друга. Познакомиться обыкновеннымъ путемъ намъ было почти невозможно, а если бы и было возможно, или если бы его имя было когда-нибудь упомянуто въ домѣ моего дяди, то я узнала бы объ одной исторіи, въ которой онъ, къ несчастію, былъ замѣшанъ, что послужило бы сильною преградой противъ нашего союза. Поэтому невѣдѣніе сдѣлалось нашимъ общимъ другомъ и позволило усилиться первому благоприятному впечатлѣнію, которое повело потомъ къ невозвратному обмѣну любви и привязанности между нами. Князь Дашковъ скоро почувствовалъ, что его счастье зависитъ отъ этого союза¹⁾, и, получивъ мое согласіе, тотчасъ же просилъ князя

¹⁾ Княгиня Екатерина Романовна не сообщаетъ никакихъ подробностей о томъ, какъ она болѣе сблизилась съ княземъ Дашковымъ; а между тѣмъ, эти подробности были бы весьма желательны въ виду слѣдующаго извѣстія, повторяющагося у иностранныхъ писателей и приведеннаго также въ «Словарѣ Бантыша-Каменскаго». Въ первый разъ оно встрѣчается у Рюльера: «Однажды

Голицына поговорить въ его пользу съ моимъ отцомъ и дядей, но хранить его намѣреніе въ тайнѣ, пока онъ не повидается со своею матерью въ Москвѣ и не получить ея благословенія ¹⁾).

Мое семейство не противилось этому союзу и мать князя Дашкова, которая до сихъ поръ напрасно убѣждала его жениться, искренно одобрила его выборъ,— хотя онъ передъ тѣмъ отвергнулъ ея собственный,— и дала полное согласіе на нашъ бракъ.

Въ одинъ вечеръ, до отъѣзда князя въ Москву къ матери, императрица Елисавета заѣхала къ намъ ужинать послѣ оперы, гдѣ она была съ моимъ дядею и Шуваловымъ. Намѣреніе ея посѣтить насъ было извѣстно заранѣе, и я осталась дома, чтобы принять ее. Со мною былъ и князь Дашковъ. Ея величество оказала намъ обоимъ вниманіе, исполненное ласки, и, позвавъ насъ въ другую комнату, сказала намъ, со всѣмъ любящимъ участіемъ крестной матери, что она знаетъ нашу тайну и желаетъ намъ всевозможнаго счастья. Она съ большою похвалою отзывалась объ уваженіи князя къ его матери и сказала ему, что

князь Дашковъ (разсказываетъ онъ), одинъ изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ кавалеровъ, слишкомъ свободно началъ говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала канцлера и сказала ему:

— «Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь: просить моея руки».

Не смѣя признаться первому сановнику имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла, князь женился на племянницѣ канцлера, но тотчасъ же отослалъ ее въ Москву, гдѣ она провела два года». Если это извѣстіе и не вѣрно, хотя оно не противорѣчитъ характеру Екатерины Романовны, то, во всякомъ случаѣ, оно рисуетъ намъ то представленіе, которое сложилось въ обществѣ о княгинѣ.

В. С.

¹⁾ 20-го іюля Екатерина Романовна писала брату Александру въ Парижъ: «Зная участіе, которое ты принимаешь во всемъ, что до меня касается, я извѣщаю тебя, что черезъ три недѣли или самое позднее—черезъ мѣсяцъ я сообщу тебѣ позволеніе (или отказъ) моихъ дорогихъ родителей на вступленіе мое въ бракъ; они еще ничего не знаютъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ городѣ. Но этотъ господинъ (князь Дашковъ) отерлся мнѣ и просилъ меня дозволить ему просить согласія моихъ родителей. Я отвѣчала ему, что онъ можетъ это сдѣлать и что это не будетъ для меня неприятно, но что онъ не долженъ ожидать съ моей стороны ничего, несогласнаго съ желаніями тѣхъ, отъ кого я завишу и душою, и тѣломъ. Я прошу тебя, милый братъ, высказать мнѣ твое мнѣніе объ этомъ, такъ какъ ты его знаешь, и не сообщать объ этомъ никому, особенно же моей сестрѣ, такъ какъ его хотятъ женить на одной изъ Бутурлиныхъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта и въ то же время боюсь, чтобы онъ не затерялся. Поэтому, милый братъ, я прошу тебя, не ожидая вѣрнаго случая, который, можетъ быть, представится нескоро, написать мнѣ цифрами. «Арх. кн. Воронцова», V, 158.

В. С.

фельдмаршалъ, графъ Бутурлинъ, получилъ отъ нея приказаніе дать ему отпускъ для поѣздки въ Москву. Ласковый и матерински-нѣжный тонъ ея величества и участіе, которымъ она удостоила насъ, тронули меня до такой степени, что я не могла скрыть своего волненія. Замѣтивъ это, императрица ласково потрепала меня по плечу и, поцѣловавъ меня въ щеку, сказала:

— «Успокойся, мое милое дитя, иначе всѣ друзья твои подумаютъ, что я побранила тебя».

Я никогда не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня къ этой милостивой и доброй государынѣ.

Въ эту же зиму, въ домѣ моего дяди однажды ужинали и провели цѣлый вечеръ великій князь, впоследствии Петръ III, и великая княгиня, названная потомъ такъ справедливо Екатериною Великой. Обо мнѣ уже говорили ея императорскому высочеству многіе изъ посѣтителей моего дяди, какъ о молодой особѣ, которая почти все свое время посвящаетъ чтенію, и вообще отзывались обо мнѣ со всевозможными похвалами. Уваженіе, котораго она удостоивала меня впоследствии, имѣло своимъ источникомъ составленное, такимъ образомъ, заранѣе предубѣжденіе въ мою пользу. На вниманіе императрицы я отвѣчала энтузіазмомъ и преданностью, и они вовлекли меня потомъ въ сферу дѣятельности, о которой я и не мечтала въ то время, и, болѣе или менѣе, имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Я могу утвердительно сказать, что въ то время, о которомъ я говорю, за исключеніемъ великой княгини и меня, во всей имперіи не было двухъ женщинъ, которыя хоть сколько-нибудь занимались бы серьезнымъ чтеніемъ. Это обстоятельство послужило пунктомъ нашего взаимнаго притяженія; а какъ прелесть ея манеры была рѣшительно непреодолима для всѣхъ, кому она желала понравиться, то можно себѣ вообразить, какое дѣйствіе она должна была произвести на молодую пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, столь воспріимчивую въ подобнымъ чарамъ.

Въ этотъ памятный вечеръ великая княгиня говорила почти исключительно со мною и очаровала меня своимъ разговоромъ. Возвышенность чувствъ и образованность, повидимому, показывали въ ней существо, поставленное природою выше всѣхъ другихъ и превосходившее всѣ прежнія понятія мои о совершенствѣ.

Вечеръ прошелъ быстро, но оставленное имъ впечатлѣніе было

неизгладимо, и его легко прослѣдить во многихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я буду рассказывать ниже.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы, князь Дашевъ, не теряя ни минуты, представился всему моему семейству; но, по причинѣ весьма серьезной болѣзни моей тетки, наша свадьба была отложена до февраля¹⁾. Когда, больная почувствовала нѣкоторое облегченіе, мы отпраздновали свадьбу въ кругу самыхъ близкихъ друзей и затѣмъ, какъ только всякая опасность для моей тетки миновала, мы отправились въ Москву.

Здѣсь открылся для меня новый міръ, съ новыми обязанностями и обстановкой. Я объяснялась по-русски очень плохо, и, къ увеличенію моихъ затрудненій, моя свекровь не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ. Члены семейства моего мужа были, большею частію, люди пожилые и хотя, изъ любви къ князю, они оказывали мнѣ большую снисходительность и, повидимому, были довольны его женитьбой, но я не могла не замѣтить, что я нравилась бы имъ больше, если бы я въ большей степени походила на москвитянку. Поэтому я рѣшилась прилежно заняться изученіемъ русскаго языка и сдѣлала въ немъ такіе успѣхи, что заслужила одобреніе и похвалу этихъ почтенныхъ родственниковъ. Чувства любви и уваженія, вызвавшія съ ихъ стороны дружбу ко мнѣ, я продолжала питать къ нимъ даже тогда, когда образовавшаяся между нами связь давно уже перестала существовать.

II.

Рожденіе дочери.—Упадокъ здоровья императрицы Елисаветы.—Князя потребовали въ Петербургъ.—Припадокъ болѣзни.—Возвращеніе князя.—Трогательная сцена.—Рожденіе сына.—Странная супружеская переписка.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе великому князю и великой княгинѣ.—Анекдотъ о великомъ князѣ.—Его предосудительныя наклонности и привычки.—Его любимые товарищи.—Его возрастающая короткость съ княгиней.—Придворные анекдоты и событія.—Приближающаяся смерть императрицы.—Необыкновенное свиданіе и разговоръ съ великою княгиней.—Самоотверженіе княгини.

21-го февраля (1760 г.), черезъ годъ послѣ нашей свадьбы, у меня родилась дочь, а въ маѣ мы поѣхали съ моею свекровью въ ея имѣніе — Троицкое. Книги и музыка нисколько не утратили

¹⁾ 1759 года. Мужъ Екатерины Романовны, князь Михаилъ Ивановичъ, род. 3-го марта 1736 г. «Арх. кн. Воронцова», V, 158. В. С.

для меня своего очарованія и, съ помощью ихъ, время проходило быстро. Въ іюлѣ я съ княземъ Дашковымъ сдѣлала поѣздку въ его орловское имѣніе; оттуда мы возвратились въ Москву и написали къ моему отцу въ Петербургъ, прося его хлопотать о продленіи истекавшаго срока отпуска для моего мужа.

Между тѣмъ, императрица Елисавета старѣла и слабѣла и придворные обратили свое вниманіе на ея наслѣдника. Это обстоятельство дало великому князю болѣе рѣшительную власть надъ гвардейскимъ Преображенскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ и въ которомъ князь Дашковъ служилъ капитанъ-поручикомъ (second captain). И такъ, съ просьбою о продленіи отпуска еще на пять мѣсяцевъ было необходимо обратиться къ его императорскому высочеству. Эта просьба была вынуждена желаніемъ моего мужа — остаться при мнѣ до моихъ вторичныхъ родовъ. Прежде, чѣмъ дать разрѣшеніе на отсрочку, великій князь пожелалъ видѣть моего мужа въ Петербургѣ, можетъ быть, желая оказать ему особенное вниманіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ этотъ вызовъ мой отецъ и вслѣдствіе того совѣтывалъ ему ѣхать какъ можно скорѣе. Я была неутѣшна при мысли объ этой разлукѣ и до того подавлена горемъ, что перестала наслаждаться своимъ обычнымъ счастіемъ даже въ обществѣ князя. Это отразилось на моемъ здоровьи, и 8-го января (1761 г.), т. е., въ день отъѣзда моего мужа изъ Москвы, я заболѣла лихорадкой, которая сопровождалась бредомъ. Болѣзнь моя произошла единственно отъ душевнаго волненія и потому скорое выздоровленіе я приписывала упорству, съ какимъ я отказывалась отъ всякой медицинской помощи. Черезъ нѣсколько дней я не чувствовала ничего, кромѣ слабости. Я часто плакала и готова была писать къ мужу безпрестанно, хотя бы только для того, чтобы сообщать ему о своей грусти, если бы заботливое вниманіе его младшей сестры не запрещало мнѣ предаваться этой опасной въ моемъ положеніи привычѣ.

Описывая эти чувства и страданія, я должна замѣтить, что въ то время мнѣ не было еще и семнадцати лѣтъ¹⁾, и мнѣ въ первый разъ пришлось разстаться съ мужемъ, котораго я страстно любила.

¹⁾ Княгинѣ было тогда уже почти восемнадцать.

Что касается князя, то ихъ высочества оказывали ему всякое вниманіе, какое только могло сдѣлать для него пріятнымъ пребываніе въ Петербургѣ. Они часто приглашали его на свои прогулки въ Ораніенбаумъ; къ несчастію, подвергаясь на этихъ пикникахъ черезъ-чуръ сильному холоду, онъ серьезно заболѣлъ жабой, которая могла бы имѣть гибельныя послѣдствія для насъ обоихъ. Во время, назначенное для его возвращенія въ Москву, онъ еще страдалъ этою болѣзнью; но, не желая обмануть ожиданій моихъ и своей матери, выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ ѣхалъ день и ночь, нигдѣ не останавливаясь до Москвы. Между тѣмъ, воспаленіе въ его горлѣ до того усилилось, что онъ едва могъ говорить. Поэтому, не желая испугать насъ появленіемъ въ такомъ видѣ, онъ подѣхалъ къ заставѣ, велѣлъ везти себя въ домъ своей тетки, Новосильцовой (Novosiltskoff), въ надеждѣ получить временную помощь, чтобы сколько-нибудь поправить свой голосъ и вообще принять болѣе здоровый видъ. Тетка, увидавъ его въ такомъ положеніи, настояла, чтобы онъ тотчасъ легъ въ постель и послала за докторомъ. Тотъ не совѣтывалъ выпускать его изъ дому, и потому она удержала почтовыхъ лошадей до утра съ тѣмъ, что если онъ къ тому времени достаточно поправится, то поѣдетъ къ своей матери, какъ-будто съ нимъ не случилось ничего особеннаго.

Во время этого промежутка произошла сцена, о которой я даже теперь не могу вспомнить безъ содроганія.

Моя свекровь и сестра ея княгиня Гагарина, помогавшія мнѣ при рожденіи моей дочери, сидѣли въ этотъ самый вечеръ въ моей комнатѣ, вмѣстѣ съ акушервой, каждую минуту готовая оказать мнѣ въ другой разъ такую же помощь. Моя горничная, вѣтренная дѣвчонка, почти однихъ со мною лѣтъ, увидя минуточку, когда я вышла за чѣмъ-то изъ комнаты, торопливо сказала мнѣ, что князь Дашковъ уже въ Москвѣ. Я вскрикнула. Къ счастью, этотъ крикъ не былъ услышанъ въ сосѣдней комнатѣ: между тѣмъ, эта безразсудная горничная продолжала разсказывать, что онъ пріѣхалъ въ домъ своей тетки и отдалъ строгое приказаніе сохранить это въ тайнѣ.

Чтобы составить себѣ понятіе о моихъ мукахъ въ эту минуту, надо вспомнить, какова я была въ то время. Счастье для меня не существовало безъ любимаго предмета моей привязан-

ности и мои, отъ природы пылкія и порывистыя, чувства было легко взволновать, но не легко сдерживать. Я употребила всѣ усилія для того, чтобы оправиться отъ своего волненія и съ возможно спокойнымъ видомъ возвратилась къ княгинѣ. Я начала ей доказывать, что періодъ моего разрѣшенія дальше, чѣмъ мы воображали; и умоляла ее и свою тетку идти въ свои комнаты отдохнуть, обѣщая позвать ихъ въ случаѣ необходимости.

Какъ только онѣ ушли, я побѣжала къ бабуѣ и заклинала ее проводить меня. Я какъ теперь вижу ея кровью налитые глаза, которые она вытаращила на меня въ изумленіи. Добрая женщина вообразила, что я лишилась разсудка, и на своемъ железномъ нарѣчій начала отговаривать меня отъ моего намѣренія:

— «Нѣтъ, я не хочу отвѣчать передъ Всемогущимъ Богомъ за убіеніе невинныхъ», говорила она.

Мнѣ казалось, что она никогда не кончитъ. Я безпрестанно прерывала ее; наконецъ, доведенная отказомъ ея почти до отчаянія, я открыла ей свою тайну, объявивъ, что если не увижу князя собственными глазами, то не переживу своихъ опасеній, думая, что съ нимъ случилось какое-нибудь серьезное несчастіе. Я прибавила, что если она не проводитъ меня къ теткѣ, то никакая сила не помѣшаетъ мнѣ идти одной. Страхъ заставилъ ее, наконецъ, уступить; но когда я сказала ей, что мы пойдемъ пѣшкомъ, чтобы княгиня не услышала подъ своими окнами шума саней и конскаго топота, то, казалось, ноги ея приросли къ полу и я снова начала убѣждать ее, представляя ей всю опасность открытія и всѣ послѣдствія ужаса, который она можетъ произвести. Наконецъ, она совершенно уступила моимъ мольбамъ и съ помощью одного старика, жившаго у насъ въ домѣ и читавшаго молитвы для моей свекрови, повела меня съ лѣстницы. Но едва мы спустились по ней на нѣсколько ступеней, мои боли возвратились съ такою силою, что мои спутники, не теряя времени на убѣжденія, употребили всевозможныя средства заставить меня вернуться назадъ. Я, въ свою очередь, была тоже неумолима; я упорно уцѣпилась за перила и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть меня съ мѣста.

Наконецъ, мы съ трудомъ спустились съ лѣстницы и послѣ частыхъ, все болѣе и болѣе усиливавшихся, припадковъ боли, пройдя двѣ улицы, добрались до дома тетки.

Не знаю, какъ я дошла и какъ взобралась на высокую лѣстницу, которая вела въ комнату моего мужа. Помню только, что, войдя туда, я увидѣла его блѣднымъ и лежащимъ въ постели. Я только взглянула на него и упала безъ чувствъ на полъ. Въ такомъ положеніи я была отнесена домой въ носилкахъ слугами Новосильцевой и уложена въ моей комнатѣ, и похождение мое осталось тайной для моей свекрови и ея сестры. Сильныя боли привели меня въ чувство.

Было одинадцать часовъ; я послала за тетвой и черезъ часъ послѣ того у меня родился сынъ Михаилъ. Моею первою мыслью было — увѣдомить князя о благополучномъ разрѣшеніи моемъ, и я незамѣтно шепнула своей горничной, чтобы она отправила къ нему упомянутаго старика съ этою радостною вѣстью.

Я часто содрогалась при воспоминаніи объ этомъ вечерѣ и о сценѣ, которую мнѣ описывалъ впоследствии князь Дашковъ. Когда я предстала предъ нимъ, подобно призраку, съ сопровождавшими меня гевіями — нахмуренной сидѣлкой и спотыкающимся старикомъ, то онъ принялъ это сперва за горячечный бредъ; но въ тотъ же моментъ, увидавъ меня лежащею безъ движенія на полу, убѣдился въ страшной дѣйствительности этой сцены. Обезумѣвъ отъ угрожавшей мнѣ опасности и сердясь на весь домъ за несоблюденіе его тайны, онъ вскочилъ съ постели и проводилъ бы меня домой; но внезапно появилась его тетка, услышавшая суматоху, и со слезами умоляла его позаботиться скольконибудь о своей собственной жизни, также какъ и о моей. Онъ поворился ея настояніямъ. Сколько муки его, во время промежутка между моимъ появленіемъ и приходомъ моего посланца, были чрезмѣрны, столько же радость его при извѣстіи, которое принесъ ему старикъ, была безумна. Вскочивъ съ постели, онъ бросился къ нему и сталъ сжимать его въ своихъ объятіяхъ; онъ то плакалъ, то смѣялся, далъ старику кошелекъ съ золотомъ и просилъ послать за священникомъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, на которомъ и самъ хотѣлъ присутствовать. Теперь ничто не могло убѣдить его, что онъ тоже нездоровъ; словомъ, во всемъ домѣ всю ночь происходила радостная суматоха. У насъ же все было спокойно до шести часовъ утра, когда княгиня обыкновенно уходила къ обѣднѣ. Въ это время князь Дашковъ, на почтовыхъ лошадяхъ, подѣхалъ къ нашему подѣ-

Ѣзду. Къ несчастію, его мать еще не ушла, но, услыхавъ подъѣхавшій экипажъ, бросилась встрѣтить сына на лѣстницѣ. Его блѣдное лицо и укутанная шея испугали ее; и если бы онъ не схватилъ ее въ свои объятія, то произошла бы неизбѣжно другая трагическая сцена. Сказать правду, обожаніе, которое чувствовали къ нему мать и жена, были такого рода, что могли сдѣлаться причиною семейнаго несчастія, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ. Въ суматохѣ этой минуты, онъ провелъ мать, вмѣсто ея комнаты, въ мою; и радость нашего свиданія, которое она считала первымъ, была нѣсколько сдержана этимъ обстоятельствомъ. Какъ только она нѣсколько успокоилась, то приказала приготовить для сына постель въ своей уборной, которая примывала къ моей комнатѣ; но изъ благоразумной предосторожности, чтобы его болѣзнь не сообщилась мнѣ, запретила всякое сношеніе между нами. Эта разлука, полезная во многихъ отношеніяхъ, была прискорбна для меня: я томила желаніемъ быть его сидѣлкой или, по крайней мѣрѣ, каждую минуту собственными глазами видѣть, что онъ поправляется. Но любовь изобрѣтательна и мы нашли средства для сношеній другъ съ другомъ. Каждый моментомъ, когда за нами никто не наблюдалъ, мы пользовались для того, чтобы писать другъ другу маленькія записочки въ томъ нѣжномъ тонѣ, который болѣе благоразумные и хладнокровные люди сочли бы глупостью, хотя я искренно пожалѣла бы о безсердечіи подобныхъ философовъ.

Сороеъ долгихъ грустныхъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла несчастіе лишиться обожаемаго мужа, но ни за что въ мірѣ я не хотѣла бы утратить воспоминаніе хотя объ одномъ, самомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, которое пролило лучъ удовольствія на его короткую, но безцѣнную жизнь. Посланцемъ для нашей тайной переписки была старуха, приставленная ко мнѣ въ качествѣ сидѣлки и обязанная оставаться при мнѣ по ночамъ. Она часто пробиралась изъ одной комнаты въ другую и ея болѣе чѣмъ полузакрытые глаза дѣлали ее почти невиновною въ этомъ преступленіи. Однако же, черезъ три дня нашъ Меркурій, можетъ быть, изъ жалости къ моимъ глазамъ, превратился въ доносчика и выдалъ нашу тайну моей свекрови, которая прочла намъ обоимъ нотацію на счетъ неблагоразумія и шутливо угрожала отнять у насъ перья и чернила. Къ счастью, въ болѣзнь

моего мужа произошел благоприятный кризисъ; онъ быстро поправлялся и ему было позволено сидѣть у моей постели и наблюдать за скучнымъ процессомъ моего выздоровленія. Мы не возвращались въ деревню, потому что были намѣрены въ скоромъ времени уѣхать въ Петербургъ. Мы часто назначали день для нашего отъѣзда и столько же часто откладывали его по убедительной просьбѣ его любящей матери. Наконецъ, мы отправились въ путь и приѣхали въ Петербургъ 28-го іюня, т. е., того числа, которое, двѣнадцать мѣсяцевъ спустя, сдѣлалось столь памятнымъ и славнымъ для моего отечества.

Я была въ восторгѣ отъ этого путешествія. Я желала снова увидѣть моихъ родныхъ, которыхъ привычки и образъ жизни были такъ не сходны съ тѣмъ, къ чему я привыкла въ Москвѣ, и болѣе согласны съ моимъ вкусомъ и моими наклонностями. Меня въ особенности привлекалъ домъ моего дяди, гдѣ я научилась удивляться изысканной утонченности общества, а также европейскому вкусу мебели и украшеній, которыя давали этому дому право называться княжескимъ дворцомъ. Когда мы въѣхали въ городъ, каждый попадавшійся намъ предметъ доставлялъ новое удовольствіе моему сердцу. Никогда Петербургъ не казался мнѣ такимъ прекраснымъ, веселымъ и великолѣпнымъ. Все было одушевлено живостью моихъ собственныхъ мыслей. Я инстинктивно опустила окна кареты, надѣясь въ каждомъ прохожемъ узнать какого-нибудь друга или родственника и каждый попадавшійся мнѣ предметъ привѣтствовала какъ своего стараго знакомаго. Мною овладѣло какое-то лихорадочное волненіе. Приѣхавъ домой и устроивъ для дочери комнату возлѣ моей, я поспѣшила къ моему отцу и къ дядѣ, совершенно забывъ, что они живутъ на своихъ дачахъ.

Въ слѣдующій день насъ навѣстилъ мой отецъ. Онъ сообщилъ намъ о новомъ, полученномъ отъ двора приказѣ, чтобы всѣ офицеры Преображенскаго полка, приглашенные въ Ораніенбаумъ великимъ княземъ и великою княгиней, отправились туда вмѣстѣ съ своими женами; въ списокъ приглашенныхъ были поименованы и мы. Это было для меня въ высшей степени неприятнымъ извѣстіемъ. Я успѣла уже отвыкнуть отъ стѣсненной придворной жизни и мнѣ чрезвычайно не нравилась мысль о разлукѣ съ моей дочерью. Но отецъ мой предложилъ намъ свой домъ,

находившійся между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ, и мы съ радостью поселились въ немъ. На другой день, по приѣздѣ туда, мы представились ихъ высочествамъ. При этомъ случаѣ великій князь обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— «Хотя вы, кажется, рѣшились не жить въ этомъ дворцѣ, но я рассчитываю видѣть васъ каждый день и надѣюсь, что вы будете проводить больше времени со мною, чѣмъ въ обществѣ великой княгини».

Я не сказала ничего особеннаго въ отвѣтъ, но чувствовала мало расположенія бывать у великаго князя чаще, чѣмъ это было необходимо для соблюденія приличій и избѣжанія поводовъ въ неудовольстію. Нѣкоторая жертва въ этомъ отношеніи была неизбѣжна, чтобы не упустить благопріятнаго случая наслаждаться обществомъ великой княгини и поддерживать ея дружбу и уваженіе ко мнѣ, новыя и очевидныя доказательства которой я получала каждый день. Однако же, частые и равнообразные предлоги, которые я выдумывала, чтобы избѣгнуть общества супруга великой княгини, и рѣшительное предпочтеніе, какое я оказывала ей, не остались незамѣченными. Онъ далъ мнѣ понять это, когда, однажды, удивилъ меня замѣчаніемъ, вполне соответствовавшимъ его нехитрому уму и доброму сердцу, но высказаннымъ съ выразительностію, несвойственною его обыкновенному разговору. Я не переставала удивляться до тѣхъ поръ, пока не открыла личности, которая внушила ему это замѣчаніе:

— «Дитя мое», сказалъ онъ, «вамъ не мѣшало бы помнить, что гораздо безопаснѣе имѣть дѣло съ честными тупицами, подобными вашей сестрѣ и мнѣ, чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина и потомъ бросятъ корку».

Я сдѣлала видъ, будто не понимаю смысла и примѣненія этихъ словъ, и только напомнила ему о томъ, какъ ясно его тетка, императрица, выразила желаніе, чтобы и къ его высочеству, и къ великой княгинѣ мы были одинаково почтительны. При этомъ случаѣ я должна отдать справедливость моей сестрѣ, графинѣ Елисаветѣ. Она настолько понимала различіе нашихъ характеровъ, что не требовала отъ меня того вниманія, которое, вслѣдствіе ея положенія, оказывали ей другіе придворные. Однако же, я увидѣла невозможность постоянно уклоняться отъ собраній великаго князя. Они представляли иногда нѣчто въ

родѣ лагера, гдѣ курить въ обществѣ своихъ голштинскихъ генераловъ было любимымъ удовольствіемъ его высочества. Эти воины были, большею частію, капралы и сержанты прусской службы, лѣнныя сыны нѣмецкихъ башмачниковъ и люди, вышедшіе изъ самыхъ подонковъ народной массы; это были лькомъ шитые генералы, не совсѣмъ недостойные выбора со стороны подобнаго начальника. Вечера оканчивались обыкновенно баломъ или ужиномъ въ залѣ, убранной еловыми вѣтвями и названною нѣмецкимъ именемъ, соответствовавшимъ вкусу ея украшеній и преобладавшей въ этомъ обществѣ фразеологіи, до того приправленной нѣмецкими терминами, что нѣкоторое знаніе нѣмецкаго языка было рѣшительно необходимо всякому, кто не желалъ служить посмѣшищемъ для этой благородной компаніи.

Иногда великій князь давалъ свои праздники на небольшой дачѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Ораніенбаума, гдѣ не было мѣста для многочисленнаго общества. Здѣсь скучная монотонность вечера разнообразилась пуншемъ, чаемъ, табачнымъ дымомъ и смѣшною игрою въ камписъ. Каковъ поразительный контрастъ съ остроуміемъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, отличавшими вечера великой княгини! Эти привлекательныя качества ихъ обезпечили за ними мое предпочтеніе; и если, съ одной стороны, я съ восторгомъ замѣчала, что уваженіе къ намъ ея высочества возрастаетъ, то, съ другой—видѣла, что никто ей не преданъ болѣе искренно, чѣмъ я и князь Дашковъ.

Императрица жила въ Петергофскомъ дворцѣ, гдѣ великой княгинѣ было позволено каждую недѣлю видѣться съ своимъ сыномъ, великимъ княземъ Павломъ. Возвращаясь оттуда, она обыкновенно заѣзжала къ намъ и приглашала меня съ собою въ свой домъ провести остатокъ вечера. Когда что-нибудь мѣшало нашимъ частымъ свиданіямъ, то я получала отъ нея маленькія записочки, и такимъ образомъ между нами возникла дружеская и конфиденціальная переписка¹⁾. Она продолжалась и по возвращеніи великой княгини съ дачи и, въ отсутствіи ея высочества, укрѣпляла и оживляла мою преданность, не знавшую другихъ границъ, кромѣ любви моею къ мужу и дѣтямъ.

¹⁾ Двадцать пять записочекъ великой княгини за это время и въ шестимѣсячное правленіе Петра III напечатаны въ англійскомъ изданіи Записокъ, т. II, стр. 63 — 82.

На одномъ обѣдѣ, данномъ великимъ княземъ во дворцѣ, гдѣ, въ числѣ восьмидесяти особъ, сидѣла за столомъ и великая княгиня, разговоръ зашелъ о Челищевѣ (Tschelischtscoff), гвардейскомъ прапорщикѣ, котораго подозрѣвали въ любовныхъ связяхъ съ графинею Гендриковой, племянницей ея величества. Великій князь, чрезмѣрно возбужденный виномъ, влялся, въ духѣ прусскаго капрала, что онъ велитъ отрубить Челищеву голову въ примѣръ его сослуживцамъ за то, что онъ осмѣлился влюбиться въ родственницу своей государыни. Между тѣмъ, какъ всѣ голштинскіе сикофанты великаго князя знаками и кивками выражали глубокое удивленіе мудрости своего господина, я не могла удержаться отъ возраженія его императорскому высочеству, что подобная мѣра мнѣ кажется слишкомъ жестокою; что если бы даже упомянутое преступленіе было доказано, такое страшное наказаніе далеко ему не соотвѣтствуетъ.

— «Вы—просто дитя», отвѣчалъ онъ, «ваши слова доказываютъ это; иначе вамъ было бы извѣстно, что воздерживаться отъ смертной казни—значитъ поощрять неповиновеніе и беспорядки всякаго рода».

— Но, возразила я снова, ваше высочество изволите говорить о такомъ предметѣ и въ такомъ тонѣ, что подобный разговоръ можетъ крайне встревожить настоящее собраніе. За исключеніемъ этихъ, весьма почтенныхъ генераловъ, почти всѣ, имѣющіе честь сидѣть теперь въ вашемъ присутствіи, жили въ такое царствованіе, когда о подобномъ наказаніи не было и помину.

— «Это ничего не значить», возразилъ великій князь, «или, лучше сказать, въ этомъ-то и состоитъ причина нынѣшняго отсутствія дисциплины и порядка; но, вѣрьте моему слову, вы не больше, какъ дитя, и ничего не понимаете въ этомъ дѣлѣ».

Всѣ другіе молчали и разговоръ, если только это можно назвать разговоромъ, остался за нами двумя.

— Я охотно признаюсь, сказала я, что я совершенно не въ состояніи понять доводы вашего высочества; но я очень помню одно: что ваша августѣйшая тетва еще живетъ и царствуетъ.

Глаза всего общества мгновенно обратились на меня, а великій князь, въ счастію, ничего не отвѣтилъ; онъ только высу-

нуль язвѣтъ, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, для развлечения, въ церкви, дразня священниковъ. Эта гримаса показывала, что онъ въ духѣ и удержала меня отъ дальнѣйшихъ возраженій. Въ числѣ гостей было много офицеровъ гвардіи и кадетскаго корпуса, состоявшаго подъ номинальнымъ начальствомъ великаго князя, и потому содержаніе этого разговора на другой день съ быстротою молніи разнеслось по Петербургу и доставило мнѣ большую извѣстность, которой я, при своемъ незнакомствѣ со свѣтомъ и придворными обычаями, придавала мало значенія. Лестный отзывъ обо мнѣ великой княгини по этому случаю радовалъ меня, какъ все, въ чемъ выражалось ея одобреніе и вниманіе въ моей особѣ; но въ то время я еще не знала, какъ опасно говорить правду государямъ; это преступленіе, можетъ быть, простили бы они сами, но ихъ придворные — никогда. Однако же, этому маленькому событію и нѣсколькимъ другимъ подобнымъ признакамъ смѣлой искренности, доставившимъ мнѣ репутацію женщины съ энергіей и твердымъ характеромъ, я приписываю готовность и даже восторгъ, съ которымъ друзья и сослуживцы князя Дашкова оказывали мнѣ полное довѣріе.

Состояніе здоровья императрицы, давно уже приходившаго въ упадокъ, возбуждало сильное сомнѣніе въ томъ, что она переживетъ наступавшую зиму. По поводу этого обстоятельства я грустила съ большинствомъ своихъ родныхъ, въ особенности съ канцлеромъ. Я грустила не только потому, что любила ея величество, но и потому, что сцены, которыхъ я была въ послѣднее время свидѣтельницею въ Ораніенбаумѣ, показывали, какъ мало надеждъ можетъ возлагать мое отечество на великаго князя, ея наследника. Онъ былъ погруженъ въ самое темное невѣжество, не заботился о счастіи своей страны и не имѣлъ для своего поведенія другаго руководящаго принципа, кромѣ гордости тѣмъ, что онъ есть созданіе короля прусскаго, котораго, въ кругу своихъ голштинскихъ товарищей, онъ обыкновенно величалъ словами: «король — мой господинъ».

Около половины октября было объявлено, что императрицѣ остается жить нѣсколько дней. Въ это время я была больна и не вставала съ постели; но, не думая ни о какой опасности, кромѣ той, которая угрожала великой княгинѣ по смерти царствующей государыни, я, 20-го числа того мѣсяца, встала, заку-

талась въ шубу и поѣхала въ деревянный дворецъ, на Мойкѣ, гдѣ жила императрица и другіе члены императорской фамиліи. Выйдя изъ экипажа въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, я пошла къ заднему подъѣзду того флигеля, который занимала великая княгиня, надѣясь незамѣтно пробраться въ ея комнаты. По счастливой случайности, избавившей меня отъ гибельной ошибки, весьма возможной, такъ какъ я не знала этой части дворца, я встрѣтила старшую камеръ-юнгферу великой княгини, Катерину Ивановну. Сказавъ свою фамилію, я просила ее провести меня тотчасъ же къ ея императорскому высочеству.

— «Она въ постели», отвѣчала камеръ-юнгфера.

— Ничего, сказала я; дѣло, которое привело меня сюда, нельзя откладывать, я должна говорить съ нею теперь же.

Камеръ-юнгфера, зная меня и мою привязанность къ ея госпожѣ, не возражала больше, не смотря на позднее время, и провела меня въ комнату великой княгини.

Ея высочество знала, что я больна, и ей не приходило въ голову, чтобы я рѣшилась подвергать себя холоду въ такую ночь, несмотря на трудность получить доступъ во дворецъ въ подобное время. Поэтому она едва могла вѣрить своимъ ушамъ, услыхавъ мою фамилію.

— «Ради Бога», вскричала великая княгиня, «если это дѣйствительно она, ведите ее ко мнѣ скорѣ».

Я нашла ее въ постели; но прежде, чѣмъ я успѣла произнести хотя одно слово, она сказала:

— «Дорогая моя княгиня, прежде чѣмъ вы расскажете мнѣ, что привело васъ сюда въ такой необыкновенный часъ, постарайтесь согрѣться. Вы, право, слишкомъ пренебрегаете вашимъ здоровьемъ, которое такъ дорого князю Дашкову и мнѣ».

Затѣмъ она просила меня лечь въ постель и, хорошенько укутавъ мои ноги, позволила, наконецъ, мнѣ говорить.

— Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, сказала я, когда императрицѣ осталось жить только нѣсколько дней, можетъ быть даже нѣсколько часовъ, я не въ состояніи долге выносить мысли о неизвѣстности, въ которую будетъ ввергнуто ваше благополучіе приближающимся событіемъ. Неужели невозможно принять какія-нибудь мѣры противъ угрожающей опасности и разогнать тучи, которыя разразятся надъ вашею головою? Ради Бога, довѣрьтесь

мнѣ, я достойна этого и еще болѣе докажу, что вы можете на меня положиться. Составили вы какой-нибудь планъ? приняли вы какія-нибудь предосторожности для огражденія своей безопасности? Удостойте дать мнѣ приказанія и располагать мною.

Великая княгиня, обливаясь слезами, прижала мою руку къ своему сердцу.

— «Благодарю васъ, дорогая княгиня», отвѣчала она, «благодарю такъ, что и выразить не въ состояніи; и съ полною искренностію и правдой объявляю вамъ, что я не составила никакого плана, что я не могу предпринять ничего, и думаю, что мнѣ остается только мужественно встрѣтить все, что бы ни случилось.

РУССКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Секретно-вокрытая переписка.

1790 ¹⁾).

Копія съ писемъ изъ Берлина отъ Адексѣя Михайловича Кутузова: № I — къ князю Николаю Никитичу Трубецкому въ С.-Петербургъ; № II — къ Ивану Владиміровичу Лопухину въ Москву. Иванъ Пестель. Москва, 21-го ноября 1790 г.

23.

А. М. Кутузовъ — къ Н. Н. Трубецкому.

1-го (12) ноября. Берлинъ.

№ I. Любезный другъ! По письму вашему справлялся я касательно ОН: мнѣ сказывали, что она быть можетъ употребляема съ пользою въ эпилепсіяхъ и параличѣ, въ томъ же количествѣ, какъ я прежде писалъ вамъ. При семъ случаѣ узналъ я то, чего прежде не зналъ; что слѣшу сообщить вамъ. Сія соль не терпитъ ничего металлическаго, прикосновеніе оныхъ отнимаетъ или, по малой мѣрѣ, ослабѣваетъ ея силы и дѣйствованіе, и для того надлежитъ брать оную деревянною лопаточкою, а и того лучше костянымъ ножичкомъ, т. е., чтобы и самое лезвіе онаго было костяное; однимъ словомъ, такимъ ножикомъ, каковымъ щеголи очищаютъ пудру.

О себѣ скажу, слава Богу, здоровъ. Работы мои на нѣкоторое время остановились по причинѣ той, что, по зрѣломъ размысленіи, нашли, что извѣстное вамъ обѣщаніе не можетъ быть произведено въ дѣйствіе безъ соизволенія свыше.

На сей недѣлѣ Гелиокулъ писалъ о семъ; по малой мѣрѣ, хо-

¹⁾ См. «Русская Старина» 1874 г., т. IX, стр. 57—72; 258—276.

тѣль писать, ободряя меня, по возможности, съ твердою надеждою, какъ онъ говоритъ, получить желаемое соизволеніе, но до сего времени нѣтъ возможности приступить къ дальнѣйшимъ работамъ, между которыми и сія Θ занимаетъ свое мѣсто, между тѣмъ будетъ, однако-жъ, производить работу весьма важную; но какъ предварительное приготовленіе оной не зависить отъ рукъ человѣческихъ, то и принуждены ожидать сего нѣсколько недѣль съ терпѣніемъ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо изъ моего отечества, въ которомъ увѣдомляютъ меня, хотя и не удостовѣрительно, что наша монархія соблаговолила облегчить нѣсколько состояніе моего несчастнаго друга (Радищева), т. е., возвратить его изъ Сибири, съ запрещеніемъ вѣзжать въ обѣ резиденціи и притомъ не возврата ему чиновъ его. Ежели сіе правда, не умѣшайте увѣдомить меня, ибо сіе послужитъ не мало къ облегченію моей грусти. Не зная, мой другъ, преступленія, не смѣю судить о наказаніи, а и того менѣе о прежнемъ моемъ другѣ. Вы знаете мои правила: извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не престану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть не дозволенное дѣло и ни мало не принадлежитъ къ литературѣ.

Позвольте мнѣ попенять вамъ. Я слышу, совершенно отъ постороннихъ людей, что книга моего друга сдѣлала и меня подозрительнымъ, яко бы участвовавшего въ сочиненіи оной. Сіе простирается даже такъ далеко, что въ Москвѣ справлялись отъ полиціи, скоро ли я возвращусь и не возвратился-ли уже? Но вы ничего о семъ мнѣ не писали. Сіе нѣкоторымъ образомъ непростительно. Легко бы случиться могло, что я, не зная сихъ обстоятельствъ, пріѣхалъ прямо въ руки ищущихъ меня. Хотя совѣсть моя чиста, хотя собственныя мои письма къ несчастному моему другу, ежели токмо суть онѣ въ рукахъ правленія, суть неложныя мои оправдатели; но при всемъ томъ неблагоразумно со стороны моей подвергаться опасности, ежели я могу избѣжать оной. Пожалуйте, увѣдомьте меня обстоятельно. Ежели со мною захотятъ исполнить пословицу: „безъ вины виновать“,—да будетъ святая Божія воля. Ежели и мнѣ запретятъ вѣзжать въ столицу, право, буду доволенъ. Но ежели прострутъ мщеніе дагѣе сего, то лучше жить на хлѣбъ и водъ въ свободѣ, нежели сидѣть въ заточеніи. Люблю мое отечество, люблю до безконечности, но не желаю быть бесполезною жертвою неправосудія.

Но оставимъ сіе, ибо признаюсь, что я сомнѣвался въ правдѣ сего слуха. Простите.

P. S. Ежели увидите съ барономъ Рейхелемъ, прошу принять трудъ засвидѣтельствовать ему мою преданность и почтеніе.

24.

А. М. Бутузовъ — И. В. Лопухину.

1-го (12) ноября. Берлинъ.

№ II. Надѣюсь, любезнѣйшій мой другъ, письмо сіе застанеть тебя, возвратившаго уже твое здоровье. Желаю сего сердечно, прося тебя щадить себя болѣе, нежели ты дѣлаешь. Помни, сердечный другъ, что жизнь твоя многимъ надобна и что она есть сокровище, не тебѣ одному принадлежащее. Я не хочу оскорблять твоей скромности, но прошу, чтобы ты самъ разсудилъ о семъ безпристрастно. Благодарю тебя за пріятное увѣдомленіе объ облегченіи участи несчастнаго моего друга; дай Боже, чтобъ сей слухъ былъ справедливъ. Я радвался бы его несчастію, еслибъ оно послужило къ его обращенію; не знаю отчего, но мнится мнѣ, что оно воспользуетъ его, ежели онъ войдетъ въ самага себя и усмотритъ на самомъ дѣлѣ, сколь все не твердо и скользко въ мірѣ семъ. Ты справедливо судишь о моихъ правилахъ, я ненавижу возмутительныхъ гражданъ,—они суть враги отечества и, слѣдовательно, мои. Но надлежитъ дѣлать различіе между преступленіями, или, лучше сказать, разсматривать первый оныхъ источникъ. Мнѣ кажется, что мой другъ (Радищевъ) неудобенъ имѣть злыхъ намѣреній; но несчастіе его находится въ заблужденіи. Признаюсь, я люблю вольность, сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ; но при всемъ томъ увѣренъ, что истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не въ нарушеніи оныхъ, и что не имѣющіе чистаго понятія о вольности неудобны наслаждаться симъ сокровищемъ. Права и законы природы вездѣ одинаковы, всѣ цѣпи степенями, нѣтъ нигдѣ скачковъ. Неудивительно мнѣ, что несчастнаго моего друга называютъ мартинистомъ, ибо сіе имя даютъ каждому безъ всякаго разбора; да и какъ сему быть иначе, когда ни о чемъ не размышляютъ, даже и самое слово мартинистъ есть, по сіе время, загадка, которую они не рѣшили. Я слышалъ, что меня подозрѣваютъ соучастникомъ сочиненія Радищева, котораго, правду сказать, я совершенно не знаю, что сіе простирается такъ далеко, что уже обо мнѣ справлялись изъ полиціи. Отпишите, пожалуй, что сіе значить, ибо симъ не надлежитъ шутить. Прости, мой другъ.

Копія съ писемъ: № I—изъ Лейдена отъ Максима Невзорова и Ивана Колокольниковъ къ Ивану Владиміровичу Лопухину въ Москву; № II—изъ Москвы отъ учителя Секретана къ контролеру Секретану въ Лаузанъ; № III—изъ Лаузана отъ г. Шателаната къ г. Форвероду въ Москву. Ориги-

налы доставлены по ихъ надписямъ. Иванъ Пестель. Москва, 29-го ноября 1790 г.

25.

Максимъ Невзоровъ и Иванъ Колокольниковъ—И. В. Лопухину.

6-го ноября. Лейденъ.

№ I. Любезный другъ и благодѣтель, Иванъ Владиміровичъ! Послѣднія ваши два письма съ первымъ и вторымъ векселемъ на 725 флориновъ мы получили, за что приносимъ чувствительнѣйшую нашу благодарность. Завтра отправляемся мы въ путь, по совѣту вашему, въ Швейцарію, гдѣ останемся или въ Бернѣ, или въ Лаузанѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ чрезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ, мы не тогмо минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи.

Отъ послѣдняго сего векселя мы потерпѣли не малый убытокъ, ибо банкиръ Шнейдеръ, на котораго г. Гусятниковъ адресовалъ вексель, живетъ въ Лондонѣ и потому мы должны бы его были послать въ Лондонъ для акцептаціи и недѣли двѣ или три дожидаться. Безъ акцептаціи же въ Амстердамѣ не платятъ, какъ развѣ только убыткомъ. По крайней мѣрѣ, Гусятниковъ долженъ бы вамъ сказать, къ кому надобно въ Амстердамѣ адресоваться, если вексель на лондонскаго банкира адресованъ.

Впрочемъ, мы живы и здоровы. Изъ Швейцаріи какъ можно скорѣе васъ увѣдомимъ о нашемъ состояніи, теперь же поручаемъ себя вашей любви. Да управитъ Господь путь нашъ ко благу ближняго и нашему и да содѣлаетъ насъ достойными вашего желанія и намѣренія. Ваши покорные слуги и братья Максимъ Невзоровъ и Иванъ Колокольниковъ.

26.

Учитель Секретанъ—контролеру Секретану, въ Лозанѣ.

26-го ноября. Москва.

№ II. (Переводъ съ французскаго). Отецъ увѣдомляетъ меня, что братъ мой Викторъ, по приѣздѣ въ Силезію, имѣлъ счастье обрѣсти помощь въ лицѣ добраго соотечественника, единственной личности, отъ которой онъ могъ ожидать помощи въ этомъ краѣ; что ему доставили мѣсто военнаго лекаря со скромнымъ жалованьемъ 5 эку въ мѣсяцъ. Но такъ какъ этого не достаточно для существованія, то добрый отецъ мой съ своей стороны поддержалъ его тремя луидо-

рами, кромѣ тѣхъ трехъ, которыми ссудилъ Виктора капитанъ Шаппюи (Charpuis) и которые были возвращены отцу этого господина. Онъ говоритъ мнѣ, что Викторъ пишетъ ему, что, полагаясь на обѣщаніе своего полковника и старшаго лекаря, онъ надѣется попасть въ скоромъ времени въ число пятнадцати лекарей гвардіи, служащихъ разсадникомъ для образованія штабъ-лекарей. И такъ, онъ незначительный полковой лекарь войскъ прусскаго короля, безъ средствъ къ поддержанію себя самого, съ отдаленной будущностью попасть въ гвардію и еще того болѣе съ отдаленной надеждой быть когда-нибудь штабъ-лекаремъ; но и въ послѣднемъ случаѣ будетъ-ли онъ имѣть средства? Эти размышленія и предложенныя мнѣ услуги и покровительство лицъ, у которыхъ я живу, утверждали во мнѣ давнюю мысль — вызвать моего брата сюда, если только мои соображенія въ этомъ случаѣ покажутся вамъ основательными, о чемъ убѣдительнѣйше и прошу васъ сказать мнѣ, что въ моемъ намѣреніи кажется вамъ дѣльнымъ, обдуманномъ и взвѣшенномъ. Вы не будете противъ моего намѣренія. Дѣло извѣстное, что здѣшній край — сторона, выгодная для всякаго порядочнаго иностранца, особенно если онъ докторъ или хирургъ, которымъ здѣсь всего лучше и всего вѣрнѣе платять. По множеству причинъ полагаю, что онъ здѣсь отлично обдѣлаетъ свои дѣла и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ имѣть возможность поселиться въ Лондонѣ съ порядочнымъ состояніемъ. Надѣюсь, что годъ, проведенный имъ въ подчиненіи прусской дисциплинѣ, далъ ему нѣсколько опытности и пріучилъ къ порядку. Впрочемъ, въ странѣ слѣпыхъ царствуютъ кривые, и надо пожить здѣсь нѣкоторое время, чтобы убѣдиться, что пословица эта здѣсь вполнѣ у мѣста. Удивительно, сколько людей, при небольшихъ дарованіяхъ, съ наружностью мало-мальски сносною, одѣваясь чистенько, обдѣлываютъ здѣсь свои дѣлишки.

Другая милость, о которой я васъ попрошу, въ томъ состоитъ, не предложите-ли вы какому-нибудь человѣку среднихъ лѣтъ, преимущественно съ добрымъ нравомъ и хорошимъ поведеніемъ и грамотному, пріѣхать сюда весной для присмотра за четырехлѣтнимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйской дочери. Если онъ женатый (что было бы предпочтительнѣе, такъ какъ есть и дѣвочка, для которой желали бы нанять бонну), онъ получить 30 луидоровъ на дорогу и 300 рублей жалованья въ годъ. Одиному дадутъ 15 луидоровъ на дорогу до Петербурга или Риги и 200 р. жалованья въ годъ (кромѣ того, заплатятъ и за обратный путь), на всемъ готовомъ, исключая одежды, и сверхъ того, подарки. Могу поручиться, что семейство, въ которое онъ поступитъ, щедрое и почтенное; я люблю его столько же, на сколько и оно при-

взяно ко мнѣ, и желалъ бы услужить имъ, одолживъ человѣка способнаго, который желалъ бы воспользоваться симъ предложеніемъ.

Если бы нашелся и другой порядочный человѣкъ, и его приняли бы на тѣхъ же самыхъ условіяхъ въ домъ, въ которомъ я нахожусь.

Говорятъ, недавно взяли у турокъ Килію (Kilia) и Гиржево (Guirgevo); вы, можетъ быть, знаете лучше насъ, на сколько эти извѣстія вѣрны, и будетъ-ли заключенъ миръ, или нѣтъ. Да ниспшлетъ его Богъ нашему дорогому отечеству, да отверзнетъ очи нѣкоторымъ изъ согражданъ нашихъ, одержимыхъ слѣпотою, и да благословитъ добраго и мудраго государя нашего.

Прося васъ принять искреннее пожеланіе вамъ всего лучшаго, остаюсь съ истинною привязанностію, живѣйшею благодарностію и глубочайшимъ уваженіемъ

Вашимъ поворнымъ слугою Ф. Секретанъ.

27.

Г. Шателана — г. Форнероду ¹⁾.

5-го ноября. Лозанна.

№ III. (Переводъ съ французскаго). Я не ожидалъ, дорогой и давній товарищъ, чтобы классъ Моржа (la classe de Morges) могъ быть для васъ привлекателенъ, такъ какъ у него иные интересы, а ваши связи сосредоточены преимущественно на классѣ Пайенъ (Payerne); но объ этомъ увѣдомилъ меня, однако, другъ нашъ Бронъ (Bron), которому вы выслали полномочіе ваше. Онъ думаетъ также, какъ и я, что какъ бы, впрочемъ, намъ ни было пріятно поддержать прежнія отношенія наши, но, какъ я говорю, онъ думаетъ, что производство Бонжура (Bonjour) въ діаконы въ Аваншѣ (Avalanche) и избраніе Тавеля (Tavel) въ его помощники, происшедшія вслѣдъ за его послѣднимъ письмомъ, суть обстоятельства, весьма способствующія, чтобы вы на сей классъ обратили ваши виды, такъ какъ при первой вакансіи въ классѣ Пайенъ вы будете въ немъ назначены помощникомъ. Такимъ образомъ, ожиданія ваши будутъ не такъ продолжительны, какъ вы думаете. Не худо вамъ знать это, о семъ уполномоченный вашъ и не замедлилъ бы увѣдомить васъ, если бы я не взялъ на себя присовокупить эту замѣтку, составляющую главный предметъ моего письма.

И такъ, предполагая, что до новаго назначенія вы будете дѣйствовать въ видахъ класса Моржа, прошу у васъ, другъ мой, милости, пособить мнѣ получить мѣсто діакона въ Ніонѣ (Nion), если мѣсто это

¹⁾ Живущему на Стоженѣ, въ домѣ князя Касаткина. Прим. Пестеля.

будеть первоначальное. Тамъ сосредоточены всѣ мои интересы съ того времени, какъ я началъ работать, тѣмъ болѣе, что это единственное мѣсто, съ котораго я могу перейти въ классъ Моржа. Разумѣется, я уберегу вамъ тамошнее положеніе ваше, въ чемъ формально обязуюсь предъ общимъ другомъ нашимъ.

Что же касается до другихъ должностей, я ни объ одной изъ нихъ въ настоящее время просить васъ не могу. По множеству причинъ, пребываніе мое полезно и даже необходимо для моего семейства особенно въ окрестностяхъ Женевы, а потому я рѣшусь оставить занимаемый мною постъ въ Аваншѣ, находящійся на разстояніи только $\frac{1}{4}$ мили оттуда, единственно для перехода въ Нюнъ, гдѣ дѣла мои не дозволяютъ упускать благоприятнаго случая къ повышенію. Конечно, всѣ эти обстоятельства, какъ они для меня ни важны, могутъ измѣниться въ самое короткое время. Можетъ случиться, напримѣръ, что мѣсто, занимаемое мною въ Каружѣ (Carouges), которое никогда не было прочнымъ, будетъ упразднено.

Тогда, не упуская изъ виду Нюнъ, къ которому имѣю основательныя причины быть пристрастнымъ, я не отказался бы отъ всякаго другаго мѣста, служащаго переходомъ въ этотъ разрядъ. Поэтому-то, любезный другъ, я и прошу васъ прислать сколь возможно скорѣе послѣднія ваши инструкціи другу Брону, дабы мы могли въ точности согласоваться съ вашими теперешними намѣреніями.

Вотъ какъ, мнѣ кажется, вы могли бы выразиться, если бы намѣрены были оказать мнѣ услугу, примиряя ваши виды съ моими. Хотя я и уполномочилъ пастора Брона по отношенію назначенія моего въ классъ Моржа, но согласенъ, чтобы пасторъ Шателана (Chatelanat), если онъ имѣетъ быть назначенъ моимъ помощникомъ, получивъ мѣсто діакона въ Нюнѣ, или какое-либо другое первоначальное мѣсто (poste d'entrée), которое ему возможно будетъ принять въ этомъ классѣ, съ условіемъ, чтобы пасторъ Шателана сохранилъ мнѣ мое положеніе, какъ старшаго.

Говорю, если онъ назначенъ будетъ вмѣстѣ со мной, потому что еще неизвѣстно, буду-ли я назначенъ при 1-й вакансіи; ибо Тетрецъ (Tetrez) настойчивѣе прежняго возобновилъ свои притязанія къ распространенію дѣйствія своего диплома св. Маріи на классъ Моржа; но я надѣюсь, что, наперекоръ ему и его интересу, это не осуществится. Старшина (doyen) только что сообщилъ мнѣ объ этой замѣчательной претензіи. Я на нее отвѣчу за васъ и за себя, и отлично его отдѣлаю. Правота на моей сторонѣ, и если только не будетъ сдѣлана несправедливость, чего нельзя примирить

съ мудростью нашего правительства (особенно въ настоящее время), имѣю основаніе думать, что этотъ безстыдный претендентъ получить такой же позорный отказъ, какъ получилъ и прежде. Но помѣха для васъ и для меня—этотъ Тетрець, мой дорогой Форнеродъ (Fognerod), и не единственная помѣха попасть въ классъ Моржа. Къ ней надо прибавить еще препятствіе, заключающееся въ трехъ существующихъ прелатствахъ и четырехъ лицъ живыхъ, имѣющихъ дипломы, тормозящихъ дѣло и могущихъ насъ срѣзать въ то время, когда бы мы того всего менѣе ожидали. Другъ нашъ Бронъ еще недавно пополнилъ списокъ этихъ блаженныхъ избранниковъ за службу свою въ коллегіи Моржа. Эту новость, съ которой я отъ всей души его поздравилъ, онъ просилъ передать вамъ вмѣстѣ съ другою о безвременности его жены.

Кстати о женахъ; не подумайте-ли и вамъ объ этомъ, дорогой Форнеродъ, если сѣверные льды не заморозили въ васъ чувства? Если сблизитесь съ нами, не обижайте вашихъ милыхъ соотечественницъ, иначе, по возвращеніи, будете приняты ими дурно. Повѣрьте мнѣ, приготовьте заранее внести свою дань, дабы взносъ былъ отъ чистаго сердца, и сдѣлайтесь во всѣхъ отношеніяхъ нашимъ дорогимъ и возлюбленнымъ собратомъ. И такъ, до свиданія. Примите покуда увѣреніе въ нѣжнѣйшей о васъ памяти и сердечныхъ чувствованіяхъ Гейнриха Шателана.

P. S. Хотя я живу въ Коружѣ, откуда и пишу вамъ сего 5-го ноября 1790 г., но адресъ мой—Женева. И такъ, отвѣчайте возможно скорѣй по адресу этому, ибо теперь каникулы.

Г-ну пастору Шателана у г. Шосса (Chossat). Площадь Вель-эръ въ Женевѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Вибліотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

1796 ¹⁾.

Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ—великому князю.

3-го сентября (1796 г.), пополудни въ 4 часа.

(Копія). Всемилостивѣйшій государь. Вчерась на балѣ король, разговаривая съ государыней, ей говорилъ, что онъ былъ съ великой княгиней Александрой Павловной всегда въ большой публикѣ; не имѣеть случая съ ней прямо познакомиться, а потому и просить, чтобъ ему дать случай за-просто съ нею быть; а потому государыня изволила мнѣ приказать—писать о семъ къ вашему величеству, разсуждая, что таковое свиданіе съ пристойностью быть должно въ присутствіи родителей ея; и для того желаетъ государыня, если ваше величество сами въ пятницу здѣсь не изволите быть, то бы великая княгиня непременно къ обѣду здѣсь была, и какъ положено въ пятницу королю и великимъ князьямъ обѣдать у А. Павловича ²⁾, то и великая княгиня, обѣдавъ тутъ-же, послѣ обѣда возьметъ къ себѣ короля съ регентомъ, тожъ Ливеншу съ великими князьями и великихъ князей съ супругами, и останется съ ними до балу у себя въ своихъ покояхъ за-просто.

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г. т. VIII, стр. 649—690; 853—884; изд. 1874 г. т. IX, стр. 37—56; 277—300.

²⁾ Великій князь Александръ Павловичъ.

Симъ исполнивъ приказаніе, мнѣ данное, подношу письмо отъ К. П., вчерась же еще писанное; онъ совершенно явился передъ вами не таковымъ, какъ бы онъ быть былъ долженъ; отъ великой робости отчего онъ былъ вѣдъ себя. О бытіи у васъ короля завтра я государынѣ доносилъ. В. и. в. г. (графъ) Н. С.

Касательно до вашего въ пятницу сюда приѣзда осмѣливаюсь симъ присовокупить, что оное зависить отъ вашего, точно, собственнаго расположенія, потому что государыня предупреждена, что вы до понедѣльника не были расположены сюда приѣзжать; и такъ, если ѣзда сюда на тотъ день васъ отягощаетъ, то непремѣнной надобности нѣтъ, но въ такомъ случаѣ, какъ изъ письма моего видѣтъ изволили, что неминусемо надобно, чтобъ великая княгиня уже здѣсь была.

Великая княгиня—великому князю Павлу Петровичу.

(Въ пятницу, въ день св. Елисаветы, послѣ обѣдни).

5-го сентября 1796 г.

Добрый, дорогой другъ мой, вотъ вамъ мой отчетъ о первой половинѣ дня. Я приѣхала въ 10 часовъ по нашимъ часамъ, въ 10^{1/2} — по здѣшнимъ: судите, какъ я торопилась. По счастью, императрица не была у обѣдни; она будетъ на балу. Я ее застала въ спальнѣ. Она выслала дѣтей и мы говорили о вчерашнемъ днѣ. Послѣ передачи ей вашего привѣтствія, ея разспросовъ о вашемъ здоровьи, я сказала, что наши гости очень веселились, не стѣснялись и много гуляли; что принцъ Ваза¹⁾ курилъ на вашей половинѣ, а король былъ очень веселъ. Потомъ я передала ей ваше замѣчаніе, что онъ

Copie de ma lettre au Grand Duc du vendredi
jour de la Ste Elisabeth, le 5 septembre 1796 après la
messe.

Mon bon, mon cher ami, me voilà à Vous rendre compte de la première partie de la journée. Je suis arrivée à 10 heures à notre montre mais à 10^{1/2} de celle-ci: ainsi jugez comme je me suis dépêchée; heureusement l'Imparatrice n'a pas été à la messe; Elle paraîtra au bal; je l'ai trouvée dans sa chambre à coucher. Elle a renvoyé les enfants et puis nous avons parlé de la journée d'hier. Après que je lui avais présenté Vos respects et qu'elle m'eût demandé des nouvelles de Votre santé, je lui ai dit que nos hotes se sont bien amusés. qu'ils avaient été à l'aise, qu'ils se sont promenés que le prince de Wasa avait fumé chez Vous et que le Roi avait été très-gai. Ensuite je lui ai dit la remarque que Vous aviez faite qu'il était véritablement amoureux de la petite. c'est-à-dire qu'il en tenait pour elle. La dessus elle me demande s'il Vous l'avait dit lui même, ce à quoi je n'ai pas su répondre. Ensuite elle a parlé de

¹⁾ Регентъ — герцогъ Зюдерманландскій.

дѣйствительно влюбленъ въ малютку, т. е., желаетъ получить ея руку. При этомъ она спросила меня, говорилъ-ли онъ вамъ о томъ самъ? но на это я не умѣла ей отвѣтить. Затѣмъ говорила она о Константинѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и раскаивается; она надѣется, что это послужитъ ему урокомъ на всю жизнь, но что надобно дѣйствовать всѣмъ за одно для его исправленія отъ недостатковъ. Я ей передала, что вы нарочито поручили мнѣ поблагодарить ее за всѣ милости, которыя она вамъ оказала въ этомъ случаѣ. Это было ею очень хорошо принято. Вообще въ ея бесѣдѣ не было никакой натяжки, но, мнѣ кажется, она нездорова. Послѣ обѣда мы соберемся: король, регентъ, Штедингъ, генеральша, обѣ малютки и я. Я придумала, чтобъ никого не стѣснять, заняться дѣланіемъ изъ бумаги камей, потому что, увѣряю васъ, не буду знать, куда дѣваться со своей персоной сегодня послѣ обѣда. Жду — не дождусь, когда опять увижусь съ вами, мой добрый другъ; это чувство преобладаетъ въ моемъ сердцѣ и для меня никогда не будетъ инаго, совершеннаго удовольствія, кромѣ того, которое я буду дѣлить съ вами. Таково ненарушимое убѣжденіе вашей Маши, которая нѣжно обнимаетъ васъ.

Дѣти у вашихъ ногъ. Великая княгиня Елисавета не совсѣмъ здорова. У Константина лихорадка. Императрица говорить, что это у него отъ страха.

Въ тожь же день, въ четыре часа пополудни.

Добрый и дорогой другъ мой, пишу вамъ два слова покуда наши влюбленные сидятъ рядомъ и вполголоса разговариваютъ; и все мнѣ слышится голосъ жениха. Генеральша ¹⁾, Елена и я готовимъ пас-

Constantin, qu'il était véritablement malade et dans la repentance, qu'elle espérait que ce serait une leçon pour la vie, mais qu'il fallait être d'accord pour le corriger de ses défauts. Je lui ai dit que Vous m'aviez bien expressement dit de la remercier de toutes les bontés qu'elle Vous témoignait dans cette occasion. Cela a été fort bien pris; en général elle était très-naturelle, mais je crois qu'elle ne se porte pas bien. L'après diner nous serons le Roi, le régent, Steding, la générale, les deux petites et moi. J'ai imaginé de faire des camées de papier pour mettre tout le monde à l'aise, car je Vous jure que je suis embarrassée de ma figure pour cet après diner. Il me tarde de me revoir près de Vous, mon bon ami, c'est le sentiment prédominant de mon cœur et jamais il n'y aura de satisfaction parfaite pour moi que celle dont je jouirai avec Vous. Ceci est la profession de foi de Votre Macha qui Vous embrasse bien tendrement.

Les enfants sont à Vos pieds. La Gr. Duch. Elisabeth ne se porte pas trop bien. Constantin a de la fièvre, l'Impératrice dit que c'est d'appréhension.

¹⁾ Генеральша Ливень, наставница великихъ княженъ.

ту для слѣпковъ; Анна играетъ, сидя на стулѣ; регентъ и Штедингъ около насъ разсматриваютъ камни. Мнѣ вдумалось предложить регенту—идти курить въ диванную. Штедингъ пошелъ съ нимъ, а я въ эту минуту пишу моему доброму и дорогому другу, что я постоянно о немъ думаю, что онъ постоянно у меня передъ глазами! Обѣдъ былъ хорошъ на вкусъ, но холоденъ, такъ какъ зало очень холодно. Я полагаю, что всѣ эти мелочи позаимуютъ моего муженька, потому и набрасываю ихъ на-скоро. Прощайте, мой дорогой, очень дорогой другъ мой.

(Въ тотъ же вечеръ, по возвращеніи моемъ въ Павловскъ, чтобъ онъ получилъ записку на другое утро при пробужденіи, такъ какъ онъ уже спалъ).

Наконецъ, могу вамъ сообщить, мой добрый другъ, что наши гости въ среду будутъ у васъ въ Гатчинѣ; мнѣ это сказалъ Салтыковъ на балу. Регентъ и Штедингъ не могли еще мнѣ этого сказать на-вѣрное послѣ обѣда; они затруднились выборомъ между воскресеньемъ и средой; но въ воскресенье они должны присутствовать на архіерейской обѣднѣ въ Невской лаврѣ. Свиданіе прошло прекрасно и окончилось самыми нѣжными объятіями. Завтра сообщу вамъ, мой добрый другъ, многое, что васъ позабавитъ, сегодня же вечеромъ меня моритъ сонъ. Тысячу разъ благодарю за вашу записку.

Императрица—великой княгинѣ.

Любезная дочь, приходите ко мнѣ обѣдать въ греческомъ платьѣ, если это не слишкомъ васъ затруднитъ; мнѣ многое надо вамъ пере-

Du même jour à 4 heures de l'après diner.

Mon bon et cher ami, je Vous écris deux mots pendant que nos jeunes promis sont assis à côté l'un de l'autre à se parler bas, et c'est toujours la voix du promis que j'entends. La générale, Hélène et moi nous faisons des patés, Anne joue assise sur une chaise, le régent et Steding sont autour de nous à voir des camées et je viens d'engager le régent à aller fumer dans le Divan. Steding l'y a accompagné et c'est dans ce moment que j'écris à mon bon et cher ami pour lui dire que je pense toujours à lui, qu'il est toujours devant mes yeux. Le diner a été bon pour le manger, mais froid, car la salle l'était beaucoup. J'ai cru que tous ces détails interesseraient mon Moujenka voilà pourquoi je Vous les trace à la hâte. Adieu, mon cher et bien cher ami.

Billet écrit le même soir à mon mari à mon retour à Pawlowsk; mais le Grand Duc était déjà couché aussi c'était pour lui être remis à son reveil.

A la fin je puis Vous dire, mon bon ami, que c'est le mercredi que je suppose que Vous aurez les hôtes à Gatchina, c'est ce que Saltikoff m'a dit au

дать. Очень жаль, что я васъ такъ часто и много беспокою, но чего не сдѣлаешь ради успѣха? Кромѣ того, я должна вамъ сказать, что Константинъ приходилъ вчера съ повинной и съ выраженіями покорности просить прощенія. Я ему объяснила всю его вину по пунктамъ, особенно указала на дерзкое его поведеніе съ отцомъ. Я сказала, что въ ту минуту считала его лишеннымъ ума и здраваго смысла; что съ подобнымъ повѣсой всякая благоразумная семья должна обходиться съ одинаковою строгостью и что одно только постоянно хорошее поведеніе можетъ заставить забыть такого рода проступки. Онъ раскаивается, и я надѣюсь, что это сумасбродство послужитъ ему хорошимъ урокомъ¹⁾. Прощайте, обнимаю васъ.

Великая княгиня—императрица.

Черезъ часъ я буду у ногъ вашего императорскаго величества, чтобъ принести вамъ благодарность за вашу милостивую записку и принять ваши приказанія обо всемъ. Расканіе Константина подаетъ мнѣ хорошую надежду на его исправленіе и на то, что къ нему вернутся милости лучшей изъ бабушекъ, колѣна которой я обнимаю тысячу разъ.

Императрица—великой княгини.

Мнѣ сію минуту сказали, любезная дочь моя, что у васъ обѣдаетъ король, и потому беру навадь мое приглашеніе, чтобъ не разстроивать вашего дня. Завтра я вамъ скажу, что мнѣ надобно. Прощайте, кланяюсь вамъ.

bal. Le régent et Steding n'ont pu me le dire au juste cet après diner, ils balançaient entre le dimanche et ce jour, mais le dimanche ils doivent assister à une messe d'archevêque à Newsky. L'entrevue s'est passée à merveille et s'est terminée par le plus tendre embrassement. J'aurai beaucoup de choses à Vous conter demain, mon bon ami, qui Vous amuseront, ce soir je me meurs de sommeil. Mille grâces pour Votre billet.

Ma chère fille, venez diner chez moi en habit grec si cela ne Vous incommode pas; j'ai différentes choses à Vous dire. Je suis fâchée de Vous tracasser tant et si souvent, mais que ne fait on pas pour le bien des choses? Outre cela, je dois Vous dire, que Constantin hier est venu en toute repentence faire ses soumissions et demander pardon. Je lui ai dit son fait sur tous les articles et

¹⁾ Объ управствѣ и шалостяхъ великаго князя Константина Павловича (въ отроческомъ возрастѣ) см. въ отчетахъ 1789—1790 гг. его воспитателя Лагарпа («Русская Старина» изд. 1870 г., изд. второе, т. II, стр. 193—205).

Половина одиннадцатаго; первая моя записка была написана въ девять часовъ.

Великая княгиня—императрицѣ.

Въ моемъ вчерашнемъ отвѣтѣ я поручила г-ну Салтыкову сдѣлать распоряженія на сегодняшній день согласно приказаніямъ, полученнымъ имъ отъ вашего величества. Такимъ образомъ, до сей минуты, я сама не была увѣрена въ томъ, обѣдаетъ-ли здѣсь король, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, любезнѣйшая матушка, я поспѣю явиться въ Таврической дворецъ за вашими приказаніями, такъ какъ я уже почти готова и моя карета меня ожидаетъ; и такъ, я жду вашихъ приказаній. Г-нъ Салтыковъ, который въ эту минуту входитъ ко мнѣ въ комнату, самъ не знаетъ, что король обѣдаетъ здѣсь.

Великая княгиня—великому князю Павлу Петровичу.

(Копія съ моего письма великому князю).

Воскресенье, утромъ 7-го (18) сентября 1796 г.

Въ эту минуту, мой добрый и дорогой другъ, мнѣ доложили о приходѣ унтеръ-офицера отъ императрицы съ прилагаемой запиской, на которую я отвѣчала, что, согласно ея приказанію, я явлюсь въ Таврической дворецъ и что раскаяніе Константина мнѣ подаетъ надежду на возможность съ его стороны снова заслужить ея милости. Мой отвѣтъ состоялъ всего изъ четырехъ строкъ.

surtout sur son impertinente conduite vis-à-vis de son père. Je lui ai dit que, dans ce moment, je l'ai cru avoir perdu l'esprit et le sens commun; qu'en pareil cas, contre un garnement de cette espèce, toute famille raisonnable faisait cause commune et qu'il n'y avait qu'une bonne conduite soutenue qui pouvait faire oublier des égarements pareils. Il est repentant et j'espère que cette extravagance tournera à son profit. Adieu, je Vous embrasse.

Je serai aux pieds de Votre Majesté Impériale dans une heure, pour la remercier de son gracieux billet et recevoir ses ordres sur tout. Le repentir de Constantin me donne la bonne espérance qu'il se corrigera sûrement et regagnera les bontés de la meilleure des Grandes Mères, à laquelle j'embrasse mille fois les genoux.

On vient de me dire dans ce moment, ma chère fille, que le Roi dîne chez Vous, ainsi je révoque mon invitation pour ne pas déranger Votre journée; je Vous dirai ce que j'ai à dire, demain. Adieu, je Vous salue.

A dix heures et demie: mon autre billet était écrit à neuf heures.

Dans ma réponse d'hier j'ai chargé m-r de Saltikoff de faire les arrangements pour la journée d'aujourd'hui selon les ordres qu'il avait reçus de Votre

Александрина получила вчера прилагаемую записку; вотъ и еще одна, полученная генеральшею. Перстень великолѣпенъ. Императрица, благославляя вчера малютку (какъ она мнѣ сказала), заливалась горючими слезами. Сію минуту получена новая записка отъ императрицы, которая приводитъ меня въ смущеніе. Не знаю, что дѣлать. Салтыковъ говоритъ, что произошло недоразумѣніе и онъ не пригласилъ короля къ обѣду. Онъ отправился въ Таврическій дворецъ, а я теперь ожидаю, что мнѣ дѣлать. Прилагаю при семъ мой черновой отвѣтъ на вторую записку императрицы, а настоящее мое письмо запечатаю только тогда, когда узнаю, что мнѣ дѣлать. Прощайте, мой дорогой другъ; дѣти у ногъ вашихъ, а я васъ обнимаю отъ всего сердца. У меня очень болитъ щека и распухла.

Сію минуту Салтыковъ передалъ мнѣ приказаніе императрицы— явиться къ обѣду въ Таврическій дворецъ и привезти съ собою моихъ двухъ дочерей. Прощайте.

Въ тотъ же день послѣ обѣда.

Мой добрый и дорогой другъ. Полчаса назадъ я вернулась съ обѣда и имѣю о многомъ сообщить вамъ; но, Богъ видитъ, что на это потребовалась бы цѣлая тетрадь, и потому ограничусь сущностью дѣла: вотъ она. Подняли вопросъ объ обрученіи, или объ обмѣнѣ колецъ въ церкви или комнатѣ, которое хотятъ устроить немедленно, какимъ бы то ни было образомъ. Архіереи соберутся, митрополитъ пріѣдетъ

Majesté, ainsi je n'étais pas sûre moi-même, jusqu'à ce moment, si le Roi dine ici ou non, mais dans tous les cas, ma bien chère mère, j'aurai le loisir de venir au Palais Taurique recevoir Vos ordres, car je suis déjà presque prête et ma voiture m'attend; ainsi j'attends Vos ordres. M-r de Saltikoff qui entre dans ma chambre ignore lui même que le Roi dine ici.

Copie de ma lettre au Grand-Duc du dimanche
7 (18) septembre 1796. Dans la matinée.

Dans ce moment, mon bon et cher ami, on m'a annoncé un bas-officier de la part de l'Impératrice avec le billet ci-joint, auquel j'ai répondu que je me conformerai à ses ordres et viendrai au Palais Taurique; que le repentir de Constantin me donne la bonne espérance qu'il remèterait ses bontés. Ma réponse était de 4 lignes. Alexandine a reçu hier le billet ci-joint: voici de même celui que la Générale a reçu: la bague est superbe. L'Impératrice a pleuré à chaudes larmes en bénissant la petite hier, à ce qu'elle m'a dit. Dans ce moment voici un nouveau billet de l'Impératrice qui m'arrive, qui me met dans l'embarras car je ne sais que faire, parce que Saltikoff dit qu'il y a de la confusion et qu'il n'a pas invité le Roi à diner. Il est parti pour le palais Taurique et j'attends donc ce que j'ai à faire. Je joins ici le brouillon de ma réponse au second billet de l'Impératrice et je ne fermerai celui-ci que quand je

сегодня. Въ исторіи нашли примѣръ, что обѣщанія могутъ быть даны уполномоченнымъ. Дочь дѣда Ивана Васильевича была обручена при посредствѣ уполномоченнаго съ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ. Говорятъ, что форма обряда заключается въ обѣщаніяхъ. Императрица спрашивала у меня, прійдете-ли вы завтра, и я вижу, что она сильно желаетъ и что ей очень нужно съ вами поговорить. Она хотѣла бы уже соединить молодыхъ людей такими узамъ, чтобъ это продолжительное отсутствіе не имѣло никакого вліянія на судьбу малютки. Вотъ все, что касается Александрины.

Константинъ былъ въ Таврическомъ дворцѣ, но не могъ тамъ обѣдать, потому что страдаетъ разстройствомъ желудка. Императрица при мнѣ съ нимъ милостиво разговаривала о постороннихъ предметахъ. Сейчасъ онъ былъ у меня. Онъ сильно опечаленъ и раскисивается, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда ему можно будетъ броситься къ вашимъ ногамъ.

Король долженъ прійхать послѣ обѣда. Мы будемъ ужинать въ небольшомъ обществѣ, съ генеральшей (Ливенъ), Шуваловой и Салтыковымъ. Вотъ, мой дорогой другъ, сущность всего; подробности передамъ вамъ устно. Прощайте мой, другъ. Богу извѣстно, какъ я постоянно о васъ думаю: платите мнѣ немного тѣмъ же.

saurai ce que je dois faire. Adieu, mon bien cher ami, les enfants sont à Vos pieds et moi je Vous embrasse de tout mon cœur: j'ai bien mal à ma joue qui est enflée.

Dans ce moment Saltikoff me fait dire que l'Impératrice ordonne que je vienne diner au Palais Taurique et que je prenne avec moi les deux filles. Adieu.

Copie de ma lettre de l'après diner du même jour.

Mon bon et cher ami, je suis revenue du diner depuis une demi heure; j'ai beaucoup à Vous dire, mais Dieu sait qu'il faudrait un cahier, ainsi je me borne à un extrait et le voici. Il s'agit des fiançailles qu'on voudrait faire présentement d'une façon quelconque ou changement de bagues dans la chambre ou à l'église. Les évêques se rassembleront, le métropolitain arrive aujourd'hui; on a trouvé un exemple dans l'histoire que les promesses peuvent se faire par procureur. La fille du grand père d'Iwan Wassiliévitch a été fiancée par procuration à Alexandre, grand-duc de Lithuanie; on dit que la forme du sacrement consiste dans les promesses. L'Impératrice m'a bien demandé si Vous viendriez demain et je vois qu'elle a bien grande envie et besoin de Vous parler. Elle voudrait lier déjà les jeunes gens de façon que cette longue absence ne puisse avoir aucune influence sur le sort de la petite: voilà ce qui regarde Alexandrine. Constantin était au Palais Taurique, mais n'a pas pu y diner ayant la diarrhée. L'Impératrice lui a parlé gracieusement en ma présence de choses indifférentes; il est venu chez moi présentement; il est défait et très-repentant. Attendant avec la plus grande impatience de se jeter à Vos pieds. Le Roi doit

Императрица говоритъ, будто молодой женихъ такъ пламенно желаетъ видѣть малютку, что она даже не знаетъ болѣе, что ей и дѣлать.

Великая княгиня—императрица.

(Послѣ ужина, на которомъ у меня присутствовали король и регентъ).

Воскресенье вечеромъ 7-го (18) сентября.

Дрожайшая матушка, повидимому все устранивается согласно нашимъ желаніямъ. Пользуясь уходомъ гостей, сѣгну сообщить вамъ подробнѣе то, что я могла, дрожайшая матушка, на скоро и вкратцѣ передать вамъ черезъ г. Салтыкова. Разговоръ мой съ королемъ я начала съ того, что сказала ему, какъ груститъ малютка, вида его печальнымъ, какъ беспокоится о немъ и просила его говорить со мной откровенно, какъ съ другомъ.

Онъ возразилъ: „Я уже просилъ ее успокоиться, сказавъ ей, что нѣтъ ничего опаснаго“.

Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, которую я ему оказываю, прибавилъ:

— „Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ“.

Тогда, уловивъ его на словѣ, я отвѣчала:

venir l'après diner; nous souperons entre nous avec la Générale, la Schouvaloff et Saltikoff; voilà, mon cher ami, l'extrait de tout; les détails je Vous les dirai de bouche. Adieu, mon ami. Dieu sait que je pense sans cesse à Vous, rendez moi un peu la pareille.

L'Impératrice dit que le jeune promis est devenu si ardent pour voir la petite qu'elle ne sait plus que faire.

Copie du brouillon de mon billet écrit à l'Impératrice le dimanche 7 (18) septembre au soir, après que le roi et le régent ont soupé chez moi.

Ma très chère mère, il paraît que tout s'arrange selon le gré de nos désirs. Je m'empresse au moment du départ des hôtes de Vous marquer plus au long ce que je n'ai pu Vous faire dire, ma bien chère mère, qu'en hâte et raccourci par m-r Saltikoff. J'ai commencé à dire au roi que la petite était triste de voir qu'il avait du chagrin et qu'elle s'inquiète à son sujet; que je le priai de me parler avec confiance et comme à son amie. Il me répliqua: «je l'ai déjà priée de se tranquilliser, qu'il n'y a rien de dangeureux», me remercia de l'amitié que je lui témoignais, «et», ajouta-t-il, «quand je l'aurai à Stockholm, tous mes chagrins seront finis».

Alors je l'ai pris au mot et je répondis: «mais Vous serez longtemps encore sans Vous voir. Vous Vous aimez mutuellement. (Ceci avait été précédé de beaucoup d'assurances d'amitié des deux côtés et de regrets de se quitter) et je prévois, dis je, que Vous serez en peine d'elle et elle sera en peine de Vous,

— „Но вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга (этому предшествовало множество увѣреній въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ и сожалѣній о предстоящей разлукѣ) и я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ; будете взаимно тревожиться. Сочтемъ примѣрно, сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлукѣ?“

Насчитали восемь мѣсяцевъ и при этомъ у молодого человѣка навернулись слезы на глазахъ.

— „Это очень долго“, прибавила я.

Онъ мнѣ сказалъ: „О, да, очень долго!“

Тогда у меня точно молнія блеснула въ умѣ и я сказала:

— „Вы говорите, что ваши печали окончатся, когда она, будеть съ вами въ Стокгольмѣ! Почему же бы вамъ не ускорить этой минуты?“

На это онъ возразилъ: „Я очень бы этого желалъ, но для этого существуютъ только два времени года: осень и весна,— зимою же это невозможно.“

— „Но“, замѣтила я смѣясь, „отчего бы вамъ не жениться теперь?“

Онъ отвѣчалъ: „Дворъ не въ полномъ сборѣ и апартаменты не готовы“.

— „О“, возразила я, „что касается до двора, его собрать не долго, а если кто кого любить, тотъ не обращаетъ вниманія на

et que Vous Vous inquiétez mutuellement; car, comptons un peu, combien de mois serez Vous séparés?»

Et nous avons trouvé que c'était 8 mois et notre jeune homme eut les larmes aux yeux à ce calcul.

— «C'est bien long», ajoutai-je.

Il me dit: «Oh oui, c'est bien long».

Et je dis alors, il me passa comme une fusée par la tête: «Vous dites que Vos peines seront finies lorsqu'elle sera à Stocholm, eh bien, pourquoi ne hâtez Vous pas cet instant?»

Il répliqua alors: «Je le voudrais bien, mais il n'y a que deux saisons, l'automne et le printemps, car en hiver c'est impossible».

— «Mais», dis je en riant, «pourquoi ne Vous marieriez Vous pas à présent?»

Il me répondit: «Mais la cour n'est pas rassemblée; les appartements ne sont pas prêts».

— «Oh», répliquai-je, «quant à la cour on la rassemble vite, et quant on s'aime bien on ne fait pas attention aux appartements. Vous Vous marieriez, la petite viendrait avec Vous et la chose serait finie».

Alors il répliqua: «Mais la mer est dangeureuse».

апартаменты. Вы женитесь, малютка поѣдетъ съ вами — и дѣло съ концомъ“.

Тогда онъ отвѣчалъ: „Но море опасно“.

Тутъ подала голосъ Александрина: „Съ вами“, сказала она: „я всегда буду считать себя въ безопасности“.

Это весьма тронуло короля, у котораго во все продолженіе разговора были слезы на глазахъ.

Я ему сказала: „Довѣрьтесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣ видѣть окончаніе дѣла?“

— „Очень бы этого желалъ“, отвѣчалъ онъ, „но это зависитъ отъ герцога“.

Тогда я сказала: „Что же, хотите-ли, Густавъ, чтобъ я переговорила съ императрицей? Принимаю это на себя и, конечно, ея величество васъ не окомпрометируетъ“.

Онъ отвѣчалъ: „Да, сударыня, но только чтобы она сдѣлала предложеніе регенту какъ бы отъ себя, но отнюдь не отъ меня“.

Это онъ сказалъ съ большимъ чувствомъ и съ радостью. Очень ласково благодарилъ меня и разговоръ прервался увѣреніями въ дружбѣ и нѣжностями съ малюткою. Онъ часто цѣловалъ ей руки, обнималъ ее и говорилъ самыя нѣжныя вещи. Хорошее расположеніе духа до такой степени овладѣло его сердцемъ, что это отразилось и за ужиномъ, за которымъ онъ былъ разговорчивъ и ласковъ съ

Alexandrine prit la parole et dit: «Je me croirai toujours en sureté avec Vous», ce qui toucha beaucoup le roi qui eut toujours les larmes aux yeux pendant cette conversation.

Je lui dis: «Prenez cofiance en moi, monsieur Gustave; Vous dites que Vous désiriez voir finir la chose plus tôt».

— «Je le voudrais bien», répondit-il, «mais cela dépend du Duc».

Alors je lui dis: «Eh bien, voulez vous, m-r Gustave, que j'en parle à l'Imperatrice, j'en fais mon affaire de lui en parler; sûrement Sa Majesté ne Vous compromettera pas».

Alors il me dit: «Oui, Madame, mais qu'elle en fasse la proposition comme d'Elle même au Régent et pas que cela vienne de moi».

Ceci s'est dit avec joie et sensibilité; il me remercia de la manière la plus affectueuse, et la conversation fut interrompue par des témoignages d'amitié et de tendresse pour la petite, lui baisant souvent les mains, l'embrassant et lui disant les choses les plus tendres. Et la bonne humeur gagna si bien son cœur que le souper s'en ressentit et qu'il fut parlant et caressant même devant le monde avec la petite. Il m'assura qu'il ne parlerait à personne de quoi il avait été question.

малюткой даже при постороннихъ. Онъ меня увѣрялъ, что никому не скажетъ, о чемъ мы говорили.

Великая княгиня—великому князю.

(Копія съ моего письма къ великому князю).

Понедѣльникъ, 8-го сентября, въ часъ по полуночи.

Добрый и дорогой другъ мой, благословимъ Господа: обѣщаній назначенъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ брильянтовой комнатѣ. Онъ будетъ происходить въ присутствіи нашемъ, при дѣтяхъ, при посланникѣ, будутъ еще Эссенъ, Рейтергольмъ, Остерманъ, Зубовъ, Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Свидѣтелемъ обѣщаній будетъ митрополитъ. Все это рѣшилось, достаточное время спустя послѣ ужина Обручальныя кольца будутъ золотыя съ ихъ вензелями. Послѣ обрученія назначенъ балъ въ тронной залѣ. Ея величество поручила мнѣ все это вамъ передать, любезный другъ, и прибавила, что затѣмъ обрученные могутъ придти къ намъ ужинать. Она мнѣ сказала: „Будетъ-ли вамъ достаточно времени, чтобъ приѣхать?“ Я отвѣчала, что, конечно, будетъ, такъ какъ намъ надобно всего пять часовъ на переѣздъ изъ Гатчины. И такъ, благодаря Бога, первая половина дѣла сдѣлана. Король ни мало не затрудняется присутствіемъ митрополита. Покончивъ съ этимъ, императрица, немного спустя, подошла ко мнѣ и приказала ночевать здѣсь, а завтра пригласить короля на завтракъ, чтобъ онъ могъ увидѣться съ малюткой. Тотчасъ послѣ завтрака я сяду въ карету и отправлюсь прямо въ Гатчину. Они явятся ко мнѣ между 10 и 11 часами и останутся до

Copie de ma lettre au grand-duc du lundi, 8 septembre à une heure après minuit.

Mon bon et cher ami, bénissons Dieu, les promesses sont fixées à lundi soir dans la chambre des diamants; elles se feront en notre présence, celle des enfans, de l'ambassadeur, d'Essen, de Reuterholm, d'Osterman, de Zuboff, de Saltykoff et de la générale Lieven. Elles seront faites par le métropolit. Tout cela s'est décidé assez de temps après le souper; les bagues de promesse seront des anneaux en or avec leurs chiffres. Après les promesses il y aura bal dans la chambre du trone. Sa Majesté m'a chargée de Vous dire tout ceci, mon cher ami, et d'y ajouter qu'ensuite ils pourront venir souper chez nous. Elle m'a dit: «mais aurez Vous le temps d'arriver»; je lui ai répondu que «certainement nous en aurions le temps, parce qu'il ne nous fallait que 5 heures pour arriver de Gatchina». Voilà donc, grâce à Dieu, le premier acte baclé et le Roi n'a pas fait la moindre difficulté pour le métropolit. Ceci arrangé, quelque temps après l'Impératrice s'est approché de moi et m'a dit de coucher ici, de donner un déjeuner demain au Roi pour qu'il puisse se voir avec la petite. Dès que le déjeuner

часу. Я приказала взять въ карету холодной говядины, чтобъ не останавливаться въ дорогѣ для обѣда и поскорѣ свидѣться съ вами, мой дорогой другъ. Въ часъ я, безъ сомнѣнія, буду въ каретѣ, а въ пять—надѣюсь быть уже въ Гатчинѣ. Король и регентъ въ среду пріѣдутъ къ вамъ въ Гатчину. Штедингъ все ждалъ васъ, чтобъ имѣть честь вамъ это сообщить. Они выѣдутъ въ восемь часовъ утра и, вѣроятно, пріѣдутъ около часа пополудни. Надѣюсь, мой милый другъ, все это доставить вамъ удовольствіе; я очень рада, сообщая вамъ эти добрыя вѣсти. Конечно, мой дорогой другъ, вы не будете противъ того, чтобъ я здѣсь ночевала, такъ какъ это приказаніе есть слѣдствіе счастливаго устройства дѣла, о которомъ я говорила выше, за что нельзя достаточно возблагодарить Бога. Признаюсь вамъ по совѣсти, что я очень устала сегодня вечеромъ и чуть не заснула на балу. Знаете-ли, любезный другъ, что у меня здѣсь нѣтъ ничего. Александръ уступилъ мнѣ свою постель, генеральша (Ливень) дала ночной чепчикъ и гдѣ-то нашла для меня ночная кофта. Я приказала моимъ камеръ-юнгферамъ, которыя всѣ въ Павловскѣ, не пріѣзжать сюда, а отправиться въ Гатчину. Довольствуюсь Прасковьей, а за Бренной пошлю завтра утромъ. Доброй ночи, любезный другъ, спите хорошо; желала бы, чтобъ уже настало завтрашнее утро для того, чтобъ имѣть извѣстія о васъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу васъ хотя немного думать о вашей Машѣ.

Императрица—великому князю.

Получено въ четвергъ, въ полдень.

Посланникъ говорилъ вчера тоже самое. Надѣюсь, что, съ Божьей

sera fini je me mettrai en voiture et je viendrai tout droit à Gatchina: ils viendront chez moi entre 10 et 11 heures; ils y resteront jusque vers une heure. Je fais prendre de la viande froide en voiture pour ne pas me retarder pour le diner et arriver au plus vite Vous joindre, mon cher ami. A une heure je serai sûrement en voiture et j'espère être à cinq à Gatchina. Le Roi et le Régent viennent mercredi chez Vous à Gatchina. Steding Vous a toujours attendu pour avoir l'honneur de Vous le dire. Ils partiront à 8 heures du matin et ils arriveront donc sûrement pour une heure. J'espère, mon cher ami, que tout ceci Vous fera plaisir: j'en éprouve un grand à Vous donner ces bonnes nouvelles. Sûrement Vous ne trouverez pas mauvais, mon cher ami, que je couche ici, parce que cet ordre est une suite du bon arrangement que j'ai marqué plus haut et dont on ne saurait assez bénir Dieu. Je Vous avoue en conscience que je suis fatiguée ce soir et que j'ai manqué de m'endormir au bal. Savez-vous, mon ami, que je n'ai rien ici: Alexandre m'a prêté son lit, la Générale un bonnet de nuit, et on m'a trouvé une camisole. J'ai fait ordonner à mes femmes, qui sont toutes à Pawlovsk, de ne pas venir ici, d'aller à Gatchina; je me contenterai de la Prascovia et

помощью, все устроится къ взаимному удовольствію. Кланяюсь вамъ обоимъ. Самое трудное сдѣлано.

Великая княгиня—великому князю.

(Копія съ моего письма къ мужу въ то время, какъ онъ находился у императрицы, а я — у дочери въ минуту отъѣзды обрученія, но когда балъ все-таки долженъ былъ состояться въ этотъ злополучный день).

11-го сентября 1796 г.

Малютка рыдаетъ и именемъ Бога проситъ, чтобы ей не быть на балѣ. Говоритъ, что чувствуетъ себя нездоровой. Я все-таки уговариваю ее одѣваться, но она проситъ меня ее оставить. Она очень разстроена.

Императрица—великой княгинѣ.

(На доскутѣ бумаги). Такъ какъ я никакого разрыва не дѣлаю, а хочу только разъяснить дѣло, то у меня голова кругомъ пошла и я заболѣла,—вотъ и все. Я отложила собраніе до другаго дня. Доброга вечера. Завтрашній день пойдетъ своимъ порядкомъ.

Великая княгиня—императрицѣ.

Ваши нѣжныя заботы, ваши милости разсѣютъ эти тучи и возвратятъ разсудокъ тѣмъ, которые въ настоящую минуту его потеряли. Вся моя надежда на васъ, любезнѣйшая матушка. Наша бѣдная малютка въ отчаяніи.

je ferai chercher Brenna demain matin. Bonsoir, mon bon ami, dormez bien, je voudrais déjà être à demain matin pour avoir de Vos nouvelles. Je Vous embrasse de tout mon cœur et Vous prie de penser une peu à Votre Mascha.

Copie d'un billet de l'Impératrice au grand-duc,
reçu le jeudi à midi.

L'Ambassadeur a tenu le même langage hier. J'espère qu'avec l'aide de Dieu tout s'arrangera à la satisfaction réciproque. Je Vous salue tous les deux, le gros est fait.

Copie de mon billet écrit à mon mari pendant qu'il était chez l'Impératrice et que j'étais chez Alexandrine, au moment que les fiançailles avaient été contremandées mais que le bal devait cependant avoir lieu ce malheureux: 11 septembre 1796.

La petite sanglotte et demande au nom de Dieu de ne pas aller au bal; qu'elle ne se porte pas bien; cependant je l'ai engagée à s'habiller, mais elle me conjure de la laisser, elle est extrêmement affectée.

Comme je ne romps pas mais que je veux éclaircir ici les choses, il m'a

Великая княгиня—императрица.

Признаюсь вамъ, любезнѣйшая матушка, что у меня глаза распухли и красны; всё увидятъ, что я плакала, и уставятся на меня. Къ тому же я кашляю. Еслибъ мнѣ было позволено остаться дома, вы бы мнѣ тѣмъ оказали истинную милость ¹⁾).

Императрица—великой княгинѣ.

(На лоскуткѣ бумаги). О чемъ вы плачете? Что отложено, то не потеряно. Вымойте ваши глаза и уши льдомъ, примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Я была больна третьяго дня Вамъ досадно на замедленіе, вотъ и все. Ваша дочь изъ-за этого нездорова; впрочемъ, вашъ супругъ передастъ вамъ, что я ему писала.

Великая княгиня—императрица.

12-го сентября 1796 г.

Король былъ молчаливъ и ни слова не сказалъ на счетъ спорнаго дѣла, но Штедингъ говорилъ о немъ со слезами на глазахъ и просилъ меня еще переговорить съ королемъ. Я отвѣчала, что уже сказала ему все по доброй совѣсти.

Онъ мнѣ возразилъ: „Это дѣло должно уладиться“.

Я отвѣчала, что считаю это нужнымъ для ихъ счастья, „но“, прибавила, „имѣете-ли вы какую-нибудь надежду?“

pris un vertige et suis devenue malade et puis c'est tout, j'ai remis la partie à un autre jour. Bonsoir. La journée de demain ira son train.

Vos tendres soins, Vos bontés éclairciront ces nuages et rendront le bon sens à ceux qui l'ont perdu pour le moment. Tout mon espoir est dans Vous, ma bien chère mère. Notre pauvre petite est désolée.

Je vous avoue, ma bien chère mère, que j'ai les yeux gros et tout rouges, tout le monde verra que j'ai pleuré et me regardera; avec cela je tousse. S'il m'était permis de rester à la maison, Elle me ferait une véritable grâce.

Pourquoi pleurez Vous? ce qui est différé n'est pas perdu. Lavez vos yeux avec de la glace et vos oreilles aussi; prenez des gouttes de Bestoucheff; il n'y

¹⁾ Балъ, на который великая княгиня отказывалась вѣхать, былъ данъ по случаю дня рожденія великой княжны Анны Павловны (12-го сентября); см. о томъ въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» (томъ IX, 1872 г., стр. 305—306); письмо императрицы Екатерины II къ генералу Будбергу отъ 17-го сентября 1796 г.

Онъ отвѣчалъ: „Я еще сохраняю небольшой лучъ ея“.

Вотъ, любезнѣйшая матушка, все, что говорилось на балѣ послѣ вашего удаленія. Повергаю себя къ вашимъ стопамъ.

Императрица—великому князю.

Пятница, 12-го сентября 1796 г.,

На балу въ Таврическомъ дворцѣ я приказала графу Маркову отправиться на слѣдующее утро къ шведскимъ уполномоченнымъ для передачи имъ проекта договора и всѣхъ отдѣльныхъ статей, а въ числѣ ихъ и статью о вѣроисповѣданіи, въ которой они просили вычеркнуть слова: „Православная, апостольская, греческая“ и поставить взамѣнъ того: „Исповѣданіе, въ которомъ она родилась и воспитана“. Знаю, что они договоръ читали и даже признали, такъ какъ не сдѣлали болѣе никакихъ другихъ замѣчаній. Это происходило во вторникъ утромъ, но они только вчера сказали, что король взялъ его съ цѣлью переговорить о немъ со мной.

Князь П. А. Зубовъ—великому князю.

Получено въ субботу утромъ, 13-го сентября 1796 г.

(Копія). Повинуясь волѣ вашего императорскаго высочества, спѣшу донести, что ни король, ни регентъ на врученныя имъ вчера бумаги лично отъ ея императорскаго величества и на принятіе коихъ регентъ короля всемѣрно приклонить желалъ, въ чемъ усердно ста-

a rien de rompu. C'est moi qui était malade hier. Vous êtes fâchée du retard et puis c'est tout. Votre fille en est malade, au reste m-r Votre époux Vous dira ce que je lui ai écrit.

Ce 12 de septembre 1797.

Le roi a été taciturne et n'a rien dit sur l'affaire en question, mais Steding en a parlé la larme à l'oeil, m'engageant à parler au roi. Je lui ai répondu que je lui avais parlé d'après ma conscience. Il m'a dit: «Il faut que cette affaire s'arrange». J'ai répliqué que je croyais la chose nécessaire à leur bonheur; «mais», dis-je, «en avez Vous l'espérance, monsieur?» Il me répondit: «J'en conserve une lueur». Voilà, ma bien chère mère, ce qui fut dit au bal après que Vous Vous êtes retirée. Je mes mets à Vos pieds.

Vendredi, 12 septembre 1796.

C'est à la fête du palais Taurique que j'ai ordonné au comte Markoff d'aller le lendemain matin chez les plénipotentiaires suédois pour leur remettre le projet du traité et de tous les autres articles séparés, au nombre desquels était, l'article de la religion auquel ils ont demandé qu'on raya les mots: orthodoxe apostolique, grecque à la place desquels ils ont mis: la religion dans

ратся обѣщать, до сихъ поръ никакой вновь отповѣди не сдѣлали. Но полномочные всѣ единогласно говорили, что они и сами не настаиваютъ, какъ король ихъ согласенъ, dans le principe et ne voulant point en avouer les conséquences ¹⁾, самъ опровергаетъ все то, что самъ же обѣщалъ; и что, бывъ убѣжденъ въ крайней нуждѣ и въ справедливости кончить все въ взаимному удовольствію, употребить они всѣ возможности согласить короля самого съ собою и довести его до исполненія общаго желанія; въ чемъ предупѣть не вовсе еще отчаяваются. Объ отъѣздѣ же ни то и ничего не говорятъ.

Императрица—великой княгинѣ.

Любезная дочь моя. Я получила обѣ ваши записки, но не имѣла ни минуты времени, чтобъ вамъ отвѣчать. Кузень Густавъ, я надѣюсь, отправится во свояси. Обнимаю васъ и прошу сказать моему любезному сыну, что я получила его письмо, котораго мнѣ не доставало; я ему отвѣчу, когда будетъ досужно.

Графъ Н. И. Салтыковъ—великому князю.

1.

Сентября 16-го дня 1796 г., пополудни въ 4 часа.

(Копія). Всемилостивѣйшій государь. Сего утра, согласно приказанію вашему, я ваше вчерашнее письмо ея величеству показывалъ. Государыня изволила приказать вамъ сказать, что, по теперешнему поло-

laquelle elle est née et élevée: marque donc qu'il l'ont lue et même avoué puisqu'ils n'ont point fait d'autres remarques. Ceci se passa mardi matin et ce n'est qu'hier qu'ils on dit que le roi l'avait pris pour m'en parler.

Ma chère fille, j'ai reçu vos deux billets et je n'ai pas eu un instant pour Vous répondre. Le cousin Gustave aura son paquet, comme j'espère. Je Vous embrasse et Vous prie de dire à mon cher fils que je tiens sa lettre qui me manquait; j'y répondrai quand j'aurai du temps.

Copie de la lettre de l'Impératrice au grand-duc,
ce 17 septembre 1796.

J'ai voulu voir, mon cher fils, la disposition d'esprit d'Alexandrine et en même temps éclaircir un fait que les suédois citaient comme irrévocablement convainquant, et à cet effet je l'ai fait venir chez moi et j'ai dit à la générale Lieven de passer dans l'autre chambre. Le fait est que le roi prétendait qu' Alexandrine lui avait promis de changer de religion et lui avait promis de

¹⁾ «Въ принципѣ и не желая признать послѣдствій онаго».

женію съ королемъ, весьма согласна и ея величество, чтобъ вамъ для прощанія сюда не прїѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество общаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ государыня приказала вамъ сказать, что теперь она все въ той же нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое, кромѣ короля; а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ и, какъ поляки, говорятъ,—государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать,— что уже леже. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, государыня дозволить единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ. Г. Н. С.

2.

Въ среду, пополудни въ 9-мъ часу.

Всемиловѣйшій государь. Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась государыня черезъ меня-жъ и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество, для прощанія съ королемъ, сюда прїѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлъ, положеніе коихъ вамъ извѣстно черезъ описаніе, отъ ея величества вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распрощаться съ пристойной вѣжливостью, то и рассуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда прїѣхали и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ, поутру рано въ субботу, выѣхать, а инако онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположеннымъ прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ рас-

communier dans la luthérienne et qu'elle lui avait donné la main sur cela. Comme je savais qu' Alexandrine n'avait vu le roi qu'en présence de la grande duchesse sa mère, de sa gouvernante, de sa sœur, du régent, de l'ambassadeur et une fois dans celle de son frère et belle sœur, j'ai demandé à Alexandrine qu'est-ce que le roi avait parlé avec elle sur la religion? Elle m'a dit avec la candeur et la naïveté qui lui sont naturelles, qu'il lui avait dit que le jour du couronnement il fallait qu'elle communique avec lui et qu'elle avait répondu: «Volontiers, si cela se peut et que grand'maman y consent», et qu'après cela il lui en avait reparlé et qu'elle l'avait toujours renvoyé à moi.

проститься, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ прѣхать. И такъ, исполнивъ приказаніе, мнѣ данное, если не изволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія. Г. Н. С.

Императрица—великому князю.

17-го сентября 1796 г.

(Копія). Я желала, любезный сынъ, узнать о расположеніи духа Александрины и въ то же время разъяснить фактъ, на который шведы ссылались, какъ на неотразимый и убѣдительный. По этому поводу я и позвала ее къ себѣ и приказала генеральшѣ Ливенъ видти въ другую комнату. Дѣло въ томъ, что король увѣрялъ, будто Александрина ему обѣщала переимѣнить вѣроисповѣданіе и перейти въ лютеранское, въ удостовѣреніе чего подала ему свою руку. Зная, что Александрина видалась съ королемъ не иначе, какъ въ присутствіи великой княгини, своей матери, своей гувернантки, сестры, регента, посланника и однажды своего брата и невѣстки, то я и спросила у нея, что онъ ей говорилъ о религіи? Она мнѣ отвѣчала съ свойственною ей искренностью и простоушіемъ, что онъ ей говорилъ, будто въ день коронаціи она должна пріобщаться вмѣстѣ съ нимъ. На что она ему отвѣчала: „Охотно, если это можно и если бабушка на это согласится“. Послѣ того онъ еще разъ говорилъ ей объ этомъ вопросѣ и она постоянно предлагала ему обратиться ко мнѣ.

Я у нея спросила, давала-ли она королю свою руку въ знакъ удостовѣренія по этому поводу?

Она отрицала это съ совершенно естественнымъ испугомъ, говоря: „Никогда, никогда въ жизни!“

Тогда я сказала: „Значить, они солгали на вашъ счетъ. Видите-ли, какъ надо быть осторожной съ людьми.“

Затѣмъ я повторила ей все, что просила васъ ей передать, съ цѣлью укрѣпить и возвысить ея умъ и душу. Я нашла въ ней всѣ чувства, какія только можно было бы ей пожелать. Прекрасная, какъ

Je lui ai demandé si elle avait donné sa main au roi en guise de promesse sur ce point?

Sur ceci elle s'est écrié avec une sorte de frayeur fort naturelle, disant: «Jamais de ma vie!»

J'ai dit alors: «Eh bien, ils ont donc menti cela sur Votre compte. Voyez comme il faut être sur ses gardes avec les gens». Ensuite de quoi je lui ai récapitulé tout ce que je Vous ai prié de lui dire pour élever et affermir son âme et son esprit et je l'ai trouvée dans tous les sentiments qu'on peut lui souhaiter. Belle comme le jour, tranquille, naïve, charmante. Au reste les affai-

день, спокойная, простодушная—она очаровательна. А впрочемъ, дѣла въ томъ же видѣ, въ какомъ вы ихъ оставили. Шведскій посланникъ забавно бормочетъ и самъ не понимаетъ что; регентъ въ отчаяніи написалъ мнѣ самое покорное письмо, прося прощенія за племянника по случаю сцены, происшедшей въ пятницу утромъ. Выдался такой день, въ который весь шведскій дворъ, всѣ, начиная съ короля и регента до послѣдняго „слуги“, съ утра до вечера перессорились во всѣхъ этажахъ дома, послѣ чего каждый слегъ въ постель, сказавшись больнымъ. Два дня кряду посылала я освѣдомляться о ихъ здоровьи. Третьяго дня, вечеромъ, ко мнѣ приходилъ регентъ съ просьбой—возобновить переговоры, потому что онъ, регентъ, выдалъ и подписалъ полномочія. Я отвѣчала, что подумаю. Дѣйствительно, вчера состоялась конференція, на которой было рѣшено, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца, то-есть, послѣ его совершеннолѣтія. Тогда объяснится: фанатизмъ-ли это былъ съ его стороны, или навѣты регента. Всѣ шведы въ отчаяніи. Рейхсгерры хотѣли подать въ отставку. Теперь упрямый мальчишъ вздумалъ послать въ Швецію Эссена для того, чтобъ получить мнѣніе своей консисторіи и своего духовника о томъ, можетъ-ли онъ включить въ договоръ отдѣльную статью о религіи? Я замѣтила регенту, не компрометируютъ-ли они тѣмъ самымъ свою власть? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что съ этимъ упрямымъ и заносчивымъ ребенкомъ нельзя поступать иначе. Прощайте, обнимаю васъ обоихъ.

Говорятъ, что они уѣзжаютъ въ пятницу.

res sont à peu près dans l'état où Vous les avez laissées. L'ambassadeur de Suède bredouillait d'une manière ridicule et ne sachant ce qu'il dit. Le régent au désespoir m'a écrit la lettre la plus soumise pour me demander pardon pour son neveu au sujet de la scène du vendredi matin. Il y a eu un jour où toute la cour de Suède, à commencer depuis le roi et le régent jusqu'au dernier slouga s'est querellée depuis le matin jusqu'au soir dans tous les étages de la maison, après quoi chacun s'est étendu dans son lit et s'est dit malade. Deux jours de suite j'ai envoyé demander des nouvelles des malades. Avant hier au soir le régent est venu chez moi et m'a prié de faire recommencer les conférences par ce que lui, régent, avait donné et signé les pleins-pouvoirs. J'ai dit que j'y penserai. Et effectivement hier il y a eu une conférence dans laquelle on est convenu que la ratification du roi s'ensuivrait dans deux mois, c'est-à-dire après sa majorité; par là s'éclaircira alors si c'est fanatisme, ou insinuation du régent.

Tous les suédois sont au désespoir; les reysherr sont voulu donner ici leur démission. A présent le petit garçon revêché a imaginé d'envoyer Essen en Suède pour avoir l'avis de son consistoire et de son confesseur, s'il peut insérer l'article séparé sur la religion dans le traité. J'ai dit au régent qu'ils compro-

Императрица—великому князю.

Получено въ пятницу утромъ.

Такъ какъ каждый человѣкъ учтивъ самъ для себя-же, то и вы обойдетесь съ ними учтиво. Если они заговорятъ о дѣлахъ, отвѣчайте имъ сообразно съ обстоятельствами. Разрыва нѣтъ. На счетъ вѣроисповѣданія отвѣчайте, что это не преложно Si no qua no¹⁾. Ихъ убѣдить надобно и надъ этимъ-то и слѣдуетъ поработать. Тамъ нѣтъ вѣротерпимости, гдѣ не терпятъ обрядовъ иныхъ исповѣданій. Слѣдуетъ быть твердымъ безъ колкости.

Послѣ обѣда.

Когда вы отобѣдаете, увѣдомьте меня о томъ, что у васъ происходило. Я отъ „молодаго Кемда“²⁾ ничего не могла выпытать. Дядя сказалъ мнѣ въ его присутствіи, что ни онъ—дядя и никто въ Швеціи не можетъ ничего сказать противъ свободнаго отправленія королевою обрядовъ своего исповѣданія въ особой часовнѣ. Но король показался мнѣ сухъ и упоренъ, какъ пень. Онъ говорилъ, что то, что онъ написалъ, то написалъ, и что онъ никогда не измѣняетъ того, что разъ напишетъ. Тогда я ему отвѣчала, что причиной тому его молодость, а я, въ теченіе моего тридцати-четырехъ-лѣтняго царствованія, каждый день вычеркиваю и перемарываю утромъ то, что пишу вечеромъ. Дядя и племянникъ, казандось, нѣсколько разъ ссорились въ моемъ присутствіи.

metteront par là leur autorité. Il m'a répondu qu'avec cet enfant têtue et opiniâtre et à dure conception il n'y avait pas moyen de faire autrement. Adieu, je Vous salue tous les deux.

On dit qu'ils partent vendredi.

Billet de l'Impératrice au grand-duc reçu le vendredi au matin.

Chacun étant poli pour soi, Vous en agirez poliment avec eux. S'ils vous parlent d'affaires Vous leur répondrez selon les circonstances, rien n'étant rompu; sur la religion Vous leur répondrez Si no qua no¹⁾. Il s'agit de les convaincre et c'est à quoi il faut travailler. La religion ne saurait passer pour tolérée s'il n'y a pas de culte toléré. Il faut être ferme sans aigreur.

Autre billet de l'après diner.

Quand Vous avez diné mettez moi un peu au fait de ce qui s'est passé chez

¹⁾ Sine qua non.

²⁾ То-есть, шведскаго короля.

Ред.

Другая записка, тоже послѣ обѣда.

- 1) Не смѣшивайте особой статьи договора
- 2) съ запиской, диктованной мною и съ сущностью отдѣльной статьи.
- 3) Мнѣ прислали записку, составленную въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

Императрица—великому князю.

18-го сентября 1796 г.

Вчера мы съ регентомъ подписали предварительный договоръ. Обмѣнъ ратификацій произойдетъ черезъ два мѣсяца, или, если возможно, ранѣе, послѣ совершеннолѣтія короля. Увидимъ, что изъ этого будетъ. Они откланяются сегодня вечеромъ. Они вамъ пишутъ на прощанье письма, любезный сынъ; а вы имъ отвѣтите въ учтивыхъ и ласковыхъ выраженіяхъ. Они простятся съ вашими сыновьями и ихъ супругами, но ваши четыре дочери должны быть всѣ нездоровы простудой. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моей любезной дочери. Прощайте.

Великая княгиня—императрицѣ.

Выписка интереснаго мѣста изъ письма моего къ императрицѣ.

20-го сентября 1796 г.

Милости ваши, дрожайшая матушка, къ нашей Александринѣ проницаютъ меня той живой благодарностью, которая происходитъ изъ живѣйшаго чувства природы. Что касается до поведенія короля, то

Vous. Chez moi le jeune Kemd a été d'un entêtement à toute épreuve; l'oncle m'a dit en sa présence que ni lui, oncle, ni personne en Suède ne pouvait trouver à redire au libre exercice de la religion de la future reine dans une chapelle privée, mais le roi m'a paru sec et entêté comme une bûche disant que ce qu'il avait écrit il l'avait écrit, et que jamais il ne changeait ce qu'il avait écrit. Alors j'ai répondu que c'était sa jeunesse qui en était la cause et que moi dans 34 ans du règne je raturais tous les jours et effaçais le matin ce que j'écrivais le soir. L'oncle et le neveu ont paru se quereller plusieurs fois en ma présence.

Autre billet de l'après diner.

- 1) Ne confondez point l'article séparé du traité,
- 2) Avec le billet dicté par moi, avec l'essentiel de l'article séparé du traité en gros.
- 3) On m'a envoyé l'écrit en termes vagues.

le 18 septembre 1796.

Hier le traité éventuel entre le régent et moi a été signé. Les ratifications en seront échangées dans deux mois ou plus tôt, si faire se peut, c'est-à-dire après la majorité du roi. Nous verrons ce qui en arrivera. Ils prendront congé ce soir. Ils Vous écrivent, mon cher fils, des lettres pour prendre congé et Vous leur répondrez en termes polis et affectueux. Ils prendront congé de vos fils et

я смотрю на него, какъ на поведеніе суевѣрнаго ребенка, набитаго ханжествомъ, внушеннымъ ему, можетъ быть, воспитаніемъ и, повидимому, поддерживаемымъ въ немъ въ настоящее время его окружающими. Должно надѣяться, что года и разсудокъ явятся къ нему на помощь и покажутъ ему, какъ онъ самъ разрушилъ счастье, которое ваше императорское величество готовили ему: я этого желаю отъ всего моего сердца.

Мой мужъ поручаетъ мнѣ сообщить вамъ, любезнѣйшая матушка, что до сей минуты мы не получили ни отъ короля, ни отъ регента ни письма, ни посланія: да будетъ сіе извѣстно вашему величеству.

Императрица—великой княгинѣ.

20-го сентября 1796 г.

Сію минуту получила я ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь. Если шведскій король—суевѣрный ребенокъ и ханжа, то къ этому надо еще прибавить, что онъ до крайности упрямъ, въ чемъ думаетъ походить на Карла XII, а это также мало говорить въ пользу зрѣлости его разсудка. Вы, вѣроятно, знаете чрезъ графа Салтыкова, что регентъ говорилъ нѣсколькимъ лицамъ о своемъ намѣреніи—проститься письменно. Имѣю поводъ думать, что король плохо владѣетъ перомъ; если они вамъ не напишутъ, вамъ придется писать однимъ отвѣтомъ меньше, и это послужитъ доказательствомъ того, чего слѣдуетъ отъ

de leurs épouses, mais vos quatre filles sont toutes incommodées de refroidissement. Je Vous salue de même que ma chère fille. Adieu.

Copie d'un passage intéressant de ma lettre à l'Impératrice du 20 septembre 1796.

Vos bontés, ma bien chère mère, pour notre chère Alexandrine me pénètrent le plus vif de la nature. Quant à la conduite du roi je l'envisage comme celle d'un enfant superstitieux et imbu de bigotterie inspirée peut-être dans son éducation et soutenu selon l'apparence dans ce moment par ses alentours. Il faut espérer que l'âge et la réflexion viendront à son secours et lui feront voir qu'il détruit lui même le bonheur que V. M. I. lui préparait: c'est le voeu que je forme du fond de mon cœur.

Mon mari me charge encore de Vous marquer, ma très-chère mère, que jusqu'à ce moment nous n'avons reçu ni envoi, ni lettre de la part du roi et du régent, pour que Votre Majesté le sache.

Ce 20 septembre 1796.

Je viens de recevoir, ma chère fille, Votre lettre de ce jour. Si le roi de Suède est un enfant bigot et superstitieux il faut y ajouter encore qu'il est

нихъ ожидать. Вы. можетъ быть, наканунѣ дня, въ который регентъ и Рейтергольмъ' вернутся сюда искать пріюта. Прощайте; кланяюсь вамъ, равно какъ и моему любезному сыну. У меня вспухли гланды, какъ у ребенка.

Великая княгиня—императрицѣ.

Гатчина, 21-го сентября 1796 г.

Дрожайшая матушка! Благоволите принять мои смиренныя поздравленія на завтрашній день, равно какъ и приношеніе моихъ желаній и чувствованій. Надѣюсь, что опухоль желѣзъ, на которую ваше императорское величество жаловались въ вашемъ вчерашнемъ письмѣ, сегодня прошла; по крайней мѣрѣ, я этого желаю отъ глубины души: мнѣ извѣстно по опыту, какое это неприятное ощущеніе. Вчера подъ вечеръ къ намъ было посланіе отъ короля и регента, которые поручили г. Женингсу ¹⁾ словесно передать намъ свои прощальныя привѣтствія, на которыя мы отвѣчали также словесно. Судя по расположенію моего духа, какъ мнѣ кажется, основаннаго на законахъ разсудка, полагаю, что самое непреклонное упорство должно будетъ, наконецъ, склониться предъ великодушными дѣйствіями нашего величества, къ стопамъ которой я повергаю себя, именуюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ, дрожайшая матушка, вашу покорнѣйшею и послушнѣйшею слугою и дочерью Марія.

entété et opiniâtre à l'excès et que par là il croit ressembler à Charles XII, ce qui ne prouve pas un jugement fort mûr non plus. Vous aurez appris par le comte Saltikof que le régent a dit à plusieurs personnes qu'ils écriraient pour prendre congé. J'ai lieu de croire que le roi n'écrit pas avec facilité et s'ils ne Vous écrivent pas Vous aurez une réponse de moins à faire et cela sera une preuve de plus de ce qu'on a à en attendre. Vous pourriez être à la veille de voir le régent et Reuterholm revenir ici chercher asile. Adieu, je vous salue de même que mon cher fils. J'ai les glandes enflées comme un enfant.

Gatchina. Ce 21 septembre 1796.

Ma bien chère mère, daignez agréer, ma très-chère mère, mes très humbles félicitations sur la journée de demain, de même que l'hommage de mes vœux et de mes sentiments. J'espère que l'enflure des glandes dont Votre Majesté Impériale parle dans Sa lettre d'hier est passée aujourd'hui, du moins je le désire du fond de mon cœur: je sais, par expérience, combien cette sensation est désagréable. Nous avons eu hier vers le soir un envoi du roi et du régent qui ont chargé m-r de Jenings verbalement de leurs compliments d'adieux pour nous, auxquels nous avons répondu de même verbalement. En jugeant d'après le sentiment intérieur de mon âme. qui me paraît basé sur les lois de la rai-

¹⁾ Секретарю шведскаго посольства.

Регентъ—великой княгинѣ.

23-го сентября (5-го октября) 1796 г.

Милостивая государыня, сестра и кузина. Дружелюбіе, съ которымъ ваше императорское высочество изволили принять меня и милости ваши, оказанныя мнѣ во время моего пребыванія въ Россіи, дозволяютъ мнѣ надѣяться, что вы не примете въ дурную сторону, если я, въ минуту удаленія моего изъ мѣстъ, гдѣ вы обитаете, осмѣливаюсь выразить вамъ мои живѣйшія сожалѣнія въ томъ, что не могъ лично засвидѣтельствовать вамъ мою признательность. Но если непредвидѣнныя обстоятельства лишили меня этого счастья, то примите, милостивая государыня, въ эту минуту дань моей искренней привязанности и живѣйшаго желанія доказать ее вамъ. Какъ ни печальна для меня эта минута, я, однако, не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ счастье двухъ націй; это будетъ предметомъ моихъ заботъ и цѣлью всѣхъ моихъ желаній. Благоволите сохранить меня въ вашей памяти. Эта драгоценная надежда будетъ единственной отрадой, которая одна можетъ смягчить печаль, каковую я испытываю въ минуту удаленія отъ вашей августѣйшей особы.

Съ чувствомъ неизмѣнной привязанности и глубочайшаго уваже-

son je crois que l'opiniatreté la plus obstinée doit plier à la fin au procédés généreux de Votre Majesté aux pieds de Laquelle je me mets en me nommant avec le plus profond respect, ma bien chère mère, Votre très humble et très obéissante servante et fille Marie.

Ce 23 de VII-bre (5 VIII-bre) 1796.

Madame ma sœur et cousine. L'amitié avec laquelle Votre Altesse Impériale m'a accueilli et les bontés qu'Elle m'a témoignées pendant mon séjour en Russie, me permettent d'espérer qu'Elle ne prendra pas en mauvaise part si dans le moment où je dois m'éloigner des lieux qu'Elle habite je prends la liberté de lui exprimer mes vifs regrets de n'avoir pu en personne lui en témoigner toute ma reconnaissance. Mais si des circonstances imprévues m'ont privé de ce bonheur, agréez en, madame, dans ce moment les hommages que je Vous fais de mon sincère attachement et du vif désir que j'aurai toujours de Vous le prouver, quelque triste pour moi que soit cet instant je ne desespère cependant pas de voir bientôt s'accomplir les voeux que j'ai fait à l'heureuse union qui cimentera le bonheur des deux nations; ce sera le motif de ma sollicitude et le but de tous mes souhaits. Daignez me conserver dans Votre souvenir: cet espoir précieux sera le seul consolateur qui pourra adoucir le chagrin que je ressens dans l'instant qui m'éloigne de Votre auguste personne.

C'est avec un attachement inviolable et celui de la plus haute considération

нія прошу васъ, милостивая государыня, принять увѣренія въ томъ, что я есмь и всегда буду, милостивая государыня, сестра и кузина, вашего императорскаго высочества преданнѣйшій и привязаннѣйшій братъ, кузень и слуга Карлъ.

Выписка изъ письма регента — великому князю.

Каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пребуду вамъ преданъ, и еще не отчаиваюсь имѣть счастье обнять васъ, какъ родственника, вдвойнѣ дорогаго и уважаемаго.

Великая княгиня—регенту.

(Копія). Милостивый государь, братъ мой и кузень. Лестныя выраженія, въ которыхъ ваше королевское высочество свидѣствуете ваши чувства и сожалѣнія по случаю разлуки съ нами, заранѣе обезпечиваютъ вамъ мою благодарность. Касательно моихъ чувствованій осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что онѣ извѣстны вашему королевскому высочеству, и вы можете быть увѣрены, что я никогда не утрачу ни воспоминанія о минутахъ, въ которыя я имѣла честь васъ видѣть, ни живѣйшаго желанія, чтобъ онѣ опять возобновились. Я выражаю вашему королевскому высочеству желанія, истолкованіе которымъ вы найдете въ вашихъ собственныхъ. Къ сему присоединяю увѣренія въ привязанности и глубококомъ уваженіи, съ ко-

que je Vous prie, madame, d'être assurée que je suis et serai toujours, madame, ma sœur et cousine de Votre Altesse Impériale le très dévoué et très attaché frère, cousin et serviteur Charles.

Extrait de la lettre du régent au grand-duc.

Quelles que soient les circonstances, je Vous serai toujours attaché et je ne désespère pas encore d'avoir le bonheur de Vous embrasser comme un parent doublement chéri et honoré.

Copie de ma réponse au régent.

M-r mon frère et cousin. Les expressions flatteuses par lesquelles V. A. R. m'exprime ses sentiments et ses regrets de nous quitter sont bien faites pour Vous assurer d'avance de toute ma reconnaissance. Quant à mes sentiments j'ose me flatter qu'ils sont connus de V. A. R. et qu'Elle est bien sûre que je ne saurai jamais perdre le souvenir des iustants que j'ai eu l'honneur de la voir, et de mon vif désir de les voir se renouveler. Ce sont mes voeux que j'exprime à V. A. R. qu'Elle voudra bien interpréter d'après les siens. J'y ajoute les assurances de l'attachement et de la haute considération avec laquelle je suis et serai toujours, m-r mon frère et cousin, Sa bien dévouée sœur et cousine. Marie.

торыми пребываю и навсегда остаюсь, милостивый государь, братъ и кузень, преданная сестра и кузина Марія.

При всемъ своемъ негодованіи на поступокъ короля шведскаго, императрица Екатерина не столько обвиняла самаго Густава, сколько его окружавшихъ и еще того болѣе воспитателей¹⁾. Отклоняя короля отъ союза съ Россією (когда онъ былъ еще отрокомъ), регентъ и Рейтергольмъ особенно обращали его вниманіе на различіе вѣроисповѣданія его будущей супруги, какъ на источникъ народной ненависти; они сами развили въ сердцѣ Густава фанатическую нетерпимость....

Вопросъ о совершенной свободѣ исповѣданія греко-россійской вѣры будущю королевою шведскою былъ отданъ на обсужденіе upsальскаго архіепископа Троила; архіепископъ, въ свою очередь, счелъ необходимымъ совѣщаться съ консисторією. Отвѣтъ былъ вполне согласенъ съ видами русскаго правительства. Если бы религіозный вопросъ былъ дѣйствительно единственнымъ препятствіемъ къ браку шведскаго короля съ русскою великою княжною, въ такомъ случаѣ Густавъ долженъ бы съ радостью принять рѣшеніе консисторіи и не преминуть увѣдомить о томъ петербургскій кабинетъ... Ничего подобнаго не было! Покуда консисторія обсуждала вопросъ о религіи, возникло новое препятствіе: король поесорился съ своимъ дядею и, на зло ему, отложилъ заключеніе брачнаго союза съ Россією на неопредѣленное время.

Напутствуемые презрѣнемъ русскаго двора, регентъ и король выѣхали изъ Петербурга 20-го сентября 1796 г. Королева-родительница и герцогиня Зюдермаландская, при соучастіи всѣхъ придворныхъ особъ женскаго пола, устроили въ Дроттингольмѣ великолѣпный праздникъ для встрѣчи короля. Густавъ былъ скученъ и съ дядею своимъ обходился съ видимою холодною.

Переговоры о бракосочетаніи не прекращались. Рейтергольмъ, настаивавшій на союзѣ съ Россією, былъ уволенъ въ отставку; неблагоприятіе короля къ регенту усиливалось съ каждымъ днѣмъ. На вопросъ герцога королю—не намѣренъ-ли Густавъ утвердить союзный договоръ съ Россією до своего совершеннолѣтія, Густавъ рѣзко отвѣчалъ, что заключить брачный союзъ тогда, когда самъ его при-

¹⁾ См. «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», томъ IX, 1872 г., стр. 316. (Собственноручное письмо Екатерины II въ генералу Будбергу 19-го сентября 1796 г.).

знаеть нужнымъ. Дѣйствовать наперекоръ намѣреніямъ и видамъ бывшаго своего опекуна король шведскій полагалъ самымъ лучшимъ доказательствомъ своей самостоятельности.

1-го ноября (нов. ст.) 1796 года Густавъ праздновалъ торжественный день своего совершеннолѣтія. Генералъ Будбергъ не замедлилъ сообщить императрицѣ Екатеринѣ какъ о подробностяхъ торжества, такъ и о положеніи дѣла о бракѣ. Переговоры тянулись по прежнему; подыскивая и избрѣтая новыя препятствія, король не давалъ прямого отвѣта. До свѣдѣнія генерала Будберга дошелъ слухъ, будто король намѣревается отправить въ Петербургъ генерала Клингспорра съ письмомъ къ императрицѣ, въ которомъ, увѣдомляя государыню о достиженіи совершеннолѣтія, выразить ей искреннее желаніе поправить свои ошибки. Какъ бы въ подтвержденіе этого слуха обхожденіе короля съ русскимъ посломъ сдѣлалось весьма ласково и пріятливо. Генералъ Будбергъ сомнѣвался въ искренности короля; не вѣрила ей и Екатерина II... Къ этому времени относится слѣдующее письмо, послѣднее изъ хранящихся въ библіотекѣ дворца города Павловска и имѣющихъ отношеніе къ дѣлу о бракѣ короля шведскаго:

Императрица—великой княгинѣ.

1-го ноября 1796 г.

Я только что получила ваше сегодняшнее письмо, любезная дочь моя. Кланяюсь вамъ, равно какъ и моему милому сыну, и прошу васъ передать послѣднему, что шведскій король былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ 1-го ноября новаго стиля. Онъ подписалъ актъ, обязующій его соблюдать конституцію 1772 г., и вручилъ герцогу Зюдерманландскому бумагу, которою освободилъ его отъ всякой отвѣтственности. Рейтергольмъ подалъ въ отставку и получилъ ее. Повидимому, всякая опасность для нихъ миновала. Прощайте; обнимаю васъ обоихъ.

Ce 1 novembre 1796.

Je viens de recevoir, ma chère fille, Votre lettre de ce jour. Je Vous salue de même, que mon cher fils, et Vous prie de dire à ce dernier: que le roi de Suède a été déclaré majeur le 1 novembre nouveau style, qu'il a signé un acte obligatoire de maintenir la constitution de 1772 et qu'il a donné au duc de Sudermanie un écrit par lequel il l'a dispensé de toute responsabilité, Reuterholm a pris et reçu son congé. Il paraît donc que tout danger pour eux est passé. Adieu, je Vous embrasse tous les deux.

Генераль Клингспоррь выѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ 5-го (16) ноября... На дорогѣ онъ встрѣтилъ извѣстіе о кончинѣ Екатерины II, послѣдовавшей 6-го (17) ноября 1796 г. Письмо, адресованное покойной государынѣ, Клингспоррь вручилъ уже императору Павлу I. Ласковость, съ которою генераль былъ принятъ при петербургскомъ дворѣ, показала ему залогомъ успѣшнаго окончанія дѣла о бракѣ короля: Клингспоррь вообразилъ, что сынъ Екатерины II будетъ уступчивѣе своей родительницы и допустить, чтобы великая княжна, выйдя за короля шведскаго, перешла въ лютеранизмъ. Для увѣдомленія стокгольмскаго двора о восшествіи своемъ на престолъ императоръ Павелъ I назначилъ графа Юрія Александровича Головкина, любезнаго, прекрасно образованнаго, но совершенно неопытнаго въ дипломатическихъ дѣлахъ. Ему же вскорѣ поручено было и официально вести дѣло о бракѣ великой княжны. Когда Головкинъ откланивался въ Петербургѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, она поручила ему передать королю Густаву IV поклонъ отъ великой княжны Александры Павловны. Усердствуя императору, молодой Головкинъ воображалъ, что порученіе, на него возложенное, удобоисполнимо и увѣнчается несомнѣннымъ успѣхомъ. Король принялъ его съ отнѣнной любезностью, и когда рѣчь коснулась брака, Густавъ IV выразилъ полнѣйшую готовность заключить родственный союзъ съ російскимъ императорскимъ домоу. Если бы графъ Головкинъ продолжилъ разговоръ, онъ, конечно, довелъ бы его до роковаго но, т. е., религіознаго вопроса, бывшаго въ этомъ дѣлѣ камнемъ преткновенія... Однако, торопясь угодить императору, графъ увѣдомилъ Павла I и его супругу, что дѣла идутъ какъ нельзя лучше, и потому онъ ожидаетъ только полномочія вести переговоры. Полномочіе было къ нему отправлено, но замедлило въ дорогѣ. Не дождавшись курьера, графъ Головкинъ прибылъ въ Петербургъ. Придавая фразамъ шведскаго короля смыслъ обширнѣйшій и почти превратный, Головкинъ склонилъ императора Павла I въ пользу шведскаго короля и побудилъ его на уступки, ни мало не согласныя съ видами покойной Екатерины. Съ своей стороны, императрица Марія Ѳеодоровна, заботясь о счастіи своей дочери, охотно вѣрила искренности шведскаго короля и чрезъ Женнингса, отправлявшагося въ Стокгольмъ, послала къ Густаву IV весьма любезное письмо, свидѣтельствовавшее о забвеніи минувшихъ непріятностей и объ отрадныхъ надеждахъ на будущее... Но всѣ надежды рушились о непреодолимую преграду: вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія великой княжны.

Признательный къ усердію графа Головкина, императоръ Павелъ I пожаловалъ его въ тайные совѣтники и сенаторы. Императрица Ма-

рія Теодоровна, будучи въ полной увѣренности, что графъ Головкинъ доведетъ начатое имъ дѣло до успѣшнаго конца, убѣдила своего супруга вторично отправить Головкина въ Стокгольмъ, подъ предлогомъ возвращенія королю знаковъ ордена Серафимовъ, которые носила покойная императрица Екатерина II. Хотя это порученіе и не согласовалось съ высокимъ саномъ и званіемъ графа Головкина, тѣмъ не менѣе, Павелъ I исполнилъ желаніе своей супруги—и молодой дипломатъ отправился въ Стокгольмъ.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія Женнингса къ устраненію препятствій къ заключенію брачнаго союза короля, онѣ были непреодолимы. Государственный канцлеръ Спарре, до сихъ поръ противившійся браку короля, теперь всячески склонялъ его къ браку съ русскою княжною, указывая на многія выгоды, какъ лично для короля, такъ и для Швеціи. Къ голосу Спарре присоединили свои голоса многіе вельможи; но всѣ ихъ доводы только усиливали упрямство слабоумнаго Густава IV. Подобная подготовка не предвѣщала успѣха Головкину. Какъ ни изошрялъ онъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить короля; какъ ни доказывалъ Густаву, что всякія уступки со стороны Россіи невозможны,—все было тщетно. Позабывъ, что терпѣніе должно быть первою добродѣтелью дипломата, Головкинъ, въ разговорахъ съ королемъ, сдѣлался настойчивѣе, а король, со своей стороны, запальчивѣе. Дошло, наконецъ, до того, что Густавъ IV прямо высказалъ графу Головкину, что „не согласенъ жениться на княжнѣ православнаго исповѣданія“, прибавивъ къ этому, что починъ разрыва со шведскимъ дворомъ предоставляетъ русскому императору, дабы отклонить отъ себя упреки за нерадѣніе о пользахъ Швеціи. Этотъ беззащитный отвѣтъ побудилъ графа Головкина написать къ королю письмо, въ которомъ русскій посолъ требовалъ отъ него прямого, категорическаго отвѣта.... Густавъ упорствовалъ. Головкинъ отправилъ въ Петербургъ курьера съ увѣдомленіемъ Павла I о положеніи дѣлъ, а король, въ свою очередь, отправилъ къ императору Женнингса съ предложеніями, будто-бы примирительными, въ сущности же іезуитски-увлочивыми. Король предлагалъ императору отложить окончаніе переговоровъ о бракѣ до весны, до личнаго ихъ свиданія. Выведенный изъ терпѣнія неприличными выходками короля, Павелъ I, не дожидаясь Женнингса, послалъ графу Головкину приказъ: откланяться королю и возвратиться въ Россію. Одновременно и шведскому посланнику генералу Клингспорру, проживавшему въ Петербургѣ, было предложено русскимъ правительствомъ удалиться изъ столицы.

Повинуясь волѣ своего государя, графъ Головкинъ откланялся

королю 16-го (27) марта; но въ отплату за неудачу своего посольства, увлекаясь весьма понятнымъ негодованіемъ на дѣйствія короля, графъ отказался принять отъ Густава IV подарокъ, который русскому послу слѣдовало получить при прощальной аудіенціи, по правиламъ шведскаго этикета. Генераль Будбергъ, которому графъ Головкинъ заранѣе сообщилъ о своемъ намѣреніи, былъ принужденъ взять его сторону, тѣмъ болѣе, что и не могъ сдѣлать иначе. Поступокъ русскаго посла надѣлалъ шуму при королевскомъ дворѣ; Густавъ IV счелъ себя лично оскорбленнымъ... Государственный канцлеръ Спарре, по этому поводу, затѣялъ съ генераломъ Будбергомъ переписку; но дѣло уладилось безъ дальнѣйшихъ непріятностей. По высочайшему повелѣнію, русскій канцлеръ, графъ (впослѣдствіи князь) Безбородко, послалъ графу Головкину по эстафетѣ строгое внушеніе, предписывая, именемъ императора, принять подарокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и генералу Будбергу выражено было неудовольствіе государя. Вслѣдствіе этихъ непріятностей генераль подалъ въ отставку. Павелъ I уволилъ его отъ званія посла въ Стокгольмѣ, но, наградивъ чиномъ тайнаго совѣтника, назначилъ ему пенсію и дозволилъ отъпустить для поправленія здоровья.

Переговоры съ русскимъ дворомъ о бракѣ короля прекратились— и навсегда ¹⁾.

Не суждено было осуществиться намѣреніямъ Екатерины II, Павла I и Маріи Ѳеодоровны: ея внука— ихъ дочь не соединила судьбы своей съ судьбою шведскаго короля, оказавшагося, вопреки ихъ ожиданіямъ, человѣкомъ, недостойнымъ столь прелестнаго созданія, какимъ была в. к. Александра Павловна.

Если Густавъ III являлъ въ своемъ характерѣ черты Донъ-Кихота, то сынъ его поступками своими съ Екатериною II и августѣйшимъ ея семействомъ и дальнѣйшими своими дѣйствіями напомнилъ того... коня, на которомъ гарцовалъ оруженосецъ героя Ламанхскаго. Подражая Карлу XII, Густавъ IV былъ только осломъ въ львиной кожѣ; онъ-же, мистифируя Екатерину II, уподобился тому ослу въ баснѣ Эзопа, который лягнулъ умирающую львицу. Вся дальнѣйшая его

¹⁾ Много любопытныхъ подробностей о сватовствѣ шведскаго короля находится въ запискахъ Массона (*Mémoires secrets sur la Russie. Londres, 1802, in 8°. Tome I, pp. 1—54*). Онъ достоинъ вниманія, какъ отголосокъ зловрѣчія европейскихъ кабинетовъ того времени, для которыхъ прискорбное событіе въ семействѣ Екатерины II было богатымъ источникомъ для самыхъ превратныхъ толковъ, даже для клеветы. Массонъ относится къ Россіи со злонамѣреннымъ пристрастіемъ, свойственнымъ многимъ иностранцамъ въ ихъ повѣствованіяхъ о Россіи, а потому его Записки, во многихъ мѣстахъ, не заслуживаютъ безусловнаго довѣрія.

жизнь—рядъ сумасбродствъ, унижающихъ не только санъ королевскій, но и достоинство человѣческое.

При вступленіи въ совершеннолѣтіе, Густавъ IV извѣстилъ Екатерину II о благомъ намѣреніи исправить свои прежнія ошибки. Этому двусмысленному обѣщанію петербургскій кабинетъ придалъ истолкованіе, благопріятное собственнымъ своимъ видамъ; на самомъ же дѣлѣ исправленіе прежнихъ ошибокъ Густава IV заключалось только въ прощеніи Армфельда и въ возвращеніи ему прежнихъ правъ, отнятыхъ по приговору верховнаго уголовного суда. Король желалъ даже, чтобы Армфельдъ былъ оправданъ торжественно, чтобы государственные чины признали его невиновность... Благодаря настояніямъ великаго канцлера, желаніе короля не было исполнено.

Послѣ несостоявшагося сватовства за герцогиню мекленбургскую и за великую княжну Александру Павловну, трудно было, повидимому, допустить, чтобы которая-нибудь изъ принцессъ въ Европѣ согласилась принять предложеніе короля шведскаго; однако же, невѣста нашлась: 31-го октября 1797 года Густавъ IV сочетался бракомъ съ принцессою Дурлахъ-Баденскою (младшею сестрою російской великой княгини Елисаветы Алексѣевны) и, такимъ образомъ, породнился съ императорскимъ домомъ. По мнѣнію Густава IV, это родство давало ему право посѣтить столицу сѣвера, и въ 1800 г. Густавъ имѣлъ безтактность пріѣхать въ Петербургъ. Предлогомъ къ его поѣздѣ былъ договоръ, заключенный Россією съ Данією и Швецією противъ Англіи, стѣснявшей торговлю сѣверныхъ державъ. Помимо наглости короля шведскаго, эта поѣздка обличала въ немъ и двоедушіе: онъ лично ненавидѣлъ перваго консула французской республики, съ которымъ петербургскій кабинетъ находился тогда въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и, при всемъ томъ, Густавъ IV принималъ участіе въ союзѣ противъ Англіи, противницы Бонапарта. Черезъ два года тотъ-же шведскій король былъ союзникомъ Англіи, получалъ отъ нея субсидіи и пропускомъ англійскаго флота въ Зундъ способствовалъ бомбардировкѣ почти беззащитнаго Копенгагена. Хотя въ первые годы XIX столѣтія ни одинъ европейскій дворъ не могъ похвалиться прямодушіемъ своей политики, однако же, стокгольмскій кабинетъ при Густавѣ IV едва-ли не всѣхъ ихъ оставилъ далеко за собою.

Предавъ забвенію недавно минувшія семейныя непріятности, виновникомъ которыхъ былъ шведскій король, императоръ Павелъ I принималъ Густава IV весьма привѣтливо, со всѣми почестями, подобающими его королевскому сану. Напоминаемъ читателямъ, что, на этотъ разъ, король шведскій являлся къ русскому двору въ качествѣ просителя о помощи: личныя его выгоды требовали отъ него преизбытка

скромности и вѣжливости, по крайней мѣрѣ въ отношеніи могучаго союзника. Къ удивленію, въ четыре года, истекшіе со времени перваго пребыванія шведскаго короля при дворѣ Екатерины II, онъ ни мало не созрѣлъ умомъ и по прежнему былъ совершеннымъ невѣждою въ правилахъ не только придворнаго этикета, но и общегитія. Казарменная нецеремонность шведскаго короля была тѣмъ непростибельнѣе, что она, помимо природнаго тупоумія, происходила и изъ непомѣрнаго его тщеславія. Императоръ сдѣлалъ ему первый визитъ; король отвѣчалъ ему, посѣтивъ императора, когда онъ былъ въ театрѣ эрмитажа. Дня черезъ три на томъ же театрѣ давали балетъ, въ которомъ на танцовщицахъ были надѣты красныя шапки. „Это шапки якобинцевъ!“ замѣтилъ Густавъ IV.—„Можетъ быть, онѣ существуютъ въ другихъ государствахъ, но у меня ихъ нѣтъ!“ рѣзко отвѣчалъ Павелъ I и повернулся къ королю спиной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже: тупоуміе и дерзость короля превосходили всѣ предѣлы и переполняли мѣру терпѣнія императора Павла. Такъ, Густавъ IV позволилъ себѣ грубыя, неумѣстныя замѣчанія о формѣ гвардейцевъ. На парадѣ, данномъ въ честь высокаго гостя, великій князь Александръ Павловичъ, а за нимъ самъ государь, проходили мимо Густава церемониальнымъ маршемъ, салютуя короля.... онъ отвѣчалъ имъ легкимъ наклоненіемъ головы. Въ письмѣ своемъ, которое вручилъ Густаву графъ Ростопчинъ, императоръ пропустилъ принадлежащій королю титулъ „наслѣдника норвежскаго“ и король не хотѣлъ принять письма, настоятельно требуя соблюденія этой формальности. Послѣдній день пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ увѣнчалъ безтактныя его выходы дней предыдущихъ. Черезъ графа Ростопчина Павелъ I просилъ у Густава IV орденъ Серафимовъ для своего любимца, графа Кутайсова. Нецеремонный гость отвѣчалъ, что не можетъ исполнить желанія императора, такъ какъ у Кутайсова еще нѣтъ ордена св. Андрея. На этотъ разъ императоръ, окончательно выведенный изъ терпѣнія, приказалъ остаться всѣмъ русскимъ генераламъ, назначеннымъ сопровождать короля до границы; отнѣнилъ подставы, заготовленныя на пути; даже приказалъ возвратиться придворной кухнѣ. До границы король и его свита нашли продовольствіе, благодаря содѣйствію какого-то финскаго пастора. Въ тоже время, желая вознаграждать Кутайсова за отказъ въ иностранномъ орденѣ, государь пожаловалъ графа кавалеромъ св. Андрея Первозваннаго.

Съ воцареніемъ императора Александра I пріязненныя отношенія Россіи къ Швеціи возобновились. 15-го января 1805 года Густавъ IV заключилъ съ петербургскимъ кабинетомъ договоръ, въ силу котораго долженъ былъ принять начальство надъ союзною англо-русско-

шведскою армією противъ французовъ; когда же наши войска подошли къ берегамъ Эльбы, король отказался отъ исполненія своего обѣщанія. Послѣ тильзитскаго мира Густавъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ Англій, пользуясь щедрыми ея субсидіями. Кичась предъ Наполеономъ, шведскій король отважился вступить въ борьбу съ Франціей. Корпусъ маршала Брюнна занялъ Померанію; король бѣжалъ въ Штральзундъ, оттуда въ Швецію, которая лишилась Помераніи и острова Рюгена. Отказъ короля присоединиться къ континентальной системѣ, которая была принята Россією, повелъ къ разрыву, слѣдствіемъ котораго была разорительная для Швеціи война 1808 года... Эти сумасбродства возстановили противъ шведскаго короля всѣ сословія Швеціи. Общее негодованіе разразилось военнымъ заговоромъ, душою котораго были офицеры: Адлерспарръ и Адлеркрейцъ. Густавъ намѣревался бѣжать, овладѣвъ государственною казною, но арестованный генераломъ Адлеркрейцомъ, 1-го (13) марта 1809 г., былъ заключенъ въ замокъ Грипсгольмъ. Дядя короля, бывшій регентъ, герцогъ Зюдерманландскій былъ превозглашенъ королемъ подъ именемъ Карла XIII¹⁾.

Черезъ четыре недѣли Густавъ IV препроводилъ государственнымъ штатамъ Швеціи слѣдующее отреченіе:

„Во имя пресвятыя Троицы, мы, Густавъ-Адольфъ, король шведскій, готскій, вандальскій, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій и проч. симъ объявляемъ: семнадцать лѣтъ тому, будучи провозглашены королемъ и наследуя, съ сердцемъ еще обливавшимся кровью, окровавленный престолъ обожаемаго и почтеннаго родителя, мы намѣревались, однако, споспѣшествовать благу и славѣ сего древняго королевства, неразрывно сопряженнымъ со счастьемъ народа свободнаго и независимаго. Не въ состояніи будучи, согласно намѣренію нашему, долге отправлять наши королевскія обязанности и сохранять порядокъ и спокойствіе въ королевствѣ, мы, вслѣдствіе сихъ причинъ, поставляемъ себѣ священнымъ долгомъ отречься отъ нашего сана и нашей королевской короны, о чемъ симъ и заявляемъ добровольно безъ всякаго къ тому понужденія; дабы посвятить остатокъ дней нашихъ славѣ Божіей; призывая на всѣхъ подданныхъ нашихъ милосердіе и благословеніе Господне, желаемъ имъ и ихъ потомкамъ счастливѣйшей будущности: „Бога бойтеси, царя чтите!“

„Составлено, писано, собственноручною нашею подписью скрѣплено и утверждено нашею большею государственною печатью въ замкѣ

¹⁾ О сверженіи Густава IV, см., между прочимъ. депешу Алопеуса въ соч. Богдановича: «Исторія царствованія Александра I», томъ II, прилож. къ стр. 396.

Грипсгольмъ 29-го марта года 1809 по рождествѣ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа“.

10-го мая того же года государственные чины предоставили бывшему королю полную свободу выѣхать изъ Швеции, съ назначеніемъ ему пенсіи въ 66,666 риксдалеровъ. 6-го декабря 1809 г. Густавъ VI, подъ именемъ графа Готторпа, покинулъ бывшее свое королевство и началъ жалкую скитальческую жизнь, путешествуя по Германіи, Англии и Швейцаріи; посѣтилъ и Россію. Европейскія державы, заняты тогда борьбою съ Наполеономъ I, позабыли даже о существованіи бывшаго шведскаго короля. Желая обратить на себя общее вниманіе, графъ Готторпъ возвѣстилъ въ газетахъ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ въ Святую Землю: этотъ прозекъ, напоминавшій бредъ безумнаго, ни въ комъ не возбудилъ ни смѣха, ни жалости. Въ 1814 году на вѣнскій конгрессъ предъявленъ былъ графомъ Готторпомъ протестъ въ пользу правъ своего сына на шведскій престолъ; ему отвѣчали, какъ и слѣдовало ожидать, молчаніемъ. Въ 1818 году городъ Базель принялъ графа Готторпа въ число своихъ гражданъ и отставной король, въ угоду республикѣ, наименовался полковникомъ Густавсономъ. Послѣ этого онъ жилъ попеременно—въ Лейпцигѣ, въ Франкфуртѣ; напечаталъ (въ 1823 году) свои мемуары; поселился въ Сен-Галлѣ и здѣсь скончался въ мартѣ 1837 года на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія. Нельзя не замѣтить, что въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія республика Швейцарія служила пристанищемъ сверженному съ престола королю шведскому, противнику Наполеона I, и племяннику развѣнчаннаго французскаго императора, претенденту на престолъ, котораго онъ и достигъ со временемъ. Сынъ Густава IV пользовался титуломъ принца Ваза; дочери его были въ замужествѣ за владѣтельными особами въ Германіи.

Такова была участь Густава, имъ заслуженная. Не менѣе печальна была судьба великой княжны Александры Павловны, непорочной жертвы расчетовъ политическихъ.

19-го октября 1799 г., по волѣ августѣйшихъ родителей, въ свою очередь покорствовавшихъ требованіямъ политики, великая княжна сочеталась бракомъ съ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ. Не смотря на нетерпимость австрійскаго кабинета, при заключеніи родственнаго союза съ Россією, имъ было обѣщано, что палатинѣ Александрѣ Павловнѣ будетъ предоставлена совершенная свобода ея вѣроисповѣданія. Вѣсть о бравосочетаніи эрцгерцога палатина съ княжною православнаго исповѣданія была радостною вѣстью для ея единовѣрцевъ австрійскихъ подданныхъ, которые заранѣе видѣли въ ней будущую свою покровительницу и за-

щитницу православной церкви отъ нападокъ австрійскаго правительства. Вѣнскій дворъ и почти вся Австрія дѣлилась тогда на три партіи. Во главѣ первой—сильнѣйшей стояла: императрица Терезія (дочь королевы неаполитанской Каролины) и пресловутый Тугутъ, въ дѣлахъ политики, если не Макиавелли, то безспорно Цесарь-Борджія, оправдывавшій всевозможныя и даже недовозимыя средства къ достиженію цѣли. Партія, которой Тугутъ былъ душою, отличалась ненавистью къ Россіи, не взирая на то, что самая эта ненавистная Россія была въ то время спасительницей Австріи, поручивъ ей защиту Суворову. Другая партія, противница первой, была малочисленна, но ее составляли приверженцы храбраго эрцгерцога Карла,—люди честные, истинно благонамѣренные. Третью,—совершенно отдѣльную партію, враждебную обѣимъ первымъ,—составляли венгерскіе магнаты, мечтавшіе объ образованіи изъ этой области отдѣльнаго, независимаго отъ Австріи, королевства. Въ 1795 г., стараніями Тугута, въ Венгріи былъ открытъ обширный заговоръ, имѣвшій цѣлью освобожденіе Венгріи и возведеніе на ея престолъ австрійскаго эрцгерцога Александра-Леопольда. Главные заговорщики были казнены; эрцгерцогъ погибъ „нечаянно“, спуская фейерверкъ въ Люксембургѣ. Съ той поры Венгрія въ глазахъ австрійскаго правительства сдѣлалась какъ бы опальною странюю. Ненависть къ ней Австріи усиливали въ особенности племена православнаго исповѣданія, по мнѣнію партіи Тугута и императрицы Терезіи, отчаянные бунтовщики. Такимъ образомъ, бракъ палатина съ русскою великою княжною казался противорѣчіемъ воззрѣніямъ вѣнскаго кабинета на венгерскихъ православныхъ, какъ бы уступкою ихъ завѣтнымъ желаніямъ. Но того требовали „покуда“ прямыя выгоды Австріи: этотъ бракъ упрочивалъ ея союзъ съ Россією.

Покидая свое семейство и родину, новобрачная великая княжна сильно тосковала, будто томимая роковымъ предчувствіемъ. Духовникомъ ея и спутникомъ въ Венгрію былъ назначенъ священникъ Андрей Аванасевичъ Самборскій, авторъ любопытныхъ записокъ о пребываніи великой княгини на чужой сторонѣ, очевидецъ ея душевныхъ и тѣлесныхъ страданій и загадочной кончины¹⁾.

Первое появленіе великой княгини при вѣнскомъ дворѣ уже не предвѣщало ей ничего добраго. Императоръ Францъ I, пораженный сходствомъ палатини со своей покойной первой супругою (Елисаветою, принцессою виртембергскою, родной сестрою императрицы Маріи

¹⁾ Записки Самборскаго были напечатаны въ газетѣ: «День» (1862 г., № 37: «эпизодъ изъ исторіи отношеній Австріи къ Россіи» пзъ «Воспоминаній А. А. Самборскаго» и въ «Памятникахъ новой русской исторіи», изданіе 1872 г., т. II, Спб., отдѣлъ второй, стр. 47—67.

Феодоровны), не могъ скрыть своего волненія отъ ревнивыхъ взоровъ императрицы Терезіи: она возненавидѣла великую княгиню; возненавидѣла ее по чувству ревности, какъ олицетвореніе уже усопшей соперницы и по тому инстинктивному чувству ненависти, которое душа низкая и испорченная всегда питаетъ къ душѣ кроткой и непорочной. Супругъ великой княгини, человекъ не злой, но слабый, безхарактерный, не могъ и не умѣлъ оградить ее отъ оскорбленій со стороны ея новой родни. Обѣщанія Австріи касательно полной свободы вѣроисповѣданія палатини не замедлили оказаться ложными. Венгерскій примасъ, кардиналъ Батіани и съ нимъ цѣлый сонмъ іезуитовъ, старались всячески совратить великую княгиню въ католицизмъ, замедляя устройство православной церкви въ Офенѣ, резиденціи палатина. Притѣсная отца Самборскаго, прелаты оклеветали духовника палатини, обвиняя его въ неуваженія къ церкви католической и въ митежныхъ замыслахъ противъ правительства. Не смотря на всѣ эти происки, православная церковь была освящена и, въ праздничные дни посѣщаемая великою княгинею, наполнялась православными подданными короны венгерской. Это отдѣльное „царство въ царствѣ“ до такой степени раздражило австрійское правительство, что оно прибѣгло къ мѣрамъ, достойнымъ средне-вѣковой инквизиціи. Въ первые дни пасхи 1800 г. (бывшей 8-го апрѣля по календарю православному), подъ предлогомъ многочисленнаго стеченія народа, полиція разогнала палками почти всѣхъ православныхъ модельщиковъ изъ ихъ храма. Оскорбленная до глубины души, великая княгиня намѣривалась довести объ этомъ насиліи до свѣдѣнія своего родителя императора Павла, но уступила мольбамъ о. Самборскаго и намѣренія своего не исполнила. Съ своей стороны и посланникъ нашъ не сообщилъ русскому двору объ этомъ позорномъ событіи. Замѣтимъ, что въ эти самые дни Суворовъ, разбивъ французскія войска на берегахъ Адды, помогъ австрійцамъ овладѣть Кременою и съ торжествомъ вступилъ въ Миланъ.

Военныя дѣйствія и приготовленія венгерскаго войска къ походу въ слѣдующемъ 1801 году побудили палатина Іосифа отправиться въ Вѣну. Супруга его, не смотря на свою беременность, ему сопутствовала. Положеніе, въ которомъ и послѣдняя простолюдинка имѣетъ право на внимательность и состраданіе, не обезоружило злобы императрицы Терезіи. Явно оказывая пренебреженіе къ палатинѣ, она довѣрила ее попеченіямъ доктора невѣжды и грубіяна. Подъ предлогомъ діеты, палатинѣ не дозволяли употреблять въ пищу яства, любимыя ею, или тѣ, на которыя позывала ее, свойственная беременнымъ, прихоть вкуса (идіосинкразія): дочь о. Самборскаго страдала кушанья великой княгини; провизію покупалъ самъ ея духовникъ. Въмѣсто спокойствія, не-

обходимаго беременной, ей дозволяли сопутствовать супругу въ его разъездахъ изъ Вѣны въ Офенъ, изъ Офена въ Эденбургъ. Совѣты къ сбереженію здоровья великой княгини давались совершенно на перекоръ гигиеническимъ условіямъ. Ей отсовѣтывали ѣхать въ Офенъ водою и она отправилась по тряской дорогѣ, сухимъ путемъ. Приспѣшница, императрицы Терезіи, какая-то дама ¹⁾ убѣдила великую княгиню сопутствовать своему супругу и въ Эденбургъ. Утомленная этими переѣздами, больная располагала отдохнуть здѣсь и, если возможно, пробыть въ Эденбургѣ во все время родовъ; императоръ Францъ „приказомъ“ повелѣлъ палатнику, вмѣстѣ съ супругою, ѣхать въ Вѣну. Въ столицу Австріи великая княгиня отправилась въ твердомъ убѣжденіи, что тамъ ожидаетъ ее смерть и погрузилась въ тяжелое, грустное раздумье, предшествовавшее страдальческой кончинѣ.

Императоръ австрійскій, дворъ со всѣми своими партіями тревожились о беременности палатины, разумѣется, не по чувству человечества, а единственно вслѣдствіе соображеній политическихъ. Рожденіе младенца мужскаго пола (по мнѣнію вѣнскаго кабинета) должно было неминуемо повлечь за собою отложение Венгріи отъ австрійскаго владычества и воцареніе въ ней новой династіи отъ корня русскаго императорскаго дома.

Приблизилось время родовъ злополучной палатины, довѣренной попеченіямъ опытнаго акушера. Для облегченія ея страданій онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ хирургической помощи и ускорилъ рожденіе младенца женскаго пола, жившаго нѣсколько часовъ. На девятый день палатина встала съ постели, ибо, по признанію докторовъ, была внѣ опасности. Къ вечеру у нея открылся бредъ, а къ половинѣ шестаго часа утра 4-го (16-го) марта 1801 года она скончалась... Одинъ изъ врачей, производившихъ вскрытіе, сообщилъ пріятелю о Самборскаго, подъ строжайшимъ секретомъ, будто въ лѣвомъ легкомъ палатины оказалось поврежденіе. „Это обстоятельство въ медицинской письменной визитаціи“, — говоритъ о Самборскій въ своихъ Запискахъ, — „было утаено. Разные люди — разные причины полагали смерти ея высочества; но я не дерзаю утверждать дѣла, мнѣ неизвѣстнаго“ ²⁾.

По свидѣтельству о Самборскаго, даже трупъ страдальцы не было оказано должнаго уваженія. До преданія его землѣ, оберъ-гофмей-

¹⁾ Отецъ Самборскій не называетъ ее по имени.

Ред.

²⁾ Донесенія врачей о вскрытіи и погребеніи тѣла усопшей были доставлены императрицѣ Маріи Теодоровнѣ. Всѣ эти бумаги хранятся въ библиотекѣ дворца города Павловска въ особомъ конвертѣ, со своеручною надписью императрицы: «Papiers qui ont rapport à la maladie, à la mort, à l'enterrement

стерь распорядился о помѣщеніи гроба въ подвалъ капуцинской церкви, въ которомъ рыночныя торговли складывали лукъ, чеснокъ и всякую зелень. О. Самборскій настаивалъ на помѣщеніи гроба съ тѣломъ великой княгини въ православной дворцовой церкви, но въ этомъ ему отказали. Гробъ былъ сначала перенесенъ въ домъ, находившійся въ собственномъ саду палатины, потомъ въ церковь. Перенесеніе это происходило при огромномъ стеченіи православнаго населенія Офена. Католическіе патеры, желавшіе принять участіе въ печальной церемоніи (чтобы доказать народу вымышленное соединеніе обрядовъ западной церкви съ обрядами церкви восточной), были отстранены усилиями о. Самборскаго. Непритворныя слезы народа, горячее его сочувствіе къ россійскому императорскому дому показали австрійскому правительству злонамѣренную демонстраціей,— и оберъ-гофмейстеръ дворца палатина официальной нотой предложилъ о. Самборскому поспѣшить погребеніемъ и исполнить этотъ обрядъ „ночью и инкогнито“. Однако же, по настоянію о. Самборскаго, австрійское правительство разрѣшило предать погребенію тѣло усопшей великой княгини днемъ, съ подобающими почестями и по обряду греко-россійской церкви, на капуцинскомъ кладбищѣ. Заискивая расположенія только что воцарившагося императора Александра I, недавніе гонители православія отдѣлили въ окрестностяхъ Офена участки земли для построенія церкви и при ней кладбища. Въ эту церковь, освященную 30-го августа 1801 г., былъ перенесенъ гробъ съ останками великой княгини палатины Александры Павловны... Въ первые вѣка христіанства храмы созидались надъ мѣстами погребенія мучениковъ: православная церковь въ Офенѣ построена надъ гробомъ праведницы и служить ей понынѣ достойнымъ памятникомъ.

Но и на дальнемъ родимомъ сѣверѣ память о великой княгинѣ сохранена заботливостью нѣжной ея родительницы. Въ городѣ Павловскѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ садикъ великой княжны Александры Павловны, въ 1814 году былъ воздвигнутъ монументъ трудовъ талантливаго Мартоса († 1835 г.): „юная женщина, существо какъ бы сверхъ земное, надъ которою взошла звѣзда новой жизни, готова повинуть міръ сей. Жизнь, въ видѣ генія, тщетно силится удержать удаляющуюся, она улетаетъ, вперяя свои взоры въ небеса“.¹⁾

et à l'héritage de feu ma fille la Grand-Duchesse Alexandrine.— Lettres de l'archiduc à feu l'Empereur Paul». (Бумаги, относящіяся до болѣзни, кончины, погребенія и наслѣдства покойной моей дочери великой княгини Александры. Письма эрцгерцога къ покойному императору Павлу). Ред.

¹⁾ См. «Путеводитель по саду и городу Павловску», составленный П. Шторхомъ, съ 12-ю видами, рисованными съ натуры В. А. Жуковскимъ, и планомъ.

Годъ кончины великой княгини Александры Павловны 1801 былъ тяжкимъ, скорбнымъ годомъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ мартѣ мѣсяцѣ она лишилась супруга (въ ночь съ 11-го на 12-е число); въ послѣднихъ числахъ пришло въ Россію извѣстіе о кончинѣ палатини венгерской; 12-го сентября того же года скончалась вторая дочь императрицы—Елена Павловна, наслѣдная принцесса Мекленбургъ-Шверинская. Монументъ въ ея память, также въ Павловскѣ, и также трудомъ ректора Академіи Художествъ И. П. Мартосомъ, сооруженъ въ 1810 г., на небольшомъ полуостровѣ, близъ дворца. На невысокомъ столбѣ, составляющемъ памятникъ, находится барельефъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій генія, онъ опирается на обращенный къ низу фавель. На другой сторонѣ столба надпись, означающая время кончины великой княгини, а именно: „Сентября 12-го дня 1801 года“. Мѣстоположеніе вокругъ обоихъ памятниковъ весьма живописно.

Прилагаемая виньетка изображаетъ памятникъ Еленѣ Павловнѣ.

С.-Петербургъ, 1843 г., 70 стр., въ 32-ю д. Доннѣ это единственное описаніе любимой резиденціи императрицы Маріи Ѳеодоровны. Но помимо того, что «Путеводитель» г. Н. Шторха составляетъ нѣвъ рѣдкость библиографическую, онъ написанъ тридцать лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ Павловскъ значительно измѣнился, а потому желательно было бы увидѣть въ печати новое подробное описаніе города Павловска, съ которымъ соединено такъ много историческихъ воспоминаній изъ жизни императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея семейства.

Ред.

ТОРЖЕСТВО БРАКОСОЧЕТАНІЯ В. К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

1793.

Въ бібліотекѣ дворца города Павловска, между многими любопытными документами, сохраняются двѣ тетради, заключающія въ себѣ: описаніе торжества миропомазанія принцессы Луизы Баденской, нарѣченной невѣсты великаго князя Александра Павловича, ихъ обрученія и слѣдовавшаго затѣмъ празднества ихъ бракосочетанія. Эти описанія были извлечены изъ камер-фурьерскаго журнала, вѣроятно, по желанію императрицы Маріи Феодоровны, которая хранила ихъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о радостныхъ дняхъ въ своемъ царственномъ семействѣ. Хотя описаніе брачнаго торжества было въ 1793 г. напечатано, тѣмъ не менѣе, мы, съ разрѣшенія Августѣйшаго владѣльца гор. Павловска, помѣщаемъ этотъ интересный документъ на страницахъ «Русской Старины», во-первыхъ, потому, что въ рукописи дворцовой бібліотеки, по которой мы печатаемъ, есть много подробностей, опущенныхъ въ печатной брошюрѣ; во-вторыхъ, потому, что самая брошюра нынѣ составляетъ бібліографическую рѣдкость ¹⁾.

Бракъ любимаго, обожаемаго внука былъ завѣтною мечтою Екатерины II въ послѣдніе годы ея царствованія. Она сама избрала ему невѣсту; спѣшила бракомъ царственного отрока, какъ бы заботясь объ упроченіи будущей династіи внука, котораго, помимо прямаго и законнаго наслѣдника, намѣревалась назначить своимъ преемникомъ. Супружеская жизнь Александра I сляшкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться. Добрая, кроткая его супруга, не порадовавшая его рожденіемъ наслѣдника ²⁾, была первою юно-

¹⁾ «Описаніе торжества высокобрачнаго сочетанія ихъ императорскихъ высочествъ, благовѣрнаго государя великаго князя Александра Павловича съ благовѣрною государынею великою княжною Елисаветою Алексѣевою, шастливо совершившагося сего 1793 года сентабря 28-го дня. Спб., при императорской Академіи Наукъ, въ 8-ю д. листа, 15 стр.» Въ каталогѣ Смирдина объ этой брошюрѣ не упомянуто; у Соניкова см. IV, 7756. Одинъ изъ немногихъ ея экземпляровъ хранится въ бібліотекѣ Д. В. Полюнова. Ред.

²⁾ У императора Александра I и Елисаветы Алексѣевны, въ теченіе тридцатидвухлѣтнаго супружества, было только двѣ дочери: Марія (род. 18-го мая 1799, † 27-го іюля 1800 г.) и Елисавета (род. 3-го ноября 1806, † 30-го апрѣля 1806 года); объ онѣхъ погребены въ церкви св. Духа, въ Невской лаврѣ. Ред.

пешкою и послѣднею любовью Александра. Въ цвѣтущіе годы его жизни ее затмѣвали другія счастливицы; но пресыщенный наслажденіями жизни, обремененный славою, утомленный почестями, разочарованный въ людяхъ, Александръ скончался на рукахъ единственной, неизмѣнно вѣрной своей подруги... Никто не дерзнулъ отнять у нея священнѣйшаго права жены и ей принадлежалъ послѣдній ударъ сердца Александра, послѣдній его вздохъ.

Примѣчаніе. Въ виду частыхъ упоминаній императорскаго титула, сана великокняжескаго, придворныхъ званій и чиновъ, редація сочла необходимъмъ, при печатавіи описанія сдѣлать слѣдующія сокращенія:

Е. И. В.—	означаетъ:	Ея Императорское Величество.
Е. И. в.		Его или Ея императорское высочество.
Е. В.		Ея Величество.
Е. в.		Его или Ея высочество.
в. к.		великій князь.
в. к—ня.		великая княгиня.
в. к—на.		великая княжна.
вв. кн.		великіе князья.
вв. кк—ны.		великія княжны.
Г.		Государь.
Ц—чъ.		Цесаревичъ.
Г—ня.		Государыня.
ГГ.		Государи.
ГГ—ни.		Государыни.
И. И. вв.		Ихъ Императорскія высочества.
благ.		благовѣрный, благовѣрная.
свѣт., свѣт—сть.		свѣтлость.
к—кал.		княжеская.
кн.		князь.
гр.		графъ.
ген.		генераль.
гг.		господа.
гг - жи.		госпожи.

Ред.

I.

Миропомазаніе Луизы-Маріи-Августы, принцессы Баденской.

Мѣсяцъ май, 1798 г.

9-го числа. Въ понедѣльникъ, въ день праздника святаго Николая Чудотворца, назначенный для святаго миропомазанія ея высококняжеской свѣтлости Луизы-Маріи-Августы, принцессы Баденской, при дворѣ ея императорскаго величества происходило слѣдующее:

Въ силу учиненныхъ предъ тѣмъ отъ двора повѣстокъ, того дня, поутру въ 10-ть часовъ, съѣхались въ Зимній Е. И. В. каменный дворецъ святѣйшаго правительствующаго синода члены и прочее знат-

ное духовенство и назначенная быть при святомъ миропомазаніи воспріемницею новгородскаго Сирцова монастыря игуменья Александра Матвѣевна Шубина, также знатныя, обоего пола, персоны и собирались духовные—въ придворной большой церкви, придворные—предъ внутренними покоями, а прочіе— въ парадныхъ покояхъ, чрезъ которые, между тѣмъ, въ половинѣ 11-го часа въ апартаменты Е. В. прибытіе имѣть изволили изъ своихъ покоевъ И. И. вв. Г—ръ Цесаревичъ и вк. Г—ня в. к—ня, ГГ. вв. кк. Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. к—ны Александра Павловна, Елена Павловна и Марія Павловна, а передъ тѣмъ нѣсколько ранѣе въ покои-жъ Е. В. прибыла ея высококняжеская свѣтлость Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская.

Въ три четверти 11-го часа утра-жъ Е. И. В. съ И. И. вв. и со свѣтлѣйшею принцессою Баденскою изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, чрезъ парадныя комнаты, въ предслѣдованіи придворнаго штата кавалеровъ и въ провожаніи знатныхъ придворныхъ дамъ и прочихъ обоего пола особъ, изволила шествовать въ большую придворную церковь, предъ которою въ послѣдней комнатѣ Е. И. В., взявъ за руку свѣтлѣйшую принцессу, съ оною войти изволила въ церковь, гдѣ у дверей встрѣтили Е. И. В. члены синода и прочее духовенство въ церковномъ облаченіи; и когда ея вк—кая свѣтл. принцесса поставлена передъ церковныя двери на настланномъ вдоль церкви коврѣ, тогда, по учиненіи ею трехъ среднихъ поклоновъ, преосвященный Гавріилъ митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій благословилъ Е. С. со изрѣченіемъ: „Во имя отца и сына и святаго духа“, продолжая слѣдующее: „церковь божія, хотя воспріяти тя въ свое сообщеніе, нарицаеть тебѣ имя Елисавета Алексѣевна“.

Послѣ сего и оконченныхъ преосвященнымъ надлежащихъ молитвъ, воспѣтъ стихъ: „Отверзите мнѣ врата правды, вшедъ въ ня исповѣмся Господеви; отъ востокъ солнца до западъ, хвалю имя Господне“; и на первой ектеніи протодіакономъ провозглашена Ея вк—кая свѣт—ть благовѣрною княжною Елисаветою Алексѣвною. Потомъ совершалось святое миропомазаніе свѣтлѣйшей принцессы, по чиноположенію первенствующимъ синода членомъ, преосвященнымъ Гавріиломъ митрополитомъ новгородскимъ и санктпетербургскимъ; при чемъ воспріемницею была помянута игуменья Александра Матвѣевна Шубина.

По совершеніи святаго миропомазанія, синода члены и прочее духовенство принесли свое поздравленіе Ея вк—кой свѣт—сти съ воспріятіемъ православныя вѣры; также Е. И. В. и И. И. вв. изволили поздравить Ея св—сть, которую Е. И. В. благословила иконою святаго чудотворца Николая.

Потомъ началась божественная литургія, которую совершалъ помянутый преосвященный съ знатнымъ духовенствомъ, и во время литургіи свѣтлѣйшая благовѣрная княжна стояла съ воспріемницею за правымъ клиросомъ, близь императорскаго мѣста.

При окончаніи литургіи, Е. И. В., сошедъ съ своего мѣста, изволила подводить благовѣрную княжну прикладываться къ святымъ иконамъ и ко святому причащенію святыхъ Христовыхъ таинъ.

По окончаніи литургіи, въ церкви-жъ Ея И — му В — ву и Ихъ И — мъ вв — мъ приносили поздравленіи и жалованы къ рукѣ свѣтѣйшаго синода члены и знатное духовенство, а по семь Е. В. съ И. вв. и со свѣтл — ею благовѣрн. княжною изволила возвратиться изъ церкви и проходить чрезъ столовую комнату въ кавалерскую, гдѣ Е. В., отелаявшись, отсутствовала съ благовѣрн. княжною Баденскою во внутренніе покои, а И. вв. отбыли въ свои покои.

По семь Е. И. В. изволила имѣть обѣденный столъ въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя, на 16-ти кувертахъ.

Потомъ въ 6-ть часовъ вечера въ той же, гдѣ вещи брилліантовыя, комнатѣ, начата и отправлена дежурнымъ священникомъ всенощная, послѣ которой во внутренніе покои позваны были обыкновенно приглашающіяся придворныя обоого пола персоны и знатный генералитетъ, съ которыми Е. И. В. изволила препроводить вечеровое время въ разговорахъ до 10-го часа вечера-жъ.

Сего утра ея вк — каая свѣтлость благовѣрн. княжна Баденская въ церковь выходъ имѣть изволила въ рускомъ платьѣ, котораго верхъ былъ розоваго, а исподъ — бѣлаго, шелковой матеріи, цвѣта,

Сего-жъ числа ливрейные служители находились во вседневной ливреѣ.

10-го числа во вторникъ. Въ торжество рожденія Е. И. в. благ. Г — ни в. к — ны Екатерины Павловны, назначенный для обрученія Е. И. в. благ. Г — ря в. к. Александра Павловича съ воспріавшею православную вѣру благ. к — ною Елисаветою Алексѣевою, при дворѣ Е. И. В. происходило слѣдующее:

Въ силу вышеписанныхъ повѣстокъ, поутру, въ 11-мъ часу, съѣхались ко двору Е. И. В. свѣтѣйшаго синода члены и знатное духовенство, всѣ знатныя придворныя дамы и первыхъ четырехъ классовъ обоого пола персоны; также господа чужестранные министры и знатное дворянство — дамы — въ рускомъ, кавалеры — въ обыкновенномъ цвѣтномъ платьѣ, и собирались духовные — въ придворной большой церкви, а прочіе и чужестранные министры — предъ внутренними покоями и въ парадныхъ комнатахъ.

Между тѣмъ, въ апартаменты Е. И. В. изъ своихъ покоевъ при-

быть изволили И. И. вв. Г—рь Цесаревичъ, Г—ня в. к—ня; ГГ. вв. кк., ГГ—ни вв. кк—ны, свѣтл. в—на и Е. вк—кая свѣтл. Фридерика-Доротея, принцесса Баденская.

Въ четверть 12-го часа, Е. И. В. изъ внутреннихъ своихъ покоевъ чрезъ парадныя комнаты шествовать изволила въ придворную большую церковь слѣдующимъ порядкомъ:

1.

Двора Е. И. В. два гофъ-фурьера, камеръ-фурьеръ.

2.

Оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знаками.

3.

Е. И. В—ва камеръ-юнкеры по два въ рядъ, младшіе на переди.

4.

Е. И. В—ва камергеры по два въ рядъ, младшіе на переди.

5.

Члены учрежденнаго при дворѣ Совѣта и первенствующіе чины двора Е. И. В—ва.

6.

Е. И. В—ва оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ, съ ихъ жезлами.

7.

Е. И. В—во, имѣя на главѣ малую корону и въ императорской мантии, которой шлейфъ несли четыре камергера, а конецъ—старшій изъ камергеровъ тайн. сов. Обуховъ; предъ Е. В., немного поотдаля, шли: по правую сторону—дежурный ген.-адъютантъ графъ Ангальтъ, а по лѣвую—оберъ-камергеръ Шуваловъ; а за Е. И. В. слѣдовали.

8.

И. И. вв. Г—рь Цесаревичъ и в—й к. и Г—ня в. к—ня.

9.

И. И. вв. ГГ. вв. кк. Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ.

10.

Ея вк—кая свѣтл. благ. кн—на Елисавета Алексѣевна и Е. И. в. Г—ня в. кн—на Александра Павловна.

11.

И. И. вв. ГГ—ни вв. кк—ны Елена Павловна и Марія Павловна, а за И. И. вв. Ея вк—кая свѣтл. Фридерика-Доротея, принцесса Баденская.

12.

Е. И. В—ва статсъ-дамы, камеръ-фрейлина, флейлины и первыхъ четырехъ классовъ обоего пола персоны и гг. чужестранные министры.

При входѣ въ церковь встрѣтили Е. И. В. святѣйшаго синода члены съ знатнымъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи и первенствующій членъ синода преосвященный Гавріиль митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій, держа въ рукѣ животворящій крестъ, предшествовалъ.

По высочайшемъ прибытіи въ церковь, Е. И. В. изволила въ оной остановиться, не переходя имѣющейся въ церкви рѣшетки и взявъ Г—ря в. к. Александра Павловича и свѣтл. княжну Елисавету Алексѣевну, державшихся себя (sic) правыми руками, благоволила ввести на приуготовленное предъ царскими дверьми возвышенное на одну ступень мѣсто, покрытое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ, въ два ряда по борту, гасомъ и противъ того мѣста поставлены были предъ самими царскими дверьми наложъ съ Евангеліемъ, а ближе къ мѣсту—небольшой столъ для обрученныхъ свѣчъ и перстней; какъ на наложъ одежда такъ, и столъ покрытъ былъ малиновымъ рытымъ съ золотомъ бархатомъ и съ золотымъ гасомъ.

Когда Е. И. В. изволила стать на свое императорское мѣсто, а И. И. вв. на свои мѣста, тогда преосвященный Гавріиль, по церковному обряду, началъ совершать обрученіе, при чемъ прочее духовенство стояло по обѣимъ сторонамъ отъ обрученнаго мѣста къ царскимъ дверямъ.

По возложеніи преосвященнымъ обручальныхъ перстней на руки Г—ря в. к. Александръ Павловича и свѣтл. к—ны Елисаветы Алексѣевны, Е. И. В., сошедъ съ своего мѣста, сама высочайшею особою изволила раздѣлять оними перстнями И. И. вв. высоко-новообрученныхъ и всемилостивѣйше пожаловать ихъ къ рукѣ; при чемъ съ санктпетербургской крѣпости выпалено изъ 51-й пушки.

По семъ, при чтеніи преосвященнымъ молитвъ и на ектеніяхъ свѣтл. кн—на именована Е. И. в. благ. Г—ря в. к. Александръ Павловича обрученною невѣстою его благовѣрною Г—нею в. к—ною, и потомъ всѣ члены синода и прочее духовенство приносили нижайшія свои поздравленія Е. И. В. и И. И. вв. и жалованы къ рукѣ;

тогда-жъ въ рукѣ Е. И. В. подходили И. И. вв. высоконовообрученныя.

По совершеніи обрученія, начать и отправлялся членами синода съ прочимъ духовенствомъ благодарственный молебенъ, при концѣ котораго съ адмиралтейской крѣпости учинена пальба изъ 31-й пушки.

Потомъ началась божественная литургія, которую совершалъ помянутый преосвященный Гавріилъ митрополитъ съ знатнымъ духовенствомъ; во время литургіи и благодарнаго молебна высоконовообрученныя стояли по правую сторону рѣшетки, позади И. И. вв. Г—ря Цесаревича и Г—ни в. к—ни на посланномъ коврѣ, Г—рь в. к. Александръ Павловичъ по правую, а Г—ня в. к—на обрученая невѣста его—по лѣвую сторону; тутъ-же стоять изволили Г—рь в. к. Константинъ Павловичъ, Г—ни вв. кк—ны и свѣтлѣйшая принцесса Баденская.

По окончаніи литургіи, паки съ санктпетербургской крѣпости произведена пушечная пальба въ числѣ 21-го выстрѣла и Е. И. В. съ И. И. вв. изволили возвратиться изъ церкви и шествовать парадными покаями прежнимъ порядкомъ, кромѣ того, что Е. И. В. Г—рь в. к. Александръ Павловичъ изволилъ идти съ обрученною его невѣстою Е. И. в. Г—нею в. к—ною Елисаветою Алексѣвною.

Проходя покаями, въ комнатѣ, гдѣ постъ кавалергардовъ Е. И. В. изволила принимать поздравленія отъ пословъ: римско-императорскаго графа Кобенція (sic), королевско-шведскаго барона Штедингга и прочихъ чужестранныхъ министровъ и всемилостивѣйше жаловать въ рукѣ; потомъ благоволила шествовать съ благов. Г—нею в. к—ною Елисаветою Алексѣвною во внутренніе покои, а И. И. вв. изволили возвратиться въ свои покои, гдѣ И. И. вв. Г—рю Цесаревичу и Г—нѣ в. княгинѣ приносимы были поздравленія-жъ отъ пословъ и прочихъ чужестранныхъ министровъ; въ то же время предъ дворцомъ чинено поздравленіе отъ гвардіи полковъ и другихъ воинскихъ командъ на трубахъ съ литаврами и барабаннымъ боемъ.

По постановленіи въ галлерей на приуготовленные столы обѣднаго кушанья и по собраніи въ ту галлерей членовъ святѣйшаго синода и первыхъ четырехъ классовъ обоаго пола персонъ (которыя должны были остаться при столѣ) и гг. чужестранныхъ министровъ, кои предварительно собрались на тотъ точію случай, какъ Е. И. В. изволилъ сѣсть за столъ.

Когда-жъ въ покои Е. В. прибыть изволили И. И. вв. ГГ—рь Цесаревичъ, Г—ня в. к—ня и ГГ. вв. кк., тогда Е. И. В. господами оберъ-гофмаршаломъ и гофмаршаломъ учиненъ докладъ о столѣ, къ которому изволила шествовать Е. И. В. съ И. И. вв. Г—мъ Цесаре-

вичемъ, Г—ею в. к—нею, Г—мъ в. к. Александромъ Павловичемъ съ высоконовообрученною его невѣстою и съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ и кушать обѣденное кушанье на тронѣ подъ балдахиномъ; при чемъ засѣдали слѣдующимъ порядкомъ:

На тронѣ:

- 1) Ея Импер. Величество.
- 2) Е. И. в. благовѣр. Г—рь Наслѣдникъ Цесаревичъ и в. к. Павелъ Петровичъ.
- 3) Е. И. в. благ. Г—ня в. к—ня Марія Θεодоровна.
- 4) Е. И. в. благ. Г—рь в. к. Александръ Павловичъ.
- 5) Е. И. в. благ. Г—рь в. к. Константинъ Павловичъ.
- 6) Е. И. в—ва Г—ря в. к. Александра Павловича обрученная невѣста его, Ея И. в. благ. Г—ня в. к—на Елисавета Алексѣевна. Форшнейдеръ (дѣйствительный камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ).

За 2-мъ столомъ кушали: преосвященный Гавріиль, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, съ прочими чинами святѣйшаго синода и знатымъ духовенствомъ и синода оберъ-прокуроръ Мусинъ-Пушкинъ на 16-ти кувертахъ.

За 3-мъ столомъ кушали: гг-жи статсъ-дамы, камеръ-фрейлина, фрейлины и дамы первыхъ четырехъ классовъ на 72-хъ кувертахъ.

За 4-мъ столомъ кушали тѣхъ же классовъ кавалеры и воложскій господарь Маврокордато на 76-ти, а всего на 170 кувертахъ.

Въ продолженіе стола, въ галереѣ-жѣ, на хорахъ играла камерная, вокальная и инструментальная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ (съ соединеніемъ музыки роговой).

Во время стола кубкомъ пили за здравіе, съ пушечною пальбою, при играніи на трубахъ съ литаврами, слѣдующимъ порядкомъ:

- 1) Начинать изволилъ Е. И. в. Г—рь Ц—чъ и в. к. Павелъ Петровичъ за высочайшее здравье Е. И. В—ва; при чемъ выпалено изъ 51-й пушки.

Потомъ начинать соизволила Е. И. В.

- 2) Здравіе И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни; при чемъ выпалено изъ 31-й пушки.

3) Здравіе И. И. вв. Г—ря в. к. Александра Павловича и высоконовообрученной невѣсты его Г—ни в. к—ны Елисаветы Алексѣевны; при чемъ выпалено изъ 31-й пушки.

- 4) Здравіе И. И. вв. Г—ря в. к. Константина Павловича, ГГ—нь вв. кк—нь Александры Павловны, Елены Павловны, Маріи Павловны, Екатерины Павловны и Ольги Павловны; при чемъ выпалено изъ 31-й пушки.

5) Всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, съ выстрѣломъ изъ 31-й же пушки (пальба производилась съ адмиралтейской крѣпости).

Предъ симъ Е. И. В. изволила особо пить здоровье святѣйшаго синода.

При питіи вышписанныхъ здравій кубокъ подносили:

Е. И. В.—ву г. оберъ-шенкъ Нарышкинъ; И. И. вв. Г—рю Ц—чу и Г—нѣ в. к—нѣ дежурные при И. И. вв. господѣ камергеры, а И. И. вв. Г—рю в. к. Александру Павловичу, Г—нѣ в. к—нѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Г—рю в. к. Константину Павловичу—камеръ-юнкеры Ея И. В.—ва.

На тронѣ за креслами Е. И. В. стояли: гг. оберъ-камергеръ Шуваловъ и оберъ-гофмейстеръ Елагинъ; а съ ними прочіе первенствующие чины, какъ-то: оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, оберъ-егермейстеръ кн. Голицынъ, гофмейстеръ гр. Безбородко и деж. ген.-адъют. гр. Ангальтъ; а за стулами И. И. вв. стояли камеръ-юнкеры Е. В. Вокругъ трона стояли-жь: камергеры и камеръ-юнкеры, а предъ трономъ гг. оберъ-гофмаршалъ Орловъ и гофмаршалъ кн. Барятинскій, съ ихъ жезлами; также оберъ-церемоніймейстеръ Кашталинскій и за-церемоніймейстера камеръ-юнкеръ Нащокинъ, съ ихъ знаками.

А какъ Е. И. В.—ву угодно было стоявшихъ на тронѣ первенствующихъ чиновъ отпустить, тогда начали служить за Е. В. камергеры, а за И. И. вв. камеръ-юнкеры; первенствующие-жь чины, сошедъ съ трона, равно и дежурные при Е. В. и И. вв. Г—нѣ в. к—нѣ и Г—нѣ в. княжнѣ фрейлины, которыя до того находились близъ трона съ правой стороны, всѣ сѣли за столъ; фрейлины—за дамской, а первенствующие чины—за кавалерской, на оставшія для ихъ мѣста.

Столъ сервированъ на тронѣ золотымъ сервизомъ, фарфоровая посуда и тарелки употреблены японскія, хрустальная посуда золоченая; кушанье ставилъ метердотель, носили оное къ трону пажи.

Прочіе столы сервированы серебрянымъ парижскимъ и большимъ французскимъ сервизомъ; фарфоръ употребленъ саксонскій цвѣтной; посуда хрустальная шлифованная; въ услугахъ находились ливрейные служители, въ богатой статсъ-ливреѣ (въ которой находились во весь день).

Стулья на тронѣ поставлены были: для Е. И. В. зеленый бархатный, съ гербомъ на отвалѣ, а по борту шитый золотомъ; для И. вв. зеленые-жь бархатные, по борту, въ два ряда, съ золотымъ гасомъ; а прочіе краснаго дерева, съ зелеными штофными подушками.

По началіи стола, для смотрѣнія онаго, на хорахъ быть изволила

Ея вк—кая свѣтлость Фридерика-Доротея, принцесса Баденская, и стоять по правую сторону на нарочно оставленномъ мѣстѣ.

Столъ кончился пополудни въ исходѣ 3-го часа и, по выходѣ изъ онаго, Е. И. В. и И. И. вв. прежнимъ порядкомъ чрезъ парадные покои проходить изволили во внутренніе свои апартаменты; отклавшись Е. В. съ И. И. вв. въ комнатѣ, гдѣ постъ кавалергардовъ, который, на случай обѣденнаго въ галлерей стола, поставленъ былъ въ той галлерей у дверей изъ боковыхъ комнатъ, а со входу отъ большой парадной лѣстницы, въ галлерей-жъ, находился постъ уборныхъ сержантовъ.

Потомъ гг. оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ, придворные кавалеры, съ приглашеніемъ лейбъ-гвардіи оберъ-офицера, бывшаго при командѣ, для ношенія кушанья командированнаго и морскаго инженернаго офицера, присланнаго съ командою изъ адмиралтейской крѣпости, для сигнала о столовой пушечной польбѣ, кушали обѣденное кушанье въ столовой комнатѣ на 28-ми кувертахъ.

Въ вечеру, въ 6-ть часовъ, собрались ко двору Е. И. В. знатныя російскія обоего пола персоны, гг. чужестранные министры и знатное дворянство и, между тѣмъ, въ апартаменты Е. В. прибыть изволили изъ своихъ покоевъ И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ, Г—ня в. к—ня, ГГ. вв. кк. и ГГ—ни вв. кк—ны Александра Павловна, Елена Павловна и Марія Павловна; такъ же прибыли изъ своихъ покоевъ Г—ня в. княжна Елисавета Алексѣевна и свѣтл. принцесса Фридерика-Доротея Баденская, съ которыми обще, въ три четверти 7-го часа вечера, Е. И. В. изволила выдти изъ внутреннихъ своихъ покоевъ и шествовать чрезъ столовую комнату, въ предслѣдованіи всего придворнаго штата кавалеровъ, въ провожаніи знатныхъ придворныхъ дамъ и генералитета, въ галлерей, предъ которою Е. И. В. изволила жаловать къ рукѣ нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ и гг. чужестранныхъ министровъ; а потомъ въ галлерей открытъ балъ и продолжался до 8-ми часовъ вечера-жъ.

Сего числа во весь день при церквахъ былъ колокольный звонъ; а съ вечера и за полночь весь городъ иллюминованъ.

Сего числа высочайшими Е. И. В. именными указами, данными придворной конторѣ, всемилостивѣйше пожалованы къ Е. И. в. благ. Г—рю в. к. Александру Павловичу, полковн. гр. Головинъ—гофмаршаломъ; три камергера и три камеръ-юнкера; къ обрученной невѣстѣ его, Е. И. в. благ. Г—нѣ в. княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ—три фрейлины, три камергера и три камеръ-юнкера, точю не въ сравненіи противъ двора Е. И. В. таковыхъ чиновъ и жалованья.

11-го числа, въ среду. Поутру въ 11-мъ часу, въ силу вышеписан-

ныхъ же повѣстокъ, съѣхались ко двору Е. И. В. и собрались въ покояхъ Е. И. в.—ва высоконовообрученной невѣсты: святѣйшаго правительствующаго синода члены и знатное духовенство, всѣ придворныя знатныя дамы, первыхъ 5-ти классовъ обоого пола особы, лейбъ-гвардіи полковъ штабъ-и оберъ-офицеры, также штабъ-офицеры и состоящіе при тѣхъ рангахъ чиновники; а въ 12-ть часовъ гг. послы и прочіе чужестранные министры.

Между тѣмъ, въ покои-жъ Е. И. в.—ва благ. Г—ни в. княжны Елисаветы Алексѣевны прибыть изволилъ Е. И. в. Г—рь в. к. Александръ Павловичъ въ препровожденіи штата своего кавалеровъ.

Пополудни въ три четверти 1-го часа, Его И. в. и Ея И. в. новообрученная его невѣста изволили выдти изъ внутреннихъ покоевъ въ первую передъ оными камеру собранія, гдѣ Ея И. в.—ву принесли всенижайшія поздравленія съ благополучно совершившимся обрученіемъ святѣйшаго синода члены и знатное духовенство, также вышписанныя знатныя російскія обоого пола персоны и гг. чужестранные министры и всѣ жалованы къ рукѣ; а первенствующій членъ синода преосвященный Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, говорилъ краткую поздравительную рѣчь и во благословеніе поднесъ святую икону.

Въ обыкновенное время Е. И. В. изволила кушать обѣденное кушанье въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя, на 9-ти кувертахъ.

Въ исходѣ 7-го часа вечера Е. И. В. изъ внутреннихъ своихъ покоевъ шествовать изволила въ Эрмитажъ, куда тогда-жъ позваны обыкновенно приглашающіяся на вечеровое время (во внутренніе покои) знатныя придворныя особы и знатной генералитетъ; а потомъ въ Эрмитажъ же прибыть изволили И. И. вв. ГГ. вв. кк. Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ и Ея И. в. Г—ня в. к.—на Елисавета Алексѣевна съ ея свѣтл. Фридерикою-Доротеєю, принцессою Баденскою, съ которыми Е. И. В. изволила препроводить вечеровое время въ разговорахъ въ тамошней билліардной комнатѣ; а въ 10-мъ часу вечера благоволила возвратиться въ пребывающіе свои покои, будучи препровождена до первой, что со входа галлерей, И. И. вв.—ами, которыя тутъ откланявшись, проходили съ Ея в.—вомъ в. к.—ною и принцессою Баденскою въ ихъ покои и тамо кушали вечернее кушанье; а послѣ стола, въ половинѣ 12-го часа, возвратились въ свои покои и проходили чрезъ церковь и аудіенцъ-камеру.

II.

Журналъ высочайшаго торжества бракосочетанія Ихъ Императорскихъ высочествъ благовѣрнаго государя великаго князя Александра Павловича и благовѣрной государыни великой княжны Елисаветы Алексѣевы, сентября съ 28-го—октября по 12-е число 1793 года, при дворѣ Ея Императорскаго Величества происходило слѣдующее:

Мѣсяцъ сентябрь, 1793 г.

28-го числа. 1) въ среду. Поутру въ 8 часовъ, по данному съ санктпетербургской крѣпости изъ 5-ти пушекъ сигналу, всѣ находящіеся здѣсь въ Санктпетербургѣ лейбъ-гвардіи артиллерійскіе и прочіе полевые полки, числомъ 14,527 войскъ, подъ предводительствомъ ген.-аншефа гр. Ивана Петровича Салтыкова, собрались и поставлены были въ строй по площади, противъ Зимняго Е. И. В. дворца, и далѣе вдоль по улицамъ, прикосновеннымъ къ той площади. 2) А въ силу учиненныхъ предъ тѣмъ отъ церемоніальнаго департамента повѣсткамъ, поутру же, въ 10-ть часовъ, пріѣздъ имѣли въ Зимній дворецъ святѣйшаго правительствующаго синода члены съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ, также всѣ придворныя статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины и первыхъ четырехъ классовъ знатныя российскія обоюго пола особы и обрѣтающіеся при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ послы и прочіе чужестранные министры; дамы въ русскомъ, а кавалеры—въ цвѣтномъ платьѣ, и собирались синода члены съ прочимъ духовенствомъ въ придворной большой церкви. 3) А прочіе въ парадныхъ Е. И. В. покояхъ; тогда же въ церкви совершаема была божественная литургія соборомъ придворныхъ священниковъ.

Въ 11 часовъ предъ полуднемъ Е. И. в. благ. Г—ня в. к—на Елисавета Алексѣевна изъ своихъ покоевъ, 4) съ г—жою статсъ-дамою гр—ней Шуваловой, изволила прибыть къ Е. И. В—ву во внутренніе апартаменты, и въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя, убираема была къ вѣнцу.

Потомъ въ апартаменты-жъ къ Е. И. В—ву изъ своихъ покоевъ прибыли И. И. вв. Г. Ц—чъ, Г—ня в. к—ня, Г. в. в. Константинъ Павловичъ, ГГ—ни вв. кк—ны Александра Павловна, Елена Павловна и Марія Павловна; 5) также Е. И. в. Г. в. в. Александръ Павловичъ изъ пребывающихъ своихъ въ Эрмитажѣ комнатъ прибыть изволилъ.

Въ полдни, въ три четверти 1-го часу, Е. И. В. изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ высочайше изволила воспріять шествіе съ И. И. вв., чрезъ парадные покои, въ придворную большую церковь,

и при выстрѣлѣ съ адмиралтейской ерѣпости изъ 21-й пушки и при играніи на трубахъ съ литаврами, которые поставлены были предъ камерою совѣта, шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ:

1.

Оберъ-церемоніймейстеръ гр. Панинъ и церемоніймейстеръ Гурьевъ, съ ихъ знаками.

2.

Гофмаршалъ, камеръ-юнкеры и камергеры И. И. вв. Г. в. к. Александръ Павловича и обрученной невѣсты его Г—ни в. к.—ны Елисаветы Алексѣевны, по два въ рядъ, младшіе впереди.

3.

Камеръ-юнкеры и камергеры Е. И. В., по два въ рядъ, младшіе напередѣ.

4.

Шталмейстеръ Е. И. В. ген.-поручикъ Ребендеръ (sic) и находящіеся при Е. В. у принятія прошеній ген.-поручики: Турчаниновъ и Поповъ и тайн. совѣт. Державинъ¹⁾.

5.

Члены учрежденнаго при дворѣ Е. И. В. Совѣта и первенствующіе чины придворные, по два въ рядъ, младшіе напередѣ²⁾.

6.

Оберъ-гофмаршалъ (Орловъ) и гофмаршалъ (кн. Барятинскій), съ ихъ жезлами.

7.

Е. И. В.—во, имѣя на главѣ малую корону и въ императорской мантии, которую шлефъ несли шесть камергеровъ, а конецъ шлейфа старшій камергеръ (тайн. сов. Обуховъ); по правую сторону, немного поотдаля, впереди шелъ дежурный ген.-адъютантъ князь Реннинъ,

¹⁾ Въ печатномъ экземплярѣ «Описанія»:

Шталмейстеръ Ребиндеръ и находящіеся при Е. В. генер.-поручики: Соймоновъ и Турчаниновъ, тайные совѣтники: Пастуховъ, Храповицкій и Державинъ.
Ред.

²⁾ Въ печатномъ экземплярѣ: «тайный сов. Заводовскій, дѣйст. тайн. сов. Самойловъ, д. т. с. гр. Бебородко, ген.-аншефъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, обер-егермейстеръ кн. Голицынъ, вице консулъ гр. Остерманъ, предсѣд. въ воен. вел. гр. Салтыковъ и оберъ-шенкъ Нарышкинъ.

Ред.

а по лѣвую (за болѣзнію камергера) — оберъ шталмейстеръ Нарышкинъ.

8.

И. И. вв. Г—рь Ц—чь и в. к. и Г—ня в. внягина.

9.

И. И. вв. Г—рь в. в. Александръ Павловичъ и обрученная не-
вѣста его Г—ня в. к—на Елисавета Алексѣевна.

10.

Е. И. в. Г—рь в. к. Константинъ Павловичъ.

11.

И. И. вв. ГГ. вв. кк. Александра Павловна, Елена Павловна и
Марія Павловна.

12.

Статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и фрейлены Е. И. В. и И. И. вв.,
старшія на переди, а за ними и прочія обоего пола особы.

По приближеніи Е. И. В. къ церкви, святѣйшаго синода члены: преосвященные Гавріиль митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, Иннокентій архіепископъ псковскій и рижскій, Иринеѣ епископъ тверской и кашинскій, тако-жь Евгениѣ архіепископъ, бывшій екатеринославскій и Херсонаса-Таврическаго, Гаіѣ викарный архіепископъ астраханской, епископъ моздоцкій и можарскій, и Игнатій, бывшій архіепископъ реондажскій, съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ, которые, во освященныхъ своихъ облаченіяхъ, прибытія Е. В. и И. вв. ожидали, встрѣтили съ животворящимъ крестомъ и освященною водою и, благословя пришествіе Е. И. В., препровождали въ церковь. 6) При самомъ вшествіи въ церкви пѣвчими воспѣтъ концертъ: „Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло“. По вшествіи-же въ церковь, Е. И. В. предъ самую рѣшеткою, имѣющуюся въ церкви, взявъ за руки Е. И. в. Г—ря в. к. Александра Павловича и Е. И. в. Г—ню в. к—ню Елисавету Алексѣевну, соизволила поставить на вѣнчальное мѣсто, которое за рѣшеткою предъ царскими дверьми. 7) Одной ступеней выше сдѣлано и малиновымъ бархатомъ покрыто, а по краямъ золотымъ обложено гасомъ, и предъ онымъ впереди на налоѣ святое евангеліе и святой крестъ лежали; по сторонамъ же налоя два серебряные геридона поставлены, на коихъ вѣнцы на золотыхъ блюдахъ положены были.

Когда-же Е. И. В. изволила стать на императорское мѣсто, и И.

И. вв. стали на своих мѣстахъ, тогда началось благословеніе брака обыкновеннымъ порядкомъ восточной церкви, которое совершалъ синодальный членъ и соборный Спаса-Преображенія церкви протопресвитеръ Лукьянъ Протопоповъ, а прочее духовенство въ оное время находилось въ алтарѣ: вѣнцы-же поднесены были придворными священниками, а держали оныя надъ Е. в. Г—мъ в. к. Александръ Павловичемъ — Е. в. Г. в. к. Константинъ Павловичъ, а надъ Ея в—вомъ Г—нею в. к.—ною Елисаветою Алексѣевою—тайн. дѣйств. сов. гр. Безбородко.

Прежде вѣнчанія въ ектеніяхъ о здравіи Ея в—ва возглашались протодіаконъ до Евангелія великою княжною, а послѣ Евангелія великою княгинею.

По совершеніи всего рѣченного таинства, И. И. вв. новобрачные, сошедъ съ мѣста бракосочетанія, подходили къ Е. И. В—ву и И. И. вв.—мъ, принося достоудное благодареніе, при чемъ жалованы къ рукѣ.

Послѣ чего новобрачные изволили стать на свои мѣста позади рѣшетки на посланномъ коврѣ, гдѣ во все время стояли И. вв. в. к. Константинъ Павловичъ и вв. княжны.

Потомъ святѣйшаго правительствующаго синода членами, съ прочимъ духовенствомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, отправленъ благодарный съ колѣнопреклоненіемъ молебень и при пѣтїи: „Тебе Бога хвалимъ“, по данному отъ деж. ген.-адъют. сигналу, началась пушечная пальба съ обѣихъ крѣпостей и лежащихъ предъ дворцомъ, на рѣкѣ Невѣ, яхтъ и въ то же время отъ стоящихъ въ строю войскъ троекратный бѣглый огонь произведенъ, а по церквамъ начался колокольный звонъ, который три дни сряду продолжался.

Послѣ молебна и по возглашеніи протодіакономъ многолѣтія, въ церкви Е. И. В—ву и И. И. вв., все духовенство приносили поздравленіе; при чемъ первый членъ синода, преосвященный Гавріиль митрополить предъ Е. В. говорилъ краткую, но на сей торжественный день приличную рѣчь, а по сей всѣ духовные жалованы были къ рукѣ.

Изъ церкви Е. И. В. съ ихъ И. вв. соизволили возвратиться прежнимъ порядкомъ чрезъ парадные покои, гдѣ Е. В—ву приносили были поздравленія, въ комнатѣ, гдѣ постъ кавалергардовъ, отъ римско-императорскаго и шведскаго королевскаго пословъ и отъ прочихъ чужестранныхъ министровъ, а предъ внутренними покоями, въ кавалерской,—отъ знатнаго воинскаго генералитетства, членовъ учрежденнаго при дворѣ Совѣта и отъ придворныхъ кавалеровъ и всѣ тѣ Ея В—вомъ жалованы къ рукѣ.

Тогда-же, предъ дворцомъ покоевъ Е. И. В. чинено поздравленіе отъ гвардіи и другихъ полковъ музыкою и барабаннымъ боемъ.

И. И. вв. Г—рь Ц—чь, Г—ня в. к—ня, Г—рь в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны отбыли въ свои покои, гдѣ И. вв. Г—рю Ц—чу и Г—нѣ в. к—нѣ приносимы были поздравленіи отъ знатныхъ російскихъ генералитетовъ и отъ гг. чужестранныхъ министровъ, а Е. И. В. обще съ новобрачными въ оное время пребываніе имѣла въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовныя.

Обѣденный столъ для Е. И. В. ¹⁾ приготовленъ на тронѣ подъ балдахиномъ въ галлерей, и гдѣ при томъ поставлены украшенные померанцовыми и лимонными плодоносными деревьями и ананасными два фигурные стола вдоль галлерей; по правую сторону отъ трона— для статсъ-дамъ, фрейлинь и дамъ первыхъ четырехъ классовъ, а по лѣвую—для кавалеровъ тѣхъ-же классовъ; когда все при тѣхъ столахъ изготовлено и кушанье на нихъ поставлено было, тогда г. оберъ-гофмаршалъ обще съ г. гофмаршаломъ, оберъ-церемоніймейстеромъ и церемоніймейстеромъ докладывалъ Е. В., а между тѣмъ, изъ своихъ комнатъ и И. И. вв. прибыли въ апартаменты къ Е. В—ву.

Пополудни въ 2 часа Е. И. В. съ И. И. вв. Г—ремъ Ц—чемъ, Г—ней в. к—ней, съ высоконовобрачными и съ Г. в. к. Константиномъ Павловичемъ, при прежнемъ порядкѣ, въ препровожденіи всего придворнаго штата, при играни на трубахъ и при битіи литавръ, изволила шествовать къ столу и за онымъ присутствовать съ И. И. вв—вами.

За императорскими креслами стояли оберъ-шенкъ, оберъ-штальмейстеръ, оберъ-егермейстеръ и гофмейстеръ; при чемъ оберъ-штальмейстеръ и гофмейстеръ Е. В—ву служили, также и И. И. вв—амъ служили: Г—рю Ц—чу и Г—нѣ в. к—нѣ—дежурные камергеры и камеръ-юнкеры; высоконовобрачнымъ—штата ихъ дежурные камергеры и камеръ-юнкеры, а Г—рю в. к. Константину Павловичу—штата его дежурный кавалеръ, прочіе-жъ камергеры и камеръ-юнкеры вѣкругъ трона находились.

Предъ трономъ стояли оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ съ ихъ жезлами, а оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ ихъ знаками; когда-жъ оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ Е. В—ву и И. вв. подавали кубки, въ то время ихъ жезлы держали пажи по сторонамъ отъ того мѣста.

На столъ Е. В. кушанье носили пажи и подавали метердотелю,

¹⁾ Столъ на тронѣ и фигурны—два стола-жъ поставлены были такимъ же порядкомъ, какъ сего-жъ году мая въ 10-й день обрученія И. В. было, чему при журналѣ того числа и планъ имѣется. Примѣч. въ рукописи.

а отъ него принималъ и на столъ ставилъ ¹⁾ дѣйствит. камергеръ. А форшнейдеромъ былъ старшій камергеръ. А при питіи кубками производилась съ обѣихъ вѣрностей пушечная пальба, при играніи на трубахъ и битіи литавръ, за слѣдующія здравія, а именно:

1) Е. И. в. Г—ръ Ц—чь изволилъ зачать за здравіе Е. И. В—ва, при чемъ выпалено изъ 51-й пушки.

2) Е. И. В. изволила произнести здравіе: а) Ц. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни съ выстрѣломъ изъ 31-й пушки; б) И. И. вв—въ новобрачныхъ съ выстрѣломъ изъ 31-й пушки, и в) Г—ря в. к. Константина Павловича и ГГ—нъ вв. кк—нъ съ выстрѣломъ же изъ 31-й пушки.

Кубокъ подавали Е. В—ву оберъ-шенкъ, И. И. вв. Г—рю Ц—чу—оберъ-гофмаршалъ, Г—нѣ в. к—нѣ—гофмаршалъ; высоконовобрачнымъ—ихъ дежурные камергеры, а в. к. Константину Павловичу—свиты его дежурный кавалеръ.

Столъ сервированъ былъ на тронѣ золотымъ сервизомъ, фарфоровая посуда и тарелки употреблены японскія, посуда-же хрустальная золоченая.

Прочіе-же столы сервированы серебромъ большимъ французскимъ, фарфоръ соксонскій цвѣтной, а посуда хрустальная шлифованная; и за оными двумя фигурными столами, на правой сторонѣ, сидѣло дамъ 68, а на лѣвой—кавалеровъ 75, всего 143 персоны; въ услугахъ-же за оными всѣми персонами находились ливрейные служители.

Стулья на тронѣ поставлены были для Е. В. зеленый бархатный, съ гербомъ на отвалѣ, для И. вв. такіе-жъ бархатные обложены въ два ряда золотымъ гасомъ.

За фигурными столами стулья были краснаго дерева, съ зелеными штофными подушками.

Въ продолженіе стола, въ галлерѣ-жъ, на хорахъ играла камерная вокальная и инструментальная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ.

А для обозрѣнія сего торжества въ галлерей находились чужестранные министры и прочее шляхетство, также и хоры наполнены были дамами; да какъ во время высочайшаго шествія въ церковь, такъ и по выходѣ изъ оной, предъ дверьми церкви, по обѣимъ сторонамъ, стояли кавалергарды въ богатомъ уборѣ, а во время обѣденнаго высочайшаго стола оные-жъ кавалергарды разставлены были въ галлерей отъ боковаго покоя при каждахъ стеклянныхъ дверяхъ, по три человѣка, дабы не было утѣсненія отъ зрителей.

¹⁾ Въ печатн. экземплярѣ: «камергеръ Е. В. тайн. сов. кн. Несвицкій, и камерг. тайн. сов. Обуховъ роздалъ кушанье Е. И. В. и И. И. вв.» Ред.

Послѣ стола, который кончился въ половинѣ 4-го часа пополудни, Е. И. В. и И. И. вв. прежнимъ порядкомъ отсутствовали во внутренніе свои апартаменты; при чемъ высоконовобрачные чрезъ покои Е. В. проходили въ свои комнаты: в. к. Александръ Павловичъ въ Эрмитажъ, а в. к.—ня Елисавета Алексѣевна—въ Шепелевскій домъ для отдохновенія.

Потомъ гг. оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстей, церемоніймейстеръ и придворнаго штата кавалеры, бывшіе въ услугахъ при высочайшемъ столѣ, и также приглашены караульные: капраль кавалергардской гвардіи, капитанъ и офицеры, бывшіе съ командою при ношеніи кушанья и при пушечной пальбѣ, всего до 50-ти персонъ, въ столовой комнатѣ кушали, считая и у окошекъ на приставкахъ въ офицерской столовой; послѣ гвардіи офицеровъ кушали кавалергарды до 20-ти человѣкъ, кои подчиваны отъ большаго стола оставшимъ кушаньемъ.

Послѣ высочайшаго стола, въ галереѣ фигурные два стола разобраны и вынесены вонъ, а тронъ убранъ былъ изъ галереи на другой день.

Въ вечеру въ 5 часовъ ко двору Е. И. В. съѣхались знатныя російскія обоего пола персоны, гг. чужестранные министры и знатное дворянство и собирались въ новомъ большомъ залѣ для бала.

Въ половинѣ 6-го часа въ апартаменты къ Е. И. В.—ву изъ своихъ покоевъ прибыли И. И. вв. Г—ръ Ц—чь, Г—ня в. к.—ня, высоконовобрачные, Г. в. к. Константинъ Павловичъ, ГГ—ни вв. кк—ны Александра Павловна, Елена Павловна, Марія Павловна и Екатерина Павловна.

Въ 6-ть часовъ изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ Е. И. В., бывъ въ русскомъ платьѣ, обще съ И. И. вв. чрезъ парадныя комнаты, при прежнемъ порядкѣ, изволила воспріять шествіе въ новый большой залъ на балъ, который, по высочайшемъ прибытіи, и открытъ былъ новобрачными.

Во время бала Е. В. изволила съ нѣкоторыми особами входить въ новопріготовленныя, къ пребыванію новобрачныхъ, покои и вскорѣ изъ оныхъ возвратилась на балъ.

Послѣ балу, который кончился въ 7 часовъ вечера, Е. И. В. изволила препровождать новобрачныхъ въ тѣ приготовленныя для ихъ пребыванія покои и куда за Е. В.—вомъ послѣдовали И. вв. Г—ръ Ц—чь, Г—ня в. к.—ня, Г. в. к. Константинъ Павловичъ, при чемъ предъ Е. В.—вомъ предшествовали оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ ихъ знаками, оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ, съ ихъ жезлами; дежурные Е. В.—ва и И. вв. камергеры и камеръ-юв-

керы, дежурный ген.-адъютантъ и оберъ-шталмейстеръ и препровождали всѣ гг—жи статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и дежурныя фрейлины; предъ входомъ же тѣхъ покоевъ у дверей въ залъ, по обѣ стороны, стояли кавалергарды по 6-ти человѣкъ.

Е. И. В. въ покаяхъ у новобрачныхъ присутствовала съ четверть часа времени, а потомъ изъ оныхъ чрезъ залу и всѣ парадные покои отсутствовала во внутренніе свои апартаменты; также И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ и Г—ня в. к—ня и Г. в. к. Константинъ Павловичъ отбыли изъ кавалерской въ свои покои.

И. вв. ГГ—ни вв. кк—ны съ балу отбыли въ пребывающія свои комнаты.

И такъ, сей благополучный день къ наивыцшему Е. И. В—ва удовольствію и къ всеобщей радости всѣхъ Е. В—ва вѣрноподданныхъ Божескимъ благословіемъ щастливо совершился.

Въ сей вечеръ и за полночь обѣ здѣшнія крѣпости и въ городѣ дома были иллюминованы.

А при дворѣ ливрейные служители носили богатую статсъ-ливрею.

СКАЗАНИЯ ИНОЗЕМЦЕВЪ О РОССИИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Записки венеціанца Казановы.

1765 — 1766.

Въ массѣ историческихъ матеріаловъ XVIII вѣка, пользуются большою извѣстностью мемуары пресловутаго авантюриста, венеціанца Казановы, написанные на французскомъ языкѣ¹⁾. Этотъ неутомимый искатель приключеній и замѣчательно даровитый человѣкъ, проведшій дѣлую жизнь въ скитаніяхъ по Европѣ, которую онъ искрестилъ изъ конца въ конецъ, видѣвшій и испытавшій многое на своемъ вѣку, оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ живое изображеніе не только собственной оригинальной личности, но и своей эпохи²⁾. Съ этой послѣдней стороны, Записки его достойны нѣкотораго вниманія; опытъ изученія ихъ сдѣланъ уже въ книгѣ извѣстнаго нѣмецкаго историка Бартольда: «Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Casanovas Memoiren» (Берл., 1845). На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ одного только отрывка изъ Записокъ Казановы, въ которомъ содержится описаніе бѣгства его изъ Пломбъ (венеціанской свинцовой тюрьмы) въ 1755 году. Переводъ этотъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ журнала «Время» за 1861 г.

Мы находимъ не безынтереснымъ предложить читателямъ «Русской Старины» нѣкоторыя выдержки, касающіяся пребыванія автора въ Россіи въ 1765 — 1766 гг., разумѣется, отбрасывая нѣкоторыя, неудобныя для печати, подробности личныхъ его походовъ.

Прежде всего необходима оговорка, что воспоминанія Казановы о Россіи, болѣе или менѣе, носятъ на себѣ общій отпечатокъ большинства иностранныхъ сочиненій, описывающихъ наше отечество: отсутствіе основательнаго изученія и пониманія страны, поверхностное или высокомѣрное отношеніе ко

¹⁾ «Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt, écrits par lui-même. Edition originale, la seule complète». 12 vol. Leipzig. 1826—1838. Книга нѣсколько разъ перепечатывалась въ Брюсселѣ. Мы слѣдовали одному изъ послѣднихъ тамошнихъ изданій 1860 г. (въ 6-ти томахъ). Разсказъ о путешествіи въ Россію въ VI т., гл. 4, 5 и 6. Д. Р.

²⁾ Джовани-Джакобо Казанова де Сенгалтъ род. въ Венеціи въ 1725 г., ум. въ Дукѣ (въ Богеміи) въ іюнь 1803 г. Д. Р.

многому видѣнному и крайнюю самоувѣренность въ заключеніяхъ и выводахъ, т. е., имѣють всѣ тѣ недостатки, которыми продолжаютъ отличаться письма изъ Россіи и о Россіи многихъ иноземныхъ туристовъ, посѣщающихъ даже въ настоящее время наше отечество.

Но при этихъ недостаткахъ мы находимъ въ Запискахъ Казановы и несомнѣнные достоинства въ живой обрисовкѣ отдѣльныхъ личностей, въ зоркомъ взглядѣ на иныя событія и обстоятельства. Объ руку съ важными сужденіями, легкомысленными выходками, а подчасъ и смѣшными небылицами, взятыми съ чужихъ словъ, но безцеремонно выдаваемыми за наглядно-дознанные факты, идутъ мѣткія характеристики нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ явленій русской жизни и бойкіе очерки впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомствъ съ замѣчательными дѣятелями тогдашняго времени.

Считаемъ также обязанностію предwarnить читателей, что въ приводимыхъ здѣсь отрывкахъ мы дозволили себѣ не придерживаться послѣдовательности разсказа, принятой въ подлинникѣ, такъ какъ буквальное соблюденіе ея повело бы къ излишнимъ повтореніямъ болтливаго автора, и помѣшало бы всякой группировкѣ воспоминаній и мнѣній Казановы по свойству затронутыхъ имъ предметовъ. Но, допуская такое отступленіе только отъ нити разсказа, мы отнюдь не посягнули на сущность содержанія, исключивъ лишь кое-какія мѣста, или окончательно непредставляющія интереса по мелочности подробностей, относящихся къ личности самаго автора, или несоотвѣтствующія нынѣшнимъ условіямъ приличія и нравственности, — чѣмъ преимущественно грѣшитъ книга Казановы.

Выбранные изъ ней отрывки мы иногда связываемъ собственными поясненіями и примѣчаніями.

Д. Д. Рябининъ.

I.

Въѣздъ въ Россію и приключеніе на границѣ. — Прибытіе въ Митаву. — Герцогъ Биронъ и балъ у него. — Знакомство въ Ригѣ съ его сыномъ Карломъ. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Французы-гувернеры изъ лакеевъ.

(Казанова ѣхалъ въ Россію изъ Англіи черезъ Пруссію, гдѣ представлялся королю Фридриху II, который обошелся съ нимъ нѣсколько небрежно. Авантюристъ, поистратившійся въ Лондонѣ, не могъ поправить въ Берлинѣ своихъ разстроенныхъ дѣлъ, почему продолжалъ путешествіе весьма скромно и на-легкѣ; при въѣздѣ же въ варварскую Московію, „страну гостепріимства и подобострастія“, путешественникъ вдругъ оперяется и принимаетъ видъ большаго барина):

..... „Прусскій фельдмаршалъ Левальдъ, кѣнигсбергскій губернаторъ, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо, при прощальномъ моемъ посѣщеніи далъ мнѣ такое же письмо въ Ригу на имя г. Воейкова (Woiakoff). До сихъ поръ я ѣхалъ въ публичномъ экипажѣ; но передъ въѣздомъ въ русскую имперію, почувствовалъ, что мнѣ слѣдуетъ появиться тамъ въ видѣ знатнаго господина, и потому

нанялъ себѣ четверомѣстную карету, шестернею. На границѣ какой-то незнакомецъ останавливаетъ мой экипажъ, приглашая меня оплатить пошлинами ввозимые мною товары. Я ему отвѣчаю словами греческаго мудреца (увы! на этотъ разъ вполнѣ подходящими ко мнѣ): „все мое со мною“. Но онъ все-таки настаиваетъ на требованіи вскрыть мои чемоданы. Я приказываю кучеру погонять впередъ; незнакомецъ не пускаетъ, и мой кучеръ, полагая, что мы имѣемъ дѣло съ таможеннымъ досмотрщикомъ, не смѣетъ трогаться далѣе. Тогда я выскакиваю изъ кареты, съ пистолетомъ въ одной рукѣ и съ тростью въ другой. Незнакомецъ угадываетъ мои намѣренія и пускается бѣжать со всѣхъ ногъ. Со мною былъ слуга, родомъ изъ Лотарингіи, несдвинувшійся съ мѣста въ продолженіе всей этой сцены, несмотря на горячія мои внушенія. Увидя, что дѣло кончилось, онъ мнѣ сказалъ:

— „Я хотѣлъ предоставить вамъ, сударь, всю честь побѣды, которую вы одержали“.

Мой вѣздъ въ Митаву произвелъ впечатлѣніе. Содержатели гостинницъ почтительно мнѣ кланялись, какъ бы приглашая остановиться у нихъ. Кучеръ привезъ меня прямо въ великолѣпный отель, насупротивъ герцогскаго дворца. Послѣ раслаты съ кучеромъ, у меня осталось на лицо всего три червонца!

На другой день утромъ я представился камергеру Кейзерлингу съ письмомъ барона Трейделя. Г-жа Кейзерлингъ оставила меня завтракать. Намъ подавала шоколадъ молодая полька, прехорошенькая собой. Я имѣлъ время налюбоваться этой мадонной, которая, съ потупленными глазами, съ подносомъ въ рукѣ, неподвижно стояла подлѣ меня. Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову мысль, порядочно шальная въ моемъ положеніи. Я вынимаю изъ жилета послѣдніе свои три червонца и, отдавая назадъ выпитую чашку красавицѣ, ловко опускаю ихъ на ея поднось. Послѣ завтрака г. Кейзерлингъ уѣхалъ и, возвратясь, сказалъ, что видѣлъ герцогиню курляндскую, которая приглашаетъ меня на балъ нынѣшняго вечера. Это приглашеніе смутило меня; я вѣжливо отклонилъ его, извинившись неимѣніемъ зимняго костюма. Въ самомъ дѣлѣ, тогда наступилъ уже октябрь, а у меня было только тафтяное платье.

Когда я воротился въ гостинницу, хозяйка доложила, что въ софѣдней залѣ ожидаетъ меня одинъ изъ камергеровъ его свѣтлости герцога. Онъ имѣлъ порученіе передать мнѣ, что герцогскій балъ будетъ маскированный и что, слѣдовательно, мнѣ будетъ не трудно найти себѣ костюмъ у торговцевъ. Вдобавокъ, онъ сказалъ, что хотя первоначально балъ назначался быть параднымъ, но это условіе измѣнено въ виду того, что одинъ именитый иностранецъ, пріѣхавшій

наканунѣ, не получилъ еще своего багажа. Затѣмъ камергеръ удалился, отвѣсивъ множество поклоновъ.

Не веселое было мое положеніе: въ чемъ найти способъ отдѣлаться отъ посѣщенія бала, по которому даже распоряженія измѣнены ради моей особы? Я ломалъ себѣ голову, какъ бы прискаты выходъ изъ этого затрудненія; но тутъ явился ко мнѣ еврейскій торгашъ, съ предложеніемъ размѣнять на червонцы (дукаты) прусское золото, которое могло быть у меня.

— У меня нѣтъ ни одного фридрихсдора.

— „По крайней мѣрѣ, есть у васъ нѣсколько флориновъ?“

— Ни того, ни другаго нѣтъ.

— „Ну, такъ у васъ должны быть гинеи, потому что вы, говорятъ, прїѣхали сюда изъ Англіи?“

— И этой монеты я не имѣю: всѣ мои деньги въ дукатахъ.

— „А у васъ ихъ изрядное количество, не правда-ли?“

Мой торгашъ произнесъ эти послѣднія слова съ улыбкой, которая сперва заставила меня подумать, что ему извѣстно истинное содержаніе моего кошелька. Но жидъ тотчасъ же продолжалъ:

— „Я знаю, что вы раскодуете ихъ таровато и что при такой манерѣ нѣсколькихъ сотенъ, которыя у васъ могутъ быть, вамъ здѣсь не надолго хватить. Я имѣю надобность въ четырехстахъ рубляхъ на Петербургъ: не хотите-ли доставить мнѣ переводный билетъ на эту сумму за двѣсти дукатовъ?“

Я немедленно согласился и далъ ему переводное письмо на греческаго банкира Димитрія Папанельполо. Довѣрчивая обязательность жидка подслужилась мнѣ единственно вслѣдствіе подарка мною трехъ червонцевъ молодой горничной. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ легче и въ тоже время труднѣе, какъ добывать деньги. Все зависитъ отъ пріемовъ, съ какими возьмешься за дѣло, да отъ прихоти счастья. Не будь съ моей стороны хвастливо щедрой выходки, я остался бы безъ гроша въ карманѣ.

Вечеромъ г. Кейзерлингъ представилъ меня герцогинѣ, супругѣ извѣстнаго Вирона, прежняго любимца императрицы Анны. Это былъ старикъ, уже нѣсколько сгорбленный и плѣшивый. Всмотриваясь въ него поближе, видишь, что когда-то онъ былъ очень красивъ. Танцы длились до утра. Красавиць было множество и я надѣялся за ужиномъ поволочиться за какой-нибудь изъ нихъ, да не удалось. Герцогиня, подавъ мнѣ руку вести ее къ ужину, усадила меня за столъ изъ 12-ти приборовъ, за которыми возсѣдали все пожилыя вдовствующія особы.

Я уѣхалъ изъ Митавы черезъ нѣсколько дней спустя, снабжен-

ный рекомендательными письмами къ принцу Карлу Бирону, пребывавшему въ Ригѣ. Герцогъ былъ столько обязателенъ, что далъ мнѣ одинъ изъ своихъ дорожныхъ экипажей доѣхать до этого города. Передъ моимъ отъѣздомъ, онъ спросилъ у меня: какой подарокъ былъ бы мнѣ пріятнѣе — вещь, или ея стоимость наличными деньгами? Я выбралъ послѣднее и получилъ 400 талеровъ.

Въ Ригѣ принцъ Карлъ принялъ меня съ большою предупредительностью, предложивъ мнѣ пользоваться его столомъ и конькомъ. О помѣщеніи умалчивалось, потому что его собственное было тѣсноовато, но онъ посодѣйствовалъ мнѣ достать очень удобную квартиру. Въ первый разъ, когда я обѣдалъ у принца, то встрѣтилъ тамъ: танцовщика Кампіони — человѣка, стоявшаго, по уму и манерамъ, гораздо выше своего ремесла; нѣкоего барона Сентъ-Элена, изъ Савойи — игрока, развратника и плута; одну даму съ подержанной уже наружностью; адъютанта, состоявшаго при особѣ принца, и недурную собой женщину, лѣтъ двадцати, сидѣвшую по лѣвую руку хозяина. Она имѣла видъ грустный и задумчивый, ничего не ѣла и пила только воду. Кампіони сдѣлалъ мнѣ знакъ, что она любовница принца..... а послѣ сказалъ мнѣ, что она стоитъ принцу пропасть денегъ и дѣлаетъ его несчастливимъ. Цѣлыхъ два года она дуетъ на него за отказъ на ней жениться. Принцъ не прочь отдѣлаться отъ нея и уже предлагалъ ей въ мужья одного подпоручика; но разборчивая дама объявила претензію на чинъ повыше, по крайней мѣрѣ, капитанскій; а изъ здѣшнихъ офицеровъ, имѣющихъ этотъ чинъ, не оказалось ни одного холостаго.

(Казанова, впоследствии, встрѣтился опять съ принцемъ Карломъ, уже въ Петербургѣ)..... Принцъ жилъ въ Петербургѣ у г. Демидова, владѣльца богатѣйшихъ желѣзныхъ рудниковъ въ Россіи, построившаго себѣ цѣлый домъ изъ одного этого металла: стѣны, двери, лѣстницы, окна, потолки, полы и кровля, — все было изъ желѣза! Въ такомъ зданіи нечего бояться пожара. Худшій исходъ для живущаго въ домѣ представляется въ опасности изжариться, но не обратиться въ пепель.

Принцу курляндскому ¹⁾ сопутствовала его фаворитка; онъ повсюду отыскивалъ ей мужа, но такового не обрѣталось. Я видѣлся съ нею и она до того опротивѣла мнѣ своими вздохами и стенаніями, что я далъ себѣ зарокъ — къ ней болѣе ни ногой. Самый худшій сортъ жен-

¹⁾ Здѣсь встаетъ замѣтить, что когда въ Россіи царствовала Елисавета Петровна, то по Италіи развѣзжалъ какой-то авантюристъ изъ мелкотравчатыхъ, называвшій себя именемъ этого самаго Карла Бирона (второго сына герцога) и утверждавшій, что онъ спасся бѣгствомъ изъ Сибири. Въ IV томѣ

принцъ — это угрюмая, кислая личность; по нисходящему порядку педантки слѣдуютъ уже за ними... Принцъ долженъ былъ бы научиться моимъ примѣромъ, на какой ногѣ нужно держать при себѣ любовницу; но онъ принадлежалъ къ числу людей, обладающихъ особеннымъ умѣньемъ вселять въ самыя пріятныя связи тоску и недовольство.....

.....Я выѣхалъ изъ Риги 15-го декабря на пути въ Петербургъ, куда прибылъ черезъ 60 часовъ послѣ выѣзда. Разстояніе между этими двумя городами почти такое же, какъ между Парижемъ и Ліономъ, считая французскую милю (лье) около 4-хъ верстъ. Я позволилъ стать сзади моей кареты бѣдному французу-лакею, который зато служилъ мнѣ бесплатно во все время моей поѣздки. Спустя три мѣсяца послѣ того, я былъ ни мало удивленъ, увидѣвъ его возлѣ себя за столомъ у графа Чернышева въ качествѣ гувернера при сынѣ его. Но не стану забѣгать впередъ въ своемъ разсказѣ. Мнѣ предстоитъ сказать многое о Петербургѣ, прежде чѣмъ останавливать вниманіе на лакеяхъ, которыхъ я встрѣчалъ тамъ не только гувернерами князей, но и еще лучше.

II.

Петербургъ.—Баль во дворцѣ.—Знакомства: Мелиссино, Зиновьевъ, лордъ Марквортъ, Лефортъ-сынъ.—Нравы высшаго общества.—Способъ платить игорные долги.—Панинъ.—Дашкова.—Господство женщинъ.—Французская литература и Вольтеръ.—Русскій языкъ и климатъ.—Приготовленіе къ карусели.—Военные маневры.—Крещенское водосвятіе.—Набожность.—Покупка крестьянской дѣвочки.—Всемогущество папки въ Россіи.—Отъѣздъ въ Москву.

Петербургъ поразилъ меня своимъ страннымъ видомъ: мнѣ казалось, что я вижу поселеніе дикарей, перенесенное въ европейскій городъ. Улицы длинны и широки, площади просторны, дома просторны: все это ново и неопратно. Извѣстно, что этотъ городъ былъ импровизированъ царемъ Петромъ Великимъ. Его архитекторамъ удалось подраженіе постройкамъ на европейскую стать; но все-таки эта столица высматриваетъ пустыней и сосѣдкою сѣверныхъ льдовъ. Нева, орошающая своими сонными волнами стѣны многочисленныхъ дворцовъ, не рѣка, а скорѣе озеро (!). Я нашелъ себѣ двѣ комнаты въ отелѣ, съ окнами на главную набережную. Мой хозяинъ былъ штутгартскій нѣмецъ, самъ недавно пріѣхавшій сюда. Онъ очень ловко объяснялся со всѣми этими русскими и сразу давалъ имъ понимать

своихъ Записокъ Казанова разсказываетъ о его разныхъ мошенническихъ продѣлкахъ, жертвою которыхъ выставляетъ и самого себя. Кто былъ этотъ микроскопическій самозванецъ, неизвѣстно. Казанова называетъ его «Charles Iwanoff, le russe».

Д. Р.

35*

себя, чему я удивился бы, если-бъ не зная заранѣе, что нѣмецкій языкъ общераспространенъ въ этой странѣ, а туземное нарѣчіе здѣсь употребляется одною только чернью. Хозяинъ мой, видя во мнѣ новопріѣзжаго, растолковалъ мнѣ, на своей тарабарщинѣ (*baraguoin*), что при дворѣ дается балъ-маскарадъ,—огромный балъ на шесть тысячъ особъ, долженствующій продолжаться 60 часовъ. Я взялъ предложенный имъ билетъ и, завернувшись въ домино, побѣжалъ въ императорскій дворецъ. Общество собралось уже все и танцы были въ самомъ разгарѣ; въ нѣкоторыхъ покояхъ помѣщались буфеты внушительной наружности, ломившіеся подъ тяжестью съѣдобныхъ вещей, которыхъ достало бы для насыщенія самыхъ дюжихъ аппетитовъ. Вся обстановка бала представляла зрѣлище причудливой роскоши въ убранствѣ комнатъ и нарядахъ гостей; общій видъ былъ великолѣпный. Любуясь имъ, я вдругъ услышалъ случайно чьи-то слова: „посмотрите, вотъ императрица; она думаетъ, что ее никто не узнаетъ; но погодите, ее скоро всѣ различать по ея неотступному спутнику, Орлову“. Я пошелъ вслѣдъ за домино, о которомъ говорили, и вскорѣ убѣдился, что то была дѣйствительно Екатерина: всѣ маски говорили о ней одно и то же, притворяясь незнающими ее. Среди огромной толпы она ходила взадъ и впередъ, тѣснясь со всѣхъ сторонъ, что, повидимому, не причиняло ей неудовольствія; иногда она садилась сзади какой-нибудь группы, ведущей пріятельскую болтовню. Этимъ она рисковала столкнуться съ кое-какими маленькими непріятностями, такъ какъ разговоръ могъ касаться ее самой; но, съ другой стороны, вознаграждалась возможностью услышать полезную для себя истину: счастье, рѣдко выпадающее на долю царей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ императрицы, я замѣтилъ маску колоссальнаго роста, съ геркулесовскими плечами. Когда эта атлетическая фигура проходила мимо, всѣ говорили: „это Орловъ“.....

(Тутъ слѣдуетъ разсказъ автора о томъ, какъ онъ встрѣтилъ на этомъ придворномъ маскарадѣ свою старую парижскую знакомую, куртизанку *m-me Varet*, бывшую на содержаніи у польскаго посланника при русскомъ дворѣ, Рожевскаго (*Rozeuski*), который въ это время оставлялъ Россію, отправляясь въ Варшаву).

.....Послѣ бала, проспавъ ровно цѣлыя сутки, я поѣхалъ къ генералу Мелиссино (*le général Iwanowitch Melissino*). У меня было къ нему рекомендательное письмо отъ прежней его фаворитки, де-Лольо (*m-me de Loglio*). Благодаря этой рекомендаціи, генералъ принялъ меня какъ нельзя лучше и пригласилъ, разъ навсегда, бывать на его ужинахъ. Въ его домѣ все было на французскій ладъ: столъ и напитки отличные, бесѣда оживленная, а игра и пуще того. Я позна-

юмился съ его старшимъ сыномъ, женатымъ на княжнѣ Долгоруковой. Съ перваго же вечера я засѣлъ за фараонъ; общество состояло все изъ людей порядочныхъ, проигрывающихъ безъ сожалѣнія и выигрывающихъ безъ похвалы. Скромность привычныхъ посѣтителей, равно какъ и почетное ихъ положеніе въ обществѣ, ограждали ихъ отъ всякихъ придирокъ административной власти. Банкъ держалъ нѣкто баронъ Лефортъ, сынъ или племянникъ знаменитаго адмирала Лефорта. Этотъ молодой человекъ былъ запятнанъ однимъ дурнымъ дѣломъ, навлекшимъ на него опалу императрицы. Во время коронаціи Екатерины въ Москвѣ, онъ исходатайствовалъ привилегію на учрежденіе лоттереи, для которой потребный фондъ дало правительство. Вслѣдствіе ошибочныхъ дѣйствій правленія, завѣдывавшаго дѣломъ, лоттерея эта лопнула, и тогда вся бѣда обрушилась на бѣднаго барона.

Такъ какъ я игралъ очень сдержанно, то мой выигрышъ едва доходилъ до нѣсколькихъ рублей. Князь *** въ моихъ глазахъ спустилъ однимъ разомъ десять тысячъ рублей, отчего нисколько не казался смущеннымъ, и я вслухъ выразилъ Лефарту мое удивленіе передъ подобнымъ хладнокровіемъ, столь рѣдкимъ у игроковъ.

— „Нечего сказать, велика заслуга!“ возразилъ мнѣ банкиръ, „да вѣдь князь-то игралъ на честное слово и, стало быть, ничего не заплатитъ: это его привычка“.

— А честь?

— „Честь не пострадаетъ отъ неплатежа игорныхъ долговъ: по крайней мѣрѣ, такъ принято въ здѣшней странѣ. Между двумя игроками существуетъ безмолвный договоръ, по которому проигравшій на слово воленъ платить или нѣтъ; выигравшій былъ бы смѣшонъ, еслибъ требовалъ уплаты, которую его должникъ не предлагаетъ внести самъ“.

— Подобный обычай долженъ бы, по крайней мѣрѣ, давать право банкиру отвергать ставку того или другаго понтера.

— „Ну, ни одинъ банкюмеръ не посмѣетъ нанести такой обиды кому бы то ни было. Проигравшійся до-тла почти всегда удаляется, не расплатившись; честнѣйшіе изъ нихъ оставляютъ залогъ, но это случается рѣдко. Здѣсь есть молодые люди самыхъ знатныхъ семей, которые ведутъ, что называется, игру мнимую, безответственную, и смѣются прямо въ глаза тѣмъ, кто у нихъ выигрываетъ“.

Въ домѣ Мелиссино я познакомился также съ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ Зиновьевымъ, близкимъ родственникомъ Орловыхъ ¹⁾.

¹⁾ Двоюродный его братъ, Василій Николаевичъ, впоследствии дѣйств. камергеръ, тайн. сов. и секретарь, братъ жены Григорія Григорьевича Орлова, Екатерины Николаевны, рожденной Зиновьевой. Впрочемъ, былъ еще Андрей Николаевичъ Зиновьевъ (подковникъ), ихъ братъ. Д. Р.

Онъ меня представилъ англійскому посланнику, лорду Макартнею (Macartney). Этотъ молодой дипломатъ, красивый, богатый, изящный въ обращеніи, вздумалъ влюбиться въ одну изъ фрейлинъ императрицы ¹⁾ и имѣлъ неосторожность сдѣлать ее беременной. Екатерина нашла поступокъ весьма дерзкимъ; она простила дѣвушкѣ ея погрѣшность, но потребовала, чтобы посланникъ былъ отозванъ.

У меня было еще письмо мадамъ Лоло (Loglio) къ княгинѣ Дашковой, удаленной изъ Петербурга послѣ того, какъ она оказала содѣйствіе своей государынкѣ къ восшествію на престолъ, который она надѣялась раздѣлять съ нею. Я поѣхалъ засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, въ ея деревню, за три тысячи верстъ отъ столицы (?!). Засталъ я ее въ траурѣ по мужѣ, покойномъ князѣ ²⁾. Она предложила мнѣ свою рекомендацію къ графу Панину и сказала, что съ этой рекомендаціей я могу смѣло явиться къ нему. Какъ я узналъ, Панинъ часто посѣщалъ Дашкову и мнѣ казалось, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, какъ императрица терпѣла дружескія отношенія своего министра съ женщиной, которую удалила отъ двора. Тайна объяснилась позже: мнѣ сказали, что Панинъ—отецъ княгини (!!!); до тѣхъ же поръ я упорно думалъ, что онъ ея возлюбленный. Нынѣ ³⁾ княгиня Дашкова, уже пожилая, состоитъ президентомъ петербургской академіи. Кажется, Россія есть страна, гдѣ отношенія обоихъ половъ поставлены совершенно на выворотъ: женщины тутъ стоятъ во главѣ правленія, предсѣдательствуютъ въ ученыхъ учрежденіяхъ, завѣдываютъ государственной администраціей и высшею политикой. Здѣшней странѣ не достааетъ одной только вещи,—а этимъ татарскимъ красоткамъ (à ces beautés tartares)—одного лишь преимущества, именно: чтобы онѣ командовали войсками!

..... Я имѣлъ много случаевъ замѣтить, какимъ уваженіемъ пользуются французскія книги со стороны русскихъ, т. е., людей образованныхъ или претендующихъ на образованность. Говоря о французскихъ книгахъ, я разумѣю сочиненія Вольтера, которыя для москвитовъ представляли всю французскую литературу. Великій писатель посвятилъ императрицѣ свою „Философію исторіи“ (Philosophie de l'histoire), о которой онъ самъ отзывался, какъ о сочиненіи, на-

¹⁾ Названа въ запискахъ «M-lle Chesroff»—фамилія, очевидно, искаженная. Въ біографическихъ спискахъ фрейлинъ, составленныхъ Карабаными, не значится ни одной фамиліи, сколько-нибудь похожей на эту.

²⁾ Княгиня Дашкова овдовѣла 17-го августа 1764 г.

Ред.

³⁾ Слово «нынѣ» относится, разумѣется, не ко времени пребыванія Казановы въ Россіи, а къ позднѣйшимъ годамъ, когда онъ писалъ свои воспоминанія.

Д. Р.

писанномъ нарочно для Еватерины. Мѣсяцъ спустя послѣ выпуска изъ печати, три тысячи экземпляровъ этого сочиненія были опубликованы въ Россіи и раскуплены на-расхватъ въ одну недѣлю. Каждый русскій, читающій по-французски, носилъ книгу въ своемъ карманѣ, словно-молитвенникъ или катехизисъ. Особы высшаго круга только и бредили Вольтеромъ и божились не иначе, какъ его именемъ. Прочитавъ его, они считали себя обладателями знаній самобытныхъ и всестороннихъ, почти наравнѣ съ своимъ учителемъ. „Но для того, чтобъ основательно усвоить знанія и мудрость Вольтера“, говаривалъ я имъ часто, „лучше слѣдовало бы изучать тѣ источники, откуда онъ самъ почерпнулъ ихъ: это было бы средствомъ вѣрнѣйшей оцѣнки того и другаго“. Но я проповѣдывалъ глухимъ. Фернейскій патриархъ былъ въ ихъ глазахъ—альфа и омега всякаго знанія и всякой премудрости. Русскіе моего времени напоминали мнѣ собою чрезвычайно мѣткое и тонкое изреченіе одного знаменитаго римскаго прелата, который сказалъ мнѣ однажды: „Берегитесь когда-либо спорить съ такимъ человѣкомъ, кто ничего не читалъ, кромѣ одной только книги“. И такъ, я безстрастно смотрѣлъ, какъ проносился мимо меня этотъ шумный потокъ восторженныхъ похвалъ.

.....Иногда служанка обращалась ко мнѣ съ нѣсколькими словами на своемъ татарскомъ діалектѣ, надъ которымъ я могъ бы вдоволь посмѣяться при всякомъ другомъ случаѣ. Сколько я ни бился, сколько ни ломалъ себѣ голову надъ русской грамматикой,—уста мои отказывались произнести внятно хоть бы одно слово этого бычачьяго языка (*cette langue de taureau*). Къ счастью еще, что въ два мѣсяца эта дѣвушка кое-какъ выучилась по-итальянски, на столько, что могла что-нибудь говорить со мной... Никогда я не могъ выучиться русскому языку, о которомъ Ж. Ж. Руссо (невѣжественный великій человѣкъ!) говорить, какъ объ испорченномъ нарѣчій греческаго. Русскій языкъ, напротивъ того, есть ничто иное, какъ говоръ, почти первобытный, сложившійся въ глубинѣ востока. Я всегда думалъ, что кто-либо изъ ученыхъ ориенталистовъ, путемъ сравнительныхъ выводовъ (*induction*), успѣетъ отереть коренныя начала этого языка.

.....Зимою иностранцы здѣсь безпрестанно отмораживаютъ себѣ уши, носы и щеки. Однимъ утромъ, на пути въ Петергофъ, я встрѣчаю русскаго, который, набравъ въ горсть снѣгу, вдругъ выдаетъ на меня и, крѣпко ухватившись, начинаетъ тереть мнѣ снѣгомъ лѣвое ухо. Въ первую минуту я принялъ-было оборонительное положеніе; но, къ счастью, въ пору догадался о причинѣ этого поступка: мое ухо начинало отмораживаться, а добрый человѣкъ это замѣтилъ, видя, что оно побѣлѣло.

.....Императрица поручила своему архитектору Ринальди (это было лѣтомъ) построить на дворцовой площади обширный деревянный амфитеатръ, котораго планъ я видѣлъ. Ея величеству угодно было дать карусель, на которомъ могъ бы красоваться цвѣтъ воиновъ ея имперіи. Много подданныхъ государыни было приглашено на этотъ праздникъ, впрочемъ, тогда не состоявшійся, по причинѣ дурной погоды ¹⁾. Въ программѣ возвѣщалось, что карусель откроется въ первый красный день; но этотъ красный день не наступилъ: и дѣйствительно, утро безъ дождя, вѣтра или снѣга—рѣдкость необычная въ Петербургѣ. Въ Италіи мы привыкли полагаться на хорошую погоду, въ Россіи же должно всегда рассчитывать на ненастную. Вотъ почему мнѣ всегда смертельно хочется снѣгаться, когда я встрѣчаю русскихъ путешественниковъ, говорящихъ съ умиленіемъ о ясномъ небѣ ихъ родины: странное небо, котораго я, по крайней мѣрѣ, никогда не зналъ иначе, какъ въ видѣ сѣроватаго тумана, извергающаго густые хлопья снѣга!

.... Лѣтомъ, въ Петербургѣ можно знать о наступленіи вечера только по заревому пушечному выстрѣлу; безъ того нельзя знать объ этомъ навѣрно, ибо въ лѣтнюю пору ночи не бываетъ. Въ полночь вы можете читать письмо безъ свѣчки. Явленіе удивительное, не правда ли? Я согласенъ; но оно надоѣдаетъ ужасно. Шутка плоха, когда она слишкомъ длинна. Кто можетъ равнодушно вынести безконечный день изъ цѣлыхъ семи недѣль?..

.... Скажу нѣсколько словъ о небольшой поѣздкѣ, которую я сдѣлалъ въ окрестностяхъ Петербурга. Это было по случаю большого смотра пѣхотныхъ войскъ, на которомъ присутствовалъ весь дворъ. Квартіры заранѣе были заняты для главнѣйшихъ офицеровъ и придворныхъ дамъ; а потому мудро было достать себѣ удобное помѣщеніе на пространствѣ трехъ миль въ окружности. Самая бѣдная деревушка въ любомъ краю западной Европы есть чудо великолѣпія въ сравненіи съ русскими селеніями, состоящими сплошь изъ лачугъ и хлѣбовъ, гдѣ нечистота является наименьшимъ неудобствомъ. По этому я рѣшился избрать убѣжищемъ свою карету, откуда и не выходилъ. Въ моемъ просторномъ и покойномъ дормезѣ я даже принималъ визиты, иногда человекъ пяти въ одинъ разъ; но особенно оказалось выгоднымъ мое подвижное жилище въ томъ отношеніи, что съ нимъ я могъ переноситься въ какое угодно мѣсто лагеря и не упустить ни одной занимательной подробности этого зрѣлища. Оно длилось три дня. На маневрахъ представлялось подобіе

¹⁾ Карусель состоялся 11-го іюля 1766 г.

военныхъ дѣйствій, пускались фейерверки, сдѣланъ взрывъ крѣпостцы, — взрывъ, который стоилъ жизни нѣсколькимъ солдатамъ, но не произвелъ сильнаго впечатлѣнія, какъ ожидавшійся заранѣе.

.... Еще присутствовалъ я зимою, въ день Богоявленія, при особенномъ обрядѣ: я хочу сказать, при водосвятіи на рѣкѣ Невѣ, покрытой въ это время толстымъ слоемъ льда. Церемонія эта привлекаетъ бездну народа, ибо послѣ водосвятія крестятъ въ рѣкѣ новорожденныхъ и не посредствомъ обливанія, а чрезъ погруженіе нагихъ младенцевъ въ прорубь на льду. Случилось въ тотъ день, что попь (le pope), совершавшій крещеніе, старикъ съ бѣлою бородою и трясущимися руками, уронилъ одного изъ этихъ бѣдныхъ малютокъ въ воду, и ребенокъ утонулъ. Встревоженные богомольцы приступили съ вопросомъ: что значить такое предзнаменованіе?

— „А это значить“, отвѣчалъ съ важностію попь, „это значитьвотъ что:..... подайте мнѣ другаго“.

Болѣе всего удивила меня радость родителей бѣдной жертвы.

Потерять жизнь при самомъ крещеніи, говорили они съ восторгомъ, значить прямо войти въ рай.

Не думаю, чтобы православный христіанинъ могъ сдѣлать какое-нибудь возраженіе на подобный аргументъ ¹⁾.

.... Русскіе—судѣвнѣйшій народъ въ цѣломъ свѣтѣ. Святому Николаю, ихъ патрону, одному воздается болѣе молитвъ и земныхъ поклоновъ, чѣмъ всѣмъ остальнымъ святымъ календаря въ совокупности. Русский молится не Богу: онъ поклоняется св. Николаю и ему возноситъ свои моленія. Вы найдете здѣсь вездѣ образъ этого святаго; его икону я видѣлъ и въ столовыхъ залахъ, и въ кухняхъ, и, однимъ словомъ, всюду, гдѣ бы ни было: это ихъ домашнее божество, ихъ богъ — даръ. Гость, пріѣхавъ въ домъ, долженъ сперва поклониться изображенію святаго, а потомъ уже поздороваться съ хозяиномъ. Я видѣлъ, какъ москвиты, при входѣ въ комнату, гдѣ, по какому-либо исключительному случаю, не было этой иконы, проходили въ другія комнаты искать ее. На исподѣ всѣхъ этихъ обычаевъ лежитъ язычество, точно также, какъ и на днѣ всѣхъ вѣрованій, превеличенно-воспринятыхъ, доведенныхъ до крайнихъ проявленій. Самая забавная несообразность оказывается еще въ томъ, что языкъ московскій есть чисто-татарское нарѣчіе, а между тѣмъ, литургія отправляется на греческомъ ²⁾, такъ что православные всю свою

¹⁾ Очевидно, что повѣствователь жестоко завирается: онъ не могъ быть свидѣтелемъ невозможной небывальщины и баснословить съ чужаго голоса другихъ иностранцевъ-сказочниковъ.
Д. Р.

²⁾ Такимъ-то образомъ чужеземный гость понавѣ различіе между языками

жизнь твердятъ молитвы и славдсловія, въ которыхъ сами не понимаютъ ни слова. Переводъ молитвъ на языкъ общеупотребительный сочтенъ былъ бы за дѣло нечестивое, что внушается духовенствомъ, съ цѣлю сохранить собственное вліяніе и употреблять его въ свою пользу.

(Далѣе Казанова разсказываетъ не совсѣмъ правдоподобную, по обстановкѣ, исторію о томъ, какъ, съ сѣдѣйствіемъ Зиновьева, онъ купилъ себѣ за сто рублей тринадцатилѣтнюю крестьянскую дѣвочку у роднаго ея отца. Онъ называетъ ее Заирой):

..... Прогуливаясь близъ Екатерингофа вмѣстѣ съ Зиновьевымъ, мы встрѣтили очень молоденькую, еще неразвившуюся дѣвушку, поразительно-хорошенькую, но дико-застѣнчивую; при нашемъ приближеніи она бросилась бѣжать; а мы, по ея слѣдамъ, вошли въ избушку, куда она скрылась и гдѣ мы нашли ея отца со всею семьей. Дѣвочка спряталась въ углу и глядѣла на насъ съ тоскливымъ выраженіемъ испуга, какъ горлица, попадающая на зубъ волку.

Зиновьевъ вступилъ въ разговоръ съ отцемъ ея. Сколько я понялъ, рѣчь шла о дѣвочкѣ, потому что она, по знаку своего отца, послушно подошла впередъ. Черезъ четверть часа мы вышли изъ хижины, подаривъ нѣсколько рублей дѣтямъ. Тутъ Зиновьевъ мнѣ сказалъ, что онъ предложилъ хозяину купить у него дочь себѣ въ служанки, на что тотъ согласился.

— Сколько же онъ хочетъ за это сокровище?

— „Цѣну непомѣрную: сто рублей..... Вы видите, что тутъ ничего не подѣлаешь“.

— Какъ ничего не подѣлаешь? Да это просто даромъ!

— „Такъ, значитъ, вы не прочь дать сто рублей за дѣвочку?“

— Еще бы. Только согласится-ли она слѣдовать за мной и принадлежать мнѣ?

— „Она обязана будетъ къ этому, какъ только поступитъ въ ваше владѣніе,—и если разсудокъ не вразумитъ ее, то вы въ полномъ правѣ пустить въ ходъ палку“.

— Слѣдовательно, не смотря на ея нежеланіе, я могу заставить ее быть при себѣ, сколько мнѣ угодно?

— „Безъ всякаго сомнѣнія,—по крайней мѣрѣ, покуда она не возвратитъ назадъ ста рублей“.

— Если я ее возьму, какое жалованье долженъ ей давать?

русскимъ и церковно-славянскимъ, между почитаніемъ святаго и обоготвореніемъ его! Всего интереснѣе эти сужденія въ устахъ католика-итальянца, который въ своей отчизнѣ особенно могъ свыкнуться съ преувеличенными формами набожности.

Примѣч. переводчика.

— „Ни полушки: только кормить ее да отпускать, по субботамъ, въ баню, а по воскресеньямъ—въ церковь“.

— При окончательномъ выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, дозволено-ли мнѣ будетъ увести ее съ собой?

— „Да, только нужно получить на это разрѣшеніе, со взносомъ денежнаго обезпеченія (sous une garantie pécuniaire), ибо эта дѣвушка, прежде чѣмъ она раба ваша—есть царская“.

— Вотъ и все, о чемъ я хотѣлъ знать. Теперь угодно вамъ будетъ взять на себя трудъ договориться о сдѣлкѣ съ ея отцемъ.

— „Хоть сейчасъ, коли хотите,—и вздумай вы набрать себѣ цѣлый гаремъ, такъ стоитъ лишь молвить одно слово; въ красивыхъ дѣвушкахъ недостатка здѣсь нѣтъ“.

.... На другой день утромъ мы съ Зиновьевымъ опять направились туда; я отдалъ своему спутнику сто рублей, и мы вошли въ избу. Предложеніе, которое отъ моего имени заявилъ хозяину Зиновьевъ, привело добраго человѣка въ нѣмой восторгъ и удивленіе. Онъ сталъ на колѣна и сотворилъ молитву святому Николаю, потомъ далъ благословеніе дочкѣ и сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо; дѣвочка, посмотрѣвъ на меня съ улыбкой, проговорила: „Охотно“.....

Зиновьевъ выложилъ сто рублей на столъ; отецъ взялъ ихъ и передалъ дочери, которая тотчасъ вручила деньги своей матери. Покупной договоръ (le contract de vente)¹⁾ былъ подписанъ всѣми присутствовавшими; мои слуга и кучеръ, вмѣсто рукоприкладства, поставили на актѣ кресты, послѣ чего я посадилъ въ карету свою покупку, одѣтую въ грубое сукно, безъ чулокъ и рубашки.

... Я одѣлъ ее въ платье французскаго покроя. Однажды я повелъ ее, наряженную такимъ образомъ, въ публичную баню, гдѣ 50 или 60 человѣкъ обоого пола, голыхъ какъ ладонь, мылись себѣ, не обращая ни на кого вниманія и полагая, вѣроятно, что и на нихъ никто не смотритъ. Происходило-ли это отъ недостатка стыдливости, или отъ избытка первобытной невинности нравовъ—предоставляю угадать читателю.

... Кажется, эта дѣвушка (Заира) сильно привадалась ко мнѣ и вотъ отчего: во-первыхъ, потому, что я всегда обѣдывалъ съ нею за однимъ столомъ, что очень ее трогало; во-вторыхъ, за то, что я иногда ееводилъ къ ея родителямъ,—льгота, которою рабы рѣдко пользуются отъ своихъ господъ; а наконецъ, если уже все высказать, такъ и за то, что я, отъ времени до времени, поколачивалъ ее палкой—

¹⁾ Можно думать, что это былъ контрактъ на отдачу въ услуженіе, по найму, съ согласія отца семейства.

дѣйствиѣ, общераспространенное въ Россіи, но, большею частію, при-
мѣняемое безъ толку. Этотъ обычай, не всегда удовлетворительный
(defectueux) въ своемъ практическомъ приложеніи, въ принципѣ пре-
восходенъ, какъ мѣстная насущная необходимость. Отъ русскихъ ни-
чего не добьешься путемъ убѣжденій, воишь и понимать они, ка-
жется, неспособны; словами изъ нихъ не сдѣлаешь ровно ничего, а
волотушками (les horigons) — все что угодно. Побитый рабъ всегда такъ
разсуждаетъ: „баринъ мой могъ бы прогнать меня долой, да не сдѣ-
лалъ этого; слѣдовательно, онъ хочетъ держать меня при себѣ, по-
тому что любить; и такъ, мое дѣло любить его и служить ему усердно“.

По этому поводу я припоминаю, что у меня въ услуженіи былъ одинъ
казакъ (!), умѣвшій говорить по-французски. Иногда онъ черезъ чуръ
упивался водкой и я старался образумить его увѣщаніями. Только
одинъ мой знакомый, поглядѣвши на это, и говоритъ мнѣ: „Ну, смот-
рите! вы не бьете вашего слугу, такъ онъ же побьетъ васъ“, — что
и сбылось, или чуть-чуть не сбылось. Однажды, когда онъ былъ мерт-
вецки пьянъ, я сталъ журить его и погрозилъ ему движеніемъ руки.
Тотчасъ же онъ схватываетъ палку и бросается на меня: онъ по-
палъ бы навѣрно, еслибъ я не успѣлъ сбить его съ ногъ. Рус-
скій рабъ, обыкновенно столь покорный и безответный, въ пьяномъ
видѣ становится просто страшенъ. Стаканъ водки дѣлаетъ изъ него
дикаго звѣря. Господствующій порокъ этого народа, кромѣ обжор-
ства, чрезмѣрное пьянство, — порокъ, впрочемъ, извиняемый свойствами
климата. Кучеръ, всю ночь на-пролетъ сидящій на своихъ козлахъ
у господскаго подѣзда, грѣтся выпивкой; первый стаканъ водки
непремѣнно позываетъ на другой, и такъ далѣе до того, что это
лекарство оказывается вреднѣе самаго недуга, которому должно было
противодѣйствовать, — и если упившійся кучеръ заснетъ, то ему уже
никогда болѣе не проснуться.....

Пора теперь сказать о моей поѣздкѣ въ Москву, бывшей въ ис-
ходѣ мая.

..... Я нанялъ извозчика съ шестерикомъ лошадей за 80 рублей.
Это не дорого, если взять въ соображеніе, что переѣздъ предстоялъ
почти въ 500 итальянскихъ лье, или въ 72 версты (!). Въ Новго-
родѣ, гдѣ у насъ была остановка, я замѣтилъ, что мой извозчикъ
очень печаленъ: разспрашиваю его и въ отвѣтъ слышу, что одна изъ
лошадей перестала ѣсть кормъ и что, вѣроятно, ей придется быть
жертвою нашего путешествія. Иду вслѣдъ за извозникомъ въ ко-
нюшню и, въ самомъ дѣлѣ, вижу бѣдное животное неподвижнымъ,
съ понуренной головой. Извозчикъ мой обращается къ большой ло-
шади съ рѣчью и упрасиваетъ ее, въ выраженіяхъ самыхъ нѣж-

ныхъ, кушать кормъ; начинаетъ ее всячески ласкать, гладить по головѣ, цѣловать въ морду: ничто не помогало. Тогда мой парень принялся горько плакать; а я—фыркать отъ смѣха, потому что видѣлъ намѣреніе чувствительнаго моего возницы тронуть лошадь зрѣлищемъ своего горя. Цѣлая четверть часа прошла безуспѣшно, и мой кучеръ былъ уже не въ состояніи плакать: тогда онъ перемѣнилъ способы убѣжденія. За минуту до того слезы его душили, а теперь гнѣвъ обуялъ. Хозяинъ несчастнаго коня началъ расточать ему названія лѣнтая, упрянца и т. п., а потомъ выволакиваетъ его изъ конюшни, привязываетъ къ столбу, вооружается палкой и начинаетъ бить его по животному, какъ по стѣнѣ. Послѣ экзекуціи онъ отводитъ лошадь въ конюшню и подкладываетъ ей кормъ: она начинаетъ ѣсть, и вотъ миръ заключенъ, а участь моего путешествія обезпечена. Только въ одной Россіи дѣйствіе палки производитъ такіа чудеса. Теперь, какъ я слышу, палка тамъ работаетъ не столь уже дѣятельно и мастерски. Русскіе, на свою бѣду, начинаютъ слабѣе вѣровать въ нее, перенимаютъ французскіе обычаи, падаютъ, однимъ словомъ. Путѣ бы остереглись! Уже они слишкомъ далеко уходятъ отъ добрыхъ старыхъ временъ Петра Великаго, когда палочныя порціи отпускались методически и послѣдовательно, по старшинству чиновъ. Полковникъ получалъ поощренія ввѣста отъ генерала и обращалъ ихъ на капитана, который надѣлялъ ими поручика, а тотъ, въ свою очередь, капрала; рядовой одинъ только не имѣлъ за собой никого, кому могъ бы передать ихъ преемственно; но въ возмѣщеніе онъ могъ получать ихъ отъ всѣхъ и каждаго.

III.

Москва.—Отношеніе старой столицы къ новой.—Московское радушіе и барское хлѣбосольство.—Отсутствіе щепетильности.—Любезность дамъ.—Опять Петербургъ.—Фаворитка вельможи и ея жена.—Чужестранные ловцы счастья.—Братья Лунины.—Встрѣчи и бесѣды съ императрицею Екатериною II.—Поступокъ ея съ актрисой-француженкой.—Отъѣздъ автора изъ Россіи въ Варшаву.—Король польскій Станиславъ-Августъ.

Въ Москвѣ я остановился въ очень хорошей гостинницѣ. Послѣ обѣда, особенно для меня необходимаго съ дороги, я взялъ извозчицью карету и отправился развозить рекомендательныя письма, въ числѣ четырехъ или пяти, полученныхъ мною отъ разныхъ особъ. Промежутки въ этихъ визитахъ дали мнѣ время показать Москву моей Заирочкѣ (à ma petite Zaire). Она была очень любознательна и приходила въ восторгъ отъ каждаго зданія; для меня же въ этой прогулѣ памятно одно лишь обстоятельство: неумолкаемый звонъ колоколовъ, терзавшій ухо. На слѣдующій день мнѣ отдали всѣ ви-

зиты, сдѣланные мною наванунѣ. Каждый звалъ меня обѣдать вмѣстѣ съ моею питомицей. Г. Демидовъ въ особенности оказывалъ внимательность къ ней и ко мнѣ. Я долженъ сказать, что дѣвочка дѣлала съ своей стороны все зависящее, чтобъ оправдать эту любезность. Во всѣхъ обществахъ, куда я ее возилъ, раздавался постоянно хоръ похвалъ умѣнью ея держать себя, граціозности и красотѣ. Мнѣ было очень пріятно, что никто не хлопоталъ развѣдывать, точно-ли она моя воспитанница, или просто любовница и служанка. Въ этомъ отношеніи русскіе самый нещепетильный и сговорчивый народъ въ мірѣ и прагматическая ихъ философія достойна высоко-цивилизovanýchъ націй.

Кто Москвы не видалъ, тотъ не видалъ Россіи, и кто знаетъ русскіе только по Петербургу, тотъ не знаетъ русскихъ чистой Россіи. На жителей новой столицы здѣсь смотрять, какъ на чужеземцевъ. Истинною столицею русскихъ будетъ еще надолго матушка - Москва (la sainte Moscou). Къ Петербургу относится съ неприязнію и отвращеніемъ старый москвичъ, который, при удобномъ случаѣ, не прочь провозгласить противъ этой новой столицы приговоръ Катона старшаго на счетъ Карфагена. Оба эти города — соперники между собой не вслѣдствіе только различій въ ихъ мѣстномъ положеніи и назначеніи: ихъ рознять еще и другія причины, причины религіозныя и политическія. Москва тянетъ все назадъ, къ давнопрошедшему: это городъ преданій и воспоминаній, городъ царей, отродье Азій, съ изумленіемъ видящее себя въ Европѣ. Я во всемъ подмѣтилъ здѣсь этотъ характеръ, и онъ-то придаетъ городу своеобразную фizioномію. Въ теченіе недѣли, я обозрѣлъ все: церкви, памятники, фабрики, бібліотеки. Эти послѣднія составлены весьма плохо, потому что населеніе, претендующее на неподвижность, любить книги не умѣетъ. Что до здѣшняго общества, то оно мнѣ показалось приличнѣе петербургскаго и правильнѣе цивилизованнымъ. Московскія дамы отличаются любезностью. Онѣ ввели въ моду премилый обычай, который желательно бы распространить и въ другихъ краяхъ, а именно: довольно чужестранцу поцѣловать у нихъ руку, чтобъ онѣ тотчасъ же подставили и ротикъ для поцѣлуя. Не сочту, сколько хорошенькихъ ручекъ я сцѣпилъ разцѣловать въ теченіе первой недѣли моего пребыванія. Столъ здѣсь всегда изобильный, но услуживаютъ за столомъ безпорядочно и неловко. Москва — единственный городъ въ мірѣ, гдѣ богатые люди держатъ открытый столъ въ полномъ смыслѣ слова. Не требуется особаго приглашенія со стороны хозяина дома, а достаточно быть съ нимъ знакомымъ, чтобы раздѣлять съ нимъ трапезу. Часто случается — что другъ дома зоветъ туда съ собою многихъ собственныхъ знако-

мыхъ и ихъ принимаютъ точно также, какъ и всѣхъ прочихъ. Если прїѣхавшій гость не застанетъ обѣда, тотчасъ же для него нарочно опять накрываютъ на столъ. Нѣтъ примѣра, чтобы русскій намекнулъ, что вы опоздали пожаловать; въ подобной невѣжливости онъ окончателно не сроденъ. Въ Москвѣ круглыя сутки идетъ странья на кухнѣ. Ковара тамъ въ частныхъ домахъ заняты не менѣе, чѣмъ ихъ собратья въ парижскихъ ресторанахъ, и хозяйка столь далеко простираютъ чувства радушія, что считаютъ себя какъ-бы обязанными лично подчивать своихъ гостей за каждою трапезой, что иногда слѣдуетъ, безъ перерыва, вплоть до самой ночи. Я никогда не рѣшился бы жить своимъ домою въ Москвѣ; это было бы слишкомъ накладно и для моего кармана, и для здоровья.

.... Русскіе—самое обжорливое племя въ человѣчествѣ.....

(За симъ, авторъ говоритъ о своемъ возвращеніи въ Петербургъ, къ которому и относятся дальнѣйшія его воспоминанія).

... Еще когда я былъ въ Мемелѣ, то взялся оттуда передать письмо флорентинки Брогонци къ венеціанкѣ Роколини, переѣхавшей въ Петербургъ, съ намѣреніемъ поступить тамъ на сцену Большаго театра, въ качествѣ пѣвицы. Но эта дѣвушка, незнакомая съ начальными правилами своего искусства, не была туда допущена. Чтѣ же тогда она сдѣлала? Сблизилась съ одной французенкой, женою купца, по имени Протъ (Prote), съ цѣлью расположить въ свою пользу эту женщину, которая жила въ домѣ оберъ-егермейстера императрицы, была его любовницей и, въ одно и то же время (небывалое дѣло!), наперсницей и довѣренною особою у супруги оберъ-егермейстера, Маріи Павловны ¹⁾. Та терпѣть не могла своего благовѣрнаго и ничуть не возставала противъ того, что мадамъ Протъ взяла на себя, вмѣсто нея, вести супружескія съ нимъ отношенія. И такъ, Роколини, которую здѣсь звали синьорою Виченца, бывала у этой французенки и сама принимала ее къ себѣ со всѣмъ ея обществомъ, что и дало большой ходъ неудавшейся пѣвицѣ, хитрой и весьма еще представительной бабенкѣ, не смотря на ея сороколѣтній возрастъ. Она пригласила меня на ужинъ. „Если вы любитель чудесъ“, сказала мнѣ она, „то я покажу вамъ одно чудо“. Дѣло шло о мадамъ Протъ. Она была въ числѣ гостей и, дѣйствительно, никогда я не видалъ такой чудной красоты. Ея обожатель, оберъ-егермейстеръ, давалъ ей полную свободу въ образѣ жизни, и потому я имѣлъ возможность

¹⁾ Рѣчь идетъ, какъ видно, о оберъ-егермейстерѣ Семенѣ Кирилловичѣ Нарышкинѣ (1710—1775) и женѣ его Марьѣ Павловнѣ, рожденной Бажъ-Полевой (1730—1793).

пригласить красавицу, въ сообществѣ съ другими знакомыми, объѣдать въ Екатерингофѣ у одного изъ лучшихъ рестораторовъ (изъ Болоньи), у знаменитаго Локателли, о которомъ и теперь еще помнятъ хорошіе ѣдоки. Остальными моими гостями были Зиновьевъ, Колонна, синьора Виченца и одинъ музыкантъ, ея благопріятель. Нашъ пиръ былъ очень веселъ....

..... Однажды явился ко мнѣ съ визитомъ молодой французъ, по имени Кревкёръ (Crevesœur), въ парѣ съ милостивою и молоденькою парижанкой, мамзель Ларивьеръ (m-lle Larivière), и вручилъ мнѣ письмо отъ принца Карла курляндскаго, который усердно рекомендовалъ мнѣ его.

— Потрудитесь сказать, въ чемъ же могу я быть вамъ полезенъ?

— „Представьте меня вашимъ друзьямъ“.

— У меня здѣсь ихъ очень мало, потому что я самъ иностранецъ. Бывайте у меня, я съ своей стороны стану посѣщать васъ; а что касается до знакомствъ, которыя я могу имѣть здѣсь, то обычай не дозволяетъ мнѣ ввести васъ въ эти знакомства. Подъ какимъ именемъ долженъ я представить даму, которая пожаловала вмѣстѣ съ вами? Супруга-ли она ваша? Кромѣ того, вѣдь меня непременно спросятъ, какія причины вашего приѣзда въ Петербургъ? Что же буду я отвѣчать на все это?

— „Что я дворянинъ изъ Лотарингіи, путешествующій для своего удовольствія. Дѣвица Ларивьеръ—моя подруга“.

— Признаюсь вамъ, подобныя основанія для рекомендаціи не покажутся удовлетворительными. Впрочемъ, вы, можетъ быть, хотите изучать страну, ея нравы, обычаи; можетъ быть, имѣете единственную цѣлью — развлеченіе; въ такомъ случаѣ, для васъ нѣтъ и надобности въ частныхъ знакомствахъ; къ вашимъ услугамъ театры, гулянья, балы общественныя, даже придворныя балы. Чтобы пользоваться всѣми этими удовольствіями, нужны только деньги.

— „А ихъ-то именно и нѣтъ у меня“.

— Вы не имѣете денегъ, а рѣшились безъ нихъ приѣхать на житье въ иностранный столичный городъ? ¹⁾

— „Мамзель Ларивьеръ склонила меня пуститься въ это путешествіе, увѣривъ меня, что тутъ мы добудемъ средства жить со дня на день. Мы выѣхали изъ Парижа безъ копейки, и вотъ до сихъ поръ еще очень удачно выпутывались изъ затрудненій“.

¹⁾ Выражая благоразумное удивленіе бездежной отвагѣ путешественниковъ, Казанова забываетъ, что самъ приѣхалъ въ Россію съ тремя монетами въ карманѣ!

— Вѣроятно, сама мамзель Ларивьеръ и хозяйничаетъ вашимъ общимъ кошелькомъ?

— „Нашъ кошелекъ“, перебила она меня смѣясь, „въ карманахъ нашихъ друзей“.

— Я считаю очень естественнымъ, что вы, сударыня, находите друзей по всему свѣту,—и будьте увѣрены, что въ качествѣ одного изъ нихъ, я тоже предложилъ бы вамъ свой кошелекъ; но, къ несчастію, я не богатъ.

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ входомъ нѣкогого Бомбакка, гамбургскаго уроженца, который бѣжалъ отъ долговъ изъ Англіи, гдѣ жилъ прежде, и поселился здѣсь. Этотъ господинъ устроилъ себѣ въ Петербургѣ извѣстное положеніе: онъ занялъ мѣсто по военному вѣдомству, довольно видное; жилъ на большую ногу, и такъ какъ былъ большой любитель игры, женщинъ и лакомаго стола, то при настоящемъ случаѣ я и подумалъ, что въ его особѣ какъ разъ подоспѣваетъ готовое знакомство для оригинальныхъ странствователей, которыхъ кошелекъ находится въ карманахъ ихъ друзей. Бомбаккъ тотчасъ же растаялъ отъ смазливой дамочки, что ею принято было весьма благосклонно, и черезъ четверть часа пригласилъ ихъ на завтра къ обѣду, также какъ и меня съ Заирой.

Когда я къ нему пріѣхалъ, Кревьеръ и мамзель Ларивьеръ были уже за столомъ съ двумя русскими офицерами, братьями Луниными, (нынѣ генералъ-майорами, а тогда еще въ самыхъ первоначальныхъ чинахъ¹⁾). Младшій изъ нихъ, бѣловурый, нѣжный и хорошенькій, какъ барышня, слылъ любимцемъ кабинетъ-секретаря г. Теплова..... Вечеръ закончился оргіей.

.... По возвращеніи моемъ изъ Москвы въ Петербургъ, первую для меня новостью была вѣсть о побѣгѣ Бомбакка и арестованіи его въ Москвѣ. Бѣдняга засадили въ тюрьму; дѣло его было важно, какъ усложнившееся бѣгствомъ. Однако-жь, его не осудили на смерть и даже не лишили прежняго званія, но назначили на постоянную службу въ камчатскомъ гарнизонѣ. Что касается Кревьера и его подруги Ларивьеръ, то они скрылись съ кошельками друзей въ своихъ карманахъ.

Пора мнѣ приступить къ разсказу о моемъ свиданіи съ императрицей.

Графъ Панинъ, воспитатель наслѣднаго принца Павла, спросилъ

¹⁾ Не изъ этихъ-ли двухъ братьевъ былъ Петръ Михайловичъ Лунинъ, о которомъ разсказываетъ П. О. Карабановъ («Р. С.», т. V, 133), что онъ изъ капитановъ гвардіи получилъ, въ 1774 г., чинъ подковника за ловко-перехваченную у князя Лобанова вѣсть о взятіи Пугачева?

меня разъ: неужели я намѣренъ уѣхать изъ Петербурга, не увидавъ императрицу? Я отвѣчалъ изъявленіемъ крайняго сожалѣнія о томъ, что лишень этого счастья, не имѣя въ виду, кому бы угодно было представить меня государынѣ. Тогда графъ указалъ мнѣ на Лѣтній садъ, какъ на мѣсто обычной утренней прогулки ея величества.

— Но съ какого повода и по какому праву могу я предстать передъ нею?

— „Въ этихъ основаніяхъ вы не имѣете надобности“.

— Но я вовсе неизвѣстенъ императрицѣ...

— „Ошибаетесь; она васъ видѣла и даже замѣтила“.

— Во всякомъ случаѣ, я не осмѣлюсь приблизиться къ ея величеству безъ чьего-либо посредства.

— „Я тамъ буду“.

Графъ условился со мной о днѣ и часѣ. Въ назначенное время я пошелъ на прогулку одинъ, разсматривая обстановку сада. По обѣимъ сторонамъ аллей были разставлены статуи жалчайшей работы: горбатые Аполлоны, щедушныя Венеры, дюжие Амуры, сложенные гвардейскими солдатами, и, вдобавокъ, ничего не было смѣшнѣе пуганицы, допущенной въ именахъ міеологическихъ и историческихъ. Помню одну маленькую и безобразную фигурку, съ названіемъ Геркулеса, и уродливую же, хныкающую фізіономію, подъ титуломъ Демокрита. Бородатый старикъ наречень былъ Сафо, старуха именовалась Авиценна; двое юношей, невинно-ласкающихъ другъ друга, слыли Филемономъ и Баввидой. Но я сдержалъ въ себѣ смѣхъ, приближаясь къ подходящей императрицѣ.

Впереди шелъ Орловъ, сзади слѣдовали многія дамы, сбоку государыни шелъ графъ Панинъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, она спросила мое мнѣніе объ обстановкѣ сада. Отвѣтъ мой былъ повтореніемъ того, который я далъ королю прусскому на подобный же вопросъ ¹⁾.

— Что касается надписей, прибавилъ я, то, конечно, онѣ сдѣланы для мистификованія несвѣдующихъ и для забавы тѣхъ, кто имѣеть нѣкоторыя познанія въ исторіи.

— „Надписи и персонажи—все это ничего не означаетъ. Мою покойную тетку ²⁾ обманывали. Надѣюсь, вы могли бы увидѣть въ Россіи многое, не столь смѣшное, какъ эти статуи“.

— Государыня! Если въ вашей имперіи что-либо и могло бы показаться подобнымъ, то оно отстоитъ неизмѣримо далеко отъ всякаго

¹⁾ Что садъ великолѣпнень.

²⁾ То-есть, императрицу Елисавету Петровну.

сравненія съ предметами, возбуждающими восторженное изумленіе иностранцевъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ разговора я имѣлъ случай произнести съ похвалою имя короля прусскаго. Императрицѣ угодно было, чтобы я сообщилъ ей подробности моего съ нимъ свиданія, что я и выполнилъ. Въ это время зашла рѣчь о празднествѣ, предположенномъ императрицею, но отложенномъ за дурною погодой, то-есть, объ упомянутомъ уже мною турнирѣ или каруселѣ, на который должны были собраться отличнѣйшіе воины государства. Екатерина спросила меня, въ обычаи-ли подобныя праздники въ моемъ отечествѣ.

— Конечно, и тѣмъ болѣе, что климатъ Венеціи благопріятенъ для увеселеній такого рода. Хорошіе, ясные дни тамъ столько же обыкновенны, какъ здѣсь рѣдки, не смотря на то, что путешественники находятъ здѣшній годъ моложе, нежели во всѣхъ прочихъ мѣстахъ.

— „Правда, вашъ годъ старѣе одинадцатью днями“.

— Не было-ли бы, подхватилъ я тутъ, нововведеніемъ, достойномъ вашего величества, принятіе грегорианскаго календаря въ вашей обширной державѣ? Вамъ, государыня, не безъизвѣстно, что онъ усвоенъ всѣми народами. Сама Англія, четырнадцать лѣтъ тому на задъ, откинула 11 послѣднихъ дней февраля, и этою мѣрой правительство ея приобрѣло нѣсколько милліоновъ. Въ прочихъ странахъ Европы всѣ съ удивленіемъ взираютъ на то, что старый стиль до сихъ поръ еще употребляется въ такой имперіи, гдѣ государь есть въ то же время глава церкви и гдѣ существуетъ академія наукъ. Всѣ готовы думать, что Петръ Великій, установившій начало года съ 1-го января, отмѣнилъ бы притомъ и старый стиль, когда бы не сознавалъ для себя обязательнымъ держаться тогдашняго примѣра Англіи, въ рукахъ у которой была торговля Россіи.....

— „И потомъ“, перебила меня императрица, „Петръ не былъ ученымъ“.

— Онъ былъ выше всякаго ученаго, государыня! Онъ былъ мужъ великаго, гениальнаго ума! Что за тактъ въ дѣлахъ! Что за искусство въ ихъ веденіи! Какая рѣшительность! Какая смѣлость! Онъ успѣвалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, потому что обладалъ умомъ, который предохранялъ его отъ ошибокъ, и всею силой, необходимой для борьбы со зломъ.....

Я не успѣлъ окончить панегирикъ, какъ Екатерина отвернулась отъ меня и пошла далѣе. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что она не могла, безъ нѣкотораго затаеннаго неудовольствія, выслушивать похвалы, расточаемыя ей предшественнику. Встревоженный такимъ

исходомъ разговора, я старался развѣдать что-нибудь по этому поводу отъ графа Панина, который, однако-жъ, увѣрялъ меня, что я весьма понравился ея величеству и что государыня каждый день разспрашивала обо мнѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ пользоваться случаями—вновь встрѣтиться съ нею.

— „При томъ же“, прибавилъ графъ, „такъ какъ вы произвели хорошее впечатлѣніе, то, по всей вѣроятности, удостоитесь приглашенія бывать при дворѣ,—и тогда, если заявите желаніе вступить здѣсь на службу, то получите мѣсто“.

Недоумѣвая, какое мѣсто могло бы мнѣ быть подѣ-стать въ странѣ, гдѣ постоянное житіе не особенно улыбалось моимъ мечтамъ, я былъ, однако-жъ, весьма польщенъ извѣстіемъ, что государыня приняла о моей особѣ благосклонное мнѣніе и обрадованъ возможностью имѣть доступъ ко двору. И такъ, я въ полной мѣрѣ воспользовался даннымъ мнѣ правомъ и каждое утро ходилъ гулять въ царскіе сады, гдѣ снова встрѣтилъ императрицу. Для меня было чрезвычайно лестно, что она сама заговорила опять о вопросѣ, котораго я коснулся при первомъ моемъ представленіи.

— „То, чего вы желали для чести Россіи, уже сдѣлано“, сказала она. „Отнынѣ впредь, на всѣхъ письмахъ и сообщеніяхъ, идущихъ отъ насъ за границу, также какъ и на всѣхъ офіціальныхъ документахъ, могущихъ имѣть значеніе для исторіи, будутъ выставлены числа того и другаго стила, одно надъ другимъ“.

— Я доложу вашему величеству, что старый стиль различествуетъ отъ новаго на одиннадцать дней и что въ концѣ нынѣшняго вѣка разность эта еще увеличится. Что же вы сдѣлаете съ излишкомъ, который образуется вслѣдствіе этого?

— „Я все предусмотрѣла. Послѣдній годъ вѣка, который, по грегорианскому численію, не будетъ високоснымъ въ Европѣ, придется не високоснымъ и у насъ. Притомъ ошибка допускаетъ разницу на 11 дней, совпадающихъ какъ-разъ съ тѣмъ числомъ, которымъ ежегодно умножаютъ эпакты. Это даетъ намъ право сказать, что ваши эпакты тѣже, что и наши, съ единственнымъ различіемъ на одинъ годъ. Относительно праздника Пасхи мы предоставляемъ первое слово вамъ. Вы полагаете равноденствіе 2-го марта, а мы его опредѣляемъ 10-го; но, въ этомъ случаѣ, вы не болѣе насъ научились отъ астрономовъ.... иногда вы бываете правы, а иногда нѣтъ, ибо то число, когда настаетъ равноденствіе, есть переходящее: оно наступаетъ однимъ, двумя и даже тремя днями раньше или позже.... Вы можете даже убѣдиться, что въ численіи своемъ вы не сходитесь неизмѣнно

съ евреями, которые сохранили у себя особую вставочную прибавку дней (l'embolisme)⁴.

Я былъ озадаченъ. Вотъ полный курсъ астрономіи, подумалъ я. Затѣмъ прискивая возраженія, я сказалъ:

— Мнѣ остается только преклониться предъ доводами вашего величества; но какъ же быть съ вопросомъ о празднованіи Рождества?

— „Я ожидала, что вы это скажете. Римъ правъ въ этомъ отношеніи и вы хотите замѣтить, что Рождество не празднуется во время солнцестоянія, какъ слѣдовало бы праздновать. По моему, подобное замѣчаніе не имѣетъ особеннаго вѣса. Сверхъ того, справедливость и политика обязываютъ меня поддерживать эту маленькую неправильность. Я не могу, вычеркивая 11 дней изъ календаря, заставить нѣсколько милліоновъ человѣкъ,—да и себя въ томъ числѣ,—потерять годовщину дня ихъ рожденія и именинъ. Какъ знать? Пожалуй, сказали бы, что я отняла 11 дней у жизни человѣческой; наконецъ, стали бы смотрѣть на меня, какъ на безбожницу и нарушительницу вселенскихъ постановленій Никейскаго собора“.

Аргументъ не допускалъ возраженій. Всякій пойметъ, что не было средствъ оспаривать непогрѣшимость Никейскаго собора. Но мнѣ того, какъ императрица говорила, мое удивленіе возрастало съ каждымъ ея словомъ; но скоро я замѣтилъ, что она пересказывала все это, какъ заученный урокъ, и что если слѣдовало удивляться, то развѣ ея памяти. Дѣйствительно, я узналъ на другой день, что великая Екатерина имѣла у себя въ карманѣ небольшой трактатъ объ астрономіи, съ помощію котораго ей удобно было выказать знаніе этого предмета. Впрочемъ, она выражала свои мнѣнія (внутренняя ей предварительно) съ примѣрною сдержанностію, она искала эффекта въ самой себѣ, а не въ томъ, что говорила. Отъ природы своенравная и настойчивая, она поставила себѣ закономъ сохранять совершенно ровное расположеніе духа,—привычка, нелегко достающаяся и стоившая ей громаднхъ усилій. Въ то время, какъ я видѣлъ Екатерину, она была еще молода, высока (sic), бѣлолица, полна, съ предрасположеніемъ къ тучности, имѣла открытый видъ и благородное выраженіе лица. Люди, которые не признавали главнымъ достоинствомъ наружности правильныя черты и гармонію всѣхъ лицевыхъ частей, считали Екатерину красавицей. Я въ особенности былъ тронутъ ея добротой, которая со всѣхъ сторонъ привлекала къ ней сочувствіе и довѣріе, столь необходимыя монархамъ, тогда какъ, напротивъ, онѣ отталкивались строгимъ видомъ и непривѣтливостію ея сосѣда, короля прусскаго. При обзорѣ дѣятельности и всей жизни Фридриха II, удивляешься высокому его мужеству, которое онъ вы-

казаль въ своихъ войнахъ; но скоро убѣждаешься, что онъ палъ бы безъ поддержки счастія, много послужившаго его успѣхамъ. Фридрихъ II многое вѣрялъ случаю: это былъ игрокъ, по крайней мѣрѣ, на столько же отважный, на сколько ловкій. Теперь возьмите въ сравненіе исторію Екатерины: вы увидите, что она мало разочитывала на такіе успѣхи, которые ловятся на лету; что она выполнила дѣла, которыя дотогѣ Европа признавала невозможными, и что она, казалось, полагала гордость свою лишь въ томъ, чтобы увѣрить свѣтъ, какъ легко для нее было совершеніе славныхъ дѣяній.

Императрица не одинъ еще разъ говорила со мной о календарѣ. Это ни малѣйше не подвигало дѣла впередъ. Я рѣшился ей представиться еще однажды, располагая завести рѣчь о другомъ предметѣ. И такъ, я отправился въ Сзагпоково (Чернышево?). Увидѣвъ, что я иду, она подозвала меня знакомъ.

— „Кстати“, начала она, „я забыла васъ спросить, осталось-ли у васъ еще какое-нибудь возраженіе противъ предположенной мною мѣры?“

— Все по предмету календаря?

— „Да“.

— Я доложу вашему величеству, что преобразователь его самъ призналъ маленькую неточность въ своихъ вычисленіяхъ; но эта ошибка такъ мало замѣтна, что потребуетъ исправленія развѣ черезъ восемь или десять тысячъ лѣтъ.

— „Мои вычисленія согласуются съ вашими; но если послѣднія правильны, то папа Григорій VII напрасно созналъ свою ошибку, потому что законодатель не долженъ подозрѣвать за собой ни безсилія, ни неумѣнья. Не смѣшно-ли думать, что если бы преобразователь календаря не исключилъ высокоса въ концѣ столѣтія, то міръ въ теченіе 50-ти тысячъ лѣтъ имѣлъ бы однимъ годомъ болѣе,—тогда какъ въ теченіе этого періода равноденствіе прошло бы около 150 разъ по всѣмъ днямъ года, а праздникъ Рождества приходился бы отъ 10-ти до 12-ти тысячъ разъ въ самой срединѣ лѣтней поры! Преемникъ святаго Петра, какъ его называютъ, встрѣтилъ въ своей пастырь сговорчивость и податливость, какихъ онъ не могъ бы надѣяться найти здѣсь, гдѣ существуетъ приверженность къ старымъ обычаямъ“.

— Для меня несомнѣнно, что воля вашего величества превозмогла бы всѣ эти препятствія.

— „Желаю этому вѣрить. Но какое огорченіе было бы нанесено членамъ нашего духовенства, если бы я принудила исключить изъ календаря около сотни именъ святыхъ, памяти коихъ посвящены 11

послѣднихъ дней! У васъ, католиковъ римской церкви, полагается одинъ святой на каждый день года, а у насъ бываетъ по десяти или двѣнадцати въ день. Кромѣ того, вы возьмите во вниманіе, что старѣйшія изъ государствъ вѣрно держатся за свои первобытныя учрежденія. И народъ имѣетъ основаніе чтить эти учрежденія, какъ благія и священныя, потому что онѣ были всегда неизмѣнны. На этотъ счетъ я далека отъ того, чтобы порицать, напримѣръ, обычай вашего отечества—начинать годъ съ 1-го марта; для вашей страны въ этомъ обычаѣ является почетное доказательство ея древности. Только не происходитъ-ли изъ того какой-нибудь запутанности въ счисленіи времени?"

— Никакой; посредствомъ двухъ буквъ, которыя мы прилагаемъ къ числамъ мѣсяца въ январѣ и февралѣ, всякое недоразумѣніе устраняется.

— „Говорятъ также, что вы не раздѣляете 24 часа сутокъ на двѣ равныя половины?"

— Дѣйствительно, мы ведемъ счетъ суткамъ съ начала ночи.

— „Странно! И если вы находите этотъ способъ счисленія удобнымъ, то, по мнѣ, онъ очень затруднителенъ“.

— Ваше величество дозволите мнѣ считать нашъ обычай предпочтительнымъ вашему: съ нимъ мы не имѣемъ надобности возвѣщать всякій разъ о заходѣ солнца пушечнымъ выстрѣломъ.

— „Въ добрый часъ. За то для насъ это неудобство возмѣщается выгодой знать навѣрно о наступленіи полудня или полночи, когда стрѣлка на нашихъ часахъ указываетъ цифру 12“.

Послѣ этой научной бесѣды, императрица разговаривала со мной о другихъ обычаяхъ Венеціи и, между прочимъ, объ азартныхъ играхъ и лоттерей.

— „Меня хотѣли склонить“, сказала она, „къ учреженію лоттереи въ моемъ государствѣ; я на это согласилась, но подъ условіемъ, чтобы ставка была не ниже рубля. Моя цѣль была—поберечь деньги челоуѣка бѣднаго, который, не зная всѣхъ тонкостей игры и соблазняясь ея заманчивостью, постоянно мечталъ бы, что терно выиграть очень легко“.

Таковъ былъ послѣдній мой разговоръ съ великой Екатериной, несравненною государыней, которую никогда я не забуду.

..... Однажды былъ я въ петербургскомъ французскомъ театрѣ. Сидя одинъ въ ложѣ, я порядочно скучалъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ сосѣдней ложѣ хорошенькую даму, также сидящую одиноко. Мы тутъ же познакомились. Дама говорила по-французски безукоризненно чисто

и правильно (вещь, весьма рѣдкая между русскими дамами), и когда я сказала ей объ этомъ, то она объявила себя парижской артисткой, по имени Вальвилль..

— Я не имѣлъ еще удовольствія аплодировать вашей игрѣ.

— „Неудивительно: я здѣсь уже съ мѣсяцъ, а играла всего одинъ разъ въ „Folies amoureuces“.

— Одинъ только разъ? Почему же?

— „Потому, что я не имѣла счастья понравиться императрицѣ“.

— Императрица весьма разборчива, при чемъ не всегда бываетъ справедлива. Вы, конечно, намѣрены ходатайствовать по поводу преждевременнаго сужденія о вашей игрѣ.

— „Низачто. Однако-жъ, я аганжирована на годъ и потому мнѣ будутъ платить по сту рублей въ мѣсяцъ; а по прошествіи года, выдаютъ паспортъ и деньги на обратный путь“.

— Вотъ это обстоятельство значительно оправдываетъ императрицу. Я полагаю, что, поступая съ вами такимъ образомъ, она думаетъ, что оказываетъ вамъ милость.....

— „А между тѣмъ, выходитъ совсѣмъ иное. Невольное бездѣйствіе для меня болѣе убыточно, чѣмъ выгодно: я отстаю отъ своего дѣла, не успѣвъ еще изучить его“.

— Если ваша скромность не обманываетъ васъ въ этомъ случаѣ, такъ необходимо обратиться съ просьбой къ государынѣ.

— „Но какимъ же образомъ я добьюсь аудіенціи?“

— Способомъ исходатайствованія.

— „Мнѣ откажутъ“.

— А нѣтъ-ли у васъ кого изъ знакомыхъ, кто могъ бы посодѣйствовать вамъ въ этомъ?

— „Никого“.

(Казанова предложилъ актрисѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву).

— „Какъ же вы“, сказала Вальвилль, „выхлопчете мнѣ дозволеніе выѣхать изъ Петербурга?“

— Я не предвижу въ этомъ затрудненій, и вотъ чѣмъ можно устранить ихъ, отвѣчалъ я, принимаясь за письмо.

— „Къ кому оно будетъ?“ спросила артистка.

— Къ императрицѣ.

И я написалъ слѣдующее:

„Умоляю ваше величество соизволить принять на видъ, что, пребывая здѣсь въ бездѣйствіи, я могу забыть мое ремесло актрисы и тѣмъ легче, что я не закончила еще изученія его. Великодушіе, ко-

имъ я нинѣ пользуюсь отъ вашего величества, можетъ, слѣдовательно, сопровождаться для меня болѣе вредомъ, нежели пользой. Посему я была бы преисполнена глубочайшею признательностью за милостивое разрѣшеніе на скорѣйшій выѣздъ мой отсюда“.

— „И вы хотите, чтобъ я подписала это?“

— Почему же бы вамъ не подписать?

— „Но, вѣдь, могутъ подумать, что я отказываюсь отъ путевыхъ денегъ, да притомъ здѣсь нѣтъ ни полслова о паспортѣ“.

— Пусть я прослыву за глупѣйшаго изъ смертныхъ, если вы не получите, сверхъ суммы на дорожные расходы, ваше годовое жалованье не въ зачетъ выданныхъ вамъ денегъ.

— „Я не столь требовательна; это значило бы домогаться слишкомъ многого“.

— Нѣтъ; сама императрица все пойметъ и сдѣлаетъ. О, я знаю ее!

— „Вы человѣкъ тонкій и въ этомъ мнѣ съ вами не тягаться. Пусть будетъ по вашему: перепишу письмо“.

... Прежде, чѣмъ Вальвиль рассказала мнѣ исторію своего прибитія сюда, я угадалъ, въ чемъ дѣло. Въ Россію посовѣтывалъ ей ѣхать Клерваль (извѣстный парижскій артистъ). Имѣя порученіе набрать комическую труппу для петербургскаго театра, онъ увѣрилъ молодую особу, что она рождена быть комическою актрисой и успѣетъ непремѣнно составить себѣ блестящую карьеру на берегахъ Невы. Приятнымъ предсказаніямъ всегда вѣрится легко, и вотъ она принимаетъ вызовъ и вступаетъ въ ангажементъ: рѣшеніе, слишкомъ смѣлое для молодой особы, которая отъ-роду не появлялась на сценѣ. Паденіе было болѣе чѣмъ вѣроятно, и оно осуществилось на дѣлѣ.

..... Вальвиль выждала императрицу, когда она шла въ часовню и подала ей свою просьбу. Императрица прочитала бумагу на ходу, не останавливаясь, а потомъ сдѣлала просительницѣ знакъ, чтобы она погодила. Черезъ нѣсколько минутъ просительницѣ возвратили бумагу, съ надписью на имя статсъ-секретаря Елагина. Въ этой надписи содержалось повелѣніе—выдать актрисѣ годовое ея жалованье, сто червонцевъ на проѣздъ и паспортъ. Все это она могла получить черезъ двѣ недѣли, потому что русская полиція выправляетъ иностранцамъ паспорта не прежде, какъ спустя пятнадцать дней послѣ подачи о томъ просьбы.

..... На другой день, по приѣздѣ въ Варшаву, я отправился развозить рекомендательныя письма, которыми запасся въ Петербургѣ, и началъ съ князя Адама Чарторижскаго. Я засталъ его въ кабинетѣ, въ обществѣ человѣкъ сорока. Прочитавъ поданное мною письмо, онъ отозвался съ похвалою о томъ лицѣ, отъ кого я имѣлъ эту

рекомендацію, и пригласилъ меня на ужинъ. Принявъ приглашеніе, я покаместъ поѣхалъ къ польскому посланнику при французскомъ дворѣ, графу Сулковскому (Sulkowski), челоуѣку обширныхъ познаній, дипломату-энтузіасту, голова котораго была набита прозѣтами, въ родѣ аббата де-Сень-Пьера. Онъ показалъ, что очень радъ меня видѣть и, имѣя, по его словамъ, многое мнѣ сообщить, оставилъ меня обѣдать съ нимъ вдвоемъ. Я провелъ четыре убійственныхъ часа за его столомъ, гдѣ я игралъ роль не столько собесѣдника, сколько ученика, выдерживающаго экзаменъ. Графъ Сулковскій говорилъ со мною обо всемъ, исключая того, о чемъ я могъ съ нимъ говорить. Его сильная или, лучше скажу, слабая сторона была политика; онъ рѣшительно подавилъ меня своимъ неоспоримымъ превосходствомъ въ этомъ предметѣ.

Потомъ я поспѣшилъ къ князю Адаму, чтобы скорѣе забыть диковинныя порожденія дипломатической премудрости. Тамъ я нашелъ многочисленное общество: генераловъ, епископовъ, министровъ, виленскаго воеводу и, наконецъ, короля (Станислава Понятовскаго), которому князь меня представилъ. Его величество много спрашивалъ меня объ императрицѣ Екатеринѣ и знатнѣйшихъ особахъ ея двора. Я былъ столько счастливъ, что имѣлъ возможность сообщить ему подробности, которыя, казалось, представляли для него живой интересъ. За ужиномъ я сидѣлъ по правую руку монарха и онъ не переставалъ обращаться ко мнѣ. Изъ собесѣдниковъ мы только двое ничего не ѣли.

Король польскій былъ росту небольшого, но хорошо сложенъ; его лицо было исполнено выразительности; онъ изъяснялся очень свободно и легко, рѣчь его сверкала остроуміемъ и любезностью..... Въ обществѣ онъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа..... Онъ выказывалъ себя большимъ знаткомъ классической литературы и дѣйствительно имѣлъ въ ней свѣдѣнія, болѣе обширныя, чѣмъ кто-либо другой въ его положеніи. Однажды, когда онъ заговорилъ о многихъ римскихъ поэтахъ и прозаикахъ, я вытарашилъ глаза отъ удивленія, слыша, какъ онъ сыплетъ цитатами изъ многихъ рукописныхъ схоластическихъ сочиненій, манускриптовъ, неизвѣстныхъ публикѣ, а если и существовавшихъ, то лишь по соизволенію его величества (*qui peut être néxistaient que par le plaisir de Sa Majesté*).... Когда рѣчь коснулась произведеній Горація, я сказалъ, что, льстя Августу, онъ заставилъ этого государя обезсмертить себя покровительствомъ писателямъ, почему и самое имя Августа такъ популярно между вѣнценосками, что они присвоиваютъ его себѣ, отказываясь отъ собственнаго.

Король польскій (принявшій имя Августа при своемъ восшествіи

на престолъ) сдѣлался весьма серьезенъ при высказанномъ мною замѣчаніи и потомъ спросилъ меня: кто же были эти вѣнценосцы, пожертвовавшіе собственнымъ именемъ имени Августа?

— Первый изъ нихъ, отвѣчалъ я, былъ король шведскій, называвшійся Густавомъ.

— „Какое же соотношеніе видно между Густавомъ и Августомъ?“

— Одно изъ этихъ именъ есть анаграмма другаго.

— „А гдѣ нашли вы такое указаніе?“

— Въ одномъ манускриптѣ, въ Вольфенбюттелѣ.

Тутъ король расхохотался, вспомнивъ, что онъ самъ дѣлалъ ссылки на рукописные источники. Онъ спросилъ меня, не знаю-ли я какого-нибудь изреченія изъ Горация, въ которомъ сатира была бы прикрыта тонкой и деликатной оболочкой, и я отвѣчалъ:

«*Cogan rege sua de paupertate tacentes plus quam poscentes ferent.*»

— „Правда“, молвилъ король съ улыбкой, и m-me Шмидтъ (хозяйка дома) просила епископа Красинскаго объяснить ей это мѣсто, Тотъ перевелъ такъ:

«Умалчивающій о своей бѣдности передъ царемъ получаетъ болѣе, нежели просящій».

Добрая женщина замѣтила, что тутъ она не видитъ ничего сатирическаго. Я же не проронилъ ни слова, боясь, что сказалъ слишкомъ много. Король пережвнилъ предметъ бесѣды и заговорилъ объ Аристѣ.....

Спустя нѣсколько дней, я встрѣтился съ его величествомъ, и онъ, подавая цѣловать свою руку, вложилъ непримѣтно въ мою—маленькій свертокъ, пособившій мнѣ расплатиться съ моими долгами: въ сверткѣ было двѣсти червонцевъ.

Съ того времени я не пропускалъ ни разу бывать при утреннемъ приѣмѣ короля (*au lever du roi*), когда ему убирали волоса, при чемъ мы разговаривали о всевозможныхъ, кажется, предметахъ..... По-итальянски онъ понималъ хорошо, но говорить не могъ.

Всякій разъ, когда я вспоминаю этого прекраснаго государя и его качества, столь достойныя уваженія, не могу постигнуть, какъ могъ онъ впасть въ такія важныя ошибки, изъ которыхъ наименьшая заключается не въ томъ, что онъ пережилъ свое отечество.....

Воронежъ.

Перев. Д. Д. Рябининъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Письмо А. П. Ермолова къ А. И. Кучину.

Предлагаемое письмо А. П. Ермолова къ А. И. Кучину сообщено намъ Е. М. Кучиною, чрезъ посредство Н. О. П—вой, въ подлинникѣ, съ котораго и снята нами буквальная копія.

Александръ Ивановичъ Кучинъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, былъ съ раннихъ лѣтъ сослуживцемъ Ермолова по артиллеріи. Участвуя въ войнѣ 1805 г., онъ получилъ подъ Аустерлицемъ 19 ранъ и въ безпамятствѣ остался на полѣ сраженія, пока гулъ проѣзжавшей артиллеріи не заставилъ его очнуться; онъ поднялъ руку, — это замѣтили, и онъ былъ взятъ австрійцами и отвезенъ въ фургонѣ въ какое-то ближнее мѣстечко. Тамъ онъ пролежалъ нѣкоторое время трудно больнымъ, такъ что забылъ даже свою фамилію; онъ не могъ вспомнить ее и тогда, когда состояніе его здоровья позволило ему ѣхать въ Россію; проѣзжая Вильну, онъ за общимъ столомъ въ гостинницѣ услышалъ, что кто-то изъ бывшихъ тутъ офицеровъ сказалъ, показывая на него: «Не будь я увѣренъ, что Кучинъ убитъ, я бы принялъ этого полумертвеца за него». Тутъ только Александръ Ивановичъ вспомнилъ, что его зовутъ Кучинимъ. За аустерлицкую кампанію Кучинъ получилъ, 8-го мая 1806 г., Георгія 4-й степени. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Москвѣ и затѣмъ поселился и умеръ въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи. Дружескія его отношенія съ Ермоловымъ видны изъ печатаемаго письма; два другія письма Ермолова къ Кучину, намъ извѣстныя, представляютъ только семейный интересъ.

Л. Н. Майковъ.

Почтенный Александръ Ивановичъ! Пріятно мнѣ было видѣть изъ письма твоего тѣ же чувства, которыя всегда уважалъ я въ добромъ пріятелѣ, въ молодцѣ старомъ сослуживцѣ. Разспросивъ подробно о твоёмъ образѣ жизни, о занятіяхъ, съ радостью узналъ, что не поддаешься лѣтамъ и что самыя раны, во множествѣ тобою полученныя,

не только не ослабили твоихъ силъ, но что, напротивъ, на мѣсто себя заготовляешь слугъ государю.

Пишешь, что старшій получить скоро 14-й классъ и порывается въ военную службу. Я, какъ солдатъ, не буду совѣтывать противнаго, но если бы пошелъ онъ по ученой части, то и она представляетъ большія выгоды. Надобно будетъ и о томъ подумать, чтобы со временемъ могъ онъ замѣнить тебя въ семействѣ, которымъ довольно щедро благословилъ тебя Богъ.

Много говорили мы о тебѣ съ добрымъ А. В. Трегубовымъ, который столько любимъ былъ въ вашей губерніи. По справедливости, человекъ достойный и благонамѣренный!

Скажу теперь о себѣ.

Я пользуюсь, по милости государя, неограниченнымъ отпускомъ до выздоровленія отъ болѣзни.

Благодаря Бога, здоровье мое, судя по 65-ти годамъ, весьма хорошо и я ничего не переживилъ въ образѣ жизни противъ прежняго. Ничѣмъ себя не балую, но скучаю праздностію, которую никогда я не любилъ. Живу лѣто въ маленькой деревушкѣ, отъ Москвы въ 25-ти верстахъ. Зимой проживаю мѣсяца четыре въ Москвѣ, посреди родныхъ.

Государь жалуетъ такой пенсіонъ, какого я, по рожденію бѣднаго дворянина, и во снѣ не видывалъ.

У меня пять человекъ дѣтей, изъ которыхъ старшій выпущенъ офицеромъ изъ артилерійскаго училища. Самому меньшому только 6 лѣтъ. Такъ спокойно приближаюсь я къ концу дней моихъ; но хотѣлось бы мнѣ еще видѣть тебя, почтенный Александръ Ивановичъ, и могу увѣрить, что я не проѣду Тулы, чтобы не заѣхать къ тебѣ. Поговоримъ о многомъ и вспомнимъ старину!

Ты говоришь, что еще готовъ послушать свистъ ядръ вмѣстѣ со мною. Куда намъ съ тобою?

Со времени удаленія моего изъ Грузіи 17-й годъ: я не имѣлъ въ моей командѣ болѣе одного деньщика моего и тотъ недавно вышелъ, за выслуженіемъ лѣтъ, въ отставку. Мнѣ не трудно было замѣтить, что я предназначался къ совершенному бездѣйствію.

Желаю тебѣ здоровья и жизни благополучной! Любишь тебя много и столько же понимать—суть потребность души моей. Прощай! Преданный Ермоловъ.

17-го февраля 1843 г.

Москва.

Пріѣзжавшій человекъ твой—прехорошій старикъ и все рассказалъ мнѣ порядкомъ.

Сообщ. Л. Н. Майковъ.

Судьбы V-й главы „Евгенія Онѣгина“.

Это было въ Москвѣ. Пушкинъ, какъ извѣстно, любилъ играть въ карты, преимущественно въ штосъ. Играя, однажды, съ А. М. Загряжскимъ, тестемъ брата своего, Льва Сергѣевича, Пушкинъ проигралъ всѣ бывшія у него въ то время деньги. Такъ какъ отстать отъ игры ему не хотѣлось, то онъ и предложилъ, въ видѣ ставки, только что оконченную имъ V-ю главу своего „Евгенія Онѣгина“. Ставка была принята, такъ какъ рукопись эта представляла собою тоже деньги, и даже очень большія¹⁾, — и Пушкинъ проигралъ. Слѣдующею ставкой была пара пистолетовъ; но здѣсь счастье перешло на сторону поэта: онъ отыгралъ и пистолеты, и рукопись, и еще выигралъ тысячи полторы.

Вскорѣ же послѣ этого Пушкинъ собрался ѣхать въ Петербургъ, чтобы продать рукопись, такъ какъ въ деньгахъ онъ нуждался. Дорогой онъ рукопись потерялъ... Сейчасъ же отправилъ онъ письмо къ брату, Льву Сергѣевичу, на Кавказъ, описывая весь ужасъ своего положенія: ни денегъ, ни рукописи, а черновой подлинникъ былъ имъ уничтоженъ. Въ отвѣтъ на это письмо Левъ Сергѣевичъ выслалъ три небольшихъ листка бумаги, на которыхъ мельчайшимъ почеркомъ написанъ былъ съ буквальною точностью текстъ V-й главы...

Это почти невѣроятное обстоятельство объясняется необычайною способностью запоминать прочтенное, которою обладалъ Л. С. Пушкинъ. Нерѣдко, въ присутствіи цѣлаго общества, онъ прочитывалъ (медленно и вода по строкамъ указкой или пальцемъ) цѣлую страницу прозы и потомъ сейчасъ же повторялъ прочтенное наизусть. Пятую главу „Онѣгина“ онъ слышалъ только одинъ разъ отъ Александра Сергѣевича и еще разъ прочелъ ее самъ: этого для него было достаточно, чтобы написать текстъ всей главы на-память, чего сдѣлать не былъ въ состояніи самъ авторъ.

Замѣтка эта написана со словъ вышеупомянутаго А. М. Загряжскаго и съ его обязательнаго согласія.

Сообщ. Н. П. Кичеевъ.

¹⁾ Пушкинъ получалъ по 25 р. за строку (на ассигнаціи).

Генераль-лейтенантъ Эмме.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. (т. IX, стр. 145—162) напечатана весьма интересная статья г. Ушакова: «Холерный бунтъ въ Старой-Русѣ въ 1831 г.».

Всѣ подробности, которыя представилъ авторъ, какъ достовѣрный очевидецъ столь серьезнаго событія, заключаютъ въ себѣ громадный интересъ для каждаго русскаго человѣка. Среди множества эпизодовъ, поражающихъ въ этой катастрофѣ вниманіе читателя, казалось бы нельзя и думать, что въ такомъ разказѣ найдется мѣсто для важной ошибки. Поразительнымъ доказательствомъ этого, однако же, служитъ заключающееся въ немъ извѣстіе объ убійствѣ въ этомъ бунтѣ генерала Эмме. Фактъ этотъ положительно не вѣренъ, потому что генераль Эмме, хотя дѣйствительно подвергся во время бунта ужаснымъ насиліямъ и получилъ на всю жизнь оставшіяся увѣчья, но остался живъ и служилъ послѣ того долго комедантомъ Бендерской крѣпости. Въ 1848 году генераль Эмме, по доносу и жалобамъ арестантовъ, которыхъ онъ, будто бы, назначалъ на работы въ своемъ саду, находился въ Кіевѣ подъ судомъ.

Я имѣлъ случай близко познакомиться съ генераломъ въ 1848 г. въ Кіевѣ. Почтенный ветеранъ былъ уже въ чинѣ генераль-лейтенанта и въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Фигура старика была сгорблена, искривлена, на головѣ, на рукахъ и ногахъ его были глубокія слѣды переломовъ костей. Я, какъ молодой врачъ тогда, осматривалъ больнаго старика-воина съ особеннымъ вниманіемъ и, признаюсь, удивлялся той силѣ и энергій, которая могла вынести такіа поврежденія. Эти печальныя слѣды были вѣчными, безмолвными свидѣтелями тѣхъ мученій и истязаній, которымъ подвергся несчастный генераль Эмме во время бунта въ Старой-Русѣ. Какъ старикъ, много видѣвшій въ жизни своей, удрученный горемъ и болѣзнями, генераль Эмме былъ необыкновенно доступенъ, словоохотливъ и въ бесѣдахъ съ нимъ я проводилъ нерѣдко цѣлыя вечера. Изъ словъ его я могъ заключить, что онъ твердо, вполне по-христіански переносилъ свое горе, свое оскорбительное положеніе, видя себя подсудимымъ на закатѣ своей жизни, послѣ всѣхъ своихъ заслугъ. Въ бесѣдахъ своихъ онъ нерѣдко вспоминалъ и свои несчастныя дни во время бунта въ Старой-Русѣ. Мнѣ глубоко запали въ душу его слова, когда онъ со слезами говорилъ, что ирравеннаго, избитаго до послѣдней степени—его спасъ одинъ изъ подчиненныхъ, сказавъ врагамъ его, что онъ уже мертвъ и пора оставить мертваго въ покоѣ. Когда бунтовщики оставили избитаго генерала Эмме, то спасшій его человѣкъ успѣлъ увести его въ безчувственномъ состояніи туда, гдѣ заботливое печеніе друзей спасло его отъ угрожавшей ему смерти. Такой дѣйствительно фактъ, совершившійся съ генераломъ Эмме во время холернаго бунта въ Старой-Русѣ. Извѣстіе же о его смерти, разказанное г. Ушаковымъ, должно быть отнесено къ случайной ошибкѣ, которую я считалъ своимъ долгомъ исправить, какъ свидѣтель другаго событія, о которомъ сейчасъ скажу.

Глубоко сочувствуя страдальцу Эмме, я не скрою и того, что въ одинъ прекрасный для него день онъ получилъ извѣстіе отъ высокопоставленнаго лица изъ Петербурга о томъ, что по суду онъ совершенно оправданъ. Къ сожалѣ-

нію, это радостное извѣстіе было для Эмме уже только вѣстникомъ смерти. Прочитавъ бумагу, Эмме былъ почти мгновенно пораженъ ударомъ, отъ котораго дня черезъ два и скончался, не приходя уже въ себя. Вотъ каковъ печальный конецъ жизни генерала Эмме, вѣкогда пролившаго свою кровь въ холерномъ бунтѣ Старой-Русы. Похороны его были свершены съ полнымъ почетомъ, какого требовало его положеніе, какъ генераль-лейтенанта и заслуженнаго война.

Ярославъ.

Н. В. Пирожковъ, докт. медц.

А. П. Бочковъ.

Фамилія лица, скрытая въ статьѣ А. А. Ивановскаго о Пушкинѣ («Рус. Ст.» 1874 г., т. IX, стр. 395—396) подѣ буквами А. П. Б.—есть: Бочковъ, Алексѣй Поликарповичъ, въ монашествѣ от. Антоній. Онъ умеръ около двухъ лѣтъ назадъ въ Москвѣ, прибывъ туда для подаенія помощи тифознымъ больнымъ; проживалъ же онъ послѣднее время въ Черменецкомъ монастырѣ близъ Луги, гдѣ былъ игуменомъ. Отецъ его, купецъ и содержатель бань, и теперь еще называемыхъ Бочковскими (близъ Фонтанки и Египетскаго моста), далъ ему болѣе блестящее, чѣмъ основательное воспитаніе. Встрѣчалъ я его въ домѣ моихъ родителей и въ обществѣ въ разные эпохи его жизни, начиная съ конца 1820 и въ 1830 годахъ, и женатымъ, и вдовцомъ, и либераломъ, и пресмыченнымъ жизнью хипохондромъ, наконецъ, монахомъ, и потому не могу не находить панегирикъ, написанный ему Ивановскимъ, шаржированнымъ и отступающимъ мѣстами отъ истины. Изъ Бочкова могъ выйти полезный гражданинъ, но на бѣду его онъ былъ богатъ и никогда ничѣмъ серьезнымъ не занимался, а всю жизнь свою (мирскую), какъ говорится, билъ баклуши. По моему убѣжденію, онъ совершилъ тяжкое преступленіе, не посвятивъ себя воспитанію единственнаго своего сына.....

Всѣ эти подробности о Бочковѣ, можетъ быть, вовсе не интересны для читателей, но я сообщаю ихъ съ цѣлью показать, насколько можно вѣрить словамъ беллетриста изъ сподвижниковъ покойнаго гр. Бенкендорфа.

Ревель.

А. Чумиковъ.

Шутка 1812 года.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. (т. IX, стр. 391) напечатанъ списокъ французскихъ маршаловъ 1812 г.; во шутки русскаго общества столь достопамятной эпохи нѣсколько иначе составляли рѣзкое опредѣленіе изъ именъ вождей непріятельской арміи: фамиліи ихъ писали на бумажкѣ, сложенной вѣеромъ, при томъ такъ, что буквы, напечатанныя крупно, выходили на складкахъ, прочія же буквы прятались въ складкахъ, а именно:

СульТъ, мюрАтъ, Даву, Ожеро, Сюэ, Викторъ И НЕЙ.

Спб.

Сообщ. А. Ф.

Екатеринославцы въ Старой-Русѣ.

1831 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г. (т. IX, стр. 145—162) помѣщенъ разсказъ г. Ушакова: „Холерный бунтъ въ Старой-Русѣ“, бывшій въ 1831 году.

Не буду входить въ разборъ этой замѣчательной и дѣльной статьи, въ которой авторъ, какъ очевидецъ трагической катастрофы, разыгравшейся въ поселеніи, былъ самъ дѣятель, находясь случайно въ рядахъ Екатеринославскаго гренадерскаго баталіона.

Я самъ имѣлъ честь служить въ этомъ доблестномъ полку, который теперь носитъ названіе Лейбъ-Екатеринославскаго гренадерскаго полка, имѣя своимъ шефомъ Государя Императора. Хотя я вступилъ на службу въ этотъ полкъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Старо-Русской исторіи, однакоже, засталъ многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, бывшихъ свидѣтелями и принимавшихъ участіе въ дѣлѣ; поэтому они хорошо помнили весь ходъ онаго, и разсказы ихъ совершенно согласны съ словами г. Ушакова, который, какъ видно, забылъ лишь имена нѣкоторыхъ дѣятелей; такъ, между прочимъ, г. Ушаковъ разсказываетъ (156 стр.), что когда отъ выстроившагося баталіона екатеринославцевъ былъ посланъ унтеръ-офицеръ узнать, что дѣлается у поселянъ, то унтеръ-офицеръ сказалъ, что бьютъ офицеровъ. Фактъ этотъ не вполне охарактеризованъ и, какъ разсказывали мнѣ мои старые товарищи и нижніе чины, дѣло было такъ: отъ собравшагося баталіона былъ посланъ на собраніе свѣдѣній о бунтующихъ, вѣрхомъ на лошади, унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Горбанъ, бывшій впоследствии офицеромъ; въ мое время, 1838 годъ, онъ командовалъ уже 4-ю ротой Екатеринославскаго полка. Вотъ этотъ-то Горбанъ въ большомъ переполохѣ прискакалъ на усталой до-нельзя лошаденкѣ къ баталіону и громко закричалъ, что „поселяне бьютъ офицеровъ и уже идутъ сюда!“ Затѣмъ, когда майоръ Рощинскій сдѣлалъ распоряженіе къ встрѣчѣ поселянъ, то въ передовой цѣпи (стр. 160) стоялъ молодой солдатъ изъ поселянъ, по фамиліи Іевлевъ, — ему-то приписываютъ случай съ дядею, коего онъ, Іевлевъ, закололъ штыкомъ; этотъ Іевлевъ, впоследствии старый солдатъ, служилъ въ 1-й фузелерной ротѣ, былъ жолнернымъ унтеръ-офицеромъ.

Увлеченіе солдатъ было общее; можетъ быть, и Екатеринославцы поддались бы примѣру прочихъ баталіоновъ, тѣмъ болѣе, что когда

бунтующіе поселяне, подоидя на близкую дистанцію къ баталіону, громко кричали солдатамъ, чтобъ они „уклонили штывы въ землю“ (въ землю),—но команда офицеровъ и угроза старыхъ солдатъ, бывшихъ во 2-й цѣпи, невольно заставили стрѣлять передовую цѣпь; умное распоряженіе баталіоннаго командира и смерть дяди Левлева, погибшаго отъ руки племянника, спасла жизнь офицеровъ, и такимъ образомъ баталіонъ не измѣнилъ присягѣ.

Впослѣдствіи, въ 1840 году, покойный императоръ Николай Павловичъ, припомня вѣрность Екатеринославцевъ, ошастливилъ ихъ тѣмъ, что далъ имъ Шефа Наслѣдника престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и затѣмъ въ 1843 г., на смотре въ Царскомъ Селѣ 2-й гренадерской дивизіи, вызвавъ впередъ офицеровъ, отдалъ благодарность всему полку за службу и вѣрность и сказалъ, что Екатеринославцы всегда были близки его сердцу! При этомъ государь приложилъ правую руку къ сердцу и изъ очей его выкатилась слеза признательности. Царская милость вызвала слезы у всего полка. Минута была торжественная!

Александръ Игнатовичъ.

Уфа.

Поправки и опечатки.

Въ январьской книгѣ «Русской Старины» 1874 г., на стр. 141 (Письмо Т. Н. Грановскаго къ Е. А. Рыжовой) выноска ²⁾— послѣдня строка— вмѣсто: Викторъ и Степанъ Алексѣевичи — должно быть: Викторъ и Степанъ Ивановичи.

Въ февральской книгѣ «Записки И. С. Жиркевича», стр. 210, строка 33— вмѣсто: генераль-адъютантъ Дьячковъ, должно быть: Дьяковъ.

Въ той же книгѣ въ статьѣ: «Сочиненіе великаго князя Николая Павловича въ 1813 году», стр. 254, строка 5— вмѣсто: «умершаго въ Виеннѣ» должно быть: «умершаго въ Вѣнѣ» (называвшейся тогда Виндобоною); какъ извѣстно Виндобона древнихъ римлянъ съ VIII вѣка по Р. Х., начала именоваться Вѣною). Въ оригиналѣ перевода А. П. Пятковскаго было: «умершаго въ Вѣнѣ», но при печатаніи, какъ объяснено выше, вкралась грубая опечатка.

Ө. М. Толстой къ числу упомянутыхъ имъ статей объ А. Н. Сѣровѣ («Рус. Ст.» 1874 г., т. IV, стр. 340) просить присоединить статью г. Веселовскаго, помѣщенную въ «Бесѣдѣ», М., 1871, кн. 2: «Воспомятія объ А. Н. Сѣровѣ», проникнутыя трогательнымъ уваженіемъ и сердечною теплотою къ памяти покойнаго композитора.

КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ РУСИ.

Тмутраканская Русь г. Ламбина.

Въ нашей исторической литературѣ, особенно въ отдѣлѣ изслѣдованій, замѣтно дѣлаеть успѣхи слѣдующая черта (впрочемъ заимствованная отъ другихъ): во что бы то ни стало сообщать своимъ произведеніямъ ви́шній видъ глубокомыслія и обширной учености. Съ этою цѣлью онѣ обставляются многочисленными, кстати и не кстати приведенными, цитатами и ссылками на источники, а также удивительными соображеніями и сопоставленіями; только логика и вообще мыслительная работа остаются въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Авторы ихъ не особенно хлопочуть о томъ, чтобы предварительно вдуматься въ факты, провѣрить извѣстія, перебрать ихъ со всѣхъ сторонъ, выяснить до возможной степени и потомъ уже приступать къ изложенію. Послѣдній приѣмъ, конечно, потребуеть болѣе времени и болѣе усилій; но зато и результаты были бы несравненно плодотворнѣе. Такія или тому подобныя мысли иногда приходятъ намъ въ голову при пересмотрѣ трудовъ той исторической школы, которая извѣстна подъ именемъ норманизма. Интересно особенно слѣдить за ея усиліями съ помощію подобранныхъ цитатъ, произвольныхъ догадокъ и не всегда остроумныхъ соображеній доказать невозможное, т. е., утвердить, яко бы на научныхъ основаніяхъ, ту басню, которая служить исходнымъ пунктомъ норманской теоріи. Но результаты всегда будутъ одни и тѣже: никакія натяжки не помогутъ, и для науки басня всегда останется баснею. А наружно-ученая обстановка можетъ сбивать только читателей, или предубѣжденныхъ, или совершенно не компетентныхъ.

Въ январьской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія мы съ интересомъ прочли изслѣдованіе г. Ламбина: „О Тмутраканской Руси“, которое, какъ сказано въ оглавленіи, представ-

ляетъ отрывокъ изъ сочиненія: „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи“. Нѣсколько времени тому назадъ мы имѣли случай отвѣчать на возраженія г. Ламбина противъ нашего мнѣнія о несостоятельности норманской теоріи („Рус. Стар.“ 1873 г., т. VIII, стр. 420 — 426). Можетъ быть, мы отнеслись къ его возраженіямъ нѣсколько сурово; но ихъ тонъ и содержаніе давали намъ на то полное право. Новый трудъ г. Ламбина подтверждаетъ за нимъ репутацію трудолюбиваго изслѣдователя; но, увы, онъ также подтверждаетъ вновь и несостоятельность его теоріи. Чтобы не быть голословными, передадимъ сущность этого труда.

Г. Ламбинъ задался мыслию, что Тмутраканское княжество основано Олегомъ и его норманскою дружиною. Первое извѣстіе нашей лѣтописи о связяхъ кіевскаго князя съ Тавридой встрѣчается въ договорѣ Игоря. Тамъ есть условіе, чтобы русскій князь не имѣлъ притязанія на Корсунскую область и не позволялъ бы нападать на нее Чернымъ Болгарамъ. Тоже условіе не воевать Корсунской области повторяется и въ договорѣ Святослава. Это условіе ясно указываетъ на существованіе русскихъ владѣній въ Тавридѣ, по сосѣдству съ Корсунью, т. е., на существованіе Тмутраканскаго княжества еще во времена Игоря. Но какимъ княземъ было оно основано? Въ Олеговомъ договорѣ, о Корсунской странѣ не упоминается; а этотъ договоръ, судя по лѣтописи, заключенъ въ послѣдній годъ его княженія. Слѣдовательно, договоры не даютъ никакого основанія приписать Олегу начало Тмутраканскаго княжества. Однако г. Ламбинъ упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и старается поддѣрживать его рядомъ совершенно произвольныхъ догадокъ и выводовъ. Такъ, по его мнѣнію, условія о Корсунской странѣ суть ничто иное, какъ „отдѣльный трактатъ, заключенный между Русью и Херсонцами, и включенный въ общій договоръ съ Греками“. Это произвольное предположеніе, въ свою очередь, опирается на другое предположеніе, точно также произвольное, о какихъ-то грабежахъ и набѣгахъ на Херсонскую область, которые русскіе „дозволяли себѣ при Игорѣ“ именно потому, что объ этой области не было упомянуто въ Олеговомъ договорѣ (59). Такимъ образомъ, обиды Корсунцамъ очень просто объясняются забывчивостію и непредусмотрительностію греческой дипломатіи при заключеніи Олегова договора. Но, въ такомъ случаѣ, условіе о Корсунской области въ договорѣ Святослава также предполагаетъ грабежи и набѣги. Стало быть, Русскіе „дозволили себѣ“ эти набѣги, не смотря на Игоревъ договоръ; а слѣдовательно, при чемъ же тутъ Олеговъ договоръ? Вотъ къ какимъ обратнымъ заключеніямъ могутъ иногда приводить блистательныя догадки автора.

Дальнѣйшія соображенія г. Ламбина относительно того, что въ статьѣ Игорева договора о Корсунской странѣ подъ словами русскій князь подразумѣвается не Игорь, а кто-то другой, представляютъ такую путаницу, которую въ короткихъ словахъ передать невозможно. Справедливость однако требуетъ прибавить, что посреди этой путаницы встрѣчается и дѣльное соображеніе, а именно о Черныхъ Болгарахъ: эти Болгаре не были ни Дунайскіе, ни Камскіе, а должны почитаться Кубанскими.

Представимъ теперь образцы того способа, какимъ авторъ восстанавливаетъ первоначальный текстъ нашей лѣтописи. Дѣло идетъ все о той же статьѣ Игорева договора. Въ лѣтописномъ сводѣ, по Лаврентьевскому списку сказано: „А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь Русскій, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ“. Г. Ламбинъ, на основаніи вариантовъ по другимъ спискамъ, восстанавливаетъ слѣдующее чтеніе: „да не имате волости, князи рустіи, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ“. Автору, для его смѣлой догадки, что въ Игоревомъ договорѣ рѣчь идетъ не объ Игорѣ, желательнѣе было слова князь русскій обратить въ звательный падежъ множественнаго числа. Прекрасно; но какимъ образомъ, предполагая здѣсь разныя ошибки въ спискахъ лѣтописи, онъ не видитъ самой главной и оставляетъ безсмыслицу? Можно-ли читать „да воюете на тѣхъ странахъ“. Выходитъ, что Греки, стараясь оградить Корсунскую область отъ притязаній русскихъ князей, въ тоже время позволяютъ имъ воевать ее. Какимъ образомъ не догадаться, что здѣсь пропущена частица не („да не воюеть“). Этотъ пропускъ очевиденъ и по дальнѣйшему условію, чтобы русскій князь не пускалъ Черныхъ Болгаръ нападать на Корсунскую область. Тоже условіе не воевать этой области подтверждается и въ договорѣ Святослава.

О Черныхъ Болгарахъ въ томъ же договорѣ сказано: „А о сихъ, оже то приходятъ Чернии Болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому да ихъ не пускаеть и пакостять сторонѣ его“ (по Ипат. списку). Что такое значить „сторонѣ его?“ Это мѣсто очевидно дошло до насъ въ испорченномъ видѣ, и Тимковскій, если не вполнѣ, то приблизительно исправилъ чтеніе такимъ образомъ: „да ихъ не пускаеть пакостить странѣ той“. Но г. Ламбинъ именно эту-то безсмыслицу и отстаиваетъ. По его мнѣнію надобно читать: „и велимъ князю русскому да ихъ не пускаеть: пакостять и странѣ его“. Выходитъ, что Греки въ договорѣ съ русскимъ княземъ условіе о недопущеніи Болгаръ въ страну Корсунскую мотивировали

тѣмъ. что они вредятъ и его собственной странѣ (т. е., владѣнію русскаго князя). Такъ именно и объясняетъ намъ г. Ламбинъ. Объясненіе, какъ видите, въ высшей степени произвольное; но оно нужно г. Ламбину, чтобы поддѣржить свою теорію о положеніи Тмутраканской Руси. Последняя, по его мнѣнію, находилась въ Тавридѣ, гдѣ-то между Корсунью и Черными Болгарами или Хозарскими округами; хотя городъ Тмутракань, какъ извѣстно, лежалъ на Таманскомъ, а не Таврическомъ полуостровѣ.

Далѣе г. Ламбинъ дѣлаетъ самое неожиданное предположеніе. Тмутраканская Русь оказывается у него ни болѣе ни менѣе, какъ Аланское княжество, о которомъ Константинъ Багрянородный упоминаетъ въ своемъ сочиненіи: „Объ управленіи имперіи“. Описаніе Константина не допускаетъ и мысли, чтобы рѣчь шла о какихъ-либо другихъ Аланахъ, кромѣ Кавказскихъ. А по мнѣнію г. Ламбина, „о Кавказской Аланіи у него здѣсь не можетъ быть и рѣчи“. Эта Аланія у него оказывается въ восточной части Крыма. Тутъ встрѣчается маленькое затрудненіе: у Константина говорится, что князь Аланъ можетъ подстергать Хазаръ на пути къ Саркелу, лежавшему на Дону. Относительно народа, обитавшаго на сѣверной сторонѣ Кавказа, такое извѣстіе понятно; а относительно обитателей Тавриды оно было бы очень странно. Г. Ламбинъ изъ этого затрудненія выпутывается весьма просто: онъ предполагаетъ, что у Таврическихъ Аланъ были корабли, на которыхъ они ходили въ Азовское море, а слѣдовательно и въ Донъ. Для полной вѣроятности такой догадки остается еще предположить, что Хазары жили не на востокъ отъ Азовскаго моря, а на западъ. Авторъ изслѣдованія согласенъ пожалуй допустить, что Константинъ тутъ „спутался“ и что извѣстія его „нуждаются въ строгой критической оцѣнѣ“; но то несомнѣнно, „что у него подъ названіемъ Аланіи почему-то сокрыта Русь Черноморская“. Конечно, при такихъ строго-критическихъ пріемахъ сомнѣніе и невозможно.

Въ числѣ доказательствъ, что Тмутраканское княжество основано отнюдь не Игоремъ, а Олегомъ, важную роль играютъ ихъ характеры. Игорь оказывается княземъ слабымъ, лѣнивымъ и невоинственнымъ; Олегъ же имѣлъ совсѣмъ противоположныя свойства. Мы уже имѣли случай замѣтить, что иностранныя свидѣтельства рисуютъ намъ Игоря княземъ чрезвычайно предприимчивымъ и дѣятельнымъ, а что Олега исторія знаетъ только по имени, ибо о дѣлахъ его у насъ нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ лѣтописныхъ легендъ. Но что могутъ значить подобныя замѣчанія для такихъ глубокомысленныхъ изслѣдователей!

Дальнѣйшія разсужденія г. Ламбина представляютъ все тотъ же

рядъ самыхъ произвольныхъ догадокъ и удивительныхъ соображеній, которыя передавать мы не беремся. Въ концѣ своей статьи онъ возвращается къ извѣстнымъ греческимъ отрывкамъ, найденнымъ Газе и помѣщеннымъ въ его изданіи Льва Діакона. Относительно ихъ г. Ламбинъ опять позволяетъ себѣ все тѣже вопіющія толкованія. Во-первыхъ, оба отрывка онъ приписываетъ одному и тому же автору; на что нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ. Напротивъ по содержанію ихъ можно придти къ выводу совершенно противоположному. Во-вторыхъ, онъ думаетъ, что рукопись, въ которой найдены эти отрывки, представляетъ собственное письмо предполагаемаго Херсонскаго начальника, что они суть его „черновые автографы“. И эта догадка вполне произвольная. Въ-третьихъ, по мнѣнію Газе, письмо отрывковъ принадлежитъ X или даже XI вѣку; а г. Ламбинъ относитъ ихъ къ IX вѣку, и опять совершенно произвольно, единственно для того, чтобы приурочить ихъ ко времени Олега и открыть его въ томъ князѣ варваровъ, о которомъ говорится во второмъ отрывкѣ. Нельзя же считать серьезными доказательствами тѣ крайнія натяжки, съ помощію которыхъ авторъ усматриваетъ „поразительно тѣсную связь“ между двумя упомянутыми отрывками и двумя изъ писемъ патріарха Николая Мистика (помѣщенныхъ въ „Spicilegium Romanum“, t. X). Напримѣръ, у патріарха въ одномъ мѣстѣ упоминается объ опасномъ пути и благополучномъ прибытіи въ „городъ Херсонитовъ“. Г. Ламбинъ считаетъ это письмо отвѣтнымъ на первый отрывокъ, гдѣ описываются переправа черезъ рѣку Днѣпръ и трудный походъ въ городъ Маврокастронъ. Не говоря уже о различіи Маврокастропа отъ города Херсонитовъ, тутъ не можетъ быть связи и потому, что сообщеніе Византіи съ Корсунемъ производилось моремъ, а въ отрывкѣ говорится о сухопутномъ походѣ. Но къ какимъ догадкамъ и выводамъ нельзя придти съ подобными критическими приемами!

Г. Ламбинъ упорствуетъ въ томъ мнѣніи, будто второй изъ упомянутыхъ отрывковъ заключаетъ въ себѣ намекъ на пресловутое призваніе князей изъ Скандинавіи. Для большей убѣдительности онъ перепечатываетъ весь этотъ отрывокъ въ латинскомъ переводѣ и подчеркиваетъ соответственныя съ своею цѣлію выраженія. Но сколько бы ни перепечатывали данный отрывокъ, ни одинъ серьезный изслѣдователь не найдетъ тамъ искомаго намека. А что касается до варваровъ, чуждавшихся греческаго образа жизни, сопредѣльныхъ князю, властвующему къ сѣверу отъ Дуная, и нравами ему подобныхъ, то весьма мало основаній видѣть въ нихъ Таврическихъ Готовъ Тетрактитовъ. Эти Готы представляли небольшое племя, уплѣвшее въ горной, южной части Крыма. Они издавна (еще съ IV или V-го вѣка)

исповѣдывали христіанскую религію и, по всей вѣроятности, ихъ нравы въ данное время совсѣмъ не походили на языческую Русь. Невѣроятно, что бы они возымѣли къ послѣдней болѣе сочувствія чѣмъ къ Грекамъ, и передались на ея сторону. Ихъ недружелюбныя отношенія къ Руси слышатся еще и въ XII вѣкѣ, въ Словѣ о полку Игоревомъ. Отрывокъ указываетъ именно на ту часть варваровъ, которая подчинена намъ, т. е., Грекамъ. (Хотя тутъ же оказывается, что подчиненіе было болѣе номинальное). Слѣдовательно была и другая часть этихъ варваровъ, Грекамъ неподчиненныхъ. Г. Ламбинъ утверждаетъ, будто кромѣ Готовъ исторія не знаетъ никакихъ другихъ обитателей Тавриды, сходныхъ обычаями съ Русью. Но, прежде нежели дѣлать подобныя выводы, слѣдовало уяснить вопросъ: какія племена могли обитать въ то время въ Тавридѣ? Кромѣ Готовъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о пребываніи на полуостровѣ Печенѣговъ. Далѣе, г. Ламбинъ упустилъ изъ виду очень важное свидѣтельство Прокопія о Гуннахъ, поселившихся въ-юго восточной части Крыма, между Боспоромъ и Херсонесомъ. Эти-то таврическіе Гунны, по нашему мнѣнію, и есть искомый народъ. Но кто такіе они были, какое отношеніе ихъ къ Чернымъ Болгарамъ и Тмутраканской Руси, о томъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Д. Иловайскій.

Москва.

Елена Александровна Бестужева.

1792—1874.

I.

Елена Александровна Бестужева, одна изъ энергическихъ женскихъ личностей, получила воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ. По выходѣ изъ него, она должна была вступить на путь, усѣянный не цвѣтами, а трудомъ и житейскими заботами. Отецъ ея, Александръ Ѳедоровичъ, завѣдывалъ ефесною фабрикой, на которой отливались и бронзовыя буквы для Казанскаго собора. Не покончивъ расчетовъ по этимъ дѣламъ, Александръ Ѳедосѣевичъ скончался въ 1810 году. Дѣла эти всею своею тяжестью упали на вдову его Прасковью Михайловну, подъ руководствомъ которой Елена Александровна сдѣлалась и бухгалтеромъ, и письмоводителемъ, а впослѣдствіи времени и ходатаемъ по канцеляріямъ. Такимъ образомъ, она съ самыхъ юныхъ лѣтъ приучилась составлять дѣловыя бумаги и официальные письма. Даже дружеская переписка ея всегда была жива и занимательна. Намъ кажется, что она имѣла нѣкоторое влияніе и на первыя произведенія ея брата—Марлинскаго.

Лѣтомъ Парасковья Михайловна, съ тремя своими дочерьми, жила обыкновенно въ деревнѣ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ, гдѣ Елена Александровна выстроила деревянный домъ по составленному ею плану и по руководству къ архитектурѣ, мною изданномъ. Кромѣ того, Елена Александровна была и докторомъ небольшого числа своихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, жизнь семейства Бестужевыхъ протекала тихо и мирно.

Старшій братъ Елены Александровны, Николай, былъ исторіографомъ россійскаго флота, Александръ — адъютантомъ герцога Виртембергскаго, Михаилъ служилъ въ Московскомъ полку, Петръ — во флотѣ, а Павелъ оканчивалъ курсъ въ артилерійскомъ училищѣ. Всѣ они были люди талантливые и составляли гордость матери; какъ вдругъ три ея старшіе сына были увлечены политической волной 14-го декабря. Какой ударъ для матери, ничего подобнаго не ожидавшей отъ своихъ умныхъ дѣтей! Мы нерѣдко слышали отъ почтенной Елены Александровны, что еслибъ она имѣла хотя малѣйшее подозрѣніе о замыслахъ своихъ братьевъ, она, быть можетъ, успѣла бы спасти ихъ отъ гибели! И это весьма вѣроятно при ея умѣ, характерѣ, дарѣ слова и искренной преданности порядку и закон-

ности. Но этого не случилось, и ей пришлось только утѣшать, облегчать страданія своихъ близкихъ и заключенныхъ родныхъ!

Она очень часто, какъ благотворный геній, являлась къ своимъ братьямъ, а приходя домой, приносила вѣсть объ ихъ здоровьѣ. Наконецъ, Николай и Михаилъ сосланы были въ Сибирь, а Александръ (Марлинскій) — поселенъ въ Якутскѣ. Здѣсь онъ написалъ повѣсти: „Лейтенантъ Бѣлзоръ“ и „Фрегатъ Надежда“; отсюда переведенъ былъ на Кавказъ, произведенъ въ офицеры и палъ геройскою смертью въ сраженіи съ горцами.

Живя въ Петербургѣ, Елена Александровна напечатала три изданія сочиненій Марлинскаго, чѣмъ и поддерживала существованіе своего семейства и посылала братьямъ платье, книги, а для Николая, занимавшагося упрощеніемъ устройства хронометра, разнаго рода инструменты. Чтобы всецѣло посвятить жизнь свою братьямъ несколько нибудь облегчить ихъ душевныя страданія, Елена Александровна убѣдила свое семейство, т. е., мать и двухъ дѣвицъ-сестеръ отправиться въ Сибирь; но не доѣхавъ до Москвы, она получила официальное увѣдомленіе — не дѣлать этого для личной семейства пользы.

Пробыла она въ Москвѣ два года и въ это время скоронила свою мать; въ эти-же годы братья Вестужевы поселены были въ Селенгинскѣ. Елена Александровна поѣхала въ Петербургъ и умѣла исходатайствовать дозволеніе на поѣздку въ Селенгинскѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, она поручила одному изъ своихъ знакомыхъ приступить къ печатанію сочиненій Марлинскаго четвертымъ изданіемъ, которое, хотя не скоро, но все разошлось, что и способствовало, по крайней мѣрѣ, къ безбѣдному существованію семейства. Послѣ смерти брата Николая, прожившаго съ сестрами 12 лѣтъ, онѣ возвратились въ Москву съ двумя дѣтьми Михаила, оставшагося еще въ Селенгинскѣ. Дѣвочку — Елена Александровна помѣстила въ институтъ на счетъ казны, а мальчика — въ гимназію.

Не смотря на глубокую свою старость (болѣе 80-ти лѣтъ)¹⁾, она сохранила энергію и дѣятельность до конца жизни. Даже въ послѣднихъ письмахъ ея замѣтны прежній умъ и добродушіе; въ одномъ только почеркѣ ея послѣдовала перемѣна. Она была истинно религіозна, безъ суевѣрія и ханжества, любима и уважаема всѣми ея знавшими.

Миръ праху твоему, упокоенная труженица, и вѣчная память о твоихъ жертвахъ, незримыхъ для свѣта!

И. И. Свиязевъ.

¹⁾ Елена Александровна родилась около 1792 года; она была старше А. А. Вестужева (Марлинскаго), родившагося 23-го октября 1797 г. Ред.

II.

Не стало Елены Александровны Бестужевой! Она скончалась 2-го января 1874 г. въ Москвѣ, послѣ многотрудной и достопамятной жизни. Преклонность лѣтъ ея видна изъ того, что она сама обучила грамотѣ втораго брата своего, Александра Александровича Бестужева-Марлинскаго.

Въ 1826 году, послѣ осужденія и ссылки четырехъ братьевъ и удаленія на Кавказъ пятаго младшаго брата, она оставалась главною опорой матери и сосланныхъ братьевъ. Когда мать скончалась, а братья Николай и Михаилъ, въ 1839 г., поступили изъ Петровской-Забайкальской тюрьмы на поселеніе, то Елена Александровна Бестужева, выпросивъ позволеніе раздѣлить съ ними жизнь изгнанниковъ, переселилась, съ двумя сестрами Ольгою и Маріей, въ Селенгинскъ.

По смерти старшаго брата Николая, въ 1855 году, и когда братъ ея Михаилъ сдѣлался семьяниномъ, то по коронаціи Императора Александра II, Освободителя крѣпостныхъ людей и политическихъ изгнанниковъ, сестры возвратились въ Москву, куда въ 1867 г. прибылъ овдовѣвшій братъ съ двумя сиротками. Въ Москвѣ жили они всѣ вмѣстѣ въ отдаленномъ углу Хамовнической части, на Бережкахъ, у Благовѣщенья.

Елена Бестужева, для переѣзда въ Сибирь съ двумя сестрами и для поддержанія небольшого хозяйства двухъ братьевъ, продала деревенку отцовскую, свято берегла небольшой капиталъ, собранный изъ литературныхъ трудовъ Александра Бестужева-Марлинскаго, и посвящала остатки силъ своихъ на воспитаніе сиротъ третьяго брата своего, Михаила, скончавшагося въ Москвѣ въ 1871 году.

Наши славныя жены, слѣдовавшія за мужьями въ Сибирь по любви, по чувствамъ долга, по связывающимъ узамъ супружества, совершили подвигъ, потому что отъ нихъ зависѣло оставаться въ кругу родныхъ и не подвергать себя горькимъ и тяжкимъ лишеніямъ всякаго рода. Три сестры Бестужевыхъ и сестра К. П. Торсона, Екатерина Петровна, совершенно добровольно рѣшились облегчить участь братьевъ своихъ и подчиниться всѣмъ неизбѣжнымъ страданіямъ печальной жизни изгнанниковъ. Съ одной стороны, привязанность женъ къ мужьямъ, съ другой — сестеръ къ братьямъ, въ обоихъ случаяхъ самоотверженіе равно велико. Въ ту страну манили ихъ не климатъ, не золотыя прииски, не нѣга съ развлеченіями, но любовь христіанская, любовь добраго сердца.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ каждый проѣздъ чрезъ Москву, навѣщала я сестеръ Бестужевыхъ и лично могъ насмот-

рѣтся на печальную картину отживающей старости со всѣми нераздѣльными съ нею недугами—истощеніе тѣлесныхъ силъ, ослабленіе зрѣнія, тугость слуха, исчезновеніе памяти; но стоило только коснуться памяти отшедшихъ пяти братьевъ, или будущности сиротъ брата Михаила,—Маріи 13-ти лѣтъ, находящейся въ московскомъ институтѣ, и Александра 11-ти лѣтъ,—то на мгновеніе оживлялся полугасшій взоръ, и внятно, и ясно, и разумно высказывалась забота о круглыхъ сиротахъ ¹⁾).

Краткимъ моимъ некрологомъ желаю обратить вниманіе благородныхъ соотечественниковъ на этихъ круглыхъ сиротъ. Не вымаливаю милостыни или подаяній,—дѣло не въ насущномъ клѣбѣ, этого у нихъ достанетъ по предусмотрительной заботливости Елены Бестужевой, но обращаюсь съ просьбою къ тѣмъ изъ соотчичей, которые прочтутъ эти строчки, и по своему вліянію или званію, или по занимаемой должности, могутъ помѣстить мальчика Александра Бестужева въ воспитательное учебное заведеніе и замолвить о немъ доброе слово. Теперь сирота учится въ гимназіи, живетъ въ Москвѣ, на Бережкахъ, близъ церкви Благовѣщенской, у своихъ тетусекъ, которыя, по своей болѣзненности и сердобольной нѣжности, по неволѣ избалуютъ хорошаго, способнаго мальчика.

Надѣюсь, что никто изъ восьми пережившихъ товарищей,—кому, быть можетъ, извѣстны мои особенныя сношенія съ Бестужевыми и съ Торсономъ въ Читѣ и въ Петровскомъ,—не упрекнетъ меня въ опрометчивости по выраженной мною просьбѣ за единственную отрасль нашихъ пяти Бестужевыхъ. Присмотръ за воспитаніемъ мальчика, со стороны товарищей, которые уже сами близки къ могилѣ, былъ бы очень ненадеженъ.

Варонъ Андрей Розенъ.

Викнина.

30-го января 1874 г.

О разсылкѣ книги: „Жизнь генераль-лейтенанта кн. Мадатова“.

Вслѣдствіе предложенія княгини С. А. Мадатовой, напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» 1874 г. (т. IX, стр. 400), мы въ теченіе февраля мѣсяца получили сто три заявленія о желаніи имѣть біографію ея покойнаго мужа, славнаго героя Кавказскаго и главнѣйшаго сподвижника Ермолова.

Удовлетворивъ эти заявленія, мы считаемъ необходимымъ сообщить, что изъ предоставленныхъ въ наше распоряженіе 208 экз. помянутой книги, осталось еще сто пять экземпляровъ. Поэтому, кто изъ нашихъ подписчиковъ пожелаетъ имѣть «Жизнь кн. В. Г. Мадатова», можетъ ее получать бесплатно, по высылкѣ лишь въ редакцію «Русской Старинѣ» пяти почтовыхъ марокъ на расходы по пересылкѣ и укупоркѣ этой книги. Ред.

¹⁾ Мы получили извѣстіе отъ О. А. Бестужевой, что Марія Бестужева (13-ти лѣтъ) на дняхъ скончалась отъ скоротечной чахотки. Ред.

Александръ Федоровичъ Воейковъ родился въ Москвѣ 15-го ноября 1779 г. Окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя литературѣ¹⁾. Саркастическій умъ Воейкова обнаружился въ его первыхъ же сатирическихъ опытахъ. Кромѣ того, онъ занимался переводами: „Исторіи царствованія Людовика XIV“ Вольтера (1809 г.) и „Садовъ“ — Делиля (1816). Посѣщаль литературные вечера кружка московскихъ литераторовъ; познакомился съ Коцошкинымъ, Батюшковымъ и Мерзляковымъ, который платилъ иногда Воейкову стихами за карточный долгъ.

Воейковъ издалъ еще: 1) „Собр. образцовыхъ Русск. Соч., 12 частей“. (1-е изд. 1815—1817; 2-е изд. 1822—1824 съ А. Тургеневымъ и В. Жуковскимъ). 2) „Нов. Собр. образцовыхъ Россійскихъ Соч., 4 части“. (1821—1822). 3) „Собр. нов. Рос. Соч., 4 части“. (1824—1826). 4) „Образцовыхъ соч. въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей“, 1811. Онъ написалъ множество стихотвореній; переводилъ гекзаметромъ эклоги Вергилія и въ прозѣ — нѣкоторыя поэмы Байрона (см. изд. имъ журналы).

Въ 1812 г., увлекаясь духомъ патріотизма, охватившаго всѣ со-

¹⁾ Вотъ что рассказываетъ самъ Воейковъ о началѣ своей служебной карьеры: «Я, будучи записанъ съ колыбели въ конную гвардію, вступилъ въ дѣйствительную службу въ концѣ 1796 года; вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла I.—18-го января 1797 г. былъ произведенъ въ офицеры; въ концѣ 1798 г. исключенъ изъ службы, а въ январѣ 1800 г. опять принятъ на службу. Я былъ въ эти четыре года сто разъ арестованъ, мнѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы; слѣдовательно, я бы долженъ былъ быть въ числѣ недовольныхъ.

«Благословляю Бога за то, что ни я, ни братъ мой, ни одинъ изъ офицеровъ конной гвардіи не были замѣшаны въ событіяхъ 1801 г., ни отецъ мой и дядя»... и проч. (Изъ Записокъ А. Ф. Воейкова. «Историч. Сборн.», изд. 1861 г., кн. II, стр. 117—132).

Ред.

словія Россіи, Воейковъ вступилъ въ ряды защитниковъ отечества. Послѣ изгнанія непріятелей онъ вышелъ въ отставку, путешествовалъ по Россіи, потомъ поселился въ Москвѣ.

Въ 1815 г. Воейковъ женился на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, которой тотъ посвятилъ свою „Свѣтлану“.

Она умерла въ 1829 и онъ женился вторично на N. N., какой-то простой женщинѣ, при немъ служившей. Остряки того времени, намекая на красоту первой его жены и безобразіе мужа, называли ихъ Венерою и Вулканомъ: это сравненіе было особенно удачно, потому что Воейковъ, какъ извѣстно, былъ хромъ, вывихнувъ себѣ ногу въ 1824 г.

Воейковъ былъ членомъ Арзамаса, гдѣ носилъ прозвища: „Печурка“ и „Двѣ огромныя руки“. Благодаря покровительству Жуковскаго и другихъ вліятельныхъ лицъ, Воейковъ, вскорѣ послѣ женитьбы, получилъ каѳедру профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ и занималъ ее до 1820 г. По пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ назначенъ на мѣсто инспектора артилерійскаго училища, что не препятствовало ему посвящать себя журналистикѣ.

Воейковъ послѣдовательно былъ издателемъ четырехъ журналовъ: „Сына Отечества“ (1821—мартъ 1822, съ Гречемъ), „Русскаго Инвалида“ (съ 1821 до 1826 г.), „Новостей Литературы“ (1822—1826), „Славянина“ (1827—1830) и „Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду“ (1831—1836). Редакторство давало возможность Воейкову, съ свойственнымъ ему юморомъ, подвизаться одновременно въ отдѣлахъ критики и словесности. Критики его боялись: онъ былъ мастеръ браниться и задѣвать въ противникѣ слабую струнку. Эту особенность своего дарованія Воейковъ болѣе всего проявилъ въ своей сатирѣ „Домъ Сумасшедшихъ“, начатой имъ въ 1814 г. и въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ пополняемой.

Мысль вывести общественныхъ дѣятелей въ видѣ жильцовъ дома умалишенныхъ, безспорно, остра и оригинальна. Обладая способностью находить въ каждомъ человѣкѣ его слабыя или смѣшныя стороны, Воейковъ, однако же, не гнушался яркими красками для своихъ карикатуръ и часто, вмѣсто легкаго укола жаломъ сатиры, билъ, какъ говорится, обухомъ въ лобъ. Шутка тогда только и хороша, когда она не обидна. Этого нельзя было сказать про шутки Воейкова, въ которыхъ онъ доходилъ до оскорбленій. Но именно эта крупная соль, эти заушенія были въ духѣ литературы тридцатыхъ годовъ, когда писатели, ведя полемическую войну, нерѣдко затрогивали одинъ въ

другомъ достоинство человѣческое, бросая грязью даже въ семейство противника.

„Домъ Сумасшедшихъ“ Воейкова — образецъ литературной брани и того приличія, какое существовало въ тогдашней полемикѣ.

Въ 1838 г. Воейковъ завелъ съ табачнымъ фабрикантомъ Жуковымъ типографію на Сѣнной, гдѣ данъ былъ знаменитый обѣдъ, о которомъ разсказалъ печатно И. И. Панаевъ и друг. Многие писатели подарили ему на новоселье статьи; изъ нихъ онъ составилъ „Сборникъ“ и въ печатномъ объявленіи о немъ осмѣялъ всѣхъ вкладчиковъ.

Послѣдніе годы жизни Воейкова (онъ умеръ въ 1839 г.) протекли въ страданіяхъ нравственныхъ и тѣлесныхъ. Въ юности вольнодумецъ, Воейковъ подъ старость впалъ въ ханжество, доходя до юродства. Изрѣдка вспыхивалъ въ немъ огонекъ прежняго сатирическаго дарованія, но Воейковъ былъ уже не страшень и сатиръ его не боялись даже слабѣйшіе его противники. Изъ нихъ особенно яростнымъ нападкамъ издавна подвергался добрый, но бездарный графъ Хвостовъ. Не довольствуясь эпиграммами оригинальными, Воейковъ извиль Хвостова и переводными. Такъ, въ 1826 г., онъ кольнулъ стараго метромана слѣдующей эпиграммой:

Попалась мышъ! Умри—спасенья никакова!
Ты грызть пришла здѣсь Дмитріева томъ,
Межь тѣмъ, какъ у меня валялся подъ столомъ
Творенія Хвостова.

Никому изъ противниковъ Воейкова не пришло въ голову указать на французскій подлинникъ, съ котораго онъ перевелъ свою эпиграмму, перемѣнивъ имена:

Je te tiens souris téméraire!
Un trébuchet me fait raison:
Tu me rongeais, coquine, un tome de Voltaire,
Tandis que j'avais là les oeuvres de Pradon. 1)

Считаемъ не лишнимъ указать, что Воейкову несправедливо приписываетъ г. Колбасинъ („Современникъ“ 1839 г., т. 73) довольно удачную, будто-бы предсмертную эпиграмму, въ которой изображено плачевное состояніе русской литературы исхода тридцатыхъ годовъ:

Державинъ спитъ давно въ могилѣ;
Жуковскій пишетъ чепуху,
Крыловъ молчитъ и ужъ не въ силѣ
Сварить «Демьянову уху».

1) «Поймалъ я тебя, дерзкая мышъ! Попалась въ ловушку. Ты, негодница, грызла томъ Вольтера, а между тѣмъ у меня тутъ же лежатъ сочиненія
„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. IX, 1874 г. МАРТЪ.

Между тѣмъ оказывается, что это вовсе не эпиграмма, а окончаніе довольно обширнаго „Посланія“ М. В. Милонова ¹⁾).

Осмѣивая, на краю могилы, дѣятелей стараго поколѣнія, Воейковъ не обратилъ вниманія на мощныхъ представителей-литераторовъ поколѣнія новаго: не прозрѣлъ генія Гоголя, не замѣтилъ Лермонтова, тогда начинавшаго свое поприще; Бѣлинскаго-же Воейковъ обозвалъ „нахаломъ“ за свободное отношеніе его къ старымъ литературнымъ авторитетамъ.

„Домъ Сумасшедшихъ“ до 1854 года ходилъ по рукамъ въ спискахъ, болѣе или менѣе искаженныхъ переписчиками, подъ заглавіями „Новый Бедламъ“, „Сумасшедшій домъ“, „Жолтый домъ“. Первый отрывокъ (о вн. Шаликовѣ) былъ напечатанъ въ „Современникѣ“ (1854 г., № 1, отд. III, стр. 18—19, статья г. Гаевского: „О Дельвигѣ“); второй (о Сладковскомъ)—въ томъ же журналѣ (1855 г., № 4, отд. II, стр. 57, статья Пекарскаго: „Русскіе Мемуары“); третій—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г., № 11, стр. 30, отдѣлъ критики и библиографіи. Двадцать четыре строфы, но со многими пропусками и болѣею частью безъ фамилій выведенныхъ въ сатиру лицъ, были напечатаны въ „Сборникѣ“, изданномъ студентами императорскаго с-петербургскаго университета (выпускъ первый, 1857 г.: „учено-литературныя замѣтки: А. Ѳ. Воейковъ“, стр. 339—343). Въ болѣе полномъ видѣ „Домъ Сумасшедшихъ“ былъ напечатанъ въ томъ же 1857 году въ „Сынѣ Отечества“ (№ 45). Печатали эту сатиру и за границею въ тамошнихъ „русскихъ сборникахъ“ и отдѣльно (въ Берлинѣ 1858 г. у Шнейдера и въ Лондонѣ), но по невѣрнымъ спискамъ и со множествомъ опечатокъ. Наконецъ, въ минувшемъ году нѣсколько строфъ изъ „Дома Сумасшедшихъ“ было напечатано въ петербургской газетѣ.

Смѣемъ надѣяться, что списокъ, съ котораго нынѣ мы печатаемъ

Прадона». Авторъ эпиграммы Гишаръ (Guichard), 1731—1811. Ее же перевелъ гораздо раньше кн. П. А. Вяземскій. См. «Собр. Русск. Стих.», изд. Жуковскимъ, 1811 года, ч. 5, стр. 221. Ред.

¹⁾ Это «Посланіе» было написано Милоновымъ къ братьямъ Княжевичамъ, въ Вѣну, и послано съ К. Н. Батюшковымъ, отправлявшимся черезъ Австрію въ Италію. Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ передалъ мнѣ списокъ съ подлинника вмѣстѣ съ списками и многихъ другихъ, еще неизданныхъ, произведеній Милонова, съ которыми я надѣюсь вскорѣ познакомить читателей «Русской Старины». Кстати замѣтимъ, что въ рукописяхъ приписывается Воейкову эпиграмма на Пушкина, начинающаяся стихомъ: «Я вольность прежде проповѣдалъ», на которую, будто бы, Пушкинъ отвѣчалъ: «Орликомъ и въ колпакахъ» и проч.

П. Шфремовъ.

сатиру Воейкова въ „Русской Старинѣ“, далеко оставить за собою своихъ предшественниковъ.

„Домъ Сумасшедшихъ“ безъ примѣчаній и поясненій не можетъ быть понятенъ большинству читающей публики. Имѣя это въ виду, мы (въ приложеніяхъ) помѣстили біографическія замѣтки и дополнили текстъ сатиры вариантами изъ многихъ списковъ.

Вотъ какъ охарактеризовалъ автора „Дома Сумасшедшихъ“ авторъ „Октавъ“, даровитый Вердеревскій, въ слѣдующей эпиграммѣ:

Окалѣченный пигмей,
 Этотъ новый Асмодей
 Съ сардонической улыбкой
 Родился на свѣтъ ошибкой,
 По подобію людей!
 Сзади, спереди и въ профиль
 Адски выразился въ немъ
 Съ злонамѣреннымъ умомъ
 Совершенный Мефистофель!

*) Къ указаніямъ, гдѣ были прежде напечатаны отдѣльныя строфы сатиры Воейкова, можно еще присоединить, что одна строфа, именно о Батюшковѣ, была помѣщена въ «Москвитинѣ», 1855 г., №№ 23—24.

Домъ Сумасшедшихъ.

(1814—1838).

Други милые, терпѣнье!
 Расскажу вамъ чудный сонъ;
 Не игра воображенья,
 Не случайный призракъ онъ. ¹⁾
 Нѣтъ, то мщенью предыдущей
 И грозящей неба гласъ,
 Къ покаянью зовущей
 И пророческій для насъ.

Вечеркомъ, простившись съ вами, ²⁾
 Въ уголку сидѣлъ одинъ
 И Бутузова стихами
 Я растапливалъ каминъ;
 Подбавлялъ изъ Глины сору,
 И твоихъ, о Мерзляковъ,
 Изъ «Амура» ³⁾ по сю-пору
 Недочитанныхъ стиховъ!

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
 Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
 Но, въ награду, крѣпко, крѣпко
 И пріятно уснулъ!
 Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
 Черезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
 Перешедъ, спѣшу въ оградъ,
 И вступаю въ Желтый Домъ. ⁴⁾

Отъ любви сумасшедшихъ
 Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
 И твоихъ проказъ прошедшихъ
 Длинный рядъ воспоминалъ,

Карамзинъ, Тить-Ливій русскій! 5)
 Ты, какъ Шаликовъ, вздыхалъ,
 Щеголялъ, какъ путь французскій,
 Ахъ!.. кто молодъ не бывалъ! 6)

Я и самъ... Но сновидѣнье
 Прежде, други, расскажу.
 Во второе отдѣленье
 Я чиннехонько вхожу. 7)
 Тутъ одинъ — желаетъ трона,
 А другой — владѣть луной, —
 И портретъ Наполеона
 Намалеванъ, какъ живой!

«Берегитесь, здѣсь Магницкѣй»,
 Насъ вожатый упредилъ, —
 «Онъ укуситъ васъ; не близко!...»
 Я, съ боязнью, отступилъ!...
 Предъ безумцемъ, на амвонѣ —
 Кавалерскихъ связка лентъ,
 Просьбица о пенсіонѣ,
 Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,

Дачъ, лѣсовъ, земель казенныхъ
 И записка о долгахъ...
 Въ размышленьяхъ столъ духовныхъ
 Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
 «Горе! Добрый царь на тронѣ!
 «Вѣрь терпимость, пытокъ нѣтъ!...
 «Ахъ, зачѣмъ не при Неронѣ
 «Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?

«Благотворной бы составилъ
 «Инквизиціи проектъ;
 «Въ маслѣ бы варить заставилъ 8)
 «Философовъ разныхъ сеетъ;
 «Заподжаривъ, тагъ и съѣлъ бы
 «И роднаго я отца...
 «Что ми дасте? 9) Я поддѣлъ бы
 «И небеснаго Творца!

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
 «Бога, ближнихъ и царя;
 «Зло имъ сдѣлать — сплю и вижу,
 «Въ честь Христова алтаря!
 «Я за орденъ — христіанинъ;
 «Я за деньги — мартинистъ;
 «Я за землю — мусульманинъ;
 «За аренду — атеистъ!»

Други, признаюсь: изъ кельи,
 Уши я зажавъ, бѣжалъ...
 Рядомъ съ ней, на новосельи,
 Руничь ⁽⁹⁾ бѣгло бормоталъ:
 «Вижу бѣсовъ предъ собою;
 «Отъ ученья сгибнулъ свѣтъ...
 «Этой тѣмѣ Невтонъ виною
 «И безбожникъ Боссюэтъ!

«Ложь запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
 «Геллертъ сердце обольстилъ;
 «Кантомъ бредить даже дѣти,
 «Дрекслеръ правы развратилъ!» ⁽¹⁰⁾
 Но, кто сей скелетъ изчахшій ⁽¹¹⁾
 Изъ чулана кажетъ носъ?
 То за бредни пострадавшій
 Нашъ Поповъ... Чу, вздоръ повесь!

Хочетъ мельницу построить,
 Пушку слить, палаты скласть,
 Силу пороха удвоить,
 Отъ громовъ домъ божій спасти;
 Справитъ сломанную ногу,
 Съ глазъ слѣпаго бѣлыми снятъ:
 «Не учись, молися Богу,—
 «И пошлетъ Онъ благодать

«Смирненькой своей овечкѣ;
 «Ниспошлетъ чертежъ, размѣръ,
 «Пробу пороху въ мѣшечкѣ...
 «Благодати я примѣръ:
 «Хоть безъ книжнаго ученья
 «И псалтырь одну читалъ,
 «А директоръ просвѣщенья,
 «И съ звѣздою генералъ!» ⁽¹²⁾

Слыша рѣчь сію невѣжды,
 Сумасброда я жалѣлъ:
 Ни малѣйшія надежды
 Къ излеченью не имѣлъ.
 Нашъ Кавелинъ не далеко
 Тамъ, въ чуланѣ, засѣдалъ
 И, горѣ воздѣвши око,
 Исповѣдь свою читалъ:

«Какъ! меня лишать свободы
 «И сажать въ безумный домъ?
 «Я подлець уже съ природы,
 «Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ

«И Магницкій вѣчно мною,
 «Какъ трапичей черной, третъ;
 «Какъ кривою кочергою
 «Загребаетъ или бьетъ!»

Ба! Зачѣмъ здѣсь князь Ширинскій?
 Какъ палачъ умовъ здѣсь тихъ!
 Это что? «Уставъ Алжирскій
 О печатаніи книгъ!»
 Вернуть нею кату, батоги
 И Красовскій—поздри рвать!¹⁴⁾
 Я, скорѣй — давай Богъ ноги!
 Здѣсь не мѣсто разсуждать!

Вотъ Перовскій. Безпрестанно
 Онъ коверкаетъ лицо —
 Кошкой, волкомъ, обезьяной;
 То свернется весь въ кольцо,
 То у сильныхъ ноги лижетъ,
 То безсильныхъ гонить вонъ;
 То гроши на нитку нижетъ,
 То брячить на счетахъ онъ!^{15 и 16)}

Вотъ онъ — Пушкина убійца,
 Легкомысленный французъ,
 Развращенный кровопійца,—
 Огорчилъ святую Русь;
 Схоронилъ нашъ кладъ завѣтный,
 Въ землю скрылъ талантъ пѣвца,
 Вырвалъ камень самоцвѣтный
 Онъ изъ царскаго вѣнца!

— Что за страшныхъ двухъ сосѣдовъ
 У стѣны ты приковалъ?
 «Это пара людоедовъ!»
 Надзиратель отвѣчалъ,—
 «Аракчеева обноски!¹⁷⁾
 «Страшно съ цѣпи ихъ спустить:
 «Злы какъ псы, какъ черви — плоски,
 «Трудно ихъ и раздавить!»¹⁸⁾

Я дрожащими шагами¹⁹⁾
 Черезъ залу перешелъ
 И увидѣлъ надъ дверями
 Очень четко: «Сей отдѣлъ
 «Прозанстамъ и поэтамъ,
 «Журналистамъ, авторамъ:
 «Не по чину, не по лѣтамъ
 «Здѣсь мѣста—по нумерамъ.»

Двери настѣжъ надзиратель
 Отворя, мнѣ говорить:
 «Нумеръ первый: вашъ пріятель
 «Каченовскій здѣсь сидитъ.
 «Букву Э, на ешафотѣ,
 «Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;»²⁰⁾
 «Умъ его всегда въ работѣ:
 «По крюкамъ стихи поетъ;

«То кавыки созерцаетъ,
 «То, обнюхивая гниль,
 «Духу розъ предпочитаетъ;
 «То сметаетъ съ книжекъ пыль
 «И, въ восторгѣ восклицая,
 «Набиваетъ ею ротъ:
 — Сорь славянскій, пыль родная,
 Слаще ты — чѣмъ медъ и сотъ!»

Вотъ, на розовой цѣпочкѣ,
 Спичка Шаликовъ, въ слезахъ,
 Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
 Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ,
 Прижимаетъ вѣникъ страстно,
 Кличетъ «грацій здѣшнихъ мѣсть»²¹⁾
 И, мяуча сладострастно,
 Размазну безъ масла ѣсть.

Нумеръ третій: на лежанкѣ
 Истый Глинка възсѣдитъ;
 Передъ нимъ «духъ русскій» въ склянкѣ
 Не закупоренъ стоитъ.
 «Книга Кормчая» отверзта
 И уста отворены,
 Сложены десной два перста,
 Очи вверхъ устремлены.

«О Расинъ, откуда слава?
 «Я тебя, дружокъ, поймалъ;
 «Изъ россійскаго «Стоглава»
 «Ты «Гоеолю» украдъ!
 «Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
 «Выраженій красота
 «Въ Андромахъ — подражанье
 «Погребенію ката!»

— Ты-ль, Хвостовъ? къ нему вошедши,
 Вскрикнулъ я: тебѣ-ль здѣсь быть?
 Ты дуракъ — не сумасшедшій,
 Не съ чего тебѣ сходить!

«Въ Буало я смыслъ убавилъ,
 «Ляфонтена я убилъ
 «И Расина обезславилъ!»²²⁾
 Быстро онъ проговорилъ,

И читать мнѣ началъ оду...
 Я искусно ускользнулъ
 Отъ мучителя; но въ воду
 Прямо изъ огня юркнулъ:
 Здѣсь, старикъ, съ лицомъ печальнымъ,
 Буквъ славянскихъ красоту —
 Мажетъ золотомъ сусальнымъ
 Пресловутую енту.

И на утвари повсюду
 Коронованные кси,
 Старовѣрскихъ книжекъ груду,
 И въ окладѣ юсь я пси,
 Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
 Тредьяковскаго стиховъ
 Я увидѣлъ изумленный —
 И узналъ, что то Шишковъ.

Вотъ Сладковскій Восклицаетъ:
 «Се, се россы! се самъ Петръ!
 «Се со всѣхъ сторовъ зяаетъ
 «Молнія изъ тучныхъ нѣдръ.
 «И чрезъ Ворсклу, при преправѣ,
 «Градовъ на сушѣ творецъ
 «Съ дрогостью»²³⁾ пошелъ во славу,
 «А поэмѣ сей конецъ!»

Вотъ Жуковскій²⁴⁾: въ саванъ длинный
 Скутанъ, започки крестомъ;
 Ноги вытянувши чинно,
 Чорта дразнить языкомъ;
 Видѣтъ вѣдьмъ воображаетъ:
 То глазомъ имъ подмигнетъ;
 То кадитъ, и отпѣваетъ,
 И трезвонить, и реветъ.

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
 Бюсть грызетъ Карамзина;
 Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
 Кровью грѣдь обагрена!
 Но напрасно мраморъ гложетъ,
 Только время тратитъ въ томъ:
 Онъ вредить ему не можетъ
 Ни зубами, ни перомъ!²⁵⁾

А Станевичъ, въ отдаленнѣ
 Усмотрѣвъ, что это я,
 Возопилъ въ остервененнѣ:
 «Миръ, потомство! За меня
 «Злому критику отмстите...
 «Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
 «Монументъ соорудите—
 «Я великъ, великъ, великъ!»

— Какъ и ты безсмертьемъ льстишься
 О, червякъ, отецъ червей!
 Я сказалъ — и ты стремишься
 Къ славѣ изъ норы твоей?
 «Дворъ читалъ мой творенья» —
 Прервалъ онъ — «и государь
 «Долженъ въ знавъ благоволенья....»
 — Стой, дружокъ! нашъ добрый царь

Дѣлъ безъ насъ имѣеть кучу:
 То смиряеть смутный миръ,
 Отъ царей отводитъ тучу,
 То даеть сосѣдамъ пиръ;
 То съ вельможами хлопочеть;
 То ссылаеть въ ссылку зло;
 А тебя и знать не хочеть.
 Посиди — тебѣ тепло! —

Чудо! подъ окномъ, на вѣткѣ,
 Крошка Батюшковъ висить
 Въ свѣтлой, проволочной клѣткѣ;
 Въ баночку съ водой глядитъ,
 И поеть онъ сладкогласно:
 «Тихъ, сподоевъ сверху видъ,
 «Но спустился на дно—ужасный
 «Крокодилъ на немъ лежить»²⁶⁾.

Вотъ чужихъ статей писатель
 И маляръ чужихъ картинъ,
 Книгъ безграмотныхъ издатель,
 Сѣверный орелъ — Свиньинъ.
 Онъ фальшивую монетой
 Цѣлый вѣкъ перебивалъ
 И, оплеваннй всѣмъ свѣтомъ,
 На цѣпи пріютъ смыскалъ.

Вотъ Измайловъ — авторъ басень,
 Разсуждений, эпиграммъ;
 Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласень,
 «Я писатель не для дамъ!

«Мой предметъ: носы съ прыщами;
 «Ходимъ съ музою въ трактиръ
 «Водку пить, ёсть лукъ съ сельдами...
 «Миръ квартальныхъ—вотъ мой миръ».

Вотъ и Гречъ—нахалъ въ натурѣ,
 Изъ чужихъ лоскутьевъ шить;
 Онъ — цыганъ въ литературѣ,
 А въ торговлѣ книжной — жидъ.
 Вспоминая о прошедшемъ,
 Я дивился лишь тому,
 Почему онъ въ сумасшедшемъ —
 Не въ смиренномъ дому? ²⁷⁾

Тутъ кто? Гречева собака
 Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ:
 То — Булгаринъ, забѣка
 Съ рыломъ москвичимъ своимъ,
 Съ саблей, въ петлѣ... «А французской
 «Крестъ ужель надѣтъ забылъ?
 «Вѣдь его ты кровью русской
 «И предательствомъ купилъ! ²⁸⁾

— Что-жъ онъ дѣлаетъ здѣсь? — «Даётъ,
 «Брызжетъ пѣною съ брылей,
 «Мечется, рычитъ, кусаетъ
 «И домашнихъ, и друзей».
 — Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
 «Совѣсть — умъ свихнула въ немъ:
 «Все боится быть повѣшенъ,
 «Или висѣченъ кнотомъ».

Тутъ, что за щенокъ у входа
 Весь дрожить, поджавши хвостъ?
 Какъ безжалостно природа
 Ожарила его ростъ!
 Какъ портными укороченъ
 Фракъ единственный, дрянной!
 Трусъ, какъ прячетъ отъ пощечинъ
 Сухощавый ликъ онъ свой...

Луковка торчитъ въ кафтанѣ,
 Оттопырся, какъ часы;
 Стекла битыя въ карманѣ ²⁹⁾
 И обрызжокъ колбасы.
 Кто-бъ изъ пишущихъ героевъ
 Могъ такимъ быть мозглякомъ?
 Лисий бѣсъ—Владимиръ Строевъ,
 Гречъ лѣвый глазъ съ бѣльмомъ!

Вотъ въ передней—рабъ-писатель,
 Каразинъ—хамелеонъ,
 Земледѣль, законодатель...
 Взглянемъ: что мараетъ онъ?
 Пѣснь свободѣ, деспотизму;
 Брань и лесть властямъ земнымъ,
 Гимнъ хвалебный атеизму
 И акафистъ всѣмъ святымъ! ³⁰⁾

Вотъ Грузинцевъ: онъ въ коронѣ
 И въ сандаляхъ, какъ царь;
 Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
 Держитъ греческій букварь.
 — Вѣрно ваши сочиненья?
 Скромно сдѣлалъ я вопросъ....
 «Нѣтъ, Софокловы творенья!»
 Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

Вотъ Козловъ: глупецъ увѣренъ,
 Что съ Жуковскимъ равенъ онъ.
 Низокъ, пусть, высокомѣренъ
 И въ стихи свои влюбленъ.
 Принужденными займами
 У графинь, княгинь, друзей—
 Сытъ и пышенъ! Вотъ съ стихами
 Шлетъ онъ въ Смирдину скорѣй,

Чтобъ купилъ онъ ихъ дороже...
 Продавъ, деньги получилъ;
 Всѣ расплаты ждуть... и что же?
 Онъ въ ломбардъ ихъ положилъ
 Для дѣтей.... Плохое средство,
 Недостойное пѣвца!
 Дѣтямъ лучшее наслѣдство —
 Имя честное отца. ³¹⁾

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
 Петръ Иванычъ «осударъ»,
 Академіи «расейской»
 Непремѣнный секретарь. ³²⁾
 Ничего не сочиняетъ,
 Ничего не издастъ,—
 Три оклада получаетъ
 И столовья беретъ.

На дворѣ Академіи
 Грядъ вапусты накопалъ;
 Не пріютъ пѣвцамъ Россіи,
 А лабазъ для дегтю слагалъ.

Въ Академіяхъ бывають
 Дураки, такъ было встарь;
 Въ нашей — двое засѣдаютъ:
 Президентъ и секретарь.

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
 Цѣловальникъ Полевой—
 И безштанный, и безчинный... ³³⁾
 Сталось что съ его башкой?
 Спѣсь съ корыстью въ ней столкнулись,
 И отъ натиска того—
 Умъ и сердце повернулись
 Вверхъ ногами у него.

Самохвалъ, завистникъ жалкой,
 Надувало ремесломъ,
 Битый рюриковой палкой
 И санскритскимъ батошьемъ... ³⁴⁾
 Подлъ—какъ рабъ, надутъ—какъ баринъ,
 Онъ, чтобъ вератцѣ кончить рѣчь:
 Благороденъ, какъ Булгаринъ,
 Безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Вотъ Сенковскій «сей и онъ»:
 Гадокъ, страшень, черень, рабъ.
 Онъ—полякъ низкопоклонный,
 Силы, знати, денегъ—рабъ.
 Полеваго самохвальство,
 И Булгарина задоръ,
 И Бѣлинскаго нахальство
 Совмѣстилъ въ себѣ... въ позоръ! ³⁵⁾

Вотъ «Кадетомъ» заклеянный
 Меценатъ Карлгофъ—поэтъ,
 Въ общемъ мнѣннн зачервленный,
 И Булгарина клеветъ.
 Худъ, мизеренъ, сплюснуть съ вида,
 Сухощавъ душой своей...
 Отвратительная гнида
 Съ Аполлоновыхъ ³⁶⁾

Я бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ...
 «Вотъ, еще», сказали мнѣ;
 Я смогрю: Максимъ Невзоровъ
 Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
 «Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
 «Былъ на мой журналъ расходъ
 «Пострадала-бъ горько вѣра!
 «Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.» ³⁷⁾

Отъ досады и отъ смѣху
 Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
 Горькую прервать потѣху..
 Но смотритель доложилъ:
 «Ради вы, или не ради,
 «Но указъ ужъ полученъ:
 «Вамъ нельзя отсель ни пади!»
 И указъ тотчасъ прочтень:

— «Тотъ Воейковъ, что бранился,
 Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
 Что съ Булгаринымъ возился
 И себя тѣмъ замаралъ ⁸⁰⁾,—
 Долженъ быть, какъ сумасбродный,
 «Самъ посаженъ въ «Желтый Домъ».
 «Голову обрить сегодня
 «И тереть почаще льдомъ!»

Выслушавъ, я ужаснулся,
 Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,—
 И, проснувшись, не очнулся
 И не вѣрилъ самъ, что спалъ!
 Други, вашего совѣту!
 Безъ него я не рѣшусь:
 Не писать—не жить поэту,
 А писать начать—боюсь! ⁸¹⁾

Женское отдѣленіе.

Въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ (съ 1814 по 1838 гг.), до-
 молняя и даже „переполняя“ свой „Домъ Сумасшедших“, Воейковъ
 списывалъ свои карикатуры съ литераторовъ двухъ поколѣній: ста-
 раго и новаго. Всѣ куплеты о нихъ перемѣшаны, отчего привести
 ихъ въ хронологической порядокъ—невозможно.

Не довольствуясь писателями-мужчинами, Воейковъ, въ послѣдніе
 годы жизни, увеличилъ свою галерею карикатуръ еще „Женскимъ
 Отдѣленіемъ“, въ которое помѣстилъ трехъ особъ.

Насколько остры и язвительны нѣкоторыя строфы „Дома Сума-
 сшедших“, настолько его „Женское Отдѣленіе“—вало, безцвѣтно и
 не отличается остроуміемъ. Тѣмъ не менѣе, для полноты печатаемаго
 нами списка сатиры Воейкова, приводимъ слѣдующія строфы:

Вотъ Шишкова.. Кто не слышалъ!
 Въ женской юбкѣ гренадеръ..
 За нее-то замужъ вышелъ
 Нашъ столѣтній старовѣръ;

На старушкѣ токъ атласный
 Въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ;
 Въ желтомъ платьѣ, поясъ красный,
 И въ пунсовыхъ башмакахъ.

Причтъ поповъ и полкъ гусаровъ,
 Князь Кутузовъ, князь Рѣпинъ и
 Битый Корсаковъ, Кайсаровъ,
 И Огарковъ, и Свѣчинъ,⁴⁰⁾ —
 Всѣ валитесь хлюстомъ — сердце
 Преширокое у ней...
 Да и въ старикѣ-младенцѣ
 Кладь—не мужъ достался ей!

Вотъ, Темира: вокругъ разбросанъ
 Перьевъ пукъ, трипичъ, газетъ;
 Ангелъ дьяволомъ причесанъ
 И чертовкою одѣтъ.
 Карлица и великанша,
 Смѣсь съ юродствомъ красоты:
 По талантамъ—генеральша,
 По причудамъ—прачка ты!

Вотъ картежница Хвостова
 И табачница къ тому-жъ!
 Кто тошнѣй одинъ другого,
 Гаже кто — жена, иль мужъ?
 Оба—«притча во языцѣхъ»:
 Онъ подь-масть ей угодилъ:
 Кралю трефовую въ лицахъ
 Козырной холопъ прикрылъ!

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Разночтенія по многимъ спискамъ сатиры „Домъ Сумасшедшихъ“.

- 1) По другимъ спискамъ и въ «Сборникѣ Студентовъ»:
Не паровъ смѣшенье онъ.
 - 2) Въ заграничномъ изданіи:
... разставшись съ вами.
 - 3) Въ заграничномъ изданіи:
Изъ Омира по-ску-пору.
 - 4) До перенесенія на петергофскую дорогу, Домъ умалишенныхъ помѣщался въ зданіи Обуховской больницы и, по цвѣту стѣнъ, назывался въ просторѣчій «Желтымъ».
 - 5) Вариантъ:
О, Катенинъ, долгъ романамъ
Былъ тобою заплаченъ...
Но, сказавъ: прости обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ!
 - 6) По другимъ спискамъ послѣдніа четыре стиха относятся къ О. О. Кошкину:
О, Кокошинъ, долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ прости обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ!
 - 7) По другимъ спискамъ:
«Во второе отдѣленье
«Бѣшеныхъ глупцовъ вхожу».
- Всѣ переименованныя лица въ слѣдующихъ строфахъ приписаны ко «второму отдѣленію» въ разное время.
- 8) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вариантъ:
При себѣ бы съчъ заставилъ,
что нѣсколько не вяжется съ слѣдующей строфой. Несомнѣнно, что при перепискѣ сатиры Воейкова многіе произвольно «подправляли» и измѣняли стихи.
 - 9) Въ другихъ спискахъ: «что даете?» или «что дадите?»
 - 10) Въ иныхъ спискахъ: «Злуничъ».

- 11) Въсто Дрексель въ нныхъ спискахъ: Дженнеръ.
По другимъ спискамъ вариантъ:

Полнъ неистой отваги,
Доморощенный Омаръ
Книги драгъ, бросагъ бумаги
Въ напылавшей печки жаръ!

- 12) Въ заграничномъ изданіи:

Кто, скелетъ сей изхудавшій,
Изъ чулана кажетъ носъ?

- 13) Въ первоначальной редакціи:

«Видишь: грамоты не знаю,
«Не учился, не читалъ,
«А россиянь просвѣщаю
«И съ звѣздою генералъ!»

- 14) Въ некоторыхъ спискахъ въсто Красовскій—«Трусовскій» или просто.
«И щипцы, что-бъ поздри рвать!»

- 15 и 16) Варианты:

Вотъ, на янцахъ «насъдкой»
Сидя, клохчетъ сумасбродъ,
Въ самомъ «Желтомъ Домѣ» рѣдкой!
Передъ нимъ кружится «котъ»,
«Кукла» страстно водить глазки,
«Обезьяна» скалить ротъ...
Онъ имъ сказываетъ сказки
И медовый макъ жуеть.

Но тутъ дива нѣтъ большова:
Спятить долго-ль и уму
На ковшнѣ у Шишкова
И у Ливена въ хлѣву!
— «Жаль,—и вѣрно отъ собратовъ
Одурѣлъ онъ? я сказалъ,—
Укусилъ его Шихматовъ,
Иль Шишковъ поцѣловалъ».

- Кромѣ того, имѣется слѣдующій вариантъ:

Вотъ, на янцахъ насѣдкой
Сидя, клохчетъ сумасбродъ
И російскія заѣдки
Медовой онъ макъ жуеть...
Вотъ чудакъ! предъ нимъ попарно
Съ обезьяной черныи котъ
И совѣтникъ титулярный
Съ куклой важно рѣчь ведетъ.
— Кто-жъ бы это былъ? — «Перовскій»,
Мнѣ товарищъ прошепталъ.
— Ужъ не тотъ-ли, что геройски
Турокъ въ Варнѣ откатагъ?
Иль, что взятчиковъ по-свойски
Изъ удѣловъ выгналъ вовъ?—

«Нѣтъ! Писака, франтъ московскій;
Въ кругъ ученый дѣзетъ онъ».

17) Варіантъ:

Эти двойни-недоноски
Вельзевудовы обноски.....

18) Намъ неизвѣстно, къ кому именно относится эта строфа.

19) Варіантъ:

Я поспѣшными шагами.

20) Варіантъ:

«Съ торжествомъ въ огнѣ онъ жжетъ».

21) Варіантъ:

Кличеть «граціи нужныхъ мѣстъ».

22) Варіантъ: «переправиль»; а для всѣхъ четырехъ стиховъ:

«Я достоинъ быть повѣшенъ»,
Онъ въ слезахъ мнѣ говоритъ:
«Каюся, я много грѣшенъ,
«Ахъ! и я... и я пѣть!»

23) «Дрогость», по мнѣнію Сладковскаго, тоже, что «дрожь», «содроганіе». Въ другихъ спискахъ и заграничномъ изданіи:

Съ дерзостью пошелъ ко славі!

24) Воейкову, женатому на племянницѣ Жуковскаго, нелюбимый пѣвецъ «Свѣтланы» помогаль и покровительствовалъ. Пародируя «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», Батюшковъ затронулъ Воейкова, впрочемъ, довольно остро и мило:

Хвала Воейковъ: вротъ, «Сады
Делиевы» изрывшій
И царскосельскіе пруды
Стихами затопившій!
Предъ нимъ, за нимъ свистать свистен
И воетъ горько муза,
Онъ бодръ! Виргилія въ толчки,
Пинкомъ Делия въ пузо!

На острую шутку Воейковъ отвѣчалъ грубою бранью на самого Жуковскаго, вѣроятно, не подозревая настоящаго автора передѣлки:

Хвала сподвижникамъ—пѣвцамъ!
Жуковскій, пѣвчій юный!
Ты — кравамъ братъ, ты — другъ осламъ;
Твой для слуха струны—
Визгъ поросать, какъ ихъ сѣкутъ
Распаренною розгой;
Ревешъ, какъ сто чертей ревутъ,—
Хвала башкѣ безмозгой!

25) Доносъ Кутузова на Карамзина былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.».

26) Варіантъ:

И поетъ пѣвецъ согласный:
«Тихъ спокоенъ сверху видъ...
Но спустись туда — ужасно!
Крокодиль на днѣ лежитъ».

27) Въ первоначальной редакціи строфа была слѣдующая:

Вотъ нашъ Гречъ. рукой нескромной
Цѣлыхъ полгода, безъ сна,
Изъ тетрадища огромной
Моряка-Головнина
Онъ страницы выдираетъ
И —отъявленный нахаль—
Въ уголку иглой вшиваетъ
Ихъ въ недѣльный свой журналъ!

28) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто: «Булгаринъ» — «Флюгаринъ».

29) Въ другихъ спискахъ:

Стекла отъ очковъ въ карманѣ,
что не рѣмется съ первымъ стихомъ, или строки должны быть перемѣнены.
«Стекла отъ очковъ въ карманѣ» — намекъ на одно неприятное столкновеніе
Строева съ Булгаринимъ, вслѣдствіе котораго у Строева разбились очки...

Въ иныхъ спискахъ, очевидно невѣрныхъ:

Луковка торчитъ въ карманѣ
Оттопырясь, какъ часы;
Тутъ же вошка на арканѣ
И обгрызокъ колбасы.

20) Въ нѣкоторыхъ спискахъ:

Филантропъ, законодатель...

Въ заграничномъ изданіи здѣсь былъ названъ Карамзинъ и эта опечатка
подала поводъ г. Колбасину, повидимому вовсе не знавшему ни одного
списка стихотворенія, защищать Карамзина противъ Воейкова.

31) Воейковъ, особенно изощряя сатирическія выходы противъ Козлова,
нѣсколько разъ переиравлялъ и подтачивалъ свои стихи. По первоначальной
редакціи они были слѣдующіе:

Вотъ Козловъ. Его смѣшнѣе
Дурака я не видалъ:
Модный фракъ, жабо на шеѣ...
Будто только отплясалъ
Котильонъ, нашъ фравтъ убогій,
И, къ себѣ питаая страсть,
Мѣтитъ прямо въ полу-боги,
Или въ Пушкины попасть!

И, представьте, онъ увѣренъ
Что съ Жуковскимъ равенъ онъ.
Низокъ, пусть, высокомѣренъ
И въ стихи свои влюбленъ.

«Допущу къ своей персонѣ,
«Осчастливаю васъ, прочтя
«Мои стапсы о Байронѣ.....
«Что поэтъ великій я —

«И Жуковский въ томъ согласенъ,
«И мадамъ Лаваль сама!»
Какъ онъ жалокъ, какъ несчастенъ:
Слѣпъ, безъ ногъ и безъ ума!

Потомъ стихи еще разъ были переправлены:
 Вотъ Козловъ. Его смѣшивъ
 Дурава я не видалъ:
 Модный фракъ, жабо на шеѣ,
 Будто только отплясалъ.
 Но, жестоко — я согласенъ —
 Покаралъ его злой рокъ...
 Какъ бѣдняга сей несчастенъ:
 Слѣвъ, безъ ногъ и безъ сапогъ!

А все водится съ князьями...
 Низокъ, пышенъ, пусть, спѣсивъ;
 Принужденными займами
 Деньги нищеты скопцвъ,
 Шлетъ для дочки въ банкъ ихъ... Средство,
 Недостойное пѣвца!
 Дѣтямъ лучшее наслѣдство —
 Имя честное отца.

32) Вариантъ:

Онъ сто лѣтъ ужъ секретарь.

33) Буквальный переводъ французскаго: sansculotte, и намекъ на происхождение Полеваго. Онъ былъ изъ купеческаго званія, безчинный, т. е. не имѣющій чина.

34) Намекъ на одну личную неприятность, причиненную Полевому княземъ Юсуповымъ.

35) Вариантъ: Что съ нимъ долго тарабарить?

Вѣдь натура въ немъ не та:
 Лучше просто приударить
 Полячишку въ три кнута!

Вариантъ, сочиненный или приписанный себѣ В. Любичъ-Романовичемъ, найденъ нами въ подлинникѣ, въ бумагахъ В. Г. Анастасевича.

Вотъ Сенковскій «сей и оный»:
 Низокъ, дерзокъ, черенъ, рабъ;
 Онъ нахаль низкопоклонный,
 Знати, власти, денегъ рабъ.
 Подлость, наглость, самохвальство
 Съединилъ себѣ въ позоръ;
 Полеваго въ немъ нахальство
 И Бѣлинскаго задоръ!

36) Въ рукописи непечатное слово.

37) Вариантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ:

«Еслибъ, какъ стихи Вольтера,
 «Христіанскій мой журналъ
 «Расходился... Горе! вѣра,
 «Я тебя бы доканалъ!»

По другимъ спискамъ:

Слогъ мой сладокъ какъ микстура;
 Мысли громки — безъ ума;
 Толстая моя фигура
 Такъ пріятна — какъ чума!

Я въ твореніяхъ священныхъ
 И въ большихъ пяти частяхъ
 Книжекъ, мною сочиненныхъ,
 Доказалъ, что я дуракъ!

38) По спискамъ 1814 года:

Тотъ Воейковъ, что Делила
 Столь безбожно искажилъ;
 Уходить хотѣлъ «Эмilia»
 И Виргилію грозилъ.

Позднѣйшіе варианты:

1.

Тотъ Воейковъ, что бранился,
 Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
 Что съ Булгаринымъ возился
 И себя тѣмъ запятналъ.

2.

Тотъ Воейковъ, что за стойкой
 Съ пьянымъ Гречемъ подрался;
 Что Булгарину нисколько,
 Грызшись съ нимъ, не поддался!

Послѣ Воейкова остался портретъ, на которомъ онъ, по его собственному желанію, былъ нарисованъ въ полосатомъ халатѣ и въ мѣховой шапкѣ въ домѣ сумасшедшихъ. На стѣнѣ виситъ цѣпъ; изображено зданіе съ надписью: «Домъ сумасшедшихъ. Отдѣленіе III. № 27»; передъ заключеннымъ лежитъ бумага съ четверостишіемъ:

Вотъ Воейковъ, что бранился,
 Честь свою тѣмъ запятналъ,
 Что съ Булгаринымъ возился
 И въ безумный домъ попалъ.

39) Вариантъ:

Други, я къ вамъ за совѣтомъ,
 Безъ него я не рѣшусь:
 Не писать—не быть поэтомъ!
 А начать писать боюсь!

Въ 1837 г. (14-го августа) В. Любичъ-Романовичъ дополнилъ «Домъ Сумасшедшихъ» слѣдующею строфою:

Вотъ Воейковъ хромоногій,
 Съ палкой, въ картузѣ, въ очкахъ,
 Безтолковый критикъ, строгій,
 Дерзкій, грязный на словахъ.
 Мечется на всѣхъ онъ, лаетъ,
 Эпиграммою ворчатъ;
 Друга, недруга ругаетъ,
 Но, бессильный — не вредитъ!

Изъ бумагъ Анастасевича.

40) Въ другихъ спискахъ:

И Огаркинъ, и Свѣчинъ!

Сообщ. А. П. Ефремовъ.

Биографическія замѣтки о лицахъ, упомянутыхъ въ сатиры
„Домъ Сумасшедшихъ“.

Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (род. 18-го мая 1787 г., скончался 17-го іюня 1855 г.), посвятилъ себя литературѣ съ 19-ти лѣтняго возраста, помѣщая свои стихотворенія въ повременныхъ изданіяхъ 1800-хъ годовъ. Съ 1807 по 1809 г. находился въ военной службѣ, былъ раненъ въ ногу и это увѣче имѣло огромное вліяніе на здоровье Батюшкова, у котораго было наследственное расположеніе къ помѣшательству. 1812-й годъ опять увлекъ его на ратное поле. До 1822 года Батюшковъ дарилъ отечественную литературу своими произведеніями; затѣмъ умолкъ—и разсудокъ его погрузился въ непроглядный мракъ, продолжавшійся до самой кончины. Называя Батюшкова „крошкою“, Воейковъ намекалъ на его маленькій ростъ. Здѣсь не мѣсто исчислять его произведенія; лучшія изъ нихъ напечатаны во всѣхъ хрестоматіяхъ; то, что „поетъ“ Батюшковъ, взято Воейковымъ изъ его стихотвореній.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ (род. 24-го іюня 1789 г., скончался 1859 г.). Въ свое время пользовался большою извѣстностью, какъ редакторъ „Сѣверной Пчелы“ (съ Гречемъ), какъ романистъ, наконецъ, какъ первый (по времени) русскій фельетонистъ. Ожесточенную полемику вели съ нимъ Пушкинъ (въ особенности подъ псевдонимомъ Косичкина), Полевой и другіе. Биографія Булгарина, написанная Н. И. Гречемъ, была напечатана въ „Русской Старинѣ“ (см. т. IV, изд. 1871 г., стр. 483—523).

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (род. въ 1811 г., скончался 26-го мая 1848 года). Единственный и донинѣ неподражаемый критикъ и эстетикъ. Озлобленный Воейковъ, враждебно относясь къ новому поколѣнію литераторовъ, не понялъ и не оцѣнилъ Бѣлинскаго, называя въ немъ „нахальствомъ“ задушевную искренность, вытекавшую изъ убѣжденій Бѣлинскаго, въ нихъ твердаго и неподкупнаго.

Вейдмейеръ, Темира, т. е., Татьяна Васильевна, рожденная Херхеулидзева. Любительница литературы, пріятельница Жуковскаго, Ко-

злова и многихъ другихъ именитыхъ литераторовъ. Воображая, что знакомство со знаменитостями даетъ и ей право на знаменитость, Темира (г-жа Вейдемейеръ носила это прозвище) сама просила Воейкова помѣстить ее въ „Домъ Сумасшедшихъ“, ожидая отъ автора, можетъ быть, льстиваго мадригала; но нашъ Діогенъ отвѣчалъ этой Аспазіи топорными грубостями.

Глинка, Сергѣй Николаевичъ (род. 1775 г., скончался 1847 г.), одинъ изъ честнѣйшихъ и истинно благородныхъ людей своего времени. Первый ратникъ московскаго ополченія, пламенный патриотъ, редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и приверженецъ славянщины. Подлинныя его записки находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“.

Глинка, Ѳеодоръ Николаевичъ (род. 1787 г.). Этотъ, нынѣ здравствующій, маститый поэтъ, началъ свое литературное поприще не задолго до того времени, когда Воейковъ осмѣялъ его брата въ своей сатирѣ (см. 24-ю и 25-ю строфы).

Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ (род. 1767 г., скончался 1828 г.). Переводчикъ нестерпимыми стихами: Грея, Пиндара, Гезіода, Ѳеокрита и Сафо.

Гречъ, Николай Ивановичъ (род. 3-го августа 1787 г., скончался 12-го января 1867 г.). Съ 1807 по 1841 годъ редактировалъ до пятнадцати газетъ и журналовъ, изъ которыхъ „Сынъ Отечества“ (съ 1812) и „Сѣверная Пчела“ (съ 1825 г.) были въ свое время самыми распространенными органами русской печати. Хорошо образованный, обладая даромъ слова, Гречъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ литературномъ мірѣ онъ нажилъ себѣ много враговъ и ненавистниковъ; изъ нихъ Воейковъ былъ первымъ. Гречъ питалъ къ нему непреодолимое отвращеніе, болѣе какъ къ человѣку, нежели — писателю. Въ своихъ Запискахъ онъ посвятилъ довольно большой и весьма рѣзкій очеркъ біографіи Воейкова. (См. далѣе, стр. 621—643).

Грузинцевъ, Александръ Николаевичъ. Въ первые годы царствованія Александра I славился, какъ драматургъ и строгій послѣдователь классицизма. Изъ его трагедій имѣла особенный успѣхъ: „Эдипъ-царь“ (1812). Имъ-же были написаны поэмы: „Петриада“ и „Спасенная и освобожденная Россія“.

Д'Антесъ-Геккернъ, побочный сынъ голландскаго посланника Геккерна, кавалергардскій офицеръ, убившій на дуэли А. С. Пушкина. Высланный за границу, онъ служилъ во Франціи по дипломатической части и при Наполеонѣ III былъ сенаторомъ. Скончался незадолго до паденія своего властелина.

Жуковский, Василий Андреевичъ (род. 29-го января 1783 г., скончался 12-го апрѣля 1852 г.), знаменитый поэтъ и переводчикъ.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779 — 1831), баснописецъ не безъ дарованія, редакторъ журнала: „Благонамѣренный“. Называлъ себя „Теньеромъ“, намекая на свои басни во вкусъ фламандской школы: рѣдкая изъ нихъ безъ руготни или „мордобитія“. Его сатиры и эпиграммы очень грубоваты. Отличительною чертою Измайлова было добродушіе, за которое его многіе любили.

Бавелинъ, Димитрій Александровичъ. Былъ директоромъ педагогическаго института. Въ статьѣ г. Колбасина: „Воейковъ съ его сатирою Домъ Сумасшедшихъ“ („Современникъ“ 1859 г., т. LXXIII, стр. 284) онъ названъ директоромъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ. Печальная его дѣятельность, какъ сподручника Магницкаго, въ дѣлѣ профессоровъ петербургскаго университета, подробно изложена въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“ и въ книгѣ М. И. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при императорѣ Александрѣ I“.

Баразинъ, Василий Назаровичъ (род. 30-го января 1773 г., скончался 4-го ноября 1842 г.). Язвительныя выходки Воейкова не могутъ быть примѣнимы къ этому достойнѣйшему человѣку и гражданину, ознаменовавшему свою жизнь множествомъ заслугъ на пользу горячо любимаго имъ отечества. (См. его біографію, а также нѣкоторые его труды, напечатанные въ „Русской Старинѣ“, т. III, 1871 г., стр. 16—38; 326 — 366 и 700 — 723; т. IV, 68 — 79; 1872 г., т. V, 82—83; 661—669; изд. 1873 г., т. VII, 566—568; 228—235).

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (род. 1-го декабря 1765 г., скончался 22-го мая 1826 г.), стихотворецъ, журналистъ и исторіографъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сатиры Воейкова имя Карамзина смѣшано съ Каразинымъ и даже Катенинымъ.

Карлгофъ, Владиміръ Ивановичъ (скончался въ сороковыхъ годахъ). Любитель литературы, знакомецъ почти всѣхъ журналистовъ, авторъ нѣсколькихъ стихотвореній элегическаго содержанія и повѣстей. Романсъ Карлгофа: „Вотъ идутъ полки родные“ распѣвали во всѣхъ петербургскихъ гостинныхъ во время турецкой кампаніи 1829 г. Напусной байронизмъ былъ отличительною чертою и произведеній, и характера Карлгофа. Въ литературномъ кружкѣ ему дано было прозвище: „Кадета“.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775 — 1842), профессоръ московскаго университета редакторъ, и издатель „Вѣстника Европы“, отчаянный славянофилъ.

Козловъ, Иванъ Ивановичъ (род. 1784 г., скончался 1840 г.). Авторъ

поэмъ: „Чернецъ“, „Безумная“, „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова“. Переводчикъ многихъ стихотвореній Байрона, Мицкевича, Ламартина, Шенье и др. Помимо несомнѣннаго таланта, кроткаго и добродушнаго нрава, Козловъ пользовался глубокимъ сочувствіемъ первоклассныхъ литераторовъ (Жуковскаго, Пушкина и др.) и покровительствомъ аристократіи. Онъ былъ слѣпъ и разслабленъ.

Ковошкинъ, Федоръ Федоровичъ (род. 1773, сконч. 1846 г.), переводчикъ „Мизантропа“ и авторъ многихъ комедій; пользовался репутаціею знатока театра. Отличная характеристика его въ „Воспоминаніяхъ П. А. Каратыгина“ („Русск. Стар.“, изд. 1873 г., стр. 153—155).

Брасовскій, Александръ Ивановичъ († 1857 г.), тайный совѣтникъ; сначала цензоръ, потомъ предсѣдатель комитета цензуры иностранной. Его біографія и Записки напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (см. т. IX, 1874 г., стр. 126—140).

Бутузовъ, см. Голенищевъ-Бутузовъ.

Ливенъ, князь Карлъ Андреевичъ, министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ I.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ (род. 23-го апрѣля 1778 г., скончался въ Одессѣ 21-го ноября 1844 г.). Окончивъ курсъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, служилъ въ военной службѣ и, достигнувъ капитанскаго чина, перешелъ въ гражданскую (1797 г.). Два года состоялъ при вѣнскомъ посольствѣ, потомъ былъ причисленъ къ парижской миссіи. Въ 1803 г. былъ опредѣленъ начальникомъ экспедиціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Черезъ семь лѣтъ, онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и статсъ-секретаремъ. Въ 1812 г., его, вмѣстѣ со Сперанскимъ, постигла опала. тяготѣвшая надъ нимъ до 1816 г. Затѣмъ онъ былъ, послѣдовательно, вице-губернаторомъ въ Воронежѣ, губернаторомъ въ Симбирскѣ, попечителемъ казанскаго учебнаго округа и сохранялъ это званіе до 5-го мая 1826 г. Шесть лѣтъ жилъ въ Одессѣ, потомъ былъ принужденъ (за доносъ на князя М. С. Воронцова) временно переселиться въ Ревель... Умеръ въ Одессѣ, оставивъ по себѣ ту же самую память, какая неразлучна съ именемъ Аракчеева. По своей части, по крайней мѣрѣ, Магницкій былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Аракчеевъ въ государственной администраціи. Одновременно рабъ и деспотъ, одержимый мракобѣсіемъ, зараженный эпидеміею ханжества, которая въ эпоху служебной его дѣятельности свирѣпствовала въ высшихъ слояхъ русскаго общества, Магницкій прославился тайными извѣтами и явными доносами на всѣхъ и на каждого, чьи мнѣнія не сходились съ его инквизиторскими воззрѣніями на религію, и на власть на просвѣщеніе. Задуманный его другъ.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза, посвятилъ его памяти панегирикъ (см. „Р. А.“ 1868 г., стр. 926—938), въ которомъ выставляетъ его праведникомъ. Кромѣ А. С. Стурдзы, Магницкѣй пользовался расположеніемъ архимандрита Фотія и т. п.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ (род. 1778, † 26-го іюля 1830 г.). Сынъ небогатаго Далматовскаго купца, былъ профессоромъ московскаго университета; замѣчательный поэтъ, ораторъ и критикъ. Его стихотворенія, въ свое время, пользовались большою извѣстностью, а переведенный имъ съ французскаго романсъ о Велисаріи („Малютка, племъ нося, просилъ“), переложенный на музыку слѣпымъ отъ рожденія Жилинымъ, прославился по всей Россіи, наравнѣ съ его оригинальною пѣснею: „Среди долины ровныя“. Собраніе стихотвореній Мерзлякова было, въ 1867 году, издано Обществомъ Любителей Русской Словесности.

Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (род. 1763 г., скончался въ октябрѣ 1827 г.). Окончивъ курсъ въ рязанской семинаріи, поступилъ въ московскій университетъ (1779 г.), пользовался покровительствомъ Н. И. Новикова и И. В. Лопухина; на счетъ „мартинистовъ“ вмѣстѣ со студентомъ Колокольниковымъ докончилъ образованіе за границею. Замѣшанный въ процессъ мартинистовъ, Невзоровъ подвергся преслѣдованіямъ. Впослѣдствіи оправданный, онъ прилежно занялся литературою; писалъ плохіе вирши и издавалъ журналъ: „Другъ Юношества“. (См. письма его и Колокольникова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., т. IX).

Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ (род. 1789 г., скончался 9-го іюля 1836 г.), былъ попечителемъ дерптскаго университета и харьковскаго учебнаго округа (1825 г.); писалъ подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго Авторъ: „Монастырки“, „Черной Курицы“, и „Украинскихъ вечеровъ“. Къ нему относится строфа, начинающаяся стихами:

Вотъ, на япцахъ насѣдкой

Сидя, влохчетъ сумасбродъ, и т. д.

Подъ „вуклю“ Воейковъ подразумѣвалъ повѣсть его, гдѣ играетъ роль вукла; „насѣдка“, „черный воть“, „обезьяна“—намекы на прочія произведенія Перовскаго, писателя несомнѣнно талантливаго.

Перовскій, графъ Василій Алексѣевичъ, былъ впослѣдствіи Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ. Къ нему относятся тольбо два стиха „о Варнѣ“, слѣдующіе же два „объ удѣлахъ“—къ Льву Алексѣевичу, наконецъ послѣдніе „о франтѣ Московскомъ“—къ Алексѣю Алексѣевичу, о которомъ выше былъ еще куплетъ. Все это лишь вторая эпиграмма на Алексѣя, при чемъ похвалены два другіе брата мимоходомъ; оба они были покровителями Воейкова.

Перовскій, графъ Левъ Алексѣевичъ, (родился въ 1794 году, скончался 10-го ноября 1856 года въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, въ званіи министра удѣловъ и управляющаго кабинетомъ его величества). Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, Перовскій, съ 1811 по 1823 годъ, находился въ военной службѣ, участвуя во всѣхъ кампаніяхъ, прославившихъ русское оружіе въ 1812—1815 годахъ. Затѣмъ, посвятивъ себя службѣ гражданской по удѣльному вѣдомству, былъ попережѣнно вице-президентомъ (1829 г.) департамента удѣловъ, товарищемъ министра, членомъ государственнаго совѣта (1840 г.), министромъ внутреннихъ дѣлъ (1841 г.), а потомъ министромъ удѣловъ. Дѣятельность его, какъ министра была, ознаменована, помимо искорененія нѣкоторыхъ злоупотребленій, многими благодѣяніями бѣднѣйшему люду столицы и возможными улучшеніями его быта.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (род. 1796 г., сконч. 22-го февраля 1846 г.). Даровитый и разнообразный писатель, занимавшій почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Первый изъ русскихъ журналистовъ успѣшно отстаивалъ школу романтиковъ отъ нападковъ классиковъ; былъ издателемъ „Московского Телеграфа“ (1825—1834); историкъ, романистъ, драматургъ, критикъ. (См., между прочимъ, о немъ въ „Русской Старинѣ“, т. IV, 1871 г., стр. 498; 674—681).

Поповъ, Василій Михайловичъ, тайный совѣтникъ, бывшій директоръ департамента народнаго просвѣщенія; въ маѣ 1838 года былъ сосланъ въ Казань за участіе въ сектѣ Татариновой.

Руницъ, Дмитрій Павловичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій попечитель петербургскаго университета. Клевретъ Магницкаго. Обширное собраніе его бумагъ и переписка съ нимъ разныхъ лицъ находятся въ распоряженіи ред. „Русской Старинѣ“.

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ (1787 — 1839 г.). Основалъ и редактировалъ „Отечественныя Записки“ (1818—1830 г.).

Сенковскій, Осипъ Ивановичъ (1800 — 1858 г.), извѣстный въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ „барона Брамбеуса“. Сей и онъ (его прозвище въ сатирѣ)—намекъ на полемику, возникшую въ журналахъ по поводу употребленія этихъ мѣстоимѣній. Этотъ вопросъ былъ поднятъ Сенковскимъ. Подобно Булгарину, полякъ по происхожденію, Сенковскій завоевалъ себѣ видное мѣсто въ русской литературѣ, особенно въ бытность свою редакторомъ „Библиотеки для Чтенія“ и „Энциклопедическаго Лексикона“—Плюшара. Ориенталистъ, археологъ, энциклопедически образованный, остроумный, Сенковскій въ критикахъ своихъ отличался беззащитностью съ публикой, а въ

статьяхъ ученыхъ—искусствомъ мистифировать малограмотныхъ людей, превращая кафедру науки въ балаганный балконъ.

Сладковский. Авторъ поэмы „Петръ Великій“. Стихи, приведенные Воейковымъ, взяты изъ подлинника.

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ († 1857 г.), издатель „Библиотеки для Чтенія“ и множества книгъ, особенно по отдѣлу изящной словесности. Въ тридцатыхъ годахъ его книжный магазинъ былъ, можно сказать, литературной биржей и мѣстомъ сходбища нашихъ литературныхъ знаменитостей. Разоренный неудачными спекуляціями, на которыя его подбивали „добрые приятели“, Смирдинъ умеръ почти въ нищетѣ. Каталогъ его библиотеки донинѣ служитъ руководствомъ для нашихъ библиографовъ.

Соколовъ, Петръ Ивановичъ. Секретарь Россійской Академіи. „Осударъ“—была его поговорка. Задѣтый за живое сатирою, онъ отвѣчалъ Воейкову формальнымъ на него доносомъ, подобно Магницкому и Руничу.

Станевичъ—личность мало извѣстная при жизни и еще того менѣ послѣ смерти. Признанная бездарность.

Строевъ, Владиміръ Михайловичъ, родной братъ нашего извѣстнаго археолога и археографа. Родился въ 1811 г., скончался въ Петербургѣ 6-го іюля 1862 г. Литературный труженикъ и одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ съ французскаго (романы Евгенія Сю и Ал. Дюма). Въ тридцатыхъ годахъ былъ театральнымъ рецензентомъ въ „Сѣверной Пчелѣ“. Хорошо образованный и умный, Строевъ никогда, однако, не умѣлъ себя поставить передъ редакторами періодическихъ изданій на такую ногу, чтобы внушить имъ къ себѣ уваженіе; бѣдность подавляла въ немъ самолюбіе, крайность доводила до униженія.

Темира, см. Вейдемейеръ.

Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ (1757—1835 г.), въ одинаковой степени страстный и бездарный любитель словесности, испытывалъ свои силы во всѣхъ родахъ и ни въ одномъ не имѣлъ успѣха. Страсть къ стихотворству была настоящей маніей Хвостова, но безжалостны были зоицы бѣднаго стихоплета. Надъ нимъ глумились и издѣвались всѣ: отъ Пушкина до послѣдняго мальчишки въ книжной лавкѣ. Единственными читателями графа были его паразиты и льстецы (онъ былъ сенаторъ и имѣлъ значительныя связи), этимъ путемъ выманивавшіе у самолюбиваго графа покровительство и деньги Хвостовъ убилъ бѣольшую часть своего состоянія на печатаніе своихъ сочиненій (нѣсколько десятковъ томовъ); самъ же ихъ покупалъ „инкогнито“ или чрезъ своихъ слугъ, дарилъ ихъ знакомымъ, жертво-

валъ въ казенныя библіотеки. Помимо печальной знаменитости безталаннаго труженика, графъ Хвостовъ оставилъ по себѣ память чело-вѣка незлобиваго, младенчески довѣрчиваго. Въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ находится обширный архивъ графа Хвостова, заключающій, кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, письма многихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Хвостова, графиня. Супруга графа Димитрія Ивановича, рожденная княжна Горчакова.

Шаликовъ, князь Петръ Ивановичъ (1768 — 1852 г.), издатель „Дамскаго Журнала“, сантиментальный поэтъ, единственный соперникъ, но и почитатель графа Хвостова.

Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ, одинъ изъ составителей цензурнаго устава 1826 года, отиѣвеннаго уставомъ 1828 года. Онъ служилъ при Шишковѣ во время бытности его министромъ народнаго просвѣщенія (1824 года).

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1753—1841 г.). Министръ народнаго просвѣщенія (1824 г.). Извѣстный писатель, составитель многихъ манифестовъ императора Александра II; приверженецъ допетровской старины и страстный славяно-и-русофилъ.

Шишкова, его супруга, рожденная Лабаржевская.

Ред.

II.

Напечатать полнѣйшій, со всевозможными вариантами, списокъ сатиры «Домъ Сумасшедшихъ», мы считаемъ необходимымъ, именно вслѣдъ за нимъ, помѣстить того же Воейкова: «Парнасскій Адресъ-Календарь»¹⁾. Это сатирическое произведение (въ прозѣ) написано имъ позже первой редакціи «Дома Сумасшедшихъ» (1814 г.), а именно не ранѣе 1818 года; видно же это изъ того, что Кюхельбекеръ, о которомъ говорится въ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ», сталъ приобретать нѣкоторую извѣстность въ литературѣ только въ 1818 и 1819 годахъ.

Парнасскій Адресъ-Календарь.

1818 — 1820.

(Парнасскій Адресъ-Календарь, или Роспись чиновныхъ особъ, служащихъ при дворѣ Феба и въ нижнихъ земскихъ судахъ Геликона, съ краткими замѣчаніями объ ихъ жизни и заслугахъ. Собрано изъ достовѣрныхъ источниковъ, для употребленія въ благошляхетномъ Арзамасскомъ обществѣ).

1. И. И. Дмитріевъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. По прошенію уволенъ отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ пошеніемъ лавроваго вѣнка.

2. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, дѣйствительный поэтъ, чрезвычайный и полномочный посолъ царя Парнаскаго при дворѣ царицы Паеосской, имѣеть на головѣ миртовой вѣнокъ и лавровый листъ въ петличкѣ, съ надписью: «за переводъ Заиры».

3. Кн. Д. П. Горчаковъ, дѣйствительный поэтъ, экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства, имѣеть въ петличкѣ лавровый листъ, съ надписью: «за сатиры».

4. К. Н. Багшюевъ, дѣйствительный поэтъ, стольникъ Музы, оберъ-камергеръ Грацій.

5. Д. В. Дашковъ, министръ юстиціи, комитета для пересмотра вновь выходящихъ книгъ, уголовной литературной палаты и комитета о наблюденіи православія въ слогѣ, первоприсутствующій.

6. Кн. П. А. Вяземскій, министръ полиціи, главноуправляющій смиренными заведеніями для завистниковъ, вралей и бездѣльниковъ.

7. Д. Н. Блудовъ, государственный секретарь бога Вкуса при отдѣленіи хорошихъ сочиненій отъ бессмысленныхъ и клейменіи сихъ послѣднихъ печатью отверженія; находится на теплыхъ водахъ, для излеченія отъ простудной лихорадки, которую получилъ онъ на Липецкихъ Водахъ.

8. Д. В. Давыдовъ, дѣйствительный поэтъ, генераль-адъютантъ Аполлона при перепискѣ Вакха съ Венерою.

¹⁾ Онъ былъ уже напечатанъ въ «Р. А.» 1866 г., стр. 760, при чемъ ошибочно отнесенъ къ 1816 году. Въ виду небольшого объема этого «Календаря» и тѣсной связи его съ предыдущей сатирою, которую онъ какъ бы дополняетъ, вывода уже не однихъ только сумасшедшихъ, — мы его вновь печатаемъ.

9. Д. И. Барановъ, акредитованный переводчикъ 1-го класса. Находится при выдачѣ за золото иностранныхъ писателей равной суммы русскою ходячею монетою.

10. М. Т. Каченовскій, великій государственный архивариусъ, хранитель древней пыли, оберъ-банщикъ торговыхъ Гипповренскихъ банъ, безсмѣнный членъ баннаго строенія, церемоніймейстеръ передбанниковъ, ордена бани кавалеръ; имѣеть черезъ плечо вѣвчикъ на лыкѣ¹⁾.

11. Вильгельмъ Кюхельбекеръ, хирургъ изъ Нѣмчинъ, заготовляетъ изъ стихотвореній своихъ для Феба промывательное.

12. Николай Иванчинъ-Писаревъ, по горной части, при переплавкѣ свинцовыхъ Мерзлякова стиховъ въ свои.

13. А. О. Мерзляковъ, придворный карапузикъ, великій раздаватель галиматы.

14. О. О. Кокоскинъ служитъ знакомъ удивленія при великомъ раздавателѣ галиматы.

15. В. В. Измайловъ, дѣйствительный явный галломанъ, чувствительный писатель 1-го класса, помѣщенъ на вакансію Ж. Ж. Руссо, при рескриптѣ, въ которомъ сказано: «на безрыбьи и ракъ рыба!» Пользуется привилегією выпускать въ Благовѣщенье изъ клѣтокъ чижиковъ и завѣдываетъ департаментомъ истерикъ.

16. С. Н. Глянка снабжаетъ отхожіи кабинеты патріотической Русской Музы мягкою бумагою.

17. Максимъ Невзоровъ, за сумасшествіемъ, употребленъ при московскомъ университетѣ.

18. Евстафій Станевичъ, академикъ и бесѣдистъ. За ревностные труды, по части злословія, совѣтъ Музъ добавилъ къ его фамиліи недостававшую литеру «и повелѣлъ ему впредь и слыть, и быть Сатаневичемъ.

19. А. Н. Грузинцовъ, 12-го класса. За малолѣтствомъ отпущенъ въ домъ родителей доучиться читать и писать.

20. Кн. Шаховскій, придворный дистилаторъ; составляетъ самый лучший опиумъ для придворнаго и общественнаго театра. Имѣеть привилегію писать безъ вкуса и толку.

21. Кн. П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокига, князь вралей; находится при составленіи изъ канарейшныхъ яицъ для Феба яшницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ.

22. Н. Грамматинъ, ветошникъ русскихъ писателей; перекраиваетъ новыя пьесы изъ старыхъ доскутьевъ и перекрашиваетъ въ свои чужія поношенныя стихотворенія.

23. Городчаниновъ, сорокъ лѣтъ находится при составленіи экспромпта на взятіе графомъ Минихомъ города Гданска.

24. Таушевъ, винный приставъ.

25. Кн. Козловскій, при дополненіи календаря объяденія.

26. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, великій усыпитель двора его парнаскаго величества; обязанъ просиживать ночи безъ сна для усыпленія читателей.

¹⁾ Каченовскій напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1810 г. (ч. 49, № 1, стр. 60 и ч. 54, № 23, стр. 218): «Исслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ».

27. Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій, употребленъ по части народнаго просвѣщенія; сочиняетъ историческое похвальное слово покойному Ерофеичу и исчисляеть, сколько азовъ употребилъ въ сочиненіяхъ своихъ Аристотель.

28. П. Ю. Львовъ, для увеселенія важныхъ музъ, пускаетъ огромные мыльные пузыри и прогуливается на ходуляхъ по болоту; въ грѣхъ зачинаеть и родитъ въ беззаконіи.

29. А. М. Пушкинъ, служить при нагрузкѣ Расиновыхъ и Мольеровыхъ сочиненій балластомъ.

30. В. Л. Пушкинъ, при водяной коммунизаціи, имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра, съ надписью: «за Буянова».

31. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, бесѣдистъ, почетный членъ общества завистливыхъ, обучаетъ змѣй пресмыкаться по книгѣ, которая есть плодъ его долговременныхъ опытовъ.

32. Карабановъ, именитый стихотворецъ, долженствующій всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько пьесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоого пола.

33. Кн. С. Шихматовъ, бесѣдистъ; членъ противной стороны здравому разсудку, пишетъ невѣдомо что, невѣдомо для кого; сочинитель пѣсенъ, которыхъ никто не поетъ, и книгъ, которыхъ никто не читаетъ.

34. Жихаревъ, эксъ-бесѣдистъ, нынѣ членъ Арзамасскаго общества, снова вступилъ въ управленіе умомъ и вкусомъ.

35. Статскій совѣтникъ Яценко, тайный издатель, по секрету славный писатель, выпускаетъ изъ себя Духъ Журналовъ.

36. Д. И. Языковъ. З¹⁾ его величества.

37. Гр. Д. И. Хвостовъ, оберъ-дубина Феба въ рангѣ провинціального секретаря; обучаетъ ипокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи.

38. А. С. Шишковъ, патріархъ старообрядцевъ, главный директоръ раскольничьяго книгохранилища; на шеѣ носитъ шишъ на пестрой тесьмѣ, а въ петлицѣ—раскольничью бороду на голубой лентѣ; перелагаетъ въ стихи Стоглавъ и Бормчую книгу.

39. Макаровъ, 14-го класса, издатель Журнала для милыхъ; управляетъ департаментомъ шлифованія на московскихъ улицахъ камней.

40. Катенинъ, царскій постельничій; обязанъ каждый вечеръ подходить къ постели Феба и говорить ему изъ своего Расинова перевода: «ты дремлешь, владыко! владыко, ты дремлешь!» по утру же привѣтствовать царя Музъ сими словами: «сице, сице, вѣсы въ твоей десницѣ!»

41. А. О. Воейковъ, избранъ совѣтомъ нѣмецкаго университета въ профессора россійской элоквенціи, переводчикъ дидактическихъ поэмъ; по именному указу Аполлона, послѣдовавшему по прочтеніи Русскихъ Садовъ его, выворачиваетъ на изнанку Виргиліевы Георгіи. Избранъ въ члены Бесѣды и Академіи.

42. Висковатовъ, при театральной дирекціи; членъ комиссіи для сочиненія проекта смѣшить Музъ трагедіями.

43. И. А. Крыловъ, дѣйствительный поэтъ 1-го класса. Придворный проповѣдникъ, имѣетъ лавровый вѣнокъ и входитъ къ его парнасскому величеству безъ доклада.

¹⁾ Онъ писалъ и печаталъ, не употребляя буквы з.

44. Михайло Милоновъ, дѣйствительный поэтъ.	} Юнкеры при разныхъ министерствахъ.
45. И. Иванчянъ-Писаревъ.	
46. Сокольскій	
47. Глѣбовъ	
48. Араповъ	
49. Аполонскій.	
50. Росляковъ	

III

Булгаринъ, Гречъ и Полевой.

1828.

I.

О мирѣ, заключенномъ между издателемъ „Московского Телеграфа“ и издателями: „Сѣверной Пчелы“, „Сына Отечества“, „Сѣвернаго Архива“, „Дѣтскаго Собесѣдника“ и прочая, и прочая.

Сновидѣнiе.

Въ V-й книжкѣ 1828 года, на стр. 94 и слѣдующихъ «Московского Вѣстника», напечатано объ этомъ весьма любопытное извѣстiе. Мы выписываемъ его отъ слова до слова.

«Къ числу замѣчательныхъ явленiй въ «Телеграфѣ» прошедшаго года принадлежить торжественное его примиренiе съ «Сѣверною Пчелою», «Сыномъ Отечества» и «Сѣвернымъ Архивомъ», послѣ двухлѣтней, безпрерывной, неутомимой войны, славной въ лѣтописяхъ русской журнальной полемики, но пятнающей исторiю русскаго журнализма, какъ часть исторiи нашей словесности. Въ началѣ 1827 года сiя война была еще во всей силѣ: еще горѣли раны, нанесенныя «Телеграфу» знаменитыми Сирами Барскими и Грипусею, и памяты были «Сыну Отечества», «Сѣверной Пчелѣ» и «Сѣверному Архиву» обиды задорнаго Матюши. Еще въ началѣ прошлаго года (1827), отрицали всѣ права гг. Греча и Булгарина на званiе достойныхъ писателей, а въ журналахъ сѣверныхъ равномѣрно отвергали всѣ достоинства издателя «Телеграфа». Наконецъ, преисполнилась мѣра терпѣнiя и сподвизавшихся на полѣ ратномъ, и зрителей: послѣдовало молчанiе; вскорѣ, послѣ прелиминарныхъ похвалъ, утверждень мирный договоръ, и «Грамматика» г. Греча была точною соединенiя. Признаны права взаимно обѣими сторонами: не знаемъ навѣрно всѣхъ статей сего договора; но, вѣроятво, одвою изъ нихъ было взаимное условiе — хвалить другъ друга. Вслѣдствiе сего, утихли бранные крики «Сѣверной Пчелы» и начинаются по немногу (для соблюденiя приличiй) похвалы «Телеграфу». Вслѣдствiе сего, г. Гречъ признанъ въ «Телеграфѣ» отличнѣмъ прозаикомъ, а г. Булгаринъ — литераторомъ, подающимъ о себѣ большiя надежды, и сочиненiя его разобраны весьма умѣренно и пройдены молчанiемъ всѣ ихъ недостатки. Миръ совершенъ! Да отдохнуть читатели! Кто изъ истинныхъ любителей просвѣщенiя не пожелаетъ, однако, чтобы впредь не возобновлялись подобныя распри, недостойныя литераторовъ, — распри, въ которыхъ люди невоздержные, подстрекаемые мелкимъ самолюбiемъ, жалко

„РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. IX, 1874 Г. МАРТЬ.

издѣвался другъ надъ другомъ, обличая другъ друга въ невѣжествѣ, осмѣливаясь посягать даже на личность неприкосновенную, смѣшать полуобразованных охотниковъ до пѣтушскихъ боевъ въ литературѣ и отвращаютъ отъ себя просвѣщенныхъ любителей истины>.....

Издатель «Славянина», прочитавъ сей отрывокъ М. В., заснулъ: ибо тогда было уже 12 часовъ ночи — и исполненный описаніемъ журнальнаго мира, видѣлъ сонъ, который, ради шутки, здѣсь печатаеть.

Ему снилось, что сей миръ заключенъ не чрезъ уполномоченныхъ, но на конгрессѣ, на которомъ воюющіе журналисты самолично присутствовали. Для засѣданій нарочно отдѣланъ былъ залъ во 100 аршинъ вышины отъ пола до купола ¹⁾. Люстра, въ немъ повѣшенная, содержала 336 трубочекъ, изъ коихъ каждая давала по три свѣта, что все вмѣстѣ составляло 1,008 свѣтовъ ²⁾. Другой залъ, примыкавшій къ первому, который малымъ тѣмъ уступалъ въ вышинѣ Хеопсовой высочайшей пирамидѣ ³⁾, былъ не менѣе чуденъ: онъ имѣлъ только 10 аршинъ въ вышину отъ пола до варниза, хотя въ немъ устроена была галерея, куполь и окна въ два яруса ⁴⁾.

Ему грезилось, будто бы, по благополучномъ подписаніи предварительныхъ пунктовъ, данъ былъ великолѣпный обѣдъ, за коимъ подавались: римской огурецъ ⁵⁾; жареный ракъ ⁶⁾; оригинальный желѣзный горшокъ съ

¹⁾ «Отечественныя Записки» П. П. Свиньина 1821, ч. V, стр. 378—386, въ статьѣ: «Санктпетербургскія современныя лѣтописи». «Литературныя Листки» О. В. Булгарина, 1823, стр. 25. А. О. Воейковъ.

²⁾ Тамъ же и на тѣхъ же страницахъ. А. В.

³⁾ Египетская сія пирамида, по измѣренію О. В. Булгарина, имѣетъ 205 аршинъ высоты. А. В.

⁴⁾ «Отечественныя Записки» П. П. Свиньина 1821, книжка XLII, «Лит. Листки» г. Булгарина 1823, стр. 51. А. В.

⁵⁾ «Литературныя Листки» О. В. Булгарина 1823, стр. 25.

«Васъ удивляетъ, что наша зала во второмъ этажѣ имѣетъ 100 аршинъ, т. е. 33¹/₂ сажени (по увѣренію П. П. Свиньина, «Отеч. Зап.» 1821, ч. V, стр. 378—386), въ вышину, когда вышина всего дома отъ основанія до кровли едва-ли имѣетъ 15 сажень. Вспомните, что И. А. Крыловъ сказалъ въ своей Баснѣ:

«Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ;

Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору;

Повѣришь-ли? ну, право, онъ былъ съ гору!»

А. В.

⁶⁾ При «Сѣв. Пчелѣ» 1825, № 132, оттиснуть гравированный ракъ, подъ которымъ помѣщенъ краткій «Телеграфическій Словарь» (т. е., словъ десятковъ пять, не въ попадъ переведенныхъ съ франц. Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ, изд. «Моск. Телеграфа»). Статья сія, подъ заглавіемъ: «Созвѣдіе рака», заключается слѣдующею выходкою:

«Вотъ не многіе обрашки знаній и искусства тѣго журналиста (Н. А. Полева), который въ другомъ примѣняетъ эмблему рака. Да будетъ же ракъ девизомъ сего поборника просвѣщенія. Этьеннъ Грипусье. Сирь Барскіе. Гюй зю Буссиколь».

А. В.

картофелемъ ¹⁾; столъ, вмѣсто скатерти, накрытъ былъ золотымъ сукномъ ²⁾; гремѣла

Музыка со всѣхъ полковъ;
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были ³⁾.

Къ столу были приглашены мясникъ-Астрономъ, извощикъ-Метафизикъ, портной-Механикъ, сапожникъ-Архитекторъ. Они показывали свои штуки гостямъ, которые съ изумленіемъ удивлялись доморощеннымъ гениамъ. Особенное обратилъ на себя вниманіе живущій въ большой Рыбацкой природный живописецъ, который пишетъ портреты наизусть, по разсказу и изъ памяти. Онъ разсказалъ, что написалъ недавно портретъ одного умершаго купца ⁴⁾, по просьбѣ его жены, три мѣсяца спустя по его кончинѣ. Всѣ, не видавшіе его никогда при жизни, удивлялись сходству и восхищались работою ⁵⁾. Всѣхъ же болѣе принесъ удовольствія соединеннымъ журналистамъ англійскій путешественникъ Гольманъ, англичанинъ и слѣпой. Онъ ⁶⁾ человекъ лѣтъ 25-ти, пріятной наружности и путешествуетъ для любопытства: все замѣчаетъ, все осматриваетъ. Гольманъ съ легкостью узналъ бюсты Петра Великаго, Екатерины II, Румянцова, Суворова, Кутузова, Долгорукова, Ломоносова, Державина, а это тѣмъ затруднительнѣе, что иные изъ нихъ мраморные, другіе — бронзовые, третьи — гипсовые ⁷⁾.

Ему видѣлось такъ живо, какъ на яву, что когда поданы кубки и шампанское заискрилось въ хрусталѣ, тогда всталъ Ѳаддей Венедиктовичъ и громко провозгласилъ басню, соч. А. Е. Измайловымъ: «Павлушка Мѣдный лобъ» и проч. ⁸⁾; послѣ сего другой литераторъ произнесъ изъ «Лит. Листковъ» 1823, стр. 34, слѣдующій отрывокъ ⁹⁾:

«Какъ жаль, что я не одаренъ отъ природы микроскопнымъ взоромъ, съ которымъ нѣкоторые писатели столь искусно отыскиваютъ необыкновенное въ обыкновенномъ, великое въ маломъ. Я бы также устремился на попроще открытій и изысканій въ физическомъ и моральномъ мірѣ; отыскалъ бы геніевъ и описывалъ бы чудеса искусства на всякой улицѣ. Но пока найдется къ сему удобный случай, я примусь за другое средство, чтобы льстить самолюбію современниковъ. Отнынѣ, не пропущу ни одного гулянья за городомъ и подъ качелями, стану на распутьѣ, запишу имена всѣхъ властителей экипажей и напечатаю оныя съ громкими похвалами ихъ вкусу и разборчи-

¹⁾ «Отеч. Записки» П. П. Свинына 1824, ноябрь и декабрь. «Лит. Листки» г. Булгарина 1824, ч. IV, стр. 165. А. В.

²⁾ «Сѣверная Пчела» 1825, № 18. А. В.

³⁾ «Лит. Листки» 1823, стр. 37. А. В.

⁴⁾ «Отеч. Записки» П. П. Свинына 1823, № XXXIII, стр. 14 и 15. А. В.

⁵⁾ «Лит. Листки» 1824, стр. 52. А. В.

⁶⁾ 1823, № 38, стр. 401 «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свинына. «Лит. Листки» Ѳ. В. Булгарина 1824, стр. 53. А. В.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 54. А. В.

⁸⁾ «Сѣверные Цвѣты» 1824 года, стр. 92. А. В.

⁹⁾ Сей отрывокъ вновь напечатанъ въ 1828 году въ сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина. Доказательство, что сей писатель о многихъ предметахъ и лицахъ не перемѣнилъ своего образа мыслей. А. В.

вості. Наконецъ, буду описывать петербургскія забавы высшаго общества, балы, маскарады, завтраки, обѣды и ужины, особенно тѣ, на которые меня позовутъ или на коихъ я буду присутствовать, хотя незваный. Стану прославлять художниковъ и ремесленниковъ, которые снабдятъ меня существеннымъ доказательствомъ ихъ искусства и трудолюбія, и пріятелей, которые захотятъ способствовать продажѣ моего журнала. Такимъ образомъ промышленяють издатели des petites affiches de Paris (малыхъ парижскихъ афишъ), но только подъ скромнымъ названіемъ. Я, напротивъ того, назову мои афиши современными дѣтописями, придамъ моимъ извѣстіямъ историческую важность, и увѣренъ, что эта спекуляція мнѣ удастся.

Чтець умолкъ — и мнѣ во снѣ слышался громкій хохотъ, рукоплесканіе, и какихъ небыллицъ не пригрезится! громогласное восклицаніе пирующихъ: «Не въ бровь, а прямо въ глаз!»

Гости прошли въ садъ, гдѣ

Мужикъ,

Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ:

Софронъ Егоровичъ Куликъ,

Жена его Матрена,

Да Таня маленькая дочь,

Спускали шаръ воздушный,

Которой былъ въ объемѣ съ полверсты ¹⁾.

Пиршество заключилось питьемъ за здоровье хозяина, который визвимъ поклономъ благодарилъ почтеннѣйшихъ своихъ гостей — московскихъ и петербургскихъ и примовилъ нѣжно улыбаясь:

Господа!

Витъ надобно-жъ прикрасить иногда!

Тутъ я проснулся и, не хватая себя за голову, опрометью бросился къ письменному столу и набросалъ на бумагу то, что вы здѣсь читали.

2.

Прелиминарныя статьи мира между издателями „Сына Отечества“, „Сѣвернаго Архива“, „Сѣверной Пчелы“ и „Дѣтскаго Собесѣдника“ и издателемъ „Московского Телеграфа“, съ замѣчаніями посторонняго дипломата.

Мы, Гречъ, Булгаринъ и Полевой, желая прекратить чернилопролитную войну, столь долго опустошавшую наши журналы, и доставить обоимъ сторонамъ нашимъ подписчикамъ выгоды, простекающія изъ помѣщенія въ журналы, вмѣсто взаимныхъ нашихъ уликъ въ невѣжествѣ, статей пріятныхъ и полезныхъ, заключили миръ до первой побранки на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

Статья первая.

Издатель «М. Т.» обязывается за себя и за преемниковъ и союзниковъ своихъ хранить о «Россійскихъ Граматикахъ Г. Греча», изданныхъ и впредь имѣющихъ быть изданными, глубокое молчаніе, а если совѣсть не зазритъ, то и похвалить ихъ.

¹⁾ «Сѣверные Цвѣты» 1824, стр. 92 и 93.

Ст. II. Во взаимство чего, мы, Гречъ и Булгаринъ, отступаемся на вѣчныя времена отъ «Французско-Россійскаго Словаря», соч. Татищевымъ и изданнаго въ С.-Петербургѣ Иваномъ Глазуновымъ, и если нужно будетъ, то, смотря по обстоятельствамъ, общаемся стараться ввести въ употребленіе таковой же «Словарь», изданный въ Москвѣ книгопродавцемъ Ширяевымъ.

Ст. III. Издатель «М. Т.» за себя и за преемниковъ своихъ отрекается отъ правила, которымъ онъ до сего времени руководствовался, которое напечатано въ особомъ Прибавленіи къ «М. Т.» на стр. 2-й и 3-й, и здѣсь включается подлинникомъ: «Чуждый всѣхъ литературныхъ партій, я постоянно излагаю мое мнѣніе о всѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, говорю, что знаю, что мнѣ кажется, совѣтуюсь съ тѣми, на кого надежно могу положиться. Если въ ошибкахъ могутъ упрекать меня, то, конечно, никто изъ людей непредубѣжденныхъ не упрекнетъ меня въ пристрастіи»¹⁾.

Ст. IV. Отъ дня ратификаціи сего трактата, «критики должны писаться по вѣрному правилу товарищества и критикующіе — подавать взаимную помощь другъ другу»²⁾.

Ст. V. Издатели «Сѣв. Пчелы» обязываются всѣми зависящими отъ нихъ средствами увѣрить рос. публику въ томъ, 1) что издатель «М. Т.» имѣетъ глубокія свѣдѣнія агрономическія, астрономическія, юридическія, археологическія, медико-хирургическія, историческія, статистическія, минералогическія, ботаническія, зоологическія, анатомическія, физическія, химическія, тактическія, стратегическія, мнѣологическія, географическія, въ искусствѣ артиллерійскомъ, инженерномъ, мореплавательномъ, въ математикѣ чистой и прикладной, въ технологіи и всѣхъ другихъ наукахъ, искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ. 2) Что онъ гораздо по-санскритски, по-арабски, по-вавилонски, мидійски, халдейски, еврейски. 3) И что изъ него издатели *Revue Encyclopédique* переводятъ ученые критическіе разборы иностранныхъ книгъ.

Примѣчаніе. Г. Булгаринъ принимаетъ на себя ходатайствовать о возведеніи Сировъ Барскихъ въ дворянское достоинство государства Индѣоранціи, гдѣ онъ при дворѣ въ большой силѣ³⁾.

Ст. VI. Издатель «М. Т.» общается никогда не упоминать о томъ⁴⁾, 1) что г. Булгаринъ побѣжденъ В. М. Федоровымъ; 2) что въ опытахъ профессора В. М. Перевощикова совсѣмъ нѣтъ стиховъ, хотя О. В. и критиковалъ оныя; 3) что издатели «С. О.» несправедливо напали на «Кальеона», поэму В. Н. Олины, 4) и особенно стараться истинить (sic) изъ памяти народной нелѣпности, находящіяся въ статьяхъ г. Булгарина объ операхъ и концертахъ. Напр., о грудномъ басѣ, о гармоническомъ инструментѣ, въ которомъ звуки понижаются или возвышаются посредствомъ педалей⁵⁾.

Ст. VII. Въ явнѣе доказательство своего искренняго желанія упочить миръ, издатель «М. Т.» общается достать рыбы харіуга⁶⁾ изъ Байкала и омулеваго жира⁷⁾ — и все это выставить въ лавкѣ Ширяева для удосто-

¹⁾ Особенное Прибавленіе къ «М. Т.» 1825, стр. 2.

А. В.

²⁾ Тамъ же.

А. В.

³⁾ Сочиненія О. В. Булгарина, ч. 9 и 10.

А. В.

⁴⁾ Особое Прибавленіе къ «М. Т.» 1805, стр. 3.

А. В.

⁵⁾ «Сѣв. Пчела» 1828.

А. В.

⁶⁾ и ⁷⁾ Когда Н. А. Полевой доказалъ, что такой рыбы нѣтъ въ Байкалѣ, а омулеваго жира нѣтъ на свѣтѣ, то г. Булгаринъ отвѣчалъ: «Можетъ

вѣренія тѣхъ, кои думаютъ, что сія рыба и сей жиръ существуютъ только въ одномъ «Сѣв. Архивѣ». 2) Уничтожить имѣющее у него выпуклое изображеніе острова Сахалина ¹⁾, и 3) никогда не упоминать о мѣдномъ грошѣ, который О. В. Булгаринъ принялъ за Игореву монету ²⁾.

Ст. VIII. Всѣ въ продолженіе войны, также какъ и по случаю торжества заключенія мира, сдѣланныя издержки должны быть заплачены нашими подпичниками. Само собою ясно, что убытки, понесенные покупателями Гречевыхъ Грамматикъ, изъ которыхъ никто ничему не выучился, падаютъ на нихъ самихъ, яко штрафъ за легковѣріе и опрометчивость.

Въ Петроградѣ 1827 года.

Отъ Редакціи «Русской Старины». Обѣ статейки А. О. Воейкова о мирѣ Греча и Булгарина съ Н. А. Полевымъ перепечатаны нами изъ «Славянина». Этотъ «Военно-Литературный журналъ» издавался Воейковымъ въ С.-Петербургѣ съ 1827 по 1830 г. включительно. «Славянинъ» выходилъ сначала еженедѣльно, потомъ ежемѣсячно книжками, 4 части въ годъ, въ 8-ю долю. Помянутыя статейки, напечатанныя въ 1828 г. (въ VI ч., стр. 72 — 78, и въ VII ч., стр. 68 — 72), приводятся нами, какъ образцы тогдашней полемики, и для того, чтобы поближе ознакомить съ сатирическимъ дарованіемъ Воейкова. Затѣмъ для будущихъ историковъ литературныхъ усобицъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ отмѣтимъ: «Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ для издателя Московскаго Телеграфа», см. въ «Славянинѣ» 1829 г., ч. X, стр. 388—404, и ч. XI, стр. 53—64, а также статейку: «О томъ, что если бы какой писатель за дерзость былъ побить и княжескою палкою, то сіе не придало бы ему ни блеска, ни сіянія» («Славянинъ» 1830 г., ч. XVI, стр. 85 — 87). Вѣнокъ состоитъ изъ выписокъ изъ тогдашнихъ журналовъ нападокъ на «Московскій Телеграфъ»; вторая статья также направлена противъ личности Н. А. Полеваго. См. также «Пославіе Воейкова къ Д. В. Дашкову, напеч. М. Н. Лонгиновымъ въ «Соврем.» 1857 г., № 3, стр. 86.

Ред.

быть, но мы имѣемъ честь увѣдомить васъ, что мы Байкала не мѣряли, рыбы хариуга не лавливали и омулевымъ жиромъ не торговали. А. В.

¹⁾ Когда Б. М. Оедоровъ уличилъ О. В. Булгарина въ томъ, что Сахалинъ островъ, а не полуостровъ, то г. Булгаринъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, г. Оедоровъ былъ на Сахалинѣ, а я тамъ не былъ». А. В.

²⁾ Похожденіе этого гроша весьма любопытно.

Нѣкто доставилъ г. Булгарину мѣдную монету, которой онъ очень обрадовался и, какъ большой знатокъ въ нумизматикѣ, принялъ за монету великаго князя Игоря, кричалъ объ ней, печаталъ, называлъ невѣждами всѣхъ, кои хотя немного въ томъ сомнѣвались, наконецъ, рѣшился выставить ее на показъ въ бібліотекѣ чтенія у А. Ф. Смирдина.

«Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога? Это была обыкновенная монета московскаго великаго князя, на которой въ словѣ: ГДРЬ у буквы Д отъ употребленія стерлись ножки. Это сдѣлало ее похожею на А или на О».

А. Воейковъ.

А. Θ. ВОЕЙКОВЪ

1779—1839.

Биографическій очеркъ Н. И. Греча.

Вѣрная своему правилу: съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ выслушивать обѣ стороны, хотя бы то были лица враждебныя другъ другу, «Русская Старина» даетъ теперь слово злѣйшему и остроумнѣйшему противнику А. Θ. Воейкова—Н. И. Гречу. Отрывки изъ Записокъ нашего покойнаго литератора и журналиста были напечатаны въ нѣкоторыхъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Русской Старинѣ», и составляютъ, безспорно, имѣющій значеніе матеріалъ для исторіи отечественной литературы. Читатели «Дома Сумасшедшихъ», конечно, не упустятъ изъ виду, что Воейковъ въ своей сатирѣ безжалостенъ, ядовитъ и далеко не безпристрастенъ. Тоже самое, можетъ быть, они замѣтятъ и въ предлагаемомъ биографическомъ очеркѣ, написанномъ злымъ перомъ покойнаго Н. И. Греча.....

Редакція съ своей стороны, по обыкновенію, воздерживалась отъ всякихъ выводовъ, печатаетъ на страницахъ «Русской Старины» характеристику Воейкова потому, что какъ онъ, такъ и его противникъ—лица, исчезнувшія съ земнаго поприща, а литературная и общественная ихъ дѣятельность, съ характеристиками самихъ дѣятелей—достояніе исторіи. Время имѣетъ свои права: ненарушимыя права давности, покровъ тайны, облекающій въ данную минуту всякое событіе—государственное, общественное, или изъ области литературы, съ годами какъ бы ветшаетъ, разрывается и факты являются во всей, иногда цинической наготѣ истины..... При этомъ укоръ памяти мертвому значительно ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что въ порокахъ и недостаткахъ каждаго дѣятеля минувшихъ временъ всегда, болѣе или менѣе, виновенъ духъ того времени, въ которое дѣятель подвизался на своемъ поприщѣ; такъ напр. въ литературномъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ отразились, и въ весьма рѣзкой формѣ, недостатки тогдашняго общественнаго строя.

Обращаясь къ очерку Греча, мы должны оговориться, что передаемъ его вполнѣ съ выпускомъ лишь мѣстами рѣзкихъ словъ и бранныхъ выраженій; впрочемъ и за этими пропусками въ статьѣ ихъ остается довольно: Воейковъ и Гречъ, взаимно поражая другъ друга насмѣшками и колкостями, одинаково не стѣснялись въ выраженіяхъ.

Ред.

Сохраниая въ потомствѣ память людей честныхъ, благородныхъ и добродѣтельныхъ, считаю обязанностью моею не оставлять въ неизвѣстности и антиподовъ ихъ, съ которыми случалось мнѣ встрѣчаться въ жизни. Пусть увидятъ люди, подобные имъ, что вредныя ихъ наклонности и низкія дѣла не укрываются отъ дневнаго свѣта, что всегда найдутся люди, которые разоблачатъ ихъ и выставятъ ихъ чувства, помыслы и подвиги на позоръ и урокъ потомству. Если подобные люди, прочитавъ написанныя мною правдивыя (?) и безпристрастныя (!) строки, сдѣлаютъ хотя одною мерзостью меньше, я награжденъ за трудъ мой.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ происходилъ отъ старинной и почтенной фамилии: пращуръ его, Воейко Войтяговъ сынъ, владѣтель Терговскій, прибылъ въ 1384 году изъ Пруссіи съ полутора ста челоувѣками къ князю Димитрію Іоанновичу Донскому; принялъ православіе, получилъ въ кормленіе городъ Дмитровъ, и былъ пожалованъ бояриномъ. Многіе его потомки были въ большихъ чинахъ и обладали богатыми помѣстьями. Изъ нихъ особеннаго вниманія достоинъ генераль-аншефъ Ѳедоръ Матвѣевичъ (род. 1703, † 1778), бывшій въ Семилѣтнюю войну генераль-губернаторомъ занятой тогда нашими войсками Пруссіи, оставилъ тамъ своимъ правосудіемъ, благоразуміемъ и кротостью неизгладимое донинѣ воспоминаніе.

Не знаемъ, въ которомъ колѣнѣ происходилъ отъ него нашъ герой, родившійся въ 1779 году. У него былъ братъ, Иванъ Ѳедоровичъ. Оба они воспитаны въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и потомъ служили въ гвардіи. Иванъ оставался въ военной службѣ до 1820 года, когда я узналъ его. Александръ избралъ другую карьеру. Замѣчу здѣсь, что въ прежніе годы москвичи въ Петербургѣ держались тѣсно и усердно помогали другъ другу. Знакомъ по Москвѣ значило—другъ, пріятель, чуть не родной, и чего бы онъ ни дѣлалъ, во всемъ помогали ему добрые родичи; все ему сходило съ рукъ. Александръ Воейковъ вышелъ изъ службы при императорѣ Павлѣ, поселился въ Москвѣ, началъ шалить, играть, пить и спустилъ всѣ свои двѣ тысячи душъ; шатался среди самаго гнуснаго общества, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и какъ-то заѣхалъ въ Бѣлевъ, гдѣ жилъ Жуковскій, знакомый съ нимъ по Москвѣ. Воейковъ имѣлъ природное остроуміе и даръ писать стихи; зналъ, съ грѣхомъ пополамъ, французскій языкъ и болѣе ничего ¹⁾). Въ Бѣлевѣ втерся онъ въ кругъ Жуковского, который имѣлъ удивительную слабость къ пустымъ людямъ, терпѣлъ ихъ и по-

¹⁾ Онъ гораздо ранѣе 1812 года (въ 1805—1810 годахъ) занимался литературой, печаталъ свои произведенія и былъ въ Москвѣ въ кружкѣ Кокошкина, Мерзлякова и др.

могаль имъ (???). Талантъ Воейкова, какъ и душа его, разведенъ былъ желчью. Онъ писалъ не эпиграммы, а полные пасквили, и если не одолѣвала его лѣнь, онъ напоролъ бы цѣлые томы всякихъ ругательствъ на людей честныхъ и почтенныхъ. Всѣмъ извѣстенъ его „Сумасшедшій Домъ“, въ которомъ съ большою замысловатостью разныя лица размѣщены по кельямъ—не по винѣ и заслугамъ, а болѣе по расположенію къ нимъ автора. Любимою его формою стихотворенія были посланія, раздѣлявшіяся, какъ полосы палицейскихъ будокъ, на бѣлыя и черныя. Онъ въ нихъ или льстилъ знатнымъ, сильнымъ и богатымъ, или осыпалъ бранью людей, которыхъ ненавидѣлъ; а онъ не любилъ никого въ мірѣ, всего менѣе тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро.

Въ 1812 году пошелъ онъ-было въ ополченіе, но былъ-ли на дѣйствительной службѣ и какіе совершилъ подвиги — неизвѣстно. Онъ воротился, по окончаніи войны, въ Россію, въ Бѣлевъ, гдѣ готовилось ему неожиданное и незаслуженное счастье. Тамъ жила одна почтенная дама Екатерина Аванасьевна Протасова, рожденная Бунина, мать Александры Андреевны и Марьи Андреевны. Должно знать, что отецъ ея, Андрей Ив. Бунинъ, внѣ брака, прижилъ Василя Андреевича Жуковского.¹⁾ Жуковский жилъ у сестры, какъ сынъ родной, и весьма естественно влюбился въ одну изъ дочерей ея, Марью Андреевну. Я не зналъ ея лично, а слышалъ, что она не была такая красавица, какъ сестра ея, но также женщина умная, милая и кроткая. Жуковский, на основаніи буквы законовъ, могъ бы вступить въ бракъ съ нею; но Екатерина Аванасьевна, боясь грѣха, не соглашалась выдать дочь за дядю, и это препятствіе къ исполненію его единственнаго желанія, къ достиженію счастья и отрады въ жизни внушило ему то глубокое уныніе, то безотрадное на землѣ чувство, которыми дышатъ всѣ его стихотворенія. Шиллеръ былъ счастливѣе его.

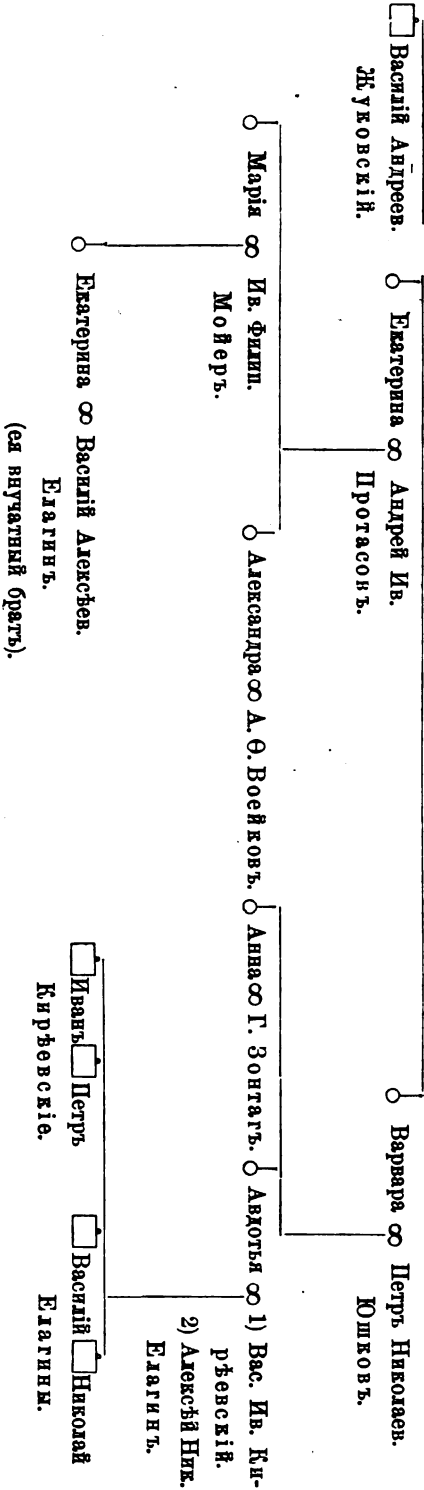
Марья Андреевна вышла впоследствии замужъ за достойнаго человека, дерптскаго профессора Мойера, составя его счастье, но сама жила недолго. Александра Андреевна сдѣлалась предметомъ страсти Воейкова; но смѣлъ-ли онъ, ничтожный человекъ, промотавшійся дворянинъ, какъ называлъ его Милоновъ, мечтать о счастьи—получить ея руку! Что же случилось?

Въ апрѣлѣ 1814 года Воейковъ явился въ домъ Протасовыхъ въ глубокомъ траурѣ съ плезезами и могильнымъ голосомъ объявилъ, что онъ осиротѣлъ въ мірѣ, что братъ его умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа.

¹⁾ См. на слѣдующей страницѣ (624) роспись.

РОДСТВО В. А. ЖУКОВСКАГО.

Андрей Жуковскій со Елисавета Деметревна... Аванасій Иван. Буничъ. со Марья Триг. Бунина.
(крестный отецъ В. А. Жуковскаго).

Примѣчаніе. У Петра Николаевича Юшкова была еще дочь Екатерина со Васи. Андр. Азбукинымъ.

— „У меня теперь двѣ тысячи душъ, а я—бѣднѣйшій человѣкъ въ мірѣ“.

Непритворная, какъ казалось, горестъ его тронула весь женскій міръ, къ которому, по мягкости сердца, принадлежалъ и Жуковскій; но двѣ тысячи душъ произвели также сильный эффектъ. Послышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шепотомъ фразы: „дѣвушку пристроить; женится—перемѣнится“, и тому подобныя тривиальныя аксіомы нелѣпаго бабьяго лексикона. Воейковъ посватался и Сашеньку за него отдали. День свадьбы (14-го іюля 1814 года) вырѣзалъ онъ на своей печатѣ. Едва прошли двѣ недѣли медоваго мѣсяца, какъ явился братъ Иванъ, въ опроверженіе поданнаго Воейковымъ въ тульскую гражданскую палату прошенія: справить и отказать за нимъ двѣ тысячи родовыхъ душъ, по кончинѣ брата, падшаго за вѣру и царя. Иванъ Федоровичъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и, имѣя надобность въ деньгахъ, написалъ приказъ своему старостѣ рукою товарища. Староста, не смѣя вѣрить чужой рукѣ, принесъ письмо къ Александру, и тотъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ жениться на пятнадцати-лѣтней красавицѣ. Что было дѣлать? Двѣ тысячи душъ исчезли. Осталась одна только душа—Александра Воейкова. Вотъ Жуковскій и написалъ къ Александру Тургеневу: „Спаси и помилуй! найди мѣсто Воейкову, нельзя-ли на вакансію Андрея Кайсарова (убитаго при Рейхенбахѣ)?“ Тургеневъ привелъ въ движеніе свою артиллерию и Воейковъ былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ. Онъ былъ совершенный невѣжда: на лекціяхъ своихъ, на которыя являлся очень рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковского и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ, Шишковымъ и пр. Нѣмцамъ, ненавидящимъ трудный русскій языкъ, это было на руку. Такъ продолжалось шесть лѣтъ во все время попечительства Клингера, который тоже не понималъ, не любилъ ни Россіи, ни языка ея. Въ 1820 году поступилъ попечителемъ дерптскаго университета князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. По пріѣздѣ его въ Дерптъ, разумѣется, явились къ нему на общій смотръ всѣ профессора. Онъ сталъ принимать ихъ одного за другимъ и многимъ изъ нихъ отдавалъ какія-то бумаги, приговаривая: „Вотъ доносъ на васъ“. Когда подошелъ Воейковъ, князь поблѣднѣлъ и закричалъ:

— „Вонъ отсюда! Господа, всѣ эти гнусные доносы написаны этимъ Убирайся,“.

Съ прочими профессорами князь говорилъ по-нѣмецки; это же привѣтствіе произнесъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

Воейковъ опять обратился къ Жуковскому и Тургеневу.

„Подлецы нѣмцы“,—писаль онъ,—„ненавидящіе всѣхъ русскихъ и особенно патріотовъ и честныхъ людей, обнесли меня у Ливена. Какъ благородный человекъ (онъ всегда такъ величалъ себя), я не могъ снести гласнаго оскорбленія и принужденъ выйти. Я писалъ къ нему не доносы, а благонамѣренные совѣты“.

Стали искать мѣсто Воейкову. Жуковскій вспомнилъ, что за четыре года предъ тѣмъ я предлагалъ ему (Жуковскому) сотрудничество въ „Сынѣ Отечества“, обѣщая 6,000 р. въ годъ. Тогда онъ отказался, имѣя въ виду мѣста у великой княгини, а теперь вздумалъ предложить мнѣ Воейкова. Приѣхалъ ко мнѣ, сталъ выхвалять дарованія своего друга, его прилежаніе и т. п., и убѣждалъ взять его въ сотрудники, увѣряя, что мнѣ будутъ помогать своими трудами онъ, самъ Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ, Н. И. Тургеневъ, Д. Н. Блудовъ и всѣ друзья его. Я не зналъ Воейкова вовсе, но воображалъ, что профессоръ долженъ же быть человекъ знающій и грамотный, согласился на предложеніе. Въ то же время познакомился я и сблизился съ Булгаринымъ, который тогда былъ совѣтъ не тотъ, что впоследствии. Воейковъ переселился въ Петербургъ и получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, гдѣ Александръ Тургеневъ былъ директоромъ. Въ то время образовалось артилерійское училище (нынѣшняя михайловская академія). Зять мой, Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ (командовавшій учебными артилерійскими ротами), приѣхалъ ко мнѣ отъ директора этого училища, генерала Александра Дмитриевича Засядко, съ предложеніемъ мѣста инспектора классовъ съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей. Я былъ тогда директоромъ училищъ гвардейскаго корпуса, не могъ принять другой должности; поблагодаривъ за вниманіе, предложилъ взять Воейкова. Засядко, полагаясь на мою рекомендацію, опредѣлилъ Воейкова, который тотчасъ же написалъ къ нему льстивое посланіе, и за то, при открытіи училища, былъ представленъ къ ордену. Воейковъ сыгралъ при этомъ случаѣ преловкую штуку: пришелъ къ Засядкѣ и съ умиленнымъ сердцемъ говорить:

— „Во всемъ бѣда! Вы, конечно, представите меня къ 2-й степени Анны, а я ужъ представленъ къ ней Тургеновымъ за службу въ его департаментѣ, да еще съ брилліантами. Вездѣ неудачи!“

Вотъ ему и дали 3-й степени Владиміра. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, приѣхалъ я къ нему и нашель у него большую компанію— мужскую и дамскую. Онъ вздумалъ, по своему, потрунить надо мною, и сказалъ во всеуслышаніе:

— „Вотъ товарищъ и другъ Николай Ивановичъ. а не можетъ

снести, что мнѣ дали 3-го Владиміра. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ носить своего 4-го“.

Гости не знали, какъ принять это благосклонное замѣчаніе, но я надоумилъ ихъ, сказавъ:

— „Помилуйте, Александръ Федоровичъ, ну, стану-ли я завидовать кому бы то ни было въ незаслуженномъ крестѣ“.

Всѣ расхохотались.

— „Мило, остро!“ сказала Воейковъ: „я спилъ себѣ тетрадку и записываю въ ней всѣ острые слова Греча. Напечатаю и обогащусь“.

— Вы меня счастливице, возразилъ я: мнѣ съ васъ поживиться нечѣмъ.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобъ показать, до какой степени Воейковъ былъ презираемъ и принужденъ сносить всѣ насмѣшки и оскорбленія. Въ собственной своей гостинной онъ не отвѣчалъ, но потомъ отомщалъ сторицею.

Между тѣмъ, Воейковъ сталъ заниматься въ редакціи „Сына Отечества“, но ни одно изъ обѣщаній Жуковского, ни одно изъ моихъ ожиданій не исполнилось. Воейковъ работалъ тяжело, лѣнливо. Статьи его были вялы и не интересны. Онъ занялся критикою, написалъ обзорѣніе прежнихъ и тогдашнихъ журналовъ, пресыщенное лестью и желчью; составилъ разборъ „Руслана и Людмилы“, но такъ плохо, такъ неосновательно, что возбудилъ общее неудовольствіе. Для наполненія страницъ, онъ прибавлялъ къ своимъ сужденіямъ длинныя выписки изъ разбираемыхъ стихотвореній, составлялъ ссылки изъ оглавленій и каталоговъ. На него полились со всѣхъ сторонъ антикритики, печатавшіяся, бѣльшею частью, въ самомъ „Сынѣ Отечества“. Онъ отвѣчалъ дерзко и грубо. Сохраню для потомства одинъ споръ его по значительности лица, съ которымъ онъ завязался.

Въ гостинной или передней Карамзина, куда Воейковъ ползалъ на поклоны, дали ему прекрасную эпитафію младенцу, написанную Батюшковымъ въ Неаполѣ; она была напечатана въ № 35-мъ „Сына Отечества“ 1820 г.:

О русскій, мпый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь мать и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ предестный.

Шепни имъ отъ меня:

Не сѣтуйте, друзья:

Моя завидна скоротечность:

Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

Сообщившій это стихотвореніе Воейкову вѣроятно на память, написалъ въ возраженіе, въ № 36-мъ, слѣдующее письмо къ издателю „С. О.“:

„Царское Село, 29-го августа 1820 г. Въ послѣднемъ номерѣ вашего журнала помѣщена Эпитафія младенцу, которая сочинена въ Неаполь моимъ пріятелемъ Батюшковымъ, а въ Россію привезена мною. Это послѣднее обстоятельство весьма неважно, но я сообщаю вамъ объ ономъ потому, что въ моемъ мнѣніи оно даетъ мнѣ лишнее право, если не сердиться и досадовать, то, по крайней мѣрѣ, жаловаться, видя, что новое и, несмотря на краткость, прекрасное произведеніе моего друга является въ первый разъ русскимъ читателямъ не въ настоящемъ, и даже,—простите мнѣ за искренность сего выраженія,—въ обезображенномъ видѣ. Грубыя ошибки переписчика или типографщика портятъ всякое сочиненіе, но еще болѣе стихи, въ коихъ иногда все дѣйствіе и все достоинство слога зависятъ отъ нѣкотораго искуснаго расположенія словъ, и слѣдственно разрушаются при малѣйшей перемѣнѣ. Сихъ разрушительныхъ перемѣнъ или ошибокъ въ эпитафій русскаго младенца, судя по пространству всей надписи, очень много. Позвольте мнѣ ихъ замѣтить для васъ и для читателей вашего журнала.

„Первые четыре стиха напечатаны исправно; съ пятого начинаются безпрерывныя погрѣшности.

Шепни имъ отъ меня:

Не сѣтуйте, друзья!

„Такая рѣма и такіе стихи едва-ли годны для конфетнаго билета; Батюшковъ не въ состояніи написать подобныхъ; сверхъ того, онъ знаетъ, что нѣтъ нужды шептать того, что можно и хорошо сказать въ слухъ. Въ его надгробіи младенецъ говоритъ просто:

Имъ молви отъ меня: не плачьте, о друзья!

Моя завидна скоротечность:

Не знала жизни я,

А знаю вѣчность.

„Вы видите, милостивый государь мой, что неизвѣстный посредникъ между вами и авторомъ, преобразивъ сначала одинъ, если не хорошій, то обыкновенный стихъ, въ два плоскіе, за то при концѣ, какъ-будто въ вознагражденіе, сдѣлалъ изъ двухъ прекрасныхъ стиховъ одинъ почти дурной:

Не знала жизни я, а знаю вѣчность.

„Надобно-ли замѣчать, что здѣсь нашъ поэтъ, постигнувшій тайны своего искусства, не безъ намѣренія, посредствомъ механизма стиховъ, представилъ отдѣльно двѣ великія, но различныя выгоды скоротеч-

ности умершаго младенца. Первая, что онъ не зналъ жизни, то-есть, бѣдствій и заблужденій; другая еще важнѣйшая, что знаетъ вѣчность, что безъ испытаній и горя снискалъ то благо, которое составляетъ одно—и цѣль и цѣну жизни. Въ самой гармоніи сихъ короткихъ стиховъ, заключающихъ рѣчь изъ гроба, есть что-то нѣжное, приятно-унылое, равно приличное мыслямъ о спокойствіи смерти и о тихомъ счастьи невинности въ небесахъ. Но вся сія прелесть исчезаетъ отъ неудачной и, вѣроятно, неумышленной поправки въ доставленномъ къ вамъ спискѣ. Разстояніе и время производятъ одинаковое дѣйствіе, и нашъ живой соотечественникъ, потому только, что живетъ въ отдаленности, осужденъ раздѣлять участь древнихъ писателей: его стихи, кои равняются въ достоинствѣ съ лучшими надписями греческой антологіи, уже сдѣлались жертвою безпамятныхъ рапсодовъ или безграмотныхъ переписчиковъ. По счастью, не будучи ни Аристархами, ни Вольфами, мы можемъ исправить сдѣланное ему зло при самомъ началѣ: вы, милостивый государь мой, конечно не откажетесь помочь въ этомъ.

„Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почитаніи“.

На это Воейковъ, въ № 37-мъ „Сына Отечества“, возразилъ:

Благодарность знаменитому литератору.

„Прочитавъ въ 36-й книжкѣ „Сына Отечества“ письмо пріятеля Батюшкова и друга Батюшкова о надгробной надписи, которую сей пріятель и другъ нашего славнаго поэта вывезъ изъ Неаполя въ Россію (какъ нѣкогда Солонъ Илиаду), я чрезвычайно испугался. Опрометью бросился я къ нѣкоторымъ нашимъ поэтамъ, удостоивающимъ меня своего благорасположенія, и узналъ отъ нихъ, что ошибка моя не такъ велика, какъ сочинитель письма къ издателю „Сына Отечества“ желаетъ ее выставить, что имъ молви не много стихотворнѣе словъ: шепни имъ; что послѣдній стихъ, будучи произведенъ въ пятистопные, можетъ быть, выигралъ, и что единственная ошибка состоитъ въ раздѣленіи стиха:

Имъ молви отъ меня: не сѣуйте, друзья.

„Сія послѣдняя могла бы почестъся важною, если бы первая половина сего стиха не рюмовала со второю. Поэты, пріятели мои, вида мое смущеніе, поспѣшили пріискать нѣсколько подобныхъ рюемъ въ сочиненіяхъ нашего Батюшкова, который, несмотря на то, что онъ не богатъ, остается, по прежнему, однимъ изъ первоклассныхъ русскихъ поэтовъ. Вотъ сіи примѣры: мечей, друзей, часть II, стр. 47; очей,

друзей, часть II, стр. 51; друзья, края, часть II, стр. 61; друзьямъ, намъ, тамъ же; друзей, Цирцей, тамъ же, стр. 79.

„Я не стихотворецъ; самъ не знаю мѣры содѣяннаго проступка, а поэтамъ - друзьямъ своимъ не совсѣмъ довѣряю. Дружба можетъ ввести ихъ въ заблужденіе и потому, несмотря на ихъ доводы, не смѣю совершенно оправдываться; поспѣшность моя (съ какою диктовалъ я и потомъ не свѣрилъ) искажила безсмертные стихи того поэта, о которомъ одинъ нашъ стихотворецъ справедливо сказалъ:

А ты, въ вѣнцѣ изъ розъ и съ прадѣдовской чашей.
 Пѣвецъ веселія и бѣдствій жизни вашей,
 Роскошный Батюшковъ! плѣнительный твой даръ
 Любви, поэзіи, вина и славы жаръ,
 Овидій сладостный, любилецъ музъ Гораціи,
 Анакреонъ и ты, вы вѣруете въ граціи:
 И дѣвы чистыя бесѣдуютъ съ тобою
 На берегахъ Невы, подъ тѣнью липъ густой,
 И роза пышная на льду при нихъ алѣетъ,
 И обрывать ее косматый мразъ не смѣетъ,
 И солнце яркое съ безоблачныхъ небесъ
 Зимой нѣжится зоветъ въ прохладный лѣсъ.
 У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный
 И гордый нашъ языкъ, всегда тебѣ покорный,
 Волшебникъ! подъ твоимъ перомъ роскошентъ, живѣтъ,
 Затѣйливъ, сладостенъ, и легокъ и шутивъ,
 Рисуетъ намъ любви и муку, и блаженство:
 Прелестный, пламенный твой слогъ есть совершенство ¹⁾.

„Признавшись въ винѣ моей, мнѣ осталось поблагодарить неподписавшаго своего имени сочинителя письма, который, судя по ревности, съ какою защищаетъ честь великаго писателя, самъ долженъ быть знаменитымъ поэтомъ и, конечно, кромѣ незабвенной перевозки восьми стиховъ изъ Неаполя, оказалъ важныя услуги русской поэзіи: онъ поступилъ со мною довольно вѣжливо, и я счастливъ, что онъ, а не другой кто пожурилъ меня. Я бы могъ попасться въ руки къ одному изъ тѣхъ немилосердыхъ крикуновъ, которые, будучи больны желчью, всѣ предметы видятъ въ желтомъ цвѣтѣ, или, что еще хуже, къ тѣмъ, кои страдая чернью (сплиномъ), то-есть, охотою все видѣть въ черномъ цвѣтѣ и вшуча наизусть Лагарпа, какъ сорока Якова, перебрали и перецѣнили все русское отъ поэмы до эпиграммы, хотя сами ни одною запятою не обогатили отечественной словесности. Отъ такихъ людей брань нестерпима. П. К.—въ“.....

И знаете-ли кто былъ этотъ литераторъ, котораго Воейковъ трактовалъ такъ *cavalièrement* — Дмитрій Николаевичъ Блудовъ“.....

¹⁾ Изъ поэмы самого Воейкова: «Искусства и Науки» «В. Евр.» 1819. П. Ж.

Этотъ литературный споръ можетъ подать нынѣшнему и будущему поколѣніямъ литературы понятіе о томъ, въ какомъ райскомъ положеніи невинности и незлобія была тогдашняя наша словесность. Неправильная редакція одного стихика волновала и раздражала писателей. И все это дѣлалось изъ чистой, безкорыстной любви къ словесности; правда, по внушенію самолюбія и пристрастія къ своей партіи, но безъ всякаго разсчета на какую-либо выгоду. Но именно съ того времени, съ 1820 года, возникла въ литературѣ нашей новая эра вѣка не желѣзнаго, а ассигнаціоннаго, продолжающагося нынѣ въ формѣ кредитныхъ билетовъ. Особенно содѣйствовали этому два новые писателя—Воейковъ и антагонистъ его, Булгаринъ, имѣвшіе послѣдователями Сенковскаго, и всю братію литературныхъ торговцевъ и барышниковъ. Объ этомъ надѣюсь написать особую статью, а теперь ворочусь къ Воейкову.

Сотрудничество его въ „Сынѣ Отечества“ продолжалось съ половины 1820 до начала 1822 года. Обѣщаннаго имъ содѣйствія другихъ литераторовъ, какъ я сказалъ выше, не было (?).

Въ концѣ 1820 года занемогла великая княгиня Александра Феодоровна и съ великимъ княземъ отправилась въ Берлинъ. Жуковский поѣхалъ съ ними, присылалъ иногда стихи свои, но серьезно не принималъ участія въ журналѣ. Друзья его охладѣли къ Воейкову, который успѣлъ насолить всѣмъ, ибо голосъ злобы и зависти былъ въ немъ сильнѣе разсчета, выгодъ и пользы. Какимъ образомъ, спросятъ у меня, умѣлъ онъ еще держаться въ свѣтѣ при такомъ образѣ мыслей, при такихъ чувствахъ и поступкахъ? Онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицею, сдѣлавшейся жертвою этого челоуѣка. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея читателемъ и другомъ. Благородная, братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы“, извѣстна всѣмъ. Потомъ первыми гостями ея были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съума. Между тѣмъ, всѣ эти связи были чистыя и святыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее, клеветали и лгали на нее. Такова судьба всѣхъ возвышенныхъ людей среди уродовъ, съ которыми они обречены жить. Женская зависть играла въ этомъ не послѣднюю роль.

Воейковъ торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью

своей жены. Напримѣръ, прїѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ, по обычаю, въ ея кабинетъ. Двери заперты.

— „Что это?“ спрашиваетъ онъ у Воейкова.

— „Она заперлась“, отвѣчаетъ Воейковъ, „плачетъ“.

— „Плачетъ! О чемъ?“

— „Какъ о чемъ? Въ домѣ копѣйки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя“.

— „Пусти меня къ ней“.

— „Не пущу; дай пять сотъ рублей“.

— „Возьми!“

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Александру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа.

Стараясь заводить связи съ людьми денежными, но простоватыми, Воейковъ замѣтилъ въ передней департамента духовныхъ дѣлъ одного купца, который приходилъ нѣсколько дней сряду.

— „Что вамъ угодно?“ спросилъ онъ учтиво.

— „Мнѣ слѣдуетъ получить плату за дрова, которыя я ставилъ въ разныя мѣста вашего вѣдомства, но не знаю, почему мнѣ не выдаютъ ихъ. Казначей не могу допроситься“.

Воейковъ идетъ въ кабинетъ Тургенева и говоритъ ему, что, къ стыду департамента, казначей притѣсняетъ поставщика дровъ, купца Кривоносова, вѣроятно, съ умысломъ принудить его къ свидѣію. Раздраженный Тургеневъ призываетъ казначея и съ гнѣвомъ велитъ ему въ ту же минуту удовлетворить купца. Обрадованный этимъ, Кривоносовъ является на другой день къ Воейкову, благодарить его, и спрашиваетъ, чѣмъ можетъ послужить ему. Воейковъ проситъ только его дружбы, и говоритъ, что готовъ служить ему, чѣмъ можетъ. Въ то время приступали къ перестройкѣ артилерійскаго училища.

— „Вотъ случай“, сказалъ Воейковъ Кривоносову, котораго началъ посѣщать прилежно, „воспользоваться законною прибылью. Я засѣдаю въ строительной комиссіи. Предсѣдатель ея, генералъ Засядко, другъ мнѣ. Въ числѣ членовъ находится и Тургеневъ. Явится только на торги. Вамъ уступать съ удовольствіемъ. Только надобно задобрить казну: она глупа и легко поддается на удочку. Я придумалъ средство. Въ училищѣ заводятъ библиотеку. Пожертвуйте на нее что-нибудь. Васъ, во-первыхъ, награждать медалью; во-вторыхъ, не будутъ мѣшать вамъ въ торгахъ. Ручаюсь вамъ за Засядку и за Тургенева, друзей моихъ“.

— „Хорошо“, отвѣчалъ Кривоносовъ: „даю пятнадцать тысячъ рублей“.

Воейковъ полетѣлъ къ Засядкѣ.

— „Нашель олуха, ваше превосходительство!“ восклицаетъ онъ; „я убѣдилъ купца Кривоносова пожертвовать 15 тыс. руб. на нашу библиотеку, для полученія медали“.

Засядку, разумѣется, принялъ это извѣстiе съ благодарностью и сказалъ:

— „Вы доставили намъ эту находку, вы ею и распорядитесь. Вотъ вамъ реестръ книгъ, какія намъ нужны преимущественно; на остальную же сумму, изберите книги по вашему благоусмотрѣнiю“.

Воейковъ, получивъ деньги, отправился къ книгопродавцу И. В. Сленину, торговавшему французскими и отчасти русскими книгами.

— „Иванъ Васильевичъ! солнце намъ восходитъ. Начальство артилерійскаго училища поручило мнѣ составить ему библиотеку. Вотъ реестръ книгъ, которыя необходимы. Прибавьте къ тому разныхъ книгъ учебныхъ, историческихъ, какихъ угодно; только въ переплетахъ. Цѣны ставьте, какія хотите. Разумѣется, сохраните нашу общую благодѣтельность“.

Сленинъ понялъ и исполнилъ порученiе. Требовались книги по военнымъ наукамъ, обыкновенныя и дешевыя: онъ набралъ ихъ легко и дешево. На остальную, отъ 15 т. руб., сумму навалилъ онъ кучу книгъ старыхъ, разрозненныхъ, большою частью, съ толкучаго рынка, въ самомъ пiтическомъ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, въ числѣ томовъ „Всемирнаго Путешественника“ встрѣчались томы „Новѣйшей Поварихи“, „Письмовника“, „Сонника“ и т. п., а на переплетѣ выставлено: „Всемирный Путешественникъ“, томъ такой-то. Воейковъ принялъ книги и отправилъ въ училище; тамъ разставили ихъ по шкафамъ, какъ онѣ стоятъ, вѣроятно, и донныѣ. Деньги Воейковъ взялъ себѣ сполна, а Сленину далъ въ счетъ уплаты нѣсколько сотъ экземпляровъ непроданныхъ его „Образцовыхъ сочиненiй въ прозѣ“. Впослѣдствiи уплачивалъ онъ ему процентами за продажу „Русскаго Инвалида“.

Сленинъ заикнулся-было однажды, что намѣренъ искать уплаты.

— „Осмѣлся“, сказалъ Воейковъ, „у меня въ карманѣ твой собственноручный счетъ: я докажу, что ты безбожно обманулъ казну своими цѣнами, и тогда не дадутъ тебѣ ни копейки, да еще и подъ судъ упрячуть!“

Между тѣмъ, Кривоносовъ ждалъ торговъ. Воейковъ объявилъ ему, что предварительно должно дать обѣдъ членамъ строительной коммиссiи.

— „Съ радостью“, отозвался Кривоносовъ, „милости просимъ. Когда прикажете?“

Воейковъ назначилъ день, и наканунѣ говорить женѣ, въ присутствіи Тургенева:

— „Сапеленька! завтра ты должна ѣхать со мною обѣдать къ купцу Кривоносому“.

— „Это что за уродъ?“ спрашиваетъ она.

— „Не уродъ, а другъ и благодѣтель мой“, отвѣчаетъ Воейковъ. „Непремѣнно поѣзжай; я далъ слово“.

— „А мнѣ можно будетъ ѣхать съ вами?“ спросилъ Тургеневъ, желая провести день съ Александрою Андреевною.

— „Можешь“, отвѣчалъ Воейковъ, „только надѣнь звѣзду и камергерскій ключъ“.

Тургеневъ охотно облекся въ свои регалии, и они отправились. Воейковъ, представляя жену и Тургенева хозяйину, сказалъ ему потомъ, отведи въ сторону:

— „Александръ Дмитріевичъ (Засядко) не могъ пріѣхать. Очень жалѣеть. Онъ приглашенъ къ обѣду великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ“.

Обѣдъ и вина были на славу. Тургеневъ наслаждался и обѣдомъ, и бесѣдою Александры Андреевны, не догадываясь, какую роль играетъ.

Черезъ нѣсколько дней начались торги. Явился и Кривоносъ со своею медалью на шеѣ. Предсѣдатель комиссіи, генераль Засядко, узнавъ, кто онъ, приказалъ подать ему стулъ и рекомендовалъ его прочимъ членамъ комиссіи, какъ почтеннаго и благонамѣреннаго патріота, обогатившаго своими пожертвованіями бібліотеку училища. Но тѣмъ и кончилось торжество Кривоносова. Торги шли строго и круто, что называется въ обрѣзъ. Членами комиссіи были доки, понаучившіеся на казенныхъ постройкахъ. Кривоносъ вышелъ изъ комиссіи, какъ не солоно хлѣбалъ: ни одного и малѣйшаго подряда ему не досталось. Все происходило на законномъ основаніи, безъ малѣйшаго послабленія въ чью бы то сторону ни было. Вотъ онъ идетъ къ Воейкову:

— „Что-жъ вы не приходили въ комиссію?“

— „Это не мое дѣло, я служу по учебной части и въ хозяйственную не вмѣшиваюсь“.

— „А Тургеневъ развѣ не членъ ея? И его не было“.

— „Вотъ вы дураки, купцы, всѣ такіе. Тургеневъ не служитъ при училищѣ и никого тамъ не знаетъ“.

— „Да вы обѣщали, Александръ Ѳедоровичъ“.

— „Что я обѣщаль? Что тебя примутъ въ комиссіи съ отличіемъ. И приняли: сиволапаго мужика посадили рядомъ съ генералами. Что же ты думалъ, что они помогутъ тебѣ обмануть и обокрасть

казну? За кого ты ихъ принимаешь? Берегись, услышать, что ты ихъ считалъ за мошенниковъ, худо тебѣ будетъ“.

Кривоносовъ умолялъ и тѣмъ дѣло кончилось. Впрочемъ, Воейковъ стащилъ съ него еще сверхъ того. По смерти Кривоносова, нашли въ его бумагахъ векселя Воейкова на пять тысячъ рублей. Воейковъ отказался отъ уплаты, потому что векселя были просрочены, и отзывается, что Кривоносовъ былъ ему другъ, подарилъ эти деньги, а взялъ векселя такъ, для проформы!

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, съ которымъ былъ въ товариществѣ. Ему мало было шести тысячъ рублей, которые онъ получалъ даромъ при изданіи „Сына Отечества“. Онъ вздумалъ удалить меня совершенно. Когда случился несчастный бунтъ въ Семеновскомъ полку, онъ доносилъ на меня, называлъ меня виновникомъ мятежа, возбужденнаго мною посредствомъ полковаго училища. Я упоминалъ объ этомъ въ статьѣ моей о Семеновской исторіи. Не имѣвъ успѣха въ проискахъ своихъ, клонившихся къ тому, чтобъ выгнать меня изъ города и чтобъ онъ остался полнымъ хозяиномъ „Сына Отечества“, онъ вздумалъ меня пугать. Приѣхавъ ко мнѣ однажды утромъ, въ январѣ 1821 года, онъ говоритъ мнѣ:

— „Вамъ худо. Вы обнесены у государя. Начальство васъ предало. Совѣтую вамъ удалиться. Поѣзжайте въ чужіе края и тамъ обождите бурю, а я, между тѣмъ, буду заниматься „Сыномъ Отечества“ и стану вѣрно выплачивать доходъ вашему семейству“.

Я сначала остолбенѣлъ, но вскорѣ одумался и сказалъ:

— Я ни въ чемъ не чувствую себя виноватымъ. Если меня обвинять, буду просить слѣдствія и суда. Бѣгство мое будетъ свидѣтельствомъ какого-нибудь преступленія, а я не сдѣлалъ ничего и не боюсь ни закона, ни царя“.

— „Какъ угодно“, отвѣчалъ онъ, „а я исполнилъ свой долгъ предостерегъ васъ. Въ случаѣ бѣды, пеняйте на самого себя“.

Булгаринъ пришелъ ко мнѣ въ тотъ же день и, узнавъ, что мнѣ наговорилъ Воейковъ, утвердилъ меня въ мнѣніи, что все это мошенничество и козни негодяя, и что я не долженъ его слушать. Исторія эта прошла со шеваломъ, какъ говорятъ моряки, но товарищество съ Воейковымъ сдѣлалось мнѣ невыносимымъ. Лишь только приѣхалъ изъ-за границы Жуковскій, я обратился къ нему, рассказалъ все, что произошло, и убѣдительно просилъ освободить меня отъ Воейкова. Въ то время Пезаровіусъ удалился отъ „Инвалида“. Жуковскій успѣлъ доставить мѣсто редактора Воейкову и принудилъ его отказаться отъ участія въ „Сынѣ Отечества“. Я вздохнулъ сво-

одно. Разумѣется, что Воейковъ сдѣлался моимъ отъявленнымъ врагомъ и всячески нападалъ на меня.

Забавна была притомъ одна продѣлка съ Булгаринимъ. Воейковъ, желая показать превосходство „Инвалида“ надъ „Сыномъ Отечества“, выставилъ въ немъ, что на „С. О.“ 750 подписчиковъ, а на „Инвалидъ“—1,700. Булгаринъ воспользовался этимъ и подалъ въ комитетъ 18-го августа прошеніе объ отдачѣ ему въ аренду изданія этой газеты, обязуясь платить вдвое противъ того, сколько получаютъ отъ Воейкова, и въ обезпеченіе исправной уплаты представлялъ въ залогъ пятьсотъ душъ. Комитетъ, имѣя цѣлю умноженіе доходовъ съ газеты, не могъ не принять во вниманіе этого предложенія. Семейство Воейкова пришло въ ужасъ. Жуковский пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ отклонить бѣду, угрожающую друзьямъ его. Я взялся уговорить Булгарина. При этомъ случаѣ Жуковский сказалъ мнѣ:

— „Скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ узвѣить меня своею эпиграммою ¹⁾; я во дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочиталъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ“.

Дѣло уладилось. Булгаринъ взялъ назадъ свое прошеніе. Воейковъ просилъ меня сблизить его съ бѣшеннымъ полякомъ, чтобъ покончить всѣ раздоры. Мы поѣхали съ нимъ къ Булгарину. Когда мы вошли въ кабинетъ, Булгаринъ лежалъ на диванѣ и читалъ книгу. Воейковъ подошелъ къ нему и, подавая палку, сказалъ:

— „Бейте, меня, Фаддей Венедиктовичъ, я заслужилъ это; только пожалѣйте жену и дѣтей!“

Рѣдкое явленіе въ исторіи литературы! Впрочемъ, Воейкову доставалось по спинѣ и натурою. Однажды обѣдали у него въ Царскомъ Селѣ Жуковский, Гнѣдичъ, Дельвигъ и еще нѣсколько человекъ знакомыхъ. Рѣчь зашла за столомъ о томъ, можно-ли желать себѣ возвращенія молодости. Мнѣнія были различны. Жуковский сказалъ, что не желалъ бы вновь пройти сквозь эти уроки опыта и разочарованія въ жизни. Воейковъ возразилъ:

¹⁾ Изъ савана одѣлся онъ въ лаврею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею
Съ указкой втерся во дворецъ.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатыми сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею—
Бѣдный пѣвецъ.

По отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ это эпиграмма Пушкина, а по другимъ—Воейкова.

— „Нѣтъ! я желалъ бы помолодѣть, чтобъ еще разъ жениться на Сашенькѣ!“

(Это выражено было самымъ циническимъ образомъ). Всѣ смутились. Александра Андреевна заплакала. Поспѣшили встать изъ-за стола. Мужчины отправились въ верхнюю свѣтелку, чтобъ покурить, и, по чрезвычайному жару, сняли съ себя фраки. Воейковъ пришелъ туда тоже и вздумалъ сказать что-то грубое Жуковскому. Кроткій Жуковский схватилъ палку и безжалостно избилъ статскаго совѣтника и кавалера по обнаженнымъ плечамъ. А на другой день опять помогалъ ему, во имя Александры Андреевны.

— Бѣда наша, сказалъ я однажды, если Александра Андреевна въ беременности захочетъ поѣсть хрящу изъ Гречева уха. Приѣдетъ Жуковский и станетъ убѣждать: „сдѣлайте одолженіе, позвольте отрѣзать хоть только одно ухо, или даже пол-уха; у васъ еще останется другое цѣлое, а вмѣсто отрѣзаннаго я вамъ сдѣлаю наставку изъ замши. Только бы утолить голодъ Александры Андреевны“.

Обширное поле подвиговъ Воейкова открылось послѣ 14-го декабря. У него хранилась на всякій случай записка, полученная имъ въ 1820 году отъ Булгарина, проигравшаго дѣло свое въ сенатѣ:

„Все пропало. Я погибъ. Злодѣи меня сгубили. Проглинаю день и часъ, когда я приѣхалъ въ Россію. Не знаю, что дѣлать и на что рѣшиться, чтобы выпутаться изъ ужаснаго моего положенія. Ф. Булгаринъ“.

Воейковъ прибавилъ къ этому только число: 15-го декабря 1825 г. и представилъ въ полицію. Дѣло вскорѣ объяснилось и не имѣло послѣдствій. Въ концѣ декабря пришелъ ко мнѣ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ и принесъ письмо, полученное имъ отъ неизвѣстнаго, въ которомъ изъяснялось удивленіе, что при арестованіи бунтовщиковъ и злодѣевъ оставили на волѣ двухъ важнѣйшихъ: Греча и Булгарина. Адресъ написанъ былъ рукою Воейкова и записка запечатана его печатью, о которой и упоминалъ выше. Я тогда лежалъ больной въ постелѣ, послалъ за Жуковскимъ, и когда онъ приѣхалъ, отдалъ ему произведеніе его друга и родственника. Жуковский ужаснулся, поблагодарилъ меня за пощаду и сказалъ, что уйметъ-негодая, но видно не успѣлъ. Недѣли чрезъ двѣ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ получилъ письмо изъ Москвы отъ тамошняго военнаго генераль-губернатора, князя Д. В. Голицына, о ругательныхъ письмахъ и доносахъ, полученныхъ тамъ многими лицами, между прочимъ, издателемъ „Телеграфа“ Н. А. Полевымъ и самимъ Голицынымъ. Князь, приведенный въ негодованіе гнусными навѣтами писемъ, хотѣлъ-было послать ихъ прямо къ государю, для отысканія и

наказанія подлыхъ клеветниковъ, но предварительно спросилъ у Полеваго, не знаетъ-ли онъ, чьею рукою они написаны. Полевой отвѣчалъ, что это, кажется ему, почеркъ руки петербургскаго литератора Олина. Князь вспомнилъ, что видѣлъ этого литератора у А. Н. Оленина, и полагалъ, что Оленину непріятно будетъ, что опозорятъ знакомаго ему человѣка. Подозрѣвая, можетъ быть, что въ прозвищѣ его сокращено имя отца, какъ въ Бецкомъ, Пнинѣ, Умянцовѣ и т. п., отправилъ письма къ Оленину, для вразумленія молодаго смѣльчака. Въ этихъ письмахъ опять называемы были Гречъ и Булгаринъ заговорщиками и бунтовщиками. Оленинъ, прочитавъ письмо, сказалъ съ досадою:

— „Какое мнѣ дѣло до Олина? Разъ какъ-то Гнѣдичъ привозилъ его ко мнѣ, а впрочемъ, я его не знаю. И что я за полицейскій?“

Въ это время вошелъ въ комнату секретарь его, извѣстный археографъ и разборщикъ рукописей, А. Н. Ермолаевъ. Оленинъ далъ ему письмо и сообщилъ о своемъ недоумѣнн.

— „Я знаю эту руку“, сказалъ Ермолаевъ. Это рука пьяницы (Иванова, Григорьева, что-ли, не знаю), котораго мы выгнали изъ канцеляріи“.

— „Отыскать его“, сказалъ Оленинъ.

Черезъ часъ привели пьянаго писаря, и онъ объявилъ со слезами, что это точно его рука, что онъ написалъ двадцать копій этого письма, по пяти рублей за каждую, по требованію Воейкова, и запечаталъ ихъ, а адреса надписывалъ уже потомъ самъ сочинитель. И тутъ дѣло пошло обычнымъ чередомъ: послали не за оберъ-полиціймейстеромъ, а за Жуковскимъ. Воейкова пожурили вновь, и подвели подъ милостивый манифестъ—прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны¹⁾.

Такимъ образомъ влачила онъ жизнь свою. Издавалъ „Инвалидъ“, „Новости литературы“, „Славянинъ“ и „Литературныя прибавленія“, изрыгая въ нихъ брань и хулу на все честное, благородное, воскуривалъ еиміамъ знатнымъ и богатымъ. Жена его, изнуренная бѣдственнымъ своимъ положеніемъ, впала въ чахотку и отправилась въ Италію. За нѣсколько дней до отъѣзда, въ присутствіи Жуковскаго, попросила она у Воейкова почтовой бумаги.

— „Поди ко мнѣ въ кабинетъ“, сказалъ онъ, „найдеши на моемъ письменномъ столѣ“.

Она пошла и чрезъ нѣсколько минутъ воротилась блѣдная и въ

¹⁾ Тутъ изложеніе Греча не ясно: почему почеркъ Олина оказался почеркомъ Григорьева? Оленинъ спрашивалъ о доносахъ и сходствѣ почерка у самаго Олина и тотъ (а не Ермолаевъ) указалъ на лицо, переписывавшее его стихи для отсылки къ Полевому.

слезахъ, неся въ рукахъ бумагу. Это была эпитафія, заблаговременно написанная ея мужемъ для начертанія на ея могилѣ!

Александра Андреевна умерла въ Ниццѣ въ іюнѣ 1829 года, оставивъ по себѣ въ душахъ всѣхъ, кто зналъ ее, неизгладимое воспоминаніе ея достоинствъ, добродѣтелей и страданій.

Я нѣсколько лѣтъ не видался съ Воейковымъ, встрѣчая его иногда, ѣдущаго въ дрожжахъ или въ саняхъ по улицамъ на поклоны и на павости, какъ написалъ о немъ Булгаринъ:

Лишь только занялась заря
И солнце стало надъ горой,
Воейковъ ѣдетъ на разбой:
Сарынь на кичку кинь!

Онъ разъ свалился съ дрожжекъ, расшибъ себѣ ногу и охромѣлъ, приплюснулъ носъ и носилъ среди лица пластырь подъ черной повязкой. Булгаринъ, увидѣлъ его впервые подъ этой печатью, воскликнулъ стихомъ Батюшкова:

И трауромъ покрылся Капитолій!

Судьба свела насъ съ Воейковымъ печально въ концѣ января 1830 года. Въ то время вышелъ романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ и обратилъ на себя общее вниманіе не только въ публикѣ, но и при дворѣ. Романъ этотъ былъ очень слабъ, но можетъ назваться Иліадою въ сравненіи съ нынѣшними. Булгаринъ въ то время кропалъ своего „Димитрія Самозванца“. Успѣхъ Загоскина ошеломилъ его: онъ вздумалъ унизить произведеніе соперника въ глазахъ публики и началъ побранивать его въ „Пчелѣ“; писалъ самъ и заставлялъ писать сотрудника нашего О ч и н а. Воейковъ, не по убѣжденію, а изъ подлости, вступился за „Юрія“ и возражалъ на критики колко и дерзко. Булгаринъ вдвое — и пошла потѣха. Государю, который читалъ „Пчелу“ каждое утро, было это неприятно. Онъ приказалъ Бенкендорфу унять Булгарина. Бенкендорфъ поручилъ это мягкосердному фонъ-Фоку, а этотъ объявилъ Булгарину очень легко, что нужно смягчить критику и, по крайней мѣрѣ, не называть авторовъ по имени. Булгаринъ принялъ къ свѣдѣнію только послѣднюю часть совѣта и написалъ вновь презлую статью на Загоскина, не называя его по имени. Я ничего не зналъ объ этомъ: переговоры съ Фокомъ велъ самъ Булгаринъ. Въ четвертокъ, 30-го января 1830 г., пріѣзжаю домой къ обѣду и нахожу у себя на столѣ конвертъ съ моимъ адресомъ: „отъ генераль-адъютанта Бенкендорфа“, подъ номеромъ и подъ казенною печатью. Въ конвертѣ официальная записка съ печатнымъ заголовкомъ: „Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя свое

почтеніе его высокородію Н. И. Гречу, покорнѣйше просить явиться къ нему немедленно“.

Пріѣзжаю. Бенкендорфъ встрѣчаетъ меня серьезно словами:

— „Ну вотъ, дописались! Я говорилъ, такъ не слушали. Извольте съ этою бумагою явиться къ коменданту“.

— То-есть, подъ арестъ? сказалъ я. Да что я сдѣлалъ?

— „Вы должны были удерживать Булгарина. Извольте ѣхать“.

— Очень хорошо, да у меня дома будутъ тревожиться моимъ отсутствіемъ, зная, что я поѣхалъ къ вамъ. Пошлите кого-нибудь сказать у меня, что вы оставили меня у себя обѣдать.

— „Извольте!“ отвѣчалъ онъ, призвалъ адъютанта и послалъ по моей просьбѣ, а я отправился въ Зимній дворецъ къ коменданту П. Я. Башуцкому.

Прочитавъ отношеніе, Башуцкій сталъ писать что-то, а въ это время вошелъ въ комнату Воейковъ, блѣдный, исхудалый, хромой, въ самомъ жалкомъ видѣ. Незаслуженный крестъ болтался у него на шеѣ. Кончивъ письмо, Башуцкій всталъ и подаль мнѣ.

— „Извольте идти на дворцовую гауптвахту“.

— Ваше высокопревосходительство, сказалъ я ему, сдѣлайте милость, отправьте туда г. Воейкова. Вы видите, онъ боленъ, слабъ. На другихъ гауптвахтахъ и сыро, и холодно; дуетъ сѣверный вѣтеръ, а я здоровъ, и простуды не боюсь“.

При этихъ словахъ Воейковъ бросился ко мнѣ на шею.

— „Нобль ам! же ву реконне а вотръ женерозите“.

— „Не бойтесь“, сказалъ улыбаясь Башуцкій, „я и его посажу въ теплое мѣсто“.

Я отправился по длиннымъ коридорамъ съ плацъ-адъютантомъ. При входѣ въ караульню, обрадовался я свиданію съ знакомыми. Въ этотъ день Преображенскій полкъ занималъ караулъ въ первый разъ послѣ турецкаго похода. Старшимъ офицеромъ на гауптвахтѣ былъ князь Несвицкій. Въ гостяхъ у него были знакомые мнѣ, и между ними любезный Александръ Христіановичъ Граве.

— „Еще приборъ!“ закричалъ гофъ-фурьеру Несвицкій, и мы сѣли за столъ.

Бесѣда была самая приятная. Послѣ обѣда отправилъ я вѣстоваго къ себѣ на домъ и велѣлъ принести подушку и нѣсколько книгъ. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ братъ мой Павелъ, очень огорченный этимъ происшествіемъ. Въ девять часовъ явился отъ государя флигель-адъютантъ съ приказаніемъ выпустить меня.

Булгаринъ обѣдалъ въ тотъ день у директора американской ком-

паніи И. В. Прокофьева. Онъ лишь только наложилъ себѣ на тарелку свѣжей икры, какъ ему подали записку Бенкендорфа.

— „Что это?“ сказалъ онъ, обнюхивая записку, „ужь не крѣпостью-ли пахнетъ? Смотри, Николай Ивановичъ“, сказалъ онъ сидѣвшему за столомъ подлѣ него Кусову: „сбереги ты мою икру; я скоро ворочусь“, и уѣхалъ къ Бенкендорфу; тамъ дали ему бумагу къ коменданту.

Булгаринъ поѣхалъ къ нему, но Башуцкій уже спалъ послѣ обѣда, и проснулся не ранѣе семи часовъ. Тогда отправили Булгарина въ Новое Адмиралтейство. Жена его, узнавъ о заключеніи мужа, поѣхала его отыскивать. Ей сказали, что онъ сидитъ въ Адмиралтействѣ. Вотъ она ѣдетъ въ Старое и спрашиваетъ: гдѣ сидитъ сочинитель?

— „Здѣсь“, говорятъ ей, и вводятъ ее въ караульню.

Она бросается въ объятія Воейкова.

— „Елена Ивановна!“ восклицаетъ онъ, „вась-ли я вижу?“

— „Ахъ, это не тотъ!“ кричитъ она: „это мошенникъ Воейковъ! Мнѣ надобно Булгарина!“

Съ этими словами выбѣжала она и уѣхала въ Новое Адмиралтейство, гдѣ утолила свою горестъ.

На другой день фонъ-Фокъ далъ мнѣ знать, что я долженъ пойти къ Бенкендорфу. Прихожу. Онъ встрѣчаетъ меня съ распростертыми объятіями и съ умильною улыбкою, какъ-будто сожалѣя обо мнѣ. Я расхохотался.

— „Какъ?“ восклицаетъ онъ. „это вась не огорчило?“

— Ни мало, отвѣчалъ я; меня посадили за дѣло, которому я чуждъ совершенно. Стану-ли я огорчаться, когда упадетъ на меня съ крыши камень? Воля государя, и я ей покорился.

Это очень понравилось Бенкендорфу, ожидавшему жалобъ и упрековъ. На Булгарина это происшествіе подѣйствовало не такъ: ему стыдно и совѣстно было, что за его вину пострадалъ человѣкъ, непричастный къ дѣлу. Онъ написалъ Бенкендорфу, что оскорбленъ и обиженъ этимъ до крайности, что во всю жизнь будетъ помнить это унижительное взысканіе. Дѣйствительно, онъ подписалъ у себя подъ портретомъ государя: 30-го января 1830 года ¹⁾.

Черезъ мѣсяцъ, когда Булгаринъ издалъ своего „Димитрія Самозванца“, ему пожалованъ былъ богатый перстень.

¹⁾ См. также «Рус. Ст.», томъ IV, 1871 г., ноябрь: «Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ», біографическій очеркъ Н. И. Греча, т. IX, стр. 502—506.

Воейковъ объявилъ, что съ этой поры не будетъ ничего писать и печатать противъ меня. „Государь насъ помирилъ“, говорилъ онъ.

Еще долженъ я упомянуть, что Жуковский жарко вступался у Государя за всѣхъ насъ, и Закревскій, у котораго я состоялъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, напяливалъ уже бѣлые панталоны, чтобъ ѣхать съ ходатайствомъ къ Государю, когда узналъ, что мы освобождены.

Разскажу послѣднія походы мои съ Воейковымъ. По смерти Александры Андреевны, вступилъ онъ въ бракъ съ какою-то дѣвицею Некрасовою (кажется, съ кухаркою его); подбилъ къ И. Н. Скобелеву и къ Л. В. Дубельту, льстилъ имъ и питался крохами отъ ихъ трапезы.

Осенью 1838 года, давнишній знакомый мой, полковникъ Лахманъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я нашла у него Воейкова еще въ жалчайшемъ противъ прежняго положеніи. Я обошелся съ нимъ учтиво, какъ съ старымъ знакомымъ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Нельзя было отговориться. Я поѣхалъ къ нему съ Лахманомъ и нашла у него Скобелева и еще нѣсколько лицъ. Мы провели время за чаемъ очень пріятно, слушая розказни отца-командира. Воейковъ жилъ гдѣ-то на Литейной, въ переулкѣ, въ невзрачномъ деревянномъ домикѣ. Уходя отъ него, я не могъ не пригласить его къ себѣ. Вотъ въ первый изъ моихъ четверговъ онъ является ко мнѣ, садится въ кружокъ съ немногими гостями. Пьемъ чай, бесѣдуемъ. Вдругъ зашла рѣчь о покойномъ графѣ Павлѣ Петровичѣ Сухтеленѣ, одномъ изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей въ мірѣ. Всѣ принялись хвалить его. Воейковъ соглашался, что графъ былъ уменъ и храбръ, но прибавилъ: „онъ былъ развратникъ, человѣкъ самой подлой нравственности“. Поднялся споръ. Всѣ вступаются за Сухтелена. Воейковъ упрямо настаиваетъ на своемъ. Въ это время входитъ въ комнату нѣкто Гибаль, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Оренбургѣ, въ домѣ графа, и бывший свидѣтелемъ его скоропостижной кончины.

— Александръ Богдановичъ! сказалъ я, рѣшите нашъ споръ. Вы коротко знали графа Сухтелена: не правда-ли, онъ былъ человѣкъ чистой нравственности?

— „Чистѣйшей въ мірѣ“, отвѣчалъ Гибаль. „Мы всячески старались подсмотрѣть за нимъ какую-либо слабость и не успѣли. Онъ былъ безпороченъ, какъ агнецъ“.

Воейковъ смутился этимъ объясненіемъ, всталъ, опираясь на ко-
стыль, и отправился на утѣчку. Я пошелъ за нимъ, чрезъ билиардную

комнату. Тамъ игралъ Петръ Ильичъ Юркевичъ съ кѣмъ-то; они разговаривали о военныхъ дѣйствіяхъ, не помню какихъ-то.

— „Да это напечатано было въ реляціи!“ сказалъ другой.

— „А развѣ ты не знаешь поговорки?“ возразилъ Юркевичъ.
„Лжетъ, какъ реляція!“

Тутъ Воейковъ возвысилъ свой вѣрноподданнической голосъ:

— „Молодой человѣкъ! какъ вы смѣете говорить это? Реляціи пишутся и издаются правительствомъ, и кто называетъ ихъ ложью, тотъ“.....

— Молчать, шпионъ! закричалъ я, вонъ изъ моего дому!

Воейковъ розинулъ-было ротъ, но я подошелъ къ нему и еще громче закричалъ:

— Вонъ,.....!

— „Иду, иду“, промолвилъ онъ, и вышелъ въ переднюю.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ его.

Онъ умеръ 16-го іюня 1839 г., написавъ письмо къ Л. В. Дубельту о неоставленіи жены его: „она-де женщина простая, но благородная въ душѣ“.

(Изъ Записокъ Н. И. Греча).

Сообщ. Е. И. Гречъ.

Изъ исторіи суевѣрій русскаго народа

1728 г. ¹⁾.

Сего 1723 году апрѣля въ 24 день, по сказкѣ и свидѣтельству Утусскихъ заводовъ заплочнаго мастера Наума Васильева Камзолки, Семена Иванова Пѣтухова, укладнаго Ивана Парначева съ товарищи, мертваго человѣка тѣло опознали: сіе-де тѣло утусскаго мѣднаго ученика Михайла Козмина Шабаева. И по оной сказкѣ и свидѣтельству того же Утусу убитаго мастераго человѣка Михаила Шабаева жена Овдотья Сидорова дочь, здѣсь на Утусѣ въ канцелярію сыскана и допрашивана, а въ допросѣ сказала: „Прошлаго 1721 года въ октябрѣ мѣсяцѣ, по своду Ивана Коновала жены его Овдотьи, Яковлевой дочери, жила-де она, Овдотья, въ дѣвкахъ съ шихтмейстеромъ Степаномъ Братцовымъ и въ замужествѣ и послѣ мужа, блудно, тому третій годъ; а какъ сводила, волосы Братцовъ у нея съ головы отрѣзалъ и говорилъ: „Твоихъ-де волосовъ нынѣ досталъ“. А послѣ въ третью недѣлю Ивану Коновалу волосы отдалъ, а Коноваль отцу ея и матери отдалъ. И она, Овдотья, по немъ, Братцовѣ, стала тужить и сохнуть и нынѣ безъ него, Братцова, жить она не можетъ. А какъ-де мужа ея безвѣстно не стало въ минувшемъ 722 году октября 22 дня, про то не знаетъ она. Прержъ того отъ Братцова и отъ Коновала похвальныя рѣчи слышала: „Каковы-де ни есть мужу твоему будемъ, убьемъ или застрѣлимъ“. А послѣ-де того, какъ мужа въ вѣстяхъ не стало, Братцовъ и Коноваль говорили: „Мужъ-де твой къ тебѣ не будетъ“. Да гулящій Василій Бычей-Хвостъ говорилъ же у Братцова въ домѣ: „Мужъ-де твой не будетъ: ушелъ вѣчно“. Да молотовой подмастерье Захаръ Ваганъ, какъ ее, Овдотью, отдавали въ замужество, былъ сторожемъ; и говорилъ Братцовъ: „Что я тебѣ велѣлъ сдѣлать, сдѣлалъ-ли?“ И оный-де Захаръ къ его рѣчамъ говорилъ: „я-де сдѣлаю, и давалъ ей пить онъ, Захаръ, во стаканѣ, вкусомъ солоно, да во вторые давалъ съ травою. А какъ убить мужа Братцовъ и Коноваль похвалялись, а она имъ, Овдотья, сказала: „Какъ-де вы хотите, а я того боюсь“.

Того ради прошу: въ оберъ-бергamtъ указомъ его императорскаго величества повелѣно (бъ) было вышеозначеннаго шихтмейстера Братцова, къ подлинному розыску, судныхъ дѣлъ въ кацеларію прислать.

О семъ доносить судебный комисаръ Венедиктъ Томиловъ. Апрѣля 27 дня 1723 году.

Екатеринбургъ.

Сообщ. Н. Е. Чупинъ.

¹⁾ Изъ дѣлъ екатеринбургскаго горнаго архива.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ А. Ф. БАЗУНОВА

(Невскій проспектъ, у Казанскаго моста, д. Ольгиной)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Полное собраніе сочиненій **Николая Ѳедоровича Щербины**. Спб., 1874 г. Ц. 2 р., пересыл. за 2 фун.

Содержаніе этой книги: Стихотворенія.—Эпиграммы.—«Сонникъ Русской Литературы» (путливныя характеристика литературныхъ дѣятелей 1852—1868 гг.).—Альбомъ Иппохондрика.—Наброски дома и за границей.—Сатирическая лѣтопись: ямбы, всенія, эпиграммы, шутки и школьничество одного довольно пожилаго коллежскаго ассессора.—(Чухонскія Афины, 1862—1869 гг.).

Стихотворенія **Н. А. Некрасова**. 3 тома. Спб. 1874 г. Ц. 6 р., пер. за 5 ф.

Сочиненія графа **Л. Н. Толстаго**, въ восьми томахъ. М. 1874 г. Ц. 12 р., пер. за 7 ф.

Повѣсти и рассказы **Д. В. Григоровича**. Семь томовъ. Ц. 12 р., съ перес. 15 р.

Очерки и рассказы, соч. **Глѣба Успенскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Разоренье.—Старьевщинъ.—Идиллія.—Зарокъ не пить. Соч. **Глѣба Успенскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Нравы Растеряевой улицы.—Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Бойцы.—Извозчикъ.—Соч. **Глѣба Успенскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ чужомъ полѣ, романъ въ двухъ книгахъ. **Петра Бобарынина**. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Вѣчный мужъ, рассказъ **Ѳедора Достоевскаго**. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Картины изъ русской жизни. Соч. **Успенскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дуэлисты.—Городъ Смуровъ. **А. Чумбинскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Доброе старое время (очерки былаго). **А. Милюкова**. Ц. 1 р. 25 к., перес. 1 р. 50 к.

Окольнымъ путемъ, повѣсть. Въ морѣ житейскомъ, литературный жанръ. **В. Авсѣенко**. Столичный воздухъ, эскизъ петербургскихъ нравовъ, **Д. В. Григоровича**. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Лѣнтяй. Его воспоминанія, наблюденія и замѣтки.—Про одну старуху, **Глѣба Успенскаго**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Рассказы и Путевыя Воспоминанія. **А. Милюкова**. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изъ походныхъ очерковъ.—1) Отъ штаба до зимнихъ квартиръ.—2) Базарный день въ Свислочи.—3) Облава на утокъ.—4) Буиновъ—мой сосѣдъ. **Вс. В. Крестовскаго**. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ **Баунова** въ Спб., и въ магазинѣ **Соловьева** въ Москвѣ, можно получить всѣ 12-ть книгъ, съ приложеніями, изданія:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г. (изданіе второе).

Въ «Русской Старинѣ» 1872 г., между прочимъ, напечатаны: Записки гр. Чернышева, сподвижника Петра Великаго. — Воспоминанія академика Витберга, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ **А. И. Герценомъ** (Искандеромъ) въ 1836 г. — Записки поч. лейбъ-хирурга **Тарасова**. — Записки партизана **Дениса Давыдова**. — Собственноручныя шуточные произведенія Петра Великаго о князь-папѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I, какъ юмористъ). — Секретныя депеши прусскаго посла объ обѣдахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія кн. **М. М. Щербатова**, кн. **Суворова**, кн. **Голенищева-Кутузова** - Смоленскаго, гр. **Мордвинова**, гр. **Сперанскаго**, **Ермолова** и друг. — Секретныя донесенія **Дибича** и **Паскевича** о **Ермоловѣ** 1826 — 1827 гг. — Письмо **Ермолова** къ **Устрялову**. — Письмо **Н. Н. Муравьева** (**Барскаго**) къ **Ермолову** 1855 г., съ отвѣтомъ на него кн. **Святополкъ-Мирскаго**. — Письмо фельдмаршала кн. **И. Э. Паскевича** къ кн. **М. Д. Герцакову** о защитѣ и паденіи Севастополя (1855 г.). — Воспоминанія **Т. П. Пассежъ** 1810—1826 гг. — Дѣло о жестокостяхъ помѣщика **Измайлова** 1825 г. — Историческіе рассказы и анекдоты, записанныя со словъ именитыхъ людей **П. Э. Карabanовымъ** и др. лицами. — Думы, посланія, сатира на **Аракчеева** и пророческая ода «Видѣніе» **Рылѣева**. — Воспоминанія о **Гоголѣ** — **Верга**, о **Грибоѣдовѣ** — **Каратыгина**, объ **Аракчеевѣ** — доктора **Европеуса**. — Смерть **Грибоѣдова** — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ **А. П. Верже**. — Незд. стихотворенія **Лермонтова**. — «Насильный бракъ» баллада гр. **Ростопчиной**. — Басни и сказки **Жемницера** (по подлинной его рукописи). — Письма **Дубельта**. — «Маіоръ» шутка-поэма **Федотова**. — «Солдатская сказка про царей російскаго и нѣмецкаго» **Чернышева**. — Мнѣніе по дѣлу **Петрашевскаго** 1849 г. Письма и программы оперы «**Русланъ и Людмила**» — **М. И. Глинки**, и проч.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г., третій годъ, имѣетъ приложенія: «Записки» **А. Т. Волотова** (т. III-й). Портреты: академика **Витберга** и Пѣвца былинъ **Рябинина**. — Фрески на гѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка. — Рисунки: Храмъ Спасителя въ Москвѣ — по проекту **Витберга**. — Домъ, въ которомъ скончался кн. **Кутузовъ-Смоленскій**, въ Бунцау, и памятникъ ему тамъ же. — Снимокъ съ письма кн. **Кутузова** о **Бородинской битвѣ** 1812 г. — Рисунокъ казни **Пугачева** и нѣсколько рисунковъ въ Запискахъ **Волотова**.

Гг. Инѣгородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“: въ С.-Петербургъ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1872 года съ пересылкой—8 руб.

Всѣ экземп. „Русской Старинѣ“ 1870 г. (два изд.), 1871 г. и 1873 г. сполна разошлись по подпискѣ.

ПРИНЦЪ ПЕТРЪ.

ПРИНЦЪ АЛЕКСѢЙ.

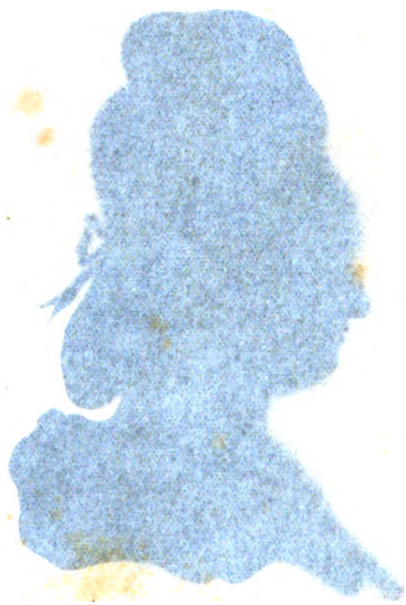
ПРИНЦЕССА ЕЛИСАВЕТА.

ПРИНЦЕССА ЕКАТЕРИНА.

ДѢТИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.

Рисовалъ бывший при нихъ лекарь Карлъ Бошнякъ.

ОТПРАВЛЕНИЕ БРАУНШВЕЙГСКОЙ ФАМИЛИИ ИЗЪ ХОЛМОГОРЪ ВЪ ДАТСКІЯ ВЛАДѢНІЯ.

(Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Составитель представляемаго здѣсь изслѣдованія, Василій Алексѣевичъ Полѣновъ, родился 1-го января 1776 г. близъ Валдая, въ деревнѣ Березайкѣ, въ которой его родители остановились на обратномъ пути изъ Москвы въ Петербургъ. Отецъ его Алексѣй Яковлевичъ, не богатый костромской дворянинъ, литераторъ, превосходно образованный, прилагалъ самое ревностное попеченіе о его образованіи. Въ 1783 г. семилѣтній Полѣновъ поступилъ пансіонеромъ въ гимназію Академіи Наукъ, находившуюся тогда въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Склонность къ наукамъ и ученымъ трудамъ развилась въ Полѣновѣ еще въ нѣжномъ отрочествѣ. Въ 1785 году онъ, находясь въ стѣнахъ гимназіи, былъ записанъ фурьеромъ въ Преображенскій полкъ, а черезъ пять лѣтъ, въ чинѣ капитана выпущенный изъ полка, опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Свѣтлый умъ, богатая способность и трудолюбіе Полѣнова обратили на него справедливое вниманіе высшаго начальства; чины и ордена, вполне заслуженные, были наградами его неутомимой дѣятельности. Особенно обширное для нея поле открылось въ 1830 году, когда В. А. Полѣновъ, будучи правителемъ канцеляріи государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ членомъ въ высочайше учрежденную временную комиссію для разбора архивовъ государственнаго и с.-петербургскихъ департаментовъ правительствующаго сената. Вслѣдъ затѣмъ ему высочайше былъ порученъ разборъ и приведеніе въ порядокъ разныхъ бумагъ и государственныхъ дѣлъ, поступавшихъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, при новомъ образованіи котораго В. А. Полѣновъ,

въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ назначенъ директоромъ департамента внутреннихъ сношеній. Помимо этой должности онъ управлялъ департаментомъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ и вторымъ главнымъ архивомъ министерства. Въ 1834 году, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, В. А. Полъновъ былъ назначенъ управляющимъ государственнымъ архивомъ, учрежденнымъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1841 году, по высочайшему повелѣнію, онъ обозрѣвалъ и привелъ въ устройство московскій главный архивъ, а въ 1849 году, въ званіи члена совѣта того же министерства и управляющаго государственнымъ архивомъ, В. А. Полъновъ принялъ въ свое вѣдѣніе главные архивы обѣихъ столицъ. Это многостороннее служебное поприще В. А. Полънова продолжалось пятьдесятъ девять лѣтъ и только преклонная старость и неразлучный съ нею упадокъ силъ ослабили его энергію. Но труженикъ на поприщѣ государственной службы не зналъ празднаго отдыха, или, лучше сказать, отдохновеніемъ В. А. Полънова были его историческіе и литературные труды, которые, сами по себѣ, могли доставить ему извѣстность. Чуждый авторскаго самолюбія, В. А. Полъновъ въ тиши кабинета, съ ранней молодости, занимался литературными трудами, собраніе которыхъ составило десять рукописныхъ томовъ. Онъ велъ библиографическія и критическія замѣтки съ 1796 по 1841 годъ о прочитанныхъ имъ книгахъ. Какъ знатокъ отечественнаго языка, онъ, еще въ 1828 году, избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Въ 1830-хъ годахъ Академія вознамѣрилась издать въ свѣтъ литографированные портреты своихъ членовъ и приложить къ нимъ ихъ біографіи. По этому поводу В. А. Полъновъ составилъ нѣсколько жизнеописаній и два изъ нихъ — митрополита Гавріила и знаменитаго ученаго, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи, И. И. Лепехина, — были напечатаны въ „Трудахъ Академіи“. А. С. Пушкинъ, бывшій въ засѣданіи Академіи когда жизнеописаніе Лепехина было читано (18-го января 1836 г.), отозвался о немъ какъ о статьѣ дѣльной, полной, прекрасно изложенной, — словомъ, истинно-академической. Съ начала сороковыхъ годовъ, когда Россійская Академія была преобразована въ Отдѣленіе Академіи Наукъ, В. А. Полъновъ, уже бывшій съ 1834 года почетнымъ членомъ сей послѣдней, поступилъ въ ординарные академики Отдѣленія. Въ этомъ званіи онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ составленіи „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“, изданнаго Академіею въ 1847 году.

Интересный историческій трудъ: „Отправленіе Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія“, по отзыву біографа По-

лѣнова — П. А. Плетнева, „останется въ литературѣ нашей памятникомъ ума зрѣлаго, искусства въ лучшемъ смыслѣ классическаго, гдѣ обдуманно каждое слово, гдѣ не пропущено ни одной художественной черты въ событіи, и гдѣ все, трогающее душу, обрисовано нѣжными, тонкими красками. По своей безпримѣрной скромности, только разъ прикоснувшись, какъ писатель, къ союзицамъ отечественной исторіи, В. А. Полѣновъ показалъ образецъ, какъ надобно пользоваться матеріаломъ государственнаго дѣла для литературнаго произведенія“.

В. А. Полѣновъ скончался 21-го іюля 1851 года.

Ред.

Предлагаемая статья, написанная покойнымъ отцемъ моимъ В. А. Полѣновымъ, появилась въ первый разъ въ печати въ 1837 г. и была помѣщена въ I-й части „Трудовъ Россійской Академіи“. Статья эта, кромѣ другихъ своихъ достоинствъ, напримѣръ, чистоты языка, обратила на себя вниманіе еще и тѣмъ, что была составлена по архивнымъ источникамъ. Въ то время архивы были заповѣднымъ мѣстомъ, проникнуть въ которое и пользоваться хранившимися въ нихъ сокровищами было удѣломъ не многихъ. Кромѣ того, официальные понятія объ императрицѣ Екатеринѣ II и ея царствованіи были діаметрально противоположны тому взгляду, который съ большею справедливостію сложился объ этой великой государынѣ въ наше время. Первый, кто въ своихъ преподаваніяхъ русской исторіи выставилъ ее въ истинномъ свѣтѣ—былъ академикъ К. И. Арсеньевъ ¹⁾.

Покойный отецъ мой, заставшій послѣдніе годы царствованія Екатерины въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и бывшій свидѣтелемъ послѣдовавшаго за ней правленія, находился въ числѣ самыхъ усердныхъ ея почитателей; поэтому онъ безусловно раздѣлялъ взглядъ Арсеньева на Екатерину.

Занимаясь государственнымъ архивомъ по званію управляющаго онымъ и посвятивъ дѣятельность свою преимущественно разбору бумагъ временъ Екатерины, отецъ мой составилъ выше-названную статью и, какъ членъ Россійской Академіи, напечаталъ ее въ поманутомъ ея изданіи. Небольшое число отдѣльныхъ оттисковъ этой статьи было роздано имъ нѣкоторымъ изъ его близкихъ знакомыхъ. Между ними былъ князь П. Б. Козловскій, служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ и отличавшійся замѣчательнымъ умомъ и обширными познаніями. Онъ перевелъ статью о Брауншвейгской фамиліи на французскій языкъ и отдалъ свой переводъ извѣстному тогда

¹⁾ Арсеньевъ былъ преподавателемъ русской исторіи нынѣ царствующему Государю Императору, въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ престола.

путешественнику маркизу Кюстиню, посѣтившему наше отечество въ 1839 году. Въ описаніи путешествія своего по Россіи, изданномъ подъ заглавіемъ: „La Russie en 1839“, Кюстинъ помѣстилъ полученную имъ статью въ числѣ не многихъ приложений къ IV т., сдѣлавъ однако же въ ней нѣсколько пропусковъ. Кромѣ того, онъ предпослалъ къ ней небольшое предисловіе и тутъ-то показалъ свое качество невѣжды и *blagueur'a*, который, чтобы быть вѣрнымъ своему ложному взгляду, не останавливается ни передъ какою неправдою.

Въ этомъ предисловіи Кюстинъ, между прочимъ, пишетъ въ концѣ: „Чтобы оцѣнить настоящимъ образомъ лицемѣріе царицы въ дѣйствіяхъ ея съ своими узниками, не надо забывать, что настоящій рассказъ написанъ былъ для самой императрицы, и что, поэтому, всякое событіе представлено со стороны самой приличной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой удовлетворительной для великой души Екатерины II. На эту статью должно смотрѣть, какъ на трудъ канцелярскій и оффиціальнѣйшій, а не какъ на безпристрастный и правдивый рассказъ. Онъ заключаетъ въ себѣ эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II. составленный по высшему приказанію, съ цѣлю доказать челоувѣколюбіе Сѣверной Семирамиды“.

Къ заглавію статьи Кюстинъ прибавилъ: „Займствовано изъ первой части актовъ императорской Россійской Академіи“.

Здѣсь, что ни строка, то очевидная ошибка, даже нестоющая опроверженія. И все это передано тономъ диктаторской самоувѣренности въ несомнѣнной силѣ своего знанія.

Д. Полѣновъ.

Исслѣдованіе В. А. Полѣнова «Объ отправленіи Брауншвейгской фамиліи изъ Россіи» до позднѣйшаго времени служило главнымъ источникомъ для всѣхъ, кто останавливался на судьбѣ дѣтей правительницы Анны Леопольдовны. Ссылки на этотъ трудъ мы встрѣчаемъ во множествѣ монографій о событіяхъ русской исторіи XVIII вѣка. Въ виду этого одна уже перепечатка труда покойнаго ученаго, — перепечатка изъ изданія, нынѣ составляющаго библиографическую рѣдкость, — была бы не бесполезна; но мы не перепечатаемъ, а издаемъ его вновь съ подлинной рукописи, скрѣпленной подписью самаго автора.

Эта рукопись, весьма изящно переписанная, золотобрѣзная, въ листъ (65 стр.), есть, очевидно, подносный экземпляръ; она сохранилась въ бумагахъ недавно умершаго д. т. сов. сенатора А. В. Веневитинова и весьма обязательно сообщена намъ его сыномъ М. А. Веневитиновымъ, не только любителемъ, но и исслѣдователемъ въ области русской исторіи.

По сличеніи съ печатнымъ изданіемъ 1837 г., означенная рукопись представляетъ нѣсколько, если не большихъ по объему, то существенныхъ по значенію мѣстъ, опущенныхъ въ печати; съ другой стороны, въ печати сдѣланы нѣкоторыя, впрочемъ, не важныя дополненія; всѣ эти различія оговорены Д. В. Полѣновымъ въ подлежащихъ мѣстахъ, въ выговорахъ.

Независимо отъ этихъ различій текста рукописи съ печатнымъ изданіемъ, необходимо замѣтить, что при рукописи, принадлежащей М. А. Веневитинову, приложены: «Копія съ силуэтовъ Брауншвейгской фамиліи, снятыхъ бывшимъ при ней лекаремъ Карломъ Бошнякомъ».

Силуэты эти не были до сихъ поръ напечатаны и мы впервые ихъ издаемъ въ точнѣйшихъ снимкахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поблагодарить, какъ М. А. Веневитинова за его сообщеніе, такъ Д. В. Полѣнова, взявшаго на себя трудъ, по нашей просьбѣ, наблюсти за изданіемъ настоящаго интереснаго изслѣдованія достоуважаемаго своего родителя.¹⁾

Ред.

I.

Долго томилась Брауншвейгская фамилія въ заточеніи. Послѣднимъ мѣстомъ ея пребыванія въ Россіи были Холмогоры, древній городъ Архангельской губерніи, построенный на Двинскомъ островѣ въ 72-хъ верстахъ отъ Архангельска. Она помѣщалась въ отдѣленномъ отъ другихъ жилищъ домѣ, назначенномъ собственно для нее и для приставленныхъ къ ней чиновниковъ и служителей. Прогулка и пользованіе воздухомъ позволялись ей только въ саду, который находился при самомъ домѣ.

Несчастный отецъ, лишенный супруги своей, бывшей Правительницею Россійскаго государства и потерявшій, наконецъ, зрѣніе, умеръ 4-го мая 1774 года, не доживъ свободы, которую испрашивалъ со слезами. Тогдашнія политическія обстоятельства и самое спокойствіе государства не позволяли исполнить его желанія.²⁾ Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Старшая изъ нихъ, принцесса Екатерина, родилась въ С.-Петербургѣ до постигшаго родителей ея несчастія; принцесса Елисавета—въ Динаминдѣ; принцы Петръ и Алексѣй—въ Холмогорахъ. Рожденіе послѣдняго сопровождается смертію матери. Для наблюденія за ними былъ опредѣленъ военный штабъ-офи-

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» объ Аннѣ Леопольдовнѣ и ея дѣтахъ см., между прочимъ, въ изд. 1870 г., т. I (стр. 410): «Замѣтку графа М. А. Корфа о погребеніи принцессы Анны Леопольдовны» (это отрывокъ изъ обширнаго рукописнаго труда гр. Корфа). Въ изд. 1873 г. («Р. С.», т. VII, стр. 67): «Сказаніе духовника дѣтей Анны Леопольдовны», съ приложеніемъ рисунка острога, въ которомъ томилось это злосчастное семейство. Сказаніе и рисунокъ сообщены Академикомъ А. А. Куникомъ.

Ред.

²⁾ Это мѣсто, начиная отъ слова: «Тогдашнія....», въ печатномъ изданіи выпущено.

Д. П.

церь съ командою; для ихъ услугъ назначено нѣсколько чело-
вѣкъ мужскаго и женскаго пола изъ простаго званія. Въ тѣс-
номъ своемъ заключеніи, принцы и принцессы лишены были часто
самаго нужнаго къ своему содержанію.¹⁾ Всякое сообщеніе съ по-
сторонними было имъ запрещено. Одинъ архангельскій губерна-
торъ имѣлъ повелѣніе навѣщать ихъ по временамъ, чтобы освѣ-
домляться о ихъ состояніи. Воспитанные вмѣстѣ съ простолою-
динами, они не знали другаго языка, кромѣ русскаго.

На содержаніе Брауншвейгской фамилии и на жалованье при-
ставленнымъ къ ней людямъ, также на починки и пристройки
дома, который она занимала, не было опредѣленной суммы; но
отпускалось изъ архангелогородскаго магистрата ежегодно отъ
десяти до пятнадцати тысячъ рублей. Вещи на платье для фа-
миліи присылались изъ императорскаго гардероба, а жалованье
и мундирныя вещи на воинскую команду производились изъ
крюгсъ-коммиссаріата.

II.

Императрица Екатерина II, вскорѣ по восшествіи на пре-
столь, смягчила нѣсколько суровость содержанія заключенныхъ.
Удостоившись наконецъ, что освобожденіе дѣтей Антона-Ульриха
не представляетъ никакой опасности для имперіи, она вознамѣ-
рилась отправить ихъ въ датскія владѣнія и поручить въ покрови-
тельство родной сестры ихъ отца, вдовствовавшей королевы
датской Юліаны-Маріи. Съ этою цѣлію²⁾ императрица начала съ
нею непосредственную переписку. Первое собственноручное о
томъ письмо ея послано было 18-го марта 1780 года. Екате-
рина предлагала королевѣ поселить Брауншвейгскую фамилію въ
Норвегіи.

Съ чувствомъ признательности и съ изъявленіемъ особеннаго
удовольствія приняла королева предложеніе императрицы и от-
вѣчала ей, что и король, сынъ ея, совершенно согласенъ на всѣ
предположенія ея величества, касающіяся до Брауншвейгской
фамиліи. Король самъ писалъ къ императрицѣ, увѣряя ее въ
готовности своей исполнить всѣ ея желанія. Но впоследствии
королева увѣдомила императрицу, что въ Норвегіи нѣтъ ни од-

¹⁾ Въ печатномъ изд. выпущено отъ словъ: «Въ тѣсномъ...». Д. II.

²⁾ Въ печатномъ изданіи это мѣсто выражено слѣдующимъ образомъ: «Же-
лая совершить свое намѣреніе безъ посторонняго участія». Д. II.

ного мѣста, которое не имѣло бы порта и не было бы при морѣ. Признано за лучшее перевезти Брауншвейгскую фамилію во внутрь Ютландіи, въ уѣздъ, равно удаленный и отъ моря, и отъ большихъ дорогъ. Небольшой городъ Горсенсъ избранъ былъ для ея пребыванія, и король купилъ тамъ для нее два дома.

III.

Между тѣмъ, какъ происходила переписка съ королевою, дѣлались приготовленія къ отправленію Брауншвейгской фамиліи. Императрица желала исполнить свое предположеніе, сколь возможно, тайнымъ образомъ, чтобъ не произвести огласки въ народъ и не подать повода къ ложнымъ и пустымъ толкамъ. Для того дѣло объ отправленіи фамиліи возложено было на попеченіе немногихъ. Главнымъ производителемъ этого дѣла былъ находившійся тогда при императрицѣ бригадиръ Безбородко.¹⁾

Въ то время назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ ярославскимъ, вологодскимъ и архангельскимъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Мельгуновъ. Ему велѣно ѣхать изъ С.-Петербурга прямо къ городу Архангельску подъ видомъ ближайшаго осмотра вѣреннаго ему края. Въмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему узнать лично принцевъ и принцессъ; стараться купить или построить вновь хорошее рѣчное судно, подъ предлогомъ собственной его въ немъ надобности для плаванія по рѣкамъ Архангельской губерніи; потомъ купить надежный купеческій корабль: если же хорошаго не отыщется, приказано построить въ скорости на Онегѣ трехмачтовый купеческой же корабль,²⁾ будто для опытовъ, препорученныхъ ему императрицею въ сѣверныхъ моряхъ, и приискать старыхъ и заслуженныхъ матросовъ съ искуснымъ морскимъ офицеромъ.

IV.

Мельгуновъ, пріѣхавъ въ Архангельскъ, отобралъ предварительно отъ бывшаго тамъ губернатора Головцына всѣ свѣдѣнія о Брауншвейгской фамиліи и потомъ немедленно отправился въ Холмогоры.

При входѣ Мельгунова въ домъ, гдѣ жили принцы и прин-

¹⁾ Въ печатномъ прибавлено: «бывшій впоследствии дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ перваго класса и канцлеромъ». Д. П.

²⁾ Въ печатномъ: «трехмачтовое купеческое судно». Д. П.

цессы, всѣ они встрѣтили его въ передней съ примѣтною робостію; кланялись ему почти въ ноги и просили его о неоставленіи ихъ. Мельгуновъ, стараясь ихъ ободрить, сказалъ, что онъ, по высочайшей волѣ императрицы, поставленъ начальникомъ Архангельской губерніи и обязанный знать о всемъ въ тамошней сторонѣ, разсудилъ и ихъ посѣтить. Къ тому онъ прибавилъ, что, сколько ему извѣстно, государыня имѣетъ объ нихъ попеченіе. При этихъ словахъ всѣ они пали на землю, и обѣ сестры проливали слезы. Меньшая сказала, что съ самаго начала царствованія государыни, они воскресли милостію ея величества, а до того времени такъ во всемъ нуждались, что и башмаковъ не имѣли.¹⁾ Потомъ, именемъ всѣхъ, униженно просила Мельгунова изъявить ея величеству при случаѣ наиблагодарнейшую ихъ благодарность.

Пробывъ въ Холмогорахъ шесть сутокъ, Мельгуновъ посѣщалъ ежедневно принцевъ и принцессъ; всякой день обѣдалъ у нихъ съ губернаторомъ, а иногда и ужиналъ за общимъ столомъ; послѣ обѣда просиживалъ съ ними большую половину сутокъ, проводя время въ карточной игрѣ, называемой тресеть, для него, какъ онъ говоритъ, очень скучной, а для нихъ веселой и обыкновенной. Въ продолженіе этого времени, согласно съ даннымъ ему предписаніемъ, онъ старался узнать о состояніи ихъ здоровья, нравахъ и умственныхъ способностяхъ.

Вотъ какъ описываетъ Мельгуновъ особъ Брауншвейгской фамилии:

«Старшая сестра Екатерина имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ; сухощава и небольшого росту; бѣлокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ потеряла слухъ и такъ косноязычна, что словъ ея нельзя почти разумѣть. Братья и сестры объясняются съ нею знаками. При всемъ томъ имѣетъ столько понятія, что когда братья и сестра, не дѣлая никакихъ знаковъ, говорятъ ей что-нибудь шопотомъ, она понимаетъ ихъ по одному движенію губъ и отвѣчаетъ имъ сама, иногда тихо, иногда довольно громко, такъ что и не привыкшіи къ такому разговору можетъ разумѣть ее. Изъ обхожденія ея видно, что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нраву тихаго и веселаго: увидя, что другіе въ разго-

¹⁾ Вмѣсто этого въ печатномъ сказано: «а до того времени очень во всемъ нуждались, и униженно», и т. д.

ворахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними. Впрочемъ, она сложенія здороваго; только отъ цынготной болѣзни почернѣли у ней зубы и нѣсколько ихъ уже выврошилось.

«Меньшой сестрѣ Елисаветѣ 36 лѣтъ. Отъ паденія съ каменной лѣстницы, съ самой верхней ступени до низу, на 10 году возраста, она разшибла голову, отчего часто подвержена головной боли, а особливо въ переменныя погоды и ненастье. Для предупрежденія боли сдѣланъ ей на правой рукѣ фонтенель. Она подвержена также частымъ припадкамъ по слабости желудка. Ростомъ и лицомъ похожа на мать. Словоохотливостію, обхожденіемъ и разумомъ Елисавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру. Всѣ они ей повинуются и исполняютъ все, что она ни прикажетъ. Она большею частію за всѣхъ ихъ говоритъ, за всѣхъ отвѣчаетъ и поправляетъ иногда ошибки въ ихъ словахъ. Въ 1777 году, отъ приключившейся ей горячки и другихъ женскихъ немощей, она была нѣсколько мѣсяцевъ въ помѣпательствѣ; но послѣ поправилась и теперь въ совершенномъ умѣ. Нельзя, однакоже, сказать, чтобы Елисавета имѣла въ себѣ что-нибудь чрезвычайное. Выговоръ ея, такъ какъ и братьевъ, соотвѣтствуетъ нарѣчію того мѣста, гдѣ они родились и выросли.

«Большой братъ Петръ 35-ти лѣтъ. Поврежденный въ дѣтствѣ, онъ имѣетъ спереди и сзади небольшіе и съ перваго взгляда почти непримѣтныя горбы. Правый бокъ у него нѣсколько кривъ; ногами косопалъ и одна также крива. Онъ очень простъ, робокъ, застѣнчивъ и молчаливъ. Всѣ приемы его, такъ какъ и меньшаго брата, приличны только малымъ дѣтямъ. Нрава онъ слишкомъ веселаго: смѣется и хохочетъ, когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Временемъ бываютъ у него гемороидальные припадки; впрочемъ, онъ сложенія здороваго, но боится даже до обмороку, когда заговаряютъ о крови. Такую сильную боязнь приписываетъ онъ тому, что мать его, бывши имъ беременна, чрезвычайно испугалась отъ порѣза своего пальца и теченія крови.

«Меньшой братъ Алексѣй 34-хъ лѣтъ. Съ такою же простою, какъ и старшій его братъ, онъ кажется однако же нѣсколько связнѣе, смѣлѣе и осторожнѣе его. Сложеніе имѣетъ здоровое и нравъ довольно веселый. Оба брата росту меньшаго, бѣлокуры и лицомъ похожи на отца.

«Какъ братья, такъ и сестры живутъ между собою дружески и притомъ незлобивы и человеколюбивы. Лѣтомъ работаютъ въ саду; ходятъ за курами и утками и кормятъ ихъ, а зимою—бѣгаются въ запуски на лошадяхъ по пруду, находящемуся съ саду ихъ, читаютъ церковныя книги и играютъ въ карты и пашеи. Дѣвицы, сверхъ того, занимаются иногда шитьемъ бѣлья. Въ томъ состоятъ всѣ ихъ упражненія».

V.

Замѣтивъ, что Елисавета умнѣ своихъ братьевъ, Мельгуновъ обратилъ на нее болѣе вниманія и чаще входилъ съ нею въ разговоры. Между прочимъ, она говорила Мельгунову, что сперва самъ покойный ея отецъ, а когда онъ лишился зрѣнія, то они утруждали государыню просьбами, которыя и теперь повторили бы, но не осмѣливаются и боятся, не прогнѣвили-ли они своими просьбами ея величество. На вопросъ Мельгунова, въ чемъ состоятъ ихъ просьбы, Елисавета отвѣчала:

— «Отецъ и мы, когда были еще очень молоды, просили дать намъ вольность; когда же отецъ нашъ ослѣпъ, а мы вышли изъ молодыхъ лѣтъ, то испрашивали позволенія проѣзжаться; но ни на что не получили отвѣта».

Мельгуновъ, увѣривъ Елисавету, что она напрасно думаетъ, будто императрица на нихъ прогнѣвалась, спросилъ ее:

— «Куда же отецъ вашъ намѣренъ былъ съ вами ѣхать?»

Елисавета сказала: «Отецъ нашъ намѣренъ былъ ѣхать въ свою землю. Тогда для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ. По молодости своей, мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію. Но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать, какъ только того, чтобъ жить здѣсь въ уединеніи. Здѣсь, по милости государыни, нашей воскресительницы, мы всѣмъ довольны. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостенъ; мы даже не знаемъ, какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ,—продолжала она со слезами и поклонами,—исходатайствовать намъ у ея величества милость, чтобъ позволено намъ было выѣзжать изъ дому на луга для прогулки;

мы слышали, что тамъ есть цвѣты, какихъ въ нашемъ саду нѣтъ. Подполковникъ и офицеры, которые теперь при насъ, имѣютъ женъ; мы просимъ позволить имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ однимъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портнаго, который могъ бы на насъ шить платье. По милости государыни присылаютъ къ намъ изъ Петербурга корнеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ для того, что ни мы, ни дѣвки наши, не знаемъ, какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка, который бы умѣлъ наряжать насъ. Бани въ саду стоятъ близко въ нашихъ деревянныхъ покояхъ; мы боимся, чтобъ насъ не сожгли; прикажите отвести ее подалѣе.

Наконецъ Елисавета просила со слезами о прибавкѣ жалованья служителямъ и служительницамъ, кормилицынымъ дѣтямъ, находящимся при нихъ, и о дозволеніи имъ имѣть свободный выходъ изъ дому, такъ какъ и другимъ тутъ же служащимъ дозволено. Къ этому она прибавила:

— «Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ больше утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ и рады остаться въ такомъ положеніи на вѣкъ».

Мельгуновъ убѣждалъ Елисавету написать прошеніе къ императрицѣ и изъяснить въ немъ всѣ ея желанія. Но она никакъ на то не согласилась, а написала только въ своей просьбѣ, что она приноситъ государынѣ достодолжную рабскую благодарность за высочайшія милости, а наиболѣе за то, что поручили ихъ великому человѣку, намѣстнику ея величества Алексѣю Петровичу Мельгунову, и осмѣливается повергнуть просьбу свою къ стопамъ государыни; въ чемъ же просьба состоитъ, донесетъ Алексѣй Петровичъ.

Въ послѣдній день пребыванія Мельгунова у принцевъ и принцессъ, когда онъ сталъ съ ними прощаться, они плакали, провожая его, бросались ему въ ноги, и меньшая сестра, именемъ всѣхъ ихъ, умоляла его не забыть ихъ просьбы.

VI.

Между тѣмъ Мельгуновъ дѣлалъ распоряженія вслѣдствіе данныхъ ему приказаній. По открытой невозможности построить

суда на Онегѣ, Мельгуновъ рѣшился возложить изготовленіе судовъ на главнаго командира архангельскаго порта, генералъ-майора Врангеля, не открывая ему, однако же, настоящаго ихъ назначенія. Рѣчное судно поспѣло во времени; а вмѣсто новаго мореходнаго, императрица позволила употребить для отвоза Брауншвейгской фамилии одинъ изъ находившихся у города Архангельска фрегатомъ, именуемый «Полярная Звѣзда». Командиромъ фрегата избранъ былъ отставной флота капитанъ Степановъ; но, по приключившейся ему тяжкой болѣзни, Мельгуновъ взялъ на его мѣсто другаго, не меньше надежнаго и опытнаго офицера, отставнаго капитана 1-го ранга Михаила Арсеньева, служившаго въ то время предсѣдателемъ ярославской гражданской палаты. Онъ признанъ способнымъ къ исполненію этого порученія потому болѣе, что сдѣлалъ на морѣ многія кампаніи, проходилъ четыре раза Сѣверный Мысъ и зналъ то мѣсто, куда предположено было сперва отправить Брауншвейгскую фамилію.

Принцы и принцессы воспитаны были въ грекороссійскомъ исповѣданіи и потому приготовлена для нихъ походная церковь со всею принадлежащею къ ней утварью. Къ церкви, которая должна была остаться въ Горсенсѣ, опредѣлены священникъ и два церковника. Жалованье велѣно производить имъ по окладамъ, установленнымъ для миссій стокгольмской и копенгагенской. Въ то же время присланъ для Брауншвейгской фамилии искусный лѣкарь съ однимъ ученикомъ.

Для безнужнаго содержанія принцовъ и принцессъ въ Горсенсѣ, императрица назначила имъ пенсію по смерти ихъ, опредѣливъ каждому изъ братьевъ и сестеръ по 8,000 рублей, а всѣмъ вообще по 32,000 рублей на годъ, считая, по тогдашнему курсу, рубль въ 50 штиверовъ голландскихъ. При томъ велѣла снабдить ихъ всѣми потребностями приличнымъ состоянію ихъ образомъ.

Для надзиранія за принцами и принцессами и для наблюденія, чтобы они были совершенно охранены во время морскаго путешествія, императрица назначила шлиссельбургскаго коменданта, полковника Циглера, и вдову лифляндскаго ландрата Лиліенфельда съ двумя ея дочерьми, повелѣвъ имъ быть при Брауншвейгской фамиліи до самаго ея прибытія въ Норвегію и сдачи тому, кто къ принятію ея будетъ уполномоченъ отъ датскаго двора.

Послѣ того дозволено имъ возвратиться въ Россію. На снабженіе себя и содержаніе въ пути пожалована имъ достаточная сумма.

Изъ находившихся при Брауншвейгской фамиліи людей, Мельгуновъ выбралъ къ отправленію съ нею трехъ служителей и четырехъ служительницъ, изъ которыхъ пятеро родились въ Холмогорахъ и выросли вмѣстѣ съ принцами и принцессами, а двѣ взяты изъ крестьянокъ. Всѣ они были поведенія хорошаго.

VII.

Такимъ образомъ все было устроено по желанію и съ утвержденія императрицы. Оставалось только употребить стараніе, чтобъ не встревожить Брауншвейгскую фамилію внезапнымъ объявленіемъ о предстоящемъ ей отъѣздѣ. По даннымъ Мельгунову отъ императрицы наставленіямъ, приняты къ тому приличныя мѣры.

Полковникъ Циглеръ, вмѣстѣ съ губернаторомъ Головцынымъ, поѣхалъ въ Холмогоры. Явившись къ принцамъ и принцессамъ, онъ сказалъ имъ отъ имени Мельгунова, что Алексѣй Петровичъ, въ бытность свою у двора, не упустилъ доложить государынѣ о ихъ просьбѣ и что ея величество повелѣла прибавить жалованье служителямъ ихъ, позволяетъ женѣ находящагося при нихъ подполковника Полозова ходить къ нимъ для бесѣды и приказала снабдить ихъ всѣмъ, въ чемъ они имѣютъ нужду. Между прочимъ, онъ имъ замѣтилъ, что они скоро увидятъ, сколь далеко простирается попеченіе объ нихъ ея величества.

Черезъ нѣсколько времени послана къ нимъ, съ такимъ же обнадеживаніемъ, вдова Лиліенфельдъ. Съ нею отправлено для нихъ нѣсколько платья и уборовъ.

Когда полковникъ Циглеръ и жена подполковника Полозова явились къ нимъ, радость ихъ была чрезвычайна, особливо же когда они услышали о монаршемъ къ нимъ благоволеніи.

Вскорѣ и самъ Мельгуновъ пріѣхалъ въ Холмогоры. Подтвердивъ сперва принцамъ и принцессамъ слова полковника Циглера, объявилъ имъ наконецъ о ихъ состояніи, о намѣреніи императрицы дать имъ свободу и отправить ихъ въ датскія владѣнія подъ покровительство тетки ихъ, и о всѣхъ милостяхъ, которыя государыня предположила имъ сдѣлать. Неожиданная вѣсть о переимѣнѣ ихъ участи была для нихъ благовѣстіемъ небеснымъ. Они слышали, что Екатерина, уже воскресившая ихъ улажде-

ніемъ ихъ затворничества, даруетъ имъ еще новую, счастливѣйшую жизнь. Объятые внезапнымъ восторгомъ и удивленіемъ, они не могли промолвить ни слова. Говорили только сердца ихъ въ трепетѣ радости. Этотъ голосъ не былъ слышанъ; но взоры ихъ, возводимые къ небу, потоки слезъ, изъ глазъ струящіеся, и частыя колѣнопреклоненія, свидѣтельствовали болѣе всякихъ словъ нелестную ихъ признательность къ благодѣющей имъ монархинѣ.

Тогда Мельгуновъ далъ имъ почувствовать, сколько они должны быть благодарны императорскому дому, получая свободу и такое изобильное состояніе, каковымъ пользуются немногіе изъ равныхъ имъ породю. Къ тому онъ прибавилъ, что если они забудутъ благодѣянія государыни, или, слѣдуя ухищреннымъ наущеніямъ и совѣтамъ, не захотятъ имѣть пребыванія въ областяхъ Датскихъ, то не только лишатся опредѣленнаго имъ пенсіона, но потеряютъ всякое право и на малѣйшую отъ императрицы помощь и покровительство.

Елисавета отвѣчала ему со слезами: «Боже насъ сохрани, чтобъ мы, получивъ такія великія милости, были когда нибудь неблагодарны. Вѣрите мнѣ», сказала она съ видомъ твердымъ, «мы никогда изъ воли ея величества не выступимъ. Она наша мать и покровительница. Мы на одну только ее и надѣемся; такъ возможно-ли, чтобъ мы осмѣлились когда нибудь прогнѣвать ея величество и лишиться на вѣки ея милостей». Потомъ спросила она Мельгунова:

— «Къ себѣ ли возьметъ насъ тетка или оставитъ въ какомъ городѣ? Мы желали бы лучше жить въ какомъ нибудь маленькомъ городкѣ; а то разсудите сами, какъ намъ быть при дворѣ. Мы совсѣмъ не умѣемъ обходиться съ людьми; да притомъ и не разумѣемъ ихъ языка».

Мельгуновъ ей отвѣчалъ, что они могутъ, по приѣздѣ туда, попросить объ этомъ свою тетку и обѣщаль постараться и съ своей стороны, чтобъ желаніе ихъ было исполнено

Успокоивъ такимъ образомъ принцессу, Мельгуновъ былъ чрезвычайно доволенъ, что нашелъ ихъ, противъ своего ожиданія, безпрекословно и съ веселымъ видомъ соглашающихся на всѣ его предложенія. Одна только поѣздка водою устрашала ихъ, особливо принцессу, которая отъ рожденія своего не только не ѣзжали по водѣ, но и не видывали, какъ ходятъ суда. Хотя Мель-

гуновъ увѣрялъ ихъ, что нѣтъ никакой опасности и что онъ самъ побѣдетъ съ ними сто верстъ, однако же и за тѣмъ оказывали онѣ робость, говоря такъ:

— «Вы мужчины, и вамъ бояться нечего; а вотъ ежели бы поѣхала съ нами ваша супруга, то и мы бы, глядя на нее, охотнѣе вошли на судно».

Мельгуновъ принужденъ былъ дать имъ слово, что возьметъ съ собою и жену. Онѣ приняли это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что вдова Лилиенфельдъ и ея дочери также не ѣзжали по водѣ и не меньше ихъ боялись.

VIII.

Въ назначенный къ отъѣзду день, Мельгуновъ, приглася съ собою жену, посадилъ принцевъ и принцессъ на рѣчное судно со всѣми особами, опредѣленными для препровожденія ихъ, и съ принадлежащими къ нимъ служителями, и пустился къ Новодвинской крѣпости съ 26-го на 27-е іюня 1780 года по полуночи въ часъ. При попутномъ вѣтрѣ прибыли они къ крѣпости 28-го іюня пополудни въ 3 часа, переѣхавъ 90 верстъ съ небольшимъ въ сутки.

Въ то самое время принцы и принцессы пробудились отъ сна. Но какимъ ужасомъ были они поражены, увидавъ крѣпость. Они вообразили, что тутъ будетъ ихъ жилище и что всѣ увѣренія Мельгунова были ничто иное, какъ обманъ. Приѣздъ въ то самое время кабинетскаго курьера еще болѣе утвердилъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Они подумали, что курьеръ привезъ повелѣніе оставить ихъ въ Новодвинской крѣпости, когда, напротивъ того, онъ былъ присланъ къ Мельгунову съ подтвержденіемъ прежнихъ объ нихъ приказаній. Чтобы разувѣрить ихъ и истребить въ нихъ напрасный страхъ, Мельгуновъ, помѣстивъ ихъ въ комендантскомъ домѣ, далъ имъ свободу гулять по валу и приходить къ нему на рѣчное судно.

День прибытія ихъ въ Новодвинскую крѣпость былъ днемъ восшествія императрицы на престолъ. По просьбѣ ихъ, отправленный съ ними священникъ отслужилъ въ крѣпостной церкви, послѣ литургіи, благодарственный молебенъ.

Фрегатъ «Полярная Звѣзда» былъ уже готовъ къ отплытію. Принцы и принцессы, также принадлежалціе къ нимъ люди,

введены на фрегатъ. Прощаясь съ ними, Мельгуновъ сдѣлалъ имъ новыя внушенія о признательности, сказавъ наконецъ, что они вѣчно будутъ несчастны, если окажутъ себя неблагодарными. Слыша это, они проливали слезы и падали на колѣни. Меньшая принцесса именемъ всѣхъ говорила:

— «Богъ насъ накажетъ, если мы забудемъ милости нашей матери. Мы вѣчно будемъ рабы ея величества и никогда изъ воли ея не выступимъ. Она мать наша и воскресительница; мы на одну ее надѣмся, а больше ни на кого».

Послѣ того она просила Мельгунова ходатайствовать у престола ея величества о продолженіи къ нимъ монаршихъ милостей и покровительства.

Разставшись съ ними, Мельгуновъ приказалъ сняться съ якоря, поднять паруса и слѣдовать въ предназначенный путь. Фрегатъ отправился въ 2 часа пополуночи на 30-е число подъ купеческимъ флагомъ и названіемъ. Мельгуновъ провожалъ ихъ глазами до тѣхъ поръ, пока фрегатъ скрылся изъ глазъ.

Предъ отправленіемъ принцевъ и принцессъ, полковнику Циглеру дано было приказаніе—не позволять имъ писать ни къ кому письма, не спускать ихъ нигуда съ фрегата, и постороннимъ входить на него запрещать. Но если бы кто, сверхъ ожиданія, отважился войти на фрегатъ силою, а тѣмъ болѣе вознамѣрился бы отнять изъ рукъ Циглера принцевъ и принцессъ, въ такомъ случаѣ велѣно ему отражать силу силою и обороняться до послѣдней капли крови. Тоже приказано и капитану Арсеньеву.¹⁾

IX.

При отправленіи принцевъ и принцессъ, императрица надѣлила ихъ царскою рукою. Съ ними отправлены: полный столовый сервизъ, десертная посуда и большой чайный сервизъ, всѣ серебряные; много столоваго бѣлья, также фарфоровой, мѣдной поваренной и чайной посуды всякаго рода. Сверхъ того, отпущено съ ними полпуда чаю, ящикъ вейновой водки, два антала венгерскаго вина.

Сколь изобильно и даже роскошно снабжены они были одеждою, можно видѣть изъ слѣдующаго. Каждому брату дано по

¹⁾ Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «Предъ отправленіемъ.....», въ печатномъ выпущено.

пяти бархатныхъ вышитыхъ, по два гродетуровыхъ и по два суконныхъ кафтана, по три фрака, шинель, плащъ, два сертука, двѣ шубы лисья и соболя, бобровая муфта, шлафроки, фуфайки, халаты. Къ тому прибавлены шелковые чулки, платки, колпаки, рубахи, башмаки, сапоги, туфли и всѣ мелочи, къ одеждѣ принадлежащія; также простыни, наволоки, кровати съ занавѣсами, одѣяла, подушки и проч. Дано еще каждому изъ нихъ по бриліантовому перстню, по осыпанной бриліантами табакеркѣ, по золотымъ часамъ съ цѣпочками и по чайному серебряному прибору.

Съ такою же щедростію одарены и принцессы. Съ ними отпущено множество дорогаго платья и бѣлья, шубы золотого глазета на соболевъ мѣху, и разные женскіе наряды. Каждой сестрѣ даны: пара бриліантовыхъ серегъ, сердечко, браслеты, перстень, всѣ бриліантовые; осыпанная бриліантами табакерка, золотые часы съ цѣпочкою, чайный серебряный приборъ. Не забыты даже помада, пудра, булавки, шпильки. Сверхъ всего этого, дано полковнику Циглеру, для врученія принцамъ и принцессамъ по прибытіи, въ Бергенъ, 2000 голландскихъ червонныхъ на карманныя имъ деньги.

Въ Даніи удивились щедрости и великолѣпію, съ которыми надѣлена была Брауншвейгская фамилія. Сама королева отзывалась о томъ съ признательностію.

Х.

Императрица чрезвычайно довольна была Мельгуновымъ, который исполнилъ повелѣнія ея съ примѣрнымъ усердіемъ и успѣхомъ. Сдѣлала ему только замѣчаніе, что онъ напрасно и сверхъ данныхъ ему предписаній бралъ жену свою на рѣчное судно съ Брауншвейгскою фамиліею.

Всѣ бывшіе въ Холмогорахъ при принцахъ и принцессахъ военные чиновники и нижніе чины, также служители, оставшіеся тамъ послѣ ихъ отъѣзда, награждены достаточно. Нѣкоторые уволены отъ службы съ пенсіями, другимъ даны приличныя мѣста. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось существованіе такъ-называемой «Холмогорской Коммиссіи», на обязанность которой возложено было наблюденіе за Брауншвейгскою фамиліею и за содержаніемъ ея.

XI.

Плаваніе фрегата «Полярная Звѣзда» было продолжительно отъ противныхъ вѣтровъ и сильныхъ бурь. Императрица, не получая долго увѣдомленія о путешественникахъ, начинала объ нихъ беспокоиться. Наконецъ, пришло сюда извѣстіе о прибытіи фрегата къ Бергену 10-го сентября (н. ст.). Датскій военный корабль «Марсъ», подъ начальствомъ командора Лютхена, давно уже дожидался его у Бергена. На другой день Брауншвейгская фамилія сдана бергенскому главному бальифу (grand baillif) Шубену, а 12-го числа пересажена на военный корабль. Но противные вѣтры задержали его въ 4-хъ миляхъ отъ Бергена до 23-го сентября. Послѣ того онъ долженъ былъ бороться съ жестокою бурей, которая продолжалась непрерывно 30-го сентября и 1-го октября. Не прежде 5-го октября могъ онъ пристать къ Фланстранду. Разстроенные непогодами и утомленные труднымъ и безпокойнымъ плаваніемъ, принцы и принцессы высажены были въ Аальборгъ, гдѣ и оставались три дня для отдохновенія. Скоро, однако-жъ, оправились и приѣхали въ Горсенсъ сухимъ путемъ 13-го октября, здоровые и веселые, благословляя императрицу за дарованіе имъ свободы и устроеніе для нихъ новаго и изобильнаго существованія. Между тѣмъ фрегатъ «Полярная Звѣзда», за позднимъ временемъ, остался зимовать въ Бергенѣ. По прибытіи въ этотъ портъ, принцесса Елисавета изъ пожалованныхъ ей 500 червонныхъ раздала 3000 рублей, изъ которыхъ подарила капитану Арсеневу 1000 рублей.

Выборъ приставленныхъ къ Брауншвейгской фамиліи особъ былъ счастливъ. Полковникъ Циглеръ и вдова Лилиенфельдъ, хотя и короткое время находились при принцахъ и принцессахъ, умѣли, однако же, снискать любовь и уваженіе ихъ. Меньшая принцесса особенно довольна была поступками Циглера.

По окончаніи капитаномъ Арсеневымъ возложеннаго на него порученія, ему данъ чинъ бригадира и пожаловано 3,000 руб. Лейтенантъ, мичманъ и подшхиперъ, бывшіе на фрегатѣ «Полярная Звѣзда», награждены чинами, и какъ они, такъ и весь экипажъ, получили не въ зачетъ годовое жалованье. Всѣ нижніе чины экипажа уволены отъ службы съ производствомъ имъ жалованья, съ надѣленіемъ ихъ нужнымъ количествомъ земли и съ

выдачею денегъ на построение домовъ при архангельскомъ или онежскомъ портахъ, по ихъ желанію. Притомъ дано имъ и потомкамъ ихъ, какъ вольнымъ мореходцамъ Вологодской губерніи, право наниматься добровольно у купцовъ и промышленниковъ для плаванія по морямъ и рѣкамъ.

Циглеръ и вдова Лиліенфельдъ, сдавъ Брауншвейгскую фамилію назначеннымъ отъ датскаго двора для принятія ея особамъ, пріѣхали въ Копенгагенъ, чтобъ оттуда возвратиться въ С.-Петербургъ. Они были представлены королевѣ и приняты ею благосклонно. Циглеру пожалованъ орденъ Даннеброга, а вдовѣ Лиліенфельдъ силуетный портретъ королевини и перстень. Дочери ея получили также по перстню.

XII.

Между императрицею и королевою продолжалась частая переписка о Брауншвейгской фамиліи. Королева всегда отзывалась съ удовольствіемъ о поведеніи принцевъ и принцессъ и хвалила ихъ за добросердечіе и еротость.

Королева желала видѣть принцевъ и принцессъ и писала о томъ къ Екаторинѣ. Императрица предоставила это совершенно на ея волю; но предписала министру своему въ Копенгагенѣ барону Сакену, чтобъ онъ, въ случаѣ пріѣзда Брауншвейгской фамиліи въ датскому двору, удалялся подъ благовиднымъ предлогомъ отъ свиданія и переписки съ нею, и не позволялъ того ни чинамъ російской въ Копенгагенѣ миссіи, ни другимъ русскимъ подданнымъ.¹⁾ Королева отмѣнила, однако же, впослѣдствіи свое намѣреніе, какъ ни желали представиться ей сами принцы и принцессы.

Между прочимъ королева спрашивала императрицу: какъ должно поступать съ принцами и принцессами, и какіе титулы можно имъ давать. Императрица отвѣчала, что съ тѣхъ поръ, какъ они находятся въ распоряженіи датскаго двора, она считаетъ ихъ свободными особами знатнаго происхожденія; но за поступками ихъ должно имѣть наблюденіе для ихъ собственнаго

¹⁾ Здѣсь, начиная отъ словъ: «Но предписала министру....» до словъ: «русскимъ подданнымъ», въ печатномъ выпущено. Тамъ разсказъ продолжается слѣдующимъ образомъ: «Но впослѣдствіи королева отмѣнила свое намѣреніе....».

спокойствія и счастья, по причинѣ ихъ неопытности, воспитанія и другихъ обстоятельствъ, препятствующихъ имъ жить въ болѣе-шомъ свѣтѣ. Жизнь, удаленную отъ всѣхъ свѣтскихъ тревогъ, она считала для нихъ самою приличною. Что же касается до титуловъ, то императрица замѣтила, что нѣтъ никакой причины лишать ихъ титула, который дарованъ имъ Богомъ и принадлежитъ имъ по рожденію, то есть, титула принцевъ и принцессъ Брауншвейгскаго дома.

Королева находила за лучшее удалить русскихъ служителей отъ принцевъ и принцессъ, подъ предлогомъ, чтобы, отстранивъ всѣ прежнія ихъ сношенія, скорѣе приобучить ихъ къ новому роду жизни. Императрица охотно на то согласилась. Всѣ русскіе люди, кромѣ священника и церковниковъ, возвращены въ Россію и при Брауншвейгской фамилии составилъ тогда небольшой дворъ изъ однихъ датчанъ. Горько и тяжело было принцамъ и принцессамъ это разлученіе. И не удивительно! Они выросли и были воспитаны вмѣстѣ съ своими служителями; въ нихъ они привыкли имѣть единственныхъ своихъ собесѣдниковъ и повѣренныхъ. Принцы и принцессы, при разставаніи съ ними, пролили нѣсколько слезъ сожалѣнія и о Холмогорахъ.

На обзаведеніе для Брауншвейгской фамиліи въ Горсенсѣ, покупку домовъ и проч., употреблено до 60,000 талеровъ. Датскій дворъ предположилъ удѣлять на уплату этой суммы изъ пожалованнаго Брауншвейгской фамиліи пенсіона, и такимъ образомъ, заплачено было 20,000 талеровъ. Но императрица, узнавъ о томъ, не хотѣла, чтобы принцы и принцессы пользовались не вполне ея щедротами, не хотѣла также быть въ тягость датскому двору, и повелѣла заплатить остальные 40,000 талеровъ изъ своей казны.

ХІІІ.

Въ тишинѣ и дружественномъ между собою согласіи жили принцы и принцессы въ Горсенсѣ. Сами они никогда не подавали повода къ жалобамъ на нихъ со стороны приставленныхъ къ нимъ отъ датскаго двора особъ, но не всегда были довольны распоряженіями послѣднихъ. Елисавета, такъ какъ и въ Холмогорахъ, была руководительницею братьевъ своихъ и сестры; не дѣлала, однако же, ничего безъ ихъ общаго согласія. Впрочемъ,

во всѣхъ случаяхъ, пока она жива была, они обыкновенно слѣдовали ея мнѣнію и совѣтамъ.

Однажды датскій принцъ Фердинандъ посѣтилъ Брауншвейгскую фамилію въ Горсенсѣ. Свиданіе ихъ было трогательно. Лишь только принцы и принцессы узнали, что онъ ѣдетъ, они поспѣшили въ домъ, для него назначенный, чтобы встрѣтить его тамъ въ кабинетѣ. Принцъ вошелъ въ кабинетъ одинъ, обнялъ старшую принцессу и въ ту же минуту трое другихъ его окружили; цѣловали его руки и плакали отъ радости, не выпуская его долго изъ своихъ объятій. Онъ пробылъ тамъ двое сутокъ, завтракалъ и обѣдалъ съ ними. На третій день обѣщалъ пріѣхать къ нимъ проститься; но чтобы избавить себя и ихъ отъ новыхъ слезъ, уѣхалъ въ семь часовъ утра, пославъ къ нимъ на память пакетъ съ двумя табакерками и двумя перстнями.

XIV.

Не долго пользовалась Елисавета новою жизнію. Жесточая болѣзнь, продолжавшаяся двѣ недѣли, прекратила дни ея 20-го октября 1782 года, на 39 году отъ рожденія.

Черезъ пять лѣтъ послѣ нее умеръ младшій принцъ Алексѣй, 22-го октября 1787 года. Незадолго до своей кончины, онъ занемогъ, но скоро оправился. Послѣ того вдругъ вообразилъ себѣ, что не переживетъ того дня, въ который умерла его сестра. Эта мысль, какъ ни старались ее разсѣять, такъ вкоренилась въ его воображеніе, что сдѣлалась для него пагубною. За нѣсколько дней до назначеннаго имъ времени, онъ сталъ опять жаловаться на нездоровье. Съ нимъ сдѣлался обморокъ; онъ казался заснувшимъ и болѣе не пробуждался.

Принцъ Петръ умеръ 30-го января 1798 года.

Легко можно себѣ представить, какъ горестно было положеніе Екатерины. Лишенная всѣхъ близкихъ къ ея сердцу, окруженная людьми, для которыхъ она была вовсе чужою, она не имѣла и того утѣшенія, чтобы видѣть въ себѣ состраданіе какой-нибудь чувствительной души. Тетки ея уже не было въ живыхъ. Приставленные къ ней, кажется, думали больше о своихъ выгодахъ, нежели о доставленіи ей тѣхъ удобностей, на которыя она имѣла всякое право по милости російскаго двора, давшаго ей къ тому всѣ способы. До самой ея кончины опредѣленная прин-

памъ и принцессамъ пенсія производилась вполнѣ, не смотря на постепенное уменьшеніе Брауншвейгской фамиліи.

Горсенская жизнь такъ наскучила Екатеринѣ, что она желала возвратиться опять въ Россію и постричься въ монахини. Единственную отраду она находила въ присутствіи при службѣ Божіей и въ молитвахъ. Но предъ кончиною забыла нанесенныя ей огорченія и писала къ императору Александру о пожалованіи пенсій находившимся при ней людямъ. Просьба ея была уважена. Чиновникамъ и служителямъ, бывшимъ при горсенскомъ дворѣ долгое время, повелѣно производить въ пенсіонъ изъ російской казны полные получаемые ими оклады, а послѣ ихъ смерти женамъ ихъ; тѣмъ же, которые находились при Екатеринѣ короткое время, выданы единовременно годовые оклады жалованья.

Она оставила послѣ себя завѣщаніе, которымъ назначила датскаго наслѣднаго принца Фридриха и потомковъ его наслѣдниками всего своего движимаго и недвижимаго имущества.

Принцесса Екатерина скончалась 9-го апрѣля 1807 года и погребена въ Горсенѣ вмѣстѣ съ братьями и сестрою. Съ нею пресѣлось потомство царя Іоанна Алексѣевича, замѣчательное въ русской исторіи превратностію судьбы своей.¹⁾

В. А. Полѣновъ.

¹⁾ См. родословіе вѣтви потомства Алексѣя Михайловича отъ его сына, царя Іоанна Алексѣевича, въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 74.

Ред.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

II').

1754—1796.

Двѣ первыя эпохи жизни великаго князя цесаревича Павла Петровича—дѣтство и отрочество—протекли при условіяхъ, не вполне благоприятствовавшихъ физическому и нравственному его развитію.

Обрадованная рожденіемъ внучатаго племянника (20-го сентября 1754 года), императрица Елисавета Петровна помѣстила младенца въ своихъ апартаментяхъ, лелѣяла, тѣшила имъ, какъ роднымъ дитятею; потомъ, охладѣвъ къ малюткѣ, вѣрила его попеченіямъ цѣлаго легіона мамокъ, нянекъ и старухъ—дворцовыхъ приживалокъ, которымъ особенно благоволила.

При Аннѣ Іоанновнѣ дворъ изобиловалъ шутами и шутихами; при Елисаветѣ Петровнѣ простыхъ шутихъ замѣнили шутихи инаго разбора: свазочницы, странницы и богомолки. Уходъ за младенцемъ Павломъ сопровождался разными суевѣрными обрядами, въ родѣ нашептываній, дуновеній „отъ призору очесъ“ и т. д., и самыя молитвы въ устахъ этихъ суевѣрковъ превращались въ какія-то особыя заклинанія. Къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ ея внукъ, какъ только началъ себя-помнить, чувствовалъ непреодолимую боязнь, привитую

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649—690; 853—884; изд. 1874 г., т. IX, стр. 37—56; 277—300; 473—512.

къ нему мамками и нянюшками. Ихъ бредни и сказки разстроили воображеніе ребенка, развили въ немъ склонность къ сверхъестественному,— то вѣрованіе въ примѣты, сны, призраки, которое сохранилось въ немъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Ласки этихъ же приставницъ развили въ ребенкѣ излишнюю чувствительность, нервность и слезливость. Малютка боялся грома; внезапный скрипъ двери заставлялъ его дрожать всѣмъ тѣломъ и прятаться, куда ни попало; жалостливый къ животнымъ и даже къ ничтожнѣйшимъ насѣкомымъ, малютка, подобно всѣмъ нервнымъ натурамъ вообще, особенно любилъ кошекъ.

Физическое его воспитаніе вполне гармонировало съ нравственнымъ. Великаго князя держали въ жарко-наполенной комнатѣ, кутали безъ всякой надобности. Строго соблюдая посты, няньки приучили его къ рыбной пищѣ и, почитая за смертный грѣхъ въ непоказанный день дать ребенку чашку молока, закармливали его лакомствами. При этой обстановкѣ великій князь достигъ четырехлѣтняго возраста.

Не принимая во вниманіе комплекціи ребенка, безъ всякой предварительной подготовки, его засадили за ученье. Первымъ учителемъ великаго князя былъ Ѳедоръ Дмитриевичъ Бехтѣевъ. Метода, которой онъ слѣдовалъ, обучая великаго князя грамотѣ, была именно та, соединяющая забаву съ ученіемъ, которая въ наше время признана наиболѣе примѣнимою и приспособленною къ дѣтскимъ понятіямъ. Буквами русской азбуки помѣчены были игрушечные солдатки малютки Павла: ставя ихъ по-парно, въ ряды, по-взводамъ, ученикъ Бехтѣева выучился складамъ. Точно также, разбирая и строя складную игрушечную крѣпость, великій князь ознакомился съ нумераціею и первыми правилами ариеметики.¹⁾ Чтобы подстрекнуть самолюбіе ученика и побудить его къ соревнованію, Бехтѣевъ засадилъ вмѣстѣ съ нимъ за учебный столъ взрослыхъ людей изъ дворцовой прислуги, приказавъ имъ притворяться неграмотными и будто бы учащимися вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Старанія Бехтѣева увѣнчались успѣхомъ: черезъ два года Павелъ Петровичъ умѣлъ читать и писалъ довольно порядочно.

¹⁾ Нѣкогорые могутъ, пожалуй, обвинить Бехтѣева въ томъ, что его остроумная выдумка заронила въ сердце Павла первую искру любви къ солдатчинѣ и военнымъ упражненіямъ, превратившуюся въ зрѣломъ возрастѣ въ непреодолимую страсть. Подобное сужденіе было бы справедливо, если бы не основывалось на ложномъ выводѣ, принимающемъ слѣдствіе за причину. Не потому Павелъ Петровичъ любилъ солдатъ, что его учили азбуку посредствомъ игрушечныхъ солдатиковъ: Бехтѣевъ употребилъ этотъ способъ именно вслѣдствіе любви ребенка къ настоящимъ солдатамъ и ихъ эволюціямъ. Къ тому же, кукольныхъ солдатиковъ было удобнѣе всякихъ другихъ игрушекъ разставлять по-парно, по-шереножно, по-взводно, составляя склады и цѣлыя слова. Ред.

Элементарное ученіе кончилось и, по мнѣнію лицъ, на обязанности которыхъ лежали заботы о воспитаніи Павла Петровича, пришла пора приступить къ болѣе серьезному ученію. Воспитателемъ великаго князя былъ назначенъ старый графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Благодаря наговорамъ своихъ свѣтобоязненныхъ нянюшекъ, царственный питомецъ, еще не видя графа Панина въ глаза, уже боялся будущаго своего воспитателя. Но и безъ этого старый графъ, человѣкъ истинно честный и благомыслящій, но строгій, ворчливый, немножко и педантъ, не могъ возбуждать въ шестилѣтнемъ ребенкѣ инаго чувства къ себѣ, кромѣ страха.

Съ появленіемъ Панина владычество нянюшекъ и мамушекъ кончилось. Суровый воспитатель выславъ ихъ за двери опочивальни и учебной комнаты великаго князя. Прежде онѣ садились за обѣденный столъ Павла Петровича, теперь онъ былъ лишень ихъ собесѣдничества. Великій князь тужилъ, плакалъ; Панинъ сердился и, выводимый изъ терпѣнія жалобами питомца, покрикивалъ на него. Здѣсь приводимъ одну черту изъ этой первой эпохи младенчества Павла Петровича, обличающую въ немъ врожденное остроуміе. Первую пору питомецъ дичился наставника и почти ничего не говорилъ съ нимъ. Какъ-то, гуляя съ Павломъ Петровичемъ въ саду, графъ Панинъ попросилъ его сказать что-нибудь новенькое. „Вотъ вамъ новенькое!“ сказалъ ребенокъ, срывая и подавая графу молодую травку.— „И это не новенькое“, отвѣчалъ Панинъ, „травка прошлогодняя“... И самъ великій князь на попеченіи графа Никиты Ивановича, къ слову сказать, напоминалъ молоденькое деревцо, крѣпко привязанное къ сухой подпоркѣ. Мягкое сердце избалованнаго ребенка, до шести лѣтъ возраставшаго на рукахъ женщинъ, жаждало ласки, нѣжной заботливости,— и на его счастье, въ помощники графу Панину судьба послала Семена Андреевича Порошина ¹⁾. Этотъ достойный человѣкъ сумѣлъ соединить строгость педагога съ какою-то женственной, материнской нѣжностью къ своему возлюбленному питомцу, къ которому привязался всею душой съ первой же съ нимъ встрѣчи. Главною заботою Панина было развитіе ума великаго князя. Порошинъ заботился о развитіи въ немъ сердца. Отъ обхожденія перваго вѣяло старческимъ холодомъ; двадцати-двухлѣтній Порошинъ, другъ и пестунъ Павла, обходился съ нимъ съ любовною теплотой старшаго брата съ младшимъ. Не могъ онъ быть самостоятеленъ въ отношеніи великаго князя, на-

¹⁾ Родился въ Кунгурѣ 28-го января 1741 года, скончался въ мѣстечкѣ Винсъ (въ Бессарабіи) 12-го сентября 1769 г. Для біографическихъ подробностей о Порошинѣ см. «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., № 8, стр. 421—455, нашу статью: «Семень Андреевичъ Порошинъ».

ходясь до нѣкоторой степени въ подчиненности у Панина; но и графъ Панинъ, въ свою очередь, совершенной самостоятельностью не пользовался: выше его распоряженій была родительская и царская власть императрицы Еватеринны II. Къ дѣлу воспитанія Павла Петровича старикъ Панинъ и юноша Порошинъ относились честно, добросовѣстно,—и при всемъ томъ тотъ и другой не были чужды погрѣшностей, главною причиною которыхъ былъ, конечно, духъ времени. Объяснимъ, въ чемъ именно состояли эти погрѣшности.

Въ послѣдніе годы своего царствованія императрица Елисавета Петровна отличалась, какъ извѣстно, особенной набожностью, доходившей порою до аскетической строгости. Всякія забавы при дворѣ были изгнаны; чопорная степенность царилла на празднествахъ; интрижки и всякіе мелкіе грѣшки прикрывались маскою ханжества. Иное явилось при дворѣ Петра III и его преемницы. Послѣ продолжительнаго застоя, въ придворной жизни закипѣли пиры, балы, обѣды, праздники—при Петрѣ Ѳеодоровичѣ довольно разгульные, а при его супругѣ—запечатлѣнные чисто французскою развязностью и русской непринужденностью. Влюбчивость и вѣтренность вошли въ моду; въ рѣчи высшаго круга закрался изящный цинизмъ, съ которымъ говорили версальскіе маркизы и виконтессы... Именно отъ этого вліянія духа времени не могли предохранить ихъ питомца ни графъ Панинъ, ни Порошинъ, первый—по близорукости старческой, второй—по недалковидности юношеской. Соблюдались-ли въ отношеніи нравственности отрока Павла предохранительныя мѣры къ его огражденію отъ гибельнаго повѣтрія? На этотъ вопросъ въ Запискахъ Порошина находимъ болѣею частью отрицательныя отвѣты. Вельможи, посѣщавшіе великаго князя, ежедневно обѣдывавшіе за его столомъ, и самъ же графъ Никита Ивановичъ не всегда были разборчивы на слова и на предметы разговора. Такъ, наприимѣръ, при ребенкѣ говорили о многоженствѣ Турокъ,¹⁾ о той роли, которую любовницы играли во всемірной исторіи,²⁾ о ребенкѣ, который кричалъ въ утробѣ беременной женщины³⁾ и т. д. Удивляться-ли послѣ этого, что десятилѣтній Павелъ Петровичъ говорилъ Порошину, что „если женится, то роговъ имѣть не хочетъ“... „Намедни слышалъ я, что такихъ рогъ и не видитъ, и

¹⁾ «Записки Порошина» (Спб., 1844 г.), стр. 20. 30-го сентября 1764 года: «Никита Ивановичъ сказывалъ мнѣ невразумительныхъ его высочеству словъ» и т. д. Но «невразумительныя слова» всегда болѣе вразумительныхъ подстрекаютъ любопытство ребенка. Ред.

²⁾ «Записки Порошина»: 5-го октября 1764 г., стр. 40

³⁾ Тамъ же: 12-го октября, стр. 64.

не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носить“¹⁾ Танцмейстеръ великаго князя Гранже по разсѣянности забылъ вынуть изъ книги, данной для чтенія великому князю, свои любовныя письма къ актрисѣ Фузи и „его высочество (одинадцати лѣтъ), читаючи ихъ, очень много изволилъ смѣяться“²⁾.

Другой оплошностью воспитателей великаго князя было частое посѣщеніе имъ театровъ, баловъ и маскарадовъ. Къ театральнымъ зрѣлищамъ приохочивалъ Павла Петровича князь Иванъ Барятинскій,³⁾ въ чемъ, конечно, не было бы большаго вреда, если бы выборъ пьесъ соотвѣтствовалъ понятіямъ юнаго зрителя; но было совсѣмъ на оборотъ: комедіи, оперы и балеты отличались эротической игривостью сюжета, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и самыхъ сценъ.⁴⁾ На придворныхъ балахъ и въ маскарадахъ Павелъ Петровичъ, ангажируя фрейлинь, велъ съ ними далеко не дѣтскіе разговоры.⁵⁾ Неосмотрительны были также наставники Павла къ его забавамъ въ досуговое время, дозволяя ему играть въ карты—на деньги и въ азартныя игры.

Указывая на темныя стороны воспитанія Павла, на промахи и недосмотры его наставниковъ, несправедливо было бы умолчать о заслугахъ графа Панина и Порошина на ихъ педагогическомъ поприщѣ. Если въ бесѣдахъ взрослыхъ при малолѣтнемъ цесаревичѣ иногда проскальзывало неосторожное слово, за то во многихъ случаяхъ выборъ предметовъ разговора дѣлалъ честь воспитателямъ вообще, Порошину въ особенности. Энциклопедически образованный, онъ говорилъ со своимъ питомцемъ, или передъ нимъ съ другими лицами, обо всемъ, что только могло принести прямую или косвенную пользу отроку. Воздавая должное должному, воспитатели Павла не утаивали отъ него погрѣшностей преемниковъ Петра Великаго. Панинъ при Павлѣ разсказывалъ о Волынскомъ, невинно пострадавшемъ за правду; Порошинъ говорилъ объ ужасахъ тайной канцеляріи, уничтоженной Петромъ III; внушалъ своему питомцу любовь къ народу и ко всему русскому; прививалъ къ молодому, воспримчи-

¹⁾ «С. А. Порошинъ» — наша статья: «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., № 8, стр. 450.

²⁾ «Записки Порошина»: 16-го и 17-го октября 1764 года, стр. 200—203.

³⁾ «Записки Порошина»: 10-го декабря 1764 г., стр. 189.

⁴⁾ О содержаніи пьесъ можно судить по ихъ заглавіямъ: «Наказанная кокетка», «Деревенская ревность», «Праздникъ любви», «Ревнивый Фавръ», «Одураченный опекунъ», «Любовное свиданіе», «Дѣйствіе любви», «Въ мнѣніи роконосецъ», «Жоржъ Давденъ» и проч.

Ред.

⁵⁾ «Записки Порошина»: 25-го декабря 1764 г. (стр. 225), 20-го октября 1765 г. (стр. 470), 21-го октября 1765 г. (стр. 472) и друг.

Ред.

вому сердцу правила истиннаго благородства и безукоризненной честности. Затрогивая струнку самолюбія въ своемъ питомцѣ, Порошинъ предостерегалъ его отъ дурныхъ поступковъ, страшая огласкою ихъ въ иностранныхъ газетахъ... Иногда, вслѣдствіе какой-нибудь шалости цесаревича, дѣйствительно печатали въ одномъ или въ двухъ экземплярахъ и показывали ему мнимые нумера иностранныхъ газетъ, въ которыхъ говорилось о Павлѣ съ евыгодной стороны, или читали письма, писанныя, будто бы, частными лицами о его шалостяхъ.¹⁾ Богатая бібліотека, наполненная роскошными иллюстрированными изданиями, токарный станокъ, физическіе инструменты, вивариумъ, или садокъ со множествомъ птичекъ, служили цесаревичу полезными развлеченіями во время рекрецій. Особенное попеченіе прилагалъ Порошинъ къ искорененію въ цесаревичѣ его страсти къ военной службѣ со всѣми ея мелочами. Въ своихъ Запискахъ онъ по этому поводу высказываетъ замѣчательно здравыя сужденія.

Цесаревичъ готовится къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи; науки, искусства, торговля, промышленность будутъ ждать отъ него заботъ и попеченій:

«Такія-ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелочи? Пренебрежено-бъ было тѣмъ великое то служеніе, къ которому его императорское высочество призываетъ Промыслъ Господній. Я самъ до военнаго дѣла великій охотникъ. Главнѣйшее мое упражненіе всегда было въ немъ и въ тѣхъ наукахъ, которыя ему основаніемъ служатъ, его освѣщаютъ и приводятъ въ систему. Но въ семь случаевъ не своей охотѣ слѣдую, а беру въ разсужденіе званіе государя и благополучіе согражданъ своихъ. Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ; въ томъ опять было бы сдѣлано упущеніе; но надобно впадать въ мысли его такія сдѣлнія, которыя составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Если-бъ кто сказалъ, что надобно собой показать примѣръ въ повиновеніи и въ исправности офицерской, тому-бъ отвѣтствовалъ я, что армія у насъ уже нынѣ не такая, какъ была до первой Нарвской битвы, что порядокъ и подчиненность въ ней господствуютъ и что ежели изъ десяти полковъ въ одной ротѣ и сыщется какой прапорщикъ безпорядочный и безпокойный, для того потребно-ль великому государю спускаться до неприличной ему низкости? Капитанъ наказаніемъ или примѣромъ своимъ дать такому наставленіе. Сверхъ сего, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ несклоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я въ себѣ твердо, чтобъ Государю къ этимъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкуса не давать, а стараться какъ можно приучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ...»²⁾

¹⁾ См. «Р. А.» 1869 г., № 1.

²⁾ «Записки Порошина»: 1-го октября 1764 г., стр. 25—27. Ред.

Порошинъ вель свои Записки явно, ни отъ кого не скрываясь; о существованіи ихъ знали и великій князь, и графъ Панинъ, и сама императрица... но это ей не совсѣмъ нравилось. Неудовольствіе усилилось, когда графъ Панинъ обратилъ вниманіе Екатерины II на нѣкоторыя страницы, въ которыхъ простодушный Порошинъ говорилъ съ откровенностью о придворной жизни. Завистники Порошина, принадлежавшіе преимущественно къ нѣмецкой партіи (первый изъ нихъ былъ Остервальдъ, бывшій товарищъ Порошина по корпусу), воспользовались охлажденіемъ къ нему Панина, — принялись наговаривать, обносить передъ нимъ Порошина. Наконецъ, Порошинъ имѣлъ неосторожность оказать какою-то невѣжливостью фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Петровнѣ Шереметевой, на которой имѣлъ намѣреніе жениться гр. Панинъ, и тѣмъ самъ поспособствовалъ своему удаленію отъ двора. Не угадывая настоящей причины постигшей его опалы, приписывая ее единственно проискамъ своихъ враговъ и завистниковъ, Порошинъ обратился къ защитѣ гр. Г. Г. Орлова;¹⁾ но и Орловъ не могъ исходатайствовать Порошину его прежняго мѣста при великомъ князѣ цесаревичѣ.

Въ маѣ 1766 года Порошинъ отправился въ армейскій полкъ — въ мѣсту своего назначенія, въ Малороссію. Въ 1768 г. онъ былъ произведенъ въ командиры Старооскольскаго пѣхотнаго полка; потомъ отправился въ турецкій походъ, тяжело заболѣлъ и скончался въ какомъ-то захоlustѣ въ Бессарабіи (похороненъ въ Елисаветградской крѣпости). Во время болѣзни бывшаго наставника цесаревича, его навѣстилъ гр. П. А. Румянцевъ.

Въ упомянутыхъ письмахъ своихъ къ гр. Орлову Порошинъ подробно изложилъ планъ и систему дальнѣйшихъ своихъ учебныхъ занятій съ великимъ княземъ. Для него собственно онъ готовилъ сочиненіе: „Государственный механизмъ“; составилъ выписки изъ классическихъ авторовъ въ поученіе державному своему питомцу. Свѣтлый умъ, благородное сердце Порошина могли служить надежными поруками, что дальнѣйшее воспитаніе в. к. Павла Петровича Порошинымъ имѣло бы самыя благотворныя послѣдствія, — но иначе судила о томъ высшая власть. Привязанность цесаревича къ своему наставнику, вліяніе Порошина, которому видимо подчинялся царственный отрокъ, возбудили ревнивыя опасенія въ графѣ Н. И. Панинѣ. Воздерживаясь отъ всякихъ догадокъ и предположеній, скажемъ только, что въ лицѣ Порошина великій князь цесаревичъ Павелъ Петровичъ утратилъ

¹⁾ См. «Р. А.» 1869 г., № 1, стр. 63 — 66 и 1867 г., стр. 192 — 197. Письма Порошина къ гр. Г. Г. Орлову отъ 15-го апрѣля и 3-го мая 1766 года. Ред.

истиннаго друга и достойнѣйшаго руководителя, хотя по молодости лѣтъ и не могъ сознать всего значенія своей утраты.

Несомнѣнно однако же, что великій князь сохранилъ воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ на всю жизнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воспоминаніе о Порошинѣ. Вещественными памятниками минувшаго остались для Павла Петровича (уже императора) его учебныя тетради, выписки и замѣтки, сохраненныя въ Библіотекѣ дворца города Павловска его Августѣйшими владѣльцами. Императоръ Павелъ берегъ свои ученическія тетради и между ними Записки Порошина, въ двухъ экземплярахъ, въ роскошныхъ переплетахъ.

Программа учебныхъ занятій великаго князя была довольно обширна. Законъ Божій и латинскій языкъ ему преподавалъ знаменитый Платонъ; физику—Эпинусъ; математику—Порошинъ; исторію—Остервальдъ. Нѣкоторыя изъ тетрадей, хранящихся въ дворцовой библіотекѣ Павловска, писаны рукою преподавателей. Эпинусъ и Порошинъ съ похвалою отзывались о способностяхъ Павла къ математическимъ наукамъ; ¹⁾ нѣмецкаго языка онъ терпѣть не могъ и, указывая на нѣкоторыя ему свойственныя выраженія и особенности, дѣлалъ свои замѣчанія, которыя даже и въ устахъ взрослого нельзя было бы не признать остроумными.²⁾ При экзаменахъ великаго князя всегда присутствовала императрица. Робѣя передъ началомъ испытаній, одиннадцатилѣтній Павелъ, являясь на экзамень, однако же не смущался и бойко отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы. Скажемъ въ заключеніе, что другомъ дѣтства Павла Петровича, его сверстникомъ, былъ внучатый племянникъ графа Никиты Ивановича Панина—Саша Куракинъ;³⁾ они рѣзвились вмѣстѣ, ссорились, мирились, опять есорились, и для разбирательства, кто правъ, кто виноватъ, обращались къ Панину: вопросъ рѣшался всегда съ совершеннымъ безпристрастіемъ и въ большинствѣ случаевъ великій князь оказывался виноватымъ предъ Сашей Куракинымъ.

Пріязнь къ нему Павла, какъ извѣстно, сохранилась въ ихъ юности и въ совершенныхъ лѣтахъ.

Возвращаясь къ документамъ, относящимся къ дѣтству Павла Петровича, именно къ его учебнымъ тетрадямъ, скажемъ нѣсколько

¹⁾ «Записки Порошина»: 22-го октября 1765 г., стр. 473.

²⁾ Тамъ же: 16-го декабря 1764 года, стр. 200.

³⁾ Князь Александръ Борисовичъ (род. 18-го января 1752, † 24-го июня 1818). См. о немъ «Русская Старина», изд. 1873 г., т. V, стр. 770 и т. VI, стр. 89, 92, 560. Такъ же изд. 1873 г., т. VI, стр. 338 и слѣд.

словъ о ихъ содержаніи. Всѣ онѣ размѣщены въ пяти картонахъ зеленого сафьяна, перенумерованныхъ и съ собственноручною великаго князя замѣткою на первомъ изъ нихъ: „Вещи, служившія къ моему ученію“.

1-й Картонъ. Чистописаніе (7 стр. въ 4^о), отрывки изъ всемірной исторіи. Переводы (двѣ тетради въ 4^о, 7 и 22 стр.), Москва съ 10-го по 30-е октября 1767 года. Подъ нѣкоторыми страницами подписи: „Павелъ цесаревичъ; Павелъ великій князь; Павелъ генераль-адмиралъ“. Изреченія семи греческихъ мудрецовъ (тетрадь въ листъ, 12 стр.), Москва, января 22-го дня 1769 года. Выписка изъ исторіи (тетрадь въ листъ, 17 стр.) 1770 и 1771 года. Наставленія сыну (32 стр. въ 4^о). Переводы рѣчей Массильона (десять тетрадей въ листъ, 210 стр.): 1) скука (изъ 3 рѣчи); 2) о должностяхъ государя (7 рѣчь); 3) о ласкательствѣ; 4) рѣчи 1-й часть 2-я: о войнѣ; 5) о честолюбіи; 6) гл. 28: о вѣрности слугъ ихъ господамъ; 7) о честолюбіи; 8) о причинахъ владычества Римлянъ (три тетради).

Langue française. Calligraphie (тетр. въ 8 листовъ большаго формата). Формы писемъ, изреченія, переводы (128 стр. въ 4^о), между ними: Réponse au discours du comte Sacken. Tsarskoé Selo, 25 mai 1768.¹⁾ Gazette d'Utrecht, le 25 mars 1768, № XXV.²⁾ Dédicace au Duc de Bourbon, le 22 mai 1770.³⁾ О благѣ государства; о лести изъ д'Аламбера (56 стр. въ листъ). De la religion naturelle. Fevrier 1771 (33 стр. въ листъ).⁴⁾

Картонъ II. Langue latine. Словарь, подстрочные переводы, диктовка (40 стр. въ 4^о и 17 стр. въ листъ). Поправки, словарь и помѣтки въ концѣ страницъ: bene, optime⁵⁾ писаны рукою преосвященнаго Платона.

Langue allemande (нѣмецкій языкъ). 32 стр. въ 4^о. Чистописаніе, правоучительныя изреченія.

Langue italienne (итальянскій языкъ). Тетрадь въ 4^о, 36 стр. Слова и діалоги, писанные рукою учителя.

Лекціи всемірной исторіи (Etudes. Histoire Universelle). 5 тетрадей въ листъ (332 стр.), писанныхъ рукою учителя. Изложены въ вопросахъ и отвѣтахъ и заключаютъ въ себѣ: древнюю, римскую и среднюю исторію до вестфальскаго мира.

¹⁾ Отвѣтъ на рѣчь графа Сакена. Царское Село, 25-го мая 1768 г.

²⁾ Утрехтская газета, 25-го марта 1768 г.

³⁾ Посвященіе герцогу Бурбонъ, 22-го мая 1770 г.

⁴⁾ О естественной религіи, февраль 1771 г.

⁵⁾ Хорошо, отлично.

Картонъ III и IV. Лекціи географіи (Géographie) Двадцать тетрадей въ листъ, кромѣ географіи Россіи, на французскомъ языкѣ. Писаны рукою учителя.

Картонъ V. Логика (Logique). Тетрадь въ 4^о, 115 стр., на русскомъ языкѣ. Тетрадь № 12: 1) правовѣдѣніе; 2) сокращенныя лекціи о естественномъ правѣ; 3) о правилахъ человѣческихъ дѣйствій.¹⁾

Физика (Physique) на русскомъ языкѣ. Рукописи учителя: 1) курсъ физики; 2) физическіе опыты; 3) анатомическое описаніе человеческого тѣла.²⁾

Математическія науки (Mathématiques) на русскомъ языкѣ, писаны рукою учителя: 1) ариѳметика; 2) алгебра; 3) геометрія.

Наконецъ, отдѣльно отъ картоновъ съ учебными тетрадами, въ переплетахъ краснаго сафьяна, съ золотыми тисненіями, обрѣзомъ и вензелемъ императора Павла I, сохранены три тома (рукописи) въ листъ „Записокъ Порошина“, скопированныя съ подлинныхъ. Томъ I: съ 20-го сентября 1764 по 1-е марта 1765 г.; томъ II: съ 1-го марта по 20-е сентября 1765 г.; томъ III: съ 20-го сентября 1765 по 1-е марта 1766 г.

I.

Разныя разсужденія.

1772.

Эти разсужденія, на французскомъ языкѣ, были написаны царственнымъ юношей на заданныя темы. Помѣщаемъ ихъ въ переводѣ.

Почеркъ не совсѣмъ твердый, но довольно разборчивый; орфографическія ошибки довольно часты, быть можетъ, вслѣдствіе торопливости, хотя между ними встрѣчаются и довольно крупныя, какъ явствуетъ изъ подлинника, приложеннаго къ одному изъ переводовъ.

Ред.

1. Объ удовольствіяхъ.

14-го іюня 1772 г.

Должно различать два рода удовольствій: душевныя и тѣлесныя.

Первыя, которыя можно назвать и моральными, происходятъ отъ всего прекраснаго, что не подлежитъ непосредственно нашимъ чувствамъ и чему узнаемъ цѣну по мѣрѣ размышленія.

Таковыя удовольствія мы испытываемъ дѣлая добро, или слушая разсказъ о какомъ-нибудь прекрасномъ дѣяніи. Это удовольствіе не такъ сильно и мгновенно какъ большая часть удовольствій чувствен-

¹⁾ Droit. Précis des leçons du droit naturel. De la règle des actions humaines.

²⁾ Cours de physique. Experiences physiques. Description anatomique du corps humain.

ныхъ; его можно назвать сладостнымъ и тихимъ весельемъ, продолжительность котораго составляетъ наслаждение и счастье всѣхъ, его ощущающихъ.

Удовольствія тѣлесныя, или физическія, говоря по правдѣ, живѣе и порывистѣе (сильнѣе) первыхъ, по самому ихъ свойству, такъ какъ онѣ послѣдствія того, что непосредственно поражаетъ наши чувства и также непродолжительны, какъ и самая ихъ причина.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что каждый благомыслящій человѣкъ предпочтетъ первыя, которыя, какъ по своему свойству, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, выше вторыхъ и даже несравнимы съ ними.

Счастливы люди, которые могутъ разсудить это въ рѣшительную минуту, когда страсти—неизбѣжныя послѣдствія сильныхъ чувственныхъ впечатлѣній—борятся съ разсудкомъ и слишкомъ часто берутъ надъ нимъ верхъ.

2. О правдности.

20-го іюня 1772 г.

Ничего нѣтъ вреднѣе правдности какъ самой по себѣ, такъ и по ея послѣдствіямъ. Разсмотримъ, что такое правдность?

Сама по себѣ, она обыкновенное послѣдствіе ума слабого и лѣниваго, которому трудно думать и разсуждать и для котораго поэтому всякое серьезное занятіе, съ умственной дѣятельностью сопряженное, становится невыносимомъ, тяжкою работою. Что же бываетъ вслѣдствіе этого? Разсудокъ, взявъ однажды подобную привычку или направленіе, не довѣряетъ ничему и сто разъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, ни на одномъ не останавливаясь. Наконецъ, утомленный собственнымъ непостоянствомъ, онъ самъ хочетъ заняться; но ему не такъ легко отрѣшиться отъ привычки однажды усвоенной, и онъ за свою вину платится безконечною скукой и тоской, погружающими его, наконецъ, въ меланхолію и истому, которая хуже самой смерти, вслѣдствіе страданій, которыя онъ приносятъ, лишивъ его вкуса ко всему.

3. О довольствѣ.

20-го іюня 1772 г.

Довольство — ничто иное, какъ сладостное чувство отрады, ощущаемое нами по удовлетвореніи нашихъ обязанностей, какъ въ отношеніи къ другимъ, такъ и въ отношеніи насъ самихъ. Употребляю выраженіе: „удовлетвореніе“, ибо иногда, желая, даже отъ всего сердца, что-либо исполнить, встрѣчаемъ препятствіе въ недостаткѣ средствъ, лишшающее насъ возможности совершить то, что хотимъ. Однако, не это обыкновенно останавливаетъ насъ; напротивъ, мы сами себѣ препятствуемъ, не дѣлая всего добра, находящагося въ нашей

волѣ, по слабости или по какой-либо другой причинѣ. Мы и въ отношеніи самихъ себя нерѣдко поступаемъ весьма дурно, не радѣя о своемъ развитіи такъ, какъ бы могли; не властвуя надъ нашими страстями, какъ бы слѣдовало; не исполняя въ возможной точности совѣтовъ и наставленій, даваемыхъ намъ иногда.

И такъ, по нашей собственной волѣ мы бываемъ лишены средствъ самимъ себѣ доставить довольство, при которомъ, вмѣсто непрерывныхъ печалей и скуки, удѣломъ нашимъ бѣло бы спокойствіе души, а съ нимъ вмѣстѣ—счастіе и радость.

4. Размышленія, пришедшія мнѣ въ голову по поводу выраженія, которымъ мнѣ часто звенѣли въ уши: о «принципахъ правительства».

Послѣ многихъ размышленій, перебродившихъ у меня въ головѣ объ этомъ предметѣ, я принялся внимательно разсматривать значеніе этихъ двухъ словъ порознь, въ всякаго нпаго ихъ значенія, и нашель, что первое изъ нихъ: принципъ—означаетъ начало или основу чего бы то ни было, служащее какъ бы источникомъ того, что видимъ впослѣдствіи, и какъ бы шилемъ (стержняемъ), на которомъ все вертится. Вотъ моя мысль о словѣ принципъ. Второе слово: правительство—означаетъ власть, установленную для управленія или государствомъ, или просто людьми. Вотъ моя мысль о словѣ правительство. Теперь дѣло въ томъ, чтобы разсмотрѣть оба слова въ ихъ сочетаніи. Надобно взять за исходную точку то, что я выше сказалъ о каждомъ словѣ въ частности, дабы оно служило мнѣ источникомъ и руководствомъ. И такъ, подѣ словами: принципы правительства разумѣютъ начало и ѣъ тоже время основаніе власти. Разсмотримъ теперь, откуда же происходитъ власть, и увидимъ, что она первоначально происходитъ отъ физической силы, потому что въ естественномъ состояніи сильнѣйшій, побѣдивъ слабѣйшихъ, давалъ имъ законъ—и это источникъ власти. Люди, собранные въ общество и вслѣдствіе этого сдѣлавшись образованнѣе, увидѣли, что жить вмѣстѣ не могутъ, не будучи управляемы по причинѣ разности ихъ характеровъ и избрали себѣ тогда начальниковъ, которымъ (отдались, вручили себя) добровольно, предоставивъ ему (имъ) волю управлять ими. Эти начальники, сдѣлавшись всемогущими и не види ничего, что могло бы положить предѣлъ ихъ страстямъ, начали увлекаться ими и совершать безчинства. Тогда общество помыслило, чѣмъ бы умѣрить эту власть, опредѣливъ ей границы,—(и) вотъ начало законовъ. Законы—основа всему, ибо, безъ нашей свободной воли, они показываютъ, чего должно избѣгать, а слѣдовательно и то, что мы еще должны дѣлать. Основа этихъ законовъ,

въ ихъ примѣненіи къ странѣ или государству, служить руководствомъ правительственной власти и ее называютъ принципомъ правительства.

Я не говорю здѣсь о злоупотребленіяхъ законовъ и власти, ибо желать говорить о злоупотребленіяхъ—тоже, что желать сосчитать капли въ морѣ.

(Подлинникъ). Reflections, qui me sont venus au sujet d'une expression qu'on m'a fait si souvent sonner aux oreilles, qui est: les Principes du Gouvernement.¹⁾

Après bien de reflections qui me sont passées par la tête à se sujet j'ai commencé par bien examiner ce que signifioent ces deux mots separement et abstraction faite de toute autre signification et j'ai trouvé, que le premier, qui est Principe vouloit dire le commencement ou bien le fond de quoique ce soit qui étoit comme la source de ce que nous voyons arriver par la suite et comme le pivot sur le quel le tout rouloit. Voilà mon idée sur le mot principe. Le second, qui est gouvernement, signifioit le pouvoir établi pour diriger soit etat soit hommes simplement. Voilà mon idée sur le mot Gouvernement. Apresent il s'agit de considerer ces deux mots combinés ensemble. Il faut partir de ce que j'en ai dit sur chacun en particulier plus haut comme de la source et m'en servir comme de guide. Ainsi (par) Principe du Gouvernement on entend le commencement et en même tems le fond du pouvoir. Examinons maintenant d'où derive (donc) le pouvoir et nous verons qu'il derive originairement de la force physique parce que dans l'état de nature (celui) le plus fort après avoir vaincu les plus foibles lui donnait la loi et c'est la source du pouvoîr. Les hommes rassembles dans l'état de société et devenus par conséquent plus civilises virent, qu'ils ne pouvoient plus vivre ensemble sens être dirigé à cause de la différence de leurs (humeurs) caractères et se choisirent alors des shefs à qui ils (se donnerent) (se remirent) volontairement en lui laissant la volonté de les diriger. Ces chefs devenus tout puissant et ne voyant (rien) qui put mettre des bornes à leurs passions se laisserent emporter par elles et commirent des exés. alors la société scuga à moderer cette puissance en lui prescriviant des bornes (et) voila donc le commencement des loix. Les loix sont la base de tout car sans notre libre arbitre elle montrent ce qu'on doit éviter et par conséquent ce que nous avons encor à faire.

C'est la base de ces loix appréciée à tel pays ou tel état qui (sert) comme de guide au pouvoir dirigeant et qu'on nomme principe du Gouvernement.

Je ne parle point ici des abus des loix et du pouvoir, car (vouloir) parler des abus c'est vouloir conter les gouttes dans une mere.

Б. О разныхъ предметахъ.

— Героизмъ, основанный на естественныхъ чувствахъ, т. е., на любви къ собственности, или на желаніи жить со своей женою, вос-

¹⁾ Орфография подлинника строго соблюдена. Слова, вставленные или зачеркнутыя, помѣщены въ скобкахъ, за исключеніемъ цѣлыхъ строкъ, замѣненныхъ другими.

питывать своихъ дѣтей, воздѣлывать свое поле и хвалить своего Бога, какъ оно кому угодно и пристойно, возбуждаетъ участіе и въ тоже время удивленіе.

— Каждый разъ, когда перемѣны въ государственномъ устройствѣ неразрывно связаны съ перемѣнами состояній, ссоры и распри должны значительно усилиться, — и, напротивъ, когда сословія ведутъ между собою споры только о преимуществахъ и о достоинствахъ, то ихъ тогда также легко усмирить, какъ и при ихъ обоюдныхъ покушеніяхъ на ихъ имущества.

— Расположеніе друзей обыкновенно охлаждаетъ къ лицамъ, къ которымъ они замѣчаютъ охлажденіе правительства.

II.

Выписки и замѣтки.

1773 — 1775.

Писаны въ разное время, на отдѣльныхъ листкахъ бумаги всякихъ форматовъ, собственноручно и, судя по почерку, въ юношескомъ возрастѣ. Ред.

1. Жизнь Маріи Медичи.

(Перев. съ франц.). Стр. 184. Былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи совѣта для управленія королевствомъ. Канцлеръ объявилъ отъ имени королевы, что она желаетъ образовать государственный совѣтъ для обсужденія въ немъ дѣлъ особенной важности; что совѣтъ финансовъ, точно также какъ и отдѣльныхъ частей управленія, будетъ собираться дважды въ недѣлю. Но

Стр. 185: она всгрѣтила величайшее затрудненіе, когда надобно было рѣшить, кого допустить на эти совѣщанія. Марія хорошо понимала, что чѣмъ менѣе лицъ будетъ допущено, тѣмъ болѣе у нея будетъ власти. Но опасеніе возбудить неудовольствіе вельможъ, изъ которыхъ всѣ желали участвовать въ совѣтѣ и въ привязанности которыхъ была ея прямая выгода, заставило королеву значительно увеличить число членовъ, предположенное первоначально. Она рѣшилась на это, какъ на вещь наименѣе опасную, дабы не нажить себѣ враговъ; но во избѣжаніе неудобствъ, которыя должны были отъ того послѣдовать, главнѣйшіе министры обязаны были входить къ ней, въ опредѣленные часы, съ докладомъ о могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ и для прискаванія мѣропріятій, сообразныхъ обстоятельствамъ.

Какъ только рѣшено было умножить число

Стр. 186: членовъ совѣта по вышеупомянутымъ причинамъ, начались проники между лицами, желавшими попасть въ члены. Весьма безразсудно казалось также отказать искателямъ, которые были всѣ

люди очень могучіе. Ихъ множество, такъ сильно тревожившее Марию, нежелавшую никого оскорбить, доставляло великое удовольствіе ея министрамъ. Они понимали, что чѣмъ многочисленнѣе будетъ совѣтъ,

Стр. 187: тѣмъ болѣе у нихъ будетъ власти, такъ какъ столкновение интересовъ лицъ, составляющихъ совѣтъ, должно непременно породить въ немъ волненія и смуты. Вслѣдствіе этого, они, совѣтуя правительницѣ не отказывать никому изъ вельможъ, желавшихъ быть членами совѣта, въ то же время тайнѣмъ подготавливали себѣ право пользованія свободою отстранять тѣхъ изъ членовъ, которые противились бы ихъ замысламъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ присутствія требуютъ имъ подвѣдомственные управленія и ихъ должности.

Стр. 194. Распри, возбужденныя желаніемъ всѣхъ вельможъ поступить въ члены совѣта, повидимому, утихли. Рѣшеніе, взятое королевою — допускать въ совѣтъ всѣхъ, домогавшихся этой милости, чтобы не возбуждать зависти и привлечь къ себѣ всю знать, предвѣщало счастливые дни. Отказавшись отъ замысловъ своего предшественника, удовлетворивъ вельможъ снисходительностью и благодѣяніями, она надѣялась, что воцарится миръ и внутри, и внѣ государства.

2. Выписка изъ Юма: Домъ Стюартовъ, царствованіе Карла I.

Всякое препятствіе, какъ со стороны Англіи, такъ и Шотландіи, должно было бы побуждать Карла отказаться отъ намѣренія (ввести свою литургію въ Шотландію), котораго успѣхъ былъ, по крайней мѣрѣ, такъ сомнителенъ; но Карлъ былъ непреклоненъ. Во всѣхъ его поступкахъ, въ данномъ случаѣ, не замѣтно ни малѣйшаго признака здраваго смысла, въ которомъ, впрочемъ, ему нельзя отказать; грустный примѣръ характера, довольно обыкновеннаго между людьми, въ которомъ — на словахъ и въ образѣ мыслей — находимъ и умъ, и здравыя сужденія, а на дѣлѣ весьма часто — нескромность и безразсудство. Взглядъ на вещи есть выводъ здраваго смысла, если въ то же время здравый смыслъ, нравъ и страсти соразмѣряютъ поступки человѣка (стр. 304).

3. Отрывокъ изъ похвального слова Генриху IV.

.... Благодаря своимъ трудамъ, онъ былъ способенъ судить и даже просвѣщать тѣхъ, которые ему служили.

Его умъ, пылкій и возвышенный, занятый дѣлами Европы, не пренебрегалъ ни малѣйшими ихъ подробностями.

Въ той увѣренности, что для государя нѣтъ ничего позорнѣе, какъ быть обманутымъ, онъ желалъ знать обо всемъ — и зналъ.

Постоянно передъ глазами, на стѣнѣ его кабинета, у него было изображеніе состоянія финансовъ; на эти изображенія онъ обращалъ свои взоры чаще, нежели на картины своихъ подвиговъ и славы; отъ его взгляда ничто не ускользало.

Его любовь къ народу равномѣрно облегчала ему всѣ его труды и всѣ его жертвы.

Расточительное великолѣпіе его двора показалось ему глумленіемъ надъ народной нищетою; онъ созналъ, что ему слѣдуетъ подавать примѣръ другимъ. Все излишнее было сокращено; въ его столѣ соблюдалась умѣренность, соединенная съ достоинствомъ, въ одеждѣ—простота, и, такимъ образомъ, онъ побѣждалъ роскошь—изчадіе гордости, сожительствующее съ богатствомъ; какъ часто, чтобы подражать ему, она въ тайнѣ терпитъ крайности!

Онъ отсылалъ въ ихъ помѣстья всѣхъ тѣхъ придворныхъ, которыхъ служба не удерживала при дворѣ и которые проживали свое состояніе въ чайниі королевскихъ милостей. Вѣрнѣйшее средство заслужить ихъ отъ Генриха заключалось въ томъ, чтобы быть полезнымъ своимъ вассаламъ и улучшать свое наслѣдіе.

Ревнуя о прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ правъ, представленныхъ ему вѣнцомъ королевскимъ, онъ никогда не позволялъ министрамъ располагать его даяніями, жалуя ихъ самъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы были посредники между государемъ—награждающимъ и подданнымъ—награждаемымъ. Онъ думалъ этимъ упрочить узы милостей и благодарности, дѣлающихъ честь подданному и умножающихъ величіе государя.

Въ важныхъ должностяхъ онъ опасался глубокихъ умовъ или умовъ дѣятельныхъ; его пугали системы первыхъ и суетливость вторыхъ; онъ полагалъ, что легко безъ нихъ обойтись и что они чаще вредятъ, нежели приносятъ пользу. На управленіе государствомъ онъ смотрѣлъ, какъ на благо семьи и зналъ по опыту жизни, что благоустройство домашняго быта не всегда бываетъ у самыхъ даровитыхъ людей. Порядокъ, бережливость, кротость, терпѣніе, простота, честность и вѣрность слову были, по его мнѣнію, истинными пружинами правительства и онъ довольно равнодушно относился къ тому, какія лица употреблялись на службу, лишь бы въ нихъ не было пороковъ, противныхъ этимъ качествамъ... Однимъ словомъ, онъ никогда не старался быть великимъ, желая всегда быть только полезнымъ.

Онъ уравниалъ путь къ престолу и владычество временщиковъ прекратилось. Его министры, опираясь на его одобреніе въ управленіи министерствами, не осмѣлились бы упреждать его распоряженій.

Въ дружбѣ своей всегда нѣжный, Генрихъ IV никогда не былъ слабъ и однимъ изъ отличительнѣйшихъ его свойствъ была та твердая воля, которой многимъ не достаетъ, которая въ правителяхъ ничѣмъ не замѣнима.

Прочтите исторію: большая часть королей проводила жизнь утлая въ наслажденіяхъ, не искореняя, но только смягчая зло; въ слѣпой самоувѣренности почти всѣ они забывали два главнѣйшія значенія государя: хотѣть и судить.

4. Собственная замѣтка о Генрихѣ IV и о Р.... (русскихъ)

— Генрихъ IV соединялъ съ величайшей откровенностью—искусную политику; съ возвышеннѣйшими чувствами—блестящую простоту образа жизни и нравовъ; съ мужествомъ солдата—неисчерпаемый запасъ челоуѣколюбія. Въ жизни своей онъ встрѣтилъ то, что образуетъ и изобличаетъ великихъ людей—преодоленіе препятствій, испытаніе опасностей и въ особенности противниковъ, себя достойныхъ.

— О Р.... (русскихъ). Если бы между ними когда-нибудь явился государь благоразумный, который, сознавая ошибки политики, озаботился бы исправить ихъ, смягчивъ ихъ лютый духъ, жестокіе и необщительные нравы,—этотъ народъ сталъ бы страшенъ для всѣхъ своихъ сосѣдей.

5. Опытъ Монтаня, кн. III, гл. IX.

Ничто такъ не стѣснительно для государства, какъ нововведеніе: перемѣна даетъ поводъ къ несправедливости и къ тираниіи. Въ случаѣ разстройства какой-либо части государственной машины, можно починить ее; можно воспрепятствовать тому, чтобы измѣненіе и порча, всѣмъ вещамъ свойственныя, не отдалили и насъ черезъ-чуръ отъ нашихъ принциповъ и основныхъ правилъ. Но предпринимать преобразование такой громады, перемѣнять основанія такого громаднago зданія—значитъ уподобляться тѣмъ людямъ, которые, чтобы отчистить грязь, затираютъ и сглаживаютъ; которые, искупая частные недостатки, производятъ всеобщее смятеніе и убиваютъ, чтобы излечить отъ болѣзни. Иногда не столько желательна перемѣна въ дѣлахъ, сколько порядокъ въ оныхъ. (Цицеронъ: объ обязанностяхъ, 2).

6. Герцогъ Вѣккингэмъ.

Малѣйшая выгода заставляла его забывать о чести; малѣйшему удовольствію онъ жертвовалъ выгодною, а самой ничтожной прихоти иногда было достаточно, чтобы отвлечь отъ удовольствія. Кичливость и вѣтренность вредили ему въ его отношеніяхъ къ обществу; пре-

небреженіе въ порядку и къ экономіи было причиною разстройства его состоянія; распутства расшатали его здоровье; наконецъ, онъ лишился способности вредить, точно также, какъ прежде никогда не заботился о томъ, чтобы приносить пользу. (Исторія дома Стюартовъ. Карль II-й, Т. III, ч. III).

Къ этому періоду (1773—1775 гг.) относятся еще нѣсколько тетрадей слѣдующихъ собственоручныхъ замѣтокъ и выписокъ:

I. Выписки изъ сочиненій Цицерона (на французскомъ языкѣ): 1) о должностяхъ; 2) посланія къ Тускуланамъ; 3) рѣчи (тетрадь въ 4-ю долю листа, 39 стр.).

II. Извлеченія изъ Записокъ Монтекуккули (на русскомъ и французскомъ языкахъ): О войнѣ (три тетради, въ листъ 46 стр.; въ 4-ю долю, 12 стр. и въ 8-ю долю 11 стр.).

III. Выписки изъ „Мыслей“—Сенеки (на французскомъ языкѣ) съ помѣткою: „начаты въ Гамбургѣ 5-го мая 1771 г., окончены въ Дармштадтѣ 30-го октября 1771 г.“ (Тетрадь въ 4-ю долю, 64 стр., писана мелкимъ, но весьма красивымъ почеркомъ рукою великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги цесаревича Павла Петровича).¹⁾

¹⁾ См. «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 341.

ТОРЖЕСТВО БРАКОСОЧЕТАНІЯ В. К. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

1793.

Мѣсяцъ сентябрь.¹⁾

29-го числа, въ четвергъ. Во второй день брачнаго сочетанія. Поутру въ 10-мъ часу, въ покояхъ И. И. вв. у новобрачныхъ бытъ изволили Е. И. В. и И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ, Г—ня в. к—ня, Г. в. к. Константинъ Павловичъ, а послѣ и ГГ—ни вв. кк—ны и, присутствуя малое время, отбыли въ свои апартаменты.

8) Въ 11-мъ часу утра, въ силу прежнихъ повѣстовъ, пріѣздъ имѣли ко двору Е. И. В—ва святѣйшаго правительствующаго синода члены съ знатнымъ духовенствомъ и первыхъ пяти классовъ російскія обоого пола особы; и собирались въ покои И. вв. новобрачныхъ для принесенія поздравленій, которыя И. вв. приносили были, во-первыхъ, отъ членовъ синода, при чемъ преосвященный Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, говорилъ краткую поздравительную рѣчь и поднесены И. вв—мъ св. иконы; а потомъ отъ первыхъ пяти классовъ обоого пола особъ, при чемъ Е. в. Г—ня в. к—ня Елисавета Алексѣевна изволила всѣхъ тѣхъ жаловать къ рукѣ.

Въ тоже время, предъ дворцомъ покоевъ И. вв. новобрачныхъ, чинено поздравленіе отъ гвардіи и другихъ полковъ музыкою и барабаннымъ боемъ.

Въ полдни, въ 12 часовъ, И. вв. новобрачные изъ своихъ компанъ шествовали къ И. вв. Г—рю Ц—чу и Г—нѣ в. к—нѣ, а оттуда вскорѣ обще съ И. И. вв. Г—мъ Ц—мъ, Г—ней в. к—ней и съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ изволили проходить со

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. IX, стр. 513—531.

всѣмъ своимъ штатомъ придворнымъ къ Е. И. В. во внутренніе аппартаменты.

9) Потомъ въ кавалерской комнатѣ собрались г-жи статсъ-дамы, камеръ-фрейлина, дежурныя фрейлины и прочія знатныя особы и знатныя придворныя чины.

По приуготовленіи въ кавалергардской комнатѣ обѣденнаго стола и по постановленіи на оный кушанья, пополудни въ часъ, Е. И. В. обще съ И. И. вв. соизволила

10) имѣть обѣденное кушанье на 52-хъ кувертахъ; къ столу-жъ приглашены были всѣ г-жи статсъ-дамы, камеръ-фрейлина, дежурныя Е. В. и И. вв. фрейлины, члены учрежденнаго при дворѣ Совѣта и первыхъ двухъ классовъ знатныя обоюга пола особы слѣдующимъ порядкомъ:

Е. И. В. въ своемъ царскомъ мѣстѣ.

Съ правой стороны:

- 1) Е. в — во Г — ня в. княгиня.
- 2) Е. в — во Г — рь Цесаревичъ.
- 3) Г — рь в. к. Константинъ Павловичъ.

Съ лѣвой стороны:

- 4 }
5 } И. в — вы новобрачныя.

За столомъ находилось всего 51 персона.

Во услугахъ за Е. В. и И. вв. находились дежурныя камергеры и камеръ-юнкеры.

Предъ столомъ стояли оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знаками.

Въ продолженіе стола, въ той же комнатѣ, играла камерная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ.

А при питіи кубками за здравіе И. И. в — въ новобрачныхъ съ адмиралтейской крѣпости выпалено изъ 31-й пушки; при чемъ кубки подавали Е. В — ву оберъ-шенкъ, И. вв — мь Г — рю Ц — чу оберъ-гофмаршалъ, Г — нѣ в. к — нѣ — гофмаршалъ, новобрачнымъ — ихъ дежурныя камергеры, а Г — рю в. к. Константину Павловичу — его дежурный кавалеръ.

Столъ сервированъ большимъ французскимъ серебрянымъ сервизомъ, въ двѣ перемѣны; посуда хрустальная употреблена граеная, а стулья для Е. В. и И. вв. употреблены, которые и вчерашній день на тронѣ были, равно то-жъ и для прочихъ особъ стулья съ штоф-

ными подушками, и за всѣми знатными обоого пола персонами служили пажи.

Послѣ стола Е. В. и И. вв. отсутствовали въ пребывающіе свои аппартаменты.

Потомъ въ столовой комнатѣ кушали дежурные камергеры, камеръ-юнкеры, оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ на 20-ти кувертахъ.

11) Пополудни въ 5 часовъ ко двору Е. И. В. прїѣздъ имѣли, обрѣтающіеся при здѣшнемъ дворѣ, послы и прочіе чужестранные министры и проходили въ покои И. вв. новобрачныхъ для принесенія И. вв.—мъ поздравленій; при томъ съѣхались знатныя російскія обоого пола особы и собирались въ покояхъ И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни для принесенія И. вв.—мъ поздравленій, которыя и приносимы были, какъ отъ знатныхъ російскихъ обоого пола особъ, такъ и передъ баломъ отъ иностранныхъ министровъ.

Въ вечеру, въ 6 часовъ, въ присутствіи Е. И. В. и И. И. вв. Г—ря Ц—ча, Г—ни в. к—ни, высоконовобрачныхъ, Г—ря в. к. Константина Павловича и ГГ—нь вв. кк—нь Александры Павловны, Елены Павловны, Маріи Павловны и Екатерины Павловны въ галереѣ открытъ былъ балъ, съ котораго, въ 9-мъ часу вечера, И. вв. Г—ни вв. кк—ны отбыли въ пребывающія свои комнаты.

Послѣ балу, въ 9 часовъ, Е. И. В. обще съ И. И. вв. соизволила въ новомъ большомъ залѣ имѣть вечернее кушанье за фигурнымъ столомъ по билетамъ на 168-ми кувертахъ, за которымъ находились знатныя первыхъ 4-хъ классовъ російскія обоого пола особы и гг. чужестранные министры и засѣдали слѣдующимъ порядкомъ:

12) По сторонамъ Е. В.—ва Г—ря Ц—ча и Г—ни в. княгини:

Съ правой стороны сидѣлъ:

Подъ № 2-мъ в. к. Константинъ Павловичъ.

Съ лѣвой стороны:

Подъ № 1-мъ И. вв. повобрачные.

За столомъ сидѣло всего 30 персонъ.

Потомъ, по сторонамъ же высочайшей фамиліи, сидѣли гг. чужестранные министры, по-парно съ фрейлинами и съ прочими знатными дамами, а за ними, такимъ же порядкомъ, первыхъ 4-хъ классовъ обоого пола особы.

Во время стола за Е. И. В. и И. И. вв. служили дежурные гг. камергеры и камеръ-юнкеры, а передъ столомъ стояли оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знаками.

Предъ столомъ, когда въ галлерей знатнымъ особамъ розданы были билеты и Е. В. съ И. вв. изъ галлерей шествовала къ столу, то церемоніймейстеръ по порядку, по нумерамъ, кликалъ, а потому тѣ особы къ столу шли по-парно. Въ продолженіе же стола въ новомъ большомъ залѣ на хорахъ играла камерная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ.

За знатными обоого пола особами служили лакеи, которые, какъ прошедшаго, такъ и сего дня, при дворѣ носили богатую статсъ-ливрею.

Въ вечеру-жъ и за полночь обѣ крѣпости и въ городѣ дома были иллюминированы.

30-е число, въ пятницу. Въ третій день торжества отдохновеніе; поутру особливаго при дворѣ ничего не происходило.

Обѣденное кушанье Е. И. В. изволила имѣть въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя.

Вечеръ препроводить изволила Е. И. В. съ И. И. вв. новобрачными и Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ, также съ нѣкоторыми знатными особами и придворными дежурными фрейлинами и кавалерами въ той же комнатѣ, забавляясь въ шахматы до 8-ми часовъ вечера.

Сей день при дворѣ ливрейные служители богатой статсъ-ливреи не носили.

Мѣсяць октябрь.

1-го числа, въ субботу. Въ четвертый день торжества. Въ день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, по утру, для праздничнаго дни въ кавалерской комнатѣ священникомъ отправлялась утренняя.

А въ силу о торжествѣ постановленія, по утру въ 11-мъ часу, ко двору Е. И. В. съѣхались знатныя російскія обоого пола особы и придворные знатныя чины; дамы—въ русскомъ, а кавалеры—въ цвѣтномъ платьѣ.

Предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, Е. И. В. съ И. И. вв. Г—мъ Ц—мъ, Г—ней в. к.—ней, съ новобрачными и съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ изволила шествіе имѣть чрезъ столовую комнату въ придворную большую церковь къ слушанію божественной литургіи, которую совершала очередной священникъ; послѣ литургіи изъ церкви Е. В. съ И. вв.—ми возвратилась чрезъ столовую-жъ и проходила въ фонарикѣ, что изъ кавалерской комнаты, въ которое время, по данному отъ дежурнаго ген.-адъютанта сигналу, выпалено изъ 5-ти пушекъ съ адмиралтейской крѣпости и даны народу жареные быки и виноградное вино на площади противъ дворца на нарочно устроенныхъ пирамидахъ и сдѣланныхъ фонтановъ.

13) Послѣ чего Е. И. В. съ И. И. вв. шествовали чрезъ аудіенцъ-камеру, галерею и новыи залъ въ покои И. вв. новобрачныхъ, гдѣ въ аванзалѣ за обѣденнымъ столомъ присутствовала съ тѣми особами, коимъ при томъ столѣ остаться повелѣно было.

Е. И. В—во.

Съ правой стороны:

Е. И. в. Г—ня в. княгиня.

Е. И. в. Г—ръ Цесаревичъ.

В. к—ня Елисавета Алексѣевна подлѣ форшнейдера.

Съ лѣвой стороны:

Г—ръ в. к. Александръ Павловичъ.

В. к. Константинъ Павловичъ.

Всего за столомъ было 68 персонъ.

Во услугахъ при столѣ за Е. И. В. и И. И. вв. находились дежурные камергеры и камеръ-юнкеры.

И во время стола пили кубками за слѣдующія здравія и производилась пальба:

1) И. И. вв. изволили начать за здравіе Е. И. В.; при чемъ выпалено изъ 51-й пушки.

2) Е. И. В. изволила пить: за здравіе И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни при выстрѣлѣ изъ 31-й пушки.

3) За здравіе И. И. вв. новобрачныхъ съ выстрѣломъ изъ 31-й пушки.

4) За здравіе И. И. вв. Г—ря в. к. Константина Павловича и ГГ—нь вв. кк—нь; при чемъ выпалено изъ 31-й пушки.

Кубки подавали Е. В. и И. вв. тѣже особы, какъ и во 2-й день сего торжества было.

Предъ столомъ стояли оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знаками.

А въ продолженіе стола, въ ономъ же аванзалѣ, играла камерная, вокальная и инструментальная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ.

Столъ сервированъ въ двѣ перемѣны большимъ французскимъ серебрянымъ сервизомъ, посуда хрустальная была шлифованная, а фарфоръ цвѣтной—саксонскій.

Стулья для Е. В. и И. вв. Г—ря Цесаревича, Г—ни в. к—ни, Г—ря в. к. Константина Павловича употреблены прежніе, кои были въ прошедшіе сего торжества дни, а новобрачные подлѣ форшнейдера сидѣли на стульяхъ краснаго дерева, съ зелеными штофными подушками, а равно и прочія знатныя обоого пола особы на такихъ

же, красного дерева, стульяхъ сидѣли и за оными особами служили ливрейные служители, кои весь сей день богатую статсъ-ливрею носили.

Послѣ высочайшаго обѣденнаго стола находившіеся въ услугахъ камергеры и камеръ-юнкеры, оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ кушали обѣденное кушанье за особымъ столомъ.

Е. И. В. послѣ обѣденнаго стола изъ покоевъ новобрачныхъ отсутствовала тѣмъ же трактомъ во внутреннія свои апартаменты.

Въ вечеру Е. И. В. въ собраніе выходить не изволила, точію во внутренніе апартаменты къ Е. В. позваны были нѣкоторые знатныя особы, гдѣ и имѣли пребываніе до 9-го часа вечера.

Въ сей вечеръ и за полночь обѣ здѣшнія крѣпости и въ городѣ дома были иллюминованы.

2-е число, въ воскресенье. Въ пятый день торжества отдохновеніе. Поутру для дни праздничнаго въ кавалерской комнатѣ отправлялась утреннія священникомъ.

А предъ полуднемъ въ обыкновенное время Е. И. В. съ И. И. вв. Г—мъ Ц—мъ и Г—ней в. к—ней, съ новобрачными и съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ соизволила, въ предслѣдованіи придворнаго штата кавалеровъ, а въ провожаніи знатныхъ обою пола особъ, шествовать чрезъ столовую комнату въ придворную большую церковь къ божественной литургіи, которую совершалъ очередной священникъ; послѣ литургіи для дни воскреснаго къ Е. В. и И. вв. подходили святѣйшаго синода члены; изъ церкви Е. В. и И. вв. возвратились чрезъ ту-жъ столовую, а по вшествіи, въ кавалерской комнатѣ Е. В. изволила жаловать къ руцѣ знатный воинской генералитетъ и придворныхъ кавалеровъ.

Послѣ сего И. И. вв. изъ кавалерской комнаты отбыли въ свои покои.

Е. И. В. соизволила изъ кавалерской проходить въ аудіенцъ-камеру и куда потомъ дѣйствит. камергеромъ Иваномъ Васильевичемъ Несвицкимъ введены и Е. И. В. представлены были польскіе депутаты, присланные отъ Изяславской губерніи для принесенія Е. В. всеподданнѣйшей благодарности за возвращеніе сихъ областей въ нѣдро древняго ихъ отечества и за разныя милости, дарованныя обитателямъ оныхъ при соединеніи ихъ къ Россіи; при чемъ первый изъ нихъ депутатъ шефъ-регимента Ильинскій Е. И. В.—ву говорилъ, на польскомъ языкѣ, рѣчь, а послѣ оной всѣ депутаты жалованы къ руцѣ.

По изготовленіи же въ столовой комнатѣ обѣденнаго стола, Е. И. В. соизволила имѣть обѣденное кушанье на 35-ти кувертахъ.

А за столомъ было всего 34 персоны.

Послѣ стола Е. И. В. отсутствовала во внутренніе свои апартаменты.

А какъ въ сей день назначено въ эрмитажномъ театрѣ быть спектаклю, для чего посланъ отъ двора лакей пригласить на оный придворныхъ госпожъ статсъ-дамъ, фрейлинъ и кавалеровъ, да австрійскаго и шведскаго пословъ: графа Кобенція и барона Штедингга.

Въ вечеру, въ 6-мъ часу, съѣхались въ Эрмитажъ г-жи статсъ-дамы, фрейлины и придворные кавалеры, а при томъ всѣ вышесписанные Польскіе Изяславскіе депутаты и собирались въ эрмитажномъ залѣ.

Въ 7-мъ часу вечера Е. И. В. и И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ и Г—ня в. к—ня, Г—ръ в. к. Александръ Павловичъ, Г—ня в. к—ня Елисавета Алексѣвна, Г—ръ в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны Александра Павловна, Елена Павловна и Марія Павловна соизволили прибыть въ Эрмитажъ и проходили въ театръ, гдѣ представлена была французская комедія съ балетомъ; послѣ комедіи Е. В. и И. вв. отсутствовали въ пребывающіе свои апартаменты.

Въ сей день при дворѣ богатой статсъ-ливреи не носили.

3-е число, въ понедѣльникъ. Въ шестой день торжества. Предъ полуднемъ, какъ обыкновенно, во внутреннихъ апартаментахъ у Е. И. В. на посѣщеніи быть изволили И. И. вв. новобрачные, также Г—ръ в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны и, присутствуя съ часъ времени, отбыли въ свои покои.

Потомъ, въ силу о торжествѣ повѣстокъ, приѣздъ имѣли ко двору знатныя придворныя обоюго пола особы, члены учрежденнаго при дворѣ Совѣта и прочіе знатные чины и собирались статсъ-дамы и дамы—въ кавалергардской, а кавалеры, имѣющіе входъ,—предъ внутренними Е. В. покоями; пополудни въ часъ изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ Е. И. В. соизволила шествовать въ покои И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни; гдѣ за обѣденнымъ столомъ благоволила присутствовать съ И. И. вв—ми, къ которому также приглашены были знатныя обоюго пола особы, съ наблюденіемъ при томъ такового-жъ порядка, какъ въ третій день сего торжества во время обѣда было у новобрачныхъ.

Отъ Е. В. съ правой стороны:

- Е. И. в. Г—ръ Цесаревичъ.
- Е. в. Г—ня в. княгиня.
- В. к. Константинъ Павловичъ.

Съ лѣвой стороны:

И. вв. новобрачные.

Всего за столомъ было 53 персоны.

Во время стола пили кубками за слѣдующія здравіи:

1) И. И. вв. изволили начать за здравіе Е. И. В.; при чемъ выпалено изъ 51-й пушки.

Е. И. В. соизволила произнести здравіи: 1) И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—пи, при чемъ произведена пальба изъ 31-й пушки; 2) за здравіе И. вв. новобрачныхъ при выстрѣлѣ изъ 31-й пушки; 3) за здравіе И. вв. Г—ря в. к. Константина Павловича и ГГ—нъ вв. кк—нъ съ выстрѣломъ изъ 31-й пушки.

При чемъ Е. В—ву и И. вв—мъ кубки подавали и во услугахъ находились такимъ порядкомъ, какъ и во 2-й день сего торжества происходило, и предъ столомъ стояли оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знаками; а въ продолженіе стола, въ томъ же кругломъ залѣ, играла музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ.

Столъ сервированъ въ двѣ перемѣны серебрянымъ большимъ французскимъ сервизомъ; фарфоръ цвѣтной—саксонскій и посуда употреблена хрустальная шлифованная.

Послѣ стола Е. В. и И. вв. отсутствовали во внутренніе свои апартаменты.

Итомъ въ столовой Е. В. комнатѣ накрытъ былъ столъ, на который изготовлено особо въ первой верхней кухнѣ кушанье и поставлено было на оный, гдѣ обѣденное кушанье имѣли дежурные камергеры и камеръ-юнкеры, оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ съ прочими на 18-ти кувертахъ.

Въ вечеру, въ обыкновенное время, по собраніи всѣхъ вышеписанныхъ знатныхъ обоюга пола особъ, въ покояхъ И. И. вв. Г—ря Ц—ча и Г—ни в. к—ни былъ балъ и продолжался до 10-го часа вечера.

Е. И. В. на балъ выходу имѣть не изволила, точію во внутренніе апартаменты приглашены были нѣкоторые знатныя особы.

Въ сей день при дворѣ ливрейные служители носили богатую статсъ-ливрею.

Въ назначенные дни отдохновенія.

4-е число, во вторникъ, въ седьмой торжества,

5-е число, въ среду, въ восьмой,

6-е число, въ четвергъ, въ девятый день особливаго при дворѣ ничего не происходило.

Обѣденное же кушанье Е. И. В. изволила имѣть въ тѣ дни въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовья, а именно: октября 4-го, во вторникъ, на 7-ми кувертахъ; октября 5-го, въ среду, на 10-ти кувертахъ; октября 6-го, въ четвергъ поутру, былъ совѣтъ.

Вечеровья-жь времена въ тѣ дни октября 4, 5 и 6-го чиселъ Е. И. В. соизволила препроводить обще съ И. И. вв. съ новобрачными,

съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ, съ нѣкоторыми знатными особами и съ дежурными придворными кавалерами въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя, забавляясь въ карты и шахматы.

И въ оныя-жъ три дни при дворѣ ливрейные служители богатой статсъ-ливреи не носили.

Но какъ въ сей день, то есть, октября 6-го, въ четвертокъ, назначено быть публичному въѣзду въ городъ прибывшему предъ симъ отъ Порты Оттоманской чрезвычайному и полномочному послу Расихъ-Мустафѣ-Пашѣ (sic), то для смотрѣнія и обозрѣнія всего посольскаго кортежа предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, изъ дворца И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ, Г—ня в. к—ня, Г—ръ в. к. Александръ Павловичъ, Г—ня в. к—ня Елисавета Алексѣевна, Г—ръ в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны прибыли въ Аничковской домъ и противъ гостиннаго каменнаго двора во флигелѣ въ среднемъ этажѣ присутствовали.

7-го числа, въ пятницу. Въ десятый день торжества и назначенный быть при дворѣ маскараду.

Полутру особливаго ничего не происходило; обѣденное-жъ кушанье Е. И. В. имѣла въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя, на 7-ми кувертахъ.

Въ вечеру, въ силу прежнихъ о торжествѣ повѣстоѣхъ, ко двору Е. И. В. пріѣздъ имѣли знатныя россійскія обоюго пола особы и дворянство, также гг. чужестранные министры и купечество въ маскарадѣ, который потомъ въ 6-ть часовъ вечера и открытъ былъ, и продолжался до 2-хъ часовъ пополуночи.

Е. И. В. и И. И. вв. Г—ръ Ц—чъ Г—ня в. к—ня, Г. в. к. Александръ Павловичъ, Г—ня в. к—ня Елисавета Алексѣевна, Г. в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны изволили въ маскарадѣ проходить нѣсколько время и отбыли въ пребывающіе свои апартаменты.

Для знатныхъ обоюго пола особъ въ столовой комнатѣ былъ вечерній столъ за которымъ кушали на 46-ти кувертахъ.

Въ сей день при дворѣ ливрейные служители носили богатую статсъ-ливрею.

8-е число, въ субботу, въ первый на десять день торжества отдохновеніе.

Полудни, въ 12 часовъ, Е. И. В. въ аудіенцъ камерѣ гр. Платономъ Александровичемъ Зубовымъ представлены были выбранныя отъ полевыхъ полковъ оберъ-офицеры и отъ гвардіи—сержанты, всего 20 человекъ, для дополненія въ кавалергарды.

Въ обыкновенное время Е. И. В. обѣденный столъ изволила имѣть въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя.

Въ вечеру, въ 6 часовъ, въ аппартаменты къ Е. И. В. прибыть изволили И. И. вв. в. к. Александръ Павловичъ и в. к—ня Елисавета Алексѣевна, съ которыми Е. В. и съ прочими знатными нѣкоторыми особами соизволила вечеръ препроводить въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовья.

Въ сей день при дворѣ богатой статей-ливреи не носили.

9-е число, въ воскресенье. Во второй на десять день торжества и въ пазначенный при дворѣ быть балу и ужину по билетамъ.

Путру для дни воскреснаго въ кавалерской комнатѣ священникомъ отправлена утреннія.

Предъ полуднемъ, въ обыкновенное время, изъ внутреннихъ своихъ аппартаментовъ Е. И. В. съ И. И. вв. Г. Ц—чемъ, съ Г—ней в. к—ней, съ новобрачными и съ Г. в. к. Константиномъ Павловичемъ соизволила шествовать чрезъ столовую комнату въ придворную большую церковь къ литургіи, которую совершалъ очередной священникъ; послѣ литургіи и, по возвращеніи изъ церкви, чрезъ столовую Е. И. В. въ кавалерской комнатѣ изволила жаловать къ рукѣ знатный генералитетъ и придворныхъ кавалеровъ; послѣ чего высочайше отсутствовали во внутренніе свои аппартаменты, и также И. И. вв. отбыли въ свои покои.

Обѣденное кушанье Е. И. В. имѣла въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовья, на 10-ти кувертахъ.

Въ вечеру, въ силу тѣхъ же о торжествѣ повѣстокъ, ко двору Е. И. В. имѣли пріѣздъ знатныя російскія первыхъ четырехъ классовъ обоого пола особы и обрѣтающіеся при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ послы и чужестранные министры и собирались знатныя дамы—въ покояхъ И. И. вв—въ новобрачныхъ, прочія-жь мужескъ молъ особы—въ галлерей для балу.

Въ 6-ть часовъ вечера И. И. вв. в. к. Александръ Павловичъ, в. к—ня Елисавета Алексѣевна, в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны изъ своихъ покоевъ проходили чрезъ покои И. вв. Г—ри Ц—ча и Г—ни в. к—ни въ большую галлерей и въ оной изволили открыть балъ, на который потомъ изъ внутреннихъ своихъ аппартаментовъ Е. И. В. чрезъ столовую комнату прибытіе имѣть изволила и во время балу препровождала разговоръ съ знатными особами; балъ продолжался до 9-го часа вечера, съ котораго И. И. вв. ГГ—ни вв. кк—ны отбыли въ свои комнаты.

Послѣ балу Е. И. В. съ И. И. вв. новобрачными и съ в. к. Константиномъ Павловичемъ благоволила шествовать изъ галлерей въ новый большой залъ и въ ономъ имѣла вечернее кушанье за приуго-

товленными фигурными большимъ столомъ по билетамъ на 166-ти кувертахъ.

Столъ накрытъ былъ на 300 приборовъ.

Билеты раздавали И. вв—мъ камеръ-пажи, а прочимъ обоего пола персонамъ — пажи на фарфоровыхъ тарелкахъ.

Отъ Е. В., съ правой стороны: И. вв. в. к. Александръ Павловичъ и в. к.—ня Елисавета Алексѣевна.

Съ лѣвой стороны: Е. в. в. к. Константинъ Павловичъ.

Всего за столомъ было персонъ ¹⁾.

При столѣ за Е. В. и И. вв. служили дежурные камергеры и камеръ-юнкеры.

Предъ столомъ стояли оберъ-церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ, съ ихъ знавами.

Въ продолженіе стола, на хорахъ и въ залѣ, играла вокальная и инструментальная музыка съ хоромъ пѣвчихъ.

Столъ сервированъ; при столѣ употребляемы были посуда фарфоровая и стеклянная; также и стулья, равно какъ было и въ прежній столъ.

Въ сей день при дворѣ носили богатую статсъ-ливрею.

А въ вечеру обѣ здѣшнія крѣпости и въ городѣ дома были иллюминованы.

10-го числа, въ понедѣльникъ. Въ третій на десять день торжества — отдохновеніе.

Полуту былъ учрежденный при дворѣ Совѣтъ.

Потомъ, какъ обыкновенно всякій день, у Е. В. на посѣщеніи быть изволяли И. И. вв. Г. в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. вк—ны нѣсколько времени, отбыли въ свои покои.

Обѣденное кушанье Е. И. В. изволила имѣть въ комнатѣ, гдѣ вещи брилліантовыя.

Вечеръ препроводить изволила Е. И. В. обще съ И. И. вв. новобрачными и съ Г—мъ в. к. Константиномъ Павловичемъ въ той же брилліантовой комнатѣ, забавляясь въ шахматы, приглася собравшихся предъ тѣмъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, также и чужестранныхъ министровъ.

Сей день при дворѣ богатой статсъ-леврей не носили.

¹⁾ Потомъ съ 15-го нумера, по обѣ стороны стола, во первыхъ сѣдѣли гг. чужестранные министры 2-го ранга, также російскихъ первыхъ 4-хъ классовъ обоего пола особы и польскіе депутаты, имѣющіе ордена Бѣлаго Орла и св. Станислава.

Примѣчаніе подлинника. Въ немъ же и пробѣлъ о числѣ персонъ, бывшихъ на ужинѣ.

11-е число, во вторникъ. Въ четвертый на десять и въ послѣдній брачнаго торжества день, и въ назначенный быть фейверку.

Поутру при дворѣ особливаго ничего не происходило.

Обѣденный столъ Е. И. В. имѣла въ комнатѣ вещей брилліантовыхъ.

Въ вечеру собрались въ кавалерской комнатѣ камеръ-фрейлина и дежурныя гг—жи фрейлины и придворныя кавалеры.

Въ 7-мъ часу вечера Е. И. В. изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ изволила проходить въ Эрмитажъ, и изъ онаго благоволила воспріять шествіе на фейверокъ, приуготовленный на площади, предъ Лѣтнимъ садомъ, куда отсутствовать изволила въ двумѣстной каретѣ приглася съ собою статсъ-даму графиню Браницкую; при чемъ туда-жъ слѣдовали въ казенныхъ экипажахъ камеръ-фрейлина и дежурныя фрейлины и кавалеры.

По высочайшемъ же прибытіи къ фейверку, произведена съ с.-петербургской крѣпости пушечная пальба, а Е. И. В. изволила выдти изъ экипажа и проходить въ верхнюю галерею въ особую для высочайшаго пребыванія ложу, гдѣ тогда-жъ поднесены были г. артиллеріи ген.-поручикомъ Мелисина планы того фейверка.

А потомъ пакы производилась пушечная пальба и по повелѣнію Е. И. В., зажжень былъ фейверокъ, приличествующій къ брачному торжеству; по сожженіи всего фейверка, производилась, съ той же крѣпости, пальба и послѣ чего Е. И. В. изволила, въ томъ же экипажѣ, возвратиться въ Зимній дворецъ и чрезъ Эрмитажъ проходила во внутренніе свои апартаменты.

И. И. вв. Г. Ц—чъ, Г—ня в. к—ня, Г. в. к. Александръ Павловичъ, Г—ня в. к—ня Елисавета Алексѣевна, Г. в. к. Константинъ Павловичъ и ГГ—ни вв. кк—ны, какъ на фейверокъ прибыли, такъ и съ онаго отсутствовали особо въ своихъ экипажахъ.

Прибывшій предъ симъ чрезвычайный и полномочный отъ Порты Оттоманской посолье Рассанъ-Мустафа-Паша (sic), по соизволенію Е. И. В., былъ для смотрѣнія фейверка въ особо отведенной ему въ нижней галереѣ ложѣ, куда прибылъ съ находящимся при немъ приставомъ ген.-майоромъ Безбородкою и съ камергеромъ Пашовинымъ въ ихъ экипажѣ; при чемъ и свиты посольской было нѣсколько чиновныхъ турокъ.

Въ сей вечеръ и за полночь въ Лѣтнемъ саду представлены были щиты, разными огнями освѣщенные, а въ городѣ дома и обѣ здѣшнія крѣпости были иллюминованы.

Въ сей день при дворѣ ливрейные служители носили богатую статсъ-ливрею.

Чѣмъ все прописанное высокобрачное торжество и окончилось.

[Рукопись изъ Библіотеки дворца города Павловска].

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

Воспоминанія А. Н. Струговщикова.

1839—1841.

Записки М. И. Глинки, напечатанныя въ первомъ же году нашего изданія («Русская Старина» 1870 г., №№ 4, 5, 6, 7, 9, 10 и 11), вызвали цѣлый рядъ воспоминаній о нашемъ славномъ композиторѣ, а именно: сестры его Л. Ив. Шестаковой («Р. Ст.» 1870 г., № 12), Ф. М. Толстаго («Р. Ст.» 1871 г., № 4), П. А. Степанова («Р. Ст.» 1871 г., № 7) и друг. Каждое изъ этихъ сообщеній дополняло біографію Глинки какими-нибудь фактами, опущенными или недоговоренными въ его Запискахъ, и еще болѣе дорисовывало новыми симпатическими чертами свѣтлую личность ихъ автора. Несмотря на то, и въ жизни, и въ характерѣ Глинки остается еще такой богатый запасъ событій и чертъ, что, конечно, матеріалъ для новыхъ дополненій и разъясненій не скоро истощится. Съ полнѣйшею готовностью и особенною благодарностью мы принимаемъ и спѣшимъ сообщить публикѣ все, относящееся къ нашему великому художнику; тѣмъ болѣе, что неполнота до сихъ поръ обнародованныхъ свѣдѣній не разъ давала поводъ для преждевременныхъ, а потому столько же рѣшительныхъ, сколько одностороннихъ и несправедливыхъ сужденій.

Въ настоящей книгѣ «Русской Старины» мы помѣщаемъ «Воспоминанія о Глинкѣ» нашего извѣстнаго литератора А. Н. Струговщикова, относящіяся къ той именно эпохѣ (1839—1841 гг.) жизни Михаила Ивановича, которая наиболѣе вызвала неправильныхъ отзывовъ. Воспоминанія А. Н. Струговщикова, не говоря уже о ихъ литературномъ интересѣ, проливаютъ такой новый и яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія Глинки и на самую его личность, что являются однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для его біографіи. Записки А. Н. Струговщикова были въ рукахъ В. В. Стасова, который и ссылается на нихъ въ статьяхъ своихъ о Глинкѣ («Русскій Вѣстникъ» 1857 г., № 22, стр. 267).

А. Н. Струговщикова къ «Воспоминаніямъ» своимъ прибавляетъ статью, принадлежащую перу пансіонскаго товарища Глинки — Н. А. Мельгунова, съ которымъ Михаилъ Ивановичъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. В. В. Стасовъ, приводя изъ нея выдержку («Р. В.», № 21, стр. 136—139), называетъ ее «лучшею и талантливѣйшею статьею о Глинкѣ на русскомъ языкѣ», и, конечно, историческое значеніе свое она сохранила и донныѣ.

Помѣщенные въ статьѣ А. Н. Струговщикова письма къ нему Н. А. Маркевича, В. Г. Бѣлинскаго, К. П. Брюллова, Лермонтова («Горныя вершины») свѣрены нами съ подлинниками, хранящимися у автора.

Примѣчанія принадлежать В. В. Никольскому.

Ред.

I.

Кто читалъ автобіографію Михаила Ивановича Глинки и Записки о немъ близкихъ ему людей, тотъ можетъ себѣ составить довольно ясное представленіе о его личности и о его произведеніяхъ. На мою долю осталось дополнить эти свѣдѣнія нѣсколькими портретами и рассказать о немногихъ чертахъ характера Глинки, относящихся къ тому времени, когда его творчество было въ своемъ полномъ разгарѣ. Къ тому же я въ долгу у него: въ декабрѣ 1840 года онъ вручилъ мнѣ письмо къ нему товарища его по с.-петербургскому университетскому пансіону Н. А. Мельгунова, для напечатанія въ „Художественной Газетѣ“. Почему оно появляется въ свѣтъ только теперь, объясняю ниже.

Я зналъ Михаила Ивановича еще съ того же пансіона; сюда по выходѣ, пріѣзжалъ онъ къ своимъ младшимъ товарищамъ. Я былъ тогда новичкомъ. Одинъ изъ его пріѣздовъ (осенью 1823 г.) напоминаетъ мнѣ довольно живо его тогдашнюю наружность и манеры. Это было въ свѣжій, осенній день; желтый листь нашего обширнаго сада только что началъ спадать. Здѣсь-то я увидѣлъ его между рослыми фигурами Римскаго-Корсака и Лукьяновича и менѣе рослыми Иличевскаго и Подолинскаго.¹⁾ Его серьезное лицо, съ смуглымъ, южнымъ оттѣнкомъ, съ прищуреннымъ, или точнѣе, съ прислѣповатымъ взглядомъ, безпрестанно за разговоромъ оживлялось, — и если его черный скрутокъ рѣзко отдѣлялся отъ нашихъ форменныхъ скрутковъ, то еще рѣзче выдѣлялся онъ своею живою движеніемъ, звонкимъ голосомъ и смѣлою, энергическою рѣчью. Иногда его отрывистыя, какъ бы судорожныя, движенія неожиданно поражали васъ. Или онъ вдругъ остановится, обниметъ за талю то того, то другаго товарища, или станетъ на цыпочки и горячо шепчетъ имъ, по очереди, что-то на ухо, какъ это часто дѣлаютъ люди сосредоточенные. Роста побольше

¹⁾ О Римскомъ-Корсакѣ Глинка постоянно упоминаетъ въ своихъ Запискахъ. Его романсы: «Я люблю, ты говорила» (Le baiser), «Горько, горько мнѣ», «Ночь осенняя», «Всегда, вездѣ (Въ крови горитъ)», Глинка положилъ на музыку. Съ Лукьяновичемъ, который занимался литературой, Глинка нѣкоторое время жилъ въ одной квартирѣ и даже, увлеченный его и Корсака примѣромъ, «и самъ брался за перо» (см. Записки, стр. 33).

малаго, но поменьше средняго, его фигура была въ главныххъ частяхъ соразмѣрна и довольна стройна. Въ нравственномъ отношеніи онъ уже и въ то время, казалось, выходилъ изъ ряда людей обыкновенныхъ. Его привязанность къ одноклассникамъ и ихъ привязанность къ нему оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Къ чести нашего инспектора Я. В. Толмачева, его помощника И. Е. Калмыкова и нѣкоторыхъ профессоровъ надобно отнести ихъ ревность къ талантамъ, ихъ участіе въ судьбахъ своихъ воспитанниковъ. Надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ и самодовольствіемъ вспоминали они о дарованіяхъ Масальскаго, Глинки, Соболевскаго, Иличевскаго, Подольскаго! Это не оставалось безъ вліянія на такъ-называемую закваску школы.¹⁾

Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ пятнадцати лѣтъ, я только по временамъ встрѣчался съ Глинкой, а съ лѣта 1839 г. я съ нимъ познакомился и до весны 1841 г. видѣлся довольно часто; чаще всего у Н. В. Кукольника и у графа Ф. П. Толстаго; у нихъ преимущественно собирался кружокъ, котораго душой сначала былъ К. П. Брюловъ. У меня собственно Глинка былъ всего три раза; но эти три раза, какъ увидимъ, и памяты мнѣ.

Въ мартѣ 1840 г. пріѣхали въ Петербургъ фортепіанистъ Дрейшокъ и скрипачъ Стѣръ. Славянинъ Дрейшокъ былъ уже извѣстенъ; нѣмца Стѣра не знали, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, вовсе. Будь они знаменитостями, наше столичное гостепріимство встрѣтило бы ихъ въ гостинныхъ графовъ Віельгорскихъ, вн. В. Ф. Одоевскаго, А. Ф. Львова. Названные артисты были обращены къ покровитель-

¹⁾ Якову Васильевичу Толмачеву было бы теперь 98 лѣтъ; въ зиму 1872 г. онъ пріѣзжалъ еще, по обыкновенію, изъ деревни въ Петербургъ для закупокъ и полученія пенсіи, а тому лѣтъ пять онъ еще былъ раза два у меня. Въ томъ же 1872 году, онъ прислалъ мнѣ свои послѣдніе переводы изъ Вергилія, котораго когда-то зналъ наизусть. Это не мѣшало ему, однако, отвѣситься разумно къ воспитанникамъ, слабымъ въ латинскомъ языкѣ; о нихъ онъ говорилъ, что изъ нихъ выйдутъ, вѣроятно, хорошіе математики, и рѣдко ошибался. Его «Военное Красноурѣчье»*) и извѣстная въ то время полемика съ Бутырскимъ теперь, конечно, забыты. Въ прошедшемъ году онъ скончался въ деревнѣ, 97-ми лѣтъ.

А. С.

*) «Военное Красноурѣчье, основанное на общихъ началахъ словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго». Сочиненіе ординарнаго профессора императорскаго Санктпетербургскаго университета Якова Толмачева. Печатано издвигеніемъ Кабинета Е. И. В. Спб. 1825 г., три части. Это, не лишнее для своего времени интереса и достоинства, сочиненіе было написано для школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

В. Н.

ству Н. В. Кукольника. Отъ него они пріѣхали ко мнѣ и сказали, что были имъ представлены Глинкѣ и Маркевичу,¹⁾ и что всѣ трое обѣщали содѣйствовать устройству ихъ концертовъ.

Вечеромъ того же дня, какъ Дрейшокъ и Стѣръ пріѣзжали ко мнѣ, Глинка и Маркевичъ были уже за роялемъ, у Кукольника. Я пріѣхалъ къ нему съ К. Брюловымъ, за которымъ заѣзжалъ обыкновенно въ академію, по сосѣдству. Они репетировали по программѣ, въ которой Глинка еще утромъ условился съ пріѣзжими артистами. Кукольникъ тутъ же сообщилъ мнѣ распредѣленіе занятій по концерту въ пользу Стѣра; послѣдняя проба назначалась у меня. К. Брюловъ, какъ человѣкъ несродный ни къ какому практическому дѣлу, оставался безъ должности. Замѣтивъ это, онъ сказалъ:

— „А я пріѣду, если кто меня привезетъ, и прослушаю концертъ, если уцѣлѣютъ уши“.

Послѣ моего замѣчанія, что онъ можетъ записаться ватой, Глинка обернулся къ Кукольнику и сказалъ:

— „Несторъ, уведи этихъ профановъ куда-нибудь; они намъ мѣшаютъ“.

Маркевичъ прибавилъ: „И какую бы глупость они ни выдумали, мы согласны на все“.²⁾

Брюловъ, любившій пофарсить, взялъ меня подъ руку, комично раскланялся, и мы ушли въ другую комнату (вязался же фарсъ съ его львинымъ затылкомъ, грудью атлета и всегдашней, естественной прической Аполлона бельведерскаго!). Тутъ Брюловъ присѣлъ къ столу и началъ чертить карикатуры на Глинку съ надписями: „Глинка на балѣ въ Смольномъ“, „Глинка обожаемый“, „Глинка, поющій безъ голоса и безъ фрака“, „Глинка въ восторгѣ отъ своихъ произведеній“ и т. д.

При этомъ онъ приговаривалъ: „Какъ же я его отпечатаю! а вотъ и еще... и еще экземпляръ.... сюжетъ неистощимый!“

Въ слѣдующіе дни карикатуръ его на Глинку набралось до двад-

¹⁾ Николай Андреевичъ Маркевичъ — историкъ Малороссіи, умершій въ сороковыхъ годахъ. Отличный фортепیانистъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Фильда. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ деревенской жизни, онъ пріѣхалъ въ 1839 г. въ Петербургъ откормленнымъ тельцомъ. Небольшаго роста, пухлый, розовый флегматикъ; страстный охотникъ до духовъ и всякихъ умываній, мылся, полоскался, какъ утка, по нѣскольку разъ въ день. Онъ былъ забавный собесѣдникъ съ примѣсю напускной малороссійской наивности; любилъ хорошо пожить, пилъ одно шампанское да сельтерскую воду, и, какъ слѣдуетъ даровитому гѣнтаю, жилъ и умеръ въ долгахъ.

А. С.

²⁾ Н. А. Маркевичъ принималъ участіе въ либретто «Руслана», именно «поддѣлывалъ стихи въ балладѣ финна» (Зап., 106).

В. Н.

цати. Ихъ коллекціей завладѣлъ тогда братъ его, А. П. Брюлловъ, отъ котораго они перешли къ В. П. Энгельгардту, одному изъ друзей Глинки.¹⁾ У меня остался только набросокъ головы Михаила Ивановича, съ надписью: „Глинка задумываетъ новую, чудовищную оперу“.

Расходившійся на карикатурахъ, Брюлловъ посвящалъ меня въ ихъ таинства, объясняя, какими чертами фізіономіи и фигуры можно, и какими надобно жертвовать въ пользу наиболѣе „казовыхъ, характерныхъ частей“. Не въ коня былъ кормъ. Вотъ Н. А. Степановъ такъ вынесъ изъ указаній К. П. Брюллова хорошую дозу.

23-го апрѣля 1840 г. я получилъ отъ Маркевича записку, которую прописываю *in extenso*; она писана интереснымъ лицомъ и характеризуетъ взаимныя отношенія кружка или, какъ выражается Глинка въ своихъ Запискахъ, братіи:

„Посылаю тебѣ, любезный собратъ, моего камердинера, которому можешь вручить остальные 275 руб., что составитъ за мною 300 всѣхъ.

„Теперь о другомъ: присланъ-ли тебѣ альбомъ мой отъ Каменскаго? Если написалъ что-нибудь, то доставь черезъ этого же Зосима; мнѣ кочетъ еще кой-кто вписать свои имена.

„Теперь о третьемъ: я былъ у Стѣра и у Дрейшока; мы толковали о дѣлѣ; они не могутъ иначе быть у тебя, какъ въ четвергъ. Между прочимъ, я собираюсь выучить со скрипкою концертъ Липинскаго и можетъ быть съиграю его у тебя. Извѣсти можешь-ли обратиться къ Четвергу?

„Еще о четвертомъ: Несторову статью получилъ-ли? Пошла-ли она въ друкарню (типографію)?

„Еще о пятомъ; но не бойся, это уже послѣднее; жму твою руку и проч. Твой Н. Маркевичъ“.

Вечеромъ 27-го апрѣля собрались у меня: М. И. Глинка, графъ Ѳ. П. Толстой, А. П. и К. П. Брюлловы, два брата Кукольниковы, князь В. Ѳ. Одоевскій, баронъ П. А. Вревскій (мой однокашникъ, убитый при р. Черной), графъ В. А. Соллогубъ, П. П. Каменскій, М. А. Геденовъ, Э. И. Губеръ, В. И. Григоровичъ, Рамазановъ (тогда ученикъ скульптуры), П. В. Басинъ, С. Ѳ. Щедринъ (братъ знаменитаго мариниста), А. П. Лоде (на сценѣ Нестеровъ), Н. А. Маркевичъ, И. И. Сосницкій, поэтъ Шевченко, скульпторъ Витали, В. Г. Бѣлинскій, И. И. Панаевъ, Струйскій, Гарановичъ (ученикъ К. П. Брюллова), Я. Ѳ. Яненко, Владиславлевъ и нѣсколько моихъ родственниковъ. Не доставало: О. И. Сенковскаго, Даргомыжскаго, двухъ братьевъ

¹⁾ Альбомъ Глинки съ карикатурами подаренъ В. П. Энгельгардтомъ Императорской Публичной Библіотекѣ. См. «Отчетъ И. П. Б. за 1867 г.», стр. 54.

Степановыхъ, Штерича, В. А. и П. А. Каратыгиныхъ, О. А. Петрова и доктора Гейденрейха. Съ ними, сохранившійся у меня списокъ пріѣхавшихъ, далъ бы полный персоналъ нашего кружка, за немногими исключеніями тѣхъ, которые группировались болѣе около графа М. Ю. Вѣльгорскаго и князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Дрейшокъ, „рубившій пальцами котлеты“, по выраженію Глинки, исколотилъ въ этотъ вечеръ два роая, взятыя мною у Вирта на прокатъ, и заставилъ нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и Бѣлинскаго, ухватъ до ужина; зато Маркевичъ удивилъ всѣхъ своей игрой, затмивъ Дрейшока и Стѣра. Всѣ были порядочно утомлены, но веселая бесѣда за ужиномъ оживила насъ. Заговорили о новой оперѣ Глинки; онъ не выдержалъ, всталъ изъ-за стола и подсѣлъ къ роаялю; струны задребезжали; но у Дрейшока былъ ключъ, и онъ на-скоро настроилъ инструментъ. Глинка былъ неистощимъ; сначала онъ исполнилъ нѣкоторые оконченные нумера „Руслана и Людмила“; потомъ знакомилъ насъ, болѣе и болѣе одушевляясь, съ рисунками подготовленныхъ номеровъ,—и тутъ-то исполненіе заговорило объ-руку съ творчествомъ! Взшло теплое утро; окна были отворены и било семь, когда кто-то замѣтилъ, что прохожіе останавливаются. Мои гости разѣхались.

Концертъ Стѣра состоялся въ залѣ князя Голицына (рябчика) и далъ артисту 900 рублей. Этимъ онъ былъ обязанъ всего болѣе Глинкѣ, а потомъ—графу В. А. Соллогубу, доставшему бесплатную залу.

II.

Чтобы выяснитъ продолжительную привязанность Глинки къ Н. Кукольникову, замѣчу прежде всего, что самая личность Кукольникова не вмѣру пострадавшая отъ литературныхъ нападковъ, была вовсе не такова, какою ее выставлялъ мой однокашникъ И. И. Панаевъ,—писатель, пріуроченный къ литературѣ Бѣлинскимъ и А. А. Краевскимъ, писатель, скорѣе ех-машина, нежели по призванію. Мнѣ тяжело говорить объ этомъ, а надобно. Диффамация собрата была конькомъ Панаева; ради ея, онъ бралъ много на себя и зачастую не только безъ провѣренныхъ, но и безъ всякихъ данныхъ. Готовый, впрочемъ, на дѣла благотворительныя, не отличался онъ и остроуміемъ, придающимъ обличенію условный характеръ. Къ тому же Н. Кукольникову приходилось служить возломъ очищенія и за брата, который пользовался не совсѣмъ лестной репутаціей по управленію имъ дѣлами Новосильцевыхъ.

Несторъ Кукольникъ былъ отъ природы мягокъ и добръ при всѣхъ своихъ слабостяхъ; Панаевъ это зналъ, но игнорировалъ и довелъ свои памфлеты до ухарства. Кукольникъ отвѣчалъ немногими

знаменательными словами: „Гласность — дѣло святое, но есть люди, ведущіе себя дурно и въ церкви“. Если бы Панаевъ прожилъ сто лѣтъ, то не сказалъ бы ничего лучшаго; поэтому-то и бывшіе наставники наши, позднее никогда не называли его въ числѣ лицъ, приносившихъ честь нашему пансіону. Правда, напускное, натянутое простодушіе Кукольника было скоро разгадано, и дѣйствительно, трудно было встрѣтить человѣка, который бы хитрилъ менѣе ловко и безъ всякой надобности, потому что природныя дарованія и склонность къ труду его обезпечивали. Правда и то, что тщеславіе и до цинизма доведенное имъ пренебреженіе общественныхъ приличій могли быть объяснены только отсутствіемъ разумности, которою онъ былъ обдѣленъ въ пользу его дарованій; но все же его слабости не были въ существенный ущербъ обществу или ближнему, въ чемъ справедливо обвинялся Платонъ Кукольникъ, его старшій братъ. Да и знала-ли петербургская публика почву, на которой выросла тѣсная взаимность Глинки и Нестора Кукольника? Не говоря уже о чутокѣ, музыкальномъ ухѣ Кукольника, онъ былъ хорошо посвященъ и въ сухое таинство контрапункта. Глинка находилъ въ немъ тонкаго цѣнителя своихъ произведеній, провѣрялъ съ нимъ свои этюды, свои музыкальные рисунки и работалъ съ нимъ часто надъ инструментальной оперныхъ нумеровъ. О. А. Петрову, почтенному ветерану оперы, это должно быть памятно, какъ общему знакомому и хорошему цѣнителю теоріи музыки и голосовъ. Конечно, Глинка занимался съ Кукольникомъ не какъ съ учителемъ, а какъ съ диллетантомъ, потому что самъ былъ уже превосходнымъ маэстро; тѣмъ не менѣе, Кукольникъ приходился ему кстати, какъ выраженіе, какъ микрокосмъ просвѣщеннаго меньшинства публики. Образование получалъ Н. Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи, и окруженный смолоду людьми учеными, между которыми его отецъ занималъ видное мѣсто, онъ обладалъ эрудиціей университетской, былъ хорошимъ энциклопедистомъ.¹⁾ Правда, какъ писатель, онъ вызываетъ перечень такихъ ингредиентов его шаткаго ума, его парадоксальной за частую логики, что оцѣнка оказывается незавидною... Какъ поэту, служила ему усердно фантазія, главная прислужница на высотахъ вастальскихъ; но онъ не умѣлъ сдерживать ея своенравій, какъ она того требуетъ, чтобы не отбиваться отъ рукъ. И не онъ ея, а она, шаловливая, владѣла имъ. Къ тому же, склонность писать скоро, безъ оглядки, болѣею частію изъ-за гонорарія, заглушала въ немъ любовь и цѣломудріе поэта; отсюда слабость исполненія, не отвѣчающаго задачамъ мысли, и натяну-

¹⁾ Отецъ Кукольника былъ профессоромъ Педагогическаго Института. А. С.

тость ихъ завершенія. Сенковскій, понимавшій поэзію столько же, сколько я санскритскія письменна, воскликнулъ какъ-то неосторожно: „Великій Кукольникъ!“ Кукольникъ повѣрилъ ему и окончательно сбился съ толку. Онъ даже не давалъ себѣ времени прочитывать написанное, и мнѣ случалось получать отъ него статьи для „Художественной Газеты“, требовавшія самаго широкаго редактированія. Изъ-за этого выходили у насъ забавныя сцены. При такомъ нескромномъ служеніи слову, нельзя было и ожидать отъ Кукольника произведеній высокаго значенія, а задатки для этого были у него. Какъ импровизаторъ, какъ веселый и остроумный собесѣдникъ, онъ стоялъ несравненно выше себя, какъ литератора. Прибавьте въ этому его рѣдкое добродушіе, своеобразные приемы, дѣтскую веселость, вызывавшую иногда смѣхъ до слезъ; представьте его въ сообществѣ даровитаго Маркевича, остроумнаго Сенковского, цвѣтистаго, образнаго почти въ каждомъ словѣ Карла Брюллова,— и все это безъ салонныхъ стѣсненій, все на распашку, какъ любятъ художники,— и вы получите объясненіе тѣснаго и продолжительнаго сближенія Глинки съ Несторомъ Кукольниковомъ. Гостепріимный, сердечный князь В. О. Одоевскій, также принимавшій Глинку à bras ouverts, былъ какъ художникъ, какъ дилетантъ, не легко воспримчивъ и холодноватъ, а Глинкѣ нужна была взаимность по его горячему темпераменту, по его дульсу.

Изъ импровизацій Кукольника приведу одну, вылившуюся въ веселыя минуты послѣ вечерней прогулки въ Токсовѣ. Пріѣхавъ туда часамъ къ семи вечера, мы безъ провожатыхъ разсыпались во всѣ стороны, по мѣрѣ какъ приводились сонныя чухонскія лошади. Было только условлено собраться въ бесѣдѣ, знакомой всѣмъ посѣтителямъ Токсова. Не знаю, передаю-ли стихи Кукольника буквально, потому что мои и Рамазанова варианты, тутъ же высказанные, назойливо набиваются памяти:

Холмистыя дали, какъ волны,
Надъ моремъ тумана встають,
И силы, и свѣжести полны,
Пришельца въ объятья зовуть!

За отрогомъ— гѣсь въ отдаленнѣ,
За нивою—зеркало водъ;
Овраги, потоки, каменья,
Все мимо, все дальше, впередъ!

Въ труппѣ сердито бѣснуйась,
Холодный грохочетъ ручей;
Туманы ложатся волнуйась,
А въ рошѣ гремитъ соловей.

Какъ серны, привычныя кони,
 На черныхъ висятъ крутизнахъ,
 Иль стелются съ жаромъ погони
 По утлымъ тропинкамъ въ горахъ.

И смотреть Юпитеръ привѣтно
 На вашъ въ разсыпную походъ,
 И ждеть насъ не сонъ безотвѣтный,
 Насъ Весперь на сходку зоветъ.

Аврора проснулась, умылась,
 Румянымъ потокомъ легла,
 И Токсона даль озарилась,
 И Фебомъ смѣнилася мгла.

Вѣнчаный возница пускаетъ
 Своихъ лучезарныхъ коней,
 И, кудри откинувъ, сіяетъ
 Въ парадной ливреѣ своей.

И обдалъ онъ златомъ озера,
 Кустарники, доли, лѣса...
 Мы Фебу воскликнули: фора!
 Брависсимо! vivat! ура!

Бѣдили мы иногда и въ Павловскѣ послушать Гунгля; обѣдали обыкновенно въ особыхъ комнатахъ на верху вокзала. Разъ какъ-то мы были порядочно на-веселѣ, когда спустились въ залъ оркестра; но остались тутъ не долго и вышли на просторъ. Посрединѣ площадки, вокругъ которой мы усѣлись, откуда ни возьмись, остановилась чья-то левретка. Продрогшая, согнувшись въ дугу и поджавъ заднюю лапу, она дрожала, какъ осиновый листъ. Не успѣлъ ее замѣтить К. Брюлловъ, какъ очутился передъ ней и до того комично и вмѣстѣ отчетливо передразнилъ ее, что раздался общій хохотъ. Паясничество и фарсъ, къ которымъ онъ привыкъ на ихъ родинѣ, въ Италиі, давались ему въ совершенствѣ. Онъ и согнулся, какъ левретка, и дрожалъ, какъ она, и выражалъ глазами то тоскливое безпокойство, которое напоминаетъ во взглядѣ собаченокъ взглядъ испуганной газели.

— „Вотъ этого музыкой не передашь“, сказалъ сквозь хохотъ Глинка.

— „Нѣтъ, передашь“, перебилъ его Яненко, и ни въ селу, ни городу, пробасилъ:

Бѣхалъ чижль въ лодочкѣ,
 Въ бригадирскомъ чинѣ,
 Не выпить-ль намъ водочки
 По этой причинѣ?

Онъ часто цитировалъ эту галиматью, а на этотъ разъ речитативомъ и какъ-то забавно. Поднялся снова смѣхъ; смѣялась и часть подсѣвшей къ намъ публики. Фарсы продолжались, а между тѣмъ, любители скандаловъ заносили ихъ въ свою записную книжку.

Въ концѣ мая 1840 г. К. Брюлловъ сдѣлалъ наконецъ эскизъ давно задуманной имъ картины „Осада Пскова“. Какъ хорошъ былъ этотъ эскизъ! Какъ жалка передъ нимъ неконченная картина!

2-го іюня я встрѣтилъ его въ коридорѣ академіи съ его краскотеромъ Липинымъ, тащившимъ цѣлую кучу живописныхъ принадлежностей. Брюлловъ былъ въ возбужденномъ состояніи и сказалъ мнѣ:

— „Идемъ въ большую мастерскую, на осаду Пскова, недѣли на двѣ; присылай мнѣ, пожалуйста, по двѣ чашки кофе, по два яйца и по тарелкѣ супу; сейчасъ и приказъ объ этомъ посланъ къ тебѣ“.

Я жилъ тогда во 2-й линіи, насупротивъ его мастерской, и исполнилъ акуратно его желаніе. Къ его меню я прибавлялъ только жаренаго цыпленка, который ни разу не оставался лишнимъ.

15-го іюня 1840 г., когда я былъ одинъ въ квартирѣ, часовъ въ 7 вечера раздался звонокъ. Вошелъ обросшій бородой и сильно похудѣвшій К. Брюлловъ.

— „Дашь мнѣ шампанскаго, да чего-нибудь съѣсть?“ спросилъ онъ, видимо довольный своею работою, и прибавилъ: „Теперь скажи, какъ отдѣлаться отъ любопытныхъ? Показывать неконченную картину, все равно, что ходить безъ сапогъ“.

Припоминаю его слова всякій разъ, какъ мнѣ приходится видѣть такъ гениально задуманную и такъ несчастливо остановленную въ исполненіи „Осаду Пскова“. Чтò тутъ за убійственная пестрота и въ краскахъ, и въ линіяхъ! А изъ-за этой-то пестроты и казнился художникъ при мысли, что картина можетъ остаться неконченною. И какъ сонъ въ руку: подоспѣли требованія на картоны, на работы для Исакіевскаго собора... а затѣмъ... но объ этомъ послѣ. Между тѣмъ, какъ я говорилъ слугѣ о винѣ и закускѣ, Брюлловъ набросалъ на недописанномъ мною листѣ бумаги нѣсколько карикатуръ на своихъ братьевъ, на Н. Кукольника, на Шебуева, на Шевченко, и сказалъ:

— „Да пожалуйста, нельзя-ли изъ этихъ уродовъ Глинку и Кукольника сюда? жить хочется!“

— Попробуемъ.

Слуга отправился, и намъ посчастливилось. Кукольникъ и Глинка оказались по домамъ и не болѣе, какъ черезъ часъ, оба пріѣхали вслѣдъ за посланнымъ, который успѣлъ запасть и всѣмъ нужнымъ. Началось бражничанье, пошли рассказы со спорами и смѣхомъ пополамъ.

Не уступая К. Брюллову, Глинка усиленно работалъ все это время

надъ „Русланомъ и Людмилой“, Кукольникъ—надъ „Эвелиной де-Вальероль“, а вашъ покорный слуга только что окончилъ переводы „Римскихъ Элегій“ и сидѣлъ за корректурами газеты. Послѣ труда весело.

Погода стояла великолѣпная; окна были раскрыты; мы пропировали до 5-ти часовъ утра. Нѣсколько эскизовъ карандашемъ и чернилами, между ними карандашный набросокъ Брюллова, эскизъ двѣнадцати-главаго Исакиевскаго собора и лоскутокъ нотъ съ импровизаціей Глинки, остаются у меня отъ этого вечера и понинѣ.

— „Зачѣмъ эта мрачная масса въ нашемъ мрачномъ климатѣ?“ говорилъ Брюлловъ, смотря изъ моихъ оконъ на нынѣшній соборъ: „Бѣлый, съ золотыми маковками, букетъ къ небесамъ былъ бы лучше!“

Къ концу нашей бесѣды Глинка выразилъ и энергично провелъ мысль: положить конецъ приходившему въ упадокъ кружку, собиравшемуся у Кукольника. Что Глинка не былъ лишенъ въ важныхъ обстоятельствахъ жизни практическаго такта, это доказалъ онъ и тѣмъ, что первый понялъ необходимость предупредить жалкія послѣдствія постепеннаго, нравственнаго упадка близкаго ему человѣка. Высказавъ желаніе разомъ повончить со всей компаніей, онъ предложилъ намъ поддержать его мысль.

— „Да какъ-же это сдѣлать?“ спросилъ Кукольникъ.

— „Очень просто“, отвѣчалъ Глинка, „найми маленькую квартиру и до осени никому, ни слова о томъ“.

Я ухватился обѣими руками за его предложеніе, а Брюлловъ заключилъ бесѣду рѣшительнымъ „Баста!“ и поднялъ бокаль „За новую, свѣжую жизнь!“

— „Быть дѣлу такъ!“ отвѣчалъ Кукольникъ, и мы распрощались.

III.

Къ сказанному о нашихъ сходкахъ прибавлю, что онѣ имѣли тройкій характеръ: во-первыхъ, сподручный, ради газеты, которая отвѣчала и желаніямъ академіи, давно неизмѣвшей своего органа; во-вторыхъ, поощрительный, ради артистовъ оперы, которыхъ привлекалъ талантъ Глинки, и въ-третьихъ, характеръ своей темной стороны, которой главными виновниками были Платонъ Кукольникъ и Яненко; послѣдній въ роляхъ виночерпія, форшнейдера и маркиганта, къ чему его побуждали, какъ онъ самъ откровенно говорилъ, его семейныя нужды.

Поощряемый Платономъ Кукольникомъ, Глинка приглашалъ насъ на обѣды и пикники въ складчину, иногда по циркулярнымъ повѣсткамъ, въ родѣ сохранившагося у меня билета, съ литографированной

виньеткой К. Брюллова: „Знаменитая пробка известнаго берлинскаго штофа, извѣщая съ душевнымъ прискорбіемъ о кончинѣ его, послѣдовавшей на прошедшей недѣлѣ въ потьмахъ, просить пожаловать на его поминки въ квартиру Я. Ѳ. Яненко, у Семеновскаго моста, на Фонтанѣ, угловой домъ Пономарева, со внесеніемъ на похоронные расходы 2-хъ рублей“.

Все, что тутъ дѣлалось недѣлаго, дѣлалось подъ руководствомъ Платона Кукольника, смотрѣвшаго на многихъ гостей брата, какъ на дойныхъ коровъ. Онъ рассчитывалъ и на талантъ Глинки. Эксплуатация началась съ изданія известныхъ двѣнадцати романсовъ, подъ заглавіемъ „Прощаніе съ Петербургомъ“. Въ чемъ состояла его сдѣлка съ издателемъ Гурскалинномъ (фирма „Олеонъ“) — кто ихъ знаетъ, а сдѣлка была. Тутъ все пускалось въ ходъ: и обѣщанія выгодъ, и поддѣльные восторги, а иногда и крупныя рѣчи. Я и теперь не могу вспомнить безъ горькой улыбки, въ какиимъ уловкамъ прибѣгалъ Платонъ Кукольникъ, чтобы заставить своего брата Нестора писать по нѣсколькѣ романсовъ въ недѣлю, а Глинку — класть ихъ на музыку. Начиная съ легкихъ опытовъ надъ Варгунинымъ, ставившимъ въ долгъ бумагу, и оканчивая налеганіями на неподатливаго Карла Брюллова, Платонъ Кукольникъ производилъ свои эксперименты, по очереди, и надъ другими. Такъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, К. Брюловъ написалъ, и разумѣется gratis, два поколѣнные и одинъ поясной портретъ всѣхъ трехъ братьевъ Кукольниковъ: Нестора, Платона и Павла. Роль Платона Кукольника, относительно его брата, Глинки и Карла Брюллова, выясняетъ многое, несправедливо павшее и на другія простодушныя головы. Чтобы снять съ нихъ незаслуженную тѣнь, одно средство — не щадить виноватаго. Молча, но не безъ горечи, смотрѣли на все это искренно любившіе и цѣнившіе Глинку братья Н. А. и П. А. Степановы, и немногіе другіе, преданные ему люди, къ которымъ надо отнести и покойнаго М. Гедеонова.

На вечера Кукольника пріѣзжали и московскіе гости: Н. И. Надеждинъ, Т. Н. Грановскій, Севастьяновы, и если не ошибаюсь, М. П. Погодинъ. На званныхъ, музыкальныхъ вечерахъ, число гостей доходило до семидесяти, при чемъ не были забываемы въ приглашеніяхъ ни Я. И. Ростовцевъ, ни Л. В. Дубельтъ. Поддерживать ихъ знакомство составляло особенную задачу для Платона Кукольника или, какъ онъ выражался, „важную стратегию“. Въ видѣ контрабанды, являлся на эти вечера и известный, принадлежавшій къ кружку графа В. А. Соллогуба, любезный шалунъ Булгаковъ. И тутъ, какъ въ домахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго и графа М. Ю. Висльгорскаго, не помню Булгакова иначе, какъ пріѣзжавшимъ далеко за полночь.

Такимъ образомъ, кружокъ Кукольника составлялъ иногда группу постоянную, какъ мозаика, а иногда пеструю, какъ въ калейдоскопѣ.

Разъ я объяснялся о Кукольникахъ съ Бѣлинскимъ, въ присутствіи Грановскаго. Когда Бѣлинскій выразилъ удовольствіе на мое сравненіе Нестора Кукольника съ Сумароковымъ „нашего времени“,

— „Нѣтъ“, возразилъ Грановскій, „Сумароковъ дѣйствовалъ и умеръ бездарнымъ разумникомъ, а Кукольникъ и живетъ, и умретъ даровитымъ глушцомъ“.

Въ концѣ концовъ, Нестору Кукольникову пришлось расплатиться за нелѣпости брата Платона и Яненко. Съ упадкомъ его средствъ, съ литературными на него памфлетами, онъ приунылъ и какъ бы упалъ духомъ.

Не бѣда, если между дѣломъ и бездѣльемъ скажется иногда глупость, но не могло же такъ-называемое меньшинство оставаться равнодушнымъ къ повторявшимся пошлостямъ. Несмотря на бутады Платона Кукольника, я не переставалъ бывать и на другихъ вечерахъ, гдѣ на кукольниковскія сборища смотрѣли со справедливымъ предубѣжденіемъ. Порицатели были правы; правы не въ нападкахъ на возліанія Бахусу, отъ которыхъ были не прочь и друзья Віельгорскаго, Одоевского и Соллогуба, чему я бывалъ свидѣтелемъ,—правы были порицатели въ томъ, что вся кукольниковская компанія не внесла въ нашу литературу ни одной новой, сильной мысли, не выработала ни одного здороваго общественнаго принципа, какъ не сдѣлали этого и гостиныя нашихъ меценатовъ, съ ихъ Жуковскими и Вяземскими. Но литературное вліаніе послѣднихъ въ періоды 1820 и 1830-хъ годовъ обусловлено было иной средой. Погромъ 14-го декабря отнялъ на долго охоту у передовыхъ людей общества вмѣшиваться во внутреннюю политику нашей жизни, да и самыя пути къ тому были загорожены. Вотъ почему неоспоримыя заслуги Жуковскихъ и Вяземскихъ были собственно тутъ ни причемъ. И какъ честь русской музыки принадлежитъ Глинкѣ, такъ и честь новаго, смѣлаго слова принадлежитъ людямъ другаго закала. По этому-то и хорошія сторовы кукольниковскаго кружка не искупили отсутствія того, чего требовало и время, и подготовленная почва; а что она была подготовлена, это доказала наша литература сороковыхъ годовъ, съ ея послѣдствіями въ жизни.

На бѣду, слухи о недавней размолвѣ Глинки и К. Брюллова съ женами ходили еще по городу съ прибавленіями, разумѣется, петербургскихъ кумушекъ. Странно было при этомъ то, что петербургская публика, въ особенности барыни, нападали на своихъ любимцевъ въ то время, когда они подавали собою примѣръ безкорыстнаго, свободаго

труда и творческой дѣятельности, какъ-будто эта славная дѣятельность, во очю всему Петербургу, не давала имъ права на болѣе осторожныя приговоры въ дѣлахъ, для посторонняго темныхъ.¹⁾ Съ отвращеніемъ припоминаю нѣкоторые отзывы въ концѣ тридцатыхъ годовъ, какъ о К. Брюлловѣ и Глинкѣ, такъ и о Пушкинѣ, котораго костюмъ и манеры не всегда приходились по вкусу пустозвонамъ великосвѣтскаго пошиба. Да, попугаизму и злословію открылось тогда широкое поле. К. Брюлловъ и Глинка, при всей ихъ сдержанности, почувствовали себя не нормально; но работали еще усиленнѣе, нежели когда-либо, чтò можно доказать одними перечнями ихъ работъ; надобно же было и желчь разгонять, а причинъ для нея было довольно. Выше мы видѣли, что это не помѣшало Глинкѣ отнестись тепло къ шаткому положенію Нестора Кукольника; не всякій въ извѣстномъ настроеніи духа думаетъ и дѣйствуетъ за другаго.

IV.

Въ концѣ августа 1840 г. мысль Глинка осуществилась: Н. Кукольникъ переѣхалъ въ маленькую квартиру четвертаго этажа, на дворѣ, у Харламова моста. Въ первые четыре мѣсяца Глинка, К. Брюлловъ и я пріѣзжали къ нему раза по два и по три въ недѣлю. Пріѣзжали и братья Н. А. и П. А. Степановы, но рѣже. Между тѣмъ, какъ Глинка работалъ обыкновенно съ Кукольникомъ за роялемъ, Брюлловъ чертилъ въ сосѣдней комнатѣ эскизы, а я держалъ корректуру газеты и знакомилъ его съ нѣмецкой литературой, съ Гете. Здѣсь-то, въ тишинѣ, Глинка окончательно выработалъ всѣ остальные нумера „Руслана и Людмилы“. Здѣсь же наслаждался онъ исполненіемъ, на бѣдномъ инструментѣ, своей интродукціей (вся первая половина перваго акта), созданной имъ незадолго передъ тѣмъ, на дорогѣ изъ деревни въ Петербургъ. Знатоки, въ томъ числѣ и В. В. Стасовъ, считаютъ ее перломъ генія Глинка.

Сожительница Кукольника, вполнѣдствіи его жена Амалія Ивановна, показывалась только мелькомъ, по хозяйству.²⁾

¹⁾ Такіе толки были столько же нелѣпы, какъ и толки о жадности К. Брюллова къ деньгамъ, о его скупости. Въ своемъ мѣстѣ я уясню, на сколько правды какъ тутъ, такъ и въ вещахъ серьезныхъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

А. С.

²⁾ Такъ какъ въ слѣдующихъ статьяхъ врядъ-ли возвращусь къ Кукольнику, то чтобы сказать нѣсколько словъ о его женитбѣ, я долженъ забѣжать года на полтора впередъ.

Въ юнѣ 1843 г. онъ пріѣхалъ ко мнѣ рано утромъ, когда Глинка не было уже въ Петербургѣ.

— «Сегодня женюсь на Амаліи. Не откажись быть посаженнымъ!»

Что Глинка забылъ въ своихъ Запискахъ объ описанныхъ мною вечерахъ у Харламова моста, это могу объяснить только тѣмъ, что онъ писалъ свои Записки спустя пятнадцать лѣтъ. Возвращаясь къ прерванному:

Такъ прошла осень и январь 1841 года. Первый, проникшій въ это убѣжище наше, былъ Губеръ; за нимъ показался Яненко, и вскорѣ послѣдовала перемѣна, положившая конецъ и нашимъ уединеннымъ вечерамъ, и моимъ частнымъ свиданіямъ съ Глинкой.

Кстати о честномъ и простодушномъ Губерѣ: съ своими длинными волосами и блѣднымъ лицомъ, онъ смотрѣлъ засидѣвшимся студентомъ; воспріимчивый, но мало даровитый, онъ брался за многое, ни на чемъ не сосредоточился, и ничего поэтому не сдѣлалъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ сохранившейся у меня записки Бѣлинскаго, о такъ называемомъ Губера переводѣ Фауста: „Помоги вамъ Богъ... это будетъ не то, чѣмъ плюнулъ на публику Губеръ“. Когда-нибудь расскажу и о забавномъ qui-pro-quo, обогатившемъ насъ, по поводу этого страннаго перевода, превосходными стихами Пушкина. Кто, знакомый съ фактурой пушкинскаго ритма, усомнится, что и самое ему посвященіе было исправлено.... написано имъ же, съ перифразой конца, по смерти Пушкина.

Когда меня на подвигъ трудный, и проч.

Глинка относился къ Губеру какъ-то холодно; я разъ замѣтилъ ему это; онъ мнѣ отвѣчалъ:

— „Il me fait l'impression d'un homme qui a manqué à sa vocation“.¹⁾

Я спросилъ: какому призванію?

Глинка только улыбнулся и сказалъ: „Mais c'est un brave homme“.
(Но онъ славный человѣкъ).

— Женитьба — не крестныя, отъ которыхъ не отказываются, отвѣчалъ я; но если дѣло порѣшено, то зачѣмъ и дальше ходить?

— «Спасибо!»

Кукольникъ прибѣгалъ къ лаконизму и усиливалъ свое малороссійское произношеніе, когда хотѣлъ пооригинальничать. О своемъ намѣреніи жениться онъ говорилъ со мною и прежде; но какъ мои возраженія не дѣйствовали, то мнѣ осталось только послать за каретой, чтобы вмѣстѣ отправиться въ первое Парголово, гдѣ онъ жилъ съ невѣстой. Дорогой онъ мнѣ началъ восхвалять ея качества; но на счетъ этого я зналъ больше его, а потому клалъ его слова въ карманъ и ѣхалъ далѣе. Немнолю думалось — что за чепуха!

Въ деревянной церкви, на горкѣ, при въѣздѣ съ Поклонной горы въ первое Парголово, Н. Кукольникъ былъ обвѣнчанъ безъ особой церемоніи, безъ гостей, въ передобѣденное время.

А. С.

¹⁾ Смотрю на него, какъ на человѣка, который измѣнилъ своему призванію.

Въ началѣ 1841 г. Глинка нашелъ себѣ теплый по душѣ уголокъ у М. Геденова. Я не бывалъ у него, да и онъ былъ у меня только одинъ разъ.

Осенью 1841 г., когда дѣла книгопродавца Смирдина пришли въ крайнее разстройство, въ пользу его затѣяно было изданіе „Русской Бесѣды“, въ которомъ кн. В. Ѳ. Одоевскій и графъ Солмогубъ приняли самое теплое участіе. Это дало мнѣ поводъ видѣться съ Солмогубомъ чаще. Въ концѣ ноября 1840 г., когда онъ оканчивалъ свою „Аптекарьшу“, я встрѣтился у него съ Лермонтовымъ, и на вопросъ его: не перевелъ-ли я „Молитву путника“ — Гете? я отвѣчалъ, что съ первой половиной сладилъ, а во второй — не достаетъ мнѣ ея пѣвучести и неуловимаго ритма.

— „А я, напротивъ, могъ только вторую половину перевести“, сказалъ Лермонтовъ, и тутъ же, по просьбѣ моей, набросалъ мнѣ на клочекъ бумаги свои „Горныя вершины“.

Этотъ автографъ, остающійся у меня и понынѣ, я показалъ на другой день Глинкѣ, прочитавъ ему и мои обѣ половины. Цѣлое ему понравилось, но я почему-то замѣшкался списать ему копію. Цѣлое у меня выходило такъ:

Довольно! Небесная благодать,
Къ тебѣ припадаю, уйми
Сомнѣнья и скорби мои!

Довольно; мнѣ радость не въ радость.
Я былъ и блаженъ, и страдалъ.
• Отъ счастья и горя усталъ.

На тихую пристань покоя
Сложи мое бремя земное,
Потухшія вѣки закрой
И въ лоно своемъ успокой!

Стихли всѣ равнины,
Роши и поля,
Скоро на вершины
Ляжетъ ночи мгла.

Ухо сле вплететь
Шелесту листвы;
Птичка уже дремлетъ...
Отдохнешь и ты.

Въ концѣ декабря 1840 г. Глинка какъ-то пріѣхалъ ко мнѣ въ передобѣденный часъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ свертокъ романа „Жаворонокъ“, съ печатнымъ мнѣ посвященіемъ, и сказалъ:

— „Вотъ, вамъ двѣ вещицы: во-первыхъ, примите сей цитронъ“, и онъ положилъ на столъ экземпляръ, за который я благодарилъ его еще ранѣе. „А вотъ вамъ“, продолжалъ онъ, „и на цѣлый листъ матеріалу для вашей газеты,—статья обо мнѣ Мельгунова, нашего одноклассника; боюсь только, не слишкомъ-ли онъ расхвалилъ меня? Я было отдалъ эту статью Кукольнику, но теперь у него хаосъ и въ бумагахъ, и въ головѣ!“

Послѣ обѣда онъ самъ присѣлъ къ инструменту, пропѣлъ „Жаворонка“ и, по просьбѣ моихъ домашнихъ, повторилъ его. Грацію, которую исполненъ этотъ романсъ, онъ варіировалъ съ такимъ искусствомъ, что можно было принять одно и тоже за двѣ различныя композиціи. Потомъ мы ушли въ кабинетъ и онъ заговорилъ о современной литературѣ, жаловался на отсутствіе въ ней жизни. Онъ былъ грустенъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, и какъ-будто искалъ человѣка, чтобъ исповѣдать свою грусть; на ту пору мнѣ въ голову не пришло вызвать его на откровенность. Подъ вечеръ мы вмѣстѣ отправились къ Кукольнику, гдѣ уже поджидалъ насъ К. Брюловъ.

Дня черезъ три послѣ этого, я встрѣтился съ нимъ у графа Ө. П. Толстаго. Тутъ онъ мнѣ сказалъ:

— „Знаете чтò, вѣдь я передумалъ печатать до времени статью Мельгунова; его панегирикъ можетъ показаться черезъ-чуръ не скромнымъ; оставьте статью у себя и напечатайте, когда придетъ время, чтобы мнѣ не пришлось краснѣть за лишнюю хвалу“.

Авторъ этой статьи, тотъ самый Н. А. Мельгуновъ, о которомъ Глинка говоритъ въ своихъ Запискахъ: „онъ не оставался долго въ пансіонѣ, по причинѣ слабаго здоровья; я часто посѣщалъ его по выходѣ изъ пансіона и гостилъ у его добрыхъ и пріятельныхъ родителей“.¹⁾

Время пришло; вотъ этотъ очеркъ Мельгунова о дѣятельности Глинки по 1837-й годъ, съ припиской автора; статья его озаглавлена: „Глинка и его музыкальныя сочиненія“. Помѣщаю эту статью здѣсь въ особой главѣ.

V.

Глинка и его музыкальныя сочиненія.

По выходѣ первымъ²⁾ ученикомъ изъ Петербургскаго Университетскаго пансіона и прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ,

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1870 г., т. I, изд. первое: стр. 485, 573, 593, 594; изд. второе: 347, 367, 388; т. II, 454.

А. С.

²⁾ Вторымъ.

А. С.

М. И. Глинка оставилъ службу, Россію и отправился на югъ Европы. Того требовало его здоровье, а еще болѣе—любовь къ музыкѣ. Въ Италіи онъ хотѣлъ довершить свое музыкальное образованіе. Еще и прежде, въ пансіонѣ, онъ постоянно занимался музыкой, на скрипкѣ у Бѣма, на фортепіано—у.....¹⁾ Разнообразныя и непрерывныя занятія пансіонской жизни не отвлекали его отъ любимаго искусства. Въ это время, когда два знаменитыхъ артиста (а) посвящали его во всѣ таинства исполненія, онъ еще мало занимался теоріей музыки; но и тогда, въ длинныя зимнія ночи, въ лѣтнія петербургскія сумерки, такъ памятыя каждому, кто хотя разъ наслаждался ихъ вдохновительной, полярной поэзіей,—и тогда, послѣ сухихъ репетицій, послѣ Кайданова и Белявина, онъ предавался полету свободной импровизаціи, отдыхая за нею отъ головоломныхъ занятій, отъ заботъ ученическихъ. Въ этихъ звукахъ, дрожащихъ восторгомъ, высказывалъ онъ и свои дѣтскія мечты, и свою томную грусть, и свои живыя радости. Если бы кто видѣлъ его, сидящаго въ лѣтнюю, лунную ночь у окна съ географіей Арсеньева, или съ любимымъ Кювье въ рукахъ, если бы видѣлъ, какъ онъ сводитъ глаза съ книги на мѣсяцъ, съ мѣсяца на книгу, тотъ вѣрно бы сказалъ: „это прилежный, рачительный ученикъ, но науки—не его назначеніе; онъ рожденъ быть художникомъ“.

М. И. Глинка учился примѣрно, не столько по любви или обязанности, сколько потому, что учиться ему не стоило усилій; но всматриваясь въ это мечтательное лицо, въ эту безпечную наружность, легко было замѣтить, что его мысли только скользятъ по книгѣ и просятся далѣе, выше; что его награда за прилежаніе не въ похвалѣ учителя, а въ свободной отъ ученья минутѣ, когда бы онъ могъ предаться вполне ненасытнымъ призывамъ своей фантазіи.

Служба также мало отвлекала его отъ музыки. Онъ ходилъ поутру въ канцелярію съ тѣмъ, чтобы потомъ на свободѣ пѣть, играть, импровизировать. Какъ прежде занятія ученика не отдѣляли его отъ искусства, такъ и послѣ служба не мѣшала ему быть художникомъ. Онъ учился потому, что надо же учиться, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ; служилъ потому, что надо же служить русскому дворянину. Но когда онъ предавался музыкѣ, тогда исчезала мысль объ обязанности, тогда исчезало все случайное въ его жизни,—и онъ являлся единственно художникомъ.

Этому первому періоду его музыкальной жизни мы обязаны мно-

¹⁾ Первымъ учителемъ Глинки въ музыкѣ былъ нѣкто Высоцкій, умершій, по свидѣтельству С. И. Лаврова, въ шестидесятыхъ годахъ. Тотчасъ затѣмъ идетъ учителемъ Карлъ Мейеръ.

гими прелестными произведеніями; но скоро насталъ для него другой періодъ, болѣе обильный счастливыми результатами.

Здоровье требовало воздуха Италіи. Здѣсь начинается для него новая жизнь. Онъ не ученикъ, не чиновникъ, не дворянинъ; онъ — художникъ, безъ раздѣла, всѣмъ сердцемъ, всѣми способностями души.

Годъ спустя по приѣздѣ его въ Миланъ, когда ходилъ онъ по городу, прохожіе останавливались и со всею живостью итальянцевъ говорили другъ другу, сопровождая слова жестами: „смотри, смотри, вотъ русскій maestro!“ b) Дѣйствительно, нашъ maestro былъ уже народенъ въ Миланъ; его сочиненія играли и пѣли почти на всѣхъ концертахъ. Вообразите себѣ русскаго, котораго имя произносится на улицахъ ломбардской столицы, вблизи великолѣпнаго собора, въ родинѣ Бановы и Манзони, c). Русскій композиторъ въ Италіи, иностранецъ, который заставилъ о себѣ говорить въ странѣ музыки, — согласитесь, что это явленіе ново.

Впрочемъ, имя русскаго maestro, принадлежащаго къ фамилии богатой художниками и литераторами, было и прежде извѣстно въ Италіи. Покойный академикъ Глинка, жившій долго въ Римѣ, оставилъ тамъ по себѣ память отличнаго, ученаго архитектора. d) Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ музыкантомъ Глинкою въ Италіи, а потомъ въ Германіи, его имя было нѣсколько разъ упоминаемо во французскихъ и нѣмецкихъ журналахъ. Помнится, гдѣ-то ставили его выше Меркаденте, Риччи и друг. современныхъ итальянскихъ композиторовъ, говоря, что только трое не уступятъ ему: Беллини, Доницетти и Паччини. Въ лейпцигской музыкальной газетѣ отзывались о немъ тоже съ большой похвалою. Многія изъ его сочиненій для фортепiano, изданныхъ въ Миланѣ, удостоились невыгодной чести быть перепечатанными въ Парижѣ. Недавно, въ одномъ простонародномъ журналѣ, à 5 sous, я встрѣтилъ его варіаціи на тему изъ „Коа-Кингъ“, e) Страннымъ, однако, показалось мнѣ, сравненіе нашего maestro съ оперными композиторами: Глинка въ Италіи почти ничего не писалъ для сцены; большая часть его сочиненій, изданныхъ въ Миланѣ, принадлежитъ инструментальной, камерной музыкѣ. Стало быть, между нимъ и упомянутыми писателями никакого основательнаго сближенія быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, подобные отзывы показываютъ, какимъ уваженіемъ пользуется Глинка въ Италіи, особенно въ Миланѣ, центрѣ его музыкальныхъ страстей, f).

Во время пребыванія своего въ Италіи, нашъ maestro оказалъ искусству еще одну важную, хотя мало извѣстную, услугу. Съ нимъ вмѣстѣ отправился изъ Петербурга молодой пѣвецъ Ивановъ, для

усовершенствованія себя въ пѣніи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ Глинка служилъ ему переводчикомъ, руководителемъ, первымъ наставникомъ въ истинной методѣ пѣнія, первымъ учителемъ въ итальянскомъ языкѣ, товарищемъ и помощникомъ. Плѣняясь еще въ Петербургѣ его восхитительнымъ голосомъ, онъ уговорилъ его ѣхать съ собою, въ надеждѣ, что хорошіе профессора музыки, а еще болѣе великіе артисты, которыхъ услышать въ Италіи, образуютъ изъ него славнаго опернаго пѣвца. Глинка не ошибся въ расчетѣ: молодой Ивановъ превзошелъ его ожиданія. Теперъ (1837 г.) имя русскаго пѣвца гремитъ въ Неаполѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ.... Утѣшимся; художникъ не то, что поэтъ; слово принадлежитъ одному народу, краски и звуки — принадлежать всѣмъ.¹⁾

Забываясь о музыкальномъ воспитаніи Иванова, Глинка не забывалъ и своего собственнаго. Теорія мелодіи, пѣнія и голосовъ, — теорія, которую, можетъ быть, онъ рано или поздно обнарудуетъ, была предметомъ его постоянного изученія; фортопянные и другія пьесы, которыя бросалъ онъ на бумагу, служили для него развлеченіемъ, но не цѣлью. Образовавшись достаточно въ главной, основной части теоріи, Глинка, со всею добросовѣстностью художника, нашелъ необходимымъ усовершенствовать себя въ контрапунктѣ. Даже въ Италіи, гдѣ еще есть нѣсколько хорошихъ теоретиковъ, Глинка продолжалъ заниматься музыкальной наукой, которой основаніе получилъ въ Петербургѣ; но Италія не есть страна гармоніи, — онъ поѣхалъ въ Вѣну и Берлинъ за тайнствами контрапункта. Несмотря на частые перерывы въ занятіяхъ, годъ, проведенный имъ въ землѣ Адльбрехтсбергера, Фогеля и Готтфрида Вебера, укрѣпилъ его въ трудной, но необходимой части музыкальной теоріи.

Наконецъ, Глинка воротился въ Россію. Въ началѣ 1834 года онъ явился напередъ въ Москвѣ въ полномъ вооруженіи артиста, обогащенный свѣдѣніями, опытностію, съ обильнымъ запасомъ сочиненій во всѣхъ родахъ. Первымъ его дѣломъ по приѣздѣ было подвергнуть себя испытанію московскихъ художниковъ и любителей музыки, дать передъ ними отчетъ въ своихъ трудахъ и успѣхахъ, — словомъ, доказать имъ, что не даромъ провелъ четыре года подъ музыкальнымъ небомъ Италіи и Германіи.²⁾ И нельзя не прибавить: восторгъ, который Глинка произвелъ въ Москвѣ своими сочиненіями, игрой и пѣніемъ, былъ имъ въ полной мѣрѣ заслуженъ. Въмѣсто любителя, какимъ прежде привыкли его почитать, мы нашли въ немъ, по возвра-

¹⁾ Записки Глинки, стр. 44 — 60.

А. С.

²⁾ Слнч. Записки Глинки, изд. «Русской Старины», стр. 76.

А. С.

щеніи, истиннаго художника, воспитавшаго и посвятившаго себя для любимаго искусства. Говоря музыкальнымъ языкомъ, Глинка уѣхалъ отъ насъ какъ dilettante, возвратился—какъ maestro. Итальянцы, вѣрные цѣнители музыкальнаго таланта, не даромъ прозвали его этимъ почетнымъ именемъ.

Вмѣстѣ съ его возвращеніемъ на родину, начинается для него новый, третій періодъ. Глинка рѣшается испытать себя въ драматической музыкѣ. Издавъ нѣсколько новыхъ романсовъ, которые отличаются отъ прежнихъ всѣмъ разстояніемъ итальянской канцоны или баркаролы отъ французскаго романса, чистой мелодіи отъ декламированнаго пѣнія, Глинка принялся теперь за оперу. Но мало того, что нашъ maestro хочетъ извѣдать свои силы для сцены, онъ задумалъ создать русскую оперу—любимая мечта, которую онъ питалъ въ себѣ съ юности. Русская публика скоро будетъ въ возможности оцѣнить этотъ благородный опытъ. Не могу и не смѣю произнести о немъ своего мнѣнія, зная только очеркъ оперы и нѣсколько отдѣльных номеровъ; но по немногому смѣло ставлю новое произведеніе Глинки выше всѣхъ предъидущихъ опытовъ въ этомъ родѣ. Русскіе журналы не замедлятъ произнести свой приговоръ въ надлежащее время; пока позволю себѣ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Можетъ-ли быть русская опера, или говоря вообще, русская школа въ музыкѣ? Объяснимся. Что составляетъ музыкальную школу? Національность напѣва? Въ такомъ случаѣ, „Нѣмая въ Портичи“—Обера есть итальянская опера, а „Вильгельмъ Тель“—Россини швейцарская? Въ такомъ случаѣ, могутъ быть школы: испанская, шведская, шотландская, малороссійская и пр., какъ скоро композитору вздумается ввести въ свою оперу національные мотивы какого-нибудь народа? Такимъ образомъ, большая часть оперъ Поэззелло и даже „Севильскій Цирюльникъ“—Россини принадлежать къ русской школѣ, потому что Поэззелло и Россини ввели въ нихъ нѣсколько русскихъ напѣвовъ? Всякій чувствуетъ нелѣпость такого заключенія, а между тѣмъ, до сихъ поръ почти въ этомъ смыслѣ принимали значеніе русской оперы. Нѣтъ, характеръ музыкальной школы заключается не въ одной національности мелодіи, такъ какъ школы въ живописи отличаются не одною національстію фізіономій. Въ музыкѣ основныя элементы—мелодія и гармонія, какъ въ живописи—рисунокъ и колоритъ. По этимъ элементамъ опредѣляются и школы; конечно, національность напѣва, какъ и фізіономій, входитъ въ характеристику школы, но она не составляетъ главнаго. Живопись не въ одной портретности лицъ; музыка—не въ одной портретности мотивовъ. Иначе, ваша опера не больше, какъ драматическое попури, во-

девилъ въ 3-хъ или 5-ти актахъ, и кругъ вашихъ мотивовъ,—взяты ли они прямо изъ устъ простолюдина, или поддѣланы на его образецъ,—будетъ также ограниченъ, какъ ограниченъ кругъ фізіономіи какаго-нибудь народа.

До сихъ поръ признавали двѣ школы въ музыкѣ, соотвѣствующія двумъ основнымъ ея элементамъ; эти школы извѣстны всѣмъ: итальянская и нѣмецкая. Здѣсь не различіе мелодій, здѣсь различіе элементовъ: въ одной преобладаніе пѣнія, въ другой—гармоніи; хотя нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ этого основнаго различія, есть другое, заключающееся въ національности напѣвовъ и гармоническаго развитія. Эти школы рѣзко отличаются одна отъ другой и раздѣляютъ между собою міръ музыкальный. Несмотря на то, можетъ и должна существовать третья школа; скажу болѣе: такъ какъ сочетаніе двухъ элементовъ возможно въ безконечныхъ степеняхъ, то возможно и безконечное число школъ посредствующихъ. При томъ можетъ быть и такая школа, гдѣ оба элемента слиты въ одно органическое цѣлое, не среднее между двумя прежними родами, но возвышенное надъ ними. До сихъ поръ Франція была нейтральнымъ полемъ (*terrain neutre*) для этого третьяго рода, гдѣ итальянцы, съ одной, и нѣмцы, съ другой стороны, дѣлали попытки примиренія между враждующими школами. Какъ Глюкъ и Паччини, Керубини и Мегюль,¹⁾ Россини и Мейерберъ старались, такъ стараются и до сихъ поръ объ этомъ примиреніи. Но успѣли-ль? Не думаю, уже и потому, что эти опыты дѣлаетъ не третья нація, свѣжая и музыкальная, но представители двухъ старыхъ школъ, отступники отъ своей національности, и между тѣмъ, отступники робкіе, какъ всякій, кто перестаетъ быть собой и добровольно налагаетъ на себя чужія цѣпи. Сверхъ того, желая угодить вкусу публики, не весьма музыкальной, эти примирители, и Глюкъ прежде всѣхъ, изобрѣли родъ сценической музыки: декламацию, какой-то мѣрный речитативъ, который исключаетъ всякую непринужденную и послѣдовательную мелодію, а вмѣстѣ съ этимъ, не позволяетъ стройному развитію гармоническаго періода.

Правда, вмѣстѣ съ этимъ музыкальнымъ ублюдкомъ, на который истрачено столько силъ и генія и который указываетъ на необходимость третьей школы, существуетъ во Франціи особенная музыка: народная, веселая, легкая, вся на поверхности; эта музыка скользитъ по душѣ, ея напѣвы не проникаютъ въ сердце; но отъ нея и при-

¹⁾ Хотя Мегюль родомъ французъ, но по музыкальному воспитанію (онъ ученикъ Глюка) и характеру своихъ произведеній можетъ быть причисленъ къ нѣмецкой школѣ.

задумается, и разнѣжишься на минуту; а потомъ все исчезло, и осталась одна легкая веселость. Цвѣтъ этой музыки, въ такъ-называемой комической оперѣ, созданіи истинно французскомъ, въ партитурахъ Далейрака, Гретри, Боальде, Обера. Эта музыка выражаетъ ясно лирическую сторону народа; это живой, бѣглый водевиль съ жалобными и веселыми романсами, гдѣ каждый мотивъ есть контрадансъ, гдѣ такъ много и веселья и разнѣженности, и слезъ и смѣха.

Отличительность этой музыки возводитъ ее почти до степени школы, которая хотя едва-ли произведетъ что-либо высокое, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ служить доказательствомъ, что талантъ и мало глубокой, но вѣрной своей національности, можетъ произвести нѣчто болѣе оригинальное, болѣе характеристическое, чѣмъ геній, который насилуетъ себя и хочетъ создать родъ, почерпнутый не въ духъ своего народа. Такъ, Глюкъ—въ Германіи, Керубини—въ Италіи были бы искреннѣе въ своихъ вдохновеніяхъ и ихъ произведенія остались бы надолго въ потомствѣ. Судьба отмстила имъ за отступничество, и между тѣмъ, какъ еще до сихъ поръ во Франціи и даже въ остальной Европѣ играютъ оперы Гретри, Далейрака, Боальде, высокія, но неудавшіяся созданія ихъ музы-переметчицы лежатъ въ театраль-ныхъ архивахъ.

Выразить во всѣхъ родахъ музыки, особенно въ оперѣ, лирическую сторону народного характера русскихъ—вотъ задача, которую принялъ на себя Глинка. Онъ понялъ иначе значеніе слова: русская музыка, русская опера, чѣмъ его предшественники. Онъ не ограничился, болѣе или менѣе, близкимъ подражаніемъ народному напѣву; нѣтъ, онъ изучилъ глубоко составъ русскихъ пѣсень, самое исполненіе ихъ народомъ,—эти вскрики, эти рѣзкіе переходы отъ важнаго къ живому, отъ громкаго къ тихому, эти свѣто-тѣни, неожиданности всякаго рода; наконецъ, особенную, ни на какихъ принятыхъ правилахъ не основанную, гармонію и развитіе музыкальнаго періода; однимъ словомъ, онъ открылъ цѣлую систему русской мелодіи и гармоніи, почерпнутую въ самой народной музыкѣ и несходную ни съ одною изъ предъидущихъ школъ. Его первый большой опытъ, его опера „Иванъ Сусанинъ“ докажетъ, до какой степени онъ выполнилъ мысль и мечту свою.

Кромѣ того, что русскій народъ, высоко музыкальный въ душѣ, имѣетъ рѣзко означенную, богатую національную музыку, и тѣмъ даетъ возможность человѣку съ талантомъ произвести что-нибудь новое и оригинальное; кромѣ того, и русская образованность вообще такого свойства, что она заключаетъ въ себѣ всѣ условія для сля-

нія и сочетанія музыкальныхъ элементовъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Какъ младшія дѣти европейскаго міра, мы пользуемся плодами образованности своихъ предшественниковъ, избѣгая крайностей и избирая лучшее, согласно съ нашей собственной народностью. Изъ этого эклектизма, неизбежнаго въ каждой поздней цивилизаціи, въ каждомъ народѣ или поколѣніи, послѣ другихъ пришедшемъ, должна со временемъ образоваться жизнь, органически стройная во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Будемъ надѣяться такихъ результатовъ и для нашей словесности; почему не ожидать того же и отъ музыки? Мы равно близки, равно не чужды и нѣмецкой, и итальянской, и французской школамъ; мы умѣемъ чувствовать и цѣнить безъ предубѣжденія красоты и достоинства каждой изъ нихъ. Теперь, если передъ публикой, такъ разносторонне приготовленной къ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, явится человѣкъ съ талантомъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ, образовавшимся наукой и опытностью; если онъ въ своихъ произведеніяхъ заключить все, что предвидущія школы имѣютъ отличительнаго, и изъ этого выбора, сдѣланнаго русской душой, создастъ свою оригинальную русскую музыку,—такой человѣкъ можетъ положить основаніе новой музыкальной школѣ, о которой мы не имѣли понятія, которой возможности даже и не подозрѣвали....

Страшно говорить объ этомъ заранѣе, тѣмъ болѣе, что школа, въ какомъ бы искусствѣ ни было, не образуется и не постигается разомъ; но, признаюсь, убажжаю себя надеждою, что Глинка будетъ этимъ основателемъ, по крайней мѣрѣ, предтечею русской музыкальной школы, и что эта школа будетъ высшимъ сліяніемъ мелодіи и гармоніи,—не тѣмъ насильственнымъ сліяніемъ, котораго попытки мы видѣли во Франціи, но сліяніемъ естественнымъ, которое составитъ въ духѣ народа сильнаго, свѣжаго и музыкальнаго. Глинка родомъ своего таланта и своей многосторонней музыкальной образованностью можетъ легко оправдать наши надежды и предположенія. Сочиненія, по сіе время (1837 г.) имъ написанныя, подтверждаютъ слова мои.

Эти сочиненія чрезвычайно разнообразны. Глинка испытывалъ себя во всѣхъ родахъ, и почти во всѣхъ съ одинакимъ успѣхомъ. Фуги, квартеты въ строгомъ стилѣ и *aria bravura*, блестящія варіаціи для фортепіано и заунывные русскія пѣсни, невыразимо прелестные романсы во всѣхъ родахъ и энергическія симфоніи—вылетаютъ пестрой толпой изъ его плодovitаго, но вмѣстѣ и отчетистаго пера. Объ этихъ сочиненіяхъ, которыхъ число простирается уже до шестидесяти, трудно связать, къ какой школѣ принадлежать онѣ: здѣсь есть и французскіе романсы, и итальянскія баркаролы, и нѣмецкія фуги и

особенно русскія пѣсни; здѣсь русскій напѣвъ фигурируетъ, здѣсь fuga приводитъ къ итальянскому мотиву; здѣсь контрапунктъ самый строгій и самая свѣжая мелодія,—всѣ элементы, всѣ школы, всѣ цвѣты музыки, связанные въ стройный и благовонный букетъ!

Но, несмотря на такое разнообразіе, которое заставляеть иногда Глинку увлекаться въ крайности школь, быть можетъ, изъ удовольствія примирить эти крайности,—несмотря на то, нашъ maestro остается вездѣ самимъ собою и рѣзкая индивидуальность, характеризующая его сочиненія, служитъ ручательствомъ, что въ періодѣ болѣе зрѣломъ, въ который теперь вступаетъ, онъ примирить въ своей гармонической душѣ всѣ распри школь и создастъ намъ нѣчто такое, гдѣ мы встрѣтимъ въ живомъ и строгомъ единствѣ все, что избирающее чувство присвоивало себѣ отдѣльно, до него.

Во всѣхъ искусствахъ, какъ и въ самой жизни—этомъ верховномъ искусствѣ, высочайшее совершенство заключается въ отчетливости и граціи, неисключающихъ, конечно, ни вдохновенія, ни силы. Сила и вдохновеніе, не сдержанныя умомъ и чувствомъ мѣры, переходять въ уродливость и изступленіе; вотъ почему высочайшіе художники, какъ и люди, истинно великіе въ жизни, смягчали всегда силу—граціей и вдохновеніе—обдуманностью; вотъ почему, и наоборотъ, грація и отдѣлка суть принадлежность только истинныхъ художниковъ. Эти качества нельзя не замѣтить во всѣхъ сочиненіяхъ Глинки; прибавлю, грація и отдѣлка—его отличительныя качества. И въ немъ эта грація не есть слабость, какъ, на примѣръ, въ Беллини; нѣтъ, она не исключаетъ силы, равно какъ отдѣлка не есть педантизмъ, ибо вигдѣ не изыскана, и его гармонія, несмотря на обдуманность работы, такъ прозрачна и легка, какъ драгоценное кружево.

Сказавъ: грація, я называю всѣ качества, соединенныя съ нею: тонкій, изящный, разборчивый вкусъ; необыкновенную яркость, такъ сказать, прозрачность мысли и ея гармоническое развитіе; наконецъ, отчетливую, истинно художественную отдѣлку, которая не пренебрегаетъ ни малѣйшей подробностью. Чтобы заключить однимъ словомъ, скажемъ, что Глинка есть пѣвецъ граціи и что онъ не только высокій талантъ, но и глубокий художникъ. Его опера будетъ живымъ и сильнымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія. Она докажетъ еще болѣе, а именно, что этотъ пѣвецъ граціи есть вмѣстѣ и пѣвецъ русскій.

Примѣчанія для одного тебя.

а) Кто былъ твоимъ учителемъ на фортепіано — Фильдъ или Мейеръ? ¹⁾

¹⁾ Послѣ Высоцкаго—Карль Маэръ. У Фильда взялъ Глинка. по его же свѣдѣтельству, только три урока.

b) Поставь эту фразу по-итальянски, даже на миланскомъ нарѣчїи.

c) Капова въ Миланѣ-ли родился? ¹⁾ Если не тамъ, то не вспомнишь-ли другаго урода-поэта или художника, родившагося въ Миланѣ, чтобы поставить вмѣстѣ съ Манзони.

d) Все-ли справедливо, что говорю объ архитекторѣ Глинѣ?

e) Что за варіаціи твои на тему изъ „Коа-Кингъ“, которыя я встрѣтилъ во французскомъ журналѣ? (т. е. въ объявленіи о нихъ). Имя твое напечатано весьма ясно и другаго композитора Глинки, кажется, нѣтъ.²⁾

f) При этомъ мѣстѣ, если хочешь, можешь сдѣлать выноску и объявить о своихъ романахъ, цѣнѣ ихъ, гдѣ продаются и проч., а равно и о прочихъ сочиненіяхъ, изданныхъ въ Миланѣ.

Теперь слѣдуетъ собственно письмо:

„Ты, я думаю, милый Глинушка, не ожидалъ отъ меня этой статьи, и даже, вѣроятно, позабылъ о моемъ обѣщаніи; но я разъ обѣщанное не скоро забываю. Невѣровъ, который доставитъ тебѣ это письмо и котораго прошу любить какъ меня, писалъ мнѣ недавно, что твоя опера ставится на сцену. Этого было для меня довольно, чтобы приняться за перо. Въ жизни нельзя безъ маленькаго шарлатанства. Твое имя въ Россіи еще мало извѣстно du gros du public; надо непременно ее приготовить, нажужжать о тебѣ въ уши этой глухой тетерѣ. Такъ дѣлается вездѣ, сколько для авторовъ, столько и для самой публики, ибо наше сердце всегда прїимчивѣе къ впечатлѣніямъ при извѣстномъ имени, чѣмъ при неизвѣстномъ. Теперь вотъ мой совѣтъ: просмотри, исправь, передѣлай мою статью, какъ хочешь; я отдаю ее въ твое полное распоряженіе, и потомъ, не мѣшавъ, напечатать ее, гдѣ хочешь, въ какомъ-нибудь многочитаемомъ журналѣ. хотя въ „Сѣверной Пчелѣ“, только безъ моего имени. Если же отправишь въ „Наблюдателя“, тогда можешь подписать мое имя, за исключеніемъ только того случая, если въ статьѣ будетъ слишкомъ много передѣлокъ. Только не мѣшай; надо, чтобы статья была издана до перваго представленія, дабы приготовить публику; послѣ же представленія попроси Одоевскаго, чтобы написалъ подробный разборъ оперы и помѣстилъ его какъ въ петербургскихъ, такъ и въ московскихъ журналахъ.“

¹⁾ Капова род. въ 1757 г., въ Пассаньо, провинціи Тревизо. А. С.

²⁾ Объ нихъ Глинка говоритъ на стр. 52-й своихъ Записокъ: «онѣ были написаны въ Италіи, въ 1831 г., и посвящены гр. Воронцову-Дашкову, тогдашнему нашему посланнику въ Миланѣ». В. Н.

„Твоего порученія на счетъ вариаций „Соловья“ и нотъ, оставленныхъ тобою въ Берлинѣ, я еще не выполнилъ.

„Коли еще не знаешь моихъ печальныхъ приключеній, то Невѣровъ тебѣ можетъ дать обстоятельное извѣстіе. Дѣло въ томъ, что я съ прошедшаго іюля боленъ; теперь живу въ Ганау, возлѣ Франкфурта, гдѣ беру искусственныя ванны; въ маѣ онѣ кончатся; въ іюнѣ я отправлюсь въ Швальбахъ на холодныя ванны, и очень можетъ статься, что въ этомъ промежуткѣ съѣзжу въ Берлинъ. Но если нѣтъ? тогда что дѣлать? Отправить твое письмо Швецингеру по почтѣ и списаться съ нимъ на счетъ изданія вариаций? Увѣдомь меня поскорѣе. Я остаюсь въ Ганау еще недѣли на четыре, и твой отвѣтъ, коли поспѣшишь, можетъ застать меня здѣсь.

„Скажи мнѣ, что за Глинка издалъ въ прошломъ году книгу въ Берлинѣ: *Dimitry de Glinka, „Esquisse d'une théorie de droit naturel?“*¹⁾ Рѣшительно твое имя европеится больше и больше. Всѣмъ общимъ друзьямъ и знакомымъ нашимъ поклонъ. А *madame Glinka* засвидѣтельствуй мое искреннее уваженіе. Пиши ко мнѣ подробно о себѣ и объ оперѣ. Твой Н. М.“²⁾

VI.

Буквально исполняя желаніе Глинки, я тщательно сохранялъ автографъ Мельгунова въ ожиданіи полнаго общественнаго признанія заслугъ нашего великаго композитора.

Михаилъ Ивановичъ Глинка принадлежалъ къ числу натуръ, отдающихся всецѣло своему главному призванію,—натуръ, исключительно тяготящихся къ имъ сродному. И если разсмотримъ его автобіографію со стороны его симпатій, то убѣдимся, что и онѣ тягются только къ людямъ, глубоко понимавшимъ музыку и работав-

¹⁾ Дмитрій Григорьевичъ Глинка началъ службу въ 1825 году дипломатическимъ чиновникомъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, былъ посланникомъ въ Бразилію, а въ настоящее время—чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Португальскомъ дворѣ. Онъ извѣстенъ двумя сочиненіями: «*Esquisse*», о которомъ здѣсь говорится, изданномъ въ Берлинѣ въ 1835 г., и «*Philosophie du droit, ou l'explication des rapports sociaux*». (Парижъ, 1842 г.; 2-е изд. Брюссель и Лейпцигъ. 1862 г.). Последнее сочиненіе вышло въ 1870 г. въ русскомъ переводѣ, прекрасно исполненномъ извѣстнымъ переводчикомъ политико-экономическихъ и философскихъ сочиненій П. А. Бибиковымъ. Д. Г. Глинка не родственникъ композитора и принадлежитъ къ другой отрасли, весьма многочисленной и разрозненной фамилиі Глинокъ. В. Н.

²⁾ Автографъ этого письма съ статьею Мельгунова будетъ препровожденъ мною къ директору Императорской Публичной Библіотеки, по выходѣ въ свѣтъ моей настоящей статьи. А. С.

шимъ съ нимъ надъ нею; отсюда въ его Запискахъ тѣ пробѣлы, которые только частію могли быть пополнены его сестрой Людмилой Ивановной Шестаковой, и людьми ему близкими, В. В. Стасовымъ и П. А. Степановымъ. „Правда имѣетъ свой запахъ“, говорилъ Карлъ Брюлловъ, и она-то дѣйствуетъ на васъ такъ симпатично при чтеніи ихъ Записокъ. Къ пополненіямъ автобіографіи Глинки можно отнести и первую половину замѣтокъ Ѳ. М. Толстаго о его встрѣчахъ съ Глинкой въ Миланѣ; вторая же написана въ настроеніи слишкомъ субъективномъ....

Мельгуновъ говоритъ въ своей статьѣ, что Глинка вышелъ изъ университетскаго пансіона первымъ. Это ошибка. Глинка вышелъ вторымъ, какъ это видно изъ документовъ, приложенныхъ къ историко-статистическому обзорѣню учебныхъ заведеній, А. С. Воронова. По выпуску 1822 г., втораго съ основанія пансіона при Педагогическомъ институтѣ (1817), переименованнаго черезъ годъ въ Университетскій (1818), товарищами Глинки были: 1) Станиславъ Петровский, 2) вторымъ вышелъ онъ, Глинка, 3) Степанъ Палицынъ, 4) Александръ Краевскій, 5) Иванъ Яковлевъ, 6) Василій Гудимъ-Левковичъ, 7) Гавріиль Вульфъ, 8) баронъ Борисъ Александровичъ Вревскій (братъ Павла, убитаго при Черной),¹⁾ 9) Николай Красно-Милошевичъ и 10) Карлъ Дидрихсъ.

Не родился Глинка великимъ композиторомъ, на что онъ положилъ всю свою жизнь и весь свой геній, онъ, вѣроятно, проявился бы ярко и на пономъ поприщѣ; такъ многообразны были его способности. Послѣднія соединялъ онъ съ развитіемъ, возможнымъ по времени и по средѣ, въ которой жилъ. Нельзя не пожалѣть при этомъ, что судьба не сохранила ему такихъ достойныхъ товарищей, какъ Мельгуновъ и Подолинскій. Послѣдній, къ сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, оставилъ столицу еще задолго до кончины Мельгунова, послѣдовавшей почти вслѣдъ за присланной имъ статьей о Глинкѣ.

Считаю обязанностью закончить мою статью замѣчаніемъ, быть можетъ, непріятнымъ для составителей проектовъ памятника М. И. Глинкѣ, но необходимымъ въ виду отечественнаго дѣла, къ которому они призваны:

Въ заголовкѣ нотъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Прощаніе съ Петербургомъ“, красуется литографическій псевдо-портретъ Михаила Ивановича. Этимъ-то портретомъ, какъ оказывается, руководствуются гг. конкуренты на проектъ памятника ему.

¹⁾ Баронъ Б. А. Вревскій—зять Прасковьи Александровны Осиповой, владѣлицы извѣстнаго села Тригорскаго, сосѣдки и друга А. С. Пушкина.

Съ полнымъ убѣжденіемъ, которое могутъ подтверпить и свидѣтельства А. П. Брюллова, К. А. Тона, В. В. Стасова, П. А. и Н. А. Степановыхъ и многихъ другихъ, знавшихъ покойнаго композитора, начиная съ его родной сестры Л. И. Шестаковой, заявляю, что ни названный литографическій портретъ, ни проэктированныя, выставленныя въ Академіи Художествъ статуэтки, не имѣютъ ничего общаго ни съ фізіономіей, ни съ фигурой, ни даже съ легко-уловимыми прической и костюмомъ покойнаго композитора.

Я посовѣтоваль бы гг. художникамъ руководствоваться, для передачи весьма характерной фізіономіи его (это можетъ показаться страннымъ, но я готовъ доказать рациональность предлагаемаго руководства каждому, способному понимать относительность вещей) тѣми карикатурами, которыя въ такомъ обиліи оставлены карандашемъ и перомъ К. П. Брюллова. Кто видѣлъ Глинку хоть разъ, тотъ узнаеть его тотчасъ, хотя бы по очерву его головы, хранящемуся у меня, и можетъ воспользоваться имъ, если бы почему-нибудь коллекція В. П. Энгельгардта оказалась недоступною.

Есть и другой, простѣйшій способъ для посмертныхъ портретовъ и бюстовъ. Къ такому способу недавно прибѣгнулъ извѣстный нашъ художникъ Гэ, когда лѣпилъ бюстъ покойнаго Бѣлинскаго. Онъ пригласилъ въ свою мастерскую И. С. Тургенева, который пригласилъ и меня съ собой. Намъ предстояла задача—помочь художнику въ передачѣ данной фізіономіи, и конечно, послѣ нашихъ замѣчаній, указаній и взаимныхъ повѣровъ, бюстъ Бѣлинскаго много выигралъ въ сходствѣ. Я увѣренъ, что каждый, знавшій близко покойнаго М. И. Глинку, будетъ въ услугамъ гг. конкурентовъ на проэкты назначенаго ему памятника.

А. Струговщичевъ.

Примѣчаніе. По поводу портретовъ М. И. Глинки считаемъ не лишнимъ замѣтить о портретѣ который писалъ съ него, съ натуры, П. А. Степановъ. О наружности Глинки П. А. много говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ («Русск. Стар.» 1871 г., т. IV, стр. 50 и 57). Съ согласія П. А. Степанова и при весьма обязательномъ содѣйствіи Н. А. Степанова, упомянутый портретъ перерисованъ на камень и изданъ нами въ пяти стахъ экземплярахъ собственно для почитателей памяти М. И. Глинки.

Ред.

II.

Письма М. И. Глинки къ Л. А. Гейденрейху

1842 — 1856.

Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ (д. с. с., докторъ театральной дирекціи) едва-ли ни единственный членъ кружка, описаннаго на предъидущихъ страницахъ А. Н. Струговщиковымъ, къ которому Глинка сохранилъ дружескую привязанность до конца жизни. Глинка вѣчно страдалъ, вѣчно нуждался въ медицинской помощи, безпрестанно мѣнялъ докторовъ, переходя отъ аллопатіи къ гомеопатіи и обратно; однако, постоянно сохранялъ особенное довѣріе «въ образованному аллопату», доктору Гейденрейху, и не разъ былъ обязанъ ему облегченіемъ отъ своихъ недуговъ и даже спасеніемъ отъ серьезныхъ опасностей. Но, независимо отъ того, Глинка питалъ къ нему искреннюю любовь и какъ къ человѣку (см. Записки, стр. 89, 116, 117, 142, 144, 165, 171, 179, и «Р. А.» 1869 г., стр. 353, 368, 369).

В. Н.

Представляемая здѣсь письма М. И. Глинки получены нами, при посредствѣ Л. И. Шестаковой и В. В. Никольскаго, отъ Л. А. Гейденрейха, которыми и свидѣтельствуемъ за это сообщеніе глубочайшую признательность.

Ред.

1.

Ясновельможному пану, его высокоблагородію, милостивому государю Людвигу Андреевичу.

Коллежскій ассессоръ Михаилъ, Ивановъ сынъ, Глинка, бьетъ челомъ о нижеслѣдующемъ:

14-го сего мая имѣетъ быть начало репетиціямъ оперы моей въ залѣ Большаго театра, а такъ какъ въ оной же залѣ помѣщена вами аллопатическая аптека, которая, изрыгая смрадный запахъ, злокачественно поражаетъ слабые нервы мои и даже однимъ видомъ наводитъ на встревоженное воображеніе панической страхъ; чего ради слезно прошу, дабы ваше высокоблагородіе оную вышепомянутую аптеку изъ зала, гдѣ нынѣ обрѣтается, въ другое приличнѣйшее мѣсто перенести приказать соизволили; тѣмъ болѣе, что въ случаѣ несоизволенія вашего высокоблагородія не вижу возможности производить репетиціи съ надлежащимъ раченіемъ и усердіемъ.¹⁾

11-го мая сего 1842 года.

¹⁾ Рѣчь идетъ о первой репетиціи «Руслана»; подробности см. въ Запискахъ Глинки, стр. 130—140.

В. Н.

2.

Парижъ, 28-го (16) февраля 1845 года.

Не знаю какъ благодарить тебя за твое милое и подробное письмо, любезный другъ Людвигъ Андреевичъ. И мнѣ въ свою очередь много нужно сообщить тебѣ. Самое важное то, что 16-го марта въ концертѣ Берліоза, подъ названіемъ: Fête musicale (парижане любятъ громкія и звучныя названія), будутъ исполнены двѣ мои пьесы: арія Въ поле чистое гляжу изъ „Жизни за Царя“, будетъ пѣть Соловьева, и Лезгинка, подъ названіемъ „Grand air de danse, sur des motifs du Caucase et de la Crimée de l'opéra Rouslan et Loudmila“. Лучшаго и болѣе почетнаго случая познакомить парижскую публику съ моими произведеніями не могло представиться. Концерты Берліоза (этотъ будетъ третій) нынѣшній годъ дадутся въ циркѣ, въ Елисейскихъ поляхъ; зала превосходная и вмѣщаетъ до 5,000 человѣкъ и болѣе. Оркестръ отличный, числомъ до 160 человѣкъ: 25 первыхъ скрипокъ, столько же вторыхъ, 18 альтовъ, 18 виолончелей, 16 контрабасовъ, а духовыхъ вдвое, т. е., по 4. Берліозъ дирижируетъ превосходно и съ необыкновенной энергіей. Сегодня же посылаю афишку сестрѣ съ тѣмъ, чтобы ее доставить Нестору (Кукольнику).

Васъ можетъ быть удивляетъ, что я ничего не пишу для Парижа; если бы вы были здѣсь, легко бы поняли причину, друзья мои. Французскій языкъ, восхитительный въ устахъ милой женщины, по моему — отвратителенъ въ большой оперѣ. Я долженъ былъ отказаться отъ намѣренія — издать нѣсколько романсовъ въ французскомъ переводѣ. Сверхъ того, зависть, интриги таковы, что мнѣ бы никогда не добиться до представленія, если бы и написалъ что-либо для Парижа; и если меня допускаютъ участвовать въ концертахъ, — это потому, что вричу во всеуслышаніе, что я въ Парижѣ oiseau de passage.

Здоровье мое, какъ всегда; нервы шалятъ, но по инаковому. Зима трудна въ Парижѣ; послѣдняя половина ноября, декабря и января такъ сыры, туманы такъ густы, что у насъ и не имѣютъ понятія объ этомъ; въ комнатахъ отъ 12-ти до 13-ти по Реомюру. Не удивительно, что находясь подъ непріязненнымъ впечатлѣніемъ столь неблагоприятной температуры (прибавь, что хожу безъ калошъ, въ сапогахъ на пробкахъ, кои дурно защищаютъ отъ сырости, калошъ же носить нельзя отъ того, что мостовая здѣсь ужасно скользка), я зимою часто страдалъ. Характеръ страданій чрезвычайно измѣнился; вмѣсто извѣстной тебѣ апатіи, раздраженіе нервъ сопровождается по большей части грустію, доходящею до отчаянія, и не рѣдко сопровождается легкими истерическими припадками.....

По обстоятельствамъ вышло, нужно разстаться съ О. Д. Гедеоновымъ; мы объдаемъ часто вмѣстѣ, но я живу особенно въ той же улицѣ Provence, 22-й номеръ. Чтобы не быть одному, я взялъ испанца, мнѣ рекомендованнаго для путешествія. Этотъ человекъ испыталъ много горя и принадлежитъ фамиліи весьма порядочныхъ людей. Я имъ чрезвычайно доволенъ и съ нимъ говорю всегда по-испански. Книги читаю уже довольно свободно, Сервантеса съ помощью учителя. Окруженъ пространными картами Испаніи и Андалузіи, и пріобрѣлъ географію Испаніи на испанскомъ языкѣ въ 700 страницъ. Не выдавъ Андалузіи, не предприиму новаго труда, а уѣду отсюда только что получу средства, т. е., въ маѣ или іюнѣ.

За исключеніемъ нервныхъ припадковъ, провожу время пріятно и честно (странное дѣло, я въ Парижѣ значительно остепенился). До объда работаю, остальное время съ милыми людьми и въ театрахъ, концертахъ—*plaisirs publics*. Общества здѣсь не выносимо скучны и церемонны, и я посѣщаю ихъ рѣдко и по крайней необходимости. Русскихъ много, но выдаюсь съ ними рѣдко и сходби наши въ Парижѣ столь же степенны, сколько бывали буйны въ Петербургѣ. Главная прелесть парижской жизни въ томъ, что здѣсь можно жить какъ хочешь, никто не заботится о томъ, что дѣлаешь.

Кромѣ втораго концерта Берліоза, я еще не имѣлъ сильнаго музыкальнаго наслажденія. По моему Берліозъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ композиторовъ нашего времени—оригиналенъ и инструментуетъ какъ никто. Консерваторію еще не знаю, но уже приладилъ такъ, чтобы не упустить слѣдующихъ концертовъ, и даже надѣюсь быть допущенъ на репетицію. Въ итальянскомъ театрѣ былъ только два раза (я не охотникъ до конфетъ), слышалъ Гриси и Персіани: по моему наша голубушка Віардо лучше. Другія такъ себѣ. Лаблаша еще не слыхалъ; но онъ уже устарѣлъ.¹⁾

..... Попроси отъ меня Мишеля,²⁾ чтобы онъ похлопоталъ, чтобы мнѣ выслали слѣдующія за „Руслана“ деньги. Знаю, что сумма небольшая, но для меня важна потому, что желаю пріобрѣсти нѣсколько видовъ Парижа и Испаніи, а на это не имѣю нужныхъ средствъ. Если нужно, пришлю довѣренность, но полагаю, что Мишель по этому письму можетъ распорядиться, буде пожелаетъ..... Прощу любви и забывай искренно преданнаго друга М. Глинку.

Мой адресъ: Rue de Provence, 22.

¹⁾ См. Записки, стр. 145—153 и письмо М. И. Глинки къ Н. В. Кукольникову, напечатанное въ журналѣ «Музыкальный Сезонъ» 1870 г., № 2. В. Н.

²⁾ Гедеонова. В. Н.

Братіи дружескій поклонъ.

Сдѣлай дружбу, исполни мои просьбы; если уже необходима довѣренность, увѣдоми скорѣе, на твое-ли имя, или на другое ее выслать; если же получишь деньги, вручи ихъ сестрѣ Lisette, для доставленія мнѣ.

3.

Четвергъ, 28-го февраля (1852 г.).

Любезнѣйшій другъ Людвигъ Андреевичъ! Завтра вечеромъ (если никакого непредвидѣннаго препятствія не встрѣтится) будутъ исполнены у насъ тѣ классическія аріи Глюка, Керубини и пр., о которыхъ я уже, помнится, говорилъ тебѣ. Дудки будутъ—два гобоя и фаготъ, квартетъ же замѣнитъ фортепіанъ. Дѣло, какъ самъ видишь, нѣсколько любопытное; сообщая тебѣ объ ономъ, прошу убѣдительнѣйше:

1) Никому о томъ ни полслова,—и безъ того соберется народу не мало, а въ подобныхъ случаяхъ лишній человѣкъ хуже татарина.

Къ тому же неоднократно замѣчено мною:

Qu'à Pétersbourg il faut tenir porte close,
Afin que la maison ne devienne un water-close.

Хоть глупо, но вѣрно!

2) Слезно прошу тебя, не откажи пріѣхать къ 7^{1/2} вечера послушать нашей музыки,—классическая часть мусикійскихъ забавъ долго продолжаться не будетъ. Всего 6 или 5 коротенькихъ арій—это все спущу мигомъ. А распорядившись заблаговременно, можешь утѣшить друга, не обижая своихъ пациентовъ.¹⁾

Скажу также, что, считая себя въ числѣ сихъ послѣднихъ, имѣю также нѣкоторое право на твое посѣщеніе. Хотя желудокъ и appetite мало-по-малу исправляются, однако-жъ сонъ не совсѣмъ хорошъ; лишай шалать, въ особенности на лѣвой рукѣ; да и остальные плохо уступаютъ наружному употребленію краснаго вина. Вдобавокъ, на правой ногѣ, въ одномъ мѣстѣ, уже съ нѣкоторыхъ поръ чувствую нѣчто въ родѣ онѣмѣнія кожи,—въ родѣ того, какъ было въ Варшавѣ въ той части правой руки, которая была поражена недугомъ.

Вообще полагаю, что око врача будетъ не лишнее, равно какъ, по моему мнѣнію, шпекторскій смотръ не помѣшаетъ; а сіе тѣмъ болѣе, что послѣ завтра, сирѣчь въ субботу, наступаетъ зловащественный мѣсяць мартъ, всегда для меня вредный въ болѣзненномъ состояніи.

¹⁾ Объ этомъ вечерѣ Глинка говоритъ въ Запискахъ, стр. 179, но тамъ онъ забылъ, что 1852 годъ былъ высокосный и потому относить вечеръ на 28-ое февраля.

Милой твоей баринѣ мой усердный поклонъ. Я же, въ надеждѣ видѣть тебя завтра (пятница 29-го февраля) въ 7^{1/2} вечера, остаюсь, какъ всегда, искреннѣйше преданный тебѣ другъ М. Глинка.

4.

Царское село. 3-го іюля 1854 г.

Любезнѣйшій другъ Людвигъ Андреевичъ! По приказанію сестры, спѣшу напомнить тебѣ, что черезъ 8 дней, въ воскресенье 11-го сего іюля, день ангела Олиньи. Сіе пишу потому, чтобы ты имѣлъ время сообразить и распорядиться такъ, чтобы пожаловать къ намъ на обѣдъ и провести остатою дня вмѣстѣ съ нами, „чѣмъ много утѣшите, ибо много любимы нами“.¹⁾

Разсматривая партитуру „Руслана“, я нашелъ нужнымъ и полезнымъ для эффекта сдѣлать измѣненіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ партитуры. Къ этому дѣлу я не-могу и не долженъ приступать безъ К. Лядова. Если онъ возвратился изъ отпуска, я бы очень желалъ видѣть его. Сообщи это милому Павлу Степановичу²⁾ съ искренне дружескимъ отъ меня поклономъ и просьбою устроить мнѣ свиданіе съ Лядовымъ.

У насъ все, слава Богу, благополучно; каково у васъ?

..... всегда искренній твой другъ М. Глинка.

5.

Берлинъ, 26-го (14) іюля 1856 г.

Милый и добрый другъ Людвигъ Андреевичъ! Не гнѣвайся, если послѣ моей визитной карточки, я тревожу тебя этими немногими строками.

Начну съ дѣла, а потомъ о себѣ.

Вѣроятно, я могу дебютировать какъ композиторъ въ Берлинѣ. ибо къ сему намѣренію уже все—Мейерберъ даже!—приложено.

Желалъ бы открыть мое новое поприще полонезомъ, сочиненнымъ мною для коронаціи ихъ императорскихъ величествъ.

Ты можешь представить себѣ: 80 чел. превосходнаго оркестра: 12—1-хъ, 12—2-хъ скрипокъ, 10 альтовъ и 7 виолончелей, съ столькими же контрабасами; почему же не попробовать?

И такъ, если любишь меня по прежнему, соблаговоли, какъ можно скорѣе, распорядиться слѣдующимъ образомъ:

Vis à vis тебя обрѣтается, на Невскомъ проспектѣ, нотное заведеніе Вас. Деноткина. Оный полонезъ я ему подарилъ, слѣдственно

¹⁾ Эта строчка вписана рукою Л. Ив. Шестаковой.

В. Н.

²⁾ П. С. Федоровъ.

онъ не можетъ отказать мнѣ въ опрятной копіи оркестровой партитуры, тѣмъ болѣе, что я вовсе не намѣренъ торговать моими произведеніями, и разъ подаривши одному, другимъ не отдамъ; значить (въ случаѣ успѣха) онъ же, Деноткинъ, болѣе продастъ экземпляровъ.

Пересылка можетъ быть произведена чрезъ разныя музыкальныя заведенія. Если Деноткинъ мнѣ не врагъ, онъ самъ можетъ это устроить. Деньги за переписку и пересылку получить онъ (Деноткинъ) отъ сестры моей Л. И. Шестаковой. Мой адресъ: Marienstrasse, № 6.

Теперь два слова обо мнѣ:

Мнѣ здѣсь въ Берлинѣ приходится такъ по душѣ, что и высказать не могу. Нѣмецъ—это доброе и акуратное заведеніе; мнѣ рѣшительно докладно (выраженіе Н. Кукольнича). Здѣсь-то мнѣ можно будетъ, если Аллахъ позволитъ, si Dios quiere, пожить спокойно. Я едва не попалъ въ лапы севернаго эскулапа (гомеопата), который свирѣпствуетъ подъ титуломъ: „Geheim-Rath“ (тайный совѣтникъ). Онъ меня поподчивалъ славными дозами Белладоны; я натурально его бросилъ, а взялъ другаго, въ родѣ тебя, мой другъ, сирѣчь образованнаго аллопата; мой рецептъ: какъ можно менѣе лекарствъ и какъ можно болѣе движенія; я безъ натуги выдерживаю по нѣсколько верстъ въ день пѣшедралкой.

Съ моимъ геніальнымъ maestro Денъ работаю мало..... Мишка. Не забудь А. П. Лоди и всю братію; я ихъ люблю и помню.

Необыкновенно занимательный человѣкъ: Мишель¹⁾ смѣялся надо мной, когда я говорилъ: Hier bin ich zu Hause; а это правда.

Сообщ. Л. А. Гейденрейхъ.

Примѣчаніе. Въ первомъ письмѣ упоминаніе объ аптекѣ есть шутливый намекъ на находившійся за кулисами небольшой ящикъ съ лекарствами, на случай, для подачи помощи внезапно заболѣвшимъ на сценѣ.

Во второмъ письмѣ упоминается Соловьева—это французская пѣвица Вертѣиль (Verteuil). Подъ фамилію Соловьевой пѣла она на петербургской сценѣ въ исходѣ тридцатыхъ годовъ.

Пятое письмо есть послѣднее, писанное М. И. Глинкою къ Л. А. Гейденрейху.

Ред.

¹⁾ Геденовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

1822 — 1824.

I.¹⁾

Смѣю надѣяться, что благосклонные мои читатели, судя по предыдущимъ отрывкамъ изъ моихъ Записокъ, не упрекнутъ меня въ обычной слабости пожилыхъ людей — хвалить безусловно свое доброе старое время. Теперь я, напримѣръ, расскажу одинъ грустный фактъ изъ жизни моего покойнаго брата, Василія Андреевича, случившійся съ нимъ въ самомъ началѣ его сценической дѣятельности.

Подобный фактъ въ настоящее время, благодаря справедливости милосердаго нашего Государя, конечно, не можетъ повториться; и мнѣ тѣмъ прискорбнѣе вспоминать о немъ, что тутъ была замѣшана личность, которая должна возбуждать въ каждомъ русскомъ человѣкѣ невольное къ себѣ уваженіе.

Въ 1822 году, 9-го марта, на четвертой недѣлѣ великаго поста, былъ у насъ въ театральномъ училищѣ домашній спектакль, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Я участвовалъ въ этомъ спектаклѣ и братъ мой пришелъ посмотреть меня. Тогда былъ директоромъ театровъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

По окончаніи первой пьесы, въ которой я игралъ, мы съ нимъ вмѣстѣ вышли въ танцевальную залу, гдѣ тогда помѣстили учебные столы и скамейки, которые были сдвинуты на самый конецъ залы. Отойдя къ сторонѣ, мы прислонились къ одному изъ этихъ столовъ

¹⁾ См. другія главы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина»: «А. С. Грибодовъ» («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 297; 1873 г., т. VII, стр. 146 — 179; т. VIII, стр. 306 — 333).

и начали разговаривать между собою; онъ дѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ сыгранной мною роли. Во время антракта зала наполнилась нашей театральной публикой; на другомъ концѣ этой длинной залы былъ кн. Шаховской и Майковъ; мы, загороженные отъ нихъ толпою, вовсе ихъ не замѣтили и продолжали спокойно разговаривать. Вдругъ Майковъ подбѣжалъ къ намъ и съ рѣзкимъ выговоромъ обратился къ брату: „какъ онъ смѣлъ сидѣть въ его присутствіи?“

Братъ, озадаченный такою неожиданностію, нѣсколько сконфузился и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, онъ не сидѣлъ, а стоялъ, прислонясь къ столу; во-вторыхъ, вовсе не видалъ его.

Майковъ не хотѣлъ слышать никакихъ оправданій и явно старался своею грубостію вызвать моего брата на дерзость.

— „Ты мальчишка“, говорилъ онъ ему, „я научу тебя уважать начальство! Ты не смотри на то, что я хожу въ старомъ фракѣ, я все-таки твой директоръ и не позволю тебѣ забываться передо мною!“

Все это было сказано громко при всѣхъ.

Братъ мой поблѣднѣлъ отъ негодованія и твердо отвѣчалъ ему:

— „Повторяю вамъ, ваше превосходительство, что я васъ не видалъ. Что же вамъ еще отъ меня угодно?“

— „Хорошо, хорошо! Я проучу тебя за эту дерзость!“ сказала онъ, и отойдя отъ насъ, началъ опять разговаривать съ кн. Шаховскимъ вполголоса.

Мы съ братомъ были въ изумленіи отъ такой нелѣпой выходки Майкова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ очень простой и во все невзыскательный къ другимъ на счетъ наружныхъ знаковъ уваженія. Братъ мой вскорѣ ушелъ домой.

Слѣдующій затѣмъ день прошелъ очень спокойно и мы полагали, что тѣмъ и кончится эта вздорная исторія. На третій день, 11-го марта, часу въ десятомъ вечера, пріѣхалъ къ намъ на квартиру квартальный надзиратель Кречетовъ, съ предписаніемъ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича—взять моего брата и немедленно отвезти подъ арестъ,—куда же именно, онъ не хотѣлъ ему сказать. Въ этотъ вечеръ, по счастью, матушки нашей не было дома. Братъ на-скоро долженъ былъ собраться, простился съ отцомъ, который далъ ему ва всякій случай денегъ; онъ сѣлъ на санки съ квартальнымъ и поѣхалъ. Дорогою этотъ благородный исполнитель правосудія сказалъ брату, что онъ имѣетъ предписаніе отвезти его прямо въ Петропавловскую крѣпость, и что если съ нимъ есть деньги, то пусть отдастъ ихъ ему, потому что у каждаго арестанта въ крѣпости ихъ отбираютъ, но что онъ непременно послѣ найдетъ случай ему

ихъ доставить. Братъ поблагодарилъ его за это предостереженіе и отдалъ ему 100 руб. ассигн., полученные отъ отца. Въ 10 часовъ вечера за нимъ затворились крѣпостныя ворота и представили его коменданту Сукину, который, не зная настоящей вины арестанта, приказалъ его отвести въ казематъ подъ такимъ-то №. Страшную ночь долженъ былъ провести молодой человѣкъ, незнавшій за собою никакой вины, которая бы требовала такого тяжелаго наказанія; его грустное положеніе увеличивалось еще болѣе мыслію: какъ должно испугать нашу матушку, когда она, наконецъ, узнаетъ объ этомъ несчастіи.

Матушка воротилась домой часовъ въ 12 ночи. Разумѣется, отъ нея скрыли это происшествіе. Она, по обыкновенію, заглянула въ комнату моихъ братьевъ; постель брата Василя была постлана, но его отсутствіе ее не удивило: она знала, что братъ всегда поздно возвращался отъ Катенина (его учителя), и ничего не подозрѣвая, пошла въ свою спальню. На слѣдующее утро, часовъ въ 6, отецъ нашъ поѣхалъ къ Евгеніи Ивановнѣ Колосовой (извѣстной въ свое время знаменитой пантомимной танцовщицѣ), давнишней пріятельницѣ нашей матушки, сообщить ей объ этомъ грустномъ происшествіи и посоветоваться съ нею, какія тутъ принять мѣры. Часовъ въ 8 Колосова пріѣхала къ намъ и вошла въ спальню нашей матушки, которая еще не вставала съ постели. Наканунѣ этого дня умерла балетная танцовщица Новицкая, жившая надъ нами въ томъ же домѣ. Матушка удивилась такому раннему посѣщенію Колосовой, но, полагая, что она пріѣхала посмотрѣть Новицкую, сказала ей:

— „Ты слышала, Евгенія Ивановна, о нашей сосѣдкѣ? Какъ жаль ее, бѣдную“.

— „Да, жаль“, отвѣчала Колосова, „но теперь нечего о ней говорить. Что тебѣ чужое горе. Вставай-ка поскорѣе, теперь не время прокладаться“.

— „Да что же такое случилось?“ спросила матушка.

— „Вставай, говорю тебѣ, поѣдемъ вмѣстѣ выручать Базиля!“

— „Какъ? Что это значитъ?“

— „А то, что онъ со вчерашняго вечера сидитъ гдѣ-то подъ арестомъ“.

Всякій пойметъ, что должна была чувствовать въ эту минуту мать. нѣжно-любившая своего сына. Ей подробно рассказали обо всемъ и она залилась слезами. Въ это время пріѣхалъ къ намъ и Катенинъ, который также былъ извѣщенъ о нашемъ домашнемъ горѣ. Всѣ обща начали совѣтоваться, какъ поступить въ такомъ случаѣ; нако-

нець рѣшили, чтобы матушка лично просила гр. Милорадовича о помилованіи.

Катенинъ тутъ же написалъ просьбу и матушка вмѣстѣ съ Колосовой поѣхали къ Милорадовичу. Правителемъ канцеляріи генераль-губернатора былъ тогда Н. Ив. Хмельницкій, извѣстный театраль-ный писатель. Колосова смѣло обратилась къ нему, какъ къ человѣку, всѣмъ намъ знакомому. Первый ея вопросъ былъ: „гдѣ находится братъ нашъ?“

Хмельницкій долго не хотѣлъ говорить, какъ бы боясь отереть государственную тайну; но, наконецъ, обѣ женщины умолили его и онъ сказалъ, что братъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Матушка наша едва удержалась на ногахъ. Колосова упросила Хмельницкаго доставить имъ возможность увидѣть графа и лично подать ему просьбу нашей матушки.

Этотъ храбрый генераль, герой XII года, русскій Баяръ, какъ его называли, имѣлъ репутацію добраго и благороднаго человѣка.... Но рыцарь безъ страха не всегда бываетъ безъ упрека....

Хорошенькія дѣвушки и милостивныя женщины пользовались постоянно его благосклонностію и передъ ними нашъ русскій Баяръ готовъ былъ преклонить колѣна съ рыцарскою любезностію.

Въ тотъ періодъ времени онъ почти ежедневно бывалъ у кн. Шаховскаго и ухаживалъ за одной хорошенькой танцовкой, дальней родственницей князя.

Отецъ и мать мои тогда полагали (можетъ быть, и ошибочно), что кн. Шаховской, въ отмщеніе моему брату, настроилъ Майкова придаться къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ вооружилъ и гр. Милорадовича противъ него.

Матушка наша, поддерживаемая Колосовой, едва могла войти въ пріемную графа. Онъ вышелъ.... она бросилась къ его ногамъ и, рыдая, подала ему просьбу.... Раздраженный графъ грозно закричалъ ей: — „Меня слезы не трогаютъ, я видѣлъ кровь!“

Эта странная фраза была сказана имъ съ строгимъ выраженіемъ лица и съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сказалъ и логично, и убѣдительно.

Что онъ видѣлъ кровь, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвался; но какое же отношеніе эта кровь имѣетъ къ слезамъ испуганной и отчаянной матери, пришедшей умолять о пощадѣ своего сына?

Графъ началъ читать ея просьбу и еще болѣе обнаружилъ негодованія. Онъ ударилъ рукой по бумагѣ и сказалъ:

— „Вотъ за это одно слово его надо отдать въ солдаты!“

На этотъ разъ графъ сказалъ уже вовсе не логично. Мать по-

даеть просьбу о помилованіи сына. Что бы ни было написано въ этой просьбѣ, сынъ ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть тутъ отвѣтчикомъ.

Матушка отъ слезъ и душевнаго страданія ничего не могла говорить; но тутъ Колосова, которая была неробкаго десятка, вступилась за нее и энергично начала упрекать графа въ его жестокости и несправедливости. Графъ, наконецъ, умиловившись, началъ успокоивать матушку и, посадивъ ее, сказалъ:

— „Этотъ урокъ былъ нуженъ молодому либералу, который набрался вольнаго духу отъ своего учителя Катенина; впрочемъ, нынѣшній же день велю его освободить....“

Матушка воротилась домой нѣсколько успокоенная обѣщаніемъ графа; однако-жь, братъ мой былъ возвращенъ изъ крѣпости на другой уже день вечеромъ.

Въ казематѣ онъ просидѣлъ 42 часа. Немного для ежедневнаго рапорта коменданта, но слишкомъ достаточно для того, чтобы дать понятіе, какъ въ то доброе старое время умѣли цѣнить и поощрять талантливыхъ и начинающихъ артистовъ.

Матушка наша была одна изъ тѣхъ робкихъ, мягкосердечныхъ и впечатлительныхъ натуръ, воображенію которыхъ зачастую самыя обиденныя житейскія неприятели представляются въ преувеличенномъ видѣ. Что же она, бѣдная, должна была перечувствовать въ продолженіе этихъ двухъ сутокъ!

Господь далъ ей силы перенести эти ужасныя потрясенія, но такая, ничѣмъ не вызванная со стороны моего брата, строгость могла бы стоять ей жизни. Добродушный комендантъ Сукинъ, отпуская моего брата изъ крѣпости, сказалъ ему:

— „Я, по моей должности, никогда не бываю въ театрѣ, но слышала отъ моихъ знакомыхъ, что вы артистъ даровитый; вотъ теперь, какъ вамъ придется представлять на сценѣ какого-нибудь арестанта, вы, побывши у насъ, конечно, еще натуральнѣе сыграете свою роль. Прощайте, сударь. Досвиданія я ужъ вамъ не скажу (смѣячисъ прибавилъ онъ). Я къ вамъ въ театръ не ѣзжу, такъ, дай Богъ, напредки и вамъ не посѣщать насъ грѣшныхъ. Желаю вамъ успѣховъ. Не поминайте насъ лихомъ“.

Можете себѣ вообразить, въ какомъ мы были восторгѣ, когда братъ воротился изъ крѣпости; мы не помнили себя отъ радости. По той же, вѣроятно, причинѣ и г. квартальный надзиратель не почелъ нужнымъ возвращать брату деньги, полученныя имъ отъ него въ самыя грустныя минуты; онъ, конечно, не хотѣлъ напоминать ему прошлаго горя.

Недѣли черезъ двѣ или три братъ мой письменно просилъ Кречетова о возвращеніи своихъ денегъ; но такъ какъ росписки въ полученіи ихъ квартальный не давалъ, то, конечно, и не считалъ себя обязаннымъ возвращать ихъ. Когда же отецъ нашъ написалъ ему, что будетъ жаловаться оберъ-полціймейстеру, то отецъ Кречетова пришелъ къ нашему отцу и умолялъ пощадить его сына, не срамить его передъ начальствомъ, и что онъ самъ, наконецъ, дастъ честное слово уплатить вмѣсто своего сына всю сумму сполна. Отецъ мой не жаловался, а отецъ Кречетова не возвратилъ денегъ. Благородный же сынъ его получилъ, года черезъ два, чинъ высокоблагородія и былъ долгое время частнымъ приставомъ въ нашей части.

II.

Въ тотъ же 1822 г. писатель Катенинъ былъ высланъ изъ Петербурга; и вотъ что вызвало на него эту опалу. Знаменитая трагическая актриса того времени, Екатерина Семеновна Семенова, вторично поступая на сцену, долго не хотѣла удостоить моего брата чести играть съ нею и вообще отзывалась о немъ съ пренебреженіемъ. Всѣ трагедіи она играла тогда съ Брянскимъ. Главная причина ея нерасположенія къ моему брату была, во-первыхъ, его дружба съ Александрой Михайловной Колосовой — ея соперницей по театру;¹⁾ а во-вторыхъ, будучи сама прежде ученицею кн. Шаховскаго, она принадлежала къ его партіи и крѣпко не жаловала Катенина за его злой языкъ и строгую критику. Въ первый разъ она начала играть съ моимъ братомъ въ трагедіи „Поликсена“, соч. Озерова.²⁾ 18-го сентября (А. М. Колосова тогда отошла отъ театра и была въ Парижѣ) Семенова играла Гекубу, братъ — Пирра, а роль Поликсены занимала молодая воспитанница театральнаго училища А — ва, ученица Семеновой. Эта 16-тилѣтняя дѣвушка не имѣла никакихъ средствъ — ни вѣшнихъ, ни

¹⁾ Несогласіе и даже вражда артистовъ, занимающихъ одинаковое амплуа, дѣло обыкновенное въ закулисномъ мірѣ на всѣхъ возможныхъ театрахъ. Но, вѣскольکو лѣтъ спустя, когда Александра Михайловна вышла замужъ за моего брата, обѣ эти артистки не только сблизились между собою, но искренно смѣялись надъ прежней своей враждой. П. К.

²⁾ Это была послѣдняя его трагедія, за которую онъ не получилъ отъ театральной дирекціи никакого вознагражденія; эта несправедливость не только имѣла сильное вліяніе на его уже слабое тогда здоровье, но, можетъ быть, послужила одной изъ причинъ трагической его кончины. Подробности объ этой злополучной трагедіи разсказаны въ прекрасной статьѣ князя П. А. Вяземскаго въ «Р. А.» 1869 г., стр. 2032. Первое представленіе «Поликсены» было въ 1809 году 14-го мая. Тогда роль Поликсены играла Семенова, а Гекубу — моя матушка. П. К.

внутреннихъ для сильныхъ трагическихъ ролей и, разумѣется, была очень слаба и неудовлетворительна (впослѣдствіи она перешла на роли служанокъ). Семенова, по окончаніи трагедіи, при вызовѣ собственно ее, вывела вмѣстѣ съ собою и свою ученицу. Такая закулисная протекція показалаcя многимъ неумѣстна, потому что этой воспитанницы никто не думалъ вызывать. Надо замѣтить, что вызовы тогда имѣли важное значеніе и считались самою большою наградой артистамъ. Раздалось шиканье. Катенинъ сидѣлъ въ первомъ ряду кресель, и такъ какъ онъ имѣлъ въ то время значительный авторитетъ въ кругу истыхъ театраловъ,¹⁾ такъ, вѣроятно, былъ главнымъ тутъ начинщикомъ; онъ закричалъ:

— „Семенову одну!“

Гордая Семенова, не привыкшая къ такого рода протестамъ, возмутилась этой демонстраціей и на другой же день формально пожаловалась гр. Милорадовичу, который, по своей неограниченной власти, запретилъ Катенину посѣщать театры. Понятно, что такое лишеніе сильно раздражило страстнаго любителя театральнаго искусства; онъ не скрывалъ своего негодованія и не стѣснялся въ своихъ рѣзкихъ отзывахъ на счетъ губернаторской власти, что, вѣроятно, не могло не дойти до графа.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Покойный государь Александръ Павловичъ былъ тогда въ отсутствіи, кажется, за границей. Прошло мѣсяца полтора послѣ этого роковаго спектакля и въ продолженіе этого времени гр. Милорадовичъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, донесъ государю о поступкѣ Катенина; можетъ быть, даже увеличилъ его вину.

Какъ бы то ни было, только въ одно „прекрасное утро“ (и именно 7-го ноября) я пришелъ къ Катенину часовъ въ 11-ть и просилъ прослушать меня въ какой-то новой роли; онъ занялся со мною, — вдругъ входитъ слуга и докладываетъ, что пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ. Катенинъ очень удивился.

— „Это что за посѣщеніе? Что ему отъ меня надобно?“ сказалъ Катенинъ, велѣлъ его пригласить въ гостинную и вышелъ къ нему.

Я остался одинъ въ кабинетѣ и вскорѣ услышалъ оттуда довольно крупный разговоръ; хотя словъ я не могъ разслышать, но по тону

¹⁾ Нынче о театралахъ драматическихъ представленій что-то не слышно, но еслибъ даже они и скрывались гдѣ-нибудь, то, не въ обиду имъ будь сказано, мудрено бы имъ было потягаться въ пониманіи и оцѣнкѣ драматическаго искусства съ тѣми судьями, которыхъ мнѣ зачастую случалось видѣть въ нашемъ театрѣ. Я какъ теперь вижу въ первыхъ рядахъ кресель: Ив. Анд. Крылова, Грибоѣдова, Пушкина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Оленина, Гнѣдича, кн. Шаховскаго и друг.

Катенина ясно было, что съ нимъ творится что-то не доброе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ кабинетъ съ воспаленнымъ лицомъ и въ сильномъ раздраженіи.

— „Ну, поздравь меня, Петруша; меня высылаютъ изъ Петербурга!“

— За что?

— „Не знаю“.

— Когда же?

— „Сію минуту; мнѣ не даютъ даже законныхъ 24-хъ часовъ; Чихачеву приказалъ графъ Милорадовичъ теперь же вывезти меня за заставу, онъ тамъ ждетъ; я сейчасъ долженъ дать ему форменную подписку—не вѣзжать въ обѣ столицы“.

Говоря это, онъ сѣлъ къ письменному столу.

— „Прощай“, сказалъ онъ, поцѣловавъ меня; „кланяйся брату и всѣмъ своцмъ“.

Я вышелъ изъ кабинета, увидалъ Чихачева и опрометью бросился домой съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. (Мы жили тогда на одной улицѣ съ Катенинымъ). Брата моего тогда не было дома, а отецъ и мать мои были изумлены этимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Черезъ часъ карета Катенина, запряженная въ четверню, промчалась мимо нашего дома; онъ высунулся изъ окошка и поклонился намъ, а позади его скакалъ Чихачевъ на своей парѣ. Въ то время это происшествіе не только насъ, но всѣхъ лицъ, знавшихъ Катенина, сильно поразило.

Всѣ удивлялись строгости наказанія за такой далеко не важный проступокъ отставному гвардейскому полковнику, храброму и заслуженному офицеру, пользовавшемуся благосклонностію императора, какъ хорошій и исправный служака и талантливый писатель.¹⁾ Впослѣдствіи я слышалъ отъ нѣкоторыхъ моихъ знаемыхъ, что его подозрѣвали принадлежавшимъ къ какому-то тайному обществу, что многіе были уже на замѣчаніи у правительства и что Александръ I, не желая дѣлать огласки и наказывать явно опасныхъ либераловъ, далъ секретное предписаніе петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ — слѣдить за ними и при случаѣ позволялъ имъ, придравшись къ этимъ господамъ, высылать ихъ немедленно изъ столицы. Такъ было и съ Катенинымъ.²⁾

¹⁾ Катенинъ послѣ представленія «Эсеири» (Расина), имъ переведенной года за два до этого злополучнаго происшествія въ театрѣ, былъ приглашенъ во дворецъ къ высочайшему столу. П. Е.

²⁾ Едва-ли эти слухи были справедливы относительно Катенина, потому что онъ, по просьбѣ своей, въ августѣ 1826 года, получилъ высочайшее разрѣше-

Онъ, по высылкѣ изъ Петербурга, остановился въ одномъ изъ трактировъ на Петергофской дорогѣ, извѣстнымъ подъ названіемъ „Краснаго Кабачка“, устроить свои дѣла и распорядиться домашнимъ хозяйствомъ; надобно было сдать городскую квартиру, продать экипажи, лошадей, перевезти свое имущество, мебель и огромную бібліотеку въ свое родовое имѣніе, куда онъ долженъ былъ переселиться. (Его деревня и село, съ барскимъ домомъ, находились въ Костромской губерніи, не далеко отъ Чухомы). Всѣ эти комиссіи принялъ на себя нашъ отецъ; мало этого, онъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить учителя своего сына, вызвался сопровождать Катенина въ его деревню и раздѣлить съ нимъ на первое время скучное его одиночество и изгнаніе изъ столицы. Жертва была немаловажная, ибо онъ въ первый разъ въ жизни рѣшился оставить жену и свое многочисленное семейство; до тѣхъ поръ онъ положительно никуда не выѣзжалъ изъ Петербурга. Мы съ братьями и съ отцомъ нашимъ, а также многіе полковные товарищи Катенина, друзья и знакомые нѣсколько разъ навѣщали его въ Красномъ Кабачкѣ. Наконецъ былъ назначенъ день отъѣзда,—тяжело было нашей матушкѣ и намъ расставаться съ отцомъ нашимъ!...

Въ Красномъ Кабачкѣ былъ заказанъ прощальный обѣдъ; насъ было человекъ двадцать, въ числѣ которыхъ были Андрей Андреевичъ Жандръ, Николай Ивановичъ Бахтинъ и много преобразенскихъ офицеровъ: Хвощинскій, Хрущовъ, Яковъ Болховской и двоюродный братъ Павла Александровича, Александръ Андреевичъ Катенинъ, который тогда еще былъ прапорщикомъ. Послѣ обѣда, усадили мы горемычныхъ нашихъ путешественниковъ въ дорожный возокъ, пожелали имъ счастливаго пути и грустные воротились домой. Съ этого времени братъ мой остался безъ учителя и долженъ былъ всѣ свои новыя роли готовить уже самъ собою. Помня уроки своего наставника, онъ продолжалъ неуспѣшно работать и съ каждою новою ролью все болѣе и болѣе пріобрѣталъ расположеніе публики.

III.

Чтобы не наскучить моимъ почтеннымъ читателямъ рассказами въ минорномъ тонѣ, я перейду въ мажорный. Кому изъ насъ въ дѣт-

ніе возвратиться въ Петербургъ; а потомъ его и не думали призывать въ слѣдственную комиссію по дѣлу 14-го декабря. Въ началѣ 1830-хъ годовъ онъ снова поступилъ на службу, получилъ чинъ генералъ-маіора и былъ нѣсколько лѣтъ комендантомъ крѣпости въ Кизлярѣ (Ставропольской губерніи). Выйдя вторично въ отставку, онъ умеръ въ своемъ имѣніи, въ маѣ 1853 года, только двумя мѣсяцами переживъ своего друга и ученика моего брата Василія. П. К.

ствѣ своешъ не доводилось читать въ учебныхъ книжкахъ наивно-трогательнаго анекдота о необыкновенной собакѣ кавалера Обри-Мондидь? Изъ этого анекдота, или историческаго происшествія. французскій борзописецъ Жильберъ-Пиксекуръ, въ 1819 году, со-стрепалъ театральную пьесу, которая была играна нѣмецкими актерами въ Петербургѣ, подъ названіемъ: „Обриева Собака“ (историческая мелодрама въ 3-хъ дѣйствіяхъ), гдѣ, разумѣется, главное дѣйствующее лицо была четвероногая артистка, какъ уже видно и по заглавію пьесы. Эта мелодрама имѣла на нѣмецкой сценѣ большой успѣхъ. Актеръ Толченовъ попросилъ тогдашняго переводчика Шеллера перевести эту пьесу для своего бенефиса.¹⁾ Какой-то петербургскій нѣмецъ выучилъ своего бѣлаго пуделя для этой роли и получалъ за него поспектакльную плату, которой никто изъ двуногихъ артистовъ тогда еще не получалъ. Нѣмецъ былъ, конечно, очень доволенъ, что могъ получать гонорарій съ обоихъ театровъ за своего воспитанника.

1820 года, 26-го апрѣля, былъ назначенъ бенефисъ Толченова. Въ концѣ афиши, по настоянію собачьяго антрепренера, было напечатано: „Дабы рукоплесканія не устрашили сію собаку, просятъ почтеннѣйшую публику не аплодировать при ея появленіи“.

Толченовъ, чтобы приучить къ себѣ пуделя, съ которымъ у него въ 3-мъ дѣйствіи была эффектная сцена, упробилъ нѣмца взять его къ себѣ на квартиру (чуть-ли даже и нѣмецъ, вмѣстѣ съ собакой, не переселился къ нему).

Репетиціи дѣлались при полномъ освѣщеніи и все шло, какъ слѣдуетъ; собака играла свою роль также хорошо на русской, какъ и на нѣмецкой сценѣ; одно только послѣднее явленіе 3-го дѣйствія, гдѣ собака, узнавъ чутьемъ убійцу своего господина, бросается на него съ лаемъ и хочетъ его искушать,— не ладилось.

На нѣмецкой сценѣ игралъ роль убійцы извѣстный въ то время трагикъ Вильде и ловко отбивался отъ разъяреннаго пса, что производило большой эффектъ; но нашъ Павелъ Ивановичъ Толченовъ былъ очень неловокъ и неповоротливъ и нивакъ не умѣлъ привариться къ собакѣ. Зычный-ли его голосъ, напоминающій иногда собачій лай, или русская рѣчь, въ которой еще не привыкла собака, только дѣло не ладилось. Толченовъ лѣзъ изъ кожи, а пудель на него не

¹⁾ Александръ Ивановичъ Шеллеръ въ то время считался лучшимъ театральнымъ переводчикомъ; онъ былъ человекъ весьма образованный и очень удачно переводилъ съ итальянскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ.

бросался; тьякнетъ раза два, да и успокоится, завертитъ хвостомъ и побѣжитъ назадъ — и преступленіе остается не наказаннымъ!

Какъ тутъ быть? Сцену этой нельзя было исключить, потому что на ней основана развязка мелодрамы; и потому такое исключеніе было бы оскорбительно для самолюбія русскаго артиста, что онъ, по своей неловкости, не можетъ поддѣлаться подъ собаку и долженъ уступить нѣмцу. Разъ двадцать пробовали эту роковую сцену, но дѣло рѣшительно не ладилось. Нашъ Павелъ Ивановичъ раскраснѣлся, какъ варевый ракъ, и самъ измучился, какъ собака, а результатъ былъ одинъ и тотъ же. Но нѣмецъ, говорятъ, обезьяну выдумалъ, какже ему было не придумать тутъ какого-нибудь кунштюка. И вотъ собачій антрепренеръ подбѣжалъ къ Толченову и говорить ему:

— „Подождите, Павелъ Ивановичъ, я придумалъ, что надо будетъ сдѣлать!“ И, въ ту же минуту бросается со всѣхъ ногъ изъ театра.

Репетиція остановилась на нѣсколько минутъ; всѣ были въ недоумѣніи: куда исчезъ? Что такое онъ придумалъ? Наконецъ, нѣмецъ возвратился съ торжествующимъ лицомъ и съ колбасою въ рукѣ.

— „Вотъ возьмите ее, Павелъ Ивановичъ, эта штука насъ выручатъ будетъ“.

Павелъ Ивановичъ разинулъ ротъ, взялъ колбасу, но никакъ не могъ взять въ токъ, зачѣмъ тутъ явилась колбаса?

— „Да что же я съ нею буду дѣлать?“ спрашиваетъ раздраженный трагикъ.

— „А вотъ извольте посмотрѣть“, отвѣчаетъ нѣмецъ.

Онъ далъ собакѣ понюхать колбасу и та отъ удовольствія завертѣла хвостомъ, наострила уши и начала бѣгать за своимъ хозяиномъ. Тотъ отправляется за кулисы и, держа колбасу въ правой рукѣ, перебѣгаетъ черезъ сцену и отмахивается отъ собаки, а она съ неистовымъ лаемъ кидается на него, желая выхватить соблазнительную колбасу. Эта проспектавная плата, разумѣется, ей была вкуснѣе той, которую получалъ за ея труды собачій эксплуататоръ. Толченовъ попробовалъ этотъ кунштюкъ, какъ показалъ ему нѣмецъ, — и сцена вышла очень эффектна, даже страшно было смотрѣть: съ такимъ остервенѣніемъ Обрѣева собака бросалась на злодѣя; казалось, что она его въ клочки разорветъ, благодаря этой спасительной колбасѣ.

Толченовъ успокоился, потиралъ руки отъ удовольствія и уже заранѣе предвидѣлъ, какой громадный эффектъ произведетъ эта раздирательная сцена завтра, въ день его бенефиса. Одно только его

огорчало, что почтеннѣйшую публику на афишѣ просятъ не аплодировать собагѣ, а потому и онъ изъ-за нея долженъ лишиться заслуженнаго аплодисмента. По совѣту нѣмца, онъ далъ собагѣ съѣсть колбасу, чтобы она знала напередъ, какую награду получить за свою роль; но, однако, рѣшено было на завтра, въ день представленія, вовсе ея не кормить, чтобы голодный песъ въ точности и съ большимъ успѣхомъ исполнилъ эту сцену.

На слѣдующее утро, на послѣдней репетиціи, все прошло, какъ нельзя лучше. Бенефициантъ былъ въ полномъ удовольствіи, потому что всѣ билеты были распроданы; собачій антрепренеръ поглаживалъ своего воспитанника и рассчитывалъ заранѣе, сколько онъ получитъ перспективной платы. Одинъ только голодный песъ былъ не въ духѣ; онъ, вѣроятно, недоумѣвалъ, за что люди такъ несправедливо и жестоко съ нимъ обходятся, и почему же за все его стараніе съ вчерашняго вечера не дадутъ ему ни куска хлѣба. Вспоминая вчерашнюю колбасу, онъ часто подходилъ къ бенефицианту: поглядить на него жалобно, повертнуть хвостомъ, понюхаетъ и пойдетъ прочь!

— „Потерпи, Тромпетъ (такъ звали Обріеву собаку), потерпи! Если ты попалъ на эти доски, надо же и тебѣ принести нѣкоторую жертву для искусства“.

Наконецъ наступилъ роковой вечеръ. Въ первомъ дѣйствіи у собаки нѣтъ роли. Хозяйина ея, Обри Мондидье, убиваетъ Макеръ (Толченовъ), его однопольчанинъ, изъ зависти и гдѣ-то въ лѣсу зарываетъ его въ землю. Второе дѣйствіе театръ представляетъ лѣсистую мѣстность, съ высокими вдали горами и съ хижиной на первомъ планѣ. Глухая ночь; при поднятіи завѣса музыка играетъ аллегро и, немного погодя, появляется Обріева собака; перебѣгаетъ съ горы на гору, наконецъ перескакиваетъ черезъ плетень и прямо бросается къ хижинѣ, у дверей которой привязанъ шнурокъ отъ колокольчика; она его дергаетъ, лаетъ изо всей мочи и царапаетъ лапами двери.

Дѣло, извольте видѣть, въ томъ, что она по слѣдамъ нашла могилу своего господина, разрыла ее и прибѣжала къ знакомой ей старушкѣ извѣстить ее объ этомъ несчастіи. Старушка выходитъ съ фонаремъ и спрашиваетъ ее:

— „Что случилось, Тромпетъ?“

Но Тромпетъ, конечно, не можетъ ей рассказать все въ подробности, онъ только лаетъ и тащитъ ее къ себѣ за платье; старушка ничего не понимаетъ. Наконецъ собака хватается поставленный на полъ фонарь и бѣжитъ со сцены. Старушка, напоследокъ смекнувъ, что, вѣрно, случилось какое-нибудь несчастіе, слѣдуетъ за нею.

Сцена, какъ видите, очень эффектна, но публика, предупрежден-

ная афишкой, вела себя въ то старое доброе время очень сдержанно и не нарушала тишины. Я увѣренъ, что нынче непременно бы вызвали собаку за эту сцену.

Въ 3-мъ дѣйствіи, хотѣ правосудіе и видить, что кавалеръ Обри умеръ насильственной смертію, но преступника не могутъ отыскать: подозрѣваютъ одного крестьянскаго мальчика, нѣмаго отъ рожденія. племянника той старушки; всѣ улики противъ него, въ числѣ которыхъ окровавленный заступъ нашли въ сараѣ, гдѣ онъ спалъ въ эту ночь. Но нѣмой ничего не можетъ сказать въ свое оправданіе.

Вотъ тутъ-то и должна была разыгратъ знаменитая сцена съ колбасой. Этой сцены, кромѣ бенефицианта, я думаю, больше всѣхъ ждалъ голодный Тромпетъ. Онъ за кулисами не отходилъ отъ злодѣя Толченова, все протягивалъ носъ къ его правой рукѣ.

Но, фувы! и бенефициантъ, и собачій антрепренеръ обманулись въ своемъ ожиданіи и въ этой кровавой драмѣ судьба сыграла съ ними собачью комедію.

Покойный Яковъ Григорьевичъ Брянскій (тогда еще молодой человекъ) изображалъ кавалера Обри и, какъ я уже сказалъ, былъ убитъ въ концѣ 1-го дѣйствія; и вотъ ему вздумалось, отъ нечего дѣлать, за кулисами пошкольничать: онъ послалъ купить собѣ колбасы и поджидать, спрятавшись, выхода Толченова. Дѣло подходит къ развязкѣ. За кулисами послышался испуганный крикъ преступника и отчаянный лай Обриевой собаки. Всѣ дѣйствующія лица бросаются съ любопытствомъ къ рѣшеткѣ сада, мимо которой слѣдуетъ пробѣжать Толченову со своей собакой. Вотъ онъ появился, размахиваетъ руками и кричитъ во все горло:

— „Отбейте отъ меня эту собаку, она меня растерзаетъ!“

Собака, стараясь схватить цѣлый день ожидаемую колбасу, которую держитъ Толченовъ въ рукѣ, прыгаетъ и неистово лаетъ. Злодѣй Толченовъ, для большаго эффекта, остановился посреди сцены и продолжаетъ махать руками, какъ бы отбиваясь отъ разъяреннаго животнаго; но въ эту самую минуту Брянскій, спрятавшись въ укромномъ мѣстечкѣ, почмокалъ изъ-за кулисъ и выставилъ свою руку съ колбасой. Собака оглянулась и растерялась. Двѣ колбасы разомъ! Выбрать одну изъ нихъ было дѣломъ двухъ или трехъ секундъ. Толченовъ поднималъ руку съ колбасой выше своей головы, а Брянскій держалъ колбасу чуть не на полу: Тромпетъ обернулся къ убійцѣ хвостомъ и повернулъ назадъ въ кулису.

Надобно было видѣть бѣднаго Толченова въ эту ужасную минуту! Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Бѣжать за собакой—неловко, потому

что онъ самъ бѣжалъ отъ нея. Окончательно растерявшись не менѣе собаки, онъ попробываль-было снова закричать:

— „Отбейте отъ меня эту собаку....“.

Но ее дѣйствительно уже отбили отъ него, а вмѣстѣ съ нею отбили у него и лучшій эффектъ изъ его роли! Какъ только онъ произнесъ эту несчастную фразу, публика раскохоталась; всѣ дѣйствующія лица тоже не могли удержаться отъ смѣха. Словомъ сказать, дѣло вышло дрянъ; полное fiasco, какъ говорятъ итальянцы. На бѣду тутъ и нѣмецъ не могъ ничего подѣлать; когда онъ выпустилъ изъ-за кулисъ своего воспитанника, такъ въ ту же минуту побѣжалъ на другую сторону сцены, чтобы взять своего пуделя и вознаградить колбасой за его стараніе; но, прибѣжавъ туда, онъ не менѣе Толченова былъ пораженъ плачевнымъ результатомъ. Нѣмецъ бѣсился, Толченовъ свирѣпствовалъ, а на противоположной сторонѣ Обріева собака съ жадностію улетала свою проспектальную плату. Толченовъ до того раскохотился за кулисами, что чуть не опоздалъ выдти на сцену въ послѣднемъ своемъ явленіи, которое, разумѣется, вызвало новый смѣхъ.

Короче сказать, собачья комедія, сыгранная съ нимъ, много повредила успѣху мелодрамы... А все нѣмецъ виноватъ: колбаса все дѣло испортила. Кое-какъ кончили пьесу, въ которой, разумѣется, добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ. Лишь только опустилась завѣса, какъ поднялся на сценѣ шумъ, крикъ и суматоха. Толченовъ и нѣмецъ выходили изъ себя. Главное, они хотѣли добиться: откуда взялась другая колбаса? Кто ее подбросилъ голодному псу? Стали спрашивать, искать закулиснаго злодѣя, но все напрасно. Преступленіе осталось покрыто мракомъ неизвѣстности! За неимѣніемъ виноватаго, Толченовъ накинулся на праваго—на бѣднаго нѣмца: зачѣмъ-де онъ перебѣжалъ на другую сторону и этимъ далъ возможность злонамѣренности—подбросить другую колбасу. Въ повтореніи этой пьесы, разумѣется, уже не могла повториться эта злодѣйская штука и колбаса вполнѣ достигла своей цѣли. Нѣмецъ стоялъ на сторожѣ, собака дѣлала свое дѣло на славу, и мелодрама въ то время дала нѣсколько полныхъ сборовъ. Но, курьезная исторія съ собакой еще не кончилась. Она, какъ я уже выше говорилъ, была взята къ себѣ Толченовымъ на квартиру; онъ иногда съ нею прогуливался, а въ свободное время вмѣстѣ съ нею проходилъ на дому эффектную свою сцену.

Но вотъ, въ одно роковое утро, когда вечеромъ того дня должна была идти эта собачья мелодрама, собака пропала! Весь домъ пошелъ вверхъ дномъ. На дворѣ шумъ, крикъ, бѣготня. (Мы жили

тогда съ нимъ въ одномъ домѣ). Это было въ началѣ сентября; всѣ повывались изъ окошекъ.

— „Что случилось? Ужь не пожаръ-ли?“ спрашиваютъ другъ друга.

Наконецъ появился на дворѣ и Толченовъ, растрепанный, въ безпорядкѣ и въ попыхахъ. Дѣло объяснилось: пропала Обрѣева собака! И надо же быть такому несчастію: пропала именно тогда, когда она стоитъ на афишкѣ! Случись подобная катастрофа съ аетеромъ, его бы роль выучилъ другой и дѣло бы пошло своимъ порядкомъ, а какъ найдешь другаго ученаго пуделя? Просто придется отмѣнить спектакль.

Можете себѣ представить, что чувствовалъ въ эти ужасныя минуты бѣдный Толченовъ! Собака чужая, онъ взялъ ее на свое попеченіе, онъ долженъ за нее отвѣчать, заплатить и какую еще сумму потребуетъ съ него собачій антрепренеръ! Какъ угорѣлый, бросается онъ за ворота, бѣжитъ по улицѣ, озирается во всѣ стороны, спрашиваетъ встрѣчнаго и поперечнаго,—все напрасно! Чуть гдѣ услышитъ собачій лай на дворѣ—заглянетъ туда. Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ, пропалъ и со шкурой четвероногій артистъ! Наконецъ онъ увидалъ будку, у дверей которой спокойно дремалъ будочникъ, опершись на свою классическую алебарду. Толченовъ подбѣжалъ къ нему, неистово толкнулъ его: будочникъ съ просонья ротъ разинулъ отъ страха и пододвинулъ къ плечу свою алебарду.

— „Не видаль-ли бѣлаго пуделя?“ говоритъ ему Павелъ Ивановичъ. „Не пробѣжалъ-ли онъ здѣсь?“

Будочникъ хотя и оторопѣлъ, но весьма логично отвѣчалъ ему:

— „Мало-ли тутъ собакъ бѣгаетъ; всѣхъ не разглядишь“.

— „Да! много ты увидишь во снѣ, чертъ тебя возьми! Къ чему васъ здѣсь ставятъ, дураковъ; вы ни за чѣмъ не смотрите, дрыхнете на часахъ,—я вотъ на тебя пожалуюсь квартальному“.

И, облаявъ бѣднаго будочника ни за что ни прочто, побѣжалъ далѣе.

Будочникъ съ своей стороны, разумѣется, отсыпалъ ему въ догонку горсть порядочной ругатни и, можетъ быть, подумалъ:

— „Дѣлать-то вамъ, господамъ, нечего, такъ вы вотъ только по улицамъ собакъ гоняете“.

Наконецъ, послѣ долгихъ исканій и бѣготни, Толченовъ рѣшился отправиться къ нѣмцу, чтобъ сообщить ему объ этомъ ужасномъ происшествіи. И какова же была его радость: бѣглянка первая его встрѣтила въ дверяхъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, собака, наконецъ, надоѣло проходить съ Толченовымъ каждый день свою роль и она удрала къ своему хозяину.

Теперь для полной характеристики моего героя, я нелишнимъ считаю сказать о немъ еще нѣсколько словъ.

Павель Ивановичъ Толченевъ былъ изъ купеческаго званія; началъ онъ свою актерскую службу на московскомъ театрѣ, но во время нашествія французовъ, въ 1812 г., переселился въ Петербургъ.¹⁾ Онъ былъ человѣкъ добрый, хотя и занималъ всю жизнь свою ампула злодѣевъ, тирановъ и интригановъ, а потому, по привычкѣ, онъ постоянно хмурилъ брови и смотрѣлъ звѣремъ, какъ-будто каждаго хотѣлъ пугнуть своимъ грознымъ взглядомъ. Характера онъ былъ вспыльчиваго и раздражительнаго, съ достаточной дозою самолюбія, что и служило иногда поводомъ его молодымъ товарищамъ дразнить его и подѣ-часъ школьничать съ нимъ; подобныхъ продѣлокъ, какую съ нимъ сыгралъ Брянскій, можно бы еще много привести, но я отложу это до другаго раза. Толченевъ имѣлъ одно важное достоинство: онъ былъ, какъ говорятъ въ школахъ, твердачъ. Всегда отчетливо выучивалъ свои роли и отчеканивалъ съ буквальною точностію каждое слово.

Горячился на сценѣ онъ вообще довольно холодно, не увлекался и любилъ рисоваться на сценѣ; особенно это ему было сподручно, когда разыгрывалъ классическія трагедіи изъ греческой или римской исторіи: тутъ его ходульная игра была во всей своей забавной красотѣ, хотя въ его фізіономіи ни греческаго, ни римскаго не было положительно ни одной черты. Онъ былъ очень богомоленъ: не только во всѣ праздники, но чуть-ли не каждое воскресенье пѣвалъ въ домовой церкви театральнаго училища на клиросѣ; зналъ твердо всѣ гласы, напѣвы, тропари, ирмосы, кандаки и проч., не хуже инаго соборнаго дьячка.

Любилъ онъ ипогда въ какой-нибудь двенадцатый праздникъ, когда много бывало народу въ церкви, щегольнуть своимъ зычнымъ голосомъ: возьмется читать апостола, кончитъ и самодовольно, съ торжествующимъ лицомъ, отправляется на клиросъ, поглядывая на всѣхъ, какъ-будто хочеть сказать:

¹⁾ Одновременно съ нимъ начали здѣсь свои дебюты и другіе московскіе артисты, какъ-то: Мочаловъ (отецъ извѣстнаго трагика Павла Степановича), Зловъ, Шушеринъ, Лисицны (мужъ и жена), Соколовъ, Борисова и Сандунова. Эта послѣдняя артистка начала свое сценическое поприще въ Петербургѣ, была знаменитая оперная пѣвица и любимица императрицы Екатерины II. Потомъ, по выходѣ замужъ, вмѣстѣ съ мужемъ перешла на московскую сцену. Нѣкоторые изъ этихъ московскихъ артистовъ, года черезъ два, возвратились на свое родное нѣпелище, другіе же продолжали свою службу въ Петербургѣ; въ числѣ послѣднихъ были: Зловъ, Сандунова и Толченевъ.

— „Да, пусть-ка такъ дьячевъ прочтеть!“

Еще у него была странная слабость: онъ не пропускалъ почти ни одного пожара; не только въ томъ околоткѣ, гдѣ онъ проживалъ, но готовъ былъ скакать на извозикѣ и въ отдаленную часть города. Я помню, какъ-то случился пожаръ въ баняхъ Таля, у Краснаго моста. На другой день, на репетиціи, я подошелъ къ Толченову и спросилъ его:

— Что, Павелъ Ивановичъ, были вы вчера на пожарѣ?

— „Былъ“, отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ лицомъ, „да что это за пожаръ? Не успѣлъ я пріѣхать, какъ ужъ все потушили“.

— Ну, что-жь, и слава Богу, сказалъ я.

Но Павелъ Ивановичъ, полушута, возразилъ на это мнѣ:

— „Велика важность! Таль человекъ богатый, не разорился бы, еслибъ и всѣ бани сгорѣли“.

Вотъ онъ какой былъ злодѣй.... на словахъ. Это, я полагаю, все происходило отъ его звѣрскаго ампуа, оттого-то онъ и любилъ сильныя ощущенія.

Въ уборной съ нимъ была постоянная потѣха: тутъ онъ всѣхъ распекалъ поочередно; портные, сапожники и парикмахеры никогда ему не могли угодить и бѣгали отъ него, какъ отъ огня. Бывало не смѣй никто изъ молодыхъ актеровъ подойти къ тому зеркалу, противъ котораго онъ расположится. Однажды онъ, завитой въ папиль-отки, сидѣлъ передъ своимъ зеркаломъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ парикмахера, чтобъ онъ его припекъ. Нѣсколько уже разъ посылалъ онъ портнаго за нимъ. Наконецъ подбѣгаетъ къ нему со всѣхъ ногъ парикмахерскій мальчижь съ щипцами.

— „Тише, тише, болванъ. Что ты точно съ цѣпи сорвался, ты эдакъ меня обожжешь“, ворчитъ раздраженный трагикъ.

— „Помилуйте, Павелъ Ивановичъ, щипцы почти совсѣмъ простыли“.

— „Такъ ты меня холодными хочешь припекать?“ вскричалъ онъ и прогналъ мальчугана изъ уборной.

Впрочемъ, находили на него подъ-часъ и добрыя минуты; это случалось по большей части тогда, когда ему доводилось играть въ новомъ костюмѣ: тутъ онъ одѣвался прежде всѣхъ и, важно охарактеризуясь, разгуливалъ по сценѣ. Станетъ-бывало передъ кѣмъ-нибудь изъ товарищей подбоченясь и, молча глядя ему въ глаза, начинаетъ покачиваться съ боку на бокъ. Помолчитъ, помолчитъ и, недождавшись отъ него ни слова, скажетъ наконецъ:

— „А вѣдь новый-то костюмъ хорошъ“.

И отойдетъ въ сторону.

IV.

Грозное 7-е ноября 1824 г. живо въ моей памяти, хотя уже полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ.

Еще ночью, наканунѣ того злополучнаго дня, мы слышали въ про- сонкахъ бурное завыванье вѣтра, отъ сильныхъ порывовъ котораго дрожали рамы въ нашей спальнѣ; но петербургскимъ жителямъ та- кая музыка въ привычку, — она съ молодѣтства зачастую насъ убаю- кивала.

Поутру, въ обычный часъ, собрались мы въ залъ на молитву и тутъ, подойдя къ окнамъ, увидѣли необыкновенное возвышеніе воды въ Екатерининскомъ каналѣ: барки съ дровами готовы были вылѣзть за перила, изъ подземныхъ трубъ били на улицу фонтаны. Насъ это сначала очень забавляло; съ иныхъ прохожихъ срывало вѣтромъ шляпы и фуражки въ канаву и они напрасно хлопотали достать ихъ оттуда. что возбуждало у насъ общій смѣхъ; мы еще никакъ не предполагали. что черезъ нѣсколько часовъ разыграется такая страшная драма! Въ то время учителя не пришли къ намъ въ классы и мы не отходили отъ окошекъ. Между тѣмъ буря ежеминутно усиливалась и вода мут- ными волнами хлестала черезъ край за рѣшетку изъ канавы. Нако- нецъ съ шумомъ хлынула на улицу и черезъ нѣсколько минутъ пе- редъ нашими глазами образовалось широкое озеро. Весь нашъ дворъ залило водою. Кто-то изъ моихъ товарищей посадилъ въ корыто кошку и пустилъ ее плавать по двору. Молодежь наша все еще легкомы- сленно забавлялась, не предчувствуя близкой опасности. Но вскорѣ мы смекнули, что дѣло идетъ не на шутку. На улицѣ, мимо нашихъ оконъ, неслись будки часовыхъ, бревна, дрова, разбитыя лодки, барки и раз- ный хламъ. Кое-гдѣ виднѣлась утопающая лошадь или собака; люди спасались на заборахъ, на крышахъ одноэтажныхъ домовъ; общее бѣд- ствіе начало намъ представляться въ страшныхъ картинахъ; тогда лица нашихъ балагуровъ и смѣльчаковъ вытянулись и поблѣднѣли. Густыя, сѣрыя тучи быстро неслись по небу; изрѣдко выглядывало солнце, чтобъ освѣтить всеобщую гибель и разрушеніе. Нашъ домо- вый священникъ, отецъ Петръ, жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ; къ нему побѣжали нѣкоторые изъ воспитанниковъ и просили его пойти въ церковь и отслужить молебенъ о прекращеніи бури; но онъ, бѣд- някъ, былъ тогда въ страшныхъ попыхахъ и, совсѣмъ растерявшись, махнулъ намъ рукой и отвѣчалъ:

— „Послѣ, послѣ, а теперь лучше помогите мнѣ вытаскивать мои пожитки и мебель въ верхній этажъ!...“

И они начали помогать ему выбираться изъ его квартиры, на четверть залитой уже водою.

Другіе воспитанники бросились въ кухню, которая тоже находилась внизу, и спасали хлѣбъ и съѣстные припасы.

Воспитанницы помѣщались въ третьемъ этажѣ и безпрестанно высовывались въ форточки. Бѣдная кошка все еще плавала въ корытѣ и неистово мяукала. Воспитанница Прилуцкая, за которой тогда ухаживалъ покойный Григорьевъ (Петръ Ивановичъ), со слезами всѣхъ упрашивала спасти ея любимую кошку! Григорьевъ, въ угоду своей дульцинеѣ, по-рыцарски рѣшился на отважный подвигъ. Тогда съ двухъ сторонъ нашего двора помѣщались дрова. Онъ вскочилъ на нихъ и началъ перебѣгать изъ стороны въ сторону, стараясь ухватить корыто. Но въ это самое время вода подмыла дрова, они расплылись и притиснули его; онъ очутился посреди двора, по горло окруженный дровами, и хотя онъ отлично плавалъ, но тутъ не было ему никакой физической возможности выкарабкаться на верхъ.

Въ третьемъ этажѣ послышался ужасный визгъ, плачь, крикъ и стонъ. Разумѣется, Прилуцкая кричала больше всѣхъ. Могла-ли она не сострадать отважному рыцарю, который для ея любимой кошки рѣшился на такое самоотверженіе! Гдѣ-то достали длинную, толстую веревку и бросили ему съ крыльца, онъ кое-какъ ухватился за нее и мы всѣ притянули его къ крыльцу. Его тотчасъ раздѣли, уложили въ постель, вытерли виномъ и напоили горячимъ чаемъ съ ромомъ, который принесъ ему нашъ инспекторъ. Благодаря молодости и необыкновенно-крѣпкой его натурѣ, никакихъ дурныхъ послѣдствій съ нимъ не было; онъ проспалъ до утра и всталъ, какъ встрепанный. За то прелестная его дульцинея вполне оцѣнила его рыцарское мужество и самоотверженіе и сдѣлалась съ тѣхъ поръ вдвое къ нему благосклоннѣе. Но, увы! школьная любовь также, какъ и дружба, непрочна; первая любовь, какъ первый блинъ, бываетъ зачастую комомъ!

По выходѣ изъ училища, Прилуцкая вышла замужъ за другого, а Григорьевъ женился на другой.

Послѣ этой катастрофы съ Григорьевымъ, мы побѣжали опять смотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Въ продолженіе этого времени вода уже настолько поднялась, что затопила нижній этажъ. Тутъ вдругъ подѣхалъ на лодкѣ къ нашему дому одинъ изъ нашихъ театральныхъ чиновниковъ и, ухватясь за балконъ, что-то кричалъ намъ: но шумъ вѣтра и двойныя рамы препятствовали намъ его разслушать. Мы живо вынули зимнюю раму и вышли на балконъ.

— „Дайте мнѣ хлѣба!“ кричитъ онъ намъ.

Мы начали его уговаривать—лучше влѣзть къ намъ черезъ бал-

конь, обогрѣться и поѣсть вмѣстѣ съ нами; но чудакъ все твердитъ свое, чтобъ дали ему хлѣба. Нечего дѣлать, принесли ему цѣлый ржаной хлѣбъ; онъ, поблагодаривъ насъ, поплылъ въ своей лодкѣ дальше. Откуда его принесло? Гдѣ онъ взялъ лодку? Въ какую экспедицію теперь отправился? Господь его знаетъ. Этотъ чиновникъ, не тѣмъ будь помянуть (его давно уже нѣтъ на свѣтѣ), не могъ похвалиться воздержаніемъ, и чуть-ли онъ не былъ въ этотъ страшный часъ въ такомъ отважномъ настроеніи, когда человѣку, какъ говорится, „море по колѣно“. Дальнѣйшее его странствованіе по невскимъ волнамъ мнѣ неизвѣстно; но этотъ удалецъ не только не погибъ, но на другой же день сидѣлъ въ конторѣ за обычнымъ своимъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кошка тоже спаслась отъ гибели: когда расплылись дрова, корыто осталось на поверхности и ей удобно было, прыгая по нимъ, добраться до крыльца.

Въ третьемъ часу пополудни вода какъ-будто перестала прибывать: мы это замѣтили въ нашихъ сѣняхъ, гдѣ двери были заперты и, стало быть, вода не могла волноваться. Въ эти сѣни мы безпрестанно сбѣгали сверху для наблюденій; тамъ дѣлали мы разныя замѣтки на стѣнѣ и вскорѣ увидѣли, что вода дѣйствительно сбывла на цѣлый вершокъ.

Мы бросились на верхъ съ радостною вѣстью и многіе изъ насъ крестились и обнимали другъ друга.

Братъ мой въ этотъ день долженъ былъ играть Эдипа-царя и отправился въ 10 часовъ утра на репетицію въ Малый театръ. Наша матушка была въ мучительномъ безпокойствѣ до самаго вечера, когда уже, часу въ осьмомъ, онъ воротился домой; отца нашего не было тогда въ Петербургѣ. Едва только была малѣйшая возможность выйти на улицу, я побѣжалъ въ домъ Голлидея, гдѣ жила тогда матушка. Вскорѣ пріѣхалъ и братъ мой. Послѣ минувшей опасности и сильныхъ душевныхъ потрясеній, радость наша въ кругу своего семейства была невыразима. Братъ мой, вмѣстѣ съ другими актерами, собравшимися въ театръ, провелъ этотъ несчастный день довольно спокойно.

На Невскомъ проспектѣ вода выступила не болѣе полуаршина. Наводненіе, какъ ватерпасъ, ясно обозначило низменную и возвышенную мѣстности Петербурга. За Аничкинымъ мостомъ количество воды было весьма незначительно; за Троицкимъ переулкомъ ея уже почти не было; на Пескахъ и на Охтѣ никто и неподозрѣвалъ этого бѣдствія; на Петербургской же и на Выборгской сторонѣ вода возвысилась болѣе сажени; въ Галерной гавани она доходила до самыхъ

крышѣ одноэтажныхъ домовъ.¹⁾ Братъ мой рассказывалъ, между прочимъ, какъ ихъ забавляла въ театрѣ возня подпольныхъ крысъ и мышей, которыя подняли пронзительный пискъ, прыгая по кресламъ, лазили на стѣны и искали спасенія въ верхнихъ ложахъ. На слѣдующій день сдѣлался сильный морозъ, что, конечно, увеличило бѣдствіе обитателей нижнихъ этажей: сырыя стѣны оледенѣли, печи по большей части разрушились и бѣдные страдалцы, дрожа отъ холода, остались безъ пристанищъ. Правительство приняло тогда самыя энергическія мѣры для облегченія участи этихъ несчастныхъ: въ каждой части города немедленно устроены были комитеты для пособія немущимъ, развозили по улицамъ хлѣбъ и теплую одежду, учредили временныя пріюты въ больницахъ и частныхъ домахъ; но бѣдствіе было такъ велико, что едва-ли была физическая возможность всѣхъ удовлетворить.²⁾

Понурю 8-го ноября я пошелъ по нѣкоторымъ улицамъ и тутъ увидѣлъ всѣ ужасы вчерашняго бѣдствія: многіе заборы были повалены, съ иныхъ домовъ снесены крыши; на площадяхъ стояли барьи, гальоты и катера; улицы были загромождены дровами, бревнами и разнымъ хламомъ,—словомъ сказать, повсюду представлялись картины страшнаго разрушенія. Рассказамъ и анекдотамъ не было конца. Хотя плачевная дѣйствительность вовсе не нуждалась въ прибавленіяхъ, но и тутъ досужимъ людямъ открывалось широкое поле для ихъ фантазій.

Такъ, напримѣръ, говорили, что нѣкая молодая вдова, проживавшая въ одной изъ дальнихъ линій Васильевского Острова, наканунѣ похоронила на Смоленскомъ кладбищѣ своего стараго супруга, надъ прахомъ котораго нерасположена была плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучилъ ее своею ревностью. Проводивъ его на мѣсто вѣчнаго упокоенія, она также думала найти наконецъ душевное спокойствіе; но каковъ же былъ ея ужасъ, когда вечеромъ роковаго дня она увидѣла гробъ своего сожителя у самаго крыльца ея дома! Нечего дѣлать, пришлось бѣдной вдовушкѣ вторично хоронить своего неугомоннаго мужа.

Но вотъ возмутительный фактъ: на Петербургской сторонѣ, по Ка-

¹⁾ На Смоленскомъ кладбищѣ многія свѣжія могилы были размыты водою и нѣсколько гробовъ всплыли изъ подземной утробы и отшедшіе братія, по вогѣ буйнаго вѣтра, снова повесились въ житейское море. П. К.

²⁾ 9-го ноября театры, по высочайшему повелѣнію, были закрыты; 24-го ноября былъ первый спектакль въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія. Была играна трагедія «Пожарскій» и «Принцесса Требизондская», комедія-балетъ, соч. вн. Шаховскаго. П. К.

менноостровскому проспекту, былъ тогда домъ какого-то Кошѣйкина. Этотъ скряга сидѣлъ во время наводненія у себя на заборѣ, съ багромъ въ рукахъ, и, пользуясь даровщиной, ловилъ приплывающія въ нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улицѣ, искали спасенія и карабкались на его заборъ,—и онъ не только не поддвигалъ имъ помощи, но съ жестокостью спихивалъ ихъ въ воду. Этотъ отвратительный скаредъ не остался, однако, безъ наказанія: по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ добраго имени.

О петербургскомъ наводненіи столько уже было писано въ свое время въ журналахъ, газетахъ и повѣстяхъ, что трудно связать здѣсь что-нибудь новое.

По прошествіи полустолѣтія послѣ этого ужаснаго дня, немного уже въ Петербургѣ остается старожиловъ, которые были очевидцами этого народнаго бѣдствія; да избавитъ Богъ, не только насъ и молодое поколѣніе, но и потомковъ нашихъ отъ подобнаго зрѣлища!

Безсмертному нашему поэту роковое событіе подало мысль написать своего чуднаго „Мѣднаго Всадника“. И точно, мудроно себя вообразить болѣе грозную и поэтическую картину, которая представлялась въ тотъ злополучный день на Сенатской площади, гдѣ посреди бунтующей стихіи величественно возвышалось мѣдное изображеніе чудотворнаго строителя Петербурга!

Здѣсь невольно приходятъ на память стихи превосходной поэмы Пушкина:

«Вражду и плѣнь старинный свой
 «Пусть волны Финскія забудутъ
 «И тщетной злобою не будутъ
 «Тревожить вѣчный сонъ Петра».

И. А. Каратыгинъ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

1802 — 1874.

Владиміръ Ивановичъ Назимовъ родился 20-го декабря 1802 года; воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ и началъ служебное поприще въ 1818 году, поступивъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ которомъ черезъ три года получилъ (въ Вильнѣ) первый офицерскій чинъ. Во время турецкой кампаніи 1828 — 1829 года штабсъ-капитанъ Назимовъ находился въ войскахъ, дѣйствовавшихъ подъ крѣпостью Варною. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ полковника, съ назначеніемъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ; но въ слѣдующемъ году былъ снова переведенъ въ Преображенскій. Въ 1836 г. полковникъ Назимовъ былъ назначенъ состоять при Государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ (нынѣ царствующемъ Императорѣ) и сопровождалъ его въ путешествіи по Россіи (1837) и за границу (1838). Въ началѣ 1838 года, съ оставленіемъ при прежней должности, В. И. Назимовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; въ 1841 г. онъ былъ предсѣдателемъ особой слѣдственной комиссіи въ Вильнѣ и въ концѣ года произведенъ въ генераль-маіоры свиты е. и. в. съ оставленіемъ при особѣ его высочества. Съ 1842 по 1849 годъ свиты е. и. в. генераль-маіоръ Назимовъ былъ начальникомъ штаба бывшаго 6-го пѣхотнаго корпуса въ Москвѣ, и за отлично-ревностную службу, помимо прочихъ наградъ, назначенъ генераль-адъютантомъ, а въ ноябрѣ 1849 года, по высочайшей волѣ, назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и вскорѣ послѣ того произведенъ въ генераль-лейтенанты.

Должность попечителя московскаго учебнаго округа, при тогдашнихъ обстоятельствахъ (1849 — 1855 гг.), сопряжена была съ немаловажными трудностями. Прямой, ясный взглядъ на вещи, горячее стремленіе къ добру и свѣту, помогли генералу Назимову весьма скоро преодолѣть эти трудности и освоиться съ новымъ своимъ положеніемъ. Въ теченіе семилѣтняго управленія московскимъ округомъ, Владимиръ Ивановичъ сумѣлъ согласовать строгое исполненіе своихъ обязанностей съ полнымъ сочувствіемъ къ интересамъ науки и литературы, требованія дисциплины съ теплымъ участіемъ къ учащейся молодежи, которую онъ бережно охранялъ отъ всякихъ невзгодъ и увлеченій. Своимъ твердымъ и вмѣстѣ гуманнымъ образомъ дѣйствій, бывшій попечитель успѣлъ привлечь къ Московскому университету благоволеніе покойнаго императора и блистательно завершилъ свою службу по учебному округу, отпраздно-

вавъ, со всею Москвою и, можно сказать, со всею просвѣщенной Россіею, столѣтній юбилей старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

Сочувственныя привѣтствія представителей ученаго сословія и московскаго общества провожали генерала Назимова въ исходѣ 1855 г., при выѣздѣ его изъ Москвы, къ мѣсту новаго его служенія — въ знакомую ему Вильну. Владиміръ Ивановичъ былъ назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ, съ управленіемъ военною частью и гродненскимъ, ковенскимъ и минскимъ генераль-губернаторомъ. Черезъ два года, по высочайшему повелѣнію, открылъ комиссію для опредѣленія новыхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ крестьянами. Затѣмъ В. И. Назимовъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи (1859), назначенъ членомъ государственнаго совѣта (1861), командующимъ войсками виленскаго военнаго округа, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ по гражданскому управленію западнымъ краемъ (1862).

Въ маѣ 1863 года генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи Назимовъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта, при чемъ пожалованы ему алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. Владиміръ Ивановичъ скончался 11-го февраля 1874 г., въ Петербургѣ, послѣ продолжительной болѣзни.

Къ 1863 году, т. е., ко времени, послѣдовавшему вскорѣ по выѣздѣ Назимова изъ Вильны, относится документъ, впервые нами печатаемый: это адресъ, поданный ему группою русскихъ людей въ Вильнѣ; то были частью сослуживцы, частью близко знавшія его лица. Въ этомъ документѣ, съ полною искренностью очерченъ тотъ періодъ въ государственной и общественной дѣятельности В. И. Назимова, который вызвалъ не мало рѣзкихъ отзывать и нареканій.

Мы увѣрены, что документъ этотъ послужитъ не бесполезнымъ матеріаломъ для справедливой оцѣнки личности и трудовъ бывшаго генераль-губернатора сѣверо-западнаго края.

Ред.

Милостивый государь, Владиміръ Ивановичъ! Передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Вильны, русское общество какъ этого города, такъ и другихъ мѣстностей Литвы, помня и высоко цѣня ваши труды по управленію обширнымъ краемъ и то добро, которое вы постоянно стремились дѣлать и дѣлали для всѣхъ, состоявшихъ подъ вашимъ управленіемъ, горячо желало, единодушнымъ и публичнымъ заявленіемъ, свидѣтельствовать вамъ свое живѣйшее сочувствіе, свое искреннее, глубокое уваженіе.

По свойственному вамъ высокому благородству души, вы отделили отъ себя всѣ готовившіяся въ честь вашу публичныя заявленія. Съ прискорбіемъ, хотя и вполне сознавая чистоту вашихъ побужденій въ этомъ случаѣ, мы должны были уступить вашему непреклонному рѣшенію. Но потребность—выразить вамъ сообща нашу признательность и наше сочувствіе не охладѣла въ насъ съ того времени. Напротивъ, въ настоящую минуту, потребность эта чув-

ствуется нами еще сильнѣе, нежели когда-либо. Мы считаемъ себя въ долгу, какъ передъ вами лично, Владиміръ Ивановичъ, такъ и передъ присущими каждому изъ насъ высшими требованіями истины и справедливости. Повинуясь этимъ-то внушеніямъ и требованіямъ. нынѣ соединяющимъ насъ въ одной общей горячей мысли, мы вознамѣрились воспользоваться наступающимъ днемъ вашего рожденія, — днемъ, собиравшимъ, въ прежнее время, вокругъ васъ всѣхъ трудившихся съ вами и приверженныхъ вамъ людей, чтобы принести вамъ по праву принадлежащую вамъ дань признательности и уваженія. Для этого мы просимъ васъ, глубоко чтимый нами Владиміръ Ивановичъ, принять отъ насъ икону виленскихъ мучениковъ: Евстафія, Антонія и Іоанна, къ предстательству которыхъ передъ Всевышнимъ вы вмѣстѣ съ нами всегда обращались во всѣхъ случаяхъ вашей общественной и частной жизни. Примите наше приношеніе съ тѣми же чувствами и мыслями, съ какими мы вамъ его вручаемъ, чуждые всякихъ постороннихъ цѣлей и расчетовъ, всякаго желанія огласки, всякой лести, въ которой ни вы, ни мы не нуждаемся. Да послужить вамъ этотъ видимый знакъ нашего къ вамъ сочувствія памятникомъ семилѣтняго, незабвеннаго управленія вашего Литовскимъ краемъ; да охраняетъ онъ васъ и ваше семейство отъ тѣхъ золь, испытаній, неправдъ, которымъ подвержена жизнь наша и въ особенности жизни подобныхъ вамъ общественныхъ дѣятелей; да напоминаетъ онъ вамъ и о насъ, скромныхъ труженикахъ, подъ вашимъ руководствомъ подвизавшихся на пользу всѣмъ намъ родной матери — Русской земли, а свыше всего, да послужить онъ вамъ утѣшеніемъ въ настоящую минуту, когда кривотолки и пересуды — неизбежное послѣдствіе взволнованныхъ общественныхъ страстей — сияются затмить вашу бывшую общенезную дѣятельность, вашу чистую жизнь. Не смущайтесь всею этою неправдою, Владиміръ Ивановичъ; помните, что если современники и соотечественники, легко впадающіе и вводимые въ заблужденіе, бываютъ часто и несправедливы, и забывчивы, то исторія будетъ правдивѣе, память живѣе и воздастъ каждому по заслугамъ. Говоримъ это въ полномъ, искреннемъ убѣжденіи, что вашимъ дѣйствіямъ не слѣдуетъ опасаться позднѣйшаго и болѣе праведнаго суда. При этомъ случаѣ мы не можемъ отказаться отъ высокаго удовольствія привести себѣ на память дѣла ваши, которыми вы снискали право на благодарность, конечно, не однихъ насъ. Мы помнимъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, вы прибыли въ Литовскій край вѣстникомъ мира и царской милости; какъ вы горячо устремились къ осуществленію вашей

завѣтной мысли—къ сближенію, къ примиренію двухъ родственныхъ, но исторически враждебныхъ племенъ, всегда имѣла въ виду наши общіе русскіе интересы. Говорять это была ошибка, заблужденіе. Да, это было заблужденіе, но заблужденіе великодушное, которое вы раздѣляли съ самимъ правительствомъ и со всѣми благородно-мыслящими русскими людьми. Если эта попытка должна была остаться безуспѣшною, то исторія, конечно, укоритъ за это не насъ, русскихъ. Мы помнимъ, съ какою горячностью, самоотверженіемъ и свойственнымъ вамъ гражданскимъ мужествомъ, не взирая на поднявшіяся противъ васъ нареканія не въ одной Литвѣ, вы сдѣлались однимъ изъ первыхъ двигателей и исполнителей великой царской мысли; какъ вы, глубоко сознавая всю настоятельность крестьянской реформы для западнаго края въ политическомъ отношеніи, какъ вы одни, а никто другой, подвинули дворянство Литовскихъ губерній впервые высказать мысль о необходимости упраздненія крѣпостнаго состоянія; какъ эта мысль, благодаря вашимъ усиліямъ, принявшаяся въ западно-русскомъ край, стремительно облетѣла все огромное пространство нашего отечества. Мы помнимъ—скажемъ безъ обиняковъ—ту славную въ вашей жизни минуту, когда вы, первый изъ русскихъ, удостоились получить царскій рескриптъ, возвѣщавшій не одной Россіи, но и цѣлому міру, о началѣ освобожденія двадцати милліоновъ людей. Судьба судила вамъ несравненное счастье участвовать не только въ закладкѣ, такъ сказать, но и въ самомъ осуществленіи и почти окончательномъ исполненіи этого дѣла. По вашей неотступной, постоянно преслѣдуемой вами мысли, совершенно было, еще во время вашего управленія краемъ, окончательное прекращеніе обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Скажемъ всю правду: Да! вы первые, предусматривая всю важность для нашихъ общихъ русскихъ интересовъ, опереться въ западномъ край на простой народъ, еще мало тронутый враждебными намъ польскими тенденціями, подняли, можно сказать, на своихъ плечахъ это угнѣтенное племя литовскихъ крестьянъ,—и если существуетъ правда на землѣ, то вамъ, за этотъ подвигъ, должна быть воздана и честь, и слава! Все это, въ очію нашу совершившіеся факты, славное участіе въ которыхъ никто у васъ не отниметъ. Мы помнимъ еще, какъ, постоянно дѣйствуя въ истинно-русскомъ народномъ духѣ, вы, въ видахъ охраненія возникшаго къ самостоятельной жизни западно-русскаго народа отъ губительнаго вліянія враждебныхъ ему элементовъ, заботились неустанно объ учрежденіи и распространеніи народныхъ школъ и какъ вы имѣли утѣшеніе еще при себѣ видѣть, что ввѣренный вашему управленію край въ короткое

время покрылся этими школами. Мы помнимъ, какъ вы горячо поддерживали и ратовали за пробуждавшіяся къ новой жизни, послѣ долгаго усыпленія, наши древле-русскія братства — этотъ остатокъ нашей родной старины, которому, быть можетъ, суждено способствовать наиболѣе къ упроченію всегда существовавшей связи между обѣими половинами Руси — восточною и западною. Мы помнимъ, какъ горячо настаивали и ходатайствовали вы о необходимости широкой колонизаціи въ западномъ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ и задачи государственныхъ земель и оброчныхъ статей въ награду за вѣрную службу. Мы помнимъ, какъ въ постоянной заботѣ о развитіи нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія ввѣреннаго вамъ края, вы грудью отстояли проведеніе желѣзнаго пути черезъ Вильну и другіе важнѣйшіе города сѣверо-западныхъ губерній, — и мы теперь видимъ и убѣждаемся на дѣлѣ въ великой важности этого пути, въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы не забыли и того тяжелаго времени, когда враги наши, опасаясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не совершилось давно-желанное лучшими изъ русскихъ и польскихъ людей примиреніе двухъ родственныхъ племенъ, начали снова раздувать едва усвоенныя политическія страсти и снова зажгли мятежъ въ несчастномъ Царствѣ Польскомъ, откуда онъ естественнымъ образомъ долженъ былъ отразиться и на сосѣдственной Литвѣ. Мы помнимъ и вашу скорбь о безразсудствѣ, съ которымъ, на погибель себѣ и краю, устремились въ мятежъ эти легкомысленные, эти несчастные люди, и тѣ усилія, которыя вы употребляли, чтобы ихъ образумить и, наконецъ, чтобы подавить эти безумныя попытки къ возстанію среди массы спокойнаго и почти непричастнаго измѣнѣ сельскаго населенія. Мы помнимъ, что эти усилія не остались безуспѣшными и что вы имѣли утѣшеніе видѣть еще во время вашего управленія, какъ доблестныя войска наши, по вашимъ непосредственнымъ указаніямъ и распоряженіямъ, окончательно истребили единственно значительныя на Литвѣ мятежническія шайки Сѣраковскаго, Нарбутта, Коляшки, Роггинскаго и тѣмъ положили прочное начало рѣшительному подавленію мятежа.

Вотъ ваши права, благороднѣйшій Владиміръ Ивановичъ, на наше сочувствіе и уваженіе. Для полноты воспоминаній, мы не можемъ лишить себя удовольствія припомнить и вашу прежнюю, до-виленскую, московскую, не менѣе свѣтлую дѣятельность, не всѣмъ извѣстную, многими забываемую, но нѣкоторымъ изъ насъ весьма памятную: какъ покойный императоръ, цѣня вашъ благородный характеръ, призывалъ васъ къ управленію воспитательною и учебною частью въ сердцѣ Россіи; какъ вы, противъ вашего желанія, не приготовленные къ

этому дѣлу, но, повинувась царской волѣ и слѣдуя внушеніямъ вашего прямого ума и чистаго сердца, съ честью исполнили это назначеніе; какъ все мыслящее и даровитое между молодежью и профессорами нашло въ васъ и сочувствіе, и опору, и горячее заступничество; какъ вы умѣли придать и усилить значеніе университета среди московскаго общества; какъ вы успѣли привлечь къ нему благоволеніе императора и какъ вы славно отпраздновали съ цѣлою Москвою и, можно сказать, со всею просвѣщенною Россіею столѣтнюю годовщину нашего славнаго университета. Вспомнимъ, какъ вы поняли и оцѣнили Грановскаго; какъ былъ близокъ къ вамъ нашъ несравненный Гоголь, читавшій вамъ свои послѣднія творенія и желавшій передать ихъ въ ваше распоряженіе, и какъ вамъ было суждено воздать и тому, и другому, въ главѣ московскаго общества и отъ лица Россіи, послѣднюю земную честь въ стѣнахъ университета. Не можемъ не припомнить еще, что вашему ходатайству обязаны появленіемъ на свѣтъ и „Русскій Вѣстникъ“, съ честью продолжающій свое существованіе, и, въ особенности, „Русская Бесѣда“, уже прекратившаяся, но не безслѣдно трудившаяся на пользу русской мысли и народнаго русскаго сознанія; что по вашей мысли основанъ былъ „Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ“, способствовавшій распространенію популярныхъ свѣдѣній изъ этой области знанія; наконецъ скажемъ,—благо что пришлось къ слову,—вы придали новую жизнь и значеніе нашимъ почтеннымъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, призвавъ къ ихъ обновленію молодого, даровитаго русскаго писателя, въ рукахъ котораго—съ вашей легкой руки—„Московскія Вѣдомости“ въ настоящее время (1863 г.) стали однимъ изъ главнѣйшихъ печатныхъ органовъ русской мысли и русскаго чувства.

Исчисленныя нами дѣла ваши, кажется, могутъ вознаградить васъ сторицею, достойнѣйшій Владиміръ Ивановичъ, за неизбѣжныя, въ жизни каждаго значительнаго дѣятеля, неудачи и испытанія, и приобрѣсти вамъ полное и заслуженное право на вниманіе соотечественниковъ и всѣхъ любящихъ правду, честь и славу Россіи.

Простите намъ, Владиміръ Ивановичъ, что мы увлеклись изложеніемъ вашихъ дѣлъ, быть можетъ, во гнѣвъ вашей скромности. Но заявленіе и возстановленіе истины есть долгъ каждаго честнаго чловѣка, а для насъ, приверженныхъ вамъ людей, это составляетъ наслажденіе и отраду.

Съ неизмѣнными чувствами уваженія и преданности имѣемъ честь быть вашего высокопревосходительства покорные слуги:

(Слѣдуютъ подписи сорока пяти лицъ).

20-го декабря 1863 г.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Фальконетъ, строитель памятника Петру I.

1716 — 1791.

Имя Фальконета, по всей справедливости, можетъ быть поставлено на ряду съ именами: графа Растрелли, Ламота, Фельтерна, Гваренги, Камерона и другихъ гениальныхъ зодчихъ и ваятелей, украсившихъ Петербургъ созданіями своего гениа и тѣмъ способствовавшихъ упроченію за Петербургомъ права быть столицею сѣвера.

Привода ниже подлинное письмо Фальконета, считаемъ необходимымъ напомнить главнѣйшіе факты изъ его жизни. (*Nouvelle biographie universelle*, Höfer и нѣкоторые другіе источники).

Стефанъ-Маврикій Фальконетъ (*Ethienne-Maurice Falconnet*), сынъ знатныхъ и недостаточныхъ родителей, родился въ Парижѣ въ 1716 году. Склонность къ живописи и ваянію обнаружилась въ немъ съ самаго дѣтства. Учителемъ его былъ талантливый живописецъ Лемуанъ (1688 — 1737), помогавшій молодому Фальконету и совѣтами, и деньгами. Одаренный прекрасными способностями, живымъ и проинцательнымъ умомъ, Фальконетъ образовалъ самъ себя, изучая латинскій, греческій языкъ, исторію и археологію. Время досужее отъ художественныхъ занятій онъ посвящалъ литературѣ и написалъ множество брошюръ, замѣтокъ и статей въ журналы, посвященныхъ преимущественно исторіи живописи и ваянія. Задавшись мыслию, что въ художествахъ менѣе, нежели въ какой-либо отрасли знаній человѣческихъ, не слѣдуетъ безусловно преклоняться передъ авторитетами и должно чуждаться традиционныхъ предразсудковъ, Фальконетъ смѣло указывалъ на погрѣшности древнихъ и средневѣковыхъ художниковъ, отдавая преимущество надъ ними своему соотечественнику Пюже (1622—1694), заслужившему еще при жизни прозвище «французскаго Микель-Анджело». Глумясь надъ древними, Фальконетъ, между прочимъ, доказывалъ, что они не умѣли изображать коней ни кистью, ни рѣзцомъ; что и Диоскуры Фидія, и знаменитые византійскіе кони напоминаютъ пряничныя печенья, а у коней Рафаэля — человѣческіе профили. Само собою разумѣется, что этотъ рѣзкій приговоръ надъ произведеніями, признанными за совершеннѣйшія, навлекъ на молодого художника жестока гоненія со сто-

роны послѣдователей классицизма. Но Фальконетъ былъ упрямъ и заносчивъ; отрицая авторитеты, онъ самъ почиталъ мѣтніа свои за авторитетъ и, ведя полемику со своими противниками, нерѣдко выходилъ изъ границъ приличія. Этими онъ нажилъ себѣ много враговъ, которыхъ, по непомѣрному самолюбію, принималъ за соперниковъ и завистниковъ. Впрочемъ, на его сторонѣ была молодежь.

Первымъ произведеніемъ Фальконета, за которое онъ удостоился званія члена парижской академіи художествъ, была статуя «Милона Кротонскаго». За нимъ слѣдовали: «Пигмалионъ»,¹⁾ «Купальщица», барельефъ «Успеніе Богоматери» (для церкви св. Роха) и многія другія произведенія.

Въ 1766 году, по приглашенію Екатерины II и съ разрѣшенія короля Людовика XV, Фальконетъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы заняться изваяніемъ монумента Петру Великому. Иностранные биографы, при всемъ своемъ пристрастіи къ Фальконету, утверждаютъ, будто основная мысль композиціи памятника принадлежала самой императрицѣ. Для осуществленія этой исполнинской мысли, Фальконету пришлось преодолѣть тысячи препятствій, какъ въ художественномъ, такъ и чисто въ техническомъ отношеніи. Мгновеніе, когда конь, достигнувъ обрывистой вершины скалы, взвивается на дыбы — трудно уловить и кистью, рѣзцомъ же почти немислимо. По сказаніямъ тѣхъ же биографовъ, генералъ Меллссино, отличный наѣздникъ, предложилъ Фальконету слушать натурщикомъ талантливому ваятелю и ежедневно, въ теченіе нѣкотораго времени, являясь къ нему въ мастерскую верхомъ на конѣ, со всего разбѣга вскакивалъ на возвышеніе, имѣвшее видъ гранитнаго «грома-камя» — скалы, назначенной для подножія мѣдной статуи Петра. Наконецъ, модель коня была готова и ваятель занялся дѣлкомъ фигуры всадника. Голову Петра, со многихъ портретовъ и съ маскъ, снятой съ усопшаго императора, дѣлала дѣвица Калло (сожигельница, впоследствии жена Фальконета). Благоволеніе Екатерины вдохновляло художника и придавало ему силъ бороться съ происками недоброжелателей; ихъ было не мало и они вслѣдствіи старались вредить успѣху дѣла. Такъ, между прочимъ, случилось, что при отливаніи статуи изъ бронзы оказалась недостатковъ въ металлѣ и топливѣ и Фальконетъ былъ принужденъ отливать статую въ два пріема, когда одна ея половина почти остыла.²⁾

Щедро награжденный Екатериною II, Фальконетъ, по окончаніи своего труда, возвратился на родину въ 1778 году. Послѣ прилежныхъ занятій по части исторіи изящныхъ художествъ, Фальконетъ вознамѣрился ѣхать въ Италію; но во время приготовленій къ путешествію былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ: лишился употребленія рукъ и ногъ, сохранивъ умственные способности до самой своей кончины, въ 1791 году. Большая часть его произведеній, украшавшихъ парижскія церкви, была истреблена во время французской революціи. Изъ литературныхъ трудовъ Фальконета (въ числѣ шести томовъ)

¹⁾ Эта статуя и «Зима» того же художника находятся въ бібліотекѣ Эрмитажа Зимняго дворца.

Ред.

²⁾ Такъ говорятъ французскіе биографы; но это сказаніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ недоумѣнія, что оно напоминаетъ случай изъ жизни Бенвенуто Челлини (1500—1570), рассказанный имъ въ его Запискахъ, а во-вторыхъ, извѣстно, что, по распоряженію Екатерины II, Фальконетъ, при своихъ работахъ, пользовался всеми возможными удобствами и всѣ требованія его безъ замедленія исполнялись.

Ред.

особенно достоинъ вниманія переводъ трехъ послѣднихъ книгъ «Исторіи міра» — Плинія, посвященныхъ описанію произведеній древнихъ — ваянія, зодчества и живописи. Оригинальныя сочиненія Фальконета, какъ мы уже говорили, запечатлѣны заносчивостью и себялюбіемъ, доходящимъ до смѣшнаго. Почти всѣ диссертациі Фальконета въ сущности посвящены самохваленію, но ученый Чиконьяра (Storia della scultura) весьма вѣрно характеризуетъ Фальконета писателя: «Вся его вина въ томъ, что онъ вслухъ и откровенно высказывалъ то, что другіе художники думаютъ о себѣ въ тихомолку».

Помѣщаемое ниже письмо писано Фальконетомъ къ герцогу д'Эгильонъ (d'Aiguillon) изъ Петербурга въ самый разгаръ работъ по сооруженію памятника Петру Великому. Интересный документъ этотъ сообщенъ «Русской Старинѣ» бар. Николаемъ Казимировичемъ Богусевскимъ изъ его обширнаго и прекраснаго собранія автографовъ замѣчательныхъ людей Европы. Фед.

27-го августа (ст. ст.) 1769 г. С.-Петербургъ.

(Переводъ). Милостивый государь! Если бы даже я не былъ обязанъ писать къ вамъ, я и тогда поспѣшилъ бы воспользоваться случаемъ, чтобы напомнить о себѣ и возобновить увѣренія въ почтительнѣйшихъ чувствахъ моей признательности. Ни время, ни разлука не могутъ ослабить ихъ. Лицу себя надеждою, что черезъ пять лѣтъ, когда трудъ мой будетъ оконченъ, вы позволите мнѣ лично засвидѣтельствовать ихъ вамъ въ Парижѣ.

Вы разрѣшили мнѣ, милостивый государь, съ соизволенія короля, отправиться въ Россію для произведенія статуи Петру I (Великому). Такъ какъ срокъ этого разрѣшенія, ограниченный тремя годами, оконченъ, то и прошу васъ, милостивый государь, благово-

(Подлинникъ съ соблюденіемъ его правописанія). Monsieur, quand mon devoir ne m'engagois pas indispensablement à vous écrire, j'en saisirois l'occasion avec empressement pour me rappeler à votre souvenir et pour vous réitérer les sentiments respectueux de ma reconnaissance. Le tems et l'éloignement ne peut les affaiblir. Je me flatte que dans cinq ans, lorsque mon ouvrage sera fini, vous me permettrez de vous les exprimer moi même à Paris.

Vous m'avez accordé, Monsieur, sous le bon plaisir du Roy, la permission de passer en Russie pour y faire la statue de Pierre I (le Grand). Le terme de cette permission fixé à trois années, étant expiré, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien me la renouveler, soit pour les cinq années qu'il faut encore jusqu'à l'achèvement de la statue, soit pour tel autre tème que vous jugerez à propos.

J'ai eu l'honneur de vous rendre compte, Monsieur, et à l'Académie, par mes lettres de X-bre 1768, de l'état où étoit alors mon modèle. Je parlois aussi de cette pierre singulière qui doit servir de baze à la statue. Elle a environ 40 pieds de long sur 20 de large et autant de haut; elle est d'un beau granit extrêmement dur; elle a des veines de cristallisation très curieuses. Je les croi-

лить оный мнѣ, продолжить, или еще на пять лѣтъ, потребныя на окончаніе статуи, или на иной срокъ, по вашему благоусмотрѣнію.

Я имѣлъ честь, милостивый государь, дать отчетъ вамъ и Академіи письмами въ декабрѣ мѣсяцѣ 1768 года, о положеніи, въ которомъ тогда находилась моя модель. Я говорилъ также и о чудномъ камнѣ, который послужитъ подножіемъ для статуи. Камень этотъ имѣетъ около 40 футовъ длины, при 20-ти футахъ ширины и столькихъ же высоты; это—глыба прекраснаго и чрезвычайно твердаго гранита, съ весьма любопытными прожилками кристаллизаціи. Онѣ заслуживаютъ мѣста въ вашемъ кабинетѣ. Постараюсь добыть осколокъ покрасивѣе и, если позволите, милостивый государь, присоединю его къ вашему собранію естественной исторіи.

Этотъ камень много придастъ характера памятнику и, можетъ быть, въ этомъ отношеніи его можно будетъ назвать единственнымъ. Камень добытъ въ Россіи; государыня щедро поощряетъ предпріятіе, а г. генералъ Бецкой управляетъ смѣлыми работами для перевозки камня, такъ какъ оный находится въ лѣсной чащѣ, на томъ берегу Финскаго залива, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Петербурга.

Не знаю, затерялись-ли мои послѣднія письма, или отвѣты на нихъ, но вѣрно то, что я писалъ, милостивый государь, вамъ, Академіи и г. Кошень (Cochin), и не имѣлъ чести получить отвѣтовъ. Повидимому, нынѣшній годъ несчастливъ на письма для Россіи; такъ, по крайней мѣрѣ, я сужу по количеству затерянныхъ моихъ писемъ.

Весьма желательно было бы, милостивый государь, чтобы моя модель, работы по которой весьма подвинулись впередъ, была предъ

rois dignes de votre Cabinet. Je tacherai de m'en procurer un morceau des plus interessans, et si vous le permettez, Monsieur, je les joindrai à votre belle collection d'histoire naturelle.

Cette pierre n'ajoutera pas peu au caractère du monument, puisqu'elle le rendra peut être unique à cet égard. Le pays la fournit, la souveraine n'épargne aucun encouragement, et Monsieur le général Betzky dirige la hardiesse de son transport, car elle est enfoncée dans une forêt au delà du golfe de Finlande, à plusieurs lieues de Petersbourg.

Je ne sais si ce sont mes dernières lettres qui ont été perdues ou les réponses, mais il est très certain que j'ay écrit à vous, Monsieur, à l'Académie et à Monsieur Cochin, et que je n'ay reçu l'honneur d'aucune réponse. Aparentment que l'année n'est pas heureuse en lettre pour la Russie, du moins je l'imagine à la quantité des miennes qui ont été perdues.

Je voudrais bien, Monsieur, que mon modèle, qui est fort avancé, fut sous vos yeux; vous y trouveriez peut être de quoy m'encourager à le bien finir. Je sens, et j'y feray mon possible, que quelques degrés de chaleur en feroient une belle et grande chose. Sa Majesté Impériale par les bontés qu'elle daigne me

вашими глазами; можетъ быть, вы нашли бы въ ней что-либо достойное вашего поощренія для успѣшнаго ея окончанія. Сознаю и сдѣлаю все, что только возможно, чтобы нѣсколько градусовъ жара создали вещь прекрасную и великую. Ея императорское величество неослабными милостями своими поддерживаетъ во мнѣ желаніе творить въ размѣрахъ великихъ, и если бы мое дарованіе было соразмѣрно ея благоволенію къ ваятелю и къ изваянію, тогда изъ рукъ моихъ, для этой достойной монархини, вышло бы превосходное произведеніе.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою Фальконетъ.

continuer, soutient toujours en moi le désir d'aller au plus grand; et si mon talent se proportionnoit à son attention pour le statuaire et pour la statue, cette digne souveraine auroit de ma façon un ouvrage sublime.

Je suis très respectueusement, Monsieur, votre très humble et très obeissant serviteur Falconet.

St.-Petersbourg.
27 Août (V. S.) 1769.

Снимокъ подписи Фальконета.

*Votre très humble et très
obeissant Serviteur*

Falconet

Сообщ. Варонъ Н. Е. Вогушевскій.

Николай Николаевичъ Раевскій.

1812.

Весьма многимъ читателямъ „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, попадались въ разныхъ закоулкахъ Россіи лубочныя изображенія нашихъ полководцевъ былыхъ временъ, имена которыхъ въ свое время прославились въ народѣ и почитаются на ряду со сказочными богатырями.

Эпическая эпоха двѣнадцатаго года въ особенности богата по-

добными слѣдами благодарной памяти русскихъ людей и лубочное искусство, какъ неподдѣльный отголосокъ современности, оказать, можетъ быть, не одну услугу будущимъ изслѣдователямъ старины и исторической правды. Vox populi—Vox Dei,—и лубочные портреты, изображенія баталій и т. д. не будутъ плохой иллюстраціей для какого-либо собранія народныхъ разсказовъ, солдатскихъ и деревенскихъ пѣсень о тяжелыхъ и славныхъ временахъ, „когда французъ Мосеву полонилъ“, а наши бабы „его на вилахъ вынесли“.

Въ семействѣ моемъ сохранился такой портретъ дѣда моего (по матери) Николая Николаевича Раевского, героя Дашковки, Смоленска, Бородина и проч. Онъ въ 4-ю долю листа, не окрашенъ, до нѣкоторой степени похожъ; по формату и издѣлію это совершенный pendant къ портрету друга его Багратиона.... „съ маленькими пушками и знаменами внизу“... о которомъ упоминаетъ Гоголь въ „Мертвыхъ Душахъ“. вмѣсто пушекъ и знаменъ только подъ портретомъ изображенъ моментъ сраженія подъ Дашковкой, когда Раевскій, спѣшившись и взявъ съ собою своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, лично повелъ Смоленскій полкъ въ штыки на французскія батареи. Мнѣ самому случалось видать въ глуши Россіи оба эти портрета, рядомъ, на стѣнахъ скромныхъ обиталищъ нашего простонародья и мелкихъ провинціальныхъ обывателей всякаго званія.

Подъ рисункомъ, кромѣ имени Раевского, напечатано: „Впередъ, ребята! За царя и отечество, я и дѣти мои, воиныхъ приношу въ жертву, откроемъ вамъ пути!“

Это легендарное изображение и надпись основаны на фактѣ.

Николай Николаевичъ, въ виду общаго замѣшательства въ порядкѣ семейной и общественной жизни, причиненнаго нашествіемъ и ночи поголовнымъ возстаніемъ Россіи, и необходимостей своего званія и долга, дѣйствительно взялъ съ собою въ армію своихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва минуло 16 лѣтъ, а меньшому, Николаю, не доставало нѣсколькихъ дней до 11-ти-лѣтняго возраста, и записалъ ихъ на службу въ одинъ изъ полковъ своего корпуса. Этимъ-то недоросткамъ довелось сослужить службу отечеству въ тѣ годы, когда дѣти обыкновенно сидятъ за скамьей или за указкой. Въ дѣлѣ подъ Дашковкой они были при отцѣ. Въ моментъ рѣшительной атаки на французскія батареи, Раевскій взялъ ихъ съ собою въ головѣ колонны Смоленскаго полка, при чемъ меньшаго, Николая, онъ велъ за руку, а Александръ, схвативъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго, въ одной изъ предъидущихъ атакъ, нашего подпрапорщика, понесъ его передъ войсками. Геройскій примѣръ командира и его дѣтей до изступленія одушевилъ войска: замая-

шіяся-было подъ картечью непріятеля,—они рванулись впередъ и все опрокинули передъ собою.

Въ этотъ достопамятный день у Раевского было въ строю 10,000 человекъ, а атакующій непріятель былъ въ составѣ 5 дивизій, т. е., по крайней мѣрѣ, въ 4-ро сильнѣе. Мортъе, по причинѣ лѣсной и ломанной мѣстности, не могшій съ точностью выяснитъ себѣ число противниковъ, донесъ Наполеону, что онъ отбросилъ всю 2-ю армію, будто бы пытавшуюся зайти въ тылъ „великой арміи“; а между тѣмъ цѣль Багратіона, направившаго корпусъ Раевского по направленію къ Могилеву, была достигнута: дальнѣйшее соединеніе его съ Барклаемъ подъ Смоленскомъ обезпечено.

Въ заключеніе еще одно семейное преданіе.

Послѣ дѣла Николай Николаевичъ спросилъ у меньшаго сына:

— Знаешь-ли ты зачѣмъ я водилъ тебя съ собою въ дѣло?

— „Oui, papa, c'est pour mourir ensemble“, отвѣчалъ 11-ти-лѣтній воинъ.

Каково поколѣніе, каковъ духъ двѣнадцатаго года!

Недавно, пересматривая семейныя бумаги нашего деревенскаго архива, я нашелъ прилагаемые документы, относящіеся къ вышеприведенному факту и къ дѣлу подъ Дашковкой. Они нигдѣ не напечатаны: это письмо Николая Николаевича къ сестрѣ жены его, Екатерины Алексѣевны Константиновой, (внучкѣ М. В. Ломоносова), и къ нему приложенную копию съ реляціи о Дашковскомъ дѣлѣ. Подлинникъ письма находится у графа И. Г. Ностица, который былъ женатъ на дочери Александра Николаевича Раевского; копія съ реляціи у меня; она современная, писарской руки, съ собственноручными поправками Николая Николаевича Раевского (старшаго).

Въ архивѣ военнаго министерства этой реляціи, кажется, не имѣется, а сохранилось лишь донесеніе Багратіона. Какъ памятникъ о доблестяхъ минувшаго поколѣнія, „Русская Старина“, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ дастъ имъ мѣсто на своихъ страницахъ, а также и моему письму, которое служитъ поясненіемъ представляемыхъ документовъ.

Н. М. Орловъ.

I.

Письмо Н. Н. Раевского къ Е. А. Константиновой.

22-го іюля 1812 г., въ лагерѣ подъ Смоленскомъ.

(Переводъ). Любезная сестра, я воображаю, какъ вы тревожитесь относительно меня и положенія дѣлъ вообще; но я не могъ писать вамъ раньше, да и теперь изъ первой арміи не знаю, какимъ образомъ доставлю вамъ это письмо. Вы вѣрно слышали о страшномъ

дѣлѣ, бывшемъ у меня съ маршаломъ Даву и Лефевромъ; съ десятью тысячами противъ шестидесяти мы успѣли выйти изъ дѣла съ честью, тогда какъ непріятель потерялъ втрое болѣе нашего; это сказывали наши, бывшіе въ тотъ же день въ Могилевѣ и видѣвшіе четыре тысячи раненныхъ. Непріятель потерялъ болѣе шести тысячъ, а я только 2,909 человекъ. Прилагаю реляцію о дѣлѣ, изъ которой вы узнаете все, какъ было. Сынъ мой, Александръ, выказалъ себя молодцомъ, а Николай, даже во время самага сильнаго огня, безпрестанно шутилъ; этому пуля прорвала брюки; оба сына повышены чиномъ. А я получилъ только контузію въ грудь, повидимому не опасную.

Будьте спокойны и успокойте и другихъ. Едва-ли Бонапартъ находился въ худшемъ положеніи; испытай онъ малѣйшую неудачу, и всѣ до одинаго у него погибнуть. Прощайте, любезная сестра; цѣлую васъ отъ всего сердца.

Ce 22 juillet, du camp près de Smolensk.

(Подлинникъ). Vous devez être dans de grandes inquiétudes, ma chère soeur, sur mon compte et sur les affaires en général; je n'ai pu Vous en parler auparavant, et même à présent, quoiqu'une à la première armée, je ne sais comment je Vous ferai parvenir cette lettre. Vous devez avoir entendre que j'ai eu une terrible affaire contre le maréchal Davoust et Lefebvre, n'ayant que dix mille contre 60,000; nous en sommes sortis avec honneur et un grand avantage, car l'ennemi a perdu trois fois plus que nous; ce que nous savons des nôtres, qui le jour même ont été à Mohileff et ont vu 4,000 blessés; l'ennemi à perdu plus de six mille, je n'en ai perdu que 2,909; ma relation, que je Vous joins, Vous mettra au fait de la chose; mon fils Alexandre s'est montré en héros; Nicolas, même dans le plus grand feu, ne faisait que plaisanter; ce dernier a eu la culotte percée d'une balle; ils ont été avancés tous les deux; je n'ai reçu qu'une contusion dans la poitrine, qui, à ce qui paraît, n'aura pas de suites.

Soyez tranquille et tranquilliser les autres. Jamais Bonaparte n'a été dans de si mauvais draps; le moindre échec pas un homme ne se sauvera. Adieu, ma chère soeur, je Vous embrasse de tout mon coeur.

II.

Главномандующему 2-й западной арміи господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Багратиону генералъ-лейтенанта Равескаго

Рапортъ.

Прибывъ, по повелѣнію вашего сіятельства, въ деревню Дашковки 10-го числа іюля мѣсяца, едва успѣлъ расположиться со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ, какъ получилъ извѣстіе, что непріятель въ большихъ силахъ кавалеріи и пѣхоты принуждаетъ къ отступленію мои аванпосты, находящіеся тогда отъ меня въ 8-ми верстахъ, въ маломъ разстояніи отъ деревни Солтановки. Я приказалъ имъ отступать и

наводить на мою позицію, но оной остановился при деревнѣ Новоселкахъ; 11-го числа, получивъ приказаніе отъ вашего сіятельства атаковать непріятели, выступилъ я со вѣреннѣмъ мнѣ корпусомъ и встрѣтилъ его идущаго на меня, съ таковымъ же намѣреніемъ, по сию сторону деревни Новоселки; господинъ генераль-адъютантъ Васильчиковъ, командовавшій моимъ авангардомъ, который въ сей день оказалъ храбрость солдата и искусство опытнаго генерала, встрѣтя его, принудилъ немедленно къ отступленію; тщетно онъ подрѣплялся, но былъ непрерывно опрокидыванъ и преслѣдованъ до деревни Солтановки, гдѣ у нихъ была позиція, природою и искусствомъ укрѣпленная. Стремленіе войскъ нашихъ при семъ преслѣдованіи было столь велико, что, несмотря на тройной картечный и перекрестный огонь и ружейный засѣвшаго непріятели въ деревнѣ, стрѣлки авангарда перебѣжали плотину и деревню и уже касались вершины горы,—но будучи встрѣчены превосходными силами, принуждены были отступить на сию сторону пруда; между тѣмъ, прибывши съ моимъ корпусомъ къ сему мѣсту и видя невозможность форсировать непріятели въ одномъ семъ пунктѣ, и также опасаясь, чтобъ оной не атаковалъ меня внезапно въ лѣвый флангъ, что, по густотѣ дефилей ему удобно сдѣлать можно было, отрядилъ я господина генераль-маіора Паскевича (ознаменовавшаго свое служеніе прежде многими храбрыми подвигами) съ 26-ю дивизією по дорогѣ влѣво, дабы онъ старался обойти непріятели. Предвидѣніе мое исполнилось, ибо онъ встрѣтилъ его, уже идущаго ко мнѣ съ симъ намѣреніемъ; но генераль-маіору Паскевичу атаковать его и опрокинуть было единственное дѣйствіе; сраженіе сіе продолжалось въ густомъ лѣсу, такъ что мнѣ силъ непріятелискихъ открытъ было невозможно, почему надѣялся я, что дѣйствіемъ сего обхода я успѣю завладѣть непріятельской позицією, и ожидалъ только малѣйшаго успѣха генераль-маіора Паскевича, чтобы колоннами идти на штыкахъ черезъ плотину и атаковать ихъ позицію; между тѣмъ выгодное положеніе ихъ артиллеріи наносило намъ много вреда и единая храбрость и усердіе російскихъ войскъ могла противоборствовать симъ ихъ выгодамъ; подбитыя нами пушки перемѣнялись новыми; убитые и раненые люди замѣнялись здоровыми и наносили большой вредъ непріятелю. Храбрый господинъ полковникъ Глѣбовъ съ 6-мъ и 42-мъ егерскими полками удерживали мѣста противу непріятели, который, подъ прикрытіемъ своихъ батарей и крутизнѣ (sic) нашего берега, переходилъ черезъ болота въ большомъ числѣ и силился согнать насъ съ нашего мѣста; но намѣреніе его всегда обращалось ему во вредъ. Между тѣмъ генераль-маіоръ Паскевичъ, два раза опрокидывая штыками непріа-

теля съ непомерною храбростію, принужденъ былъ отступать къ своимъ резервамъ, по причинѣ усиливающагося непріятеля непрерывными подрѣвленіями; а-жъ, услыша при послѣдней его атакѣ, что огонь нашъ подвигается впередъ и считая сію минуту рѣшительной, ставъ съ генераль-адъютантомъ Васильчиковымъ и всѣми мнѣ принадлежащими штабъ- и оберъ-офицерами въ первыхъ рядахъ колонны, составленной изъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, пошелъ къ плотинѣ. Сей полкъ, отвѣчая всегдашней его славѣ, шелъ безъ выстрѣла съ применутыми штыками, несмотря на сильный непріятельскій огонь, съ неимовѣрною храбростію; но, подходя къ плотинѣ, нашелъ подъ вышписанной крутизной сильную колонну непріятельскую. Тогда уже оставалось мнѣ обратить мое стремленіе на оную; цѣпь стрѣлковъ егерскихъ, видя меня, идущаго впередъ, единымъ же движеніемъ бросилась совокупно съ моею колонной на непріятельскую, которая вся тотчасъ была уничтожена. При сей атакѣ полковой командиръ полковникъ Рылѣвъ, отличившій себя необыкновенною храбростію, получилъ въ ногу жестокую рану, а маіоръ Шевелевъ убитъ; находившійся при мнѣ штабъ-ротмистръ Масловъ тяжело раненъ и упалъ замертво, какъ и многіе, меня окружавшіе.

Между тѣмъ, получа отъ генераль-маіора Паскевича извѣстіе, что онъ, по причинѣ крѣпкаго мѣста, подобно моему, и превосходнаго непріятеля, не можетъ успѣть въ своемъ намѣреніи, и узнавъ же чрезъ плѣнныхъ, что всѣ силы фельдмаршала Давуста и Лефевра, состоящія изъ 5-ти дивизій, въ его личномъ присутствіи находились тутъ, и что ожидали ежеминутно подрѣвленія изъ 3-хъ дивизій, подъ командою фельдмаршала Мортъе, и получивъ приказаніе отъ вашего сіятельства по симъ же причинамъ и по наступающему вечеру оставить сію атаку, приказалъ я генераль-адъютанту Васильчикову и генераль-маіору Паскевичу потихоньку отступать. Непріятель, сочтя оное отступленіе за пораженіе насъ, бросился съ стремительностью на орудія, но вскорѣ былъ выведенъ изъ заблужденія, ибо смертію многихъ заплатилъ за сію дерзость на штыкахъ нашихъ. Съ сей минуты отступленіе, дѣланное во всемъ порядкѣ, не было обезпокоиваемо, какъ только малымъ числомъ стрѣлковъ; я же между тѣмъ на всякой случай устроилъ сильныя батареи въ удобномъ мѣстѣ при деревнѣ Новоселкахъ, дабы принять тамъ непріятеля, буде онъ покусится меня преслѣдовать; но сія предосторожность была лишняя, ибо онъ меня оставилъ, не доходя оной, и я отступилъ покойно на прежнюю мою позицію при деревнѣ Дашковѣ.

Единая храбрость и усердіе россійскихъ войскъ могла избавить меня отъ истребленія противъ толико превосходнаго непріятеля и въ

только невыгодномъ для меня мѣстѣ; я самъ свидѣтель, какъ многіе штабъ, оберъ- и унтеръ-офицеры, получа по двѣ раны, перевязавъ оныя, возвращались въ сраженіе, какъ на пиръ. Не могу довольно похвалить храбрость и искусство артиллеристовъ: въ сей день всѣ были герои, чему свидѣтельствуесть превосходная противу нашей потери непріятеля, которая вашему сіятельству извѣстна чрезъ многія донесенія. Испрашивая васъ довести до свѣдѣнія его императорскаго величества службу его вѣрноподданныхъ и доставить достойное награжденіе какъ генераламъ, штабъ, оберъ-офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ отличившимся. Генералъ-лейтенантъ Раевскій.

№ 196.

Юля 20-го дня 1812 года,
по 1-му отдѣленію.

Сообщ. Н. М. Орловъ.

Петръ Андреевичъ Кикинъ.

Статсъ-секретарь при комиссіи принятія прошеній.

Въ замѣткахъ о петербургскихъ дворцахъ М. Н. Лонгинова („Русскій Архивъ“, в. I, 1873 г., стр. 43) говорится, что императрица Анна Иоанновна, желая распространить новый Зимній дворецъ, повелѣла сломать морскую академію, иначе „Кикинскія палаты“ (бывшія на мѣстѣ западнаго фаса нынѣшняго Зимняго дворца), а прежній апраксинскій домъ, или тогдашній новый Зимній дворецъ (стоявшій позади Кикинскихъ палатъ), былъ расширенъ и выдвинутъ ближе къ Адмиралтейству (въ линію теперешняго его фаса, выходящаго на разводную площадь), пристройкою ко дворцу новаго каменнаго зданія съ большою залою, чѣмъ захвачена была подъ оное часть кикинскаго мѣста.¹⁾ Понятно, что въ планѣ автора замѣтки о петербургскихъ дворцахъ не могли войти подробности о послѣдствіяхъ захвата кикинской поземельной собственности, а потому дополняемъ этотъ пробѣлъ разсказомъ, слышаннымъ нами отъ покойной княгини Маріи Петровны Волконской, дочери статсъ-секретаря при комиссіи принятія прошеній Петра Андреевича Кикина.²⁾

Со времени первоначальнаго захвата ихъ земли, Кикины не переставали протестовать судебнымъ порядкомъ на нарушеніе правъ собственности и вполнѣдствіи княгиня Марія Петровна Волконская, не

¹⁾ Въ кикинскомъ домѣ была открыта, въ 1716 году, морская академія, но безъ перехода, какъ оказывается, изъ владѣнія Кикиныхъ. Гр. М. В.

²⁾ Княгиня М. П. Волконская скончалась осенью 1854 года. Мужъ ея, вв. Дмитрій Петровичъ, не многимъ ее пережилъ. Мы были съ княземъ товарищами въ дѣтствѣ. Гр. М. В.

пропуская срока законной давности при подачѣ прошеній на высочайшее имя, а являясь ко двору, неоднократно шутовски заявляла государю Николаю Павловичу, что обвиняетъ его въ незаконномъ удерживаніи ея собственности¹⁾ и, если мнѣ не измѣняетъ память, государь тѣмъ же шутовскимъ тономъ вызывалъ княгиню на продолженіе этой безнадежной тяжбы. „Знаю“, говаривала княгиня близкимъ своимъ знакомымъ, „что тутъ одна только проформа, изъ которой никогда и ничего не можетъ выйти, но тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ не отречься отъ завѣщаннаго мнѣ моими дѣдами ихъ права“.

Имѣя счастье въ теченіе восьми лѣтъ находиться въ кругу близкихъ знакомыхъ этой рѣдкой женщины, дозволяю себѣ посвятить нѣсколько словъ ея памяти. Княгиня, говоря безъ преувеличенія, была олицетвореніемъ нравственнаго совершенства, насколько оно доступно натурѣ человѣческой. Покорная дочь церкви, набожная безъ ханжества, глубоко-религіозная, покойная была примѣрной женою и чадолубивою, но строгою матерью въ отношеніи воспитанія дѣтей, находившихся подъ ея неуслыннымъ надзоромъ. Свѣтская жизнь со всѣми ея удовольствіями и развлеченіями не колебала религіозныхъ убѣжденій княгини. Такъ, напримѣръ, она строго соблюдала посты, церковью установленные,—и, зная по опыту, что въ зрѣломъ возрастѣ труднѣе подчиняться этимъ уставамъ, она приучала дѣтей съ трехлѣтняго возраста къ постной пищѣ, которая, замѣтимъ, не оказывала ни малѣйшаго вреднаго вліянія на ихъ здоровье. При блестящемъ образованіи, княгиня отличалась здравомысліемъ, умѣя обсудить каждый поднятій вопросъ со всѣхъ сторонъ. Въ области художественной обладала тонкимъ эстетическимъ вкусомъ; сама прекрасно рисовала орнаменты и архитектурныя украшенія, особенно въ старинномъ русскомъ стилѣ.

Провинціальныя ея знакомыя и дальніе родственники (преимущественно рязанцы) всегда находили радушный пріемъ и въ изящной гостинной княгини (въ собственномъ домѣ, на дворцовой набережной),

¹⁾ Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ, какъ извѣстно, на князя Петра Михайловича Волконскаго, какъ на старшаго своего дядьку, и милостиво допускалъ нѣкоторую короткость со стороны его дѣтей, на что старшій князь всегда сердился и журилъ смѣльчаковъ. Когда кн. П. М. Волконскій былъ на смертномъ одрѣ, государь подвелъ къ нему свою супругу, прося князя, какъ втораго отца, благословить ихъ обоихъ, послѣ чего царственная чета приложила къ рукъ стараго и вѣрнаго ея слуги, навлекавшаго на себя множество нареканій единственно за то, что радѣлъ о сбереженіи расходовъ по министерству двора болѣе, нежели своихъ собственныхъ. Гр. М. В.

и за ея обѣденнымъ столомъ. Здѣсь робкіе провинціалы встрѣчались съ министрами и разными знатными лицами обоого пола,—но здѣсь-то именно и выказывала радушная хозяйка вмѣстѣ съ гостепріимствомъ рѣдкій тактъ и снисходительность, заботясь о томъ, чтобы ея провинціальныя знакомые не ощущали неловкости въ кругу, для нихъ чуждомъ. Княгиня придерживалась того правила, что всѣ ея гости—въ числѣ ихъ артисты и художники—имѣютъ одинаковыя права на ея радушіе и ласку. Узнавъ о цѣли пріѣзда изъ губерніи въ столицу (въ большинствѣ случаевъ по поводу тяжбъ), княгиня охотно брала на себя ходатайство по дѣламъ своихъ знакомыхъ предъ сановниками. Если же ихъ привлекало въ Петербургъ праздное любопытство, таже обходительная княгиня предоставляла въ ихъ распоряженіе свои экипажи, возила своихъ знакомыхъ въ театръ—въ министерскую ложу, доставляла имъ билеты на хоры во дворецъ во время торжественныхъ церемоній, пріемовъ, концертовъ и парадныхъ обѣденныхъ столовъ. Никогда и ни о комъ она не отзывалась съ невыгодной стороны,—и когда, бывало, неумолимый приговоръ общественнаго мнѣнія всей своей тяжестью падалъ на кого-нибудь, княгиня старалась, насколько было возможно, извинять лицо, подвергшееся общественной опалѣ.... Словомъ, княгиня М. П. Волконская принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, къ которымъ примѣнимы слова Шекспира:

He was a man
The like of whom, we shall never more see! ¹⁾

Петръ Андреевичъ Кикинъ хотя и снискалъ любовь и преданность подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, въ бытность свою статсъ-секретаремъ при комиссіи принятія прошеній, тѣмъ не менѣе ни одного изъ нихъ не знавалъ ни въ лицо, ни по фамиліи.

Исключеніе составляли аристократическіе юноши, начинавшіе свое судебное поприще подъ его начальствомъ. Обхожденіе П. А. Кикина съ его подчиненными было болѣе патріархальное, нежели начальническое, и при отбытіи службы никакого педантизма, никакой формалистики не соблюдалось, хотя въ комиссіи и введенъ былъ обычный канцелярскій порядокъ. Дежурный чиновникъ находился на дѣйствительномъ дежурствѣ только во время присутствія, затѣмъ уходилъ домой на весь остальной день до слѣдующаго утра. Въ полученіи паветовъ росписывался обыкновенно нѣкто Малаярниковъ—хозяинъ

¹⁾ Человѣкъ онъ былъ,

Подобнаго которому мы болѣе уже никогда не увидимъ. (Изъ Гамлета).

Гр. М. В.

лавочки, находившейся въ подвальномъ этажѣ дома, въ которомъ помѣщалась коммиссія прошеній.

Разъ приходитъ въ коммиссію бумага отъ начальника штаба Дибича (это было въ послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича) съ просьбою послѣдовать отвѣтомъ на какую-то прежде того посланную бумагу. Такъ какъ таковой въ канцеляріи не оказалось, то коммиссія и увѣдомила начальника штаба, что упомянутой бумаги ею получено не было. Новое отношеніе отъ Дибича: въ разсылной книжкѣ его канцеляріи значится, что въ принятіи упомянутого утраченнаго пакета росписался чиновникъ Малярниковъ. Тогда Петръ Андреевичъ приказалъ: чиновника Малярникова за нерадѣніе его службы, слѣдствіемъ котораго была утрата пакета, нарядить на безсмѣнное дежурство на недѣлю или на двѣ, и тѣмъ дѣло кончилось. Спустя нѣкоторое время добродушный П. А. Кикинъ (желая, можетъ быть, щегольнуть, будто знаетъ всѣхъ своихъ чиновниковъ) говорить правителю канцеляріи Н. П. Брусилову:

— „Николай Петровичъ! что это я давно не вижу въ канцеляріи чиновника Малярникова? Если онъ обидѣлся, что я его наказалъ безсмѣннымъ дежурствомъ на нѣсколько дней, сѣтовать ему на это не слѣдуетъ: того требовалъ служебный порядокъ.... Впрочемъ, чтобы утѣшить его, заготовьте-ка, пожалуйста, представленіе его къ наградѣ орденомъ“.

— „Слушаю-съ, ваше превосходительство!“ отвѣтилъ правитель канцеляріи, въ надеждѣ, что авось Петръ Андреевичъ забудетъ о существованіи чиновника Малярникова,—но не тутъ-то было!

По прошествіи нѣ котораго времени, Петръ Андреевичъ вздумалъ освѣдомиться, почему не заготовлено представленія къ награждѣ? Смутился Н. П. Брусиловъ, однако же оправился и, не запинаясь, доложилъ, что Малярникову, въ которомъ его превосходительство изволило принимать участіе, по его бѣдности, орденъ существенной пользы не принесетъ и потому, не лучше-ли его представить къ денежному награжденію изъ остаточныхъ суммъ въ кассѣ Коммиссіи прошеній? Петръ Андреевичъ одобрилъ эту мысль: правитель канцеляріи составилъ и пустилъ въ ходъ докладную записку о представленіи къ наградѣ миѣческаго чиновника Малярникова. Когда было получено высочайшее на то разрѣшеніе, Н. П. Брусиловъ келейно раздѣлилъ опредѣленную къ наградѣ сумму по-ровну между чиновниками, которые, разумѣется, не разгласили объ этомъ событіи,—и исторія съ Малярниковымъ до сего времени составляла въ буквальноймъ смыслѣ „канцелярскую тайну“.

Въ другой разъ Петръ Андреевичъ, прочитавъ какую-то вновь по-

лученную бумагу, подозвалъ одного изъ близъ-стоявшихъ чиновниковъ и, отдавая ему, сказалъ:

— „Тутъ есть у меня, въ канцеляріи, регистраторъ, по фамиліи Эйнгольмъ, отдай ему эту бумагу для помѣтки“.

Оказалось, что П. А. Кикинъ отдавалъ эту бумагу самому Эйнгольму, котораго и въ лицо не зналъ.

Въ первый годъ вступленія на престолъ императора Николая Павловича Петръ Андреевичъ Кикинъ впалъ въ немилость за проступки одного изъ лицъ, служившихъ въ Комиссіи прошеній, обвиненнаго въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ. Когда дворъ, по случаю коронаціи, перѣхалъ въ Москву (въ 1826 году), тамъ былъ учрежденъ особый временной комитетъ для принятія прошеній, подъ предсѣдательствомъ Николая Михайловича Лонгинова, и вслѣдствіе этого П. А. Кикинъ вышелъ въ отставку.¹⁾

Графъ М. Д. Вутурлинь.

Военная служба Ѳ. В. Булгарина.

1805—1811.

До сихъ поръ у насъ имѣлись лишь очень сбивчивыя и неполныя извѣстія о военной службѣ Булгарина въ Россіи и о томъ, какъ онъ кончилъ ее передъ уходомъ своимъ въ Варшаву, для поступленія въ польскія войска, служившія Наполеону. Кажется, не безынтересно будетъ представить точныя свѣдѣнія объ этомъ, нынѣ достаточно выяснившемся обстоятельстве, которое служило поводомъ къ многотѣмнымъ и жестокимъ выходкамъ противъ Булгарина, несмотря на то, что оно едва-ли было въ точности извѣстно кому-либо изъ его противниковъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется оно нынѣ, на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ и документовъ.

1) Всѣ показанія сходятся въ томъ, что Булгаринъ, какъ это говорить и Гречъ („Русск. Стар.“ 1871 г., т. IV, стр. 485), вышедши въ 1805 году изъ кадетскаго корпуса, поступилъ корнетомъ въ Уланскій великаго князя Константина Павловича полкъ, съ которымъ участвовалъ въ первыхъ походахъ нашихъ противъ Наполеона.

2) Затѣмъ у Греча встрѣчается ошибка (Ibid., стр. 486); онъ говоритъ, что Булгаринъ былъ, за сатирическіе стихи на своего началь-

¹⁾ Разсказъ о П. А. Кикинѣ написанъ со словъ лица, поступившаго, въ 1826 году, въ московскій временной комитетъ для принятія прошеній и вслѣдствіи приближеннаго къ статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову.

Гр. М. В.

Портретъ П. А. Кикина и краткая его біографія были напечатаны въ «Иллюстраціи» Н. Кукольника (1846 г.).

Ред.

ника, посаженъ въ крѣпость (не сказано какую) и затѣмъ переведенъ въ какой-то Драгунскій армейскій полкъ, съ которымъ и дѣлалъ финляндскую кампанію.

Это не вѣрно. Изъ смысла документальнаго показанія, изложеннаго ниже въ пунктѣ 3-мъ, видно, что во время войны въ Финляндіи 1808—1809 годовъ Булгаринъ находился еще въ томъ же Уланскомъ пѣсаревича полку, изъ котораго (послѣ приговора о его заключеніи въ крѣпость) переведенъ былъ въ Кронштадтскій горнизонный полкъ, (конечно, за упомянутую выше сатиру), уже послѣ финляндской кампаніи.

3) Изъ Кронштадта перешелъ уже Булгаринъ въ драгуны. Въ недавно вышедшей „Исторіи 14-го Уланскаго Ямбургскаго (по 17-е декабря 1812 г. онъ былъ Драгунскимъ, какъ видно на стр. 643 этой книги) Е. И. В. Великой княжны Маріи Александровны полка“ (на стр. 697, подъ № 70) значится слѣдующее: „Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, прапорщикъ. 1810 г., августа 23-го, переведенъ изъ Кронштадтскаго горнизоннаго полка, а до того служилъ въ Уланскомъ его высочества Константина Павловича полку“.

4) Вслѣдъ за симъ тамъ же находится несомнѣнное извѣстіе и объ окончаніи военной карьеры Булгарина въ Россіи: „будучи подпоручикомъ, 10-го мая 1811 года отставленъ отъ службы по худой аттестаціи въ кондукитныхъ спискахъ“. Это свѣдѣніе было доселѣ вовсе неизвѣстно и доказываетъ, что Булгаринъ бѣжалъ изъ Россіи, не состоимъ на службѣ, а будучи исключенъ изъ оной.

5) Объ отъѣздѣ Булгарина въ Варшаву, съ намѣреніемъ поступить въ польско-французскую службу, Гречъ говоритъ („Русск. Стар.“, 1871 г., т. IV, стр. 487), что онъ уѣхалъ туда изъ Ревеля, гдѣ стоялъ Ямбургскій полкъ, вмѣстѣ съ однимъ французомъ, графомъ де-Кенсонна (Quinsonnas).

Первое извѣстіе имѣетъ вѣроятіе, такъ какъ съ марта по половину юля 1811 года Ямбургскій полкъ стоялъ въ Вальскомъ и Венденскомъ уѣздахъ Лифляндской губерніи, а затѣмъ по 23-е сентября близъ города Вейсенштейна, въ Эстляндіи („Ист. Ямб. полка“, стр. 667); а въ этотъ періодъ времени, конечно, и уѣхалъ, исключенный въ май 1811 года изъ службы, Булгаринъ.

Второе извѣстіе также должно имѣть основаніе; но при этомъ встрѣчается еще слѣдующая любопытная подробность, ведущая къ весьма вѣроятной догадкѣ.

Въ 1786 г. умеръ во Франціи Іосифъ-Гавріиль Пурруа (Joseph-Gabriel Pourroy) маркизь де-Кенсонна (Marquis de Quinsonnas), быв-

шій президентъ въ парламентѣ, родившійся въ 1730 г.; онъ оставилъ трехъ сыновей.

Изъ этихъ сыновей двое въ числѣ эмигрантовъ, во время революціи, явились въ Россію и поступили въ нашу военную службу. Это были:

а) Иосифъ - Октавій-Марія (Joseph-Octavien-Marie) де-Пурруа де л'Оберивьеръ (de Pourgoy de l'Auberivière) графъ де-Кенсонна (Comte de Quinsonnas) род. 9-го окт. 1766 г., пожалованный въ русскіе генераль-лейтенанты 25-го января 1800 г. Онъ возвратился во Францію въ 1820 г., сохранивъ тамъ этотъ чинъ; въ 1827 г. пожалованъ былъ перомъ и умеръ 31-го іюля 1854 г., на 88 году отъ рожденія. (Хотя въ источникѣ, изъ котораго мы извлекаемъ это свѣдѣніе и сказано, что онъ не былъ женатъ, но это не вѣрно. Генераль-лейтенантъ графъ Октавій или, какъ его звали у насъ, Осипъ Осиповичъ де-Кенсонна былъ женатъ на княжнѣ Дарьѣ Петровнѣ Одоевской, какъ видно изъ „Рос. род. книги кн. П. В. Долгорукова“, ч. I, стр. 56; но это легко могло быть неизвѣстно французскому изслѣдователю, особенно если, какъ и вѣроятно, графиня, будучи бездѣтной, скончалась до возвращенія графа во Францію, въ 1820 г. По расчету Вигеля, знавшаго семейство Одоевскихъ, выведенному въ его Воспоминаніяхъ, ч. I, на стр. 111, видно, что графиня Д. П. Кенсонна род. въ 1786 г.).

б) Эммануиль - Викторъ (Emmanuel-Victor) де-Пурруа графъ де-Кенсонна (de Pourgoy, Comte de Quinsonnas) род. 3-го октября 1775 г. и былъ мальтійскимъ кавалеромъ. Онъ дѣлалъ въ рядахъ русской арміи кампаніи 1806 и 1807 гг. противъ Турокъ и дослужился у насъ до чина полковника. Онъ возвратился во Францію въ 1811 г. и вступилъ въ 1814 г. въ службу Людовика XVIII съ чиномъ бригаднаго генерала (Maréchal de camp), дѣлалъ походъ 1823 г. въ Испанію, былъ потомъ депутатомъ и сопровождалъ Карла X до города Дрѣ, когда король, послѣ іюльской революціи 1830 г., удалился въ Англию. Жена его была изъ фамиліи де-Сивракъ (de Civrac). (Тутъ есть двѣ ошибки: онъ, кажется, дѣлалъ, вромѣ турецкой, еще и финляндскую кампанію и дослужился у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, не до полковника, а до генераль-майора).

Эти свѣдѣнія взяты нами изъ книги „Annuaire de la noblesse de France, publié par M. Borel d'Hauterive, 1863, vingtième année“, (pag. 167—168).

Послѣдній изъ упомянутыхъ сейчасъ графовъ Кенсонна, называвшійся у насъ Викторомъ Осиповичемъ (въ числѣ его именъ было „Victor“, а именъ его отца „Joseph“), состоялъ, въ чинѣ генераль-майора, шефомъ (это было по 1814 г. званіе, особое отъ командира

полка) Ямбургскаго драгунскаго полка, съ 30-го августа 1807 по 2-е декабря 1810 г., когда былъ уволенъ отъ службы за ранами. („Ист. Ямб. полка“, стр. 107, 687 и 694). Затѣмъ онъ возвратился во Францію, по показанію г. д'Отерива, въ 1811 г., а 10-го мая 1811 г. исключенъ изъ Ямбургскаго полка и Булгаринъ; слѣдовательно, можно предполагать, что упоминаемый Гречемъ Кенсонна есть именно отставной генераль-маіоръ графъ Викторъ Осиповичъ, уѣзжавшій изъ Россіи, вѣроятно, черезъ Варшаву,—и въ такомъ случаѣ самъ бывшій начальникъ Булгарина, выключеннаго изъ его полка, доставилъ ему возможность вступить въ польскую службу. Конечно, графу не только не могла быть неизвѣстною „худая аттестація въ кондуктномъ спискѣ“ Булгарина, но едва-ли и самъ графъ, какъ шефъ полка, не утверждалъ ее. Но ловкость и вкрадчивость Булгарина тутъ вновь доказываются, такъ какъ онъ умѣлъ и послѣ этого приблизиться къ бывшему начальнику своему настолько, что послѣдній повезъ его съ собою въ Варшаву.

Для полноты этого эпизода прибавимъ въ заключеніе, что когда Булгаринъ былъ исключенъ изъ Ямбургскаго полка, имъ командовалъ (съ 26-го января 1810 по 1-е июня 1815 г.) храбрый подполковникъ (съ 7-го октября 1812 г. полковникъ) и кавалеръ св. Георгія 3-й степени (съ 26-го октября 1812 г.) Николай Алексѣевичъ Столыпинъ (одинъ изъ братьевъ родной бабки поэта Лермонтова Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой), умершій въ 1830 г. въ чинѣ генераль-лейтенанта („Ист. Ямб. полка“, стр. 679, 687 и 696). Вѣроятно, онъ и удаллъ изъ полка Булгарина.

Сообщ. А. Н.

Разсказы изъ прежней судебной практики.

VIII. 4)

Сидя уликъ.

Въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ Амеревской волости, въ лѣсу, прилежащемъ къ деревнѣ Митиной, ночью былъ зарѣзанъ (лѣтомъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ) крестьянинъ этой деревни, возвращавшійся изъ сосѣднаго села (онъ ѣхалъ на телегѣ).

Тогда еще были засѣдатели земскихъ судовъ, которые и производили слѣдствія. Засѣдатель, вмѣстѣ съ народомъ деревни и семействомъ убитаго, пріѣхалъ на мѣсто преступленія — слѣдовъ никакихъ: ни забытой вещи, ни оружія, ничего. Еще выѣзжая изъ деревни, засѣдатель далъ женѣ убитаго крестьянина слѣдующую мысль:

4) Предыдущіе разсказы (I—VII) сообщены Г. И. Студенкиннмъ; нынѣ печатаемые — сообщ. И. Н. Захарьинъ изъ своей дорожной книжки. Ред.

— «Хоть плачь, не плачь—мужа не воротишь; лучше прислушивайся въ народѣ, что будуть говорить (т.-е., къ народной молвѣ), а потомъ скажи мнѣ».

Баба такъ и сдѣлала — стала прислушиваться...

Когда тѣло подняли и деревенскій народъ пошелъ изъ лѣсу, то лѣсникъ, приставленный для караула къ лѣсу, крикнулъ довольно громко дочери, которая должна была возвратиться въ деревню (лѣсникъ жилъ въ дер. Митиной):

— «Скажи, Дуня, матери, что въ случаѣ, если ея спросятъ—гдѣ я ночевалъ вчера, то чтобъ сказала, что я въ лѣсъ не ходилъ, а пробылъ-де всю ночь дома».¹⁾

Жена убитаго крестьянина слышала эти слова; слышалъ и народъ. Засѣдатель, конечно, тотчасъ же узналъ объ этихъ словахъ. Лѣсникъ былъ взятъ. Произведенъ былъ обыскъ въ его домѣ, осмотрѣли его самого: въ домѣ ничего не нашли, на его портахъ оказалась кровь;²⁾ при этомъ онъ страшно смутился.

— «Отчего кровь?» спрашиваютъ.

— «Барана рѣзали».

Тотчасъ былъ посланъ къ его женѣ одинъ ловкій крестьянинъ, спросить: нѣтъ-ли продажной баранины; жена лѣсника отвѣчала, что нѣтъ, что они барановъ не держали и не рѣзали.³⁾

Лѣсникъ отказывался, что ходилъ по лѣсу въ эту ночь, и боялся, что это узнать.⁴⁾ Это видно изъ его приказанія дочери, которое могло еще случиться изъ чувства страха, что его притянуть къ дѣлу.

Крестьянинъ былъ зарѣзанъ какии-то тупымъ оружіемъ, мясо на горлѣ лежало ключами, а лѣсникъ постоянно ходилъ по лѣсу съ пикой или съ чѣмъ-то въ родѣ того.⁵⁾ Осмотрѣли пикю — она была вычищена кирпичемъ и, какъ видно, очень недавно. А тамъ, засѣдатель, лишь бы найти виноватаго, прибавилъ отъ себя еще нѣсколько обвиняющихъ пунктовъ: бѣденъ, дескать, онъ, буйнаго-де характера, и проч. Но онъ не поставилъ слѣдующихъ вопросовъ: «Не были-ли они, лѣсникъ съ убитымъ, въ ссорѣ? вѣдѣли-ли убитый крестьянинъ съ деньгами, или безъ денегъ, и если съ деньгами, то могъ-ли знать объ этомъ лѣсникъ?» и т. п.

Лѣсника посадили въ острогъ, судили и приговорили къ наказанію кнута и смыкѣ на каторгу; — приговоръ уѣзднаго суда. Московская уголовная палата пропустила это рѣшеніе, т.-е., утвердила.

Въ это время былъ пойманъ во Владимірской губерніи бѣглый солдатъ въ церковной кражѣ, который сознался и въ убійствѣ крестьянина въ Митинскомъ лѣсу, объявивъ, что ему помогалъ въ убійствѣ швецъ (портной), какіе обыкновенно ходятъ по деревьямъ; съ портнымъ были его ножницы и ими-то было исколото горло убитаго крестьянина. Еще прибавилъ, что крестьянинъ былъ зарѣзанъ по ошибкѣ: они дожидались не его, а трапичника, т.-е., мелкаго торговца, скупающаго или вымѣнивающаго на свой товаръ тряпье для бумажныхъ фабрикъ; трапичникъ долженъ былъ проѣзжать въ эту ночь черезъ Митинскій лѣсъ.

¹⁾ Поводъ къ подозрѣнію.

И. З.

²⁾ Положительное подозрѣніе.

И. З.

³⁾ Первая очень важная улика.

И. З.

⁴⁾ Вторая, менѣе важная улика.

И. З.

⁵⁾ Третья улика.

И. З.

Обвиненнаго лѣсника, конечно, освободили. Онъ объявилъ, что всѣ ложныя его показанія были даны имъ, страху ради; такъ, на примѣръ, кровь, которую нашли на его портахъ, текла у него наканунѣ убійства изъ носу.

Между тѣмъ, эти-то показанія и опутали его, и послужили къ его обвиненію уѣзднымъ судомъ и уголовною палатою.

IX.

Показанія малолѣтней.

Въ Бронницкомъ уѣздѣ, селѣ Ильинскомъ, въ имѣніи Кошелева, въ 1839 г., при перестройкѣ надворныхъ строеній въ господскомъ домѣ, переведена была изъ флигеля, на время перестройки, для житья на скотный дворъ, выстроенной за деревней, старушка, жена бывшаго управляющаго имѣніемъ Кошелева, вдова 60-ти лѣтъ. Вдова эта, какъ всѣ крестьяне думали, была богата. Она жила съ дочерью, тоже вдовой; у послѣдней была дѣвочка лѣтъ 6-ти или 7-ми. Онѣ занимали пристройку на скотномъ дворѣ, въ родѣ отдѣльнаго флигеля.

На скотномъ же дворѣ проживалъ скотникъ, одинокій. Скотникъ этотъ перевозилъ вещи старухи и дочери; слѣдовательно, видѣлъ, что онѣ имѣютъ. Когда онъ поднималъ сундукъ старухи, чтобы поставить его на телѣгу и везти на скотный дворъ, то тогда же замѣтилъ ей:

— «Какой тяжелый сундукъ-то у тебя, бабушка! Чай, много добра-то здѣсь лежитъ,—вѣдь покойный старикъ-то прикащикомъ былъ: какъ не нажить!..»

Однажды,¹⁾ когда дочь ушла въ церковь (старуха заперла извнутри тѣ комнаты, гдѣ она осталась со внукой), къ старухѣ постучался скотникъ:

— «Дай, бабушка, табачку понюхать!»

И такъ какъ онъ не разъ съ ней нюхивалъ, то старуха и отперла безъ всякихъ опасеній. Понюхавши табачку, скотникъ напомнилъ старухѣ, что она должна бы поднести ему водочки за его труды, такъ какъ онъ перевозилъ ея вещи съ барскаго двора; старуха вышла въ сѣни, гдѣ хранилась водка. Дѣло было лѣтнимъ. За ней вышелъ и скотникъ, взявши изъ избы, — незамѣтно для старухи, но замѣтно для дѣвочки, — топоръ. (Топоръ лежалъ на прилавкѣ, около печки; дѣвочка сидѣла на печи). Вдругъ послышался въ сѣняхъ крикъ, — дѣвочка выглянула въ дверь и увидѣла «зарубленную бабушку». Скотникъ, возвратившись въ избу, угрозилъ дѣвочкѣ: «Молчи о томъ, что видѣла, а то и тебѣ тоже будетъ!» Вломалъ одинъ изъ сундуковъ, взялъ кое-что и вышелъ.

На ребѣнка не поднались, видно, руки.

Возвратилась дочь старухи изъ села отъ обѣдни, испугалась, крикнула и побѣжала въ село. Пришли люди; пріѣхалъ судъ: стали разспрашивать дѣвочку, которая безошибочно и вѣрно рассказала все дѣло. На очныхъ ставкахъ дѣвочка подробно такъ все говорила и спокойно уличала убійцу: «дядюшка, ты вотъ такъ-и-такъ сдѣлалъ...». Во вниманіе не взяли; требовали признанія, — его не было, и Бронницкій уѣздный судъ оставилъ скотника только «въ сильномъ подозрѣніи». Московская уголовная палата подтвердила рѣшеніе суда. Помѣщикъ (г. Кошелевъ) не принялъ скотника, такъ какъ скотникъ былъ дурнаго поведенія, — что также не принято во вниманіе при оправданіи судомъ подсудимаго, и онъ былъ сосланъ безъ наказанія въ Сибирь.

Слѣдуетъ показаніе малолѣтней.

И. З.

Пре обыскахъ и выемкахъ на скотномъ дворѣ и въ его домѣ — на селѣ — ничего не нашли.

Судебныя учрежденія основывались «на несовершенномъ показаніи несовершеннолѣтней дѣвочки и на томъ, что собственнаго признанія не было».

Въ Сибири же, передъ самою смертью, скотникъ сознался «на духу», что дѣйствительно онъ «убилъ бабушку».

Сообщ. И. Н. Захарьянъ.

Разказы изъ прежней полицейской службы въ Петербургѣ.

I.

Частный приставъ Рождественской части, Ф. Т. Го — цевъ, донесъ оберъ-полиціймейстеру С. А. Кокшину, что ввѣренная ему команда арестовала охтенскаго мѣщанина съ женою и двумя взрослыми дочерьми за то, что они, вопреки запрещенію полиціи, намѣревались перейти черезъ Неву по льду, который еще не вездѣ остановился, и едва не утонули. Для спасенія ихъ потребовалось послать людей, которые, съ большимъ трудомъ и явную опасностію, доставили утопавшихъ въ пріемный покой.

Здѣсь необходимо оговориться, что хотя и въ то время (1843 г.) существовалъ законъ, въ силу котораго мѣщане не подлежали тѣлесному наказанію безъ суда, но на практикѣ законъ этотъ обходился повсемѣстно, особенно въ столицахъ, гдѣ мелкіе торговцы, ремесленники, мастеровые, чернорабочіе, дворники и извозчики ¹⁾ зачастую подвергались наказанію розгами по усмотрѣнію частныхъ приставовъ, которые, руководствуясь произволомъ, только въ исключительныхъ случаяхъ обезпечивали оберъ-полиціймейстера своими представленіями ²⁾.

Но возвратимся къ арестованнымъ охтянамъ.

На другой день донесеніе Го—цева передано было полиціймейстеру 2-го отдѣленія съ резолюціею о наказаніи розгами охтянина, его жены и обѣихъ дочерей. И резолюція, и число ударовъ написаны были собственною рукою генераль-адъютанта Кокшкина, который ослушникамъ не любилъ давать потачки.

По прибытіи на мѣсто, полиціймейстеръ, разспросивъ арестанта и жену его о причинѣ, побудившей ихъ рисковать жизнію, узналъ, что они сѣвши на Охту къ неожиданно заболѣвшему сыну, и убѣдился, что оба они, по крайней мѣрѣ по костюму, наружности и степени развитія, далеко не походили на дюжинныхъ простомыяновъ, для которыхъ розги не новость, а дочери ихъ —

¹⁾ Былъ замѣчательный случай, что одинъ легковой извозчикъ, взятый за что-то въ полицію, принужденъ былъ, чтобы избѣжать наказанія, показать на дѣткѣ подъ армякомъ Владимірскій орденъ. Оказалось, что онъ былъ уволенный отъ службы помощникъ упраздненнаго гарнизоннаго баталіона, отецъ большой семьи, которую кормить было не чѣмъ. Непріятный случай этотъ послужилъ ему въ пользу. Онъ тотчасъ же былъ принятъ вновь на службу. А. Л.

²⁾ Мудрено-ли, что многіе изъ нихъ злоупотребляли своею властію? Мудрено-ли, что они годовые доходы свои считали десятками тысячъ? Мудрено-ли наконецъ, что онъ одинъ изъ частныхъ приставовъ, объѣхавшій всѣ пять частей свѣта, съ клятвою увѣрялъ, что 2-я адмиралтейская — лучше всѣхъ другихъ? А. Л.

это были два только что распустившіяся цвѣточка; въ прелестныхъ глазахъ ихъ видѣлись и невинность, и скромность, и благородство. Не только высѣчь въ ихъ присутствіи отца и мать, а потомъ разложить и обнажить самихъ дѣвушекъ, но даже показать имъ солдатъ съ розгами—значило бы убить ихъ наповаль!.... Не исполнить слишкомъ непріятнаго порученія начальника было для новичка-полицеймейстера, по меньшей мѣрѣ, неловко. Однако-жъ онъ рѣшился доложить Кокошкину о неудобствѣ примѣненія въ этомъ арестантамъ назначенной имъ строгой мѣры взыскапія.

Благосклонно выслушавъ полковника, оберъ-полицеймейстеръ поднялъ, по обыкновенію, очки свои, пытливо посмотрѣлъ ему въ лицо и съ улыбкою сказалъ:

— «Ну, да ужъ вы—извѣстный сердечникъ».

Взявъ обратно бумагу, онъ перечеркнулъ въ ней резолюцію и свое имя.

Это почтенное семейство и послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, конечно, не подозрѣвало, какой страшной опасности подвергалось оно, а особенно двѣ молодыя дѣвушки, неожиданная смерть которыхъ была бы для родителей несравненно сноснѣе готовившейся имъ столько же возмутительной, сколько и позорной пытки.

Если порыться въ старыхъ полицейскихъ архивахъ, слѣды отжившихъ безобразій ужаснули бы всякаго мыслящаго человѣка и напомнили бы ему, какъ громадна въ глазахъ исторіи заслуга того, кому Россія обязана, въ числѣ другихъ благодѣтельныхъ реформъ, уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія!

II.

— «Честь имѣю рекомендовать: я тотъ разжалованный надворный совѣтникъ Хал—тинъ, за немедленнымъ выѣздомъ котораго въ Сибирь поручено вамъ наблюдать».

Это сказано было 30-го іюня 1846 года петербургскому полиціеймейстеру молодымъ господиномъ, могилевскимъ помѣщикомъ, который имѣлъ несчастье пострадать на службѣ не столько за превышеніе власти по должности Ты—скаго уѣзднаго начальника, сколько по натажѣ новаго губернатора,¹⁾ сколько по собственной безпечности, основанной на убѣжденіи, что судебное мѣсто, гдѣ разсматривалось это дѣло, не найдетъ его особенно виновнымъ въ томъ, что, слѣдуя укоренившемуся мѣстному обычаю, онъ, вмѣстѣ преданія суду, наказалъ розгами конокрада-татарина при отобраніи отъ него и возвращеніи хозяину украденной имъ лошади.

Выслушавъ откровенно высказанныя подробности дѣла, по которому такъ жестоко пострадалъ несчастный провинціалъ Хал—тинъ, полиціеймейстеръ при-совѣтовалъ ему на другой же день отправиться на гулянье въ Петергофъ, гдѣ, по случаю рожденія Императрицы, должна была находиться вся царская фамилія, и во что бы то ни стало подкараулить тамъ одну близкую Государю особу (которую нельзя здѣсь назвать, потому что она, благодареніе Богу, и теперь готова протянуть руку помощи несчастному), и умолять о ходатайствѣ на счетъ переслѣдованія*этого вопіющаго дѣла.

¹⁾ Котораго нельзя не извинить, если ему нужно было мѣсто Хал—тина, обѣщанное другому лицу! Надо же было сдержатъ слово и оправдать справедливость пословицы, что «новая метла чище мететь!»

Послѣ долгихъ колебаній и увѣреній, что рискъ этотъ будетъ совершенно бесполезенъ, Хал—тинъ обѣщалъ, наконецъ, послѣдовать доброму совѣту.

Черезъ два дня получено было, сообщенное той же особой, высочайшее повелѣніе—не объявлять Хал—тинъ состоявшейся о немъ сентенціи.

По окончаніи переслѣдованія, Хал—тинъ хотя и не могъ быть вполне оправданъ, но рѣшено было считать его уволеннымъ отъ должности по распоряженію начальства.

Въ январѣ 1872 года бывшій полиціймейстеръ, сидя въ приѣмной комнатѣ комиссіи прошеній, замѣтилъ одного господина почтенныхъ лѣтъ, который адресовался къ дежурному чиновнику за какой-то справкой и на вопросъ о званіи и фамиліи отвѣчалъ:

— «Надворный совѣтникъ Хал—тинъ».

Встрѣча пожилыхъ людей была трогательна!

III.

— «При десятѣхъ моемъ все состоитъ благополучно, только Васютку Чижова взяли въ полицію».

Такъ рапортовалъ десятникъ береговыхъ работъ рѣки Фонтанки пріѣхавшему взглянуть на работы инженерному офицеру.

— «Кто смѣлъ снимать у меня рабочихъ безъ моего разрѣшенія?» закричалъ офицеръ. «Какая полиція осмѣлилась совать сюда носъ свой и арестовать человѣка, который у меня на срочной работѣ? Смотри, братъ Семушинъ», прибавилъ внушительно, проходя далѣе, разгорячившійся нѣмчикъ, «если ты у меня еще разъ позволишь полиціи забирать людей съ моей спѣшной работы, я тебѣ всю шкуру спущу!»

— «Никогда этого не будетъ, ваше благородіе», отвѣчалъ струсившій десятникъ.

Черезъ полчаса пріѣхалъ полицейскій офицеръ и, обращаясь къ рабочимъ, торопливо спросилъ:

— «А кто изъ васъ тутъ десятникъ Иванъ Семушинъ?»

— «Да хоть бы и мы», отвѣчалъ пріосаясь Иванъ.

— «Ступай скорѣе въ контору. Тамъ снимутъ съ тебя допросъ объ ушибленномъ солдатѣ и тотчасъ отпустятъ».

Короткое «нѣ пойду» было отвѣтомъ.

— «Какъ не пойдешь?»

— «Да такъ-таки не пойду, не чтѣ возьмешь; у насъ свое начальство есть».

— «Ступай сію минуту, каналья; какъ ты смѣешь?»

— «Не горячись, баринъ, печонка лопнетъ! Сказано тебѣ не пойду, и не пойду!»

Собравшаяся передъ окнами табачной фабрики В. Г. Жукова толпа зѣвакъ отъ души хохотала перебранкѣ полицейскаго съ храбрымъ мужичкомъ, котораго привелось, однако-жъ, сбѣжавшимся городовымъ связать и силою отвести въ контору мѣстнаго полицейскаго надзирателя.

О происшествіи этомъ, имѣющемъ характеръ публичнаго ослушанія полицейской власти, на другой же день доведено было генераль-губернаторомъ Шульгинымъ до высочайшаго свѣдѣнія.

Въ краткой докладной запискѣ не упоминалось, что поводомъ къ ослушанію Семушина было неблагоуразумное приказаніе инженернаго офцера, а потому

о ярославскомъ крестьянинѣ, какъ дерзкомъ ослушникѣ, состоялось повелѣніе: «наказать розгами на мѣстѣ происшествія въ примѣръ другимъ и отослать въ арестантокіа роты».

Исполненіе этой экзекуціи возложено было оберъ-полиціеймейстеромъ Галаховымъ (іюнь 1847 года) на мѣстнаго полиціеймейстера, который, разспросивъ арестованнаго Семушина и сличивъ его слова съ откровеннымъ объясненіемъ производителя работъ (инженеръ-подполковника С.), убѣдился, что несчастный крестьянинъ случайно поставленъ былъ между двухъ огней и дѣйствительно не умѣлъ сообразить, кого долженъ былъ онъ послушаться: производителя работъ, или полицейскаго офицера? Инженерный же офицеръ, какъ плохой юристъ, въ свою очередь, видимо смѣшалъ въ своихъ понятіяхъ двѣ разныя вещи: указанный въ XV т. Св. Зак. порядокъ производства формальныхъ слѣдствій съ первоначальнымъ полицейскимъ дознаніемъ, производящимся по горячимъ слѣдамъ.

Соображенія эти, совершенно измѣняющія значеніе событія, сообщены были генераломъ Галаховымъ Дм. Ив. Шульгину, по вторичному докладу котораго наказаніе Семушина было отмѣнено.

IV.

Петербургскіе старожилы помнятъ еще эпоху возникновенія перваго газоваго общества; помнятъ и ту странность, что это общество наканунѣ того дня, когда Петербургъ долженъ былъ впервые освѣтиться газомъ, принуждено было (вслѣдствіе доклада оберъ-полиціеймейстера Коккошкина) приступить къ сломкѣ главнаго зданія, предназначеннаго для огромнаго резервуара и воздвигнутаго на томъ самомъ мѣстѣ великолѣпной дворцовой площади, гдѣ теперь красуется домъ штаба гвардейскаго корпуса.

Здѣсь особенно замѣчательно то обстоятельство, что генераль-губернаторъ графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, покровительствовавшій обществу, не посоветовался предварительно съ генераломъ Коккошкинымъ и упустилъ изъ виду, что газовый резервуаръ (не говоря уже о возможности взрыва) на столько испортитъ воздухъ окрестности, что въ Зимнемъ дворцѣ невозможно будетъ открывать окна, обращенныхъ къ сторонѣ Александровской колонны.

Для общества сильно пошатнулись. Правительство дало ему займообразно 500 т. рублей. На слѣдующій годъ главная часть столицы освѣтилась газомъ, но акціи общества все еще стояли на 30% ниже ихъ нарицательной цѣны. Число абонентовъ увеличивалось медленно. Рѣдкій изъ потребителей газа соглашался подчиниться контролю, т.-е., завести у себя газометръ. Общество убѣдилось, что эти безконтрольные абоненты злоупотребляютъ его довѣріемъ, зажигая газъ ранѣе и гася его позднѣе условленныхъ часовъ. Въ отвращеніе этого зла, правленіе общества вынуждено было прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ: оно публиковало, что тѣ изъ газопотребителей, которые не запасаются газометрами, будутъ платить за кубическій футъ газа, вмѣсто $\frac{3}{7}$, — полкопѣйки сер.

Это внезапное и, какъ казалось тогда, ничѣмъ не оправдываемое возвышеніе прежде объявленной цѣны на газъ, обратило на себя вниманіе правдиваго и благонамѣреннаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, который тотчасъ же объявилъ въ газетахъ, что, по случаю возвышенія цѣны на газъ, онъ прекращаетъ газоосвѣщеніе во всѣхъ зданіяхъ ввѣреннаго ему министерства.

Объявленіе это было новымъ и сильнымъ ударомъ для общества. Оно потрясло его кредитъ и, конечно, напугало тѣхъ домовладѣльцевъ, которые колебались еще между желаніемъ и опасеніемъ абонироваться на газъ. Общество жаловалось покойному государю, выставляя на видъ, что графъ Перовскій, какъ частный человекъ, могъ, если ему было угодно, отказаться отъ газопотребленія, но, какъ министръ, не имѣлъ права публиковать объ этомъ и своимъ авторитетомъ вводить въ заблужденіе жителей столицы. Государь, уваживъ просьбу общества, повелѣлъ составить особую комиссію для повѣрки его дѣйствій и разрѣшенія вопроса: чѣмъ было вынуждено общество прибѣгнуть къ возвышенію цѣны на газъ для тѣхъ абонентовъ, которые не согласились устроить у себя газометры?

Въ комиссію эту со стороны общества назначены были: статскій совѣтникъ Михельсонъ и полковникъ путей сообщенія Ренненкампфъ; со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ—извѣстный профессоръ физики и химіи Фрицше; со стороны министерства финансовъ—статскій совѣтникъ Рейнбошъ и отъ города—одинъ изъ полиціймейстеровъ.

Комиссія эта, ни сколько не стѣсняясь присутствіемъ агента министерства внутреннихъ дѣлъ, сочла себя обязанною, на основаніи предъявленныхъ ей документовъ и таможенныхъ коносаментовъ, разрѣшить вопросъ: во что обходится обществу приготовляемый имъ газъ и какой процентъ получаетъ оно съ затраченнаго имъ капитала?

Послѣ долгихъ изысканій комиссія убѣдилась, что, судя по стоимости всѣхъ сооружений и цѣнамъ на привозимый изъ Англій каменный уголь, его фрахтъ, и по количеству и продажной цѣнѣ остающихся отъ угля кокса и смолы, равно по количеству извести, чрезъ которую очищается газъ, онъ обходится обществу дороже продажной цѣны, особенно, если принять въ соображеніе, что въ продолженіе зимняго сезона общество расходуетъ до 19-ти, а выручаетъ деньги только за 16 милліоновъ футовъ газа, а остальные 3 милліона бесплатно расходуются потребителями, неподлежащими контролю газометра, котораго большая часть домовладѣльцевъ, содержателей трактировъ и погребовъ боялась, называя его чортовымъ глазомъ.

Общій выводъ былъ тотъ, что при такомъ положеніи вещей, общество едва выручаетъ 3% съ затраченнаго имъ капитала.

Первый, кто поддержалъ общество послѣ этой катастрофы, былъ главнo-управляющій почтовою частію графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ. Его примѣръ, его авторитетъ сильно подѣйствовалъ на другихъ и общество воскресло окончательно. Чортовъ глазъ пересталъ пугать трактирщиковъ и гостинодворцевъ.

Акціи общества вскорѣ поднялись несравненно выше той цѣны, по которой продавались до изысканій комиссіи, которая дѣйствовала вполнѣ безпристрастно, въ чемъ, конечно, убѣдился и профессоръ Фрицше.

V.

Старшина Благороднаго собранія Я. Я. Е—линь сообщил оберъ-полицій-мейстеру Галахову, что одинъ пріѣзжій полякъ уговаривалъ клубнаго лакея принять отъ него экземпляръ поддѣльныхъ шаровъ для лото и, обѣщая щедрое за это вознагражденіе, просилъ ежедневно всмѣпать, по его указанію, часть этихъ шаровъ въ урну вмѣсто настоящихъ, которые употребляются въ клубѣ при игрѣ въ лото.

Былъ поводъ къ подозрѣнью, что въ заговорѣ съ прїѣзжимъ участвовалъ одинъ изъ постоянныхъ членовъ собранія, но кто именно, старшинѣ не было извѣстно.

Раскрытіе этого преступнаго намѣренія возложено было на одного изъ полиціймейстеровъ, который, сдѣлавъ соответственныя распоряженія и пригласивъ съ собою жандармскаго штабъ-офицера Р., въ 4 часа утра явился въ гостиницу Серапина и постучался въ маленькій номерокъ, занятый прїѣзжимъ изъ гор. Волковыска молодымъ человѣкомъ. У него, въ присутствіи приглашенныхъ свидѣтелей, сдѣланъ былъ обыскъ и найдены нарисованныя на бумагѣ копіи съ картъ лото, но никакихъ шаровъ не оказалось.

— «Лакеемъ Благороднаго собранія и вашимъ товарищамъ по предпріятію все открыто», попробовалъ сказать полиціймейстеръ молодому человѣку и присовѣтовалъ ему тотчасъ же присѣсть и собственноручно написать откровенное объясненіе: гдѣ приготовлялись шары, у кого они спрятаны и при какихъ условіяхъ обѣщано ему содѣйствіе одного изъ членовъ собранія?

Растерявшійся изобрѣтатель тутъ же далъ письменное показаніе и назвалъ товарища, который оказался столоначальникомъ, служившимъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ управлялъ тайный совѣтникъ М. И. Лексъ.

Заказанные рѣзчику Трилатусу (противъ церкви Вознесенія) пальмовые шары были уже отданы въ окраску и отобраны отъ мастера. Они оказались искусно-окрашенными подъ цвѣтъ кости и отличались отъ клубныхъ только тѣмъ, что были втрое легче костяныхъ и, стало быть, по закону механики, должны были при оборотахъ колеса постоянно оставаться на верху, между тѣмъ, какъ костяные выходили бы въ пользу тѣхъ игроковъ, которые запаслись картами, соответственными нумерамъ оставленныхъ въ урнѣ костяныхъ шаровъ.

Съ разрѣшенія графа Л. А. Перовскаго, въ тотъ же день сдѣланъ былъ обыскъ у подвѣдомственнаго ему чиновника Раз—наго.

Задержанію его предшествовала трогательная сцена. Онъ, не взирая на очевидныя улики, сначала запирался; но когда жена его (всѣ цѣнныя вещи которой, по милости клубнаго лото, давно покоились у ростовщиновъ) обратилась къ нему съ просьбою не унижаться запирательствомъ и увѣрила его, что какая бы участь ни постигла его, она съ пятю малютками не только не будетъ роптать на него, но болѣе прежняго будетъ уважать и любить мужа, который для того только рѣшился принять участіе въ безчестной профессіи, чтобы спасти отъ нищеты семью свою, Раз—ный истерически зарыдалъ и бросился обнимать жену и дѣтей....

Спустя нѣсколько минутъ, отецъ бѣднаго семейства, успокоясь нѣсколько, тутъ же написалъ всю исповѣдь, содержаніе которой при нынѣшнихъ судахъ вызвало бы несомнѣнно значительное смягченіе наказанія, а тогда, по буквѣ закона, онъ наравнѣ съ товарищемъ подвергся разжалованію и ссылкѣ въ Сибирь. И сослуживцы, и М. И. Лексъ соболѣзновали о немъ.

Здѣсь нельзя умолчать, что заманчивая игра въ лото была причиною несчастія многихъ семействъ и даже самоубійствъ, и потому, вскорѣ послѣ описаннаго событія, была строжайше воспрещена во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ.

VI.

Изъ одного французскаго магазина (въ большой Морской) посланъ былъ молодой подмастерье въ казначейство за покупкой гербовой бумаги. Присяжные признали принесенный имъ 10-ти рублевый билетъ фальшивымъ.

По дознанію, сдѣланному полиціей, оказалось, что билетъ этотъ дѣйствительно тотъ, который былъ данъ посланному его хозяиномъ. Портной-хозяинъ, въ свою очередь, указалъ, что къ нему попалъ билетъ отъ квартальнаго офицера Казимирскаго, при расчетѣ за сдѣланную ему работу, а этотъ послѣдній, подтвердѣвъ смыслъ портнаго, сослался на полученіе билета отъ хозяина дома и т. д.

Казалось бы, что при этихъ условіяхъ и хозяинъ магазина, и его подмастерье ни сколько не причастны къ дѣлу,—но на практикѣ вышло противное.

Слѣдственный приставъ 1-й Адмиралтейской части, которому передана была переписка эта, вмѣсто того, чтобы прослѣдить далѣе переходъ билета изъ однихъ рукъ въ другія (при чемъ, можно подъ часъ наткнуться и на источникъ происхожденія подложнаго билета), началъ съ того, что замучилъ допросы бѣднаго француза-подмастерье, который, ни слова не понимая по-русски, потерялъ, наконецъ, терпѣніе и обратился съ жалобой къ своему посольству, требуя защиты.

Узнавъ объ этомъ, генералъ-адъютантъ Кокоскинъ послалъ полиціимейстера справиться о положеніи дѣла. Прибывъ въ камеру слѣдователя, онъ нашелъ тамъ подсудимаго и вытребованнаго изъ министерства иностранныхъ дѣлъ переводчика, который очень обязательно помогалъ отвѣчать французу на предложенные ему вопросные пункты; но когда дѣло дошло до объясненія: какой онъ вѣры и если христіанской, то бывалъ-ли ежегодно на исповѣди и у святаго причастія, французъ нашъ разсвирѣпѣлъ:

— «Qui ose me le demander? C'est l'affaire de ma conscience!»¹⁾ кричалъ онъ!

Полиціимейстеръ едва успокоилъ француза и, разувѣтсѣя, послѣднимъ его освободить.

Надо признаться, что въ то время порядочный слѣдственный приставъ былъ большою рѣдкостью, а тотъ господинъ, въ руки котораго попался бѣдный французъ, былъ отставной подполковникъ, въ свое время, можетъ быть, очень храбрый, но болѣе способный въ брантмейстеры, чѣмъ въ юристы.

VII.

Полиціимейстеру доложили, что какой-то полковникъ По—ковъ желаетъ его видѣть.

— «Здравствуйте, полковникъ», сказалъ вошедшій. «Вы не узнаете стараго сослуживца? А я къ вамъ по дѣлу. Скажите, пожалуйста, чтѣ это дѣлаетъ со мною ваша полиція? Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ ей предписано, по моему иску, описать домъ камеръ-юнкера Пѣ—скаго-Бо—скаго, что на углу Литейной и Сергіевской, а она и ухомъ не ведетъ».

— «Я что-то не помню этого дѣла», отвѣчалъ полиціимейстеръ, «и не понимаю, какое отношеніе между Пѣ—скимъ-Бо—скимъ и вами?»

— «Этому придворному франту я имѣлъ неосторожность дать, подъ залогъ дома, 40,000 рублей. Срокъ давно истекъ, а цѣнность дома едва-ли покроетъ

¹⁾ Кто смѣетъ спрашивать меня объ этомъ? Это дѣло моей совѣсти.

долгъ съ процентами, рекамбіями и неустойкой. Вы удивляетесь», продолжалъ По—ковъ, «откуда у меня такія деньги? Правда, вы меня звали маленькимъ чиновникомъ, который женитбою на дочери швейцара казеннаго заведенія не могъ, повидимому, приобрести состоянія; но не знаете того, что отецъ жены моей не швейцарь, но знаменитый екатерининскій вельможа, завѣщавшій дочери капиталъ, который давно уже пущенъ мною въ оборотъ.¹⁾ Оставя службу, которая ничего не дала мнѣ, кромѣ штабъ-офицерскаго чина и дворянства, я посвятилъ себя торговлѣ, которая благодаритъ всякой службы. Я сталъ раздавать деньги и мнѣ зачастую случалось спасать отъ бѣды такихъ тузовъ, передъ которыми на службѣ приходилось гнуть шею, а теперь они сами ищутъ во мнѣ и жмутъ дружески мнѣ руку. Да вотъ еще недавно случилось», продолжалъ онъ, «что въ опекунскомъ совѣтѣ продавались 3 т. душъ въ Тверской губерніи извѣстныхъ вамъ князей Д—хъ. На торги, кромѣ меня, никто не явился, опасаясь нажить себѣ сильныхъ враговъ; а я такъ себѣ поставилъ, что никого не боюсь и ни съ кѣмъ не церемонюсь. Мнѣ стоило только съѣздить за подставнымъ соперникомъ, вручить ему задаточныя деньги и, набавя, для виду, самую бездѣлицу къ оцѣночной суммѣ, оставить имѣніе за собою. Тутъ, безъ сомнѣнія, перепало бы мнѣ полсотни тысячонокъ, но что будешь дѣлать? Изъ опекунскаго совѣта въ ту же минуту дали знать одному изъ князей. Онъ поспѣшилъ на выручку и упротилъ, умолялъ меня пощадить прахъ его предковъ. Я отказался отъ торга, но за то посмотрѣлъ бы я, откажутъ-ли мнѣ эти баричи, если встрѣтятся кому-нибудь надобности въ моей къ нимъ протекціи. Все это васъ удивляетъ, можетъ быть, но я скажу болѣе», заключилъ По—ковъ, «мнѣ нѣтъ ни охоты, ни времени заниматься мелочами. Я вообще веду теперь крупную торговлю и вы, вѣроятно, слышали, что владѣльческій городъ Дубно продается съ вольной руки — я его покупаю за 900,000 и уже далъ задатку 250 тысячъ; но тутъ я наткнулся на процессъ наследникъ и повѣренный владѣльца заматался и запродалъ Дубно другому лицу. По неволѣ придется потягаться съ нимъ».²⁾

Послѣ этого длиннаго монолога, содержаніе котораго изумило полиціймейстера, обѣщавшаго просителю справиться о причинѣ, замедляющей опись дома камеръ-юнкера, Ник. Мих. По — ковъ всталъ и, прощаясь съ полковникомъ, взялъ съ него слово обѣдать у него наканунѣ его именинъ, 5-го декабря.

Обѣдъ былъ великолѣпный, съ свѣжими ягодами, спаржею и огурцами. Въ числѣ посѣтителей были двое изъ прежнихъ начальниковъ По—кова, которые въ былое время и говорить не стали бы съ экс-кантонистомъ.³⁾....

Впослѣдствіи полиціймейстеръ близко познакомился съ закулисною жизнью По — кова. Въ ней много поучительнаго.

Профессія этой личности мало-по-малу развивалась и dorosла до размѣровъ, на столько же сальныхъ, какъ и колоссальныхъ. Оказалось, что онъ ссужалъ деньгами за большіе проценты, но съ осторожностію, и преимущественно бога-

¹⁾ Это, конечно, ложный изворотъ.

А. Л.

²⁾ Чѣмъ кончилось это дѣло, мнѣ неизвѣстно.

А. Л.

³⁾ По — ковъ былъ солдатскій сынъ. Ему посчастливилось въ первой молодости попасть писаремъ въ канцелярію графа И. Н. Дибича, который, при заключеніи адрианопольскаго мира, произвелъ его въ XIV классъ и далъ Станиславскій крестикъ, который по прежнимъ правиламъ предоставлялъ кавалеру потомственное дворянство.

А. Л.

тихъ маменькиныхъ сынковъ. Случалось-ли, напримѣръ, кому-нибудь изъ нихъ проигратся на честное слово и задолжать на опредѣленный срокъ такую сумму, какую не могъ ссудить ему извѣстный всей гвардіи ростовщикъ Ю—въ,¹⁾ проигравшійся обращался къ По—кову. Этотъ баринъ, наговоривъ цѣлый коробъ успокоительныхъ любезностей нуждающемуся, обыкновенно прибѣгалъ къ такому обороту: спрашиваетъ, сколько нужно вамъ денегъ? Ему отвѣчаютъ, напримѣръ, двѣ тысячи. «Извините», говорилъ онъ, «я такими мелочами не занимаюсь; если хотите занять тысячъ 25, 50 или 100—другое дѣло, я радъ служить, а за такой бездѣлицей вы можете обратиться къ мелкому ростовщику». Сообразивъ на-скоро, что если вмѣсто 2-хъ взять 25 тысячъ, то можетъ быть это послужитъ къ лучшему: можетъ быть, представится возможность отыграться и раздѣлаться съ кредиторомъ такъ, что и бабовница-маменька огорчена не будетъ,—молодой человекъ изъявляетъ согласіе занять всѣ 25 тысячъ и заранѣе утѣшается мыслию, что по случаю такой крупной сдѣлки не грѣхъ будетъ и кутнуть кое-гдѣ; но тутъ всѣ его иллюзіи мгновенно разбиваются подробностями условій займа. Обыкновенно оказывалось, что займавецъ прекращаетъ, будто бы, свои занятія; что проситель принадлежитъ къ числу послѣднихъ его заемщиковъ, и въ этихъ видахъ По—ковъ предлагалъ ему въ счетъ просямой имъ суммы принять нѣсколько самовѣрнѣйшихъ заемныхъ писемъ, выданныхъ такими же, какъ онъ, маменькиными сынками. Крайность заставляла согласиться и на эту мѣру. Но это еще не все. «Если хотите получить 25 тысячъ», говорилъ По—ковъ, «вы дадите мнѣ два заемныхъ письма, каждое на эту сумму. Это—необходимая предосторожность, безъ которой денежные сдѣлки не мыслимы. При уплатѣ въ срокъ должной суммы, оба документа возвращаются съ платежною надписью; ²⁾ въ случаѣ же неисправности, взисканіе производится по обѣимъ заемнымъ письмамъ, подписаннымъ, кромѣ заемщика, свидѣтелями». Когда дано согласіе и на это тяжкое условіе, По—ковъ дѣлаетъ такой расчетъ: изъ 25-ти тысячъ вычитаются 25% за годъ; десятую долю остальной суммы выдаетъ наличными деньгами, а ⁹/₁₀—обладѣтельствованный получаетъ въ рѣдѣйшими документами (по которымъ за рубль трудно получать и 10 коп.).

Операція кончена и въ карманѣ почтеннаго кредитора являются два документа, суммою на 50 т. Документы эти, въ свою очередь и подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ ликвидаціи дѣлъ, По—ковъ навязывалъ обыкновенно другому нуждающемуся и такимъ образомъ капиталы его возросли до такихъ размѣровъ, что онъ рисковалъ сдѣлаться владѣльцемъ гор. Дубно.

Въ стѣнахъ долговаго отдѣленія всегда можно было встрѣтить знакомцевъ По—кова.

При бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскомъ учреждена была особая коммиссія, съ большими полномочіями для преслѣдованія воровъ и мошенниковъ. Этихъ мошенниковъ множество было посажено въ Петропавловскую крѣпость.

Туда же попали Ю—въ и По—ковъ.

Нѣсколько лѣтъ тянулись разборы коммиссіи. П—ковъ вышелъ изъ крѣ-

¹⁾ Смотритель училища солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи. Онъ всякую треть, безъ малѣйшаго риска, получалъ дешево купленное жалованье своихъ должниковъ-корнетовъ.

А. Л.

²⁾ Это дѣйствительно соблюдалось.

А. Л.

пости хворымъ и ветхимъ вдовцомъ и поселился въ своемъ имѣніи П—ской губерніи.

И въ наше время за ростовщиками дѣло не станетъ; но мы, благодареніе Богу, дожили до гласнаго суда, который глубоко и безпристрастно всматривается во всѣ дѣянія людей и неутомимо преслѣдуетъ и разоблачаетъ всякое мошенничество.

А. Ломачевскій.

Замѣтки и поправки.

Въ «Русск. Стар.» изд. 1874 г., т. IX, въ «Запискахъ Казановы», въ примѣчаніи г. Рябинина (стр. 539) вкралась ошибка: упомянутый авторомъ Зиновьевъ названъ «Василіемъ Николаевичемъ».

Что такое объясненіе лица Зиновьева не вѣрно, это доказывается нижеслѣдующимъ: 1) Василій Николаевичъ Зиновьевъ родился въ 1754 году; слѣдовательно, въ годъ пріѣзда Казановы въ Россію (въ 1765 г.) ему было только 11 лѣтъ и лишь въ слѣдующемъ году (въ 1766) онъ былъ отправленъ, по желанію императрицы, въ Лейпцигъ учиться, вмѣстѣ съ 12-ю русскими дворянами. (См. мою статью въ «Р. А.» 1870 г.: «Изъ семейнаго Архива села Вытебети», стр. 932 и слѣдующія). 2) Василій Николаевичъ Зиновьевъ никогда не служилъ въ военной службѣ и, слѣдовательно, не состоялъ гвардейскимъ офицеромъ, хотя и находился въ родствѣ съ Орловыми и его сестра (Екатерина Николаевна) дѣйствительно вышла замужъ за кн. Гр. Орлова. В. Н. Зиновьевъ служилъ при дворѣ сначала камеръ-юнкеромъ, потомъ камергеромъ, а впослѣдствіи, въ должности уже дѣйствительнаго камергера и въ чинѣ тайнаго совѣтника, отправляя должность президента медицинской коллегии. (См. Мѣсяцесловъ, съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, 1796 года, стр. 109) 3) Ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своему воспитанію, ни по средѣ, въ которой вращался, Василій Николаевичъ положительно не могъ принять участія въ посредничествѣ о покупкѣ дѣвушки, о чемъ повѣствуетъ Казанова. Достаточно вспомнить, что В. Н. Зиновьевъ былъ товарищемъ Радичева и Кутузова и не по одному только имени, но и на дѣлѣ, въ теченіе своей жизни проводилъ свои гуманныя, вполне благотворныя мысли. Такъ, напримѣръ, онъ содержалъ въ главномъ Новгородскомъ училищѣ на своемъ издѣвленіи 12 челоуѣкъ крестьянскихъ мальчиковъ, изъ своихъ деревень. (См. «Московскія Вѣдомости», 1789 года, № 16, отъ 24-го февраля). Такое участіе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, при совершенной апатіи дворянства того времени къ тому же предмету, по всей справедливости налагаетъ на насъ обязанность написать ему починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ.

Въ примѣчаніи, о которомъ мы говоримъ, прибавлено, что «былъ еще Андрей Николаевичъ Зиновьевъ, ихъ (т. е., Василія Николаевича и кн. Екатерины Николаевны Орловой) братъ». Нужно замѣтить, что у Николая Ивановича и его супруги Авдотьи Наумовны (рожден. Сенявиной) Зиновьевыхъ было нѣсколько сыновей, именно: Иванъ, Александръ, Андрей, Василій и Петръ.¹⁾

Н. Варышниковъ.

Орель.

¹⁾ См. подробное родословіе фамиліи Зиновьевыхъ въ «Русской Родословной книгѣ» (стр. 166—171 и 376) издан. «Русской Старины». Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. IX, 1874 г. апрѣль.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 409 — 410, напечатаны письма императора Павла въ атаману Донскаго войска генералу Орлову. Необходимо оговорить, что эти же письма, по другому списку, были напечатаны въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійск.» 1860 г., кн. III, стр. 167 — 168. При этомъ то письмо, которое въ нашемъ спискѣ помѣчено V-мъ, отъ 21-го февраля 1801 г., — въ спискѣ Общества значится IV-мъ, отъ 2-го февраля 1801 г., послѣднее вѣрнѣе. Равнымъ образомъ въ спискѣ Общества находимъ слѣдующія слова, въ нашемъ пропущенныя; въ первомъ письмѣ: «Заведеніе ихъ въ Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи», и т. д. Въ томъ же письмѣ: «Амударьи рѣки», а не такъ какъ у насъ напечатано: «Амурской рѣки». Послѣ III-го письма въ нашемъ спискѣ пропускъ: «Возьмите столько съ собою, сколько можно».

— т. VIII, стр. 597, строка 3 снизу, и стр. 1001, строка 3 снизу, напечатано: «выпуска 1853 г.» — читай: «выпуска 1859 г.».

Въ «Русск. Стар.» изд. 1874 г., т. IX, стр. 377, строка 3 сверху, напечатано: «Славинскій» — читай: «Славинскій».

— т. IX, стр. 473, строки 11 и 13 снизу, напечатано: «величество», «вельчеству» — читай: «высочество», «высочеству».

— т. IX, стр. 513, примѣчаніе, строка 1, напечатано: «въ церкви св. Духа, въ Невской Лаврѣ» — читай: «въ церкви Благовѣщенія, въ Невской Лаврѣ».

— т. IX, стр. 525, примѣчаніе, строка 2 снизу; напечатано: «вице-консуль» — читай: «вице-канцлеръ».

— т. IX, стр. 600, примѣчан. 18-е, — читай: генералы Петръ Михайловичъ Капцевичъ (генералъ-губернаторъ западной Сибири въ 1820-хъ гг.) и П. А. К.

— т. IX, стр. 603, строка 1 снизу, напечатано: «А. П. Ефремовъ» — читай: «П. А. Ефремовъ».

О ПРЕКРАЩЕНИИ РАЗСЫЛКИ КНИГИ:

„Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова“.

Въ II-й и III-й книгахъ „Русской Старины“ изд. 1874 г. было напечатано предложеніе о разсылкѣ подписчикамъ „Русской Старины“ сочиненія „Жизнь кн. Мадатова“. Доводимъ до свѣдѣнія читателей, что, согласно поступившимъ заявленіямъ, книга эта разослана нами вся, до послѣдняго экземпляра, такъ что изъ имѣвшихся въ распоряженіи редакціи 208 экземпляровъ не осталось ни одного.

Ред.

О КРИТИКѢ ГЕРМАНА.

Въ началѣ 1871 года я получилъ отъ Академіи Наукъ приглашеніе сдѣлать критическій разборъ сочиненія г. Костомарова: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, представленнаго имъ на Уваровскую премію. Занявшись въ то время работами, относящимися совершенно къ иному періоду Русской исторіи, и не желая отвлекаться отъ нихъ, я, признаться, этимъ приглашеніемъ поставленъ былъ въ нѣкоторое затрудненіе. Ученый разборъ сочиненія, обнимающаго цѣлую эпоху, равную почти всей второй половинѣ XVIII вѣка — дѣло нелегкое. Подъ такимъ разборомъ я понималъ не только критику взглядовъ автора, но и по возможности фактическую провѣрку его сочиненія по источникамъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе доступнымъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній я уклонился отъ разбора. Но чтобы не оставить безъ отвѣта обращеніе Академіи, сдѣлавшей мнѣ честь своимъ приглашеніемъ, я написалъ краткую рецензію или собственно отзывъ о сочиненіи г. Костомарова, гдѣ указалъ нѣкоторыя его достоинства и нѣкоторые фактическіе недостатки; чѣмъ и мотивировалъ мое мнѣніе о томъ, что означенный трудъ вполнѣ заслуживаетъ малой Уваровской преміи. Составляя этотъ отзывъ, я имѣлъ также въ виду сообщить Академіи хотя что-нибудь на случай, если она не найдетъ человѣка, который взялъ бы на себя подробную рецензію. Отзывъ свой я не снабдилъ никакимъ особымъ предисловіемъ или послѣсловіемъ на тему о значеніи исторіи вообще и историческихъ трудовъ по XVIII вѣку въ частности. Хотя подобныя разсужденія и не особенно затруднительны, но я предполагалъ ихъ излишними для гг. академиковъ, и поспѣшилъ отослать свое мнѣніе ранѣе срока, чтобы Академія имѣла время поискать другаго рецензента, — такъ какъ въ письмѣ своемъ я извѣщалъ, что болѣе подробной рецензіи принять на себя не могу.

Академія, какъ и слѣдовало ожидать, не удовлетворилась моимъ отзывомъ; вскорѣ она нашла искомаго рецензента въ лицѣ профессора Марбургскаго университета Германа (авторъ извѣстнаго многотомнаго сочиненія: „Geschichte des Russischen Staates“). Я могъ только радоваться этому, такъ какъ уничтожался поводъ сѣтовать на меня за недостатокъ полнаго разбора. Потомъ, признаюсь, я совсѣмъ забылъ о своемъ отзывѣ; но недавно пришлось мнѣ прочесть рецензію Германа на сочиненіе г. Костомарова въ отчетѣ Академіи: „О пятнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова“. Эта статья показала мнѣ настолько замѣчательною, что я рѣшаюсь сказать о ней нѣсколько словъ.

Начало статьи занято длинными и довольно запутанными разсужденіями о важности даннаго событія (т. е., паденія Польши), о пользѣ гласности, которая наступила въ отношеніи къ этому вопросу съ открытіемъ европейскихъ государственныхъ архивовъ для историческихъ изслѣдованій, и о томъ, съ какихъ точекъ зрѣнія надобно разсматривать трудъ г. Костомарова. Далѣе идетъ разсмотрѣніе вопроса: „какъ отличить истиннаго пророка отъ ложнаго, — писателя, дѣйствительно понявшаго духъ времени, отъ писателя, сбивающаго съ пути общественное мнѣніе?“ Разсмотрѣніе это, впрочемъ, не отличается логичной или ясностью, и довольно неожиданнымъ образомъ сводится къ слѣдующей формулѣ: *ars historica in arctissima ideae factique conjunctione sita est*, т. е., историческое искусство заключается въ тѣснѣйшемъ сліяніи идеи съ фактомъ.

Почувивъ такимъ образомъ нашу ученую публику искусству отличать истиннаго историка отъ ложнаго, въ серединѣ своей статьи рецензентъ дѣлаетъ попытку перейти къ разбору труда г. Костомарова: но предварительно считаетъ нужнымъ „еще разъ вернуться къ общимъ основнымъ правиламъ историографіи“. Тутъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что историкъ, по отношенію къ своимъ источникамъ, долженъ „въ высшей степени обладать искусствомъ изъ многого сдѣлать малое“; онъ долженъ имѣть „даръ субъективной интуиціи, съ помощью которой могъ бы въ каждомъ данномъ положеніи вещей проникнуть въ ихъ внутреннюю связь до самаго корня“. Затѣмъ высказываются такіа оригинальныя сужденія: что для оцѣнки историческаго труда приведеніе цитатъ изъ него не особенно нужно, провѣрка по источникамъ также есть роскошь; но что критикъ главнымъ образомъ долженъ опредѣлить воззрѣнія автора „на основаніи субъективныхъ свойствъ его ума и характера, его національныхъ политическихъ и религіозныхъ особенностей“. Послѣ того объясняются

и такія непреложныя истины, что, напримѣръ, существуетъ различіе во взглядахъ протестанта, католика и православнаго.

„Если мы изложенныя соображенія“, говоритъ рецензентъ, „примѣнимъ къ книгѣ г. Костомарова, то мнѣ кажется, что я нисколько не ошибусь, когда скажу, что она смѣло можетъ выдержать довольно строгій разборъ“. Наконецъ-то, думаетъ читатель, г. Германъ приступаетъ къ разбору сочиненія, и пора: вотъ ужъ мы прочли середину, и статья близится къ концу. Но подождите: г. Костомаровъ держится общепринятаго взгляда, что Польша пала жертвою своей анархіи; по этому надобно поговорить о *liberum veto* и придти къ слѣдующему выводу: если бы не помѣшали сосѣди, то Польша существовала бы теперь въ возрожденномъ видѣ (Это если бы могло скорѣе идти къ писателю молодому и еще неопытному). Затѣмъ рецензентъ посвящаетъ страницы двѣ (изъ двадцати) собственно самой книгѣ, т. е., перечню нѣкоторыхъ ея отдѣловъ, которые ему наиболѣе понравились. Но такъ какъ, по соображенію рецензента, на русскомъ языкѣ существуетъ достаточное количество извлеченій изъ книги, ибо она вышла уже вторымъ изданіемъ, „то“, говоритъ онъ, „въ настоящемъ рефератѣ я не буду входить въ разсмотрѣніе матеріальнаго ея содержанія. Что же касается до лежащей на рецензентѣ обязанности—прослѣдить, въ какой степени авторъ воспользовался своими источниками согласно правиламъ исторической критики, то я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что мнѣ лично такая задача не по силамъ, по незнанію польскаго языка“. Признаніе это получаетъ нѣкоторое значеніе въ виду того обстоятельства, что изъ 125 нумеровъ разнаго рода источниковъ, приведенныхъ г. Костомаровымъ на первыхъ страницахъ своей книги, до 80 нумеровъ, т. е., гораздо болѣе половины всего количества, приходится на долю источниковъ польскихъ. При томъ же г. Костомаровъ, по словамъ рецензента, вообще сильно затруднилъ провѣрку монографіи „своимъ неудовлетворительнымъ способомъ указанія источниковъ“; впрочемъ, онъ „можетъ въ этомъ отношеніи сослаться на примѣръ довольно многихъ знаменитыхъ историковъ англійскихъ, французскихъ и даже нѣмецкихъ“.

Вотъ и вся суть критики Германа, который оканчиваетъ свою статью присужденіемъ высшей Уваровской преміи. (Академія, судя по отчету, опредѣлила малую премію). Въ академическомъ отчетѣ статья эта названа „подробной рецензіей“, а ея авторъ „опытнымъ критикомъ“, который „сталъ на точку зрѣнія современной науки“. Ему заявлена наравнѣ съ другими рецензентами признательность Академіи и присуждена золотая м. даль. Относительно послѣдней ми ничего не говоримъ; но, по нашему крайнему разумію, эта такъ-

называемая подробная (точнѣе многословная) рецензія не можетъ идти ни въ какое сравненіе, напримѣръ, съ критическими разборами гг. Пыпина, Ключевского, Калачева и Срезневскаго, напечатанными въ той же книгѣ отчета.

Автора настоящей замѣтки побудила взяться за перо, однако, не самая рецензія г. Германа, а то вниманіе, которое въ концѣ ея онъ посвящаетъ нашей монографіи о Гродненскомъ сеймѣ 1793 года. вмѣсто упомянутой выше провѣрки по источникамъ, рецензентъ, какъ онъ самъ сознается, взялъ мою книгу, свѣрилъ ее (по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что свѣрилъ) съ соответствующимъ мѣстомъ у г. Костомарова и нашелъ, что у послѣдняго сказано все то же, что у меня, только короче и лучше. Отсюда рецензентъ заключаетъ, что авторъ „Послѣднихъ Годовъ Рѣчи Посполитой“ „вообще относится вѣрно и безпристрастно къ своимъ источникамъ“. Вотъ единственное приложеніе моего труда; а затѣмъ, по мнѣнію рецензента, онъ совершенно бесполезенъ. Такой рѣзкій и голословный отзывъ, заявленный въ академическомъ изданіи извѣстнымъ, хотя бы и не особенно знаменитымъ, нѣмецкимъ ученымъ, я не считалъ удобнымъ пройти молчаніемъ. Въ упомянутомъ своемъ трудѣ я представилъ опытъ возможно-полной разработки одного изъ эпизодовъ Польской исторіи, — разработки, основанной преимущественно на матеріалѣ, почерпнутомъ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Удачно-ли я выполнилъ свою задачу, конечно, должны судить другіе; но во всякомъ случаѣ едва-ли можно признать мой трудъ совершенно бесполезнымъ. Въ свою очередь мы позволимъ себѣ спросить: какія права имѣетъ г. Германъ изречь голословные приговоры и считать себя великимъ авторитетомъ въ дѣлѣ исторической критики?

Шестъ томовъ его „Исторіи Русскаго государства“, безспорно, составляютъ очень почтенный трудъ. Но главное ея значеніе основывалось на исторіи XVIII вѣка, такъ какъ этотъ вѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не разрабатывался нашею собственною литературою. Въ настоящее время, когда началось дѣятельное изданіе богатыхъ отечественныхъ источниковъ и когда исторія профессора Соловьева уже достигла второй половины XVIII вѣка, сочиненіе Германа все болѣе и болѣе теряетъ свой интересъ, и сохраняетъ цѣну только по матеріалу, извлеченному изъ нѣкоторыхъ заграничныхъ архивовъ. Но какъ историкъ, онъ именно отличается недостаткомъ талантовъ — литературнаго и критическаго. Написанная тяжелымъ, небрежнымъ слогомъ, исторія его не обнаруживаетъ ни глубины возрѣній, ни умѣнья оцѣнивать по достоинству свои источники, нерѣдко весьма мутные. Недостатокъ своихъ критическихъ приемовъ Германъ обна-

ружилъ и въ недавно-изданной имъ запискѣ Фокеродта о временахъ Петра Великаго (см. статью о ней г. Брикнера въ Жур. М. Н. П. 1874. Январь). Наконецъ рецензія его на книгу г. Костомарова, какъ мы видѣли, наглядно подтверждаетъ наше мнѣніе о его критическихъ способностяхъ.

Г. Германъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что своимъ голословіемъ онъ даетъ право и другимъ относиться къ нему голословно, а также дѣлать различныя предположенія, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: сей почтенный писатель не принадлежитъ-ли къ тѣмъ ученымъ ветеранамъ, которымъ мое мнѣніе о Варягахъ не даетъ умереть спокойно?

Что касается до упомянутой выше моей краткой рецензіи на книгу г. Костомарова, то я считаю не лишнимъ напечатать ее, дабы читающая публика могла видѣть, насколько „подробная“ рецензія г. Германа богаче ея своимъ содержаніемъ. А потому я покорнѣйше прошу Конференцію Академіи сообщить мою рецензію (въ подлинникѣ или въ копіи) г. редактору „Русской Старины“.¹⁾

Москва.

Д. Иловайскій.

¹⁾ Согласно постановленію Конференціи Академіи, состоявшемуся въ засѣданіи 19-го марта 1874 г., мы уже получили копію съ рецензіи Д. И. Иловайскаго. Она будетъ напечатана въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины».

Ред.

ЛИТЕРАТУРА ЕКАТЕРИНИНСКАГО ЮБИЛЕЯ

1873.

Юбилей Карамзина, Крылова, Ломоносова, Петра Великаго вызвали на свѣтъ много новыхъ матеріаловъ и монографій. Того же самаго можно было ожидать и ко времени открытія памятника Екатеринѣ II, въ ея, такъ сказать, юбилей. Но эти ожиданія не вполне оправдались. Къ этому времени было издано: новый томъ „Сборн. Русск. Историч. Общества“ съ депешами англійскихъ посланниковъ за первые годы царствованія Екатерины, небольшой сборникъ Екатерининскихъ бумагъ, хранящихся въ Публичной Библиотекѣ; вышло три книжки для народнаго чтенія, одна брошюра по специальному вопросу — исторіи медицины въ царствованіе Екатерины II; газеты помѣстили нѣсколько, неимѣющихъ, впрочемъ, историческаго значенія, передовыхъ статей, журналъ „Дѣло“ — статью, подъ заглавіемъ „Памятникъ Екатеринѣ“, въ народномъ журналѣ „Грамотѣй“ была статья объ Екатеринѣ (1874 г., № 3), въ „Вѣстникѣ Европы“ (1873 г., № 11) статья: „Богословскій факультетъ при Екатеринѣ“. Наконецъ, въ концѣ декабря вышелъ новый романъ гр. Салліаса „Пугачевцы“ въ 4-хъ томахъ.

Вотъ и все, чѣмъ обогатилась литература екатерининскаго времени по поводу юбилея. Необходимо, впрочемъ, упомянуть еще о торжественномъ засѣданіи Историческаго Общества, гдѣ были прочтены: рѣчь академика Я. К. Грота объ Екатеринѣ II и рѣчь академика А. Θ. Бычкова о трудахъ по русской исторіи въ царствованіе имп. Екатерины (см. „Рус. Стар.“, т. IX, стр. 175—180). Въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, 29-го декабря 1873 г., М. И. Сухомяновъ прочелъ характеристику одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей екатерининскаго времени — „Е. Р. Дашковой“. Кромѣ того, въ февралѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Россійской

Словесности г-жа Кохановская прочла новый рассказ, содержание котораго взято изъ времени Екатерины.

Передъ приближеніемъ дня открытія памятника Екатеринѣ II, въ Московской думѣ М. П. Погодинъ предложилъ устроить торжественное засѣданіе въ память императрицы, „впервые давшей городамъ самоуправленіе“. Но все ограничилось, кажется, нѣсколькими словами, сказанными въ Московской думѣ М. П. Погодинымъ, гдѣ онъ, указавъ на заслуги императрицы Екатерины, сказалъ, что этими великими дѣяніями „искупаются ея грѣхи,— ихъ было также много по человѣческой слабости,— объ отпущеніи которыхъ, мы помолимся теперь съ горячею любовью“ („Р. А.“ 1874 г., № 1).

М. И. Богдановичъ прочелъ двѣ лекціи: „О военномъ дѣлѣ въ царствованіе императрицы Екатерины“, а г. Пятковский (въ 1874 г.)— рядъ лекцій въ Солянскомъ городѣ: „Объ литературѣ екатерининскаго времени“. Упомянемъ еще, что на передвижной выставкѣ въ Академіи Художествъ появилась картина нашего талантливаго художника Н. Н. Ге — „Екатерина предъ гробомъ Елисаветы“, впрочемъ, много уступающая по мысли и выполненію его замѣчательной картинѣ: „Свиданіе Петра Великаго съ Алексѣемъ Петровичемъ“.

Вотъ все, что было издано, прочитано и нарисовано по поводу екатерининскаго юбилея.

Остановимся на нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, а потомъ скажемъ по нѣскольку словъ о каждой книгѣ и брошюрѣ, изданной отдѣльно.

Статья въ „Дѣлѣ“ (1873 г., № 11) „Памятникъ Екатеринѣ II“— жиденькій обзоръ ея царствованія, написанный въ крайне хвалебномъ тонѣ.

Изъ произведеній провинціальной прессы по поводу юбилея необходимо упомянуть о бывшемъ, 24-го ноября 1874 г., въ Кіевѣ чтеніи профессора И. Н. Хруцова: „О просвѣтительной дѣятельности Екатерины II“. ¹⁾ Въ 47 № „Подольскихъ Вѣдомостей“ (24-го ноября 1873 года) помѣщена статья: „Къ памятнику Екатерины II“. Статья эта совершенно переноситъ насъ въ карамзинскую эпоху: она состоитъ изъ общихъ, хвалебныхъ фразъ. При этомъ неиз-

¹⁾ Въ этой лекціи, напечатанной въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» (1873 г., в. XII) представленъ, по возможности, полный очеркъ трудовъ Екатерины на пользу подвластнаго ей народа и сдѣлано обзорѣе всего, что въ послѣдніе десять лѣтъ появилось въ нашей ученой литературѣ для исторіи славнаго екатерининскаго времени. Кромѣ того въ «Кіевлянинѣ» (24-го ноября) была напечатана передовая статья, напоминавшая о пребываніи императрицы Екатерины въ Кіевѣ, съ приведенными весьма кстати прекрасными стихами А. два года тому назадъ напечатанными въ «Гражданинѣ».

вѣстный составитель статьи „Подольскихъ Вѣдомостей“ высказываетъ иногда весьма своеобразные взгляды. Едва-ли въ настоящее время кто-либо будетъ спорить противъ того, что послѣдніе годы царствованія Екатерины представляютъ страшную реакцію сравнительно съ ея началомъ, и что лучшія дѣла Екатерины принадлежать первой половинѣ ея правленія. Напротивъ, авторъ статьи въ „Подольскихъ Вѣдомостяхъ“ утверждаетъ, что „государственное творчество Великой никогда не было такъ плодотворно и зрѣло“, какъ „въ концу ея земнаго поприща“. Онъ высказывается также противъ общепринятаго мнѣнія, что новая русская исторія начинается съ Петра: авторъ полагаетъ, что ее должно начинать съ Екатерины, „вдунувшей духъ въ то тѣло и тѣ формы, которыя создалъ Петръ. Духъ этотъ вѣченъ,—столь же вѣченъ, какъ сама Россія. Это не духъ растлѣнія, но духъ жизни, знаменующей счастье Отечества“.

Статья „Богословскій факультетъ при Екатеринѣ“ („Вѣстникъ Европы“ 1873 г., № 11) заслуживаетъ полнаго вниманія читателей. тѣмъ болѣе, что она составлена на основаніи неизданныхъ источниковъ. Судя по цитатѣ г. Смирнова въ трудѣ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, мы полагаемъ, что статья эта составлена на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода. Жаль только, что авторъ ограничился одними этими матеріалами и не потрудился навести справки въ нѣкоторыхъ печатныхъ пособіяхъ и источникахъ. Поэтому мы остановимся нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ.

Намъ извѣстно было уже и прежде, что въ 1765 г. трое студентовъ Московской академіи: Розановъ, Андреевскій и Новиковъ¹⁾ съ учителемъ Дмитріемъ Семеновымъ Рудневымъ были вызваны въ Петербургъ для отправленія за границу. Они поѣхали въ Германію въ 1766 г. и въ Геттингенскомъ университетѣ около шести лѣтъ слушали лекціи: философіи, исторіи, математики и физики; учились французскому и нѣмецкому языкамъ, усовершенствовались въ греческомъ и еврейскомъ. Намъ извѣстно было также, что Д. С. Рудневъ, во время своего пребыванія въ Геттингенѣ, сдѣлалъ сокращенный переводъ на нѣмецкій языкъ Несторовой лѣтописи, который и напечаталъ въ 1771 г. Гаттереръ въ „Einleit. in die synchronist. Universal. Hist.“, и издалъ богословскій трактатъ Теофана Прокоповича на латинскомъ языкѣ: „О происхожденіи св. Духа“ (напечатанный въ Готѣ въ 1772 г., подъ заглавіемъ: „De processione Spiritus Sancti“. Онъ сдѣлалъ въ этой книгѣ отъ себя важныя прибавленія и многія примѣ-

¹⁾ Теперь оказывается, что Андреевскій былъ изъ Новгородской семинаріи, а Новиковъ—изъ семинаріи Троицко-Сергіевской лавры («Вѣстникъ Европы», стр. 305).

чанія, исправилъ ссылки сочинителя по новѣйшимъ и болѣе вѣрнымъ изданіямъ и приложилъ портретъ Прокоповича и его жизнеописаніе. Въ предисловіи онъ говоритъ, что только Геттингенская бібліотека дала ему возможность выполнить этотъ трудъ и что въ Россіи онъ былъ бы невозможенъ. Книга была напечатана на счетъ Амвросія, архіепископа московскаго, и посвящена ему.

Въ 1772 г. молодые люди возвратились въ Россію и, по испытаніи Академіею Наукъ, въ присутствіи членовъ синода, удостоены: Семеновъ — званія профессора философіи, исторіи и словесныхъ наукъ, а прочіе трое получили степень магистровъ. Семенову назначено было 600 р., а магистрамъ по 400 р. жалованья; они предоставлены были въ распоряженіе святѣйшаго синода. Магистры были распределены наставниками по семинаріямъ. Семеновъ напечаталъ въ Петербургѣ сдѣланный имъ въ Геттингенѣ переводъ на латинскій языкъ книги митрополита Платона: „Православное ученіе или сокращенная Богословія“, сочиненной для великаго князя Павла Петровича (переводъ, изданный подъ заглавіемъ: „Orthodoxa doctrina seu Compendium theologiae Christianae etc.) Въ концѣ 1774 г. Семеновъ поѣхалъ въ Москву и въ началѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ префектомъ Московской духовной академіи, профессоромъ философіи и учителемъ нѣмецкаго языка. Въ этомъ же году онъ постригся въ монашество подъ именемъ Дамаскина и затѣмъ былъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Въ 1782 г. былъ сдѣланъ епископомъ сѣвскимъ, а въ слѣдующемъ году (по показанію митрополита Евгенія, въ 1793 г.) переведенъ въ нижегородскую епархію и управлялъ ею до 1794 г. (1795 г.). Мы увидимъ ниже, какъ серьезно работалъ онъ за границею, и потому въ немъ сохранилась живая любовь къ наукѣ. Мы видимъ, что онъ, въ 1778 г., издаетъ сочиненія Ломоносова (въ 3-хъ частяхъ), съ разнорѣчіями или отмѣнами прежнихъ изданій; въ 3-мъ томѣ приложилъ къ подлиннику рѣчей Ломоносова и переводы ихъ на латинскій, нѣмецкій и французскій языки, сдѣланные имъ самимъ и другими лицами; къ переводамъ Ломоносова изъ классическихъ писателей онъ для сличенія приложилъ подлинники. За это изданіе онъ получилъ отъ императрицы Екатерины денежную награду въ 500 р. Въ слѣдующемъ (1779 г.) онъ издалъ сочиненія митрополита Платона (въ 9-ти частяхъ). Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого изданія приложено при I-мъ томѣ жизнеописаніе автора. Въ 1780 г. издалъ свой переводъ книги Зульцера: „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“ (напечатанный въ Москвѣ, въ 8-ю д. л., (2-е изд. 1787 г.). Кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько своихъ

проповѣдей, произнесенныхъ имъ съ 1775 по 1782 г., а въ 1783 г. собралъ ихъ въ одну книгу.¹⁾

Мы остановились на дальнѣйшей судьбѣ Семенова Руднева, самаго замѣчательнаго изъ всѣхъ молодыхъ людей, отправленныхъ въ 1766 г. за границу, — и его литературныхъ трудахъ, такъ какъ авторъ статьи: „Богословскій факультетъ“ ничего не говоритъ объ этомъ. Отноительно отправления студентовъ въ Англію есть намекъ въ „Словарѣ русскихъ писателей“ Новикова. Въ биографической замѣткѣ о Семенѣ Башиловѣ онъ говоритъ, что Башиловъ былъ учителемъ въ семинаріи Троицкой лавры, а оттуда взятъ былъ для отправления въ Англію инспекторомъ при студентахъ; но, по приѣздѣ въ Петербургъ, увидѣлъ, что за различными его принадлежками туда ѣхать не могъ и опредѣленъ былъ въ Императорскую Академію Наукъ переводчикомъ (Ефремовъ: „Матер. для Истр. Русск. Лит.“ Спб., 1867, стр. 14). Митрополитъ Евгеній, повторяя это извѣстіе въ своемъ „Словарѣ свѣтскихъ писателей“, прибавляетъ, что студенты, отправленные въ Англію, были выбраны изъ Московской академіи и Лаврской семинаріи (I, 31).²⁾ Волѣ точныя указанія, объ этомъ дѣлѣ мы находимъ въ отрывкѣ изъ путевыхъ замѣтокъ Е. Р. Дашковой, напечатанномъ въ „Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ“ (1775 г., ч. II), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Путешествіе одной знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ“. Она пишетъ, что какъ только приѣхала въ Оксфордъ, „русскій нашъ студентъ Никитинъ, который съ шестью студентами нашими обучается въ Оксфордскомъ университетѣ, тотчасъ пришелъ къ намъ“. На слѣдующій день, она отмѣчаетъ: „остатки вечера проболтали съ Никитинымъ, разспрашивая о тамошнихъ ихъ поведеніяхъ“. На третій день утромъ студенты опять были у княгини (стр. 133, 141).

Вотъ все, что было намъ извѣстно прежде объ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, мы не имѣли никакихъ подробностей о занятіяхъ молодыхъ людей въ Геттингенѣ и Оксфордѣ, а объ отправленіи студентовъ въ Лейденъ мы не имѣли ни малѣйшихъ указаній. Мы знали только, что позднѣе нѣкоторые изъ русскихъ слушали лекціи въ Лейденѣ, такъ

¹⁾ Митр. Евгеній: «Слов. истор. и бывш. въ Россіи писат. духов. чина». Спб., 1818 г., стр. 107—112. С. Смирновъ: «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи» М., 1855 г., стр. 237, 753—354. В. С.

²⁾ Авторъ статьи: «Богословскій факультетъ», упомяная о Башиловѣ, не воспользовалась ни этими биографическими данными у Новикова и митрополита Евгенія, ни свѣдѣніями о его занятіяхъ въ университетѣ, помѣщенными въ «Исторіи Троицкой Лаврской семинаріи» г. Смирнова (стр. 166—168, ср. стр. 502).

напримѣръ, въ 1773—1775 гг. графы Сергѣй и Николай Румянцевы, сыновья фельдмаршала („Русск. Арх.“ 1869 г., стр. 843, 844). О предположеніи императрицы Екатерины учредить богословскій факультетъ также не было ничего извѣстно. Какъ учились эти молодые люди за границею, видно, напримѣръ, изъ отчета Руднева, который, впрочемъ, былъ гораздо развитѣе почти всѣхъ остальныхъ, такъ какъ уже передъ отъѣздомъ за границу онъ былъ преподавателемъ реторики и пѣттики въ Крутицкой семинаріи, и, кромѣ латинскаго діалекта, также низшихъ и высшихъ наукъ, обучался еще по своей охотѣ въ Московской славяно-греко-латинской академіи греческому и еврейскому языкамъ около 4-хъ лѣтъ; между тѣмъ какъ большинство остальныхъ были молоденькіе юноши 16—18-ти лѣтъ. Вотъ чѣмъ занимался Дмитрій Семеновъ Рудневъ во время своего шестилѣтняго пребыванія въ Геттингенскомъ университетѣ: кромѣ нѣмецкаго и французскаго языка, онъ обучался еще еврейскому и греческому у профессора Михаэлиса, латинской словесности—у профессора Гейне, географіи—у профессора Муррая; всеобщую исторію и дипломатику слушалъ у профессора Гаттерера, исторію литературы—у профессора Гамберга; исторію, философію, логику, метафизику и физику—у профессора Галманна; философію практическую и моральную—у профессора Федера; право естественное и народное и статистику—у профессора Ахенвалля; математику чистую—у профессора Мейстера, прикладную математику—у Бекмана; сельскую экономію—у него же; догматическое богословіе—у профессора Лесса по сокращенію Гейманову; нравственное богословіе—у него же; доказательства о истинѣ христіанской религіи—у него же; церковную исторію—у профессора Вальха. „Кромѣ того, Семеновъ, въ послѣдній годъ своего пребыванія въ университетѣ, занимался русскою исторіей, прискавъ и прочитавъ для того много сочиненій на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, и по этому поводу написалъ цѣлое сочиненіе, которое приготовилъ даже къ печати. Геттингенскій историческій институтъ, выслушавъ его диссертацию О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ, принялъ его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ, въ удостовѣреніе чего выдалъ ему печатный дипломъ“. Аттестаты, выданные ему, наполнены самими лестными отзывами о его способностяхъ, трудолюбіи и успѣхахъ („Вѣстникъ Европы“ 1873, № 11, стр. 310—311). Конечно, не всѣ занимались такъ, какъ Рудневъ: большинство не имѣло для этого такой хорошей подготовки; тѣмъ не менѣе всѣ занимались весьма добросовѣстно. Но мысль—учредить богословскій факультетъ не исполнилась и большая часть этихъ молодыхъ людей, вѣроятно, сдѣлались

преподавателями семинарій и духовной академіи. Изъ приведеннаго нами отрывка видно, какъ интересны новыя данныя, заключающіяся въ статьѣ: „Богословскій факультетъ“ и, потому, несмотря на указаные нами недостатки, мы особенно рекомендуемъ ее вниманію читателей. Можно пожалѣть еще, что авторъ не поставилъ своей задачи нѣсколько шире и не собралъ свѣдѣній о всѣхъ молодыхъ людяхъ, отправленныхъ на казенный счетъ или на собственные средства воспитывавшихся въ заграничныхъ университетахъ. Подобный обзоръ объяснилъ бы намъ многое въ исторіи русскаго просвѣщенія второй половины XVIII в.

Разсмотримъ теперь отдѣльныя брошюры и изданія.

Воспоминанія объ императрицѣ Екатеринѣ II по случаю открытія ей памятника, 24-го ноября 1874 г. Изданіе Ф. Шемановскаго. Спб. 1873 г., 72 стр.

Брошюра эта представляетъ сухой перечень событій, но составленный весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла. Это, такъ сказать, конспектъ исторіи царствованія императрицы Екатерины. Къ сожалѣнію ни по языку, ни вслѣдствіе обилія подробностей книга эта непригодна для народнаго чтенія. Тѣмъ не менѣе она стоитъ значительно выше трехъ брошюръ объ Екатеринѣ, прямо предназначенныхъ для народнаго чтенія, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить и, потому, за неизбѣжимъ ничего другаго, можно дать ее въ руки и народу. Тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни ошибокъ, ни преднамѣреннаго искаженія фактовъ.

На открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ Второй. (Съ изображеніемъ памятника на оберткѣ). Изданіе В. Г. Шатаева. Спб., 1873 г., 34 стр. Ц. 5 к.

Большая часть этой брошюры состоитъ изъ плохихъ виршей, перемежающихся мѣстами прозаическими тирадами. Вотъ обращикъ виршей:

«Вотъ мчится славный Задунайскій,
 «Летитъ съ нимъ Чесменскій герой;
 «Беретъ въ плѣнь край Бахчисарайскій
 «Нашъ Крымскій смѣлою рукой». и т. п.

При томъ почти ко всякому слову есть выносокъ съ хронологическими и другими объясненіями. Въ концѣ на двухъ страничкахъ помѣщенъ списокъ замѣчательныхъ событій царствованія императрицы Екатерины. Тутъ, между прочимъ, почему-то отмѣчено, что 8-го мая 1782 г. родился князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

О томъ, какъ Екатерина II Великая правила землей Русской. С. М. Съ 9-ю раскрашенными картинами. Изданіе учрежденной

по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія по-
стоянной комиссіи народныхъ чтеній. Спб., 1873 г., 22 стр. Ц. 15 к.

Книжка, какъ и предыдущая, вполне ничтожная. Авторъ умалчиваетъ о многомъ, не соответствующемъ его воззрѣніямъ, или путемъ недоговариванія даетъ извѣстному факту другое значеніе. Такъ, о комиссіи для составленія новаго уложенія говорится, что она „не успѣла выполнить возложенную на нее обязанность“ (стр. 12); о томъ, что ей не дали выполнить эту обязанность, конечно, умалчивается. По поводу пугачевщины авторъ говоритъ, что „нашлось не мало охотниковъ позить на чужой счетъ, заграбить нажитое честнымъ трудомъ“.... „Воровская шапка эта не продержалась бы долго, если бы казаки, руководившіе Пугачева (т. е., Пугачевымъ), не поднялись на хитрость: они придумали обольстить народъ ложными грамотами, въ которыхъ писали, что хотятъ освободить всѣхъ отъ крѣпостнаго права“ (стр. 14). Объ объясненіи причинъ Пугачевщины нѣтъ и рѣчи. Нельзя не признать удачною мысль издателей—присоединить къ брошюрѣ раскрашенные рисунки, но выполненіе ихъ весьма плохо, за исключеніемъ портрета Екатерины. Такъ, напримѣръ, на картинкѣ: „Учрежденіе воспитательныхъ домовъ“ Бецкой представленъ хорошенькимъ юношей; на картинкѣ: „Екатерина прививаетъ себѣ оспу“—мы видимъ, что при этой операціи присутствуетъ Павелъ Петровичъ и нѣсколько фрейлинъ, между тѣмъ, какъ извѣстно, это было совершено въ большемъ секретѣ, въ присутствіи лишь барона Черкасова.¹⁾

Императрица Екатерина II Великая. Историческій очеркъ, съ приложеніемъ краткихъ жизнеописаній главнѣйшихъ сподвижниковъ императрицы: Румянцева, Потемкина, Суворова, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго. Съ 4-мя рисунками. Изданіе редакціи журнала „Мір. Вѣст.“. Спб., 1873 г., 124 стр. Ц. 45 к.

Небрежно-составленная книжка, съ претензією на картинность изложенія. Въ ней много невѣрно переданныхъ или ошибочно объясненныхъ фактовъ. Въ примѣръ перваго приведемъ слѣдующія слова: „вступленіе на престолъ имп. Екатерины было для многихъ неожиданностію; они не знали еще, что державный супругъ ея, импера-

¹⁾ Англійскій посланникъ лордъ Каскартъ говоритъ («Сбор. Ист. Об.», XII, 390), что при этомъ еще присутствовали Панинъ и Сальдернъ, но это едва-ли вѣрно, такъ какъ Димсдалъ въ своей запискѣ (см. «Сб. Ист. Об.», т. XII) упоминаетъ только о Черкасовѣ. Но тотъ же Каскартъ замѣчаетъ, что привііе оспы было совершено даже въ тайнѣ отъ гр. Орлова и во время его отсутствія на охоту; слѣдовательно, тѣмъ болѣе тутъ не могли быть фрейлины.

торъ Петръ III, отказался отъ престола и передалъ державную власть свою молодой своей супругѣ... Толпы народа собрались предъ дворцомъ, ожидая, не будетъ-ли какихъ-нибудь извѣстій; всѣ тихо разсуждали между собою о совершившемся неожиданномъ событіи" (стр. 4). Укажемъ на нѣкоторыя ошибки: разсказъ Екатерины о томъ, какъ она дала свой Навазъ на разсмотрѣніе нѣсколькимъ лицамъ съ разрѣшеніемъ вымарывать все, что они найдутъ нужнымъ, не понятъ и разсказанъ такимъ образомъ, какъ - будто подобное разсмотрѣніе Наказа было дѣломъ Коммиссіи Уложенія" (стр. 30—31). На стр. 49 сказано, что Екатерина для Павла Петровича сочинила „назидательныя повѣсти и разказы“, между тѣмъ какъ они были сочинены для Александра Павловича. Въ біографическомъ очеркѣ Потемкина (104—106) и Дашковой (114—115) нѣсколько ошибокъ. О Бедкомъ сказано, что онъ умеръ въ 1795 г. и тутъ же прибавлено, что по смерти императрицы Екатерины, умершей, какъ извѣстно, въ 1796 г., онъ „продолжалъ трудиться на пользу отечества“. Цѣлыхъ тридцать страницъ, т. е., четверть всей книги, отведено почему-то на описаніе путешествія Екатерины въ Крымъ, и между тѣмъ авторъ не даетъ очерка всего путешествія, а останавливается только на пребываніи императрицы въ Кіевѣ, встрѣчѣ съ императоромъ Іосифомъ и пребываніи въ Тулѣ. О пребываніи въ Кіевѣ авторъ разсказываетъ, заимствуя это свѣдѣніе, вѣроятно, изъ устныхъ преданій, что императрица, выйдя изъ дворца, чтобы сѣсть въ экипажъ, и, услышавъ, что одинъ старикъ-крестьянинъ Бондаренко желаетъ поближе посмотреть на нее, дозволяла его вмѣстѣ съ внукомъ, милостиво разговаривала съ нимъ, потомъ приказала ему сѣсть на козлы своей кареты и довезла его до пристани, гдѣ сѣла въ галеру, приготовленную для плаванія внизъ по Днѣпру. Разсказъ этотъ крайне сомнителенъ, такъ какъ противорѣчитъ показанію современника, предводителя дворянства Полетики, который во время пребыванія императрицы въ Кіевѣ велъ дневникъ. Онъ пишетъ, что Екатерина въ 10-мъ часу утра была уже въ большой Печерской церкви, чтобы поклониться мошамъ. Оттуда поѣхала въ Софійскую церковь слушать молебенъ, и затѣмъ прямо отправилась на Подоль къ галерамъ (см. „Памятн. Книжку Кіевск. губ. на 1858 г.“, стр. 49). Разсказъ о встрѣчѣ съ императоромъ Іосифомъ, завтракъ въ корчмѣ и благодѣяніи, оказанномъ извѣстному впоследствии живописцу Боровиковскому (стр. 63—77), почти буквально, лишь съ небольшими сокращеніями, заимствованъ изъ статьи г. Данилевскаго: „Екатерина Великая на Днѣпрѣ“, помѣщенной въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1858 г., т. 151 (стр. 134—144). Тутъ, во-первыхъ, нужно замѣтить, что при небольшомъ объемѣ книги нельзя

было отводить такъ много мѣста разсказу, основанному лишь на народныхъ преданіяхъ; во-вторыхъ, самый разсказъ едва-ли достовѣренъ, по крайней мѣрѣ, въ журналѣ „Путешествія Екатерины“, помѣщенномъ въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ (т. III, стр. 272—288), ни слова не упоминается объ этомъ оригинальномъ завтракѣ въ ворчмѣ. Разсказъ о пребываніи императрицы въ Тулѣ (стр. 77—86) основанъ также на устномъ преданіи, напечатанномъ въ „Москвитинѣ“ за 1842 г., № 2, стр. 475—488. Болотовъ въ своихъ Запискахъ (прилож. къ „Рус. Ст.“ 1873 г.) во многомъ рассказываетъ объ этомъ иначе. Что касается рисунковъ, приложенныхъ къ изд. „Мірск. Вѣстника“, то Екатерина на приложенномъ портретѣ представлена какою-то негритянкою, а Бецкой (стр. 20),—также, какъ и въ предыдущей брошюрѣ, молоденькимъ мальчикомъ. Вообще книжка издана крайне небрежно и переполнена опечатками. При томъ цѣна для народной книги высока.

Вотъ и всѣ книги для народнаго чтенія, вызванныя отергтіемъ памятника Екатерины II. По нашему убѣжденію, ни одной изъ нихъ не слѣдовало бы давать въ руки народу. Между тѣмъ, какъ о Петрѣ Великомъ мы имѣемъ нѣсколько хорошихъ брошюръ для народнаго чтенія (напримѣръ: г. Водовозова, г. Шалфеева), объ Екатеринѣ нѣтъ ни одной удовлетворительной, между тѣмъ какъ теперь уже издано достаточно матеріала для того, чтобы представить сжатый очеркъ того времени, въ которомъ было бы оказано хотя нѣкоторое вниманіе тому, кто вынесъ на своихъ плечахъ всѣ подвиги екатерининскихъ орловъ, т. е., русскому народу, а то его совершенно не замѣтили составители предшествующихъ брошюръ, предназначенныхъ для чтенія тому же народу.¹⁾

Н. Купріяновъ. Историческій очеркъ состоянія медицины въ царствованіе Екатерины II, съ приложеніемъ краткаго обзора тюремнаго дѣла. Спб., 1878, 28 стр. Ц. 25 к.

Авторъ сказалъ все, что можно было сказать на 20-ти страницахъ, но нельзя не сознаться, что это весьма скудное приношеніе со стороны медиковъ къ екатерининскому юбилею. Русская наука давно нуждается въ хорошемъ трудѣ по исторіи медицины въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины, такъ какъ извѣстный старый трудъ Рихтера доведенъ лишь до 1761 г. Авторъ настоящей брошюры нѣсколько подробнѣе говорить только о привитіи оспы импе-

¹⁾ Въ народномъ журналѣ «Грамотѣй» (№ 3) помѣщено начало статьи: «Императрица Екатерина II и ея сподвижники». То, что уже напечатано, весьма слабо; довольно сказать, что въ числѣ своихъ источниковъ авторъ цитируетъ только-что разобранный нами брошюру. В. С.

ратрицѣ Екатеринѣ и о чумѣ въ Москвѣ, а затѣмъ даетъ лишь краткій перечень узаконеній по медицинской части. Мы уже имѣемъ нѣкоторыя отдѣльныя статьи по этому предмету, какъ-то: Чистовича,¹⁾ Любецкаго, барона Бюлера („Рус. Вѣст.“ 1870 г., № 1—3), сочиненіе Веревкина: „Исторія оспы въ Россіи“ (Спб., 1867), много сочиненій относительно оспопрививанія, вышедшихъ въ царствованіе Екатерины, современныя описанія чумы и пр.; но необходимость въ общемъ историческомъ очеркѣ по этому предмету весьма настоятельна. Желательно, чтобы авторъ подобнаго очерка не ограничился сводомъ тѣхъ узаконеній, которыя онъ найдетъ относительно медицинской части въ Полномъ Собраніи Законовъ, а обратилъ бы серьезное вниманіе на такой важный вопросъ, какъ народное здравіе въ широкомъ смыслѣ этого слова; для этого онъ нашелъ бы хотя отрывочныя, но довольно многочисленныя данныя въ различныхъ сочиненіяхъ того времени. Тутъ авторъ долженъ былъ бы рассмотреть статистическія свѣдѣнія, какія есть, о рождаемости и смертности, объ увеличеніи и уменьшеніи народонаселенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, собрать свѣдѣнія о различныхъ болѣзняхъ, отъ которыхъ наиболѣе страдалъ народъ: чумы, оспы, сифилиса и ихъ распространенности, сказать о скотскихъ падежахъ, даже о народной медицинѣ, т. е., о различныхъ домашнихъ средствахъ, употребляемыхъ народомъ, о лекаряхъ и лекаряхъ. Необходимо также рассмотреть исторію тѣхъ заведеній, въ которыхъ приготовлялись наши доктора. Вотъ какаго сочиненія мы будемъ ожидать отъ нашихъ медиковъ. А пока, возвращаясь къ автору разбираемой нами брошюры, мы должны сказать, что при всей неудовлетворительности ея, мы благодарны ему за его, все-таки единственный ученый трудъ относительно екатерининскаго времени изъ всего, что было издано отдѣльно къ екатерининскому юбилею: все остальное—или журнальныя статьи, или брошюры для народнаго чтенія, или матеріалы. Что касается „краткаго обзора тюремнаго дѣла“, приложеннаго къ этой брошюрѣ, то это краткое изложеніе весьма замѣчательнаго проэкта Екатерины II о тюрьмахъ, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., т. VIII, стр. 60—86. Вопросъ этотъ очень обширный, если не ограничиться одними тюрьмами, а коснуться вообще всѣхъ мѣръ уголовно-исправительныхъ, рассмотреть всѣ узаконенія о ссыльныхъ и каторжныхъ и т. п. Онъ заслуживалъ бы особой монографіи и авторъ на-

¹⁾ Разбросанныя первоначально въ различныхъ специальныхъ изданіяхъ, онѣ были потомъ собраны въ одну книгу, подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учреждений XVIII столѣтія». Спб., 1870 г. В. С.

прасно и затрогиваль его, не имѣя желанія ничего сдѣлать для его разработкѣ.

Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Изданы А. Ф. Бычковымъ. Спб., 1873, 160 и 10 стр. Ц. 3 р.

Этотъ сборникъ даетъ мало новаго: болѣе трети помѣщенныхъ въ немъ матеріаловъ уже было напечатано. Жаль, что почтенный издатель ограничился только тѣмъ, что было написано самою Екатериною и не присоединилъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, касающихся ея царствованія вообще. Отъ этого сборникъ значительно выигралъ бы въ интересѣ и въ научномъ значеніи.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XII. Спб., 1873 г., 500 стр. Ц. 3 р.

Этотъ томъ „Сбор. Рус. Истор. Общ.“, содержащій въ себѣ депеши англійскихъ посланниковъ о Россіи въ 1762—1769 гг., несомнѣнно, важнѣе всего остальнаго, изданнаго во времени открытія памятника Екатеринѣ II. Объ этомъ изданіи уже былъ данъ отзывъ въ 1-й книгѣ „Русской Старины“, въ которой указано все его значеніе, а потому остановимся теперь только на одномъ вопросѣ. Издатели сборника говорятъ въ предисловіи: „По мѣрѣ снятія копій, онѣ подвергались просмотру чиновника государственнаго архива (въ Англии), а возбуждаемыя ими сомнѣнія переходили на судъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, но эта двойная цензура не принесла нашему изданію вреда. Все серьезное, все сколько-нибудь исторически-важное осталось неприкосновеннымъ; отложено лишь весьма незначительное число бумагъ, содержавшихъ почти исключительно неблагоприятныя слухи о подробностяхъ семейной жизни извѣстныхъ въ то время лицъ. Просвѣщенные представители въ настоящемъ случаѣ англійскаго правительства..... не признавали историческаго значенія за скандальными разсказами, за случайными минутными сплетнями, о которыхъ не могли подѣ-часъ не упоминать въ своихъ депешахъ посланники того времени. Раздѣляя такой взглядъ своихъ англійскихъ цензоровъ, „Русское Историческое Общество“ и проч. Примѣненіе такого взгляда мы дѣйствительно находимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., выпущено нѣсколько строкъ объ одной дамѣ (и даже самое ея имя), съ которою Н. Панинъ находился въ связи. Жальтъ объ этомъ, конечно, нечего. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что Русское Историческое Общество введено до нѣкоторой степени въ заблужденіе своими англійскими цензорами; вычеркивая различныя сплетни и скандальныя разсказы, они вычеркнули и нѣкоторые довольно важные историческіе факты, которые ни-

какъ нельзя отнести къ этому разряду, — и въ этомъ случаѣ напомнили прежнихъ, печальной памяти, русскихъ цензоровъ. Мы не можемъ сказать, какъ много было исключено такимъ образомъ: для этого нужно было бы порыться въ англійскихъ архивахъ; но и на основаніи тѣхъ отрывковъ изъ депешъ англійскихъ посланниковъ, которые были напечатаны въ другомъ изданіи, можно указать на нѣсколько существенныхъ пропусковъ.

Такъ, напр., совершенно не помѣщена депеша лорда Букингама отъ 8-го ноября 1762 г., изъ которой намъ извѣстно слѣдующее мѣсто: „Шесть гвардейскихъ офицеровъ за то, что они выразились немного свободно, разжалованы сегодня утромъ и затѣмъ сосланы пожизненно въ одну изъ наиболѣе отдаленныхъ провинцій имперіи“ (англ. деп. во франц. сб., стр. 223).¹⁾ Этотъ пропускъ тѣмъ болѣе страненъ, что и до, и послѣ этой депеши мы находимъ очень много извѣстій, вошедшихъ въ „Сборникъ Истор. Общ.“, о сильномъ недовольствѣ въ войскахъ и народѣ въ первые годы царствованія Екатерины, — совершенно однородныхъ съ только что приведенною нами.²⁾ Въ депешѣ лорда Букингама, отъ 21-го февраля (нов. ст.) 1763 г. („Сб. Истор. Общ.“ XII, 81), пропущено нѣсколько словъ о Григоріи Орловѣ. Послѣ словъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ: „пристрастіе (императрицы) къ графу Орлову и отличія, оказываемыя ему, усиливаются съ каждымъ днемъ“, должны были слѣдовать слѣдующія слова: (это пристрастіе и эти отличія) „оскорбляютъ многихъ. Еще это было бы ничего, если бы она только дарила ему часы, украшенные брилліантами, стоимостью около 500 ф. стерл., хотя въ этой странѣ мало денегъ и хотя ихъ сильно расходуютъ“ (англ. депеши во франц. сборн., 227). Особенно страненъ пропускъ депешъ лорда Букингама отъ 11, 14, 18, 21 и 28-го сентября 1764 г., въ которыхъ есть извѣстія о дѣлѣ Мировича.

Такъ напр. въ депешѣ отъ 11-го сентября 1764 г. разсказывается о ходѣ суда надъ Мировичемъ, о тщательности, съ которою нѣкоторые судьи допрашивали обо всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до убіенія принца Ивана; о томъ впечатлѣніи, какое производитъ весь ходъ судебного производства по этому дѣлу на императрицу. „Нѣкоторые полагаютъ“, замѣчаетъ лордъ Букингамъ, „что въ настоящее время печальное Шлиссельбургское событіе представляется ей въ болѣе серьезномъ свѣтѣ, чѣмъ по полученіи о немъ перваго из-

¹⁾ Можетъ быть, эта депеша и не отъ 8-го ноября, такъ какъ иногда хронологическіе даты въ этой книгѣ (1858 г.) переданы ошибочно, но во всякомъ случаѣ ни въ одной изъ депешъ лорда Букингама, помѣщенныхъ въ XII т. Сборника, нѣтъ этихъ словъ. В. С.

²⁾ См. напр. стр. 39, 44, 51, 75—76, 89, 107, 110, 112, 125, 126.

вѣстія. Впрочемъ, ее можно упрекать только въ томъ, что она не позволила принцу Брауншвейгскому и его семейству выѣхать изъ Россіи, какъ это ей предлагали при ея вступленіи на престоль. Эта мѣра одобрялась и сильно поддерживалась самыми разумными изъ совѣтниковъ императрицы, но она была отвергнута большинствомъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ просили императрицу опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія, чтобы предупредить опасныя безпорядки, которые непременно произойдутъ въ случаѣ смерти великаго князя и проч. “.

Изъ депеши 14-го сентября:

„Нѣкоторые лица хотятъ предложить императрицѣ освободить Брауншвейгское семейство и сдѣлать дѣтей наслѣдниками на тотъ случай, если великій князь не переживетъ ее. Онъ весьма нѣжнаго сложенія“.

Изъ депеши 18-го сентября 1764 г.:

„Говорятъ, въ настоящее время ограничатся лишь тѣмъ, что позволятъ Брауншвейгскому семейству выѣхать изъ Россіи и назначатъ ему пенсію“.

„Процессъ Мировича приходитъ къ окончанію. Онъ выказалъ много благопристойности и рѣшительности. Нѣкоторые изъ его судей приписывали это жестокости сердца и упрекали его въ этомъ въ секретномъ засѣданіи. Онъ отвѣчалъ, что считаетъ себя уже какъ бы не существующимъ, знаетъ, что онъ ничего не долженъ ожидать, кромѣ позорной смерти, и готовъ вынести ее съ мужествомъ, которое, какъ онъ думаетъ, будетъ искупленіемъ за содѣянное имъ преступленіе. Отъ него потребовали, чтобы онъ назвалъ соумышленниковъ. Онъ отвѣчалъ, что ихъ у него нѣтъ, и онъ не думаетъ, чтобы отъ него желали обвиненія невинныхъ; затѣмъ, обратившись къ генералъ-прокурору, онъ спросилъ, не хочетъ-ли онъ, чтобы онъ обвинилъ его? Во всякомъ случаѣ онъ оплакиваетъ несчастіе солдатъ и унтеръ-офицеровъ, которыхъ его безуміе увлекло въ минутное заблужденіе“.

Изъ депеши отъ 21-го сентября 1764 г.:

„Мировичъ присужденъ вчера къ колесованію. Императрица перемѣнила приговоръ на обезглавленіе“.

Изъ депеши отъ 28-го сентября:

„Мировичъ держалъ себя въ послѣднія минуты также, какъ и въ теченіе всего процесса, т. е., съ большимъ самообладаніемъ“ (англ. деп. въ сб. 1858 г., 236—238).

Безумный поступокъ Мировича давно уже осужденъ и современниками, и исторією; для чего же отнимать отъ этого несчастнаго единственное, чѣмъ онъ вызываетъ къ себѣ нѣкоторое сочувствіе, этс

достойное поведеніе на судѣ и передъ смертію и то сожалѣніе, какое онъ выражалъ объ увлеченныхъ имъ солдатахъ, поплатившихся потомъ за это увлеченіе нѣсколькими тысячами ударовъ шпицрутенами.¹⁾ Въ этомъ случаѣ англійскіе цензоры поступили весьма странно.

Въ совершенно пропущенной депешѣ, отъ 28-го сентября 1764 г., мы находимъ извѣстія о неудовольствіяхъ, какія, будто бы, возникли между Екатериною II и однимъ изъ ближайшихъ ея сподвижниковъ; о поведеніи Григорія Орлова и слухи о предполагавшемся, будто бы, бракѣ; о покровительствѣ гр. Никиты Ивановича Панина молодому офицеру Вышенскому и проч.

Къ нѣкоторымъ изъ этихъ извѣстій дѣйствительно можетъ быть приложенъ тотъ взглядъ, который имѣли англійскіе цензоры, т. е., что они заключаютъ въ себѣ сплетни. Тѣмъ не менѣе жаль, что эти извѣстія не попали въ „Сборникъ“, такъ какъ издатели могли бы ихъ опровергнуть, между тѣмъ какъ теперь указанныя выше данныя могутъ вводить въ заблужденіе не вполнѣ свѣдущихъ людей. Такъ, предположеніе о бракѣ Екатерины съ Орловымъ вполнѣ не вѣрно, и въ этомъ же XII-мъ томѣ „Сб. Ист. Общ.“ указано на его невозможность въ слѣдующихъ словахъ депеши, отъ 23-го мая 1763 г., того же лорда Букингама: „Мнѣ достовѣрно извѣстно, что недавно Бестужевъ написалъ бумагу въ видѣ прошенія ея императорскому величеству о томъ, чтобы она вступила въ бракъ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ, что въ старину было въ обычаѣ русскихъ государей. Прошеніе это онъ подписалъ и предложилъ къ подписи всѣхъ главныхъ сановниковъ. Здѣсь нѣкоторые послѣдовали его примѣру. Канцлеръ (М. Л. Воронцовъ) уклонился отъ этого, а Панинъ и нѣкоторые другіе рѣшительно отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ... Люди всѣхъ сословій недовольны милостями, оказываемыми семейству Орловыхъ, и выражаютъ свое недовольство съ свободой, неизвѣстной до сихъ поръ въ этой странѣ“ (Сб., т. XII, стр. 106—107). Что касается извѣстій о странномъ поведеніи Григорія Орлова, то они повторяются въ одной депешѣ, вошедшей въ составъ „Сб. Ист. Общ.“. Въ депешѣ отъ 21-го августа (нов. ст.) 1764 г. Букингамъ пишетъ: „Забывая всякую почтительность и уваженіе къ государынѣ, онъ относится къ ней съ видомъ челоуѣка, сознающаго всю силу и рѣшившагося злоупотреблять ею“ (Сб., т. XII, 177). Но въ томъ же томѣ это извѣстіе положительно опровергается. Лордъ Каскартъ пишетъ, 17-го марта 1769 г.: „Графъ Орловъ челоуѣкъ кроткій, челоуѣколюбивый и всѣмъ доступный, и поведеніе его въ отношеніи къ

¹⁾ См. нашу статью «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ. 1740—1764 гг.» «Отечественныя Записки» 1866 г., кн. VII.

государниѣ весьма почтительно“ (Сб., т. XII, 429). То, что говорится въ опущенной депешѣ о Вышенскомъ можетъ быть, просто придворная сплетня; но въ этомъ извѣстїи, по всей вѣроятности, есть доля правды въ томъ, что касается Н. И. Панина; извѣстно, что онъ враждебно относился къ Орловымъ и, опасаясь ихъ вліянія, могъ желать приблизить къ императрицѣ человѣка, ему преданнаго и обязаннаго своимъ возвышеніемъ.

Въ той же депешѣ, 28-го сентября 1764 г., мы находимъ еще извѣстїя о томъ, будто бы въ обществѣ существуетъ неудовольствіе противъ Екатерины II, но что тѣмъ не менѣе нечего опасаться государственнаго переворота; о причинахъ, почему не могъ имѣть мѣста таковой переворотъ; о холодности, замѣчаемой въ отношенїяхъ Екатерины II къ великому князю Павлу Петровичу и проч. и проч. (англ. депеши во франц. сборн., стр. 248—249).

Послѣднее обстоятельство далеко не сплетни, а фактъ, подмѣченный свѣдущимъ и наблюдательнымъ иностранцемъ; странно, что англійскіе цензоры нашли нужнымъ скрывать то, что давно у насъ извѣстно на основанїи многихъ обнародованныхъ извѣстїй. Впрочемъ, въ этомъ фактѣ едва-ли можно найти сильный укоръ Екатерины, такъ какъ въ царствованіе Елисаветы ребенокъ этотъ былъ отнятъ отъ матери и она могла видѣть его лишь разъ въ недѣлю;¹⁾ а потомъ онъ сталъ орудіемъ извѣстной партїи, во главѣ которой стоялъ Н. Панинъ, желавшій при возведенїи Екатерины на престолъ сдѣлать ее только регентшею, а по достиженїи Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія и совершенно устранить ее отъ престола. Желательно, чтобы отношенїя между Екатериною и Павломъ Петровичемъ рисовались бы передъ нами съ полною откровенностью, безъ всякихъ урѣзовъ, какъ напримѣръ, рисуются для насъ отношенїя Петра Великаго къ Алексѣю Петровичу.²⁾

Возвращаясь къ указанному нами отрывку, замѣтимъ еще, что слова лорда Букингама о хорошихъ отношенїяхъ между Павломъ Петровичемъ и гр. Орловымъ подтверждаются и дневникомъ Порошина.

Въ числѣ депешъ лорда Макартнея, помѣщенныхъ въ XII т. „Сб. Ист. Общ.“ мы не находимъ также депеши отъ 7-го января 1766 г., заключающей въ себѣ слѣдующія слова:

„Объ этой странѣ склонны судить такимъ образомъ, какъ мы су-

¹⁾ См. въ этой же книгѣ «Русской Старины»: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», стр. 668 и проч. Ред.

²⁾ Прекрасно характеризуютъ отношенїя Екатерины II къ Павлу историческіе матеріалы изъ Библіотеки дворца города Павловска въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649—690; 853—884 и проч. Ред.

димъ о другихъ народахъ, и вслѣдствіе тѣхъ усовершенствованій въ искусствахъ и наукахъ, которыхъ она достигла, мы думаемъ, что она стоитъ на одномъ уровнѣ съ сосѣдями. Но тѣ, кто потрудились изучить нравы, правительство и политику Россіи, скоро видятъ, что это народъ совершенно не цивилизованный, что онъ находится еще въ варварской анархіи, и что головы, одѣтыя нынче во французскіе парижы, тѣже, что, менѣе ста лѣтъ тому назадъ, были покрыты мѣховыми шапками“ (Сборникъ 1858 г., стр. 263). Опять напрасно англійскіе цензоры поцеремонились представить намъ этотъ отрывокъ о нашихъ предкахъ, таеъ какъ они пропустили слова, гораздо болѣе рѣзкія: „Наша ошибка по отношенію къ нимъ“, сказано въ другой депешѣ, „состоитъ въ томъ, что мы считаемъ ихъ народомъ образованнымъ и такъ относимся къ нимъ. Между тѣмъ они нисколько не заслуживаютъ подобнаго названія и, несмотря на мнѣніе людей, не знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, я осмѣлюсь утверждать, что Тибетское королевство или владѣнія Джона Престера имѣютъ столько же права величаться этимъ именемъ“ („Сб. Ист. Общ.“, XII, стр. 248).

Мы не находимъ еще депеши Маваרתнея отъ 27-го ноября 1766 г., въ которой, между прочимъ, находились слѣдующія слова: „гр. Панинъ, повидимому, въ лучшихъ отношеніяхъ съ гр. Орловымъ и, безъ сомнѣнія, ему было бы непріятно видѣть на его мѣстѣ фаворита съ талантами и заслугами“. Такимъ образомъ два человѣка, въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины постоянно враждовавшіе другъ съ другомъ, повидимому, примирились. Но это продолжалось не долго, и въ депешахъ англійскихъ посланниковъ мы постоянно находимъ извѣстія то о враждебныхъ отношеніяхъ Орлова къ Панину, то о томъ, что Екатерининъ удалось ихъ помирить („Сб. Ист. Общ.“, XII, 299, 300, 334, 456).

Прежде чѣмъ кончить наши замѣтки по поводу этого изданія, мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Н. Панинѣ на основаніи депешъ англійскихъ посланниковъ. Издатели Сборника дѣлаютъ въ предисловіи къ XII тому слѣдующую характеристику Н. Панина: „одинъ Панинъ представляется истинно государственнымъ человѣкомъ, стоявшимъ возлѣ престола...“. „Ему поручено было воспитаніе Павла Петровича и, по единодушному отзыву и соотечественниковъ, и иноземцевъ, воспитаніе это было превосходно... Англійскіе министры судили наше отечество не только строго, но часто пристрастно, а между тѣмъ на основаніи отзывовъ ихъ о Панинѣ, нельзя не начертать самый лестный его портретъ. Онъ отличается своею прямою, твердостью: мысли свои выражаетъ ясно, опредѣленно, пространно,—эти мысли не прикрываютъ какихъ-либо себялюбивыхъ происковъ...; нѣтъ,

онѣ составляютъ части одного цѣлаго, построеннаго просвѣщеннымъ трудолюбіемъ, дѣловою жизнію. Свои убѣжденія онѣ высказываетъ императрицѣ, не обинуясь, и, какъ упоминаетъ однажды Макартней, цѣлѣй часъ отстаиваетъ свой взглядъ, нераздѣляемый государынею... Какъ всѣ люди правдивые, онѣ вѣжливы съ высшими и снисходителенъ съ низшими: въ дѣловыхъ сношеніяхъ онѣ не прикрывается таинственнымъ молчаніемъ, плохо скрывающимъ бездарность, онѣ всегда готовы говорить о дѣлѣ, не тяготеетъ имъ, несмотря на множество порученныхъ ему обязанностей; онѣ любятъ дѣла, потому что любятъ свое отечество“... (стр. XVIII—XIX).

Составляя характеристику Н. И. Панина, редакторы Сборника напрасно приняли къ свѣдѣнію только отзывы англійскихъ посланниковъ, помѣщенные въ настоящемъ томѣ; они должны были бы обратить вниманіе и на противоположные отзывы французскихъ министровъ и другихъ англійскихъ посланниковъ. Отзывъ Бретейля былъ вполне благопріятенъ для Панина („La Cour de Russie“, 241—242). Но вотъ что пишетъ о немъ (9-го апрѣля 1778 г.) французскій агентъ Корберонъ. Указавъ на его опытность, приобретенную заграничными путешествіями и продолжительною службою на родинѣ, онъ продолжаетъ: „Сладострастный по темпераменту и дѣливый, столько же по системѣ, сколько и по привычкѣ, онъ старался, однако, вознаградить себя за малое вліяніе на умъ своей повелительницы. Величавый по манерамъ, мягкій, честный относительно иностранцевъ, которыхъ онъ очаровывалъ при первомъ знакомствѣ, онъ не зналъ слова: нѣтъ, но исполненіе рѣдко слѣдовало за его обѣщаніемъ; и если, повидимому, сопротивленіе съ его стороны—рѣдкость, то, и надежды, на него возлагаемыя, ничтожны. Въ характерѣ его замѣчательна тонкость, но это вовсе не та обдуманная и страшная тонкость Мазарини, которую скорѣе можно было бы называть двоедушіемъ; тонкость Панина болѣе мелочна...“ („La Cour de Russie“, 246—247). Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, Гюннингъ, также указываетъ на лѣность Панина (Ibid. 253).

Гаррисъ въ депешѣ, 26-го января 1778 г., говоритъ: „Добрая натура, огромное тщесладіе и необыкновенная лѣность—вотъ главные черты характера гр. Панина“. („Correspond. and diaries of Harris“, I, 164). Въ депешѣ, отъ 16-го (27) мая 1778 г., онъ говоритъ: „Вы мнѣ, вѣроятно, не повѣрите, когда я скажу вамъ, что гр. Панинъ изъ 24 часовъ не посвящаетъ дѣламъ болѣе получаса“ (Ibid. 196). Въ депешахъ англійскихъ посланниковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ Сборника, мы вездѣ находимъ отзывъ о неподкупности Панина; объ этомъ говоритъ, въ 1772 г., и англійскій повѣренный въ дѣлахъ Гюннингъ („La Cour de Russie“, 253), и Гаррисъ въ депешѣ отъ 26-го января

(6-го февраля) 1778 г. Но въ примѣчаніи къ тому мѣсту, гдѣ онъ говоритъ, что Панина нельзя подкупить, прибавлено имъ въ послѣдствіи: „такъ какъ Фридрихъ Великій платилъ ему больше, чѣмъ могъ платить кто-либо другой, какъ оказалось въ послѣдствіи“ („Corresp. and diaries“, I, 164).

Въ депешѣ, отъ 13-го (24) декабря 1780 г., онъ пишетъ:

„Вы не можете представить себѣ, до какой степени дошла подкупность въ этой странѣ, громадность ихъ требованій и наглость, съ которою ихъ предъявляютъ. Французскій, голландскій и даже прусскій министры необыкновенно щедры въ этомъ отношеніи, и первый, какъ мнѣ извѣстно, со времени приѣзда истратилъ (на весьма незначительное дѣло) огромныя суммы. Онъ далъ деньги двумъ двоюроднымъ братьямъ гр. Панина и вице-канцлера, и каждый изъ нихъ купилъ дома на сумму отъ 4-хъ до 5-ти т. фун. стерл... Герцогъ Курляндскій издерживаетъ здѣсь ежегодно 20,000 фунт. стерл. и можетъ хвалиться, что въ числѣ его пенсіонеровъ находятся графы Панины, Чернышевъ и Остерманъ“ (Ibid. 370—371). Свѣдѣнія Гарриса о подкупности Панина являются пока единичными, и потому вполне довѣрять имъ нельзя; но мы не имѣемъ права и совершенно отвергнуть ихъ, а должны подождать новыхъ матеріаловъ, которые окончательно рѣшатъ этотъ вопросъ. Мы не будемъ входить въ оцѣнку дѣятельности Н. Панина, какъ воспитателя Павла Петровича, такъ какъ это повело бы насъ слишкомъ далеко; но во всякомъ случаѣ не можемъ не замѣтить, что слова редакторовъ сборника: „по единодушному отзыву и соотечественниковъ, и иностранцевъ воспитаніе это было превосходно“—несправедливы. Для доказательства приведемъ слѣдующія слова Гюннига (4-го августа 1772 г.): „Воспитаніемъ великаго князя постыдно пренебрегли и, можетъ быть, съ намѣреніемъ, что всего больше слѣдуетъ приписать лѣнивому и сладострастному характеру Панина“ („La Cour de Russie“, 252—253). Такимъ образомъ благопріятная характеристика Панина, сдѣланная редакторами Сборника, оказывается сомнительною во многихъ отношеніяхъ. Что касается способностей Н. Панина, какъ дипломата, то, конечно, вполне отрицать ихъ нельзя; но только нужно замѣтить, что большая часть успѣховъ русской дипломатіи за это время скорѣе должна быть признана лично заслугою императрицы Екатерины, которая, какъ видно изъ многихъ обнаруженныхъ въ настоящее время документовъ, очень часто переписывалась съ нашими дипломатическими агентами и давала имъ инструкціи.¹⁾ Въ заключеніи вооруженнаго нейтралитета, что счи-

¹⁾ Весьма драгоценная, въ этомъ отношеніи, подлинная переписка Екатерины II съ гр. Штакельбергомъ 1773—1793 гг., была напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. III, стр. 310, 474, 605 и 689. Ред.

талось главною заслугою гр. Панина, мы видимъ также изъ письма ея къ Потемкину и отвѣта Гаррису личное участіе Екатерины (Лебедевъ: „Графы Панины“, стр. 249—255). Это подтвердилось теперь и свидѣтельствомъ самой императрицы, которая въ собственноручныхъ замѣчаніяхъ на книгу Денина о Фридрихѣ Великомъ, между прочимъ, пишетъ, въ 1789 г., въ опроверженіе извѣстія, что Фридриху Великому первому пришла мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ: „Это не правда, вооруженный нейтралитетъ задуманъ Екатериною II и никѣмъ другимъ (est sortit du cerveau de Catherine II, et de nulle autre). Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать это, такъ какъ эта идея однажды утромъ сорвалась, какъ бы по вдохновенію, съ устъ этой императрицы. Графъ Панинъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать, такъ какъ не онъ это придумалъ, и много труда стоило втолковать ему это; дѣло это было поручено Бакунину и лишь потомъ онъ (Панинъ) принялся за него“. („Дневн. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова“. Спб., 1874 г., стр. 485).

Несмотря на указанные нами пропуски, вновь изданный томъ „Сбор. Ист. Общ.“ представляетъ въ высшей степени важные документы, и потому, какъ мы уже замѣтили, по своему интересу и значенію занимаетъ не только первое мѣсто въ ряду всего изданнаго ко времени открытія памятника Екатеринѣ II, но и вообще среди всѣхъ матеріаловъ къ исторіи ея царствованія—принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ источниковъ.

Нашъ обзоръ литературы екатерининскаго юбилея оконченъ. Общій выводъ тотъ, что она не велика, во-первыхъ, по объему (хотя, быть можетъ, отъ нашего вниманія и ускользнуло кое-что въ провинціальной прессѣ), — не велика особенно сравнительно съ литературой петровскаго юбилея, которая, по свидѣтельству г. Межова, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи статей и изданій,¹⁾ да не богата и по содержанію. Всего важнѣе, какъ мы уже сказали, XII т. „Сбор. Ист. Общ.“, затѣмъ очеркъ изъ исторіи просвѣщенія при Екатеринѣ: „Богословскій Факультетъ“, наконецъ, новое замѣчательно-доброе совѣстное изданіе Записокъ Храповицкаго (отзывъ объ этой книгѣ см. въ Библ. листкѣ); остальное имѣетъ мало значенія.

В. С.

¹⁾ «Библиографическія монографіи». Т. I, вып. 1, стр. IV.

Изображенія русскихъ дѣателей въ саду памятника Екатерины II.

Въ послѣднее время въ средѣ Русскаго Историческаго Общества возникло предположеніе—украстить садъ вокругъ памятника Екатерины II бюстами главнѣйшихъ русскихъ дѣателей ея времени. Вотъ перечень лицъ, которыя по этому предположенію составятъ, такъ сказать, пантеонъ достопамятныхъ людей Русской земли въ славный вѣкъ Екатерины II.

Государственные дѣатели:

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій. Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ. Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій. Графъ Оттонъ Магнусъ Штапельбергъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Александръ Ильичъ Бибииковъ. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Князь Василій Михайловичъ Долгорукой-Крымскій. Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій. Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій. Графъ Ферзенъ. Графъ Валеріанъ Платоновичъ Зубовъ. Григорій Андреевичъ Спиридовъ. Самуилъ Карловичъ Грейгъ. Александръ Ивановичъ Крузе. Митрополитъ Платонъ.

Писатели:

Фонъ-Визинъ. Сумароковъ. Богдановичъ. Херасковъ. Хемницеръ. Капнистъ. Князь Щербатовъ. Болтинъ. Новиковъ.

Каждый, для кого только дорога память нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣателей, трудами своими содѣйствовавшихъ славѣ и благосостоянію Россіи, отнесется съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ предположенію Историческаго Общества и пожелаетъ скорѣйшаго его осуществленія. Въ наше время сознано окончательно, что если представитель высшей власти въ государствѣ дѣяніями своими заслуживаетъ признательность потомства, то она должна быть въ одинаковой мѣрѣ воздана и его сподвижникамъ. Вотъ почему памятникъ Екатеринѣ II уже теперь окружаютъ кн. Потемкинъ, гр. Руманцевъ, Бецкой и друг. Вполнѣ справедливо увеличить «екатерининскую» семью изображеніями и другихъ дѣателей ея времени. Эти изображенія, украшая одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ Петербургѣ, будутъ въ тоже время поддерживать въ населеніи столицы память о заслугахъ предковъ, будутъ вызывать любовь къ исторіи и къ сохраненію ея памятниковъ.....

Что касается, однако, приведеннаго выше списка, то надо ожидать, что, прежде осуществленія его на дѣлѣ, онъ подвергнется большому измѣненіямъ. Не касаясь количественныхъ, которыя неминуемо произойдутъ сообразно тѣмъ средствамъ, какія будутъ изысканы для сооруженія бюстовъ, нельзя не пожелать въ этомъ спискѣ измѣненій, такъ сказать, качественныхъ, т. е., его надо и укоротить, и удлинить. Въ самомъ дѣлѣ, изъ него, безъ особаго сожалѣнія, можно выключить: гр. М. Ѳ. Каменскаго, барона И. И. Меллеръ-Закомельскаго, гр. Ферзена, гр. В. П. Зубова (за-Кавказскаго военно-

начальника), А. И. Крузе и нѣк. друг. Взаимнѣ въ екатерининскій пантеонъ было бы вполнѣ справедливо внести изображенія художн.: Боровиковскаго, Левицкаго, Кожоринова; Кулибина — самородка-механика, де-Мпріево — основателя множества учебныхъ заведеній; писателей: Петрова, Аблесимова, Княжнина, композитора Бортиянскаго, артиста Дмитревскаго.... Вообще желательно, чтобы на ряду съ заслугами государственными и военными возданъ былъ возможно-большій почетъ заслугамъ въ области наукъ, словесности, художествъ и искусствъ. Наконецъ, мы слышали еще одно весьма вѣское замѣчаніе: въ приведенномъ выше спискѣ не видно ближайшихъ сподвижниковъ Екатерины II, — ея ежедневныхъ, такъ сказать, кабинетныхъ сотрудниковъ, — таковы: И. П. Елагинъ, А. В. Храповицкій и нѣкот. друг. Они помогали ей въ составленіи писемъ, указовъ, манифестовъ, они были ея переводчиками, нѣкоторые изъ нихъ сотрудниками въ ея литературныхъ трудахъ, — короче, Екатерина къ нимъ такъ привыкла, что ей и нынѣ, съ высоты своего пьедестала, будетъ странно не видѣть своихъ кабинетныхъ тружениковъ въ томъ обществѣ, которымъ обружень ея монументъ.

Ред.

О преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова.

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что по § 10-му утвержденныхъ Академіею, 13-го декабря 1868 года, правилъ о преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова, срокомъ представленія сочиненій на конкурсаніе этой преміи было назначено 1-го марта 1874 г., но что къ этому сроку не доставлено Академіи ни одного сочиненія. Вслѣдствіе сего конференція Академіи, въ засѣданіи 1-го марта, положила возобновить этотъ конкурсъ на прежнихъ правилахъ и назначила новымъ срокомъ для представленія на него сочиненій 1-е марта 1879 года. Правила объ этой преміи, утвержденныя Академіею Наукъ, суть слѣдующія:

§ 1. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 9-й день февраля 1868 года, Высочайше соизволилъ на назначеніе, изъ собранныхъ для образованія Ломоносовскаго капитала суммъ, двухъ тысячъ рублей на премію и изданіе въ пользу автора строго-ученаго жизнеописанія Ломоносова, съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина, съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ этого изданія принадлежали автору. Премія будетъ состоять изъ означенной суммы въ 2,000 руб. и изъ процентовъ, которые наростутъ на нее ко времени присужденія преміи.

§ 2. Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи представлены Императорской Академіи Наукъ, которою, въ мартовскомъ засѣданіи общаго собранія, будетъ назначена коммиссія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на конкурсаніе. На основаніи донесенія этой коммиссіи, присужденіе преміи будетъ произведено общимъ собраніемъ конференціи, въ декабрьскомъ засѣданіи онаго.

§ 3. Въ ученомъ жизнеописаніи Ломоносова, кромѣ полнаго изображенія всѣхъ сторонъ его дѣятельности, излагается оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, русской исторіи, филологіи и словесности, съ изясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли свѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи русскаго письменнаго языка.

§ 4. На соисканіе преміи принимаются оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Последнія должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ оной, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

§ 5. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи сочиненія.

§ 6. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи этой преміи.

§ 7. Въ случаѣ, если бы, по обширности и многосложности предлагаемой задачи, былъ представленъ трудъ двухъ или болѣе лицъ, вполне соответствующій изложеннымъ требованіямъ, премія присуждается авторамъ его совокупно.

§ 8. Сочиненія, удостоенныя награды графа Уварова, могутъ участвовать въ соисканіи преміи за біографію Ломоносова.

§ 9. Премія будетъ выдана лишь самому автору или его законнымъ наследникамъ, но не издателю.

§ 10. Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе преміи назначается 1-е марта 1879 года. Отчетъ о присужденіи преміи будетъ прочтенъ въ годичномъ публичномъ засѣданіи Академіи и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

ВЪ ПОЛЬЗУ САМАРЦЕВЪ

75 КОПѢЕКЪ — КНИГА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы поступила въ продажу

ПЕРВАЯ КНИГА

„РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

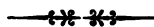
«РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА» имѣетъ цѣлю сдѣлать общедоступнымъ пріобрѣтеніе сочиненій отечественныхъ писателей въ выборѣ лучшаго изъ ихъ произведеній. Пушкинымъ начинается открывающійся рядъ предполагаемыхъ книгъ, затѣмъ послѣдуетъ Державинъ и др.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ: Портретъ, Біографія, Бѣлинскій и Гоголь о Пушкинѣ.—Перый отдѣлъ: Мѣдный Всадникъ.—Полтава (изъ второй и третьей пѣсни).—Борисъ Годуновъ (три сцены).—Русалка.—Евгеній Онѣгинъ (глава вторая и шестая).—Братья Разбойники.—Галубъ.—Второй отдѣлъ: Пѣсни, Сказки и проч., всего 26.—Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго (двѣ главы).—Лѣтописъ села Горохина.—Дубровскій (десять главъ).

Всего 25 печатныхъ листовъ.

Главный складъ изданія „Русской Библиотеки“ помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, д. № 7. Книгопродавцы пользуются, при 100 экземплярахъ, уступкой 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра — 75 копѣекъ въ бумажкѣ и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на экземпляръ.

Сборъ отъ продажи первой книги назначенъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ IX ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1874 г.

А.

Абамелекъ, кн., поруч. 1807 г., 232.
Августъ II, король польскій, 73.
Августъ III, король польскій, 74, 82, 83.
Адамовичъ, генер.-майоръ 1800 г., 215.
Аделунгъ, профессоръ 1813 г., 253.
Адервась, воспитательница Анны Леопольдовны, 94.
Адлербергъ, Влад. Федоров., мин—ръ двора, 784.
Адлерспарръ, швед. офицеръ, заговорщикъ противъ Густава IV-Адольфа, 506.
Адлерврейцъ, швед. генер., заговорщикъ противъ Густава IV-Адольфа, 506.
Азбукинъ, титул. сов., третій членъ пермской межевой конторы 1831 г., 200.
д'Аламберъ, ученый, 177.
Александра Павловна, вел. кн., въ супруж. палатна венгерская, р. 1783 † 1801 г. Письма къ вей имп. Екатерины II, 1787 г., 285. Присутствие на бракосочетаніи в. кн. Александра Павловича 1793 г., 517, 520, 522, 524, 526, 530, 687, 691. Исторія сватовства Густава-Алольфа, 277—300; 473—500. Жизнь въ Венгрии и кончина, 507—512.

Александровъ, новгород. помѣщикъ 1831 г., 162.

Александровъ, от. Семень, протоіерей Михайлов. дворца 1848 г., 126.

Александръ Александровичъ, В. К. Наслѣдникъ Цесаревичъ. Высочайшій рескриптъ на имя Е. И. В. 1873 г., 175.

Александръ-Леопольдъ, австрійскій эрцгерцогъ, 508.

Александръ Николаевичъ, императоръ. Рескриптъ на имя Предсѣдателя Русск. Историч. Общества В. К. Наслѣдника Цесаревича 1873 г., 175.

Александръ Павловичъ, императоръ. Сватовство и бракосочетаніе съ принц. Баденской 1793 г., 37—42, 513—531, 686—712. Собственный разсказъ о своемъ воспитаніи и о побужденіяхъ, заставившихъ заключить «священный союзъ», 18—20. Командованіе арміею въ 1813 г., 218, 220. Религіозное настроеніе и отношенія къ квалерамъ 1818 г., 2, 10, 12—14, 16—20, 22—23. Отношенія къ Аракчееву, 237. Упом. 86, 138, 215, 240, 245, 246, 281, 299, 300, 308, 400, 473, 485, 505, 605, 606, 607, 738, 739, 773, 804, 813.

Алексѣй Петровичъ, цесарев., сынъ

Петра Великаго, р. 1690 † 1718 г., 184, 797, 813.

Али-Османъ, марок. купецъ 1795 г., 49.

Алленъ, Вилліамъ, профессоръ химіи, извѣстный англ. педагогъ и филантропъ, р. 1770 † 1843 г., 1, 4, 16, 20, 28.

Алферовъ, купецъ, 411.

Альбрехтсбергеръ, композиторъ, 716.

Альбрехтъ, капитанъ 1730 г., 80, 92.

Алябьевъ, композиторъ, 339.

Амвросій, москов. архіепископъ 1772 г., 799.

Анастасевичъ, Вас. Григ., 602, 603.

Ангальтъ, графъ Фед. Евстаф., ген.-поруч., ген.-адъют., началъ 1-го кадет. корп., р. 1732 † 1795 г. Участіе въ церемоніи миропомазанія вел. княгини Елизаветы Алексѣевны 1793 г., 517, 521. Упом. 207, 213.

Андреева, Елизавета, няня имп. Елизаветы, 99.

Андреевскій, студ. москов. универс., 1765 г. 798—800.

Андреевскій, директ. 1-го кадетскаго корпуса, 216.

Андреевъ, инженер-полковникъ 1831 г., 148, 157.

Ангарстремъ, швед. офицеръ, убившій Густава III, 1792 г., 278.

Анна Иоанновна, императрица. Милости ея Миниху, 74—75. Свидѣтельство Миниха о ея царствованіи, 79—89. Упом. 76, 381, 382, 535, 667.

Анна Леопольдовна, принц. Брауншвейгъ-Люнебургская, правительн. Россіи, р. 1718 † 1746 г. Отношенія къ Миниху, 75. Свидѣтельство Миниха о ея правленіи, 93—97. Судьба дѣтей ея, 648—666. Упом. 92.

Анна Павловна, вел. кн., 476, 487.

Анна Петровна, царевна, въ замуж. герц. Гольштинская, † 1728 г., 99, 184.

Анна Федоровна (Юліана-Генриетта-Ульрика, принцесса Саксенъ-Кобургская), супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1781 † 1860 г., 282.

Антоній, архимандритъ Воскресенск. монастыря 1716 г., 191.

Антоній, митрополитъ, 130, 131, 138.

Ануфриевъ, аудиторъ 1831 г., 152.

Аполонскій, 615.

Апостолъ, Даниилъ, малорос. гетм., 79.

Апраксина, гр. Анна Борис., рожд. кж. Голицына. Характеристика ея, 59.

Апраксина, гр. Софья Петр., рожд. гр. Толстая, 132.

Апраксинъ, генер.-маіоръ. Пожалованіе его помѣстьями 1741 г., 93.

Апраксинъ, гр. Петръ Матв., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и президентъ юстицъ-коллегіи, р. 1659 † 1728 г., 184, 185.

Апрѣлевъ, Фед. Ив., генер.-маіоръ, приближ. гр. Аракчеева, 238.

Аракчеева, гр. Наст. Вас., рожд. Хомутова. Отношенія къ ней мужа, 237—240.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., воен.-мин — рь, † 1834 г. Характеристическія черты его, 225—230, 235, 236—243. Женитьба, 237. Приближенные, 238—239. Разводъ съ женою, 239—240. Цокухеніе на жизнь 1831 г., 162. Эпиграммы на него, 200—201. Упом. 207, 208, 224, 233, 589, 607.

Арапетовъ, тульскій помѣщ. 1833 г., 230.

Араповъ, 615.

Армфельдтъ, бар. Густавъ-Маврикій, фаворитъ швед. короля Густава III, впоследствии графъ, ген. отъ инф. генер.-адъют. и членъ госуд. совѣта русской службы, р. 1757 † 1814 г. Заговоръ его противъ Карла Зюдерманландскаго и покровительство Россіи, 281—282, 291, 504.

Арсеньева, Екатер. Алексѣев., рожд. Столыпина, 777.

Арсеньевъ, полков., инспект. 1-го кадетскаго корпуса 1805 г., 213, 216.

Арсеньевъ, состав. учебн. географіи, 714.

Арсеньевъ, Конст. Ив., тайн. сов., академикъ, преподав. исторіи Императору Александру II, 647.

Арсеньевъ, Михаилъ, капит., команд. фрегатомъ, на которомъ была отправлена Брауншвейгская фамилія въ Датск. владѣнія 1780 г., 656, 660, 662.

Ахвердова, жена генер.-лейт., 204.

Ахвердовъ, генер.-лейт., воспит. при вел. кн. Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, 204.

Акенваль, профес. геттинг. универс., 801.

Ахшарумовъ, кадетъ, 217.

Ачмасовъ, поручикъ 1831 г., 152.

Ашенбреннеръ, поруч. 1831 г., 144.

Ашъ, бар., домовладѣлецъ, 395.

Афанасій, твер. архіеписк. 1818 г., 24.

Афанасьевъ, Александръ Никол., императоръ, р. 1826 + 1871 г., 428.

Б.

Вагратионъ, кн., полков. Усмирение бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 158.

Вагратионъ, кн. Петръ Ив., ген. отъ инф., р. 1756 + 1812 г. Рапортъ ему Н. Н. Раевского, 767—770.

Ваденская, принц. Фридерика-Доротея, сестра имп. Елизаветы Алексѣевны, 517, 518, 519, 522, 523.

Вазилевичъ, подпоруч. 1805 г., 220.

Ванль, составит. Словаря, 47.

Вайронъ, поэтъ, 116, 581, 607, 651.

Вакунинъ, И. М., 400.

Вакунинъ, Петръ Вас., т. сов., членъ кол. иностр. дѣлъ 1782 г., 817.

Валакиревъ, Милій Алексѣев., членъ Рус. Музык. Общества, 350—353, 374.

Валашкина, Любовь Александр., см. Ланская.

Валашкина, Над. Серг., см. Волкова.

Валашкина, Софія Александр., см. Рудикова.

Валашкинъ, Алексан.; гв. капит., 173.

Валь-Полева, Марія Павл., см. Нарышкина.

Вантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол., тайн. с., состав. Словаря достопамят. людей рус. земли, тобол., потомъ вилен. гражд. губернат., р. 1788 + 1850 г., 75, 163, 428.

Вараховъ, Д. И., писатель, 613.

Варе, парижанка, 538.

Варсузовъ, Ник. Плат., изд. записокъ Храповицкаго, 411, 817.

Варчъ, И. М., докторъ, 380.

Варшъ, Екат. Влад., рожд. кж. Долгорукя, 386.

Варшъ, Ив. Яков., адмиралъ, 386.

Варышниковъ, Н. П. Сообщ. замѣтку о Вас. Никол. Зиновьевѣ, 769.

Варятинская, кн. Анна Ив., см. гр. Толстая.

Варятинская, кн. Екат. Петр., рожд. принц. Гольштейнъ-Бекская, р. 1750 + 1811 г., 302.

Варятинская, кн. Марія Оед., рожд. гр. Келлеръ, 301.

Варятинская, кн. Франциска-Марія, рожд. Дютонъ, + 1807 г., 301.

Варятинскій, кн. Алексан. Ив., генлейт., ген.-адъют., кавказ. намѣст., вполнѣд. фельдмарш., р. 1814 г., 301, 304, 306, 318, 319, 321.

Варятинскій, кн. Анат. Ив., 318.

Варятинскій, кн. Викторъ Ив., 318.

Варятинскій, кн. Ив. Ив., тайн. сов. Описание ижмѣнія его «Марьяно», 301—304.

Варятинскій, кн. Ив. Серг., ген.-поруч., р. 1738 + 1811 г., 302.

Варятинскій, кн. Оед. Серг., об.-гофмарш., р. 1742 + 1814 г. Участіе его въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича, 521, 525. Упом. 299.

Васинъ, П. Б., 701.

Ватіани, кардиналъ, венгер. примасъ 1800 г., 509.

Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 + 1855 г. Замѣтка о немъ, 604. Сатира на него Воейкова, 592, 600. Напис. имъ «Эпитафія младенцу», 627 — 630. Упом. 581, 584, 612, 626, 639.

Вахтинъ, Никол. Ив., членъ госуд. сов., 740.

Вашиловъ, Сем., учит. семин., 800.

Вашуцкій, П. Я., с.-петерб. комендантъ 1825 г., 640, 641.

Везбородово, кн. Александр. Андр., госуд. канцлеръ, р. 1747 + 1799 г. Производство дѣла объ отправленіи Брауншвейтской фамилии въ Датскія владѣнія 1780 г., 651. Участіе въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 521, 525, 527 Упом. 429, 503, 803, 817.

Везе, Арпстъ Ив., 127.

Вейманъ, профес. геттинг. универс., 801.

Веллини, композиторъ, 715, 721.

Велавинъ, профессоръ, 714.

Вемъ, скрипачъ, 714.

Венингсенъ, гр. Леонтій Леонт. (Людвигъ-Августъ), ген. отъ кав., главнокомандующій арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г., 234.

Венкендорфъ, гр. Александр. Христофор., ген. отъ кав., ген.-адъют., шефъ корп. жандарм. и членъ госуд. сов., р. 1783 † 1844 г., 392—398, 566, 639, 641.

Веранже, француз. повѣрен. въ дѣлахъ 1763 г., 422.

Вергѣвъ, лейбъ-медикъ импер. Елизаветы 446.

Верлювъ, композит., 360, 727, 728.

Вернадотъ, Карлъ XIV, король швед., 278.

Верхманъ, братья, кадеты, 217.

Вестужева, Елена Александр., р. 1792 † 1874 г. Некрологъ ея, 575—578.

Вестужева, Марія Александр., 577.

Вестужева, Марія Мих., 578.

Вестужева, Ольга Александр., 577.

Вестужева, Праск. Мих., 575.

Вестужевъ, помощ. управл. симбир. удѣльною конторою, 209.

Вестужевъ, Александръ Александр., (Марлинскій), писат., декабристъ, р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г., 392, 575—576.

Вестужевъ, Александр. Мих., 578.

Вестужевъ, Александр. Федос., ст. сов., отецъ декабристовъ, р. 1762 † 1810 г., 575.

Вестужевъ, Мих. Александр., декабристъ, р. 1800 † 1871 г.; 575—576, 578.

Вестужевъ, Никол. Александр., декабристъ, р. 1791 † 1855 г., 575—576.

Вестужевъ, Пав. Александр., декабристъ, р. 1808 † 1846 г., 575.

Вестужевъ, Петръ Александр., декабристъ, р. 1806 † 1840 г., 575.

Вестужевъ-Рюминъ, Алексѣй Петр., каб.-министръ. Отношенія къ Бирону, 90, 92. Низверженіе, 165. Упом. 169, 422.

Вестужевъ-Рюминъ, К. Н., историкъ, профессоръ, 181.

Ветховенъ, композиторъ, 343—344, 377.

Вехтвевъ, Фед. Дмитр., первый учитель в. кн. Павла Петровича. Обученіе всл. князя грамотѣ, 668. Упом. 444.

Вещій, Ив. Ив., об.-камерг., д. т. сов., р. 1704 † 1795 г., 763, 803, 805.

Вибиковъ, П. А., переводч. полит.-экономич. философ. сочиненій, 723.

Виронъ, Густавъ, рус. ген.-аншефъ, † 1742 г., 92.

Виронъ, Иоганнъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій, регентъ російскій, р. 1690 † 1772 г. Отношенія къ Миниху, 74—75. Составленіе духовн. завѣщанія отъ имени импер. Анны, 86—87. Провозглашеніе регентомъ, 88. Его могущество, 89. Правленіе, 90—92. Судъ и ссылка, 75. Упом. 80, 97, 101, 382, 535—536.

Виронъ, принцъ Карлъ-Эрнстъ, рус. ген.-маіоръ, р. 1728 † 1801 г. Забѣты о немъ Казановы, 536—537.

Виронъ, принцъ Петръ, герцогъ Курлянд. и Семигальскій, р. 1724 † 1800 г., 92.

Влажневская, Алекс. Аванас., вдова, 127, 139.

Влжстонъ, англ. ученый, 47.

Влудовъ, гр. Дмит. Никол., мин. юстиціи, потомъ внутр. дѣлъ, д. т. сов. и предс. деп.—та закон. въ госуд. совѣтѣ, р. 1785 г., 209, 612, 626, 627.

Воальдье, композиторъ, 719.

Вогдановичъ, М. И. Сообщ. прозектъ Обрескова объ уменьшеніи срока службы нижнимъ чинамъ 1808 г., 245—251. Упом. 797.

Вогородской, штабъ-лекаръ. Убіеніе его во время холерн. бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 156. Упом. 148.

Вогушевскій, баронъ Никол. Казим. Сообщ. письмо Фальконета къ герцогу д'Эгильонъ, 762—764.

Вожинъ, Левъ, подъячій 1713 г., 190.

Волотовъ, Анд. Тимоѣ., тульскій помѣщ., р. 1737 † 1833 г., 212.

Волтинъ, Ив. Никит., ген.-маіоръ, членъ воен. кол., писат., р. 1734 † 1780 г., 176.

Волховскій, Яковъ, офиц. Преображ. полка 1824 г., 740.

Вомбаева, гамбург. уроженецъ, 551.

Вонжуръ, діаконъ въ Аваншѣ, 470.

Вородулинъ, А. А. Сообщ. секретно-вскрытую переписку мартиняст. 1790 г., 57—72.

Ворцянскій, Дмит. Степ., духовный композиторъ, 378.

Воссюэтъ, франц. писат., 588.
Вотта, маркизъ, австр. послан. 1741 г., 94, 96.

Вочаровъ, И. П., 134.

Вочвовъ, Алексѣй Поликарп. (въ монашествѣ Антоній). Замѣтка о немъ, 395—396, 399, 566.

Вошнякъ, Карлъ, лекарь, бывшій при Брауншвейгской фамилии, 649.

Враницкая, гр. Алекс. Васил., рожд. Энгельгардтъ, р. 1754 † 1838 г., 696.

Вратцовъ, Степ., шихтмейстеръ 1723 г., 644.

Брауншвейгъ-Люнебургская, прин. Алена Леопольдовна, см. Анна Леопольдовна.

Брауншвейгъ-Люнебургская, прин. Екат. Ант., р. 1741 † 1807 г. Жизнь ея въ Холмогорахъ и отправленіе въ Датск. владѣнія, 649—665.

Брауншвейгъ-Люнебургская, прин. Елиз. Ант., † 1782 г. Житіе въ Холмогорахъ и переездъ въ Датскія владѣнія, 649—665.

Брауншвейгскій, принцъ Людвигъ. Арестъ его, 98. Упом. 91, 92, 93, 94, 95, 97, 809.

Брауншвейгъ-Люнебургскій, прин. Антонъ-Ульрихъ, генералиссимусъ русск. войскъ, † 1776 г. Смерть его въ Холмогорахъ и судьба дѣтей его, 649—666.

Брауншвейгъ-Люнебургскій, прин. Алексѣй Ант., † 1787 г. Жизнь въ Холмогорахъ и въ Горсенсѣ, 649—665.

Брауншвейгъ-Люнебургскій, прин. Петръ Ант., † 1798 г. Жизнь въ Холмогорахъ и отправленіе въ Датск. владѣнія, 649—665.

Браунъ, полковникъ 1739 г., 85.

Бренна, кам.-юнгфера в. кн. Марія Теодоровна, 485.

Брянскъ, А. Ссылка на статью его: «Вскрытіе чужихъ писемъ при Екатеринѣ II, 61.

Брогонци, флорентинка, 549.

Бронъ, пасторъ, 470, 471, 472.

Брусиловъ, Н. П., правит. канц. при-
нятія прошеній 1820-хъ гг., 773.

Брюлловъ, А. Пав., 701, 708, 725.

Брюлловъ, Карлъ Пав., художникъ.

Характеристич. замѣтки о немъ, 699—710, 713, 724, 725.

Брюль, гр., мин.—ръ польскій 1741 г. Отзвѣвъ его о Волковѣ, 167, 168. Упом. 96.

Брюкъ, франц. маршалъ, 506.

Брюкъ, гр. Яковъ Александр., ген.-анш., главноком. въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, † 1791 г., 270.

Бредфордъ, мистриссъ, рожд. миссъ Уильмотъ. Отношенія къ ней кн. Дашковой, 427, 429, 430. Предисловіе ея къ Запискамъ княгини, 431—439. Письмо княгини, 440—442.

Брянскій, Як. Григ., извѣстн. трагич. актеръ 1824 г., 737, 744—747.

Буало, франц. писатель, 445.

Будбергъ, бар., посоль въ Швецію, вполнѣд. эстлянд. ген.-губернат., † 1833 г., 282.

Будбергъ, Андр. Яковъ, ген., р. 1750 † 1812 г. Назначеніе его въ Швецію для переговоровъ о бракѣ Густава-Адольфа съ в. кн. Александрой Павловной, 282, 487, 499, 500, 503.

Буйбухтинъ, капит., уб. во время холер. бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 152.

Бужингамъ, графъ, 423, 808—813.

Буженденъ, начал. малол. отдѣл. 1-го кадет. корп. 1800 г., 215.

Будашевичъ, капит., уб. во время холер. бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 152.

Булгаковъ, писатель, 708

Булгарина, Елена Ив., 641.

Булгаринъ, Фад. Венед., р. 1789 † 1859 г., писат. Замѣтка о немъ, 604. Сатира на него Воейкова, 593. Арестъ 1826 г., 641. Статьи о примиреніи съ Гречемъ и Полевымъ, 615—620. О военной службѣ его, 774—777. Упом. 595, 603, 626, 631, 635—640.

Булдыга, Прокофій, дьякъ 1716 г., 191.

Булдычева, Вѣра Дмитр., см. Волкова.

Булдычевъ, ст. сов., 172.

Бутевичъ, Дмит. Мих., ген.-лейт., 1831 г., 161.

Бутурлина, гр. Варв. Юрьев., см. кн. Долгорукая.

Бутурлина, гр. Екат. Влад., см. кн. Долгорукая.

Вутурлина, гр. Марія Роман., рожд. гр. Воронцова, р. 1738 г., 443—444.

Вутурлинъ, гр. Александр. Борисовичъ, фельдмарш., р. 1694 † 1767 г., 451.

Вутурлинъ, Дм. Петр., дѣйст. т. сов., членъ гос. сов., предсѣд. секрет. комитета 1848 г., 136.

Вутурлинъ, Ив. Ив., ген.-аншефъ, р. 1661 † 1738 г., 188.

Вутурлинъ, Иванъ Петр., окольникій, петерб. владко, † 1717 г., 189.

Вутурлинъ, гр. М. Сообщ. замѣтки о П. А. Кикинѣ, 770—774.

Вутурлинъ, Петръ Иванов., бояринъ, князь-папа, † 1723 г., 189.

Вухмейеръ, Софья Ефим., 126, 134.

Вухмейеръ, Марья Ефим., 126, 134.

Вычвовъ, Аван. Оед., академикъ. Рѣчь его въ засѣданіи Рус. Истор. Общества, 176—177. Сообщ. разнорѣч. комедіи: «Женитьба», 323—338. Упом. 797, 807.

Вѣжинскій, Вис. Григ., извѣстн. критикъ, р. 1811 † 1848 г. Письмо его къ А. М., 142—143. Замѣтка о немъ, 604. Упом. 595, 602, 702, 709, 711, 725.

Вѣлосельская, кн. Анна Оед., рожд. Наумова, 185.

Вѣлякина, Аक्सинья Тарас., 189.

Вѣлякина, Нат. Ероф., 188—189.

Вѣлякинъ, Тарасъ Филип., шутъ, 188—189.

Вюлеръ, бар. Оед. Андр., гофмейстеръ, управляющ. Главн. Моск. Арх., 423, 806.

Вюффонъ, писатель, 48.

Вюшингъ, писатель, 77.

Вѣйдъ, писатель, 445.

В.

Ваганъ, Захаръ, подмастерье, 644.

Вагнеръ, старорус. городской лекарь. Убіеніе его во время холернаго бунта 1831 г., 146—147.

Вагнеръ, композиторъ, 345, 346, 347, 350, 352, 355, 357, 358, 360, 361, 362, 368, 369, 371, 378.

Ваксмутъ, Андр. Яковлев., команд. учебн. артнл. ротами, 626.

Вальхъ, профес. геттинг. унив., 801.

Вальвиль, франц. артистка 1766 г., 558—560.

Варгунинъ, бумаж. фабрикантъ, 708.

Варламовъ, композит., 339.

Варшавскій, князь Иванъ Оед., см. Паскевичъ-Эриванскій.

Вареоломей, старорус. священ. 1831 г., 147.

Васильевъ, Власъ, камердинеръ графа Аракчеева, 239.

Васильевъ, Иванъ, управляющій хорами цыганъ, 309.

Васильчиковъ, кн. Плар. Вас., ген. отъ кав., предсѣдатель гос. сов. и ком. мин—овъ, р. 1776 † 1847 г. Участіе въ войнѣ 1812 г., 768, 769.

Веберъ, композит., 346, 716.

Вегелинъ, А. И., 383.

Вейдемейеръ, А. И., историкъ, 382.

Вейдемейеръ, Тат. Вас. (Темира), рожд. Херхеулидзева. Сатира на нее Воейкова, 597. Замѣтка о ней, 604—605.

Вейсбахъ, графъ, генераль 1736 г., 83.

Велепольскій, гр., польскій помѣщикъ 1794 г., 45.

Вельяминовъ, Алексій Александр., ген.-майоръ, началн. корпус. штаба въ Тифлисѣ 1827 г., внослѣдствіи ген.-лейт. и началн. Кавказской области, † 1838 г., 208, 209, 400.

Веневетиновъ, А. В., дѣйст. тайный сов., сенаторъ. Найден. въ его бумагахъ статья объ отправленіи Брауншв. фамиліи изъ Россіи, 648.

Веневетиновъ, М. А. Сообщ. стат. «Объ отправленіи Брауншв. фамиліи изъ Россіи», 649—666.

Веннингъ, Джонъ, англичанинъ, 5, 21.

Вердеревскій. Эпиграмма его на Воейкова, 585.

Веревкинъ, писат., 806.

Верстовскій, композит., 339.

Верховцевъ, придв. мастеръ серебрян. и бронз. издѣлій, 181.

Веселовскій, 568.

Витель, Ф. Ф., т. сов., управл. департ. духов. д. иностр. исповѣд., р. 1786 † 1856 г., 776.

Вилемсонъ, Марія. Письмо ея къ А. М. Кутузову 1790 г., 65.

Видламовъ, Григ. Ив., ст.-секретарь императ. Маріи Оедоровны, 252.

Виллеръ, Давидъ, англичанинъ, описанный императ. Александромъ въ Россію для просушки болотъ на Охтѣ 1818 г., 2, 4, 14.

Вильбоа, К. П., композиторъ, 352, 354.

Вильневъ, маркизъ, 85.

Вильчиноскій, уѣздный врачъ, 306 — 307.

Винценгероде, бар. Фердинандъ Фел., генер. отъ кавал., генер.-адъют., р. 1770 † 1818 г., 220.

Виртембергская, принц. см. вел. кн. Екатерина Павловна.

Виртембергскій, герцогъ, отецъ императрицы Маріи Феодоровны, 55.

Виртембергскій, принцъ Евгений, 145.

Виртъ, фортеп. мастеръ, 702.

Витали, скульпторъ, 701.

Виталь, баронъ, 280.

Виттъ, Екатерина, 140.

Виттъ, Христ. Яков., † 1848 г., 140.

Виардо, пѣвица, 379.

Виардо-Гарсиа, Полина, пѣвица, 379, 728.

Визьгорскій, графъ Мих. Юр., оберъ-шенекъ, р. 1787 † 1858 г., 366, 699, 702, 708, 709.

Владиміровъ, Петръ Петр., чиновникъ ценз. кон.—та, 119.

Владиславлевъ, издат. альманаховъ, 701.

Воеводскій, подполк., уб. мятежниками Ст.-Русы 1831 г., 159.

Воейкова, рожд. Некрасова, 642.

Воейкова, Александр. Андр., рожд. Протасова, † 1829 г. Отношенія къ ней мужа и дружба съ Жуковскимъ и Тургеневымъ, 582, 623, 625, 631—632, 637—639, 642.

Воейковъ, рижскій комедантъ 1765 г., 533.

Воейковъ, Александр. Фел., писатель, р. 1779 † 1839 г. Сатиры его: «Домъ сумасшедшихъ», 579 — 611; «Парнасскій Адресъ-Календарь», 611 — 615. Статья: «Миръ Греча, Булгарина и Полеваго», 615 — 620. Биографія его, написанная Гречемъ, 621—643.

Воейковъ, Ив. Фел., офицеръ, 622, 625.

Воейковъ, Фел. Матв., генер.-аншефъ,

генер.-губернат. Пруссіи въ Семилѣтнюю войну, р. 1703 † 1778 г., 622.

Войцеховичъ, А. И., 137.

Волжинъ, Н. А., льгов. предводитель дворянства 1840-хъ гг., 307, 319.

Волкова, Алекс. Онуфр., 173.

Волкова, Вѣра Дмитр., въ замуж. Булычева, 172.

Волкова, Вѣра Онуфр., 173.

Волкова, Елиз. Онуфр., 173.

Волкова, Люб. Дмитр., въ замуж. Геденова, 172.

Волкова, Люб. Онуфр., 173.

Волкова, Марія Онуфр., 173.

Волкова, Над. Дмитр., въ замуж. кн. Ухтомская, 172.

Волкова, Над. Серг., въ замуж. Балкашина, 173.

Волкова, Праск. Борис., рожд. Никитина, 172.

Волковъ, Алексѣй Дмитр., секундъ-майоръ, 172.

Волковъ, Вас. Онуфр., москов. помѣщ., 169.

Волковъ, Дмитрій Вас., тайный секретарь Петра III, † 1785 г. Биографическій и характерист. очеркъ его, 163—174. Упом. 102—103.

Волковъ, Никол. Дмитр., дѣств. стат. сов., губернатъ въ Западн. краѣ, 172.

Волковъ, Онуфрій Вас., статскій сов., 169, 173.

Волковъ, Серг. Дмитр., камеръ-юнкеръ 1835 г., 172—173.

Волковъ, Ф. Ф., 173.

Волконская, кн. Марія Петр., рожд. Кикина, † 1854 г. Замѣтки о ней, 770—772.

Волконскій, кн. Григ. Сем., генер. отъ кавал., приближенный Петра III, членъ государ. совѣта, р. 1742 † 1824 г., 103.

Волконскій, кн. Дм. Петр., дѣств. ст. сов., гофмейст., 770.

Волконскій, кн. Петръ Мих., мн.—рѣ двора, фельдмаршалъ, р. 1776 † 1852 г. Отношенія къ нему императ. Николая, 771. Упом. 220.

Вольтеръ, французскій писат., р. 1694 † 1778 г., 10, 46, 177, 178, 421, 425, 445, 540, 541, 581, 583, 595, 602.

Волынский, Артемій Петров., генерал-иншефъ, об.-егермейст. и каб.-министръ, р. 1689 г., казненъ 1740 г., 89, 90, 92, 671.

Вороновъ, Андр. Степ., тайный сов., членъ совѣта м—ра Нар. Пр., 724.

Воронцова, гр. Анна Мих., см. гр. Строгонова.

Воронцова, гр. Екат. Ром., см. Дашкова.

Воронцова, гр. Елиз. Ром., въ замуж. Полянская, р. 1739 † 1792 г. Отношенія къ сестрѣ, 408—409, 459. Упом. 444.

Воронцова, гр. Марія Ром., см. гр. Вутурлина.

Воронцовъ, гр. Александръ Ром., государственный канцлеръ, р. 1741 † 1806 г. Отношенія его къ сестрѣ кн. Е. Р. Дашковой и отрывки изъ переписки съ нею, 408—411, 422, 429, 439, 442, 444, 448, 450.

Воронцовъ, гр. Мих. Иллр., государ. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г. Отрывъ его о кн. Дашковой, 410—411. Воспитаніе княгини въ его домѣ, 443—453. Упом. 103, 284, 408, 422, 442, 811.

Воронцовъ, кн. Мих. Сем., генер. отъ инфант., генер.-адъют., кавказ. намѣстникъ, р. 1781 г., ум. 1856 г., 607.

Воронцовъ, гр. Ром. Иллр., генералъ-аншефъ, владимір. и ярослав. ген.-губернаторъ, р. 1707 † 1783 г. Отношенія его къ дѣтямъ, 410—411, 443—444.

Воронцовъ, гр. Сем. Роман., ген. отъ инфант., посолъ при лондонскомъ дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 444.

Воронцовъ-Дашковъ, кн. Ив. Иллр., послан. въ Миланъ 1831 г., дѣйст. тайн. сов., оберъ-церемоніймейст., членъ госуд. совѣта, р. 1790 † 1854 г., 722.

Врагославъ, графъ, австр. министръ 1741 г., 95.

Вревскій, бар. Борисъ Александр., 724.

Вревскій, бар. Пав. Александр., ген.-адъют., р. 1810 г., уб. въ Крыму 1855 г., 701, 724.

Вульфъ, Гавр., воспитан. панс. при Педагог. инстит. 1822 г., 724.

Высоцкій, фортепیانистъ, 714, 721.

Вышенскій, офицеръ 1764 г., 810.

Вяземинъ, Серг., подъачій 1699 г., 191.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., поэтъ. р. 1792 г., 612, 626, 709, 738.

Вязмитиновъ, генер. отъ инфантеріи. с.-петербургскій комендантъ 1801 г., 252.

Г—ма, полтв. помѣщикъ. Курьезный рассказъ о немъ, 196—197.

Габлицъ, сенаторъ 1818 г., 9, 31.

Гавриилъ, митроп. новгород. и савит-петербург. Миропомазаніе в. кн. Елизаветы Алексѣевны, 515—518. Упом. 136, 646, 666.

Гагарина, княгиня, 454.

Гагарина, кн. Екат. Сем., см. Семейнова.

Гаевскій, В. П., авт. ст.: «О Дельвингѣ», 584.

Гаевскій, С. Ѡ., 137.

Гайъ, викар. архіеп. астрахан. Участіе въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 526.

Гайдъ, композит., 366.

Гажефильдъ, Самуилъ, англичанинъ, 24.

Гажельбергъ, бар., первый освободитель крестьянъ въ Эстляндіи, 1818 г., 16

Галаховъ, с.-петерб. об.-полиціймейст. 1847 г., 783—784.

Галемъ, авторъ «Жизни Миниха», 382.

Галиани, аббатъ, 47.

Галманъ, профес. геттинг. универ., 801.

Гамалея, Семенъ Иван., мартиристъ, другъ и сподвижникъ Новикова, 63, 65.

Гамбергъ, профес. геттинг. унив., 801.

Гамильтонъ, мистриссъ, 417, 421, 434.

Ганъ, Зен. Ив., рожд. Жиркевичъ, 211.

Гарановичъ, художникъ, 701.

Гарвей, лордъ, англ. мин—ръ во Флоренціи, 281.

Гаррисъ, англ. повѣрен. въ дѣлахъ, 815—817.

Гаттереръ, профес. геттинг. унив., 801.

Гваренги, архитекторъ, 760.

Ге, Н. Н., академикъ живоп., 181, 797.

Гедеонова, Люб. Дмитр., см. Волжова.

Гедеоновъ, Мих. Александр., директ. с.-петерб. театровъ 1841 г., 701, 708, 712, 728, 731.

Гедеоновъ, Ѡ. Д., 728.

Гедеоновъ, Петръ Яков., надв. сов., 172.

Гейденрейхъ, Людвигъ Андр., д. ст. сов., докторъ театрал. дирекціи. Сообш.

письма къ нему М. И. Глинка 1842 — 1856 г., 726—731. Упом. 702.

Гейденъ, графъ, 9.

Гейне, профес. геттинг. универ., 801.

Гейне, поэтъ, 344.

Гейвертъ, голландск. посланникъ, 606.

Гельбигъ, тайн. сов., саксон. послан. при рус. дворѣ 1787 г., историкъ. Составл. имъ біогр. очеркъ Д. В. Волкова, 163—167

Гендрикова, графиня, 461.

Генрихъ IV, французс. король, 681—684.

Герасовы, братья-офицеры, 217.

Герардъ, генералъ 1818 г., 25, 28.

Гербель, генеральша, 146.

Германъ, издат. «Дневника похода въ Крымъ Миниха», 381, 382.

Германъ, профес. марбург. университет. О рецензиі его на сочиненіе Костомарова, 791—796.

Геродорфъ, баронъ, ген.-майоръ, шефъ мушкетер. полка 1807 г. Характерист. черта его, 232. Упом. 231.

Гершельманъ, авторъ «Прагматической исторіи Россійской Имперіи», 93.

Гессенъ-Гомбургскій, прин. 1736 г., 83.

Гибаль, Александр. Богд., 642.

Гибнеръ, Софья Лаврент., 126, 136.

Гильдебрандъ, старов. священникъ 1818 г., 35.

Глазуновъ, книгопродавецъ, 619.

Глинка, вадеть, 217.

Глинка, Дмитр. Григ., послан. въ Бразилію, нинѣ полномоч. министръ при португал. дворѣ, писатель. Замѣтка о немъ, 723.

Глинка, Люд. Ив. см. Шестакова.

Глинка, Марія Петр., рожд. Иванова, 723.

Глинка, Мих. Иванов., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Воспоминанія о немъ А. Н. Струговщикова: среда, въ которой жилъ и трудился М. Глинка, характеристика братьевъ Кукольниковъ, Брюлова и друг. 697 - 725. Письма его къ Л. А. Гейденрейху 1842 — 1856 г., 726 - 731. Упом. 339, 341, 349, 368, 378.

Глинка, Никол. Никол., литерат., 382.

Глинка, Сергѣй Никол., редакт. «Русскаго Вѣстника», р. 1775 † 1847 г. За-

мѣтка о немъ, 605. Сатира на него Воейкова, 586, 590. Упом. 390, 429, 613.

Глинка, Фед. Никол., поэтъ, р. 1787 г. Замѣтка о немъ, 605.

Глушкова, Н. И., рожд. Жиркевич., 211.

Глѣбовъ, полковн. 1812 г., 768.

Глѣбовъ, Александр. Иван. ген.-прокур. сената, потомъ генералъ-аншефъ, р. 1718 † 1790 г., 168, 170, 171.

Глѣбовъ, писатель, 615.

Глюкъ, композиторъ, 379, 718, 719, 729.

Глѣдичъ, Никол. Иван., литерат., 636, 638, 738.

Гоголь, Николай Васильев., писатель. р. 1809 † 1852 г. Ком. его «Женитьба»: разворѣчія по черновой его рукописи, 323—338. Упом. 759.

Голенищевъ-Бутузовъ, Пав. Иван., переводч. греческихъ писателей, р. 1767 † 1828 г. Замѣтка о немъ, 605. Сатира на него Воейкова, 591. Упом. 586, 600, 614.

Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, кн. Михаилъ Илларионов., фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г., 58, 252.

Голиновъ, историкъ, 176.

Голицына, княгиня, 449.

Голицына, кж. Анна Борисовна, см. Апраксина.

Голицына, кн. Нат. Петр. (la princesse Moustache), рожд. гр. Чернышева. р. 1741 † 1837 г., 134.

Голицынъ, князь, 10.

Голицынъ, князь, 702.

Голицынъ, кн. Александр. Николаев., мин-ръ духовн. д. и народнаго просвѣщ., р. 1773 † 1844 г. Отношенія его къ кватерамъ, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 17, 18, 20, 21—24, 31, 32. Упом. 108, 130, 137.

Голицынъ, кн. Борисъ Алексѣев., (во иноч. Боголѣвъ), бояринъ, р. 1654 † 1714 г., 188.

Голицынъ, кн. Дмит. Влад., ген. отъ кавал., московскій генералъ-губернаторъ, р. 1771 † 1844 г., 637.

Голицынъ, кн. Дмитр. Мих., дѣйств. тайн. сов., сенат., кiev. губернат. и членъ ерх. т. сов., р. 1665 † 1738 г., 82.

Голицынъ, кн. Петръ Алексѣевичъ, об.-егермейст., р. 1731 † 1810 г. Участіе

его въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича, 521, 525.

Голицынъ, кн. Сергій, 25.

Голицынъ, кн. Серг. Фед., главнокомандующій арміею 1809 г., ген. отъ инф., членъ государств. сов., р. 1748 † 1810 г., 242—243.

Голицыны, противники импер. Анны, 80, 89, 90.

Гольштейнъ-Векская, принц. Екатерина, см. кн. Барятинская.

Гольштинская, принцесса, 55.

Гольштинскій, принцъ Георгъ, дядя Петра III, 103.

Гольштейнъ-Векскій, принцъ Петръ-Августъ, дядя Петра III, 103.

Головинъ, гр. Никол. Ник., полковн., гофмарш. двора в. кн. Александра Павловича 1793 г., вполн. об.-шенъ и членъ госуд. сов., † 1820 г., 522.

Головинъ, гр. Никол. Фед., адмиралъ, презид. адмир.-коллегии, р. 1695 † 1745 г., 87, 93.

Головинъ, гр. Мих. Гавр., дѣйст. т. сов., сенат., потомъ вице-канцл. и кабинет-министръ, † 1755 г., 82, 93, 98, 100, 101.

Головинъ, гр. Юрій Александр., вполн. об.-камерг. и членъ государств. совѣта, р. 1749 † 1846 г. Оведеніи имъ дѣла о бракъ в. кн. Александры Павловны съ швед. королемъ, 501—503.

Головцынъ, архангелогор. губернат. 1768 г., 177, 651, 657.

Горбаль, ун.-офиц. 1831 г., 567.

Горгола, П. С., сенаторъ 1848 г., 131.

Городчаниновъ, 613.

Горчаковъ, кн. Дм. Петр., писатель, 612.

Готовцевъ, офицеръ, 217.

Граве, Александр. Христіан., офицеръ Преображ. полка 1830 г., 640.

Граматиъ, секретарь принца Людвига Брауншвейтскаго. Участіе его въ разговорѣ противъ Бирона 1740 г., 92.

Граматиъ, Н., литераторъ, 613.

Гранже, танцмейстеръ в. кн. Павла Петровича, 671.

Грановскій, Тим. Никол. проф. Моск. ун-в. Письмо его къ Е. А. Рыжовой 1844 г., 141—142. Упом. 58, 578, 708, 709, 759.

Грезновъ, артил. капит. 1831 г., 156.

Грелле-де-Мобилье, см. Мобилье.

Гретри, композиторъ, 719.

Гречъ, Е. И. Сообщ. біографію А. Θ. Воейкова, составленную Н. И. Гречемъ, 621—643.

Гречъ, Никол. Ив., журнал. и литерат., р. 1787 † 1867 г. Сатира на него Воейкова, 582, 593, 595, 600. Замятка о немъ, 605. Статьи Воейкова о примиреніи съ Греча съ Н. А. Полевымъ, 615—620. Составл. имъ біографич. очеркъ А. Θ. Воейкова, 621—643. Упом. 604, 774, 775.

Грибоѣдовъ, Алекс. Серг., † 1829 г., 393, 732, 738.

Григорій, сельскій священникъ, 305.

Григорій VII, рим. папа, 556.

Григоровичъ, В. И., писатель, 701.

Гризи, пѣвца, 728.

Гриммъ, ученый, 178.

Гроссъ, академ. и профессоръ. Самоубійство его 1741 г., 98.

Гротъ, Яковъ Карл., академикъ. Рѣчь его въ засѣданіи Геогр. Общества, 177—180. Упом. 427—428.

Грузинцевъ, Александр. Никол., драматургъ. Сатира на него Воейкова, 594. Замятка о немъ, 605. Упом. 613.

Груйсъ, А. К., 139.

Груйсъ, Марья Григ., 139.

Губеръ, Э. И., поэтъ. Замятка о немъ, 711. Упом. 701.

Гудимъ-Левковичъ, Вас., воспитан. панс. при Педагогич. Институтѣ 1820 г., 724.

Гунгль, музыкантъ, 705.

Гурилевъ, композиторъ, 339.

Гурсвалинъ, издатель, 708.

Гурьевъ, церемоніймейст. 1793 г. Участіе его въ церемоніи бракосочетанія вел. кн. Александра Павловича, 525.

Густавъ III, король шведскій, 177, 277, 278, 279, 280, 283, 503.

Густавъ IV-Адольфъ, швед. король. Исторія сватовства его за вел. кн. Александру Павловну, 277—300, 473—507.

Гусятниковъ, 468.

Гэно, франц. президентъ, 48.

Гюннингъ, англ. повѣрен. въ дѣлахъ 1772 г., 815—816.

Д.

- Даву, маршалъ, 767, 769.
 Давыдовъ, Денисъ Вас., ген.-лейт., извѣст. партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 612.
 Далеяръ, композиторъ, 719.
 Данилевскій, писат., 804.
 Даниловъ, майоръ, 390.
 Даниловъ, Вас. Вас., стольникъ 1714 г., 188.
 Данненбергъ, майоръ 1809 г., 243, 244.
 Дантесъ-Гежеръ, кавалерг. офицеръ, убитый на дуэли Пушкина, 605.
 Даргомыжскій, А. С., композит., 340, 350, 353, 378, 701.
 Дашкова, кн. Анаст. Мих., въ замуж. Щербинина. Отношенія къ матери, 411—412.
 Дашкова, кн. Екат. Ром., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г. Характеристическія свѣдѣнія о ней, 407—430. Записки ея, 430—464. Упом. 540, 796, 800, 803.
 Дашковъ, кн. Дм. Вас., мин—ръ юстиціи 1831 г., 612, 620.
 Дашковъ, кн. Михайль-Кондратій Ив., кам.-юнкеръ и вице-полковн. л.-кирасир. полка, р. 1736 † 1764 г. Первое знакомство и женитьба на кн. Воронцовой, 449, 451, 452. Отношенія къ женѣ, 453, 464.
 Дашковъ, кн. Пав. Мих., ген.-лейт., моск. губер. предводит. дворян., † 1807 г. Характеристика его и отношенія къ матери 411—413.
 Девьеръ, гр. Мануиль, с.-петерб. ген.-полиціймейстеръ при Петрѣ Великомъ, 78, 99.
 Деве, старики-супруги, 195.
 Деве, младшій, 195—196.
 Деве, старшій. Самопожертвованіе его, 195—196.
 Делиль, франц. писат., 581.
 Дельвигъ, бар. Ант. Ант., поэтъ, р. 1798 † 1831 г., 636.
 Деменковъ, М. С., курскій помѣщ., 1840-хъ гг., 307, 312.
 Демидовъ, Прокофій Авянф., дѣйст. ст. сов., р. 1710 † 1786 г., 536, 543.

Демидовъ, Никол. Петр., подпоруч. Разсказъ о подвигѣ его подъ Аустерлицомъ 1805 г., 222—223.

Денжсеевъ, Н. С., курс. помѣщ. 1840-хъ гг., 307.

Деноткинъ, Вас., содержат. нотнаго магазина 1856 г., † 1874 г. 730, 731.

Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ, т. сов. и мин. юстиціи 1806 г., р. 1743 † 1816 г., 180, 525, 583.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 397, 773, 787.

Дидрихсъ, Карлъ, воспит. панс. при Педагог. Инст. 1822 г., 724.

Дидро, философъ XVIII ст. Свидѣтельство его о кн. Дашковой, 418—419, 424—426, 177.

Димсдаль, 803.

Диринъ, част. приставъ 1831 г., 147.

Дитрихъ, нѣмецъ, 67.

Дмитріевъ, Ив. Ив., баснописецъ, членъ гос. сов. † 1837 г., 583, 612.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александр. Матв., фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., 414.

Дмитрій IV Ивановичъ, по прозванію Донской, вел. князь, р. 1350 † 1389 г., 622.

Добролюбовъ, Н. А., писат., 428.

Добрынинъ, Гавр. Ив. Ссылка на свѣдѣтельство его о кн. Дашковой, 419—420.

Долгорукая, кн., въ замуж. Мелиссина, 539.

Долгорукая, кн. Варв. Юрьев., рожд. гр. Бутурлина, 383.

Долгорукая, кн. Екатер. Владим., см. Варшъ.

Долгорукая, кн. Нат. Влад. см. Салтыкова.

Долгорукая, кн. Праск. Влад., см. Мелиссина.

Долгорукая, кн. Ульяна Ив., рожд. Наумова, 185.

Долгорузіе, фавориты Петра II, 79, 80, 89, 90.

Долгорукой, кн., ген.-адъют. 1805 г., 218, 220.

Долгорукой, кн. Вас. Лукичъ, дѣйст. ст. сов., членъ верх. т. совѣта, † 1739 г., 79.

Долгоругой, кн. Вас. Влад., рус. посоль въ Варшавѣ 1721 г., потомъ ген.-фельдм., членъ, верх. т. совѣта, р. 1667 † 1746 г., 74.

Долгоругой, кн. Васил. Влад., ген.-поруч., р. 1738 † 1784 г., 383, 385.

Долгоругой, кн. Влад. Петр., ген.-поруч., риж. и ревельск. ген.-губернат., † 1761 г., 385.

Долгоругой, кн. Петръ Влад., 172.

Долгоругой, кн. Юрій Влад., ген.-аншефъ, р. 1740 † 1830 г., 383, 385.

Долгоругой, кн. Як. Фед., бояр., сенат., ген.-плен.-кр.-коммис., р. 1639 † 1720 г. Заступничество его за Наумова, 182—187.

Доницетти, композиторъ, 715.

Дохтуровъ, Дмитр. Серг. ген. отъ инф., корп. команд. 1812 г., † 1816 г., 217.

Дрейшовъ, музыкантъ 1840 г., 699—702.

Дубельтъ, Леонтій Вас., ген.-лейт., начальн. штаба корп. жандармовъ, 399, 642, 643, 708.

Дугласъ, Сильвестръ, первой лордъ Глаенберви, 431.

Душинскій, Г. Р., цензоръ 1848 г., 137.

Дуровъ, Н. П. Сообщ. обзоръ историч. трудовъ Миниха, 381—383. Упом. 76.

Дьяковъ, витеб. и смолен. ген.-губернаторъ, 210.

Дюма, Александръ, франц. романистъ, 610.

Дюттонъ, Франциска-Марія, см. кн. Барятинская.

Е.

Евгеній, свящ., заковоучит. 1-го кадет. корп., 216.

Евгеній, бѣлград. епископъ 1818 г., 31.

Евгеній, архіепис. екатеринослав. и херсон. Участіе въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 526.

Евгеній (Болховитиновъ), митропол. кіевскій, 428, 799, 800.

Евгеній, принцъ Савойскій, 73.

Екатерина I, императрица. Характер.

письмо къ ней персид. шаха, 447. Правленіе ея, 78—79. Упом. 74, 97, 99.

Екатерина II, императрица. Отношенія къ княгини Дашковой, 408—430, 451—452; 459—464. Отношенія къ государственнымъ прежнему царствованій, 76, 166. Назначеніе Миниха начальн. гидравл. со оруженій, 75. Порученіе Фальконеу изваять монументъ Петру Великому, 1766 г., 761. Заботы объ отпращиваніи Брауншвейгской фамліи въ Датскія владѣнія 1780 г., 647—666. Письма къ внучкѣ в. кн. Алекс. Павл. 1787 г., 285. Письма къ дѣтямъ. 1793—1796 гг. 1) о франц. революціи, о дѣлахъ въ Польшѣ и о семействѣ герцога Виртембергскаго, 42—56; 2) по поводу предстоящ. бракосочетанія в. кн. Александра Павловича, 37—42; 3) по поводу брака в. кн. Александры Павловны съ Густавомъ-Адольфомъ, 285—300, 473—504. Политика въ отношеніи Швеціи, 277—284. Отношенія къ европ. ученымъ, 175—180. Бракосочетаніе в. кн. Александра, 513—531, 684—712. Литературныя произведенія по случаю ея юбилея, 796—819. Упом. 33, 61, 169, 170, 263, 272, 379, 382, 384, 436, 437—441, 538, 549, 552, 647, 648, 670, 673.

Екатерина Иоанновна, царевна, герцогиня Мекленбургская, 79, 94.

Екатерина Павловна, вел. кн., въ замуж. принц. Виртембергская. Присутствіе на бракосочетаніи в. кн. Александра Павловича, 516, 520, 530, 687. Ковчина ея, 10, 15.

Елагинъ, Ив. Перф., дѣйств. ст. сов. об.-гофмейст. и сенат., р. 1725 † 1796 г. Участіе его въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 521. Упом. 408.

Елена Павловна, вел. кн., дочь импер. Павла, въ супруж. принц. Мекленбург-Шверинская, † 1801 г. Присутствіе ея при бракосочетаніи в. кн. Александра Павловича, 518, 520, 522, 524, 526, 530, 687, 691. Упом. 475, 512.

Елешчани, графъ, 221.

Елизавета, австр. импер., 508.

Елизавета Александровна, вел. кн., дочь Александра I, р. 1806 † 1808 г., 513.

Елизавета Алексѣевна (Луиза-Ма-

рія-Августа), р. 1779 † 1826 г. Бракосочетаніе ея съ в. кн. Александромъ Павловичемъ, 37—42, 513—531, 684—705. Аудиенція, данная квакерамъ 1818 г., 21. Упом. 128, 475, 504, 515.

Елизавета Петровна, императрица. Свидѣтельство Миниха объ ея царствованіи, 96—101. Отношенія къ в. кн. Павлу Петровичу, 667—668. Упом. 75, 78, 165, 170, 184, 382, 442, 443, 446, 450, 451, 453, 536, 552, 812.

Емельяновъ, майоръ. Поступокъ его во время холер. бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 155, 157.

Ермолаевъ, А. Н., извѣст. археологъ, 638.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ артил., членъ госуд. сов., р. 1777 † 1861 г. Письмо его къ А. И. Кучину 1843 г., 562—563. Упом. 61, 208, 400, 578.

Ерошкинъ, Петръ Дмит., ген.-аншефъ, москов. главнокоманд., р. 1724 † 1805 г., 89.

Ерофьева, Варвара, 189.

Ерофьевъ, Никифоръ, солдатъ 1713 г., 189.

Ефремовъ, Петръ Александровичъ, библиографъ. Сообщ. «Домъ Сумасшедшихъ» Воейкова, 581—603. Упом. 427.

Ж.

Жандръ, Анд. Анд., писат., 740.

Желъзняковъ, майоръ 1800 г., 215—216.

Женнингсъ, секрет. швед. посольства 1796 г., 496, 501, 502.

Жилинъ, музыкантъ, 608.

Жиревичъ, Александра Ив., рожд. Лаптева, 208, 211.

Жиревичъ, Александр. Степ., шт.-капитанъ 1807 г., † 1842 г., 231—232. Упом. 234.

Жиревичъ, Влад. Ив., 211.

Жиревичъ, Зенанда Ив., см. Ганъ.

Жиревичъ, Ив. Степ., от. ген.-майоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, 207—244.

Жиревичъ, Н. И., см. Глушкова.

Жиревичъ, Никол. Степанов., майоръ 1807 г. Смерть его, 231.

Жихаревъ, писатель, 614.

Жофре, париж. профес., 205.

Жуковский, Вас. Анд., извѣст. поэтъ, р. 1783 † 1852 г. Сатира на него Воейкова, 591, 600. Отношенія къ Протасовымъ и Воейковымъ, 622, 623, 625—627, 635—638. Упом. 511, 581—583, 594, 601, 604, 606, 607, 642, 709, 738.

Жуковъ, табачн. фабрикантъ, 583, 782.

З.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., д. т. сов., ст.-секрет. Екатерины II, вносл. мин.—ръ народ. просв. и предсѣд. деп.—та законовъ, р. 1738 † 1812 г., 525.

Загоскинъ, М. Н., писатель, 639.

Загряжскій, А. М. Разсказъ его о судьбѣ V-й главы «Евгенія Онегина», 564.

Загребскій, гр. Арс. Андр., ген. отъ инф., ген.-адъют., москов. ген.-губернат., р. 1733 г., 642.

Задекъ - Пиковскій, майоръ, ротн. команд. 1808 г., 235.—236.

Зандмаркъ, книгопродавецъ 1790 г., 66.

Зарембо, директ. консерваторіи 1869 г., 373.

Заруцкій, майоръ, уб. мятежниками Ст.-Русъ въ 1831 г., 155.

Засядко, Александръ Дмитр., директ. артил. училища, 626, 632, 633, 634.

Затурскій, майоръ 1831 г., 152, 157.

Захарьинъ, И. Н. Сообщ. рассказы изъ прежней судеб. практика, 777—780.

Зегеръ, Анна Матв., 127.

Зенкебиль, 66.

Зечеръ, А. И., 136.

Зиновьева, Авд. Наум., рожд. Сенявина, р. 1717 † 1773 г., 789.

Зиновьева, Екат. Никол., см. Орлова.

Зиновьевъ, Александр. Никол., дѣйст. камергеръ, 789.

Зиновьевъ, Анд. Никол., полковн., 539, 789.

Зиновьевъ, Вас. Никол., внослѣд. тайн. сов., дѣйств. камергеръ Замятки о немъ, 539, 544—545, 789.

Зиновьевъ, Ив. Никол., 789.

Зиновьевъ, Никол. Ив., генер.-поруч., петер. комендантъ, † 1773 г., 789.

- Зиновьевъ**, Петръ Никол., 789.
Зловъ, актеръ, 747.
Зонненбергъ, Карлъ Ив. Составлен-
 ная для него реклама «Эмансипація че-
 ловѣчества», 401—406.
Зотовъ, Вас., сенат. ревизоръ 1717 г.,
 185.
Зубовъ, кн. Плат. Александр., ген-
 фельдцейхмейст., вполн. ген. отъ инф. и
 шефъ 1-го кадет. корпуса, р. 1767
 † 1822 г. Письмо его къ в. кн. Павлу Пет-
 ровичу, 488 — 489. Упом. 215, 280, 281,
 484, 693.
Зюдерманландская, герцогиня, 52.
Зюдерманландскій, герц. Карлъ (впо-
 слѣд. король Карлъ XIII), швед. регентъ.
 Дѣйствія его въ отношеніи Россіи, пре-
 бываніе въ Петербургѣ съ Густавомъ-
 Адольфомъ и размовка съ нимъ, 278—
 300, 473 — 500. Избраніе королемъ, 506.
 Упом. 52.

И.

- Иванова**, Екат. Петр., въ замуж. Ло-
 патина, 143.
Иванова, Марія Петр., см. Глинка.
Ивановскій, Андр. Андреев., ст. сов.,
 р. 1791 † 1848 г. Разсказъ его о Пуш-
 кинѣ, 392—399. Упом. 566.
Ивановъ, пѣвецъ, 716.
Ивановъ, фейерверкеръ, 221.
Ивановъ, перм. землемѣръ 1831 г., 198.
Ивановъ, А. А., извѣст. художникъ, 323.
Иванчинъ-Писаревъ, Никол., стихо-
 творецъ, 613, 615.
Игнатій, архіеписк. реондаж. Участіе
 въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Але-
 ксандра Павловича 1793 г., 526.
Игнатовичъ, Александръ. Сообщ. за-
 мѣтку къ ст. Ушакова: «Холерный бунтъ
 въ Ст.-Русѣ 1831 г.», 567—568.
Измайловъ, Александр. Ефим., басно-
 писецъ, р. 1779 † 1831 г. Сатира на него
 Воейкова, 592. Замѣтка о немъ, 606. Упом.
 215, 616.
Измайловъ, Андр. Петр., послан. въ
 Даніи 1700 г., ближній стольникъ, намѣст.
 Суздальскій, 189.
Измайловъ, Влад. Вас., литераторъ,
 р. 1775 † 1830 г., 396.

- Илюдоръ**, архіерей, 131.
Илличевскій, 698, 699.
Иловайскій, Д. И., историкъ. Замѣтка
 его по поводу ст. Ламбина о Тмутаракан.
 Русь, 569—574. Рецензія на критическій
 разборъ Германа сочиненій Костомарова.
 791—795.
Ильинична, мамка императр. Елиза-
 веты, 99.
Ильинскій, польскій депутатъ, от-
 правленный для принесенія поздравленія
 съ бракосочетаніемъ в. кн. Александра
 Павловича 1793 г., 690.
Ильмеръ, госпожа, 127, 128.
Илья, управл. хорами цыганъ, 309—311.
Иязовъ, ген.-маіоръ 1809 г., 243.
Инновентій, архіеписк. псков. и ряз-
 скій. Участіе въ церемоніи бракосочета-
 нія в. кн. Александра Павловича 1793 г.,
 526. Упом. 127, 131, 135, 137, 138.
Ицарскій, Вас. Антон. Воспоминанія
 его изъ помѣщич. быта 1840—1850 гг.,
 301—322.
Ириней, епископъ твер. и кашинскій.
 Участіе въ церемоніи бракосочетанія в.
 кн. Александра Павловича 1793 г., 526.
Исаевъ, Илья, правит. суконн. дѣла
 1712 г., 186.
Исаковъ, книгопродав. и издатель, 73.
Исаковъ, маіоръ 1831 г., 148, 149, 151,
 155.
Исленевъ, Вас. Данилов., стольникъ
 1714 г., 188.

І.

- Іевлевъ**, рядовой 1831 г., 567.
Іоаннъ, орловск. священ. Характери-
 стика его, 30.
Іоаннъ, протоіерей, 130.
Іоаннъ V Александровичъ, царь, р. 1666
 † 1696 г., 79, 666.
Іоаннъ VI Антоновичъ, императоръ.
 р. 1740 † 1764 г. Провозглашеніе импе-
 раторомъ, 88, 93. Упом. 87, 810.
Іосифъ, венгер. палатникъ, супругъ в.
 кн. Александры Павловны, 507—511.
Іосифъ II, импер. германскій, 704.

К.

Кавелинъ, Дмитр. Александр., директ. Педаг. Института. Сатира на него, 588. Замятка о немъ, 606.

Каванова, Джіованн-Джакобо, извѣст. авантюристъ, р. 1725 † 1803 г. Записки его о пребываніи въ Россіи, 532—561, 789.

Казиміровскій, кварт. офиц., 786.

Кайдановъ, профессоръ, 352, 714.

Калло, въ замуж. Фальконетъ, 761.

Калиостро, графъ, 278.

Калугинъ, Д. И. Сообщ. Письмо В. Г. Бѣлинскаго, 142—143.

Камарашъ, капит., уб. во время холернаго бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 152.

Каменскій, гр. Никол. Мих, ген. отъ инф., главнокоманд. дунайскою арміею, р. 1776 † 1811 г., 229.

Каменскій, П. П., 701.

Каменскій, гр. Серг. Мих., ген. отъ инф., р. 1772 † 1834 г., 208.

Камеронъ, изв. архитект., 760.

Камзолва, Наумъ Васил., заплеч. мастерь 1723 г., 644.

Кампіони, ганцовщикъ 1765 г., 536.

Канджіони, совѣтникъ ком.-коллегии 1739 г., 86.

Канова, скульпторъ, 715, 722.

Кангеръ, Германъ, 134.

Кангеръ, М. И., госпожа, 126, 131.

Калцевичъ, Петръ Мих., ген.-губерн. Зап. Сибири 1820-хъ гг., 790.

Карабаиовъ, Пав. Фед., извѣст. археологъ, 383, 540, 556, 614.

Каравинъ, Василій Назаров., р. 1773 † 1842 г. Замятка о немъ, 606. Сатира на него Воейкова, 594.

Карамзинъ, Николай Мих., исторіографъ, р. 1765 † 1826 г. Отношенія къ Н. П. Пшечевой, 59. Отношенія къ мартинистамъ, 60. Письмо къ А. М. Кутузову, 273. Сатира на него Воейкова, 587. Упом. 63, 64, 591, 606, 627, 796, 812.

Каратыгина, Алекс. Мих., см. Едосова.

Каратыгинъ, Вас. Андреев., драмат. актеръ, † 1853 г. Разсказъ объ арестѣ его, 732—737. Упом. 702.

Каратыгинъ, Никол. Анд., 702.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ, артистъ и писатель, р. 1805 г. Воспоминанія его: арестъ брата, высылка изъ Петерб. Катенина, актеръ Толченовъ, наводненіе 1824 г., 732—753. Упом. 607.

Карлгофъ Влад. (Вильгельмъ) Иван., литерат. Сатира на него Воейкова, 595. Замятка о немъ, 606.

Карловскій, главн. смотрит. госпиталей въ Краковѣ 1806 г., 223, 224.

Карль, австр. эрцгерцогъ, 508.

Карль I, англ. король, 681.

Карль VI, императоръ австр., 85.

Карль X, франц. король, 776.

Карль XII, король шведск., 99, 283, 495, 503.

Карповъ, капит., убитый мятежниками Ст.-Русы въ 1831 г., 155.

Карповъ, С. Д. Сообщ. Записки И. С. Жиркевича, 207—244.

Касатинъ, вв., московск. домовлад. 1790 г., 470.

Касперскій, Ив. Федор., ген.-майоръ, батал. команд. 1805 г., 217, 220, 221, 226, 227, 230, 238, 241.

Каскертъ, англ. послан., 703, 811.

Катенинъ, Александр. Анд., прапорщ. 1824 г., вполс. ген.-адъют., команд. Преображенскаго полка, потомъ товар. воен. мин.—ра и наконецъ орловбург. генераль-губерн., р. 1800 г., 740.

Катенинъ, Никол. Ив., 181.

Катенинъ, Пав. Александр., драмат. писатель, р. 1792 г. † 1853 г. Отношенія къ Каратыгинымъ и высылка изъ Петербурга 1822—1824 гг., 734—740. Упом. 598, 606, 614.

Каченовскій, Мих. Троф., профессоръ Москов. университета, издат. «Вѣстника Европы», р. 1775 † 1842 г. Замятка о немъ, 606. Сатира на него Воейкова, 590. Упом. 612, 613.

Кашперовъ, подполковникъ 1831 г., 149, 157.

Кашвалинскій, об.-церемоніймейст. 1793 г. Участіе его въ церемоніи бракосочетанія вел. князя Александра Павловича, 521.

Кейзерлингъ, камергеръ 1765 г., 534, 535.

Кейзерлингъ, жена камергера, 534.
Кейзерлингъ, бар., рус. посланникъ въ Польшу 1741 г., 96.
Кейтъ, англійскій послан. въ Россіи, 421, 422.
Келлеръ, гр. Марія Фед., см. вн. Варагинская.
Кенсона, гр. Викторъ Осип. (Эммануиль-Викторъ), рус. ген.-майоръ, р. 1775 г., 776—777.
Кенсона, гр. Дарья Петр., рожд. кн. Одоевская, р. 1786 г., 776.
Кенсона, маркизъ Іосифъ-Гавріиль, презид. париж. парламен., р. 1730 † 1785 г., 775—776.
Кенсона, гр. Осипъ Осип. (Іосифъ-Октавій-Марія) рус. генер.-лейт., потомъ перъ Франціи, р. 1766 † 1854 г., 776.
Кентъевъ, комиссіонеръ 1806 г., 223, 224.
Кенпель, англ. адмиралъ 1778 г., 206.
Керубини, композиторъ, 366, 367, 718, 719, 729.
Кикина, Марія Петр., см. вн. Волжонская.
Кикинъ, Петръ Андр., бригад. генер., потомъ ст.-секрет. у принятія прошеній, р. 1777 † 1834 г. Характеристическія замѣтки о немъ, 770—774.
Кирнбергеръ, композиторъ, 367.
Киръевъ, А. А., директоръ Русскаго Музыкальнаго Общества, 373.
Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., генер. отъ инфан., ген.-адъют., членъ госуд. совѣта и мин—ръ государ. имуществъ, р. 1788 † 1872 г., 131.
Кичеевъ, Н. П. Сообщ. замѣтку о судьбѣ V-й главы «Евгенія Онѣгина», 564.
Клейнмихель, гр. Петръ Андр., главноуправляющій путями сообщ., 135, 158, 230, 790.
Клейнмихель, гр. Софія Франц., рожд. Ришаръ, 135.
Клеменсъ, дѣвица. Обвиненіе ее въ кражѣ и судъ надъ ней, 194.
Клерваль, парижскій артистъ 1766 г., 559.
Клинггерь почитель дерпт. универ. 1818 г., 214, 216, 625.

Клингспорръ, швед. послан. 1792 г., 278, 500, 501, 502.
Княжевичъ, Влад. Максим., 584, 637.
Кобенцель, гр. Людвигъ, астрійскій посланникъ въ Россіи, р. 1753 † 1809 г., 519, 691.
Козловская, вн. Алекс. Влад., рожд. вн. Долгорукая. Жестокость ее въ отношеніи дворовыхъ людей, 383—390.
Козловскій, князь, 613.
Козловскій, кн. Алексій Семен., ген.-поруч. и сенат., † 1776 г., 385.
Козловскій, кн. Петръ Бор, дѣйств. ст. сов., † 1840 г. О переводѣ имъ статьи В. А. Погѣнова «Отправленіе Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія». 647—648.
Козловскій, кн. Яв. Алексѣев., бригадиръ, † 1808 г., 385.
Козловскій, кн. Фед. Алексѣев., писатель, уб. подъ Чесмою 1770 г., 385.
Козловъ, подпоруч. 1808 г., 217, 235.
Козловъ, титул. сов., пермскій землемѣръ 1831 г., 200.
Козловъ, Иванъ Иван., поэтъ, р. 1784 † 1840 г. Сатира на него Воейкова, 594, 601—602. Замѣтка о немъ, 606—607. Упом. 604.
Козляиновъ, адъют. Аракчеева. Отставленіе отъ должности, 238—239.
Ководавлевъ, Осипъ Петр., мин—ръ внутр. дѣлъ, † 1819 г., 239.
Кожошннъ, Серг. Алекс., ген.-адъют., с.-петерб. оберъ-полиціймейстеръ, потомъ чернягов., харьков. и полтав. ген.-губернаторъ, р. 1785 г. Разказы изъ его подлейской службы, 780—783, 786.
Кожошннъ, Фед. Фед., переводчикъ «Мизантропа», писат., р. 1773 † 1846 г. Замѣтка о немъ, 607. Упом. 591, 598, 613.
Колмаковъ, Ив. Еким., подъянспект. Педагогич. Института, 699.
Колонна, итальянецъ, 550.
Коловольниковъ, Иванъ. Письмо его къ П. В. Лопухину, 468. Упом. 267, 272, 276, 608.
Колосова, Александр. Мих., въ замуж. Каратыгина, драмат. актриса. Отношенія къ Е. С. Семеновѣ, 737.

Колосова, Евгенія Ив., танцовщица, 734—736.

Колышко, предводит. польскихъ конфедератовъ, 758.

Комовскій, Вас. Дмитр., дѣйст. стат. сов., директ. канцел. министер. народнаго просвѣщ., р. 1803 г., 127.

Коновалова, Авдот. Яковл., 644.

Коноваловъ, аудиторъ дивиз. штаба 1831 г., 150.

Коноваловъ, Иванъ, мастеровой, 644.

Константинова, Екатер. Алексѣевна. Письмо къ ней Н. Н. Раевского 1812 г., 766—767.

Константинь Николаевичъ, Великій Князь. Данное Е. И. В. Вел. Кн. разрѣшеніе къ печати истор. матеріаловъ изъ Павловской Библіотеки, 37, 277, 473, 667.

Константинь Павловичъ, Цесаревичъ. Присутствіе на бракосочетаніи брата вел. кн. Александра Павловича 1793 г., 517—531, 685—696. Упом. 215, 241, 282, 474—480, 774, 775.

Контениуъ, начальникъ нѣмецкихъ колоній въ Крыму 1818 г., 31, 32, 35.

Копѣйкинъ, домовладѣлецъ. Скряжничество его и злодѣйство, 753.

Копыловъ, Вас. Ив., 137.

Корбелецкій, второй членъ пермской межевой конторы 1831 г., 199, 200.

Корберонъ, французскій агентъ 1778 г. Отзывъ о гр. Никитѣ Иван. Панинѣ, 815.

Корнель, франц. писатель, 47.

Корсаковъ, воспит. Аракчеева, впоследствии ген.-маіора, 240.

Корфъ, гр. Модестъ Анд., 649.

Костомаровъ, Н. И. О поднесенномъ ему альбомѣ по случаю 35-лѣтія его ученой и литературной дѣятельности, 181. О критич. разборѣ его сочиненій Германовъ, 791—795.

Костюшко, предводитель польскихъ конфедератовъ. Плененіе его 1794 г., 44.

Кохановская, писательница, членъ московскаго общ. любит. словесности, 791.

Коцебу, Августъ, драмат. писатель, р. 1761 † 1819 г., 385—390.

Коцебу, М. Р., 400.

Кочетовъ, Іоакимъ Семен., протоіерей

Петропавл. собора, докторъ богосл., членъ Акад. Наукъ, р. 1790 г., 202.

Кошелевъ, бронниц. помѣщ. 1839 г., 779.

Кошеть, 763.

Краевскій, Александръ, воспит. пансіона при Педаг. Инст. 1822 г., 724.

Краевскій, Анд. Александр., 702.

Красинскій, епископъ, 561.

Красножутскіе, братья-кадеты, 217.

Красно-Милюшевичъ, Николай, воспитанникъ панс. при Педаг. Инст. 1822 г., 724.

Краснопольскій, Петр. Степ., 217.

Краснопольскій, Степ. Павл., об.-жел.-шермейстеръ 1800 г., 217.

Красовскій, Александръ, цензор, 1821 г., потомъ предсѣд. комитета иностр. цензуры, † 1857 г. Характеристическіе рассказы о немъ, 106—125. Дневникъ его, 126—140. Упом. 589, 599, 607.

Красовскій, Алексѣй, подъячій 1713 г., 190.

Красовскій, Вас. Иван., 181, 134.

Кревжёръ, французъ, 550, 551.

Кречетовъ, кварт. надзиратель 1822 г., 733, 736, 737.

Кривенцовъ, капит. гв. 1831 г., 155.

Кривоблоцкій, маіоръ, уб. во время холер. бунта въ Ст.-Руссѣ 1831 г., 152.

Кривоносовъ, купецъ. Продѣлка съ нимъ Воейкова, 632—635.

Кроль, инженер.-капит. 1831 г., 149.

Крыжановскій, Смарагдъ, полоц. епископъ. Характеристика его, 210.

Крыловъ, Ив. Анд., р. 1768 † 1844 г., 136, 352, 583, 614, 616, 738, 796.

Кряжевъ, переводч. «Достопамят. года жизни Ав. Коцебу», 388.

Кублицкій, Ник. Петр., 131.

Кудрявцевъ, землемѣръ. Выписка изъ дѣла о приписанныхъ ему стихахъ изъ «Горе отъ ума», 197—200.

Кудрявцевъ, Ник. Ѳед., 136.

Кудрявцевъ, Савва, страпчій 1699 г., 191.

Кузьмина, Анна, кухарка, 110.

Кузольникова, Амалія Ив., 710, 711.

Кузольникъ, Нест. Вас., литерат. Дружба съ М. И. Глинкой характер-

стика, 702—704. Занятъ съ Глинкой, 710—711. Упом. 699—701, 705—709, 713, 727, 731, 774.

Кузольникъ, Пав. Вас., профес., 708, 709.

Кузольникъ, Плат. Вас., 700, 701, 702, 703, 707, 708, 709.

Кунинъ, А. А., академикъ, 649, 765.

Куприяновъ, авт. брошюры «Историч. очеркъ состоянія медицины въ царствованіе Екатерины II», 805.

Куракина, кн. Елена Степ., 59.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., об.-штабмейст., р. 1697 † 1749 г., 87, 93.

Куракинъ, кн. Александръ Борисов., дѣйст. тайн. сов. и вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г. Отношенія къ нему в. к. Павла Петровича, 674.

Кусовъ, Никол. Ив., 641.

Кутайсовъ, гр. Александр. Ив., начальн. артил., р. 1784 † 1812 г., 242, 243.

Кутайсовъ, гр. Ив. Павл., об.-штабмейстеръ, † 1834 г., 505.

Кутузовъ, Алексѣй Мих., майоръ. Характеристика и переписка его съ мартистами 1792 г., 57—66, 69—72, 258—276, 464—467. Упом. 789.

Кучина, Е. М. Сообш. письмо А. П. Ермолова къ А. И. Кучину, 562—563.

Кучинъ, Александр. Ив. Письмо къ нему А. П. Ермолова 1843 г., 562—563.

Кущелевъ, графъ, 241.

Кюстинъ, маркизъ, извѣст. путешественникъ 1839 г. Объ изданіи имъ статьи «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія», 648.

Кюхельбегеръ, Вильг. Карл., поэтъ, декабристъ, р. 1797 † 1846 г., 612.

Л.

Л. . . ., жена капитана. Судебное дѣло, 195.

Лабаржевская, см. Шишкова.

Лаблашъ, пѣвецъ, 728.

Лавровъ, С. И., 714.

Лавгаръ, Фридрихъ-Цезарь, воспитат. в. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1738 г., 477.

Ламанскій, Е. И., 163.

Ламбинъ. Н. П., Замѣтки на изслѣдованіе его «О Тмураванской Руси», 569—574.

Ламоть, архитект., 760.

Лангеръ, офицеръ 1790 г., 261.

Ланская, Любовь Александр., рожд. Балкашина, 169.

Лаптева, Александра Ив., см. Жиркевичъ.

Лаптевы, семейство, 236.

Ларадзи, майоръ 1831 г., 148, 157.

Ларивьеръ, дѣвица, 550, 551.

Ласси, гр. Петръ Петр., фельдмаршалъ, р. 1678 † 1751 г., 74.

Ласунскій, Михаилъ, кап. Измайл. полка, составив. заговоръ противъ Екатерины II, 1762 г., 422.

де-Лафайетъ, француз. писательница, р. 1633 † 1693 г., 47.

Лажманъ, полковн. 1838 г., 642.

Лебедевъ, старорус. купецъ 1831 г., 146.

Левальдъ, прус. фельдмарш., кеннгсб. губернат. 1765 г., 533.

Левашовъ, генер. 1739 г., 75.

Левенвольде, гр. Карль-Рейнгольдъ, оберъ-гофмаршалъ, сослан. въ 1742 г., † 1758 г., 74, 80, 98, 100, 101.

Левизъ, ген.-лейт. 1809 г., 243, 244.

Лещъ, М. И. директ. хозяйст. департ. мин-ства внутр. дѣлъ, 785.

Лемуанъ, живописецъ, р. 1688 † 1737 г., 760.

Левицкій, С. Л., извѣст. фотографъ, 174.

Леконова, Д. М. пѣвица, 379.

Леонтьева, генеральша, 147, 148, 161.

Леонтьевъ, ген., отряд. команд. 1831 г.

Распоряженія во время холер. бунта въ Ст.-Русѣ, 153—156. Убіеніе его, 156—158.

Леонтьевъ, генер.-лейт., депутатъ для сопровожденія импер. Анны изъ Митавы въ Москву 1730 г., 79, 83.

Лепехинъ, И. И., извѣстный ученый, первый непремѣнный секрет. Академіи Наукъ, 646.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьев., поэтъ, р. 1814 † 1841 г., 712, 777.

Лессъ, профес. геттинг. унвер. 801.

Лессингъ, нѣмец. писатель, 142.

Лефевръ, герц. Данцигскій маршалъ 767—769.

Лестоковъ, графъ и графиня, 101.

Лефорть, баронъ, 1765 г., 539.
 Лефорть, Францъ Яков., адмираль,
 любимецъ Петра Великаго, 164, 539.
 Лещинскій, Станиславъ, король поль-
 скій, 74, 81, 82, 83, 85.
 Ливенъ, офицеръ 1740 г., 92.
 Ливенъ, кн. Карлъ Анд., впоследст.
 генер. отъ инф. и мин.—ръ народ. просв.,
 † 1844 г. Изгнаніе Воейкова изъ дерпт.
 университета, 625. Упом. 2, 6, 107, 136,
 607, 626.
 Ливенъ, кн. Христоф. Андр., генер.
 отъ инф., посолъ въ Лондонѣ, потомъ
 членъ госуд. сов., † 1838 г., 2.
 Ливенъ, кн. Шарлота Карл., рожд.
 Поссе, воспитат. дѣтей императ. Павла,
 р. 1743 † 1828 г., 49, 473, 475, 480, 484,
 485, 491.
 Лиліенфельдъ, лифляндскій ландратъ
 1780 г., 656.
 Лиліенфельдъ, жена ландрата. Со-
 провозженіе Брауншвейгской фамиліи въ
 Датскія владѣнія, 656—663.
 Личаръ, гр. Морицъ-Карлъ, польскій
 посланникъ, любимецъ Анны Леополь-
 довны, р. 1702 † 1768 г. Отношенія къ
 нему принцессы, 94—96.
 Липинъ, рисовальщикъ, 706.
 де-Лирія, герцогъ Джемсъ, испанск.
 послан. при рус. дворѣ 1727—1730 гг., 73.
 Лисицына, актриса, 747.
 Лисицынъ, актеръ, 747.
 Листъ, композиторъ, 345, 346, 369, 378.
 Лихасъ, масонъ, 66, 69.
 Лобанова, О. К., 130.
 Лобановъ, князь, 551.
 Лобановъ, М. Е., 131.
 Логиновъ, А. А., 126.
 Лоде, А. П., артистъ, 701.
 Локателли, рестораторъ, 550.
 Локъ, ученый, 47.
 де-Лольо, французженка, 538, 540.
 Ломакинъ, Гавр. Екимов., учит. пѣ-
 нія, 374:
 Ломачевскій. А. Собщ. рассказы изъ
 прежней полиц. службы въ Петербургѣ,
 786—789.
 Ломоносовъ, Мих. Васил., академикъ
 р. 1711 † 1765 г., 766, 796, 799.
 Лонгиновъ, М. Н., 164, 264, 620, 770.

Лонгиновъ, Никол. Мих., предсѣдат.
 комитета для принатія прошеній 1826 г.,
 774.
 Лопуа, гувернантка импер. Елизаве-
 ты Петровны, 99.
 Лопатина. Екат. Петр., см. Иванова.
 Лопухинъ, Ив. Влад. (Philus), отст.
 бригад., мартинистъ. Переписка его съ
 друзьями-масонами 1790—1795 гг., 57—
 58, 70—72, 258—276, 467—468. Упом.
 69, 608.
 Лопухинъ, Петръ Влад., 265.
 Лукевичи, камергеръ прус. службы;
 261.
 Лукьяновичъ, литераторъ, 698.
 Лукинъ, Петр. Мих., полков. 1774 г.,
 551.
 Лунины, братья, впослед. ген.-майоры,
 551.
 Львовъ, Алексѣй Фед., директ. прид-
 ворной пѣвч. капеллы, 378, 699.
 Львовъ, Л. М., курс. помѣщ. 1840-хъ гг.,
 313.
 Львовъ, П. Ю., 614.
 Любаша, цыганка, 310, 311.
 Любецкій, 806.
 Любичъ-Романовичъ, В. О дополне-
 ніяхъ его къ сатирѣ «Домъ Сумасшед-
 шихъ», 602, 603.
 Людовикъ XIV, франц. король, 581.
 Людовикъ XV, король франц., 761.
 Людовикъ XVIII, король франц., 776.
 Люткенъ, дат. капитанъ 1780 г., 662.
 Лядовъ, К., 730.
 Ляпуновъ, полковн. 1809 г., 238.

М.

Маврокордато, волож. господ. 1793 г.,
 520.
 Магницкій, Михаилъ Леонт., р. 1778
 † 1844 г., дѣйст. ст. сов., ст.-секрет.,
 попечит. казан. учебн. округа. Сатира на
 него Воейкова, 587. Замятка о немъ,
 607. Упом. 589, 606, 609.
 Мадатова, кн. Софья А. Предложеніе
 о разсылкѣ біогр. ея мужа, 400, 578, 790.
 Мадатовъ, кн. Валер. Григ., ген.-лейт.,
 р. 1782 † 1828 г. Предложеніе о разсыл-
 кѣ его біографіи, 400, 578, 790.

Майковъ, Аппол. Александ., директ. театровъ 1822 г. Поступокъ его съ Каратыгинымъ, 732—737.

Майковъ, Л. Н. Сообщ. письмо А. П. Ермолова къ А. И. Кучину 1843 г., 562—563.

Макарій, ректоръ екатеринослав. семинаріи 1818 г. Характеристика его, 32—33.

Макаровъ, литераторъ, 428, 614.

Макаровъ, Алексѣй, секрет. Петра Великаго, 188.

Макартней, англ. посланникъ 1765 г. Свидѣтельство о Дашковой, 418, 423—424. Упом. 176, 540, 813—815.

Макуловъ, поручикъ 1717 г., 184.

Малѣва, полковница, 160.

Малѣвъ, артил. полков. Усмирение бунтовщиковъ въ Ст.-Русѣ 1831 г., 152—153.

Мальцовъ, Иванъ, 25.

Малютинъ, генералъ 1805 г., 221.

Малыринковъ, торговецъ, 772—773.

Манджосъ, старорус. полиціймейстеръ. Убіеніе его во время холернаго бунта въ 1831 г., 146, 147, 148.

Манзони, композиторъ, 715, 722.

Манштейнъ, прус. ген.-майоръ. Ссылка на разсказъ его объ арестѣ Бирона, 93. Упом. 77, 382.

де-Марванъ, бывшая гувернантка принцессы Пиемонтской, 1794 г., 45.

Мариво, писатель, 47.

Марія Александровна, вел. княж., дочь Александра I, р. 1799 † 1800 г., 513.

Марія Александровна, герцог. Эдинбургская, 775.

Марія-Антуанета, франц. королева, 42.

Марія Ѳеодоровна, императр. Смерть дочери Екатерины Павловны, 10. Аудіенціи кавкарамъ, 15. Переписка съ импер. Екатериною II по поводу бракосочет. в. кн. Александра Павловича, 37—57. Церемонія бракосочетанія великаго князя, 513—531. Переписка по дѣлу о сватовствѣ Густава-Адольфа за в. кж. Александру Павловну, 277—300, 473—512. О сооруженіи памятника импер. Маріи, 203—205. Упом. 133, 241, 252, 253.

Марьевичъ, Никол. Анд., историкъ Малороссіи, 700, 701, 702.

Маржовъ, гр. Аркад. Ив., послан. въ Парижъ, потомъ членъ иностр. кол., р. 1747 † 1824 г., 288, 296, 488.

Мармонтелль, писат., 48.

Марпургъ, композит., 367.

Мартенсъ, пасторъ, другъ Миниха, послѣдовавшій за нимъ въ ссылку, 75.

Мартосъ, Ив. Петр., д. ст. сов., изв. скульпторъ, р. 1753 † 1835 г., 511, 512.

Марченко, опекунъ по имѣнію 1844 г., 141.

Масальскій, 699.

Масловъ, Ависимъ, дьякъ 1720 г., вполнѣд. об.-секрет. сената, 186.

Массонъ. О запискахъ его: «Memoires secrets sur la Russie», 385—390, 503. Свидѣтельство о кн. Дашковой, 417.

Матвѣвъ, гр. Андр. Артам., посолъ въ Вѣнѣ при Петрѣ Великомъ, 182.

Матисонъ, А. Е., 127, 137.

Маэръ, Карлъ, музыкантъ, 714, 721.

Мевесъ, генер. отъ артил. 1831 г., 146.

Мегюль, композиторъ, 718.

Медичи, Марія, англійская королева, 680—681.

Мейерберъ, композиторъ, 343, 344, 346, 377, 730.

Мейстеръ, профес. Геттинг. унив., 801.

Мекленбургскій, принцъ Павелъ, 159.

Мекленбургскій, герцогъ, мужъ царевны Екатерины Іоанновны, 79, 87.

Мекленбургъ - Шверинская, прив.-цесса, 282.

Мелиссино, Ив. Ив., т. сов., 386, 538.

Мелиссино, Нат. Владим., рожд. кж. Долгорукая, 386.

Мелиссино, Петръ Иванов., ген. отъ артил., директ. арт. кад. корпуса, † 1797 г., 696, 761.

Меллеръ, подавшій имп. Маріи Ѳеодоровнѣ мысль устроить Институтъ Глухонѣмыхъ, 204—205.

Меллеръ, бар., директ. 1-го кадетск. корпуса, 226.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. сов., ярославск. и вологод. ген.-губернаторъ. Порученіе ему дѣла объ отправленіи Брауншвейгской фамилии изъ

Холмогоръ въ Датскія владѣнія, 651—663. Упом. 103.

Мельгуновъ, Н. А. Статья его: «Гливеа и его музыкальн. сочиненія», 713—723. Упом. 697, 698.

Мельниковъ, титулярн. сов., пермскій землемеръ 1831 г., 198.

Менгденъ, бар., презид. ком.-коллегии. Арестъ его, 98.

Менгденъ, Юлія, фрейлина Анны Лепольдовны, 94, 95, 100, 101.

Мендельсонъ, композиторъ, 380.

Меншиковъ, кн. Александръ Даниловъ, генералиссимусъ, презид. воен. кол., сенат., членъ верх. тайн. сов. и с.-петерб. ген.-губернаторъ, р. 1673 † 1729 г. Отношенія къ Миниху, 74. Свидѣтельство о немъ Миниха, 78. Письмо сенаторовъ о Наумовѣ, 183. Упом. 78, 79, 99, 189, 191, 209.

Мерзляковъ, Алексѣй Фед., профес. москов. унив., поэтъ и критикъ, р. 1778 † 1830 г. Замѣтка о немъ, 608. Упом. 581, 586, 613.

Мерцаденте, композиторъ, 715.

Мещерская, княгиня, 3, 5, 9, 23, 24, 25.

Миддлтонъ, извѣст. англ. ученый и теологъ, р. 1683 † 1750 г., 47.

Мибулинъ, генер. Усмиреніе бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 158—159.

Миллеръ, Герардъ историкъ, 176.

Миллеръ, Августъ. Письмо его къ брату, 68.

Миллеръ, Иванъ. Письмо къ нему шурина и брата 1790 г., 67—68.

Милоновъ, М. В. О «Посланиі» его къ Княжевичу, 584. Упом. 615, 623.

Милорадовичъ, кадетъ, 217.

Милорадовичъ, гр. Михаилъ Андр., с.-петерб. воен. губернаторъ, †; 1825 г. Приказаніе объ арестѣ В. А. Каратыгина 1822 г., 733—739. Упом. 11, 12, 213, 738, 739.

Мильжо, франц. генер. 1812 г., 391.

Минихъ, графъ Бурхартъ-Христоф., фельдмарш., р. 1683 † 1767 г. Свѣдѣнія о немъ и выдержки изъ его записокъ, 73—105. Его сочиненія, 381—383. Упом. 166.

Минихъ, Іоаннъ-Эрнстъ, об.-гофмейст., д. т. сов., р. 1708 г., 383.

Минихъ, Софья, фрейлина цесаревны Елизаветы Петровны, 99.

Мирабо, 265.

Мировичъ, Вас., подпоруч., покушав. освободить импер. Ивана Антоновича, казнень 1764 г., 423, 808—809.

Михаилъ, с.-петербург. митрополитъ. 1818 г. Приемъ, сдѣланный имъ кавалерамъ, 6—7, 9. Упом. 216.

Михаилъ Павловичъ, вел. князь, 204, 208.

Михаловскій, Д. Л., переводчикъ записокъ кн. Е. Р. Дашковой, 430.

Михаилисъ, профес. Геттинг. универ., 801.

Михельсонъ, главнокоманд. арміею 1806 г., 224.

Михельсонъ, ст. сов., 784.

Мобилье, Стефанъ (Etienne de Grelle de Mobilier), извѣстный кавалеръ, р. 1760г. Записки его о пребываніи въ Россіи 1818—1819 гг., 1—36.

Мойеръ, профес. дерпт. универс., 623.

Мойеръ, Марія Анд., см. Протасова.

Молчановъ, Ив., дьякъ 1720 г., 186.

Монъ, графъ, 279.

Монтескье, франц. писатель, р. 1689 † 1755 г., 47, 445.

ла - Монть - ла - Перуаз, бригадиръ. Ссылка на письма его о воен. дѣйствіяхъ подъ Данцигомъ въ 1734 г., 74, 82.

Морадо, гр., франц. ген. 1808 г., 224.

Морери, состав. энциклопед. словаря, 448.

Морововъ, крестьянинъ, дворникъ. Дѣло по обвиненію его въ убійствѣ бар. Розена, 191—193.

Моцартъ, композиторъ, 343, 346.

Мортъе, герцогъ Тревизскій, маршалъ, 769.

Мочаловъ, Пав. Степ., изв. траг. артистъ, 747.

Мочаловъ, Степ., актеръ 1812 г., 747.

Муравьевъ, Анд. Никол., д. ст. сов., камергеръ, р. 1805 г., 126.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., сенаторъ, р. 1762 † 1851 г., 613.

Муррай, профес. Геттинг. унив., 801.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив.,

об.-прокур. синода, потомъ дѣйст. т. сов., сенат., р. 1744 † 1817 г., 520, 525.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев., сенаторъ, дѣйст. т. сов. † 1729 г., 183.

Мюрать, франц. принцъ (Иоакимъ, король неаполитанскій), 391.

Мякининъ, адъют. Аракчеева, 229, 238.

Н.

Навроцкій, Артемій, дьякъ 1720 г., 186.
Надеждинъ, Николай Иванов., издат. «Телескопа», 708.

Назимовъ, Влад. Ив., ген.-адъют., ген. отъ инф., членъ госуд. сов., бывш. попечитель московск. учеб. округа и вилен. ген.-губернат., р. 1802 † 1874 г. Свѣдѣнія о немъ, 754—755. Адресъ, поднесенный ему въ 1863 г., 755—759.

Наполеонъ I, 218, 223, 241, 390, 766, 767.

Наполеонъ III, 605.

Нарбуттъ, предвод. польск. конфедер., 758.

Нарышкина, Марія Павловна, рожд. Балъ-Полева, 549.

Нарышкинъ, Александръ Алексант., об.-гофмарш. и сенат., р. 1726 † 1795 г., О процессѣ его съ кн. Дашковой, 414—415. Упом. 520, 521.

Нарышкинъ, Левъ Александров., об.-штабл., р. 1733 † 1799 г., 425, 521, 525.

Нарышкинъ, Сем. Кириллов., об.-егер-мейстеръ, р. 1710 † 1775 г., 549.

Наумова, Анна Фед., см. кн. Вѣдольская.

Наумова, Марія Мих., рожд. Самарина, 185.

Наумова, Ульяна Ив., см. кн. Долгорукая.

Наумовъ, Анд. Мих., капит. Приговореніе его къ смертной казни и заступничество за него кн. Я. Ф. Долгорукаго 1717 г., 183—185.

Наумовъ, Ив. Анд. Ходатайство его за А. Наумова 1717 г., 183—184.

Наумовъ, Фед. Вас., ревиз., криг. комиссаръ 1717 г., 185, 186.

Нафанайлъ, викарій, 138.

Нащовинъ, кам.-юнкеръ. Участіе его

въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 521.

Незворовъ, Макс. Иван., литераторъ, р. 1763 † 1827 г. Сатира на него Воейкова, 595. Замѣтка о немъ, 608. Письмо къ И. В. Лопухину, 468. Упом. 267, 272, 276, 613.

Невъровъ, 722, 723.

Недергофъ, Карлъ Христоф., 65.

Ней, франц. маршалъ, 244.

Нейпергъ, австр. генераль и дипломатъ 1739 г., 84, 85.

Некжеръ, фран. министръ, 47.

Нелединскій, арт. офицеръ, разжалованный въ солдаты за поддѣлку ассигнацій 1800-хъ гг., 225.

Нелединскій-Мелецкій, кн. Ю. А., писат., 612.

Нероновъ, Борисъ Ив., 191.

Несвицкій, князь, офицеръ 1825 г., 640.
Несвицкій, кн. Ив. Вас., об.-шенкъ, † 1804 г., 529, 690.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., госуд. канцл., р. 1780 † 1862 г., 397.

Нестеровъ, об.-фискаль 1718 г., 186—188.

Неустроевъ, А. Н. Замѣтка его библіографамъ, 201—202, 206.

Никаноръ, іеродиаконъ Воскресенск. монаст. 1699 г., 191.

Никитенко, Александръ Васил., академикъ, 106, 701.

Никитина, Праск. Борис., см. Волкова.

Никитинъ, слуга, 195.

Никитинъ, фельдфеб. 1809 г., впослед. артил. полков. 1841 г., 227—229.

Никитинъ, студентъ, 800.

Николай, католич. аббатъ 1819 г., 36.

Николай, бар. Андр. Львов., т. сов., библіотекаръ и секрет. в. кн. Павла Петровича, р. 1737 † 1820 г., 252.

Николай Павловичъ, императоръ. Сочиненіе его о Маркѣ-Авреліи, 1813 г., 252—257. Отношенія къ кн. П. М. Волконскому, 771. Упом. 23, 204, 209, 300, 568, 774.

Николевъ, Никол. Петр., 428.

Николевскій, В. В., 726.

Новиковъ, студентъ, 798, 800.

Новиковъ, поручикъ 1831 г., 152.

Новиковъ, Никол. Ив., глава москов. мартинистовъ, † 1816 г. Объ изданномъ имъ «Модномъ журналѣ», 206. Упом. 57, 176, 268, 275, 390, 427, 608.

Новицкая, танцовщица, † 1822 г., 734.

Новосильцева, госпожа, 454, 456.

Новосильцевъ, военный комиссаръ 1730-хъ гг., 90.

Новосильцевъ, гр. Никол. Никол., д. т. сов., попечит. вилен. унвер., р. 1761 † 1838 г., 133.

Ностицъ, гр. И. Г., 766.

О.

Оберинсовъ, Петръ, поручикъ 1717 г., 184.

Оберъ, композиторъ, 717, 719.

Оболенскій, князь, 28.

Оболенскій, князь Дмит. Александр. Отрывокъ изъ письма къ Ѳ. М. Толстому, 339.

Обрадовичъ, генералъ, 161.

Обресковъ, тайн. сов. Проектъ его объ уменьшеніи срока службы нижнимъ чинамъ 1808 г., 245—251.

Обуховъ, об.-камергеръ, тайн. совѣт. Участіе въ церемоніи миропомазанія в. кн. Елизаветы Алексѣевны, 517, 525, 529.

Огинскій, графъ, 416.

Одоевская, кж. Дарія Петр., см. гр. Кенсонна.

Одоевскій, кн. Влад. Ѳед., сенат. и писат., 699—704, 708, 709, 722.

Ожудовъ, Игнатій, крестьянинъ, 191.

Оленинъ, Алексѣй Николаев., презид. Акад. Худож., † 1842 г., 127, 252, 637, 638, 738.

Олинъ, В. Н., поэтъ, 619, 638.

Ольга Павловна, вел. кн., 520.

Ольденбургскій, принцъ, 228.

Опочининъ, Ѳедоръ Конст. Собщ. письмо франц. генерала къ русскому, изъ своего собранія автографовъ, 391.

Опухтинъ, Вас. Анд., сенаторъ, 1717 г., 186—187.

Оранскій, принцъ, 145.

Орбивскій, переводчикъ, 383.

Ореусъ, офицеръ, 215.

Орлова, княгиня, 25.

Орлова, Екат. Никол., рожд. Зиновьева, р. 1758 † 1781 г., 539, 789.

Орловъ, кн. Алексѣй Ѳед., генералъ-адъют., ген. отъ кав., предсѣд. гос. сов. и ком. мин.—овъ, † 1861 г., 399.

Орловъ, кн. Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Отношенія къ императрицѣ и Панину, 803, 808—814. Упом. 166, 167, 422, 424, 521, 525, 538, 539, 582, 673, 789.

Орловъ, Н. М. Сообщ. письмо генер. Раевского къ сестрѣ, 766—767. Рапортъ Раевского Багратиону 1812 г., 767—770.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1735 † 1807 г., 274, 422, 803.

Осипинъ, И. Т. Сообщ. «Записки кавалера о пребыв. въ Россіи,» 1—36.

Осипова, П. А., 724.

Осиповичъ, дворянинъ, 134.

Оссолонскій, графъ, польскій госуд. казначей при кор. Стан. Лещинскомъ, 82.

Остервальдъ, учитель исторіи в. кн. Павла Петровича. Происки его въ отношеніи Порошина, 673—674.

Остерманъ, гр. Анд. Ив., вице-канцлеръ, вполсѣд. д. т. сов. и каб.-министръ, р. 1686 † 1747 г. Покровительство Миниху, 74. Ссылка его въ Березовъ, 75. Вражда съ Ягужинскимъ, 80. Назначеніе каб.-министромъ, 81—82. Составленіе духов. завѣщанія имп. Анны, 86—87. Отношенія къ Бирову, 88, 89, 90, 92. Пожалованіе ген.-адмираломъ, 93. Упом. 88, 100, 101, 816.

Остерманъ, гр. Ив. Анд., госуд. канцл. и предсѣд. кол. иностр. дѣлъ, р. 1725 † 1811 г., 484, 525.

Островскій, А. Н., писатель драматургъ, 376.

Отчинъ, литераторъ, 639.

П.

Павелъ, монахъ Воскресенск. монаст. 1699 г., 191.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Дѣтство и отрочество его: воспитаніе подъ надзоромъ Панина и Порошина, 667—674. Ученическія упражненія, 674—

676. Письменные разсужденія о разныхъ предметахъ, 676—684. Переписка съ императрицею - матерью 1792 — 1796 г., 37—56, 283 — 300; 475 — 500. Отношенія къ матери, 812—813. Бракосочетаніе сына в. кн. Александра, 518—521. Восшествіе на престолъ, 501. Переговоры о бракѣ в. кн. Александры Павловны, 501—505. Упом. 33, 214, 240, 246, 277, 411, 429, 445, 460, 551, 581, 803, 804, 814, 816.

Павскій, Герасимъ П., придв. протоіерей 1848 г., 132.

Павись, гр. Эмилія, въ замуж. гр. Моррандо, 223, 224.

Павись, графиня, 223.

Палицынъ, Степ., воспит. панс. при Педагог. Инст. 1822 г., 724.

Панаевъ, Влад. Ив., литераторъ, 130, 133, 138.

Панаевъ, Ив. Ив., литераторъ. Характеристика его, 702—703. Упом. 583, 701.

Панинъ, гр. Никита Иван., дѣйст. т. сов., первоприсут. въ кол. иностр. дѣлъ, сенат., р. 1718 † 1783 г. Объ исполненіи имъ обязанности воспитателя в. кн. Павла Петровича, 669—674. Характеристика его, 810—817. Упом. 176, 421—424, 525, 540, 551, 552, 554, 803.

Папандопуло, грекъ, 138.

Папанельполо, Дмитрій, греч. банкиръ 1765 г., 535.

Палахристовъ, вин. приставъ 1831 г., 149.

Париачевъ, Иванъ, мастеровой, 644.

Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ив. Фед., кн. Варшавскій, фельдм. и намѣстн. Царства Польскаго, 128, 130, 131, 133, 802.

Пассежъ, Тат. Петр. Сообщ. реклам. «Эмансипація челоѣчества», 401—406.

Пастуховъ, тайн. сов. Участіе его въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича 1793 г., 525.

Патерсонъ, секретарь с.-петерб. библейскаго общества 1818 г., 5, 21.

Пауль, профессоръ, 93.

Пачини, композиторъ, 715, 718.

Пашковъ, В. И., 137.

Павъелло, композиторъ, 717.

Пезаровиусъ, редакторъ «Инвалида», 635.

Пекарскій, П. П., академикъ, † 1872 г. Ссылки на его сочиненія, 415, 425, 426, 429.

Перевощиковъ, В. М., профессоръ, 619.

Перовскій, Алексѣй Алексѣев., попеч. дерпт. унив. и харьков. учебн. округа, писат., р. 1789 † 1836 г. Сатира на него Воейкова, 589, 599. Замятка о немъ, 608. Упом. 128.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., оренбургскій и самар. ген.-губернат., ген.-адъют., ген. отъ кав., 608.

Перовскій, гр. Левъ Алексѣев., ген. отъ инфант., мин.-ръ удѣловъ и управл. кабинетомъ его велич., р. 1794 † 1856 г. Замятка о немъ, 609. Упом. 783—785, 788.

Персіани, пѣвица, 728.

Персмой, офицеръ, 216.

Перъ, кондитеръ, 406, 406.

Пестель, Ив. Борис., моск. почтъ-директоръ 1790 г., послѣд. сибир. ген.-губерн. 1806 г. Копія съ корреспонденціи мартиновцовъ, снятыя имъ для москов. главнокомандующаго, 57—72, 258—276, 465—472.

Пестель, П. И., декабристъ, † 1826 г. Отношенія къ отцу, 62.

Петровскій, 134.

Петровскій, Станиславъ, воспит. панс. при Педагог. Инст. 1822 г., 724.

Петровъ, О. А., пѣвецъ, 702, 703.

Петръ Великій, императоръ. Награжденіе Минниха 1720-хъ гг., 74. Отношенія къ Минниху, 77—79. О памятникѣ ему, 760—764. Упом. 76, 96—101, 104, 179, 182—191, 277, 537, 553, 795, 798, 813.

Петръ II, императоръ, 74, 79.

Петръ III, императоръ. Возвращеніе изъ ссылки Минниха, 75. Отношенія къ Е. Р. Воронцовой, 408—424. Образъ жизни, 459—462. Характеръ и правленіе, 100—103. Отношенія къ Волкову, 165—168, 170—172. Упом. 442, 451, 453, 671, 812.

Петръ Петровичъ, вел. кн., сынъ Петра Великаго, р. 1716 г., 191.

Петръ, священникъ 1824 г., 749.

Пижаръ, воспитатель кн. Куракина. Ссылка на его письма, 73.

Писсекуръ, Жильберъ, авторъ пьесы «Обриева Собака», 741.

Пирошковъ, М. В., докторъ медиц. Сообщ. замѣтку о ген.-лейт. Эмме, 565—566.

Пирхъ, кадетъ, 217.

Питтъ, англичанка, 21.

Платонъ, москов. митрополитъ, 428, 674, 675, 799.

Плетневъ, П. А., литераторъ, 647.

Плещеева, Настасья Иван. Отношенія къ Н. М. Карамзину, 59—60. Письмо къ Кутузову, 62—64.

Плещеевъ, Алексѣй Александр. Письмо къ А. М. Кутузову 1790 г., 64—65. Упом. 63.

Плюшаръ, состав. Энциклопедич. словаря, 428, 609.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ, 797.

Подолжискій, 698; 699, 724.

Позняковъ, Никол. Павл. Сообщ. разсказы изъ прежней судеб. практики, 191—197.

Повнякъ, Д. П., 134.

Позье, Иеремія, придвор. брильянщикъ. Ссылка на его записки, 73.

Полевой, Никол. Алексѣев., писат., изд. «Москов. Телеграфа», р. 1796 † 1846 г. Замѣтка о немъ, 609. Сатира на него Воейкова, 595, 602. Статьи о примиреніи его съ Гречемъ и Булгариннымъ, 615—620. Упом. 381, 604, 637, 638.

Половцовъ, А. А. секрет. Истор. Общества. Рѣчь его въ засѣданіи 25-го ноября 1873 г., 175—176.

Полоховъ, подполковникъ 1780 г., 657.

Полѣновъ, Алексѣй Яковл., востром. помѣщикъ, литераторъ, 645.

Полѣновъ, Василій Алексѣев., членъ сов.—а мин. иностр. дѣлъ и управл. госуд. архивомъ, р. 1776 † 1851 г. Біографич. замѣтка о немъ, 645—647. Исслѣдованіе его объ отправленіи Брауншвейгской фамилии изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія, 647—666. Упом. 139.

Полѣновъ, Д. В. Сообщ. замѣтку въ статьѣ отца объ отправленіи Брауншв. фамилии въ Датскія владѣнія, 647—648. Упом. 513.

Полянская, Елиз. Ром., см. гр. Воронцова.

Поморскій, кадетъ, 217.

Пономаревъ, домогладѣлецъ, 708.

Пономаревъ, П. И., извѣст. патриотъ, 396.

Понятовскій, князь, 243.

Понятовскій, Станиславъ, послѣдній польскій король. Свидѣтельство о немъ Казановы, 560—561. Упом. 421.

Поповъ, Вас. Мих., тайн. сов., быв. директ. деп.—а народ. просв. 1818 г. Замѣтка о немъ, 609. Сатира на него Воейкова, 588. Упом. 3, 5, 6, 21, 128.

Поповъ, Д. П., 127.

Попцовъ, Савла, провинц. фискаль. Донось его на безчестье сената 1714 г., 188.

Порошкинъ, Семеновъ Анд., воспит. в. к. Павла Петровича. Его педагогическіе приемы, 669—674, 813.

Посиетъ, подполков. 1831 г. Избіеніе его во время холер. бунта въ Ст.-Русь, 151—152.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 † 1791 г. Отзывъ его о кн. Прозоровскомъ, 263—264. Упом. 123, 379, 416, 429, 803, 804.

Поторенъ, подпоруч. 1805 г., † 1813 г., 214.

Потоцкая, княгиня, 12.

Прендель, драгун. капит. 1809 г., 244.

Принжковъ-Ростовскій, кн. Авраамъ Никит., капитанъ 1713 г., 189—190.

Прилуцкая, воспит. театрал. школы 1824 г., 750.

Прасовья, кам.-юнгфера в. кн. Маріи Федоровны, 485.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ, фельдмар., моск. главноком., р. 1732 † 1809 г. Представленныя ему Пестелемъ копіи съ корреспонденціи московскихъ мартиновъ, 57—72, 258—276, 465—472. Характеристика его, 263—264, 276. Упом. 237.

Прозоковичъ, Теофанъ, новгородскій архіерей, 799.

Протасова, Алекс. Андр., см. Воейкова.

Протасова, Екатер. Аван., рожд. Бунина, 623.

Протасова, Марія Андр.; въ замуж. Мойеръ, 623.

Протопоповъ, А. Г., 127, 134.

Протопоповъ, Лукьянъ, протопресвитеръ. Совершенство имъ обряда бракосочетанія в. кн. Александра Павловича, 527.

Протъ, жена франц. купца, 549.

Прутковскій, первый членъ Пермск. межевой конторы 1831 г., 199, 200.

Пугачевъ, самозванецъ, 551, 803.

Пурпуръ, подполков. 1800 г., 215, 216.

Пушенинъ, А. М., 614.

Пушкинъ, Алекс. Сергѣевичъ поэтъ, р. 1799 † 1837 г. Эпизодъ изъ его жизни, 392—399. Судьба V-й главы «Евгенія Онѣгина», 564. Упом. 566, 584, 589, 601, 605, 607, 610, 636, 646, 710, 711, 724, 738, 753.

Пушенинъ, Василій Львовичъ, р. 1770 † 1830 г., 626.

Пушкинъ, Левъ Серг., братъ поэта, р. 1806 † 1852 г. Необыкновенная память его, 564.

Пыпинъ, А. Н. Ссылки на статью его: «Императоръ Александръ I и квакеры», 36, 143, 181. Упом. 794.

Пятуховъ, Сем. Ив., мастеровой, 644.

Пятковский, А. П. Сообщ. дѣло Кудрявцева о стихахъ изъ «Горе отъ ума», 197—200. Разсужденіе импер. Николая о Маркѣ-Авреліи, 255—257. Упом. 797.

Пюже, художникъ, р. 1622 † 1694 г., 760.

Р.

Равичъ, кредиторъ, 142.

Радищевъ, Александръ Никол., писат., р. 1749 † 1802 г., 70, 71, 259, 261, 262, 266, 272, 276, 466, 789.

Раевскій, Александръ Никол., 765, 767.

Раевскій, Николай Николаевъ, герой отечеств. войны 1812 г. Разсказъ о немъ, 764—766. Письмо къ сестрѣ, 766—767.

Ралоръ кн. Багратиону, 767—770.

Раевскій, Николъ Никол., 765, 767.

Райдеръ, англ. архіепископъ, 434.

Раламсъ, швед. баронъ, 283.

Ралгертъ, офицеръ, 217.

Ралестинъ, майоръ 1805 г., 215.

Ралль, полковникъ 1806 г., 219.

Рамазановъ, скульпторъ, 701, 704.

Ралпопортъ, музык. критикъ, 341.

Расоикъ-Мустафа-паша, турецкій посолъ, 1793 г., 693, 696.

Раскопчинъ, гр. Фед. Вас., об.-камерг., членъ гос. сов., ген. отъ инф., москов. главнокоманд., р. 1765 † 1826 г., 391, 405, 505.

Растрелли, гр., извѣст. архитект., 760.

Рафаэль, извѣст. художникъ, 760.

Ребиндеръ, ген.-поруч., шталмейстеръ 1793 г. Участіе въ церемоніи бракосочетанія в. кн. Александра Павловича, 525.

Рейнботъ, ст. сов., 784.

Рейтергольмъ, швед. баронъ, 280—282, 294, 297, 484, 495, 499, 500.

Рейфъ, составитель лексикона, 117.

Рейхель, баронъ, 466.

Ренненкампфъ, полков. путей сообщ., 784.

Решинъ, кн. Никол. Вас., ген.-губерн. вилен., гродн., лифл. и эстл. потомъ фельдм. и посолъ въ Берлинъ, р. 1734 † 1801 г., 270, 271, 525.

Ретцъ, кардиналъ, 48.

Ржевусскій, польск. посланникъ 1765 г., 538.

Рибоньеръ, гр. Александръ Ив., об.-камерг., чл. госуд. сов., 23.

Риль, офицеръ, 215.

Римскій-Корсаковъ, членъ Русскаго Музыкальнаго Общества, 374.

Римскій-Корсаковъ, Петръ Ив., надв. сов. и сов. ассигн. банка, приближенный Аракчеева, 238.

Римскій-Корсаковъ, Александръ Яков., литерат. Отношенія къ М. И. Глинкѣ, 698.

Рихтеръ, медикъ, 805.

Риччи, композиторъ, 715.

Ришаръ, Софія Франц., см. гр. Клейн-михель.

Робертсонъ, шотланд. ученый, 47, 413.

Роггинскій, предвод. польск. конфедератовъ, 758.

Роде, цензоръ, 131.

Розановъ, студентъ Москов. университета 1765 г., 798.

Розенкрейцеръ, мартинистъ, 57.

Розенмейеръ, майоръ, уб. во время холерн. бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 152.

Розенъ, баронесса. Обвиненіе Морозова въ убійствѣ ея, 192—193.

Розенъ, бар., ниж.-подполк. Истязаніе его во время бунта въ Ст.-Русѣ 1831 г., 157.

Розенъ, швед. графъ, 283.

Розенъ, бар. А. Е., декабристъ. Сообщ. некрологъ Е. А. Бестужевой, 575—578.

Рожолли, венеціанка, 549.

Рондо, леди, жена англ. резидента при рус. дворѣ, р. 1699 † 1783 г., 73.

Росель, полковн. 1805 г., 218.

Рославлевъ, Никол. Ив., премьерь-майоръ Измайлов. полка 1762 г., 409, 422.

Росляковъ, 615.

Россини, композиторъ, 717, 718.

Ростовцевъ, Яд. Ив., генер.-адъют., предсѣдатель редакціонныхъ работъ по крестьянскому дѣлу, 708.

Роцинскій, майоръ 1831 г., 159, 160, 567.

Рубинштейнъ, А. А., 858.

Руданова, Софія Александр., рожд. Балцашина. Сообщ. свѣдѣнія о Д. В. Волковѣ, 168—173.

Рудановъ, П. Д., ген.-майоръ, 168.

Рудневъ, Дм. Сем. (Дамаскинъ), нижегородскій архіепископъ, р. 1737 † 1795 г. Свѣдѣнія о немъ, 798—801.

Румовскій, Степ. Яков., 134.

Румянцевъ, гр. Никол. Петр., госуд. канцлеръ, р. 1754 † 1826 г., 28, 801.

Румянцевъ, кн. Серг. Петр., посолъ въ Швецію 1794 г., дѣйст. тайн. совѣтн., р. 1755 † 1838 г., 281, 282, 801.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 673, 803.

Рудичъ, Дмит. Пав., д. ст. сов., по-печитель Петерб. унив. Сатира на него Воейкова, 588. Замѣтка о немъ, 609. Упом. 24.

Руссо, Жанъ-Жакъ, франц. писатель, 541, 613.

Рыжова, Екат. Алексѣев. Письмо къ ней Т. Н. Градовскаго 1844 г., 141—142. Упом. 58.

Рыжовъ, Алексѣй Иванов., секрет.

комит. иностр. цевз. 1850-хъ гг., † 1872 г. Собранные имъ матеріалы для характеристики А. И. Красовскаго, 106.

Рыжовъ, Викторъ Иван., 58, 141.

Рыжовъ, Ив. Ив., 142.

Рыжовъ, Степ. Иван., 58, 141.

Рылѣевъ, полков. 1812 г., 769.

Рюльеръ. Свидѣтельство его о свадьбѣ вн. Дашковой, 449—450.

Рябининъ, Д. Д. Сообщ. о вн. А. В. Козловской, 383—390. Записки Казановы о пребываніи въ Россіи, 532—561, 789.

С.

Саблинъ, полков. адъютантъ 1805 г., 218, 224.

Сабуровъ, Василій Дмитр., стольникъ 1714 г., 188.

Савастьяковы, братья, 708.

Савельевъ, П. С., извѣст. археологъ и ученый, 119.

Савичъ, профес. Петерб. универс., 181.

Савье, начальница отдѣл. малолѣт. при 1-мъ кадет. корп. 1795 г., 214.

Сажинъ, Николай. Сообщ. замѣтку о протоіереев Кочетовѣ, 202.

Саксенъ-Кобургская, принцесса, 282.

Салдинъ, Наумъ Ив., поруч. 1806 г., 224.

Саллиасъ, гр., авторъ романа «Пугачевцы», 796.

Салтыкова, Нат. Влад., рожд. кн. Долгорукая, 386.

Салтыкова, Юлія Мих., фрейлина цесаревны Елизаветы Петровны, 99.

Салтыковъ, гр. Ив. Петр., ген.-аншефъ, вполн. фельдмарш., р. 1730 † 1805 г., 523, 524.

Салтыковъ, Мих. Алексѣев., 99.

Салтыковъ, кн. Никол. Иван., ген.-фельдмарш., предсѣдат. госуд. сов., воспитатель в. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1736 † 1816 г. Письма къ в. кн. Павлу Петровичу по поводу брака в. к. Александра Павловича, 473—474, 489—491. Упом. 295, 385, 386, 476—481, 484, 485.

Сальдерикъ, импер. повѣр. 1762 г., потомъ посолъ въ Варшавѣ, 803.

Самарина, госпожа, 449.
 Самарина, Марья Мих., см. Наумова.
 Самаринъ, Н. Ф. Сообщ. рассказы изъ
 времени Петра Великаго, 182—190.
 Самаринъ, М., сенаторъ 1717 г., 184—
 187.
 Самборскій, Анд. Аевас., духовникъ
 в. кн. Александры Павловны. О запис-
 кахъ его о пребываніи в. кн. въ Авст-
 рин, 508—511.
 Самбурскій, Ив. Фом., сотрудн. Арак-
 чеева по управленію воен. поселеніями,
 136.
 Самойловъ, гр. Александр. Николаев.,
 ген.-прокур. и госуд. казначей, † 1812 г.,
 290, 293.
 Сандунова, актриса, 747.
 Сведерусъ, М. Х., вдова, 135.
 Свенцонъ, част. приставъ, 1831 г., 146.
 Свертчиковскій, поручикъ 1831 г. По-
 веденіе его во время бунта въ Ст.-Русѣ,
 161, 162.
 Свиньинъ, Пав. Петр., изд. «Отеч. За-
 писокъ», р. 1787 † 1839 г. Сатира на не-
 го Воейкова, 592. Замятка о немъ, 609.
 Упом. 603, 616.
 Свиньне, фран. писательница, 47.
 Свиретанъ, контролеръ. Письмо къ
 нему учителя, 468—470.
 Свиретанъ, учитель. Письмо его къ
 контролеру, 468—470.
 Свиретанъ, Викторъ, 468, 469.
 Семенова, Екат. Сем., въ замуж. кн.
 Гагарина, пзвѣстная артистка, р. 1786
 † 1849 г. Отношенія къ А. М. Колосовой
 и жалоба на Катенина, 737—738.
 Сежушинъ, Ив., десятникъ, 782—783.
 Сенанъ де - Мельанъ, француз. эми-
 грантъ, 178.
 Сенювскій, Осипъ Ив. (бар. Брам-
 беусъ), литерат., р. 1800 † 1853 г. Замят-
 ка о немъ, 609. Сатира на него Воей-
 кова, 595, 602. Упом. 631, 701, 703.
 Сентъ-Элена, баронъ, 536.
 Сентъ-Пьеръ, франц. аббатъ, р. 1658
 † 1743 г., 47.
 Сенигина, Авд. Наум., см. Зинювьева.
 Сергѣевъ, полковникъ 1831 г., 149.
 Сергѣевъ, Александръ Сав., 188.
 Сиваръ-Сигмундъ, основатель учи-

лица глухо-нѣмыхъ въ Петербургѣ 1806 г.,
 204, 205.
 Силенокій, секрет. перм. межев. кон-
 тора 1731 г., 200.
 Симашико, Иосифъ, лит. митрополитъ,
 210.
 Синельниковъ, жена капитана, 147,
 148.
 Синельниковъ, капит. 1831 г., вывѣ
 ген.-лейт., 147—148.
 Синица, камердицеръ Аракчеева, 239.
 Сжалоны, семейство, 141.
 Сисобелевъ, Ив. Никит., ген., коменд.
 Петропавлов. крѣп., р. 1778 † 1849 г.,
 135, 642.
 Сичинскій, (Спечинскій?), графъ.
 Свидѣтельство о немъ Мобилье, 6, 9,
 10, 15.
 Славинскій, М. Е. Ссылки на статью
 его о А. Н. Стрѣвъ, 340, 353, 376—380.
 Сладковскій, авт. поэмы «Петръ Ве-
 ликій». Сатира на него Воейкова, 591,
 600. Упом. 584, 610.
 Сленкинъ, Ив. Вас., книгопродавецъ,
 633.
 Смирдинъ, Алекс. Филип., издатель
 «Библиотеки для Чтенія», книгопро-
 давецъ, † 1857 г., 133, 594, 610, 712.
 Смирновъ, авт. «Исторія Троицкой
 Лаврской семинаріи», 428, 798, 800.
 Соболевскій, Яв. Мих., 699.
 Соймоновъ, ген.-поруч. Участіе въ
 перемѣнѣ бракосочетанія в. кн. Алек-
 сандра Павловича 1793 г., 525.
 Сомольскій, 615.
 Сомоловъ, актеръ, 747.
 Сомоловъ, членъ Одес. Общ. Исторіи
 п Древностей, 383.
 Сомоловъ, Евсевій Θεокт., священ.
 1849 г., 139.
 Сомоловъ, Петръ Ив., секрет. Акаде-
 міи Наукъ. Сатира на него Воейкова,
 594. Замятка о немъ 610.
 Соллогубъ, гр. Влад. Александр., пи-
 сатель, 701, 702, 708, 709.
 Соловьева, пѣвица 1845 г., 727.
 Сопиковъ, В., библиографъ. Ссылки на
 его «Опытъ библиогр.», 513.
 Сооникъ, Ив. Ив., артистъ † 1872 г.,
 701.

Спарре, швед. госуд. канцлеръ 1796 г., 502.

Спасскій, Г. И., 133.

Сперанскій, гр. Млх. Млх., госуд. секрет., р. 1772 † 1839 г., 607.

Спиронъ, учит. географин, 216.

Срезневскій, Ив. Евсеѣв., писат., 614.

Срезневскій, писат., 794.

Ставальбергъ, гр. Оттонъ-Магнусъ, рус. посолъ при варшав., мадрит. и стокгольм. дворахъ, р. 1736 † 1800 г., 278, 280, 816.

Станевичъ. Сатира на него Воейкова, 592. Упом. 610, 613.

Станфильдъ, англичанинъ 1818 г., 2, 4.

Старчевскій, А. В., состав. энциклопед. словаря, 428.

Стасовъ, Влад. Васильевичъ, писат., 697, 710, 724, 725.

Степановъ, отст. фл. капит. 1780 г., 656.

Степановъ, Никол. Александр., карриатуристъ, 701, 702, 708, 710, 725.

Степановъ, Петръ Александр., ген-лейт., комендантъ Царск. Села, 702, 708, 710, 724, 725.

Стеръ, скрипачъ 1840 г., 699, 700, 701, 702.

Столышина, Екат. Алексѣев., см. Арсеньева.

Столыпинъ, Никол. Алексѣев., генер-лейт., † 1830 г., 777.

Стороженко, Н. Ив., 429.

Стремоуховъ, Вячеславъ, курскій помѣщикъ 1840-хъ гг., 317.

Стремоуховъ, Н. А., в посл. курскій уѣздн. предвод. дворянства, 307.

Стриттеръ, историкъ, 176.

Строгозова, гр. Анна Мих., рожд. гр. Воронцова, 443.

Строгоновъ, графъ, 128.

Строгоновъ, Гряг. Дмитр., помѣщикъ 1699 г., 191.

Строевъ, Владиміръ Мих., литераторъ, р. 1811 † 1862 г. Забѣтка о немъ, 610. Упом. 593.

Стройновскій, гр., польскій сенаторъ 1831 г., 161.

Стромфельдъ, швед. генераль 1796 г., 283.

Струговщиковъ, А. Н., литераторъ. Записки его: Воспоминанія о М. И. Глинѣвѣ, 697—725.

Струйскій, 701.

Стрѣшневъ, Тих. Н., сенаторъ 1717 г., 183, 184.

Студенинъ, Г. И. Сообщ. рассказы изъ прежней судебной практики, 777.

Студзинскій, курскій помѣщ. 1840-хъ гг., 310.

Стурдза, Александр. Скарлатов, другъ Магницкаго, 608.

Суворовъ-Рыминскій, гр. Александр. Вас., кн. Италійскій, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г. Побѣды его надъ французами 1800 г., 508, 509. Упом. 803.

Суворовъ-Рыминскій, гр. Аркадій Александр., кн. Италійскій, 243.

Суминъ, подпоруч. 1805 г., 219.

Суминъ, с.-петерб. комендантъ 1822 г., 734, 736.

Суминъ, сенаторъ 1730-хъ гг., 90.

Сумароковъ, Александр. Петр., писат., р. 1718 † 1777 г., 709.

Сухомлиновъ, М. И., профессоръ, 420, 796.

Сухтеленъ, гр. Павелъ Петров., ген-лейт., ген.-адъют., оренбург. губернат., р. 1784 † 1833 г., 642.

Сушковъ, Н. В. Ссылка на забѣтку его о квакерѣ Грелье, 36. Упом. 382.

Сытинъ, Карлъ Евтх., ландрихтеръ. Довось на него, 1714 г., 188.

Сѣраховскій, предводит. польскихъ конфедератовъ, 758.

Сѣрова, Валентина Семен., 379, 380.

Сѣровъ, Александръ Никол., композит., р. 1820 † 1871 г. Воспоминанія о немъ Ѳ. М. Толстаго, 339—380.

Сѣряковъ, Л. А., граверь, акад., 174, 206.

Сю, Евгений, франц. романистъ, 610.

Сюлли, фран. министръ, 47.

Т.

Тавель, помощн. діавона, 470.

Талейракъ, франц. дипломатъ, 390.

Таль, содержат. банъ, 748.

Танъевъ, А. С., 132.

Танъевъ, Серг. Мих., отст. ген.-майоръ, приближ. Аракчеева, 238.

Татищевъ, Вас. Никит., т. сов., губернаторъ оренб. и астрах., историкъ, р. 1686 † 1760 г., 176.

Таубе, артил. полков., 208.

Таушевъ, 613.

Твороговъ, адъют. Аракчеева, 238.

Темряевъ, дѣйств. ст. сов. Арестъ его. 98.

Тепловъ, Гр. Никол., писат., р. 1725 † 1779 г., 551.

Терезія, австр. императр. Ненависть ея къ в. кн. Александрѣ Павловичѣ, 508—511.

Тирбахъ, Карлъ. Письмо его къ Ивану Миллеру 1790 г., 67.

Толмачевъ, Як. В., ордин. профес. Петерб. универс., инспект. Педагог. Института, † 1873 г., 699.

Толстая, гр. Анна Ив., рожд. кж. Баятинская, 302.

Толстая, гр. Софія Петр., см. Апраксина.

Толстой, гр. Александр. Николаевичъ, шталмейст., р. 1795 г., 302, 306.

Толстой, гр. Никол. Александр., об.-гофмарш., р. 1761 † 1816 г., 302.

Толстой, гр. Фед. Петр., т. сов., вице-презид. Акад. Худож., р. 1783 † 1873 г., 699, 701.

Толстой, Ф. М. Воспоминанія его о А. Н. Сѣровѣ, 339—380. Упом. 713, 724.

Толченовъ, Пав. Ив., трагич. актеръ. Характеристика его, 747—748. Приключеніе съ ученой собакой, 741—746.

Тома, писатель, 253.

Томилинь, Сидоръ, 186, 187.

Томилловъ, Веведикъ, судеб. коммиссаръ. Донесеніе его по дѣлу объ убійствѣ Шабаева 1723 г., 644.

Тонъ, К. А., 725.

Торопцевъ, монаст. слуга, 191.

Торсонъ, Екат. Петр., 577.

Торсонъ, К. П., декабристъ, 577, 578.

Трегубовъ, А. В., 563.

Трейдель, баронъ, 534.

Трескинъ, помощникъ москов. почтъ-директ. 1790 г., впослѣд. яркут. губернат. Отношенія къ Пестелю, 62.

Трилатусъ, рѣзчикъ, 786.

Троицк., упсал. архіепископъ 1796 г., 499.

Троицкій, лекаръ 1831 г., 152.

Трубецкая, княгиня, 5.

Трубецкой, кн. Ив. Юрьев., бояринъ, фельдмарш., р. 1667 † 1750 г. Представленіе импер. Аннѣ просьбы о принятіи самоудержавія, 80, 88, 89.

Трубецкой, кн. Никол. Никит., мартинизмъ. Переписка его съ друзьями 1790—1792 г., 58, 66, 69—70, 265—266, 465—466. Упом. 259, 260, 263.

Тугузь, баронъ, 508.

Тургеневъ, Александръ Ив., директ. деп.—а духовн. дѣлъ, 581, 625, 626, 631, 632, 634.

Тургеневъ, И. П., мартинизмъ. Характеристика его, 58. Упом. 266, 276.

Тургеневъ, Ив. Серг., писатель, 725.

Тургеневъ, Ник. Иван., декабристъ, † 1872 г., 626.

Турчаниновъ, ген.-поруч. Участіе въ церемоніи бракосочетанія в. князя Александра Павловича 1793 г., 525.

Туссенъ, купецъ 1790 г., 261.

Тучкова, генеральша. Сомъ ея, предвозвѣщавшій смерть ея мужа, 25—27.

Тучковъ, генералъ, уб. подъ Бородинымъ 1812 г., 25—27.

Тютчевъ, Фед. Иван., поэтъ, † 1873 г. Замѣтка по поводу предсѣдательства его въ ком. иностр. цензуры, 106.

У.

Уваровъ, гр. Серг. Сем., д. т. сов., чл. гос. сов., мнн. народ. просв. 1833—1848 г. Мнѣніе его о цензорѣ Красовскомъ, 122. Упом. 128, 135, 138, 139, 252.

Урусовъ, кн. Григорій Алексѣев., ген.-поруч., † 1743 г., 187.

Устимовичъ, курскій губернаторъ, 1840-хъ гг., 309, 310.

Ушаковъ, команд. л.-гв. Семеновскаго полка 1740 г., 92, 93.

Ушаковъ, графъ Анд. Ив., ген.-адъют., генералъ-адъют., началъ тайн. канцел. и политич. сыщикъ, † 1747 г., 188.

Ушаковъ, А. Ф., отстав. подполков.

Сообщ. рассказъ о холерномъ бунтѣ въ Ст.-Русѣ въ 1831 г., 144—162.

Ушаровъ, Викторъ А., 148.

Ушаровъ, Прокоф. Аван., дум. дворян. Письмо его къ А. Я. Щуеву 1713 г., 189—190.

Ухтомская, кн. Над. Дмитр. см. Волкова.

Ухтомскій, кн. Ром. Никол., 172.

Ф.

Фальконетъ, рожд. Калло, 761.

Фальконетъ, Стефанъ-Маврикій, извѣстный ваятель, р. 1716 † 1791 г. Свѣдѣнія о немъ, 760—762. Письмо къ герцогу д'Эгильонъ 1769 г., 762—764.

Федеръ, профес. Геттинг. унив., 801.

Фельтеръ, скульпторъ, 760.

Феофилактъ, законоучит. 1-го кадет. корп., вполн. митроп., 216.

Фердинандъ, дат. принцъ. Посѣщеніе имъ Брауншвейгской фамиліи 1781 г., 665.

Ферзенъ, швед. графъ, 283.

Ферзенъ, генер.-лейт. Пораженіе имъ поляковъ 1793 г., 44. Упом. 216.

Фигнеръ, партизанъ 1812 г., 217.

Фигнеръ, семейство, 217.

Филаретъ, с.-петербург. епископъ и викарій, 1818 г., вполн. митр. Характеристика его и отношенія къ кавкарамъ, 7—9, 17, 24, 32. Упом. 36, 190.

Фильдъ, музыкантъ, 721.

Финчъ, англ. посланникъ 1741 г., 94.

Фирсовъ, литераторъ, 428, 429.

Фламини, 50.

Флеммингъ, гр., фаворитъ польск. короля Августа II, 74.

Флеммингъ, швед. баронъ, 283.

Флеровъ, полков. лекаръ 1805 г., 218.

Фогель, композиторъ, 716.

Фонъ-Фонъ, 639, 641.

Фонтенелль, франц. писатель, 48.

Фонъ-деръ-Ховенъ, И. Р. Сообщ. Эпиграммы на графа Аракчеева, 200—201. О сооруженіи памятника императр. Маріи Федоровнѣ, 203—205.

Фонъ-Визинъ, Ден. Иван., писатель, р. 1744 † 1792 г., 253, 390.

Форнеродъ. Письмо къ нему Шателлана, 470—472.

Фотій, новгород. архимандритъ, 608.

Францъ I, австр. импер. Отношенія къ в. кн. Александрѣ Павловичѣ, 508—510. Упом. 218.

Фребеліусъ, домовладѣлецъ, 108.

Фридрихъ, датскій наслѣдн. принцъ 1807 г., 666.

Фридрихъ II Великій, король прус., 177, 535, 817.

Фрицше, профес. физики и химіи, 784.

Фроловъ, комиссіонеръ 1807 г., 234, 241, 242.

Фузи, актриса, 671.

Фузовъ, композит., 867.

Фуссъ, Н. П., 134.

Х.

Харитоновна, Е. А. Переведенная ею Записки гр. Миниха, 73—105.

Хажинъ, старорус. мѣщанинъ 1831 г., 150.

Хвостова, граф., рожд. вл. Гагарина. Сатира на нее Воейкова, 597. Упом. 610.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Иван., стихотворецъ, р. 1757 † 1835 г. Сатира на него Воейкова, 590—591. Замѣтка о немъ, 610. Упом. 583, 614.

Хвоштинскій, офиц. Преображ. полка 1824 г., 740.

Хераскова, Е. В. Характеристика ея, 59.

Херасковъ, Мих. Матв., писат., р. 1733 † 1807 г., 59, 61.

Херхеулидзева, Тат. Вас., см. Вейдемейеръ.

Хильевичъ, домовладѣлецъ, 367.

Хитровъ, Фед., кам.-юнкеръ, заговорщ. 1762 г., 422.

Хмельницкій, Ник. Иванов., правит. канцел. петерб. воен. губернатора 1822 г., 735.

Хованскій, кн. Никол. Никол., витеб. и смолен. ген.-губернат., генер. отъ инф., потомъ членъ госуд. сов., р. 1777 † 1837 г., 210.

Ховенъ, майоръ 1809 г., 244.

Ходотъ, капитанъ 1831 г., 148, 150.

Хомутова, Наст. Вас., см. гр. Аракчеева.

Хомутовъ, офицеръ 1806 г., 226.

Хомяковъ, А. С., поэтъ, 400.

Храповицкій, Александр. Вас., ст.-секретарь Екатерины II, † 1801 г. Ссылки на его Записки, 411—417, 426, 817. Уп. 525.

Хрипуновъ, Иванъ, дьякъ 1714 г., 188.

Христофовичъ, майоръ, уб. мятежниками Ст.-Русы 1831 г., 159.

Хрущовъ, преобраз. полка офицеръ 1824 г., 740.

Худяковъ, фельдфеб., впослед. подполк. 1841 г., 227—229.

Ц.

Циглеръ, полков., шпассельбург. комендантъ, сопровождав. Брауншвейгскую фамилию въ Датскія владѣнія 1780 г., 656—663.

Циммерманъ, ганнов. ученый, 178.

Цинцендорфъ, графъ 1727 г., 85.

Ч.

Чарторижскій, кн. Адамъ, 559, 560.

Челищевъ, гвард. подпрапорщ. 1761 г., 461.

Челлини, Бенвенуто, художн., р. 1500 † 1570 г., 761.

Чемадурова, Нат. Иван., 140.

Чемадуровъ, Я. А., 133, 139.

Черкасскій, кн. Алексѣй Мих., сибирскій губерни., потомъ дѣйст. тайн. сов. и каб.-мин-ръ, наконецъ государ. канцлеръ и презид. коллегіи иностран. дѣлъ, р. 1680 † 1742 г. Принесеніе императрицѣ Аннѣ просьбы о принятіи самодержавія, 80. Назначеніе каб.-министрамъ, 81—82. Составленіе духовн. завѣщанія импер. Анны, 86—87. Отношенія къ Бирону, 89, 90, 92. Упом. 79, 82.

Черкасозъ, бар., майоръ 1800 г., 215.

Черкасозъ, бар. Алекс. Иван., дѣйст. тайн. сов. и презид. медицин. коллегіи, 423, 803.

Чернощевъ, крестьянинъ, 200.

Чернышевъ, гр. Григ. Петр., генер.-аншефъ, р. 1670 † 1745 г., 816.

Чернышевъ, гр. Ив. Григ., фельдмаршалъ по флоту, р. 1726 † 1797 г., 410, 537.

Четыркинъ, дѣйст. стат. сов. 1848 г., 136.

Чижовъ, Василій, рабочій, 782.

Чижевскаго, итал. ученый, 762.

Чистовичъ, Я. И., профессоръ, 806.

Чихачевъ, адъют. Аракчеева 1809 г., 228.

Чихачевъ, с.-петербург. полиціймейст. 1824 г. Арестъ Катенина, 738—739.

Чичаговъ, Васил. Яковл., адмиралъ, р. 1726 † 1809 г., 288, 803.

Чужинъ, офицеръ, 217.

Чумиковъ, А. А. Сообщ. замѣтку о А. П. Бочковѣ, 566.

Чупинъ, Н. К. Сообщ. замѣтку къ исторіи рус. суевѣрій 1723 г., 644.

Ш.

Шабалева, Авд. Сид. Показанія ея по дѣлу объ убійствѣ мужа, 644.

Шабалевъ, Мих. Коз. Дѣло объ убійствѣ его, 644.

Шато-де-ла-Клошетри, франц. капитанъ 1778 г., 206.

Шаликовъ, кн. Петръ Ив., издатель «Дамскаго Журнала», поэтъ, р. 1768 † 1852 г. Сатира на него Воейкова, 590. Замѣтка о немъ, 611. Упом. 584, 587, 613.

Шалфеевъ, Ив. Ив., учит. исторіи, 805.

Шамаловъ, шт.-капит. 1831 г., 152.

Шамшевъ, Никол. Самойл., 131.

Шатаевъ, В. Г., издат. брошюр: «На открытіе памятника императр. Екатерины Второй, 802.

Шашковъ, капитанъ, 469.

Шателанъ, пасторъ, 471—472.

Шателанъ, Генрихъ. Письмо его къ Форвероду, 470—472.

Шафировъ, бар. Петръ Павл., вице-канцлеръ, 80.

Шаховской, князь, корпус. команд. 1831 г., 148.

Шаховской, капитанъ, 1831 г., 148.

Шаховской, кн. Александр. Александр., драмат. писатель, р. 1777 † 1846 г., 733, 735, 737, 738, 752.

Шаховской, князь Яе. Петр., дѣйст. тайн. сов., ген.-прокур., р. 1705 † 1777 г., 77.
 Шахординъ, нижен.-маіоръ 1831 г., 148, 157.
 Шварцеръ, баронъ, басоннд. епископъ 1795 г., 55.
 Шварцъ, масонъ, 58.
 Шварцъ, Екат. Ильин., 262.
 Шверинъ, швед. баронъ, 283.
 Шебуевъ, В., 136, 706.
 Шевелевъ, маіоръ, уб. въ отечествен. войнѣ 1812 г., 769.
 Шевченко, Т. Г., поэтъ, 701, 706.
 Шейнъ, П. В. Сообщ. пѣсню про Дмитрія царевича, 200.
 Шекспиръ, англійск. драматургъ, 142, 278, 772.
 Шеллеръ, Александр. Ив., театральнй переводчикъ 1820 г., 741.
 Шепелева, Мавра Егор., въ замуж. гр. Шувалова, р. 1708 † 1759 г., 99.
 Шепелевъ, Дм. Андр., гофмаршалъ, † 1759 г. Награжденіе его помѣстьями 1741 г., 93.
 Шереметевъ, Борисъ Петр., фельдмаршалъ, р. 1652 † 1719 г., 187.
 Шереметевъ, гр. Никол. Петр., об.-камергеръ, р. 1751 † 1809 г., 429.
 Шерлей, Генрихъ, англ. посл. при рус. дворѣ, 166, 421, 422.
 Шернборнъ, лордъ, 301.
 Шестакова, Людм. Ив., рожд. Глинка, 697, 724—726, 730, 731.
 Шестаковъ, Александр. Антон., смолен. помѣщикъ, 217.
 Шестаковы, семейство, 217.
 Шиллеръ, нѣмец. поэтъ, 623.
 Ширинскій-Шихматовъ, кн. Платонъ Александровичъ, одинъ изъ составит. цензур. устава 1826 г. Замѣтка о немъ, 611. Упом. 589, 599, 614. Впослѣдствіи министра народ. просвѣщ., † 1853 г., 109, 116, 120, 136; 138, 139.
 Ширяевъ, книгопродавецъ, 619.
 Шипшова, рожд. Лабаржевская. Сатира на нее Воейкова, 596. Упом. 611.
 Шипшова, Ю. О., твер. помѣщ., 133, 140.
 Шипшовъ, Александр. Семен., мнн.

народ. просвѣщ., писат., р. 1753 † 1841 г. Сатира на него Воейкова, 591, 599. Замѣтка о немъ, 611. Упом. 614.

Шипшовъ, В. Т., придвор. протоіерей, 129, 134, 138, 139.

Шлецеръ, историкъ, 176.

Шмидтъ, госпожа, 561.

Шнейдеръ, лондон. банкиръ 1790 г., 468.

Шпarrerейтеръ, ген.-маіоръ 1736 г., 84.

Шредеръ, Никол. Ив., дѣйст. ст. сов., витеб. губернат. 1831 г., 210.

Шредеръ, баронъ. Отношенія его къ мартинистамъ 1790—1792 г., 57—59.

Штаденъ, полков., ротный команд. 1808 г., 235, 236.

Штегманъ, О. Х., генер. 1848 г., 135.

Штедингъ, швед. послан. въ Петерб. 1792 г., 281, 282, 287, 288, 475, 476, 484, 487, 519, 691.

Штейнбожъ, графъ, уполномоч. швед. регентомъ вести переговоры о бракѣ кор. Густава-Адольфа съ в. кж. Александрой Павловной, 281, 283.

Штелинъ, академикъ, 168, 170.

Штеричъ, Ѳ. А., 702.

Шторжъ, составит. «Путеводителя по саду и городу Павловску», 511, 512.

Шуазель, графъ, 43.

Шубина, Александра Матв., игуменья новгород. Сирцова монасты., восприемница в. кн. Елизаветы Алексѣевны при миропомазаніи 1793 г., 515.

Шубинъ, старорус. вородской голова 1831 г., 145.

Шубертъ, композиторъ, 380.

Шувалова, Мавра Егор., см. Шепелева.

Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камерг., кураторъ москов. унверс., р. 1727 † 1797 г., 410, 421, 448, 517.

Шуваловъ, гр. Петръ Иван., генер.-фельдцейхмейст., р. 1711 † 1762 г., 59, 99, 100.

Шульгинъ, Дмит. Ив., петерб. ген. губернат. 1847 г., 782—783.

Шумская, Наст. Ѳед., домоправительница Аракчеева, 240.

Шумскій, флиг.-адъют. 1833 г., 230, 240.

Шушеринъ, актеръ, 747.

Щ.

Щадровъ, старорус. купецъ 1831 г., 150.

Щедрыиъ, С. Ѳ., 701.

Щербатовъ, Марко, собор. старецъ, 191.

Щербатова, княгиня, 4, 5.

Щербатовъ, вн. Мих. Мих., сенат., историографъ, р. 1733 † 1790 г., 5, 77, 168, 172.

Щербинина, Анаст. Мих., см. вж. Дашкова.

Щукинъ, Анисимъ Яков., сенат. об.-секрет. Письмо къ нему Ушакова 1713 г., 189—190.

Э.

д'Эгильфонъ, герцогъ. Письмо къ нему Фальконета 1769 г., 762—764.

Эйлеръ, полков. 1807 г., 222, 226, 227, 228, 230.

Эйлеръ, надзирательница отдѣл. малолѣт. при 1-мъ кадет. корп. 1790-хъ гг., 214.

Эйхвальдъ, докторъ, 377.

Эллерманъ, офицеръ, 215.

Эмме, генеральша, 147, 161.

Эмме, гейн.-лейт. Замѣтки о немъ, 156—157, 565—566.

Энгальчевъ, вн., масонъ, 58, 275.

Энгельгардтъ, Алекс. Вас., см. гр. Враницкая.

Энгельгардтъ, В. П., 701.

Эпинусъ, учит. физики в. вн. Павла Петровича, 674.

Эссекъ, Петръ Кирил., петерб. ген.-губернат., ген. отъ инф. и чл. гос. сов., р. 1772 † 1844 г., 484, 492, 783.

Эстергази, графъ, 41.

Ю.

Юліана-Марія, дат. королева. Переписка съ Екатериною II о переселеніи Брауншвейгской фамилии въ Датскія владѣнія, 650—651, 663—664.

Юмъ, англ. ученый, 47, 681.

Юнгъ, англ. писатель, 48.

Юрjewичъ, Петръ Ив., 643.

Юсуповъ, князь, 602.

Юшковъ, Ѳед., курьеръ 1713 г., 188, 189.

Я.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., генер.-прок. сената, впослѣд. каб.-министръ, р. 1634 † 1736 г. Вражда съ Остерманомъ, 80.

Назначеніе посломъ въ Берлинъ, 78, 81.

Языковъ, Д. И., академикъ, 614.

Яковлевъ, арт. адъют. Истязаніе его во время бунта въ Ст.-Русь 1831 г., 157.

Яковлевъ, Ив., воспит. наис. при Педагогическомъ Инст. 1822 г., 724.

Яковлевъ, Ив. Алексѣев., 406.

Яковлевъ, Мих. Ив., крестьянинъ, 191.

Яненко, Як. Ѳед., художникъ, 701, 705, 707, 708, 711.

Янинъ, кадетъ, впослѣд. артил. полков. 1841 г., 214.

Ярославъ, великій князь кievскій, 76.

Ясинскій, майоръ 1831 г., 151, 155, 157.

Ястребцовъ, Ив. Ив., 137.

Яценко, ст. сов., писатель, 614.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Бор. Мих., литерат., 619, 620.

Ѳедоровъ, Дмитрій, слуга, 190.

Ѳедоровъ, Пав. Степ., 730.

